

№ 4
апрель
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО
и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора

по научному развитию:

Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Deputy Editor-in-Chief

for Scientific Development:

Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.) Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011) Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гушин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

РЕЦЕНЗИЯ

- Пашенцев Д.А.** * Историко-правовые аспекты укрепления государственного единства: рецензия на монографию И. Р. Метшина «Казанская губерния в составе Российской Империи: вопросы сохранения государственного единства. М.: Норма, 2025. 68 с.» 19

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Грушина Н.В.** * Парламентские дебаты: трансформация организационно-правовых механизмов парламентской деятельности 22
- Васиян Р.И.** * Правовые основы государственного регулирования цифровой экономики в Российской Федерации 25
- Кузнецов Д.М.** * Принцип идеологического многообразия в России и противодействие экстремизму 32
- Геляхова Л.А.** * К вопросу о содержательных характеристиках принципов муниципальной службы в Российской Федерации 36
- Канунникова Н.Г.** * К вопросу о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, публичном оправдании терроризма или пропаганде терроризма 40
- Арипшев А.М.** * Общетеоретические, психологические и иные вопросы противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях 43
- Эфендиев К.В.** * Оценка эффективности запретов, ограничений и поощрений для граждан, допущенных к работе с государственной тайной 45
- Семенов А.А., Аветисян К.Р.** * Основы построения и обучения полносвязных нейросетей: от линейных преобразований к глубокому обучению 52

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Искандаров Р.Р.** * Эстетика неволи: может ли тюрьма быть местом рождения возвышенного? 59
- Майоров В.И., Машекуашева М.Х.** * Новые стратегические приоритеты государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения 65
- Шоров А.А.** * Эволюция формы участия граждан в охране общественного порядка. Переход от советских добровольных народных дружин к современным общественным объединениям 70
- Кириллова Т.К.** * Правовой статус экологических мигрантов: проблемы и перспективы правового регулирования 75

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

- Шадиева А.** * Правовая квалификация цифрового рубля как объекта гражданских прав и проблемы защиты прав пользователей 80
- Лагаев О.С.** * Некоторые проблемы заключения и прекращения смарт-контракта как договорного обязательства 85
- Белый Г.А.** * Договорные отношения по энергоснабжению: текущее состояние и особенности 91
- Яценко М.В.** * Договор дарения в современном гражданском праве 97
- Шершнева Д.А.** * Роль и предназначение семейно-правовых договоров: от конкретизации норм к восстановлению диалога 104

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

- Давыдов Р.Р.** * Особенности применения негаторного иска при защите права собственности на недвижимое имущество от нарушений, не связанных с лишением владения 108
- Прокушев Д.Э.** * К вопросу о переуступке права аренды в земельных отношениях с органами местного самоуправления 114

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

- Векуа М.Н.** * Соотношение административного и конституционного права в странах общего права на примере США 117
- Шляхтин Н.Д.** * Структура закона и анализ права: как судебный процесс влияет на государство ... 122

Закиматов М.А. * Проблемы определения существенных условий лицензионного договора: соотношение юридической доктрины и правоприменения	128
Мажиев М.Х. * Правовые средства осуществления партнерского финансирования в Российской Федерации: проблемы квалификации и направления совершенствования	134
Семенов А.А., Аветисян К.Р. * Оптимизация обучения нейронных сетей: функции потерь, градиентный спуск и обратное распространение ошибки	140
Бажанов С.А. * Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных действий в механизме современного правоприменения	149

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Фиалковская Е.В. * Понятие и стили педагогического общения	156
Альборова Н.Б. * Инклюзивное обучение - безбарьерная среда для адаптации	160
Бугашев С.И. * К вопросу о методике преподавания нового вузовского курса «Основы российской государственности» на примере Санкт-Петербургского государственного морского университета «Корабелка» (СПБГМТУ)	163
Чепурных Н.К. * Межпредметные связи в подготовке судебных экспертов на примере учебных дисциплин инженерно-технического направления	167

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Макаров С.А. * Защита права на фирменное наименование	170
Стученкова О.С. * Основы правового режима объектов интеллектуальной собственности в цифровой форме	174
Хлапотин Ю.Н. * Система преподавания права интеллектуальной собственности студентам творческих вузов: методология и практика	179
Шестаков П.А. * Использование нейросетей при создании мультимедийных продуктов: вопросы авторства и правового регулирования	182

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Гришина А.Б. * Искусственный интеллект в содействии правосудию: перспективы и риски	189
Грицук А.А. * Исковая давность по требованиям о возмещении вреда: проблемы правоприменения и тенденции судебной практики	196
Ефимова В.В., Юдина М.В. * Теоретические и правоприменительные аспекты выхода суда за пределы заявленных требований по спорам о признании сделки недействительной	201
Колесник Н.В. * Анализ практики Европейского суда по правам человека в контексте борьбы с терроризмом	207
Еремичев Ф.С. * Коллективные иски как механизм гражданско-правовой защиты персональных данных: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское законодательство	211

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Ашабоков Б.М. * Использование технологий искусственного интеллекта в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности	217
Воронович Н.К., Яковенко В.С. * Формирующее оценивание как инструмент повышения качества подготовки сотрудников правоохранительных органов: правовой аспект профессионального образования	222
Касницкая И.Ю., Шанько В.В. * Применение систем видеонаблюдения и аналитики больших данных в охране общественного порядка	226
Маслов С.Н., Бондаренко Е.С. * О некоторых актуальных вопросах формирования конфликтологических компетенций у сотрудников полиции на современном этапе	231
Хисамутдинова А.С. * Цифровые вызовы и правовые коллизии: защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел в условиях развития информационных технологий	235

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Барская А.А. * Разграничение судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса как институциональный контекст ошибок прокурора	239

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Чемусов Н.А. * Причины преступности с точки зрения теорий понимания сознания	245
Панфилов Д.В. * Тактические особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений прошлых лет	253
Балак П.А. * Формы конкретизации и их значение в уголовно-правовом регулировании	257
Восканян Т.Г. * Методика обоснования криминализации и декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности и разграничение преступления и гражданско-правового деликта	265
Кочесокова З.Х. * Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации насильственных преступлений: проблемы теории и судебной практики	273
Карданов А.К. * Разграничение составов противоправных деяний, совершенных из хулиганских побуждений	278

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Багыллы С.Т. * «Универсальный» юрист: вызовы общества	282
Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Взаимосвязь между экономической эффективностью функционирования пенитенциарных учреждений и уровнем компетентности сотрудников	289

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Искандаров Р.Р. * Герменевтика тюремного текста: что говорят надписи на стенах, татуировки и письма?	295
Абубакиров Д.Д. * Становление и развитие уголовной ответственности за уклонение от мобилизации	301
Зейналов М.П. * Проблемы квалификации преступлений против трудовых прав женщин	310
Панфилов Д.В. * Организация расследования преступлений прошлых лет	314
Купцов И.А. * Понятие налоговой предустановленности по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ	318
Гаужаева В.А., Бжиев Р.Б., Борисова М.И. * Цифровизация преступности: проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и перспективы развития законодательства	325
Шагапов И.Р. * К вопросу о криминалистической тактике использования специальных знаний в судебной экспертизе при расследовании преступлений с использованием искусственного интеллекта	330
Панфилов Д.В. * Тактические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений прошлых лет	340
Атаев Э.М., Магомедов Т.М. * Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия организации незаконных вооруженных формирований: законодательные и правоприменительные аспекты	344

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Искандаров Р.Р. * Дилемма нормативности за решеткой: где граница между реакцией на среду и расстройством?	353
Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Реализация положений Федерального закона № 44-ФЗ в контексте осуществления закупок продуктов питания для нужд уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	358
Афанасьева А.А. * Оптимизация процесса собирания доказательств стороной защиты в уголовном досудебном производстве	363
Бектева В.С. * Расширение перечня оснований приостановления предварительного расследования в связи с длительным производством судебной экспертизы	366
Пильщиков И.С. * Меры уголовно-процессуального принуждения в системе государственного принуждения	371
Никитина И.Э. * Преимущества и риски внедрения технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство (международный опыт)	376
Вдовцев П.В., Чарыков А.В. * Недостатки нормативного регулирования процессуальной фигуры специалиста в уголовном процессе	384

Ковалев О.Г. * Правовые и психологические особенности организации и проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей	389
Зотова А.Ф., Теппеев А.А. * Проблемные вопросы закрытых судебных заседаний в российском уголовном судопроизводстве	395
Гасанова И.З. * Проблема возникновения права лица на защиту на начальной стадии уголовного преследования в Азербайджанской Республике	399
Якутов И.А. * Обязанности представителя в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран СНГ	406
Бажанов С.А., Бодяков В.Н. * Особенности исправления несовершеннолетних осужденных на длительные сроки наказания	411
Ковалев О.Г. * Права лиц, содержащихся под стражей в свете реализации Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 1995 № 103-ФЗ и правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (сравнительно-правовой анализ)	415
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Теуважев З.А., Бокова И.Б. * Особенности привлечения к административной ответственности в сфере использования средств индивидуальной мобильности	423
ДИСКУССИЯ	
Печников Г.А., Блинков А.П. * О запрете противоречия в формальной логике и диалектическое противоречие	427
Искандаров Р.Р. * Хронос и кайрос за решеткой: переживание времени как этическая и психопатологическая категория	434
Приходько Н.В. * Привлечение к субсидиарной ответственности как механизм сдерживания корпоративных злоупотреблений в российском и англосаксонском праве	439
Кайгородов А.В. * О правовой природе технологической компании: теоретико-правовой аспект ..	445
Пьяных Е.П. * Правовая культура персонала как элемент профессиональной культуры	450
Бажанов С.А., Бодяков В.Н. * Асоциальная группа: социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на формирование духовно-нравственных ценностей	455
Стрельцов А.В. * Саморегулирование в архитектурно-строительном проектировании, правовые риски и типовые нарушения	460
Александрович О.Ю., Тарасенко В.А., Серебренников Д.А., Пономаренко Д.В. * Девушкам — танцы, парням — штанга: гендерные стереотипы студентов в выборе видов физической активности	466
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ	
Гаужаева В.А., Прокофьева Е.В. * Отдельные аспекты эволюции противодействия кибермошенничеству	470
ЦИФРОВОЕ ПРАВО	
Кумехова М.Б. * Кибербуллинг и цифровое насилие: вопросы уголовно-правовой оценки	475
Касьянов А.О., Климовский А.С., Пешехонова А.Ю. * Цифровая трансформация патрульно-постовой службы: правовые и организационные аспекты	481
Петухова Е.И. * Искусственный интеллект и презумпция добросовестности: правовые границы предиктивной аналитики в государственном аудите	486
Мусатов М.А. * Наследование цифровых активов в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и перспективы совершенствования	492
Стренин Д.А. * Правовое регулирование договоров, предметом которых выступает цифровое имущество	498
Никулин С.В. * Пределы использования искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности органов власти	506
Нестеренко А.В. * Актуальные вопросы противодействия киберпреступности в условиях цифровой трансформации	511

Колмыков А.А., Соловьев А.Н. * Отражение процесса цифровизации в Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации» 515

Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. * Технологии искусственного интеллекта в управлении современными организациями 522

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Светлов А.И. * Советское право и отраслевое законодательство Эстонской ССР: к аспектам эффективности правового регулирования 529

Метшин И.Р. * Устойчивость государства и система управления: опыт Российской Империи 534

Имиева Л.М. * Проблемы и перспективы развития института конституционного контроля в странах Арабского мира 538

Данильченко В.В. * Становление и трансформация института омбудсмана в странах Восточной Европы 542

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Маркаров М.Д. * Наследование цифровых прав 546

Галишников О.А. * Компенсация репутационного вреда: проблемы определения размера и критериев оценки 552

Гагиева Н.Р. * К вопросу о лицензировании аудиторской деятельности 556

Кулешова И.А. * Признаки смарт-контракта и практика его применения в современном гражданском праве 560

Будаков Т.А. * Конституционно-правовое целеполагание института банкротства граждан: соотношение реабилитационной и кредиторской целей 564

Дымский Д.А. * Актуальные проблемы признания недействительным договора личного страхования 572

Чердакова Л.А., Торгаева Д.С. * Проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях неустойки в свете реформы гражданского законодательства 577

Лакеева Е.В. * Процессуальные и организационные аспекты подготовки к получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами 581

Гурчиани И.З. * Эстоппель в системах общего и российского права: сравнительно-правовой анализ правоприменительной логики 588

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Каримуллина А.Э., Хабибуллина Э.Р. * Маркетплейсы и сервисы по доставке продуктов питания в цифровой экосистеме: проблемы теории и практики 597

Чупина И.П., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Кошеленко Л.В. * Продовольственное самообеспечение Свердловской области как фактор устойчивого развития регионального АПК ... 602

Contents:

REVIEW

- Pashentsev D.A.** * Historical and legal aspects of strengthening state unity: a review of I. R. Metshin's monograph "Kazan province within the Russian Empire: issues of preserving state unity. Moscow: Norma, 2025. 68 p." 19

POLICY AND LAW

- Grushina N.V.** * Parliamentary debate: transformation of organizational and legal mechanisms of parliamentary activity 22
- Vasiyan R.I.** * Legal foundations of state regulation of the digital economy in the Russian Federation 25
- Kuznetsov D.M.** * The principle of ideological diversity in Russia and countering extremism 32
- Gelyakhova L.A.** * On the substantive characteristics of the principles of municipal service in the Russian Federation 36
- Kanunnikova N.G.** * On public calls to terrorist activities, public justification of terrorism, or terrorist propaganda 40
- Aripshev A.M.** * General theoretical, psychological and other issues of countering extremism and terrorism in modern conditions 43
- Efendiev K.V.** * Evaluation of the effectiveness of bans, restrictions, and rewards for citizens who are permitted to work with state secrets 45
- Semenov A.A., Avetisyan K.R.** * Fundamentals of constructing and training fully connected neural networks: from linear transformations to deep learning 52

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

- Iskandarov R.R.** * Captivity aesthetic: can prison be the birthplace of the sublime? 59
- Mayorov V.I., Mashekuasheva M.Kh.** * New strategic priorities for public administration in road safety . . 65
- Shorov A.A.** * Evolution of the form of citizens' participation in public order protection. Transition from soviet voluntary people's squads to modern public associations 70
- Kirillova T.K.** * Legal status of environmental migrants: problems and prospects of legal regulation 75

CIVIL LAW THEORY

- Shadieva A.** * Legal qualification of the digital ruble as an object of civil rights and problems of user rights protection 80
- Lagaev O.S.** * Some issues with entering into and terminating a smart contract as a contractual obligation 85
- Belyy G.A.** * Contractual relations on energy supply: current status and features 91
- Yatsenko M.V.** * Gift agreements in modern civil law 97
- Shershneva D.A.** * Functions of family law contracts in the context of developing contractual principles in Russian family law: implementation problems and ways to overcome legal nihilism 104

TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS

- Davydov R.R.** * Specifics of applying the negatory claim in protecting real property ownership rights against non-possessionary infringements 108
- Prokushev D.E.** * On the issue of assignment of lease rights in land relations with local governments . . . 114

LAW AND ENFORCEMENT

- Vekua M.N.** * The relationship between administrative and constitutional law in common law countries, using the example of the United States 117
- Shlyakhtin N.D.** * Law structure and law analysis: how litigation affects the state 122
- Zakimatov M.A.** * Problems of determining the essential terms of a license agreement: the relationship between legal doctrine and law enforcement 128
- Mazhiev M.Kh.** * Legal means of implementing partnership financing in the Russian Federation: issues of qualification and directions for improvement 134

Semenov A.A., Avetisyan K.R. * Optimizing neural network training: loss functions, gradient descent, and backpropagation	140
Bazhanov S.A. * Correlation between operational-search measures and other actions in the mechanism of modern law enforcement	149
EDUCATION AND LAW	
Fialkovskaya E.V. * The concept and styles of pedagogical communication	156
Alborova N.B. * Inclusive education - a barrier-free environment for adaptation	160
Bugashev S.I. * On the issue of teaching methods for the new university course "Fundamentals of russian statehood" using the example of the St. Petersburg state maritime university "Korabelka" (SPBGMTU) . . .	163
Chepurikh N.K. * Interdisciplinary connections in the training of forensic experts using the example of engineering disciplines	167
INTELLECTUAL PROPERTY LAW	
Makarov S.A. * Protection of the right to a trade name	170
Stuchenkova O.S. * Fundamentals of the legal regime for intellectual property objects in digital form . . .	174
Khlapotin Yu.N. * The system of teaching intellectual property law to students of creative universities: methodology and practice	179
Shestakov P.A. * The use of neural networks in the creation of multimedia products: issues of authorship and legal regulation	182
JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS	
Grishina A.B. * Artificial intelligence in the promotion of justice: prospects and risks	189
Gritsuk A.A. * Statute of limitations for claims for damages: problems of law enforcement and trends in judicial practice	196
Efimova V.V., Yudina M.V. * Theoretical and law enforcement aspects of the court's going beyond the stated claims in disputes on recognizing a transaction as invalid	201
Kolesnik N.V. * Analysis of the case law of the european court of human rights in the context of counter-terrorism	207
Eremichev F.S. * Class actions as a mechanism of civil protection of personal data: foreign experience and prospects for implementation into russian legislation	211
LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY	
Ashabokov B.M. * Use of artificial intelligence technologies in the activities of public law enforcement associations	217
Voronovich N.K., Yakovenko V.S. * Formative assessment as a tool for improving the quality of law enforcement training: the legal aspect of professional education	222
Kasnitskaya I.Yu., Shanko V.V. * Application of video surveillance systems and big data analytics in public order protection	226
Maslov S.N., Bondarenko E.S. * On some topical issues of the formation of conflictological competencies among police officers at the present stage	231
Khisamutdinova A.S. * Digital challenges and legal conflicts: protection of honor, dignity and business reputation of employees of internal affairs bodies in the context of information technology development	235
PROSECUTORIAL SUPERVISION	
Barskaya A.A. * The delimitation of judicial control, prosecutorial supervision and departmental control at the pre-trial stages of criminal proceedings as an institutional context for prosecutor errors	239
CRIMINAL LAW THEORY	
Chemusov N.A. * Causes of crime from the perspective of consciousness understanding theories	245
Panfilov D.V. * Tactical features of interrogation of victims and witnesses during investigation of crimes of past years	253
Balak P.A. * Forms of specification and their importance in criminal law regulation	257

Voskanyan T.G. * Methodology for substantiation of criminalization and decriminalization of crimes in the field of economic activity and delimitation of crime and civil tort	265
Kochesokova Z.Kh. * Competition of criminal norms in the qualification of violent crimes: problems of theory and judicial practice	273
Kardanov A.K. * Topical issues of bringing responsibility for violation of traffic rules	278

CONTROL THEORY

Bagilyly S.T. * The “universal” lawyer: society’s challenges	282
Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * The relationship between the economic efficiency of penitentiary institutions and the level of competence of staff	289

CRIME AND PUNISHMENT

Iskandarov R.R. * Hermeneutics of the prison text: what do wall inscriptions, tattoos, and letters say? . . .	295
Abubakirov D.D. * Formation and development of criminal liability for evasion of mobilization	301
Zeynalov M.P. * Problems of qualification of crimes against women’s labor rights	310
Panfilov D.V. * Organization of investigation of crimes from the past	314
Kuptsov I.A. * The concept of tax pre-establishment in cases of crimes provided for in articles 198-199.2 of the criminal code of the Russian Federation	318
Gauzhaeva V.A., Bzhiev R.B., Borisova M.I. * Digitalization of crime: problems of criminal-law classification of computer-related crimes and prospects for legislation development	325
Shagapov I.R. * On the issue of criminalistic tactics of using special knowledge in forensic examination in the investigation of crimes using artificial intelligence	330
Panfilov D.V. * Tactical features of interrogating a suspect (accused) in the investigation of crimes from the past	340
Atayev E.M., Magomedov T.M. * Improving criminal law measures to counteract the organization of illegal armed groups: legislative and law enforcement aspects	344

CRIMINAL PROCEDURE

Iskandarov R.R. * The dilemma of normativity behind bars: where is the boundary between reaction to the environment and frustration?	353
Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Implementation of the provisions of federal law no. 44-fz in the context of food procurement for the needs of the penal enforcement system of the Russian Federation	358
Afanasyeva A.A. * Optimization of the process of collecting evidence by the defense in criminal pre-trial proceedings	363
Bekteva V.S. * Expansion of the list of grounds for suspending a preliminary investigation due to lengthy forensic examinations	366
Pilshchikov I.S. * Criminal procedure enforcement measures in the system of state enforcement	371
Nikitina I.E. * Advantages and risks of innovative technologies artificial intelligence in criminal proceedings (international experience)	376
Vdovtsev P.V., Charykov A.V. * Shortcomings of the regulatory framework for the procedural role of a specialist in criminal proceedings	384
Kovalev O.G. * Legal and psychological features of the organization and conduct of cultural and educational work with juvenile suspects and accused persons in custody	389
Zotova A.F., Teppeev A.A. * Problematic issues of closed court sessions in russian criminal proceedings	395
Gasanova I.Z. * The problem of the emergence of the individual’s right to defence at the initial stage of criminal prosecution in the Republic of Azerbaijan	399
Yakutov I.A. * Duties of a representative in criminal proceedings: a comparative legal analysis of the legislation of Russia and the CIS countries	406
Bazhanov S.A., Bodyakov V.N. * Peculiarities of correction of minors sentenced to long sentences	411
Kovalev O.G. * The rights of persons contained in custody in the light of the implementation of the federal law “On the containment of suspects and accused of committing crimes” 1995 no. 103-FZ and the internal regulations of investigative isolators of the criminal execution system (comparative legal analysis)	415

ADMINISTRATIVE LAW

Teuvazev Z.A., Bokova I.B. * Specifics of administrative liability in the field of personal mobility device use	423

DISCUSSION

Pechnikov G.A., Blinkov A.P. * On the prohibition of contradiction in formal logic and dialectical contradiction	427
Iskandarov R.R. * Chronos and kairos are behind bars: experiencing time as an ethical and psychopathological category	434
Prikhodko N.V. * Subsidiary liability as a mechanism for deterring corporate abuses in russian and anglo saxon law	439
Kaygorodov A.V. * About the legal nature of a technology company: theoretical and legal aspect	445
Pyanykh E. * Legal culture of personnel as an element of professional culture	450
Bazhanov S.A., Bodyakov V.N. * Asocial group: socio-pedagogical reason negatively affecting the formation of spiritual and moral values	455
Streletsov A.V. * Self-regulation in architectural and construction design: legal risks and typical violations	460
Aleksandrovich O.Yu., Tarasenko V.A., Serebrennikov D.A., Ponomarenko D.V. * Girls are dancing, guys are weightlifting: students' gender stereotypes in their choice of physical activities	466

CYBERCRIME

Gauzhaeva V.A., Prokofieva E.V. * Selected aspects of the evolution of countering cyberfraud	470

DIGITAL LAW

Kumekhova M.B. * Cyberbullying and digital violence: issues of criminal law assessment	475
Kasyanov A.O., Klimovsky A.S., Peshekhonova A.Yu. * Digital transformation of patrol and post service: legal and organizational aspects	481
Petukhova E.I. * Artificial intelligence and the presumption of good faith: legal limits of predictive analytics in state audit	486
Musatov M.A. * Inheritance of digital assets in the Russian Federation: problems of legal regulation and prospects for improvement	492
Strenin D.A. * Legal regulation of contracts involving digital assets as their subject matter	498
Nikulin S.V. * Limits to the use of artificial intelligence in government enforcement	506
Nesterenko A.V. * Actual issues of countering cybercrime in the context of digital transformation	511
Kolmykov A.A., Solovyov A.N. * Reflection of the digitalisation process in the federal law on population employment in the Russian Federation	515
Zarubina E.V., Egorov S.G., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P. * Artificial intelligence technologies in managing modern organizations	522

HISTORICAL ARCHIVE

Svetlov A.I. * Soviet law and sectoral legislation of the Estonian SSR: on aspects of the effectiveness of legal regulation	529
Metshin I.R. * The sustainability of the State and the management system: the experience of the Russian Empire	534
Imieva L.M. * Problems and prospects for the development of constitutional review in Arab countries ...	538
Danilchenko V.V. * Establishment and transformation of the ombudsman institution in Eastern Europe ...	542

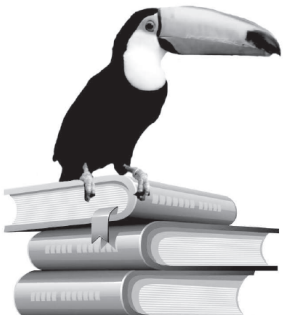
CIVIL LAW ISSUES

Markarov M.D. * Inheritance of digital rights	546
Galishnikov O.A. * Compensation for reputational damage: problems of determining the amount and assessment criteria	552
Gagieva N.R. * On the issue of licensing auditing activities	556
Kuleshova I.A. * Characteristics of a smart contract and its practical application in modern civil law	560

Budakov T.A. * Constitutional and legal goal-setting of the institution of bankruptcy of citizens: the ratio of rehabilitation and creditor goals	564
Dymsky D.A. * Current issues of invalidating a personal insurance contract	572
Cherdakova L.A., Torgaeva D.S. * Problems of the legal nature and use of penalty in contractual relations, in light of the reform of civil legislation	577
Lakeeva E.V. * Procedural and organizational aspects of preparation for receiving information about connections between subscribers and (or) subscriber devices	581
Gurchiani I.Z. * Estoppel in the systems of common and russian law: comparative legal analysis of law enforcement logic	588

ECONOMICS AND LAW

Karimullina A.E., Khabibullina E.R. * Marketplaces and food delivery services in the digital ecosystem: theoretical and practical issues	597
Chupina I.P., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Koshelenko L.V. * Food self-sufficiency in the Sverdlovsk region as a factor in the sustainable development of the regional agro-industrial complex	602

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-19-21

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
заведующий отделом теории права
и междисциплинарных исследований законодательства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ,
e-mail: Theory8@izak.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И. Р. МЕТШИНА «КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА. М.: НОРМА, 2025. 68 с.»

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию, посвященную важной и интересной историко-правовой проблеме, связанной с укреплением государственного единства в период Российской империи. В монографии исследовано место Казанской губернии в системе управления, существовавшей в Российской империи, показаны особенности полномочий губернатора и иных губернских органов. Особое внимание уделено нормотворческой деятельности, осуществлявшейся на уровне губернии. В рецензии подчеркивается, что автором рецензируемой книги сделаны обоснованные выводы по поводу общих закономерностей государственной политики по укреплению государственного единства в период империи.

Ключевые слова: государственное единство, Казанская губерния, полномочия губернатора, акты губернских органов, местное управление.

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
Head of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary
Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF STRENGTHENING STATE UNITY: A REVIEW OF I. R. METSHIN'S MONOGRAPH "KAZAN PROVINCE WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE: ISSUES OF PRESERVING STATE UNITY. MOSCOW: NORMA, 2025. 68 p."

Annotation. The article is a review of a monograph devoted to an important and interesting historical and legal problem related to the strengthening of state unity during the period of the Russian Empire. The monograph examines the place of Kazan province in the system of government that existed in the Russian Empire, and shows the specifics of the powers of the governor and other provincial bodies. Special attention is paid to the standard-setting activities carried out at the provincial level. The review emphasizes that the author of the reviewed book has drawn reasonable conclusions about the general patterns of government policy to strengthen state unity during the empire period.

Key words: state unity; Kazan province; powers of the governor; acts of provincial authorities; local government.

Исследование вопросов, связанных с политикой и практикой укрепления государственного единства, имеет особую актуальность в современных условиях, когда в мире происходит серьезные трансформации глобального характера, которые могут существенно изменить политическую карту. Российское государство оказалось перед лицом грозных вызовов, причем угроза исходит от развитой в экономическом и политическом отношении части мирового сообщества. Одно из намерений наших недругов состоит в том, чтобы развалить страну изнутри, для этого они всячески поддерживают те деструктивные силы, которые присутствуют в каждом государстве. Россия является национально-территориальной федерацией, с неравным статусом субъектов, с многонациональным и полирелигиозным населением. Поэтому вопросы укрепления государственного единства приобретают особую важность. При совершенствовании политики государства могут быть использованы результаты научного осмысления историко-правового опыта, в том числе накопленного в период Российской империи.

В силу имперского характера государственности дореволюционная Россия постоянно расширяла свою территорию, присоединяла новые земли, населенные самыми разными народами. Часть из них уже имели собственный опыт государственности, другие вели кочевой образ жизни, частично сохраняя родоплеменные отношения. В таких условиях перед государством стояла задача организовать единую и эффективную систему управления на всей территории в условиях труднодоступности отдаленных районов. Для этого была избрана губернская система, суть которой состояла в разделении территории страны на губернии и уезды [2]. Назначение губернской реформы – унифицировать систему территориального управления, создать единую властную вертикаль за счет полномочий назначаемых сверху губернаторов, формирующих местные органы управления. В рецензируемой монографии на большом историческом материале рассмотрены особенности губернской системы управления применительно к Казанской губернии как одной из наиболее развитых в экономическом и социальном отношениях.

Монография состоит из двух глав, объединяющих четыре параграфа. Первая глава посвящена общим вопросам становления и развития губернского управления в контексте решения задач, связанных с укреплением государственного единства. Автор справедливо подчеркивает, что губернская система управления была направлена на решение самого широкого круга задач, в том числе и социально-экономического характера. В монографии отмечается, что социаль-

но-экономическое благополучие населения можно рассматривать в числе важнейших факторов укрепления государственного единства, так как оно непосредственно влияет на восприятие населением власти и ее действий. Поэтому можно согласиться с тем, что «система губернского управления... играла роль в обеспечении государственного единства, решении возникавших социально-экономических и внутривластных проблем» [1, с. 32].

Вторая глава монографии посвящена непосредственно развитию Казанской губернии, созданной в 1708 году. Автор акцентирует внимание на особенностях развития экономики региона, в том числе торговли и промышленности, показывает социальную деятельность губернских властей, развитие благотворительности, медицины и образования. Отдельное внимание уделено финансовому развитию Казанской губернии, отмечается роль банковской системы в развитии региона. Для иллюстрации положений работы использован большой объем статистических данных, раскрывающих различные грани развития Казанской губернии. Автор хорошо поработал в Казанском архиве, ввел в научный оборот ряд интересных документов, в том числе нормативных правовых актов, принятых на уровне губернии.

Привлекают внимание страницы книги, на которых исследована конкретная управленческая деятельность органов власти в Казанской губернии, в том числе и требовавшая принятия нормативных правовых актов. Показаны примеры конкретных актов, принятых губернатором, губернским и уездными земскими собраниями, иными органами. Проанализирована их природа, выявлены и обоснованы признаки нормативности. Это представляется значимым как с историко-правовых, так и с теоретико-правовых позиций, учитывая, что в современной юридической науке данные аспекты исследуют только отдельные авторы, работы по данной проблематике весьма немногочисленны. Вопрос о критериях отнесения правовых актов, принимавшихся на местном уровне в дореволюционной России, к числу нормативных, в ряде случаев остается открытым.

Материалы, изложенные в монографии, а также их авторский анализ позволяют сделать ряд выводов по поводу формирования единого правового пространства в Российской империи. Можно согласиться с И.Р. Метшиным в том, что единое правовое пространство выступает важным фактором укрепления государственного единства. Но в Российской империи наблюдался разрыв такого пространства, так как управление не было до конца унифицированным, в ряде регионов действовало собственное, местное законо-

дательство, особенно в Царстве Польском и Великом Княжестве Финляндском. Восточным народам разрешалось использовать собственные правовые обычаи, а на юге страны – еще и религиозные нормы, прежде всего шариат. Все это было вынужденной мерой, но при этом нарушало единство правового пространства страны.

Таким образом, монография И.Р. Метшина «Казанская губерния в составе Российской империи: вопросы сохранения государственного единства» заслуживает высокой оценки как актуальное и основательное научное исследование важной юридической проблематики. В работе успешно решена научная задача, связанная с выявлением особенностей развития системы губернского управления на примере Казанской губернии.

Список источников:

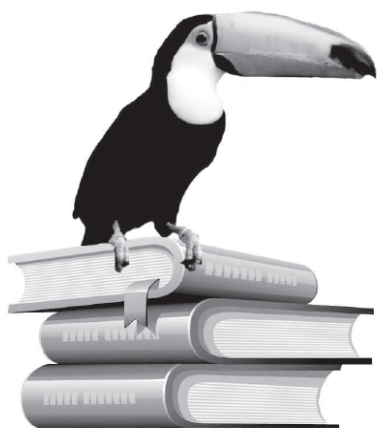
[1] Метшин И.Р. Казанская губерния в составе Российской империи: вопросы сохранения государственного единства. М.: Норма, 2025. 68 с.

[2] Пашенцева Д.Д. Местные губернские органы в Российской империи XIX века // Образование и право. 2021. № 3. С. 423-426.

References:

[1] Metshin I.R. Kazan province within the Russian Empire: issues of preserving state unity. Moscow: Norma, 2025. 68 p.

[2] Pashentseva D.D. Local provincial authorities in the Russian Empire of the nineteenth century // Education and Law. 2021. No. 3. pp. 423-426.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-22-24

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ГРУШИНА Наталья Викторовна,
аспирант кафедры истории и теории государства и права,
Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются исторические и сравнительно-правовые модели парламентских дебатов на примере некоторых зарубежных стран. Автор формулирует правовые рамки регулирования парламентской дискуссии. Анализируются проблемы баланса между оперативностью и качеством законодательного процесса. Формулируются выводы и предложения для совершенствования парламентских процедур, повышения прозрачности и эффективности законодательной власти.

Ключевые слова: парламентские дебаты, парламент, организационно-правовые механизмы, законодательная деятельность.

GRUSHINA Natalia Viktorovna,
graduate student of the Department of History and Theory of State and Law,
Institute "Tauride Academy" FSAEI HE "Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky", Simferopol

PARLIAMENTARY DEBATE: TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF PARLIAMENTARY ACTIVITY

Annotation. Historical and comparative legal models of parliamentary debates are considered using the example of some foreign countries. The author formulates the legal framework for regulating parliamentary debate. The problems of the balance between efficiency and quality of the legislative process are analyzed. Conclusions are formulated that can be used in the future to improve parliamentary procedures, increase transparency and effectiveness of legislative power.

Key words: parliamentary debates, parliament, organizational and legal mechanisms, legislative activity.

Актуальность исследования обусловлена динамичным развитием парламентских институтов в условиях цифровизации, глобализации и усиления общественного контроля. Современные парламентские дебаты требуют новых организационных и правовых подходов, обеспечивающих эффективность законотворческого процесса и демократическую легитимность решений. Среди процедур организации деятельности парламентов едва ли не самое существенное значение имеет процедура проведения парламентских дебатов. Как свидетельствует анализ

существующей практики, трудности в ее определении объясняются тем, что дебаты привлекают к себе наибольшее внимание публики, а потому требуют от руководства парламента (палат) удвоения усилий по недопущению инцидентов и нарушений установленного регламента.

Прежде всего, дебаты — это состязания, длительные и напряженные, между выступающим «за» и «против» по предложенной программе [1, С. 298]. Результатом таких соревнований является формирование парламентского акта, который представляет собой компромиссное реше-

ние, примеряющее разные точки зрения. В этой открытой борьбе испытывается ораторское искусство соперников, их умение убеждать. В силу этого решение проблемы правильной организации дебатов напрямую влияет на эффективность работы парламента, в целом – на его имидж. Отметим, что процедура проведения парламентских дебатов во многих демократических государствах подчиняется общим правилам, которые регламентируют порядок постановки вопроса на обсуждение и должны обеспечить проведение серьезных и справедливых дебатов [2, с. 360 - 361].

Наиболее важным правилом считается, что только предложение, выдвинутое в установленном порядке, может стать предметом обсуждения. Обсуждение одновременно двух предложений допускается только в некоторых парламентах. Второе важное правило устанавливает, что председатель палаты ставит на рассмотрение только один вопрос, который сформулирован в форме, предложенной лицом, его внесшим. Третье правило заключается в том, что обсуждение вопроса продолжается до тех пор, пока председатель палаты не объявит о переходе к другому вопросу и не поставит его на рассмотрение всей палаты. Наличие этих правил позволяет контролировать ход обсуждения предложений и исключает возможность отклоняться парламентариями от темы дебатов и самовольно менять повестку дня.

В этой связи парламенты можно разделить на две категории в зависимости от формы регламентации дебатов. К первой категории относятся те, где продолжительность выступлений депутатов не ограничивается. Типичный пример этой категории – Сенат Конгресса США. В большинстве парламентов мира регламенты палат (парламентов) ограничивают дебаты разумными границами, что является своеобразным методом экономии парламентского времени. Во многих высших представительных органах государства ограничивается либо количество, либо продолжительность выступления, либо и то и другое. Приведем примеры. Образцом является парламентская практика, сложившаяся в нижней палате немецкого высшего органа народного представительства – бундестага. В соответствии с положениями Регламента, начало и окончание дебатов по каждому вопросу повестки дня определяется Советом старейшин до пленарного заседания. Он же определяет время, которое предоставляется каждой фракции в дебатах. Время выступлений разделяется между фракциями по определенной формуле в зависимости от численного состава каждой из них. В течение этого времени фракции назначают своих ораторов, заранее сообщая их фамилии председа-

тельствующему. Такой порядок одобрил в своем специальном решении Федеральный Конституционный Суд. Если же Совет старейшин не пришел к согласию о времени дебатов, каждый оратор может выступать не более 15 минут. Председательствующий может продлить время выступления. По требованию фракции выступление одного из ее ораторов может длиться 45 минут [3, с. 161].

Известный специалист в области процессуального права Херманн Йосеф Шрейнер обратил внимание, что основной Закон ФРГ предоставляет членам правительства право выступления в парламенте в любой момент и без ограничения времени выступления. Существование такой привилегии правительства он объясняет тем, что в германской системе парламентского правления правительство и большинство, которое поддерживает его, образуют политическое целостное. Этот факт и учитывают при распределении времени выступления. В силу соглашений, заключенных с правительством, члены правительства и ораторы, представляющие правительственную коалицию, разделяют между собой время, отводимое им для выступления. Разработана специальная формула, которая называется «Боннский час», имеющая 66 минут, где – 36 минут предоставляется в пределах часа коалиции, оппозиции же – 30 минут [4, с. 43].

Постоянные правила Палаты представителей Конгресса США также устанавливают определенные ограничения на проведение дебатов. Так, дебаты в Палате представителей проводятся лишь в рамках обсуждаемого вопроса. Депутат получает право выступления в течение дебатов не более двух раз. Время выступления конгрессменов не должно превышать одного часа. В то же время постоянные правила Палаты представителей закрепляют процедуру проведения общих дебатов в Комитете всей палаты, где порядок обсуждений вопросов не ограничивается временем, и оратор имеет право выступать на любую тему, но время такого выступления ограничивается 5 минутами. [5, стр. 43-44].

При обсуждении незначительных законопроектов, включенных в повестку дня продолжительность дебатов в Палате представителей обычно, не устанавливается, что дает возможность прекратить их в самом начале, путем внесения Председателем Палаты предложения о решении вопроса по сути. Целью такой процедуры является прекращение дебатов и переход палаты к голосованию. Предложение о переходе к решению вопроса по сути не обсуждается и принимается большинством голосов. Это означает прекращение дебатов по вопросу, после чего палата переходит к принятию решения [6, р. 245].

В соответствии с установленной процедурой Палаты депутатов парламента Италии каждый член палаты в одном и том же обсуждении имеет право выступления только один раз, кроме случаев относительно заявления по мотивам голосования, по личному вопросу, по вопросу регламента, повестки дня и повестки внесения запросов. Время выступления депутата в течение обсуждения общих вопросов повестки дня не должно превышать 45 минут, и 20 минут - по отдельной статье законопроекта или поправки. Выступление депутата не может быть прервано или перенесено на другое заседание [7, с. 124].

До начала обсуждения депутат парламента Италии может задать два вопроса: преюдициальный - предложение не обсуждать проблему, и отложенный - предложение отложить обсуждение до появления определенных обстоятельств. В случае начала обсуждения, вышеупомянутые вопросы могут быть заданы в письменной форме 10 депутатами на заседании палаты и законодательном заседании комиссии. Отложенный и преюдициальный вопрос рассматриваются до начала обсуждения. Регламент определяет, что право выступать в ходе рассмотрения таких вопросов имеют только два депутата от каждой фракции, включая автора вопроса, время такого выступления ограничивается 30 минутами. В случае постановки двух преюдициальных вопросов, они подлежат обсуждению одновременно, однако право выступления имеет лишь один депутат от каждой группы, включая автора вопроса [7, С. 125-126].

Анализируя правила парламентской процедуры высших представительных органов власти различных государств, можно сделать вывод о неодинаковых подходах в решении вопроса о руководстве дебатами. Безусловно, что проведение дебатов в парламенте – является источником его жизненной силы. Установление ограничений в процедуре проведения дебатов направлено прежде всего на экономию времени. Приведенные примеры процедуры регламентации дебатов парламентов разных стран устанавливают правила относительно их ограничений различными средствами. Однако нередко регламенты палат (парламентов) делают определенные исключения из этого правила относительно процедуры выступления отдельного круга должностных лиц. К такой категории относят глав государств, глав правительств и его членов, а также должностных лиц, назначение которых осуществляется парламентом (палатой): они пользуются правом участия в дебатах, когда этого пожелают.

Список литературы:

[1] Парламенты. Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира / Под ред. М.Аммелера: Вступ. ст. Ф.И. Калиничева и В.В. Евгеньева. - М.: Прогресс

[2] Крылов Б.С. Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и правовые формы парламента и парламентаризма на современном этапе- М.: Изд-во ИМО, 1963. - 355 с.

[3] Урьяс Ю.П. Парламентское право ФРГ // Очерки парламентского права (зарубежный опыт). - М.: ИГП РАН, 1993. - С.135

[4] Шрайнер Херман Иосеф. Регламент в немецкой парламентской традиции // Регламенты в парламентской практике. Материалы международной конференции. - Варшава, 1995. - С. 38 - 44

[5] Лафитский В.И. Процедура деятельности Конгресса США // Законодательство зарубежных государств. Вып.11. Процедура деятельности буржуазного парламента. - М.: 1991. С. 16-28.

[6] Riddick F. M. Op. Cit. - L., - 494 p.

[7] Регламент Палаты депутатов Италии // Италия: Конституция и законодательные акты / Состав. Туманов В.А. - М.: Прогресс, 1988- С. 101-153.

References:

[1] Parliaments. Comparative study of the structure and activities of representative institutions in 55 countries/Ed. M. Ammeler: Entry. Art. F.I. Kalinicheva and V.V. Evgeniev. - M.: Progress

[2] Krylov B.S. Parliament of the bourgeois state. The political essence and legal forms of parliament and parliamentarism at the present stage - M.: Publishing House IMO, 1963. - 355 p.

[3] Urias Yu.P. Parliamentary Law of the Federal Republic of Germany//Essays on Parliamentary Law (Foreign Experience). - M.: IGP RAS, 1993. - S.135

[4] Shriner Herman Josef. Regulations in German parliamentary tradition//Regulations in parliamentary practice. International conference proceedings. - Warsaw, 1995. - S. 38 - 44

[5] Lafitsky V.I. Procedure for the activities of the US Congress//Legislation of foreign states. Issue 11. Procedure for the activities of the bourgeois parliament. - M.: 1991. S. 16-28.

[6] Riddick F. M. Op. Cit. - L., - 494 p.

[7] Rules of Procedure of the Chamber of Deputies of Italy//Italy: Constitution and legislative acts/Composition. Tumanov V.A. - M.: Progress, 1988- P.101-153.

ВАСИЯН Роман Иванович,
Доцент Департамента гуманитарного и
социально-экономического образования
ФГАОУВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
(Россия, Екатеринбург),
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются правовые основы государственного регулирования цифровой экономики в Российской Федерации. Рассматриваются нормативные источники, закрепляющие цели, направления и инструменты цифровой трансформации экономики и публичного управления. Анализируется содержание понятия «цифровая экономика», соотношение категорий «цифровая экономика» и «цифровизация», а также особенности цифровой экономической деятельности как объекта правового воздействия. Обосновывается вывод о том, что цифровая экономика не может быть сведена исключительно к совокупности технологий либо к отдельным видам хозяйственной деятельности, поскольку представляет собой систему экономических отношений, формирующуюся на основе использования данных в цифровой форме, цифровой инфраструктуры и платформенных решений. Показано, что современное государственное регулирование цифровой экономики в России носит комплексный характер и включает стратегическое планирование, программные механизмы, отраслевое нормотворчество, развитие экспериментальных правовых режимов и меры институциональной поддержки цифровых инноваций. Делается вывод о необходимости дальнейшей систематизации правового регулирования цифровой экономики, согласования публично-правовых и частноправовых механизмов, а также уточнения правового режима цифровых платформ, данных и цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, государственное регулирование, цифровые технологии, цифровая платформа, данные в цифровой форме, правовое регулирование, цифровая инфраструктура, экспериментальные правовые режимы.

VASIYAN Roman I.,
Associate Professor,
Department of Humanities and Socioeconomic Education,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

LEGAL FOUNDATIONS OF STATE REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the legal foundations of state regulation of the digital economy in the Russian Federation. It analyzes regulatory sources that establish the goals, directions, and instruments of the digital transformation of the economy and public administration. The paper explores the content of the concept of the “digital economy,” the relationship between the categories of “digital economy” and “digitalization,” as well as the specific features of digital economic activity as an object of legal regulation.

The author substantiates the conclusion that the digital economy cannot be reduced solely to a set of technologies or to specific types of economic activity, as it represents a system of economic relations formed on the basis of the use of data in digital form, digital infrastructure, and platform-based solutions.

It is demonstrated that contemporary state regulation of the digital economy in Russia is of a comprehensive nature and includes strategic planning, program-based mechanisms, sector-specific rulemaking, the development of experimental legal regimes, and measures of institutional support for digital innovation.

The article concludes that there is a need for further systematization of the legal regulation of the digital economy, alignment between public and private law mechanisms, and clarification of the legal regime governing digital platforms, data, and digital infrastructure.

Key words: digital economy, digitalization, state regulation, digital technologies, digital platform, data in digital form, legal regulation.

Введение

Цифровая трансформация экономики и публичного управления в Российской Федерации приобрела характер одного из ключевых направлений государственной политики. Нормативную основу соответствующих процессов образуют акты стратегического планирования, в которых цифровизация рассматривается не как частный технологический проект, а как условие повышения конкурентоспособности экономики, эффективности государственного управления и качества общественных сервисов [2–4]. Именно в этом контексте были сформулированы задачи по ускоренному внедрению цифровых технологий, развитию экономики данных, формированию технологического суверенитета и обновлению механизмов государственного управления [2; 3; 4].

Стратегическое значение цифровой экономики получило закрепление еще в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, где цифровая экономика определена как хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства выступают данные в цифровой форме, а их обработка и использование результатов анализа позволяют повысить эффективность производства, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [1]. Данное определение сохраняет нормативную значимость, однако в научном плане нуждается в уточнении, поскольку не исчерпывает институциональных и правовых характеристик цифровой экономики.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, цифровая экономика охватывает все большее число общественных отношений, включая предпринимательскую деятельность, государственное управление, финансовую сферу, рынок труда, сферу услуг и инфраструктурные отрасли [8; 12]. Во-вторых, цифровая трансформация сопровождается возникновением новых объектов правового регулирования: цифровых платформ, данных, распределенных систем, алгоритмических решений, сервисных экосистем [8; 10; 11]. В-третьих, действующее законодательство развивается фрагментарно, что требует теоретического осмысления места цифровой экономики в системе правового регулирования.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении правовых основ государственного регулирования цифровой экономики в Российской Феде-

рации, уточнении содержания категории «цифровая экономика» и определении специфики цифровой экономической деятельности как предмета нормативного воздействия государства.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую и нормативную основу исследования составили Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204, от 21 июля 2020 г. № 474 и от 7 мая 2024 г. № 309, паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», приказ Минцифры России от 8 октября 2022 г. № 766, а также положения законодательства об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций [1–7].

В работе использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод применялся при анализе нормативных дефиниций, целей и механизмов государственного регулирования цифровой экономики. Системный метод позволил рассмотреть цифровую экономику как совокупность взаимосвязанных отношений, институтов и инфраструктурных элементов. Сравнительно-правовой подход использовался при сопоставлении доктринальных и нормативных подходов к определению цифровой экономики и цифровизации [8–11].

Теоретическую основу исследования составили работы российских авторов, посвященные инструментам государственного регулирования цифровой экономики, экосистемному подходу, национальным проектам цифровой трансформации и рискам цифровизации [8–13].

Результаты и обсуждение

Формирование правовых основ цифровой экономики в Российской Федерации происходило поэтапно. Базовым стратегическим актом выступил Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, закрепивший понятийный аппарат и стратегические ориентиры развития информационного общества [1]. В дальнейшем задачи цифровой трансформации получили развитие в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204, где цифровизация экономики и социальной сферы была включена в систему национальных целей и стратегических задач [2].

Следующий этап связан с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474, который закрепил национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и тем самым задал новую рамку для цифровой трансформации государственного управления, экономики и социальной сферы [3]. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 цифровая трансформация дополнительно соотнесена с задачами технологической независимости, развития экономики данных и формирования новых рынков [4]. Таким образом, цифровая экономика в российской правовой политике рассматривается не изолированно, а как элемент долгосрочной модели социально-экономического развития.

Существенную роль в институционализации цифровой трансформации сыграла национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой были выделены направления нормативного регулирования, кадрового обеспечения, информационной инфраструктуры, информационной безопасности, цифровых технологий и цифрового государственного управления [5]. Позднее развитие государственной политики привело к переходу от логики внедрения отдельных информационных решений к более широкой модели экономики данных и цифровой трансформации государства [4; 8].

В нормативном смысле цифровая экономика определяется через хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме [1]. Данное определение имеет важное прикладное значение, поскольку фиксирует роль данных, их обработки и аналитического использования в повышении эффективности экономических процессов. Вместе с тем в научном аспекте такая дефиниция нуждается в уточнении.

Сведение цифровой экономики только к хозяйственной деятельности представляется недостаточным. Экономика как предмет научного и правового анализа включает не только совокупность действий хозяйствующих субъектов, но и систему отношений, возникающих в процессах производства, распределения, обмена и потребления благ. Поэтому цифровая экономика должна рассматриваться шире - как система специфических экономических отношений, в которой данные в цифровой форме, цифровая инфраструктура и платформенные механизмы становятся ключевым фактором организации и координации экономической деятельности [8; 11; 13].

Такой подход позволяет избежать чрезмерно технологизированного понимания цифровой экономики. Сама по себе цифровая техноло-

гия не образует новой экономической реальности, если она не встроена в институциональные механизмы, не обеспечена правовой инфраструктурой и не связана с трансформацией моделей взаимодействия участников рынка, государства и общества. Иначе говоря, юридически значимой является не отдельная технология, а изменение структуры экономических отношений под влиянием цифровых данных, платформ и сетевых коммуникаций [8; 10; 11].

С этих позиций цифровую экономику целесообразно определить как систему экономических отношений, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ, в которой данные в цифровой форме, результаты их обработки, цифровые платформы и информационно-коммуникационные технологии выступают ключевыми средствами организации, координации и развития деятельности участников рынка и публичной власти.

Категория «цифровизация» тесно связана с цифровой экономикой, но не совпадает с ней по содержанию. Если цифровая экономика характеризует состояние и тип экономических отношений, то цифровизация описывает процесс преобразования соответствующих отношений, инфраструктур и активов на основе цифровых решений [8; 9]. В этом смысле цифровизация выступает средством формирования цифровой экономики.

Правовой анализ цифровизации требует отказа от чрезмерно широких трактовок, согласно которым оцифровке подлежит практически любой ресурс. Более обоснованным представляется подход, в соответствии с которым цифровизация охватывает лишь те данные, процессы, активы и организационные механизмы, преобразование которых объективно необходимо для повышения эффективности управления, сокращения транзакционных издержек, ускорения обмена информацией и расширения доступа к услугам [8; 10; 12].

Следовательно, цифровизацию можно определить как процесс правового, организационного и технологического преобразования общественных отношений, информации, инфраструктуры и отдельных активов в цифровую форму либо в цифровую среду обращения, обеспечивающий формирование новых способов взаимодействия субъектов экономики и публичной власти. В таком понимании цифровизация выступает не только техническим, но и правовым процессом, поскольку требует регламентации статуса данных, платформ, инфраструктурных операторов, ответственности участников цифрового оборота и механизмов защиты прав граждан и организаций [7; 8].

Одной из центральных характеристик современной цифровой экономики является

платформенная организация взаимодействия. Цифровые платформы обеспечивают интеграцию участников рынка, посредничество в обмене данными, координацию транзакций, алгоритмическое управление сервисами и формирование новых экосистемных моделей бизнеса [8; 11]. В этой связи именно платформы становятся не просто техническими инструментами, а особыми инфраструктурными центрами экономической власти.

Значение платформенного элемента подтверждается и государственными программными документами, ориентированными на развитие информационной инфраструктуры, отечественного программного обеспечения, сервисной интеграции и экономики данных [4; 5]. Развитие платформенных решений приводит к изменению самого механизма государственного регулирования: вместо воздействия лишь на отдельных субъектов государство все чаще регулирует инфраструктурные условия, стандарты обмена данными, механизмы идентификации, режимы доступа к сервисам и правила взаимодействия в цифровой среде [8; 10].

Отсюда следует, что в структуре цифровой экономики данные и платформы образуют институциональное ядро, вокруг которого выстраиваются новые формы договорных связей, способы учета, контроля, оказания услуг и принятия управленческих решений. Соответственно, государственное регулирование цифровой экономики не может ограничиваться общими программными лозунгами; оно должно охватывать режим данных, платформенную ответственность, вопросы конкуренции, цифрового суверенитета и информационной безопасности [4; 8; 11].

Цифровая экономическая деятельность обладает рядом признаков, отличающих ее от традиционных форм хозяйствования.

Во-первых, она носит межотраслевой и сквозной характер. Цифровые решения применяются в промышленности, торговле, финансовой сфере, образовании, транспорте, здравоохранении и государственном управлении. Это исключает возможность исчерпывающего перечня видов цифровой экономической деятельности и требует гибких регуляторных механизмов [5; 6; 12].

Во-вторых, цифровая экономическая деятельность основана на тесной связи правовых отношений с технологическими процессами. Однако правовое регулирование воздействует не на сами математические, алгоритмические или физические закономерности, а на общественные отношения, возникающие по поводу создания, внедрения, использования и контроля цифровых технологий [8; 10]. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку определяет пределы юридического вмешательства.

В-третьих, цифровая экономическая деятельность характеризуется высокой степенью автоматизации. Это касается учета, контроля, планирования, логистики, идентификации, принятия решений и оказания услуг. Рост автоматизации усиливает значение требований к качеству данных, правовому режиму алгоритмов и распределению ответственности между разработчиками, операторами и пользователями цифровых систем [8; 12].

В-четвертых, цифровая среда предполагает мобильность и удаленный характер взаимодействия участников. Экономические связи все чаще строятся через распределенные сервисы, мобильные приложения, облачные инфраструктуры и платформенные интерфейсы. В результате меняются не только формы коммуникации, но и юридическая архитектура обязательств, контроля и подтверждения юридически значимых действий [6; 11].

В-пятых, для цифровой экономики характерны саморегулятивные элементы. Речь идет о корпоративных стандартах, платформенных правилах, технических протоколах, отраслевых кодексах поведения и иных негосударственных регуляторах. Вместе с тем саморегулирование в цифровой сфере не должно подменять публичное регулирование, особенно в вопросах защиты прав граждан, конкуренции, информационной безопасности и недопущения дискриминационных алгоритмических практик [7; 8].

В-шестых, важным признаком цифровой экономической деятельности выступает масштабируемость. Один и тот же цифровой продукт или сервис способен быстро тиражироваться на значительное количество пользователей и рынков без пропорционального роста издержек. С правовой точки зрения это усиливает значение единых стандартов, совместимости инфраструктур и механизмов оперативного реагирования на риски массового нарушения прав [10; 12].

Современная российская модель регулирования цифровой экономики имеет комплексный характер. В ней можно выделить по меньшей мере пять групп инструментов.

Первая группа - стратегические инструменты, включающие указы Президента Российской Федерации, документы стратегического планирования и национальные проекты [1-5]. Их значение состоит в постановке общих целей, определении направлений развития и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Вторая группа - программно-организационные инструменты. К ним относятся национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», отраслевые дорожные карты, меха-

низмы межведомственного взаимодействия, а также деятельность институтов развития и экспертных площадок, обеспечивающих координацию государства, бизнеса и профессионального сообщества [5; 8; 9].

Третья группа - отраслевое нормативное регулирование, в том числе акты, определяющие виды деятельности в области информационных технологий. В этом отношении существенное значение имеет приказ Минцифры России от 8 октября 2022 г. № 766, конкретизирующий виды ИТ-деятельности и тем самым задающий правовые ориентиры для мер поддержки и правоприменения [6].

Четвертая группа - экспериментальные правовые режимы. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ создал механизм апробации цифровых инноваций в условиях временного специального регулирования [7]. Такой подход позволяет тестировать новые решения без немедленного распространения общих нормативных требований на еще не устоявшиеся технологические модели. Для цифровой экономики это особенно важно, поскольку темпы технологических изменений часто опережают традиционный законодательный процесс.

Пятая группа - стимулирующие меры, включающие налоговые, финансовые, кадровые и инфраструктурные инструменты поддержки. В научной литературе справедливо отмечается, что развитие цифровой экономики невозможно обеспечить только запретами и предписаниями; не менее значимы меры, направленные на снижение барьеров для ИТ-компаний, развитие кадрового потенциала, модернизацию инфраструктуры и внедрение отечественных цифровых решений [8; 10; 12].

Несмотря на значительный массив стратегических и программных документов, государственное регулирование цифровой экономики в России остается неоднородным. Прежде всего сохраняется проблема понятийной разобщенности: нормативные акты, отраслевые документы и научные публикации нередко используют близкие, но не тождественные категории - «цифровая экономика», «цифровизация», «экономика данных», «цифровая трансформация», «платформенная экономика» [1; 4; 8]. Отсутствие унифицированного понятийного аппарата осложняет как нормотворчество, так и правоприменение.

Второй проблемой является фрагментарность регулирования. Отдельные институты - данные, платформы, искусственный интеллект, цифровые сервисы, цифровая идентификация, инфраструктурные решения - регулируются неравномерно, что порождает правовые лакуны и коллизии [7; 8; 11]. В результате государствен-

ная политика нередко развивается быстрее, чем ее нормативное обеспечение.

Третья проблема связана с необходимостью баланса между инновационным развитием и защитой публично значимых интересов. Расширение платформенных рынков, внедрение алгоритмов принятия решений и рост зависимости экономики от цифровой инфраструктуры усиливают риски монополизации, утечки данных, непрозрачности алгоритмов и ограничения прав пользователей [8; 10; 13]. Следовательно, государственное регулирование должно одновременно стимулировать инновации и устанавливать пределы допустимого поведения в цифровой среде.

Четвертая проблема обусловлена тем, что цифровая экономика требует межотраслевого правового ответа. Невозможно обеспечить ее эффективное регулирование только средствами административного, информационного либо гражданского права. Необходима согласованность норм конституционного, административного, финансового, предпринимательского, информационного и гражданского права, а также более тесная увязка стратегических документов с отраслевым законодательством [7; 8; 11].

С учетом изложенного представляется целесообразным выделить несколько направлений дальнейшего развития правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации.

Во-первых, требуется уточнение и унификация базовых понятий цифрового законодательства. На нормативном уровне необходимо согласовать категории «цифровая экономика», «цифровизация», «экономика данных», «цифровая платформа» и «цифровая инфраструктура», исключив неопределенность их содержания.

Во-вторых, необходимо развивать специальное регулирование платформенной экономики. В центре внимания должны находиться правовой статус операторов платформ, правила доступа участников к инфраструктуре, стандарты недискриминационного взаимодействия, пределы алгоритмического управления и механизмы разрешения споров.

В-третьих, следует расширять использование экспериментальных правовых режимов как инструмента апробации инноваций, но при этом обеспечивать прозрачность критериев отбора проектов, надлежащий контроль за последствиями эксперимента и защиту прав участников [7].

В-четвертых, требуется дальнейшее развитие механизмов государственной поддержки ИТ-сектора, цифровой инфраструктуры и кадрового обеспечения. Без такого сопровождения стратегические цели цифровой трансформации рискуют остаться декларативными [8; 10; 12].

В-пятых, необходимо усилить правовые гарантии защиты данных, цифрового суверенитета и технологической независимости, особенно в условиях возрастающей зависимости экономики от платформенных и облачных решений [4; 12; 13].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовые основы государственного регулирования цифровой экономики в Российской Федерации уже сформированы, однако продолжают находиться в стадии активного развития. Их ядро образуют документы стратегического планирования, национальные программы, отраслевые нормативные акты и специальные правовые механизмы, включая экспериментальные правовые режимы [1–7].

Цифровая экономика в юридическом смысле не сводится ни к совокупности отдельных технологий, ни только к хозяйственной деятельности в узком значении. Она представляет собой систему специфических экономических отношений, складывающихся на основе использования данных в цифровой форме, цифровой инфраструктуры, платформенных решений и алгоритмизированных способов координации деятельности участников рынка и публичной власти.

Государственное регулирование цифровой экономики должно быть комплексным. Оно предполагает сочетание стратегического планирования, отраслевого нормотворчества, стимулирующих мер, правовых экспериментов и механизмов защиты прав участников цифровой среды. При этом дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на унификацию понятийного аппарата, систематизацию регулирования цифровых платформ и данных, а также на достижение баланса между задачами инновационного развития и требованиями правовой безопасности.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[3] Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

[4] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях раз-

вития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

[5] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7.

[6] Приказ Минцифры России от 08.10.2022 № 766 «О перечне видов деятельности в области информационных технологий».

[7] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

[8] Адамская Л. В. Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. № 1. С. 138–143. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-138-143.

[9] Челнинцева Е. В., Яруллин Р. Р. Национальный проект «Цифровая экономика» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-5 (80). С. 120–125.

[10] Гусейнова Г. М. Государственные меры регулирования развития цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 3 (147). С. 82–87.

[11] Филимонов И. В. Роль государства в развитии экосистемы цифровой экономики // Научные исследования экономического факультета. 2023. Т. 15. № 3. С. 29–49. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-29-49.

[12] Абашкин В. Л., Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Цифровая экономика: 2024 : краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2024.

[13] Эскиндаров М. А., Масленников В. В., Масленников О. В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 23. № 5. С. 6–17.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030.”

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024.”

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030.”

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036."

[5] Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation": approved by Minutes of the meeting of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects of 04.06.2019 No. 7.

[6] Order of the Ministry of Digital Industry of Russia dated 08.10.2022 No. 766 "On the list of activities in the field of information technology."

[7] Federal Law No. 31.07.2020 of 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation."

[8] Adamskaya L.V. State regulation of the digital economy: applied tools//Humanities. Bulletin of the University of Finance. 2025. VOL. 15. № 1. S. 138-143. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-138-143.

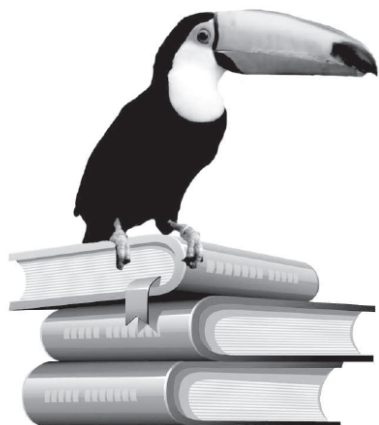
[9] Chelnintseva E.V., Yarullin R.R. National project "Digital Economy" //International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 5-5 (80). S. 120-125.

[10] Guseinova G. M. State measures to regulate the development of the digital economy//Izvestia of the St. Petersburg State Economic University. 2024. № 3 (147). S. 82-87.

[11] Filimonov I.V. The role of the state in the development of the ecosystem of the digital economy//Scientific research of the Faculty of Economics. 2023. VOL. 15. №3. S. 29-49. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-29-49.

[12] Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M., et al. Digital economy: 2024: a brief statistical collection. M.: HSE, 2024.

[13] Eskindarov M.A., Maslennikov V.V., Maslennikov O.V. Risks and chances of the digital economy in Russia//Finance: theory and practice. 2020. VOL. 23. № 5. S. 6-17.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Михайлович,
Новосибирский государственный университет,
студент IV курса,
e-mail: dima.k.804@mail.ru

ПРИНЦИП ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ В РОССИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается принцип идеологического многообразия в качестве одного из основных столпов демократического государства. Принцип анализируется как самостоятельная единица, так и в системе законодательства и права. Отдельная оценка дается экстремистской деятельности, в частности тенденций законотворческого процесса в отношении этого явления. Взаимодействие принципа идеологического многообразия и противодействия экстремизму представляется с учетом политических решений и особенностями временных рамок их принятия.

Ключевые слова: плюрализм, политический плюрализм, конституционный плюрализм, экстремизм, экстремистская деятельность, идеология, принцип идеологического многообразия, принцип соразмерности.

KUZNETSOV Dmitry Mikhailovich,
Novosibirsk State University 4th-year student

THE PRINCIPLE OF IDEOLOGICAL DIVERSITY IN RUSSIA AND COUNTERING EXTREMISM

Annotation. This article examines the principle of ideological diversity as one of the main pillars of a democratic state. The principle is analyzed as an independent unit, as well as in the system of legislation and law. A separate assessment is given to extremist activity, in particular the trends of the legislative process in relation to this phenomenon. The interaction of the principle of ideological diversity and countering extremism is presented taking into account political decisions and the specifics of the time frame for their adoption.

Key words: pluralism, political pluralism, constitutional pluralism, extremism, extremist activity, ideology, principle of ideological diversity, principle of proportionality.

Плюрализм в философском контексте представляет собой идею, признающую множество независимых начал бытия или оснований знаний, эта концепция отрицает единство мира. Многообразие взглядов может проявляться во всем: в политике, этике, религии, науке. Истоки плюрализма неразрывно связаны с такими категориями, как «свобода», «власть» и «собственность» [1]. Политический плюрализм в общем смысле служит индикатором демократического государства. Он же, в частности, выражается в идеологическом многообразии. Это явление нашло свое отражение в ст. 13 Конституции Российской Федерации, что закономерно делает его ключевым элементом основ конституционного строя России.

Первостепенно необходимо разобраться с понятийным аппаратом. Под идеологией в целом понимается система политических, правовых, религиозных, этических, эстетических и фило-

софских взглядов, идей и теорий. Рассматривая этот же термин, но через призму конституционного права, Авакьян С. А. определяет ее как систему идей, ценностей и мировоззренческих установок, признаваемых и защищаемых Конституцией, которая служит ориентиром для развития общества и правовой системы, при этом одновременно выступая инструментом ограничения государственного произвола и гарантией политического плюрализма [2]. Социальная направленность прослеживается во взглядах Кокотова А. Н., который считает идеологию совокупностью фундаментальных убеждений и ценностных ориентиров, разделяемых обществом и властью, которые формируют основу для солидарности, доверия граждан к праву и государственным институтам, легитимируя публичную власть и конституционный строй [3]. Тут делается важный акцент на совокупности, но не на однородности убеждений. Исходя из противного, отсутствие

конфронтации взглядов ведет к нелегитимности власти, а отсутствие компромисса противостоящих групп – к латентности проблем, ведь принятые решения не учитывали все факторы.

Спустя более 30 лет с момента принятия Конституции Российской Федерации, вопрос идеологического аспекта до сих пор поднимается в юридических кругах. В рамках XI Петербургского международного юридического форума разгорелась дискуссия относительно ст. 13 основного закона. Председатель Следственного комитета Бастрыкин А. И. заявил, что в России идеология была всегда и нужна сейчас. Глава Министерства юстиции Чуйченко К. А. поддержал его и упомянул, что ст. 13 вступает в противоречие с принятыми государственными ценностями. Важно обратить внимание на вопрос, является ли Конституция внешней формой выражения для источника идеологии. Если признавать ее таковым, то это будет значить ее ничтожность, ведь ч. 1 ст. 13 говорит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». Такое положение естественным образом недопустимо ввиду того, что основной закон выражает идеологический конституционализм, что подразумевает под собой исторически обусловленную, аксиологически насыщенную систему принципов и ценностей, лежащую в основе российской модели конституционализма, которая обеспечивает единство правового пространства, конституционную идентичность и служит защите национального суверенитета от внешних деструктивных влияний [4]. Именно в этом контексте плюрализма быть не может, ведь он един и выражен в одном документе, обладающим наивысшей юридической силой.

Возвращаясь к нормативному толкованию статьи 13 Конституции Российской Федерации, законодатель не устанавливает право субъектов, а запрещает ограничение этого права, что не характерно для российской правовой системы, подобный «негативный» метод наиболее ярко выражен в поправках Конституции США. Принцип идеологического многообразия обусловлен правом человека на свободу мысли, слова, информации, совести, вероисповедания, преподавания, отменой цензуры и т.д. Гарантиями этого принципа выступают следующие конституционные права:

1. право неприкосновенности частной жизни, право личной и семейной тайны, право защиты своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции);
2. право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции);
3. свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции);

4. свобода СМИ (ч. 5 ст. 29 Конституции);
5. право свободно выражать свои мнения и убеждения (ч. 3 ст. 29 Конституции).

Соответственно принцип можно понимать, как разрешено все, что не запрещено законом и не нарушает прав и свобод других лиц. Запрещены следующие идеи: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации). Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации). В том числе в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Экстремизм – явление, угрожающее существованию государства как такового. Ввиду роста протестных настроений конца 90-х и начала 2000-х годов и обострения национального вопроса не только в России, эта тенденция прослеживалась по всему миру, в 2002 году был принят Федеральный закон №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Несмотря на такую значимость, с 2002 года так и не выведено легальное определение экстремизма или экстремистской деятельности. Отсутствие определение, тем не менее, компенсируется конкретным перечнем объективной стороны деяния, установленным ст.1 Федерального закона, а именно:

- 1) насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности государства;
- 2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- 3) проявление идеи превосходства одного класса (социального, расового, религиозного и т.д.) над другим;
- 4) воспрепятствование осуществлению политических прав посредством насилия либо угрозы его применения;
- 5) воспрепятствование нормальному функционированию публичной власти;
- 6) а также все остальные преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Общим признаком для всех преступлений, подпадающих под категорию экстремизма, является насилие (его применение, угроза или оправдание). Другая важная характеристика – это руководящая идея, то, почему совершается преступление. С одной стороны ее можно понимать как причину, а с другой – как цель. Идея выражается в неравенстве, что изначально противоречит положениям статьи 19 Конституции, которая устанавливает запрет на любые формы проявления ограничения прав и свобод человека по признакам пола, расы, национальности, языка и т.д. Тут вырисовываются рамки свободы – множественность взглядов допустимо, но лишь в том случае, если эти взгляды соответствуют общепризнанным принципам права и положениям глав 1, 2 и 9 Конституции. Особое внимание нужно уделить первым двум. Первая глава Конституции закрепляет основы конституционного строя, эти основы незыблемы, а в случае их нарушения институт государства как такового рушится незамедлительно. Глава вторая декларирует права и свободы человека и гражданина, что является элементом основ конституционного строя России, так как выводятся из статьи 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Стоит обратить внимание, что пункт 13 перечня имеет открытую формулировку, несмотря на достаточно казуистичную юридическую технику. Специальный федеральный закон не устанавливает преступность деяний, а лишь конкретизирует определенные стороны объективной стороны преступлений, которые расположены в гл. 29 УК РФ. Закон не дает определения экстремизму, но позволяет определить его посредством формы выражения.

Однако, закон указывает и на субъективную сторону (пункт «е» части первой статьи 63 УК РФ), что позволяет нам отнести любые преступления к экстремистским при наличии определенного мотива. Субъективная сторона преступления наиболее сложна в доказывании, поэтому такая дискреция может играть как за, так и против правоохранительных органов. Здесь часто прослеживаются злоупотребления, обвинительный уклон при трактовки действий обвиняемых. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 года №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» говорится, что высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах при отсутствии намерения побудить лиц к экстремистской деятельности не являются преступлениями. Кон-

ституционный Суд в Определении № 579-О/2025 указал на отсутствие неопределенности в диспозиции статьи 280 УК РФ, а, значит, лицо не лишено возможности осознавать противоправные последствия своего деяния. Такой тезис может идти в разрез с выводами Верховного Суда. При отсутствии у лица мотива, но наличие последствий, ответственность будет возлагаться на лицо, которое не осознавало возможность такого исхода, но должно было.

Взаимодействие двух правовых категорий опосредованно от системы законодательства или системы права в целом невозможно, по причине ее согласованности и взаимосвязанности, иначе она не была бы системой. Поэтому в целях справедливого урегулирования общественных отношений применяется не менее важный конституционный принцип соразмерности. Он закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и допускает ограничение прав и свобод лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, и только Федеральным законом. С точки зрения системного толкования принцип соразмерности связан с ядром принципа разделения властей в контексте системы сдержек и противовесов (ст. 10 Конституции Российской Федерации), с принципом правового государства (ч. 1 ст. 1, ст. 15 Конституции Российской Федерации). Примечательно, что в том же 2002 году Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении №1-П отметил, что принцип соразмерности обусловлен «природой Российской Федерации как правового государства (статья 1, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации)».

Основные права – это в первую очередь права на защиту от государственных вмешательств. Вместе с тем неурегулированное осуществление конституционных свобод неизбежно ведет к конфликтам с публичными интересами и правами других лиц [5]. Баланс интересов – это ключ к правопорядку и устойчивому развитию общества и государства. В настоящее время мы можем наблюдать сдвиг этого баланса в сторону ужесточения наказаний и упрощения привлечения к ответственности. В июле 2025 года Государственной Думой Российской Федерации был принят ряд изменений в Закон «О средствах массовой информации», Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», КоАП РФ и УК РФ.

Подобные действия продиктованы внешними обстоятельствами и в большинстве своем носят не юридический, а политический характер.

При этом важно понимать, что политические решения несут политические последствия, которые в частности могут отразиться на показателях в электоральные циклы. Однако, общественные отношения не статичны, а имеют динамику, каждое их движение, по общему правилу, сопровождается изменениями законодательства. Оно должно реагировать на потребности общества на каждом историческом этапе развития. Представляется разумным, что тенденция ужесточения и перекоса системы в сторону контроля и ограничения прав не будет исключением. Идеологическое многообразие, политический плюрализм являются двигателем развития государства. В споре рождается истина, поэтому государство не должно игнорировать другие точки зрения, но при этом оно должно защищать конституционный строй, права и свободы граждан, которые могут притесняться категорическими идеями. Перед государством стоит задача – на острие двух парадигм найти баланс.

Список литературы:

[1] Кравец И. А. Ценность конституционной теологии и конституционной легитимности политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – №3 (4). – С. 80.

[2] Авакьян С. А. Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд: монография // Москва: Проспект. – 2021. – С. 152.

[3] Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : монография // Москва: Норма. – 2025. – С. 192.

[4] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России: монография // Москва: Норма. – 2019. – С. 448.

[5] Фосскуле А. Принцип соразмерности // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1. – С. 158-163.

References:

[1] Kravets I. A. Value of the teleology and constitutional legitimacy of the political and ideological diversity (pluralism): doctrine and practice // Russian journal of legal studies. – 2015. – №3 (4). – P.80. (In Russ.)

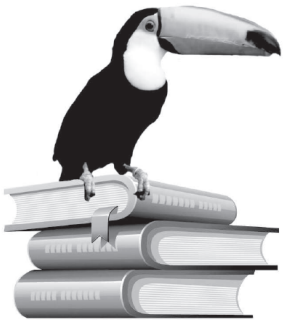
[2] Avakian S. A. Constitution. Constitutionalism. The Constitutional Court: a monograph // Moscow: Prospekt. – 2021. – P. 152. (In Russ.)

[3] Kokotov A. N. Trust. Distrust. Law: monograph // Moscow: The Norm. – 2025. – P. 192. (In Russ.)

[4] Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia: a monograph // Moscow: The Norm. – 2019. – P. 448. (In Russ.)

[5] Fosskule A. The principle of proportionality // Comparative Constitutional Review. – 2015. – № 1. – P. 158-163. (In Russ.)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГЕЛЯХОВА Лейла Абдуллаховна,
начальник кафедры организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПРИНЦИПОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной статье конкретизированы содержательные аспекты принципов муниципальной службы, закрепленных в ст. 4 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», которые характеризуются качественным многообразием, что объективно обусловлено наличием целого ряда основополагающих начал организации и осуществления указанной служебной деятельности. Принципы муниципальной службы тесно взаимосвязаны друг с другом, и нарушение одного из них повлечет нарушение других. Исследуются перспективы расширения основополагающих основ анализируемой служебной деятельности.

Ключевые слова: муниципальная служба, принципы муниципальной службы, основополагающие начала служебной деятельности.

GELYAKHOVA Leila Abdullakhovna,
Head of the Department of Law Enforcement Organization,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law

ON THE SUBSTANTIVE CHARACTERISTICS OF THE PRINCIPLES OF MUNICIPAL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article details the substantive aspects of the principles of municipal service enshrined in Article 4 of the Federal Law “On Municipal Service in the Russian Federation.” These principles are characterized by qualitative diversity, which is objectively determined by the existence of a number of fundamental principles for the organization and implementation of these official activities. The principles of municipal service are closely interrelated, and a violation of one will entail a violation of the others. Prospects for expanding the fundamental principles of this official activity are explored.

Key words: municipal service, principles of municipal service, fundamental principles of official activity.

Муниципальная служба имеет достаточно длительную историю становления и развития в российском государстве, но до сих пор сохраняются отдельные теоретические и практические вопросы в отношении данного института. Современное состояние института муниципальной службы – результат множества административных реформ, которые затрагивали также функционирование государственной службы и имеют схожие тенденции. Управленческая сфера характеризуется высокой степенью интенсификации и динамикой совершенствования применяемых техник, что подчеркивает объ-

ективность проводимого реформирования. В данном контексте следует подчеркнуть, что эффективность осуществления муниципальной службы напрямую связана с учетом различных процессов, происходящих в государстве и обществе в конкретный промежуток времени.

Принципы служебной деятельности, как правило, закрепляются на законодательном уровне. Подобная ситуация наблюдается в российском законодательстве в отношении всех видов государственной службы. Данный подход российского законодателя представляется весьма справедливым, поскольку акцентируется

внимание на основополагающих началась функционирования служебной деятельности различной направленности с учетом ее специфики.

Муниципальная служба в данном случае не является исключением и ст. 4 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» закрепляет основные принципы муниципальной службы. Несмотря на то, что основополагающие начала муниципальной службы достаточно давно закреплены на законодательном уровне, их теоретико-правовое осмысление имеет важнейшее прикладное значение в контексте динамики совершенствования не только служебной деятельности, но и управленческой сферы в целом. Кроме того, в последние годы внесены существенные изменения в законодательство о местном самоуправлении, кардинально усовершенствованы теоретико-правовые основы определения его места в системе публичной власти.

В рамках представленного исследования видится необходимым рассмотреть подробнее содержание принципов муниципального права, среди которых, согласно действующему законодательству, о муниципальной службе выделяются следующие:

- 1) приоритет прав и свобод человека и гражданина. В рамках муниципальной службы указанный принцип заключается в том, что указанная профессиональная деятельность должна ориентироваться на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Учитывая тот факт, что органы местного самоуправления в наибольшей степени приближены к населению и его проблемам, муниципальные служащие в полной мере в рамках возложенных на них полномочий способны осуществлять выше-названную деятельность. Кроме того, данный принцип также рассматривается и непосредственно по отношению к муниципальным служащим, чьи права, свободы и законные интересы также должны уважаться с учетом ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой.
- 2) равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к муниципальной службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами муниципального служащего. В указанном

принципе справедливо акцентируется внимание на наличии множества дискриминирующих оснований, которые недопустимо использовать в процессе поступления и прохождения службы. Однако в данном контексте следует отметить, что законодательно установленные запреты и ограничения для муниципальных служащих нарушением указанного принципа не являются, т.к. их назначение в обеспечении эффективной служебной деятельности с учетом возникающих вызовов и угроз [1, с. 30].

- 3) профессионализм и компетентность муниципальных служащих. Как отмечалось ранее, муниципальная служба выступает профессиональной деятельностью граждан, а, следовательно, муниципальные служащие должны обладать необходимыми знаниями и навыками для осуществления возложенных на них полномочий. В рамках указанного принципа важное значение приобретает совершенствовании профессиональной компетентности муниципальных служащих с учетом современных реалий, т.е. регулярное развития имеющихся знаний и навыков в целях эффективной служебной деятельности.
- 4) стабильность муниципальной службы. Указанный принцип корреспондирует к природе служебной деятельности в целом, что объективно обусловлено наличием государственно-властных полномочий на местном уровне. Муниципальная служба осуществляется на постоянной основе с учетом специфики развития конкретной территории. В данном контексте органы местного самоуправления, выступающие в качестве нанимателя, представляют собой стабильное образование, нежели, например, частные организации.
- 5) доступность информации о деятельности муниципальных служащих. В рамках представленного принципа определяется открытость муниципальных органов и служащих об их деятельности с учетом запретов, связанных с распространением конфиденциальной информации. В СМИ, на официальных интернет-ресурсах органов местного самоуправления должна размещаться информация о деятельности муниципальных органов, данные о численности муниципальных служащих, сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, и другие данные. Данные сведения активно подвергаются общественному контролю.
- 6) взаимодействие с общественными объединениями и гражданами. Конституция РФ

закрепляет право граждан на участие в управлении делами государства, что также осуществляется в рамках муниципальной службы. Будучи наиболее приближенными к населению, органы местного самоуправления способны эффективно и в достаточно короткие сроки разрешать вопросы местного значения. Для повышения эффективности указанной деятельности важнейшее значение имеет активная вовлеченность гражданского общества во взаимодействие с представителями муниципальной службы.

- 7) единство основных требований к муниципальной службе, а также учет исторических и иных местных традиций при прохождении муниципальной службы. Указанный принцип ориентирует служебную деятельность на местном уровне на единые подходы, закрепленные в действующем законодательстве, в отношении поступления, прохождения и прекращения муниципальной службы. Несмотря на то, что муниципальная служба достаточно детально регламентируется на федеральном уровне, в рамках указанного принципа совершенно справедливо акцентируется внимание на необходимости учета исторических и иных местных традиций.
- 8) правовая и социальная защищенность муниципальных служащих. Учитывая особенности служебного функционирования, следует отметить наличие различных правовых и социальных гарантий у муниципальных служащих, что объективно обусловлено необходимостью обеспечения стабильности служебной деятельности в современных реалиях, в том числе и на местном уровне. Рассматриваемый принцип конкретизирует специфику муниципального служебного функционирования в части доступности надлежащих условий труда, денежного и пенсионного обеспечения и др.
- 9) ответственность муниципальных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей. Так как муниципальные служащие осуществляют особые полномочия, возложенные на них с учетом потребностей развития конкретных местных территорий, развитие противоправного поведения среди указанных лиц создают существенные угрозы обозначенным процессам. В данном контексте значительно актуализируются вопросы своевременного и справедливого наказания виновных муниципальных слу-

жащих за совершенные ими деяния. Указанный принцип ориентирован на возможность привлечения муниципальных служащих к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности, т.е. в зависимости от степени общественной опасности демонстрируемого поведения.

- 10) внепартийность муниципальной службы. Указанный принцип ориентирует исключение политического влияния в процессе организации и осуществления муниципальной службы. Учитывая специфику данной служебной деятельности, возникновение объединений по политическим взглядам в органах местного самоуправления способно негативно влиять на их функционирование в целом. Функционирование политических партий тесно связано с активной пропагандой их идеологических взглядов, что способно перевести на второй план нужды населения конкретной территории, а подобные ситуации для органов местного самоуправления недопустимы.

Важно отметить, что вышеназванный перечень не является исчерпывающим, поскольку указанные принципы российский законодатель определяет в качестве основных. Оправданным также представляется упоминание и раскрытие различных аспектов реализации вышеназванных принципов в целом по тексту Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», что свидетельствует о единстве их понимания.

В современной правовой науке высказываются мнения о необходимости дополнения рассмотренного перечня принципов муниципальной службы [2, с. 78]. Однако важно отметить, что многие принципы, рассматриваемые в качестве специальных применительно к муниципальной службе, являются отдельными аспектами общих принципов служебной деятельности.

Принципы муниципальной службы характеризуются качественным многообразием, в связи с чем в правовой науке сформулированы различные их классификации. Важно отметить, что в основе данных классификаций лежат различные критерии, что также позволяет характеризовать многоаспектность процесса организации и осуществления муниципальной службы.

Отметим, что в рамках анализируемой темы принято выделять общие принципы, который актуальны для правовой системы российского государства в целом и могут конкретизироваться применительно к различным сферам жизнедеятельности и специальные принципы, которые непосредственно отражают специфику функционирования муниципальной службы [3, с. 83].

Говоря о других критериях, можно также выделить источник формально-юридического закрепления, в связи с чем принципы муниципальной службы принято подразделять на конституционные и отраслевые.

Если рассматривать заявленную проблематику через призму роли в регулировании муниципально-служебных отношений, то принципы подразделяются на организационные и функциональные. Однако в рамках данной классификации отдельные принципы могут выступать в одних ситуациях организационными, а в других уже функциональными.

В настоящее время регламентация муниципального служебного функционирования совершенно справедливо ориентируется на необходимость обеспечения принципа сочетания частных и публичных начал. Данный принцип рассматривает не только отдельные материальные, но и процессуальные аспекты организации и осуществления указанной деятельности, в связи с чем речь идет о совокупности административно-правового и договорного регулирования отношений.

Таким образом, все вышеназванные принципы имеют основополагающее значение для муниципальной службы. Среди них невозможно выделить наиболее главные и второстепенные. Принципы муниципальной службы характеризуются системностью и тесной взаимосвязью, а, следовательно, игнорирование одного из принципов породит нарушение других. Анализ принципов муниципальной службы позволяет сделать вывод об их первостепенном влиянии на сущность указанной служебной деятельности.

Список литературы:

[1] Зенченко, А.В. О некоторых аспектах реализации принципа равного доступа к муниципальной службе / А.В. Зенченко // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 4(33). С. 27-31.

[2] Карев, Д.А. Принципы организации и функционирования муниципальной службы в Российской Федерации: монография / Д.А. Карев. Самара: ООО «Издательский Центр ЮНИПресс», 2022. 223 с.

[3] Хакимова, М.Р. Муниципальная служба: понятие, принципы, причины и пути противодействия коррупции / М. Р. Хакимова, А. С. Тютнев // Проблемы организации и деятельности органов местного самоуправления / Ответственный редактор Н.В. Кешикова. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 82-85.

References:

[1] Zenchenko, A.V. On some aspects of the implementation of the principle of equal access to municipal service/A.V. Zenchenko//Actual problems of our time: science and society. 2021. № 4(33). S. 27-31.

[2] Karev, D.A. Principles of organization and functioning of municipal service in the Russian Federation: monograph/D.A. Karev. Samara: UNIPress Publishing Center LLC, 2022. 223 pp.

[3] Khakimova, M.R. Municipal Service: Concept, Principles, Reasons and Ways to Combat Corruption/M.R. Khakimova, A.S. Tyutnev//Problems of Organization and Activities of Local Self-Government Bodies/Executive Editor N.V. Keshikova. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2021. S. 82-85.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАНУННИКОВА Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
доцент, полковник полиции
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
начальник кафедры ГиГПД,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВАХ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОМ ОПРАВДАНИИ ТЕРРОРИЗМА ИЛИ ПРОПАГАНДЕ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. Автор статьи предлагает свое видение того, как сложно бывает понять, что именно считается «публичным» призывом к терроризму или его оправданию. Он подчеркивает, насколько опасны такие преступления для общества, и считает, что главная проблема в том, что в российском уголовном законе не прописано достаточно подробно, как именно могут выглядеть и как совершаются подобные действия. Изучая, как общество защищено от таких преступлений, особенно от публичных призывов к терроризму, его оправдания или пропаганды, автор по-новому смотрит на то, как в российском уголовном праве понимают «публичность» этих действий. В итоге автор приходит к выводу, что старое определение публичности, которое говорит о том, что нужно как минимум два слушателя, не подходит для того, чтобы правильно оценивать преступления, связанные с публичными призывами и оправданием терроризма.

Ключевые слова: публичные призывы, террористическая деятельность, терроризм, оправдание, пропаганда, публичность, толкование, распространение, круг лиц, судебная практика.

KANUNNIKOVA Natalia Gennadievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel
Of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Head of the Department of State and Civil Law Disciplines

ON PUBLIC CALLS TO TERRORIST ACTIVITIES, PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM, OR TERRORIST PROPAGANDA

Annotation. The author of the article offers his own perspective on the difficulty of understanding what exactly constitutes “public” calls for terrorism or its justification. He emphasizes the dangerous nature of such crimes for society and believes that the main issue lies in the lack of detailed provisions in Russian criminal law regarding the specific nature and execution of such actions. By examining how society is protected from such crimes, particularly public calls for terrorism, its justification, or propaganda, the author provides a fresh perspective on how Russian criminal law defines the “public” nature of these actions. In the end, the author concludes that the old definition of publicity, which states that there must be at least two listeners, is not suitable for properly assessing crimes related to public appeals and justification of terrorism.

Key words: public appeals, terrorist activities, terrorism, justification, propaganda, publicity, interpretation, dissemination, range of persons, and judicial practice.

Введение

Проблема с тем, как понимать и применять закон к публичным призывам к терроризму и его оправданию, в основном связана с тем, что наш уголовный кодекс не уточняет, как именно эти действия должны выглядеть. Но совершенно

ясно, что вся опасность таких преступлений заключается в том, что кто-то доносит определённую информацию до других. Именно это донесение информации и создаёт ту потенциальную угрозу, которую государство хочет предотвратить – угрозу того, что люди под влиянием этих

слов могут быть вовлечены в терроризм. Данный аспект становится особенно ясным при анализе законодательного определения пропаганды терроризма в статье 205.2 УК РФ, где речь идёт о распространении материалов и информации, направленных на формирование определённых взглядов.

Когда речь идет о пропаганде терроризма, «распространение» означает, что материалы могут быть направлены как всем подряд, так и конкретным людям или определенной группе. Содержательная составляющая примечания 1.1. к ст. 205.2 УК РФ, фиксирующая под пропагандой терроризма «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», позволяет исследователям данной проблемы полагать, что распространение информации и материалов может осуществляться и в отношении одного человека [1, с. 88; 2].

Закон о подстрекательстве работает не всегда. Он применяется только тогда, когда кто-то специально уговаривает кого-то конкретного совершить конкретное преступление, и это преступление уже настолько серьезно, что за него можно получить срок (хотя бы на стадии подготовки). И самое главное - нужно доказать, что именно из-за того, что подстрекатель сказал или сделал, другой человек в итоге совершил это преступление.

Часть 5 статьи 34 Уголовного кодекса РФ устанавливает, что попытка склонить лицо к совершению преступления, которая не увенчалась успехом, приравнивается к стадии приготовления к преступлению. Несмотря на дискуссии в юридической науке и практике относительно точного смысла этой нормы [3, с. 55-58], представляется, что она направлена на создание предпосылок для совершения того преступления, к которому осуществлялось побуждение, а не на подготовку самого акта подстрекательства. Следует подчеркнуть, что неудавшееся склонение к преступлениям террористической направленности уже имеет отдельное законодательное регулирование в статьях 205.1 (части 1 и 1.1) УК РФ. Тем не менее, это не исключает применения общих критериев, определяющих наказуемость стадии приготовления.

По мнению некоторых экспертов в области права, действия, совершаемые перед самим преступлением, должны быть наказуемы, если они уже создают ощутимую опасность того, что преступление произойдёт [4, с. 249]. Чтобы определить степень этой опасности, нужно посмотреть, что именно делалось, насколько это было важно

для совершения преступления и как близко эти действия подвели к вредным последствиям. Исходя из этого, автор полагает, что для того, чтобы неудачная попытка подстрекательства считалась наказуемой подготовкой к преступлению, нужно доказать, что она действительно угрожала конкретной жертве. Обычно это условие выполняется, когда преступник пытается убедить определённых людей совершить преступление, которое уже достаточно ясно очерчено.

Понятие «публичные призывы к терроризму» подразумевает обращение к неограниченному, неиндивидуализированному кругу лиц. Это указывает на умысел виновного воздействовать на принятие решения о совершении преступления со стороны субъектов, не идентифицированных на момент обращения. Фактически, это представляет собой целенаправленное воздействие на любого потенциального «получателя» информации. Критериями публичности призыва являются место и способ его распространения, предполагаемый и фактический объем аудитории, а также иные сопутствующие факторы.

Факт большого количества просмотров призыва может свидетельствовать о некоторых его свойствах, но сам по себе не достаточен для определения его публичности. Если установлено, что автор имел намерение обратиться к определённым адресатам, то такой призыв не следует считать публичным. Это правило распространяется и на случаи, когда автор последовательно обращается к множеству отдельных лиц. Однако, если сообщения рассылаются массово различным получателям, и нет причин полагать, что автор хотел скрыть эту информацию от других потенциальных адресатов, то это отличается от вышеуказанных ситуаций.

Чтобы лучше понять эту позицию, представим ситуацию: некий человек в частной беседе с тремя знакомыми зачитывает свой документ, содержащий оправдания терроризма, и призывает их к участию в террористической деятельности. Несмотря на возможное намерение автора распространить этот текст более широко, его действия не будут считаться публичными. Причина в том, что общение происходило в ограниченном кругу конкретных лиц, а сам документ, содержащий опасные идеи, не был передан для дальнейшего распространения. Учитывая общий характер призывов, такие действия могут быть квалифицированы как пропаганда терроризма.

В рамках российского уголовного права ведется активная дискуссия относительно квалификации действий, направленных на склонение неопределенного круга лиц к совершению преступлений, как подстрекательства. Российские исследователи в области уголовного права указывают на возможность рассмотрения провоци-

рования массовых беспорядков, ведущих к совершению преступлений, в качестве подстрекательства, при условии, что толпа целенаправленно подталкивается к конкретному противоправному деянию, которое впоследствии реализуется [5, с. 346-347; 6, с. 327].

Результаты

1. Современная российская юстиция придерживается позиции, что открытое озвучивание призывов не исключает их трактовки как побуждения к совершению противоправных деяний. Тем не менее, когда подобные воззвания направлены на неограниченное число граждан и склоняют их к криминальным действиям, возникает очевидная трудность в демонстрации той причинно-следственной зависимости, которая необходима для признания причастности к преступлению.
2. С точки зрения права, публичные призывы и подстрекательство к преступлению имеют разграничение: для первых не требуется столь детальное описание противоправного деяния, как для второго. Тем не менее, данное исключение не применяется к публичным призывам к терроризму, если они не содержат никакой конкретики относительно требуемых действий. В таких случаях, при наличии всех необходимых элементов, особенно коммуникативной цели, эти призывы могут быть переквалифицированы как пропаганда терроризма.
3. При определении публичности для оправдания терроризма следует, по мнению автора, применять те же строгие критерии, что и для призывов к терроризму.
4. Традиционные научные трактовки публичности, предполагающие наличие двух и более слушателей, не могут быть адекватно применены для квалификации преступлений, связанных с публичными призывами и оправданием терроризма.

Заключение

Судебная практика показывает, что оправдание терроризма, в отличие от призывов, не обязательно подразумевает намерение подтолкнуть других к совершению теракта. Мотивация может быть иной: от желания выразить свои взгляды до стремления привлечь внимание или шокировать. Поскольку в таких случаях это остается формой выражения мнения, именно ограни-

ченное понимание публичности является ключевым для признания опасности подобных заявлений. Их публичное распространение может не только нарушить общественный порядок, но и спровоцировать непредсказуемую реакцию, когда отдельные люди, под влиянием этих идей, могут пойти на совершение или попытку совершения террористического акта.

Список литературы:

- [1] Кунашев А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 88.
- [2] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3(2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Яни П.С. Сложности квалификации неудавшегося соучастия в преступлении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. N 4(54). С. 55 - 58.
- [4] Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 249.
- [5] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 346 - 347.
- [6] Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 327.

References:

- [1] Kunashev A. Public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: criminal law analysis and qualification issues//Criminal law. 2018. № 6. S. 88.
- [2] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2019)// SPS "ConsultantPlus."
- [3] Jani P.S. Difficulties in qualifying failed complicity in a crime//Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2016. N 4(54). S. 55-58.
- [4] Kuznetsova N.F. Selected works. St. Petersburg, 2003. S. 249.
- [5] Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. Part general. In 2 vols. 1. M., 1994. S. 346-347.
- [6] Trainin A.N. Selected works. St. Petersburg, 2004. S. 327.

АРИПШЕВ Ахмед Мухамедович,
заместитель начальника кафедры огневой подготовки,
кандидат экономических наук, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Для повышения эффективности противодействия киберпреступности необходим комплексный, опережающий подход, сочетающий правовые, организационные и технологические меры. Автор с исследованием отмечает, что первоочередной мерой является совершенствование уголовного и процессуального законодательства путем криминализации новых способов совершения преступлений: целесообразно ввести отдельные составы, учитывающие использование AI и глубоких подделок для мошенничества, шантажа и манипуляции общественным мнением. Необходима унификация понятийного аппарата через закрепление на законодательном уровне четкого определения киберпреступления, созвучного с международными подходами.

Ключевые слова: уголовное и процессуальное законодательство, новые способы совершения преступлений, использование AI, мошенничество, унификация понятийного аппарата, киберпреступления.

ARIPSHEV Ahmed Mukhamedovich,
Deputy Head of the Department of Fire Training,
Candidate of Economic Sciences, Police Colonel

GENERAL THEORETICAL, PSYCHOLOGICAL AND OTHER ISSUES OF COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN MODERN CONDITIONS

Annotation. To improve the effectiveness of countering cybercrime, a comprehensive, proactive approach is needed, combining legal, organizational, and technological measures. The author notes in his study that the primary measure is to improve criminal and procedural legislation by criminalizing new methods of committing crimes: it is advisable to introduce separate offenses that take into account the use of AI and deepfakes for fraud, blackmail, and manipulation of public opinion. Unification of the conceptual framework is necessary by enshrining in law a clear definition of cybercrime consistent with international approaches.

Key words: criminal and procedural legislation, new methods of committing crimes, use of AI, fraud, unification of the conceptual framework, cybercrime.

Противодействие киберпреступности в цифровую эпоху является одной из наиболее сложных и актуальных задач для обеспечения национальной и международной безопасности. Проведенное исследование позволяет констатировать, что существующая в России система мер, несмотря на ее постоянное развитие, все еще отстает от динамично меняющихся киберугроз. Ключевыми проблемами остаются архаичность уголовного законодательства, сложности с квалификацией и доказыванием, кадровый дефицит и недостаточный уровень международной кооперации.

Для кардинального изменения ситуации необходим переход к опережающей модели уголовной политики, основанной на глубокой интеграции правовых, организационных и технологических мер.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации насильственных преступлений представляет собой устойчивую и системную проблему современной уголовно-правовой практики. Специфика обусловлена высокой степенью нормативной дифференциации составов преступлений против личности, нали-

чием многочисленных квалифицирующих признаков, а также использованием оценочных категорий, наполняемых содержанием преимущественно через судебную практику [2].

Анализ научных публикаций 2022–2026 гг. и судебных решений за указанный период подтверждает отсутствие единообразия при разграничении смежных составов преступлений. Наиболее сложными остаются вопросы соотношения общей и специальной нормы, части и целого, а также разграничения конкуренции норм и совокупности преступлений. Практика демонстрирует случаи как избыточной инкриминации, когда содеянное необоснованно квалифицируется по нескольким статьям, так и неполной уголовно-правовой оценки, при которой отдельные признаки преступления «поглощаются» без достаточных оснований.

В условиях стремительной цифровизации преступности, традиционные формы мониторинга сети Интернет участниками общественных объединений посредством ручного поиска остаются низко эффективными.

Современный этап характеризуется переходом кибердружин к использованию автоматизированных систем на базе искусственных нейронных сетей. В современной цифровой среде общественные объединения правоохранительной направленности сталкиваются с проблемой намеренного искажения лексики и использования специфического сленга для обхода автоматических систем фильтрации.

Особую значимость приобретает использование возможностей искусственного интеллекта в деятельности кибердружин по противодействию наркопреступности в цифровой среде. Современные системы на базе искусственного интеллекта способны распознавать скрытую рекламу наркотиков, анализируя контекст и структуру сообщения. Нейросеть обучается распознавать намеренные искажения слов, замену букв цифрами, использование иных символов и изображений вместо названий веществ, что раньше было главным способом обхода фильтров [3].

Внедрение искусственного интеллекта в деятельность общественных объединений правоохранительной направленности радикально меняет инструментарий участия граждан в обеспечении правопорядка. Переход от пассивного наблюдения к упреждающему наблюдению и значительно повышает эффективность предупреждения правонарушений на ранних стадиях. Несмотря на высокий потенциал, широкое применение искусственного интеллекта обществен-

никами сопряжено с серьезными рисками. В частности, выявлена необходимость четкого законодательного регулирования.

В заключение отметим, что искусственный интеллект должен рассматриваться не как замена человеческому участию, а как инструмент интеллектуальной поддержки, позволяющий общественным объединениям действовать более прицельно и эффективно.

Комплексное использование гражданской инициативы и высоких технологий способно создать принципиально новую модель общественной безопасности, основанную на прозрачности, скорости реакции и предупредительном подходе.

Список литературы:

[1] Безгачев Ф. В. Применение искусственного интеллекта (нейронных сетей) в деятельности полиции // Закон и власть. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-iskusstvennogo-intellekta-neyronnyh-setey-v-deyatelnosti-politsii> (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Карпика А. Г. Анализ направлений применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // ЮП. 2023. №1 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-napravleniy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 06.05.2026).

[3] Машекуашева М.Х. Вопросы эффективности борьбы с интернет-мошенничеством: повышение результативности функционирования правоохранительных органов. Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. С. 43-44.

References:

[1] Bezgachev F.V. Application of artificial intelligence (neural networks) in police activities// Law and power. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-iskusstvennogo-intellekta-neyronnyh-setey-v-deyatelnosti-politsii> (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Karpika A. G. Analysis of the areas of application of artificial intelligence in law enforcement// UP. 2023. №1 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-napravleniy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 06.05.2026).

[3] Mashekuasheva M.Kh. Issues of the effectiveness of combating Internet fraud: increasing the effectiveness of the functioning of law enforcement agencies. Economics and law. XXI century. 2025. № 2. S. 43-44.

ЭФЕНДИЕВ Касим Вячеславович,
преподаватель кафедры СД
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАПРЕТОВ, ОГРАНИЧЕНИЙ И ПОощРЕНИЙ ДЛЯ ГРАЖДАН, ДОПУЩЕННЫХ К РАБОТЕ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНОЙ

Аннотация. В ходе исследования статистических данных из открытых источников по инцидентам, связанным с раскрытием критически важной для государства информации – государственной тайны (гостайны) установлено, что доминирующей причиной подобного преступного поведения оказываются мотивированные, целенаправленные действия лиц, имеющих допуск или ранее допускавшихся к работе со сведениями обозначенной категории. Для предупреждения и устранения угроз и реальной опасности, вызванных выявленной причиной, в законодательстве предусмотрены регулирующие механизмы государственно-правового воздействия на субъекты правоотношений, сложившихся в области защиты государственной тайны. Среди таких механизмов мы выделили и рассмотрели методы правового запрета, ограничения прав и свобод, а также метод поощрения. В последнем случае подробно проанализирована система социальных гарантий должностным лицам и гражданам, имеющим допуск к гостайне по одной из форм секретности, при этом показано, что формально заложенные в правовой институт гостайны поощрения на практике неэффективны. Тем не менее хорошо функционирует развитая система негативного влияния на поведение должностного лица, представляющая собой взаимообусловленную комбинацию запретов и ограничений. Учитывая то, что субъект в рассматриваемых правоотношениях добровольно претерпевает ограничение своих конституционных прав и свобод, мы вносим предложение о расширении оснований и условий материальных поощрений за исполнение обязанностей, детерминированных допуском к гостайне.

Ключевые слова: государственная тайна, допуск к гостайне, компрометация информации, система запретов, ограничений и поощрения.

EFENDIEV Kasim Vyacheslavovich,
Lecturer at the Department of SD
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies
(branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF BANES, RESTRICTIONS, AND REWARDS FOR CITIZENS WHO ARE PERMITTED TO WORK WITH STATE SECRETS

Annotation. In the course of the study of statistical data from open sources on incidents related to the disclosure of information that is critical for the state – state secrets (state secrets), it was established that the dominant cause of such criminal behavior is the motivated, purposeful actions of individuals who have been authorized or previously authorized to work with information of this category. To prevent and eliminate the threats and real dangers caused by the identified cause, the legislation provides for regulatory mechanisms of state-legal influence on the subjects of legal relations that have developed in the field of state secret protection. Among these mechanisms, we have identified and reviewed the methods of legal prohibition, restriction of rights and freedoms, and the method of encouragement. In the latter case, the system of social guarantees for officials and citizens who have access to state secrets under one of the forms of secrecy has been analyzed

in detail, and it has been shown that the incentives formally included in the legal institution of state secrets are ineffective in practice. Nevertheless, a well-developed system of negative influence on the behavior of an official, which is a combination of prohibitions and restrictions, functions effectively. Given that the subject in the legal relations under consideration voluntarily undergoes a restriction of their constitutional rights and freedoms, we make a proposal to expand the grounds and conditions of material incentives for the performance of duties determined by the admission to state secrets.

Key words: *state secrets, admission to state secrets, information compromise, system of prohibitions, restrictions and incentives.*

С распространением наукоёмких технологий политика развития высокопроизводительных вычислительных систем в Российской Федерации, в частности, направленная, согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [8], на унификацию территории государства через виртуализацию социального пространства, одновременно нацелена на нейтрализацию деструктивных информационно-психологических факторов, обусловленных внутренним и внешним центробежным влиянием неолиберальных и глобалистских сил. Подобная деятельность коррелирует с тем, что сопутствующим продуктом развития интеллектуальных телекоммуникационных систем на прикладном, массовом уровне является формирование цифровой публичной среды, предлагающей различные средства общения и социальной коммуникации (например, интернет-мессенджеры WhatsApp, Telegram, MAX и т.д.).

Так, по состоянию на 2025 год доля социальных коммуникаций, состоявшихся и созданных средствами информационно-телекоммуникационных технологий, составляет 61%, при этом «...онлайн-общение становится привычной и удобной формой поддержания социальных связей, задавая формат повседневной коммуникации, это не просто смена канала, а сдвиг в культуре общения» [9]. Как следует из статистики Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ, веб-сайт: <https://wciom.ru/>), цифровая публичная среда, заменив непосредственность реальных контактов, становится основным каналом пересылки и распространения пакетов информации между адресатами и адресантами, в связи с чем возрастают риски преднамеренной передачи и (или) случайного разглашения сведений и данных, отнесённых к различным конфиденциальным категориям доступности.

Критически важная для государства категория информации – государственная тайна (Далее – гостайна), определяемая Законом о государственной тайне [10] как «защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации», представляет первостепеннейший инте-

рес для правительств недружественных нам стран, а также транснациональных корпораций, выражающих интересы игроков глобального бизнеса и формирующих геополитическую повестку. Тот же Закон о государственной тайне закладывает понятия о способах защиты гостайны через установление в государственных структурах, организациях, на предприятиях и т.д. режима секретности. При этом субъектом режима секретности, реализующим меры безопасности обращения с гостайной, выступают не только допущенные в установленном порядке должностные лица (государственные федеральные служащие), а также граждане, ознакомившиеся в силу вынужденных обстоятельств со сведениями данной категории конфиденциальности.

В настоящей работе лицо, допущенное к гостайне, мы рассматриваем в качестве объекта исследования, закономерно вовлечённого в различные виды социальных коммуникаций и выступающее в силу своего специального правового статуса основным носителем информации, а значит вероятным источником утечки критически важных сведений. Такие существенные признаки (свойства нашего объекта исследования), как обязательства и должность, которые, по сути, неразрывно связаны с формально-юридическим закреплением прав, основных и специальных обязанностей, требований к служебному поведению и ответственности, определяют суть правового статуса и выражены в совокупности социальных связей и взаимообусловленных взаимодействий членов общества и государства, юридически регулируемых нормами права [1].

Известно, что специальный правовой статус, например для сотрудников органов внутренних дел [2, 3], предусматривает ограничения прав и свобод, в том числе запреты, связанные со службой и установленные специальными законами: «О службе в органах внутренних дел РФ...» [11], «О полиции» [12]. Обозначенные правовые методы регулирования общественных отношений обуславливают предмет изучения и цель настоящей статьи.

В научной юридической литературе [4, 5] в качестве методики регулирования общественных отношений предлагается система запретов,

включающая в арсенал своего инструментария: «воздействие», «предупреждение» и «отказ от действия или бездействия».

Исключая специфические различия в свойствах приведённых запретов единой чертой выделяется общий правовой механизм дискриминации свобод человека и гражданина, нацеленный на предотвращение преступного и антиобщественного поведения членов социума, субъектов правоотношений.

Наряду с запретами юридическая наука располагает и такими мерами государственного воздействия как ограничения. Пропуская излишние подробности, правовые ограничения с различных точек зрения можно интерпретировать через корреспондирующие функции по способу воздействия на объект нашего исследования – это обеспечительная, стимулирующая, регулятивная и нормативная функции.

Если проанализировать различные варианты вероятного поведения объекта исследования в условиях применения указанных мер воздействия, то его по характеру целесообразно разграничить на два вида: с одной стороны, формально (юридически) запрещённое, но по факту вполне реализуемое, с другой – невозможное с формальной и фактической сторон. То есть, должностные (юридические) обязанности обеспечивают основание не только для ограничения субъективных прав, но и гражданских свобод должностного лица.

В нашей работе ограничения и запреты рассматриваются как возможные способы правового регулирования общественных отношений, «...поскольку в юридической литературе достаточно прочно утвердилось представление о том, что запреты и ограничения входят в систему правового регулирования наряду с позитивным вызыванием...» [4, 5].

Что касается поощрений, то в противовес запретам и ограничениям, принимая их системную взаимосвязь, основное отличие проявляется в качественной референции, характеризующей воздействие на общественные отношения. Так, льготы, поощрения и т.п. оказывают позитивное влияние на субъекты правоотношений, а правовые ограничения и запреты всегда несут негативную коннотацию.

В случае оценки поощрения через механизм воздействия на объект нашего исследования, то позитивный посыл будет направлен на его побуждение добровольно выполнять правовые установления на основе материального и морального одобрения, причём, как правило, моральное поощрение сопровождается материальным (выплаты, льготы). Таким образом, определяющим признаком метода правового поощрения как способа обеспечения государственного воздей-

ствия, является материальная мотивация, формирующая в психике лица осознание необходимости и целесообразности законопослушного образа жизни, его пользы для общества и государства, а также волевые устремления к формированию паттернов правового поведения.

Рассмотрим понятие правового запрета в контексте воздействия на общественные отношения, связанные с государственной тайной. Начнём с самых серьёзных уголовно-правовых запретов, с этой целью зададимся вопросом: какое поведение специального субъекта (гражданина Российской Федерации, с оформленным допуском к государственной тайне по одной из 3-х существующих форм или ранее допускавшегося к государственной тайне) правоприменитель посчитает при любых обстоятельствах социально-вредным и недопустимым?

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (Далее – УК РФ) система запрещённых деяний, связанных с оборотом сведений, содержащих гостайну (см. Закон о государственной тайне [13]), выглядит следующим образом:

- 1) выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих гостайну – статья 275 УК РФ «Государственная измена»;
- 2) разглашение сведений, составляющих гостайну, и даже в том случае, если эти сведения не стали достоянием других лиц (раскрытие секретных сведений и покушение на их разглашение) – часть 1 статья 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны»;
- 3) получение сведений, составляющих гостайну, строго определёнными в уголовном законе способами и путями, в том числе угрозами – часть 1 статья 283.1 УК РФ «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну»;
- 4) выезд из Российской Федерации при условии, что лицо заведомо осведомлено об ограничении для него права на выезд из Российской Федерации – часть 1 статья 283.2 УК РФ «Нарушение требований по защите государственной тайны»;
- 5) незаконное перемещение за пределы Российской Федерации любыми способами носителей, содержащих сведения, составляющие гостайну, – часть 2 статья 283.2 УК РФ «Нарушение требований по защите государственной тайны»;
- 6) нарушение установленных правил обращения (режима секретности) с содержащими гостайну документами, а равно с предметами, сведения о которых составляют гостайну, при условии их утраты и наступлении тяжких последствий – статья 284 УК

РФ «Утрата документов, содержащих государственную тайну».

Приведённый перечень различных видов общественно-опасного поведения показывает, насколько реальна угроза раскрытия секретных сведений (сведений, содержащих гостайну), и причинения ущерба безопасности государства. В качестве обоснования прозвучавшего выше тезиса ниже проведён анализ статистических данных (см. таблицу 1) за последние пять лет о вынесенных обвинительных приговорах (осу-

жденных лицах) по статьям УК РФ, охраняющим государственную тайну. Результат показывает, что основной вклад в нарушение режима секретности (правил и требований обращения с гостайной) из выявленных и раскрытых 556 преступлений вносят: разглашение сведений, составляющих государственную тайну (часть 1 статьи 283 УК РФ) – 56% и выезд из Российской Федерации гражданина Российской Федерации, допущенного или ранее допускавшегося к государственной тайне (часть 1 статьи 283.2 УК РФ) – 36%.

Таблица 1. Статистика [14] обвинительных приговоров, вынесенных в период с 2020 по 2025 год.

Статья УК РФ \ Год	2020, осуждено	2021, осуждено	2022, осуждено	2023, осуждено	2024, осуждено	Удельный вес, %
283 часть 1	43	58	66	69	74	56
283 часть 2	0	0	0	1	1	< 0,5
283.1 часть 1	3	1	3	4	3	3
283.1 часть 2	3	2	12	12	1	5
283.2* часть 1	–	–	–	70	129	36
283.2* часть 2	–	–	–	0	1	< 0,5
283.2* часть 3	–	–	–	0	0	0
283.2* часть 4	–	–	–	0	0	0
284	0	0	0	0	0	0

*) – введена Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Неумышленное «...несоблюдение установленных правил обращения с секретной документацией и предметами, небрежное обращение со сведениями, составляющими гостайну, которые образуют признаки халатного отношения к исполнению служебных обязанностей...» [6], составляет менее 1%. С другой стороны, умышленный незаконный доступ к секретным данным, нацеленный на существенное нарушение охраняемых законом интересов государства в области защиты сведений, составляющих гостайну, выявлялся

спецслужбами в 8% от всех возможных случаев компрометации режима секретности. Утрата документов и предметов, имеющих особую ценность для военной, политической, экономической, экологической и информационной безопасности государства, в том числе, для технологического развития инфраструктуры, наукоёмкой и обороной промышленности, в обозреваемом периоде не выявлялась.

Очевидно, что динамика преступлений против сохранности гостайны вплотную приближа-

ется к 100% случаев, когда утечка данных осуществлялась умышленно, и потому причины следует искать в целях и мотивах должностного лица, допущенного к защищаемым сведениям ограниченного распространения (секретным сведениям). В дополнение необходимо отметить, что «...что даже самые совершенные системы защиты не смогут полностью предотвратить утечки, если должностное лицо не осознаёт важность соблюдения установленных требований и правил режима секретности...» [7].

Если во всех изложенных выше шести случаях правовой запрет направлен на воздерживание от конкретных видов социально-опасного поведения, то в случае отказа в допуске к гостайне правовой запрет направлен на предупреждение нежелательного поведения, хотя по сути не содержащего социально-опасный оттенок, но исходящего от должностного лица или гражданина, наделённого определёнными конкретными признаками и совершившего определённые действия (бездействия), послужившими основанием к запретительным мерам. Сказанное означает, что должностному лицу (гражданину) нельзя выполнять работы, связанные с использованием защищаемых сведений или оборотом гостайны.

К озвученным признакам должностного лица (гражданина) в соответствии статье 22 Закона о государственной тайне относятся: недееспособность, статус обвиняемого (подсудимого), непогашенная или неснятая судимость, медицинские противопоказания, постоянное проживание за границей, близкие родственники за границей, иностранное гражданство (подданство) либо вид на жительство, из актуальных законодательных изменений – статус иностранного агента.

Также основанием для запрета должностному лицу (гражданину) работать со сведениями, отнесёнными к гостайне, является его ненадлежащее поведение: действия, создающие угрозу безопасности Российской Федерации; уклонение от проверочных мероприятий; сообщение заведомо ложных анкетных данных; нарушение требований законодательства Российской Федерации о гостайне.

В отличие от формального характера правового запрета (лицо всегда может воспользоваться выбором или пренебречь им), ограничения задают реальные границы в правовом поле для фактического влияния на поведения лица, что является его генеральной чертой. Например, механизм ограничения на выезд включает изъятие у лица его заграничного паспорта, либо при невозможности осуществления этой процедуры его аннулирование.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что вкупе с ограничением права на выезд из

Российской Федерации также применяется уголовный запрет. Такая двойная превенция говорит о том, что государство заботится о сохранности в тайне своих секретов, благополучии своих граждан, допущенных к работе с секретными сведениями, и их защите от преступных посягательств и провокаций со стороны иностранных специальных и разведывательных служб.

Согласно статье 24 Закона о государственной тайне должностное лицо или гражданин, допущенные или ранее допускавшиеся к гостайне, могут быть ограничены в правах на использование открытий и изобретений, а также на неприкосновенность частной жизни на период проведения проверочных мероприятий. Учитывая, что одним из оснований для отказа в допуске к гостайне является уклонение лица и гражданина от проверочных мероприятий, то здесь, как и в предыдущем примере, очевидна комбинация, связка из двух способов правового регулирования – запретов и ограничений, которая выполняет обеспечительную функцию. Так, запрет на контрпродуктивное поведение проверяемого лица обеспечит его предсказуемое поведение и проведение мероприятий в благоприятных условиях.

Система поощрений воздействует на поведение лица через моральное и материально стимулирование, и как было отмечено ранее моральное стимулирование всегда должно подкрепляться материальным. При этом, в отличие от запретов и ограничений, лицо, лишаясь права выбора линии своего поведения, приобретает материальные блага.

В Законе о государственной тайне статьёй 21.2 задекларирована система социальных гарантий для должностных лиц и граждан, прошедших проверку и получивших право на постоянной основе выполнять работы с секретными сведениями. Система состоит из двух видовых элементов: 1) процентные надбавки к должностному окладу за работу с секретными сведениями в зависимости от формы допуска должностного лица (гражданина), а также за стаж работы в структурных подразделениях по защите государственной тайны, 2) преимущественное право при прочих равных условиях на оставление на работе при проведении организационно-штатных мероприятий.

С функциональной точки зрения только процентные надбавки оказывают позитивное воздействие на субъект правоотношений ввиду регулярности выплат. Однако, поощрение должно побуждать, т.е. вносить в систему дополнительный ресурс и материю, в отличие от компенсационных выплат, которые предназначены для восполнения потраченного ресурса на установленные запреты, ограничения и ответственность, связанные с режимом секретности. Необходи-

мость в преимущественном праве за весь период работы (службы) может так и не возникнуть, а в подразделениях, где все сотрудники имеют доступ к гостайне – теряет свой смысл.

Таким образом, исходя из заложенной в Законе о государственной тайне системы социальных гарантий должностным лицам и гражданам, имеющим доступ по одной из форм секретности, можно заключить, что методы поощрения в институте гостайны представлены формально и фактически нефункциональны. Преступления против гостайны совершаются мотивированно и целенаправленно, поэтому необходимо задействовать демотивирующие механизмы в регулировании правовых отношений в области оборота и защиты критически важной для государства информации. Одним из таких механизмов, на наш взгляд, может послужить сохранение денежных выплат сотрудникам и государственным служащим после прекращения допуска к гостайне по положительным основаниям на период запретов и ограничений их прав и свобод, связанных с обеспечением защиты секретной и прочей конфиденциальной информации.

Список литературы:

- [1] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. / М.: Изд-во МГУ: ИНФРА - М - NORMA, 2017. - 393 с.
- [2] Пономарев Б.А. Правовое положение сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации // Форум молодых ученых 6 (58). 2021. С. 600-603.
- [3] Матвеев С.П. Правовой статус сотрудников органов внутренних дел // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 4. С. 156–162.
- [4] Нурмагамбетов Р.Г. Конституционно-правовые запреты, ограничения и дозволения как способы правового регулирования общественных отношений // Вестник ЧелГУ. 2007. № 12. С. 71-78.
- [5] Кокурина О.Ю. Об особенности правовых поощрений // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 170. С. 37-43.
- [6] Рясков Д.А. Основание уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих содержание государственной тайны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 131-135.
- [7] Неладнов Е.М., Мастабаев А.О., Попов Ю.Л. Роль человеческого фактора в обеспечении защиты государственной тайны // Актуальные исследования. 2025. № 15 (250). Ч.1. С. 57-62. URL: <https://apni.ru/article/11735-rol-chelovecheskogo-faktora-v-obespechenii-zashity-gosudarstvennoj-zashity>.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (дата обращения: 10.03.2026 г.).

[9] Результаты опроса молодежи о коммуникации в сети // МОСКВА, 24.06.2025 г. Аналитический центр ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi>

[10] Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (дата обращения: 10.03.2026 г.)

[11] Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (дата обращения: 10.03.2026 г.).

[12] Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (дата обращения: 10.03.2026 г.).

[13] Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Данные о назначенном наказании по статьям уголовного кодекса Российской Федерации, источник URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> -- (дата обращения 10.03.2026 г.).

References:

- [1] Voevodin L.D. Legal status of a person in Russia /M.: Publishing House of Moscow State University: INFRA - M - NORMA, 2017. - 393 p.
- [2] Ponomarev B.A. Legal status of employees of internal affairs bodies in the Russian Federation// Forum of Young Scientists 6 (58). 2021. P. 600-603.
- [3] Matveev S.P. Legal status of employees of internal affairs bodies//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2020. № 4. S. 156-162.
- [4] Nurmagambetov R.G. Constitutional and legal prohibitions, restrictions and permissions as methods of legal regulation of public relations//Vestnik ChelSU. 2007. № 12. S. 71-78.
- [5] Kokurina O.Yu. On the peculiarities of legal incentives//Scientific Bulletin of MSTU GA. 2011. № 170. S. 37-43.
- [6] D.A. Ryasov. The basis of criminal liability for the disclosure of information constituting the content of state secrets//Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 12-2. S. 131-135.
- [7] Neladnov E.M., Mastabaev A.O., Popov Yu.L. The role of the human factor in ensuring the protection of state protection//Actual research. 2025. № 15 (250). CH.I. S. 57-62. URL: <https://apni.ru/article/11735-rol-chelovecheskogo-faktora-v-obespechenii-zashity-gosudarstvennoj-zashity>.
- [8] Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 No. 145 "On the Strategy of

Scientific and Technological Development of the Russian Federation” (circulation date: 10.03.2026).

[9] Results of a survey of young people about communication on the network//MOSCOW, 24.06.2025. VTsIOM Analytical Center. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi>

[10] Law of the Russian Federation “On State Secrets” dated 21.07.1993 No. 5485-1 (circulation date: 10.03.2026)

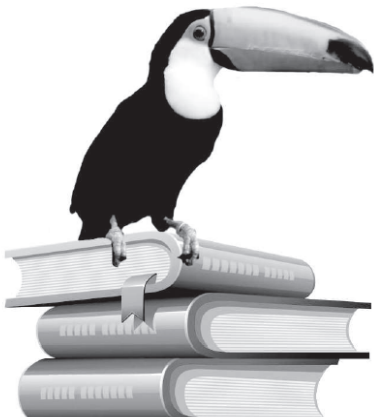
[11] Federal Law No. 30.11.2011 of 342-FZ “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian

Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (circulation date: 10.03.2026).

[12] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ “On the Police” (date of appeal: 10.03.2026).

[13] Law of the Russian Federation “On State Secrets” dated 21.07.1993 No. 5485-1 (as amended on 08.08.2024)//SPS “ConsultantPlus.”

[14] Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, source URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> -- (date of appeal, 10.03.2026).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СЕМЕНОВ Александр Александрович,
научный сотрудник
ФКУ НПО «СТИС» МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АВETИСЯН Карэн Рафаелович,
старший преподаватель кафедры информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЙ К ГЛУБОКОМУ ОБУЧЕНИЮ

Аннотация. В работе рассматриваются базовые принципы построения нейросетей на примере полносвязной архитектуры. Показано, что использование только линейных преобразований недостаточно для моделирования сложных зависимостей, что обосновывает необходимость введения нелинейных функций активации. Описаны ключевые компоненты нейросети: полносвязные слои, функции активации, перцептрон и многослойные структуры. Рассмотрены особенности обучения с использованием градиентного спуска, включая функции потерь (кросс-энтропию) и нормализацию выходов с помощью softmax. Проанализированы ограничения полносвязных сетей и области их практического применения.

Ключевые слова: нейросеть, полносвязный слой, функция активации, сигмоида, softmax, перцептрон, многослойный перцептрон, глубокое обучение, градиентный спуск, обратное распространение ошибки, кросс-энтропия, классификация, конфиденс, линейные преобразования.

SEMENOV Aleksandr Aleksandrovich,
Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS"
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology
and Cybercrime Investigation Organization
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

FUNDAMENTALS OF CONSTRUCTING AND TRAINING FULLY CONNECTED NEURAL NETWORKS: FROM LINEAR TRANSFORMATIONS TO DEEP LEARNING

Annotation. This paper examines the basic principles of constructing neural networks using a fully connected architecture as an example. It is shown that using linear transformations alone is insufficient for modeling complex dependencies, justifying the need to introduce nonlinear activation functions. Key components of a neural network are described: fully connected layers, activation functions, perceptrons, and multilayer structures. The specifics of training using gradient descent are discussed, including loss functions (cross-entropy) and output normalization using softmax. The limitations of fully connected networks and their practical applications are analyzed.

Key words: neural network, fully connected layer, activation function, sigmoid, softmax, perceptron, multilayer perceptron, deep learning, gradient descent, backpropagation, cross-entropy, classification, confidence, linear transformations.

Попробуем составить простейшую нейросеть. Положим, у нас есть вектор x числовых значений, например, характеристик человека (старательность, внимательность, сила, ум, хитрость и т. д.), и мы хотим создать нейросеть, которая по ним будет определять, для выполнения какого рода задач (офисная работа, творческая, научная деятельность, инженерная и т. д.) этот человек годится лучше всего. Представим для начала, что нейросеть – это просто умноже-

ние некоторой матрицы весов A на вектор входных значений x , соответствующие соотношения для элементов векторов x и y и матрицы A выглядят так, как представлено на *рисунке 1* (здесь и далее по тексту в случаях, когда одновременно используются переменные одним буквенным обозначением, но одна из них дополнительно обладает индексом, переменная с индексом является частью переменной без индекса (значение вектора, столбец или строка матрицы и т. д.).

$$y = Ax \rightarrow y_i = \sum a_{ij} \cdot x_j$$

Рисунок 1. Соотношения для элементов векторов x и y и матрицы A .

Теоретически может случиться так, что при наличии достаточного датасета в результате машинного обучения получится подобрать весовую матрицу A , которая будет решать поставленную задачу удовлетворительно. В противовес этой гипотезе можно высказать следующее сомнение: как правило, сложные выводы не делаются в один шаг, они состоят из некоторой цепочки умозаключений, в которой окончатель-

ным выводам предшествуют какие-то промежуточные тезисы. По этой причине, если и не в приведенном примере, то по крайней мере в других более сложных задачах будет недостаточно одного матричного умножения. Можно попробовать реализовать нейросеть в виде нескольких матричных умножений, однако в силу свойств матриц несколько матричных умножений сведутся снова к одному (*рисунк 2*).

$$y = C(B(Ax)) = (CBA)x = Dx$$

Рисунок 2. Матричное умножение.

С другой стороны, можно представить себе массу зависимостей, которые если не точно, то хотя бы приблизительно, легче и точнее всего выразить

Нелинейность /активация – нелинейная функция с одним входным аргументом и одним выходным значением.

линейно, поэтому не хотелось бы отказываться от линейных операций в составе нейросетей. Подобно тому, как нельзя сыграть музыкальную симфонию на одном барабане или нельзя построить прочное здание одной отверткой для того, чтобы линейные конструкции в нейросетях не вырождались, перемножаясь друг с другом, и могли выражать какие-то сложные зависимости, к ним добавляют нелинейные математические выражения. Изначально такие выражения появились в попытке смоделировать активацию нейрона в мозгу, благодаря чему их иногда называют «активациями».

Чаще всего функции активации применяют ко всем выходным значениям слоя, реализующего то или иное линейное преобразование, (простейшим примером такого слоя является матричное

умножение, как на *рисунк 1*). Применение активации к выходу одного слоя нейросети иногда удобно интерпретировать, как отдельный слой, при этом у этого слоя совершенно необязательно наличие собственных весов.

Слой активации – слой, состоящий из применения функций активации к выходам предыдущего слоя. Чаще всего слой активации не содержит весов, т. е. необучаем.

Полносвязный слой/full connected/dense/linear layer – слой, представляющий собой матричное умножение вектора из всех входных значений на матрицу, при этом все элементы матрицы подлежат определению в процессе машинного обучения, т. е. являются весами. Следует обратить внимание на то, что англоязычный термин «linear» хоть и используется, но является крайне неудачным, так как называет именем общего понятия частный случай этого понятия.

Перцептрон – нейросеть, составленная из одного полносвязного слоя и следующего за ним слоя активации. Первым придуманным типом нейросетей был именно перцептрон.

Многослойный перцептрон/полносвязная нейросеть – нейросеть, составленная из нескольких чередующихся полносвязных слоев и слоев активации.

Глубокая нейросеть – термин, означающий нейросеть с более чем одним слоем, возникший вместе с появлением многослойного перцептрона. Фактически все используемые в современной практике нейросети глубокие.

Глубокое обучение – машинное обучение глубоких нейросетей. В настоящее время (здесь и далее под настоящим временем понимается начало 2025 г.) термин фактически употребляется синонимично термину «машинное обучение», однако формально им правильно называть именно обучение с применением метода обрат-

ного распространения ошибки, противопоставляя его некоторым принципиально другим, но менее распространенным, подходам к обучению.

Разумеется, не любая нелинейная функция одинаково хорошо подойдет для использования в нейросети. Следует иметь в виду, что при обучении нейросети градиентным спуском функции активации будут фигурировать в вычислении производных. Если функция активации будет обладать плохой аналитичностью, то зависимость ее выходного значения от входного будет плохо прослеживаться и, следовательно, градиентный спуск будет вести себя непредсказуемо, ломаться. Одной из наиболее распространенных и чуть ли не первой придуманной функцией активации является сигмоида (рисунок 3).

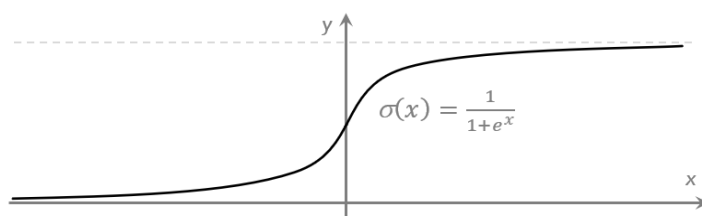

Рисунок 3. Сигмоида (формула № 4.3).

Сигмоида принимает значения от 0 до 1, ее первая производная везде больше нуля, а график функции тем более пологий, чем дальше значение аргумента от нуля. Если при обучении нейросети на некотором слое какое-то выходное значение окажется слишком большим по модулю, производная сигмоиды в соответствующей точке будет близка к нулю, что означает, что при вычислениях обратного хода соответствующая невязка будет близка к нулю. Следовательно, зависимые от него слагаемые при вычислении градиента также будут близки к нулю. Таким образом,

использование сигмоиды тормозит изменение значений весов, которые порождают слишком большие выходные значения на слоях, стимулируя, наоборот, изменение значений остальных весов.

Можно придумать много функций, которые будут обладать теми же свойствами, что и сигмоида, в том числе и похожим графиком, однако конкретно сигмоида удобна тем, что ее производная легко вычисляется на основе самого значения сигмоиды, что упрощает подсчет невязок во время обратного хода (рисунок 4).

$$\sigma'(x) = \left(\frac{1}{1+e^{-x}} \right)' = \left(\frac{-e^{-x}}{(1+e^{-x}) \cdot (1+e^{-x})} \right) = \sigma(x) \cdot (1 - \sigma(x))$$

Рисунок 4. Подсчет невязок во время обратного хода

Положим теперь, что мы определились с некоторым количеством полносвязных слоев и активациями между ними. Вернемся к задаче определения рода действительно по характеристикам человека. Положим, что выходной вектор последнего полносвязного слоя состоит из четырех значений, соответствующих четырем родам деятельности. В качестве обучаю-

щего датасета используем набор характеристик сотрудников, а в качестве разметки – векторы из четырех значений, описывающие числами от 0 до 1 способность каждого сотрудника заниматься каждым из четырех родов деятельности. Представим себе, что после обучения мы подставили в нейросеть данные двух сотрудников и получили следующие результаты (рисунок 5).

$$(0.1, 0.7, 0.2, 0.1), (0.9, 0.8, 0.9, 0.9)$$

Рисунок 5. Данные двух сотрудников в нейросети.

Второе значение первого вектора больше других значений в векторе, из чего вытекает, что первый сотрудник лучше всего справится с задачами рода, соответствующего второй позиции в векторе. У второго сотрудника, наоборот, второе значение – наименьше в векторе. Однако любое значение второго вектора больше любого значения первого. Отсюда легко проследить, что второй сотрудник, с точки зрения нашей нейросети, во всем лучше первого, но может потеряться тот вывод, что тяга ко второму роду деятельности у первого сотрудника ярко выражена,

в то время как второй сотрудник справляется со всеми примерно одинаково. Как видно, числовые значения векторов может быть сложно интерпретировать, не зная диапазон возможных значений или не имея возможности сравнить их с другими результатами.

Для ситуаций, когда от нейросети хотят, чтобы она выдавала некоторый всегда выровненный вывод в предсказуемом диапазоне, используют специальные выравнивающие функции, наиболее распространенной из которых является функция софтмакс (softmax) (рисунок 6).

$$s(x), s_i = \frac{e^{x_i}}{\sum e^{x_k}}$$

Рисунок 6. Функция софтмакс (softmax).

Функция софтмакс всегда выдает вектор значений от 0 до 1, сумма которых всегда равна единице, при чем если одно значение входного вектора было больше другого, то это отношение сохранится для соответствующих значений выходного вектора. В силу указанных свойств выходные значения софтмакса удобно интерпретировать, как распределение вероятностей, и использовать при решении задачи классификации, т. е. присвоения переданному в нейросеть объекту того или иного класса из нескольких. Значения, полученные таким образом на одном запуске нейросети, часто небрежно называют вероятностями, из-за чего не погруженные в детали люди начинают путать эту величину с точностью работы нейросети в целом.

Задача классификации – задача, при которой заранее известны несколько классов и от нейросети требуется уметь отнести переданную ей единицу входных данных к одному из этих классов.

Конфиденс/confidence (в контексте решеет нейросетью задачи классификации или похо-

жей) – относительная вероятность принадлежности к указанному классу по сравнению с вероятностями принадлежности к другим классам.

Понятие конфиденса не имеет прямого отношения к реальной вероятности принадлежности объекта к тому или иному классу или к точности нейросети в целом. Например, если у нейросети высокая точность, т. е. она почти всегда идеально срабатывает, то это означает, что максимальное значение конфиденса с вероятностью, близкой к 1, соответствует действительному классу объекта, даже если оно будет числом около 0.1. Напротив, у нейросети с низкой точностью даже высокое значение конфиденса около 0.99 может ошибочно указывать на класс, к которому объект в действительности не принадлежит.

Теперь необходимо определить лосс. Для задачи классификации такой раздел математики, как математическая статистика, рекомендует функцию, называемую кросс-энтропией. Для вектора результатов y и вектора идеальных желаемых значений Y , взятого из разметки, кросс-энтропия вычисляется по формуле (рисунок 7).

$$L(y, \hat{y}) = - \sum_i \hat{y}_i \cdot \log(y_i)$$

Рисунок 7. Вычисление кросс-энтропии.

Можно убедиться с помощью ручки и бумаги, что если совместить кросс-энтропию и софтмакс в единую функцию, то значения вход-

ных невязок r_i лосса будут вычисляться по элементарной формуле (рисунок 8).

$$L(y, \hat{y}) = - \sum_i \hat{y}_i \cdot \log \left(\frac{e^{x_i}}{\sum e^{x_k}} \right), r_i = L'_{x_i} = \frac{e^{x_i}}{\sum e^{x_k}} - \hat{y}_i$$

Рисунок 8. Вычисление входных невязок r_i лосса.

Определим теперь действия обратного хода для слоев нейросети. Для слоя активации с сигмоидой вычисление значений входных невязок r_i

по значениям выходных невязок q_i и элементов x_i входной карты признаков выполняется в соответствии с формулой на рисунке 9.

$$r_i = q_i \cdot \sigma(x_i) \cdot (1 - \sigma(x_i))$$

Рисунок 9. Вычисление значений входных невязок r_i по значениям выходных невязок q_i и элементов x_i входной карты признаков

Чтобы разобраться с тем, как выглядят вычисления обратного хода для полносвязного слоя, представим себе какой-нибудь лосс L и подсчитаем его производную по одному из вход-

ных значений полносвязного слоя и по одному из значений весов a_{ik} . Для удобства снова обозначим входные и выходные невязки r_i и q_i соответственно (рисунок 10).

$$\begin{aligned} y_i &= \sum_k a_{ik} \cdot x_k, L, \\ r_k &= L'_{x_k} = \sum_i \left(L'_{y_i} \cdot \left(\sum_k a_{ik} \cdot x_k \right)'_{x_k} \right) = \\ &= \sum_i L'_{y_i} \cdot a_{ik} = \sum_i q_i \cdot a_{ik}, r = A^T q, \\ L'_{a_{ik}} &= \sum_i \left(L'_{y_i} \cdot \left(\sum_k a_{ik} \cdot x_k \right)'_{a_{ik}} \right) = q_i \cdot x_k \end{aligned}$$

Рисунок 10. Производная лосса L .

Формула, представленная на рисунке 9, демонстрирует удобное свойство слоев, выполняющих линейные операции. Как видно, число операций прямого хода для слоя равно числу операций обратного хода для вычисления невязок и числу операций обратного хода для вычисления градиентов. На самом деле в современных нейросетях чаще всего большая часть вычислений реализована в виде тех или иных комбинаций линейных слоев. Как следствие, количество операций во время обучения современных нейросетей, как правило, приблизительно в три раза больше числа операций во время инференса. Это следует помнить при оценке времени выполнения вычислений.

Слоям, осуществляющим линейные преобразования в прямом ходе, соответствуют также линейные преобразования в обратном ходе.

Таким образом, мы разобрали все действия прямого и обратного хода для полносвязного слоя, слоя активации с сигмоидой и лосса, составленного из софтмакса и кросс-энтропии, что

позволяет запрограммировать шаг градиентного спуска для любой нейросети, состоящей из указанных слоев и применяющих указанный лосс.

Полносвязные нейросети относительно сложно учить, поскольку в них каждый вес используется для единственной операции, т. е. весов, попросту говоря, слишком много, в то время как значение каждого веса слишком незначительно. На практике полносвязные нейросети применяются в задачах, в которых входные данные обладают относительно небольшой размерностью, а природа задачи не подразумевает многослойных зависимостей, т. е. допускает составление нейросети из 2–4 слоев. Такие задачи, как правило, не сильно интеллектуальны. Примерами могут послужить некоторые простые задачи управления в робототехнике (или, что почти то же самое, управлении в компьютерных играх), разного рода примитивные сенсоры, а также классификация объектов на маленьких (около 32×32) фрагментах изображений. В последнем случае каждый пиксель фрагмента порождает как минимум одно входное значение нейросети, при этом обнаружение объекта требует, как минимум, сопоставления инфор-

мации на соседних пикселях. Отсюда интуитивно понятно, что число выходных значений первого слоя будет сравнимо с числом входных. Таким образом, зависимость требуемого числа весов от размера изображения для полносвязных нейросетей близка квадратичной, поэтому применение полносвязных слоев для анализа изображений нормальных размеров практически неосуществимо.

Список литературы:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/343702579_Video_Object_Detection_With_Two-Path_Convolutional_LSTM_Pyramid/fulltext/5f3b265892851cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNV, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10/html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_Violence_in_Videos_ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04861/> (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1502.03167/> (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1502.03167/> (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.03385> (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1406.4729/> (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1509.09308> (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. URL: <https://arxiv.org/abs/1301.3781> (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datcenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04760> (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1505.04597/> (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.4842> (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.1556> (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.02325> (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. URL: <https://onnx.ai/>. (дата обращения: 11.01.2026).

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В. Гончар, А.С. Эрднеев. – Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Готов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Гончар В.В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата необходимого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации// Вестник Экономической безопасности. 2018. №1. С. 225-230.

[21] Орлова А.А., Гончар В.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 25-29.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. URL: <https://www.researchgate.net/pub->

lication/343702579_Video_Object_Detection_With_Two-Path_Convolutional_LSTM_Pyramid/fulltext/5f3b2658928_51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (access date: 01/16/2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10/html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_Violence_in_Videos_ECCVW_2018_paper.html (accessed: 01/15/2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04861/> (access date: 01/11/2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_with_50x_fewer_parameters_and_05MB_model_size (access date: 01/10/2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1502.03167/> (access date: 01/13/2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.03385> (access date: 01/11/2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1406.4729/> (access date: 01/11/2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. ImageNet classification with deep convolutional neural networks. 2012. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d-6b76c8436e924a68c45b-Paper.pdf (access date: 01/12/2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1509.09308> (access date: 01/11/2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. URL: <https://arxiv.org/abs/1301.3781> (accessed: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others. In-Datcenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04760> (accessed: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1505.04597/> (accessed: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.4842> (accessed: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.1556> (accessed: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.02325> (accessed: 11.01.2026).

[16] Official website of ONNX. URL: <https://onnx.ai/>. (accessed: 11.01.2026).

[17] Fundamentals of Artificial Intelligence Technologies: a tutorial / A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2025. - 190 p.

[18] Financial Monitoring: a tutorial / V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen, et al. - KnoRus, 2022. - 198 p.

[19] O.N. Tisen. Counteracting Modern Techniques and Methods of Recruitment into International Terrorist Organizations // Russian Justice. 2018, No. 9. pp. 51-54.

[20] V.V. Gonchar. On the Importance of Forming a Uniform Conceptual Apparatus Necessary for Investigating Crimes in the Sphere of Computer Information // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. pp. 225-230.

[21] A.A. Orlova, V.V. Gonchar. Features of Investigating Crimes Committed in the Sphere of Information Technology // Business Security. 2021. No. 4. pp. 25-29.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-59-64

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ЭСТЕТИКА НЕВОЛИ: МОЖЕТ ЛИ ТЮРЬМА БЫТЬ МЕСТОМ РОЖДЕНИЯ ВОЗВЫШЕННОГО?

Аннотация. В статье предпринимается междисциплинарное исследование феномена тюремного творчества как особого эстетического феномена, порождаемого условиями тотальной изоляции и депривации свободы. На пересечении пенитенциарной психиатрии, философской эстетики и психологии творчества анализируется вопрос о способности тюремной среды выступать не только пространством подавления, но и местом рождения возвышенного в кантовском смысле. Клинические наблюдения за художественной деятельностью осужденных, анализ рисунков, стихов и поделок, создаваемых в условиях лишения свободы, позволяют предположить, что страдание, лишенное выхода в непосредственном действии, может сублимироваться в эстетическую форму, обретающую черты подлинного катарсиса. Однако сам этот процесс остается глубоко антиномичным: тюремное творчество одновременно является бегством от реальности и единственно возможным способом ее удержания, актом восстановления субъектности и формой выученной зависимости от институциональных условий. В работе обосновывается положение о том, что эстетическое переживание в неволе, будучи парадоксальным по своей природе, тем не менее способно выполнять психотерапевтическую функцию, снижая аллостатическую нагрузку и создавая «островки смысла» в депривационной среде.

Ключевые слова: пенитенциарная эстетика, возвышенное, И. Кант, Т. Адорно, тюремное творчество, катарсис, сублимация, арт-терапия, субъектность.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

CAPTIVITY AESTHETIC: CAN PRISON BE THE BIRTHPLACE OF THE SUBLIME?

Annotation. The article undertakes an interdisciplinary study of the phenomenon of prison creativity as a special aesthetic phenomenon generated by conditions of total isolation and deprivation of freedom. At the intersection of penitentiary psychiatry, philosophical aesthetics and the psychology of creativity, the question of the ability of the prison environment to act not only as a space of suppression, but also as a birthplace of the sublime in the Kantian sense is analyzed. Clinical observations of the artistic activities of convicts, analysis of drawings, poems and handicrafts created in conditions of imprisonment, suggest that suffering, deprived of an outlet in direct action, can sublimate into an aesthetic form that takes on the features of genuine catharsis. However, this process itself remains deeply antinomic: prison creativity is both an escape from reality and the only possible way to keep it, an act of restoring subjectivity and a form of learned dependence on institutional conditions. The paper substantiates the position that aesthetic experience in captivity, while paradoxical in nature, is nevertheless capable of performing a psychotherapeutic function, reducing the allostatic load and creating "islands of meaning" in a deprived environment.

Key words: *penitentiary aesthetics, sublime, I. Kant, T. Adorno, prison creativity, catharsis, sublimation, art therapy, subjectivity.*

Введение. Парадоксальность отношений между несвободой и творчеством привлекала внимание мыслителей на протяжении всей истории культуры. Тюремная камера, казалось бы, являющаяся предельным отрицанием всех условий, необходимых для художественного творчества, на поверку оказывается пространством, порождающим удивительные эстетические феномены. Рисунки на стенах камер, стихи, выцарапанные на жестяных кружках, поделки из хлебного мякиша, скульптуры из обмылков – все эти свидетельства спонтанного творчества лиц, лишенных свободы, образуют особый пласт культуры, который принято обозначать как «тюремное искусство» или искусство «аутсайдеров». Однако вопрос о его природе, эстетическом статусе и психологических функциях остается открытым. Является ли тюремное творчество всего лишь примитивной попыткой ухода от невыносимой реальности, суррогатом свободы, не имеющим подлинной художественной ценности? Или же, напротив, сама экстремальность условий, предельная концентрация страдания и изоляции способны породить эстетический опыт особого рода – опыт возвышенного, в котором, по мысли Иммануила Канта, «душа ощущает свое собственное возвышение»?

Многолетняя клиническая работа в учреждениях уголовно-исполнительной системы, включающая наблюдение за художественной деятельностью осужденных, анализ продуктов их творчества, а также беседы с авторами, позволяют утверждать, что феномен тюремного творчества заслуживает серьезного теоретического осмысления, выходящего за рамки традиционной пенитенциарной педагогики и психологии. Речь идет не столько о реабилитационном потенциале арт-терапевтических методик, хотя и этот аспект имеет несомненную практическую значимость. В центре нашего внимания находится более фундаментальный вопрос: может ли пространство тотального несвободы стать локусом эстетического события в его подлинном, философском смысле?

Ответ на этот вопрос требует обращения к двум интеллектуальным традициям, которые в обычных обстоятельствах развиваются независимо. С одной стороны, это классическая философская эстетика, задающая критерии суждения о прекрасном и возвышенном. С другой – пенитенциарная психиатрия и психология, накопившие обширный, но до сих пор недостаточно теоретически осмысленный материал о творчестве лиц, отбывающих наказание. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проложить мост

между этими областями, предложив концептуальные основания для анализа эстетики неволи и ответив на вопрос о том, при каких условиях тюремное творчество может быть понято как форма переживания возвышенного.

Теоретические основания исследования: Кант и Адорно как оппозиционные полюса. Для понимания эстетического статуса тюремного творчества необходимо обратиться к фундаментальным категориям философской эстетики, задающим координаты для любого суждения о художественной ценности. Ключевое значение здесь имеет кантовская аналитика возвышенного, изложенная в «Критике способности суждения», и ее последующая радикальная критика и переосмысление в эстетической теории Теодора Адорно [1].

Иммануил Кант различал прекрасное и возвышенное по характеру переживания, которое они вызывают. Если прекрасное дарит нам ощущение гармонии и безмятежной радости, то возвышенное сопряжено с моментальным торможением жизненных сил, с чувством страха и подавленности, которые затем сменяются их «тем более сильным излиянием». Классический пример: созерцание грозного океана или горной вершины поначалу вызывает ужас, но этот ужас, будучи опосредован сознанием нашей собственной безопасности и, более того, нашего морального превосходства над стихией, трансформируется в возвышенное удовольствие. В основе этого механизма лежит, по Канту, способность разума к самопревозвышению: мы осознаем, что в нас есть нечто, что не подвластно даже самым могущественным силам природы – наша свобода как автономия воли.

Можно ли применить эту схему к анализу переживаний заключенного? Тюремная среда с ее тотальной регламентацией, насилием, депривацией, казалось бы, представляет собой не просто «грозную силу», а силу, от которой невозможно отстраниться, которая проникает в самые глубины психики. Эти условия, сенсорная депривация, хронический стресс, аллостатическая нагрузка, не оставляют места для той безопасной дистанции, которая, по Канту, необходима для превращения страха в возвышенное. Скорее, можно было бы предположить, что тюремный опыт целиком погружен в регистр ужасного, не оставляющего возможности для эстетической сублимации.

Именно здесь возникает необходимость обратиться к альтернативной традиции, представленной прежде всего Теодором Адорно. В своей «Эстетической теории» Адорно, один из

главных представителей Франкфуртской школы, предложил понимание искусства, которое принципиально отличается от кантовского своей историчностью и социальной укорененностью. Для Адорно искусство – это не вневременная способность суждения, а исторически изменчивая форма, в которой выражается «неподдающееся познанию непримиримые противоречия, существующие в раздираемом конфликтами мире». Искусство социально не тогда, когда оно подражает действительности, а когда оно, в силу своей автономии, критикует общество самым фактом своего существования, сохраняя память о страдании.

Ключевым для нашей темы является адорновское понимание отношения между искусством и несвободой. В одном из прочтений его философии утверждается, что кантовская эстетика предстает у Адорно как своего рода «тюрьма», иллюстрирующая ограниченность свободы в рамках эмпирического опыта. Искусство у Адорно не обещает выхода к свободе, а, напротив, манифестирует неустрашимость несвободы, запечатлевая в своей форме «следы исторического насилия». Если Кант ищет условия возможности эстетического суждения в трансцендентальных структурах сознания, то Адорно находит их в историческом страдании. «Содрогание» (*Erschütterung*), которое, по Адорно, является адекватной реакцией на подлинное искусство, есть не что иное, как соматическая память о том насилии, которое конституирует субъекта.

Этот сдвиг от трансцендентального к историческому открывает возможность для анализа тюремного творчества. Если искусство, по Адорно, есть «сколок с действительности», причем действительности уродливой и кризисной, то уродливая, искаженная форма в искусстве – это не недостаток, а, напротив, свидетельство его правдивости. Тюремное творчество, будучи порождением предельно уродливой (с точки зрения гуманистических ценностей) действительности, тем самым обретает эстетическую легитимность: его «неправильность», его отличие от канонов «хорошего вкуса» оказывается не признаком несостоятельности, а точкой максимального приближения к истине страдания.

Феноменология тюремного творчества: между побегом и свидетельством. Клинический опыт и анализ доступных источников позволяют выделить несколько типов художественной активности в условиях лишения свободы, различающихся по своим психологическим функциям и эстетическим характеристикам.

Первый и, возможно, наиболее распространенный тип – это творчество как бегство от реальности. Рисунки, изображающие пейзажи, животных, женские портреты, сцены из жизни до

заклучения, представляют собой попытку создать ментальное пространство, свободное от травмирующих воздействий тюремной среды. Как отмечают исследователи зарубежного опыта арт-терапии в пенитенциарной системе, занятия творчеством позволяют осужденным «уменьшить скуку в среде учреждения, улучшить эмоциональное состояние, получить опыт позитивной активности». Этот тип творчества наиболее близок к тому, что можно было бы назвать «эскапизмом»; его эстетика, как правило, ориентирована на доверительные, даже слащавые образы, воспроизводящие клишированные представления о «красивом».

Однако существует и другой тип творчества, имеющий принципиально иную природу. Это творчество, которое не отрицает реальность тюрьмы, а, напротив, стремится зафиксировать ее с предельной выразительностью. Речь идет о рисунках, изображающих камеры, решетки, сцены насилия, автопортреты, передающих состояние деградации и отчаяния. Пожалуй, наиболее драматическим примером такого творчества являются работы заключенных, приговоренных к смертной казни. Исследователи отмечают, что для них искусство становится «единственным способом самовыражения» и позволяет «противостоять дегуманизации».

Выдающийся пример – автопортреты австралийца Мюрана Сукумарана, казненного в Индонезии в 2015 году. За 72 часа до исполнения приговора он создал серию из двенадцати работ, на которых изобразил собственное тело в искаженных, деформированных позах [7]. Его наставник, художник Бен Куилти, комментирует: «Мне кажется, он просто хотел донести до людей свой последний отчаянный порыв, дать отпор и сказать: «Я жив, и я человек». В этих работах нет ничего «прекрасного» в классическом смысле. Они вызывают содрогание, ужас, отвращение. Однако именно эта способность вызывать сильнейшие негативные аффекты и одновременно удерживать их в форме, указывать на присутствие живого человеческого сознания за гранью дегуманизации приближает их к тому, что Кант называл «отрицательно приятным» переживанием возвышенного.

Важно отметить, что феномен тюремного творчества имеет в России глубокую традицию изучения. Еще в 1929 году психиатр Павел Иванович Карпов, один из первых исследователей патологического творчества, подготовил в Государственном институте по изучению преступности и преступника при НКВД книгу «Творчество заключенных», в которой на основе коллекции криминалога М.Н. Гернета описал рисунки (шаржи, аллегии, пейзажи) и скульптуры, в том числе из хлеба [3]. Эта работа, к сожалению,

осталась без должного продолжения, но она задала важную традицию рассмотрения тюремного творчества не как маргинального курьеза, а как серьезного объекта научного исследования.

Психологический механизм эстетической сублимации в условиях депривации. Для понимания того, как именно страдание в условиях неволи может трансформироваться в эстетическое переживание, необходимо обратиться к категории катарсиса. Восходящее к Аристотелю понятие катарсиса, означающее «очищение аффектов» через трагическое действие, было переосмыслено в психологии и эстетике Нового времени. Л.С. Выготский трактовал катарсис как «очищение, прояснение, снятие трагического содержания произведения посредством его художественной формы». В социально-психологической интерпретации катарсис предстает как «преодоление одиночества и отчужденности, достижение человеческой солидарности».

В контексте тюремного творчества катарсис приобретает особое значение. Осужденный, лишенный возможности непосредственного действия для изменения своей участи, оказывается перед выбором: либо быть поглощенным травмой, либо найти способ ее символической переработки. Художественное творчество становится таким способом. Оно позволяет, во-первых, объективировать страдание, вывести его вовне, придать ему форму, которая может быть созерцаема. Во-вторых, в процессе творчества восстанавливается, пусть временно и фрагментарно, чувство субъектности, способности быть причиной своих действий. Как отмечает директор организации Amicus Марго Рэйвенскрофт, «очень часто, лишая человека свободы, у него пытаются забрать то единственное, что у него осталось – его личность». Творчество становится способом удержания личности, утверждения своего присутствия в мире.

С нейробиологической точки зрения этот процесс может быть понят как снижение алло-статической нагрузки через активацию дофаминовой системы подкрепления, связанной с творческим достижением. Сублимация, понимаемая как перенос энергии с нереализуемых влечений на социально приемлемую деятельность, обретает в условиях тюрьмы не психоаналитическую метафору, а конкретный нейрофизиологический коррелят. Мозг, лишенный привычных источников положительного подкрепления, находит альтернативный путь в самом акте создания формы.

Вместе с тем было бы наивно полагать, что любое тюремное творчество автоматически обретает эстетическую ценность или ведет к терапевтическому эффекту. Следует различать подлинный катарсис и его симулякр, который

можно было бы обозначить как «псевдокатарсис» или даже «антикатарсис». В.Е. Семенов определяет антикатарсис как «состояние угнетенности, униженности, страха, либо ненависти, агрессивности», порождаемое произведениями, которые «продуцируют антигуманные чувства, отчужденность, презрение к жизни» [5]. Значительная часть продуктов тюремного творчества, особенно связанная с криминальной субкультурой (татуировки определенного типа, граффити с агрессивным содержанием), принадлежит именно этому регистру. Она не освобождает от страдания, а, напротив, фиксирует субъекта в позиции жертвы или палача, не оставляя пространства для трансценденции.

Анализ результатов и обсуждение. Проведенный анализ позволяет предложить следующую концептуальную рамку для понимания эстетики неволи. Тюремная среда может стать местом рождения возвышенного при соблюдении трех условий. Первое условие – наличие дистанции. Несмотря на кажущуюся невозможность дистанцирования в условиях тотального контроля, творческий акт создает ментальное пространство, в котором заключенный на мгновение перестает быть объектом принуждения и становится субъектом действия. Рисунок, стихотворение, поделка – это объект, который принадлежит ему, в котором он узнает себя как творца. Эта дистанция, пусть иллюзорная, является необходимым условием для перехода от ужаса к возвышенному.

Второе условие – формальная организация страдания. Не любое выражение боли является искусством. Для того чтобы переживание обрело эстетический статус, оно должно быть оформлено. Именно форма, по мысли Адорно, является «выпавшим в осадок содержанием». В тюремном творчестве форма часто рождается из ограничения: отсутствие нормальных материалов, необходимость тайности, ограниченность времени. Парадоксальным образом эти ограничения не обедняют, а обогащают выразительные средства, принуждая к изобретательности. Рисунок, сделанный самодельной кисточкой из жженой пробки, может обладать большей выразительной силой, чем профессиональное полотно.

Третье условие – направленность на Другого. Тюремное творчество редко бывает полностью интимным. Оно обращено к сокамернику, к надзирателю, к внешнему миру, к будущему зрителю. Эта коммуникативная интенция, желание быть увиденным и услышанным, придает акту творчества измерение солидарности. Как убедительно показано в зарубежных исследованиях, занятия искусством в тюрьмах «содействуют дестигматизации осужденных и созданию прочных позитивных социальных связей между ними

и членами семьи». Возвышенное у Канта было одиноким переживанием. В тюремном контексте оно приобретает интерсубъективное измерение: я страдаю, но я не один в своем страдании, и моя способность говорить о нем через искусство есть акт восстановления человеческих связей [8].

Исследование этих механизмов имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение для пенитенциарной системы. Как показывает опыт внедрения арт-терапевтических программ в России, в частности, проект «Арт-терапия в пенитенциарной системе», реализованный в СИЗО-5 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области с использованием репродукций картин Русского музея, систематическая работа с искусством способствует снижению уровня агрессии и улучшению психологического климата в учреждениях [2]. Зарубежные данные подтверждают эти наблюдения: в Англии, например, программа вовлечения осужденных в творческую деятельность привела к сокращению числа рапортов о нарушении дисциплины на 29% [4].

Заключение. Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок статьи, можно сформулировать следующий ответ. Тюрма может быть местом рождения возвышенного, но это рождение происходит не автоматически и не для всех. Оно требует от заключенного способности к дистанцированию, владения формальными средствами выражения и направленности на Другого. Парадокс тюремного творчества заключается в том, что оно рождается из предельного отрицания всех условий, необходимых для свободного самовыражения, и именно благодаря этому отрицанию обретает свою особую силу.

Эстетический опыт в неволе – это всегда опыт на грани, балансирование между катарсисом и антикатарсисом, между освобождением и новой фиксацией на травме. Как точно заметил Варлам Шаламов, прошедший Колыму, «эти слезы – очищение, их также катарсис зовут» [6]. Но эти слезы не гарантированный результат, а возможность, которая может быть упущена. Задача пенитенциарной системы, если она стремится не просто к наказанию, но к реабилитации, состоит в создании условий, при которых эта возможность реализуется: предоставление материалов для творчества, организация студий, поддержка художественной инициативы, даже если ее продукты кажутся далекими от академических канонов.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на систематический анализ коллекций тюремного творчества, накопленных в учреждениях ФСИН России, и на разработку критериев оценки его психологического и эстетического потенциала. Не менее важно

продолжение клинических исследований, направленных на изучение связи между занятиями творчеством и динамикой психического состояния осужденных, включая показатели аллостатической нагрузки и нейропластичности. Только на пересечении философской эстетики, пенитенциарной психиатрии и нейробиологии может быть построена адекватная теория этого сложного и противоречивого феномена – эстетики неволи.

Список литературы:

- [1] Адорно Т. В. Эстетическая теория / Т. В. Адорно. – Москва: Республика, 2001. – 526 с.
- [2] Государственный Русский музей. Арт-терапия в пенитенциарной системе. – 2020. – URL: <https://www.rusmuseum.ru/news/art-terapiya-v-penitentsiarnoy-sisteme/> (дата обращения: 27.03.2026).
- [3] Карпов П. И. Творчество заключенных = Die Schöpferische Tätigkeit der Gefangenen: (рисунки, скульптура и работы мастерских) / П. И. Карпов. – Москва: Изд-во Нар. ком. внутр. дел, 1929. – 82 с. – URL: https://www.lot-art.com/auction-lots/Die-Schopferische-Tatigkeit-der/395-karpov_p-07.7.21-12th (дата обращения: 27.03.2026).
- [4] Петтрес С. В. Психологические возможности арт-терапии и творческой деятельности в психокоррекции и реабилитации осужденных за рубежом / С. В. Петтрес // КиберЛенинка. – 2020. – № 3 (11). – С. 71-76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-vozmozhnosti-art-terapii-i-tvorcheskoy-deyatelnosti-v-psihokorreksii-i-reabilitatsii-osuzhdennyh-za-rubezhom> (дата обращения: 27.03.2026).
- [5] Семенов В. Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства / В. Е. Семенов // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 116-122.
- [6] Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студентов высших учебных заведений / В. Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-7695-5814-6.
- [7] Crémon J. 12 автопортретов за три дня до смертной казни / J. Crémon // BBC News Русская служба. – 2017. – 2 марта. – URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cul-39141202> (дата обращения: 29.03.2026).
- [8] Paddison M. Art and the Concept of Autonomy in Adorno's Kant Critique / M. Paddison // The Palgrave Handbook of Critical Theory / ed. by M. Thompson. – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 327-345. – DOI: 10.1057/978-1-137-55801-5_14.

References:

- [1] Adorno T.V. Aesthetic Theory/T.V. Adorno. - Moscow: Republic, 2001. - 526 p.

[2] State Russian Museum. Art therapy in the prison system. – 2020. – URL: <https://www.rusmuseum.ru/news/art-terapiya-v-penitentsiarnoy-sisteme/> (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Karpov P.I. Creativity of prisoners = Die Schöpferische Tätigkeit der Gefangenen: (drawings, sculpture and workshop works)/P.I. Karpov. - Moscow: Publishing House Nar. com. int. affairs, 1929. - 82 p. - URL: https://www.lot-art.com/auction-lots/Die-Schopferische-Tatigkeit-der/395-karpov_p-07.7.21-12th (access date: 27.03.2026).

[4] Rettges S.V. Psychological possibilities of art therapy and creative activity in psycho-correction and rehabilitation of convicts abroad/S.V. Rettges// CyberLeninka. – 2020. – № 3 (11). – S. 71-76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-vozmozhnosti-art-terapii-i-tvorcheskoy-deyatelnosti-v-psihokorrekcii-i-reabilitatsii-osuzhdennyh-za-rubezhom> (дата обращения: 27.03.2026).

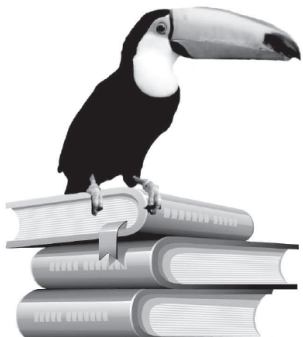
[5] Semenov V.E. Catharsis and anti-catharsis: a socio-psychological approach to the impact of art/V.E. Semenov//Questions of psychology. – 1994. – № 1. – S. 116-122.

[6] Khalizev V.E. Theory of literature: a textbook for students of higher educational institutions/V.E. Khalizev. - 5th ed., Rev. and add. - Moscow: Academy, 2009. - 432 p. - ISBN 978-5-7695-5814-6.

[7] Crémon J. 12 self-portraits three days before the death penalty/J. Crémon//BBC News Russian Service. – 2017. – March 2. - URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cul-39141202> (access date: 29.03.2026).

[8] Paddison M. Art and the Concept of Autonomy in Adorno's Kant Critique / M. Paddison // The Palgrave Handbook of Critical Theory / ed. by M. Thompson. – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 327–345. – DOI: 10.1057/978-1-137-55801-5_14.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАЙОРОВ Владимир Иванович,
профессор кафедры административной
деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников органов внутренних дел МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

МАСHEКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
доцент кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
кандидат психологических наук, профессор РАЕ,
e-mail: mail@law-books.ru

НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию новых приоритетов совершенствования государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения, предусмотренных Стратегией повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года. В указанном документе заложены основы для комплексной поэтапной трансформации системы управления в рассматриваемой сфере, которые включают развитие координации между субъектами обеспечения безопасности дорожного движения, оптимизацию их компетенции, усиление ответственности за реализацию возложенных полномочий, использование новой методологии. По итогам проведенного анализа сделан вывод об изменении подхода к обеспечению безопасности дорожного движения, в котором повышается ответственность государства в лице его органов и должностных лиц за состояние безопасности дорожного движения на дорогах страны.

Ключевые слова: стратегия, государственное управление, безопасность дорожного движения, реформирование, система.

MAYOROV Vladimir Ivanovich,
Professor, Department of Administrative
Activities of the Internal Affairs Bodies
of the Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees
of the Internal Affairs Bodies of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Associate Professor of the Department of GIPD
of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Psychological Sciences, Professor of RAE

NEW STRATEGIC PRIORITIES FOR PUBLIC ADMINISTRATION IN ROAD SAFETY

Annotation. The article is devoted to the study of new priorities for improving public administration in the field of road safety, provided for by the Strategy for improving road safety in the Russian Federation for the period up to 2030. This document lays the foundations for a comprehensive phased transformation of the

management system in the field under consideration, which include the development of coordination between road safety entities, optimization of their competence, increased responsibility for the implementation of the assigned powers, and the use of a new methodology. Based on the results of the analysis, a conclusion was made about a change in the approach to ensuring road safety, in which the responsibility of the state in the person of its bodies and officials for the state of road safety on the country's roads increases.

Key words: strategy, public administration, road safety, reform, system.

Указом Президента РФ от 14 ноября 2025 г. № 841 была утверждена новая Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (далее – Стратегия), являющаяся основой для формирования и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД) [7].

Стратегия устанавливает новые приоритеты совершенствования системы управления в области обеспечения БДД. Само понятие «управление в области обеспечения безопасности дорожного движения» раскрывается как «процесс регулирующего и координирующего воздействия на систему дорожного движения посредством целеполагания, прогнозирования, планирования, программирования, мониторинга и контроля в целях предупреждения ДТП и снижения смертности от них». Определение «системы обеспечения безопасности дорожного движения» и «субъектов» этой системы, также представленные в Стратегии, формализуют ранее разрозненный круг участников обеспечения БДД. Указание на то, что их деятельность должна быть основана на «единой координации», прямо свидетельствует о курсе на создание интегрированной управленческой вертикали, объединяющей органы публичной власти всех уровней, а также иных субъектов, осуществляющих деятельность в рассматриваемой области.

Актуальность исследования механизмов совершенствования государственного управления на основе положений Стратегии обусловлена необходимостью научного осмысления и практического воплощения заложенных в ней масштабных изменений.

Прежде всего следует отметить, что Стратегия обладает четкой структурой, которая сосредоточена на пяти основных сферах воздействия. Ими являются элементы или подсистемы дорожного движения (участники дорожного движения, транспортные средства, улично-дорожная среда), а также управление обеспечением БДД и реагирование на ДТП.

Повышение эффективности управления в области обеспечения БДД представлено в отдельном разделе и включает 34 направления, в рамках которых предполагается реализация запланированных мероприятий. Первое направ-

ление – обеспечение соответствия государственной политики в области БДД актуальным вызовам, рискам и угрозам – представляет собой методологическую и управленческую задачу высшего порядка. Ее суть заключается в создании механизма адаптации данной политики к меняющимся условиям среды, а, следовательно, в отказе от статичной модели управления. В современных условиях требуется преодоление традиционного отставания нормативного правового и технического регулирования от стремительных технологических, социальных и поведенческих изменений в сфере дорожного движения (таких как распространение средств индивидуальной мобильности, развитие высокоавтоматизированного транспорта, трансформация мобильности горожан и др.).

Решение этой задачи, на наш взгляд, должно заключаться в построении замкнутого цикла «мониторинг – анализ – прогноз – коррекция государственной политики». Разработка и реализация государственной политики в области обеспечения БДД должны вестись с учетом как текущей обстановки, так и сценариев ее будущего развития. Оперативное выявление вызовов, рисков и угроз БДД с последующим реагированием и принятием мер по их устранению или минимизации позволит повысить эффективность управленческой деятельности в данной сфере, сформировать фундамент для реализации иных направлений, предусмотренных Стратегией.

Совершенствование компетенции субъектов системы обеспечения БДД, повышение их заинтересованности в эффективном выполнении соответствующих функций также являются важными пунктами рассматриваемого документа. Современная реформа публичного управления, в ходе проведения которой были приняты новые законы (Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»), имеет непосредственное отношение к управлению в области обеспечения БДД и предусматривает перераспределение полномочий на региональном и муниципальном уровнях. Обеспечение БДД, наряду с дорожной деятельностью и организацией дорожного дви-

жения, с 1 января 2027 г. будет отнесено к группе полномочий, которые «могут осуществляться органами МСУ в целях обеспечения жизнедеятельности населения в соответствии с законом субъекта Российской Федерации», а при отсутствии такого закона осуществляются органами власти субъекта РФ [8]. Исходя из этого будет сформирована новая управленческая вертикаль, которая должна получить отражение в нормативных правовых актах в области обеспечения БДД, прежде всего – в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

Возвращаясь к содержанию раздела Стратегии «Повышение эффективности управления в области обеспечения БДД», следует отметить, что сформулированные в нем направления соответствуют выявленным в данной области вызовам, рискам и угрозам: отсутствие комплексного и системного подхода к реализации государственной политики в области обеспечения БДД, обусловленное в том числе недостаточной заинтересованностью отдельных субъектов системы обеспечения БДД, приоритетом решения узковедомственных задач и несогласованностью подходов к планированию и осуществлению соответствующей деятельности; несоответствие нормативно-правового и технического регулирования потребностям обеспечения безопасности дорожного движения [9] и др. Многие из обозначенных в документе вызовов, рисков и угроз существуют уже не первое десятилетие и являлись предметом научных исследований ученых-административистов [1; 2; 3].

Преодоление указанных недостатков системы управления в области обеспечения БДД невозможно без ее комплексной трансформации, фундамент которой заложен в Стратегии. Планируемые изменения затрагивают все элементы управленческой системы: от перераспределения функций и полномочий до развития кадрового обеспечения и системы мотивации.

Важнейшим условием трансформации является оптимизация ответственности субъектов обеспечения БДД, в том числе за счет реализации принципа неотвратимости наказания. Ответственность органов власти за несоблюдение требований по обеспечению БДД рассматривается наравне с ответственностью хозяйствующих субъектов и участников дорожного движения. Стратегия нацелена на переход от формального исполнения функций к повышению заинтересованности в достижении конкретного результата – снижения смертности в ДТП.

Также большое значение имеет создание иерархически выстроенных и устойчивых механизмов координации. Помимо наделения МВД России ролью координатора (п. 117 Стратегии),

предполагается развитие системы коллегиальных органов (комиссий по БДД) на всех уровнях и, что важно, создание единой информационной системы управления, которая станет технической платформой для обмена данными и синхронизации действий в реальном времени.

Важность координации субъектов обеспечения БДД подчеркивается тем, что порядок их взаимодействия определен в самостоятельном разделе Стратегии. Ведомственно-изолированное управление, при котором каждый субъект решает узкие задачи в рамках своей вертикали, уже доказало свою неэффективность, порождая противоречивые решения, дублирование функций и пробелы в определении ответственности. Как отмечает К.С. Баканов, многие полномочия, связанные с обеспечением БДД и закрепленные за различными субъектами, «невозможно однозначно идентифицировать, поскольку их содержание в ряде случаев носит общий характер и не упоминает сферу БДД как сферу их применения. В результате не всегда возможно установить субъекты управления в сфере БДД, ответственные за невыполнение своих обязанностей» [4].

В государственном управлении велика роль контрольно-надзорной деятельности, которая также упоминается среди направлений Стратегии. Документ предлагает обеспечить вертикальную и горизонтальную синхронизацию осуществления контроля (надзора) – как по уровням управления (федеральному, региональному и муниципальному), так и по его видам, имеющим отношение к функционированию транспортного комплекса.

Отдельный блок направлений посвящен качественному преобразованию кадрового потенциала системы обеспечения БДД. Стратегия признает наличие кадрового дефицита и низкий престиж профессий работников транспортного комплекса. Предложенные в документе меры носят комплексный характер: от приведения штатной численности в соответствие с реальными потребностями обеспечения БДД и обновления квалификационных требований до работы над повышением статуса, оплаты труда, условий службы и социальных гарантий для сотрудников Госавтоинспекции и работников транспортной отрасли. Это свидетельствует о понимании того, что административные изменения и технологические новации не будут эффективны без наличия высококвалифицированных и мотивированных специалистов.

Наконец, Стратегия закрепляет расширение круга субъектов, участвующих в обеспечении БДД, за счет:

- 1) привлечения коммерческих организаций в качестве ответственных субъектов через механизмы стимулирования социальной

ответственности и интеграции принципов БДД в корпоративную культуру;

- 2) формирования партнерства с научным и экспертным сообществами как источниками инноваций и независимой оценки;
- 3) развития международного сотрудничества для обмена передовым опытом обеспечения БДД.

Комплекс предлагаемых изменений дополнен новой методологией управления, включающей следующие методы и подходы: проектное управление, риск-ориентированный подход, проактивный подход.

Проактивный подход – это «метод организации и осуществления мероприятий по обеспечению БДД, включающий в себя своевременное обнаружение и предотвращение угроз БДД до их наступления, в первую очередь на основе мониторинга дорожного движения, анализа, прогнозирования и моделирования ситуации в области обеспечения БДД, в том числе с учетом происходящих и смоделированных процессов, развития технологий и иных факторов, способных оказать влияние на БДД» [10].

Проактивный подход выступает ядром новой парадигмы, в которой фокус смещается с борьбы с последствиями ДТП на предупреждение их причин. Практическая реализация данного подхода потребует от органов власти перехода к мониторингу и предиктивной аналитике дорожной обстановки с использованием больших данных, геоинформационных систем и технологий искусственного интеллекта. В управленческом измерении это влечет за собой перераспределение ресурсов с карательной функции на аналитическую и профилактическую, а также необходимость развития новых компетенций у сотрудников.

Риск-ориентированный подход в Стратегии определен как «метод организации и осуществления мероприятий по обеспечению БДД, включающий в себя принятие мер на основе оценки рисков и угроз БДД в целях достижения максимального профилактического эффекта и оптимального использования ресурсов, задействованных в обеспечении БДД».

Риск-ориентированный подход позволяет обеспечить рациональное и экономически обоснованное распределение ограниченных административных и финансовых ресурсов. Приоритет в устранении выявленных рисков и угроз БДД влечет за собой изменения в организации и планировании деятельности субъектов обеспечения БДД, требуя создания юридически значимых методик оценки рисков и «дорожных карт» для их минимизации.

Под проектным управлением в области обеспечения БДД понимается «метод организации и

осуществления мероприятий по обеспечению БДД, направленный на получение уникальных результатов по снижению смертности от ДТП в условиях временных и ресурсных ограничений» [11].

Проектное управление является организующим каркасом новой системы. С его помощью обеспечение БДД будет осуществляться не в рамках разрозненных ведомственных планов, а через управление портфелем конкретных проектов (например, «Ликвидация мест концентрации ДТП на федеральных трассах», «Создание безопасной школьной среды»), каждый из которых имеет четкие цели, бюджет, сроки, ответственных лиц и ключевые показатели, требующие достижения.

В дополнение к данным методам следует указать научный подход – хотя это понятие не употребляется в Стратегии, на протяжении всего ее текста подчеркивается роль научных разработок в обеспечении БДД, а одним из основных инструментов реализации Стратегии названы научные исследования.

Таким образом, новая методология позволит оптимизировать процесс обеспечения БДД за счет акцента на предупреждении и прогнозировании угроз, распределения ресурсов по наиболее востребованным направлениям, конкретизации организационных аспектов в проектном управлении, а также использовании научной основы для разработки и реализации мероприятий по обеспечению БДД.

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет сделать вывод о том, что новая Стратегия знаменует собой отказ от ведомственно-разобщенной модели в пользу системного управления, активно использующего управление рисками и новые методологические подходы. Ключевым отличием от предшествующих документов является отсутствие приоритета воздействия на участников дорожного движения с целью обеспечения БДД. Комплексное рассмотрение системы дорожного движения и деятельности по обеспечению его безопасности, опора на лучшие зарубежные практики [5; 6] позволили составителям Стратегии перенести фокус внимания на совершенствование самой системы управления, формирование установки на внедрение технических и инфраструктурных решений, снижающих роль человеческого фактора.

Список литературы:

- [1] Майоров, В.И. Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: теоретико-правовые проблемы: монография / В.И. Майоров. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 208 с.

[2] Антонов, С.Н. Законодательство Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения (состояние и перспективы развития) / С.Н. Антонов, В.В. Кузин, А.Л. Левченко, А.Ю. Якимов // Административное право и процесс. – 2007. – № 4. – С. 2–5.

[3] Лукьянов, В.В. Безопасность дорожного движения / В.В. Лукьянов. – М.: Транспорт, 1983. – 262 с.

[4] Баканов К.С. Полномочия региональных органов власти и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности дорожного движения в условиях реформы публичной власти // Безопасность дорожного движения. – 2025. – № 3. – С. 18.

[5] Баканов К.С., Гордеева А.Д., Исаев М.М. Обзор международных зарубежных документов стратегического планирования в области обеспечения безопасности дорожного движения: учебное пособие. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. – 116 с.

[6] Печатнова Е.А., Кузнецов В.Н. Анализ особенностей успешных зарубежных стратегий по повышению безопасности дорожного движения // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – № 3 (84). – С. 57–61.

[7] Указ Президента РФ от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[9] Указ Президента РФ от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10] Указ Президента РФ от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] Указ Президента РФ от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Mayorov, V.I. State and legal support of road safety in the Russian Federation: theoretical and legal problems: monograph/V.I. Mayorov. - M.: Yurлит-inform, 2010. - 208 s.

[2] Antonov, S.N. Legislation of the Russian Federation in the field of road safety (status and development prospects) /S.N. Antonov, V.V. Kuzin, A.L. Levchenko, A.Yu. Yakimov//Administrative law and process. – 2007. – № 4. - S. 2-5.

[3] Lukyanov, V.V. Road Safety/V.V. Lukyanov. - M.: Transport, 1983. - 262 s.

[4] Bakanov K.S. Powers of regional authorities and local governments in the field of road safety in the context of public authority reform//Road safety. – 2025. – № 3. - S. 18.

[5] Bakanov K.S., Gordeeva A.D., Isaev M.M. Review of international foreign documents of strategic planning in the field of road safety: a textbook. - M.: PKU “NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia,” 2025. - 116 s.

[6] Pechatnova E.A., Kuznetsov V.N. Analysis of the features of successful foreign strategies to improve road safety//Bulletin of the Prikamsk Social Institute. – 2019. – № 3 (84). - S. 57-61.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2025 No. 841 “On approval of the Strategy for improving road safety in the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[8] Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ “On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified Public Authority System “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[9] Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2025 No. 841 “On approval of the Strategy for improving road safety in the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[10] Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2025 No. 841 “On approval of the Strategy for improving road safety in the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[11] Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2025 No. 841 “On approval of the Strategy for improving road safety in the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

ШОРОВ Аслан Алексеевич,
подполковник полиции преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России (г. Нальчик),
e-mail: mail@law-books.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА. ПЕРЕХОД ОТ СОВЕТСКИХ ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН К СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВЕННЫМ ОБЪЕДИНЕНИЯМ

Аннотация. Эволюция форм участия граждан в охране правопорядка отражает общую динамику развития российской государственности: от централизации к системному диалогу с институтами гражданского общества. Если в советский период доминировал принцип обязательного добровольчества, то современная модель тяготеет к принципу профессионального волонтерства, где юридическая грамотность и соблюдение прав человека становятся приоритетнее массовости охвата.

В статье проводится ретроспективный анализ трансформации правового статуса добровольных объединений граждан, участвующих в охране общественного порядка. Исследуется эволюционный путь от советской модели Добровольных народных дружин (ДНД), базировавшейся на производственном принципе и партийно-государственном контроле, к современным формам общественных объединений, функционирующих в рамках правового поля Российской Федерации.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, добровольные народные дружины, общественные объединения правоохранительной направленности, кибердружины.

SHOROV Aslan Alekseevich,
Police Lieutenant Colonel,
teacher of the Department of Fire Training,
North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Nalchik)

EVOLUTION OF THE FORM OF CITIZENS 'PARTICIPATION IN PUBLIC ORDER PROTECTION. TRANSITION FROM SOVIET VOLUNTARY PEOPLE'S SQUADS TO MODERN PUBLIC ASSOCIATIONS

Annotation. The evolution of citizen participation in public order protection reflects the overall dynamics of Russian statehood: from centralization to systemic dialogue with civil society institutions. While the principle of mandatory volunteerism dominated during the Soviet period, the modern model gravitates toward professional volunteerism, where legal literacy and respect for human rights are prioritized over mass participation.

This article provides a retrospective analysis of the transformation of the legal status of voluntary citizen associations involved in public order protection. It examines the evolutionary path from the Soviet model of Voluntary People's Squads (VPS), based on the production principle and party-state control, to modern forms of public associations operating within the legal framework of the Russian Federation.

Key words: public order protection, voluntary people's squads, law enforcement-focused public associations, cybersquads.

Современная государственная система взглядов обеспечения национальной безопасности исходит из того, что правоохрани-

тельная система не является изолированным механизмом, а представляет собой открытую систему, эффективность которой напрямую зави-

сит от качества взаимодействия с институтами гражданского общества. Участие граждан в охране правопорядка выступает формой социального контроля, которая снижает уровень отчужденности между населением и правоохранительными органами. Когда гражданин добровольно берет на себя функции по содействию полиции, происходит трансформация восприятия правовых норм из внешних требований государства они превращаются во внутреннее убеждение личности. Это создает фундамент для формирования правового государства, где порядок поддерживается не только страхом наказания, но и общественным согласием.

Добровольные формирования обеспечивают физическое присутствие общественности в тех локациях, где постоянное дислоцирование нарядов полиции экономически нецелесообразно. Участие местных жителей позволяет выявлять угрозы и пресекать правонарушения на ранних стадиях, используя глубокое знание специфики конкретной территории. Государственные органы в силу своей природы чаще работают с последствиями правонарушений, в то время как общественные объединения обладают уникальным потенциалом в сфере первичной профилактики.

Партнерство государства и общества в сфере охраны общественного порядка не временная мера, обусловленная нехваткой штатной численности правоохранительных органов, а стратегический вектор развития. Современная модель взаимодействия общественников правоохранительной направленности и правоохранительных органов, позволяет не просто суммировать усилия, а объединить профессионализм и властные полномочия государственных структур с мобильностью, социальным авторитетом и гражданским самосознанием населения.

Феномен добровольных народных дружин (далее - ДНД) в СССР представляет собой уникальный пример масштабного вовлечения населения в правоохранительный сегмент управления государством [1, с.46]. Период расцвета этого института (1950-е - 1970-е гг.) не был случайным и опирался на четко выверенную идеологическую платформу. Точкой отсчета классического периода ДНД стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 года «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» [2]. Данный документ закрепил отказ от узковедомственного милицейского подхода к безопасности в пользу всенародного дела.

Дружины создавались непосредственно на предприятиях, стройках и в колхозах, что обеспечивало жесткую дисциплину и личную ответственность, правонарушение на дежурстве становилось предметом обсуждения в трудовом

коллективе. К середине 1970-х годов в СССР насчитывалось более 170 тысяч дружин, объединявших миллионы граждан. Это создавало эффект всеобщего социального контроля, когда профилактическое воздействие оказывалось не через протокол, а через общественное порицание. Советская модель предполагала сопряжение моральных и материальных стимулов. В период расцвета ДНД обладали широким спектром полномочий от патрулирования улиц совместно с милицией до самостоятельного задержания лиц, совершающих мелкое хулиганство или нарушающих антиалкогольное законодательство.

Система льгот для членов ДНД не была факультативной, она жестко регламентировалась Примерным положением о ДНД 1974 года и соответствующими отраслевыми актами [3]. Это создавало ситуацию, при которой общественная нагрузка напрямую конвертировалась в материальные и социальные блага. Статус дружинника давал право на дополнительные 3 дня к ежегодному отпуску, приоритетное получение путевок и льготы при распределении жилья. Именно этот социальный пакет стал катализатором массовости движения.

В 1970-х годах руководство МВД СССР пришло к выводу, что дружинник не всегда эффективен в специфических сферах правопорядка. Это привело к созданию узкопрофильных подразделений, которые работали под прямым кураторством соответствующих служб милиции [3]. Особой формой стали специализированные дружины, например, по борьбе с хищениями социалистической собственности или по работе с несовершеннолетними, что свидетельствовало о высокой степени профессионализации общественников.

Специализированные дружины по работе с несовершеннолетними формировались преимущественно из педагогического состава, комсомольских активистов и студентов педвузов и осуществляли патрулирование мест досуга молодежи, постановка на учет «трудных» подростков, организация досуга. Это классический пример профилактической модели, основным инструментом которого был не штраф, а педагогическое воздействие и авторитет старшего наставника.

Создание специализированных дружин свидетельствовало о признании государством факта, что эффективная охрана порядка требует не только массового присутствия граждан на улицах, но и их профессиональной градации.

Переход от массовых универсальных патрулей к функционально дифференцированным отрядам продемонстрировал, что участие граждан наиболее продуктивно там, где оно опирается на их профессиональные компетенции и социальный статус. Успех ДНД в период расцвета обусла-

вливался уникальным сочетанием идеологических установок и реальных материальных льгот и гарантий. Система стимулов превращала охрану порядка в социально-значимую деятельность, интегрированную в трудовой цикл гражданина.

Несмотря на внешнюю стройность, модель содержала в себе риски формализма. Жесткая привязка к производственному принципу и партийному контролю сделала систему уязвимой перед лицом масштабных политических и экономических трансформаций конца 1980-х годов.

Распад Советского Союза повлек за собой стремительный трансформацию сложившейся системы участия граждан в охране правопорядка. Этот этап характеризуется переходом от централизованной государственной модели к периоду нормативной неопределенности, когда прежние механизмы регулирования утратили силу, а новые еще не были сформированы.

С признанием законодательства СССР недействующим, Положение о ДНД 1974 года фактически превратилось в норму, сохранившуюся от прошлой эпохи и противоречащую текущему законодательству [4]. В течение более чем двадцати лет в Российской Федерации отсутствовал федеральный закон, определяющий статус, полномочия и границы ответственности добровольцев.

В условиях перехода к рыночной экономике предприятия, на базе которых функционировали дружины, перестали обладать ресурсами для предоставления преференций. Упразднение системы дополнительных отпусков и денежных выплат привело к резкому оттоку участников волонтерства. На фоне роста преступности в 90-е годы общественник без четких полномочий и формы зачастую воспринимался либо как формальный статист, либо как источник правового риска.

В отсутствие федерального регулирования субъекты РФ начали формировать собственные, локальные правовые режимы и выработали три основные модели легитимации участия граждан в охране общественного порядка: муниципальную, этническую (казачью) и общественно-государственную.

Москва одной из первых попыталась воссоздать структуру ДНД на городском уровне [5]. Дружина создавалась как городское государственное учреждение, финансирование шло из бюджета города, что позволило сохранить массовость, но фактически превратило дружинников в муниципальных служащих [6, с.114-117].

В Краснодарском и Ставропольском краях акцент был сделан на исторические традиции [7]. Казачьи дружины получили право нести службу совместно с полицией. Это была наиболее силовая модель, где общественники имели форму и жесткую дисциплину.

Ключевым нормативным противоречием регионального этапа выступало несоответствие локальных актов Конституционному разграничению предметов ведения. В силу положений ст. 71 Конституции РФ, регулирование прав и свобод человека, а также установление правовых основ деятельности силовых структур относятся к исключительной компетенции Российской Федерации [8]. Таким образом, наделение членов народных дружин полномочиями по проверке документов или ограничению свободы передвижения граждан на уровне субъекта РФ создавало ситуацию вторжения регионов в федеральную сферу.

Принятие Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» ознаменовало завершение периода правовой неопределенности и начало этапа нормативного закрепления гражданской активности [9]. Данный акт стал инструментом, который позволил нивелировать региональные правовые коллизии и установить единый общероссийский стандарт деятельности народных дружин.

В отличие от Советской модели, где дружинник мог действовать самостоятельно, ст. 18 ФЗ № 44 устанавливает, что участие в охране порядка осуществляется исключительно совместно с сотрудниками органов внутренних дел, что исключает риск подмены государственных органов общественными структурами и гарантирует соблюдение законности при применении мер принуждения.

Важнейшим элементом контроля стала обязательная регистрация объединений в региональном реестре Министерства внутренних дел и предоставило право на участие в охране общественного порядка организаций, прошедших проверку на соответствие уставным целям, и чьи участники соответствуют строгим критериям [10]. Законодатель в ст. 14 ФЗ № 44 установил жесткую систему ограничений, цель которой исключить проникновение в ряды дружинников лиц с деструктивными намерениями или физическими ограничениями.

В народные дружины не могут быть приняты граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость, граждане, состоящие на учете в учреждениях здравоохранения по поводу психического заболевания, наркомании или алкоголизма, не допускаются к дежурствам, неоднократно подвергнутые административному наказанию в течение года, лишаются права быть дружинниками. Установление жестких критериев отбора не является дискриминацией, а выступает необходимым условием легитимации участия граждан в охране общественного порядка. Это обусловлено тем, что дружинник, действуя

совместно с полицией, наделяется правом предъявлять законные требования и ограничивать права других лиц. Общественник должен адекватно оценивать обстановку и правомерность своих действий. Психическое здоровье и отсутствие зависимостей являются гарантией того, что в критической ситуации его действия не будут носить деструктивный или аффективный характер.

Введение системы проверки организации и личности позволяет государству делегировать часть функций по охране порядка, сохраняя при этом монополию на определение круга лиц, допущенных к реализации властных полномочий, что устраняет риски криминализации народных инициатив, характерные для переходного периода 90-х годов.

Закон четко очертил границы дозволенного. Дружинник наделен правом требовать прекращения противоправных деяний и содействовать полиции, но лишен права осуществлять оперативно-розыскную деятельность или выдавать себя за сотрудника правоохранительных органов. ФЗ № 44 трансформировал участие граждан в четко структурированный правовой институт, где права личности и законные интересы граждан защищены жесткими рамками государственного контроля.

Эволюция форм участия граждан в охране общественного порядка отражает глубокую трансформацию правосознания и государственного устройства. Анализ исторического пути от советских ДНД к современным объединениям позволяет зафиксировать переход от модели, основанной на моральном долге к основанной на реализации субъективных прав личности.

В советской правовой доктрине участие в ДНД рассматривалось как проявление высокой сознательности трудящихся. Основным инструментом дружинника было не столько правовое требование, сколько апелляция к нормам социалистического общежития. Нарушитель подвергался общественному порицанию, которое зачастую имело более тяжелые последствия чем административный штраф. Современная модель, закрепленная в Конституции РФ и ФЗ № 44 [9], принципиально иная, участие в охране порядка сегодня это не обязанность, а форма реализации конституционного права на участие в управлении делами государства. Если в СССР легитимность дружинника черпалась в идеологии, то сегодня она базируется на нормативном акте, что делает систему более устойчивой к политическим изменениям.

Переход от механизмов общественного порицания к реализации конституционных прав знаменует собой качественный рост правовой культуры. Современное участие в охране право-

порядка - это форма активного гражданства, при которой общественный контроль становится не дополнением к карательным мерам государства, а самостоятельным институтом демократического общества, гарантирующим баланс между свободой личности и общественной безопасностью.

Трансформация институтов гражданской активности прошла путь от директивно-государственной формы организации, где общественное участие было формой государственной службы, через период правовой дезорганизации и разрыва единого правового регулирования 90-х годов к современной модели государственно-общественного партнерства. Принятие Федерального закона № 44-ФЗ позволило легализовать волонтерскую деятельность, наделив её четкими правовыми фильтрами и реестровым контролем.

Произошел качественный переход от механизмов общественного порицания, основанных на морально-идеологических установках, к реализации субъективных конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства. Современный дружинник выступает не объектом административного принуждения, а сознательным субъектом публичного управления, чья деятельность верифицирована государством.

Эволюция форм участия граждан в охране общественного порядка на современном этапе закономерно затронула информационно-телекоммуникационную сферу. В условиях переноса значительной части противоправных деяний в виртуальное пространство возникла потребность в специализированных волонтерских объединениях – кибердружинах [11, с.512-518]. Переход от ДНД к кибердружинам знаменует собой высшую точку разграничения полномочий форм гражданского участия. Это не просто смена локации с улицы в сеть, а смена роли гражданина от помощника милиционера к экспертному партнеру государства, осуществляющему превентивный контроль в глобальном цифровом поле.

Список литературы:

- [1] Быков, А. В. Становление и развитие форм участия граждан в охране общественного порядка в советский период : монография / А. В. Быков. - М. : Юрлитинформ, 2011. - 192 с.
- [2] Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 02.03.1959 № 218 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1959. № 4. Ст. 25. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2026)
- [3] Об утверждении Примерного положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка : Постановление ЦК

КПСС, Совмина СССР от 20.05.1974 № 379 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1974. №12. Ст. 67. - URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2026).

[4] О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств : Постановление Верховного Совета РСФСР от 12.12.1991 № 2014-1 - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2026).

[5] О Московской городской народной дружине : Закон г. Москвы от 26.06.2002 № 36 (в ред. от 26.12.2012) // Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 8. Ст. 176. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2026).

[6] Козлов, Ю. Г. Правовые и организационные основы деятельности Московской городской народной дружины / Ю.Г. Козлов // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 114-117.

[7] О порядке привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы в Краснодарском крае : Закон Краснодарского края от 21.07.1997 № 95-КЗ (в ред. от 03.11.2023) // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 1997. № 18. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2026).

[8] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 04.10.2022 №8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2026).

[9] Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1545. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.02.2026).

[10] О порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности : Приказ МВД России от 21.07.2014 № 597 // Российская газета. 2014. 22 авг. №189.

[11] Озеров, И. Н. Кибердружины как форма участия граждан в охране общественного порядка / И. Н. Озеров, В. И. Озеров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 3. С. 512-518.

References:

[1] Bykov, A.V. Formation and development of forms of participation of citizens in the protection of public order in the Soviet period: monograph/A.V. Bykov. - M.: Yurlitinform, 2011. - 192 s.

[2] On the participation of workers in the protection of public order in the country: Decree of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 02.03.1959 No. 218//Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1959. № 4. Art. 25. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed on: 07.02.2026)

[3] On approval of the Model Regulation on Voluntary People's Squads for the Protection of Public Order: Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 20.05.1974 No. 379//Collection of Resolutions of the Government of the USSR. 1974. №12. Art. 67. - URL: publication.pravo.gov.ru (access date: 20.02.2026).

[4] On ratification of the Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States: Resolution of the Supreme Council of the RSFSR of 12.12.1991 No. 2014-1 - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 07.02.2026).

[5] On the Moscow City People's Squad: Law of Moscow dated 26.06.2002 No. 36 (as amended by 26.12.2012) //Vedomosti of the Moscow City Duma. 2002. № 8. Art. 176. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (access date: 07.02.2026).

[6] Kozlov, Yu. G. Legal and organizational foundations of the activities of the Moscow City People's Squad/Yu. G. Kozlov//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 10. S. 114-117.

[7] On the procedure for attracting members of Cossack societies to perform state or other service in the Krasnodar Territory: Law of the Krasnodar Territory of 21.07.1997 No. 95-KZ (as amended by 03.11.2023) //Newsletter of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory. 1997. № 18. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (access date: 07.02.2026).

[8] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended by 04.10.2022 No. 8-FKZ)//Official Internet portal of legal information. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (access date: 07.02.2026).

[9] On the participation of citizens in the protection of public order: Federal Law of 02.04.2014 No. 44-FZ (as amended on 14.07.2022) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 14. Art. 1545. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (access date: 08.02.2026).

[10] On the procedure for forming and maintaining a regional register of people's squads and public associations of law enforcement orientation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 21.07.2014 No. 597//Rossiyskaya Gazeta. 2014. Aug. 22, No. 189.

[11] Ozerov, I.N. Cyberdruzhins as a form of participation of citizens in the protection of public order/I.N. Ozerov, V.I. Ozerov//Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2019. T. 44. № 3. S. 512-518.

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭКОЛОГИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются актуальные правовые проблемы определения статуса экологических мигрантов в условиях нарастающих климатических изменений, ухудшения состояния окружающей среды и увеличения числа природных и техногенных катастроф. Автором рассматриваются основные подходы к пониманию экологической миграции как сложного многофакторного явления, обусловленного как естественными природными процессами, так и возрастающим антропогенным воздействием на окружающую среду. Особое внимание уделяется анализу понятий «экологический мигрант» и «экологический беженец», выявлению их соотношения с действующими международными правовыми категориями и обоснованию вывода о том, что существующие универсальные нормы международного права не обеспечивают правовой определённости и надлежащей защиты. В статье отражено, что положения Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года не охватывают лиц, вынужденно покидающих место своего проживания вследствие различных экологических факторов, что формирует правовую неопределённость в механизмах их международной защиты. Анализируются современные международные и региональные подходы к регулированию экологической миграции, включая акты «мягкого» права и меры, принимаемые различными государствами. Автором делается вывод о необходимости разработки универсального международного правового акта, устанавливающего критерии признания человека экологическим мигрантом, объем его прав, гарантии защиты, а также обязанности и пределы ответственности государств.

Ключевые слова: экологическая миграция, негативное воздействие, окружающая среда, перемещение, беженцы, международное право, изменение климата.

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

LEGAL STATUS OF ENVIRONMENTAL MIGRANTS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Annotation. The article analyzes topical legal problems of determining the status of environmental migrants in conditions of growing climatic changes, environmental degradation and an increase in the number of natural and man-made disasters. The author considers the main approaches to understanding ecological migration as a complex multifactorial phenomenon due to both natural processes and increasing anthropogenic impact on the environment. Particular attention is paid to the analysis of the concepts of «ecological migrant» and «ecological refugee», identifying their correlation with existing international legal categories and justifying the conclusion that the existing universal norms of international law do not provide legal certainty and appropriate protection. The article reflects that the provisions of the 1951 Convention relating to the Status of Refugees and the 1967 Protocol do not cover persons forced to leave their place of residence due to various environmental factors, which creates legal uncertainty in the mechanisms of their international protection. Modern international and regional approaches to the regulation of environmental migration are analyzed,

including acts of soft law and measures taken by various states. The author concludes that it is necessary to develop a universal international legal act establishing the criteria for recognizing a person as an environmental migrant, the scope of his rights, guarantees of protection, as well as the duties and limits of state responsibility.

Key words: *environmental migration, negative impact, environment, displacement, refugees, international law, climate change.*

В современных реалиях климатических изменений, ухудшения состояния окружающей среды и увеличения количества экологических катастроф все более актуальной становится проблема экологической миграции населения. Данная проблема приобретает не только социально-экономическое, но и ярко выраженное правовое значение. Миграция лиц, вызванная рядом экологических факторов, таких как затяжные засухи, деградация почв, повышение уровня моря, возникновение дефицита пресной воды, снижение уровня урожайности и продовольственная нестабильность, а также техногенными и природными катастрофами, ставит перед государствами и всем международным сообществом ряд правовых вопросов, связанных с определением статуса экологических мигрантов и обеспечением их правовой защиты. В связи с этим проблема экологической миграции требует всестороннего рассмотрения со стороны научного сообщества и комплексного осмысления в контексте современных вызовов экологической и миграционной политики.

Значительная часть изменений, происходящих в окружающей среде, обусловлена антропоцентричным характером осуществляемой человеком хозяйственной деятельности. Промышленные загрязнения, нерациональное использование природных ресурсов и отказ от внедрения наилучших доступных технологий на производствах приводят к увеличению негативного воздействия, оказываемого на окружающую среду, выражающегося в загрязнении атмосферного воздуха, водных объектов, почв, истощении природных экосистем, сокращении биологического разнообразия и ухудшении качества жизни людей. Показательным примером такого негативного воздействия антропоцентрической хозяйственной деятельности, по мнению Т.К. Кирилловой и М.В. Колмогорова, являются аварии, произошедшие на химкомбинате «Маяк» в Челябинской области в 1957 и 1967 гг. [1, с. 169].

Последствия данных аварий вышли далеко за пределы локального промышленного инцидента и приобрели характер крупной экологической катастрофы. В результате аварий сформировалась зона радиоактивного загрязнения, что значительно повлияло на деградацию экологической обстановки в данном регионе, а также на жизнь и здоровье населения. Указанные происшествия не только оказали негативное воздей-

ствие на окружающую среду, но и вызвали вынужденную миграцию людей. Вследствие катастрофы было эвакуировано более тысячи человек, тогда как многие жители еще долгое время оставались в зоне повышенного радиоактивного риска [2, с. 39]. М.Х. Гельдибаев и О.С. Великая отмечают, что возникновение зон радиоактивного загрязнения влечет за собой серьезные медицинские последствия для населения, выражающиеся в развитии лучевой болезни при контакте с источниками ионизирующего излучения. Данная проблема остается в центре внимания радиационной медицины: ученые исследуют последствия облучения, включая их влияние на наследственность и возникновение патологий у ликвидаторов катастрофы и гражданского населения [3, с. 83].

В долгосрочной перспективе данные процессы способствуют возникновению новых чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также создают риски для обеспечения экологической безопасности как на национальном, так и на трансграничном уровнях. В последнее время экологический вред все чаще приобретает трансграничный характер и выходит за рамки конкретной национальной юрисдикции. Его последствия затрагивают не только население государства, на территории которого возник источник негативного воздействия, но и соседние страны, где ухудшение состояния окружающей среды также создает риски для жизни, здоровья и безопасного проживания населения. В связи с этим увеличивается количество лиц, покидающих место своего проживания из-за негативного изменения окружающей среды или угрозы такого изменения. В большинстве случаев правовой статус указанных лиц остается неопределенным, что свидетельствует о наличии существенных пробелов в современном международном и национальном правовом регулировании.

На сегодняшний день для обозначения данного явления используются различные термины, например, «экологический мигрант», «экологический беженец» и т.д. В.И. Евтушенко в своем исследовании подчеркивает, что, начиная с 90-х годов XX века термин «экологическая миграция» приобрел заметное международное признание. В частности, на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. указывали на то, что количество лиц, мигрирующих в связи с ухудшением экологической обста-

новки в месте их проживания превышает количество беженцев. Данный факт повысил научный и юридический интерес к более точному осмыслению терминов «экологическая миграция» и «экологический мигрант» [4, с. 125].

В современной научной литературе отсутствует единообразие в употреблении терминов «экологический мигрант» и «экологический беженец», что само по себе свидетельствует о нерешенности вопроса их правовой квалификации [5, с. 3]. В международном праве разграничение между мигрантом и беженцем является достаточно определенным и основывается на положениях Конвенции о статусе беженцев 1951 г. (далее – Конвенция) и Протоколе 1967 г., но применительно к перемещению лиц, вызванному изменением состояния окружающей среды и ухудшению экологической обстановки, данное различие осложняется. Под термином «беженец» принято понимать лицо, покинувшее страну своей гражданской принадлежности вследствие обоснованных опасений преследования по установленным Конвенцией основаниям, тогда как экологический мигрант перемещается под воздействием природно-климатических факторов, не связанных с целенаправленным преследованием. В связи с этим, лица, покидающие место своего проживания из-за ухудшения состояния окружающей среды или иных экологических изменений, не подпадают под действие Конвенции и не имеют правового статуса беженцев. Термин «экологический беженец» остается скорее публицистическим, чем юридическим, тогда как «экологический мигрант» представляется более корректным для обозначения данной категории лиц, находящихся в условиях правовой неопределенности.

Экологическая миграция населения различается в зависимости от направления, продолжительности и степени вынужденности перемещения. Выделяют внутреннюю экологическую миграцию, когда люди покидают место постоянного проживания, но остаются в пределах одного государства, и внешнюю, когда миграция связана с переездом в другое государство. Значительная часть перемещений происходит именно внутри государства, что характерно для последствий наводнений, засух и иных стихийных бедствий. Помимо этого, экологическая миграция подразделяется на добровольную и вынужденную. В первом случае лица заблаговременно принимают решение о переезде из-за ухудшения экологической обстановки, во втором же лица покидают район своего проживания под непосредственной угрозой жизни и здоровью. По продолжительности экологическая миграция может быть временной и постоянной. Временная миграция может включать в себя как краткосрочные перемещения сроком до одного года, так и долгосрочные

свыше одного года, тогда как постоянная экологическая миграция связана с окончательной утратой возможности возвращения в прежнее место проживания. Исходя из этого, экологическая миграция охватывает широкий спектр форм, отражающих как масштаб изменений окружающей среды, так и глубину их воздействия на жизнь населения.

В последнее время на международном уровне возросло внимание к проблеме миграции и усилились попытки выработать общие подходы к ее правовому регулированию, включая перемещения, вызванные неблагоприятными экологическими факторами. Одним из важных этапов в данном процессе стало принятие в 2016 г. Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах, а также Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в 2018 г., в которых среди причин миграции указаны ухудшение состояния окружающей среды, стихийные бедствия и климатические изменения. Несмотря на то, что данные документы не создают специального международного правового статуса экологических мигрантов, они свидетельствуют о признании экологических причин как весомого аргумента современных миграционных процессов. При этом нормы международного права лишь косвенно затрагивают положение экологических мигрантов и допускают расширительное толкование в отношении них. Более детальное правовое регулирование формируется на региональном уровне, где нормативные правовые акты учитывают специфику факторов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, так как негативные экологические последствия проявляются в разных регионах неравномерно. Именно поэтому региональные механизмы нередко оказываются более практико-ориентированными и позволяют учитывать экологические особенности конкретной территории и разрабатывать механизмы для решения соответствующих миграционных проблем, основываясь на универсальных положениях, установленных, в частности, Нью-Йоркской декларацией о беженцах и мигрантах.

Как отмечают Н.М. Мухаметгареева и З.А. Юсупова, существующий правовой пробел лишь частично компенсируется актами «мягкого» права и международными инициативами, признающими климатические факторы значимым основанием вынужденного перемещения и формирующими основы будущих стандартов защиты. Однако гуманитарные меры, применяемые государствами по отношению к экологическим мигрантам, как, например, предоставление временного убежища и гуманитарной визы, не обладают обязательной силой и зависят преимущественно от политической воли конкретных государств [6, с.

272]. Это позволяет сделать вывод о том, что выработка универсальной юридической системы международных гарантий для экологических мигрантов становится одной из ключевых задач современного этапа развития международного права.

Помимо этого, некоторые исследователи справедливо относятся к идее экологической миграции с заметной осторожностью, отмечая, что многие громкие прогнозы о будущих массовых переселениях лиц в связи с изменением климата нередко основываются на упрощенных или спекулятивных оценках, а потому требуют тщательной проверки. По их мнению, важно исходить не из апокалиптических сценариев, а из конкретных фактов, эмпирических данных и научно обоснованного анализа, так как ухудшение состояния окружающей среды не всегда приводит к миграции населения. Миграция также зависит от совокупности социальных, экономических, политических и иных факторов [7, с. 84]. Вместе с этим, нельзя отрицать существование реальной экологической миграции в случаях возникновения крупных природных и техногенных катастроф, когда деградация окружающей среды, утрата жилья, а также потенциальная угроза жизни и здоровью вынуждают людей покидать место своего проживания. Однако, наряду с такими случаями существуют и попытки использовать экологические факторы как удобное обоснование миграции в более благополучные государства, что делает особенно важным реальное разграничение вынужденного переселения и спекулятивных инициатив.

По мнению Хайна Де Хааса показательным является пример с заявлением представителей программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в 2005 г. о якобы неизбежной экологической миграции. Прогнозировалось, что изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды приведет к масштабному переселению большей части населения ряда стран. Однако, как отмечает исследователь, данные ожидания не подтвердились, и вместо предполагаемого сокращения населения, напротив, наблюдался рост его численности. Впоследствии представители ЮНЕП фактически отказались от собственного заявления и удалили карту экологических мигрантов с официального сайта программы. Данный случай является наглядным примером того, что не всегда происходящие климатические изменения связаны с неизбежной массовой миграцией населения. Помимо этого, исследователь обращает внимание на обзор статистических данных, подготовленный в 2018 г. Институтом миграционной политики, в котором показано, что в условиях экологического неблагополучия люди чаще стремятся не к миграции, а остаться в месте своего

проживания, особенно если получают поддержку государства, обеспечивающую восстановление инфраструктуры и поддержку пострадавших лиц [8]. Система государственной поддержки включает в себя комплекс мер, охватывающих жилищную, трудовую, налоговую и иные сферы. При этом установленный законодательством перечень преференций остается открытым и может быть дополнен иными механизмами социальной защиты в зависимости от конкретных обстоятельств [9, с. 99].

Таким образом, экологическая миграция постепенно начинает превращаться из локальной и малоосмысленной проблемы в один из значимых вызовов современности. Ухудшение состояния окружающей среды и увеличение количества экологических катастроф показывает, что необходимо осуществить выработку четких правовых механизмов регулирования экологической миграции и эффективных мер для защиты лиц, покидающих место своего проживания в связи с изменением климата и под воздействием иных экологических факторов. Отсутствие единого международного документа, устанавливающего правовой статус экологического мигранта, приводит к тому, что лица, вынужденно покинувшие место своего проживания вследствие деградации окружающей среды, а также климатических и техногенных катастроф, оказываются вне механизмов, гарантирующих правовую защиту. Одним из актуальных вопросов остается недопустимость их возвращения в районы, где сохраняется реальная угроза их жизни и здоровью, так как в подобных случаях возврат означает оставление человека без надлежащих гарантий безопасности.

В большинстве случаев, длительный характер восстановления природной среды и условий для проживания обуславливает предоставление экологическим мигрантам не только временного убежища, но и оказание медицинской помощи, адаптацию и интеграцию на новом месте проживания. В связи с этим представляется целесообразным разработать универсальный международный правовой акт, который позволил бы определить критерии признания и получения статуса экологического мигранта, установить объем его прав и гарантий, а также обязанности государств по предоставлению указанных мер защиты.

Данный документ также должен дифференцировать причины ухудшения состояния окружающей среды, разграничивая миграцию, вызванную естественными природными процессами, и вынужденное переселение, обусловленное негативными последствиями антропогенной хозяйственной деятельности человека. Указанное разграничение имеет существенное значение для определения содержания обязательств госу-

дарств перед экологическими мигрантами, объема предоставляемых гарантий, а также установления пределов ответственности лиц, виновных в причинении экологического вреда. Наряду с этим, разумно установить критерии, учитывающие продолжительность миграции и степень ее вынужденности, предусмотрев особенности правового статуса как для лиц, заблаговременно принимающих решение о переселении вследствие постепенного ухудшения состояния окружающей среды, так и для лиц, экстренно покидающих место своего проживания в результате климатических или техногенных катастроф. Реализация предложенных мер позволит создать международный правовой механизм защиты экологических мигрантов, обеспечивающий своевременное признание их правового статуса, недопущение возвращения в опасные для жизни и здоровья условия проживания, а также единое распределение обязанностей государств и мер юридической ответственности в зависимости от причин, характера и последствий вынужденного перемещения.

Список литературы:

- [1] Кириллова Т.К., Колмогоров М.В. Понятие социальной защиты и категории граждан, пострадавших в результате радиационных и техногенных катастроф // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. 2021. С. 168-172.
- [2] Репина Т.А. Особенности формирования модели социального поведения экологических мигрантов в принимающих обществах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 37-40.
- [3] Гельдибаев М.Х., Великая О.С. Правовые проблемы защиты лиц, пострадавших в результате радиационных и техногенных катастроф // Закон. Право. Государство. 2021. № 2 (30). С. 82-86.
- [4] Евтушенко В.И. Особенности правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев и экологических мигрантов: сравнительно-правовой анализ // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2009. С. 125-130.
- [5] Икрям А., Юр А.С. Экологическая миграция: новый вызов для мирового сообщества // Мировая политика. 2024. № 2. С. 1-14.
- [6] Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А. Правовой статус и международно-правовая защита климатических беженцев // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2025. № 3 (27). С. 269-276.
- [7] Сарыглар С.А., Максимова С.Г., Молодикова И.Н. Экологическая безопасность и миграционные вызовы: социологический анализ ситуации в российских регионах // Society and Security Insights. 2018. № 4. С. 81-92.
- [8] Hein de Haas. Climate refugees: The fabrication of a migration threat // URL: <https://heindehaas.blogspot.com/2020/01/climate-refugees-fabrication-of.html> (дата обращения: 25.03.2026).
- [9] Кириллова Т.К., Алискеров А.Ю. Пенсии, пособия, льготы как форма социального обеспечения пострадавших в результате радиационных и техногенных катастроф // Закон. Право. Государство. 2021. № 2 (30). С. 97-101.

References:

- [1] Kirillova T.K., Kolmogorov M.V. The concept of social protection and the category of citizens affected by radiation and man-made disasters // Human rights activities in modern Russia: problems and their solutions. Collection of scientific works of the VII International Scientific and Practical Conference. 2021. S. 168-172.
- [2] Repina T.A. Features of the formation of a model of social behavior of environmental migrants in host societies // Bulletin of Orenburg State University. 2015. № 3 (178). S. 37-40.
- [3] Geldibaev M.Kh., Velikaya O.S. Legal problems of protection of persons affected by radiation and man-made disasters // Law. Right. State. 2021. № 2 (30). S. 82-86.
- [4] Yevtushenko V.I. Features of the legal status of refugees and internally displaced persons and environmental migrants: comparative legal analysis // NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2009. S. 125-130.
- [5] Ikryam A., Yur A.S. Environmental migration: a new challenge for the world community // World politics. 2024. № 2. S. 1-14.
- [6] Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A. Legal status and international legal protection of climate refugees // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2025. № 3 (27). S. 269-276.
- [7] Saryglar S.A., Maksimova S.G., Molodikova I.N. Environmental safety and migration challenges: sociological analysis of the situation in Russian regions // Society and Security Insights. 2018. № 4. S. 81-92.
- [8] Hein de Haas. Climate refugees: The fabrication of a migration threat // URL: <https://heindehaas.blogspot.com/2020/01/climate-refugees-fabrication-of.html> (date of treatment: 25.03.2026).
- [9] Kirillova T.K., Aliskerov A.Yu. Pensions, benefits, benefits as a form of social security for victims of radiation and man-made disasters // Law. Right. State. 2021. № 2 (30). S. 97-101.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-80-84

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ШАДИЕВА Айна,

Студент магистратуры, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: shadieva.aina@mail.ru

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье исследуется правовая квалификация цифрового рубля как объекта гражданских прав в контексте действующего законодательства 2023–2026 годов. Выявляется внутреннее противоречие между формальной квалификацией цифрового рубля как безналичных денежных средств по статье 128 ГК РФ и его подлинной гражданско-правовой природой как прямого обязательства Банка России. Анализируются три конкурирующих доктринальных подхода к квалификации и определяется система из шести взаимосвязанных проблем защиты прав пользователей, обусловленных неопределенностью правовой природы цифрового рубля накануне его массового внедрения.

Ключевые слова: цифровой рубль; объект гражданских прав; правовая квалификация; защита прав пользователей; безналичные денежные средства; платформа цифрового рубля; гражданско-правовая ответственность.

SHADIEVA Aina,

Master's student Financial University
under the Government of the Russian Federation Moscow,
Russian Federation

LEGAL QUALIFICATION OF THE DIGITAL RUBLE AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS AND PROBLEMS OF USER RIGHTS PROTECTION

Annotation. The article examines the legal qualification of the digital ruble as an object of civil rights in the context of Russian legislation of 2023–2026. The internal contradiction between the formal classification of the digital ruble as non-cash funds under Article 128 of the Civil Code and its actual civil-law nature as a direct obligation of the Bank of Russia is revealed. Three competing doctrinal approaches to qualification are analysed, and a system of six interrelated problems of user rights protection, stemming from the ambiguity of the digital ruble's legal nature on the eve of its mass implementation, is identified.

Key words: digital ruble; object of civil rights; legal qualification; user rights protection; non-cash funds; digital ruble platform; civil liability.

Введение

Принятие Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ, внесшего в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации упоминание цифровых рублей в составе безналичных денежных средств, породило одну из наиболее острых дискуссий современной цивилистики. С 1 августа 2023 года цифровой рубль формально обрел место в системе объектов гражданских прав – однако характер этого места по-прежнему остается предметом принципиаль-

ных разногласий в доктрине и влечет практические проблемы в сфере защиты прав пользователей.

Актуальность темы определяется совокупностью взаимосвязанных факторов. Во-первых, с 1 сентября 2026 года вступает в силу обязанность крупнейших банков и торговых организаций с выручкой свыше 120 млн рублей обеспечить прием цифрового рубля (Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ), что означает переход инструмента из стадии ограниченного пилота в

режим массового применения. Во-вторых, за период пилотирования (август 2023 – середина 2025 года) к платформе подключились клиенты 15 банков более чем в 150 населенных пунктах, было проведено свыше 100 тыс. транзакций, включая более 63 тыс. переводов и свыше 17 тыс. исполненных смарт-контрактов. В-третьих, с 1 января 2026 года цифровой рубль введен в систему исполнения федерального бюджета без ограничений. В-четвертых, 20 января 2026 года Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о конституционности норм, регулирующих судебную защиту владельцев цифровой валюты, подтвердив необходимость обеспечения надлежащей правовой защиты участников цифрового оборота.

Проблема исследования состоит в том, что включение цифрового рубля в категорию безналичных денежных средств по статье 128 ГК РФ не отражает его подлинной гражданско-правовой природы и порождает систему пробелов в защите прав пользователей: применение к цифровому рублю правовых режимов, рассчитанных на традиционные безналичные денежные средства, неизбежно ведет к неадекватной правовой защите участников отношений на платформе цифрового рубля.

Цель статьи – определить систему проблем защиты прав пользователей, обусловленную неопределенностью гражданско-правовой природы цифрового рубля в условиях действующего законодательства 2026 года.

Методологическую основу исследования составляют: формально-юридический метод (анализ норм ГК РФ и специального законодательства о цифровом рубле), сравнительно-правовой метод (сопоставление правовых режимов безналичных денежных средств и цифрового рубля), а также доктринальный анализ (изучение конкурирующих научных подходов к квалификации цифрового рубля).

Место цифрового рубля в системе объектов гражданских прав по действующему законодательству

Статья 128 ГК РФ в действующей редакции, введенной Федеральным законом от 24.07.2023 № 339-ФЗ, устанавливает перечень объектов гражданских прав: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество (в том числе безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли; бездокументарные ценные бумаги; цифровые права), результаты работ и оказания услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, нематериальные блага.

Законодательная конструкция 2023 года поместила цифровой рубль в категорию «безналичные денежные средства» в составе «иного имущества». Такой выбор законодателя имеет принципиальное значение: он предопределяет, какому правовому режиму отсылается судебная и правоприменительная практика при разрешении споров с участием цифровых рублей. Согласно статье 861 ГК РФ (в редакции Закона № 339-ФЗ) расчеты на территории Российской Федерации осуществляются наличными расчетами, безналичными расчетами, а также расчетами цифровыми рублями, что косвенно подтверждает особость цифрового рубля даже в рамках избранной законодателем конструкции.

При этом классическое понимание безналичных денежных средств в гражданском праве сложилось как права требования клиента к кредитной организации. Остаток средств на банковском счете – это не деньги как таковые, а долговое обязательство банка перед клиентом, возникшее из договора банковского счета. Данная конструкция хорошо разработана доктриной и судебной практикой. Вопрос, однако, в том, применима ли она к цифровому рублю: цифровой рубль хранится не в коммерческом банке, а на платформе Банка России, что меняет природу и субъектный состав обязательственных отношений. А. В. Турбанов прямо констатирует, что счет цифрового рубля является самостоятельным видом банковского счета, отличным от расчетного и текущего [1].

Доктринальные подходы к гражданско-правовой квалификации цифрового рубля

В российской правовой науке сложились три конкурирующих подхода к гражданско-правовой квалификации цифрового рубля, каждый из которых имеет законодательные основания и влечет различные правовые следствия для защиты пользователей.

Первый подход – легальный, основанный на буквальном толковании статьи 128 ГК РФ, – квалифицирует цифровой рубль как разновидность безналичных денежных средств в составе иного имущества. Данный подход отстаивает А. А. Недров, который констатирует, что «Концепция «цифровой рубль как третья форма денег» не соответствует действующему законодательству, а новый финансовый инструмент следует относить к категории безналичных денежных средств». Автор указывает, что «ни один нормативный акт не содержит конкретного определения цифрового рубля», а из буквального содержания статьи 128 ГК РФ следует именно данная квалификация. Преимущество подхода – опора на позитивное право; недостаток – игнорирова-

ние принципиальных отличий цифрового рубля от традиционных безналичных денежных средств.

Второй подход – публично-правовой, опирающийся на концептуальные документы и нормы специального законодательства, – квалифицирует цифровой рубль как третью самостоятельную форму национальной денежной единицы, отличную от безналичных денег. Этот подход развивает А. А. Ситник [2], обосновывая, что «хотя «форма денег» является прежде всего экономической категорией, она важна для права, поскольку отражает существенные различия между видами денег, проявляющиеся, в том числе, в особенностях их правового режима». Согласно данному подходу, включение цифрового рубля в категорию безналичных денежных средств в статье 128 ГК РФ является законодательной условностью, не отражающей его истинной природы. Цифровой рубль есть прямое обязательство центрального банка, а не требование к коммерческому банку. Ю. А. Козенко усиливает этот тезис, указывая, что «российский рубль в любой форме не может быть внутрикорпоративным средством платежа Банка России» – что означает публично-правовую природу отношений между Банком России и держателями цифрового рубля [3].

Третий подход – гибридный, предложенный О. А. Беляевой и Э. О. Осадченко [4], – квалифицирует цифровой рубль как особый, самостоятельный объект гражданских прав, не тождественный ни вещи, ни традиционным безналичным денежным средствам. Авторы констатируют: «Цифровой рубль не тождественен ни наличным, ни безналичным денежным средствам», предлагая определить его как «законное платежное средство в форме уникального цифрового кода, хранящееся на специальном электронном кошельке и эмитируемое Центральным банком Российской Федерации». Данный подход наиболее точно отражает технологическую и правовую специфику цифрового рубля, однако требует самостоятельного нормативного закрепления – введения в ГК РФ отдельной категории.

Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов [5] констатируют практическую значимость данного расхождения, подчеркивая, что правовая квалификация цифрового рубля напрямую определяет доступные пользователям механизмы защиты. Особого внимания заслуживает позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в Постановлении от 20 января 2026 года применительно к цифровой валюте в целом: цифровая валюта, хотя и не относится ни к одному из традиционно признаваемых гражданским законодательством видов имущества, может рас-

считываться как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 ГК РФ, – оборотоспособность которого в ряде аспектов ограничена законом (пункт 2 статьи 129 ГК РФ). Хотя данная позиция сформулирована применительно к частным цифровым валютам, ее методологический подход имеет значение и для квалификации цифрового рубля – государственной цифровой валюты, также существующей в виде цифровых записей.

Проблемы защиты прав пользователей, обусловленные неопределенностью правовой квалификации цифрового рубля

Неопределенность гражданско-правовой квалификации цифрового рубля влечет конкретные, практически значимые проблемы в сфере защиты прав пользователей платформы. Выделим системообразующие из них.

Проблема 1. Отсутствие страхования средств на счетах цифрового рубля. Безналичные денежные средства на счетах в коммерческих банках подпадают под систему обязательного страхования вкладов: в случае отзыва у банка лицензии вкладчик получает страховое возмещение в пределах 1,4 млн рублей. Поскольку цифровой рубль хранится не в коммерческом банке, а на платформе Банка России, он не подпадает под действие данного закона. Квалификация цифрового рубля как разновидности безналичных денежных средств создает у пользователей ложное ощущение тождества с банковскими вкладами, тогда как правового механизма гарантирования средств на счетах цифрового рубля в российском законодательстве по состоянию на 2026 год не предусмотрено.

Проблема 2. Неопределенность правового режима наследования цифровых рублей. Безналичные денежные средства на банковских счетах включаются в наследственную массу по правилам раздела V ГК РФ и практики, сложившейся применительно к договорам банковского счета. Правовой режим наследования средств на счете цифрового рубля остается неурегулированным: не определено, каков порядок открытия наследником доступа к счету цифрового рубля, какой субъект – Банк России или участник платформы – осуществляет раскрытие информации и передачу средств наследнику. Квалификация по статье 128 ГК РФ как безналичных денежных средств отсылает к общим нормам, рассчитанным на иную субъектную архитектуру.

Проблема 3. Отсутствие специального потребительского механизма защиты от несанкционированных операций. Применительно к безналичным денежным средствам на банковских счетах статья 9 Федерального закона от

27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» устанавливает обязанность оператора по переводу денежных средств возместить клиенту сумму операции, совершенной без его согласия, в случае если клиент надлежащим образом уведомил оператора. Распространение данной нормы на операции с цифровыми рублями не закреплено прямо. Указание Банка России от 20.02.2025 о противодействии операциям без добровольного согласия клиента вводит лишь превентивный механизм, не устанавливая конкретных обязательств по возмещению.

Проблема 4. Противоречие между квалификацией по ГК РФ и договорным режимом счета цифрового рубля. Г. А. Вакулина установила, что договор счета цифрового рубля является по своей правовой природе договором присоединения в смысле статьи 428 ГК РФ [6]. Это означает, что пользователь не согласовывает условия договора индивидуально, а лишь принимает их. Режим договора присоединения предоставляет слабой стороне право требовать изменения или расторжения договора при наличии оснований по статье 428 ГК РФ. Вместе с тем действующее регулирование не определяет, каким образом это право реализуется применительно к договору с Банком России на открытие и ведение счета цифрового рубля: порядок оспаривания условий, форума рассмотрения споров и стандартов их разрешения в законе не предусмотрен.

Проблема 5. Неопределенность режима обращения взыскания на цифровые рубли. С 1 января 2025 года вступили в силу поправки в Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», допускающие обращение взыскания на цифровые рубли должников. Однако конкретный механизм такого взыскания – порядок выявления остатков, направления требований Банку России, принудительного списания и перечисления взыскателю – в подзаконных актах проработан недостаточно. Квалификация цифрового рубля как безналичных денежных средств отсылает к механизму взыскания с банковских счетов, который не вполне совместим с централизованной архитектурой платформы цифрового рубля.

Проблема 6. Отсутствие специального механизма разрешения споров между пользователями и Банком России. При возникновении споров по операциям с безналичными денежными средствами в коммерческих банках пользователи могут обратиться к финансовому омбудсмену, в Банк России (как надзорный орган), суд общей юрисдикции или арбитражный суд. В отношении споров с Банком России как оператором платформы цифрового рубля специального досудебного механизма не предусмотрено. Банк России,

будучи одновременно оператором, регулятором и надзорным органом, не может выступать одновременно надзорным органом в отношении самого себя. Данная структурная проблема напрямую обусловлена неопределенностью правовой квалификации цифрового рубля и характера правоотношений между Банком России и пользователями платформы.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, правовая квалификация цифрового рубля как разновидности безналичных денежных средств в статье 128 ГК РФ является законодательной условностью, не отражающей его подлинной гражданско-правовой природы. Цифровой рубль представляет собой прямое обязательство Банка России перед пользователями, существующее в форме записей на централизованной платформе. По своей природе он ближе к самостоятельному *sui generis* объекту гражданских прав – публично-правовому цифровому денежному обязательству государства. Данный вывод согласуется с третьим (гибридным) доктринальным подходом, наиболее адекватно отражающим технологическую и правовую специфику цифрового рубля.

Во-вторых, неопределенность гражданско-правовой квалификации влечет систему из шести взаимосвязанных проблем защиты прав пользователей: отсутствие страхования средств на счетах цифрового рубля; неурегулированность наследования; отсутствие специального потребительского механизма защиты от несанкционированных операций; противоречие между режимом договора присоединения и отсутствием механизма оспаривания его условий; неполнота механизма обращения взыскания; отсутствие специального форума разрешения споров с Банком России как оператором.

В-третьих, устранение выявленных проблем требует принятия специального федерального закона о цифровом рубле, вводящего самостоятельную правовую категорию «цифровой рубль» в ГК РФ (отдельно от безналичных денежных средств) и закрепляющего специальные механизмы защиты прав пользователей с учетом публично-правовой природы обязанного субъекта – Банка России. Это является необходимым условием правовой определенности в условиях массового внедрения цифрового рубля с 1 сентября 2026 года.

Список литературы:

[1] Турбанов А. В. Правовая природа счета цифрового рубля // Банковское право. – 2024. – № 2. – С. 40–51.

[2] Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 8. – С. 20–36. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

[3] Козенко Ю. А. Цифровой рубль в финансово-правовом пространстве России // Финансовое право. – 2023. – № 7. – С. 15–22.

[4] Белова О. А., Осадченко Э. О. Правовая природа цифрового рубля в системе объектов гражданских прав // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 4. – С. 5–14.

[5] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 48–55. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.

[6] Вакулина Г. А. Цифровой рубль как категория гражданского права // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25. – № 3. – С. 431–439. – DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).431-439.

[7] Санникова Л. В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. – 2023. – Т. 15. – № 5. – С. 27–44. – DOI: 10.31107/2075-1990-2023-5-27-44.

[8] Леднева Ю. В. Цифровой рубль в финансово-правовом пространстве // Финансовое право. – 2024. – № 9. – С. 21–24.

References:

[1] Turbanov A. V. Legal nature of the digital ruble account//Banking law. – 2024. – № 2. – S. 40-51.

[2] Sitnik A. A. Digital ruble as an object of financial and legal regulation//Actual problems of Russian law. – 2023. – VOL. 18. – № 8. – S. 20-36. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

[3] Kozenko Yu. A. Digital ruble in the financial and legal space of Russia//Financial law. – 2023. – № 7. – S. 15-22.

[4] Belova O. A., Osadchenko E. O. The legal nature of the digital ruble in the system of civil rights objects//Law and the digital economy. – 2023. – № 4. – S. 5-14.

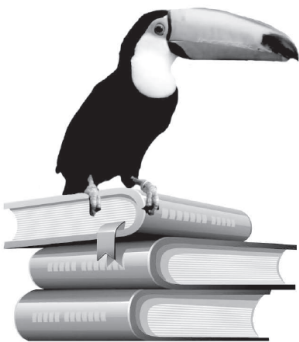
[5] Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Legal regulation of the digital ruble//Actual problems of Russian law. – 2024. – VOL. 19. – № 1. – S. 48-55. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055.

[6] Vakulina G. A. Digital ruble as a category of civil law//Academic Law Journal. – 2024. – T. 25. – № 3. – S. 431-439. – DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).431-439.

[7] Sannikova L. V. Legal Foundations of Digital Currencies of Central Banks and the Digital Ruble// Financial Journal. – 2023. – T. 15. – № 5. – S. 27-44. – DOI: 10.31107/2075-1990-2023-5-27-44.

[8] Ledneva Yu. V. Digital ruble in the financial and legal space//Financial law. – 2024. – № 9. – S. 21-24.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЛАГАЕВ Олег Сергеевич,
руководитель направления договорной и
корпоративной работы ООО «Каллисто Сервисез»,
e-mail: lagos13@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТА КАК ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются практические подходы к соотношению смарт-контракта и традиционного договора, анализируются их основные элементы. В работе исследованы преимущества использования смарт-контрактов, включая автоматизацию, неизменность и другие свойства. Автор анализирует заключение, исполнение, изменение, прекращение смарт-контракта, применение мер защиты и ответственности к обязательствам, вытекающим из смарт-контракта. В работе сделан вывод, что в связи с распространением смарт-контрактов меняется не способ заключения договора, а способ исполнения обязательств: появляется автоматизированный способ их исполнения, ранее неизвестный российскому праву и практике правоприменения.

Ключевые слова: смарт – контракт, договор, исполнение обязательств, цифровое пространство, оферта, акцепт.

LAGAEV Oleg Sergeevich,
Head of Contractual and Corporate
Work Callisto Services LLC

SOME ISSUES WITH ENTERING INTO AND TERMINATING A SMART CONTRACT AS A CONTRACTUAL OBLIGATION

Annotation. The article discusses practical approaches to the relationship between a smart contract and a traditional contract, and analyzes their main elements. The article explores the advantages of using smart contracts, including automation, immutability, and other features. The author analyzes the conclusion, execution, modification, and termination of a smart contract, as well as the application of protection measures and liability for obligations arising from a smart contract. The paper concludes that the spread of smart contracts does not change the way contracts are concluded, but rather the way obligations are fulfilled: an automated method of fulfilling obligations emerges, which was previously unknown to Russian law and legal practice.

Key words: smart contract, agreement, fulfillment of obligations, digital space, offer, acceptance.

Смарт-контракты по своему механизму похожие на эскроу-счета, впервые попытались внедрить для обеспечения обязательств. В Российской Федерации такие счета широко используются в строительном секторе. Предполагалось, что введение эскроу-счетов в долевом строительстве поможет сократить количество недостроенных объектов. Тем не менее из-за множества различных факторов поставленные цели не удалось достичь.

Как и при заключении классического договора смарт-контракты закрепляют перечень прав и обязанностей сторон, определяет набор действий, необходимых для признания договора выполненным. Следовательно, вступая в правоотношения с помощью смарт-контракта стороны выражают намерения к их оформлению.

Как указывает А.И. Савельев, в наши дни в случае заключения смарт-контракта договаривающиеся стороны демонстрируют намерение использовать альтернативную систему правового регулирования вместо традиционного договорного права [20, с.35]. По его мнению, в этой связи, при использовании смарт-контракта истинное намерение оформить или создать правоотношение между контрагентами может и отсутствовать [7, с.302]. В то же время при фактическом совпадении результатов обычного договора и смарт-контрактов нельзя указывать на наличие различий в характере правоотношений [21, с.43].

Поскольку смарт-контракт – явления цифрового пространства, то для его заключения в первую очередь требуется обеспечить технические условия, связанные с наличием устройства

для выхода в интернет [23, с.6; 25, с.507]. Условие должно быть соблюдено обоими лицами, желающими заключить контракт [6, с.53].

Далее, сторонам необходимо обеспечить наличие цифровых кошельков, аккаунтов на платформах-посредников и иных нюансов, материально-технически создающих возможность создания соответствующих правоотношений.

Начальный этап заключения договора в традиционной форме от смарт-контракта существенно не отличается, поскольку до момента введения в действие смарт-контракта стороны должны прийти к соглашению о наборе условий, инициирующих программу.

Однако в отличие от обычных контрактов, акцепт смарт-контракта происходит через его представление. Это значит, что лицо может инициировать подписание смарт-контракта, но без его представления сделка не будет заключена. В таком случае смарт-контракт будет размещен, например, как оферта, но контракт не будет «сформирован» до момента реализации определенных действий для его акцепта. Так, может потребоваться передача денежных средств через код.

Таким образом, правила, касающиеся оферты и акцепта, по сути, не будут создавать препятствия для признания смарт-контрактов юридически обязательными, поскольку их можно считать фактами объективной реальности.[1] Кроме того, в качестве доказательства принятия стороной на себя обязательств по договору является момент передачи сторонами своих частных криптографических ключей для определения источников обеспечения обязательств в смарт-контракте на основе блокчейна [9, с.175].

Также следует добавить, что в смарт-контракты следует добавлять пункт, предусматривающий тестирование кода всего смарт-контракта для выявления возможных ошибок в его исполнении.

В соответствии со ст. 433 ГК РФ моментом заключения договора признается момент получения акцепта лицом, направившим оферту. Когда оферент публикует смарт-контракт в блокчейне в виде двоичного компьютерного кода, четко описывающего условия транзакции, это допустимо считать офертой в смысле гражданского законодательства, а не бытовым приглашением к сотрудничеству в определенной сфере, не порождающим правоотношения [25, с.42]. После публикации смарт-контракта на блокчейн платформе и выполнения требований оферты, контракт «самоисполняется» - акцепт контракта сопряжен с выполнением соответствующих действий [2, с.13].

Как только предлагаемый смарт-контракт будет опубликован на блокчейн и выполнил требования оферты с точки зрения идентификации

существенных переговоров контракта, это фактически акцепт адресата оферты, и акцепт может быть осуществлен посредством совершения конкретных действий.

Довольно сложно определить стороны договора по смарт-контракту, поскольку заключение договора происходит автоматически, если условия были соблюдены обеими сторонами [22, с.113]. То есть, неясно, какая из сторон в подобных правоотношениях направила оферту, а какая – акцептовала ее.

К сторонам договора можно отнести физических или юридических лиц, в распоряжении которых есть цифровая валюта, и которые обладают так называемыми цифровыми правами.

Необходимо указать и на двоякую практику возможности анонимизации субъектов смарт-контрактов. Активно развиваются платформы, в которых вход осуществляется с помощью одноразовых паролей или где создание личного кабинета и подтверждение личности не является обязательным условием для заключения контракта [8, с.25].

Предполагается, что в данном ключе потенциальные участники договорных отношений отдают себе отчет в возможных рисках участия в подобных сделках, и также осознают фактическое отсутствие гарантий восстановления прав в случае их нарушения.

Стоит также уделить внимание некоторым аспектам исполнения смарт-контрактов. В них, как правило, отсутствует участие стороны в процессе исполнения, что не характерно для договорных отношений, в которых, согласно российскому законодательству, присутствует волевая деятельность должника [5, с.91]. Причем данный процесс предварительно также согласуется сторонами в момент выбора в качестве инструмента смарт-контракта, поскольку обе стороны осведомлены об автоматизированном исполнении договора, а также об отсутствии процесса принятия исполнения и содействия сторон при исполнении.

В качестве аргумента в пользу наличия волевой деятельности обеих сторон в процессе исполнения смарт-контракта можно сослаться на ст. 9 ГК РФ, в которой закреплена возможность в отношении гражданских правоотношений выразить свою волю заблаговременно, путем совершения конклюдентных действий с использованием соответствующих электронных ресурсов.

То есть при наличии одностороннего действия (юридического акта) в виде утвердительного волеизъявления на исполнения договора, смарт-контракт автоматизировано исполняется, и это нельзя интерпретировать как отсутствия волевого согласия сторон в ходе заключения и исполнения договора [3, с.20]. В противном слу-

чае любая сделка, заключенная с помощью автоматизированной системы могла бы быть признана недействительной в силу отсутствия волеизъявления сторон.

В договорном праве согласие на совершение сделки должно быть выражено явно и недвусмысленно, о чем также сообщил Верховный Суд РФ [14], закрепивший еще один признак такого согласия – наличие пределов изменения основного обязательства по договору. Представляется возможным по аналогии применить эту логику и в отношении смарт-контрактов.

На данном этапе важно указать на вошедший в правоприменительную практику России принцип эстоппеля, который напрямую связан с препятствием нарушения права стороны договорных отношений путем оказания влияния на исполнение обязательства, в отношении которого предварительно уже было дано согласие [4].

Таким образом, можно говорить о том, что в случае смарт-контракта имеет место презумпция волеизъявления сторон на его заключение и исполнение, если в ходе судебного разбирательства не будет доказано иное [13, с.54].

В качестве еще одного аспекта исполнения смарт-контракта и его особенности в отличие от обычного договора, можно указать на его самообеспечение [11, с.36].

В классических договорах остро стоит вопрос о том, как обеспечить надлежащее исполнение обязательств сторонами сделки. В случае смарт-контракта эта проблема урегулирована тем, что изменение поведения сторон, их воли, обстоятельств не влияют на исполнение обязательств по уже заключенному смарт-контракту. То есть в силу автоматизированного исполнения, обязательства обеспечиваются сами собой, независимо от действий сторон, поскольку отменить исполнение на данный момент невозможно.

Следовательно, можно говорить о том, что фактически у сторон смарт-контракта не остается выбора относительно исполнения обязательства, в силу нецелесообразности таких действий. Ограничением в данном контексте служат лишь недостатки или уязвимости самой платформы или системы, на которой смарт-контракт был заключен. То есть, если обязательство не было распознано системой как исполненное, то автоматизированного исполнения обязательства не произойдет, однако данный аспект касается не столько юридической, сколько технической плоскости.

Таким образом, можно указать на отсутствие в нынешних реалиях прямого указания национальным законодателем на возможность использования смарт-контракта для создания договорных отношений. В то же время, поскольку гражданское право, являясь частноправовой

отраслью, допускает применение норм по аналогии, что позволяет оценить степень целесообразности использования Гражданского кодекса, а именно – правил по заключению и исполнению договора в отношении смарт-контрактов.

В соответствии с гражданским законодательством предусмотрен открытый перечень оснований изменения договора, что закреплено ст. 450 ГК РФ. Одно из оснований – соглашение сторон.

Во-первых, стороны могут изменить смарт-контракт путем заключения нового, вносящего изменения в первый [10]. Однако данный способ представляется технически проблематичным из-за невозможности внести в сам первоначальный основной договор соответствующие данные о том, что он может быть изменен подобным образом, либо оставить пометку о наличии дополнительного смарт контракта, являющегося неотъемлемой частью первого [16, с.24].

Из-за технических особенностей, также возможность изменить смарт-контракт теоретически может быть изначально в нем запрограммирована, равно как и возможность его прекращения при наступлении определенных обстоятельств, о которых стороны заранее договорятся [5, с.247].

Здесь также важно упомянуть соглашение сторон в качестве основания для расторжения смарт-контракта, которое может быть проведено по аналогичному алгоритму: в блокчейн будет внесена новая запись об отмене предыдущей транзакции, что визуально оставит цифровой след и создаст цепочку из двух последовательных действий, но фактически смарт-контракт будет просто расторгнут [18].

Существенное нарушение стороной его условий также является причиной для его изменения. По смарт-контракту исполнение происходит автоматизировано, а права, обязанности и существенные условия недвусмысленно закрепляются в программном коде на этапе заключения договора, поэтому проблема нарушения условий договора одной из сторон, равно как и их ненадлежащее исполнение не возникает [29, с.156].

Возвращаясь к рассмотрению возможных причин изменения условия смарт-контракта, можно обратиться к основанию существенного изменения обстоятельств [19, с.15]. Теоретически изменения такого рода возможны в судебном порядке по соответствующим обязанностям, возложенным им на стороны.

На данном этапе можно также рассмотреть данные основания в ключе расторжения смарт-контракта. Полагаем, что они будут аналогичны практике внесения изменений. То есть, в договоре могут быть заранее поименованы те

существенные условия или наступление обстоятельств, при которых смарт-контракт расторгается также автоматизировано, как и исполняется.

Так, например, законодательно предусмотрена возможность указать те или иные условия в качестве существенных, например, условие о сроке исполнения обязательства. Договор может быть автоматически расторгнут при наступлении срока, запрограммированного в смарт-контракте.

Перечень оснований изменений условий договора, приведенный в гражданском кодексе, не является исчерпывающим. По этой причине можно предположить наличие иных обстоятельств, при которых возникнет необходимость внести изменения в смарт-контракт, однако это, предположительно, будет возможно сделать только с соответствующей санкции судьи, то есть, уже на стадии наличия разногласий между сторонами, которые обратились в суд [24, с.27].

Стоит также обратить внимание на возможные основания прекращения смарт-контракта в соответствии с нормами действующего гражданского законодательства, применяемые к договорам классической формы заключения [15].

Первым и наиболее распространенным обстоятельством прекращения смарт-контракта служит окончание его исполнения.

Применение нормы о совпадении должника и кредитора в одном лице в отношении смарт-контракта предполагается затруднительным, поскольку каждая из сторон договора обладает персонифицированным, частным электронным ключом. Несмотря на то, что человек может обладать несколькими ключами, целесообразность заключения смарт-контракта такого рода сомнительна.

Иное основание прекращения договора – издания акта органом государственной власти или местным самоуправлением. Представляется, что основание может быть применено в случае, когда субъект цифровых прав заключает смарт-контракт в отношении предмета материально мира, оборот которого уже после заключения контракта был ограничен или запрещен [27, с.187].

Если рассматривать основания, предусмотренные статьями 409-415 ГК РФ, возможность их применения, предположительно, существует только в тех случаях, когда это было изначально предусмотрено сторонами в смарт-контракте при его заключении. Таким образом отступное, новация, зачет или прощения долга как поименованные в статьях гражданского кодекса основания прекращения договора и обязательств по нему должны быть сразу учтены сторонами в цифровом коде смарт-контракта как релевантные.

Также затруднительным видится применение нормы о невозможности исполнения обязательства, что послужило в дальнейшем причиной прекращения договора [28, с.78-80]. В смарт-контрактах, как правило, отсутствует связь посредством цифровых прав реального материального объекта с платформой, где договор заключается. В то же время, при обратной ситуации теоретически можно применить именно это основание прекращения договора.

В случае смерти гражданина или ликвидации юридического лица происходит правопреемство цифровых прав. То есть, если наследник станет собственником частного электронного ключа в порядке правопреемства, теоретически он может стать новой стороной заключенного смарт-контракта, если по аналогии к нему будут применимы нормы о перемене лиц в обязательстве.

Также стоит указать на то, что односторонний отказ, как основание расторжения договора, в случае смарт-контракта не видится применимым в связи со спецификой способа волеизъявления в такой форме договора. Внести на платформу со смарт-контрактом запись в одностороннем порядке пока возможности не представляется, а соответствующие конклюдентные действия, которые в случае с классическими договорами могут быть расценены как выражение воли стороны в одностороннем отказе от обязательств по договору, в смарт-контракте невозможны [17, с.250-251; 12]. Исключением является предусмотренная в первоначальном смарт-контракте возможность одностороннего отказа.

В то же время, у сторон всегда существует универсальный способ внесения изменений в смарт-контракт или его расторжения – судебный порядок. Право на судебную защиту, в том числе и субъектов экономической деятельности, прямо закреплено в Конституции Российской Федерации. Поэтому существующие неясности применимости норм договорного права к смарт-контракта могут быть разъяснены судом, что приведет к формированию судебной практики, задаст общий тренд к правовому регулированию данного вида правоотношений и в дальнейшем отразится в нормах гражданского законодательства.

Список литературы:

[1] An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations // Harvard Law School Forum on Corporate Governance : сайт. – URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2018/05/26/an-introduction-to-smart-contracts-and-their-potential-and-inherent-limitations/> (дата обращения: 20.02.2026).

- [2] Белых В.С. Правовое регулирование деятельности провайдеров криптокошельков // Юрист. – 2020. – № 8. – С. 13.
- [3] Брезгулевская Л.К. О правовой природе согласия на совершение сделки // Юрист. 2014. – № 22. – С. 20.
- [4] Ворожевич А. Принцип эстоппеля в договорном, процессуальном и корпоративном праве: анализ судебной практики // ЭЖ-Юрист. официальный сайт. – URL: <https://www.eg-online.ru/article/364143> (дата обращения: 20.02.2026).
- [5] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 91.
- [6] Идрисов И.Д. Правовые вопросы использования автоматизированных систем сообщений в электронной торговле // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 36. – С. 53
- [7] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. // Том 2. – М. 2012. – С. 302.
- [8] Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8. – С. 25.
- [9] Kemp R. Mobile Payments: Current and Emerging Regulatory and Contracting Issues // Computer Law & Security Review. – 2013. – Vol. 29. – Issue 2. – P. 175.
- [10] Levi S.D., Lipton A.B. An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations. Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP. // Harvard Law School Forum on Corporate Governance : сайт. – URL: <https://corpgov.law.harvard.edu> (дата обращения: 20.02.2026);
- [11] Минеев О.А. Проблемы реализации принципа надлежащего исполнения обязательств в современном гражданском обороте // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 1. С. 36.
- [12] Mukherjee A. Smart Contracts – Another Feather in UNCITRAL's Cap // Cornell International Law Journal Online : сайт. – URL: http://cornellilj.org/smart-contracts-another-feather-in-uncitrals-cap/#_ftn16 (дата обращения: 20.02.2026).
- [13] Осмоловская А.С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 2. – С. 54.
- [14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета. – № 6. – 15.01.2021.
- [15] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2015 г. № 18АП-5464/2015 по делу № А76-29922/2014 // Электронное правосудие : официальный сайт. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4eee54e3-e330-47d9-8a58-fad08e9e243f> (дата обращения: 20.02.2026).
- [16] Pombejra B.N. The Rise of Blockchain: an Analysis of the Enforceability of Blockchain Smart Contracts // Thammasat University Faculty of Law. – 2016. – P. 24.
- [17] Poggi C.T. Electronic Commerce Legislation: An Analysis of European and American Approaches to Contract Formation // Virginia Journal of International Law. – 2000. – Vol. 41. – P. 250- 251.
- [18] Ratnik H., Vavrenjuk M. Legal Effect and Enforceability of a Smart Contract under Estonian Law // University of Tartu School of Law. IT Law Lab Research Paper : сайт. – URL: <https://oigus.ut.ee> (дата обращения: 20.02.2026);
- [19] Ryan P. Smart Contract Relations in e-Commerce: Legal Implications of Exchanges Conducted on the Blockchain // Technology Innovation Management Review – 2017. – Vol. 7. – Issue 10. – P. 15.
- [20] Савельев А.И. Договор присоединения в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2010. – № 5. – С. 35.
- [21] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 43.
- [22] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут. – 2016. – С. 113.
- [23] Chopra S., White L. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents // University of Michigan . – 2011. – P. 6;
- [24] Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России // Томск: Издательство Томск. Государственного университета системы управления и радиоэлектроники. – 2012. – С. 27.
- [25] Teubner G. Rights of Non-Humans? Electronic Agents and Animals as New Actors in Politics and Law // Journal of Law and Society. – Vol. 33. – No. 4. – 2006. – P. 507
- [26] Fairfield J. Smart Contracts, Bitcoin Bots, and Consumer Protection // Washington & Lee Law Review Online. – 2014. – Vol. 71. – Issue 2. – Art. 3. – P. 42.
- [27] Халиков Р.О. Понятие электронной сделки // Вестник ТИСБИ. – 2005. – № 4. – С. 187.
- [28] Huber P., Mullis A. The CISG. A New Textbook for Students and Practitioners // European Law Publishers. – 2007. – P. 78-80
- [29] Juels A., Marino B. Setting Standards for Altering and Undoing Smart Contracts. Rule Technologies // Research, Tools, and Applications. Springer International Publishing. – 2016. – P. 156.

References:

- [1] An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations // Harvard Law School Forum on Corporate Governance : сайт. – URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2018/05/26/an-introduction-to-smart-contracts-and-their-potential-and-inherent-limitations/> (дата обращения: 20.02.2026).
- [2] Belykh V.S. Legal regulation of crypto wallet providers//Lawyer. – 2020. – № 8. – S. 13.
- [3] Brezgulevskaya L.K. On the legal nature of consent to the transaction//Lawyer. 2014. – № 22. – S. 20.
- [4] Vorozhevich A. Principle of estoppel in contract, procedural and corporate law: analysis of judicial practice//EZh-Lawyer. official website. – URL: <https://www.eg-online.ru/article/364143> (access date: 20.02.2026).
- [5] Efimova L.G., Mikheeva I.E., Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – № 4. – S. 91.
- [6] Idrisov I.D. Legal issues of using automated messaging systems in electronic commerce//Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2009. – № 36. – S. 53.
- [7] Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits. //Volume 2. – M. 2012. – S. 302.
- [8] Karzhia A.A. Digital imperative: new technologies create new reality//Intellectual property. Copyright and related rights. – 2017. – № 8. – S. 25.
- [9] Kemp R. Mobile Payments: Current and Emerging Regulatory and Contracting Issues // Computer Law & Security Review. – 2013. – Vol. 29. – Issue 2. – P. 175.
- [10] Levi S.D., Lipton A.B. An Introduction to Smart Contracts and Their Potential and Inherent Limitations. Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP. // Harvard Law School Forum on Corporate Governance : сайт. – URL: <https://corpgov.law.harvard.edu> (access date: 20.02.2026);
- [11] Mineev O.A. Problems of the implementation of the principle of proper fulfillment of obligations in modern civil circulation//Bulletin of Volgograd State University. 2013. № 1. S. 36.
- [12] Mukherjee A. Smart Contracts – Another Feather in UNCITRAL's Cap // Cornell International Law Journal Online : сайт. – URL: http://cornellilj.org/smart-contracts-another-feather-in-uncitrals-cap/#_ftn16 (дата обращения: 20.02.2026).
- [13] Osmolovskaya A.S. Smart contracts: functions and application//Business education in the knowledge economy. – 2018. – № 2. – S. 54.
- [14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.12.2020 No. 45 “On some issues of resolving disputes about surety”//Rossiyskaya Gazeta. – № 6. – 15.01.2021.
- [15] Ruling of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated June 10, 2015 No. 18AP-5464/2015 in case No. A76-29922/2014//Electronic justice: official website. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4eee54e3-e330-47d9-8a58-fad08e9e243f> (access date: 20.02.2026).
- [16] Pombejra B.N. The Rise of Blockchain: an Analysis of the Enforceability of Blockchain Smart Contracts //Thammasat University Faculty of Law. – 2016. – P. 24.
- [17] Poggi C.T. Electronic Commerce Legislation: An Analysis of European and American Approaches to Contract Formation // Virginia Journal of International Law. – 2000. – Vol. 41. – P. 250- 251.
- [18] Ratnik H., Vavrenjuk M. Legal Effect and Enforceability of a Smart Contract under Estonian Law // University of Tartu School of Law. IT Law Lab Research Paper : сайт. – URL: <https://oigus.ut.ee> (access date: 20.02.2026);
- [19] Ryan P. Smart Contract Relations in e-Commerce: Legal Implications of Exchanges Conducted on the Blockchain // Technology Innovation Management Review – 2017. – Vol. 7. – Issue 10. – P. 15.
- [20] Savelyev A.I. Contract of accession in Russian civil law//Bulletin of civil law. – 2010. – № 5. – S. 35.
- [21] Savelyev A.I. Contract law 2.0: “smart” contracts as the beginning of the end of classical contract law//Bulletin of Civil Law. – 2016. – № 3. – S. 43.
- [22] Savelyev A.I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed., Revised and add. M.: Statute. – 2016. – S. 113.
- [23] Chopra S., White L. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents // University of Michigan . – 2011. – P. 6;
- [24] Tatarkina K.P. Form of transactions in civil law of Russia//Tomsk: Tomsk Publishing House. State University of Control Systems and Radio Electronics. – 2012. – S. 27.
- [25] Teubner G. Rights of Non-Humans? Electronic Agents and Animals as New Actors in Politics and Law // Journal of Law and Society. – Vol. 33. – No. 4. – 2006. – P. 507
- [26] Fairfield J. Smart Contracts, Bitcoin Bots, and Consumer Protection // Washington & Lee Law Review Online. – 2014. – Vol. 71. – Issue 2. – Art. 3. – P. 42.
- [27] Khalikov R.O. The concept of an electronic transaction//TISBI Bulletin. – 2005. – № 4. – S. 187.
- [28] Huber P., Mullis A. The CISG. A New Textbook for Students and Practitioners // European Law Publishers. – 2007. – P. 78-80
- [29] Juels A., Marino B. Setting Standards for Altering and Undoing Smart Contracts. Rule Technologies // Research, Tools, and Applications. Springer International Publishing. – 2016. – P. 156.

БЕЛЫЙ Глеб Александрович,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: nickofarlam@gmail.com

Научный руководитель:
ТЫРТЫЧНЫЙ Сергей Анатольевич,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: grazd.pravo@mail.ru

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЮ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Данная в рамках данной статьи исследуется текущее состояние правового регулирования договорных отношений в области энергоснабжения в Российской Федерации, а также анализу особенностей данных правоотношений. В статье акцентируются внимание на текущем состоянии данных правоотношений, их особенностях, а также на анализе имеющихся вопросов права в области энергоснабжения.

Помимо вышеизложенного, подчеркивается важность данных правоотношений для обеспечения экономической стабильности и устойчивого развития Российской Федерации, а также необходимость совершенствования данных правоотношений для формирования единообразия правоприменительной практики в энергетическом секторе.

Ключевые слова: споры, договоры энергоснабжения, анализ, прогнозы, юридические аспекты, арбитраж, права и обязанности сторон, исполнение обязательств, законодательно-правовая база, тарифы, ответственность за убытки, договорные условия, изменения в законодательстве, тенденции, разрешение споров.

BELYY Gleb Alexandrovich,
Postgraduate student
of the Department of Civil Law Disciplines,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas

Scientific supervisor:
TYRTYCHNY Sergey Anatolyevich,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas,
Candidate of Law, Associate Professor

CONTRACTUAL RELATIONS ON ENERGY SUPPLY: CURRENT STATUS AND FEATURES

Annotation. This article examines the current state of legal regulation of contractual relations in the field of energy supply in the Russian Federation, as well as the analysis of the specifics of these legal relations. The article focuses on the current state of these legal relations, their features, as well as on the analysis of existing legal issues in the field of energy supply.

In addition to the above, the importance of these legal relations for ensuring economic stability and sustainable development of the Russian Federation is emphasized, as well as the need to improve these legal relations in order to create uniformity of law enforcement practice in the energy sector.

Key words: disputes, energy supply contracts, analysis, forecasts, legal aspects, arbitration, rights and obligations of the parties, fulfillment of obligations, legal framework, tariffs, liability for losses, contractual terms, changes in legislation, trends, dispute resolution.

Актуальность темы исследования заключается в значимости энергоснабжения в Российской Федерации. С каждым годом прослеживается увеличение потребности в энергообеспечении граждан и бизнеса. Энергоснабжение занимает ключевое место в жизни любого гражданина Российской Федерации, поскольку оно является важнейшим элементом жизни каждого гражданина, и бизнеса, использующего энергию для ведения своей деятельности. Государство со своей стороны уделяет значительное внимание устойчивому и непрерывному развитию энергетического сектора для обеспечения защиты интересов Российской Федерации.

Энергоснабжение на территории Российской Федерации осуществляется специализированными организациями, имеющими специальную лицензию в области энергоснабжения, на основании заключенного договора.

Энергоснабжающей организацией считается лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, на основании действующей лицензии, по поставке и продаже произведенной самостоятельно или купленной электрической или тепловой энергии с помощью сетей энергоснабжения.

Понятие основного договора, опосредующего отношения по энергоснабжению, установлено статьей 539 Гражданского кодекса РФ [1]. Так, отечественное гражданское законодательство определяет договор энергоснабжения как соглашение, заключенное между энергоснабжающей организацией и потребителем, согласно условиям которого одна сторона договора энергоснабжения принимает на себя исполнение обязанности по передаче энергии с помощью объектов снабжения (сети), которые имеет присоединение к объекту потребления, а другая сторона принимает на себя исполнение обязанности по приемке и оплате энергии.

Помимо изложенного абонент обязан обеспечивать согласованный и установленный режим потребления, а также обеспечивать безопасность потребления.

Закрепленное в Гражданском кодексе РФ понятие позволяет раскрыть основное содержание обязательства, устанавливаемое сторонами данного соглашения.

Энергоснабжение потребителя энергии осуществляется путем передачи от энергоснабжающей организации (поставщика) через присоединенную к абоненту (потребителю энергии) сеть (присоединение к энергопотребляющей установке).

Наличие присоединения к сети, посредством которой осуществляется энергоснабжения, является обязательным элементом рассматриваемого вида договора.

С целью заключения договора потребитель должен обратиться в адрес энергоснабжающей организации с заявкой.

В обязательном порядке к заявке необходимо приложить информацию и документы в отношении объекта, который будет снабжаться энергией, об энергопринимающем устройстве.

Энергопринимающее устройство в обязательном порядке должно соответствовать действующим техническим регламентам и правилам и отвечать параметрам.

Также, потребитель предоставляет данные и сведения относительно приборов учета, установленных в его объекте. Наличие приборов учета потребляемой энергии является обязательным требованием.

Лицо, выразившее желание заключить договор, также может дополнительно предоставить документы и информацию, по запросу энергоснабжающей организации, для заключения договора и подтверждения наличия возможности надлежащего обеспечения энергией абонента.

Также могут быть предоставлены иные документы и сведения, необходимые для заключения договора энергоснабжения и подтверждения возможности надлежащего обеспечения энергией абонента (потребителя энергии).

К главным признакам исследуемого вида договора стоит отнести то, что он является консенсуальным, договор является возмездным, носит публичный характер, а также длящийся характер обязательства.

Одним из существенных условий, необходимых для заключения и исполнения договора энергоснабжения является наличие технологического присоединения энергопотребляющей установки абонента к сетям энергоснабжающей организации.

В отсутствие технологического присоединения энергопотребляющей установки возможность заключения и исполнения договора энергоснабжения отсутствует, что подчеркивает значимость данного условия.

В случае отсутствия технологического присоединения, потенциальный абонент должен обратиться в адрес энергоснабжающей организации с запросом об осуществлении технологического присоединения энергопотребляющей установки (располагается в объекте абонента) к линейным объектам, посредством которых будет осуществляться энергоснабжения, с дальнейшим заключением договора по осуществлению присоединения.

Формы и шаблоны договора, а также то, как и каким образом происходит заключение и исполнение сторонами договора энергоснабжения, устанавливаются актами Правительства РФ [2].

Таким образом, перед заключением договора энергоснабжения предполагает выполнения ряда предварительных мероприятий, выполняемых сторонами данного соглашения, в том числе, заключение, в ряде случаев, договора технологического присоединения.

В зависимости от вида абонента (физическое или юридическое лицо) имеется отличающийся порядок заключения договора.

В случае, когда энергия необходима для ее использования в бытовых вопросах, то есть потребителем будет являться гражданин, проживающий в многоквартирном жилом доме, то обращение для целей заключения договора по снабжению энергией в адрес ресурсоснабжающей организации не требуется.

В указанном случае договор будет заключенным с момента фактического подключения многоквартирного дома к сетям.

Если говорить более точно, то моментом заключения договора энергоснабжения является первое фактическое подключение энергопотребляющей установки к сетям гарантирующего поставщика.

Необходимо отметить то, что лишь в некоторых случаях абоненты (физические лица) не участвуют в процессе технологического присоединения и заключения договора энергоснабжения, поскольку указанные мероприятия, а также обязательство по поставке энергии возложено на управляющие компании, что установлено императивными положениями акта Правительства РФ[3].

Компания, в ведении которой находится конкретный жилой дом, предоставляет услуги по энергоснабжению лицам, проживающим в многоквартирном доме.

Помимо этого, управляющая компания обязана содержать в надлежащем состоянии оборудование и коммуникации, с помощью которых осуществляется предоставление коммунальных услуг жителям многоквартирных домов.

Вышеуказанные обязательства управляющей компании перед жильцами закреплены в статье 161 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Стоит отметить, что если гражданину энергоснабжение необходимо, например, в частном жилом доме, то порядок заключения договора энергоснабжения является схожим как для юридических лиц.

Когда на стороне потребителя энергии выступает юридическое лицо, то порядок заключения договора установлен следующий.

Во-первых, юридическому лицу необходимо заключить с энергоснабжающей организацией договор технологического присоединения, с

целью осуществления технологического присоединения энергопотребляющей установки к сетям гарантирующего поставщика.

Во-вторых, после технологического присоединения, юридическому лицу необходимо направить заявку на заключение договора об энергоснабжении.

Заявка направляется в адрес энергоснабжающей организации и должна содержать сведения о заявителе. В обязательном порядке к заявке прилагаются документы и информация, подтверждающие права на объект к которому будет осуществляться присоединение, а также техническая документация на принимающие устройства, содержащая параметры нагрузки и напряжения, а также документация и информация о приборах учета.

В случае неисполнения вышеуказанных условий, которые являются обязательными, договор энергоснабжения не может быть заключен.

Стоит также отметить, что передача энергии для использования также осуществляется и для государственных учреждений, однако, в данном случае заключается контракт энергоснабжения

Данное отличается от договора тем, что отсутствует необходимость подачи заявки на заключение нового договора по истечении срока его действия, поскольку его перезаключение происходит автоматически.

Кроме того, договор энергоснабжения всегда предусматривает такие показатели как: режим и качественные параметры потребления.

Обязанность по соблюдению режима и величины мощности возложена на потребителя. Нарушение данной обязанности влечет за собой возникновение ответственности на стороне потребителя и, в том числе, может выступать основанием для одностороннего расторжения договора, ограничения и/или прекращения процесса подачи энергии.

При этом, качество поставляемой энергии находится в зоне ответственности энергоснабжающей компании, которая обязана обеспечить соответствие качества обязательным требованиям, устанавливаемыми техническими регламентами и стандартами качества (например, ГОСТы и приказы Минэнерго РФ). Несоблюдение указанной обязанности может привести к нарушениям в работе оборудования потребителя, снижению энергетической эффективности и иным негативным последствиям.

Также, стоит отметить, что важным аспектом данного договора является точка поставки, определяемая границами балансовой и эксплуатационной ответственности, которая устанавливается договором (акт разграничения) или в силу требований закона.

Кроме того, стоит учитывать также и обязательность учета энергии. Так, договорное условие об учете включает в себя необходимость указания конкретного типа прибора учета и его технических характеристик и параметров, места его установки, порядка предоставления доступа, периодичность поверки и отнесения расходов на содержание.

При проведении, в рамках настоящей статьи, анализа необходимо иметь ввиду то, что договор энергоснабжения относится к договорам купли-продажи, о чем говорят статьи 539-548 Гражданского кодекса РФ[4].

Стоит учитывать, что рассматриваемый в рамках настоящей статьи вид договора имеет ряд особенностей, которые более присущи договору оказания услуг или договору аренды.

Например, договор энергоснабжения, который заключен сторонами на конкретный срок, будет считаться продленным по истечении установленного договором срока на ранее установленных условиях и на ранее определенный срок, если стороны продолжают его исполнение без изменения условий.

Договор энергоснабжения также будет считаться продленным, если стороны его не расторгнут или не заключат новый.

Договор энергоснабжения является консенсуальным, взаимным и возмездным. Договор энергоснабжения является публичным, тем не менее, абонент (потребитель) имеет право требовать его заключения только при выполнении предъявляемых к абоненту требований и условий заключения договора энергоснабжения.

Основной особенностью договора энергоснабжения является его предмет - энергия.

Стоит отметить, что энергия, которая выступает предметом исследуемого вида договора характеризуется рядом особенностей.

В отличие от иных вещей не может быть обнаружена зрительно, не может накапливаться в больших объемах, процесс производства связан с передачей и потреблением, не может быть возвращена и имеет потери.

Для сохранения энергии необходимо использование технологических средств.

Стоит также отметить, что действующее отечественное законодательство не содержит нормы, раскрывающей понятие энергии.

Гражданское законодательство РФ понимает под энергией товар, который имеет ряд персональных физических особенностей.

Дискуссии о том, как понимать энергию с точки зрения норм права ведутся даже до настоящего времени.

Так, например, отечественный юрист и кандидат юридических наук П.Г. Лахно говорил о

том, что «энергия не может выступать объектом права и не может являться вещью, несмотря на наличие материального выражения и стоимости» [5].

Ранее, при определении энергии считалось, что «электрическая энергия не является ни правом, ни вещью, следовательно, по договору на электроснабжение электростанция обязуется совершить работу, необходимую для предоставления потребителю энергии, а не передать последнему какое-либо имущество» [6].

Стоит учитывать то, что существующая особенность исследуемого в рамках настоящей статьи договора, а также особенности его правового регулирования, дают возможность говорить о необходимости отнесения данного вида договора к самостоятельному, ввиду имеющейся специфики самого энергоснабжения, поскольку договор энергоснабжения имеет обособленный договорной тип и собственную юридическую природу, что не дает в полной мере отнести его к договорам купли-продажи.

Если же проводить анализ имеющихся видов договоров, то более подходящей группой договоров, по мнению автора, к которой можно отнести договор энергоснабжения является договор поставки.

Также стоит отметить, что отечественными учеными цивилистами до сих пор используются различные критерии для отнесения договора энергоснабжения к некоему виду договоров.

Вопрос отнесения договора энергоснабжения к конкретному виду договора обсуждался также еще при разработке гражданского законодательства.

Однако, было принято решение включить его в раздел договоров купли-продажи.

Современные ученые в области права отмечают, что договор в сфере энергоснабжения исполняется только в рамках единой системы, что также отличает его от договоров о купле-продаже.

Таким образом, правовая природа исследуемого договора характеризуется формальным отнесением его к договорам купли-продажи, при этом, фактически у данного вида договора имеются признаки возмездного оказания услуг, публично-правовой характер регулирования и тесная связь с техническими элементами, посредством которых обеспечивается исполнение обязательств по договору.

Кроме того, помимо имеющейся особенности рассматриваемого договора, а именно его предмета, стоит обозначить то, что цена определяется не сторонами, а государственными органами, то есть не так как в других имеющихся в данной группе гражданского законодательства договоров.

То есть, цена договора энергоснабжения определяется на основании утвержденных государственных тарифов, которые отличаются исходя от того, кто является субъектом договора и подлежат индексации с учетом инфляции.

Необходимо учитывать также то, что сейчас практически все сферы общественных правоотношений сталкиваются с цифровизацией. В процессы заключения и исполнения договора внедряются инновационные цифровых решений.

Для заключения договора энергоснабжения достаточно обратиться в адрес энергоснабжающей организации с заявкой посредством электронного портала, благодаря электронным сервисам потребители могут ознакомиться с существующими тарифами и типовыми условиями договоров энергоснабжения, передача показаний и оплата производятся в электронном виде.

При этом, не смотря на крайне положительные тенденции в развитии правового института энергосбережения в Российской Федерации, следует обратить внимание на существующие проблемы.

Основная проблематика вытекает из множественности нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения в области снабжения энергией. Существование огромного массива нормативно-правовых актов, а также сложность понятий и дефиниций используемых в них, усложняют процесс восприятия данных норм и порождают сложность их восприятия участниками отношений по энергоснабжению.

Существует также проблема систематизации норм, регулирующих правоотношения в сфере договора энергоснабжения.

Данная проблема возникает из-за отсутствия четкой системы норм права, которые регулируют договор энергоснабжения.

Значительное влияние на это оказывает отсутствие единого подхода к законодательному регулированию того или иного вопроса в области энергоснабжения.

С целью решения данной проблемы необходим комплексный и целостный подход.

Например, либо путем издания федерального закона, обобщающего многообразие нормативно-правовых актов в сфере энергоснабжения, либо путем решения в кодифицированном акте - Гражданском кодексе Российской Федерации.

Кроме того, сейчас в тех случаях, когда происходит нарушение при исполнении обязательства, существует проблема разграничения ответственности сторон (согласно статье 547 Гражданского кодекса РФ).

Проблема вызвана тем, что процесс доказывания связан с необходимостью предоставле-

ния неоспоримых доказательств нарушения обязательств и возникших убытков, а также определения в чьей зоне находится ответственность.

Данное обстоятельство порождает за собой сложность определения конкретного лица, которое несет ответственность за возникшее ненадлежащее исполнение и причинение убытков.

Сложность доказывания вызвана необходимостью предоставления доказательств неисполнения обязательств и доказывания возникновения убытков, что порождает за собой наличие неопределенности в части определения лица, ответственного за возникшее ненадлежащее исполнение обязательств и причинение убытков.

Действующее законодательство закрепляет предмет доказывания убытков, определенный в статье 15 Гражданского кодекса РФ, при этом, доказать причинно-следственную связь между некачественной энергией (споры по качеству), что как правило вызвано перебоями в напряжении или выходом из строя оборудования, и возникновением убытков крайне сложно, в том числе, из-за невозможности четко определить зону ответственности [7].

Другая проблема вытекает из приборов учета, устанавливаемых на энергопринимающих устройствах. Действующим законодательством и типовыми условиями договоров энергоснабжения установлена обязанность энергоснабжающей организации своевременно проводить поверку приборов учета, а в случае их повреждения, своевременно производить их замену. Тем не менее, на практике потребители часто сталкиваются с тем, что энергоснабжающие организации ненадлежащим образом исполняют свои обязательства.

Однако стоит отметить, что в последние годы все чаще обсуждаются вопросы разрешения имеющихся проблем в части договора энергоснабжения, готовятся проекты нормативно-правовых актов, повышается уровень правового регулирования, а также совершенствуется текущее состояние договора энергоснабжения и разрешаются имеющиеся проблемы.

Правовые основы энергетического отечественного сектора характеризуются системой правовых актов, регулирующих данные правоотношения, со стороны государственных органов обеспечивается поддержание баланса интересов участников правоотношений по энергоснабжению, а правовые механизмы активно адаптируются к имеющимся вызовам и к условиям развития цифровых технологий и внедрению инновационных подходов.

Список литературы:

[1] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред.

от 24.06.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[2] Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» (ред. от 07.02.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[3] Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (ред. от 19.12.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[4] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[5] Городов О. А., Романова В. В. Рецензия на книгу: Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / Под ред. П. Г. Лахно, Ф. Ю. Зеккера. М.: «Вестник Санкт-Петербургского университета», 2012 (2). С. 1076.

[6] Агарков М.М. Гражданский кодекс. Практический комментарий. / Под. ред. А.М. Винавера и И.Б. Новицкого. М.: «Право и жизнь», 1924. С. 13-14.

[7] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

References:

[1] “Civil Code of the Russian Federation (Part Two)” dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended by 24.06.2025) //ConsultantPlus: reference legal system.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 27.12.2004 No. 861 “On approval of the Rules for non-discriminatory access to services for the transmission of electric energy and the provision of these services, Rules for non-discriminatory access to and provision of operational dispatch management services in the electric power industry, Rules for non-discriminatory access to the services of a commercial operator of the wholesale market and the provision of these services and Rules for technological connection of power receivers of consumers of electric energy, electric grid facilities owned by grid organizations and other persons, to electric networks” (as amended by 07.02.2026) // ConsultantPlus: reference legal system.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 06.05.2011 No. 354 “On the provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings” (as amended by 19.12.2025) //ConsultantPlus: reference and legal system.

[4] “Civil Code of the Russian Federation (Part Two)” dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended by 24.06.2025) //ConsultantPlus: reference legal system.

[5] Gorodov O. A., Romanova V. V. Book review: Energy law of Russia and Germany: comparative legal research/Ed. P. G. Lakhno, F. Yu. Secker. M.: “Bulletin of St. Petersburg University,” 2012 (2). S. 1076.

[6] Agarkov M.M. Civil Code. Practical comment ./Under. ed. A.M. Vinavera and I.B. Novitsky. M.: “Law and Life,” 1924. S. 13-14.

[7] “Civil Code of the Russian Federation (Part Two)” dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025) //ConsultantPlus: reference and legal system.

ЯЦЕНКО Мария Владимировна,
кандидат исторических наук,
ст. преподаватель департамента права
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru

ДОГОВОР ДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что дарение представляет собой достаточно распространённый вид договора в современном гражданском обороте. В качестве цели автором данной научной статьи ставил перед собой комплексное исследование, а также развёрнутый анализ института договора дарения в современном российском гражданском праве. Задачами исследования являются выявление основных положений договора дарения, оснований его прекращения, сравнение договора дарения с завещанием и договором ренты (пожизненного содержания с иждивением), а также изучение особого вида договора дарения – пожертвования. В работе автором выделен ряд пробелов в законодательстве о дарении и предложены пути их преодоления.

Автор использовал методы системности и научной объективности. Также в работе применялись основополагающие методы анализа и синтеза правовых конструктов, научного абстрагирования, диалектического подхода, метод сравнения, которые позволили поставить перед собой задачи исследования и, в соответствии с ними, сделать необходимые выводы.

Область применения результатов данного исследования охватывает широкий спектр нотариальной, адвокатской, судебной деятельности.

Ключевые слова: договор дарения, даритель, одаряемый, форма договора, отмена дарения, пожертвование, жертвователь, дар.

YATSENKO Maria Vladimirovna,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer, Department of Law
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation

GIFT AGREEMENTS IN MODERN CIVIL LAW

Annotation. The relevance of this topic stems from the fact that gifts are a fairly common type of contract in modern civil law. The author of this research article aimed to conduct a comprehensive study and a detailed analysis of the gift agreement in modern Russian civil law. The objectives of the study are to identify the key provisions of a gift agreement, the grounds for its termination, compare gift agreements with wills and annuities (lifetime maintenance agreements), and examine a special type of gift agreement – the donation. In this work, the author identifies a number of gaps in gift law and proposes ways to overcome them.

The author utilized systematic and objective methods. The study also utilized fundamental methods of analyzing and synthesizing legal constructs, scientific abstraction, a dialectical approach, and a comparative method, which allowed us to formulate research objectives and, in accordance with them, draw the necessary conclusions.

The scope of application of the results of this study covers a wide range of notarial, legal, and judicial practice.

Key words: gift agreement, donor, donee, contract form, gift revocation, donation, donor, gift.

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что дарение представляет собой достаточно распространённый вид договора в современном

гражданском обороте. В настоящее время на практике достаточно часто заключаются договора дарения недвижимости, так как именно недвижимость является ценным объек-

том гражданского права, с чем связано много дискуссионных вопросов в современной российской правовой науке.

Изученность проблемы. Дарение считается одним из старейших институтов в гражданском праве. В своей статье «К вопросу об истории развития договора дарения» А. А. Косоруков отмечает, что первоначально, в период расцвета римского права, дарение представляло собой неформальное соглашение, не подлежащее исковой защитой. Только в период империи оно получило защиту в законодательстве. В римском праве договор дарения представлял собой договор, по которому одна сторона, именуемая даритель, предоставляла другой стороне, именуемой одаряемый, какую-либо ценную вещь в качестве жеста доброй воли. Важно отметить, что объектом договора дарения в римском праве выступала не только материальная вещь, но и право требования, принадлежащее дарителю [1, с. 68].

Если говорить об истории отечественного права, то любопытно обратиться к Своду Законов Российской Империи, составленному под руководством законодателя и правоведа М. М. Сперанского. Несмотря на то, что напрямую данный документ не содержит в себе определения договора дарения, в ст. 967 указано, что «*благосприобретенное имущество, как движимое, так и недвижимое, может быть подарено владельцем свободно по своему произволу; родовое же имение дарить родственникам или чужеродным, мимо ближайших наследников, запрещается*». В ст. 991 различается дарение и духовное завещание [1, с. 68-69].

В дореволюционный период тематика договора дарения вызывала научный интерес у таких выдающихся учёных - правоведов, как Г. Ф. Шершеневич, Д. И. Мейер, К. П. Победоносцев. Так, например, Мейер упоминает дарение в своём труде - Курсе русского гражданского права, при этом отмечая его скорее отрицательное значение для науки, чем положительное.

1 января 1923 г. вступил в силу первый советский Гражданский кодекс. Договору дарения в нём была посвящена только одна статья - 138. Изначально редакция данной статьи устанавливала ограничение дарения на сумму свыше 10 тыс. рублей.

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. договору дарения была посвящена 23 глава, состоящая из двух статей. В одной статье раскрывалось определение договора, а в другой - устанавливалась его форма. Также упоминалось о пожертвовании гражданином имущества государственной, кооперативной или другой общественной организации [1, с. 72].

В настоящее время ключевым источником института дарения выступает Гражданский

кодекс РФ 1996 г. (его вторая часть), в котором дарению отведена целая глава - 32, включающая в себя статьи с 572 по 582. В данной главе рассматриваются понятие данного договора, его форма, случаи запрета на осуществление дарения и случаи ограничения, условия его отмены, понятие пожертвования и т. д.

В постсоветский период вопросы и проблемы, связанные с дарением, поднимались в трудах Е. С. Фирстова, С. В. Китайцева, Н. А. Кирилина, Р. Д. Муратова, А. В. Чащина, С. В. Рыбака, А. А. Косорукова, Полухиной Д. Р., А. Ю. Колесниковой, А. В. Надольной и др.

Целесообразность разработки темы. В настоящее время существует ряд дискуссионных вопросов, связанных с договором дарения: среди них существующие риски для дарителя (особенно для пожилых людей), сложная процедура оспаривания данного договора и т. д.

Целью данного научного труда является комплексное исследование, а также развёрнутый анализ института договора дарения в современном российском гражданском праве. **Задачами** исследования являются выявление основных положений договора дарения, оснований его прекращения, сравнение договора дарения с завещанием и договором ренты (пожизненного содержания с иждивением), а также изучение особого вида договора дарения - пожертвования.

Научная новизна заключается в выявлении и систематизации проблем применения договора дарения и предложении решений по их преодолению.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении содержания базовых понятий договора дарения в контексте его роли и значимости для участников гражданских правоотношений. Предложенные определения, по нашему мнению, значительно обогащают теоретическую базу исследования, определяют дальнейшие перспективы в изучении и анализе института договора дарения, его правового регулирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании её положений и выводов в практической работе сотрудников нотариата, адвокатуры, судов и других практикующих юристов, занимающихся проблемами, связанными с институтом договора дарения.

Основная часть

Методы и материалы исследования. При написании данной научной статьи автором использовались методы системности и научной объективности. Кроме этого применялись основополагающие методы анализа и синтеза право-

вых конструктов, научного абстрагирования, диалектического подхода, метод сравнения, которые позволили нам решить те задачи, которые мы ставили перед нашим исследованием сделать необходимые выводы.

Результаты и обсуждение исследования.

Договор дарения в гражданском праве представляет собой соглашение сторон, где одна сторона, именуемая даритель, безвозмездно передаёт или же обязуется передать другой стороне, именуемой одаряемый, вещь в собственность или же имущественное право к себе или к третьему лицу, или же освобождает от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом [2, с. 140]. Указанное определение установлено в ч.1 статьи 572 ГК РФ.

В Гражданском кодексе Российской Федерации договору дарения посвящена 32 глава, которая включает в себя статьи с 572 по 582 включительно.

К видам договора дарения относятся:

- передача одаряемому в собственность имущества, которое принадлежало дарителю;
- передача одаряемому права (уступка права), которое принадлежало дарителю в отношении третьего лица;
- освобождение одаряемого от исполнения имущественной обязанности в отношении третьего лица за счёт дарителя;
- освобождение одаряемого от исполнения имущественной обязанности в отношении дарителя [2, с. 140-141].

Ст.572 ГК РФ устанавливает, что договор дарения может быть как реальным (подразумевает передачу имущества в момент заключения соглашения), так и консенсуальным (подразумевает выполнение обещания дарения в будущем).

Ч. 3 ст. 572 устанавливает, на наш взгляд, важное условие - *«Договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя, ничтожен. К такого рода дарению применяются правила гражданского законодательства о наследовании»* [3].

По нашему мнению, что дарение представляет собой сделку, которая основана на взаимном соглашении, а не только на воле дарителя. До принятия дара одаряемым лицом, дарение, по мнению данного автора, не имеет смысла [4, с. 255 - 256].

Вопрос о необходимости согласия одаряемого на получение дара является предметом дискуссий среди юристов не одно десятилетие. С одной стороны, дар – это добровольный акт, который, по мнению автора, предполагает радость и благодарность со стороны получателя. Но, в то же время, дар может быть навязан одаряемому лицу и вызывать у него бремя ответственности [5, с. 166].

Что касается формы данного договора, то ГК РФ в ст. 574 предусматривает как устную, так и письменную форму. Письменная форма договора дарения необходима в следующих случаях:

- если дарителем выступает юридическое лицо и стоимость дара превышает три тысячи рублей;
- договор содержит обещание дарения в будущем.

Важно обратить внимание, что, согласно ч. 3 ст. 574 ГК РФ, договор дарения недвижимого имущества, заключённый между гражданами, подлежит нотариальному удостоверению. Это новое требование, которое связано с вступлением в силу Федерального закона от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации». Мы считаем, что подобные изменения призваны обеспечить эффективность сделок за счёт нотариального сопровождения, позволяющего усилить правовую безопасность каждой из сторон, а также снизить количество судебных споров, что создаёт благоприятные условия для экономического развития [6, с. 78].

По нашему мнению, одной из главных проблем договора дарения выступает неоднозначное толкование законодательства в части определения предмета дарения. Согласно ст. 572 ГК РФ, предметом дарения может быть любое имущество, в том числе, деньги, недвижимое и движимое имущество. Однако отсутствие чёткого урегулирования данного вопроса, по мнению Муратова Р. Д. и Байбековой Э. Ф., приводит к разночтениям и спорам между сторонами сделки [7, с. 205].

Ст. 578 ГК РФ предусматривает условия отмены дарения. Так, к ним относятся:

- покушение со стороны одаряемого лица на жизнь дарителя, членов его семьи или близких родственников, либо умышленное причинение телесных повреждений дарителю. В случае умышленного лишения жизни дарителя, его наследники в судебном порядке вправе требовать отмены дарения;
- обращение одаряемого лица с подаренной ему вещью, которое создаёт угрозу её безвозвратной утраты;
- по требованию заинтересованного лица суд может отменить дарение, совершённое индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом в нарушение положений закона о несостоятельности (банкротстве) за счёт средств, связанных с его предпринимательской деятельностью, в течение шести месяцев, предшествующих объявлению такого лица несостоятельным (банкротом);

- в договоре может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в том случае, если он переживёт одаряемое лицо [8, с. 338].

Таким образом, как следует из данных положений ГК РФ, процедура отмены договора дарения носит сложный, «исключительный» характер, что ставит дарителя в уязвимое положение. Особенно уязвимой категорией здесь выступают пожилые люди. Все это заставляет задуматься о недоработках в отечественном гражданском законодательстве и целесообразности заключения такого договора.

Исходя из положений ч.1 ст. 578 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что если одаряемое лицо совершило покушение на жизнь членов семьи и родственников дарителя, то даритель имеет право отменить дарение. При этом, основания в ситуации, при которой одаряемый причинил реальные телесные повреждения или убил членов семьи дарителя, уже не попадают под те, которые дают дарителю право на отмену дарения. Помимо этого, в указанной статье ГК РФ говорится лишь об умышленном убийстве дарителя и, таким образом, его убийство по неосторожности или убийство недееспособным одаряемым, не даёт оснований наследникам дарителя требовать отмены дарения. Отсутствие всего нескольких слов в законодательстве может приводить к весьма абсурдным ситуациям на практике, поэтому логичным видится решение дополнить список деяний, совершаемых одаряемым лицом по отношению к дарителю и членам его семьи, дающих основание для отмены договора дарения [9, с. 78].

По смыслу ч. 2 ст. 578 ГК РФ следует, что отмена дарения возможна только в том случае, если к гибели вещи ведёт обращение с ней одаряемого лица. При этом отсутствует указание о членах семьи или близких родственниках одаряемого, которые также вполне могут контактировать с вещью, что, безусловно, является значимым упущением [9, с. 79].

Как справедливо полагает А. Ю. Колесникова, отмена дарения - это не расторжение договора, не признание его недействительным, а специфическая для договора дарения постдоговорная ответственность, так как договор дарения считается уже исполненным в момент передачи дара одаряемому лицу. Многие учёные - правоведы справедливо отмечают, что после исполнения договора дарения возникает охранительное обязательство, которое подразумевает воздержание от неправомерных действий, направленных на причинение телесных повреждений и смерти дарителю, покушение на членов его семьи и близких родственников. Охранительное обязательство такого рода не означает, что договор дарения становится возмездной сделкой, возла-

гающей пожизненные обязательства на одаряемое лицо, т. к. обязанности по воздержанию от такого рода действий лежат на каждом человеке и преследуются уголовным законодательством [10, с. 74].

Все указанные выше недоработки в положениях законодательства о дарении заставляют задуматься об уязвимом положении дарителя и членов его семьи, о целесообразности заключения данного договора и рассмотрении альтернативных вариантов для выражения воли собственника по поводу передачи своего имущества. В этой связи, автору хотелось бы провести сравнение договора дарения с завещанием и договором ренты (пожизненного содержания с иждивением).

Согласно ч. 5 ст. 1118 ГК РФ, завещание представляет собой одностороннюю сделку, создающую права и обязанности после открытия наследства. Также можно сформулировать понятие завещания как личное распоряжение дееспособного гражданина на случай его смерти по поводу его имущественных прав и обязанностей [3].

Среди отличительных черт завещания выделим:

1. Тайна завещания - наследодатель по собственному усмотрению сообщает о содержании завещания заинтересованным лицам. Такое условие гарантирует защиту неприкосновенности частной жизни граждан;
2. Правовое действие завещания начинается с момента смерти наследодателя или со дня вступления в силу решения суда об объявлении его умершим;
3. При составлении завещания воля наследодателя должна формироваться свободно, т. е. полностью соответствовать его волеизъявлению. Сделка, при заключении которой на лицо оказывалось давление, будет считаться недействительной [11, с. 181].

Согласно ч.1 ст. 1124 ГК РФ, завещание составляется в письменной форме и подлежит удостоверению нотариусом. В противном случае, несоблюдение условий о письменной форме завещания повлечёт за собой его недействительность.

Важным нюансом, согласно ч.1 ст. 1130 ГК РФ, является тот факт, что завещатель вправе отменить или изменить составленное им завещание в любое время после его совершения, не указывая при этом причины его отмены или изменения. Для отмены или изменения завещания не требуется чьё - либо согласие, в том числе лиц, которые назначены наследниками в отменяемом или изменяемом завещании [3].

Таким образом, в сравнении с договором дарения, который отменяется исключительно в судебном порядке, отмена завещания носит

весьма упрощённый характер и, следовательно, завещание имеет явное преимущество перед дарением.

Если говорить о договоре пожизненного содержания с иждивением, то, согласно ч. 1 ст. 601 ГК РФ, он представляет собой соглашение, по которому получатель ренты - гражданин передаёт принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, обязующегося осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц) [12, с.32].

По нашему мнению, на сегодняшний день данный вид договора для большинства пожилых людей является практически единственной возможностью для обеспечения собственного достойного существования. Изучение нотариальной и судебной практики свидетельствует о том, что несмотря на то, что в соответствии с положениями ГК РФ получателями ренты могут быть любые граждане, по большей части ими продолжают оставаться именно пожилые люди. Для получателей ренты законодательно установлена защита: обязательное нотариальное удостоверение договора, государственная регистрация, обременение имущественной рентой, способы обеспечения исполнения и ответственность за просрочку ренты в виде уплаты процентов.

Договор ренты даёт реальную возможность пожилому человеку, в обмен на передачу своего имущества, получить всё самое необходимое для обеспечения достойного уровня жизни - жильё, питание, одежду, лекарственные препараты, бытовые услуги и т. д. [13, с. 83-84].

Согласно ст. 584 ГК РФ, договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, который предусматривает отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации [12, с. 29-30].

На наш взгляд, нотариальное удостоверение данного вида договора служит дополнительным «фильтром», который призван предотвращать заключение договора под влиянием обмана, насилия или угрозы, и способствует формированию более чёткого и юридически грамотного содержания договора.

В соответствии со ст. 605 ГК РФ, по общему правилу, обязательство пожизненного содержания с иждивением прекращается смертью получателя ренты. При существенном нарушении плательщиком ренты своих прямых обязательств, получатель ренты имеет право требовать возврата недвижимого имущества, которое было передано в обеспечение пожизненного содержания, либо выплаты ему выкупной цены на условиях, закреплённых ст. 594 ГК РФ. При этом плательщик ренты не вправе требовать компенса-

цию расходов, которые он понёс в связи с содержанием получателя ренты [12, с. 32].

Таким образом, как и завещание, договор пожизненного содержания с иждивением носит более упрощённый порядок отмены в сравнении с договором дарения. При заключении договора ренты, её получатель практически не несёт никаких рисков, так как, при несоблюдении условий, он может расторгнуть договор без возмещения убытков на своё содержание плательщику ренты.

Хотелось бы также обратить внимание на особую разновидность договора дарения - пожертвование.

Согласно ч. 1 ст. 582 ГК РФ, пожертвованием признаётся дарение вещи или права в общеполезных целях. Пожертвования могут делаться гражданам, медицинским, образовательным организациям, организациям социального обслуживания и другим аналогичным организациям, благотворительным и научным организациям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям, иным некоммерческим организациям в соответствии с законом, а также государству и другим субъектам гражданского права, которые указаны в ст. 124 ГК РФ [12, с. 28-29].

Применение договора пожертвования в качестве способа оформления имущественных отношений в настоящее время стремительно развивается. Большинство финансово состоятельных граждан и организаций, которые осуществляют благотворительную поддержку социально значимым структурам, предпочитают защищать свои интересы от недобросовестных получателей оказанной помощи посредством заключения сделок, которые конкретизируют порядок использования предоставляемого ими имущества под общеполезные цели [14, с. 7].

Ключевым моментом договором пожертвования выступает тот факт, что имущество должно использоваться одаряемым лицом строго по оговорённому назначению в общеполезных целях и ведёт учёт операций по использованию имущества. При этом даритель имеет право контролировать процесс реализации данного имущества.

Следует согласиться с мнением Е. А. Рязанцевой и А. М. Черкашиной, которые указывают, что на законодательном уровне не решён вопрос о порядке защиты имущественных прав жертвователя в том случае, если после отмены пожертвования, в силу его недобросовестного использования, предмет пожертвования не сохранился в натуре. В научной литературе высказывается мнение об обязанности одаряемого в данной ситуации выплатить жертвователю соответствующую денежную компенсацию в размере цены предмета договора. Помимо прочего, к обязательствам, которые следуют из договора пожерт-

ования, могут быть применимы условия о способах обеспечения исполнения обязательств, т. к. данные условия закреплены в общих положениях об обязательствах в Гражданском кодексе РФ [15, с. 100].

Отметим в качестве недостатка регулирования договора пожертвования отсутствие обязательной письменной формы для данного вида договора, что существенно усложняет процесс доказывания при возникновении спора о правильности применения пожертвованного имущества [16, с. 64].

По результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что договор дарения представляет собой соглашение сторон, где одна сторона, именуемая даритель, безвозмездно передаёт или же обязуется передать другой стороне, именуемой одаряемый, вещь в собственность или же имущественное право к себе или к третьему лицу, или же освобождает от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом. Автор делает вывод, что, несмотря на безвозмездный характер, данный договор имеет определённые негативные последствия для дарителя, особенно для пожилого человека, которые напрямую связаны с процедурой отмены дарения. Указанная процедура носит сложный характер и, как свидетельствует судебная практика, суды крайне редко удовлетворяют иски об отмене дарения. Кроме того, автором указывается на пробелы в законодательстве о дарении. Всё это в совокупности заставляет задуматься о целесообразности заключения данного договора для дарителя и рассмотрении альтернативных вариантов передачи права собственности – составлении завещания или договора пожизненного содержания с иждивением.

Список источников:

[1] Косоруков А. А. К вопросу об истории развития договора дарения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 68-73.

[2] Иванова В. В., Щебетова К. А. Основания отмены договора дарения // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLVIII региональной студенческой научно – практической конференции: в 2 ч. – Омск. 2024. С. 140-146.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс] : [федер. закон: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : по состоянию на 2026 г.] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.04.2026).

[4] Фирстова Е. С. Договор дарения // Вестник национального института бизнеса. 2017. № 28. С. 250-256.

[5] Кирилин Н. А. Особенности договора дарения // Молодой ученый. 2024. № 39 (538). С. 166-169.

[6] Мусавузова Ф. Г. Развития значение нотариального удостоверения договора недвижимости // Оригинальный исследования. 2025. № 1. С. 77-80.

[7] Муратов Р. Д. Договор дарения в России: актуальные проблемы правового регулирования // Вестник науки. №3 (84). 2025. С. 203-208.

[8] Белов В. Е. Договоры, направленные на приобретение и отчуждение чужого имущества // Актуальные проблемы жилищного права. 2022. С. 335-367.

[9] Надольная А. В. Основания отмены договора дарения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 2 (78). С. 76-81.

[10] Колесникова А. Ю. Гражданско – правовые проблемы отмены дарения // Сибирский юридический вестник. 2012. №2 (57). С. 69-74.

[11] Старченко А. С., Протасова Д. С. Понятие и природа завещания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-3(67). С. 180-182.

[12] Рычагова О. Е., Фесенко Е. А. Гражданское право: отдельные виды обязательств: учебное пособие. Часть первая / Авторы-составители: Рычагова О. Е., Фесенко Е. А., АНОО ВО Центрсоюза РФ «СибУПК». – Новосибирск: Академиздат, 2022. 126 с.

[13] Кабаева О. А. Договор ренты и пожизненного содержания с иждивением // Проблемы науки. 2017. №. 10 (23). С. 80-84.

[14] Феофилактов А. С. Договор пожертвования в судебно – арбитражной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. №10. С.7-11.

[15] Рязанцева Е. А., Черкашина А. М. Правовые проблемы пожертвования // Актуальные проблемы государства и права: опыт, проблемы, решения – Курск. 2018. С. 98-101.

[16] Рыбак С. В., Рыбалка Е. А. Договор дарения: актуальные проблемы правового регулирования // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 2. С. 56-67.

References:

[1] Kosorukov A. A. On the History of the Development of the Donation Agreement // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4 (10). Pp. 68-73.

[2] Ivanova V. V., Shchebetova K. A. Grounds for Cancellation of a Donation Agreement // Youth of the Third Millennium: Collection of Scientific Articles of the XLVIII Regional Student Scientific and Practical Conference: in 2 parts. – Omsk. 2024. Pp. 140-146.

[3] Civil Code of the Russian Federation. Part Two [Electronic resource]: [federal law: adopted by the State Duma on October 21, 1994: as of 2026] // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date accessed: 17.04.2026).

[4] Firstova E. S. Donation Agreement // Bulletin of the National Institute of Business. 2017. No. 28. pp. 250-256.

[5] Kirilin N. A. Features of a Donation Agreement // Young Scientist. 2024. No. 39 (538). pp. 166-169.

[6] Musavuzova F. G. Development of the Importance of Notarization of a Real Estate Agreement // Original Research. 2025. No. 1. pp. 77-80.

[7] Muratov R. D. Donation Agreement in Russia: Current Issues of Legal Regulation // Science Bulletin. No. 3 (84). 2025. Pp. 203-208.

[8] Belov V. E. Agreements Aimed at the Acquisition and Alienation of Another's Property // Current Issues of Housing Law. 2022. Pp. 335-367.

[9] Nadolnaya A. V. Grounds for Cancellation of a Gift Agreement // Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 2 (78). Pp. 76-81.

[10] Kolesnikova A. Yu. Civil Law Issues of Cancellation of a Gift // Siberian Law Bulletin. 2012. No. 2 (57). Pp. 69-74.

[11] Starchenko A. S., Protasova D. S. Concept and Nature of a Will // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 4-3 (67). P. 180-182.

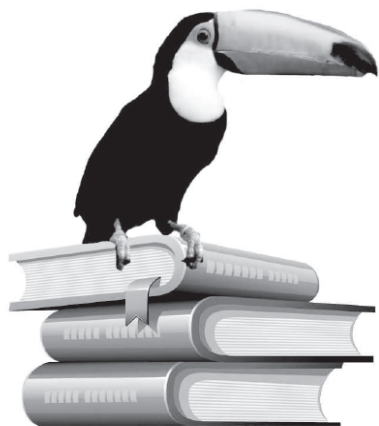
[12] Rychagova O. E., Fesenko E. A. Civil Law: Certain Types of Obligations: A Textbook. Part One / Authors and compilers: Rychagova O. E., Fesenko E. A., ANOO VO Tsentrosyuz RF "SibUPK". - Novosibirsk: Akademizdat, 2022. 126 p.

[13] Kabaeva O. A. Annuity and Lifetime Maintenance Agreement with Dependency // Problemy Nauki. 2017. No. 10 (23). P. 80-84.

[14] Feofilaktov A. S. Donation Agreement in Judicial and Arbitration Practice // Arbitration and Civil Procedure. 2011. No. 10. P. 7-11.

[15] Ryazantseva E. A., Cherkashina A. M. Legal issues of donation // Current issues of state and law: experience, problems, solutions – Kursk. 2018. Pp. 98-101.

[16] Rybak S. V., Rybalka E. A. Donation agreement: current issues of legal regulation // Legal order and legal values. 2023. No. 2. Pp. 56-67.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШЕРШНЕВА Дарья Алексеевна,
магистр 2 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
e-mail: dasha.shershenva.2016@mail.ru

РОЛЬ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ: ОТ КОНКРЕТИЗАЦИИ НОРМ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДИАЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается трансформация отечественного семейного права в сторону расширения договорного регулирования после принятия Семейного кодекса РФ. Выделяется шесть ключевых функций семейно-правовых соглашений (индивидуализация правового режима, предотвращение конфликтов, дополнительные гарантии исполнения обязательств, изменение статуса участников, восстановление диалога через медиацию, правовое воспитание). Отмечается разрыв между заложенной законодателем диспозитивностью и правовым нигилизмом граждан, из-за чего договоры часто заключаются лишь на этапе острого кризиса, а не на ранних бесконфликтных стадиях. Обосновывается необходимость внедрения специализированного семейного нотариата с консультативно-примирительной функцией, а также формирования судебной практики, признающей multifunctionality договорных инструментов.

Ключевые слова: семейное право, договорные начала, брачный договор, алиментное соглашение, медиация, семейный нотариат.

SHERSHNEVA Darya Alekseevna
2nd-year Master's student at the Faculty of Law
at Financial University under the Government
of the Russian Federation

FUNCTIONS OF FAMILY LAW CONTRACTS IN THE CONTEXT OF DEVELOPING CONTRACTUAL PRINCIPLES IN RUSSIAN FAMILY LAW: IMPLEMENTATION PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME LEGAL NIHILISM

Annotation. The article examines the transformation of Russian family law towards greater contractual regulation following the adoption of the Family Code of the Russian Federation. The author identifies six key functions of family law agreements: individualisation of legal regimes, conflict prevention, additional guarantees of obligation enforcement, modification of participants' legal status, restoration of dialogue through mediation, and legal education. A gap is noted between the legislatively established dispositivity and the legal nihilism of citizens, as a result of which contracts are often concluded only at the stage of acute crisis rather than in the early, conflict-free stages. The necessity of introducing a specialised family notary system with advisory and conciliatory functions is substantiated, along with the formation of judicial practice recognising the multifunctionality of contractual instruments.

Key words: family law, contractual principles, marriage contract, maintenance agreement, mediation, family notary, legal nihilism, autonomy of will, parental agreement.

Внедрение и развитие договорных начал в отечественном семейном праве, наиболее проявившееся после принятия Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) 8 декабря 1995 года, знаменует собой принципиальный сдвиг от патерналистской модели регули-

рования, основанной исключительно на императивных предписаниях государства, к модели партнёрской, признающей за членами семьи автономия воли в определении условий своего сосуществования. Значение договоров в этой новой парадигме выходит далеко за пределы

простого уточнения закона, поскольку такие уточнения приобретают качество многофункционального социально-правового института, оказывающего комплексное воздействие как на динамику внутрисемейных связей, так и на эффективность всего механизма семейно-правового регулирования в целом. Системный анализ позволяет выделить и детально охарактеризовать шесть ключевых предназначений, выполняемых договорами в семейно-правовой сфере.

1. Правоконкретизирующее и индивидуализирующее предназначение является базовой и отражает основное назначение договора как акта автономии воли [5, с. 115]. Императивные и диспозитивные нормы семейного права сформулированы законодателем абстрактно, исходя из типовой, усреднённой модели семьи и жизненной ситуации, однако реальные семейные отношения отличаются чрезвычайным разнообразием экономических условий, социальных ролей, личных убеждений и планов на будущее. Договор выступает тем юридическим инструментом, который позволяет преодолеть разрыв между абстрактной нормой и конкретными обстоятельствами, например, законный режим совместной собственности супругов, определенный статьями 33-39 СК РФ, предполагает равенство долей при разделе независимо от размера доходов каждого. Брачный договор, регулируемый статьями 40-44 СК РФ, позволяет супругам, чей финансовый вклад в благосостояние семьи изначально не равнозначен (например, при ведении одним из супругов предпринимательской деятельности, а другим домашнего хозяйства), установить режим долевой или раздельной собственности, тем самым закрепив справедливое, по их мнению, распределение имущественных рисков и результатов. Аналогично, соглашение об уплате алиментов, регламентируемое статьями 99, 100 СК РФ, даёт возможность отойти от жёсткой долевой модели статьи 81 СК РФ ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ заработка) и установить твёрдую денежную сумму, индексируемую по согласованной формуле, или комбинированную форму выплат, что особенно актуально при нерегулярных доходах плательщика. Таким образом, договор выполняет работу по персонализации правового режима, переводя отношения из плоскости общего закона в плоскость индивидуального правопорядка, созданного самими участниками.

2. Превентивно-стабилизирующее и конфликтодерживающее предназначение семейно-правового регулирования [2, с. 205]. Устные договорённости в семье, сколь бы искренними они ни были в момент их достижения, уязвимы для забывчивости, недопонимания и субъективной интерпретации в условиях нарастания межличностных противоречий, поэтому формализа-

ция соглашения в письменном, а часто и в нотариально удостоверенном виде в соответствии с пунктом 2 статьи 41, статьи 100 СК РФ придаёт ему свойство правовой определённости и доказательственной силы. Само наличие детального документа, в котором зафиксированы взаимные ожидания и обязательства дисциплинирует стороны и служит сдерживающим фактором для одностороннего произвольного поведения. Так, в контексте родительских отношений после расторжения брака эта функция приобретает критическое значение. Исчерпывающее соглашение о порядке осуществления родительских прав в соответствии со статьей 66 СК РФ, определяющее не только график встреч с ребёнком, но и правила общения в праздники, во время каникул, порядок решения вопросов здоровья и образования, лишает родителей возможности использовать ребёнка как инструмент давления и манипуляции. С экономической точки зрения, эта функция также способствует снижению судебной нагрузки, переводя разрешение потенциальных споров в досудебный, согласительный формат.

3. Обеспечительно-гарантийное и компенсационное предназначение. В сфере алиментных и иных содержательных обязательств договор предоставляет сторонам возможности, недоступные при судебном взыскании. Если суд в рамках статей 81, 83 СК РФ стремится установить минимально гарантированный уровень содержания, исходя из формальных критериев, то соглашение позволяет учесть реальный, зачастую более высокий стандарт жизни получателя алиментов. Более того, статья 104 СК РФ открывает сторонам широкий спектр способов исполнения обязательства: единовременная выплата, предоставление имущества в собственность, например, передача квартиры в счёт алиментов на несовершеннолетнего ребёнка, оформление имущественных прав, доли в уставном капитале, ценные бумаги или иные способы, о которых стороны договорятся, что позволяет не просто удовлетворить текущие потребности, но и создать долгосрочный актив, обеспечивающий будущее ребёнка или нетрудоспособного супруга. Для плательщика такое соглашение также выгодно, так как оно, будучи заверено нотариусом, приобретает силу исполнительного листа в соответствии со статьей 100 СК РФ, что придаёт отношениям стабильность, определенность и защищает от риска необоснованного последующего увеличения размера выплат через суд, за исключением случаев существенного изменения обстоятельств в соответствии со статьей 119 СК РФ. Таким образом, следует говорить о том, что договор трансформирует алиментное обязательство из обременения в инструмент цивилизованного финансового планирования и обеспечения.

4. Трансформационное и статусно-модифицирующее предназначение. Заключение определённых семейно-правовых договоров представляет собой целенаправленный юридический акт, изменяющий правовой статус участников и характер их взаимных связей [3, с. 256]. Наиболее яркий пример — это брачный договор, который служит легальным средством перехода от универсального законного режима имущества супругов к специальному договорному, поскольку этим актом стороны сознательно реструктурируют свои имущественные отношения, придавая им желаемую конфигурацию (будь то раздельную, долевую, смешанную). Другой пример — это мировое соглашение, заключаемое в ходе судебного спора о месте жительства ребёнка или порядке общения с ним и утверждаемое определением суда. Данный договор не просто прекращает судебное разбирательство, а устанавливает новый, обладающий силой судебного акта, правовой порядок, который замещает собой прежний конфликт, в следствие чего в этом аспекте договор выступает как мощный инструмент легальной самоидентификации семьи, позволяющий её членам активно формировать свою правовую среду, а не пассивно принимать навязанные извне стандарты.

5. Восстановительное и медиативное предназначение, которое сейчас перешло в современную тенденцию и активно распространено [4, с. 56]. В ответ на запрос общества на менее травматичные способы разрешения семейных конфликтов, особенно связанных с детьми, на первый план выходит восстановительный потенциал договорных процедур, а именно, процесс медиации, который представляет собой структурированный переговорный процесс с участием нейтрального специалиста-медиатора. Итогом успешной медиации становится медиативное соглашение, ценность которого заключается не только и не столько в фиксации условий раздела или графика встреч, сколько в самом процессе его выработки. Стороны, участвуя в диалоге, вынуждены формулировать свои интересы, слушать друг друга, искать взаимовыгодные варианты, что способствует снижению эмоциональной напряжённости, разрушению стереотипов восприятия и, что наиболее важно, сохранению или восстановлению каналов коммуникации, необходимых для дальнейшего партнерства. Утверждённое судом такое соглашение по своей сути обретает силу исполнительного документа и обретает форма мирового соглашения, гармонично сочетая в себе преимущества добровольности, взаимного уважения и государственной защищённости.

6. Воспитательно-правовое и социализирующее предназначение [1, с. 260]. Заключение

семейно-правового договора, особенно с участием нотариуса, является для граждан актом осознанного вступления в правовые отношения, поскольку, однозначно, процесс обсуждения условий, консультации со специалистом, изучение последствий способствуют повышению правовой грамотности и культуры участников. Они начинают лучше понимать свои права и обязанности, ценность письменных договорённостей и механизмы их защиты. Для детей, чьи интересы являются предметом соглашений между родителями, осознание того, что их судьба решается не в хаотичной ссоре, а в рамках легитимного, упорядоченного процесса, также имеет важное социализирующее значение, формируя уважение к праву и договору как способу решения проблем.

Следовательно, роль договоров в семейном праве нельзя сводить к узкотехнической задаче распределения имущества, ведь они представляют собой сложный, многофункциональный социально-правовой институт, выполняющий задачи конкретизации права, профилактики конфликтов, обеспечения гарантий, трансформации статусов, восстановления диалога и правового воспитания. Эффективность реализации этого потенциала напрямую зависит от качества законодательных рамок, компетентности нотариата и судебной системы, а также от готовности самих граждан ответственно использовать предоставленную им свободу для созидания устойчивых и справедливых семейных отношений.

Проблемой, обозначенной в этом параграфе, стало противоречие между заявленной диспозитивностью и правовым нигилизмом. Так, законодатель предоставляет возможности для договорного регулирования, однако в массовом сознании преобладает либо незнание этих инструментов, либо предубеждение против них как против «подготовки к разводу» или «недоверия». В результате договор не выполняет свою превентивно-стабилизирующую функцию на ранних, бесконфликтных этапах отношений, а используется уже впоследствии, в условиях уже возникшего кризиса, когда переговорные позиции сторон неравны, а цель смещается с сотрудничества на одностороннюю выгоду.

Решение обозначенной проблемы возможно через стимулирование раннего и осознанного использования договорных инструментов, а также внедрение института семейного нотариата или специализации нотариусов, предполагающей не только техническое удостоверение, но и консультативно-примирительную деятельность. Таким образом, роль договоров в семейном праве велика благодаря тому, что их истинная ценность раскрывается в способности выполнять комплекс социально-правовых функций: от конкре-

тизации норм до восстановления диалога, однако существующий разрыв между этим потенциалом и практикой его реализации, проявляющийся в правовой неграмотности, формализме и сведении договора к имущественному документу, требует целенаправленных усилий по совершенствованию правоприменения. Направлениями такого совершенствования должны стать формирование судебной практики, признающей многофункциональность договора, развитие консультативной роли нотариата и глубокая интеграция договорных конструкций с примирительными процедурами. При таком системном подходе договор станет действительно эффективным инструментом для построения ответственных, стабильных и защищённых семейных отношений.

Список литературы:

- [1] Краснова Т. В., Кучинская Л. А. Семейное право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 328 с.
- [2] Пчелинцева Л. М., Цитович Л. В. Семейное право: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 291 с.
- [3] Семейное право: учебник / под ред. Е. А. Чефрановой. – М.: Юрайт, 2023. – 355 с.

[4] Ульбашев А. Х. Семейное право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 209 с.

[5] Чашкова С. Ю. Конкуренция семейно-правовых договоров и медиативных соглашений, направленных на регулирование семейно-правовых споров // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 4. – С. 50–62.

References:

[1] Krasnova T. V., Kuchinskaya L. A. Family Law: A Textbook for Universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 328 s.

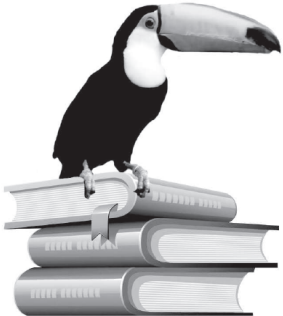
[2] Pchelintseva L. M., Tsitovich L. V. Family Law: Textbook and Workshop for Universities. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 291 s.

[3] Family Law: A Textbook / ed. by E. A. Chefranova. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 355 s.

[4] Ulbashev A. Kh. Family Law: A Textbook for Universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 209 s.

[5] Chashkova S. Yu. "Competition between Family Law Contracts and Mediation Agreements Aimed at Regulating Family Law Disputes". Lex russica. 2022. Vol. 75, No. 4. pp. 50–62.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-108-113

ДАВЫДОВ Роман Робертович,
Студент магистратуры, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: roman.davydov1103200@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕГАТОРНОГО ИСКА ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ОТ НАРУШЕНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ ВЛАДЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются особенности применения негаторного иска как способа защиты права собственности на недвижимое имущество от нарушений, не связанных с лишением владения. На основе анализа нормативно-правовой базы, доктринальных позиций ведущих цивилистов и актуальной судебной практики, включая Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П, выявляются специфические условия допустимости, предмет, состав участников и процессуальные особенности негаторной защиты применительно к недвижимому имуществу. По результатам исследования сформулирован авторский перечень особенностей применения негаторного иска в данной сфере.

Ключевые слова: негаторный иск; защита права собственности; недвижимое имущество; нарушение без лишения владения; исковая давность; самовольная постройка; сервитут; предмет доказывания.

DAVYDOV Roman Robertovich,
Master's student, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

SPECIFICS OF APPLYING THE NEGATORY CLAIM IN PROTECTING REAL PROPERTY OWNERSHIP RIGHTS AGAINST NON-POSSESSORY INFRINGEMENTS

Annotation. The article examines the specifics of applying the negatory claim as a means of protecting real property ownership rights against infringements not connected with deprivation of possession. Based on an analysis of current legislation, the doctrinal positions of leading civil law scholars, and recent judicial practice – including Constitutional Court Ruling No. 3-P of 28 January 2025 – the article identifies the specific conditions of admissibility, subject matter, parties and procedural aspects of negatory protection in the context of real property. The study concludes with the author's proposed list of distinctive features of the negatory claim in this area.

Key words: negatory claim; protection of ownership rights; real property; non-possession infringement; limitation period; unauthorized construction; easement; subject of proof.

Введение

Среди вещно-правовых способов защиты права собственности негаторный иск занимает

особое место: в отличие от виндикационного иска, направленного на восстановление утраченного владения, он служит инструментом защиты

правомочий пользования и распоряжения имуществом в ситуации, когда собственник сохраняет владение, однако сталкивается с препятствиями в его осуществлении. Статья 304 ГК РФ закрепляет за собственником право требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения. Применительно к недвижимому имуществу данный иск приобретает специфическое содержание и условия применения, предопределяемые особым правовым режимом недвижимости.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, негаторные споры о недвижимости являются одной из наиболее распространенных категорий гражданских дел: споры о самовольных постройках, ограничении доступа к объекту, возведении мешающих сооружений, нарушении инсоляционных и иных нормативов в пространственных отношениях соседей составляют значительную часть имущественных конфликтов. Во-вторых, судебная практика по данной категории дел остается неоднородной: нередко возникают ошибки в разграничении виндикационного и негаторного исков, а также в квалификации нарушений, допускающих негаторную защиту. В-третьих, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 3-П, рассматривавшее конституционность статей 12, 209 и 304 ГК РФ применительно к искам о признании зарегистрированного права отсутствующим, существенно обогатило доктрину негаторной защиты новыми правовыми позициями, требующими научного осмысления. В-четвертых, Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 претерпело изменения в редакции от 12.12.2023, уточнившие ряд правил применения негаторного иска.

Проблема исследования состоит в недостаточной системности правового регулирования негаторной защиты применительно к недвижимости: статья 304 ГК РФ не дифференцирует условия ее применения в зависимости от вида имущества, тогда как недвижимость как объект правоотношений требует особого подхода к определению допустимости иска, его предмета, круга ответчиков и объема присуждения.

Цель статьи – выявить особенности применения негаторного иска при защите права собственности на недвижимое имущество от нарушений, не связанных с лишением владения, на основе комплексного анализа нормативной базы, доктрины и судебной практики.

Методологическую основу составляют формально-юридический метод, а именно анализ статей 304, 208, 222 ГК РФ и смежных норм, системный метод – рассмотрение негаторного

иска в системе вещно-правовой защиты, метод анализа судебной практики, а также сравнительно-правовой метод.

Правовая природа и нормативные основания негаторного иска применительно к недвижимому имуществу

Негаторный иск восходит к римскому *actio negatoria* – иску собственника, отрицавшего за ответчиком наличие сервитута или иного права на его вещь. Современный российский негаторный иск, закрепленный в статье 304 ГК РФ, существенно расширил исходную конструкцию: он охватывает любые нарушения права собственности, не сопряженные с полным лишением владения, – будь то создание фактических препятствий в пользовании, незаконное обременение, вмешательство в пространственную сферу объекта или ограничение прав распоряжения [1].

Применительно к недвижимости нормативную основу негаторного иска образует система взаимосвязанных норм. Статья 304 ГК РФ является генеральной нормой. Статья 208 ГК РФ устанавливает неприменимость исковой давности к требованиям об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, – что принципиально отличает негаторный иск от виндикационного. Статья 222 ГК РФ регулирует режим самовольной постройки, тесно связанной с негаторными требованиями собственников соседних участков и земельных собственников. Статья 304 ГК РФ во взаимосвязи со статьей 305 ГК РФ предоставляет право на негаторную защиту не только собственнику, но и иным титульным владельцам – арендаторам, обладателям сервитута, – что существенно расширяет круг истцов в спорах о недвижимости. Наконец, пункт 45 Постановления Пленума ВС РФ № 10 / Пленума ВАС РФ № 22 (ред. от 12.12.2023) формулирует условия удовлетворения негаторного иска: «иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, подлежит удовлетворению в случае, если истец докажет, что он является собственником или лицом, владеющим имуществом по основанию, предусмотренному законом или договором, и что действиями ответчика, не связанными с лишением владения, нарушается его право собственности или законное владение».

Особенностью негаторной защиты является ее ориентация на длящееся нарушение, то есть негаторный иск может быть предъявлен, пока продолжают действовать, создающие помехи в осуществлении права собственности. После прекращения нарушения основание иска исчезает, хотя у собственника сохраняется право на иск о возмещении убытков, причиненных нарушением.

Доктринальные подходы к определению особенностей негаторного иска применительно к недвижимости

Д. А. Мальбин, исследуя основание и пределы негаторной защиты [2], обосновывает, что негаторный иск не является универсальным способом защиты и не может применяться в любой ситуации, когда собственник испытывает затруднения. Ключевым критерием допустимости негаторного иска автор называет реальность, а не мнимость чинимых препятствий: нарушение должно фактически ограничивать возможность нормального использования недвижимости в соответствии с ее назначением. Применительно к земельным участкам и объектам недвижимости Мальбин подчеркивает, что прохождение через чужой участок, на котором установлен публичный сервитут, не является нарушением, дающим основания для негаторного иска, поскольку представляет собой правомерное ограничение права собственности. Данный тезис имеет принципиальное значение для разграничения правомерных обременений права собственности и незаконных препятствий, устраняемых посредством негаторной защиты.

Е. А. Суханов анализирует историческое соотношение негаторного иска с конфессорным (иском о защите сервитута) [3] и отмечает, что в современном российском праве статья 304 ГК РФ поглотила оба классических иска: и требование о прекращении незаконного пользования вещью ответчика, и требование о предоставлении возможности осуществлять сервитут при его нарушении нарушителем. Применительно к недвижимости это означает, что негаторный иск является надлежащим способом защиты как при фактических (физических) препятствиях в пользовании объектом, так и при нарушении сервитутных правоотношений, что существенно расширяет сферу его применения в земельных и строительных спорах.

К. И. Скловский обращает внимание на специфику негаторного иска в части выбора надлежащего способа защиты [4]. В случаях, когда нарушение права собственности на недвижимость обусловлено не физическими действиями ответчика, а сохранением в ЕГРН записи о праве, которое в действительности не возникло или прекратилось (например, записи о чужом сервитуте или обременении), возникает коллизия между негаторным иском и иском о признании права (записи) отсутствующим. Скловский указывает, что практика применения иска о признании права отсутствующим как «негаторного», позволявшая избежать исковой давности и учета добросовестности ответчика, длительное время вызывала

споры и, по существу, обошла конституционные гарантии защиты добросовестного приобретателя. Данная коллизия получила разрешение в Постановлении КС РФ от 28.01.2025 № 3-П.

З. К. Кондратенко и Д. С. Полушин в исследовании, посвященном негаторному иску в российском гражданском праве [5], подчеркивают, что применительно к недвижимости особую остроту приобретает вопрос об ответчике: по смыслу статьи 304 ГК РФ и пункта 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 ответчиком является лицо, волей которого совершено нарушение, а не любой фактический пользователь чужого объекта. В строительных спорах это означает, что ответчиком должен выступать заказчик или застройщик, а не подрядчик, непосредственно выполняющий строительные работы. Данная позиция существенно влияет на правильность формирования субъектного состава дела.

Правоприменительные особенности: позиции судебной практики

Ключевым ориентиром правоприменения по негаторным спорам о недвижимости остается Постановление Пленума ВС РФ № 10 / Пленума ВАС РФ № 22 в актуальной редакции 2023 года. Пункт 46 Постановления разъясняет, что при рассмотрении исков об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, путем возведения ответчиком здания, строения, сооружения, суд устанавливает факт соблюдения градостроительных и строительных норм и правил при строительстве соответствующего объекта. Если разрешение на строительство не оспорено, но истцом доказано, что в результате строительства нарушается его право, иск также подлежит удовлетворению (позиция, подтвержденная Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153).

Постановление КС РФ от 28.01.2025 № 3-П стало знаковым для разграничения негаторного иска и иска о признании права отсутствующим применительно к недвижимости. Рассматривая дела, связанные с признанием отсутствующим зарегистрированного права граждан на земельные участки, находящиеся в границах особо охраняемых природных территорий, КС РФ указал: поскольку иск о признании права отсутствующим фактически влечет для ответчика-гражданина лишение права на имущество, условия его предъявления и удовлетворения должны определяться с учетом гарантий статьи 302 ГК РФ – то есть с проверкой добросовестности гражданина и с учетом исковой давности. Тем самым КС РФ ограничил возможность использования негатор-

ной конструкции в качестве инструмента обхода защитных гарантий, предусмотренных для виндикации.

Арбитражная практика, обобщенная в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153, выработала ряд специфических позиций:

- негаторный иск может быть удовлетворен независимо от того, на своем или чужом земельном участке ответчик совершает нарушающие право действия;
- незаконное размещение имущества ответчика на объекте истца (прилавок, холодильник, оборудование) является основанием негаторного иска;
- требование о сносе самовольной постройки, возведенной на земельном участке владеющего собственника, квалифицируется как негаторное и не связано сроком исковой давности.

Отдельно следует отметить практику разграничения негаторного иска и обязательственно-правовых требований. Так, суды последовательно исходят из того, что при наличии договорных отношений между истцом и нарушителем предпочтительным является договорный иск, а не негаторный. Выбор ненадлежащего способа защиты влечет отказ в иске.

Особенности применения негаторного иска при защите права собственности на недвижимость: авторская систематизация

На основе проведенного анализа правовой природы, нормативного регулирования, доктрины и судебной практики представляется возможным выделить следующие особенности применения негаторного иска при защите права собственности на недвижимое имущество.

Неприменимость исковой давности как системообразующая черта негаторной защиты недвижимости. В силу статьи 208 ГК РФ негаторный иск может быть предъявлен в любой момент, пока нарушение продолжается, вне зависимости от его продолжительности. Применительно к недвижимости это приобретает особое значение: самовольно возведенное строение, незаконный забор, самовольно проложенный трубопровод могут существовать многие годы, и длительное попустительство собственника не лишает его права на судебную защиту. Вместе с тем, как указал КС РФ в Постановлении от 28.01.2025 № 3-П, данное правило не должно использоваться в обход гарантий добросовестного приобретателя при де-факто виндикационных требованиях, квалифицированных как негаторные.

Длящийся характер нарушения как условие допустимости иска. Негаторный иск допустим

только при наличии существующего, продолжающегося нарушения на момент рассмотрения дела. Применительно к недвижимости это означает, что разовые нарушения (например, однократное перекрытие прохода, впоследствии устраненное) не образуют основания для негаторного иска, поскольку с прекращением нарушения исчезает его предмет. Собственник в таком случае вправе требовать только возмещения причиненных убытков.

Реальность и доказуемость нарушения как специфическое условие применительно к недвижимым объектам. Суды по негаторным спорам о недвижимости оценивают реальность создаваемых препятствий: нарушение должно объективно ограничивать возможность использования объекта в соответствии с его назначением, а не представлять субъективные неудобства. Невозможность осуществить строительство в желаемом объеме (например, вследствие затенения, создаваемого законно возведенной соседней постройкой) по общему правилу не является основанием негаторного иска, если ответчик действовал в рамках градостроительного законодательства.

Расширенный круг надлежащих истцов. Статья 305 ГК РФ предоставляет право на негаторную защиту не только собственнику, но и иным титульным владельцам недвижимости – арендатору, обладателю права хозяйственного ведения или оперативного управления, сервитутарию. В отличие от виндикационного иска, негаторное требование может быть предъявлено даже к самому собственнику объекта, если тот создает препятствия в осуществлении права пользования для лица, владеющего объектом по договору или иному законному основанию.

Ответчик определяется по критерию волевого участия в нарушении. По смыслу статьи 304 ГК РФ и правовой позиции, закрепленной в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153, ответчиком по негаторному иску является нарушитель права – лицо, волей которого совершено нарушение. В строительных и земельных спорах это означает необходимость точной идентификации субъекта, фактически создавшего нарушение: при самовольном строительстве ответчиком является застройщик, а не подрядчик; при незаконном размещении имущества – его фактический владелец-нарушитель.

Специфика предмета иска в том, что требование направлено на совершение ответчиком реальных действий по устранению нарушения. В отличие от виндикационного иска, в котором предметом является передача вещи, предмет негаторного иска о недвижимости – конкретные действия ответчика: снос незаконной постройки,

перенос ограждения, прекращение строительства, освобождение объекта от посторонних предметов, восстановление подачи коммунального ресурса и т.д. Суд формулирует решение в виде обязанности совершить конкретные действия или воздержаться от них, что предопределяет особые требования к содержанию искового заявления: требование должно быть конкретизировано с указанием способа устранения нарушения.

Квалификационная сложность разграничения с иском о признании права отсутствующим. Применительно к недвижимости нередко возникает ситуация, когда нарушение права собственности выражается не в физических препятствиях, а в наличии в ЕГРН записи о праве (сервитуте, ограничении, аренде), которое в действительности не существует или прекратилось. В таких случаях суды квалифицируют требование об исключении такой записи как негаторное (нарушение права распоряжения). Вместе с тем, как указал КС РФ в Постановлении от 28.01.2025 № 3-П, такая квалификация не может автоматически лишать ответчика-гражданина гарантий, предусмотренных для добросовестного приобретателя по виндикационному иску, если фактически иск направлен на лишение его имущества.

Возможность обеспечения негаторного иска запретом регистрационных действий в ЕГРН. В отличие от споров о движимом имуществе, применительно к недвижимости обеспечительные меры по негаторному иску могут включать запрет государственному регистратору совершать регистрационные действия в отношении спорного объекта. Это позволяет зафиксировать состояние права на момент рассмотрения дела и предотвратить последующую «перерегистрацию», способную усложнить исполнение решения суда.

Заключение

Проведенный анализ нормативно-правовой базы, доктрины и судебной практики позволяет заключить, что негаторный иск, являясь базовым вещно-правовым способом защиты, при применении к недвижимому имуществу приобретает ряд существенных особенностей, не нашедших системного закрепления в статье 304 ГК РФ.

Центральной процессуальной привилегией негаторного иска является неприменимость исковой давности, что обусловлено длящимся характером нарушения. Вместе с тем, как показало Постановление КС РФ от 28.01.2025 № 3-П, данная привилегия не должна становиться инструментом обхода гарантий добросовестного приобретателя в случаях, когда иск по существу

направлен на изъятие имущества у гражданина. Это разграничение представляет собой принципиально новое конституционно-правовое ограничение сферы применения негаторной конструкции применительно к недвижимости.

Выявлены восемь особенностей применения негаторного иска – неприменимость исковой давности, длящийся характер нарушения, реальность препятствий, расширенный круг истцов, специфика определения ответчика, конкретность предмета иска, квалификационная сложность разграничения с иском о признании права отсутствующим и возможность обеспечения иска через ЕГРН – образуют самостоятельный правовой блок, требующий законодательного уточнения и единообразного применения в судебной практике.

Список литературы:

- [1] Краснова С. А. Вещные иски в системе гражданско-правовых способов защиты права собственности // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 56–70.
- [2] Мальбин Д. А. Основание и пределы негаторной защиты // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 68–82. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.068-082.
- [3] Суханов Е. А. Вещное право : науч.-популяр. очерк. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2024. – 288 с.
- [4] Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2023. – 912 с.
- [5] Кондратенко З. К., Полушин Д. С. Негаторный иск в российском гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 44. – С. 284–305.
- [6] Мальбин Д. А. Изменение пассивно легитимированного лица в период спора по виндикационному иску // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 4. – С. 3–12.
- [7] Белова Т. В. Правовой режим самовольной постройки в системе вещного права : монография / отв. ред. А. Н. Левушкин. – М. : Юстицинформ, 2024. – 192 с.
- [8] Подшивалов Т. П. Установление и защита сервитута de lege lata et de lege ferenda // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 109–118.

References:

- [1] Krasnova S. A. Tangible claims in the system of civil law methods of protecting property rights//Journal of Russian Law. – 2023. – № 3. – S. 56-70.

[2] Malbin D.A. The Basis and Limits of Negative Protection//Actual Problems of Russian Law. – 2023. – VOL. 18. – № 3. – S. 68-82. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.068-082.

[3] Sukhanov E. A. Material law: scientific-scientific. essay. – 3rd ed., Revised and add. – M.: Statute, 2024. – 288 p.

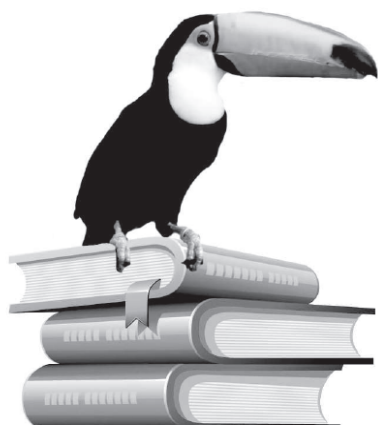
[4] Sklovsky K.I. Property in civil law. – 6th ed., Rev. and add. – M.: Statute, 2023. – 912 s.

[5] Kondratenko Z. K., Polushin D. S. Negative claim in Russian civil law//Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2019. – № 44. – S. 284-305.

[6] Malbin D.A. Change of a passively legitimized person during a dispute on a vindication claim// Bulletin of Arbitration Practice. – 2022. – № 4. – S. 3-12.

[7] Belova T.V. Legal regime of unauthorized construction in the system of property law: monograph/rev. ed. A.N. Levushkin. – M.: Justicinform, 2024. – 192 s.

[8] Podshivalov T.P. Establishment and protection of the easement de lege lata et de lege ferenda// Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2013. – № 4. – S. 109-118.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОКУШЕВ Денис Эдуардович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики,
e-mail: prodenis97@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕУСТУПКЕ ПРАВА АРЕНДЫ В ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена динамичным развитием имущественного оборота, немаловажную роль в котором занимает использование публичных земель. В настоящем исследовании обзревается способы перемены лиц в обязательстве, возможности изменения субъектного состава земельно-арендных отношений при наличии ограничений и механизмов их преодоления. Методологию настоящего исследования составили методы абдукции, анализа и наблюдения. Автор отмечает частноправовой характер регулирования арендных отношений в сфере землепользования с органами местного самоуправления и распространение на них диспозитивных норм гражданского права.

Ключевые слова: аренда, уступка права требования, цессия, перевод долга, передача договора, законодательство, земля, земельный участок, орган местного самоуправления.

PROKUSHEV Denis Eduardovich,
Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure,
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

ON THE ISSUE OF ASSIGNMENT OF LEASE RIGHTS IN LAND RELATIONS WITH LOCAL GOVERNMENTS

Annotation. The relevance of the article is due to the dynamic development of property turnover, in which the use of public lands plays an important role. This study examines the ways in which people change their obligations, the possibilities of changing the subject composition of land-lease relations in the presence of restrictions and mechanisms to overcome them. The methodology of this study consists of methods of abduction, analysis and observation. The author notes the private-law nature of the regulation of lease relations in the field of land use with local governments and the extension of dispositive norms of civil law to them.

Key words: lease, assignment of claim, assignment, transfer of debt, transfer of agreement, legislation, land, land plot, local government body.

Уступка права требования сохраняет высокую актуальность в современных гражданско-правовых отношениях. Это обусловлено динамикой рыночной экономики и потребностями как простых участников гражданского оборота, так и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Данный институт позволяет кредитору передать свое право требования в части исполнения обязательства к третьему лицу, не участвующему изначально в основном договоре. Реализация предусмотренного права позволяет обеспечивать устойчивость финансового положения лиц и стабильность частноправовых отношений.

Договор уступки права требования – это сделка, в результате которой сторона договора,

выступающая кредитором, передает свое право требования иному лицу. Синонимом данному правовому явлению выступает термин «цессия». Сделка по передаче права требования представляет собой фактически перемену лиц в обязательстве. Ей характерен распорядительный характер [2, с. 14]. Сторонами цессии выступают первоначальный кредитор и новый. Главной особенностью уступки права требования представляется то, что должник не участвует в данном правоотношении. Вместе с тем, возможны исключения. Об этом свидетельствует п. 2 ст. 388 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которому цессия недопустима без участия должника, если личность кредитора имеет для него существенное значение.

Таким образом, уступка права требования влияет на обязательственную природу правоотношений.

Немаловажным условием действительности цессии выступает соблюдение надлежащей формы сделки [3, с. 708]. Она должна быть согласована с формой сделки, по которой предусматривается уступка права требования (ст. 389 ГК РФ).

Институт перемены лиц в обязательстве, будучи многогранным институтом гражданского права, характеризуется наличием ряда правовых коллизий, выявляющихся в результате правоприменения. Их сущность обусловлена, прежде всего, пробелами в нормативном регулировании. Дополнительно осложняет правоприменение недостаточная структурированность и согласованность норм различных отраслей законодательства, регулирующих те или иные правоотношения. Ввиду отсутствия четкой юридической квалификации сделок, опосредующих перемену лиц в обязательстве, наблюдаются проблемы в части применения норм о цессии, передаче договора и иных правовых механизмов изменения субъектного состава договорного правоотношения.

Схожим с цессией по принципу осуществления выступает перевод долга [5, с. 173]. Однако, если цессия как распорядительная сделка, осуществляемая по воле кредитора, по общему правилу не учитывает позицию должника, то перевод долга без согласия кредитора не допускается. При этом, законом могут быть предусмотрены случаи, когда замена должника в обязательстве возможна и без согласия кредитора.

Раскрывая исключения следует обратиться к земельно-арендным отношениям с участием органов местного самоуправления.

Так, согласно п. 5, 9 ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) переуступка права аренды допускается без согласия арендодателя. В данном случае при наличии денежного обязательства по оплате землепользования (аренды) следует говорить о переводе долга, когда первоначальный арендатор обладает правом в уведомительном порядке выйти из договора аренды. Свой выход из земельно-арендных отношений им может быть осуществлен путем заключения соглашения о передаче прав и обязанностей по договору аренды. В таком случае, в арендных отношениях на стороне обязанного лица производится замена первоначального арендатора на нового. При этом, данная возможность переуступки является правом арендатора, на которую арендодатель в лице органа местного самоуправления повлиять не в состоянии.

Однако следует учесть, что данное право на переуступку согласно п. 9 ст. 22 ЗК РФ предусмотрено только в случае, если договор аренды земли был заключен на срок свыше 5 лет.

В противном случае, без согласования со стороны арендодателя заключить переуступку не представляется возможным.

При этом, существуют альтернативные способы передачи прав и обязанности по договору аренды, позволяющие обойти данный общий порядок. К таким случаям относится переход прав и обязанностей по договору аренды в силу прямого указания закона. Так, нормами ст. 35 ЗК РФ, ст. 271, 552 ГК РФ законодатель предусмотрел, что в случае продажи арендатором принадлежащих ему строений, расположенных на арендуемом участке, к покупателю переходят права и обязанности по договору аренды на тех же условиях и в том же объеме, какие имелись у предыдущего собственника. На возможность перемены лиц в обязательстве, осуществляемую в указанном порядке обращал внимание Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в п. 25 Пленума от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды».

Таким образом, институты уступки права требования и перевода долга получают наибольшее распространение именно в сфере гражданского оборота. Их развитие и использование участниками гражданских прав выступает важным фактором повышения динамики имущественных отношений. В результате наблюдается устойчивая тенденция к росту числа сделок, основанных на механизме уступки права требования, что отражает возрастающую востребованность данного правового инструмента в гражданском обороте.

Отмечается, что при оформлении цессии, право, подлежащее переходу от одного лица к другому должно быть четко описано в сделке между ними [1, с. 21]. По итогам достижения соглашения обе стороны обязаны иметь исчерпывающее представление о предмете сделки. Это должно способствовать исключению правовой неопределенности в реализуемом ими праве.

Смежным правоотношением представляется результат действий лиц по передаче договора, что предусмотрено ст. 392.3 ГК РФ. При этом, законодатель предусмотрел применение к данному правовому способу замены лиц в обязательстве общих правил, касающихся осуществления цессии и перевода долга.

Вместе с тем, отмечаются дискуссии о необоснованности упоминания правил о переводе долга в контексте передачи договора [4, с. 565].

Основным отличием передачи договора выступает то, что в результате данной сделки, к лицу, принявшему договор переходят все права и обязанности, возникающие из него. Данное правило распространяется также и на обязательства, которые подлежали исполнению лицом, передавшим договор, до такой передачи.

Таким образом, данный правовой способ замены лица в обязательстве является ретро-спективным, передавая новому лицу обязательства, в том числе, неисполненные, возникшие до вступления его в данные правоотношения.

Поэтому законодателем упоминание про правила перевода долга сделаны неслучайно. Если цессия предусматривает только переход права требования, а перевод долга – обязанностей, то передача договора реализует оба данных правовых явления в комплексе. Она включает в себя как переход права требования, так и обязанностей.

Исследуемые вопросы являются базовыми для определения возможности переуступки прав и обязанностей по договору аренды публичного земельного участка.

При этом, в контексте земельно-арендных отношений следует уточнить, что переуступка прав и обязанностей по договору аренды допускается лишь по договорам, заключенным без проведения торгов. Об этом свидетельствует ст. 448 ГК РФ, согласно которой победитель торгов обязан исполнить договор лично. Несмотря на это, возможность обхода данного правила сохраняется за счет наличия в законодательстве норм ст. 35 ЗК РФ, ст. 271, 552 ГК РФ. Применение изложенных в них норм составляет исключение из общего правила, что свидетельствует о проблеме в действующем законодательстве.

В контексте переуступки прав по договору аренды публичной земли обращает на себя внимание также позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой не уведомление арендодателя об осуществленной переуступке арендатором, не влечет ее недействительность. Данная позиция была сформулирована при рассмотрении спора об оспаривании действий Росреестра, отказавшего в регистрации переуступки без представления уведомления арендодателя о совершаемой сделке (Определение № 47-КАД22-1-К6 от 11.05.2022 года по делу № 2(1)А-387/2021).

Таким образом, цессия, перевод долга и передача договора имеют высокое правовое зна-

чение для развития гражданского оборота в России, а отдельные их вопросы играют одну из ключевых ролей в обеспечении положительной динамики в рациональном освоении земель.

При этом, нормы земельного и гражданского законодательства, допускающие переуступку права аренды на публичные земли, свидетельствуют о частноправовой природе земельно-арендных отношений, даже с участием органом местного самоуправления на стороне арендодателя.

Список литературы:

- [1] Бондарева Д.В. Перевод долга в системе перемены лиц в обязательстве: правовое регулирование / Д.В. Бондарева // Правовая реформа. 2024. № 3. С. 19-22.
- [2] Мигранов С.Д. Перемена лиц в обязательстве: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 25 с.
- [3] Рогожников Г.Д. Перемена лиц в обязательстве: теория и Практика / Г.Д. Рогожников, К.И. Порывкина // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6(75). С. 707-714.
- [4] Сучков А.В. теоретические и практические аспекты передачи договора / А. В. Сучков // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 7(58). С. 561-570.
- [5] Третьякова В.И. Перемена лиц в обязательстве: отличие уступки права требования от перевода долга / В.И. Третьякова // Синергия Наук. 2020. № 52. С. 170-174.

References:

- [1] Bondareva D.V. Transfer of debt in the system of changing persons in an obligation: legal regulation/D.V. Bondareva//Legal reform. 2024. № 3. S. 19-22.
- [2] Migranov S.D. Change of persons in obligation: questions of theory and practice: abstract dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2004. 25 p.
- [3] Rogozhnikov G.D. Change of persons in the obligation: theory and practice/G.D. Rogozhnikov, K.I. Poryvkina//Bulletin of Science. 2024. Т. 1, NO. 6 (75). S. 707-714.
- [4] Suchkov A.V. theoretical and practical aspects of the transfer of the contract/A.V. Suchkov// Alley of Science. 2021. Т. 1, NO. 7 (58). S. 561-570.
- [5] Tretyakova V.I. Change of persons in the obligation: the difference between the assignment of the right of claim and the transfer of debt/V.I. Tretyakova//Synergy of Sciences. 2020. № 52. S. 170-174.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-117-121

ВЕКУА Мариам Новаликовна,
студентка 4 курса Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
Москва,
e-mail: mariamvekua@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ США

Аннотация. Данная работа раскрывает исторические истоки взаимодействия конституционного и административного права в системе общего права США, конституционные регуляторы административной деятельности и доктринальные аспекты их соотношения.

Ключевые слова: США, общее право, административное право, конституционное право, верховенство права, административный процесс.

VEKUA Mariam Novalikovna,
4th year student Faculty of International Law,
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation"

THE RELATIONSHIP BETWEEN ADMINISTRATIVE AND CONSTITUTIONAL LAW IN COMMON LAW COUNTRIES, USING THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES

Annotation. This work explores the historical origins of the interplay between constitutional and administrative law in the U.S. common law system, the constitutional frameworks governing administrative proceedings, and the doctrinal aspects of their interrelationship.

Key words: United States, common law, administrative law, constitutional law, rule of law, administrative procedure.

Юридические основы правовой системы США были закреплены еще в XVIII веке в документе, который и по сей день является действующим «верховным правом» страны — в Конституции США. Принятая в 1787 г., она до сих пор определяет основы политико-правового устройства государства. Доказательством её устойчивости, стабильности и адаптивности является количество поправок — 27 статей; они кардинально поменяли большинство институтов США. До настоящего времени сохранились не только «основные конституционные формы государства,

сохранился дух, воплощенный тогда в чеканных строках Конституции». [1] Специфика стран общего права проявляется в том, что суды общей юрисдикции рассматривают публично-правовые споры, в том числе и конституционного характера. Эта ключевая особенность имеет свои преимущества и недостатки. Основным недостатком является отсутствие специализации судей при рассмотрении публично-правовых споров, а преимуществом — доступ для частных лиц к правосудию, в том числе к административному. Одновременно с этим в последнее время американ-

ское правосудие ведет активную борьбу с низкой квалификацией судей с этической точки зрения. К тому же государство старается «разгрузить» их работу, тем самым работая на качество, а не на количество. Более того, страны общего права, в том числе и США, игнорируют автономию административного законодательства.

В системе общего права США конституционное и административное право образуют функционально взаимосвязанный, но доктринально дифференцированный комплекс. Конституционное право задает архитектурные рамки государственного устройства и пределы публичной власти, тогда как административное право регулирует процедурные механизмы реализации властных полномочий федеральными и штатными агентствами. Предмет административного права в США определяется как молодая отрасль публичного права, регулирующая общественные отношения в сфере административного нормотворчества, квазисудебной деятельности (административные процедуры лицензирования; правонаделительные и юрисдикционные процедуры) и контроля судов над административными учреждениями.

В странах общего права под юрисдикцию рассмотрения вопросов, связанных с отраслью административного права, подпадают общественные отношения органа публичной администрации с частным лицом.

При этом вопросы организации органов публичной администрации относятся к предмету регулирования конституционного права, т.е. в этих странах административное право сконцентрировано на внешних отношениях для достижения субъектами исполнительной власти целей, задач, функции и полномочии управленческой деятельности во вне.

Исторически американское административное право развивалось в русле английской доктрины верховенства права А.В. Дайси, отрицавшей существование отдельной административной юстиции и подчинявшей чиновников общим судам. В XVIII–XIX вв. в США доминировала модель «минимального государства», где административные функции сводились к обеспечению правопорядка без дискреционных полномочий. С индустриализацией и созданием первых независимых регуляторных органов (Межштатная торговая комиссия, 1887 г.) началась институциональная трансформация: агентства получили квазизаконодательные и квазисудебные функции, что потребовало новых процедурных гарантий.

Конституционный ответ на эту экспансию оформился в период Нового курса Ф. Рузвельта (1933–1938), когда делегирование полномочий

стало массовым явлением. Легитимация новых механизмов была закреплена в Законе об административной процедуре 1946 года (Administrative Procedure Act). Исторически конституционное право выступало как «ограничительный барьер» для исполнительной власти, тогда как административное право эволюционировало в инструмент процедурной рационализации государственного регулирования, обеспечивая баланс между эффективностью управления и защитой прав личности. [2]

Особое внимание автор уделяет тому, что первым источником регулирования административного права в США является Конституция, а именно:

ст. 1-3 Конституции США: устанавливает разделение властей и, соответственно, ограничивает делегирование законодательных полномочий.

5-ая поправка: право лица, обвиняемого в совершении преступления, на соблюдение законности.

6-ая поправка: установление прав обвиняемого (скорый и публичный суд, суд присяжных, очная ставка, принудительный вызов свидетелей, право на адвоката либо на самостоятельную защиту).

14-ая поправка: равенство гражданства и его предоставление любому лицу, родившемуся на территории США, а также запрет на лишение прав иначе как по приговору суда.

Конституционные нормы напрямую трансформируются в административно-процедурные стандарты. Так, в деле *Mathews v. Eldridge* Верховный суд США вывел трехфакторный критерий для определения объема процессуальных гарантий при прекращении социальных выплат административным органом: (1) частный интерес лица; (2) риск ошибочного лишения права при текущей процедуре и вероятность дополнительных гарантий; (3) государственный интерес, включая налоговые и административные расходы. Данное решение «конституционализировало» административный процесс, обязав агентства применять гибкие, но достаточные процедуры до принятия обременительных решений.

«Отличительной чертой США является наличие и законодательное регулирование таких институтов как:

- извещение о подготовке административного акта и получение по вопросам, затрагиваемым в акте, комментариев частного заинтересованного лица; проведение публичных слушаний, организация и проведение консультаций и конференций, в ходе которых выявляется мнение заинтересованных лиц;

- рассмотрение органом исполнительной власти петиций частных лиц, наделяющих последних правотворческой инициативой;
- организация работы совещательных комитетов.» [3]

Доктринально, американское право уделяет большее внимание защите частных лиц, их правам и свободам, участию в процессе и прерогативам, которые предоставляются им и их адвокатам для защиты их интересов. И в целом для административного процесса точкой интересов являются не учреждения, а споры физических лиц. Так, вопросы процедуры в административном праве США являются превалирующими. Следовательно, понятия «административное право» и «административно-процессуальное право» можно считать тождественными.

При этом «административный процесс» не отождествляется с «административным производством», т.е. особым процессуальным порядком рассмотрения публично-правовых споров неконституционного характера, так как это принято для «узкого» толкования административного процесса.

Под «административным процессом» исходя из Закона об административной процедуре понимаются «проводимые административным учреждением (агентством) процедуры в смысле п. 5, 7 и 9 настоящего параграфа».

Соответственно, вышеуказанные пункты устанавливают компетенции по следующим элементам, разрешаемых в рамках юрисдикции того или иного административного органа:

- правотворчество (*rule making*), т.е. издание индивидуальных и нормативных актов и участие граждан;
- обжалование актов в рамках исполнительной власти (квазисудебная деятельность — *adjudication*);
- лицензирование (*licensing*).

К тому же выделяют *judicial review* — судебный пересмотр (осуществляется судами общей юрисдикции; проверка с точки зрения законности, однако судья сохраняет за собой право отмены незаконного решения и не может принять новое).

Правотворчество — это проводимая в учреждении процедура (процесс, производство) по формулированию норм, внесению в них поправок или их аннулированию (п. 5 § 551 Закона об административной процедуре).

Норма — это предписание учреждения (целое или в части), носящее общеобязательный или индивидуальный характер, с дальнейшим воздействием, созданным для введения, толкования и назначения закона или политики, или описывающее требования к организации, процедурам или деятельности учреждения, и включает

в себя утверждение или распоряжение относительно: ставок, заработной платы, корпоративных или финансовых структур или их преобразований, цен, средств, устройств, услуг, пособий, оценок, расходов, бухгалтерского учета, практики, имеющих отношение к чему-либо из выше-названного (п. 4 § 551 Закона об административной процедуре). Законодатель различает акты, которые носят общеобязательный и индивидуальный характер, но процедура их принятия идентична. Далее законодатель говорит о нормотворчестве (правотворчестве в нашем понимании) как едином явлении, включающем в себя оба вида актов.

Квазисудебная деятельность — издание административного акта в ходе рассмотрения административного дела в форме приказа (*order*) (п. 7 Закона об административной процедуре).

Приказ — это окончательное распоряжение учреждения по вопросу иному, чем правотворчество, но включая лицензирование, будь это распоряжение утвердительным, отменительным, запретительным или пояснительным по форме (п. 6 § 551 Закона об административной процедуре). Это распоряжение отменяет, изменяет или оставляет без изменения обжалуемый административный акт, направленный на наделение (например, приобретение статуса пенсионера) или отказ в предоставлении того или иного права (например, отказ в регистрации юридического лица), запрет на совершение определенных действий (отзыв лицензии) или разъяснение спорных моментов и иных вопросов.

Лицензирование — это проводимая в учреждении процедуру выдачи, продления, отказа, отзыва, приостановления, аннулирования, изъятия, ограничения, внесения поправок, изменения или согласования лицензии (п. 9 § 551 Закона об административной процедуре). Лицензия — это разрешение органа исполнительной власти на осуществление конкретного вида деятельности, включающее в себя следующие элементы: полный или частичный допуск, сертификат, утверждение, регистрацию, привилегию, участие, изъятие. Примечательно, что в США такая деятельность включает в себя все регистрационные процедуры. Таким образом, Закон об административной процедуре описывает весь административный процесс в США, обнародуя всю деятельность органов публичной власти по выполнению их задач. В целом, по мнению Саидова А.Х., нормативные правовые акты органов исполнительной власти являются авторитетным источником западного права. Основой деятельности федерального аппарата управления являются полномочия, передаваемые органам исполнительной власти законодательными органами. На практике административные акты, принимаемые

с целью конкретизации и детализации законов, во многих случаях их подменяют. Это новое право носит промежуточный характер, как и прежнее право справедливости, но оно выработано и применяется органами, функционирующими под контролем традиционных судов. [4]

Конституционное право в США является комплексной отраслью, интегрирующей множество взаимодействующих частей и элементов, которые предопределяют его внутреннюю структуру, а именно: общие принципы, нормы и институты; это верховный закон страны. Как уже отмечалось ранее, английское право не выделяет строгой, легально закрепленной границы между конституционным и административным правом. В доктринальной литературе имеет место следующая точка зрения: «как конституционное, так и административное право регулируют общественные отношения, связанные с отправлением государственной власти, в то время как конституционное право сосредоточено на системе сдержек и противовесов между органами государственной власти, а предмет административного права — организация и полномочия органов административной власти по предоставлению гражданам услуг и административному регулированию, а также осуществление судебного и внесудебного контроля над административными органами.» [5]

Примечательно, что главное значение в английском административном праве уделяется контролю судов за деятельностью административных органов ввиду того, что судам свойственно толковать Конституцию расширительно. Благодаря этому произошло санкционирование передачи учреждениям нормотворческих и судебных полномочий и формирование новых материальных и процессуальных норм административного права, которые в дальнейшем были закреплены в законах. Например, решение Верховного Суда США в 1886 году по делу *Louis & Pacific Railway Company v. Illinois* о том, что штаты не вправе регулировать и препятствовать междоштатным перевозкам по железным дорогам, заставило Конгресс США принять в следующем году Закон о междоштатной торговле и создать Межгосударственную торговую комиссию. Общее право выработало доктрину *ultra vires* (с лат. «сверх возможностей»), тем самым создав правовой комплекс инструментов для контроля над деятельностью администрации. Исходя из этого при превышении административным органом своих установленным законом полномочий, его решение или действие признается недействительным в судебном порядке. Доктрина *ultra vires* не позволяет судам ветоировать парламентские законы, но они следят за тем, чтобы легаль-

ные полномочия применялись надлежащим образом и строго установленном законом порядке.

Стандартом, определяющим необходимость судебного вмешательства, стало *ratio decidendi* процесса *Associated Provincial Picture Houses Ltd. v. Wednesbury Corporation 1948 г.*, или неблагоприятность Вуднесбури — *Wednesbury unreasonableness*. Этот принцип устанавливает стандарт необоснованности решения государственного органа, который может привести к его отмене в судебном порядке. Следовательно, у судов могут возникнуть следующие причины для отмены решения органа публичной администрации:

- во время принятия решения орган учитывал обстоятельства, которые не имел права учитывать;
- во время принятия решения орган не учел обстоятельства, которые должен был учесть;
- решение оказалось настолько неблагоприятным, что любой орган государственной власти, действующий на разумных началах, такое решение бы не принял.

Разумеется, *judicial review* — рассмотрение судами конкретных дел по жалобам частных лиц на действия администрации путем толкования законов, общего права, опираясь на фундаментальные принципы правосудия, является доминирующим элементом административного права, к тому же огромный пласт выработанных норм и процедур является доказательством важности данного института.

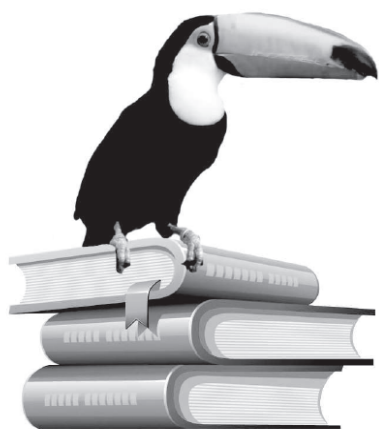
Однако при таком истолковании предмета административного права возникает вопрос: чем в этом случае регулируются полномочия, правовое положение административных органов (в том числе и должностных лиц) и их взаимодействие между собой? Удастся возможным предположить, что данное регулирование осуществляется через парадигму конституционного права с элементами административного, но такой ответ лишней раз является подтверждением теории сложности разграничения отрасли конституционного и административного права. Таким образом, административное право в США функционирует как «прикладная конституция», обеспечивая реализацию конституционных принципов в ежедневной деятельности исполнительных органов. Предмет административного права сосредоточен на внешних отношениях «агентство—частное лицо» и контроле за властными полномочиями, тогда как конституционное право регулирует внутреннюю организацию власти. В условиях общего права обе отрасли образуют единый континуум, где судебный контроль и процедурные гарантии выступают главными инструментами предотвращения произвола.

Список литературы:

- [1] Чудаков М.Ф. Конституционное право Соединенных Штатов Америки: Основные институты. Мн., 2003 — С. 12.
- [2] Strauss, Peter L., et al. Administrative Law: Cases and Comments. 12th ed. Foundation Press, 2017. — p. 12-15.
- [3] Морозова О.В. Административные процедуры в РФ, США и ФРГ (сравнительно-правовое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. 214 с.
- [4] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. - М.: Юрист, 2003. — С. 269-270.
- [5] Bradley E., Ewing K. Constitutional and Administrative Law. — Essex: Pearson Education, 2007. 872 с.

References:

- [1] Chudakov, M.F. Constitutional Law of the United States of America: Basic Institutions. Minsk, 2003, p. 12.
- [2] Strauss, Peter L., et al. Administrative Law: Cases and Comments. 12th ed. Foundation Press, 2017, p. 12-15.
- [3] Morozova, O.V. Administrative Procedures in the Russian Federation, the USA, and Germany (a Comparative Legal Study): Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2010, 214 p.
- [4] Saidov, A.Kh. Comparative Law (the Main Legal Systems of Our Time): Textbook / Ed. by V.A. Tumanov. Moscow: Yurist, 2003, pp. 269-270.
- [5] Bradley E., Ewing K. Constitutional and Administrative Law. - Essex: Pearson Education, 2007. 872 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШЛЯХТИН Н.Д.,
Магистр МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: nik.shliakhtin@yandex.ru

СТРУКТУРА ЗАКОНА И АНАЛИЗ ПРАВА: КАК СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВЛИЯЕТ НА ГОСУДАРСТВО

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает гражданский процесс как процесс законодательный, в ходе которого выявляются юридические факты и обстоятельства, имеющие значение для дела. Выносится предположение, что норма закона не является нормой права, а лишь определяет факты правового конфликта, который рассматривается в суде. Вводится новое понятие – обстоятельства имеющие значение для дела, которые являются контекстом правового конфликта. Сами факты нормы закона должны толковаться в контексте Конституции, как акта, легитимирующего государство и имеющее прямое действие. Предлагаемая система двух уровней законодательного процесса, описываемая в настоящей статье, способствует выявлению прав человека и гражданина.

Ключевые слова: обстоятельства, имеющие значения для дела; юридические факты, судебный процесс, законодательный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, конституционное право.

SHLYAKHTIN N.D.,
Master of Moscow State University
named after M.V. Lomonosov

LAW STRUCTURE AND LAW ANALYSIS: HOW LITIGATION AFFECTS THE STATE

Annotation. In this article, the author examines civil procedure as a legislative process, during which legal facts and circumstances relevant to the case are identified.

It is suggested that a statutory norm is not a rule of law but rather defines the facts of a legal conflict under consideration by the court. A new concept is introduced—circumstances relevant to the case—which constitute the context of the legal conflict. The facts of the statutory norm themselves must be interpreted within the context of the Constitution as an act that legitimizes the state and has direct effect. The proposed system of a two-level legislative process, described in this article, contributes to the identification of human and civil rights.

Key words: circumstances relevant to the case, legal facts, judicial process, legislative process, civil procedure, arbitration procedure, constitutional law.

Разрешение судебных дела представляет собой анализ правового конфликта. Стороны и суд работают с материалами, отражающую действительную или относительную сторону взаимоотношений сторон. Вместе с тем исключая ситуации преднамеренного судебного разбирательства, стороны по делу находятся в ситуации нарушения гражданской и деловой коммуникации. Гражданская и деловая коммуникация до возникновения судебного разбирательства основывается на взаимном интересе, являющимся драйвером развития общества и его обогащения, как социально-духовном, так и экономическом. Разрыв коммуникации между субъектами права

основывается на различном понимании объема прав, которыми обладают субъекты. На межнациональном и государственном уровнях в основных соглашениях и Конституциях закреплены права человека и гражданина. Однако их реализация зависит от того, в каких условиях действуют такие правовые акты.

Актуальность исследования юридических фактов в гражданском процессе заключается в известной дилемме — каким образом юристам выносить суждение о возникшем конфликте: на основании фактов или на основании права.

Закрепленная в законодательных актах структура закона не позволяет иными способами

описать действительность, кроме как описать факты в норме закона. Вместе с тем теряя правовое обоснование и переходя к обязанностям соблюдать факты, закрепленные в законе, происходит не дарование субъектам действительно реального права, а лишь регламентация их действий, которые порой бывают столь подробны, что налагают ответственность даже в случае, если какой-либо факт в законе не закреплен, но появился в материалах судебного дела.

Гражданский процесс представляет собой своего рода законодательный процесс второго уровня – на основе существующих норм материального и процессуального права издается акт судебный, имеющий силу закона для сторон [1, С. 224].

В процессе судебного поиска истины стороны конфликта реализуют свои права. Ввиду устности и письменности гражданского процесса эти права реализуются посредством устной и письменной речи, которая является формой выражения права. Это выражение (реализация) права является волевым актом, направленным на движение от правового конфликта к его разрешению.

Вместе с тем право не может быть осознано. Право в момент формулирования и обретения смысловой (словесной) формы превращается в закон, в тот самый категорический императив, о котором говорил Кант [1]. Такое право всегда гуманно и направлено на самого субъекта, вступающего в коммуникацию, в то время как закон направлен вовне – он персонифицирован и адресован неопределенному кругу лиц.

В условиях конфликта (судебная стадия) Суд обращает внимание на следы, которые оставляют противоборствующие стороны и лица, участвующие в деле. Этот след остается от реализации права и называется процессуальным юридическим фактом.

Наиболее выраженной и закрепляющей права формой акта является Конституция. Конституция провозглашает права человека и гражданина. Это акт прямого действия, следовательно, он должен применяться при любом правовом конфликте, в том числе – судебном.

Факты, которые закреплены в норме закона, не являются нормой права, они являются своеобразными «маячками» для применения нормы права. Факты, которые стороны представляют в суд, не имеют правового значения до вынесения судебного решения по делу. Такие факты являются результатом горизонтальных (диспозитивных) отношений, в которые государство не вмешивается и которые построены на автономии воли. Это субъективная сторона юридического факта, к которой мы вернемся позже.

Если стороны направляют запрос государству на анализ фактов допроцессуальных, то Суд решением применяет норму права (в узком смысле – норму Конституции). Поэтому целесообразно в судебном решении указывать, какое право защищается, а также где такое право закреплено (в международном праве или в Конституции).

Заявляя в суде предмет и основание иска, истец лишь предполагает сферу правоотношений, в которой произошел конфликт. Учитывая тот набор фактов, которые он использует, предполагая, что его право нужно реализовывать определенным образом, он не может с уверенностью предположить, какие контраргументы приведет ответчик. Таким образом, поэтапно развиваясь, судебный процесс всегда выходит за область предполагаемого предмета и основания иска, что выражается в накоплении доказательственного материала, которым задается контекст применения и толкования нормы права.

В статье 56 ГПК РФ (аналог в арбитражном судопроизводстве — статья 65 АПК РФ) указывается, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. В рамках процессуальных полномочий суд:

1. определяет юридически значимые обстоятельства дела;
2. распределяет обязанности по их доказыванию;
3. вправе инициировать исследование фактов, не заявленных сторонами, но
4. имеющих значение для правильного разрешения спора.

Таким образом, законодатель использует термин «обстоятельства, имеющие значения для дела».

Вместе с тем в главах 28 ГПК РФ и 27 АПК РФ содержатся нормы о процессуальном порядке установления фактов, имеющих юридическое значение.

Необходимо провести различия между обстоятельством, имеющим значение для дела, и юридическим фактом.

Современные исследователи, такие как М.А. Рожкова, Е.С. Гречкина, уже затрагивали данную проблематику в своих научных работах. Рожкова М.А. в своей диссертации «Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятие, классификация, основа взаимодействия» высказывала предположение о необходимости четкого разграничения понятий «правовая модель обстоятельства» и «юридический факт», которые в современной правовой доктрине нередко обозначаются единым термином «юридический факт» [2, С. 10-11].

Гречкина Е.С. называет подобное явление смешанным (сложным) юридическим фактом и упоминает, что «признак» и «элемент» юридического факта – не равноценные понятия. По ее мнению, смешанный юридический факт обладает многогранностью и затрагивает несколько сфер общественной жизни [3, С. 103-108].

Юридический факт, в отличие от правовой модели, является конкретным жизненным обстоятельством, реально наступившим в пространстве и времени.

Следовательно, именно юридический факт выступает тем конкретным явлением действительности, которое подпадает под действие правовой модели и вызывает наступление юридических последствий.

Таким образом, юридический факт может быть определен как след реального жизненного явления, который соответствует правовой модели, закрепленной в норме права, и влечет наступление предусмотренных ею юридических последствий.

Учитывая особенности доказывания факта посредством речевого акта, в информационное поле попадают также все аспекты правовой ситуации, будь то добросовестность, ожидания контрагента, переписка, которая не имеет юридического значения, тем не менее которая позволяет сделать вывод о поведении сторон, и прочие факторы, которые влияют на оценку правовой ситуации.

Считается, что суд не может оценивать и основывать свое решение на доказательствах, которые не имеют юридического значения. В судебной практике доминирует подход, который нашел свое отражение в решении Арбитражного суда Саратовской области от 15 октября 2014 г. по делу № А57-14284/2014:7 «Суд также отмечает, что юридический факт – это обстоятельства, с которыми действующее законодательство связывает возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений, то есть наступление юридических последствий». То есть юридический факт должен всегда ввести к наступлению юридически значимых последствий.

Отдельного внимания требует научное дополнение этого подхода, описанного Гудцовой А.В. [4, С. 48-51] в своей статье «Вопросы действительности юридических поступков как юридических фактов в гражданском праве России». Так, автор этой статьи упоминает, что в случае, если действие субъекта не отвечает определенному ему условию действительности, то следует говорить о несостоявшемся юридическом поступке. В качестве определяющего критерия Гудцова А.В. считает, что если последствия

поступка не зависят от направленности воли ее создателя, то последствия не будут определять это действие как юридический факт.

Вместе с тем вышестоящие суды по поводу «правовой ситуации» излагают свое мнение следующим образом. В судебных определениях Верховного суда Российской Федерации от № 44-КГ19-27 от 16 декабря 2019 года, № 5-КГ19-1489 от 18 ноября 2019 года, № 11-КГ19-1310 от 30 сентября 2019 года излагается мнение о том, что же должно приниматься судьей во внимание при вынесении судебного решения.

Так ВС РФ считает, что уточнение обстоятельств, имеющих значение для дела, представляет собой процесс взаимодействия суда и сторон, направленный на определение круга юридически значимых фактов, от установления которых зависит разрешение спора по существу. Данные факты выявляются исходя из характера спорного правоотношения и подлежащих применению норм материального права.

Следует различать доказывание и аргументацию в суде. Основное различие состоит в используемых средствах. Средствами аргументации являются доводы (аргументы). Средствами доказывания – судебные доказательства [5, С. 62-64]. Аргументы – это оценочные суждения. Непосредственно они несут в себе информацию, но согласно теории доказывания должны подтверждаться фактами.

В ст. 8 АПК РФ указывается, что «стороны пользуются равными правами на ... представление своих доводов и объяснений». Отсюда следует, что аргументы тоже должны быть приняты судом во внимание.

На наш взгляд, необходимо доктринальное закрепление различий понятий «юридический факт» и «обстоятельство, имеющее значение для дела».

Это поможет судьям в судебных актах указывать конкретные мотивы принятия того или иного решения, даже если такие мотивы подкрепляются только обстоятельствами дела, а фактическая сторона вопроса не позволяет применить правовую норму исходя из указанной в ней гипотезы. Не стоит забывать, что возможности у суда не бесконечные и состязательный процесс нельзя превратить в розыскной, а значит стороны могут намеренно скрыть некоторые правовые факты, тогда закон будет работать в угоду тех, кто им злоупотребляет.

Также следует понять механизм, согласно которому судья будет определять юридический факт или обстоятельство, имеющее значение для дела. Судья обладает глубокими познаниями в праве, его знания и социальный опыт подтверж-

ден возрастом, квалификацией. Поэтому, когда к нему на рассмотрение попадает гражданско-правовой спор, он с помощью первичного анализа выясняет, какой правовой нормой правоотношения тяжущихся могут регулироваться.

Обращаясь к потенциальной норме, он вычленяет из ее гипотезы правовую модель явления и соотносит ее с правовой ситуацией. Если в правовой ситуации наличествуют юридические факты, которые указаны в правовой модели, то судья обязан в разрешении спора руководствоваться такой правовой нормой.

Все остальные сведения, полученные не из доказательств, подлежат оценке в соответствии с внутренним убеждением судьи. Этот механизм подтверждается судебной практикой. В Определении Верховного Суда РФ № 20-КГ19-10 от 25 ноября 2019 года содержится важное разъяснение относительно процессуальных действий по определению обстоятельств, имеющих юридическое значение для разрешения гражданского дела. Суд, ссылаясь на пункты 5 и 6 Постановления Пленума ВС РФ от 24 июня 2008 года № 11, подчеркивает, что:

Уточнение значимых обстоятельств представляет собой процессуальную деятельность, направленную на:

- 1) выявление юридических фактов, составляющих основание требований и возражений сторон;
 - определение применимых норм материального права с учетом
 - характера спорного правоотношения.
- 2) В случае неверной квалификации сторонами юридически значимых обстоятельств суд обязан:
 - разъяснить состав фактов, подлежащих установлению;
 - определить распределение бремени доказывания в соответствии со статьей 56 Гражданского процессуального кодекса РФ.
- 3) Выбор применимых норм права и установление правоотношений между сторонами должны осуществляться на основе комплексного анализа:
 - предмета и основания иска;
 - возражений ответчика;
 - иных обстоятельств, обладающих юридической релевантностью для правильного разрешения спора.

Данный подход соответствует принципам эффективного судебного разбирательства и достижения объективной истины в гражданском процессе.

Таким образом, следует считать юридическим фактом – гипотезу правовой нормы, которая в самом общем виде описывает правоотношения. В то же время за обстоятельством, имеющим

значение для дела, надлежит признать «контекст» события, к которому применяется правовая норма.

Если вернуться к вопросу наличия права в судебном процессе, то конструкция правовой нормы сама по себе может давать «контекст» события, но только в случае, если речь идет о Конституции. Конституция является актом, легитимирующим государство [6, С. 56–76]. Она состоит из Глав, которые определяют не только права человека и гражданина, но и механизм их реализации посредством установление государственного устройства. Акт прямого действия в контексте правового государства можно представить как гипотезу, в соответствии с которой издаются на первом уровне федеральные законы (гражданские – горизонтальные законы и кодексы), являющиеся диспозицией правового государства, то есть определяющие регулярные правоотношения субъектов права. В свою очередь, уголовный, административный кодекс и часть гражданского законодательства, содержащие санкционные положения закона – выступают нормами охранительных правоотношений, вступающих в действие только при нарушении провозглашенных гипотезой (Конституцией) прав.

Созданная нами правовая система является законом первого уровня [1, С. 224]. «С должностью сопрягается необходимость; сущностью же права состоит возможности исполнения того или другого деяния, поскольку необходимое иначе быть не может; то следует, что нравственно необходимое должно быть также нравственно возможным» [8, С. 119].

Тимошина Е.В. пишет, что нормы-принципы не предусматривают гипотезу [9, С. 11-12], однако наша модель предусматривает саму Конституцию в качестве гипотезы правового государства.

Как было сказано выше, судебный процесс является законодательным процессом второго уровня, в котором непосредственно применяется норма закона для защиты права. Дилемма заключается в том, что право (на примере Конституции), описано недескриптивными понятиями, в то время как закон основывается на фактах, то есть заключен в понятиях дескриптивных.

Право, как сущность не имеет материального выражения – оно является недескриптивным (абстрактным) понятием. Не беря во внимание гражданские права, можно рассмотреть на примере горизонтальных отношений экономические права, которые реализуются в реальном мире посредством их привязки к объектам материального мира. Вопрос в том, каким образом в судебных документах воспринимающее абстрактную категорию права лицо действительно их использует как аргументы за или против реализации права. Представляется, что судебный документ

состоит из контекста, который представляет собой связь абстрактного (недескриптивных понятий) и мира вещей (дескриптивных понятий) [10, с. 78-94]. Именно эта связь и позволяет воспринимать надлежащим образом понять судебный документ, понять как реализуется право по отношению к объектам, которые он может реально представить.

Связь между этими двумя элементами в судебном решении представляет собой метод формализации защиты права – с помощью языка (устной и письменной речи).

Второй уровень реализуется посредством применения нормы закона, которая представляет собой всю ту же структуру: гипотезу-диспозицию-санкцию. Анализ связи между первым и вторым уровнем позволяет выявить субъективную и объективную сторону нормы закона, легитимирующего поведение. Объективная сторона – отдельный юридический факт, который описан в гипотезе. Обстоятельством, имеющим значение для дела, может (или не может) быть, как описывает Гречкина Е.С., сфера общественной жизни, в условиях и для защиты которой такая норма закона принималась. Обстоятельства, имеющие значения для дела, являются условием приведения нормы закона в действие, которому предшествует мыслительный и духовный акт правоприменителя по выявлению гипотезы нормы закона перед совершением действия.

Таким образом, контекст применения нормы закона, заложенной Конституцией, является предпосылкой для применения нормы закона посредством выявления из жизненной ситуации фактического материала, закреплённого в гипотезе нормы закона.

Тогда необходимо важным будет принять судебную практику, как самостоятельный юридический факт, которая является своеобразными маячками для правоведов и граждан, описывающих зоны наибольшего социального напряжения. Однако не следует забывать, что, оставляя за рамками гражданский процесс, арбитражный процесс, по своей природе, содержит экономическую основу правоотношений, которые защищаются в суде, будь то свобода торговли или право осуществлять предпринимательскую деятельность с элементами риска, где нет возможности смотреть на процессуальные юридические факты как на обязанность нивелировать их появление, ведь деньги являются формой коммуникации, а «маячки» судебных решений – формой выражения и защиты прав субъектов.

Исследование процессуальных юридических фактов подталкивает нас к пониманию судебной практики не как способу создания фактов материальных, формой которой являются судебные решения, а как следов диалога человека и

гражданина с другим, равным ему во всех отношениях субъекту. Реализация права посредством речи в судебном процессе позволяет выражать права напрямую, прежде всего, восстанавливая коммуникацию между субъектами. Раскрывая обстоятельства, имеющие значение для дела, происходит понимание права всех участников судебного процесса, включая суд.

Список литературы:

- [1] Шляхтин Н.Д. О содержании процессуального правоотношения в контексте коммуникативного подхода // Образование и право. 2024 № 11. С 222-226. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-11-222-226
- [2] Кант И. Основы метафизики нравственности 1785 г. // Кант И. Лекции по этике. М.: Наука, 2000
- [3] Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятие, классификация, основа взаимодействия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10-11
- [4] Е.С. Гречкина. Состав юридического факта и смешанные юридические факты: вопросы соотношения и взаимосвязи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5. С. 103-108
- [5] Гудцова А.В. Вопросы действительности юридических поступков как юридических фактов в гражданском праве России // Вестник. Государство и право. № 25. С. 48-51
- [6] Молчанов В. В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве. Учебное пособие. М., 2012. С. 62-64
- [7] Депенхойер О. Функции конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 56–76
- [8] Ф. Шмальца. Право естественное: переведенное с латинского и с прибавлением истории и литературы естественного права / Изданное П-ъ См-ъ. – Санкт-петербург: В типографии Императорского Воспитательного дома, 1820. – XIV, С. 119
- [9] Тимошина Е.В. Нормативность принципов права // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2020. С. 11-12
- [10] Шляхтин Н.Д. Аналитическая философия права в цивилистическом процессе: как совершать действия при помощи слов // Философия и культура. 2025. № 4. С. 78-94. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.4.73318.

References:

- [1] Shlyakhtin N.D. On the content of the procedural legal relationship in the context of the

communicative approach//Education and law. 2024 № 11. FROM 222-226. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-11-222-226

[2] Kant I. Fundamentals of the metaphysics of morality in 1785//Kant I. Lectures on ethics. M.: Science, 2000

[3] Rozhkova M.A. Theories of legal facts of civil and procedural law: concept, classification, basis of interaction. Autoref. diss. to the nipple. academic degree of Dr. jurid. sciences. M., 2009. S. 10-11

[4] E.S. Grechkina. Composition of a legal fact and mixed legal facts: issues of correlation and interconnection//Bulletin of the Saratov State Law Academy. № 5. C. 103-108

[5] Gudtsova A.V. Questions of the validity of legal acts as legal facts in the civil law of Russia//Bulletin. State and law. № 25. S. 48-51

[6] Molchanov V.V. Fundamentals of the theory of evidence in civil procedure law. Tutorial. M., 2012. S. 62-64

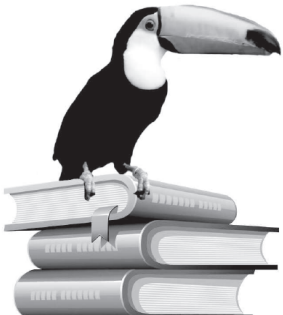
[7] Depenhoyer O. Functions of the Constitution//Comparative Constitutional Review. 2016. № 1 (110). S. 56-76

[8] F. Schmaltz. Natural law: translated from Latin and with the addition of the history and literature of natural law/Published by P-b See-b. - St. Petersburg: In the printing house of the Imperial Educational House, 1820. – XIV, C. 119

[9] Timoshina E.V. Normative principles of law//Principles and values in law: doctrine, law-making, implementation. Kaliningrad: Baltic Federal University named after I. Kant, 2020. S. 11-12

[10] Shlyakhtin N.D. Analytical philosophy of law in the civilistic process: how to perform actions using words//Philosophy and culture. 2025. № 4. S. 78-94. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.4.73318.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗАКИМАТОВ Михаил Андреевич,
аспирант Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: zakimato.v.misha595@ya.ru

Научный руководитель:
САЧЕНКО Алексей Леонидович,
к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: alex_sachenko@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА: СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются существенные условия лицензионного договора в российском гражданском праве с учётом современных доктринальных подходов и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется проблеме определения перечня существенных условий, включая предмет договора, способы использования результата интеллектуальной деятельности, размер вознаграждения, а также территорию и срок использования. Анализируются различные научные позиции, сформировавшие «узкий» и «широкий» подходы к пониманию существенных условий лицензионного договора, а также отражается неоднородность судебной практики по данному вопросу. Отдельно рассматривается влияние цифровизации на трансформацию традиционных критериев территориальности и их значение в условиях использования объектов интеллектуальной собственности в сети «Интернет». Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к существенным условиям, предполагающего разграничение императивно и диспозитивно существенных условий. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития правового регулирования с целью обеспечения баланса интересов сторон и повышения устойчивости гражданского оборота в сфере интеллектуальных прав.

Ключевые слова: лицензионный договор, существенные условия, объекты интеллектуальной собственности, территория использования, цифровизация.

ZAKIMATOV Mikhail Andreevich,
PhD student of St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:
SACHENKO Alexey Leonidovich,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Civil Law and Process
Saint Petersburg University of Management
Technology and Economics,
Saint Petersburg, Russia

PROBLEMS OF DETERMINING THE ESSENTIAL TERMS OF A LICENSE AGREEMENT: THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL DOCTRINE AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article examines the essential terms of a license agreement in Russian civil law, taking

into account modern doctrinal approaches and law enforcement practice. Special attention is paid to the problem of determining the list of essential conditions, including the subject of the contract, the methods of using the result of intellectual activity, the amount of remuneration, as well as the territory and period of use. The various scientific positions that have formed "narrow" and "broad" approaches to understanding the essential terms of the license agreement are analyzed, and the heterogeneity of judicial practice on this issue is reflected. The impact of digitalization on the transformation of traditional criteria of territoriality and their significance in the context of the use of intellectual property objects on the Internet is considered separately. The necessity of a differentiated approach to essential conditions, involving the differentiation of imperative and dispositively essential conditions, is substantiated. The conclusion is made about the need for further development of legal regulation in order to ensure a balance of interests of the parties and increase the stability of civil turnover in the field of intellectual property rights.

Key words: license agreement, essential terms, intellectual property objects, territory of use, digitalization.

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА

Квалификация гражданско-правового договора в значительной степени обусловлена корректностью согласования его существенных условий. Отсутствие согласования таких условий либо некорректное их формулирование порождает риск признания договора незаключенным, что, в свою очередь, исключает возникновение гражданско-правовых последствий.

Системное толкование положений гражданского законодательства позволяет выделить три группы существенных условий в договоре: условия о предмете договора, условия, которые названы в законе, и условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. В доктринальных исследованиях последняя категория определяется как субъективные (дополнительные) существенные условия.

С одной стороны, в научной литературе обоснованно подчеркивается, что законодатель устанавливает минимально необходимый набор условий, обеспечивающих правовую определенность договорных отношений. С другой – судебная практика исходит из необходимости установления особых требований к существенным условиям в целях предотвращения неопределенности в правоотношениях сторон¹. Более того, существенные условия являются видообразующими, и поэтому они отражаются в легальном определении соответствующего вида договора. Именно они являются основополагающими, что объясняет акцент законодателя на их обязательности [1].

А. Г. Карапетов, анализируя природу существенных условий, отмечает, что их отсутствие

влечет такой пробел в договоре, который носит фатальный для его судьбы характер [5]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку, если стороны не могут согласовать и четко сформулировать условия договора, то признание договора незаключенным является справедливым правовым последствием.

Применительно к лицензионному договору в доктринальных исследованиях отсутствует единообразие в подходах к определению существенных условий лицензионного договора. Некоторые исследователи придерживаются в данном вопросе «узкого» подхода (Е. А. Позднякова [8], О. А. Рузакова [10], Н. В. Щербак [11]), ограничивая их круг исключительно предметом, способами использования, в ряде случаев – условием о размере вознаграждения, но с оговоркой о возмездном характере договора. Указанная позиция носит формальный характер, так как согласование только предмета, способов использования и размера вознаграждения носит декларативный характер и не гарантирует реального исполнения обязательств, игнорируя другие условия, влияющие на правовую определенность договора. Узкая концепция существенных условий договора не учитывает сложившуюся судебную практику.

Такая концепция находит свое отражение в правоприменительной практике. В частности, при рассмотрении спора (см. дело № А65-17088/2023) о признании лицензионного договора недействительным судом было прямо указано, что существенными условиями лицензионного договора являются те условия, которые закреплены в п. 6 ст. 1235 ГК РФ². Напротив, сторонники «широкого подхода» помимо указанных условий предлагают включать также условия о

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 1404/10 от 18 мая 2010 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/arbitration/22850/>.

² Определение Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда № А65-17088/2023 от 21 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/b37d7630-189c-4b9b-9a67-1d2bc4409aa3>.

территории и сроке использования исключительного права. В свою очередь, в соответствии с действующим гражданским законодательством к числу его существенных условий относятся: предмет (путем указания на объект интеллектуальной деятельности, право использования которого предоставляется по договору), и способы его использования. При этом каждая из сторон вправе заявить о необходимости включения в договор «дополнительного» (субъективного) существенного условия, который будет существенным только в рамках конкретного правоотношения¹.

Хотя ученые не достигли консенсуса относительно квалификации ряда условий лицензионного договора в качестве существенных, предмет договора остается единственным условием, не вызывающим разногласий в качестве обязательного и бесспорного условия. Однако, содержание предмета лицензионного договора трактуется учеными по-разному, что отражает сложность соотношения двух категорий: объекта и предмета лицензионного соглашения. Э. П. Гаврилов обоснованно отмечает, что предмет договора представляет собой объект гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) в совокупности с правами на него, затрагиваемыми договором (применительно к лицензионному договору это конкретный результат интеллектуальной деятельности и объем прав на него) [2].

Аналогичной позиции придерживается И. А. Зенин, определяющий предмет через указание на охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации с правом их использования по договору [4]. Е. В. Демьяненко и А. В. Шпак уточняют, что предметом выступает предоставление права использования конкретных результатов интеллектуальной деятельности, индивидуализированных в соглашении [3]. Профессор Е. А. Суханов, в свою очередь, подчеркивает, что к предмету относятся действия лицензиара по передаче исключительных (имущественных) прав лицензиату, ограниченных рамками договора [11]. Указанные исследователи акцентируют внимание на предмете лицензионного договора как на точной идентификации охраняемого объекта интеллектуальной собственности и характера предоставляемых прав использования. С учетом нематериального характера результатов интеллектуальной деятельности лицензиар передает лицензиату не сам объект, а право на его использование в пределах, определенных договором. Судебная практика по данному вопросу демонстрирует различные правовые позиции. Однако, превалирует мнение, что предметом лицензионного договора являлись не

материальные носители, содержащие программное обеспечение, а именно право на использование программы для ЭВМ².

В правоприменительной практике особое внимание содержанию предмета лицензионного договора чаще всего уделяется в двух категориях споров: во-первых, при признании договора незаключенным, во-вторых, при взыскании компенсации за нарушение исключительных прав. Рассмотрим приведенные ниже примеры.

В г. Москве лицензионный договор был признан незаключенным, так как условие о предмете не было согласовано надлежащим образом. Решения судов трех инстанций были основаны на том факте, что договор указывал в качестве объектов права на все обнародованные музыкальные произведения, не учитывая список обнародованных произведений, исключенных правообладателями из репертуара РАО. Ранее действующий Высший арбитражный суд Российской Федерации (ВАС РФ) устранил данную ошибку, разъяснив следующее: определение предмета лицензионного договора, заключаемого аккредитованной организацией в сфере коллективного управления правами, как права использования обнародованных произведений из ее репертуара посредством публичного исполнения соответствует законодательству и правовым позициям ВАС РФ и ВС РФ³.

В другом деле Судом по интеллектуальным правам указано, что предмет лицензионного договора может быть определен через указание объектов авторского права и смежного права, содержащихся в плейлистах и используемых в плеере, где плеер одновременно является программным обеспечением для ЭВМ и средством для использования музыкальных произведений⁴.

Возвращаясь к вопросу об определении круга существенных условий лицензионного договора, необходимо рассмотреть позицию О. А. Рузаковой относительно существенных условий договоров о распоряжении исключитель-

² Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40-144117/2017 от 5 марта 2019 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/4c0baa6b-632c-402b-af81-897353ee39fe>.

³ Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по делу А40-74258/2011 от 4 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/df77a85e-60cc-4825-84d8-a3332c377b90>.

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А56-113008/2021 от 2 октября 2023 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9056-113008/2021>, Решение определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 18-В12-37 от 03.07.2012 [Электронный ресурс] // СПС Гарант.

¹ Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М.: Статут. 2006. С. 175.

ными правами. Профессор предлагает дополнительно к вышеописанным существенным условиям относить условия о сроке и порядке представления отчета лицензиатом. Таким образом, основываясь на вышесказанном, автором статьи подтверждается дискуссионность вопроса о расширении круга существенных условий. В науке встречается обоснованное, по мнению автора статьи, мнение о необходимости отнесения к существенным условиям, помимо прочих, размера вознаграждения и территории использования (в безвозмездном договоре цена исключается) [6].

Относительно цены следует отметить следующее. Законодатель установил специальные, четко разграничивающие, требования к квалификации возмездного и безвозмездного договора. По общему правилу рассматриваемый договор презюмируется возмездным, соответственно, безвозмездность договора требует явно выраженного недвусмысленного закрепления, исключающего трактовку безвозмездности на основании конклюдентных действий сторон.

Хотя законодательно размер вознаграждения и порядок его определения не отнесены к числу существенных, ВС РФ в своей позиции относит данные условия к таковым. В то же время при отсутствии согласования указанного условия последствием для сторон может выступать признание договора незаключенным.

Следует учесть, что общие положения ГК РФ об определении цены к данному виду договора не применяются. То есть, если из условий договора невозможно будет определить размер вознаграждения за предоставления права использования объекта интеллектуальной собственности, то невозможно установить размер такого вознаграждения исходя из размера вознаграждения, которое обычно взимается при сравнимых обстоятельствах. В связи с этим размер вознаграждения приобретает характер существенного условия независимо от его возмездного или безвозмездного характера, поскольку его отсутствие приводит к невозможности заключения договора.

В более поздний период Суд по интеллектуальным правам представил расширенную позицию по вопросу об определении перечня существенных условия лицензионного договора, включив в него размер вознаграждения, а также территорию; срок и способы использования¹. Представляется, что такой подход в большей степени способствует обеспечению устойчивости гражданского оборота и защите интересов сто-

рон. Цифровизация общественных отношений кардинально изменило природу использования результатов интеллектуальной деятельности. В условиях использования объектов в сети «Интернет» территориальные границы утрачивают свое классическое значение. Следовательно, указать конкретную территорию использования исключительного права в сети «Интернет» невозможно, так как получить доступ к объекту, размещенному на странице в сети «Интернет», можно из любой точки мира.

Анализ признака территориальности как возможного существенного условия лицензионного договора получил свое отражение диссертационном исследовании А. М. Пушкова, в котором обосновывается, что территория использования приобретает характер существенного, только если стороны придали ему такое значение в рамках конкретных договорных правоотношениях. Так, А. М. Пушковым предлагается «признать правомерными требования правообладателей о «региональном зонировании» доступа, то есть возможности для правообладателей определять страны и регионы, при нахождении в которых пользователи могут получать доступ к контенту» [9]. С одной стороны, рассматриваемый подход является обоснованным, так как он защищает интересы правообладателей исключительного права. Вместе с тем, включение подобного условия в лицензионный договор может повлечь для лицензиата значительные организационные и финансовые издержки. Не каждый лицензиат располагает ресурсами для создания двух и более сайтов, различающихся исключительно наличием либо отсутствием размещенного результата интеллектуальной деятельности, принадлежащего правообладателю.

Например, при заключении договора, предоставляющего право использования фотографии в сети «Интернет» с территориальным ограничением использования в рамках города Санкт-Петербург, лицензиат, осуществляющий предпринимательскую деятельность на всей территории Российской Федерации либо за ее пределами, фактически будет вынужден создать дублирующий сайт, на котором соответствующая фотография не будет использоваться.

Кроме того, в случае такого «зонирования» обеспечить его реальное исполнение представляется достаточно затруднительным по ряду причин. Прежде всего, использование результата интеллектуальной деятельности, как правило, направлено на повышение коммерческой привлекательности товара, работы или услуги, а также повышение их узнаваемости среди контрагентов или потребителей. Безусловно, технически возможно установить территориальное зонирование, но с практической точки зрения доступ

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40-92472/2016 30 мая 2017 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/ccab0888-089c-4bc2-a8bf-60228934feb3>.

к сайту, функционирующему в иной «территориальной зоне», а также к размещенному на нем объекту интеллектуальной деятельности может быть получен из любой точки мира, в том числе с применением специализированных сервисов, обеспечивающих обход территориальных ограничений, например, VPN. В связи с этим представляется целесообразным допустить использование передаваемых объектов в сети «Интернет» на всей территории Российской Федерации. Указанное предложение направлено на правовую защиту лицензиата, что позволит обеспечить баланс интересов сторон. Таким образом, в рамках проведенного исследования усматривается, что гражданско-правовая конструкция лицензионного договора опирается на строгое разграничение существенных условий.

Формализованный подход к определению существенных условий лицензионного договора, с одной стороны, дисциплинирует участников оборота, а с другой способствует расширительному толкованию существенных условий: то, что регулярно становится основанием для признания договора незаключенным, неизбежно начинает рассматриваться сторонами как «существенное». Следовательно, категория существенных условий лицензионного договора сохраняет сложный характер, что обусловлено особенностями самой природы интеллектуальных прав. Представляется оправданным отнести к существенным условиям только те элементы, которые прямо вытекают из законодательства, с учетом «дополнительных» существенных условий, которые не раздувают искусственно их круг до бесконечности, а наоборот учитывают специфику исключительных прав как особого объекта гражданского оборота. Предлагается считать «дополнительными» существенными условиями лицензионного договора, помимо указанных в законе, размер вознаграждения, территорию и срок использования.

Особую значимость в контексте цифровизации приобретает адаптация законодательства к цифровым способам использования объектов интеллектуальной деятельности, в которых традиционный территориальный критерий утрачивает свое значение. Представляется необходимым пересмотреть подход к территории использования как существенному условию данного вида договора в цифровой среде. Сеть «Интернет» следует рассматривать в качестве единого пространства использования, что, в свою очередь, способствует защите интересов лицензиата, не обременяя его необходимостью создания дублирующих сайтов для разных территорий. Отсутствие данных условий в договоре не влечет признание договора незаключенным. Однако они должны быть указаны в договоре с целью формирования более устойчивого гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2004. 604 с.

[2] Гаврилов Э. П. Предмет договоров о распоряжении исключительными правами / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2012. – № 8. С. 29-34.

[3] Демьяненко Е. В., Шпак А. В. О предмете лицензионного договора // ЮП. – 2024. – № 2 (109). 45-51 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predmete-litsenzionnogo-dogovora> (дата обращения: 09.01.2026).

[4] Зенин И. А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды) / И. А. Зенин. – М.: Статут, 2015. 525 с.

[5] Карапетов А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к ст. м 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. 1122 с.

[6] Моргунова Е. А. Авторское право: учеб. Пособие / Е. А. Моргунова; отв. ред. В. П. Мозолин. — М.: Норма, 2009. 288 с.

[7] Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М.: Статут, 2006. 412 с.

[8] Позднякова Е. А. Авторское право: учебник и практикум для вузов / Е. А. Позднякова. – 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. 259 с.

[9] Пушков А. М. Влияние цифровых технологий на развитие системы охраны авторских и смежных прав: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.3. / Пушков Антон Михайлович; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»]; Диссовет КФУ.051.2]. – Москва, 2023. 23 с.

[10] Рузакова О. А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: учеб. практ. пособие для магистров / О. А. Рузакова. – Москва: Проспект, 2017. 144 с.

[11] Н. В. Щербак Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. Т. IV: Отдельные виды обязательств. – Москва: Статут, 2023. 606 с.

References:

[1] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book Two: Property Transfer Agreements. M.: Statute, 2004. 604 p.

[2] Gavrilov E.P. Subject of agreements on the disposal of exclusive rights/E.P. Gavrilov//Patents

and licenses. Intellectual rights. – 2012. – № 8. S. 29-34.

[3] Demyanenko E.V., Shpak A.V. On the subject of the license agreement//YuP. – 2024. – № 2 (109). 45-51 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predmete-litsenзионного-dogovora> (дата обращения: 09.01.2026).

[4] Zenin I. A. Problems of Russian intellectual property law (selected works)/I. A. Zenin. – M.: Statute, 2015. 525 p.

[5] A. G. Karapetov. Contractual and Binding Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition. Revision 1.0]/Rev. ed. A.G. Karapetov. – M.: M-Logos, 2017. 1122 pp.

[6] Morgunova E. A. Copyright: study. Manual/E. A. Morgunova; resp. ed. V.P. Mozolin. – M.: Norma, 2009. 288 pp.

[7] Novitsky I. B. Selected works on civil law: In 2 vols. T. II. M.: Statute, 2006. 412 s.

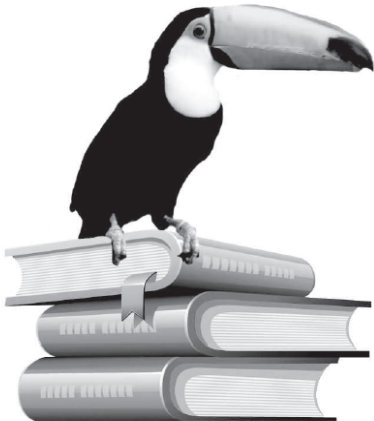
[8] Pozdnyakova E. A. Copyright: textbook and workshop for universities/E. A. Pozdnyakova. – 5th ed., Revised and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 259 pp.

[9] Pushkov A.M. The influence of digital technologies on the development of the copyright and related rights system: abstract of dis.... Candidate of Law: 5.1.3 ./Pushkov Anton Mikhailovich; [Place of protection: FSAEI HE “Kazan (Volga) Federal University”; Dissertation Council KFU.051.2]. – Moscow, 2023. 23 pp.

[10] Ruzakova O. A. Agreements on the creation of the results of intellectual activity and the disposal of exclusive rights: educational. Prakt. allowance for masters/O. A. Ruzakov. – Moscow: Prospect, 2017. 144 p.

[11] N.V. Shcherbak Civil law: textbook: in 4 volumes/rev. ed. Dr. Jurid. sciences., prof. E. A. Sukhanov. – 3rd ed., Revised and add. T. IV: Certain types of liabilities. – Moscow: Statute, 2023. 606 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАЖИЕВ Майрбек Хасанович,
аспирант 2 курса кафедры правового регулирования
экономической деятельности юридического факультета,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва,
e-mail: mazhievmk@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовых средств осуществления партнерского финансирования в Российской Федерации в условиях формирования экспериментального правового режима. Обосновывается, что действующие гражданско-правовые конструкции, включая договорные и корпоративные формы, не обеспечивают полного юридического оформления партнерских финансовых моделей, основанных на распределении предпринимательского риска и переменной доходности. Особое внимание уделяется проблемам правовой квалификации сделок, рискам их переквалификации в рамках правоприменительной практики, а также ограниченности применения аналогии закона.

Ключевые слова: партнерское финансирование, банковское право, альтернативные формы финансирования, экспериментальный правовой режим, правовая квалификация.

MAZHIEV Mairbek Khasanovich,
2nd year postgraduate student of the Department
of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow

LEGAL MEANS OF IMPLEMENTING PARTNERSHIP FINANCING IN THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF QUALIFICATION AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the legal means for implementing partnership financing in the Russian Federation within the framework of an emerging experimental legal regime. It is substantiated that the existing civil law structures, including contractual and corporate forms, do not ensure a complete legal formalization of partnership financial models based on the distribution of entrepreneurial risk and variable returns. Particular attention is paid to the issues of legal qualification of transactions, the risks of their reclassification in law enforcement practice, as well as the limitations of the application of legal analogy.

Key words: partnership financing, banking law, alternative forms of financing, experimental legal regime, legal qualification

Партнерское финансирование, находящееся в стадии институционального становления в Российской Федерации, характеризуется отсутствием устойчиво сформированного набора правовых средств, обеспечивающих его реализацию в рамках действующей системы частного права. Несмотря на запуск экспериментального правового режима, закрепленного Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 417-

ФЗ [1], соответствующие механизмы остаются фрагментарными и не образуют целостной правовой конструкции, способной обеспечить предсказуемость правоприменения [2]. В отличие от традиционных форм финансирования, основанных на использовании договоров займа и кредита, партнерская модель предполагает иные принципы юридической организации отношений, включая распределение предпринимательского

риска, переменную доходность и отказ от фиксированного вознаграждения. Указанные особенности обуславливают необходимость обращения к категории правовых средств как самостоятельному элементу механизма правового регулирования, позволяющему выявить, в какой мере действующее законодательство способно обеспечить надлежащую юридическую форму для реализации партнерских финансовых моделей.

Анализ теоретико-правовой природы партнерского финансирования и его форм, проведенный в рамках предыдущих этапов исследования [3; 4], позволяет констатировать, что существующие гражданско-правовые конструкции не обеспечивают адекватного юридического оформления соответствующих отношений. Гибридный характер партнерских моделей, сочетающих элементы обязательственного, корпоративного и инвестиционного взаимодействия, приводит к невозможности их однозначной квалификации в рамках традиционных договорных типов. Применение аналогии закона, в частности обращение к договорам займа, простого товарищества или доверительного управления, носит вынужденный характер и не отражает существа возникающих правоотношений. В результате правовые средства, используемые для реализации партнерского финансирования, приобретают фрагментарный и адаптационный характер, что препятствует формированию устойчивой правоприменительной практики и снижает уровень юридической определенности для участников соответствующих отношений.

Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации структурировано вокруг классических моделей обязательственных отношений, предполагающих определенность предмета, объема встречного предоставления и характера вознаграждения. Так, положения главы 42 Гражданского кодекса Российской Федерации [5], регулирующие заемные и кредитные отношения, исходят из презумпции возвратности капитала и допустимости фиксированного вознаграждения, выраженного в процентной форме. Аналогичным образом конструкции, предусмотренные главами о простом товариществе и доверительном управлении имуществом, ориентированы на иные юридические цели и не предполагают полноценной реализации принципа распределения предпринимательского риска между сторонами. В результате попытки встроить партнерское финансирование в существующую систему гражданско-правовых договоров неизбежно приводят к искажению его сущности, поскольку соответствующие нормы не учитывают допустимость неопределенности экономического результата как правомерного элемента обязательства.

Особое значение в контексте правовой квалификации партнерского финансирования приобретает проблема допустимости переменной доходности как элемента гражданско-правового обязательства. Традиционная модель обязательственного права исходит из необходимости определенности или определимости условий договора, включая порядок расчета вознаграждения сторон. В партнерских же моделях размер дохода заранее не фиксируется и зависит от фактических результатов реализации проекта, что при буквальном применении норм гражданского законодательства может рассматриваться как неопределенность существенного условия договора. Это порождает риск признания соответствующих условий несогласованными либо противоречащими требованиям закона. Вместе с тем такая неопределенность не носит произвольного характера, а обусловлена самой природой партнерского финансирования, основанного на распределении экономического результата. Игнорирование данной особенности приводит к формальному применению критериев определенности, не учитывающих специфику рассматриваемых отношений, и, как следствие, к снижению устойчивости правового режима партнерского финансирования.

Не менее существенным является вопрос о допустимости включения предпринимательского риска в содержание гражданско-правового обязательства. В классической конструкции обязательственного отношения риск, как правило, распределяется таким образом, чтобы обеспечить достижение заранее определенного имущественного результата, а его неблагоприятные последствия связываются с ненадлежащим исполнением или нарушением договора. В партнерском финансировании данная логика трансформируется: риск выступает не отклонением от нормального хода исполнения, а его неотъемлемым элементом, заранее принимаемым сторонами при заключении соглашения. Это означает, что убытки не всегда свидетельствуют о нарушении обязательства, а могут рассматриваться как допустимый результат хозяйственной деятельности. Подобный подход требует переосмысления традиционных критериев ответственности, поскольку их формальное применение способно привести к необоснованному возложению негативных последствий на участников партнерского финансирования. В этой связи возникает необходимость разработки специальных правовых механизмов, учитывающих природу риска как легитимного элемента обязательственного отношения.

В сложившихся условиях представляется обоснованным обращение к категории правовых

средств как аналитическому инструменту, позволяющему системно оценить механизмы юридической реализации партнерского финансирования. В теории права правовые средства рассматриваются как совокупность юридических инструментов, посредством которых достигаются цели правового регулирования, включая нормы, договорные конструкции, организационно-правовые формы и процедуры правоприменения. Применительно к партнерскому финансированию данная категория приобретает особое значение, поскольку позволяет выйти за пределы формального анализа отдельных договоров и рассмотреть весь комплекс юридических механизмов, обеспечивающих функционирование соответствующих моделей. Такой подход дает возможность не только выявить используемые в настоящее время правовые инструменты, но и оценить степень их соответствия природе партнерского финансирования, а также определить направления их дальнейшего совершенствования.

Системный анализ позволяет выделить несколько групп правовых средств, используемых для осуществления партнерского финансирования в Российской Федерации. К их числу, прежде всего, относятся договорные конструкции, посредством которых оформляются отношения между участниками финансирования. Наряду с ними применяются корпоративные формы, обеспечивающие участие в капитале и распределение результатов деятельности, а также организационно-правовые и регуляторные механизмы, связанные с допуском субъектов к участию в экспериментальном правовом режиме и контролем за их деятельностью. Дополнительное значение приобретают финансово-правовые инструменты, включая выпуск облигаций и использование механизмов доверительного управления. Каждая из указанных групп выполняет самостоятельную функцию в структуре партнерского финансирования, однако ни одна из них в отдельности не обеспечивает полноты правового регулирования, что свидетельствует о фрагментарности существующего правового инструментария.

Центральное место в системе правовых средств партнерского финансирования занимают договорные конструкции, поскольку именно через них осуществляется юридическое оформление большинства соответствующих моделей. На практике используются как классические гражданско-правовые договоры, включая куплю-продажу, аренду и доверительное управление, так и смешанные конструкции, сочетающие элементы различных обязательственных типов. Однако применение указанных договоров носит адаптационный характер и не устраняет базовой проблемы несоответствия их правовой

природы сущности партнерского финансирования. В частности, традиционные договорные модели ориентированы на достижение заранее определенного имущественного результата, тогда как партнерское финансирование предполагает участие сторон в неопределенном экономическом исходе [6]. Это противоречие приводит к тому, что договорные средства не обеспечивают надлежащей фиксации распределения рисков, условий получения дохода и пределов ответственности сторон. В результате юридическая форма оказывается вторичной по отношению к экономическому содержанию, что повышает риск переквалификации соответствующих отношений и снижает уровень их правовой защиты.

На практике реализация партнерского финансирования в Российской Федерации осуществляется через использование модифицированных договорных конструкций, заимствующих отдельные элементы классических гражданско-правовых моделей. Наиболее распространены схемы, основанные на купле-продаже с отсрочкой платежа, аренде с последующим выкупом, а также конструкциях, приближенных к доверительному управлению имуществом. Указанные модели позволяют формально избежать квалификации отношений как заемных, поскольку доход формируется не в виде процентов за пользование денежными средствами, а как результат участия в хозяйственной операции. Вместе с тем их применение связано с необходимостью искусственной трансформации правовой формы сделки, при которой экономическая цель финансирования достигается через последовательность взаимосвязанных договоров. Такая структурная сложность повышает транзакционные издержки, затрудняет правовую квалификацию и создает риск признания соответствующих конструкций направленными на обход императивных норм законодательства.

Использование указанных договорных конструкций сопряжено с существенным риском их последующей переквалификации в рамках правоприменительной практики. В условиях отсутствия специальных норм, регулирующих партнерское финансирование, суды при рассмотрении споров, как правило, ориентируются на формальные признаки сделки, включая характер движения денежных средств, распределение обязанностей сторон и фактическое содержание правоотношений. При этом наличие экономической цели, связанной с финансированием проекта, может быть истолковано как свидетельство заемного характера отношений, даже если юридическая форма сделки предполагает иную конструкцию. Такая ситуация создает угрозу признания договоров притворными либо направлен-

ными на обход законодательства, в том числе в части регулирования процентных обязательств. Отсутствие устоявшейся судебной практики по делам, связанным с партнерским финансированием, усиливает неопределенность и препятствует формированию единых подходов к квалификации соответствующих сделок, что негативно сказывается на устойчивости гражданского оборота.

В условиях отсутствия специального нормативного регулирования договорные средства партнерского финансирования нередко дополняются применением аналогии закона и аналогии права. Такая практика проявляется в стремлении квалифицировать соответствующие отношения через близкие по конструкции договорные типы, предусмотренные гражданским законодательством. Однако подобный подход носит ограниченный характер и не обеспечивает должной юридической точности. Использование аналогии допустимо лишь при наличии сходства по юридической природе отношений, тогда как партнерское финансирование изначально отклоняется от логики классических обязательственных моделей. Это приводит к искажению правовой квалификации, при которой отношения, основанные на распределении предпринимательского риска и переменной доходности, искусственно подводятся под конструкции с фиксированными обязательствами. В результате формируется правоприменительная неопределенность, при которой одни и те же модели могут получать различную юридическую оценку в зависимости от выбранного подхода к их квалификации.

Наряду с договорными конструкциями существенную роль в системе правовых средств партнерского финансирования играют корпоративные и инвестиционные формы, обеспечивающие участие в капитале и распределение результатов деятельности. К таким средствам относятся, в частности, вложения в уставный капитал хозяйственных обществ, инвестиционные соглашения и иные формы долевого участия. Их использование в большей степени соответствует природе партнерского финансирования, поскольку позволяет юридически закрепить участие сторон в прибыли и убытках без установления фиксированного вознаграждения. Вместе с тем данные инструменты также не лишены ограничений. Корпоративные формы предполагают возникновение комплекса прав и обязанностей, связанных с участием в юридическом лице, что не всегда соответствует экономической цели финансирования конкретного проекта [7]. Кроме того, действующее законодательство не предусматривает специальных механизмов адаптации корпоративных конструкций к требованиям пар-

тнерского финансирования, что приводит к необходимости их модификации в рамках договорной свободы и сохраняет риск правовой неопределенности.

Дополнительное значение в системе правовых средств партнерского финансирования приобретают регуляторные и организационные механизмы, реализуемые в рамках экспериментального правового режима. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ вводит особый порядок допуска участников к осуществлению соответствующей деятельности, устанавливает перечень допустимых операций и закрепляет требования к их осуществлению. Указанные элементы выполняют функцию институционального оформления партнерского финансирования, компенсируя отсутствие его системного закрепления в гражданском законодательстве. Вместе с тем данные средства носят преимущественно процедурный характер и не формируют самостоятельной материально-правовой конструкции. Они регулируют условия допуска и рамки деятельности, но не решают вопроса о правовой квалификации самих отношений, возникающих между участниками финансирования. В результате регуляторные механизмы обеспечивают функционирование партнерских моделей в пределах эксперимента, но не создают устойчивой правовой основы для их интеграции в общую систему частного права.

Несмотря на значимость введения экспериментального правового режима, закрепленного Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ, его потенциал в части формирования полноценной системы правовых средств остается ограниченным. Указанный режим носит временный и территориально ограниченный характер, а круг допустимых операций определяется исчерпывающим перечнем, не охватывающим всего многообразия партнерских моделей. Кроме того, закон не содержит системного регулирования ключевых элементов соответствующих правоотношений, включая порядок распределения рисков, особенности определения дохода и механизмы защиты прав участников. В результате эксперимент выполняет функцию апробации отдельных инструментов, но не создает универсальной правовой конструкции, пригодной для масштабирования за пределами установленных рамок. Это приводит к тому, что правовые средства партнерского финансирования продолжают развиваться фрагментарно и не получают необходимого нормативного закрепления на уровне общего законодательства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующие правовые средства партнерского финансирования в Российской Федерации не образуют системно согласо-

ванного механизма правового регулирования. Договорные, корпоративные и регуляторные инструменты используются разрозненно и выполняют лишь частичные функции, не обеспечивая целостного юридического оформления соответствующих отношений. Их применение носит во многом компенсаторный характер и направлено на адаптацию действующих правовых конструкций к новым экономическим моделям, а не на формирование самостоятельного правового режима. Такая фрагментарность обуславливает отсутствие единообразия в правоприменительной практике, затрудняет правовую квалификацию сделок и снижает уровень предсказуемости для участников гражданского оборота. В этих условиях партнерское финансирование продолжает функционировать как совокупность разрозненных правовых решений, а не как институционально оформленный элемент частноправовой системы.

Перспективное развитие правового регулирования партнерского финансирования в Российской Федерации должно быть связано с формированием самостоятельного комплекса правовых средств, обеспечивающих полное юридическое оформление соответствующих отношений. В первую очередь представляется целесообразным нормативное закрепление базовых характеристик партнерского финансирования на уровне гражданского законодательства, включая признание допустимости переменной доходности и распределения предпринимательского риска как легитимных элементов обязательственного отношения. Одновременно требуется разработка специальных договорных моделей либо введение в законодательство конструкции, позволяющей квалифицировать партнерские соглашения как самостоятельный вид гражданско-правовых договоров. Не менее важным является создание механизмов правовой определенности в сфере квалификации сделок, включая выработку разъяснений высших судебных инстанций и формирование единых подходов правоприменительной практики. Дополнительным направлением совершенствования может выступать институционализация процедур предварительной оценки финансовых моделей, позволяющая снизить риски их последующей переквалификации. Реализация указанных мер позволит перейти от фрагментарного использования существующих правовых инструментов к формированию системного правового режима партнерского финансирования.

В целях преодоления выявленной фрагментарности представляется необходимым формирование системного подхода к правовому регулированию партнерского финансирования, основанного на разработке специальных правовых

средств, адекватных его экономико-правовой природе. В первую очередь это предполагает нормативное закрепление базовых характеристик партнерского финансирования, включая допустимость переменной доходности, распределение предпринимательского риска и отказ от фиксированного вознаграждения. Кроме того, требуется разработка специальных договорных моделей либо легализация смешанных конструкций с установлением их правового статуса в системе гражданского законодательства. Существенное значение имеет также формирование единых подходов к квалификации соответствующих сделок, что может быть достигнуто посредством разъяснений высших судебных инстанций и разработки методических рекомендаций регулятора. Реализация указанных мер позволит перейти от адаптационного использования существующих правовых инструментов к формированию самостоятельного правового режима партнерского финансирования, обеспечивающего его устойчивое развитие и интеграцию в национальную правовую систему.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования...» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32. Ст. 5714.
- [2] Аминова Э.М. Партнерские финансы как альтернативная бизнес-модель финансирования // Право и управление. XXI век. 2025. № 1 (74). С. 217–224.
- [3] Мажиев М.Х. Правовой статус субъектов партнерского финансирования в Российской Федерации // Право и управление. 2025. № 11. С. 108–113.
- [4] Мажиев М.Х. Правовое регулирование партнерского финансирования в ОАЭ: возможности адаптации для российской правовой системы // Право и управление. 2025. № 6. С. 444–449.
- [5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
- [6] Симаева Е.П., Симаева Н.П. Развитие партнерского финансирования для поддержки малого и среднего бизнеса // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 5. С. 67–76.
- [7] Саранчина С.С., Елкина О.С. Партнерское финансирование как инструмент привлечения инвестиций // Теоретическая экономика. 2025. № 1. С. 42–55.

References:

- [1] Federal Law № 417-FZ of August 4, 2023 «On conducting an experiment to establish special

regulation in order to create the necessary conditions for the implementation of partnership financing activities in certain constituent entities of the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 32. Art. 5714.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law № 14-FZ of January 26, 1996 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[3] Mazhiev M.Kh. Legal status of participants in partnership financing in the Russian Federation // Law and Administration. 2025. № 11. P. 108–113.

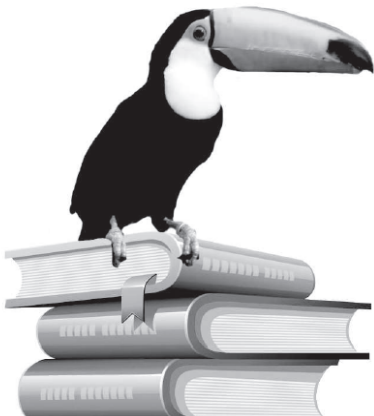
[4] Mazhiev M.Kh. Legal regulation of partnership financing in the UAE: prospects for adaptation in the Russian legal system // Law and Administration. 2025. № 6. P. 444–449.

[5] Aminova E.M. Partnership finance as an alternative business model of financing // Law and Administration. XXI Century. 2025. № 1 (74). P. 217–224.

[6] Simaeva E.P., Simaeva N.P. Development of partnership financing to support small and medium-sized enterprises // Economics. Taxes. Law. 2024. Vol. 17. № 5. P. 67–76.

[7] Saranchina S.S., Elkina O.S. Partnership financing as an instrument for attracting investment // Theoretical Economics. 2025. № 1. P. 42–55.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СЕМЕНОВ Александр Александрович,
научный сотрудник ФКУ НПО «СТИС» МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АВETИСЯН Карэн Рафаелович,
старший преподаватель кафедры информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ: ФУНКЦИИ ПОТЕРЬ, ГРАДИЕНТНЫЙ СПУСК И ОБРАТНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОШИБКИ

Аннотация. Работа посвящена математическим основам обучения нейронных сетей через минимизацию функции потерь как меры качества модели. Обучение формулируется как задача оптимизации, решаемая с помощью градиентного спуска с учетом его особенностей в многомерных пространствах параметров. Описываются роль размеченных данных, влияние размера батча и организации эпох на процесс обучения. Поясняется применение метода обратного распространения ошибки для эффективного вычисления градиента в сложных архитектурах нейросетей.

Ключевые слова: нейронные сети, функция потерь, лосс, градиентный спуск, оптимизация, машинное обучение, обучение с учителем, обучение без учителя, разметка данных, батч, эпоха, градиент, частная производная, обратное распространение ошибки, слои нейросети, прямой и обратный ход.

SEменов Aleksandr Aleksandrovich,
Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS"
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology
and Cybercrime Investigation Organization
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

OPTIMIZING NEURAL NETWORK TRAINING: LOSS FUNCTIONS, GRADIENT DESCENT, AND BACKPROPAGATION

Annotation. This paper examines the mathematical foundations of neural network training through minimizing the loss function as a measure of model quality. Training is formulated as an optimization problem solved using gradient descent, taking into account its specific features in multidimensional parameter spaces. The role of labeled data, the influence of batch size, and epoch organization on the training process are described. The application of the backpropagation method for efficient gradient computation in complex neural network architectures is explained.

Key words: neural networks, loss function, loss, gradient descent, optimization, machine learning, supervised learning, unsupervised learning, data labeling, batch, epoch, gradient, partial derivative, backpropagation, neural network layers, forward and backward progression.

Изучим теперь, как для нейросети f подбираются значения весов w . В математике существует масса численных методов для решения самых разных задач, один из таких методов позволяет находить минимум функции. Если

мы сконструируем функцию, значение которой будет тем меньше, чем лучше веса w подходят для решения некоторой практической задачи, то обучение нейросети как раз и будет заключаться в поиске минимума указанной функции.

Сформулируем для начала, что же означает «лучше всего» для одной единицы входных данных. Для этого создадим функцию L , которая будет принимать на вход результат работы нейросети f и оценивать, насколько результат работы плох. При этом вне зависимости от того, насколько сложны аргументы функции L , ее результат должен быть одним числом z – чем меньше это число, тем лучше результат. Для оценки качества нейросети в целом будем вычис-

лять сумму S значений L , полученных на некотором наборе входных данных, пронумеруем эти входные данные и соответствующие им результаты вычислений индексом i . Формульное выражение S , в таком случае, будет зависеть только от результатов y_i вычислений нейросети. Однако, если воспринимать нейросеть f как часть функции L , S можно изучать именно как функцию, зависящую от весов нейросети w (формула на рисунок 1).

$$S = \sum_i z_i, z_i = L(y_i), y_i = f(w, x_i) \rightarrow S = \sum_i L(f(w, x_i)) \rightarrow S(w)$$

Рисунок 1. Формульное выражение S .

Зафиксируем несколько наборов входных данных x_i и будем считать сумму S значений функции L для каждого из этих наборов мерой того, насколько хорошо работает нейросеть. При наборе весов w_1 мы получим одно значение суммы, при наборе весов w_2 – другое, и т. д. Если мы теперь попробуем найти минимум функции S , а точнее точку w_{min} , в которой достигается минимум функции S , то мы, таким образом, как раз и найдем оптимальный (в каком-то смысле) набор весов w для нейросети f .

Лосс /loss/функция потерь – функция, оценивающая качество работы нейросети, которую искусственно подбирают таким образом, чтобы лучшее качество нейросети соответствовало меньшему значению функции. Таким путем задачу обучения нейросети сводят к поиску минимума лосса. Как правило, лосс либо придумывают сообразно поставленной задаче, либо заимствуют функцию, которую традиционно используют в задачах, аналогичных решаемой.

В приведенном примере лоссом является функция L , но на практике часто лоссом называют также и сумму S значений L . Если от нейросети требуется достижение заданных значений сразу по нескольким измеряемым отдельно друг от друга параметрам, то для каждого параметра определяется своя функция, а лосс составляют в виде суммы этих функций с заданными коэффициентами, выражающими относительную важность этих параметров друг относительно друга (подобно тому, как на соревнованиях по фигурному катанию судьи отдельно оценивают артистизм и исполнение акробатических приемов).

Обратим внимание также на то, что для того чтобы лосс мог адекватно отразить, насколько хорошо отработала нейросеть на входных данных, у него должна быть информация о том, какой результат мы считаем правильным. В практике

машинного обучения применяются некоторые алгоритмы, которые не требуют наличия размеченных данных, т. е. не требуют от человека уметь решать задачу, которую он ставит нейросети. Вместе они собирательно называются «обучением без учителя». К ним относится, например, генетический алгоритм. Методы и обходы, требующие наличия размеченных данных, называют, соответственно, «обучением с учителем».

Наиболее часто возникающая задача из тех, которые решаются методами обучения без учителя, это задача кластеризации, т. е. задача, в которой от машины требуется выдумать критерий для разделения данных на несколько групп, в каждой из которых данные будут обладать схожими свойствами. В целом тема обучения без учителя гораздо беднее, многие из методов обучения без учителя относятся скорее к классической математике, а почти все достижения в области искусственного интеллекта, напротив, относятся к обучению с учителем. Другими словами, для каждой единицы входных данных x , используемой при обучении, мы должны предоставить ожидаемый нами идеальный результат работы нейросети $\hat{y}$, чтобы сравнить с ним реально полученное значение y . Такая информация называется разметкой.

Разметка – дополнительная информация в датасете (помимо входных данных), представляющая собой идеальный результат работы нейросети для каждой единицы входных данных в датасете и используемая при вычислении лосса.

С учетом того, что значение лосса зависит все же не только от результата работы нейросети, но также и от разметки и тех данных, на которых ее запускали, более правильные выражения для лосса L и суммы S будут выглядеть следующим образом (рисунок 2).

$$S(w, \hat{y}_1, \hat{y}_2, \dots, x_1, x_2, \dots) = \sum_i L(\hat{y}_i, f(w, x_i))$$

Рисунок 2. Формула сумм S .

Поскольку сами нейросети могут быть очень сложны, и набор весов w может состоять из миллиардов чисел, то минимизация функции S на практике не может быть достигнута путем упражнений с формулами на бумаге, эту задачу можно решить только численно. Для численного решения задачи поиска минимума функции существует метод, называемый градиентным спуском, и, как и любой численный метод, он работает только для аналитических функций. Огромная доля всего машинного обучения основана именно на градиентном спуске.

Градиентный спуск – численный метод нахождения минимума функций, широко применяемый в машинном обучении.

Разберемся с тем, как он устроен. Допустим, мы ищем минимум функции f одной пере-

менной, для которой у нас нет формульной записи, т. е. единственное, что мы с ней можем делать, это узнавать ее значение в выбранной точке. Если предположить, что функция аналитична, то можно и предполагать, что недалеко от любой точки она в целом ведет себя похоже на касательную к ее графику в этой точке. Следовательно, по углу наклона касательной (т. е. по производной) можно определить направление (влево или вправо на графике), в котором функция уменьшается. Постепенно переходя от точки к точке, в какой-то момент можно оказаться около точки минимума. Этот процесс можно представлять себе так: мы «встаем» на график функции в произвольной точке и ставим на него шарик, куда шарик покатится – в том направлении шагнем, снова поставим шарик и т. д. Процесс отражен на рисунке 3.

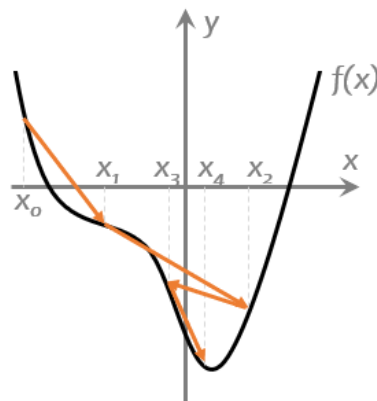

Рисунок 3. Шарик на функции.

Нетрудно заметить: для того, чтобы процесс действительно приближал нас к точке минимума, по крайней мере нужно, чтобы шаг, с которым мы двигаемся вдоль оси x , не был одинаковым, иначе в какой-то момент мы заиклимся и будем прыгать между двумя точками, находящимися по разные стороны минимума (на рисунке 3 это точки x_2 и x_4). Как же выбрать величину шага?

На рисунке 4 изображены графики трех функций. Если допустить, что мы начали градиентный спуск из верхней точки графика f_1 , то мы можем случайно перепрыгнуть узкую «яму» с минимумом и оказаться в соседней (слева), более широкой яме. Чтобы не перепрыгнуть яму, можно выбрать размер шага поменьше. Однако такая

логика вряд ли приведет нас к результату, если мы применим градиентный спуск к функции f_2 , поскольку у ее графика много ям, и если мы будем шагать с маленьким шагом, то мы окажемся в первой попавшейся яме, которая совершенно не обязательно будет содержать нужный нам минимум функции. Чтобы решить эту проблему, можно попробовать запускать градиентный спуск из многих разных точек и сравнивать результат, но для такой функции, как f_3 , данный подход займет слишком много времени для изучения одного только изображенного на рисунке участка функции, на котором и вовсе минимумов нет.

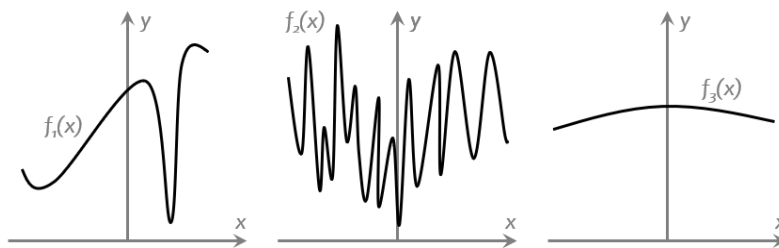

Рисунок 4. Графики трех функций.

Как видно, вопрос логики применения градиентного спуска достаточно сложен. На самом деле можно придумать массу самых различных ухищрений для определения величины шага градиентного спуска на каждой итерации или числа начальных точек, но ни одно из них не будет работать во всех случаях. Другими словами, в общем случае нет идеальной стратегии применения градиентного спуска. Существует масса различных именованных модификаций градиентного спуска, еще больше неименованных и бесчисленное множество комбинаций и тех, и других. Все их объединяет то, что они до какой-то степени рассчитывают на аналитичность функции. Задача специалиста по машинному обучению как раз и заключается в том, чтобы подобрать по возможности более аналитичные нейросеть f (это помимо того, что она еще должна каким-то образом решать целевую задачу) и лосс L и наиболее эффективный вариант градиентного спуска. При этом по мере того, как человечество решает очередной класс задач с помощью машинного обучения, у мирового сообщества накапливается опыт, из которого постепенно складываются шаблоны, при-

меры и рекомендации для выбора всего перечисленного. Тем не менее, этот выбор все равно бывает неоднозначным, и специалисту приходится время от времени упражняться в своей математической интуиции, и тем больше, чем необычнее задача.

Внесем ясность в то, как применяется градиентный спуск для функции f , у которой аргумент x состоит, как минимум, из нескольких значений. Для этого необходимо освежить в памяти понятие частной производной: это на самом деле обыкновенная производная функции, посчитанная в условиях, когда все аргументы, кроме одного, на время вычислений считаются как бы не переменными, а просто числами, в таком случае говорят «частная производная по такому-то аргументу», вводят соответствующее обозначение. Например, на рисунке 3.5 приведена функция от двух переменных и две ее производные по каждому из аргументов. Вектор, составленный из производных функции по каждому из ее аргументов, и называется градиентом, мы будем обозначать его просто штрихом над функцией, как обозначаем у функций одной переменной обычную производную.

$$f(x, y) = \sin(2x) \cos(3y)$$

$$f'_x = 2 \cos(2x) \cos(3y), f'_y = -3 \sin(2x) \sin(3y)$$

$$f' = (2 \cos(2x) \cos(3y), -3 \sin(2x) \sin(3y))$$

Рисунок 5. Функция от двух переменных и две ее производные по каждому из аргументов.

Градиент обладает тем свойством, что в многомерном пространстве аргументов функции он указывает направление скорейшего роста функции (т. е. ровно противоположенное тому, которое нужно для поиска минимума). Отсюда можно вывести формулу (рисунк 6) для простейшего варианта градиентного спуска примени-

тельно к сумме S , в ней в качестве нового значения весов w принимается старое значение w , из которого вычли градиент, умноженный на некоторую величину a , определяемую каким-то образом на каждом шаге или фиксированную, задающую размер шага градиентного спуска. Процесс может начинаться с произвольной точки w_0 .

$$w \leftarrow w - a \cdot S'(w)$$

Рисунок 6. Формула для простейшего варианта градиентного спуска применительно к сумме S .

Заметим, что у нейросети, имеющей миллиарды весов, число локальных минимумов может быть гигантским. Искать среди них «самый минимальный» минимум нецелесообразно, достаточно выбрать какой-то, в котором значение S уже достаточно мало, т. е., другими словами, остановиться на значениях весов, при которых нейросеть f работает уже вполне удовлетворительно. Тем не менее, даже нахождение такого достаточно эффективного набора весов, как правило, требует многих тысяч, миллионов или даже миллиардов итераций градиентного спуска. Как правило, итерации градиентного спуска группируют так, чтобы в процессе обучения использовалась каждая единица данных из датасета до того, как любая единица данных будет использована в следующий раз.

Эпоха – несколько итераций градиентного спуска, в течение которых все данные из датасета были использованы ровно по одному разу. Как правило, число итераций градиентного спуска исчисляют в эпохах.

Вернемся к формуле (рисунок 2) и обратим внимание, что значение суммы S все же зависит не только от весов, но также и от значений входных данных. Если в нашем случае мы будем обучать нейросеть, применяя всегда один и тот же набор значений $x_1, x_2, \dots, x_N$, то получится, что подберем хорошие веса конкретно для этих значений входных данных, но не гарантируем, что на других входных данных нейросеть сработает хорошо. Для решения этой проблемы при обучении нейросетей на разных шагах градиентного спуска используют разные входные данные из датасета. При этом на одном шаге градиентного спуска, как правило, используются несколько единиц входных данных (иначе бы сумма S просто равнялась L).

Батч – набор из нескольких единиц входных данных, взятых для выполнения одного шага градиентного спуска.

Батч-сайз/размер батча – количество единиц данных в батче.

Если выбрать слишком большой батч, то влияние разных слагаемых суммы S на конечный результат может слишком усреднить значение градиента. Если, наоборот, выбрать батч слишком маленький, разница между данными в разных батчах может быть настолько велика, что направление шагов градиентного спуска будет от итерации к итерации меняться в произвольном порядке.

В обоих этих крайних случаях процесс градиентного спуска получается бесполезным. Здесь уместна следующая аналогия: если учащемуся преподавать некоторую математическую дисциплину на занятиях длиной по 10 часов, то к концу занятия он уже не будет помнить, что ему объяснили в начале. Напротив, если занятия по нескольким дисциплинам сделать длиной пять минут и постоянно их чередовать, то постоянные переключения с одной дисциплины на другую превратят весь преподаваемый материал в кашу в памяти обучающегося, от которой также не будет толку. По этой причине на практике выбор правильного размера батча является одной из важнейших настроек процесса машинного обучения.

Вспомним снова, что нейросеть может содержать многие миллионы весов. Чтобы сделать один шаг градиентного спуска, нужно посчитать градиент, т. е. производные по каждому из значений весов. Вычисление каждой производной численно потребует посчитать функцию f как минимум столько же раз, сколько у нее весов, а записать формульно выражение производной L при очень сложной нейросети f может быть весьма затруднительно. Поэтому производные L вычисляют формульно, но по частям. Для этого пользуются правилом взятия производной сложной функции (рисунок 7).

$$f(x), g(x), h(x) = f(g(x)) \rightarrow h'(x) = f'(g(x)) \cdot g'(x)$$

Рисунок 7. Правило взятия производной сложной функции.

Другими словами, для того чтобы найти производную какой-то сложной функции h , нужно действовать так:

- 1) представить сложную функцию h в виде комбинации применения двух функций f и g : $h(x)=f(g(x))$;
- 2) определить производную $g'(x)$ функции $g(x)$;

- 3) определить производную $f'(x)$ функции $f(x)$ и подставить в нее в качестве аргумента $g(x)$;
- 4) перемножить два выражения, полученных на двух предыдущих шагах.

Заметим также, что формульно выражение $f'(g(x))$ никак не зависит от функции g , в него нужно только подставить значение функции g в точке x . Можно выполнять вычисления в таком порядке:

сначала посчитать значение $g(x)$, потом значение $f(g(x))$, потом $f'(g(x))$ (это можно, ведь значение $g(x)$ уже посчитано), потом $g'(x)$ и, в конце концов, $h'(x)$. При этом порядке получается, что вычисление значения $h(x)$ выполняется в порядке от внутренней функции к внешней, а значения $h'(x)$ – от внешней функции к внутренней (подобно тому, как мат-

решка разбирается от большей куклы к меньшей и собирается от меньшей к большей). Это позволяет применять правило вычисления производной сложной функции «в глубину». Представим себе некоторую сложную нейросеть f в виде последовательности применения нескольких функций f_i и значений весов w_i . (рисунок 8).

$$L(\hat{y}, f(x, w)) = L(\hat{y}, f_n(w_n, f_{n-1}(w_{n-1}, f_{n-2}(\dots f_1(w_1, x) \dots)))$$

Рисунок 8. Сложная нейросеть.

Вспользуемся правилом вычисления производной сложной функции по x , для этого мы последовательно посчитаем значения f_1, f_2, f_3 и т. д., а потом последовательно, но в обратном порядке, значения производных L', f'_n, f'_{n-1} и т. д. Представим себе, что происходит в момент, когда мы вычисляем производную для некоторой функ-

ции f_i , получающей на вход несколько значений x_{ij} и весов w_{iz} и выдающей несколько выходных значений y_{ik} . Согласно правилу вычисления производной сложной функции, производные лосса L по x_{ij}, y_{ik} и w_{iz} связаны следующим образом (рисунок 9).

$$L'_{w_{iz}} = \sum_k L'_{y_{ik}} \cdot y'_{ik w_{iz}}, L'_{x_{ij}} = \sum_k L'_{y_{ik}} \cdot y'_{ik x_{ij}}$$

Рисунок 9. Правила вычисления производной сложной функции.

В первой формуле последнее выражение означает «производная y_{ik} по весу w_{iz} », во второй формуле последнее выражение означает «производная y_{ik} по весу x_{ij} ». Эти производные вычисляются из формулы функции f_i , поскольку именно с ее помощью значения y_{ik} вычисляются из значений x_{ij} . Вспомним теперь, что при вычислении производной L по x можно сначала в прямом порядке посчитать значения функций f_i , а потом в обратном – их производные. Тогда получается, что к моменту вычислений по формуле (рисунок 9) значения производных L по y_{ik} уже вычислены. Другими словами, при известном выражении f_i для вычисления производной L по x_{ij} и w_{iz} достаточно знать значения производной L по y_{ik} . Обратим внимание, что вычисленные значения производных L по входным значениям x_{ij} будут для функции f_{i-1} являться значениями производных L по ее выходным значениям. Это позволяет после вычислений по формуле (рисунок 9) для функции f_i перейти к аналогичным вычислениям для функции f_{i-1} , потом для f_{i-2} , и так далее. Именно этим способом и вычисляют градиент для очень сложных функций f .

Метод обратного распространения ошибки/back propagation – способ вычисления градиента, заключающийся в том, что нейросеть рассматривают как сложную функцию, состоящую из нескольких простых, и вычисляют производные

лосса по весам последовательно, от простой функции к простой функции в порядке от самой внешней к самой внутренней. Каждая такая простая функция называется слоем.

Слой /layer – составной элемент нейросети. Каждая нейросеть состоит из нескольких слоев, чаще всего выстроенных последовательно, а иногда параллельно. При использовании метода обратного распространения ошибки вычисления градиента выполняются послойно.

Невязки слоя – значения производной лосса по выходным значениям слоя. Иногда для удобства значения невязок самого слоя называют выходными невязками (так как они соответствуют выходным значениям слоя), а значения невязок предыдущего слоя – входными невязками (так как они соответствуют входным значениям).

Если выходные значения слоя используются в нескольких разных слоях, то производные лосса по соответствующим выходным значениям слоя будут содержать слагаемые, вычисляемые на основе каждого из зависимых слоев. Для того, чтобы научиться применять метод обратного распространения ошибки, не нужно обладать абсолютно никакими знаниями, достаточно как следует вдуматься в правило вычисления производной сложной функции и поупражняться в нем.

Вспомним снова, что для вычисления значений производных все же сначала нужно посчи-

тать значения результатов вычислений для всех слоев. Эти вычисления выполняются в порядке от первого (вложенного, принимающего входные данные нейросети) к последнему (передающему значения в лосс), а вычисления производных – в

обратном порядке (рисунки 10). При желании вычисления невязок r_i (зеленые стрелки) могут быть полностью выполнены до вычислений непосредственно значений градиента (оранжевые стрелки).

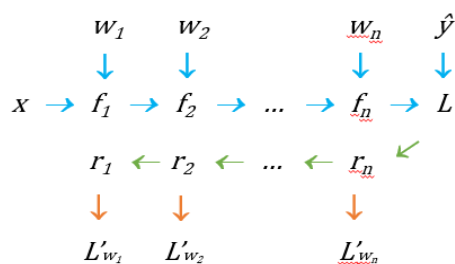

Рисунок 10. Вычисления производных в обратном порядке.

Прямой ход – последовательность вычислений, начинающаяся подстановкой в нейросеть входного значения и заканчивающаяся вычислением значения функции L .

Обратный ход – последовательность вычислений невязок. Иногда к обратному ходу относят также вычисления непосредственно значений градиента.

На практике входные и выходные значения функций чаще всего многомерны, соответственно, многомерны и значения невязок. Практическое составление формулы вычислений обратного хода для некоторого слоя может быть затруднительно, особенно если слой записан не в виде математической формулы, а в виде программного кода. Для самопроверки в этих случаях следует воспользоваться следующим правилом: если некоторое выходное значение на слое зависит от некоторого входного, то между соответствующими им значениями входных и выходных невязок также есть зависимость, но в обратном порядке.

Следует помнить, что для вычислений обратного хода требуются выходные значения всех слоев. Если нейросеть f состоит из большого числа слоев, для ее обучения градиентным спуском потребуется хранить большой объем промежуточных данных. Если, как это чаще всего и бывает, лосс вычисляется по целому батчу входных данных, то промежуточные значения придется хранить одновременно.

Нейросети, применяемые на практике, редко состоят из 2–3 слоев, а гораздо чаще из 10–100. Каждый слой f_i может быть реализован в виде вызова функции программы, при чем одинаковые или похожие слои могут реализовываться одной функцией, что делает программную реали-

зацию обратного распространения ошибки особенно удобной. Деление на слои, как правило, выбирается исходя из удобства их программной реализации, однако теоретически оно может быть каким угодно. На практике в мировом сообществе для каждого типа нейросетей со временем устаканивается общее представление о типовых слоях, но это однозначно происходит только для наиболее простых конструкций, в связи с чем разные разработчики могут называть слоями разные вещи и по-разному делить одну и ту же нейросеть на слои.

Список литературы:

- [1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/343702579_Video_Object_Detection_With_Two-Path_Convolutional_LSTM_Pyramid/fulltext/5f3b265892851cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).
- [2] Hanson A., Koutilya PNRV, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10/html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_Violence_in_Videos_ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).
- [3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04861/> (дата обращения: 11.01.2026).
- [4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published

as a conference paper at ICLR. 2015. URL: [_and_05MB_model_size](#) (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1502.03167/> (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.03385> (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1406.4729/> (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e_924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1509.09308> (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. URL: <https://arxiv.org/abs/1301.3781> (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datcenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04760> (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1505.04597/> (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.4842> (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.1556> (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.02325> (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. URL: <https://onnx.ai/>.

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В.

Гончар, А.С. Эрдниев. – Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Готов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Гончар В.В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата необходимого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации// Вестник Экономической безопасности. 2018. №1. С. 225-230.

[21] Орлова А.А., Гончар В.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 25-29.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/343702579_Video_Object_Detection_With_Two-Path_Convolutional_LSTM_Pyramid/fulltext/5f3b2658928_51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (access date: 01/16/2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNV, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10/html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_Violence_in_Videos_ECCVW_2018_paper.html (accessed: 01/15/2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04861/> (access date: 01/11/2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J.,

Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_with_50x_fewer_parameters_and_05MB_model_size (access date: 01/10/2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1502.03167/> (access date: 01/13/2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.03385> (access date: 01/11/2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1406.4729/> (access date: 01/11/2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. ImageNet classification with deep convolutional neural networks. 2012. URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d-6b76c8436e-924a68c45b-Paper.pdf (access date: 01/12/2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1509.09308> (access date: 01/11/2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. URL: <https://arxiv.org/abs/1301.3781> (accessed: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others. In-Datcenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04760> (accessed: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1505.04597/> (accessed: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rab-
inovich Going Deeper with Convolutions. 2014. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.4842> (accessed: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.1556> (accessed: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. URL: <https://arxiv.org/pdf/1512.02325> (accessed: 11.01.2026).

[16] Official website of ONNX. URL: <https://onnx.ai/>.

[17] Fundamentals of Artificial Intelligence Technologies: a tutorial / A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2025. - 190 p.

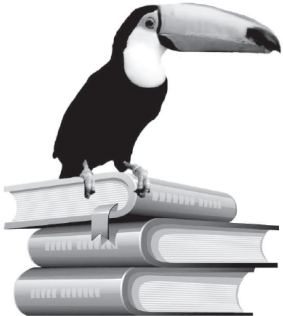
[18] Financial Monitoring: a tutorial / V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen et al. - KnoRus, 2022. - 198 p.

[19] Tisen O. N. Counteracting modern techniques and methods of recruitment into international terrorist organizations // Russian Justice. 2018, No. 9. pp. 51-54.

[20] Gonchar V. V. On the importance of forming a uniform conceptual apparatus necessary for investigating crimes in the field of computer information // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. pp. 225-230.

[21] Orlova A. A., Gonchar V. V. Features of the investigation of crimes committed in the field of information technology // Business Security. 2021. No. 4. pp. 25-29.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИИЦ, E-Library.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового
регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы
центра изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ИНЫХ ДЕЙСТВИЙ В МЕХАНИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, фактически совершаемых в процессе оперативно-розыскной деятельности, но не получивших самостоятельного законодательного закрепления. Актуальность темы обусловлена тем, что современная практика предупреждения, выявления и раскрытия преступлений развивается быстрее нормативной модели, построенной вокруг закрытого перечня оперативно-розыскных мероприятий. Научная и практическая значимость исследования состоит в уточнении пределов нормативной регламентации оперативно-розыскной деятельности в условиях технологизации правоприменения, расширения цифровой среды и появления новых способов получения, проверки и аналитической обработки информации. Обосновывается, что сведение оперативно-розыскной деятельности исключительно к оперативно-розыскным мероприятиям не отражает ее реального содержания и порождает правовую неопределенность при оценке сведений, добытых в результате действий организационного, тактического, поискового и аналитического характера. Показано, что избыточная детализация в законе всех возможных способов получения оперативно значимой информации не только практически неосуществима, но и способна усилить бюрократизацию правоприменения. Предлагается дифференцированный подход, при котором меры, непосредственно затрагивающие конституционные права личности, сохраняют жесткую законодательную форму, тогда как иные действия должны признаваться допустимыми при условии соблюдения принципов законности, соразмерности, ведомственной подотчетности и последующей процессуальной проверки их результатов. Сделан вывод о необходимости корректировки законодательной конструкции оперативно-розыскной деятельности с закреплением возможности осуществления не только оперативно-розыскных мероприятий, но и иных действий, направленных на решение задач, предусмотренных законом.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, правоприменение, технологизация правоприменения, доказательственная информация, результаты оперативно-розыскной деятельности, правовая неопределенность, цифровые технологии, оперативно-розыскные действия, законодательное регулирование.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

CORRELATION BETWEEN OPERATIONAL-SEARCH MEASURES AND OTHER ACTIONS IN THE MECHANISM OF MODERN LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article examines the correlation between operational-search measures and other actions that are actually performed within operational-search activity but have not received independent legislative recognition. The relevance of the topic is determined by the fact that contemporary crime prevention, detection and suppression practices develop faster than the statutory model built around an exhaustive list of operational-search measures. The scientific and practical significance of the research lies in clarifying the limits of legal regulation of operational-search activity in the context of law enforcement technologization, digitalization and the emergence of new methods of collecting, verifying and analytically processing information. It is argued that reducing operational-search activity solely to operational-search measures does not reflect its real content and creates legal uncertainty when assessing data obtained through organizational, tactical, search and analytical actions. The paper shows that an attempt to describe in legislation every possible method of obtaining operationally significant information is both practically unfeasible and capable of increasing bureaucratization of law enforcement. A differentiated model is proposed: measures directly affecting constitutional rights should remain subject to strict legislative regulation, whereas other actions may be recognized as permissible provided that legality, proportionality, departmental accountability and subsequent procedural verification of their results are ensured. The author concludes that the legal concept of operational-search activity should be revised so as to recognize not only operational-search measures but also other actions aimed at solving the tasks established by law.*

Key words: *operational-search activity, operational-search measures, law enforcement, law enforcement technologization, evidentiary information, operational-search results, legal uncertainty, digital technologies, operational-search actions, legislative regulation.*

Современное состояние правоприменения характеризуется одновременным воздействием двух разнонаправленных процессов. С одной стороны, возрастает потребность в повышении эффективности деятельности государства по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений, а также по защите личности, общества и государства от криминальных угроз. С другой стороны, усиливаются требования к юридической определенности, процессуальной корректности и обеспечению прав человека в тех формах государственно-властной деятельности, которые связаны с получением и использованием информации о противоправном поведении. В таких условиях особое значение приобретает вопрос о том, насколько действующая модель оперативно-розыскной деятельности соответствует реальной практике и способна ли она охватить все те действия, посредством которых фактически решаются оперативно-служебные задачи. Актуальность обозначенной проблемы дополнительно усиливается технологизацией правоприменения: внедрением цифровых средств фиксации, аналитических систем, электронных документов, алгоритмов обработки больших массивов данных и иных достижений науки и техники, меняющих не только инструментов, но и саму логику получения юридически значимой информации [4].

Нормативная основа оперативно-розыскной деятельности в ее действующей конструкции исходит из того, что такая деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Формально данное положение воспринимается как указание на основной способ реализации оперативно-розыскной функ-

ции государства. Однако в доктрине и особенно в правоприменительной практике нередко происходит более жесткое прочтение закона, фактически отождествляющее оперативно-розыскную деятельность с перечнем оперативно-розыскных мероприятий, установленным федеральным законом. Такая интерпретация представляется недостаточно точной как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Уже в ранее сформулированных научных подходах подчеркивалось, что содержание оперативно-розыскной деятельности не исчерпывается только мероприятиями в их узком нормативном понимании, поскольку решение задач борьбы с преступностью неизбежно предполагает осуществление и иных действий поискового, проверочного, организационного и аналитического характера [1, с. 69–72]. Эта мысль не утратила актуальности и в условиях цифровизации, когда значительный массив криминально значимой информации извлекается не в результате классического мероприятия как юридически оформленного акта, а посредством комплекса взаимосвязанных действий по обнаружению, сопоставлению, анализу и верификации сведений.

Проблема приобретает особую остроту вследствие того, что закрытый перечень оперативно-розыскных мероприятий в буквальном понимании не способен охватить все тактические и организационные формы работы оперативных подразделений. Практика фактически выработала устойчивые способы поиска и проверки информации, которые либо лишь частично укладываются в традиционные мероприятия, либо вообще находятся на периферии нормативного описания. К ним относятся различные формы

аналитической работы, систематизация цифровых следов, поиск по открытым сетевым ресурсам, сопоставление данных из разнородных массивов информации, личное изучение документов, получение сведений по запросам, оценка поведения лиц в электронных коммуникациях и иные действия, без которых современная оперативная работа теряет действенность. Попытка игнорировать эту реальность приводит к искусственному сужению предмета оперативно-розыскной деятельности и к фиктивному представлению о том, что вся доказательственно и ориентирующе значимая информация возникает только в результате проведения строго формализованного мероприятия.

В научной литературе давно выявлена и другая сторона вопроса - неопределенность самого понятия оперативно-розыскного мероприятия. Стремление компенсировать данную неопределенность нередко выражается в предложениях о законодательном дефинировании как общего понятия мероприятия, так и каждого его вида. Однако подобный путь не гарантирует достижения правовой ясности. Напротив, он способен породить дополнительную казуистику и усилить разрыв между нормативной моделью и изменяющейся практикой. Справедливо отмечается, что далеко не каждое понятие, функционирующее в праве, требует исчерпывающей легальной дефиниции, поскольку общепринятое и доктринально устоявшееся содержание нередко обеспечивает правоприменение эффективнее, чем искусственно суженное определение [8, с. 8–14]. В более широком общетеоретическом плане данная позиция соотносится с выводом о том, что законодательные определения далеко не всегда повышают качество регулирования: в ряде случаев они обедняют смысл правового явления и затрудняют его адаптацию к новым социальным реалиям [7, с. 4–31]. Для сферы оперативно-розыскной деятельности этот риск особенно велик, поскольку здесь динамика методов работы объективно выше, чем темпы законодательного обновления.

Сходство оперативно-розыскных мероприятий со следственными действиями также не должно вводить в заблуждение. Действительно, обе группы средств ориентированы на получение значимой информации, обе обслуживают сферу уголовного правоприменения и обе подчинены задачам установления обстоятельств, имеющих юридическое значение. В этом смысле у них имеется общий гносеологический фундамент. Однако отождествление или прямое калькирование признаков следственных действий на оперативно-розыскные мероприятия методологически ошибочно. Следственные действия традиционно связываются с уголовно-процессуальной фор-

мой, компетенцией специально уполномоченного субъекта, обязательным документированием и возможностью применения государственного принуждения [5, с. 74–82; 6, с. 88–97]. Для оперативно-розыскной деятельности значимы иные параметры: сочетание гласных и негласных способов работы, опережающий характер получения сведений, допустимость использования ориентирующей информации, вариативность тактических решений и необходимость сохранения инициативы в условиях неопределенности. Поэтому механическое перенесение процессуальной логики на оперативную сферу приводит либо к неоправданной процессуализации последней, либо к возникновению формальных суррогатов, когда фактически совершенное действие задним числом подгоняется под известную закону форму.

Именно здесь возникает одна из наиболее серьезных проблем - правовой статус сведений, полученных вне рамок классически понимаемого оперативно-розыскного мероприятия. Если исходить из формального прочтения законодательства, то результатами оперативно-розыскной деятельности признаются только те сведения, которые добыты в предусмотренных законом формах. Тогда вся информация, извлеченная в ходе иных действий, оказывается в серой зоне: с практической точки зрения она используется, но с точки зрения юридической квалификации ее природа остается неочевидной. Последствием становится двойственность правоприменения. С одной стороны, оперативные подразделения объективно не могут отказаться от тех способов работы, которые доказали свою эффективность. С другой стороны, они вынуждены искать формы легитимации такой информации через расширительное толкование уже существующих мероприятий. На уровне практики это выражается в том, что различные действия оформляются как наблюдение, наведение справок или иное мероприятие, хотя по существу их содержание шире либо иное. На уровне судебной оценки это порождает разнонаправленные подходы, когда сходные по сути действия в одних случаях признаются допустимыми, а в других - ставятся под сомнение именно из-за отсутствия прямой нормативной формы.

Такое положение нельзя признать удовлетворительным. Оно не отвечает ни интересам законности, ни интересам эффективности борьбы с преступностью. Для законности опасна сама ситуация неопределенности: когда правоприменитель не уверен, относится ли конкретное действие к допустимым средствам оперативно-розыскной деятельности, возрастает вероятность ведомственного произвола, неравномерной практики и последующего оспаривания результатов. Для эффективности вредно иное: вместо развития содержательных стандартов

работы формируется зависимость от формального документирования, иногда подменяющего реальную правовую оценку. Между тем уже в доктрине оперативно-розыскной деятельности подчеркивалось, что отождествление мероприятий со всей системой оперативной деятельности и попытка растворить в них иные действия не устраняют проблему, а лишь меняют ее внешнюю форму [3, с. 9–12]. Нельзя не согласиться с тем, что здесь требуется не бесконечное расширение терминологической оболочки мероприятий, а более точное разграничение уровней правового регулирования.

В этом контексте представляется обоснованным использование аналитической конструкции «иные оперативно-розыскные действия» как обозначения тех действий, которые реально входят в содержание оперативно-розыскной деятельности, но не нуждаются в полном и исчерпывающем законодательном описании. Важно подчеркнуть, что речь не идет о признании законными любых действий, совершаемых по усмотрению оперативного сотрудника. Неурегулированность не равна произвольности, а отсутствие детальной законодательной формы не означает отмены конституционных ограничений, ведомственного контроля и судебной проверки. Напротив, признание наличия таких действий должно сопровождаться более четким разграничением между двумя группами средств. Первая группа – меры, непосредственно затрагивающие конституционно охраняемые сферы частной жизни, тайну связи, неприкосновенность жилища и иные фундаментальные права. Эти меры должны оставаться в закрытом перечне, иметь ясные основания, процедуры санкционирования и специальные гарантии. Вторая группа – действия, направленные на получение, собирание, проверку, сопоставление и анализ информации без самостоятельного интенсивного вторжения в частную сферу. Именно они не могут и не должны подвергаться чрезмерной законодательной детализации.

Технологизация правоприменения особенно убедительно подтверждает ограниченность традиционной модели. Достижения науки и техники уже сегодня влияют на сбор, фиксацию, оценку и юридическое использование информации. В научной литературе справедливо обращено внимание на то, что в правоприменительную деятельность постепенно входят новые технические средства обнаружения и фиксации следов, электронные формы документов, цифровые механизмы сопровождения квалификационной деятельности и иные инструменты, меняющие структуру юридической работы [4, с. 308–311]. Для оперативно-розыскной деятельности это озна-

чает не просто появление дополнительных устройств, а преобразование самого предмета поиска. Существенная часть сведений о подготовке и совершении преступлений сегодня существует в виде цифровых следов: сообщений, метаданных, публикаций в открытых каналах связи, электронных транзакций, геолокационных корреляций, паттернов поведения в информационной среде. Их получение нередко требует не проведения одного обособленного мероприятия, а применения целой последовательности действий: поиска, выборки, проверки источника, анализа достоверности, сопоставления с иными данными, экспертной интерпретации, дополнительной верификации.

Если следовать логике непрерывного расширения перечня оперативно-розыскных мероприятий, то законодатель должен был бы постоянно включать в закон все новые и новые формы действий: интернет-мониторинг, цифровую аналитику, поиск по открытым данным, автоматизированную обработку массивов сведений, использование алгоритмов интеллектуальной фильтрации и многое другое. Такой путь выглядит тупиковым. Во-первых, он разрушает принцип разумной устойчивости законодательства. Во-вторых, неизбежно отстает от технического прогресса: к моменту законодательного закрепления соответствующая технология уже изменяется. В-третьих, подобный подход создает иллюзию, что закон способен описать всю оперативную тактику, тогда как по своей природе она вариативна, ситуативна и зависит от множества факторов, которые заранее не поддаются исчерпывающему нормированию. В этом смысле правовое регулирование должно быть не всеобъемлющим, а селективным и принципиальным: оно обязано очерчивать пределы допустимого и закреплять гарантии, но не подменять собой профессиональную методику и тактику.

Сказанное не означает курс на деюридизацию оперативно-розыскной деятельности. Напротив, именно четкое понимание пределов юридикации позволяет сохранить баланс между эффективностью и правовой защищенностью личности. Право не должно уходить из оперативной сферы; оно должно занять в ней надлежащее место. Это место состоит не в фиксации каждого частного алгоритма, а в закреплении принципов, оснований, пределов вмешательства, правил подотчетности и механизмов последующей оценки полученной информации. Представляется, что в действующей модели чрезмерно срослись два разнородных вопроса: вопрос о правовой допустимости действий и вопрос о конкретной тактике их осуществления. Между тем допустимость следует связывать прежде всего с

характером вторжения в сферу охраняемых прав, с наличием законной цели, компетенцией субъекта и контролируемостью результата, а не с тем, как именно названа та или иная совокупность приемов.

С этих позиций целесообразно переосмыслить и саму внутреннюю структуру перечня оперативно-розыскных мероприятий. Не все мероприятия одинаковы по своему юридическому и организационному весу. Одни представляют собой сложные комплексные формы оперативной работы, сопряженные с существенными ограничениями прав и требующие жесткой нормативной конструкции. Другие же по существу являются лишь юридически обозначенными способами получения информации, которые вполне могли бы быть описаны не как самостоятельные мероприятия, а как полномочия оперативных подразделений. В литературе уже высказывалась мысль о том, что законодательное закрепление новых мероприятий не всегда является наилучшим ответом на потребности практики [2, с. 46–49]. Развивая этот подход, можно предположить, что часть ныне известных форм целесообразно трансформировать в более общие правовые полномочия: например, право получать объяснения, запрашивать справки, знакомиться с документами, использовать государственные и ведомственные информационные ресурсы в пределах компетенции. Тогда конкретный способ реализации таких полномочий не потребует самостоятельного включения в закрытый перечень мероприятий, но при этом останется юридически контролируемым.

Подобная модель позволяет устранить и ряд противоречий в оценке результатов оперативной деятельности. Если закон прямо признает, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется не только посредством мероприятий, но и посредством иных допустимых действий, тогда отпадает необходимость маскировать фактически совершенное действие под заранее известную форму. Это снизит уровень фиктивного документооборота и повысит честность правоприменения. Вместе с тем информация, полученная в результате иных действий, не должна автоматически приобретать доказательственное значение. Ее юридическая судьба должна определяться в установленном процессуальном порядке. Иначе говоря, оперативный уровень может служить пространством гибкого поиска и первичной проверки, однако окончательная оценка допустимости и относимости сведений должна принадлежать дознавателю, следователю, прокурору и суду в рамках уголовно-процессуальных механизмов. Такой подход позволяет избежать ложной альтернативы между

двумя крайностями: либо признавать допустимым все фактически добытое, либо объявлять юридически ничтожным все то, что не получило специального названия в законе.

Особого внимания заслуживает вопрос о границах использования цифровых технологий и алгоритмических систем в оперативно-розыскной деятельности. На современном этапе технологии выполняют по меньшей мере три функции. Первая - фиксационная: они позволяют более точно, полно и быстро закреплять сведения о событиях и действиях. Вторая - аналитическая: они обеспечивают обработку массивов данных, выявление скрытых связей и формирование ориентирующих выводов. Третья - организационная: они меняют форму документооборота, коммуникации и взаимодействия между субъектами правоприменения [4, с. 308–311]. Однако каждая из этих функций имеет правовые пределы. Техническая возможность анализа еще не тождественна юридической допустимости его использования. Использование искусственного интеллекта, программ распознавания, систем автоматизированного мониторинга должно рассматриваться не как самостоятельный источник правовой легитимности, а как вспомогательный инструмент, результаты которого подлежат последующей человеческой проверке, правовой интерпретации и, при необходимости, процессуальной трансформации. Иначе высок риск подмены юридического решения технологическим выводом, что противоречит самой природе правоприменения.

В этой связи доктринально продуктивным представляется отказ от восприятия оперативно-розыскной деятельности как совокупности только заранее названных действий и переход к более сложной, многоуровневой модели. На первом уровне находятся принципы и задачи, задающие допустимые цели деятельности. На втором - закрытый перечень мероприятий, связанных с наиболее интенсивным вмешательством в сферу прав личности и потому требующих максимальной законодательной определенности. На третьем - иные действия информационно-поискового, проверочного, аналитического и организационного характера, допустимость которых обеспечивается не их специальным поименованием, а соответствием закону, целям оперативно-розыскной деятельности, компетенции субъекта и контролируемости результата. Такая модель не разрушает систему, а делает ее более реалистичной. Она позволяет признать фактическую сложность оперативной практики и одновременно не утратить правовые ориентиры.

Законодательное развитие в данном направлении могло бы включать, во-первых, корректировку общей дефиниции оперативно-ро-

зыскной деятельности с указанием на возможность ее осуществления посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, направленных на решение установленных законом задач. Во-вторых, требуется нормативно закрепить критерии разграничения между мероприятиями и иными действиями. К числу таких критериев следует отнести степень вмешательства в конституционные права, необходимость судебного санкционирования, характер получаемой информации, форму ведомственного контроля и требования к документированию. В-третьих, представляется оправданным в самом законе либо в системно связанных с ним нормах предусмотреть общие гарантии использования достижений науки и техники в оперативной деятельности: проверяемость алгоритмических решений, сохранность цифровых следов, идентифицируемость источника данных, возможность последующего контроля за законностью применения технических средств. В-четвертых, следует устранить предпосылки для подмены фактически выполненных действий фиктивными формулами документирования, поскольку такая практика компрометирует и доказательственную ценность сведений, и доверие к правоприменению в целом.

Научная новизна такого подхода состоит не в отрицании значения оперативно-розыскных мероприятий, а в уточнении их места в общей системе оперативно-розыскной деятельности. Мероприятия должны рассматриваться как важнейшая, но не единственная правовая форма получения оперативно значимой информации. Иные действия не находятся вне права; они просто требуют иного типа юридического охвата - не тотальной детализации, а принципиального разрешения и последующей контролируемости. Подобное понимание позволяет снять искусственное противопоставление законности и эффективности. Законность здесь достигается не путем консервации устаревших форм, а путем разумного нормативного признания тех реальных способов работы, без которых современная борьба с преступностью невозможна. Эффективность, в свою очередь, обеспечивается не произвольным расширением полномочий, а сохранением профессиональной инициативы внутри четко обозначенных правовых рамок.

В заключение следует отметить, что дальнейшее развитие оперативно-розыскного законодательства должно исходить из простой, но принципиально важной идеи: не всякое действие, входящее в содержание оперативно-розыскной деятельности, обязано быть выделено в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия, однако всякое действие, способное повлиять на права личности или на последующую доказательственную перспективу полученных

сведений, должно находиться в поле права. Отождествление оперативно-розыскной деятельности с закрытым перечнем мероприятий уже не соответствует ни современному уровню криминальных угроз, ни состоянию технологий, ни фактической практике правоприменения. Научно и практически обоснованным является дифференцированный подход, при котором жесткая правовая форма сохраняется для наиболее чувствительных мер вмешательства, а иные действия признаются допустимыми элементами оперативно-розыскной деятельности при условии соблюдения принципов законности, соразмерности, контролируемости и последующей процессуальной оценки результатов. Такой подход позволяет одновременно снизить бюрократическую деформацию оперативной работы, повысить качество правовой определенности и создать более адекватную нормативную модель использования достижений науки и техники в борьбе с преступностью.

Список литературы:

- [1] Аتماжитов В. М. О сущности и правовой основе оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник материалов Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 3 ноября 2011 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб. : ИД «Петрополис», 2012. С. 69–86.
- [2] Введенский А. Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий — не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Российский следователь. 2014. № 5. С. 46–49.
- [3] Омелин В. Н. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных смежных оперативно-розыскных действий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 9–12.
- [4] Плетников В. С., Плетникова М. С. Достижения науки и техники в процессе правоприменения: проблемы и перспективы внедрения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 308–311.
- [5] Россинский С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74–82.
- [6] Стельмах В. Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88–97.
- [7] Юртаева Е. А. Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3. С. 4–31.

[8] Румянцев Н. В., Агарков А. В. Философское содержание понятия оперативно-розыскного мероприятия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 5. С. 8–10.

References:

[1] Atmazhitov V.M. On the essence and legal basis of operational-search activities (scientific report) // Constitutional-legal problems of operational-search activities: collection of materials of the All-Russian round table, St. Petersburg, November 3, 2011/comp. K. B. Kalinovsky. St. Petersburg: Publishing House "Petropolis," 2012. S. 69-86.

[2] Vvedensky A. Yu. Legislative consolidation of new operational-search measures is not a necessity, but a reality dictated by practice // Russian investigator. 2014. № 5. S. 46-49.

[3] Omelin V.N. Ratio of operational-search measures and other related operational-search actions // Criminal executive system: law, economics, management. 2016. № 6. S. 9-12.

[4] Pletnikov V. S., Pletnikova M. S. Achievements of science and technology in the process of law enforcement: problems and prospects of implementation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. T. 31, NO. 3 (98). S. 308-311.

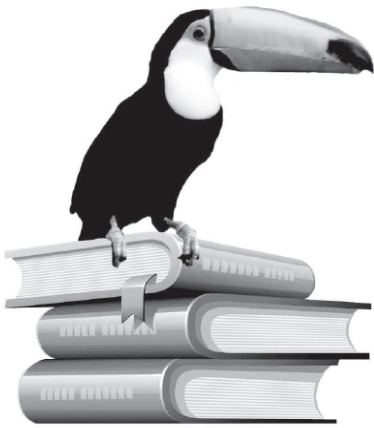
[5] Rossinsky S. B. Once again about the concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion is not over ... // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. № 1. S. 74-82.

[6] Stelmakh V. Yu. Concept and hallmarks of investigative actions // Russian Law Journal. 2014. № 2. S. 88-97.

[7] Yurtaeva E.A. Definitions of concepts in acts of Russian legislation: pro et contra // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17, NO. 3. S. 4-31.

[8] Rumyantsev N.V., Agarkov A.V. Philosophical content of the concept of an operational-search event // Criminal executive system: law, economics, management. 2019. № 5. S. 8-10.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ПОНЯТИЕ И СТИЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье речь идет о педагогическом общении и его стилях, о сочетании этих стилей в той или иной пропорции. Исследования в области педагогической психологии показывают, что значительная часть педагогических трудностей обусловлена деформацией сферы профессионально-педагогического общения.

Ключевые слова: педагогическое общение, стили педагогического общения, учащийся, педагог, процесс, воспитание, взаимодействие, коммуникации.

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

THE CONCEPT AND STYLES OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION

Annotation. The article deals with pedagogical communication and its styles, and the combination of these styles in a certain proportion. Research in the field of pedagogical psychology shows that a significant part of pedagogical difficulties is caused by the deformation of the sphere of professional and pedagogical communication.

Key words: pedagogical communication, styles of pedagogical communication, student, teacher, process, education, interaction, communications.

Существует многообразие определений понятия «педагогическое общение». Представим некоторые из них. В Википедии оно звучит так:

Педагогическое общение — профессиональное общение преподавателя с учащимися в целостном педагогическом процессе, развивающееся в двух направлениях: организация отношений с учащимися и управление общением в детском коллективе.

Педагогическое общение — это многоплановый процесс организации, установления и развития коммуникации, взаимопонимания и взаимодействия между педагогами и учащимися, порождаемый целями и содержанием их совместной деятельности.

Педагогическое общение — специфическая форма общения, имеющая свои особенности, и в то же время подчиняющаяся общим психологическим закономерностям, присущим общению

как форме взаимодействия человека с другими людьми, включающей коммуникативный, интерактивный и перцептивный компоненты; совокупность средств и методов, обеспечивающих реализацию целей и задач воспитания и обучения и определяющих характер взаимодействия педагога и учащихся.

Некоторые особенности педагогического общения:

- Одновременно выполняет обучающую и воспитывающую функции.
- Может происходить в форме сотрудничества, соперничества, конфликта и даже конфронтации.
- Ведущая роль принадлежит педагогу: он определяет педагогические задачи и ищет пути их решения для организации продуктивного общения с воспитуемыми.

Стиль педагогического общения обусловлен отношением педагога к учащимся, а также

личными качествами и коммуникативной ситуацией, в которой происходит взаимодействие.

Некоторые факторы, которые влияют на формирование стиля:

- Личностные характеристики педагога. Например, рефлексивность, толерантность к неопределённости, ответственность, самоэффективность, вера в возможность развития интеллекта, профессиональная мотивация.
- Социально-психологические особенности учащихся (пол, возраст, интересы, потребности).
- Стадия формирования коллектива воспитанников.
- Занимаемая педагогом должность.

Многообразие и сложность отношений между педагогом и воспитанниками, характерные для педагогической деятельности, требуют высокой вариативности стилей — педагог должен уметь мобильно изменять стиль взаимоотношений в зависимости от конкретных обстоятельств.

Методы развития

Для эффективного педагогического общения педагогу необходимо развивать коммуникативные умения. Некоторые методы:

- Методы «обмена опытом» — тренинги, семинары, мастер-классы, конференции, круглые столы, где педагоги обсуждают формы работы с детьми, а затем каждый применяет их на практике.
- Методы «обратной связи» — задавание педагогом открытых вопросов на уроке, анонимное анкетирование, случайный опрос сразу после урока. Позволяют узнать педагогу свои сильные и слабые стороны, уточнить у слушателей, чего именно не хватает.
- Методы «саморазвития» — изучение литературы, развивающей общение, просмотр обучающих видео, прохождение электронных курсов, тренировка перед зеркалом и другие.
- Методы «экспертной оценки» — методы диктофонной записи, видеозаписи ведения урока, а также привлечение наблюдателей-экспертов в процессе ведения урока. Помогают педагогу со стороны увидеть коммуникативный процесс ведения урока, определить зоны развития, а порой и существенные ошибки.

Исследования в области педагогической психологии показывают, что значительная часть педагогических трудностей обусловлена не столько недостатками научной и методической подготовки преподавателей, сколько деформацией сферы профессионально-педагогического общения.

Будет ли педагогическое общение оптимальным, зависит от педагога, от уровня его педагогического мастерства и коммуникативной культуры. Для установления положительных взаимоотношений необходимо проявлять доброжелательность и уважение к каждому из участников учебного процесса, быть сопричастным к победам и поражениям, успехам и ошибкам обучающихся, сопереживать им.

Достижение положительного результата общения и взаимодействия связано с накоплением и правильным обобщением информации друг о друге, зависит от уровня развития коммуникативных умений педагога, его способности к эмпатии и рефлексии, к наблюдательности, «сенсорной остроте», установлению «раппорта» и умению учитывать репрезентативную систему собеседника, зависит от умения слушать, понимать учащегося, воздействовать на него посредством убеждения, внушения, эмоционального заражения, изменения стилей и позиций общения, умения преодолевать манипуляции и конфликты. Важную роль играют психолого-педагогическая компетентность преподавателя в области психологических особенностей и закономерностей общения, взаимодействия.

Можно выделить шесть основных стилей руководства преподавателем учащихся:

- авторитарный (самовластный стиль руководства), когда преподаватель осуществляет единоличное управление коллективом студентов, не позволяя им высказывать свои взгляды и критические замечания, педагог последовательно предъявляет к учащимся требования и осуществляет жесткий контроль за их исполнением;
- авторитарный (властный) стиль руководства допускает возможность для студентов участвовать в обсуждении вопросов учебной или коллективной жизни, но решение в конечном счете принимает преподаватель в соответствии со своими установками;
- демократический стиль предполагает внимание и учет преподавателем мнений учащихся, он стремится понять их, убедить, а не приказывать, ведет диалогическое общение на равных;
- игнорирующий стиль характеризуется тем, что преподаватель стремится как можно меньше вмешиваться в жизнедеятельность учащихся, практически устраняется от руководства ими, ограничиваясь формальным выполнением обязанностей передачи учебной и административной информации;
- попустительский, конформный стиль проявляется в том случае, когда преподаватель устраняется от руководства группой учащихся либо идет на поводу их желаний;

- непоследовательный, алогичный стиль – преподаватель в зависимости от внешних обстоятельств и собственного эмоционального состояния осуществляет любой из названных стилей руководства, что ведет к дезорганизации и ситуативности системы взаимоотношений преподавателя со студентами, к появлению конфликтных ситуаций.

Известный психолог В.А. Кан-Калик выделял следующие стили педагогического общения:

1. Общение на основе высоких профессиональных установок педагога, его отношения к педагогической деятельности в целом. О таких говорят: «За ним дети буквально по пятам ходят!»
2. Общение на основе дружеского расположения. Оно предполагает увлеченность общим делом. Педагог выполняет роль наставника, старшего товарища, участника совместной учебной деятельности. Однако при этом следует избегать панибратства. Особенно это касается молодых педагогов, не желающих попасть в конфликтные ситуации.
3. Общение-дистанция относится к самым распространенным типам педагогического общения. В этом случае во взаимоотношениях постоянно прослеживается дистанция во всех сферах, в обучении, со ссылкой на авторитет и профессионализм, в воспитании со ссылкой на жизненный опыт и возраст. Такой стиль формирует отношение «учитель – ученики». Но это не означает, что ученики должны воспринимать учителя как сверстника.
4. Общение-устрашение - негативная форма общения, антигуманная, вскрывающая педагогическую несостоятельность прибегающего к нему преподавателя.
5. Общение-заигрывание - характерно для молодых преподавателей, стремящихся к популярности. Такое общение обеспечивает лишь ложный, дешевый авторитет.

Чаще всего в педагогической практике наблюдается сочетание стилей в той или иной пропорции, когда доминирует один из них.

Список литературы:

- [1] Андреева С.Г., Горская Т.А. Психологические основы управления персоналом. СПб, 1997.
- [2] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.
- [3] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в

рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктурах образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 374-379.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[11] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[12] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.

[13] Блэк С. Введение в публич рилейшнз. Ростов-на-Дону, 1998.

- [14] Борисов Б.Л. Реклама и PR. Алхимия власти. Рига, 1997.
- [15] Василик М.А., Вершинин М.С., Козырева Л.Д. Паблик рилейшнз в России: организации и документы. СПб, 2000.
- [16] Викентьев И.Л. Приемы рекламы и Public relations. Ч. 1. СПб, 1998.
- [17] Власть и общественность: социальные аспекты взаимодействия / Ред. О.Н. Савинова, Нижний Новгород, 1997.
- [18] Гневко В.А., Яковлев И.П. Менеджмент: Социально-гуманитарное измерение. СПб, 1996.
- [19] Голубкова Е.Н. Маркетинговые коммуникации. М., 2000.
- [20] Ю.Денис Э., Мэрил Дж. Беседы о масс-медиа. М., 1997.
- [21] Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз. М., Киев, 2000.
- [22] Моисеев В.А. Паблик рилейшнз: теория и практика. М., Киев, 1999.

References:

- [1] Andreeva S.G., Gorskaya T.A. Psychological fundamentals of personnel management. St. Petersburg, 1997.
- [2] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.
- [3] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.
- [4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S. 45-51.
- [5] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.
- [6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.
- [7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.
- [8] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.
- [9] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.
- [10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.
- [11] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.
- [12] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.
- [13] Black S. Introduction to Public Rileishns. Rostov-on-Don, 1998.
- [14] Borisov B.L. Advertising and PR. Alchemy of power. Riga, 1997.
- [15] Vasilik MA, Vershinin MS, Kozyreva LD Public Relations in Russia: organizations and documents. St. Petersburg, 2000.
- [16] Vikentiev I.L. Advertising techniques and Public relations. PART 1. St. Petersburg, 1998.
- [17] Power and the public: social aspects of interaction/Ed. O.N. Savinova, Nizhny Novgorod, 1997.
- [18] Gnevko V.A., Yakovlev I.P. Management: Social and humanitarian dimension. St. Petersburg, 1996.
- [19] E.N. Golubkova Marketing Communications. M., 2000.
- [20] Y. Denis E., Meryl J. Conversations about mass media. M., 1997.
- [21] Korolko V.G. Fundamentals of public rileishns. M., Kyiv, 2000.
- [22] Moiseev V.A. Public relations: theory and practice. M., Kyiv, 1999.

АЛЬБОРОВА Нурсан Башировна,
аспирант 4 года обучения факультета
возрастной психологии ЗФО КБГУ ПП и ФСО,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ - БЕЗБАРЬЕРНАЯ СРЕДА ДЛЯ АДАПТАЦИИ

Аннотация. Важнейшим ключевым аспектом в современной педагогической науке является инклюзивное обучение. Автор исследования акцентирует внимание на том, что без правильно выстроенной коммуникации сама инклюзия (совместное обучение детей с разными образовательными потребностями) превращается в формальное нахождение в одном помещении и формулирует существующие сложности и барьеры.

Если проблематика физической среды - это пандусы и т.д., то в инклюзивной как правило барьер коммуникативный. В заключение делается вывод о том, что основополагающей идеей инклюзии, вернее ее успешности можно считать возможность личности активно взаимодействовать, обмениваться смыслами в доступной для каждого форме.

Ключевые слова: образование, развитие, коммуникация, тьюторы, коммуникативная среда, индивидуальный подход, социализация, инклюзивное обучение.

ALBOROVA Nursan Bashirovna,
Fourth-year postgraduate student Faculty
of Developmental Psychology ZFO KBSU PP and FSO

INCLUSIVE EDUCATION - A BARRIER-FREE ENVIRONMENT FOR ADAPTATION

Annotation. Inclusive education is a crucial key aspect in modern pedagogical science. The author of the study emphasizes that without properly structured communication, inclusion itself (the joint education of children with different educational needs) becomes a formality of being in the same room and highlights existing difficulties and barriers. While the physical environment is problematic, such as ramps, in an inclusive environment the barrier is typically communication. The conclusion is that the fundamental idea of inclusion, or rather its success, is the ability of individuals to actively interact and exchange meanings in a form accessible to everyone.

Key words: education, development, communication, tutors, communication environment, individual approach, socialization, inclusive education.

Инклюзивное обучение в России - это совместное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и нормотипичных сверстников в обычных школах, гарантированное законом № 273-ФЗ. Оно обеспечивает право на образование, создает безбарьерную среду, требует адаптации программ (АОП) и психологического сопровождения. Система включает тьюторов, адаптированные материалы и индивидуальный подход, направленный на социализацию [1].

Реформы в сфере образования невозможны без решения главной проблемы - подготовки педагога нового типа. Современной шко-

лой востребован педагог-универсал, способный на уровне основного образования выстраивать комплексную картину мира, давать интегрированное знание, ориентируясь при этом на ученика как на уникальную, неповторимую личность, которую нужно не столько учить по образцу, стандарту, стереотипам, сколько «сопровождать» в интеллектуальном и личностном становлении, развитии [2].

В современном образовании нашли отражение новые требования, обусловленные вызовами эпохи. Новая парадигма образования требует раскрытия, формирования, развития и актуализации неповторимой индивидуализации лич-

ности обучающегося, что связано с инновационными направлениями в развитии образования [3].

Рассматривая коммуникативный аспект как основополагающий в инклюзивном обучении следует учитывать, что ребенок с особенностями (РАС) плохо распознает вербальные сигналы

педагога, ребенок с ограничениями по слуху имеет возможности распознать сигналы в рамках любого общения (аудиальные сигналы), ребенок с интеллектуальными отклонениями не готов к формированию адекватных вопросов, а нейротипичные дети не имеют навыка взаимодействия с собеседником.

Тип барьера	Проявление	Риск
Языковой	Учитель использует сложные абстрактные понятия. Ребенок с ЗПР не успевает декодировать речь.	Потеря смысла урока, исключение ученика из процесса.
Невербальный	Ребенок с ДЦП имеет непроизвольные движения (тики). Учитель воспринимает это как вызов или скуку.	Ложное обвинение в плохом поведении.
Социально-перцептивный	Одноклассники избегают ребенка с СДВГ, так как он «всегда перебивает и лезет обниматься».	Изоляция, буллинг, отсутствие дружбы.
Технический	Отсутствие средств АДК (альтернативной коммуникации). У неговорящего ребенка нет карточек или планшета, чтобы ответить.	Полное молчание ребенка на уроке.

В этой связи считаем необходимым охарактеризовать виды коммуникативных барьеров в коммуникации:

В свою очередь в инклюзивной среде модель коммуникации будет выглядеть следующим образом:

- в первую очередь, основу эффективного контакта составляет формула «педагог + ученик = соратники»;
- во вторую, обучающий и обучаемый в непрерывном визуальном контакте и с непрерывной проверкой понимания (как минимум кивок головой);

Необходимо так же обозначить модель коммуникации в инклюзивном классе, а также ключевые коммуникативные компетенции обучающего специалиста:

- Адаптация речи, использование визуального расписания, проверка понимания;
- Моделирование инклюзивной речи;
- Обучение сверстников навыкам поддержки (скаффолдинг) без гиперопеки;
- Единый коммуникативный код (ежедневный дневник связи, чат с правилами).

Необходим фокус на том, что самым мощным коммуникативным ресурсом для обучаемого в данных условиях является непосредственный контакт с одноклассниками. Тут работает механизм обученности и готовности одноклассников к взаимодействию и их в свою очередь необходимо обучить их, как правило:

- как поздороваться с ребенком, который не говорит (помахать рукой, дотронуться до его плеча);
- как звать в игру (протянуть карточку с игрой);
- как попросить ребенка с ответить (не задавать открытый вопрос «Что ты думаешь?», а сказать «Покажи пальцем»);
- говорить коротко, конкретно, подкреплять жестом/картинкой;
- умение «держат паузу»: детям с трудностями обработки информации нужно в 2–3 раза больше времени на ответ;
- чтение невербальных сигналов: распознавание скрытой усталости, сенсорной перегрузки или тревоги у ребенка, который не может сказать об этом словами;
- использование АДК: Базовое владение жестовым языком, PECS (карточки), коммуникативными планшетами.

Еще одним фактором успешной коммуникации является делегирование активной деятельности, не выполняйте за него работу, которая ему под силу, дайте возможность реализации возможностей.

В заключение систематизируем основные коммуникативные ошибки в рамках инклюзивного образования. Не следует уходить в эффект монолога: обучаемый не должен большую часть процесса говорить сам, отведите половину времени на действия и диалог обучаемого. Еще одна

ошибка, речь носящая характер «гиперопеки» (умница, вот так, правильно, молодец, что просто сидишь и т.д.) не следует обесценивать труды и старания ребенка, иначе он не научится понимать.

Коммуникация возможна всегда. Если ребенок не говорит - то не значит, что ему, нечего сказать. Если он не смотрит - то не значит, что он не слушает. Инклюзивная коммуникация требует от педагога особой гибкости, веры в способности к диалогу, технологичности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) / 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ.

[2] Педагогическое образование в университете: контекстно-биографический подход / Под ред. А. Л. Гаврикова, М. Н. Певзнера; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. - 300 с.

[3] Федоров М.П., Петрова С.М., Николаева А. Д./ Педагогическое образование в СВФУ: современное состояние и перспективы // Вестник СВФУ. 2013. №5.

[4] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Коммуникативная способность и профессионализм. Академическая наука. 2025. № 3. С. 96-98.

References:

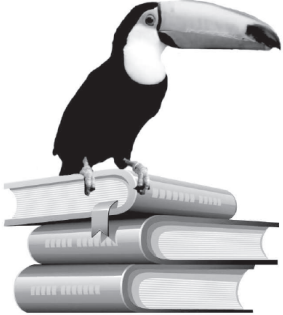
[1] Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ (latest edition) /December 29, 2012 N 273-FZ.

[2] Pedagogical education at the university: context-biographical approach/Ed. A. L. Gavrikova, M. N. Pevzner; NovSU named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod, 2001. - 300 s.

[3] Fedorov M.P., Petrova S.M., Nikolaeva A.D./ Pedagogical education at NEFU: current state and prospects//Bulletin of NEFU. 2013. №5.

[4] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. Communication ability and professionalism. Academic science. 2025. № 3. S. 96-98.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БУГАШЕВ С.И.,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и культурологии
Санкт-Петербургского государственного
морского технического университета,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: aaa555580@inbox.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОГО ВУЗОВСКОГО КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «КОРАБЕЛКА» (СПБГМТУ)

Аннотация. В статье рассмотрены различные методические приемы, используемые при проведении семинарских занятий со студентами Санкт-Петербургского государственного морского университета «Корабелка» (СПБГМТУ) по учебной дисциплине «Основы российской государственности».

Ключевые слова: вузы, гуманитарные науки, «Основы российской государственности», методика преподавания.

BUGASHEV S.I.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of History and Cultural Studies
of the St. State Marine Technical University,
St. Petersburg, Russia

ON THE ISSUE OF TEACHING METHODS FOR THE NEW UNIVERSITY COURSE “FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD” USING THE EXAMPLE OF THE ST. PETERSBURG STATE MARITIME UNIVERSITY “KORABELKA” (SPBGMTU)

Annotation. The article examines various methodological techniques used in conducting seminars with students of the St. Petersburg State Maritime University “Korabelka” (SPBGMTU) on the academic discipline “Fundamentals of Russian Statehood”.

Key words: universities, humanities, “Fundamentals of Russian Statehood”, teaching methods.

В текущем 2025-2026 учебном году в абсолютном большинстве вузов РФ, как гуманитарного, так и негуманитарного профиля, продолжается преподавание относительно нового общественного курса «Основы российской государственности» (далее - «ОРГ»). [1, с. 26]. Реализация курса предполагает последовательное освоение студентами знаний, представлений, научных концепций, а также исторических, культурологических, социологических и иных данных, связанных с проблематикой развития российской цивилизации и ее государственности в исторической ретроспективе и в условиях актуальных вызовов политической, экономической, технологической и иной природы. [2, с.6]. Большую актуаль-

ность имеет осмысление методик преподавания ОРГ. В целом практика преподавания курса «Основы российской государственности» ориентирована на формирование у студентов гражданской идентичности, патриотизма и понимания уникальности исторического пути России. Мы живем в очень сложное и переломное время, «масштаб современных глобальных проблем вызывает тревогу, но горизонт возможностей открывает дорогу для воодушевления и энтузиазма». [3, с. 8]. Рассмотрим несколько сценариев семинарских занятий в учебных группах СПБГМТУ.

Большой популярностью в студенческой среде пользуется форма студенческих докладов

по общей теме «Моя малая Родина». Данная проблема особенно хорошо вписывается в первый раздел курса ОРГ, посвященный географии России. Студенты самостоятельно выбирают населенный пункт, иногда это крупный город, иногда небольшой. Достаточно часто студент решает рассказать о целом регионе, например, Карелия, Бурятия, Камчатка. Уже определение локации представляет для студента известный интеллектуальный поиск. Доклад имеет костяк вопросов, необходимых для изложения: история, современность, экономика, культура, известные персоналии. Группы, как правило, состоят из студентов, представляющих самые разнообразные и отдаленные регионы России, ближнего, порой, и дальнего зарубежья. Таким образом, даже в небольших по численности коллективах получается большой охват локаций. Доклады, как правило, носят личностный характер, что превращает выступление в живой эмоциональный рассказ. Повествование сопровождается обязательной презентацией. Визуальный ряд, создаваемый автором доклада, представляет особый интерес, так как является результатом отдельного поиска. Подобная форма изучения материала не только креативна и познавательна, но и эффективно развивает исследовательские навыки студентов. Каждый доклад-презентация вызывает большое количество вопросов, иногда происходит дискуссия. «Опыт преподавания показывает, что многие студенты-первокурсники активно привлекают знания, полученные еще в рамках средней школы». [3, с.20]. Безусловно, подобная методика способствует представлению истории России в её непрерывном цивилизационном измерении, помогает отразить наиболее значимые особенности, принципы и актуальные ориентиры нашей Родины. Данная форма изучения материала ориентирует студента на плодотворное усвоение материала и вызывает искренний интерес к предмету.

Другой методический прием, активно используемый в курсе ОРГ, называется «кулинарный квест». Каждый учащийся получает задание в течение 5-10 минут подготовить рассказ о местной кухне, локальных продуктах и кулинарных традициях. Поскольку студенческие коллективы представляют самые разные регионы России, а также зарубежных государств, как правило, получается увлекательный гастрономический тур. Многие студенты совершают в ходе поиска материала неожиданные для себя открытия. Рецепты и названия оригинальных блюд и продуктов, характерные для разных местностей, порой бывают для них совершенно неизвестны. Каждый учащийся выступает с коротким сообщением, и обсуждение кулинарной темы превращается в полноценный культурологический анализ

отдельных регионов. История возникновения и развития разнообразных кулинарных рецептов и традиций неизбежно выводит на более глубокие ценностные обобщения. Подобный гастротур, как нельзя лучше иллюстрирует национальное разнообразие и этническое богатство России. Таким образом, «кулинарный квест» является весьма эффективной методикой изучения темы «этническое разнообразие России».

Еще одна методическая форма – доклады по общей теме «Великие русские и советские ученые». Каждый студент выбирает своего героя и в течение 10-15 минут готовит короткий рассказ о биографии и основных научных достижениях. Как правило, ограничений в научных специальностях и направлениях не делается. Первый этап задания заключается в выборе персоналии, что уже представляет определенное исследовательское действие. Каждый называет своего героя и далее начинает искать материал. «В педагогической литературе справедливо указывается на значение навыка сфокусированной когнитивной работы для осмысления содержания текста» [4, с. 124]. Так как время выступления ограничено, студент должен вычленив главные вехи биографии и четко отразить вклад конкретного ученого в науку. Это бывает достаточно сложно, так как выбирают студенты представителей очень разных наук, как естественных, так и гуманитарных. Цель методического приема не только в том, чтобы показать величие отечественной науки и ее почетное место на международном уровне, но еще и в том, чтобы в ограниченное время, 3-5 минут, суметь создать полноценный образ своего героя. Разнообразие избранных персонажей обычно впечатляет. Таким образом, в результате выступлений учащихся формируются внушительная галерея выдающихся представителей русской науки разных эпох. Этот методический прием особенно полезен для формирования чувства патриотизма.

Следующая методическая форма, уместная для семинарских занятий, – «командная дискуссия». Первый этап – выбор темы. Обычно, это достаточно сложный процесс, требующий тщательного обсуждения с учебной группой. Идеальный вариант, когда тему предлагают сами студенты. Однако, такой вариант развития событий бывает на практике нечасто, хотя также случается. Сложность выбора заключается, прежде всего, в том, что формулировка должна быть с одной стороны, дискуссионная, а с другой стороны, доступна и понятна для аудитории. Иногда приходится проводить голосование, чтобы понять наличие разных позиций. Особенно важно, чтобы проблема, выносимая на дискуссию, имела серьезное историческое, политическое или философское значение для нашей страны. Сту-

денческая группа также должна быть явно поляризована, наличие противоположных позиций – залог удачного и продуктивного диспута.

Когда тема определена, группу следует поделить на две команды, выбор делают участники самостоятельно и осознанно. Если проблема понятна, то обычно команды формируются просто. Далее в каждой из сторон диспута необходимо определить основного и, желательно, вспомогательного спикера. Это, как правило, самые подготовленные и активные студенты в группе. Следующий этап – самый важный, подготовка позиций сторон, выработка общей линии и подбор аргументов. Целесообразно, разбить команды на несколько частей по 3-4 человека для коллективной «мозговой атаки». Подготовка аргументации может проводиться как на семинаре в течение первого часа, но допустим вариант домашнего задания. После проработки доводов в группах необходимо свести их в общую позицию, как правило, это делают спикеры. Кроме того, важная часть «мозговой атаки» – разработка вопросов для противоположного лагеря дискуссии и для своего спикера, чтобы усилить аргументацию своей точки зрения. Вопросы задают представители каждой из команд.

Важный этап формирования состава жюри. Стандартная схема три человека, по одному представителю от сторон и третий, сам преподаватель. Членов жюри следуют выбирать из числа авторитетных и наиболее подготовленных студентов. Чистота итогового решения, во многом определяет успех дискуссии. Необходимо заранее провести инструктаж с членами жюри и четко определить критерии оценок. Задача жюри заключается не только в том, чтобы определить победителя, но и в том, чтобы ясно обосновать свой выбор.

Сама дискуссия занимает, как правило, половину семинарского занятия. Вначале следует провести жеребьевку и определить очередность сторон. Спикеры выступают с общим изложением доводов в пользу своей позиции. Далее следуют вопросы сторон и возможны реплики со стороны каждой из команд. Дискуссия, порой, бывает очень жаркой, преподаватель, являясь модератором диспута, должен следить за градусом спора и при необходимости «остужать» состязание. Когда дебаты закончены, в дело вступает жюри. Спор между членами жюри вероятен, но преподаватель имеет право решающего голоса. При подведении итогов обязательно должен высказаться каждый член жюри и подробно обосновать свою оценку. Итоговый результат оглашает преподаватель. Как правило, такая форма семинара вызывает у студентов сильный эмоциональный подъем и является хорошим спо-

собом закрепления материала курса. В качестве примера темы дискуссии можно обозначить следующую проблему «Глобализация: за и против». Наиболее активные участники дискуссии обязательно должны получить оценки и бонусы к зачету.

Еще один вид занятия заключается в подготовке коротких сообщений по общей теме «Русские и советские военачальники». Каждый студент сначала выбирает своего героя, а далее в течение 5-10 минут делает короткое сообщение-презентацию. Хронологически выбор персоналии может быть из любой исторической эпохи. Обычно в студенческих группах возникает целая галерея выдающихся отечественных полководцев. Подготовка сообщения помогает развивать навык работы с источниками и служит хорошим средством междисциплинарных связей. Вузская дисциплина «отечественная история» является фундаментом курса ОРГ. Указанный методический прием позволяет активировать исторические знания студента в целях рассмотрения темы «Герои России». Каждый студент выступает с сообщением и презентацией, что означает вовлеченность в учебный процесс всей группы. Методика коротких докладов, которые учащиеся готовят в ходе семинарского занятия, эффективна, прежде всего, полным охватом группы. Каждый учащийся выполняет индивидуальное задание и сразу выступает, что не позволяет «расслабиться», и делает занятие более динамичным и насыщенным. После выступления всех бывает нелишним предложить самим студентам определить лучшие сообщения. Процесс выявления лидера также часто выливается в полезную дискуссию и помогает оттачивать ораторские и полемические навыки студентов. Безусловно, лучшие выступления необходимо поощрить оценкой или баллом.

Использование разнообразных методических приемов в ходе семинаров по дисциплине ОРГ помогает сделать занятия живыми и эмоционально окрашенными, а также способствует лучшему усвоению учебного материала.

Список литературы:

[1] Бугашев С.И. «Основы российской государственности» - новый вузовский курс. (Первые впечатления). // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. К 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е.Р. Дашковой. Материалы VI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. Т. 1.

[2] Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдаса-

рян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 212 с.: илл. — ISBN 978-5-85006-520-1

[3] Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / рук. проекта А.А.Ларионов (иеромонах Родион), науч. ред. П.Ю.Уваров, ред. О.А. Чагадаева /Авт. колл.: А. П.Шевырёв, В.В.Лапин, С.В.Рогачёв, А.В.Туторский, П.Ю.Уваров, А.А.Ларионов (иеромонах Родион), В. С.Еремин, Н.Ю. Пивоваров, О.А.Ефремов, Е. А. Маковецкий, Е. А. Овчинникова, Д. А. Андреев, В. В. Булатов, О. А. Чагадаева. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 432 с. — ISBN 978-5-85006-519-5

[4] Никитин, А. Ф. Курс «Основы российской государственности» в высшей школе: проблемы и перспективы / А. Ф. Никитин // Педагогический дизайн в образовании: Периодический сборник научных и методических материалов студентов, магистрантов и преподавателей. Т. 8 – Москва : ООО Издательский дом «Научная Библиотека», 2023. – С. 16-23.

[5] Ромащенко А.Р. О формировании навыков смыслового чтения // Педагогика. – 2024. – Т. 88, № 10. – С. 123-128.

References:

[1] Bugashev S.I. “Fundamentals of Russian statehood” - a new university course. (First impressions) ./Humanities in a modern university: yester-

day, today, tomorrow. To the 280th anniversary of the birth of the Russian enlightener Princess E.R. Dashkova. Materials of the VI International Scientific Conference, St. Petersburg, December 15, 2023. VOL. 1.

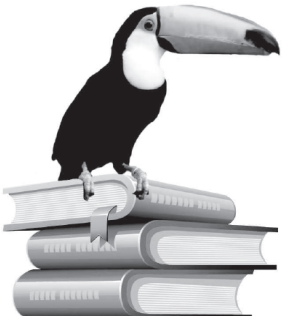
[2] Fundamentals of Russian statehood: educational and methodological complex in discipline for educational organizations of higher education/V. M. Marasanov, V. E. Baghdasaryan, Yu. Yu. Jerusalem, L. G. Titova, S. A. Kudrin. - Moscow: Publishing house “Delo” RANEPa, 2023. - 212 p.: Ill. — ISBN 978-5-85006-520-1

[3] Fundamentals of Russian statehood: a textbook for students of natural science and engineering specialties/hands. project A.A. Larionov (hieromonk Rodion), scientific. ed. P.Yu.Uvarov, ed. O.A. Chagadaeva/Auth. call: A. P. Shevyrev, V. V. Lapin, S. V. Rogachev, A. V. Tutorsky, P. Yu. Uvarov, A. A. Larionov (hieromonk Rodion), V. S. Eremin, N. Yu. Pivovarov, O.A. Efremov, E.A. Makovetsky, E.A. Ovchinnikova, D.A. Andreev, V.V. Bulatov, O.A. Chagadaeva. - Moscow: Publishing house “Delo” RANEPa, 2023. - 432 p. - ISBN 978-5-85006-519-5

[4] Nikitin, A.F. Course “Fundamentals of Russian statehood” in higher education: problems and prospects/A.F. Nikitin//Pedagogical design in education: A periodic collection of scientific and methodological materials of students, undergraduates and teachers. T. 8 - Moscow: Scientific Library Publishing House LLC, 2023. - S. 16-23.

[5] Romashchenko A.R. On the formation of semantic reading skills//Pedagogy. – 2024. – T. 88, NO. 10. – S. 123-128.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЧЕПУРНЫХ Наталия Камировна,
доцент кафедры судебно-экспертной деятельности
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат технических наук, доцент,
e-mail: leonata3@yandex.ru

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ В ПОДГОТОВКЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности межпредметных связей дисциплин различных блоков учебного плана подготовки специалистов в области судебной экспертизы.

Автором предпринимаются попытки объяснить необходимость учитывать специфику преподавания общеинженерных дисциплин в вузах системы Министерства внутренних дел при подготовке будущих судебных экспертов.

В статье подчёркивается необходимость избегать повтора изучаемого материала при преподавании таких учебных дисциплин как «Материаловедение» и «Судебная экспертиза веществ, материалов и изделий». При этом указывается на тесную связь этих дисциплин и необходимость использования разных подходов в выборе материала для изучения.

Автором на примерах показано, как в настоящее время в Восточно-Сибирском институте МВД России осуществляются межпредметные связи дисциплин базовой части учебного плана специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, направленность подготовки инженерно-технические экспертизы.

Ключевые слова: межпредметные связи, «Материаловедение», «Судебная экспертиза веществ, материалов и изделий», инженерно-технические экспертизы.

CHEPURYKH Natalia Kamirovna,
Associate Professor of the Department of Forensic Expertise
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS IN THE TRAINING OF FORENSIC EXPERTS USING THE EXAMPLE OF ENGINEERING DISCIPLINES

Annotation. The article examines the features of interdisciplinary relations between disciplines of various blocks of the curriculum for training specialists in the field of forensic examination.

The author attempts to explain the need to take into account the specifics of teaching general engineering disciplines in universities of the Ministry of Internal Affairs when training future forensic experts.

The article emphasizes the need to avoid repetition of the studied material when teaching such academic disciplines as "Materials Science" and "Forensic examination of substances, materials and products." At the same time, it is pointed out that these disciplines are closely related and that there is a need to use different approaches in choosing the material to study.

The author shows by examples how the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia currently carries out interdisciplinary communication of the disciplines of the basic part of the curriculum of specialty 40.05.03 Forensic examination, the focus of training engineering expertise.

Key words: interdisciplinary relations, "Materials Science", "Forensic examination of substances, materials and products", engineering and technical expertise.

Существующая система подготовки судебных экспертов по направлению инженерно-технических дисциплин предусматри-

вает разделение предметов на базовую часть, дисциплины специализации, блок дисциплин по выбору и пр.[1] То есть все дисциплины делятся

на общеобразовательные, общеспециальные и специальные. Поскольку современный этап развития науки характеризуется интеграцией и дифференциацией наук, то есть с одной стороны, процесс развития отдельных наук идет в сторону углубления понимания основ, а с другой, отчетливо видна тенденция на возникновение пограничных наук, это требует особого внимания к организации учебного процесса с тем, чтобы существующая модель образования соответствовала вызовам времени. Поэтому возникает потребность в её трансформации. Это, в свою очередь, влияет на организацию учебного процесса в части межпредметных связей.

В научно-педагогической литературе на данный момент встречается «более 40 определенных категории «межпредметные связи», что приводит к различному и не всегда правильному пониманию термина, а, следовательно, искажает представление о видах, формах, типах и функциях межпредметных связей» [2].

На наш взгляд наиболее приемлемым в наших условиях является определение, что межпредметные связи – это взаимосвязи между учебными дисциплинами, которые отражают общность содержания, способы решения познавательных задач, формы, методы и приёмы обучения. Можно выделить несколько важных аспектов межпредметных связей:

1. Тожественность понятий, методов исследования, принципов и теорий изучаемых дисциплин.
2. Единые способы решения для изучаемых дисциплин поставленных задач.
3. Сходство форм и методов обучения, идентичность критериев оценки результатов.
4. Соблюдение единых принципов дидактики и методики при построении содержания и методов обучения различным дисциплинам.
5. Единые идеи, формирующие основу мировоззрения и методы исследования для изучаемых дисциплин.
6. Формы педагогического взаимодействия при достижении единых образовательных целей.

Современный подход к образованию требует тесной связи академических (общенаучных) и прикладных знаний, а также и практических умений. С тем, чтобы обучающиеся при изучении специальных дисциплин могли опираться на полученные общенаучные знания и переходить к трансформации этих знаний в практическую область.

Рабочие программы высших учебных заведений в обязательном порядке содержат ссылки на дисциплины, изучение которых, является базовым для освоения того или иного предмета, а

также и ссылки на те предметы, изучение которых планируется после. В какой-то мере это указывает на наличие межпредметных связей, однако они не всегда реализуются в полной мере [3].

Более подробно остановимся на том, как могут быть реализованы межпредметные связи дисциплин «Материаловедение» и «Судебная экспертиза веществ, материалов и изделий».

Межпредметные связи этих дисциплин основаны на общих понятиях, научных принципах, законах и теориях. Так как законы и теории основываются на понятиях и терминах, понятия и термины, используемые в этих дисциплинах одинаковы, то можно с уверенностью заявлять о наличии межпредметных связей этих учебных дисциплин. Однако, в этом случае возникает опасность нежелательного повторения материала. Поэтому при подборе материала для занятий это необходимо учитывать.

На наш взгляд целесообразно в рамках учебной дисциплины «Материаловедение» ознакомить обучающихся с физико-химическими свойствами материалов, дать основные сведения о технологиях получения материалов и изготовления из них различных изделий, делая упор на механические свойства материалов и их устойчивость к высоким температурам, поскольку направленность подготовки судебных экспертов в Восточно-Сибирском институте МВД России – это автотехническая и пожарно-техническая экспертиза.

И уже опираясь на эти сведения, переходить к изучению экспертных методик исследования вещественных доказательств.

Одна из тем дисциплины «Материаловедение» посвящена изучению свойств полимерных материалов. Полимерные материалы наиболее часто встречаются в автомобильной технике в виде резины (автомобильные шины и их следы торможения на дорожном покрытии), упаковочных материалов, различных пластмассовых изделий, прокладок, уплотнителей и т.п. В этой теме рассматриваются вопросы классификации полимеров, их химические свойства, устойчивость по отношению к высоким температурам. Особое внимание уделяется физическим и механическим свойствам полимерных материалов, поскольку в настоящее время в автомобильной промышленности идут активные работы по использованию новых материалов на полимерной основе, которые идут на замену более дорогих материалов на металлической основе. А в курсе «Судебная экспертиза веществ, материалов и изделий» обучающиеся осваивают методики по выявлению комплекса морфологических признаков. С тем, чтобы дать заключение по составу, виду, области

применения. А в случае, если имеется образец для сравнения, то установить общегрупповую и общеродовую принадлежности объектов.

Поскольку в соответствии с Федеральным законом №73 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (от 31 мая 2001 года) все государственные судебно-экспертные учреждения должны осуществлять свою деятельность основываясь на едином научно-методическом подходе как к экспертной практике, так и к профессиональной подготовке, содержание учебной дисциплины «Судебная экспертиза веществ, материалов и изделий» базируется на изучении и освоении типовых экспертных методик [4, 5].

Это, по нашему мнению, способствует формированию у обучающихся универсальных учебных умений, которые позволяют самостоятельно решать проблемные задачи, опираясь на собственные знания и нормативные правовые документы.

Современная действительность динамична и весьма разнообразна, и производит впечатление среды, в которой отдельные элементы не связаны между собой, начинающему специалисту необходимо осознать, что решая одну задачу, мы способствуем решению другой. Обладая знаниями о видах, свойствах веществ и материалов, легче разобраться в том, как правильно интерпретировать результаты тех или иных экспертиз. К тому же изучение фундаментальных наук существенно расширяет кругозор будущего эксперта, что будет способствовать творческому подходу к избранной профессии, разработке и внедрению новых типовых методик, обеспечивая научную обоснованность и доказательственную надежность выводов эксперта.

Список литературы:

[1] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - специалитет по специальности 40.05.03 судебная экспертиза».

[2] Синяков А. П. Дидактические подходы к определению понятия «межпредметные связи» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 113. С.

197 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-mezhpredmetnye-svyazi> (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Чепурных Н.К. Межпредметные связи как основополагающий принцип организации образовательного процесса подготовки судебных экспертов //Международный научно-исследовательский журнал. 2023. №8 (134).

[4] Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

[5] Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. А.Ю. Семёнова. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2012. – 800 с.

References:

[1] Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 31, 2020 No. 1136 "On approval of the federal state educational standard of higher education - specialty in the specialty 40.05.03 forensic examination."

[2] Sinyakov A.P. Didactic approaches to the definition of the concept of "interdisciplinary connections" //Izvestia RSPU named after A.I. Herzen. 2009. № 113. P. 197 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-mezhpredmetnye-svyazi> (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Chepurnykh N.K. Interdisciplinary relations as a fundamental principle of organizing the educational process of training forensic experts//International Research Journal. 2023. №8 (134).

[4] Standard expert methods for the examination of material evidence. Part I/Ed. candidate of technology Sciences Yu.M. Dildin. General Revision of Candidate of Engineering Sciences V.V. Martynova. - M.: ECC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. - 568 p.

[5] Standard expert methods for examination of material evidence. Ch. I/Ed. A.Yu. Semenova. General Revision of Candidate of Engineering Sciences V.V. Martynova. - M.: ECC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. - 800 s.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-170-173

МАКАРОВ Станислав Александрович,
Аспирант, Университет «Синергия»,
e-mail: stanislavmakarov100@gmail.com

ЗАЩИТА ПРАВА НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия «фирменное наименование» и анализу специфики и особенностей исключительного права на фирменное наименование. Автором статьи проводится изучение разных способов защиты права на фирменное наименование (как досудебных, так и судебных способов), а также проводится анализ целесообразности применения каждого из способов защиты. Также в статье приводятся определения понятия в трактовке разных исследователей, рассматривается сущность данного понятия и особенности реализации и защиты права на фирменное наименование.

Ключевые слова: фирменное наименование, защита права, исключительное право, гражданско-правовая ответственность, индивидуализация, бренд.

MAKAROV Stanislav Aleksandrovich,
Postgraduate Student Synergy University

PROTECTION OF THE RIGHT TO A TRADE NAME

Annotation. The article is devoted to the study of the concept of a “trade name” and to the analysis of the specifics and features of the exclusive right to a trade name. The author examines various methods of protecting the right to a trade name, including both pre-trial and judicial remedies, and also analyzes the effectiveness of each method of protection. The article further presents definitions of the concept as interpreted by different scholars, explores its essence, and considers the specific features of the exercise and protection of the right to a trade name.

Key words: trade name, protection of rights, exclusive right, civil liability, individualization, brand.

По мере развития модели рыночной экономики в России развивался и уровень конкуренции между компаниями, реализующими схожие товары и услуги для потребителей. Ежегодно количество новых отечественных компаний растет, что усиливает конкуренцию предприятий. Новые предприятия активно развивают свою деятельность, предлагая потенциальным клиентам выгодные предложения и акционные товары. Борьба за клиентов между компаниями, хозяйствующими на одном и том же рынке, постоянно усиливается. Однако не все компании ведут данную борьбу честными путями. Если одни организации используют проверенные методы продвижения (такие как усовершенствование имеющихся на рынке предложений, активное продви-

жение бренда в социальных сетях, формирование более выгодной цены для покупателей и др.), то другие могут использовать незаконные пути привлечения клиентов. Одним из них является использование чужого фирменного наименования.

Варианты введения клиентов в заблуждение для стимулирования продаж бывают разными, наиболее распространенные схемы обмана следующие:

- некоторые фирмы полностью дублируют фирменное наименование уже известных компаний, которые имеют хорошую репутацию среди потенциальных клиентов;
- другие – используют максимально схожее фирменное наименование, которое при

малейшей невнимательности можно принять за иную фирму (фирменные наименования схожие до степени смешения).

Расчет первых фирм идет на то, что, если их компания новая и небольшая (индивидуальные предприниматели, малый бизнес), то крупная компания, фирменное наименование которой было украдено, либо не узнает о деятельности данной компании, либо не обратит внимание на подделку (судебные разбирательства обойдутся крупной компании дороже, чем сумма компенсации, которую они смогут получить в случае выигрыша судебного дела).

Другие компании рассчитывают на то, что их фирменное наименование не полностью дублирует фирменное наименование другой компании. Так, в случае жалоб от клиентов или компаний, данные организации будут снимать с себя ответственность в попытках доказать, что их фирменное наименование уникально и ошибка возникла именно со стороны клиента (клиент думал, что покупает товары (приобретает услуги) одной компании, но из-за невнимательности совершил покупку у другой компании).

Вышеприведенные схемы и другие (схожие на них) махинации расцениваются законом, как введение потребителя в заблуждение, что запрещено Федеральным законом «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) и ст. 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так, в действующем законодательстве России прописано, что любые махинации, связанные с введением в заблуждение (относительно производителя товара, места производства, качества товара или лица, которое оказывает услуги или реализует товар), является незаконным. Такие действия с юридической точки зрения выступают признаками недобросовестной конкуренции, которая не допускается законодательством на отечественном рынке.

Поскольку такие случаи на сегодняшний день не редкость, а количество обращений в судовые инстанции по анализируемым причинам растет, то тема настоящего исследования «Защита права на фирменное наименование» является особо актуальной и обсуждаемой как на законодательном уровне, так и на исследовательском уровне.

Анализируемая тема имеет высокую степень научной разработанности, она рассматривается в десятках научных исследований и публикаций отечественных и зарубежных авторов. Среди отечественных исследователей можно выделить Н. Г. Кириллова, Н. Н. Кириллов, В. Ю. Абрамова, Ю. В. Абрамова и А. А. Симонова. В научных публикациях данных авторов поднима-

ются такие темы, как сущность фирменного наименования, особенности правовой защиты фирменного наименования, гражданско-правовая ответственность за нарушения исключительного права на фирменное наименование и многие другие.

Таким образом, целью настоящего исследования выступает обзор ключевых методов защиты исключительного права на фирменное наименование.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- дать определение понятию «фирменное наименование»;
- изучить специфику исключительного права на фирменное наименование;
- рассмотреть досудебные и судебные способы защиты права на фирменное наименование.

В рамках написания статьи использовались такие методы, как анализ и синтез информации, систематизация, дедукция и сравнение.

Фирменное наименование выступает одним из ключевых средств индивидуализации компаний, которые выполняют схожую деятельность на рынке хозяйствования. Черты, отличающие компании друг от друга, позволяют потребителям товаров и услуг различать производителей и совершать взвешенный выбор перед непосредственным приобретением товара или услуги.

В определении А. А. Симоновича фирменное наименование является «неотъемлемой частью хозяйствующих субъектов, участвующих в гражданском обороте в качестве юридических лиц» [5, с. 357] и «крайне нетипичным средством индивидуализации, поскольку оно индивидуализирует конкретного хозяйствующего субъекта, выступающего от своего лица в гражданском обороте» [5, с. 357].

Исследователь С. Ш. Гапизова дает следующее определение: «Фирменное наименование представляет собой название организации, выступающее в качестве средства индивидуализации коммерческих юридических лиц; фирменное наименование существует у каждого коммерческого юридического лица, что делает его различным от всех прочих» [2, с. 78].

Единого определения фирменного наименования в научных трудах на сегодняшний день пока не существует. Каждый исследователь по-своему трактует данное понятие. В ГК РФ конкретная дефиниция фирменного наименования также отсутствует, в Кодексе приводятся ключевые положения анализируемого понятия (признаки, отличительные черты, способы защиты).

В ст. 1474 ГК РФ приводится информация о том, что использование юридическим лицом фирменного наименования, тождественного фирмен-

ному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения не допускается. Исследователи уточняют, что использование идентичного или схожего фирменного наименования не допускается даже в случае, если компания, которая была зарегистрирована в Едином реестре физических лиц позже оригинальной компании, не знала о существовании такого же (или схожего) фирменного наименования. В таком случае деятельность компании, которая была внесена в Единый реестр, будет считаться незаконной. [1]

Дублирование чужого фирменного наименования может создавать проблемы не только для компании-подделки, но и для компании, у которой было украдено фирменное наименование.

Наиболее частые последствия таких ситуаций – это снижение репутации компании (клиент купил товар с тем же фирменным наименованием, но получил товар низкого качества, оставил отзыв о настоящем производителе) и недополучение прибыли компании с оригинальным фирменным наименованием (часть прибыли уходит на покупку поддельных товаров).

Так, все вышеописанное подводит нас к ключевой теме настоящего исследования – способам защиты исключительного права юридических лиц на уникальное фирменное наименование.

А. С. Задорожная в своем научном труде пишет о том, что «в случае нарушения права на средство индивидуализации, можно провести защиту данного права несколькими способами: в административном порядке, в порядке претензии или в процессе судебного разбирательства» [3, с. 1147].

Первый вариант – защита фирменного наименования в административном порядке предусматривает обращение компании в Федеральную антимонопольную службу. Данный орган принимает и рассматривает обращения, которые связаны с использованием принципов недобросовестной конкуренции.

Работники службы изучают обращение и проводят аудит представленных доказательств кражи (или частичного копирования) фирменного наименования. Обязательным этапом проверки выступает оценка сроков регистрации фирм в Едином государственном реестре юридических лиц. Если факты подтверждают, что вторая компания была позже зарегистрирована в реестре, а ее деятельность дискредитирует деятельность первой компании, орган выносит предписание о прекращении нарушения (изменение фирменного наименования или полное прекращение деятельности второй компании).

Второй вариант – защита фирменного наименования в порядке претензии также является досудебным способом, который помогает урегулировать конфликт, возникший между предприятиями.

Сущность данного способа заключается в том, что первая компания, чье право на фирменное наименование было нарушено, подает официальную претензию руководству второй компании. Претензия, как правило, включает в себя основную информацию о роде деятельности компании, о сроках ее регистрации в Едином государственном реестре и другую информацию, которая будет юридически значимой для обоснования претензии о нарушении права на фирменное наименование.

Компания также вправе указать в претензии конкретные требования, которые, по мнению руководства первой компании, смогут урегулировать сложившуюся ситуацию без судебного разбирательства: это может быть требование изменения фирменного наименования (с внесением правок в учредительную документацию второй компании) и/или компенсация убытков, которые понесла первая компания от деятельности компании-конкурента.

Такой способ урегулирования конфликта между предприятиями является достаточно распространенным и эффективным, поскольку следующий шаг для разрешения данной ситуации – это обращение в компетентные органы для формирования дела с последующим рассмотрением обращения в рамках судебного процесса.

Урегулирование конфликта на досудебном уровне, напротив, является более выгодным предложением для компании, которая нарушила исключительное право на фирменное наименование другого предприятия, поскольку оно позволяет сократить как финансовые, так и временные затраты для обеих компаний.

При этом подача претензии не является обязательным условием, если компания, чье право было нарушено, планирует подавать в суд на компанию, нарушившую исключительное право на фирменное наименование. Однако наличие данной претензии (в случае, если вторая компания откажется от требований, выставленных первой компанией) будет преимуществом при рассмотрении дела в судебном порядке.

Третий вариант – защита фирменного наименования в процессе судебного разбирательства является наиболее эффективным (пусть и наиболее затратным по времени) способом защитить исключительное право на фирменное наименование.

Возможность судебной защиты прав на средство индивидуализации, которым и является

фирменное наименование, закреплено в ст. 1252 ГК РФ. В Кодексе указано, что в случае нарушения исключительных прав на средства индивидуализации их защита осуществляется, в частности, путем предъявления в порядке, предусмотренном Кодексом. Так, предъявление иска в суд на компанию, нарушившую исключительное право другой компании, является законодательным правом любого юридического лица.

В рамках судебного разбирательства представитель компании, чье право на фирменное наименование было нарушено, вправе запросить у второй компании полное прекращение деятельности, смену фирменного наименования с внесением поправок в учредительные документы организации (с правом продолжения деятельности на рынке хозяйствования), а также компенсацию того ущерба, который понесла компания.

Рассмотрение споров, связанных с правом на фирменное наименование, проводится в арбитражных судах. Судья изучает доказательные материалы, представленные обеими сторонами иска, и выносит решение, основываясь на действующем законодательстве Российской Федерации и представленных доказательствах. Если суд приходит к выводу о том, что деятельность второй компании может нарушать права первой компании и/или способна вводить в заблуждение потенциальных потребителей товаров и услуг компании, то исковые требования компании-истца будут одобрены (по усмотрению суда: в полном или частичном объеме), а компания-ответчик будет привлечена к гражданско-правовой ответственности за свою деятельность. [4]

Таким образом, защита права на фирменное наименование в рамках судебных разбирательств позволяет пресекать деятельность недобросовестных компаний, а также обязывать их к выплате компенсации по тому ущербу, который понесла компания, чье исключительное право было нарушено.

В заключение исследования можно сделать вывод о том, что недобросовестная конкуренция компаний приводит к негативным последствиям как для компаний, чье право на фирменное наименование было нарушено, так и для компаний-нарушителей.

При этом действующее законодательство Российской Федерации имеет высокий уровень проработанности и структурированности. Именно данный фактор позволяет решать возникающие между хозяйствующими субъектами споры и конфликты в кратчайшие сроки с учетом принципов справедливости и добропорядочной конкуренции бизнесов.

Список литературы:

- [1] Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021.
- [2] Гапизова С.Ш. Фирменное наименование как объект интеллектуальной собственности // Экономика. Бизнес. Банки. – 2021. – № 3 (35). – С. 74–82.
- [3] Задорожная А.С. Защита прав на фирменное наименование // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 47. – С. 1146–1150.
- [4] Кириллов Н.Г., Кириллов Н.Н. Защита и коммерциализация фирменного наименования компании // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2022. – № 1.
- [5] Симонович А.А. Механизмы гражданско-правовой защиты фирменного наименования // Право и государство: теория и практика. – 2023. – С. 257–260.

References:

- [1] Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. Corporate law: rights and obligations of members of business entities: practical guide with court commentary. M.: Justicinform, 2021.
- [2] Gapizova S.Sh. Brand name as an object of intellectual property//Economics. Business. Banks. – 2021. – № 3 (35). – S. 74–82.
- [3] Zadorozhnaya A.S. Protection of rights to brand name//Innovations. Science. Education. – 2021. – № 47. – S. 1146–1150.
- [4] Kirillov N.G., Kirillov N.N. Protection and commercialization of the company's corporate name//Intellectual property. Industrial property. – 2022. – № 1.
- [5] Simonovich A.A. Mechanisms of civil protection of a corporate name//Law and state: theory and practice. – 2023. – S. 257–260.

СТУЧЕНКОВА Олеся Сергеевна,
студентка магистратуры, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва,
e-mail: Olesa.stu@gmail.com

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

Аннотация. Цифровая форма объектов интеллектуальной собственности создает значительные пробелы в правовом регулировании, связанные с отсутствием в законодательстве Российской Федерации специального режима для таких объектов. В статье обосновывается необходимость формирования отдельного правового статуса для цифровых произведений, в особенности для digital art и NFT-токенов, которые в настоящее время не имеют четкой юридической квалификации. Существующие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации недостаточно эффективны для защиты прав авторов и правообладателей в цифровой среде из-за неограниченного тиражирования и сложности идентификации подлинности цифровых копий. На основе анализа зарубежного опыта и научных исследований предложены конкретные изменения в российское законодательство: введение понятий «цифровая форма объектов гражданских прав» и «digital art», разработка процедур регистрации цифровых активов, а также создание прозрачной системы управления правами с использованием NFT-технологий. Реализация этих мер позволит не только усилить охрану интеллектуальной собственности, но и стимулировать развитие цифрового искусства и рынка токенизированных активов в России, обеспечив конкурентоспособность отечественных правообладателей на международном уровне.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровые технологии, digital art, объекты гражданского права, авторские права, NFT, токен.

STUCHENKOVA Olesya Sergeevna,
Student, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow

FUNDAMENTALS OF THE LEGAL REGIME FOR INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS IN DIGITAL FORM

Annotation. The digital form of intellectual property objects creates significant gaps in legal regulation, stemming from the absence of a special regime for such objects in the legislation of the Russian Federation. The article substantiates the necessity of forming a separate legal status for digital works, particularly for digital art and NFT tokens, which currently lack clear legal qualification. The existing norms of the Civil Code of the Russian Federation are insufficiently effective for protecting the rights of authors and rights holders in the digital environment due to the unlimited reproducibility and difficulty in authenticating digital copies. Based on an analysis of foreign experience and scholarly research, specific amendments to Russian legislation are proposed: introducing the concepts of “digital form of civil rights objects” and “digital art,” developing procedures for the registration of digital assets, and creating a transparent rights management system using NFT technologies. The implementation of these measures will not only enhance the protection of intellectual property but also stimulate the development of digital art and the tokenized asset market in Russia, ensuring the competitiveness of domestic rights holders internationally.

Key words: intellectual property, digital technologies, digital art, civil law objects, copyright, NFT, token.

Введение

Развитие новых цифровых технологий значительно повлияло на традиционное понимание институтов интеллектуальной собственности. Переход к цифровой среде вызвал необходи-

мость адаптации существующих правовых норм и разработки новых подходов к защите прав авторов и правообладателей произведений науки, литературы и искусства. Современная действительность требует четкого понимания особен-

ностей функционирования механизмов охраны и реализации интеллектуальных прав в виртуальном пространстве, поскольку именно здесь сосредоточено большинство инноваций и экономических активов современности.

Цель исследования заключается в выявлении основных проблем, возникающих при регулировании объектов интеллектуальной собственности в цифровой форме, и разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации.

Задачи работы включают:

- Анализ влияния развития цифровых технологий на формирование современного института интеллектуальной собственности.
- Классификация и определение понятия традиционных объектов интеллектуальной собственности в цифровой форме.
- Исследование специфики digital art как нового объекта интеллектуальной собственности.
- Формулирование рекомендаций по изменению законодательной базы РФ применительно к объектам интеллектуальной собственности в цифровой форме.

Методология исследования основана на анализе научных публикаций и нормативных актов. Особое внимание уделено работам отечественных ученых-правоведов, изучающих проблемы интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Вызовы цифровой эпохи для интеллектуальной собственности

Право интеллектуальной собственности исторически формировалось параллельно с развитием материального производства. Однако появление цифровых технологий радикально преобразило условия существования объектов творчества и способов распространения произведенных результатов интеллектуальной деятельности. Например, благодаря развитию интернет-платформ произведения культуры стали легко доступными широкой аудитории, что вызвало проблему несанкционированного копирования и нарушения прав создателей и обладателей произведений.

Традиционно, объектом интеллектуальной собственности считались материальные носители, содержащие информацию (например, книга, картина). Сегодня же создание, хранение и распространение большинства продуктов человеческой мысли осуществляется в электронном виде. Возникают новые категории объектов, нуждающиеся в особой охране и регламентации правоприменительной практики.

Е.Е. Кирсанова справедливо подчеркивает, что «современные технологические реалии тре-

буют переосмысления самой природы авторского права и присущих ему режимов защиты. Важно учитывать глобализацию процесса творения и распределения произведений посредством всемирной паутины, при которой традиционные подходы теряют свою эффективность и нуждаются в дополнениях и адаптациях» [5].

А.В. Гурко выделяет три основные группы изменений, вызванных влиянием цифровых технологий на сферу интеллектуальной собственности:

- « - Появление цифровых аналогов материальных объектов;
- Возможность неограниченного тиражирования продукции без физического износа;
- Создание уникальных объектов, возможных лишь в цифровой среде» [4].

Таким образом, основным фактором эволюции института интеллектуальной собственности стала сама природа цифровых технологий, обеспечивающая мгновенное воспроизведение и доступность любого продукта творческой деятельности практически мгновенно и повсеместно.

Трансформация традиционного права интеллектуальной собственности обусловлена необходимостью решения ряда ключевых вопросов: как защитить право автора на использование своего труда? Какие механизмы необходимы для предотвращения нарушений прав? Какой режим контроля над распространением произведений наиболее эффективен?

Анализируя ситуацию, ученые выделяют два подхода к решению указанных проблем:

Сохранение существующей системы авторско-правового регулирования путем внесения отдельных поправок и приспособлений к новым условиям.

Разработка принципиально новой концепции, учитывающей всю сложность процессов в цифровой среде.

Современные тенденции показывают преобладание первого подхода, однако его реализация вызывает ряд трудностей. Например, возникает проблема соотношения принципов свободы творческого самовыражения и законных интересов потребителей контента. Здесь возникают противоречия между защитой частной инициативы и свободой культурного потребления. Эти конфликты отражают динамику взаимодействия традиционных ценностей с новыми условиями среды, обусловленными внедрением цифровых технологий.

Кроме того, важную роль играет фактор международного сотрудничества государств в области регулирования интеллектуальной собственности. В частности, необходимость гармонизации национальных законов и международ-

ных соглашений является одним из приоритетных направлений развития отрасли права интеллектуальной собственности в современном мире.

Современное законодательство определяет объекты интеллектуальной собственности как предметы творчества, подлежащие правовой охране, независимо от способа их выражения или представления. Таким образом, цифровые копии классических произведений становятся полноценными объектами интеллектуальной собственности наряду с оригиналами, созданными традиционным способом.

Однако такое положение порождает трудности юридического характера. Во-первых, появляется неясность относительно статуса цифровой версии произведения. Является ли она самостоятельным объектом либо дополнением к оригинальному материалу? Во-вторых, насколько адекватны существующие нормы гражданского права для разрешения споров, касающихся неправомерного использования цифровой копии?

А.А. Щелокова предлагает ввести термин «цифровая форма объектов гражданских прав», определяемый как «совокупность электронных сведений, обладающая свойствами уникальности и защищенности» [8]. Данный подход позволяет дифференцированно подходить к каждому виду цифровых объектов, учитывая специфику каждого случая.

Л.А. Новоселова и О.А. Полежаев подчеркивают, что «недостаточно одной лишь регистрации объекта в качестве элемента цифровой библиотеки, необходима дополнительная юридическая квалификация цифровой формы, позволяющая точно определить круг правомочий и обязательств сторон сделки» [6].

Например, цифровая версия литературного произведения обладает теми же признаками индивидуализации, что и оригинал, однако отсутствие физической оболочки существенно усложняет защиту прав собственника и контроль над распространением произведения.

Объекты интеллектуальной собственности в цифровой форме традиционно подразделяются на несколько групп:

- Произведения науки, литературы и искусства.
- Программы для ЭВМ и базы данных.
- Изобретения, полезные модели, промышленные образцы.
- Средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Каждая группа имеет свои особенности, касающиеся порядка создания, эксплуатации и защиты прав. Рассмотрим подробнее каждую категорию.

Цифровой формат литературных произведений (электронные книги, аудиокниги) открывает новые возможности для читателей и писателей, но одновременно создает угрозу массовой пиратской репликации материалов. Законодательство должно предусматривать специальные меры по контролю за соблюдением авторских прав в онлайн-пространстве.

Картины, скульптуры и другие визуальные элементы, представленные в цифровом виде, обладают рядом преимуществ, таких как удобство хранения и высокая степень доступности. Тем не менее существует риск искажения оригинального замысла художника при переводе произведения в цифровую форму.

Программа для ЭВМ представляет собой сложный объект интеллектуальной собственности, состоящий из множества элементов, каждый из которых подлежит отдельному охранительному режиму. Распространение программного обеспечения в цифровой форме ставит перед законодателями задачу выработки эффективных мер борьбы с незаконным использованием программных продуктов.

Изучение научной литературы показывает, что основной проблемой остается разработка универсального механизма идентификации подлинности цифровых копий объектов интеллектуальной собственности. Это касается как проверки аутентичности самих объектов, так и фиксации факта правомерного приобретения такого объекта пользователем.

Digital Art как новый правовой феномен

Digital art представляет собой новое направление в искусстве, основанное на применении цифровых технологий для создания художественных произведений. Этот вид искусства включает в себя широкий спектр жанров и техник, таких как компьютерная графика, анимация, интерактивные инсталляции и даже эксперименты с искусственным интеллектом.

В отличие от традиционных видов искусства, digital art характеризуется несколькими ключевыми особенностями:

- Использование цифровых инструментов и платформ для создания произведений.
- Возможность массового распространения и быстрой обратной связи от зрителей.
- Неограниченность границ и возможностью интеграции с различными видами медиа.

При этом важно отметить, что каждое произведение digital art уникально и отличается от других своими характеристиками, такими как метод исполнения, стиль и концепция.

Согласно исследованиям Э.Р. Вальдес-Мартинеса, «ключевой характеристикой digital art является наличие определенной степени инте-

рактивности, позволяющей зрителю активно взаимодействовать с произведением. Такая особенность резко отличает этот тип произведений от привычных статичных картин или скульптур» [1].

С точки зрения юриспруденции, важнейшим аспектом становится установление критериев, позволяющих квалифицировать произведения digital art как охраняемые законом объекты интеллектуальной собственности. Необходимо обеспечить соблюдение баланса между интересами художников и потребителями искусства, создать эффективный механизм мониторинга и пресечения правонарушений.

В российском законодательстве пока отсутствуют прямые положения, регламентирующие статус digital art. Это создает неопределенность в правовом положении художников и пользователей, работающих с подобными произведениями.

Несмотря на стремительное развитие digital art, российское законодательство отстает от мировых тенденций в части правовой охраны подобного вида произведений. Наиболее остро стоят вопросы легитимации цифровых копий произведений, признания авторства и установления полномочий владельца произведения.

Одной из главных проблем является неопределенность с признанием цифровых файлов как оригинальных произведений искусства. Если классическое искусство предполагает физическую оболочку (картины, скульптура), то digital art изначально создается и распространяется исключительно в электронной форме. Поэтому особую важность приобретает вопрос признания цифровых записей произведениями искусства, имеющими собственную ценность.

Кроме того, остаются нерешенными вопросы авторского вознаграждения и ответственности за нарушение авторских прав в сети. Недостаточно ясны правила лицензирования и заключения договоров купли-продажи цифровых произведений. Именно поэтому многие авторы вынуждены прибегать к альтернативным способам защиты своих прав, таким как криптографические методы верификации.

С учетом вышесказанного представляется необходимым внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, предусматривающих специальный раздел, посвященный вопросам правовой охраны произведений digital art. Подобные нововведения позволят повысить уровень защиты творческих достижений и стимулируют дальнейшее развитие индустрии цифрового искусства.

NFT как технологический ответ и его правовые перспективы

Технология Non-Fungible Tokens (NFT) появилась сравнительно недавно, но быстро завое-

вала популярность среди участников рынка искусства и коллекционеров. Суть NFT состоит в уникальной записи данных в блокчейне, фиксирующей принадлежность конкретного цифрового актива определенному владельцу. Каждый NFT-токен однозначно привязывается к конкретному экземпляру произведения искусства или другому цифровому продукту, обеспечивая тем самым прозрачность и безопасность транзакций.

Ключевое преимущество NFT-технологии заключается в создании условий для безопасной передачи прав на владение цифровыми объектами. Благодаря этому искусству возвращается эксклюзивность и ценность, утраченные ранее вследствие повсеместного распространения нелегальных копий произведений.

Л.Ю. Василевская рассматривает NFT как «новую разновидность объектов гражданских прав, которую необходимо официально признать и закрепить в действующем законодательстве. Вместе с тем, она обращает внимание на многочисленные проблемы, возникающие при оценке ценности NFT-продуктов и установлении стандартов оценки качества подобных активов» [2].

Б.А. Шахназаров высказывает опасения относительно возможной спекуляции и злоупотребления технологиями NFT. По его мнению, «необходимо усилить ответственность владельцев токенов за несоблюдение установленных правил торговли и гарантировать покупателям возможность возврата инвестиций в случае выявления фальсификаций» [7].

Тем не менее, несмотря на недостатки, технология NFT открывает широкие перспективы для расширения возможностей монетизации творческих усилий художников и способствует повышению уровня защиты авторских прав.

Зарубежный опыт демонстрирует активную работу по введению специального правового регулирования обращения NFT. Многие государства разрабатывают законы, позволяющие владельцам токенов регистрироваться и получать законные гарантии своей собственности.

Например, в Великобритании и Франции введены стандарты сертификации токенов, подтверждающие их подлинность и гарантирующие сохранность вложений инвесторов. Аналогичные меры принимаются и в странах Азии, где наблюдается рост интереса к рынкам цифровых искусств.

Российскому законодательству предстоит пройти долгий путь в направлении введения аналогичных положений. Хотя проекты нормативно-правовых документов существуют, до сих пор не выработаны конкретные рекомендации и практические инструменты, необходимые для полноценного внедрения NFT-технологий в экономику страны. В 2022 году уже была попытка внесения

изменений в статью 1225 Гражданского кодекса РФ в виде указания NFT как результата интеллектуальной деятельности, но в 2023 году законопроект был отклонен.

Это означает, что необходимо развивать нормативную базу, начиная с процедуры выпуска, учета и распоряжения NFT, обеспечивая максимальную прозрачность операций и предотвращая возможные мошеннические схемы.

Заключение

Исследование показало, что современное состояние отечественного законодательства в области интеллектуальной собственности нуждается в серьезном обновлении и доработке. Изменившиеся экономические условия, вызванные широким распространением цифровых технологий, ставят перед государством важные задачи по обеспечению эффективного контроля и поддержки творчества в цифровом пространстве.

Особое внимание следует уделить следующим направлениям:

- Установлению понятийного аппарата, охватывающего разнообразные проявления digital art и технологию NFT.

- Разработке специальных процедур регистрации и учета цифровых объектов интеллектуальной собственности.

- Совершенствованию договорных механизмов и созданию прозрачной системы управления правами на цифровые активы.

Необходимость принятия соответствующих решений очевидна, особенно в свете стремительно развивающегося рынка цифровых ресурсов. Только своевременное реагирование позволит российским художникам и предпринимателям эффективно конкурировать на международной арене и сохранять конкурентные преимущества на рынке интеллектуальных активов.

Список литературы:

[1] Вальдес-Мартинес Э.Р. Цифровые объекты изобразительного искусства и NFT: мифы и реальность // Закон. 2023. № 9. С. 76—86.

[2] Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав : проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111—119.

[3] Ворожевич А.С. Исключительные права в цифровой сфере : объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства) // Современные информационные технологии и право: монография / МГУ имени М.В. Ломоно-

сова, Юридический факультет ; отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 208—233.

[4] Гурко А.В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва, 2020. 182 с.

[5] Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2021.

[6] Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10. С. 90—99.

[7] Шахназаров Б.А. Пресечение недобросовестной конкуренции, недобросовестной рекламы и защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 27—38.

[8] Щелокова А.А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11—13.

References:

[1] Valdez-Martinez E.R. Digital objects of fine art and NFT: myths and reality // Law. 2023. No. 9. pp. 76-86.

[2] Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. No. 5. pp. 111-119.

[3] Vorozhevich A.S. Exclusive rights in the digital sphere: objects, boundaries, limits of implementation (commentary on legislation) // Modern information technologies and law: monograph / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law; ed. E.B. Lauts. Moscow: Statut, 2019. pp. 208-233.

[4] Gurko A.V. Legal protection of three-dimensional digital objects: diss.... cand. jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2020. 182 p.

[5] Kirsanova E.E. Legal regulation of the circulation of rights to the results of intellectual activity in the digital economy: dis. ... Cand. sciences (Law): 12.00.03. Moscow, 2021.

[6] Novoselova L.A., Polezhaev O.A. Legal risks of transactions with intellectual property rights on digital platforms // Law. 2019. No. 10. pp. 90-99.

[7] Shakhnazarov B.A. Suppression of unfair competition, unfair advertising and protection of exclusive rights to intellectual property on the Internet // Law and digital economy. 2021. No. 3. pp. 27-38.

[8] Shchelokova A.A. The concept of digital form of objects of civil rights // Civil Law. 2021. No. 4. P. 11-13.

ХЛАПОТИН Юрий Николаевич,
преподаватель федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»,
e-mail: intelcenter@mail.ru

СИСТЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СТУДЕНТАМ ТВОРЧЕСКИХ ВУЗОВ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматривается методология преподавания основ права интеллектуальной собственности студентам творческих специальностей. На основе тридцатилетнего опыта юридической и консалтинговой практики автора выявляются ключевые проблемы правового нигилизма и низкой правовой грамотности среди представителей творческих профессий. Предлагается система обучения, основанная на принципах юридической герменевтики, практической ориентированности и дифференцированного подхода к аудиторным группам. Особое внимание уделяется эффективности очного формата обучения по сравнению с дистанционным, а также методам вовлечения студентов через деловые игры и разбор реальных кейсов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, творческие вузы, юридическая герменевтика, договор авторского заказа, лицензионный договор, правосознание.

KHLAPOTIN Yuri Nikolaevich,
Lecturer at the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "A.N. Kosygin Russian State University
(Technologies. Design. Art)"

THE SYSTEM OF TEACHING INTELLECTUAL PROPERTY LAW TO STUDENTS OF CREATIVE UNIVERSITIES: METHODOLOGY AND PRACTICE

Annotation. The article examines the methodology of teaching the basics of intellectual property law to students of creative specialties. Based on thirty years of legal and consulting practice of the author, the key problems of legal nihilism and low legal literacy among representatives of creative professions are identified. The author proposes a teaching system based on the principles of legal hermeneutics, practical orientation and a differentiated approach to classroom groups. Special attention is paid to the effectiveness of full-time education compared to distance learning, as well as methods of engaging students through business games and analysis of real cases.

Key words: intellectual property, copyright, creative universities, legal hermeneutics, author's order contract, license contract, legal consciousness.

1. Введение: Проблема правового сознания творческой интеллигенции

С 1995 года автор занимается юридическим и консалтинговым обслуживанием авторов и правообладателей объектов интеллектуальной собственности (ИС). Многолетний анализ проблем, возникающих у творческих людей, позволяет выделить фундаментальную причину их правовых уязвимостей — несформированное правосознание. Идеи, представления и убеждения данной категории лиц часто не совпадают с обще-

принятыми нормами, а уровень правовой грамотности остается критически низким.

Исторически сложился стереотип, согласно которому творческие люди считают себя «выше закона», регламентирующего жизнь общества. Художники, стремящиеся к вечному признанию, традиционно избегали ограничений, навязываемых правилами для «простых людей». Власть имущие веками потакали вольному образу жизни деятелей искусства, нарушающему моральные и правовые нормы. Это сформировало устойчивое

общественное мнение о том, что творцы не утруждают себя знанием законов. Данное убеждение транслируется и студентам творческих вузов, которые, еще находясь на этапе обучения, подсознательно занимают позицию бунтарей.

Творческие личности характеризуются преобладанием эмоций и склонностью к хаосу; чем выше талант, тем интенсивнее эмоциональный фон. Любые попытки подчинить их строгим правилам встречают подсознательное противодействие или пассивное сопротивление. Задача преподавателя в данном контексте заключается не просто в передаче знаний, но в изменении отношения студентов к праву и закону в целом.

2. Психологические особенности аудиторной и мотивация к обучению

Студенты творческих вузов обладают развитым образным мышлением. Известно, что миром правят деньги, страхи и образы. Именно студенты являются создателями образов, которые будут формировать будущее. При этом малые страхи (неполучение зачета) для них малоубедительны. Более значимым стимулом является страх финансовой несостоятельности («не будешь зарабатывать»). Однако самым мощным мотиватором выступает финансовая выгода.

Практика показывает, что акцент на денежной составляющей значительно стимулирует изучение курса. Лозунги «Не хотите быть обманутыми — изучайте», «Хотите быть успешными и богатыми — знайте закон» находят наибольший отклик.

Автор является сторонником непрерывного преподавания права студентам творческих вузов на протяжении всех четырех лет обучения дозированными порциями. Однако в условиях существующих учебных планов это не всегда возможно. Независимо от возраста и наличия высшего образования, у многих творческих специалистов выявляется дефицит правовых знаний. Причина кроется в том, что ранее прослушанные курсы права были поданы формально, шаблонно и неинтересно, что привело к быстрому забыванию материала.

3. Сравнительная эффективность форматов обучения: очный против дистанционного

Эмпирические данные, собранные за пять лет, демонстрируют существенную разницу в эффективности очного и дистанционного форматов обучения праву интеллектуальной собственности для творческой аудитории.

Дистанционный формат: максимальная концентрация внимания студентов сохраняется не более 20 минут. Дальнейшее изложение материала приводит к потере интереса и усвоения. Кон-

трольные вопросы после таких лекций показывают низкий результат: не более 30% точных ответов на десять вопросов.

Очный формат: результаты противоположны. Количество неверных ответов на контрольные вопросы не превышает 20%.

Данная статистика подтверждается как на группе молодых студентов, так и среди взрослых слушателей курсов повышения квалификации (дизайнеров, журналистов, сценаристов, продюсеров). Следовательно, очные лекции и практические занятия являются безальтернативным условием качественного освоения материала.

4. Методология преподавания: от практики к теории

4.1. Диагностика и дифференциация групп

Первые занятия являются наиболее важными и трудными. Начинать необходимо с выявления уровня осведомленности конкретной группы. Для этого используются: простые вопросы на определение («Кто такой продюсер/дизайнер/автор/правообладатель?»), вопросы с подвохом («Что такое бренд?», «Что такое товарный знак?», «Как и когда создается интеллектуальная собственность?»), вопросы общего характера (наличие опыта судебных разбирательств, проблемы с заказчиками).

На вопрос «Что самое главное после выполнения заказа?» студенты обычно отвечают: «Получить деньги». Преподаватель опровергает этот тезис, приводя примеры из судебной практики, где отсутствие подписанного акта выполненных работ с формулировкой «Работа выполнена в полном объеме, стороны взаимных претензий не имеют» приводило к судебным искам со стороны недобросовестных заказчиков даже спустя два года после оплаты.

Реакция аудитории позволяет преподавателю адаптировать сложность материала. Группы условно делятся на «сильные» и «слабые», что требует подготовки материалов трех степеней сложности, чтобы избежать скуки у одних и дискомфорта у других. Также важно выявить лидеров мнений (5–6 человек), настрой которых определяет рабочий ритм всей группы. Для «стеснительных» студентов предусмотрены индивидуальные письменные задания.

4.2. Принцип консультирования и юридическая герменевтика

Для преодоления дистанции между преподавателем и студентом используется установка: «Я не преподаю, я вас консультирую». Основной принцип: «Теория должна быть испытана и проверена практикой». Ключевым методологическим инструментом выступает юридическая герменевтика — искусство толкования текстов, теория понимания и постижения смысла. Поскольку тек-

сты законов сухи и носят властный характер, задача преподавателя — устранить барьеры восприятия через интерпретацию и диалог.

Пример применения герменевтики: разъяснение важности единообразного понимания терминов сторонами договора. Используется метафора с понятиями «стол» и «стул»: хотя слова понятны, визуальные образы у собеседников могут различаться. Это иллюстрируется реальным кейсом конфликта между музыкантом и продюсером, где каждая сторона вкладывала разный смысл в понятие «продюсер».

4.3. Изучение Гражданского кодекса РФ (часть четвертая)

Обучение строится по принципу «от простого к сложному», от частного случая к общей системе («от дерева к лесу»).

Договор авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ): анализ предмета договора (должен быть понятен однозначно); разбор понятия «отчуждение исключительного права». Студентам разъясняется, что отчуждение означает переход права «навсегда» («Было Ваше, стало Наше»). Данный вид договора рекомендуется избегать или подписывать с крайней осторожностью. Изучается ст. 1234 ГК РФ.

Лицензионные договоры (ст. 1235, 1236 ГК РФ): различие между исключительными и неисключительными правами; работа с реальными образцами договоров, а не абстрактными «рыбами». Студенты творческих вузов тяжело воспринимают сухие документы, но проявляют интерес, видя рабочие экземпляры.

Изучение каждого типа договора (заказа, отчуждения, лицензии) может занимать несколько учебных пар. Важно не перегружать аудиторию, поддерживая интерес свежими примерами из практики, включая случаи мошенничества.

5. Практические занятия и деловые игры

Для закрепления материала проводятся практические деловые игры, требующие предварительной подготовки. Студентам предлагается придумать фантазийный объект интеллектуальной собственности, который становится центральным элементом симуляции: его создают, передают, продают, крадут, защищают.

Формат занятий:

- студенты разбиваются на пары («Автор-Продавец» и «Правообладатель-Покупатель»);
- каждая сторона стремится к максимально выгодным условиям;
- самостоятельная подготовка проектов договоров;
- устная защита условий договора на занятии;

- экспресс-задания (написание условий сделки на листе бумаги за 20 минут без использования электронных подсказок).

Такие методы выявляют степень усвоения материала и вовлекают большинство группы. Целесообразно применять их после изучения каждого тематического блока:

- общие понятия системы ИС;
- система договоров купли-продажи ИС;
- трудовое право и ИС;
- система защиты прав автора; ответственность за нарушение законодательства об ИС.

6. Защита прав и претензионная работа

Тема защиты прав вызывает наибольший эмоциональный отклик. Занятие начинается с демонстрации реальных претензий, исковых заявлений и судебных решений из практики автора.

Студенты обучаются алгоритму действий при нарушении их прав:

- устное проговаривание стратегии реакции;
- составление первичного претензионного письма по образцу;
- составление искового заявления.

Цель данного этапа — сформировать навыки:

- отсутствие страха перед юридическими проблемами;
- самостоятельное реагирование на нарушения;
- оценка компетенции юриста при необходимости обращения за профессиональной помощью.

7. Заключение

Повышение правовой грамотности студентов творческих вузов в области интеллектуальной собственности автоматически повышает их интерес к праву в целом. Осознавая прямую финансовую выгоду от знания законов ИС, студенты начинают понимать ценность изучения других правовых отраслей.

Профессиональное правосознание, базирующееся на системных знаниях и навыках извлечения прибыли, трансформирует подсознательное отношение творческой молодежи к закону. Переход от позиции «бунтаря» к позиции осознанного правообладателя является главным результатом предлагаемой системы преподавания. Критерием успешности методики служит обращение студентов к преподавателю за консультациями в их реальной профессиональной деятельности, что свидетельствует о практическом применении полученных знаний.

ШЕСТАКОВ Павел Андреевич,
аспирант кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: kempravo@gmail.com

Научный руководитель:
ЛИСИЦА Валерий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права НГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ ПРИ СОЗДАНИИ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ПРОДУКТОВ: ВОПРОСЫ АВТОРСТВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются гражданско-правовые вопросы использования генеративных нейросетей при создании мультимедийных продуктов. Показано, что для российской правовой системы определяющее значение имеет не сам факт применения технологии искусственного интеллекта, а наличие человеческого творческого труда, позволяющего квалифицировать результат как охраняемый результат интеллектуальной деятельности. Выделяются и анализируются основные подходы к вопросу авторства при использовании искусственного интеллекта: отрицание возникновения авторских прав на автономно сгенерированный результат; закрепление прав за организацией, разработавшей либо организовавшей функционирование соответствующей системы; признание авторских прав за лицом, которое создало конечный результат при наличии творческого вклада и контролируемого участия в процессе генерации. Дополнительно рассматриваются промежуточные модели, включая конструкции человеческого соавторства и предложения о специальных, неавторских режимах охраны. Обосновывается, что нейросеть не может рассматриваться ни автором, ни субъектом права; она выступает технологическим инструментом, используемым при создании сложного объекта. В качестве доктринального стандарта предлагается принцип контролируемого творчества, включающий творческий вклад, контроль процесса, оригинальность результата и сложность запроса в ее доказательственном, а не самостоятельном значении. Формулируются предложения для договорной практики и для дальнейшего развития толкования части четвертой ГК РФ.

Ключевые слова: нейросети; искусственный интеллект; авторское право; интеллектуальная собственность; мультимедийный продукт; сложный объект; творческий вклад; контроль процесса; правовая ответственность.

SHESTAKOV Pavel Andreevich,
Postgraduate student of the Department of Entrepreneurial Law,
Civil and Arbitration Procedure, Institute of Philosophy and Law,
Novosibirsk National Research State University

Scientific supervisor:
LISITSA Valeriy N.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Entrepreneurial Law,
Civil and Arbitration Procedure,
Institute of Philosophy and Law, NSU

THE USE OF NEURAL NETWORKS IN THE CREATION OF MULTIMEDIA PRODUCTS: ISSUES OF AUTHORSHIP AND LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines civil-law issues arising from the use of generative neural networks in the creation of multimedia products. It argues that, within the Russian legal system, the decisive factor is not the mere use of artificial intelligence technology but the presence of human creative labour sufficient to qualify the output as a protectable intellectual result. The paper identifies and analyses the main approaches to authorship in AI-assisted creation: denial of copyright in purely autonomous outputs; attribution of rights to the organization that developed or organized the relevant AI system; and recognition of copyright in favour of the person who created the final result where creative contribution and controlled participation can be established. Intermediate models are also considered, including human co-authorship constructions and proposals for special non-copyright forms of protection. The article substantiates that a neural network cannot be treated either as an author or as a subject of law; it serves only as a technological instrument used in the creation of a complex object. As a doctrinal standard, the paper proposes the principle of controlled creativity, comprising creative contribution, control over the process, originality of the result, and prompt complexity understood in its evidentiary rather than autonomous meaning. Recommendations are formulated for contractual practice and for the further interpretation of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation.*

Key words: *neural networks; artificial intelligence; copyright; intellectual property; multimedia product; complex object; creative contribution; control over the process; liability.*

Введение

Использование нейросетей в создании сложных объектов, к числу которых относится мультимедийный продукт, из экспериментальной практики стремительно превратилось в повседневный инструмент креативных индустрий. При разработке видеоигр, мобильных приложений, образовательных платформ, продуктов дополненной и виртуальной реальности генеративные модели применяются для подготовки концепт-арта, текстур, диалогов, музыкальных фрагментов, синтеза речи, сценария и элементов персонализации пользовательского опыта. В результате изменяется не только технологический процесс, но и вся юридическая архитектура прав на конечный продукт: возрастает риск неопределенности цепочки прав на элементы сложного объекта, а также риск предъявления претензий о нарушении исключительных прав при генерации сходных результатов [1, с. 24–28; 4, с. 131–139].

Для российской цивилистики данная проблема имеет двойную значимость. С одной стороны, речь идет о квалификации результатов, включаемых в состав мультимедийного продукта как сложного объекта в смысле статьи 1240 ГК РФ. С другой стороны, возникает вопрос о пределах авторско-правовой охраны там, где существенная часть формы результата создается алгоритмически. В этих условиях одинаково уязвимы и позиция, при которой всякий пользователь нейросети автоматически объявляется автором, и противоположная позиция, полностью отрицающая возможность охраны любого результата генерации. Обе конструкции игнорируют

категорию творческого труда и специфику управления процессом создания результата [3, с. 100–113; 5, с. 120–132].

Степень научной разработанности проблемы уже не позволяет говорить лишь о ее постановке. В отечественной литературе сформировались самостоятельные линии обсуждения, касающиеся правового режима результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, субъектного состава правоотношений, условий охраноспособности, распределения ответственности и договорной архитектуры. Одновременно зарубежная литература, опубликованная в рецензируемых изданиях, последовательно исходит из приоритета человеческого контроля над выразительными элементами результата [13; 14].

Цель настоящей статьи состоит в выработке гражданско-правового подхода к определению авторства и распределению прав при использовании нейросетей в процессе создания мультимедийных продуктов. Для достижения данной цели необходимо: раскрыть соотношение понятий «искусственный интеллект», «нейросеть» и «мультимедийный продукт»; проанализировать основные подходы к вопросу авторства при использовании ИИ; уточнить авторскую позицию относительно принадлежности прав на результат; предложить критерии разграничения охраняемого результата и автономной генерации; определить практические ориентиры для договорного оформления и распределения ответственности. Методологическую основу статьи составляют формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Нейросеть и мультимедийный продукт как объекты гражданско-правового анализа

Отправной точкой исследования выступает разграничение общего понятия искусственного интеллекта и более узкого понятия нейросети. В нормативном смысле искусственный интеллект понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека либо превосходящие их. Нейросеть в этом ряду следует рассматривать как конкретную математическую модель, программно реализуемую на ЭВМ и используемую для генерации, преобразования или комбинирования данных по заданию человека. Такое разграничение важно потому, что в юридической литературе нередко смешиваются уровень общей технологии, уровень конкретной модели и уровень ее гражданско-правовой квалификации [2, с. 32–40; 3, с. 100–104].

Не менее принципиален вопрос о субъекте права. Российская правовая традиция связывает участие в правоотношениях с человеком либо с объединениями людей. В этой связи сама постановка вопроса о признании нейросети автором или самостоятельным субъектом гражданских прав в сфере авторского права представляется методологически ошибочной. Искусственный интеллект, даже при высокой степени автономности, не может быть отождествлен с носителем субъективных авторских прав. Справедливо отмечается, что преждевременное наделение ИИ правосубъектностью не устраняет пробелы регулирования, а размывает базовые конструкции частного права [2, с. 36–40; 4, с. 131–139].

Для целей настоящей статьи принципиально важно и то, что мультимедийный продукт уже упомянут законодателем в статье 1240 ГК РФ как разновидность сложного объекта. Вместе с тем это упоминание не снимает дискуссию о содержании понятия. В доктрине обоснованно подчеркивается, что мультимедийный продукт не сводится ни к программе для ЭВМ, ни к аудиовизуальному произведению, ни к базе данных, хотя и может включать все названные элементы в своем составе [10, с. 36–42; 11, с. 54–57]. Его специфика раскрывается через сочетание нескольких признаков: цифровой формы выражения, многокомпонентного состава, общего функционального или художественного замысла и интерактивности как способности реагировать на действия пользователя.

Такая конструкция согласуется и с классическим учением о сложных объектах. В. А. Дозорцев, раскрывая правовой режим многослойных результатов, указывал, что различные охраняе-

мые результаты интеллектуальной деятельности объединяются в единое целое и получают новое функциональное либо художественное назначение [12, с. 143–170]. Именно поэтому вопрос об авторстве на отдельный сгенерированный элемент не может рассматриваться в отрыве от вопроса о правовом режиме всего мультимедийного продукта. Ненадлежащая квалификация одного графического, музыкального, текстового или анимационного фрагмента способна поставить под сомнение устойчивость дальнейшего оборота всего сложного объекта.

Основные подходы к определению авторства при использовании искусственного интеллекта

Современная доктрина позволяет выделить по меньшей мере три устойчивых подхода к вопросу о том, кому должны принадлежать права на результат, созданный с использованием искусственного интеллекта.

Первый подход исходит из того, что авторские права на автономно сгенерированный результат не возникают. Его сторонники связывают авторско-правовую охрану с человеческим творчеством и, соответственно, полагают, что при отсутствии достаточного личного творческого участия человека результат генерации не образует произведения как объекта авторского права. В этой логике нейросеть производит информационный, но не авторско-правовой результат, а потому оснований для возникновения исключительного права не появляется [3, с. 100–113; 6, с. 63–73].

Второй подход связывает права на соответствующий результат с организацией, разработавшей нейросеть, либо с лицом, организовавшим ее функционирование и профинансировавшим процесс создания результата. В отечественной литературе данная модель чаще раскрывается шире: как возможность закрепления прав за разработчиком искусственного интеллекта, организатором процесса, инвестором либо пользователем. Однако сама идея такого подхода строится не на признании машинного авторства, а на поиске субъекта, который мог бы получить правовую охрану в силу организационной, технологической или инвестиционной роли [1, с. 29–38; 9, с. 96–104].

Третий подход, которого придерживается и автор настоящей статьи, состоит в том, что авторские права должны принадлежать лицу, которое создало конечный результат, но лишь при условии, что такое лицо действительно внесло творческий вклад и контролировало процесс формирования результата. Иначе говоря, не всякий пользователь нейросети автоматически становится автором, однако лицо, сформировавшее

замысел, задавшее параметры, последовательно корректировавшее генерацию, отображавшее варианты и доведшее результат до окончательной формы, должно рассматриваться как автор соответствующего произведения [5, с. 120–132; 7, с. 51–54]. В таком случае нейросеть выступает инструментом творческой деятельности, а не самостоятельным субъектом права.

Наряду с названными тремя моделями в литературе прослеживаются и дополнительные, промежуточные подходы. Во-первых, обсуждается возможность соавторства между несколькими людьми, участвующими в создании результата с использованием генеративного ИИ, если каждый из них вносит самостоятельный творческий вклад в единый итоговый объект. При этом речь идет именно о человеческом соавторстве, а не о включении нейросети в число соавторов [8, с. 97–110]. Во-вторых, предлагаются конструкции специальной охраны, близкой к смежным правам либо к *sui generis*-режиму, когда результат, созданный ИИ, охраняется не как классическое произведение, а как особый объект гражданского оборота [6, с. 63–73; 9, с. 96–104].

Сопоставление указанных подходов показывает, что решающим водоразделом выступает не техническая сложность системы как таковая, а вопрос о сохранении человеческого творческого начала в процессе создания результата. Именно поэтому позиция о принадлежности авторских прав лицу, создавшему результат, представляется наиболее убедительной, но только в том случае, если под «созданием» понимается не механический запуск генерации, а формирование охраняемого результата посредством творческого труда. Такая трактовка позволяет сохранить антропоцентрическую основу авторского права и одновременно избежать правового вакуума в отношении результатов, созданных при помощи нейросетей [2, с. 32–40; 4, с. 131–139].

Принцип контролируемого творчества как критерий разграничения охраняемого результата и автономной генерации

В настоящем исследовании для целей аргументации используется не формальное перечисление отдельных признаков, а более общий доктринальный стандарт – принцип контролируемого творчества. Его значение состоит в том, чтобы установить, в каких случаях нейросеть действительно выступает инструментом реализации человеческого замысла, а в каких – результат формируется преимущественно автономно и потому не может автоматически признаваться охраняемым произведением. Данный принцип не направлен на конструирование новой разновидности «электронного авторства», а служит сред-

ством выявления творческого вклада человека, определяющего правовой режим созданного результата.

Принцип контролируемого творчества включает четыре взаимосвязанных элемента. Во-первых, творческий вклад: наличие у конкретного лица замысла, концепции, стилистической рамки и смыслового задания будущего результата. Во-вторых, контроль процесса: постановка задачи, выбор параметров, анализ промежуточных вариантов, их отклонение либо доработка. В-третьих, оригинальность результата: в итоговом объекте должна распознаваться индивидуальная интеллектуальная форма, а не случайная статистическая выдача модели. В-четвертых, сложность запроса и итеративность: данный элемент сохраняет значение, но только в доказательственном измерении, поскольку сам по себе детализированный запрос еще не тождествен творчеству.

Именно здесь следует специально подчеркнуть, что сложность запроса не должна рассматриваться как самостоятельный юридический критерий авторства. Детализированный запрос действительно может свидетельствовать о наличии интеллектуального усилия, однако без последующего контроля, отбора и творческой обработки он не гарантирует возникновения охраняемого произведения. И наоборот, относительно лаконичный запрос в сочетании с последующей глубокой доработкой может выступать лишь частью сложного творческого процесса. Следовательно, значение имеет не текст запроса сам по себе, а реконструируемая связь между человеческим замыслом и окончательной формой результата.

Предлагаемый стандарт получает подтверждение и в зарубежной практике. Обсуждение проблематики ИИ в США, Китае и в профессиональных объединениях авторов показывает, что право готово учитывать результаты генерации лишь там, где можно установить интеллектуальные усилия человека и сохранение человеческого контроля над процессом создания результата. Иными словами, и зарубежное регулирование, и современная доктрина в конечном счете возвращаются к одной и той же исходной точке: нейросеть может усложнить творческий процесс, но не заменить автора [13, р. 354–364; 14, р. 536–543].

С цивилистической точки зрения принцип контролируемого творчества позволяет избежать двух крайностей: фиктивного признания автором любого пользователя нейросети и столь же фиктивного отрицания авторства всякий раз, когда в процессе использован генеративный инструмент. Его ценность заключается в том, что он возвра-

щает дискуссию к базовой категории творческого труда и делает возможной проверяемую оценку человеческого участия в каждом конкретном случае [3, с. 104–110; 7, с. 52–54].

Правовая защита результата, ответственность и договорное оформление

Если результат, созданный с использованием нейросети, отвечает требованиям охраноспособности и в нем распознается творческий вклад конкретного лица, такой результат может включаться в обычную договорную цепочку в составе мультимедийного продукта. В этом случае подлежат применению уже известные гражданско-правовые конструкции: служебное произведение, заказ, отчуждение исключительного права, лицензионный договор. Следовательно, проблема состоит не столько в отсутствии инструментов оборота, сколько в правильной квалификации самого результата генерации и в фиксации человеческого участия в его создании.

Не менее важным является вопрос гражданско-правовой ответственности. На наш взгляд, в сфере мультимедийных продуктов недопустимо абстрактно возлагать ответственность либо только на пользователя, либо только на разработчика модели. Распределение должно зависеть от характера контроля и от источника нарушения. Если пользователь формирует запросы таким образом, чтобы воспроизвести конкретного персонажа, чужую художественную манеру, охраняемый визуальный образ либо иной индивидуализированный результат, а затем включает полученный контент в коммерческий мультимедийный продукт, именно он должен рассматриваться как основной нарушитель. Если же проблема коренится в устройстве самого сервиса, особенностях обучения модели либо в договорных гарантиях провайдера, вопрос об ответственности может ставиться и в отношении поставщика соответствующей технологии [7, с. 51–54].

В этой части показателен и зарубежный опыт регулирования творческих индустрий. Так, дискуссия, развернувшаяся в Соединенных Штатах Америки в ходе переговоров Writers Guild of America, наглядно продемонстрировала, что профессиональное сообщество исходит из недопустимости подмены автора машинной генерацией и из необходимости прозрачности при использовании ИИ-материалов в сценарной работе. Для российского права важен не трудовой аспект как таковой, а сам ориентир: даже в тех сферах, где нейросетевые инструменты используются наиболее активно, исходной остается автороцентричная модель результата.

Отсюда вытекают и практические рекомендации для договорной архитектуры. В соглаше-

ниях с художниками, сценаристами, композиторами, техническими специалистами и подрядчиками, использующими нейросети, целесообразно прямо закреплять обязанность документировать процесс генерации: указывать модель, ее версию, дату использования, параметры, исходные запросы, историю итераций, сведения о последующей ручной доработке. В договорах с внешними AI-сервисами оправдано предусматривать гарантии коммерческого использования результата, заверения о правомерности источников обучения, правила распределения риска на случай предъявления претензий третьих лиц и порядок внутренней проверки сгенерированного контента перед включением его в конечный мультимедийный продукт.

Для студий, создающих мультимедийные продукты, особенно важно разграничивать авторство на конечный результат и принадлежность исключительных прав в рамках внутренней производственной цепочки. Организация, разработавшая нейросеть, не становится автором лишь в силу технологического вклада. Равным образом работодатель или заказчик получают права не потому, что нейросеть была создана внутри компании, а потому, что соответствующий результат включен в существующие конструкции служебного произведения, заказа, отчуждения исключительного права либо лицензионного договора. В этой части действующее гражданское законодательство уже содержит необходимые инструменты; проблема состоит в их корректном применении к новым цифровым способам создания результата.

Заключение

Таким образом, современная доктрина действительно знает по меньшей мере три базовых подхода к вопросу авторства при использовании искусственного интеллекта: отрицание возникновения авторских прав на автономный результат; закрепление прав за организацией, разработавшей либо организовавшей функционирование нейросети; признание авторских прав за лицом, которое создало конечный результат. Кроме того, прослеживаются дополнительные модели, связанные с человеческим соавторством и специальными, неавторскими режимами охраны.

Наиболее обоснованным является именно третий подход, однако он нуждается в строгом доктринальном уточнении. Автором может признаваться не любой пользователь, воспользовавшийся нейросетью, а только лицо, которое посредством творческого вклада и контролируемого участия сформировало охраняемый результат. Именно поэтому ключевое значение получает принцип контролируемого творчества. В нем

выражается и антропоцентрическая основа авторского права, и практическая потребность цифровой индустрии в предсказуемых правилах оборота результатов генеративного ИИ.

В конечном счете нейросеть в составе мультимедийного продукта должна рассматриваться как средство ускорения и усложнения творческого процесса, но не как субъект, способный вытеснить автора из самой конструкции авторского права. Пока правопорядок сохраняет связь между охраной и человеческим творчеством, он сохраняет и внутреннюю системность. Именно эта системность, а не технологическая эффективность, должна оставаться исходным ориентиром для дальнейшего развития регулирования.

Список литературы:

[1] Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50.

[2] Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект и право // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 32–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040.

[3] Борисова Л. В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 100–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113.

[4] Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 2. С. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139.

[5] Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 120–132.

[6] Милюков С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 63–73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1.

[7] Ситдикова Р. И. Правовое регулирование отношений по использованию технологий искусственного интеллекта при создании аудиовизуальных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49). С. 51–54. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_4.

[8] Кантемиров Р. М. Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного

интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 6. С. 97–110. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110.

[9] Гюльбасарова Е. В. Перспективы охраны объектов, созданных технологиями искусственного интеллекта, в рамках интеллектуального права // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 10. С. 96–104. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.096-104.

[10] Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. Москва : Проспект, 2013. 144 с.

[11] Моргунова Е. А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Москва : Юрайт, 2012. 315 с.

[12] Дозорцев В. А. Авторские права на фильм как сложное многослойное произведение // Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации : сборник статей. Москва : Статут, 2005. С. 143–170.

[13] Fritz J. Understanding authorship in Artificial Intelligence-assisted works // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. Iss. 5. P. 354–364. DOI: 10.1093/jiplp/jpae119.

[14] Selvadurai N., Matulionyte R. Reconsidering creativity: copyright protection for works generated using artificial intelligence // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. Iss. 7. P. 536–543. DOI: 10.1093/jiplp/jpaa062.

References:

[1] Kalyatin V.O. Opredelenie sub"ekta prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [Determining the right holder of intellectual outputs created using artificial intelligence] // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50. (In Russ.)

[2] Vasilevskaya L.Yu. Iskusstvennyy intellekt i pravo [Artificial intelligence and law] // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. 2023. No. 5 (105). P. 32–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040. (In Russ.)

[3] Borisova L.V. O ponyatii iskusstvennogo intellekta i pravovom rezhime proizvedeniy, sozdan-nykh im bez tvorcheskogo uchastiya cheloveka [On the concept of artificial intelligence and the legal regime of works created by it without human creative participation] // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2024. Vol. 19. No. 8. P. 100–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113. (In Russ.)

[4] Zykov S.V. Problema sub"ektnosti iskusstvennogo intellekta [The problem of legal subjectivity of artificial intelligence] // Aktual'nye problemy rossi-

yskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139. (In Russ.)

[5] Kashtanova P.A. Perspektivy pravovoy okhrany proizvedeniy, sozdavaemykh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta v Rossii [Prospects for legal protection of works created using artificial intelligence in Russia] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. 2023. No. 1 (39). P. 120–132. (In Russ.)

[6] Milyukov S.A. Ob"ekty, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta kak ob"ekty avtorskikh i smezhnykh prav [Objects created using artificial intelligence as objects of copyright and related rights] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. 2025. No. 1 (47). P. 63–73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1. (In Russ.)

[7] Sitdikova R.I. Pravovoe regulirovanie otnosheniy po ispol'zovaniyu tekhnologiy iskusstvennogo intellekta pri sozdanii audiovizual'nykh proizvedeniy [Legal regulation of relations involving the use of artificial intelligence technologies in the creation of audiovisual works] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. 2025. No. 3 (49). P. 51–54. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_4. (In Russ.)

[8] Kanemirov R.M. Kriterii vozniknoveniya soavtorstva pri sozdanii proizvedeniy s ispol'zovaniem generativnogo iskusstvennogo intellekta [Criteria for the emergence of co-authorship in the creation of works using generative artificial intelligence] // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems

of Russian Law]. 2025. Vol. 20. No. 6. P. 97–110. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110. (In Russ.)

[9] Gyl'basarova E.V. Perspektivy okhrany ob"ektov, sozdannykh tekhnologiyami iskusstvennogo intellekta, v ramkakh intellektual'nogo prava [Prospects for protecting objects created by artificial intelligence technologies within intellectual property law] // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2025. Vol. 20. No. 10. P. 96–104. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.096-104. (In Russ.)

[10] Kotenko E.S. Avtorskie prava na mul'timediynnyy produkt [Copyright in a multimedia product]. Moscow: Prospekt, 2013. 144 p. (In Russ.)

[11] Morgunova E.A. Zashchita prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii [Protection of rights to intellectual outputs and means of individualization]. Moscow: Yurayt, 2012. 315 p. (In Russ.)

[12] Dozortsev V.A. Avtorskie prava na fil'm kak slozhnoe mnogosloynoe proizvedenie [Copyright in a film as a complex multilayered work] // Intellektual'nye prava: ponyatie, sistema, zadachi kodifikatsii [Intellectual rights: concept, system, and codification tasks]. Moscow: Statut, 2005. P. 143–170. (In Russ.)

[13] Fritz J. Understanding authorship in Artificial Intelligence-assisted works // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. Iss. 5. P. 354–364. DOI: 10.1093/jiplp/jpae119.

[14] Selvadurai N., Matulionyte R. Reconsidering creativity: copyright protection for works generated using artificial intelligence // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. Iss. 7. P. 536–543. DOI: 10.1093/jiplp/jpaa062.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-189-195

ГРИШИНА Анна Борисовна,
адъюнкт адъюнктуры, Уфимский ЮИ МВД России,
e-mail: AnnaBorisovna2025@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОДЕЙСТВИИ ПРАВОСУДИЮ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных проблем внедрения искусственного интеллекта в механизм реализации функции содействия правосудию в российском уголовном судопроизводстве. Целью статьи является определение оптимального баланса между прагматическим потенциалом Искусственного интеллекта и обеспечением правовых гарантий личности в уголовном процессе. Автор отмечает, что на современном тапе развития возможно только вспомогательное использование алгоритмических систем, преимущественно относящихся к категории «слабый искусственный интеллект». В статье раскрывает прагматический потенциал искусственного интеллекта применительно к разным субъектам содействия правосудию (следователь, дознаватель, прокурор, защитник, иные участники). Вместе с тем основное внимание уделено этико-правовым рискам, игнорирование которых способно повлечь причинение вреда правам участников уголовного процесса. В заключение статьи автором предлагается внедрение в уголовно-процессуальное законодательство принципа инструментальной субординации и персональной ответственности, закрепляющего исключительно вспомогательный характер искусственного интеллекта и недопустимость автоматического принятия решений. Обосновывается необходимость разработки отечественных интеллектуальных систем с подотчетной логикой работы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, уголовный процесс, содействие правосудию, этико-правовые риски, цифровая трансформация, персональная ответственность, «черный ящик».

GRISHINA Anna Borisovna,
Associate Professor,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROMOTION OF JUSTICE: PROSPECTS AND RISKS

Annotation. The article is devoted to the study of topical issues of the introduction of artificial intelligence into the mechanism for the implementation of the function of promoting justice in Russian criminal proceedings. The purpose of the article is to determine the optimal balance between the pragmatic potential of artificial intelligence and ensuring the legal guarantees of the individual in the criminal process. The author notes that at the present stage of development, only the auxiliary use of algorithmic systems is possible, mainly belonging to the category of “weak artificial intelligence”. The article reveals the pragmatic potential of artificial intelligence in relation to various subjects of assistance to justice (investigator, investigator, prosecutor, defender, other participants). At the same time, the main attention is paid to ethical and legal risks, ignoring which can lead to infringement of the rights of participants in the criminal process. In conclusion, the author suggests introducing into the criminal procedure legislation the principle of instrumental subordination and personal responsibility, which establishes the exclusively auxiliary nature of artificial intelligence and the inadmissibility of automatic decision-making. The necessity of developing domestic intelligent systems with accountable functioning logic is substantiated.

Key words: artificial intelligence, information technology, criminal procedure, assistance to justice, ethical and legal risks, digital transformation, personal responsibility, “black box”.

Современный этап технологического развития характеризуется цифровой трансформацией всех отраслей жизнедеятельности человека, включая сферу правоприменения и судопроизводства. Интеграция систем искусственного интеллекта в юридическую практику перестает быть предметом футурологических прогнозов, становясь объективной реальностью, требующей научного осмысления. Наибольшую значимость исследование данного феномена приобретает в контексте уголовного судопроизводства – области, непосредственно затрагивающей права и законные интересы человека.

Внедрение технологий искусственного интеллекта способно существенно оптимизировать реализацию функции содействия правосудию [1, с. 233]. Способность к обработке неограниченного объема информации, выявлению скрытых взаимосвязей, прогнозированию развития процессуальных ситуаций и другие возможности искусственного интеллекта способны повысить эффективность деятельности субъектов, оказывающих содействие правосудию, и обеспечить объективность принимаемых решений.

Однако наряду с преимуществами, имплементация систем искусственного интеллекта в сферу уголовного процесса сопряжена с комплексом этико-правовых рисков, игнорирование которых способно повлечь причинение вреда правам участников уголовного процесса.

При исследовании возможностей и перспектив имплементации технологий искусственного интеллекта в механизм реализации функции содействия правосудию следует учитывать, что на территории Российской Федерации, равно как и в большинстве других стран, функционируют исключительно системы, относящиеся к категории слабого искусственного интеллекта. Учитывая данное обстоятельство, считаем обоснованной точку зрения О.В. Химичевой, которая подчеркивает исключительно вспомогательный характер использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве [2, с. 208].

Искусственный интеллект, обладает рядом преимуществ, обуславливающих его эффективность в уголовно-процессуальной деятельности: способность к обработке неограниченных объемов информации; высокая скорость обработки данных и оперативность; беспристрастность интеллектуальных систем; способность к выявлению скрытых корреляций и неочевидных связей; автоматизация рутинных операций и высвобождение человеческого ресурса.

Функциональные возможности технологий искусственного интеллекта обуславливают его значительный прикладной потенциал примени-

тельно к различным категориям субъектов содействия правосудию. Так, технологии искусственного интеллекта способны существенно оптимизировать деятельность:

1. Представителей стороны обвинения (дознавателя, следователя, прокурора).

Как справедливо отмечается в современной доктрине, в большинстве случаев результат вмешательства искусственного интеллекта в процессуальную деятельность стороны обвинения будет обеспечивать формальную помощь, которая не повлечет за собой юридически значимых последствий, однако существенно снизит процессуальную нагрузку на должностных лиц стороны обвинения – следователя, дознавателя, прокурора [3, с. 117]. Приоритетными направлениями внедрения искусственного интеллекта выступают внедрение новых инструментов раскрытия и расследования преступлений (анализ больших данных, предварительная квалификация преступлений); составление проектов процессуальных документов на основе структурированной информации; автоматизированный анализ материалов уголовного дела с выявлением логических противоречий и пробелов в доказательственной базе; повышение качества проведения следственных действий.

Особого внимания заслуживает потенциал искусственного интеллекта в области поддержки принятия решений, где на основе обученных моделей судебной практики и ведомственных разъяснений должностному лицу предлагается вероятностный сценарий развития уголовного дела, включая прогноз судебной перспективы обвинения. Дополнительным оптимизационным ресурсом выступает транскрибирование допросов: технологии автоматического распознавания речи позволяют составлять проект протокола допроса по его аудиозаписи, освобождая следователя от рукописной и машинописной фиксации и позволяя сосредоточиться на тактической стороне следственного действия. При этом, как отмечает М.Р. Глушков, на этапе «обучения» программы важно ввести в компьютер составленные ею пока несовершенные протоколы, исправленные следователем, с тем чтобы она «понимала», как правильно [4, с. 44].

Заслуживает внимания положение, высказанное А.А. Емелиной, согласно которому одним из перспективных направлений внедрения искусственного интеллекта в уголовный процесс выступает развитие электронного документооборота [5, С. 224]. По мнению автора, на текущем уровне развития компьютерных технологий имеется объективная возможность перехода на электронный документооборот. В качестве показательного примера выступает опыт Китайской

Народной Республики, где в ряде регионов функционирует «Система 206» – интеллектуальная система обработки дел, которая способна собирать все документы, касающиеся конкретного дела, анализировать и предлагать конкретную квалификацию совершенного деяния, а также вид и размер наказания [6].

Значимым направлением является оптимизация деятельности прокурора посредством автоматизированной проверки материалов уголовного дела. Как показывает опыт внедрения ИИ-ассистента в прокуратуре Саратовской области, система способна за часы провести семантический анализ тысячи страниц протоколов допросов, заключений экспертов и иных документов, выявить скрытые противоречия в показаниях различных лиц, идентифицировать участников преступных схем, построить хронологию событий и установить корреляции, неочевидные для человека. Кроме того, система искусственного интеллекта выступает как система контроля, проверяя процессуальные документы на соответствие требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7, с. 61].

2. Представителей стороны защиты (защитника).

В доктрине уголовно-процессуального права традиционно подчеркивается, что сторона защиты находится в менее обеспеченном положении по сравнению с органами предварительного расследования и прокуратурой, располагающими административными, кадровыми и финансовыми ресурсами. Внедрение искусственного интеллекта в деятельность защитника способно не только частично нивелировать указанный дисбаланс, но и придать качественно новый уровень реализации права на защиту.

Одним из наиболее востребованных направлений применения искусственного интеллекта в деятельности стороны защиты, по нашему мнению, выступает поиск и анализ судебной практики [8, с. 54]. Традиционный поиск в банках судебных решений с использованием ключевых слов или реквизитов дела, ограничен субъективностью выбора критериев поиска, неполнотой выборки и невозможностью охватить значительные массивы данных. Использование искусственного интеллекта позволит адвокату не только находить релевантные судебные акты, но и осуществлять их автоматизированную группировку по множеству признаков, выявляя статистически значимые зависимости.

Использование искусственного интеллекта в деятельности защитника обосновано при анализе материалов уголовного дела и выявлении доказательственных дефектов. Традиционный

анализ томов уголовного дела защитником сопряжен со значительными временными затратами и риском «человеческого фактора», обусловленного усталостью и избирательностью внимания человека. Системы искусственного интеллекта, использующие технологию прогностического кодирования, позволяют адвокату оперативно обрабатывать массивы документов, выделяя релевантные фрагменты, содержащие юридически значимые противоречия, нарушения процессуальных прав подзащитного или доказательств, полученных с нарушением закона. Прецедентом данного направления использования искусственного интеллекта выступает судебное дело 2012 года *Da Silva Moore vs. Publicus Groupe*, где суд признал допустимым использование нейросетевого анализа документов в силу его субъективности и беспристрастности [9].

Использование искусственного интеллекта позволяет автоматизировать составление проектов ходатайств, жалоб, заявлений и иных процессуальных документов. При этом система способна учитывать актуальную правовую позицию вышестоящих судов, что повышает юридическую обоснованность подготовленных защитником документов.

Одним из перспективных, но одновременно дискуссионных направлений выступает прогнозирование исхода уголовного дела с использованием алгоритмов машинного обучения [10, с. 34]. Адвокат, используя такой инструмент, может получить объективные данные о вероятности обвинительного или оправдательного приговора, о возможных сроках судебного разбирательства, а также о перспективах досудебного соглашения или признания вины. Применение прогностической аналитики стороной защиты позволяет обоснованно выбирать между различными процессуальными стратегиями, а также более эффективно управлять ожиданиями подзащитного.

3. Иных участников уголовного судопроизводства (эксперта, специалиста, переводчика).

В структуре деятельности иных участников наиболее актуальной и востребованной выступает оптимизация деятельности эксперта по проведению судебных экспертиз. Приоритетным направлением выступает внедрение технологий искусственного интеллекта, позволяющих автоматизировать анализ сложных данных, минимизировать влияние субъективных факторов, а также повысить качество и достоверность экспертных выводов. В юридической литературе обоснованно отмечается, что искусственный интеллект уже применяется для решения широкого круга экспертных задач: обработка больших объемов текстовых данных (сообщения в социальных сетях, электронные письма), расшиф-

ровка чатов, распознавание лиц, ускоренный анализ больших массивов данных (образцы ДНК, отпечатки пальцев рук) и др. [11, с. 63].

Особого внимания заслуживает возможность выдачи искусственным интеллектом оперативных экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста. Так, в российской практике по делам о нарушении авторских прав, в частности, о публичном воспроизведении музыки без лицензии в торговых центрах, кафе и ресторанах, наряду с заключением музыковеда стали приниматься данные из приложения «Shazam», экспертиза с помощью которой осуществляется быстрее традиционной музыковедческой [12, с. 60].

Кроме того, в число задач, разрешаемых с использованием современных технических средств, отдельные ученые включают идентификацию человека по его биометрическим персональным данным, голосу, сформировавшимся навыкам (например, движениям письма) [13, с. 331].

Одним из перспективных, но дискуссионных направлений внедрения искусственного интеллекта является осуществление синхронного профессионального юридического перевода, целью которого выступает обеспечение конституционных прав сторон (ч. 2 ст. 18, ст. 59 УПК РФ) и основных принципов правосудия [14]. Следственная и судебная практика испытывает хронический дефицит переводчиков, особенно редких языков. Ожидание специалиста может составлять несколько дней даже для производства одного следственного действия, а привлечение его из другого региона влечет задержки расследования, противоречащие принципу разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ). Искусственный интеллект, обладающий базой данных по большинству языков мира, способен обеспечить перевод в режиме реального времени, что критически важно на первоначальном этапе, когда лицо, не владеющее русским языком, доставлено в отдел полиции и не понимает оснований применяемых мер процессуального принуждения.

Вместе с тем, как обоснованно отмечает Н.А. Баканов, полная замена профессионального переводчика в уголовном процессе невозможна в силу действующего правового регулирования и технологического несовершенства интеллектуальных систем в сфере юридического перевода [15, с. 208]. На современном этапе допустимо лишь использование искусственного интеллекта для выполнения функции оперативного черного перевода либо вспомогательного инструмента в руках профессионального переводчика.

Помимо оптимизации деятельности указанных субъектов, внедрение искусственного интел-

лекта приносит пользу уголовному правосудию в целом, поскольку способствует повышению эффективности процессуальной деятельности, сокращению временных и организационных затрат на производство процессуальных действий, снижению вероятности ошибок, связанных с человеческим фактором и созданию условий для более полного и всестороннего исследования доказательств.

Однако, несмотря на очевидный прагматический потенциал систем искусственного интеллекта, их имплементация в механизм реализации функции содействия правосудию сопровождается рядом существенных этико-правовых рисков. Игнорирование последних способно не только нивелировать потенциальные преимущества от внедрения рассматриваемых технологий, но и детерминировать причинение вреда правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства.

В рамках настоящей статьи представляется целесообразным фокусирование на этико-правовых рисках использования искусственного интеллекта, поскольку именно они непосредственно затрагивают фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, а следовательно, требуют доктринального осмысления и адекватного нормативного реагирования. Среди наиболее значимых с точки зрения реализации функции содействия правосудию можно выделить: риск подмены профессионального правового суждения результатами алгоритмической обработки и риск размывания персональной ответственности.

1. Риск подмены профессионального правового суждения результатами машинной алгоритмической обработки. Сущность данного риска заключается в формировании у субъектов, реализующих функцию содействия правосудию, предрасположенности к некритическому восприятию выводов искусственного интеллекта как заведомо объективных и безошибочных. В результате генерируемые алгоритмом выводы воспринимаются не в качестве инструмента для анализа, а как готовое, не подлежащее сомнению процессуальное решение.

Формирование такого абсолютного доверия к технологиям искусственного интеллекта недопустимо, а в отдельных случаях даже опасно, в силу некоторых особенностей слабого искусственного интеллекта:

- восприятие ошибок и предвзятостей в обучающих материалах в качестве закономерностей. Алгоритмы искусственного интеллекта, обрабатывая представленные для обучения материалы (архивные материалы

уголовных дел, статистические выборки, материалы опубликованной судебной практики) не способны к разграничению объективно верных правовых подходов от ошибочных и предвзятых. Если исходные данные обучающих материалов, содержат ошибки и предубеждения, алгоритм неизбежно унаследует данные закономерности и начнет воспроизводить их в своих выводах [16, с. 235];

- механизм принятия решений по принципу «черного ящика». Современные нейросетевые модели характеризуются отсутствием прозрачности и подотчетности логики принимаемого решения (конечного вывода), в связи с чем участники уголовного процесса не имеют возможности проверить, на основании каких именно признаков система сформировала тот или иной вывод [17, с. 50]. Необъяснимость принятых решений противоречит ч. 4 ст. 7 УПК РФ, которая предписывает, что любое процессуальное решение в уголовном судопроизводстве должно быть законным, обоснованным и мотивированным;
 - отсутствие способности к правовой герменевтике. Искусственный интеллект не способен к творческому осмыслению исключительных обстоятельств, применению принципов справедливости и целесообразности в ситуациях, выходящих за пределы формальных критериев. В силу своей алгоритмической природы искусственный интеллект лишен возможности отступать от заложенных предписаний, что делает его беспомощным при разрешении нетипичных, казуистичных дел, требующих человеческого правового суждения;
 - подверженность технологическим сбоям, программным ошибкам и нестабильности работы алгоритмов. Как и любая техническая система, искусственный интеллект подвержен рискам сбоев, ошибок и преднамеренного вмешательства в работу алгоритмов (кибератаки, подмена данных), что может приводить к утрате, искажению или уничтожению процессуально значимой информации.
2. Риск размывания персональной ответственности. Содержание данного риска составляет возникновение нормативной и фактической неопределенности относительно субъекта, который должен нести ответственность за противоправные и вредоносные последствия, порожденные функционированием автоматизированных и интеллектуальных систем.

Невозможность привлечения к ответственности за ошибки искусственного интеллекта может формировать у субъектов содействия правосудию, особенно у властных субъектов, установку на безответственное использование данной технологии. Недобросовестные должностные лица способны злоупотреблять этим, прикрываясь «объективностью машинного решения» для оправдания заведомо незаконных действий и перекладывая вину на алгоритм. Подобный подход нивелирует содействие правосудию со стороны органов предварительного расследования.

В результате проведенного исследования установлено, что искусственный интеллект благодаря своим функциональным возможностям обладает значительным прагматическим потенциалом для оптимизации деятельности субъектов, реализующих функцию содействия правосудию. Однако отдельные особенности функционирования интеллектуальных систем формируют совокупность рисков этико-правового характера.

Для минимизации выявленных рисков и обеспечения эффективной реализации содействия правосудию с использованием искусственного интеллекта требуется разработка отечественных интеллектуальных систем с подотчетным механизмом принятия решений и устойчивостью к технологическим сбоям, а также внешнему вмешательству.

Кроме того, считаем необходимым внедрение в уголовно-процессуальный закон принципа «инструментальной субординации и персональной ответственности»:

Использование систем искусственного интеллекта, в уголовном судопроизводстве допустимо исключительно в качестве вспомогательного инструмента, усиливающего аналитические, поисковые и организационные возможности участников уголовного процесса. Любое процессуальное решение, затрагивающее права и свободы личности, окончательно формируется, принимается человеком и сопровождается персональной ответственностью уполномоченного должностного лица (следователя, дознавателя, прокурора) на основе его внутреннего убеждения, сформулированного в результате критической оценки как совокупности доказательств, так и результатов, полученных с применением информационных технологий.

Список литературы:

[1] Гришина А.Б. Содействие правосудию как основа преодоления асимметрии в возможностях использования информационных технологий участниками уголовного процесса / А. Б. Гришина // Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых техно-

логий : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса, Уфа, 17 октября 2025 года. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 230-235.

[2] Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205-210.

[3] Шалашников Г.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / Г.В. Шалашников // Вестник МПА ВПА (сборник научных трудов). 2024. – № 2(6). С. 117-121.

[4] Глушков М.Р. О некоторых реальных возможностях применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 39-46.

[5] Емелина А.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе / А. А. Емелина // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы III Международного молодежного юридического форума, Тюмень, 16-18 мая 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 222-228.

[6] Сумин А.А., Химичева О.В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств азиатско-тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18-21.

[7] Арзуманян А.Э. Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки // Юридические исследования. 2025. № 12. С.56-71.

[8] Шаранов С.В. Права, обязанности и ответственность адвоката при использовании искусственного интеллекта // Закон и право. 2025. №11. С.53-57.

[9] Da Silva Moore v. Publicis Groupe, 868 F. Supp. 2d 137 - Dist. Court, SD New York. (2012).

[10] Туркова И.М. Правовой искусственный интеллект // Вестник магистратуры. 2023. №4-1 (139). С. 32-37.

[11] Чеснокова Е.В., Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Никулина М.В. Искусственный интеллект в судебной экспертиологии. Теория и практика судебной экспертизы. 2023. №18(3). С. 60-77.

[12] Кирова Л.М., Макаревич М.Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1(27). С. 58-63.

[13] Торопов С.А. Возможности использования искусственного интеллекта для решения

задач судебной экспертизы / С. А. Торопов // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : Сборник статей по результатам III международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 декабря 2023 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 328-333.

[14] Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8-12.

[15] Баканов Н.А. Замена переводчика на искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве. Вымысел или реальность? / Н. А. Баканов // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : Материалы VII Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2023 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 204-209.

[16] Мурашев П.М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы // Закон и право. 2025. №10. С. 233-238.

[17] Баблакова К.Р. Использование искусственного интеллекта и алгоритмов в доказывании по уголовным делам: этические и правовые риски / К. Р. Баблакова, Д. О. Куропова // Научно-технический прогресс: информация, технологии, механизм: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 декабря 2025 г., г. Тюмень). В 3 ч. Ч. 3 / Уфа: Аэтерна, 2025. С. 47-51.

References:

[1] Grishina A.B. Assistance to justice as a basis for overcoming the asymmetry in the possibilities of using information technologies by participants in the criminal process/A. B. Grishina// Topical issues of investigating crimes in the development of digital technologies: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics and the Department of Criminal Procedure, Ufa, October 17, 2025. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. S. 230-235.

[2] Fedorovich V.Yu., Khimicheva O.V., Andreev A.V. Introduction of informatization and artificial intelligence technologies as promising directions for the development of modern criminal proceedings//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. S. 205-210.

[3] Shalashnikov G.V. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings/G.V. Shalashnikov//Bulletin of the IPA WPA (collection of scientific papers). 2024. – № 2(6). S. 117-121.

[4] Glushkov M.R. On some real possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings// Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. 2025. № 3. S. 39-46.

[5] Emelina A.A. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings/A.A. Emelina//Law Afterknown: law beyond the ordinary: materials of the III International Youth Legal Forum, Tyumen, May 16-18, 2024. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. S. 222-228.

[6] Sumin A.A., Khimicheva O.V. Artificial intelligence in the criminal process of the states of the Asia-Pacific region: general overview//International criminal law and international justice. 2020. № 2. С. 18-21.

[7] Arzumanyan A.E. The use of artificial intelligence systems in the criminal procedural activities of the prosecutor: advantages and disadvantages// Legal research. 2025. № 12. S.56-71.

[8] Sharanov S.V. Rights, duties and responsibilities of a lawyer when using artificial intelligence// Law and law. 2025. №11. S.53-57.

[9] Da Silva Moore v. Publicis Groupe, 868 F. Supp. 2d 137 - Dist. Court, SD New York. (2012).

[10] Turkova I.M. Legal artificial intelligence// Bulletin of the magistracy. 2023. №4-1 (139). S. 32-37.

[11] Chesnokova E.V., Usov A.I., Omelyanyuk G.G., Nikulina M.V. Artificial intelligence in forensic science. Theory and practice of forensic science. 2023. №18(3). S. 60-77.

[12] Kirova L.M., Makarevich M.L. Legal aspects of the use of neural networks//Innovative economics:

prospects for development and improvement. 2018. № 1(27). S. 58-63.

[13] Toropov S.A. Possibilities of using artificial intelligence to solve forensic problems/S. A. Toropov//Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: Collection of articles based on the results of the III International Scientific and Practical Conference, Simferopol, December 15, 2023. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House "Arial," 2024. S. 328-333.

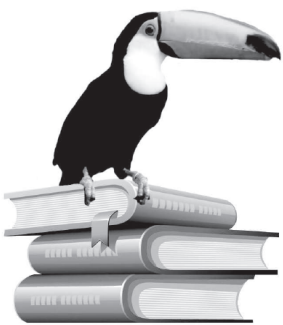
[14] Morhat P.M. Opportunities, features and conditions for the use of artificial intelligence in legal practice//Court administrator. 2018. № 2. S. 8-12.

[15] Bakanov N.A. Replacement of the translator with artificial intelligence in criminal proceedings. Fiction or reality ?/N. A. Bakanov//Investigative activity: problems, their solution, development prospects: Materials of the VII All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Moscow, November 27, 2023. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024. S. 204-209.

[16] Murashev P.M. Artificial intelligence in criminal proceedings: risks and challenges//Law and law. 2025. №10. S. 233-238.

[17] Bablakova K.R. The use of artificial intelligence and algorithms in proving criminal cases: ethical and legal risks/K. R. Bablakova, D. O. Kuropova// Scientific and technological progress: information, technologies, mechanism: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (December 20, 2025, Tyumen). At 3 h. Part 3/Ufa: Aeterna, 2025. S. 47-51.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ГРИЦУК Александр Андреевич,
аспирант юридического факультета,
«Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
e-mail: gritsalekc@yandex.ru

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ теоретических и практических проблем применения института исковой давности к деликтным обязательствам (обязательствам вследствие причинения вреда). В статье исследуется дуализм субъективного и объективного критериев при определении начала течения давностного срока, выявляя коллизии между принципами правовой определенности и необходимостью полного возмещения ущерба. Особое внимание уделено специфике исчисления сроков при возмещении вреда, причиненного преступлением, а также проблематике скрытых недостатков в подрядных отношениях, квалифицируемых как деликты. Детализирован процессуальный алгоритм применения давности в результате анализа судебных трендов 2024–2025 годов. Процессуальный алгоритм увязан в единую систему стадию заявления ходатайства, стандарт доказывания осведомленности истца, критерии недобросовестного поведения ответчика. Существует необходимость законодательных правок — прежде всего в части жесткой фиксации правил перерыва срока, наделения судов дискреционными полномочиями оценки уважительности причин его пропуска в связи с выявленными правоприменительными разрывами.

Ключевые слова: исковая давность, возмещение вреда, деликтные обязательства, срок исковой давности, начало течения срока, судебная практика, вред, причиненный преступлением, злоупотребление правом, объективный срок давности.

GRITSUK A.A.,
Postgraduate student of the Faculty of Law
Moscow Financial and Industrial
University “Synergy”

STATUTE OF LIMITATIONS FOR CLAIMS FOR DAMAGES: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article analyzes the current problems of applying the statute of limitations to claims for damages (losses). It explores the theoretical and practical aspects of determining the starting point of the limitation period, including its application to claims arising from harm caused by a crime. Based on an analysis of current legislation, doctrinal approaches, and modern judicial practice, including court decisions from 2024–2025, the key trends in the development of this institution are identified. The author examines the correlation between subjective and objective criteria in calculating limitation periods, the problems of protecting victims from latent harm, and abuses by debtors. Special attention is paid to the impact of the reform of civil law obligations on the institute of damages, as well as the dialectical contradiction between the principles of legal certainty and justice in the context of tort liability. In conclusion, proposals are formulated to improve legal regulation and unify law enforcement practice in order to ensure a balance of interests of civil turnover participants and enhance legal certainty.

Key words: statute of limitations, compensation for harm, tort liability, limitation period, commencement of the limitation period, judicial practice, harm caused by a crime, abuse of rights, objective limitation period.

Институт исковой давности занимает центральное место в системе гражданского права, выполняя двойственную, диалектически сложную функцию. С одной стороны, он служит фундаментальной цели стабилизации гражданского оборота. Правовая определенность требует, чтобы участники правоотношений не находились под вечной угрозой судебного преследования за события, имевшие место в далеком прошлом. Это дисциплинирует оборот и предотвращает ситуации, когда защита права становится невозможной из-за утраты доказательств или смерти свидетелей. С другой стороны, исковая давность выступает мощным стимулом для управомоченного лица (кредитора), побуждая его к своевременной и активной защите своих нарушенных прав, не допуская пренебрежения собственными интересами. Как справедливо отмечал классик российской цивилистики Г.Ф. Шершеневич, «давность не есть только потеря права, но и приобретение безопасности» [1].

Однако в сфере обязательств вследствие причинения вреда (деликтных обязательств) применение исковой давности сопряжено с наибольшими трудностями как этического, так и сугубо правового характера. В отличие от договорных отношений, где стороны заранее знают друг друга, осведомлены о сроках исполнения обязательств и находятся в правовой связи до момента нарушения, деликтные отношения возникают внезапно (*ex delicto*). Они зачастую носят скрытый, латентный характер, а личность причинителя вреда может оставаться неизвестной потерпевшему на протяжении длительного времени. В таких условиях жесткое, формальное применение сроков давности может привести к фактическому отказу в правосудии и невозможности восстановления нарушенных прав, что входит в прямое противоречие с конституционным принципом полного возмещения вреда.

Масштабная реформа гражданского законодательства, затронувшая в том числе главу 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), ввела новые правила исчисления сроков, включая так называемый «объективный» предельный десятилетний срок. Тем не менее, анализ правоприменительной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции за 2024–2025 годы показывает, что суды продолжают сталкиваться со сложными казусами, требующими нетривиального толкования норм права, балансируя между буквой закона и принципами справедливости. Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем применения исковой давности по делам о возмещении вреда в современных условиях и поиск путей их доктринального и законодательного решения.

Проблема определения начала течения срока: субъективный критерий в фокусе судебной практики

Согласно общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 200 ГК РФ, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Данная формула, сочетающая субъективный элемент (фактическое знание — «узнало») и объективированный стандарт поведения (должное знание — «должно было узнать»), является краеугольным камнем современного регулирования.

Основная проблема правоприменения заключается в толковании оценочной категории «должно было узнать». Законодатель не раскрывает этот критерий, оставляя его на усмотрение суда. Суды вынуждены в каждом конкретном деле конструировать абстрактную модель поведения «разумного и осмотрительного участника оборота», чтобы определить, мог ли истец при должной заботливости выявить вред раньше, чем он фактически это сделал. Если суд приходит к выводу, что мог, то срок давности исчисляется не с момента фактического обнаружения вреда, а с момента, когда это стало объективно возможным.

Особенно ярко и остро эта проблема проявляется в спорах, вытекающих из некачественного выполнения строительных, проектных и иных подрядных работ, где недостатки могут носить скрытый характер и проявляться спустя годы после формальной сдачи-приемки. В таких ситуациях суды все чаще встают на сторону потерпевшего, отказываясь от формального исчисления срока с момента подписания актов. Показательным примером служит Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.11.2024 по делу № А46-12041/2023. Фабула дела касалась недостатков проектно-сметной документации, которая была разработана и передана заказчику еще в 2018 году. Заказчик обнаружил недостатки только в 2022 году, в процессе эксплуатации объекта, а иск подал в 2023-м. Ответчик, ссылаясь на формальное истечение трехлетнего срока с момента передачи работ, настаивал на отказе в иске. Однако суд кассационной инстанции поддержал позицию нижестоящих судов, указав, что срок давности не пропущен. Ключевым аргументом стало то, что недостатки носили скрытый характер и не могли быть выявлены при обычной приемке документации непрофессионалом в момент передачи. Суд подчеркнул, что срок исковой давности нужно отсчитывать с момента, когда заказчик реально узнал о нарушении (в 2022 году), так как иное толкова-

ние лишало бы его права на судебную защиту и поощряло бы недобросовестное поведение подрядчика [2].

Этот подход коррелирует с доктринальным мнением В.А. Рясенцева, который еще в советский период указывал, что для начала течения давности необходимо наличие у потерпевшего реальной возможности для предъявления иска, что подразумевает знание о факте вреда, его размере и личности причинителя [3]. Современная практика, по сути, развивает этот тезис, вводя презумпцию добросовестности потерпевшего: пока не доказано, что он проявил явную небрежность в выявлении вреда, срок течет с момента фактического обнаружения.

В то же время, Верховный Суд РФ продолжает уточнять границы применения различных сроков, разграничивая гарантийные сроки и сроки исковой давности. Важным ориентиром стало Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2025 № 306-ЭС25-1348 по делу № А65-17459/2021. Рассматривая спор о возмещении убытков за строительные дефекты, высшая инстанция разъяснила, что двухлетний срок, установленный статьей 477 ГК РФ, не является сроком исковой давности (пресекательным сроком для обращения в суд), а представляет собой период для выявления и предъявления претензии о недостатках товара. Сам же трехлетний срок исковой давности начинает течь с момента обнаружения недостатка в пределах этого двухлетнего (или иного гарантийного) срока [4]. Это разъяснение имеет фундаментальное значение, так как на практике суды нередко смешивали эти понятия, необоснованно отказывая в исках по истечении двух лет.

Специфика исчисления давности при возмещении вреда, причиненного преступлением

Деликтные обязательства, возникающие вследствие совершения преступления, обладают особой спецификой. Здесь гражданско-правовая ответственность тесно переплетена с публично-правовой (уголовно-процессуальной) деятельностью государства. Центральный вопрос, возникающий в практике: влияет ли ход расследования уголовного дела на течение срока исковой давности по гражданскому иску о возмещении вреда?

Долгое время существовала правовая неопределенность. С одной стороны, право на иск возникает в момент причинения вреда. С другой стороны, до установления виновного лица вступившим в законную силу приговором суда потерпевший часто не обладает достаточной информацией для подачи обоснованного гражданского

иска, а презумпция невиновности препятствует окончательному утверждению о том, что именно данное лицо является причинителем вреда.

Актуальная судебная практика 2024–2025 годов демонстрирует устойчивый тренд на защиту интересов потерпевших в таких ситуациях. Суды признают, что пока вина причинителя вреда не установлена приговором, у потерпевшего могут отсутствовать объективные данные о надлежащем ответчике. Так, в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 15.05.2024 по делу № 33-10462/2024 суд пришел к выводу, что само по себе возбуждение уголовного дела не запускает течение срока исковой давности. В мотивировочной части суд указал, что на этапе возбуждения дела и предварительного следствия истец не мог достоверно знать, какое именно лицо является причинителем вреда, так как вина устанавливается только приговором суда. Следовательно, срок исковой давности начинает течь лишь с момента вступления приговора в законную силу [5].

Такая позиция представляется единственно верной с точки зрения справедливости и логики права. Возложение на потерпевшего обязанности подавать гражданский иск «вслепую», до окончания расследования, лишь для соблюдения формальных сроков давности, привело бы к перегрузке судов необоснованными исками и массовому приостановлению производства по ним до разрешения уголовных дел (в порядке п. 4 ст. 61 ГПК РФ). Тем не менее, стоит отметить, что данное правило не является абсолютным: если личность причинителя вреда очевидна и не требует сложного доказывания в рамках уголовного процесса (например, при очевидном ДТП), суд может применить и общий порядок исчисления срока, не дожидаясь приговора.

Объективный (предельный) срок исковой давности и злоупотребление правом

Важной новеллой реформы гражданского законодательства стало введение в 2013 году в ГК РФ предельного десятилетнего срока исковой давности (пункт 2 статьи 196 ГК РФ), который исчисляется со дня нарушения права независимо от осведомленности потерпевшего. Этот срок называют «объективным», так как он не зависит от субъективного знания истца. Его цель – установить окончательную временную границу для любых требований, обеспечив глобальную правовую определенность («право на забвение» для гражданского оборота).

Практика 2024–2025 годов показывает, что суды применяют эту норму достаточно жестко, рассматривая её как абсолютное основание для

отказа в иске. Примером служит Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2024 года № 02АП-3338/24. Суд, рассматривая спор, возникший из правоотношений более чем десятилетней давности, отказал в удовлетворении требований исключительно на основании истечения десятилетнего срока, установленного п. 2 ст. 196 ГК РФ, не входя в детальное обсуждение уважительности причин пропуска или момента осведомленности истца [6].

Однако применение объективного срока к деликтным требованиям вызывает серьезные дискуссии в научном сообществе. В ряде случаев вред может носить латентный характер (например, экологический ущерб, вред здоровью от длительного воздействия радиации или химикатов) и проявиться спустя десятилетия. Формальное применение закона в таких случаях оставляет потерпевшего без защиты, что выглядит несправедливо. Важно отметить, что законодатель предусмотрел гуманистические исключения. Согласно ст. 208 ГК РФ, исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, а также на требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Однако это не спасает в случаях причинения вреда имуществу.

Здесь на помощь приходит доктрина злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Если ответчик умышленно скрывал факт причинения вреда, создавая видимость благополучия, чтобы истек десятилетний срок, его ссылка на давность может быть признана злоупотреблением правом. Как указывал Д.Д. Grimm, «вменение последствий пропуска давностного срока в подобных условиях было бы противно справедливости» [7]. Современные суды, хотя и с осторожностью, начинают применять этот подход, отказывая недобросовестным ответчикам в применении исковой давности даже при формальном истечении предельного срока.

Процессуальные особенности применения исковой давности в современных реалиях

Вопросы применения исковой давности имеют материально-правовой и ярко выраженный процессуальный аспект. Судебная практика последних лет четко кристаллизует правила поведения сторон в процессе при заявлении о пропуске срока. Ошибки в тактике ведения процесса могут стоить стороне проигрыша дела, даже если материальное право на ее стороне.

Во-первых, суды неукоснительно следуют принципу диспозитивности: исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре (п. 2 ст. 199 ГК РФ). Суд не имеет права

применять ее по собственной инициативе, даже если пропуск срока очевиден из материалов дела. Это подтверждается Решением Благовещенского районного суда Республики Башкортостан от 28 апреля 2025 года по делу № 2-374/2025. Суд прямо указал, что поскольку ответчик не заявил о пропуске срока до вынесения решения, суд обязан рассмотреть спор по существу, исследуя все доказательства вины и размера вреда [8].

Во-вторых, заявление о пропуске срока является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в иске, без исследования иных фактических обстоятельств дела (наличия вреда, вины, причинно-следственной связи). Это процессуальная экономия, позволяющая судам не тратить ресурсы на рассмотрение заведомо бесперспективных дел. Данный тезис наглядно иллюстрирует Решение Волжского районного суда Самарской области от 12 мая 2025 года по делу № 2-2727/2023, где суд отметил, что установление факта пропуска срока при наличии заявления ответчика освобождает суд от необходимости оценивать доводы истца по существу спора [9].

В-третьих, критически важным аспектом является распределение бремени доказывания. Согласно позиции Определения Верховного Суда РФ от 2 мая 2024 года по делу № А65-25939/2017, именно ответчик, заявляющий о пропуске срока, несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о том, что истец узнал или должен был узнать о нарушении своего права ранее, чем утверждает. Если ответчик не представляет таких убедительных доказательств (например, переписки, актов, свидетельских показаний), все сомнения толкуются судом в пользу сохранения права на иск [10].

Заключение

Проведенный анализ теоретических конструкций и актуальной правоприменительной практики 2024–2025 годов позволяет сделать вывод о том, что институт исковой давности по требованиям о возмещении вреда находится в состоянии динамического развития. Суды постепенно отходят от жесткого формализма в пользу более гибкого подхода, ориентированного на фактические обстоятельства осведомленности потерпевшего («субъективный критерий») и принцип добросовестности.

Вместе с тем, в правовом регулировании сохраняется ряд системных проблем: отсутствие четких законодательных критериев «должного знания» о нарушении, что приводит к разрозненной судебной практике в разных регионах; сложности с применением предельного (объективного) срока давности в случаях латентного имуще-

ственного вреда; необходимость более четкого регулирования влияния уголовного судопроизводства на течение гражданской давности.

Для решения этих проблем представляется целесообразным: во-первых, закрепить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ презумпцию неосведомленности потерпевшего о личности причинителя вреда до вступления в силу соответствующего процессуального акта правоохранительных органов. Во-вторых, развивать практику применения ст. 10 ГК РФ для блокирования заявлений о пропуске срока давности со стороны недобросовестных ответчиков, умышленно скрывавших вред. В-третьих, унифицировать подходы судов общей юрисдикции и арбитражных судов к стандартам доказывания момента начала течения срока. Реализация этих предложений позволит повысить эффективность защиты прав потерпевших от деликтов, сохранив при этом баланс интересов всех участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 231
- [2] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.11.2024 по делу № А46-12041/2023
- [3] Рясенцев В.А. Исковая давность. – М.: Юридическая литература, 1957. – С. 24
- [4] Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2025 № 306-ЭС25-1348 по делу № А65-17459/2021.
- [5] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 15.05.2024 по делу № 33-10462/2024
- [6] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2024 года № 02АП-3338/24

[7] Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. – Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1916. – С. 147

[8] Решение Благовещенского районного суда Республики Башкортостан от 28 апреля 2025 года по делу № 2-374/2025

[9] Решение Волжского районного суда Самарской области от 12 мая 2025 года по делу № 2-2727/2023

[10] Определение Верховного Суда РФ от 2 мая 2024 года по делу № А65-25939/2017

References:

- [1] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. VOL. 1. - M.: Statute, 2005. - S. 231
- [2] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 05.11.2024 in case No. A46-12041/2023
- [3] Ryasentsev V.A. Legal prescription. - M.: Legal literature, 1957. - S. 24
- [4] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.07.2025 No. 306-EC25-1348 in case No. A65-17459/2021.
- [5] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the St. Petersburg City Court of 15.05.2024 in case No. 33-10462/2024
- [6] Decision of the Second Arbitration Court of Appeal of September 20, 2024 No. 02AP-3338/24
- [7] Grimm D.D. Lectures on the dogma of Roman law. - Pg.: Printing house M.M. Stasyulevich, 1916. - S. 147
- [8] Decision of the Blagoveshchensk District Court of the Republic of Bashkortostan dated April 28, 2025 in case No. 2-374/2025
- [9] Decision of the Volzhsky District Court of the Samara Region of May 12, 2025 in case No. 2-2727/2023
- [10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 2, 2024 in case No. A65-25939/2017

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЕФИМОВА Влада Владиславовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и административного
судопроизводства Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: kavlada@yandex.ru

ЮДИНА Мария Владимировна,
обучающийся по программе магистратуры
«Правосудие по гражданским, административным делам
и экономическим спорам»
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: judinamariya@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫХОДА СУДА ЗА ПРЕДЕЛЫ ЗАЯВЛЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПО СПОРАМ О ПРИЗНАНИИ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Аннотация. Целью исследования является анализ правовой природы действий суда при применении последствий недействительности ничтожной сделки. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена балансом частной автономии и публичного вмешательства, гарантий справедливого разбирательства и единообразия судебной практики, что определяет её высокую научную и практическую актуальность. Исследуется соотношение действий суда при выявлении оснований ничтожности сделки в рамках рассмотрения основанного на ней спора и института выхода суда за пределы заявленных требований, а публичный интерес как обязательное основание судебской инициативы. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций обосновывается вывод о невозможности применения судом каких-либо последствий недействительности (реституционных, конфискационных, дополнительных) к ничтожной сделке исключительно в порядке реализации дискреционных полномочий, без учета волеизъявления сторон и в отступление от предоставленных им процессуальных гарантий.

Ключевые слова: выход за пределы заявленных требований, ничтожная сделка, публичный интерес, последствия недействительности сделки, реституция.

EFIMOVA Vlada Vladislavovna,
candidate of law,
Associate Professor of the Department of civil
and administrative proceedings
at the Lebedev Russian State University of Justice

YUDINA Maria Vladimirovna,
student in the Master's program
«Civil, Administrative, and Economic Disputes»
at the Lebedev Russian State University of Justice

THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS OF THE COURT'S GOING BEYOND THE STATED CLAIMS IN DISPUTES ON RECOGNIZING A TRANSACTION AS INVALID

Annotation. The purpose of the study is to analyze the legal nature of the court's actions when applying the consequences of the invalidity of a void transaction. The relevance of the issue under study is determined by the balance of private autonomy and public intervention, guarantees of fair trial and uniformity of judicial

practice, which determines its high scientific and practical relevance. The article examines the relationship between the court's actions in identifying the grounds for the nullity of a transaction in the framework of considering a dispute based on it and the institution of the court going beyond the stated requirements, and public interest as a mandatory basis for judicial initiative. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal positions, the conclusion is substantiated that it is impossible for a court to apply any consequences of invalidity (restorative, confiscatory, additional) to a void transaction solely in the exercise of discretionary powers, without taking into account the will of the parties and in deviation from the procedural guarantees provided to them.

Key words: *overstepping the stated claims, voidable transaction, public interest, consequences of invalidity of a transaction, restitution.*

До настоящего времени не получил однозначного понимания институт выхода суда за пределы исковых требований. Наибольшее разнообразие, среди всех случаев применения, демонстрируют возникающие в рамках гражданских правоотношений, а также, отношений с участием граждан-потребителей. Последнее в науке признается сложным видом гражданских отношений ввиду немалого количества специальных норм, отличающихся от положений Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) и носящих протекционистский характер для потребителя [1, с.175-176]. По смыслу нормы, содержащейся в ч. 3 ст. 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) в экстраординарном праве суда выйти за пределы требований истца реализуется необходимая доля следственного начала, когда строгое следование принципам состязательности и диспозитивности не способно обеспечить законное и справедливое решение.

Целесообразно подробнее рассмотреть правовую природу действий суда при применении последствий недействительности к ничтожной сделке.

Большинство исследователей сходятся в представлении о понятии ничтожной сделки – сделка, недействительная изначально независимо от чьей-либо воли ввиду наличия в ней существенных пороков, аннулирующих правовой эффект [2, с.108]. Главным признаком ничтожной сделки является ее недействительность в силу закона, не требующая внешней, в том числе судебной, констатации – «на ничтожность может ссылаться каждый и против каждого» [3, с.307].

Применительно к ничтожной сделке могут заявляться два основных иска – негационный иск (иск о признании ничтожной сделки недействительной) и иск о применении к ней последствий недействительности. Первый предъявляется, если истец имеет законный интерес в таком признании для нейтрализации внешней видимости юридического эффекта сделки, например, когда стороны произвели исполнение, и функция суда

при его рассмотрении является установительной – решение не порождает новых и не прекращает имеющихся материальных правоотношений, лишь констатируя уже существующий факт недействительности. Очевидно, что такой иск отличается от иска о применении последствий недействительности к ничтожной сделке: в последнем случае суд выносит решение о присуждении, тем самым порождая между сторонами реституционные правоотношения [4, с.83]. При этом, если истец, предъявляя требование о применении последствий недействительности к ничтожной сделке, не заявляет отдельного требования о признании ее таковой, суд оценивает его доводы, и, при согласии с ними, в мотивировочной части решения указывает на ничтожность – тем самым происходит «поглощение» иска о признании иском о присуждении [5, с.27] (поскольку для осуществления присуждения суд должен сначала установить наличие соответствующего права).

Отдельно рассматривается ситуация, когда истцом сделка оценивается как действительная, в связи с чем предъявляется основанный на ней иск (например, о расторжении договора и взыскании задолженности), однако судом в ходе рассмотрения дела обнаруживаются основания ничтожности такой сделки. На страницах научной литературы данная ситуация расценивается как «внеисковой режим оспаривания сделок» [5, с.25-26]. Согласно п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда (далее – ВАС РФ) от 23.07.2009 №57, при подготовке к судебному разбирательству суды, в том числе, определяют обстоятельства, свидетельствующие о заключенности и действительности договора, которые далее исследуются при рассмотрении дела по существу. Верховный Суд неоднократно указывал, что «при разрешении требований о взыскании по договору суд оценивает обстоятельства, свидетельствующие о его ничтожности» [6], но, при этом не обладает правом в отсутствие оснований ничтожности сделки по собственной инициативе устанавливать ее недействительность (поскольку таким образом он изменяет способ

защиты права вместо истца) [7]. Иными словами, указанное полномочие не реализуется судом при наличии оспоримой/не ничтожной сделки.

Таким образом, проверка сделки на предмет ее ничтожности осуществляется судом независимо от воли лиц, участвующих в деле, однако выхода за пределы иска в таком случае не возникает – суд отказывает в заявленных требованиях. На иную, нежели у выхода суда за пределы иска, правовую природу такого полномочия указывает и то, что вывод о ничтожности сделки он формулирует в мотивировочной, а не резолютивной части решения.

Гражданское законодательство устанавливает право суда «ex officio» применить последствия недействительности сделок к ничтожной сделке при наличии специального указания закона или для защиты публичного интереса (пункт 4 статьи 166 ГК РФ). Под публичным интересом согласно толкованию Верховного Суда РФ, подразумеваются интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Его наличие в качестве обязательного условия предусмотрено законодателем с целью предотвращения квалификации любого нарушения гражданского законодательства как основания инициативной деятельности суда. Именно по этой причине Верховный Суд РФ разграничивает две внешне схожие ситуации: когда нарушен явно выраженный императивный запрет, влекущий ничтожность сделки (например, страхование противоправного интереса) и когда без указанного нарушения сделка не отвечает требованиям закона или нарушает права публично-правового образования (в таком случае сделка инициативно не признается ничтожной).

Схожий вывод содержится и в научной литературе: само по себе наличие у субъекта права публичных полномочий не свидетельствует, что при вступлении в гражданские правоотношения в качестве юридического лица им реализуется публичный интерес. Указанная категория используется в нормах гражданского законодательства как ориентир для установления каких-либо ограничений действия общих гражданско-правовых правил, а не для обозначения интереса, реализуемого субъектом права в гражданских правоотношениях [8, с.25].

В судебной практике наличие публичного интереса устанавливалось, например, при наличии нарушения порядка заключения договора, предусмотренного законодательством о государственных закупках (суд указал, что нарушение принципов контрактной системы свидетельствует о нарушении публичного интереса) [9]; при признании ничтожным договора купли-продажи

земельного участка, ранее находившегося в муниципальной собственности, (суд указал, что нарушается право неопределенного круга лиц на равный доступ к обороту муниципальных земельных участков) [10] и в иных случаях.

Применение судом последствий недействительности в отсутствие публичных интересов констатируется Верховным Судом РФ как неправомерный выход за пределы иска. Например, в одном из дел было указано, что в споре между первым и последующим цедентом (истцы) и цессионарием о расторжении договора участия в долевом строительстве, признании договора цессии недействительным и исключении из ЕГРН регистрационной записи публичного интереса не имеется, как следствие инициатива суда в применении последствий недействительности незаконна [11].

Наша позиция расходится с утверждением Д.Б. Прасолова, полагающего, что произвольное усмотрение суда в вопросе последствий недействительности сделки не является основанием к отмене судебного акта [12, с.107-108]. В каждом конкретном деле суд обязан учесть все имеющиеся обстоятельства, включая наличие публичного интереса, а также мнение сторон и мотивированно отказаться от реализации своего права или использовать его. Нарушение такого алгоритма действий может свидетельствовать о том, что судом ненадлежащим образом проведена подготовка к судебному разбирательству (например, допущена ошибка в предмете доказывания, квалификации спорных правоотношений, субъектном составе), либо решение в указанной части принято с формальной ссылкой на нормы закона, без учета фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Такие нарушения предполагают возможность отмены решения в порядке части 1 статьи 330 ГПК РФ или части первой статьи 379.7 ГПК РФ.

В юридической науке велась активная дискуссия до принятия в 2015 году Постановления Пленума ВС РФ, посвященного толкованию раздела I части первой ГК РФ, о том, в каких случаях применение последствий недействительности к ничтожной сделке является выходом за пределы иска, а в каких – нет (например, одни авторы указывали, что конфискационная реституция такой выход не образует [13], другие напротив указывали, что только данный вид реституции и является выходом за пределы иска [2, с.106-107]). Определенность внес указанный выше акт толкования Верховного Суда РФ, в котором была сформулирована позиция, что суду следует при решении названного вопроса вынести его на обсуждение сторон, тем самым исключив ключевой признак исследуемого полномочия – инициативность суда независимо от воли сторон.

Отступление от данного указания неоднократно становилось причиной отмены судебных актов самим Верховным Судом РФ. Например, в одном из дел истцом были заявлены требования о расторжении договора, взыскании основного долга, процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки, обе стороны полагали договор действительным и осуществляли по нему исполнение, однако суд апелляционной инстанции, признавая договор ничтожным ввиду несоблюдения норм специального законодательства без обсуждения сторон применил одностороннюю реституцию, тем самым, как указала Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, лишив ответчика возможности использовать средства процессуальной защиты и обосновать свою позицию по делу, в том числе указав на пропуск срока исковой давности [14].

Сформирована и соответствующая практика кассационных судов, в которой подчеркивалась обязательность выяснения воли сторон, в первую очередь истца, на применения последствий недействительности сделки [15].

Как уже было упомянуто выше, последствия недействительности сделок классифицируются на рассмотренные выше реституционные, конфискационные и дополнительные [13].

Конфискационные последствия предполагают, исходя из названия, Взыскание всего полученного по ничтожной сделке, совершённой с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (так называемой антисоциальной сделке), в доход государства, при условии, что стороны действовали умышленно. Наиболее часто такие ситуации возникают в практике арбитражных судов, например, при рассмотрении дел о «деприватизации» [16], суды общей юрисдикции даже если и указывают на ничтожность антисоциальной сделки, в конфискационных мерах отказывают по причине отсутствия специального указания закона на такую возможность (физические лица зачастую не являются участниками правоотношений, регламентированных подобным законодательством) [17]. Однако никакой специальной оговорки о возможности суда в таком случае действовать без вынесения вопроса на обсуждение, Постановление Пленума ВС РФ не содержит. Более того, истцами по таким делам обычно являются прокуроры, которые изначально должны заявлять все необходимые требования в защиту публичных интересов.

Дополнительным последствием недействительности сделки является возмещение убытков в пользу добросовестной стороны. В судебной практике сложился подход, согласно которому оно возможно не во всех случаях, а только при

наличии указания в норме ГК РФ или специального закона [18]. Дополнительно в мотивировочной части судебных актов указывается на то, что «не всякое исполнение недействительной сделки влечет возникновение юридического основания для возмещения убытков. Основным способом защиты прав сторон, исполнивших сделку, является применение последствий ее недействительности» [19]. Например, данное требование предусматривается статьями 178 и 179 ГК РФ для сделок, совершенных под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств. Однако исходя из тех же положений гражданского закона указанные сделки являются оспорируемыми, а не ничтожными, следовательно, применение дополнительных последствий их недействительности по инициативе суда не представляется возможным.

Таким образом, ни одно из последствий недействительности сделки не может быть применено судом к ничтожной сделке исключительно по собственной инициативе, следовательно, не образует случая выхода его за пределы заявленных требований.

Список литературы:

- [1] Богдан В. В. К вопросу о понимании гражданских правоотношений с участием потребителей // В.В. Богдан // Известия Юго-Западного государственного университета. – Курск, 2012. С. 174-179.
- [2] Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д.О. Тузов. – М.: Статут, 2007. 600 с.
- [3] Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. I. Полутом 2: Введение и общая часть: Пер. с 13-го нем. изд. 1931 г. М.: Инстр. лит., 1950. 432 с.
- [4] Недействительность сделки: комментарий к статьям 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2025. 1310 с.
- [5] Карпова А. А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в цивилистическом процессе: монография / А.А. Карпова. – М.: Статут, 2024. 216 с.
- [6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020) // Бюллетень Верховного Суда. 2020. №10. С.3-5.
- [7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. №7. С.6-9.

[8] Зайцева Ю.А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса: монография / Ю.А. Зайцева. – М.: Юстицинформ, 2024. 224 с.

[9] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2024 №88-37776/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=39556460&case_uid=889cbbcef4da-4d05-85a9-8cef27ec3402&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 04.08.2025).

[10] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2025 №88-13488/2025 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38069408&case_uid=1fb531d2-371a-435a-8053-8369025ba001&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 04.08.2025).

[11] Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации №2 (2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. №11.

[12] Прасолов Д.Б. Выход суда за пределы заявленных требований к гражданском и арбитражном процессе: 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс: диссертация ... кандидата юридических наук / Прасолов Дмитрий Борисович; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2012. – 222 с.

[13] Эрделевский А. М. О применении последствий недействительности сделки по инициативе суда /подготовлено для системы «Консультант Плюс» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/primenenie_posledstvij_nedejstvitelnosti_sdelki_po_iniciative_suda/ (дата обращения: 04.08.2025).

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2022 №308-ЭС21-21117 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsr.ru/lk/practice/claims?&registerDateExact=off&considerationDateExact=off&numberExact=true&number=308-ЭС21-21117> (дата обращения: 17.04.2026).

[15] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2022 №88-649/2022 по делу N 2-225/2021// Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=17713946&case_uid=c0f34d3d-0a4a-440c-a6b9-d8f46829af28&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 15.03.2026).

[16] Решение Арбитражного суда Приморского края от 27.09.2023 по делу №А51-13465/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e3731c90-447f-436b-856c-bbaac60b159b> (дата обращения: 15.03.2026).

[17] Решение Ленинского районного суда города Ижевска от 18.02.2025 по делу №178/2025 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. URL: https://leninskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=287531142&case_uid=f2f162b8-c5c3-410d-8684-1c5b7ec886c4&delo_id=1540005 (дата обращения: 15.03.2026).

[18] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.11.2025 №302-ЭС25-6617 по делу №А19-15165/2024. – Документ официально опубликован не был // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=871578> (дата обращения: 15.03.2026).

[19] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 №88-3983/2025 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14038331&case_uid=3688b40fe107-4b9d-8c85-2df087cd8c03&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 16.03.2026).

References:

[1] Bogdan V. V. On the Issue of Understanding Civil Legal Relationships Involving Consumers // V. V. Bogdan // Bulletin of the South-West State University. – Kursk, 2012. pp. 174-179.

[2] Tuzov D. O. Theory of Invalidity of Transactions: The Experience of Russian Law in the Context of the European Legal Tradition / D. O. Tuzov. – Moscow: Statut, 2007. 600 p.

[3] Enneckerus L. Course of German Civil Law. T. I. Half-volume 2: Introduction and General Part: Trans. from the 13th German ed. 1931 Moscow: Foreign Literature, 1950. 432 p.

[4] Invalidity of a Transaction: Commentary on Articles 166–181 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. A. G. Karapetyan. – Moscow: M-Logos, 2025. 1310 p.

[5] Karpova, A. A. Procedural Features of Considering Cases on Recognizing Transactions as Invalid and Applying the Consequences of Invalidity of Transactions in Civil Procedure: Monograph / A. A. Karpova. – Moscow: Statut, 2024. 216 p.

[6] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) // Bulletin of the Supreme Court. 2020. No. 10. pp. 3-5.

[7] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 7. pp. 6-9.

[8] Zaitseva, Yu. A. Public-Law Companies in Russia: Problems of Legal Status: Monograph / Yu. A. Zaitseva. – M.: Yustitsinform, 2024. 224 p.

[9] Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated December 18, 2024 No. 88-37776/2024 // State Automated System of the Russian Federation Justice: Internet portal. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=39556460&case_uid=889cbbce-f4da-4d05-85a9-8cef27ec3402&new=2800001&delo_id=2800001 (date of access: August 4, 2025).

[10] Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated May 22, 2025, No. 88-13488/2025 // State Automated System of the Russian Federation Justice: Internet Portal. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38069408&case_uid=1fb531d2-371a-435a-8053-8369025ba001&new=2800001&delo_id=2800001 (accessed: August 4, 2025).

[11] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 11.

[12] Prasolov D.B. The court's going beyond the stated requirements for civil and arbitration proceedings: 12.00.15 - civil proceedings, arbitration proceedings: dissertation ... candidate of legal sciences / Prasolov Dmitry Borisovich; Voronezh State University. - Voronezh, 2012. - 222 p.

[13] Erdelevsky A.M. On the application of the consequences of the invalidity of a transaction at the initiative of the court / prepared for the Consultant Plus system // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/primeneniye_posledstviy_nedejstvitelnosti_sdelki_po_iniciative_suda/ (date of access: 04.08.2025).

[14] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 28, 2022 No. 308-

ES21-21117 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrp.ru/lk/practice/claims?&registerDateExact=off&considerationDateExact=off&numberExact=true&number=308-ES21-21117> (date of access: April 17, 2026).

[15] Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 11, 2022 No. 88-649/2022 in case No. 2-225/2021 // State Automated System of the Russian Federation "Justice": Internet portal. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=17713946&case_uid=c0f34d3d-0a4a-440c-a6b9-d8f46829af28&new=2800001&delo_id=2800001 (accessed: 15.03.2026).

[16] Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated 27.09.2023 in case No. A51-13465/2023 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e3731c90-447f-436b-856c-bbaac60b159b> (accessed: 15.03.2026).

[17] Decision of the Leninsky District Court of Izhevsk dated 18.02.2025 in case No. 178/2025 // State Automated System of the Russian Federation Justice: Internet portal. URL: https://leninskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=287531142&case_uid=f2f162b8-cec3-410d-8684-1c5b7ec-886c4&delo_id=1540005 (accessed: 15.03.2026).

[18] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.11.2025 No. 302-ES25-6617 in case No. A19-15165/2024. – The document was not officially published // Reference and legal system "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=871578> (accessed: 15.03.2026).

[19] Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.03.2025 No. 88 3983/2025 // State Automated System of the Russian Federation Justice: Internet Portal. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14038331&case_uid=3688b40f-e107-4b9d-8c85-2df087cd8c03&new=2800001&delo_id=2800001 (accessed: 16.03.2026).

КОЛЕСНИК Никита Витальевич,
аспирант кафедры государственного и
административного права Самарского университета,
e-mail: 00nk@bk.ru

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. В настоящее время особую актуальность приобретает противоречие, непосредственно связанное с реализацией государством антитеррористической деятельности. С одной стороны, государство обязано обеспечить безопасность своих граждан и принимать все возможные меры для предотвращения террористических атак, что нередко требует применения исключительных методов. С другой стороны, даже в условиях наивысшей опасности реализуемые методы не должны нарушать неотъемлемые права и свободы человека. Цель исследования – проанализировать практику Европейского Суда по правам человека в контексте борьбы с терроризмом. Во-первых, мы рассмотрели последствия, возникающие в результате террористических атак. Во-вторых, мы проанализировали отечественный и зарубежный опыт, позволяющий выявить механизмы противодействия терроризму. В-третьих, мы изучили практику Европейского Суда по правам человека в контексте борьбы с терроризмом. Методы исследования: теоретический анализ методической литературы, эмпирические методы, методы многомерного статистического анализа. В результате исследования мы пришли к выводам, что Европейский Суд по правам человека сформировал разветвленную и внутренне непротиворечивую систему правовых позиций, позволяющую разрешать сложнейшие споры, возникающие в контексте борьбы с терроризмом. Перспективы исследования видятся в исследовании проблем имплементации и исполнения решений Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: терроризм, национальная безопасность, ЕСПЧ, судебная практика, Конвенция, правовые коллизии.

KOLESNIK Nikita Vital'evich,
Post-graduate student of modern
state and administrative law,
Samara University

ANALYSIS OF THE CASE LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF COUNTER-TERRORISM

Annotation. Currently, a contradiction directly related to the implementation of counter-terrorism activities by the state is becoming particularly relevant. On the one hand, the state is obliged to ensure the safety of its citizens and take all possible measures to prevent terrorist attacks, which often requires the use of exceptional methods. On the other hand, even in conditions of extreme danger, the methods employed must not violate the inalienable human rights and freedoms. The purpose of this study is to analyze the practice of the European Court of Human Rights in the context of counter-terrorism. Firstly, we examined the consequences arising from terrorist attacks. Secondly, we analyzed domestic and foreign experience to identify mechanisms for countering terrorism. Thirdly, we studied the case law of the European Court of Human Rights in the context of counter-terrorism. Research methods: theoretical analysis of methodological literature, empirical methods, methods of multivariate statistical analysis. As a result of the study, we concluded that the European Court of Human Rights has formed an extensive and internally consistent system of legal positions, making it possible to resolve the most complex disputes arising in the context of counter-terrorism. Prospects for further research are seen in studying the problems of implementation and enforcement of the judgments of the European Court of Human Rights.

Key words: terrorism, national security, ECtHR, judicial practice, Convention, legal conflicts.

Проблема терроризма в современном мире стоит преимущественно остро, поскольку создает угрозу не только национальной безопасности отдельных государств, но и нарушает стабильность всего мирового сообщества.

Терроризм по своей природе в первую очередь направлен на устрашение населения и дестабилизацию общества. В этой связи в долгосрочной перспективе терроризм оказывает негативное воздействие как на экономику государств (страдают туристическая отрасль, инвестиционная привлекательность, требуются колоссальные бюджетные средства на обеспечение безопасности и ликвидацию последствий атак), так и на его власть (терроризм сеет недоверие к власти, если она не способна защитить граждан, провоцирует межнациональную и межрелигиозную рознь, разрушает веками складывающиеся устои толерантности). В конечном итоге, разрастаясь, террористическая активность может привести к дестабилизации целых регионов, что создает угрозу распада государств и масштабных гуманитарных катастроф [2].

В современных реалиях борьба с терроризмом выстраивается от понимания его разрушительных последствий к созданию эффективных механизмов противодействия, которые, при схожести целей, имеют свою специфику в различных странах, включая Российскую Федерацию.

Рассматривая отечественный и зарубежный опыт, большая часть государств стремится построить многоуровневую систему противодействия терроризму, центральным элементом которой выступают антитеррористические комитеты, координирующие деятельность всех органов государственной власти. В рамках реализации антитеррористических мероприятий органами государственной власти уделяется особое внимание борьбе с идеологией террора, патриотическое воспитание, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и недопущение распространения радикальной идеологии в сети «Интернет» [8].

Несмотря на вариативность и интенсивность принимаемых мер и постоянное совершенствование национальных антитеррористических систем, эмпирические данные свидетельствуют о невозможности полного исключения данного феномена. В этих условиях особую значимость приобретают механизмы привлечения к ответственности и защиты прав потерпевших. Ключевую роль в этом процессе на мировой арене играет Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), занимающий уникальное место как институционализированный механизм разрешения споров, возникающих на стыке обеспече-

ния национальной безопасности и соблюдения фундаментальных прав личности [9].

Приступая к анализу практики ЕСПЧ, необходимо отметить, что его правовая аргументация не ограничивается формальным применением статей Европейской конвенции по правам человека, принятой в 1950 году (далее – Конвенция). ЕСПЧ сформировал сложную систему источников, позволяющую адекватно реагировать на вызовы современности. Фундаментом, безусловно, являются статьи 2 (право на жизнь), 3 (запрет пыток), 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Конвенции. Однако для разрешения коллизий, порождаемых террористической угрозой, ЕСПЧ активно использует собственное прецедентное право, создавая автономные правовые доктрины. Более того, в ситуациях, перерастающих в вооруженный конфликт, ЕСПЧ обращается к нормам международного гуманитарного права, как это было продемонстрировано в деле 2014 года *Hassan v. the United Kingdom*, где Женевские конвенции были применены для интерпретации положений Конвенции о лишении свободы [3].

Также ЕСПЧ при вынесении решения учитывает такие документы, как: рекомендации Комитета министров Совета Европы, доклады специальных докладчиков ООН, стандарты Всемирной организации здравоохранения, что особенно ярко проявилось при рассмотрении дела 2012 года *Finogenov and Others v. Russia* о трагедии на Дубровке [3].

ЕСПЧ широко использует метод сравнительного правоведения, анализируя законодательство государств-членов для выявления европейского консенсуса по тому или иному вопросу.

Центральной проблемой, которую ЕСПЧ вынужден разрешать в каждом деле, связанном с терроризмом, является поиск баланса между императивами безопасности и незыблемостью фундаментальных прав. Отправной точкой здесь служит признание того, что терроризм представляет собой реальную угрозу для демократического общества. Более того, в своей практике ЕСПЧ последовательно развивает доктрину «позитивных обязательств» государства. Согласно этой доктрине, государство обязано не только воздерживаться от неправомерного вмешательства в права человека, но и принимать активные меры для их защиты от посягательств со стороны третьих лиц, включая террористов. Наиболее ярко эта позиция была артикулирована в деле 2017 года *Tagayeva and Others v. Russia*, касающемся теракта в Беслане. ЕСПЧ детально проанализировал действия властей на этапе пре-

дотвращения атаки и в ходе спасательной операции, указав на недостатки в работе силовых структур и системы оповещения, что привело к многочисленным жертвам [6].

Наиболее сложные коллизии возникают при применении статьи 15 Конвенции, которая допускает отступление государств от своих обязательств в случае «чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации». В прецедентном деле 2009 года *A. and Others v. the United Kingdom* (2009) Суд рассматривал правомерность задержания иностранных граждан, подозреваемых в терроризме, без суда. ЕСПЧ признал, что угроза со стороны «Аль-Каиды» после 11 сентября 2001 года могла оправдывать чрезвычайные меры, однако указал на их дискриминационный характер и на нарушение права на свободу из-за отсутствия достаточных процессуальных гарантий [4].

Другой ключевой проблемой является допустимость использования специальных методов расследования – прослушки, слежки, внедрения агенты. В деле 1978 года *Klass and Others v. Germany* ЕСПЧ сформулировал критерии, которые впоследствии стали универсальными: любое вмешательство в частную жизнь должно быть не только предусмотрено законом, но и являться необходимым в демократическом обществе. При этом закон должен быть достаточно четким и детальным, чтобы избежать произвола, а также должны существовать эффективные механизмы надзора за действиями спецслужб. В более поздних решениях, например, по делам о контртеррористических операциях на Северном Кавказе, Суд оценивал пропорциональность применения силы, подчеркивая, что она может быть использована только в случае абсолютной необходимости и должна быть строго соразмерна угрозе [1].

Одним из самых жестких и бескомпромиссных направлений практики ЕСПЧ является применение статьи 3 Конвенции (запрет пыток) к вопросам экстрадиции лиц, подозреваемых в терроризме. В деле 2008 года *Saadi v. Italy* заявитель, обвиняемый в террористической деятельности, оспаривал свою выдачу в Тунис, где ему грозило применение пыток. Суд постановил, что запрет пыток носит абсолютный характер и не допускает никаких исключений, даже под предлогом защиты национальной безопасности. Государство не может депортировать человека в страну, где существует реальный риск подвергнуть его бесчеловечному обращению, вне зависимости от тяжести предъявляемых ему обвинений [5].

Наконец, важный блок практики касается обеспечения права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции) в процес-

сах, где используются секретные доказательства. В уже упомянутом деле *A. and Others v. the United Kingdom* ЕСПЧ признал возможность использования таких материалов, но потребовал создания компенсационных механизмов, таких как институт «специальных адвокатов», которые имеют доступ к государственной тайне и могут защищать интересы подозреваемого, не раскрывая ее [7].

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что Европейский суд по правам человека сформировал разветвленную и внутренне непротиворечивую систему правовых позиций, позволяющую разрешать сложнейшие споры, возникающие в рамках борьбы с терроризмом. Основу выработанных правовых позиций составили следующие критерии: обязательное соблюдение принципов абсолютного запрета пыток и пропорциональности; обеспечение граждан процессуальными гарантиями даже в условиях чрезвычайного положения; реализация механизмов надзора за деятельностью специальных служб.

Кроме того, анализ практики позволил нам прийти к выводу, что Европейский Суд по правам человека руководствуется широким спектром источников права, выходя за рамки буквального текста Конвенции. Так, гибкость и адекватность принятых решений, направленных на недопущение чрезмерного ограничения прав человека и гражданина, обеспечивается за счет совокупного использования прецедентов, норм гуманитарного права, иных международных документов и норм, содержащихся в национальном законодательстве.

Таким образом, позиции, выработанные Европейским Судом по правам человека, являются одними из важнейших ориентиров при принятии органами государственной власти решений, направленных на реализацию механизмов по борьбе с терроризмом.

Список литературы:

- [1] Абжалиев, А. А. О научной проблематике: соотношения норм международного и национального права / А. А. Абжалиев // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2022. – № 29. – С. 140-143.
- [2] Алымов, Д. В. Основные направления противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях / Д. В. Алымов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 1. – С. 14-17.
- [3] Амплеева, Е.Е. Практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации / Е. Е. Амплеева. – Санкт-Петербург, 2020. – 114 с.

[4] Дубень, А. К. Проблемы применимости решений Европейского суда по правам человека в заочном производстве / А. К. Дубень // *Modern Science*. – 2021. – № 5-1. – С. 205-209.

[5] Лазуткин, В. О некоторых теоретических аспектах соотношения источников международного и национального законодательства на современном этапе развития права / В. Лазуткин // *Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования*. – Москва, 2022. – С. 66-70.

[6] Нуссбергер, А. Терроризм и права человека о правоприменительной практике европейского суда по правам человека / А. Нуссбергер // *Международное правосудие*. – 2018. – №1 (25). – С. 67-78.

[7] Хисамутдинова, Р. З. Баланс между национальной безопасностью и конституционными правами человека / Р. З. Хисамутдинова // *Права человека: история, теория, практика*. – Курск, 2024. – С. 284-288.

[8] Хурматуллина, А. М. Пределы ограничения конституционных прав и свобод человека в современных условиях / А. М. Хурматуллина // *Актуальные проблемы взаимодействия общест-венности с органами государственной власти и органами местного самоуправления*. – Саранск, 2020. – С. 231-235.

[9] Ягофарова, И. Д. Ограничение прав человека как основа обеспечения национальной безопасности / И. Д. Ягофарова // *Бюллетень инновационных технологий*. – 2020. – Т. 4, № 2(14). – С. 9-12.

References:

[1] Abzhaliev, A. A. On scientific problems: the ratio of norms of international and national law/A. A.

Abzhaliev//*Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic*. – 2022. – № 29. – S. 140-143.

[2] Alymov, D. V. The main directions of countering extremism and terrorism in modern conditions/D. V. Alymov//*Criminal executive system: law, economics, management*. – 2022. – № 1. – S. 14-17.

[3] Ampleeva, E.E. Practice of the European Court of Human Rights in considering cases against the Russian Federation/E.E. Ampleeva. – St. Petersburg, 2020. – 114 s.

[4] Duben, A.K. Problems of the applicability of decisions of the European Court of Human Rights in absentia/A.K. Duben//*Modern Science*. – 2021. – № 5-1. – S. 205-209.

[5] Lazutkin, V. On some theoretical aspects of the correlation of sources of international and national legislation at the current stage of development of law/V. Lazutkin//*Comparative jurisprudence in the context of the internationalization of science and education*. – Moscow, 2022. – S. 66-70.

[6] Nussberger, A. Terrorism and Human Rights on the Law Enforcement Practice of the European Court of Human Rights/A. Nussberger//*International Justice*. – 2018. – №1 (25). – S. 67-78.

[7] Khisamutdinova, R.Z. The balance between national security and constitutional human rights/R.Z. Khisamutdinova//*Human rights: history, theory, practice*. – Kursk, 2024. – S. 284-288.

[8] Khurmatullina, A. M. Limits on the restriction of constitutional human rights and freedoms in modern conditions/A. M. Khurmatullina//*Actual problems of public interaction with state authorities and local governments*. – Saransk, 2020. – S. 231-235.

[9] Yagofarova, I. D. Restriction of human rights as a basis for ensuring national security/I. D. Yagofarova//*Bulletin of innovative technologies*. – 2020. – Т. 4, NO. 2 (14). – S. 9-12.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЕРЕМИЧЕВ Ф.С.,
Аспирант Университета «Синергия»,
e-mail: fedor.eremich@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИСКИ КАК МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В статье исследуется институт коллективных исков как механизм гражданско-правовой защиты персональных данных при массовых нарушениях. Проводится сравнительно-правовой анализ моделей коллективных исков в США, Европейском союзе и Китае. Выявляются основные проблемы действующего российского законодательства, препятствующие эффективной защите прав субъектов персональных данных при массовых утечках. Обосновывается необходимость введения специального механизма коллективных исков по делам о защите персональных данных. Предлагается авторская модель коллективного иска, учитывающая как зарубежный опыт, так и особенности российской правовой системы.

Ключевые слова: коллективный иск, персональные данные, утечка данных, массовые нарушения, гражданско-правовая защита, компенсация вреда, зарубежный опыт, имплементация.

EREMICHEV F.S.,
Graduate student
of Synergy University

CLASS ACTIONS AS A MECHANISM OF CIVIL PROTECTION OF PERSONAL DATA: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION INTO RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. The article examines the institution of class actions as a mechanism of civil law protection of personal data in cases of mass violations. A comparative legal analysis of class action models in the USA, the European Union and China is conducted. The main problems of the current Russian legislation that hinder the effective protection of the rights of personal data subjects in cases of mass data breaches are identified. The necessity of introducing a special mechanism of class actions for personal data protection cases is substantiated. An original model of class action is proposed, taking into account both foreign experience and the specifics of the Russian legal system.

Key words: class action, personal data, data breach, mass violations, civil law protection, compensation, foreign experience, implementation.

Массовые утечки персональных данных, затрагивающие сотни тысяч и миллионы граждан, стали одной из наиболее острых проблем цифровой эпохи. Действующее российское законодательство не содержит эффективного механизма коллективной защиты прав субъектов персональных данных при массовых нарушениях. Каждый пострадавший вынужден обращаться в суд индивидуально, что создает чрезмерную нагрузку на судебную систему и делает судебную защиту экономически нецеле-

сообразной для большинства пострадавших с учетом низких размеров присуждаемых компенсаций [1].

Зарубежный опыт свидетельствует о высокой эффективности коллективных исков как инструмента защиты прав субъектов данных при массовых нарушениях. В США механизм коллективных исков (class action) обеспечил выплату компенсаций на сотни миллионов долларов пострадавшим от утечек персональных данных [2]. В Европейском союзе статья 80 GDPR пред-

усматривает право субъекта данных уполномочить некоммерческую организацию на подачу жалобы и осуществление прав от его имени [3]. Целью настоящей статьи является обоснование необходимости введения института коллективных исков в российское законодательство и разработка авторской модели данного института.

Анализ правоприменительной практики российских судов по делам о защите персональных данных выявляет ряд системных проблем, существенно снижающих эффективность индивидуальной судебной защиты при массовых нарушениях. Прежде всего, при массовых утечках персональных данных, затрагивающих значительное число субъектов, каждый пострадавший вынужден обращаться в суд самостоятельно, нести расходы на юридическую помощь, доказывать факт нарушения, причинно-следственную связь и размер причиненного вреда. При этом средний размер компенсации морального вреда по данной категории дел остается крайне низким [1].

Экономическая нецелесообразность индивидуального обращения в суд является ключевым фактором, объясняющим, почему подавляющее большинство нарушений остается без судебной реакции. Расходы на юридическую помощь по данной категории дел, как правило, существенно превышают размер ожидаемой компенсации. Даже с учетом возможности взыскания судебных расходов с ответчика экономическая мотивация для обращения в суд отсутствует. Это приводит к тому, что операторы не несут реальной гражданско-правовой ответственности за нарушения [4].

Информационная асимметрия между субъектом данных и оператором представляет собой еще одну существенную проблему. Оператор располагает полной информацией о порядке обработки персональных данных, применяемых мерах безопасности, обстоятельствах утечки, в то время как субъект данных, как правило, не имеет доступа к данной информации. Бремя доказывания факта нарушения, причинно-следственной связи и размера причиненного вреда возлагается на истца, что в условиях информационной асимметрии представляет значительную трудность [5].

Проблема нагрузки на судебную систему также заслуживает внимания. При массовой утечке персональных данных, затрагивающей значительное число субъектов, даже если небольшая часть пострадавших обратится в суд, это создаст существенную нагрузку на судебную систему, поскольку каждое дело рассматривается индивидуально, хотя обстоятельства нарушения являются одинаковыми для всех пострадавших. Коллективный иск позволяет объединить

все требования в рамках одного процесса, что существенно экономит ресурсы судебной системы [6].

Действующее российское процессуальное законодательство предусматривает институт группового иска, закрепленный в главе 22.3 ГПК РФ, введенной Федеральным законом от 18 июля 2019 года N 191-ФЗ. Однако данный институт существенно отличается от классического коллективного иска и имеет ряд ограничений, делающих его малоэффективным для дел о массовых нарушениях персональных данных. Для подачи группового иска необходимо присоединение к иску не менее 20 лиц. Групповой иск основан на модели opt-in (присоединения), а не на модели opt-out (отказа), что существенно ограничивает численность группы [7].

Американская модель коллективного иска (class action) является наиболее развитой и эффективной в мире. Правило 23 Федеральных правил гражданского судопроизводства устанавливает четыре условия допустимости коллективного иска: многочисленность класса (numerosity), наличие общих вопросов права или факта (commonality), типичность требований представителя класса (typicality) и адекватность представительства (adequacy of representation) [2].

В сфере защиты персональных данных коллективные иски стали основным инструментом гражданско-правовой защиты в США. Компания Equifax согласилась выплатить значительную сумму по коллективному иску в связи с утечкой персональных данных граждан. Мировое соглашение предусматривало создание фонда для компенсации пострадавшим, выплату штатам и федеральному регулятору, а также обязательство инвестировать в информационную безопасность [2]. Компания Meta (Facebook), которая признана в РФ экстремистской организацией, согласилась выплатить значительную компенсацию по коллективному иску в связи со скандалом Cambridge Analytica, в рамках которого персональные данные пользователей были переданы третьей стороне без их согласия [8].

Важнейшей особенностью американской модели является механизм opt-out: все лица, соответствующие критериям класса, автоматически включаются в число участников, если не заявят об отказе. Это обеспечивает максимальный охват пострадавших и создает мощные экономические стимулы для операторов по обеспечению надлежащей защиты данных. Механизм финансирования коллективных исков посредством гонорара успеха (contingency fee) обеспечивает доступность данного инструмента для граждан, не имеющих средств на оплату юридических услуг [9].

Особого внимания заслуживает практика применения Закона штата Иллинойс о конфиденциальности биометрической информации (BIPA), который предусматривает право на частный иск с компенсацией за каждое нарушение при сборе биометрических данных без согласия. На основании BIPA были предъявлены многочисленные коллективные иски к технологическим компаниям за использование технологии распознавания лиц без получения письменного согласия пользователей [10].

В Европейском союзе механизм коллективной защиты основан на статье 80 GDPR, которая предусматривает право субъекта данных уполномочить некоммерческую организацию на подачу жалобы и осуществление прав от его имени. Директива (ЕС) 2020/1828 о представительных исках (Representative Actions Directive) обязывает государства-члены обеспечить возможность подачи представительных исков уполномочен-

ными организациями от имени группы потребителей, включая иски о защите персональных данных [3]. Данная модель отличается от американской тем, что право на подачу иска предоставляется не индивидуальным представителям класса, а специализированным некоммерческим организациям, что снижает риск злоупотреблений.

В Китае статья 70 PIPL предусматривает право прокуратуры и определенных организаций на предъявление исков в общественных интересах (public interest litigation) в случае, если обработка персональной информации затрагивает права и интересы большого числа лиц. Данный механизм является китайским аналогом коллективного иска и позволяет обеспечить защиту прав пострадавших при массовых нарушениях [11].

Для сравнительного анализа моделей коллективной защиты персональных данных в различных юрисдикциях обратимся к таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей коллективной защиты персональных данных

Параметр	США (Class Action)	ЕС (GDPR, ст. 80)	КНР (PIPL, ст. 70)	Россия (ГПК, гл. 22.3)
Модель	Opt-out	Представительный иск	Иск в общественных интересах	Opt-in (групповой)
Субъект подачи	Представитель класса	Некоммерческие организации	Прокуратура, организации	Группа лиц (не менее 20)
Финансирование	Гонорар успеха	За счет организации	Государственное	За счет истцов
Охват пострадавших	Максимальный	Средний	Средний	Минимальный
Эффективность	Высокая	Средняя	Средняя	Низкая

Как следует из таблицы 1, американская модель коллективного иска является наиболее эффективной с точки зрения охвата пострадавших и создания экономических стимулов для операторов. Российская модель группового иска существенно уступает зарубежным аналогам по всем ключевым параметрам, что обосновывает необходимость ее реформирования.

На основе проведенного сравнительно-правового анализа предлагается авторская модель коллективного иска по делам о массовых нарушениях права на защиту персональных данных, основанная на следующих принципах. Принцип opt-out: все субъекты данных, чьи персональные данные были нарушены в результате конкретного инцидента, автоматически включаются в число

участников класса, если не заявят об отказе в установленный срок. Принцип представительства: коллективный иск может быть предъявлен общественной организацией, осуществляющей деятельность в сфере защиты прав потребителей или защиты персональных данных, Роскомнадзором, а также одним или несколькими субъектами данных, уполномоченными на представление интересов класса [6].

Принцип единого решения: решение суда по коллективному иску является обязательным для всех участников класса, не заявивших об отказе. Принцип справедливого распределения: присужденная компенсация распределяется между участниками класса пропорционально объему нарушенных прав. Принцип фонда не востребо-

ванных сумм: суммы компенсации, не востребованные участниками класса в течение установленного срока, направляются в специальный фонд защиты персональных данных [12].

Механизм уведомления участников класса является ключевым элементом предлагаемой модели. Суд, принявший решение о рассмотрении дела в порядке коллективного иска, обязывает ответчика-оператора направить индивидуальное уведомление всем субъектам данных, чьи персональные данные были нарушены, с использованием имеющихся контактных данных. Одновременно уведомление публикуется на официальном сайте суда, на сайте Роскомнадзора и в средствах массовой информации. Расходы на уведомление возлагаются на ответчика-оператора [7].

Предлагается двухуровневая система распределения компенсации. На первом уровне все участники класса, не заявившие об отказе, получают базовую компенсацию в размере минимальной установленной законом суммы. На втором уровне участники класса, доказавшие конкрет-

ные убытки или особые нравственные страдания, получают дополнительную компенсацию, размер которой определяется судом индивидуально. Данная двухуровневая система обеспечивает, с одной стороны, гарантированную минимальную компенсацию для всех пострадавших, а с другой — справедливую дифференциацию для лиц, понесших наибольший вред [12].

Вопрос о финансировании коллективных исков имеет принципиальное значение для обеспечения доступности данного механизма. Для российского законодательства предлагается комбинированная модель: коллективные иски могут финансироваться как адвокатами на условиях гонорара успеха (с ограничением размера гонорара определенным процентом от присужденной суммы), так и общественными организациями, а также из средств специального фонда защиты персональных данных, формируемого за счет части оборотных штрафов [13].

Для наглядного представления предлагаемой модели коллективного иска обратимся к рисунку 1.

Рисунок 1. Схема предлагаемой модели коллективного иска

Как показано на рисунке 1, предлагаемая модель коллективного иска включает шесть последовательных этапов: от момента массового

нарушения до распределения компенсации между пострадавшими и направления невостребованных сумм в специальный фонд. Данная

модель обеспечивает комплексную защиту прав субъектов персональных данных при массовых нарушениях и учитывает как американский опыт (модель opt-out, гонорар успеха), так и европейский (право общественных организаций на предъявление иска).

Для оценки потенциального эффекта от введения института коллективных исков обратимся к таблице 2, в которой представлено сравнение текущей ситуации и прогнозируемых результатов.

Таблица 2. Прогнозируемый эффект от введения коллективных исков

Показатель	Текущая ситуация	Прогноз после введения
Доля пострадавших, получающих компенсацию	Менее 0,1%	До 30–50%
Средний срок получения компенсации	4,5 месяца (судебное)	2–3 месяца
Совокупный размер компенсаций по одному инциденту	Незначительный	Существенный
Нагрузка на судебную систему	Множество индивидуальных исков	Один коллективный иск
Превентивный эффект для операторов	Минимальный	Существенный

Как следует из таблицы 2, введение института коллективных исков позволит существенно увеличить долю пострадавших, получающих компенсацию, сократить сроки ее получения и создать мощные экономические стимулы для операторов по обеспечению надлежащей защиты персональных данных.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Действующий механизм индивидуальной судебной защиты является неэффективным при массовых нарушениях права на защиту персональных данных. Институт группового иска, предусмотренный главой 22.3 ГПК РФ, не обеспечивает адекватной защиты при массовых утечках в силу модели opt-in, требования о минимальном числе участников и отсутствия специального механизма финансирования [7].

Зарубежный опыт свидетельствует о высокой эффективности коллективных исков как инструмента защиты прав субъектов данных при массовых нарушениях. Предлагаемая авторская модель коллективного иска, основанная на принципе opt-out, праве общественных организаций на предъявление иска и двухуровневой системе распределения компенсации, позволит обеспечить реальную защиту прав пострадавших граждан и создать эффективные экономические стимулы для операторов [12].

Реализация предлагаемой модели требует внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О персональных данных» и ряд иных нормативных правовых актов. Представляется целесообразным поэтапное введение данного института с предварительной апробацией в рамках пилотного проекта [13].

Список литературы:

- [1] Трофимова И.А., Питько Е.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение норм, регулирующих защиту персональных данных работников // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №3.
- [2] In re Equifax Inc. Customer Data Security Breach Litigation, No. 1:17-md-2800 (N.D. Ga. 2019). Settlement Agreement.
- [3] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Art. 80.
- [4] Санникова Л.В. Гражданско-правовая защита персональных данных // Журнал российского права. 2023. N 8. С. 56–70.
- [5] Исаев А.С., Хлюпина Е.А. Правовые основы организации защиты персональных данных. СПб: НИУ ИТМО, 2014. 106 с.
- [6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

[7] Федеральный закон от 18.07.2019 N 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[8] In re Facebook, Inc. Consumer Privacy User Profile Litigation, No. 3:18-md-02843 (N.D. Cal. 2022). Settlement Agreement.

[9] Писарев В.В. Эволюция законодательства США об обороте персональных данных после принятия калифорнийского закона о конфиденциальности персональных данных потребителей // Образование и право. 2024. №6.

[10] Biometric Information Privacy Act (BIPA), 740 ILCS 14 (2008).

[11] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL), adopted 20.08.2021. Art. 70.

[12] Богатырева А.Т., Перепадя О.А., Чуниха А.А. Современные тенденции развития института персональных данных в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. №9 (237).

[13] Федеральный закон от 30.11.2024 N 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

References:

[1] Trofimova I.A., Pitko E.V. Features of civil liability for violation of the norms governing the protection of personal data of employees//Gaps in Russian legislation. 2016. №3.

[2] In re Equifax Inc. Customer Data Security Breach Litigation, No. 1:17-md-2800 (N.D. Ga. 2019). Settlement Agreement.

[3] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Art. 80.

[4] Sannikova L.V. Civil protection of personal data//Journal of Russian Law. 2023. N 8. S. 56-70.

[5] Isaev A.S., Khlyupina E.A. Legal basis for the organization of personal data protection. St. Petersburg: NRU ITMO, 2014. 106 s.

[6] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (ed. 31.07.2025).

[7] Federal Law of 18.07.2019 No. 191-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation."

[8] In re Facebook, Inc. Consumer Privacy User Profile Litigation, No. 3:18-md-02843 (N.D. Cal. 2022). Settlement Agreement.

[9] V.V. Pisarev. Evolution of US legislation on the circulation of personal data after the adoption of the California law on the confidentiality of personal data of consumers//Education and law. 2024. №6.

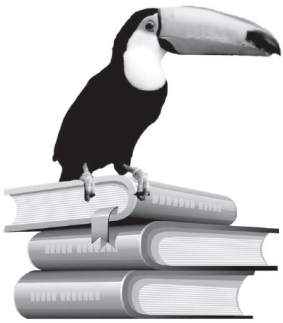
[10] Biometric Information Privacy Act (BIPA), 740 ILCS 14 (2008).

[11] Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL), adopted 20.08.2021. Art. 70.

[12] Bogatyreva A.T., Perapadya O.A., Chunikha A.A. Current trends in the development of the institution of personal data in the context of digitalization// Law and the state: theory and practice. 2024. №9 (237).

[13] Federal Law of 30.11.2024 No. 420-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation."

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-217-221

АШАБОКОВ Беслан Муратович,
старший лейтенант полиции,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России (г. Нальчик),
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Использование технологий искусственного интеллекта в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, таких как народные дружины, волонтерские организации по поиску людей или некоммерческие организации по профилактике преступности, в современной России становится одним из ключевых направлений цифровизации гражданского общества правоохранительной направленности.

Предметом исследования в настоящей статье выступают нормы административного и информационного права, регулирующие порядок участия граждан в охране общественного порядка, а также правовые режимы использования технологий искусственного интеллекта гражданами в деятельности правоохранительной направленности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, общественные объединения, охрана общественного порядка, правовой статус, кибердружины, цифровая бдительность, профилактика правонарушений, мониторинг, персональные данные.

ASHABOKOV Beslan Muratovich,
Senior Police Lieutenant,
Lecturer, Department of Fire Training,
North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch),
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia (Nalchik)

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC LAW ENFORCEMENT ASSOCIATIONS

Annotation. The use of artificial intelligence technologies in the activities of public associations with a law enforcement focus, such as citizen squads, volunteer organizations for searching for people, or non-profit crime prevention organizations, is becoming a key area of digitalization in modern Russia for civil society in the law enforcement sector.

This article examines the norms of administrative and information law governing citizen participation in maintaining public order, as well as the legal framework for the use of artificial intelligence technologies by citizens in law enforcement activities.

Key words: artificial intelligence, public associations, public order, legal status, cyber squads, digital vigilance, crime prevention, monitoring, personal data.

Масштабная интеграция цифровых технологий в управленческие циклы органов государственной власти предопределяет фундаментальную трансформацию механизмов правопорядка, закладывая нормативную основу для формирования качественно новой системы

защиты прав и свобод личности [1]. В условиях перехода значительной части противоправных деяний в цифровую среду, традиционные формы участия граждан в охране правопорядка, закрепленные в действующем законодательстве [2] требуют качественного переосмысления.

В условиях актуальной социально-правовой действительности институты гражданского содействия правопорядку - от традиционных народных дружин до специализированных киберотрядов - активно интегрируют решения на базе искусственного интеллекта в процессы мониторинга открытых сегментов сети и анализа видеоданных. Тем не менее, в отечественном законодательстве сохраняется выраженный правовой пробел, касающийся легитимации и пределов использования подобных цифровых инструментов субъектами общественного контроля. Неурегулированность административно-правового статуса программных решений на базе искусственного интеллекта в деятельности институтов гражданского общества создает предпосылки для нелегитимного сбора и анализа персональных данных, что нивелирует установленные ст. 23 Конституции РФ границы невмешательства в личную сферу [3], законодательства о защите персональных данных граждан [4] и неопределенность в вопросе доказательственного значения информации [5], полученной с помощью информационно-телекоммуникационных алгоритмов [6, с.34].

Проблемы участия граждан в охране порядка рассматривались в трудах В.В. Авдеева [7, с.136], Ю.А. Тихомирова [8, с.5] и других. Вопросы правового регулирования искусственного интеллекта активно поднимаются в работах П.М. Морхата [9, С.42] и С.В. Васильева [10, с.15], которые заложили основы понимания искусственного интеллекта как объекта правоотношений.

Несмотря на высокую технологическую динамику, проблема внедрения интеллектуальных алгоритмов в практику деятельности добровольческих формирований в рамках правового поля до настоящего времени не получила исчерпывающего теоретического обоснования и не выступала предметом системного научно-правового анализа [2].

Переход к практическому использованию искусственного интеллекта общественными объединениями обусловлен кратным ростом объемов неструктурированной информации, требующей оперативного анализа в интересах общественной безопасности.

В современной практике искусственный интеллект становится одним из основных инструментов гражданского содействия органам правопорядка. Показательным примером является опыт поисково-спасательного отряда «ЛизаА-

лерт» [11]. Нейросеть просматривает тысячи фотографий из лесных массивов, сделанных беспилотными летательными аппаратами. Система отсеивает пустые снимки и выделяя объекты, похожие на силуэт человека, что позволяет волонтерам фокусироваться на проверке только подозрительных кадров. Результаты деятельности поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт» в 2024-2025 году продемонстрировали значительный рост эффективности благодаря внедрению технологий искусственного интеллекта. В 2024 году нейросети впервые официально опередили человека по количеству найденных людей на снимках с беспилотников. Там, где волонтеру требуется несколько минут на внимательный просмотр одного кадра, искусственный интеллект справляется за 1,5 секунды, анализируя до сотни тысяч снимков за операцию. Только за декабрь 2025 года по всей России было совершено 39 вылетов БПЛА, в ходе которых нейросеть было проанализировано около 50 000 кадров [12].

Этот пример иллюстрирует переход от интуитивного волонтерства к автоматизированному мониторингу на основе алгоритмов машинного зрения. Технологии искусственного интеллекта решают проблему дефицита кадров в ночное время и в труднодоступной местности, автоматизируя самую рутинную часть работы.

Нейросети, использующие алгоритмы обработки естественного языка, способны анализировать не только наличие ключевых слов, но и смысловой контекст сообщений, что позволяет кибердружинникам выявлять скрытую пропаганду радикальных идеологий в закрытых группах и чатах [13, с.167].

В 2024–2026 годах деятельность кибердружин и волонтерских объединений по мониторингу интернета в сфере борьбы с пропагандой наркотиков вышла на новый технологический и правовой уровень. В 2024 году по инициативе Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и коммуникаций заблокировано почти 800 тысяч интернет-страниц с запрещенным контентом, значительная часть которых связана с наркоторговлей. К концу 2025 года количество заблокированных интернет-ресурсов достигло 1.2 млн. [14].

Ранее подобные методы обхода фильтров, так называемый «алфавитный камуфляж», делали ручной мониторинг крайне трудозатратным. Внедрение алгоритмов глубокого обучения позволяет общественным объединениям выявлять подобные объявления в автоматическом режиме, верифицировать их и оперативно направлять данные в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций для блокировки соответствующих ресурсов.

Важнейшим вектором цифровизации общественного контроля является переход от ретроспективного мониторинга к прогностическому анализу сетевой активности. Интеграция алгоритмов машинного обучения в деятельность кибердружин позволяет выявлять специфические закономерности в поведении пользователей, в том числе динамику публикаций, изменение стилистики речи, характерные сетевые взаимодействия, которые в совокупности указывают на деятельность вербовщиков радикальных организаций или распространителей суицидального контента. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет общественным объединениям обнаруживать деструктивные очаги еще до момента наступления общественно опасных последствий, обеспечивая тем самым превентивную защиту наиболее уязвимых групп населения, в частности — несовершеннолетних [15, с.28].

Несмотря на высокую техническую эффективность, деятельность кибердружин по использованию нейросети сталкивается с проблемой легитимности автоматизированного сбора данных.

В отличие от таких государственных систем как аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» [16], автоматизированная информационная система «Биометрическая идентификация» или Федеральная биометрическая идентификация [17] программное обеспечение, используемое общественниками, не проходит государственную аттестацию на соответствие требованиям информационной безопасности, что приводит девальвации данных, собранных общественниками, так как они не всегда могут быть признаны официальной уликой без проверки официальными органами.

С точки зрения административного права, отчет, сформированный нейросетью общественного объединения, юридически квалифицируется лишь как «сообщение гражданина» [18]. Это требует от правоохранительных органов проведения полной проверки, что обесценивает преимущество искусственного интеллекта в скорости обработки информации.

При использовании нейросетей для анализа видео или социальных сетей общественные объединения неизбежно сталкиваются с обработкой персональных данных третьих лиц, включая биометрические данные. При этом, волонтерские организации редко обладают статусом оператора персональных данных с соответствующим уровнем защиты, что ставит под угрозу конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни [4].

Алгоритмы искусственного интеллекта не совершенны в своей работе и могут допускать ошибки, в том числе ложноположительные сра-

батывания, за которые субъект, подлежащий ответственности, разработчик программного обеспечения или руководитель общественного объединения, действующим законодательством не определен. Использование искусственного интеллекта общественниками строится на готовых решениях, которые не всегда учитывают сатиру, сарказм или цитирование исторических документов. Нейросеть фиксирует совпадение, по ключевым словам и визуальному ряду, после чего автоматически формирует «карточку нарушения». Поскольку полиция обязана реагировать на сообщения граждан [19], запуск проверки на основании ошибочных данных нейросети приводит к репутационным потерям гражданина и нецелевому расходу ресурсов правоохранительных органов. Ошибка искусственного интеллекта в руках общественника превращает «цифровую бдительность» в «цифровое доноительство», что требует введения правовой ответственности за качество используемых алгоритмов.

Технологии искусственного интеллекта трансформируют участие граждан в охране общественного порядка из традиционных форм физического присутствия, патрулирования в формат интеллектуально-аналитического содействия, вводя понятие «цифровой бдительности» как формы реализации прав граждан на содействие правоохранительным органам в киберпространстве. Использование нейросетей общественными объединениями позволяет решать задачи, недоступные для ручного мониторинга.

При этом, в связи с имеющимся правовым разрывом результаты работы волонтеров с использованием искусственного интеллекта в действующем правовом поле квалифицируются лишь как «сообщение гражданина», что лишает данные автоматической доказательственной силы и создает необходимость повторной верификации.

Дополнение законодательства, регламентирующего участие граждан в охране общественного порядка [2] положениями, предусматривающими порядок использования технологий искусственного интеллекта общественными объединениями, позволит интегрировать технологический потенциал гражданского общества в единую систему обеспечения национальной безопасности, соблюдая при этом баланс между эффективностью контроля и защитой прав граждан на частную жизнь.

Разработка технических стандартов для программного обеспечения, используемого общественными объединениями, кибердружинами, и поисковыми отрядами приведет к созданию Ресстра доверенного программного обеспечения правоохранительной направленности и позволит решить проблему «процессуального недоверия» к данным, полученным от обществен-

ников с помощью нейросетей. Формирование специализированного Реестра позволит сертифицировать инструменты, используемые кибердружинами и обеспечит приоритетное использование отечественных алгоритмов, защищенных от внешнего вмешательства.

Таким образом, создание институционально-правовой среды в виде Реестра доверенного программного обеспечения трансформирует деятельность общественников в системный элемент цифровой инфраструктуры правопорядка и создает фундамент для формирования обновленного доказательственного права, адаптированного к современным преступлениям.

Дополнение норм административного законодательства, определяющих основания для возбуждения дела об административном правонарушении [18], нормой, приравнивающей данные сертифицированных систем мониторинга кибердружин, к показаниям специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, по аналогии с камерами ГИБДД позволит использование первичной квалификации нарушения, проведенной искусственным интеллектом и оперативному переходу к установлению личности нарушителя, минуя этап проверки.

Данные такого мониторинга признаются самостоятельным основанием для возбуждения дела, приобретая статус объективного доказательства, не требующего дополнительного подтверждения свидетельскими показаниями. Приравнение систем мониторинга общественных объединений, с использованием нейросети, к специальным техническим средствам позволит реализовать принцип неотвратимости наказания в цифровой среде и трансформирует кибердружины в полноценных субъектов системы обеспечения правопорядка.

Важно подчеркнуть, что интеллектуальная поддержка оставляет за участником общественного объединения роль субъекта окончательной верификации. Искусственный интеллект лишь ранжирует информацию и предлагает варианты, но окончательная правовая оценка и непосредственное действие в правовом поле остаются прерогативой человека.

Список литературы:

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/> (дата обращения 06.02.2026).

[2] Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 №44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный

интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения 06.02.2026).

[3] Конституция Российской Федерации (ред. от 04.10.2022 №8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 06.02.2026).

[4] О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2026).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: publication.pravo.gov.ru. (дата обращения 06.02.2026).

[6] Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие / И. А. Филипова. - 3-е изд., обн. и доп. - Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. - 151 с.

[7] Авдеев, В.В. Формы участия граждан в охране общественного порядка и их правовое закрепление в современном Российском законодательстве / В.В. Авдеев // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С.135-138.

[8] Тихомиров, Ю.А. Порядок в обществе и право / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. 2017. №3 (243). С.5-8.

[9] Морхат, П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография / П.М. Морхат - М.: Буки Веди, 2017. - 257 с.

[10] Васильев, С.А. Искусственный интеллект в системе государственного управления: правовые аспекты / С.А. Васильев. - М.: Проспект, 2022. - 152 с.

[11] ЛизаАлерт : официальный сайт поисково-спасательного отряда. - URL: <https://lizaalrt.org> (дата обращения 06.02.2026).

[12] Нейросеть на службе у волонтеров: опыт применения искусственного интеллекта в поисковых операциях ПСО «ЛизаАлерт» // Информационные технологии и безопасность. 2021. №4. URL: www.beeline.ru (дата обращения 06.02.2026).

[13] Амиров Р.А. Искусственный интеллект в системе противодействия распространения идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет / Р.А. Амирова, Т.М. Магомедов // Государственное и муниципальное управление. Учетные записки. 2021. №1. С. 167-169.

[14] Официальный сайт федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. - URL: rkn.gov.ru (дата обращения 06.02.2026).

[15] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты инди-

вида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

[16] Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : Распоряжение Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р : (в редакции от 13.12.2023). // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.02.2026).

[17] Об утверждении Положения о Федеральной информационной системе биометрических учетов : Приказ МВД России от 28.11.2022 № 905. // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.02.2026).

[18] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2026)

References:

[1] On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030”): Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (ed. 15.02.2024) //Official network resource of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/> (date of contact 06.02.2026).

[2] On the participation of citizens in the protection of public order: Federal Law No. 44-FZ of 02.04.2014 (as amended on 14.07.2022) //Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date of contact 06.02.2026).

[3] Constitution of the Russian Federation (as amended by 04.10.2022 No. 8-FKZ)//Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of contact 06.02.2026).

[4] On personal data: Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ (as amended on 24.06.2025) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed on: 06.02.2026).

[5] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 20.02.2026) //Official Internet portal of legal information. - URL: publication.pravo.gov.ru. (date of circulation 06.02.2026).

[6] Filipova, I. A. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook/I. A. Filipova. - 3rd ed., ext. and add. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2022. - 151 s.

[7] Avdeev, V.V. Forms of participation of citizens in the protection of public order and their legal

consolidation in modern Russian legislation/V.V. Avdeev//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 6. P.135-138.

[8] Tikhomirov, Yu.A. Order in Society and Law/ Yu.A. Tikhomirov//Journal of Russian Law. 2017. №3 (243). S.5-8.

[9] Morhat, P.M. Artificial intelligence: legal view: monograph/P.M. Morhat - M.: Buki Vedi, 2017. - 257 p.

[10] Vasiliev, S.A. Artificial Intelligence in Public Administration: Legal Aspects/S.A. Vasiliev. - M.: Prospect, 2022. - 152 s.

[11] LizaAlert: Search and Rescue Squad official website. - URL: <https://lizaalrt.org> (date of contact 06.02.2026).

[12] Neural network in the service of volunteers: experience in the use of artificial intelligence in search operations PSO “LizaAlert” //Information technologies and security. 2021. №4. URL: www.beeline.ru (date of contact 06.02.2026).

[13] Amirov R.A. Artificial intelligence in the system of counteracting the spread of the ideology of extremism and terrorism on the Internet/R.A. Amirova, T.M. Magomedov//State and Municipal Administration. Accounting notes. 2021. №1. S. 167-169.

[14] Official website of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. - URL: rkn.gov.ru (date of contact 06.02.2026).

[15] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of an individual and society: features of the influencing potential.

Law and governance. 2024. № 2. PP. 375-377.

[16] On approval of the Concept for the construction and development of the Safe City hardware and software complex: Order of the Government of the Russian Federation of 03.12.2014 No. 2446-r: (as amended by 13.12.2023) //Official Internet portal of legal information. - URL: publication.pravo.gov.ru (access date: 06.02.2026).

[17] On approval of the Regulation on the Federal Information System of Biometric Accounting: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 28.11.2022 No. 905 //Official Internet portal of legal information. - URL: publication.pravo.gov.ru (access date: 06.02.2026).

[18] Code of Administrative Offences of the Russian Federation: feder. Law No. 30.12.2001 of 195-FZ (as amended by 20.02.2026) //Access from the ConsultantPlus legal system.

[19] About the police: feder. Law No. 07.02.2011 of 3-FZ (as amended by 15.12.2025) //Official Internet Portal of Legal Information. - URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on: 06.02.2026)

ВОРОНОВИЧ Николай Константинович,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
майор полиции,
e-mail: voron_8585@list.ru.

ЯКОВЕНКО Вадим Сергеевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: 79298356007@ya.ru.

ФОРМИРУЮЩЕЕ ОЦЕНИВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается формирующее оценивание как инструмент повышения качества подготовки сотрудников правоохранительных органов в условиях трансформации образовательной среды. Анализируются особенности восприятия информации современными обучающимися, обусловленные феноменом «клипового мышления», а также их влияние на организацию образовательного процесса. Обосновывается необходимость модернизации традиционной системы контроля знаний в образовательных организациях системы МВД России. Раскрываются педагогико-правовые возможности формирующего оценивания, направленного на развитие профессиональных компетенций, включая навыки правового анализа, критического мышления, самостоятельного принятия решений и профессиональной рефлексии. Делается вывод о целесообразности интеграции формирующего оценивания в систему подготовки специалистов уголовно-правового профиля как средства повышения эффективности обучения и формирования профессиональной правовой культуры.

Ключевые слова: формирующее оценивание, профессиональное образование, правоохранительные органы, подготовка сотрудников полиции, уголовно-правовая деятельность, клиповое мышление, образовательный процесс, профессиональные компетенции, правовой анализ, система МВД России.

VORONOVICH Nikolay Konstantinovich,
associate professor of the Department of Social and
Humanitarian Disciplines of the Donetsk branch
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

YAKOVENKO Vadim Sergeevich,
lecturer at the Department of Tactical and Special Training
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

FORMATIVE ASSESSMENT AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF LAW ENFORCEMENT TRAINING: THE LEGAL ASPECT OF PROFESSIONAL EDUCATION

Annotation. The article examines formative assessment as a tool for improving the quality of training of law enforcement officers in the context of transformation of the educational environment. It analyzes the cognitive characteristics of modern students associated with the phenomenon of “clip thinking” and their impact on the organization of the educational process. The necessity of modernizing the traditional system of

knowledge assessment in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia is substantiated. The pedagogical and legal potential of formative assessment aimed at developing professional competencies is revealed, including legal analysis skills, critical thinking, independent decision-making, and professional reflection. The study concludes that integrating formative assessment into the training system of specialists in the field of criminal law is an effective way to improve the quality of education and to develop professional legal culture.

Key words: *formative assessment, professional education, law enforcement officers, police training, criminal law activity, clip thinking, educational process, professional competencies, legal analysis, Ministry of Internal Affairs of Russia.*

Современная цивилизационная эпоха характеризуется развитием цифровых технологий, что неизбежно приводит к смене образа жизни молодого поколения и восприятию ими информации, изменениям в психофизических свойствах которые проявляются в так называемом «клиповом мышлении». Сам феномен клипового мышления описывает когнитивные особенности молодежи, которые характеризуются конкретностью мышления, фрагментарностью (отсутствием целостного восприятия), ориентацией на понятия меньшей степени общности, алогичностью; лабильностью [1]. Кроме того, по мнению В. К. Колобаева и Т. А. Сеницыной клиповое мышление характеризуется языковым минимализмом и речевой бедностью, рассеянностью и гиперактивностью, дефицитом внимания. У них конкретное мышление преобладает над абстрактным [2]. Темпы развития современного общества, компьютеризация процессов производства и коммуникации, сокращение эволюционных периодов и переход в рамках информационной эпохи от времени интернета к времени искусственного интеллекта, формирует человека нового поколения – поколения Z и приходящего на смену поколения A (альфа), что в свою очередь требует своевременного реагирования, направленного на пересмотр подходов к организации образовательного процесса, внедрения новых технологий и методов, направленных на повышение эффективности подготовки будущих специалистов.

Современные вызовы, стоящие перед правоохранительной системой, требуют от сотрудников правоохранительных органов не только глубоких специальных знаний, но и развития профессиональных навыков: критического мышления, коммуникации, принятия решений в условиях дефицита времени, самодисциплины и способности к постоянному обучению, что в свою очередь обязывает профессорско-преподавательский состав пересматривать подходы к обучению. Сотрудник правоохранительных органов должен обладать не только глубокими знаниями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и развитым аналитическим мышлением, способностью принимать решения в условиях дефицита времени, навыками профессиональной коммуникации и высоким уровнем личной ответ-

ственности. Следовательно, система подготовки таких специалистов должна быть ориентирована на формирование устойчивых профессиональных компетенций, необходимых для осуществления уголовно-правовой деятельности.

В образовательных организациях системы МВД России традиционно применяется классическая система контроля знаний, основанная преимущественно на итоговом оценивании результатов обучения, при этом подобная система зачастую фиксирует лишь конечный результат усвоения материала, не отражая динамику формирования профессиональных компетенций обучающихся и не обеспечивая полноценной обратной связи между преподавателем и обучающимся [4]. Однако в условиях усложнения задач правоохранительной деятельности такая модель оценивания требует модернизации.

Необходимость модернизации системы контроля знаний обусловлена также действующими нормативными правовыми установлениями в сфере образования. В частности, положения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закрепляют ориентированность образовательного процесса на достижение результатов обучения, выраженных в сформированных компетенциях обучающихся, что предполагает использование адекватных механизмов их оценки. Аналогичные подходы отражены и в Федеральных государственных образовательных стандартах, предусматривающих необходимость оценки не только объема усвоенных знаний, но и степени сформированности профессиональных умений и навыков. Несомненно в условиях подготовки кадров для правоохранительной деятельности данные требования приобретают особую значимость и реализуются в образовательной практике организаций системы МВД России, что обуславливает необходимость совершенствования традиционных подходов к оцениванию.

Одним из перспективных направлений совершенствования образовательного процесса выступает использование технологии формирующего оценивания, которая ориентирована на непрерывную диагностику учебного процесса, анализ динамики образовательных результатов и формирование у обучающихся способности к рефлексии и самооценке [6]. Актуальность иссле-

дования обусловлена необходимостью разработки эффективных педагогико-правовых механизмов подготовки специалистов правоохранительных органов, способных качественно реализовывать нормы уголовного права на практике.

Целью настоящего исследования является обоснование целесообразности интеграции технологии формирующего оценивания в образовательный процесс высших учебных заведений системы МВД России в контексте подготовки специалистов для уголовно-правовой сферы деятельности.

Научная новизна и практическая значимость исследования заключается в обосновании возможности интеграции технологии формирующего оценивания не только в образовательный процесс, но и в традиционную систему контроля и оценки результатов обучения, применяемую в образовательных организациях системы МВД России. В отличие от существующих подходов, рассматривающих формирующее оценивание преимущественно как педагогическую технологию сопровождения обучения, в настоящем исследовании оно интерпретируется как элемент трансформации самой модели оценочной деятельности, ориентированной на фиксацию конечного результата. Предлагаемый подход позволяет сформировать гибридную модель оценивания, сочетающую итоговый контроль с непрерывной диагностикой формирования профессиональных компетенций, что обеспечивает повышение объективности оценки и эффективности подготовки специалистов уголовно-правового профиля.

Процесс обучения и воспитания будущего специалиста органов внутренних дел в данном контексте, представляется как синтез дидактических технологий, методов и приемов, способных развивая его личностные качества задействовать обучающегося, увлечь процессом познания, ставя целью не получение оценки как таковой, а возбуждение интереса к самому процессу овладения знаниями, умениями и навыками необходимыми в будущей профессии.

Традиционные методы контроля знаний, основанные на итоговом оценивании, выполняют прежде всего функцию фиксации достигнутого уровня подготовки обучающихся, однако они не позволяют в полной мере оценить процесс формирования профессиональных компетенций и выявить проблемы усвоения учебного материала на ранних этапах обучения. В результате же снижается эффективность образовательного процесса и затрудняется формирование устойчивых профессиональных навыков.

Формирующее оценивание представляет собой альтернативный подход, предполагающий постоянный мониторинг учебных достижений обучающихся и использование полученных результатов для корректировки образователь-

ного процесса. По мнению ряда исследователей, данная технология предполагает анализ образовательных результатов в динамике и формирование системы обратной связи между преподавателем и обучающимися [5; 9].

Подготовка сотрудников полиции в этом контексте обладает большими перспективами, поскольку формирующее оценивание здесь может рассматриваться как эффективный инструмент повышения качества профессионального образования в сфере правовой деятельности, его применение позволит контролировать уровень сформированности компетенций, необходимых для реализации норм законодательства, а также своевременно обнаруживать пробелы в знаниях и практических навыках курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России. Необходимо так же отметить, что помимо прочего формирующее оценивание ведет к развитию у обучающихся способности к самостоятельной правовой оценке различных ситуаций, так как в процессе обучения будущие сотрудники правоохранительных органов должны в полной мере овладеть умением анализировать фактические обстоятельства дела, сопоставлять их с признаками состава правонарушения или преступления и принимать обоснованные правовые решения. В связи с чем становится очевидным, что такие методы позволяют преподавателю оперативно выявлять возникающие трудности в освоении материала и адаптировать образовательный процесс с учетом индивидуальных особенностей обучающихся [8].

Формирующее оценивание так же играет важную роль в развитии у будущих сотрудников правоохранительных органов способности к непрерывному профессиональному росту, поскольку в условиях постоянного обновления законодательства и практики его применения умение самостоятельно совершенствовать свои знания становится ключевой составляющей профессиональной компетентности, использование формирующего оценивания способствует формированию у обучающихся установки на постоянное развитие и совершенствование профессиональных навыков.

Научные исследования, проводимые в данном направлении, показывают, что внедрение формирующего оценивания положительно влияет на мотивацию обучающихся и их вовлеченность в образовательный процесс, а применимо к курсантам и слушателям ОУ МВД России помимо прочих компетенций способствует формированию устойчивого интереса к изучению административного и уголовного права, криминологии и других юридических дисциплин, а также повышает уровень профессиональной ответственности будущих сотрудников правоохранительных органов [6].

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что формирующее оценивание обладает значительным потенциалом как инструмент повышения качества подготовки сотрудников правоохранительных органов, его внедрение в образовательную практику позволяет обеспечить непрерывную обратную связь, своевременно выявлять пробелы в знаниях и корректировать процесс обучения с учетом индивидуальных особенностей обучающихся. Вместе с тем принципиально важным представляется не только использование формирующего оценивания в образовательном процессе, но и его интеграция в традиционную систему контроля и оценки результатов обучения, сложившуюся в образовательных организациях системы МВД России, что позволит сформировать гибридную модель оценивания, сочетающую преимущества итогового и процессуального контроля, что обеспечивает более объективную и комплексную оценку уровня сформированности профессиональных компетенций. В условиях реализации требований Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральных государственных образовательных стандартов данная модель может рассматриваться как перспективное направление модернизации системы профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов, ориентированной на формирование компетентных, самостоятельных и способных к принятию решений специалистов.

Список литературы:

- [1] Семеновских Т. В. Феномен «Клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Вестник евразийской науки. 2014. №5 (24).
- [2] Колобаев В. К. Клиповое мышление - новый этап в развитии мышления современных учащихся / В. К. Колобаев, Т. А. Синицына // Наукосфера. – 2022. – № 2-1. – С. 57-62. – DOI 10.5281/zenodo.5968836. (дата обращения: 01.02.2026).
- [3] Котова О. В., Рябкова Е. А., Солодеева А. С. Анализ эффективности традиционной и балльно-рейтинговой систем оценивания в образовательных учреждениях // Проблемы современного педагогического образования. 2025. №88-1.
- [4] Доттуев Т.И. Проблемы традиционной системы контроля и оценки качества подготовки обучающихся в образовательных организациях высшего образования МВД России // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020. № 2. С. 39-43;
- [5] Матвеева Н.В., Шадрина А.А. Технология формирующего оценивания // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030271> ><https://scienceforum.ru/2022/article/2018030271>.
- [6] Пинская М.А. Формирующее оценивание: оценивание в классе: учеб. пособие / М.А. Пинская. – М.: Логос, 2010. – 264 с. https://shkola4lyantor-r86.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/342/4068/Formiruyuschee_otseivanie_v_klasse_Pinskaya.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
- [7] Пинская М.А. Материалы курса «Оценивание в условиях введения требований нового Федерального государственного образовательного стандарта»: курс на 36 часов. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2013. – 96 с.
- [8] Юрченко М. А. Формирующее оценивание в диагностике сформированности межкультурной компетенции // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. №207.

References:

- [1] Semenovskikh T.V. The phenomenon of “Clip Thinking” in the educational university environment//Bulletin of Eurasian Science. 2014. №5 (24).
- [2] Kolobaev V.K. Clip thinking is a new stage in the development of thinking of modern students/V.K. Kolobaev, T.A. Sinitsyna//Naukosphere. – 2022. – № 2-1. – S. 57-62. – DOI 10.5281/zenodo.5968836. (accessed on: 01.02.2026).
- [3] Kotova O. V., Ryabkova E. A., Solodeeva A. S. Analysis of the effectiveness of traditional and point-rating assessment systems in educational institutions//Problems of modern pedagogical education. 2025. №88-1.
- [4] T.I. Dottuev. Problems of the traditional system of control and assessment of the quality of training of students in educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Scientific Review. Pedagogical sciences. 2020. № 2. S. 39-43;
- [5] Matveeva N.V., Shadrina A.A. Technology of formative assessment//Materials of the XIV International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum” URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030271> > <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030271>.
- [6] Pinskaya M.A. Formative assessment: assessment in the classroom: study. manual/M.A. Pinskaya. – M.: Logos, 2010. – 264 с. https://shkola4lyantor-r86.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/342/4068/Formiruyuschee_otseivanie_v_klasse_Pinskaya.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
- [7] Pinskaya M.A. Course materials “Assessment in the context of the introduction of the requirements of the new Federal State Educational Standard”: course for 36 hours. – M.: Pedagogical University “First of September,” 2013. – 96 s.
- [8] Yurchenko M.A. Formative assessment in the diagnosis of the formation of intercultural competence//Izvestia RSPU named after A.I. Herzen. 2023. №207.

КАСНИЦКАЯ Инна Юрьевна,
начальник кафедры организации охраны
общественного порядка ТИПК МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ШАНЬКО Виктор Викторович,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
Кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ И АНАЛИТИКИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты применения систем видеонаблюдения и аналитики больших данных в сфере охраны общественного порядка. Обосновывается, что цифровые технологии существенно расширяют возможности правоохранительных органов по профилактике правонарушений, оперативному реагированию на инциденты, фиксации событий и аналитическому сопровождению управленческих решений. Показано, что использование видеонаблюдения и обработки больших массивов данных способствует переходу от преимущественно реактивной модели охраны общественного порядка к модели упреждающего и ситуационно-ориентированного управления. Вместе с тем выявляются правовые риски, связанные с обработкой персональных данных, пределами допустимого полицейского вмешательства, использованием алгоритмических решений и недостаточной нормативной регламентацией цифровых процедур. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, ведомственных регламентов, правил хранения и использования цифровых материалов, а также профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, видеонаблюдение, большие данные, цифровая трансформация, полиция, органы внутренних дел, персональные данные, информационные технологии, аналитика данных, общественная безопасность.

KASNITSKAYA Inna Yuryevna,
Head of the Department of Public Order Protection
at the Institute of Advanced Training of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Police Colonel

SHANKO Viktor Viktorovich,
deputy Head of the Department of Special Disciplines,
Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Police Colonel

APPLICATION OF VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS AND BIG DATA ANALYTICS IN PUBLIC ORDER PROTECTION

Annotation. This article examines the legal and organizational aspects of using video surveillance systems and big data analytics in public order protection. It is argued that digital technologies significantly expand the capabilities of law enforcement agencies to prevent crime, respond promptly to incidents, record events, and provide analytical support for management decisions. It is shown that the use of video surveillance and big data processing facilitates the transition from a predominantly reactive model of public order protection

to a proactive and situation-oriented management model. At the same time, legal risks associated with the processing of personal data, the limits of permissible police intervention, the use of algorithmic solutions, and insufficient regulatory frameworks for digital procedures are identified. It is concluded that further improvements to legislation, departmental regulations, rules for the storage and use of digital materials, and the professional training of law enforcement officers are necessary.

Key words: *Public order protection, video surveillance, big data, digital transformation, police, internal affairs agencies, personal data, information technology, data analytics, public safety.*

Современное состояние охраны общественного порядка характеризуется активным внедрением цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов. Одним из наиболее заметных направлений данной трансформации выступает использование систем видеонаблюдения и аналитики больших данных, которые позволяют не только фиксировать уже совершенные противоправные деяния, но и выявлять потенциально опасные ситуации, прогнозировать зоны повышенного риска, совершенствовать маршрутизацию сил и средств, а также повышать доказательственную обеспеченность принимаемых решений. В научной литературе справедливо подчеркивается, что видеонаблюдение становится важным элементом обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, а цифровая трансформация органов внутренних дел предполагает переход к системному использованию данных как ресурса государственного управления [2; 6]. Актуальность темы подтверждается и современными научными публикациями 2023–2025 годов, в которых применение видеонаблюдения, цифровой аналитики и иных технологических решений рассматривается как одно из ведущих направлений модернизации правоохранительной деятельности.

Нормативную основу рассматриваемой сферы составляют прежде всего Федеральный закон «О полиции», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О персональных данных», а также ведомственные акты МВД России, определяющие организацию несения службы и информационного взаимодействия. Федеральный закон «О полиции» закрепляет назначение полиции как института защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [2]. В свою очередь, Федеральный закон № 149-ФЗ регулирует отношения, возникающие при поиске, получении, передаче, производстве и распространении информации, а Федеральный закон № 152-ФЗ направлен на защиту прав и свобод человека при обработке персональных данных. Следовательно, правомерное использование видеонаблюдения и аналитики больших данных в поли-

цейской деятельности возможно лишь при одновременном соблюдении задач охраны правопорядка и ограничений, вытекающих из законодательства об информации и персональных данных [4; 5].

Функциональное значение систем видеонаблюдения в охране общественного порядка проявляется в нескольких взаимосвязанных направлениях. Во-первых, видеонаблюдение обеспечивает постоянную визуальную фиксацию событий в общественных местах, что способствует профилактике правонарушений уже самим фактом технического контроля. Во-вторых, оно позволяет оперативно выявлять противоправное поведение, быстро передавать информацию дежурным службам и нарядам, а также координировать действия сотрудников на месте происшествия. В-третьих, записи с камер выступают важным источником сведений для установления обстоятельств правонарушения, проверки показаний участников событий и последующей оценки законности действий должностных лиц. В исследованиях последних лет подчеркивается, что системы видеонаблюдения становятся значимым инструментом противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности, особенно в условиях интенсивной урбанизации и роста плотности общественных коммуникаций [7]. Соответственно, видеонаблюдение уже не может рассматриваться как вспомогательное техническое средство, а должно оцениваться как один из ключевых элементов современной инфраструктуры общественного порядка [2].

Не менее значимой является аналитика больших данных, которая позволяет обрабатывать большие массивы разнородной информации, поступающей из камер наблюдения, дежурных частей, информационных массивов органов внутренних дел, сведений о правонарушениях, пространственно-временных характеристик инцидентов и иных цифровых источников. Организационный эффект такой аналитики состоит в возможности выявления устойчивых закономерностей: концентрации правонарушений в определенных точках городской среды, временных интервалов повышенной конфликтности, типичных сценариев массовых нарушений порядка, повторяющихся маршрутов отхода правонарушителей и иных криминогенных паттернов. Это соз-

дает предпосылки для перехода от преимущественно реактивной модели полицейского реагирования к модели прогнозирования и упреждающего распределения сил и средств [6]. Данный вывод согласуется с позицией В. В. Шанько, который, раскрывая информационно-управленческую природу деятельности подразделений ОВД, указывает, что в высокоразвитых системах орган управления «не только получает, но и воспринимает, хранит, изучает, преобразовывает информацию состояния», сопоставляя ее с заданным состоянием и используя для планирования действий и принятия решения [11]. Применительно к рассматриваемой проблематике это означает, что видеонаблюдение и аналитика больших данных должны рассматриваться не только как технические средства фиксации, но и как элементы информационного обеспечения управленческого решения в сфере охраны общественного порядка. Иными словами, большие данные позволяют не только фиксировать происшедшее, но и повышать качество управленческих решений в сфере охраны общественного порядка, делая их более адресными, динамичными и обоснованными [10].

Организационные преимущества использования видеонаблюдения и аналитики больших данных наиболее отчетливо проявляются при охране общественного порядка в местах массового пребывания граждан, на транспортных узлах, в общественных пространствах крупных городов и при проведении публичных мероприятий. В таких условиях цифровые инструменты позволяют ускорить выявление отклонений от обычной ситуации, повысить точность оценки оперативной обстановки, сократить время принятия решений и обеспечить более рациональное использование полицейских сил. Для строевых подразделений, в том числе патрульно-постовой службы, это означает возможность более точного определения маршрутов патрулирования, учета территориальных рисков, оперативного обмена информацией и документирования правонарушений. Вместе с тем организационная эффективность цифровых систем зависит не только от наличия технической инфраструктуры, но и от ее интеграции в реальные управленческие процессы, доступности данных для уполномоченных сотрудников и единообразия процедур их использования [6; 9].

В то же время расширение практики видеонаблюдения и обработки больших данных порождает серьезные правовые проблемы. Одной из них является фрагментарность нормативного регулирования: общие правила обращения с информацией и персональными данными закреплены в федеральном законодательстве, однако

специальные процедуры использования отдельных аналитических инструментов, сроки хранения материалов, пределы доступа к ним, порядок их верификации и использования в административно-юрисдикционной деятельности урегулированы недостаточно подробно. В результате значительная часть вопросов фактически переносится на уровень ведомственной практики, что может порождать неравномерность подходов и риски нарушения принципа законности [6]. Отдельную проблему представляет правовая оценка автоматизированных аналитических выводов: алгоритм может указывать на подозрительную активность, однако окончательное решение о вмешательстве, проверке, ограничении прав или применении мер принуждения должно оставаться за уполномоченным должностным лицом, а не за технической системой [5; 9].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении цифровой эффективности и прав личности. Обработка видеозаписей, сопоставление данных из различных массивов, аналитическое профилирование событий и участников публичного пространства потенциально затрагивают сферу частной жизни, информационного самоопределения личности и режим персональных данных. Именно поэтому использование таких технологий должно строиться на принципах законности, целевого характера обработки информации, минимизации собираемых данных, соразмерности вмешательства и защищенности информационных систем [5]. При этом чем более сложными становятся аналитические инструменты, тем выше требования к прозрачности процедур, контролю доступа к данным, журналированию действий операторов и возможности последующей проверки правомерности цифровых решений. В противном случае технологическое усиление правоохранительной системы может сопровождаться расширением необоснованного наблюдения и снижением уровня правовых гарантий граждан [7].

Представляется, что дальнейшее развитие применения систем видеонаблюдения и аналитики больших данных в охране общественного порядка должно осуществляться по нескольким направлениям. Прежде всего, требуется дальнейшая конкретизация ведомственных правил использования цифровых материалов: порядка их получения, хранения, передачи, удаления и включения в доказательственную базу по делам об административных правонарушениях. Кроме того, целесообразно нормативно разграничить применение обычной видеоаналитики, направленной на выявление событий и аномалий, и более чувствительных технологий, связанных с биометрической идентификацией и глубокой пер-

сонализированной аналитикой. Не менее важным является закрепление принципа обязательного человеческого контроля: цифровые платформы и алгоритмы должны помогать сотруднику полиции, но не подменять его правовую оценку, ответственность и процессуальную самостоятельность [5; 6]. Наряду с этим необходимо развивать профессиональную подготовку сотрудников, формируя у них навыки законного использования цифровых ресурсов, понимание рисков обработки персональных данных и умение работать с аналитическими результатами без абсолютизации машинных выводов [9; 10].

Таким образом, применение систем видеонаблюдения и аналитики больших данных в охране общественного порядка представляет собой закономерное направление развития современной правоохранительной деятельности. Его значение определяется способностью цифровых инструментов усиливать профилактику правонарушений, повышать оперативность реагирования, улучшать документирование событий и обеспечивать более качественную информационно-аналитическую основу управленческих решений. Вместе с тем эффективность таких технологий неразрывно связана с качеством правового регулирования, степенью защищенности прав личности, прозрачностью алгоритмических процедур и организационной готовностью органов внутренних дел к работе в цифровой среде. Следовательно, дальнейшая модернизация данной сферы должна строиться на балансе технологической результативности, законности, информационной безопасности и уважения конституционных прав граждан, что и определяет стратегическую направленность развития охраны общественного порядка в современных условиях.

Список литературы:

- [1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).
- [2] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
- [3] Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[5] О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[6] Лукашов, Н. В. Теоретические и организационные основы цифровой трансформации территориальных органов внутренних дел системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 128–138.

[7] Осипенко, А. Л., Батоев, В. Б. Использование систем видеонаблюдения в противодействии преступности // Общество и право. 2023. № 3 (85). С. 55–60.

[8] Полунина, Е. Н., Вагайцев, В. М., Нурисламов, А. С. Актуальность видеонаблюдения при обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Право и управление. 2024. № 2. С. 184–187.

[9] Кремёнов, И. Н., Сигитов, И. Н. Современные технологии в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 11-1.

[10] Дежурный, А. А., Бондаренко, Д. М. Роль патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественной безопасности и общественного порядка в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4.

[11] Шанько, В. В. Варианты управления подразделениями органов внутренних дел, привлекаемыми к выполнению оперативно-служебных задач, в рамках обеспечения общественного порядка. Ростов-на-Дону, 2022. 47 с.

References:

- [1] Code of Administrative Offences of the Russian Federation: feder. Law No. 30.12.2001 of 195-FZ (as amended by 23.03.2026) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (access date: 03.04.2026).
- [2] On the police: feder. Law No. 07.02.2011 dated 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7, Art. 900.
- [3] On approval of the Instruction on the organization of service activities of combat units of the patrol and guard service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.06.2021 No. 495 // Official Internet portal of legal information. URL: publication.pravo.gov.ru (access date: 03.04.2026).
- [4] About Information, Information Technology, and Information Security: Feder. Law No. 27.07.2006

of 149-FZ//Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (access date: 03.04.2026).

[5] About personal data: feder. Law No. 27.07.2006 of 152-FZ//Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (access date: 03.04.2026).

[6] Lukashov, N.V. Theoretical and organizational foundations of the digital transformation of the territorial bodies of internal affairs of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (67). S. 128-138.

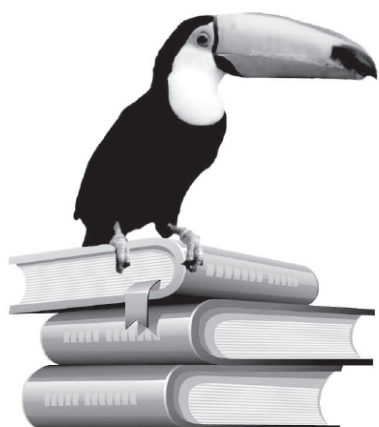
[7] Osipenko, A. L., Batoev, V. B. The use of video surveillance systems in combating crime//Society and law. 2023. № 3 (85). S. 55-60.

[8] Polunina, E. N., Vagaytsev, V. M., Nurislamov, A. S. Relevance of video surveillance in ensuring public order and public safety//Law and management. 2024. № 2. S. 184-187.

[9] Kremenov, I. N., Sigitov, I. N. Modern technologies in the field of public order and public safety//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 11-1.

[10] Duty officer, A. A., Bondarenko, D. M. The role of the police patrol service in ensuring public safety and law and order in the Russian Federation//Law and state: theory and practice. 2025. № 4.

[11] Shanko, V. V. Management options for units of internal affairs bodies involved in the performance of operational and official tasks, as part of ensuring public order. Rostov-on-Don, 2022. 47 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАСЛОВ Сергей Николаевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e-mail: masliha1@mail.ru

БОНДАРЕНКО Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры радиотехнических
систем и комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России,
e-mail: bondarenko-92-92@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы формирования конфликтологических компетенций у сотрудников полиции в современных условиях. Авторами акцентировано внимание на влиянии стрессогенных факторов на возникновение конфликтов при несении службы сотрудниками полиции, а также намечены пути профилактики и минимизации их негативных последствий, главным образом, в результате проведения специализированного конфликтологического обучения на всех этапах их профессиональной подготовки

Ключевые слова: сотрудник полиции, конфликтологические компетенции, профессиональная коммуникация, профессиональная компетентность, профессиональная подготовка, образовательные организации.

MASLOV Sergey Nikolaevich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special Training
of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BONDARENKO Evgeny Sergeevich,
Lecturer of the Department of Radio Engineering
Systems and Security Monitoring Complexes
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ON SOME TOPICAL ISSUES OF THE FORMATION OF CONFLICTOLOGICAL COMPETENCIES AMONG POLICE OFFICERS AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The article discusses some topical issues of the formation of conflictological competencies among police officers in modern conditions. The authors focus on the influence of stressful factors on the occurrence of conflicts while serving as police officers, and outline ways to prevent and minimize their negative consequences, mainly as a result of specialized conflict management training at all stages of their professional training.

Key words: police officer, conflict-related competencies, professional communication, professional competence, professional training, educational organizations.

Одним из ведущих направлений реформирования правоохранительной системы современной России является повышение

эффективности деятельности органов внутренних дел (ОВД) в условиях некомплекта личного состава и сложной оперативной обстановки.

Российское общество и государство обоснованно требует создания и слаженного функционирования эффективной модели ОВД с учетом передового отечественного и мирового опыта. «Служебная деятельность сотрудников ОВД протекает, как правило, в экстремальных условиях и сопровождается высокой психофизиологической напряженностью и необходимостью преодоления негативных эмоциональных состояний» [1]. Опыт работы сотрудников полиции, которые непосредственно контактируют с людьми, показывает, что существует необходимость улучшить процесс отбора, а также психологической и конфликтологической составляющих профессиональной подготовки. Сотруднику полиции необходимо выработать способность противостоять негативному конфликтному влиянию со стороны правонарушителей и иным негативным факторам в ходе несения службы. Неумение некоторых сотрудников полиции конструктивно и взвешенно реагировать на конфликтное, а зачастую и провокационное поведение отдельных граждан уже стало популярной тематикой резонансных видеоматериалов, а в итоге, причиной назначения служебных проверок, привлечения к ответственности и даже увольнения. «Актуальность указанной проблемы заключается в том, что правильная стратегия поведения сотрудников полиции в современных условиях обусловлена знаниями и умениями профессионального общения с правонарушителями, которые нередко не желают выполнять законные требования правоохранителей» [2]. Поэтому, при проведении профессионального отбора кандидатов на службу и прохождении ими психофизиологической диагностики, необходимо тщательнее определять и учитывать показатели их эмоциональной и поведенческой сфер, больше внимания уделять уровню их психоэмоциональной устойчивости, конфликтологической компетентности, личной коммуникативной культуры, а также способности к вариативному общению. Актуальность проблемы конфликтологической подготовки сотрудников полиции обусловлена постоянным влиянием конфликтов на их профессиональную деятельность, работой «в агрессивной среде», противодействием постоянному манипуляционному воздействию, регулярным преодолением психоэмоционального сопротивления со стороны правонарушителей. Кроме того, сотрудник полиции должен соблюдать строгую исполнительскую дисциплину, всегда следовать Закону, а также постоянно находится под постоянным контролем на предмет правомерности своих действий. Таким образом, конфликтные риски в служебной деятельности сотрудников полиции достаточно высоки и вопросы их подготовки к действиям в конфликтных и стрессовых ситуациях, а также

педагогические, психологические и методические аспекты формирования умений управления конфликтами не теряют своей актуальности. Среди других актуальных проблем, нуждающихся в дальнейшей разработке, выделяем: определение на основе конфликтных рисков в профессиональной деятельности содержания педагогических, конфликтологических и психологических технологий формирования профессиональной культуры у сотрудников ОВД, а также внедрение указанных технологий в программы профессиональной подготовки образовательных организаций МВД России. Вопросы формирования конфликтологических компетенций у сотрудников полиции в системе профессионального образования освещается во многих публикациях в областях психологии, педагогики и права, однако, анализ и систематизация конфликтных и стрессогенных рисков в их деятельности, а также формирование у них конфликтологической культуры представлены в специальной литературе, на наш взгляд, недостаточно. Серьезные изменения в ожиданиях и настроениях общества относительно работы полиции в России в условиях значительного некомплекта личного состава и кратного увеличения нагрузки на каждого сотрудника требуют, с одной стороны, реорганизации и оптимизации работы некоторых структурных подразделений МВД, а с другой, реформирования содержания и форм работы правоохранителей, создания принципиально новой модели их функционирования, в том числе взаимодействия с обществом. Это касается, в первую очередь, расширения социально-сервисных функций, которые уже доказали свою эффективность, облегчив россиянам получение необходимых документов и справочной информации, а также существенно снизили определенные коррупционные риски и укрепили доверие к государственной власти в стране. К числу основных целей реформирования правоохранительной системы следует отнести внедрение эффективной системы подготовки кадров и повышение уровня доверия населения к органам внутренних дел, а также авторитета их сотрудников. Такие масштабные цели, безусловно, требуют новых ориентиров в определении профессиональной модели специалиста – сотрудника полиции. Ее понимание не только предоставит возможность ОВД организовать эффективный процесс его квалифицированной подготовки, но и защитит правоохранительную систему от попадания в ее ряды лиц с низким уровнем личностной культуры (коммуникативной, поведенческой и др.), а также неконструктивной мотивацией.

Реализация политики МВД России на реальное сближение и более тесное взаимодействие с обществом, требуют, на наш взгляд, улучшения

профессиональной подготовки сотрудников полиции в части эффективной коммуникации и интерактивного взаимодействия с гражданами и социальными институтами. Базовая и специализированная части такой подготовки должны рассматриваться в качестве предпосылки преодоления сложных и экстремальных профессиональных ситуаций. Ожидаемым результатом такой подготовки будет являться улучшение профессионально - личностной компетентности правоохранителей. По нашему мнению, ядром большинства разновидностей таких сложных ситуаций в общении с гражданами, является конфликт. Именно конфликтами насыщена служебная деятельность сотрудников различных подразделений ОВД, в особенности тех, кто непосредственно и интенсивно взаимодействует с гражданами, несет службу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. По мнению исследователей и специалистов-практиков, чаще всего критические с точки зрения конфликтологии ситуации возникают при пресечении хулиганских действий или других правонарушений, имеющих место на улицах или в других общественных местах, при разбирательстве бытовых конфликтов, задержании преступников и правонарушителей. Современные исследования подчеркивают также важность специальной конфликтологической подготовки сотрудников полиции, объясняя это рядом факторов, прежде всего, пребыванием в силу специфики своей профессии в агрессивной коммуникативной среде и стрессовых ситуациях, а также необходимостью владеть методами защиты от их негативного влияния и саморегуляции своих психических состояний. Сотрудник полиции постоянно находится перед необходимостью выбора оптимальных вариантов поведения в тех или иных конфликтных ситуациях, а также эффективных методов психологического воздействия на оппонентов для успешного решения своих профессиональных задач. Поэтому конфликтологическая подготовка, прежде всего, должна быть направлена на развитие у сотрудников полиции постоянной готовности к эффективным действиям в условиях высокого нервно - психического напряжения, а также способности применить полученные знания, умения и навыки в типовых и экстремальных ситуациях служебной деятельности. Кроме того, важно научить сотрудника полиции анализировать и психологически прорабатывать свой личный опыт поведения в различных ситуациях, структурировать его и делать необходимые продуктивные выводы. Для этой цели используется достаточно много методов, в том числе и метод моделирования, который закрепляет положительный опыт и помогает избежать характерных

ошибок в будущем. «Важным направлением является разработка целевых специализированных программ и планов, в том числе, внедрение в учебный процесс образовательных организаций МВД России и других силовых структур спецдисциплин по актуализированной тематике» [1, с. 56]. На наш взгляд, достаточно эффективным является анализ характерных для различных подразделений полиции конфликтных рисков и конфликтогенов, среди которых можно выделить: вербализованные оскорбления, категорические отказы, неповиновение граждан, несправедливость руководства, интриги коллег; проявления психологической и физической агрессии в общении; психологическое сопротивление, манипуляции, ложь во время контактов с правонарушителями; безапелляционность, авторитарность руководства и необходимость подчиняться приказам при игнорировании собственного мнения; высокая напряженность в работе при недостатке свободного времени, необходимого для отдыха и восстановления сил, пребывания с семьей и близкими; строгие требования к дисциплине, объему и срокам выполнения работы; риски для жизни и здоровья; критическое, иногда предвзятое отношение со стороны общества, СМИ, граждан, руководства; постоянное психоэмоциональное напряжение и тревожность вследствие ощущения строгой ответственности за ошибки в служебной деятельности. Кроме того, профессиональная деятельность у некоторых сотрудников полиции может негативно сказываться на отношениях в семье и периодически приводить к семейным конфликтам и столкновениям, возникновению негативных психических состояний, что, в свою очередь оказывает обратное влияние на их поведение и служебную деятельность.

Таким образом, актуальная задача, стоящая перед образовательными организациями МВД России – подготовить будущих специалистов к эффективной деятельности в конфликтогенной среде, создать личностно-психологическую основу для развития и трансформации конфликтологической культуры сотрудников полиции. Несомненно, что ее развитие должно обеспечиваться соответствующим содержанием учебно-воспитательного процесса, направленного на формирование необходимых профессиональных компетенций, отработки значимых умений и навыков. Безусловно, развитие конфликтологической сферы сотрудника полиции не должно ограничиваться периодом прохождения первоначальной профессиональной подготовки, а системно реализовываться на разных этапах профессионализации: во время обучения, адаптации к профессии и профессионального роста.

Список литературы:

[1] Шувалов А. П. Актуальные вопросы формирования психологической компетентности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях / А. П. Шувалов, А. В. Сидоров, А. В. Фасхутдинова // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 255-260.

[2] Шувалов А. П. Актуальные вопросы формирования коммуникативной компетентности сотрудников полиции в современных условиях / А. П. Шувалов, С. А. Гречаный, А. В. Фасхутдинова // Закон и право. – 2024. – № 7. – С. 230-234.

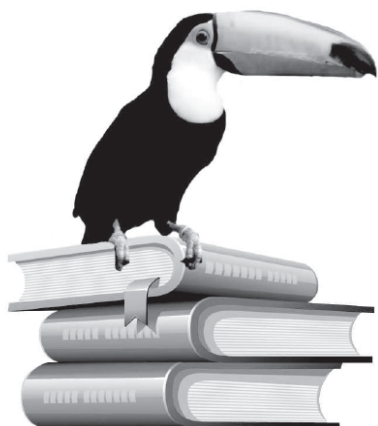
[3] Тактические особенности противодействия современным формам организованной преступности: Практические рекомендации / Д. Н. Тишкин, А. П. Шувалов, Д. В. Гладков, Н. С. Урманова. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 64 с.

References:

[1] Shuvalov A.P. Topical issues of the formation of psychological competence of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation in modern conditions/A.P. Shuvalov, A.V. Sidorov, A.V. Faskhutdinova//Law and Law. – 2024. – № 4. – S. 255-260.

[2] Shuvalov A.P. Topical issues of the formation of communicative competence of police officers in modern conditions/A.P. Shuvalov, S.A. Grechany, A.V. Faskhutdinova//Law and Law. – 2024. – № 7. – S. 230-234.

[3] Tactical features of countering modern forms of organized crime: Practical recommendations/D. N. Tishkin, A. P. Shuvalov, D. V. Gladkov, N. S. Urmanova. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - 64 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ХИСАМУТДИНОВА Анастасия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
основ российской государственности и цивилистики,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
e-mail: Khisa_07@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ: ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества, делается вывод о трансформации института защиты деловой репутации под влиянием цифровых технологий, о необходимости адаптации судебных и внесудебных механизмов к новым вызовам.

Ключевые слова: органы внутренних дел, честь, достоинство, деловая репутация, защита, гражданско-правовая ответственность, информация.

KHISAMUTDINOVA Anastasia Sergeevna,
Senior Lecturer, Department of Fundamentals
of Russian Statehood and Civilistics
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DIGITAL CHALLENGES AND LEGAL CONFLICTS: PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Annotation. The article examines current issues of protecting honor, dignity, and business reputation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of digital transformation of society. It concludes that the institution of business reputation protection is being transformed under the influence of digital technologies, and that judicial and extrajudicial mechanisms need to be adapted to new challenges.

Key words: internal affairs bodies, honor, dignity, business reputation, protection, civil liability, information.

Служба в правоохранительных органах по определению является открытой для общества, а значит, постоянно находится в поле зрения граждан. Как следствие, такие ценности, как честь, личное достоинство и деловая репутация, систематически оказываются уязвимыми для посягательств. Современные информационные технологии развиваются стремительно, и это лишь умножает число подобных нарушений. Всё перечисленное заставляет по новому взглянуть на необходимость оперативно реагировать на каждый случай распространения ложных, поро-

чащих данных и привлекать виновных лиц к гражданско-правовой ответственности за размещение сведений, которые не соответствуют действительности и порочат честь и достоинство сотрудников органов внутренних дел (далее – сотрудников ОВД).

Вопросы, связанные с охраной деловой репутации, известны правовой системе давно. Ежедневно сотрудники, несущие службу в органах внутренних дел, сталкиваются с потоком негативной информации о себе, исходящим от недобросовестных распространителей. Юриди-

ческая практика за последние годы наработала определённые подходы и способы отстаивания этого нематериального актива, имеющего высокую ценность. Тем не менее с переходом общества на цифровые платформы проблема охраны репутации приобрела особую остроту и актуальность. Высокий уровень скрытности пользователей в интернете, а также сама природа цифрового пространства заставили по-новому взглянуть на действующие судебные и досудебные инструменты, чтобы они могли отвечать современным вызовам и угрозам.

Для надёжной защиты деловой репутации требуется предпринять ряд мер, направленных на противодействие недостоверной информации.

Первым шагом следует проанализировать характер той информационной среды, в которой появляются данные, наносящие ущерб деловой репутации. Вариантов здесь множество: платформы с пользовательскими оценками, электронные рассылки, а также отдельные сообщения с обвинениями, направленные напрямую конкретным адресатам. То, как именно будут строиться доказательства, напрямую зависит от того, каким способом была распространена ложная (порочащая) информация. К примеру, когда речь идёт о сайтах, где оставляют отзывы, суды зачастую позволяют себе более гибкие оценки, чем в иных ситуациях. Для средств массовой информации действуют особые, неодинаковые в разных случаях нормы работы с персональными данными. Отдельные интернет-площадки чётко заявляют, что удалить нежелательный (порочащий) контент можно только на основании судебного акта. Тем не менее, прежде чем обращаться в суд, сотрудник ОВД обязан направить запрос администратору соответствующего ресурса. Такая досудебная переписка нередко заканчивается успехом и одновременно служит подтверждением того, что попытка мирного урегулирования предпринималась. Несмотря на все трудности, с которыми сталкивается защита репутации в век цифровых технологий, существует и бесспорное преимущество: действуя в интернете, практически каждый пользователь оставляет за собой цепочку цифровых данных, по которым его можно вычислить, а затем привлечь к ответственности за допущенное нарушение.

Следовательно, правовой институт, призванный оберегать деловую репутацию, сегодня претерпевает изменения под напором цифровых реалий. Поскольку чёткого законодательного регулирования в этой области пока не сложилось, многие противоречия приходится разрешать, опираясь исключительно на уже сложившиеся подходы судов.

Анализ того, как часто сотрудники ОВД обращаются в суды с требованиями восстановить честь и достоинство после появления ложных обвинений, позволяет сделать следующий вывод: такие иски встречаются относительно нечасто. Причины здесь могут быть разными. Одна из них — грамотно выстроенная работа на этапе до суда. Соответствующие структуры внутри МВД Российской Федерации взаимодействуют с общественными организациями и редакциями средств массовой информации, благодаря чему во многих случаях удаётся добиться публичного опровержения не соответствующих действительности материалов без обращения в суд. Другая причина кроется в нежелании самих пострадавших сотрудников ОВД начинать судебное разбирательство. Это может быть связано с дефицитом личного времени, с тем, что судебные процедуры растягиваются надолго, а также с нежеланием придавать произошедшему слишком большое значение и раздувать ситуацию до масштабного конфликта.

Когда порочащие сведения распространяются в адрес конкретного сотрудника ОВД, это причиняет серьёзный, часто трудновосполнимый ущерб не только ему, но и всей правоохранительной системе в целом, подрывая её репутацию и авторитет. В связи с этим каждый подобный случай требует быстрого, а порой и вовсе незамедлительного реагирования, а виновные лица должны привлекаться к гражданско-правовой ответственности в порядке, установленном законом.

Цифровая среда создаёт принципиально новые вызовы для защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД. Если в традиционном информационном поле (печатные СМИ, телевидение, публичные выступления) факт распространения сведений обычно удаётся зафиксировать с относительной лёгкостью, то в интернете ситуация кардинально иная. Скорость, с которой информация распространяется по сети, многократно превышает возможности оперативного реагирования. Пользователь, разместивший порочащий материал, может сохранять полную анонимность, используя временные аккаунты, VPN-сервисы и др. Более того, после того как информация достигла адресата (например, руководства или сослуживцев сотрудника ОВД), распространитель нередко мгновенно удаляет исходное сообщение или весь аккаунт, уничтожая таким образом материальные следы нарушения.

Указанные обстоятельства порождают острую проблему доказывания: к моменту, когда сотрудник ОВД узнаёт о порочащей публикации и принимает решение о защите своих прав, перво-

источник часто уже отсутствует в открытом доступе. Даже если публикация сохранилась, установить личность её автора бывает практически невозможно без содействия интернет-платформы или государственных органов. Российское гражданское законодательство (статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) допускает возможность предъявления иска о защите чести, достоинства и деловой репутации к лицу, которое не может быть идентифицировано. Однако эффективность этого механизма применительно к цифровой среде остаётся дискуссионной. В отсутствие ответчика суд не может применить меры ответственности, а само разбирательство ограничивается установлением факта распространения недостоверных сведений без привлечения виновного к гражданско-правовым последствиям. Такой подход, безусловно, позволяет восстановить доброе имя сотрудника (например, путём вынесения судебного решения о признании сведений не соответствующими действительности), но не обеспечивает наказания нарушителя и не создаёт превентивного эффекта.

Даже в тех случаях, когда порочащая публикация сохраняется в открытом доступе, перед сотрудником ОВД встаёт не менее сложная задача — надлежащим образом зафиксировать её содержание и реквизиты таким образом, чтобы эти доказательства были признаны судом допустимыми. Простой скриншот страницы, сделанный самим истцом, нередко отклоняется судебными инстанциями из-за возможности фальсификации. В связи с этим на практике распространён способ нотариального осмотра интернет-страницы в порядке обеспечения доказательств. Однако и здесь возникают препятствия: нотариус может зафиксировать только то, что существует в момент осмотра. Если порочащий материал уже удалён к этому моменту, нотариальное действие становится невозможным. В итоге временной лаг между обнаружением порочащей информации и её процессуальным закреплением часто оказывается критическим.

Отдельного внимания заслуживает проблема получения сведений о владельце анонимного аккаунта от интернет-платформ. Подавляющее большинство крупных социальных сетей и мессенджеров являются иностранными юридическими лицами и действуют в соответствии с законодательством страны своей регистрации. Направляемые российскими судами запросы о предоставлении персональных данных пользователя исполняются такими компаниями неохотно, в течение длительных сроков, а нередко и вовсе отклоняются со ссылкой на законы о защите приватности. В результате даже при наличии судебного акта сотрудник ОВД и его представители не

могут получить информацию, позволяющую идентифицировать ответчика. Это делает практически невозможным привлечение к ответственности лиц, действующих через зарубежные интернет-сервисы.

Ещё один аспект касается самого содержания порочащих сведений. В цифровой среде нередко распространяется информация, которая не содержит прямых утверждений о фактах, а выражена в форме оценочных суждений, саркастических намёков или так называемых «мемов». Судебная практика исходит из того, что оценочные суждения и мнения не могут быть проверены на соответствие действительности, а значит, сами по себе не образуют состава правонарушения, предусмотренного статьёй 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако в контексте служебной деятельности сотрудника ОВД подобные публикации, даже будучи формально мнениями, способны нанести не меньший репутационный ущерб, чем прямые утверждения. Разграничение между фактом и мнением в коротких интернет-сообщениях часто оказывается условным, что создаёт дополнительную неопределённость для судов и заставляет истцов доказывать, что под видом субъективного взгляда автора фактически утверждаются конкретные обстоятельства, не соответствующие действительности.

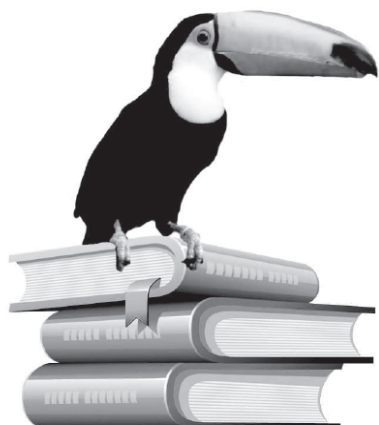
Таким образом, защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД в цифровой среде сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем: высокая скорость распространения информации и возможность её мгновенного удаления, анонимность или псевдонимность пользователей, трудности процессуального закрепления цифрового контента, неэффективность механизмов идентификации через иностранные платформы, а также размытость границ между фактом и мнением в интернет-коммуникации.

Решение этих проблем требует законодательного закрепления упрощённого порядка получения от интернет-площадок сведений о владельцах аккаунтов по делам о защите репутации, а также разработки единых стандартов фиксации цифровых доказательств, адаптированных к динамической природе сети. Без этого право сотрудника ОВД на защиту своего доброго имени рискует остаться в значительной степени декларативным, несмотря на всю его важность для поддержания авторитета всей правоохранительной системы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровая трансформация общественных отношений порождает принципиально новые вызовы для института защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД. Выявлен-

ные правовые коллизии, обусловленные стремительным распространением недостоверной информации в сети Интернет, анонимностью злоумышленников и юрисдикционными сложностями, существенно снижают эффективность традиционных механизмов судебной защиты. В этих условиях первостепенное значение приобретает выработка сбалансированного подхода, сочетающего совершенствование процедур досудебного блокирования порочащих сведений,

внедрение специализированных медиативных практик и адаптацию действующих норм о диффамации к реалиям цифровой среды. Только комплексное устранение существующих законодательных пробелов и технологическая модернизация правоприменительных процессов позволят обеспечить надежную охрану нематериальных благ сотрудников правоохранительных органов без ущемления конституционных прав граждан на свободу слова и информации.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-239-244

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

БАРСКАЯ Анна Александровна,
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-9128-8622,
e-mail: procurorrf@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ, ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ОШИБОК ПРОКУРОРА

Аннотация. Деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляется в сложной системе «сдержек и противовесов», образуемой взаимодействующими, но не совпадающими по своей правовой природе и целям формами правового контроля: судебным контролем, прокурорским надзором и ведомственным контролем. Четкое разграничение этих институтов имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку их смешение или подмена являются самостоятельной детерминантой ошибок прокурора. Цель исследования состоит в анализе сущностных характеристик судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса для выявления институциональных причин ошибок, совершаемых прокурором. Методология исследования включает формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Научная новизна заключается в системном рассмотрении трех контрольных механизмов как единого, но внутренне дифференцированного контекста профессиональной деятельности прокурора, обуславливающего специфические риски ошибок. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что дуализм статуса прокурора, находящегося в эпицентре взаимодействия трех различных контрольных механизмов, объективно создает сложную среду для его профессиональной деятельности. Некритическое восприятие результатов ведомственного контроля, пассивность в инициировании судебного контроля и подмена собственных надзорных полномочий идентифицированы как системные ошибки, проистекающие из неправильного понимания прокурором своего места в этой триаде. Эффективная минимизация ошибок прокурора на досудебных стадиях невозможна без четкого осознания им границ своей компетенции и специфики смежных институтов.

Ключевые слова: судебный контроль, прокурорский надзор, ведомственный контроль, досудебное производство, ошибки прокурора, уголовный процесс, законность.

BARSKAYA Anna A.,
Postgraduate Student, Department of Criminal
Procedure and Criminology, Law Institute
of Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation

THE DELIMITATION OF JUDICIAL CONTROL, PROSECUTORIAL SUPERVISION AND DEPARTMENTAL CONTROL AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS AN INSTITUTIONAL CONTEXT FOR PROSECUTOR ERRORS

Annotation. *The activities of the prosecutor at the pre-trial stages of criminal proceedings are carried out within a complex system of «checks and balances» formed by interacting but distinct forms of legal control: judicial control, prosecutorial supervision, and departmental control. A clear distinction between these institutions is of not only theoretical but also purely practical importance, since their confusion or substitution is an independent determinant of prosecutor errors. The purpose of the study is to analyze the essential characteristics of judicial control, prosecutorial supervision and departmental control at the pre-trial stages of the criminal process to identify the institutional causes of errors made by the prosecutor. The research methodology includes formal-legal, historical-legal and comparative-legal methods. The scientific novelty lies in a systematic consideration of the three control mechanisms as a single, but internally differentiated context of the prosecutor professional activity, which determines specific error risks. The analysis led to the conclusion that the dual status of the prosecutor, who is at the epicenter of the interaction of three different control mechanisms, objectively creates a complex environment for his professional activity. An uncritical perception of the results of departmental control, passivity in initiating judicial control, and the substitution of one own supervisory powers are identified as systemic errors stemming from the prosecutor misunderstanding of his place in this triad. Effective minimization of prosecutor errors at the pre-trial stages is impossible without a clear understanding of the boundaries of his competence and the specifics of the related institutions.*

Key words: *judicial control, prosecutorial supervision, departmental control, pre-trial proceedings, prosecutor errors, criminal procedure, legality.*

Деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляется в сложной системе «сдержек и противовесов», образуемой взаимодействующими, но не совпадающими по своей правовой природе и целям формами правового контроля: судебным контролем, прокурорским надзором и ведомственным контролем. Современная доктрина и законодательство исходят из понимания того, что надзор и контроль в досудебном производстве представляют собой целостную систему, «весьма чувствительную к изменению процессуальных полномочий любого из... субъектов» [1, с. 87]. Четкое разграничение этих институтов имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку их смешение или подмена являются самостоятельной детерминантой ошибок прокурора, ведущей к дублированию функций, бездействию либо, напротив, к неправомерному вторжению в компетенцию других субъектов [2, с. 87]. При этом в законодательстве отсутствует легальное определение ключевого для данной проблемы понятия «процессуальная ошибка», что создает дополнительные сложности для ее идентификации и устранения [3, с. 88]. Историко-правовой анализ подтверждает, что становление и развитие данной системы носит динамический характер. Как справедливо отмечает Э.Р. Миргородская, институт судебного контроля за действиями должностных лиц связывается с судебной реформой Александра II в XIX веке, тогда как в советский период его функции на досудебных стадиях были в значительной степени поглощены прокурорским надзором и ведомственным контролем [4, с. 74-75].

Возвращение к элементам оперативного судебного контроля на стадии предварительного расследования в современной России актуализи-

рует проблему их четкого взаимодействия с иными контрольными механизмами. Для формирования методологической основы разграничения представляется целесообразным обратиться к доктринальным подходам. Так, К.В. Маслов предлагает различать контроль и надзор по следующим критериям: 1) органы надзора осуществляют свои функции в отношении неподчиненных им лиц, а органы контроля - в отношении организационно подчиненных; 2) надзор ограничивается проверкой соблюдения закона, в то время как контроль включает также проверку эффективности и целесообразности принятых решений [5, с. 85]. Данное разграничение позволяет более точно охарактеризовать правовую природу каждого института. Судебный контроль, исходя из этого, является надведомственным и внешним, прокурорский надзор - надведомственным, но осуществляемым в рамках единой системы государственного обвинения, а ведомственный контроль - внутриорганизационным и подчиненным ведомственным интересам.

Судебный контроль на досудебных стадиях представляет собой осуществляемую в специальной процессуальной форме деятельность суда по проверке законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования, ограничивающих конституционные права граждан [6, ст. 29, 125]. Его существенные черты, отличающие его от иных форм контроля, заключаются в следующем: опосредованный и, как правило, последующий характер, при котором суд не инициирует контроль самостоятельно, а осуществляет его по ходатайству участников процесса, за исключением случаев санкционирования действий, где контроль является предварительным; состязательная процессуальная форма, гарантирующая

равенство прав сторон; внешний и независимый характер, обеспечивающий объективность решений суда, не связанного ведомственными интересами [7, с. 89]; обязательность решений для всех участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, судебный контроль выступает как высшая, юрисдикционная гарантия законности на досудебных стадиях [8, с. 156]. Ошибка прокурора в данном контексте может проявляться в пассивности - непринятии мер для инициирования судебного контроля при явных нарушениях со стороны следователя, требующих судебного санкционирования, или, напротив, в необоснованном заявлении ходатайств перед судом, что приводит к неоправданной задержке процесса.

Прокурорский надзор на досудебных стадиях - это осуществляемая от имени государства деятельность прокуратуры по обеспечению точного и единообразного исполнения законов органами дознания и предварительного следствия [9, ст. 29, 37]. Его специфика, в сравнении с судебным контролем, состоит в универсальном и непрерывном характере, осуществляемом на всем протяжении досудебного производства без необходимости чьего-либо ходатайства; инициативности и властно-распорядительных полномочиях, позволяющих прокурору самостоятельно отменять незаконные решения и давать обязательные указания; внутрисистемном, но надведомственном статусе, который позволяет прокурору, находясь над органами расследования, объективно оценивать качество их процессуальной деятельности [8, с. 160]. Как верно отмечает А.А. Насонов, надзор за исполнением законов является основной функцией прокурора, которая предопределяет остальные виды его деятельности, носящие вспомогательный характер [10, с. 124, 130]. При этом дуализм его статуса, будучи органом надзора, он одновременно является участником уголовного преследования, создает внутренний конфликт, который может детерминировать ошибку в виде подмены надзорной функции либо судебным контролем, когда прокурор, вместо использования своих властных полномочий, предлагает заявителю обжаловать действия следователя в суд, либо ведомственным контролем. Проблема дуализма статуса усугубляется наличием дублирующих полномочий у прокурора и руководителя следственного органа, в частности, в части отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, его прекращении или приостановлении, а также возвращения уголовного дела следователю [11, с. 2]. Такое дублирование создает правовую неопределенность и является почвой для конфликта компетенций, ведущего к бездействию или, напротив, к избыточной активности.

Ведомственный (внутренний) контроль - это деятельность руководителей следственных органов и органов дознания по организации работы подчиненных сотрудников и проверке законности и обоснованности принимаемых ими процессуальных решений [6, ст. 39, 40.1]. Его ключевые отличительные признаки включают организационно-распорядительный характер, направленный не только на обеспечение законности, но и на эффективность деятельности подразделения [12, с. 76] и отличающийся «оперативностью и непосредственностью реагирования» [13, с. 32]; внутриорганизационную природу, осуществляемую в рамках одной государственной структуры для исправления ошибок «изнутри»; ориентацию на ведомственные инструкции и показатели, что создает риск принятия решений, формально соответствующих закону, но не отвечающих целям правосудия в полной мере, особенно когда ведомственный контроль руководствуется не публичным интересом, а «интересами следственного органа» [8, с. 156]. Ошибка прокурора в контексте взаимодействия с ведомственным контролем заключается в его некритическом доверии к решениям руководителя следственного органа, в восприятии его как единственного и достаточного фильтра законности, что приводит к упущению системных проблем в материалах дела, которые ведомственный контроль в силу своей природы был не в состоянии или не был заинтересован выявить. Критическое восприятие его результатов прокурором связано, в том числе, с проблемой «процессуализации» административной иерархии, когда ведомственный контроль подменяет собой процессуальную самостоятельность следователя [11, с. 3].

В такой системе координат ошибкой для прокурора становится не утверждение необоснованного обвинительного заключения, а, напротив, возвращение дела для дополнительного расследования, что ухудшает ведомственную статистику. Это порождает порочную практику, когда ведомственный контроль воспринимается прокурором не как объективный фильтр, а как источник дополнительных рисков для его собственной карьеры, что вынуждает его идти на сговор молчания с органами следствия и игнорировать системные нарушения.

Нарушение баланса в системе контроля и надзора порождает не только теоретические, но и сугубо практические коллизии. Ярким примером является законодательная коллизия, выявленная О.В. Химичевой, при производстве о назначении судебного штрафа, где ходатайство следователя согласовывается с руководителем следственного органа, но в суде участвует прокурор, не знакомый с материалами дела, что создает риск конфликта позиций и принятия судом

незаконного решения [1, с. 88], наглядно иллюстрируя, как нестыковка полномочий субъектов контроля и надзора создает среду для процессуальных ошибок. Другим наглядным примером служит сфера неотложных следственных действий. Нарушение 10-суточного срока их производства, безответственное составление протоколов, нечеткость поручений и ошибки в следственных версиях являются распространенными проблемами, в которых проявляется неслаженность контрольных механизмов [14, с. 1-2]. Низкая эффективность предварительного судебного контроля по санкционированию действий в исключительных случаях (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), который, по справедливому замечанию В.Е. Яцко, зачастую создает неоправданные препоны для расследования и почву для злоупотреблений со стороны следователя [14, с. 3], также свидетельствует о дисбалансе системы. Организация деятельности по выявлению, устранению и профилактике ошибок, допускаемых субъектами уголовного преследования, возможна только в комплексе реализации функций судебного, ведомственного, процессуального контроля и прокурорского надзора [12, с. 89].

Таким образом, дуализм статуса прокурора, находящегося в эпицентре взаимодействия трех различных контрольных механизмов, объективно создает сложную среду для его профессиональной деятельности. Некритическое восприятие результатов ведомственного контроля, пассивность в инициировании судебного контроля и подмена собственных надзорных полномочий являются системными ошибками, проистекающими из неправильного понимания прокурором своего места в этой триаде. Эти ошибки усугубляются отсутствием законодательного определения проведенный анализ позволяет вычленить комплекс институциональных детерминант, которые системно порождают ошибки прокурора в контексте взаимодействия контрольных механизмов. Эти детерминанты носят многоуровневый характер и могут быть классифицированы следующим образом.

Законодательные детерминанты. Ключевой проблемой является отсутствие легального определения «процессуальной ошибки», что создает правовой вакуум и затрудняет ее единообразную идентификацию и квалификацию. Существенную роль играют законодательные коллизии, в частности, отсутствие в ч. 2 ст. 229 УПК РФ прямого основания для проведения предварительного слушания по ходатайству прокурора об изменении обвинения. Данный пробел лишает прокурора эффективного инструмента для своевременной корректировки позиции обвинения и вынуждает его переносить

этот вопрос в стадию судебного разбирательства, нарушая права защиты и создавая почву для судебных ошибок.

Организационно-управленческие детерминанты. Дублирование полномочий прокурора и руководителя следственного органа создает правовую неопределенность и является почвой для конфликта компетенций, ведущего к бездействию. Однако более глубокой проблемой является сама система ведомственной оценки работы прокуроров, ориентированная на количественные показатели. Существует прямая корреляция между ориентацией на «процент обвинительных приговоров» и такими ошибками, как пассивность в суде и необоснованный отказ от обжалования оправдательных приговоров, когда следование ведомственным интересам вступает в противоречие с требованием закона.

Профессионально-психологические детерминанты. К ним относится, прежде всего, «обвинительный уклон» - мировоззренческая установка, при которой прокурор воспринимает любые сомнения в доказанности обвинения как угрозу, а не как рабочий инструмент установления истины. Этот уклон, усиленный дуализмом статуса и профессиональной деформацией, трансформируется в конкретные процессуальные ошибки: от некритического утверждения обвинительного заключения до агрессивной и некорректной полемики с защитой в суде. Высокая процессуальная нагрузка и интенсивность работы усугубляют эти тенденции, приводя к формализму и снижению качества процессуальной деятельности.

Процессуальной ошибки, дублированием полномочий прокурора и руководителя следственного органа, а также блокировкой процессуальной самостоятельности следователя институтом обязательных указаний. Эффективная минимизация ошибок прокурора на досудебных стадиях невозможна без четкого осознания им границ своей компетенции и специфики смежных институтов судебного и ведомственного контроля, а также без поддержания законодателем и правоприменителем необходимого баланса между ними. В целях оптимизации взаимодействия представляется необходимым: 1) законодательно закрепить дефиницию «процессуальная ошибка»; 2) провести детальное разграничение и устранение дублирующих полномочий прокурора и руководителя следственного органа; 3) пересмотреть институт обязательных указаний, усилив гарантии обжалования.

Предлагаемые в научной литературе меры по оптимизации должны носить комплексный характер, направленный на устранение выявленных детерминант. Помимо законодательного

закрепления дефиниции «процессуальная ошибка» детального разграничения дублирующих полномочий, необходимы следующие шаги.

Требуется законодательное закрепление в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» качественных критериев оценки работы прокуроров, смещающих акцент с количественных показателей на безупречность процессуальной деятельности. К таким критериям должны относиться: отсутствие судебных решений об исключении доказательств, представленных обвинением; процент отмены обвинительных приговоров по основаниям, связанным с ошибками прокурора; число удовлетворенных жалоб на его действия.

Для нивелирования человеческого фактора и формализации сложных процессуальных действий необходима разработка и внедрение научно-обоснованных методических рекомендаций алгоритмического характера (чек-листов) для прокуроров по проверке обвинительных заключений и заключений о мере пресечения.

Изменение парадигмы профессиональной подготовки. Существующая система повышения квалификации должна быть переориентирована с теоретизированного подхода на практико-ориентированные тренинги, основанные на разборе реальных ошибок и отработке навыков разграничения функций в системе контроля и надзора.

Только такой многоплановый подход, атакующий проблему ошибок на законодательном, организационном и кадровом уровнях, позволит преодолеть глубинные институциональные причины их возникновения и повысить уровень законности в уголовном процессе.

Список литературы:

[1] Химичева О.В. Соотношение прокурорского надзора и ведомственного (процессуального) контроля при производстве о назначении меры уголовно-правового характера / О.В. Химичева // Уголовный процесс. - 2019. - № 1. - С. 86-89.

[2] Малиненко М.К. Баланс судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля как условие законности предварительного следствия / М.К. Малиненко // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2009. - №4. - С. 87-92.

[3] Ищенко Д. П., Фисаков М. Ю. Влияние процессуальных ошибок, допускаемых органами предварительного расследования, на качество, результативность и полноту расследования / Д. П. Ищенко, М. Ю. Фисаков // Философия права. - 2023. - № 2 (105). - С. 88-95.

[4] Миргородская Э.Р. Ретроспективный анализ становления института судебного контроля / Э.Р. Миргородская // Вестник Белгород-

ского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. - 2021. - № 1. - С. 74-79.

[5] Маслов К.В. О соотношении понятий контроля и надзора / К.В. Маслов // Правоприменение. - 2018. - Том 2. - № 1. - С. 85-90.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2024).

[7] Купинков И.В. Прокурорский надзор, судебный и ведомственный контроль как основные гарантии эффективности уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства / И.В. Купинков // Алтайский юридический вестник. - 2013. - № 3. - С. 75-77.

[8] Спирин А.В. В поисках выхода из лабиринтов и тупиков стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Спирин // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 4. - С. 154-161.

[9] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.11.2023).

[10] Насонов А.А. Уголовно-процессуальные функции и полномочия прокурора как факторы, определяющие специфику прокурорского надзора в досудебном производстве / А.А. Насонов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - 2021. - Т. 31. - Вып. 1. - С. 124-132.

[11] Наметкин Д.В., Федулов А.В. Соотношение процессуальной самостоятельности лиц, ведущих предварительное расследование, ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля // [Название журнала/сборника, где опубликована статья Наметкина и Федулова]. - Год. - №. - С. 174-176.

[12] Ищенко Д. П., Фисаков М. Ю. Влияние процессуальных ошибок, допускаемых органами предварительного расследования, на качество, результативность и полноту расследования / Д. П. Ищенко, М. Ю. Фисаков // Философия права. - 2023. - № 2 (105). - С. 88-95. (Повторное упоминание источника [3], используется тот же номер).

[13] Маслов К.В. О соотношении понятий контроля и надзора / К.В. Маслов // Правоприменение. - 2018. - Том 2. - № 1. - С. 85-90. (Повторное упоминание источника [5], используется тот же номер).

[14] Яцко В.Е. Проблемы ведомственного, судебного контроля и прокурорского надзора за производством неотложных следственных действий // Трибуна ученого. - 2023. - Выпуск 09. - С. 1-5.

References:

[1] O.V. Khimicheva. Ratio of prosecutorial supervision and departmental (procedural) control in

proceedings for the appointment of a criminal law measure/O.V. Khimicheva//Criminal process. - 2019. - № 1. - S. 86-89.

[2] Malinenko M.K. Balance of judicial control, prosecutorial supervision and departmental control as a condition for the legality of the preliminary investigation/M.K. Malinenko//North Caucasian Legal Bulletin. - 2009. - №4. - S. 87-92.

[3] Ishchenko D. P., Fisakov M. Yu. Impact of procedural errors made by preliminary investigation bodies on the quality, effectiveness and completeness of the investigation/D. P. Ishchenko, M. Yu. Fisakov//Philosophy of Law. - 2023. - № 2 (105). - S. 88-95.

[4] Mirgorodskaya E.R. Retrospective analysis of the formation of the institution of judicial control/E.R. Mirgorodskaya//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. - 2021. - № 1. - S. 74-79.

[5] Maslov K.V. On the relationship between the concepts of control and supervision/K.V. Maslov//Law enforcement. - 2018. - Volume 2. - № 1. - S. 85-90.

[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 24.02.2024).

[7] Kupinkov I.V. Prosecutorial supervision, judicial and departmental control as the main guarantees of the effectiveness of criminal procedure to ensure the inadmissibility of disclosing data from criminal proceedings/I.V. Kupinkov//Altai Legal Bulletin. - 2013. - № 3. - S. 75-77.

[8] Spirin A.V. In search of a way out of the labyrinths and dead ends of the stage of initiating a

criminal case/A.V. Spirin//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - № 4. - S. 154-161.

[9] Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (as amended on 04.11.2023).

[10] Nasonov A.A. Criminal procedural functions and powers of the prosecutor as factors determining the specifics of prosecutorial supervision in pre-trial proceedings/A.A. Nasonov//Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. - 2021. - VOL. 31. - Issue 1. - S. 124-132.

[11] Nametkin D.V., Fedulov A.V. Ratio of procedural independence of persons conducting a preliminary investigation, departmental control, prosecutorial supervision and judicial control//[Name of the magazine/collection where the article by Nametkin and Fedulov is published]. - Year. - №. - S. 174-176.

[12] Ishchenko D. P., Fisakov M. Yu. Impact of procedural errors made by preliminary investigation bodies on the quality, effectiveness and completeness of the investigation/D. P. Ishchenko, M. Yu. Fisakov//Philosophy of Law. - 2023. - № 2 (105). - S. 88-95. (Repeat reference to source [3], same number used).

[13] Maslov K.V. On the relationship between the concepts of control and supervision/K.V. Maslov//Law enforcement. - 2018. - Volume 2. - № 1. - S. 85-90. (Repeated reference to source [5], same number used).

[14] Yatsko V.E. Problems of departmental, judicial control and prosecutorial supervision over the production of urgent investigative actions//Tribune of the scientist. - 2023. - Issue 09. - S. 1-5.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-245-252

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ЧЕМУСОВ Н.А.,

Студент, 4 курс, факультет «Юридическая школа»
Дальневосточный Федеральный университет,
Российская Федерация, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИЙ ПОНИМАНИЯ СОЗНАНИЯ

Аннотация. Сегодня криминология нуждается в преобразовании, в формировании новой, целостной методологии. Важную роль в этом процессе должно сыграть междисциплинарное взаимодействие. Синтез знаний из различных научных областей необходим для всеобъемлющего и глубокого понимания проблем, волнующих криминологов. Одной из таких проблем является сложность в понимании причин преступного поведения. В рамках статьи осуществляется попытка синтеза научных знаний из разных областей, причины преступности рассматриваются с точки зрения теорий сознания.

Ключевые слова: причины преступности, теории сознания, преступное поведение.

CHEMUSOV N.A.,

Student 4rd year Faculty of Law School Far
Eastern Federal University,
Russian Federation, Vladivostok

CAUSES OF CRIME FROM THE PERSPECTIVE OF CONSCIOUSNESS UNDERSTANDING THEORIES

Annotation. Today, criminology needs to be transformed and a new, holistic methodology needs to be developed. Interdisciplinary collaboration plays an important role in this process. The synthesis of knowledge from various scientific fields is essential for a comprehensive and in-depth understanding of the issues that concern criminologists. One of these issues is the complexity in understanding the causes of criminal behavior. This article attempts to synthesize scientific knowledge from different fields and examines the causes of crime from the perspective of theories of consciousness.

Key words: causes of crime, theories of consciousness, criminal behavior.

Принято считать, что с момента зарождения криминологии как науки прошло уже более двухсот лет. Кажется, что за это время в изучении преступности был сделан значительный шаг вперед. И действительно, был накоплен значительный багаж знаний о причинах и закономерностях преступности. Однако насколько полезны эти знания в практическом ключе, дают ли они реальную помощь в предотвращении преступности [1]? Все-таки одной из задач криминологии является разработка практических мер по борьбе с преступностью, да и вообще, не это ли самое главное? Любая наука в первую очередь необходима для того, чтобы удачно интегрировать полученные знания в обычную жизнь, чтобы эти знания помогали решать настоящие проблемы, в случае с криминологией, чтобы успешно

включать эти знания в правоприменительную практику и в законотворческую деятельность. На данный момент из всего объема сведений, которыми располагает криминология, в реальности пользуются далеко не многим и, что самое главное, пользуются на уровне менее глобальном, нежели чем тот уровень, который вероятно данная наука могла бы предложить. Под глобальным уровнем здесь понимается полноценная методология, обеспечивающая целостность, системность и, что не менее важно, интерпретацию знаний в одном ключе. Только на такой незыблемой теоретической основе наука может ступить на территорию удачного практического применения. Такая система должна быть способна однозначно отвечать на те вопросы, которые в нынешний момент словно подвешены в воздухе с множе-

ством разных, а иногда и противоречащих друг другу ответов. На данный момент этой системы в криминологии нет, все больше экспертов отмечают необходимость поиска нового подхода [2]. Процесс создания методологии (а в случае с криминологией скорее формирования) представляется невероятно сложным и кропотливым трудом. Такой процесс обязательно должен быть связан с синтезом и интеграцией всех накопленных знаний, с выстраиванием последовательной системы. Возможно, именно междисциплинарное взаимодействие может сыграть одну из ключевых ролей в этом процессе. До тех пор, пока не ясно, как выстраивать новую методологию криминологии, необходим поиск новых подходов, поиск через глубокое и всеобъемлющее взаимодействие с другими дисциплинами. Так, основной задачей данной статьи является попытка взглянуть на причины преступности с точки зрения функционирования сознания человека.

Сознание уже давно является объектом научного исследования, однако у него все еще не имеется исчерпывающегося объяснения. Сразу необходимо отметить, что в рамках статьи термин «сознание» не будет использоваться в понимании синонимов состояния бодрствования, знания чего-либо, либо в качестве других объяснений, кроме указанного ниже. На данный момент, быть может, вопрос понимания сознания является одним из самых перспективных и одновременно проблематичных в науке. Если обратиться, например, к толковому словарю С.И. Ожегова, то в первом толковании данного термина мы увидим, что под сознанием там понимается человеческая способность к воспроизведению действительности в мышлении, а также психическая деятельность как отражение действительности [3]. Существует множество предположений о том, как именно работает сознание, как оно образуется, об этом будет сказано в дальнейшем.

Первоначальный вопрос, который необходимо рассмотреть в рамках данной статьи, звучит следующим образом: какую роль сознание играет в причинной цепочке, ведущей к преступлению? В криминологической науке нет единого подхода к пониманию причин преступности. Кроме того, стоит понимать, что существует разделение на причины преступности как негативного общественного явления и на причины конкретного преступления. Причины преступности как явления могут выступать в качестве глобальных причин или факторов, влияющих на конкретное преступление. Так, указывая на сферы общественной жизни, выделяют: экономический фактор преступлений, политический фактор преступлений, социальный фактор преступлений, фактор преступлений духовной сферы общественной жизни. Изменения, происходящие в

обществе на глобальном уровне, могут иметь как положительный, так и отрицательный результат, который соответствующим образом будет влиять на каждого. Достаточно вспомнить распад Советского союза и последовавший за этим период кризисов, когда изменению подверглись все сферы общества. Во многом рост уровня преступности тогда стал возможен именно из-за наличия способствующих этому глобальных факторов: политической нестабильности, локальным вооруженным конфликтам, экономическому кризису, социальной напряженности и незащищенности отдельных слоев населения, потере идеологической сплоченности. Однако помимо глобальных факторов для конкретного преступления существуют и индивидуальные причины, имеющие равнозначную ценность. На заре криминологии предполагалось, что в некоторых людях изначально заложены преступные черты, в дальнейшем обязательно приводящие к совершению преступления, также когда-то считалось, что преступление происходит при непосредственном взаимодействии преступника с конкретной жизненной ситуацией [5]. Всё же на данный момент целесообразно будет полагать, что для конкретного преступления может существовать целый комплекс причин. Этот комплекс может включать в себя разнообразнейшие элементы: социальные деформации, среди которых, возможно, основным является отчуждение от социума, глобальные факторы, наследственные условия и многое-многое другое. Какую же роль в этом комплексе может играть сознание? Представляется наличие трех вариантов, как сознание может влиять на причины конкретного преступления. В первую очередь сознание является главным инструментом человека в восприятии мотиваций к совершению преступления, а также, в каком-то смысле, инструментом его исполнения. Любая осознанная информация или осознанная деятельность человека, в том числе преступная, так или иначе коренится в его сознании. Чтобы понимать каким образом это происходит и есть ли возможность избежать негативные последствия необходимо знать, как работает наше сознание. Согласно второму варианту, сознание отдельно взятого человека само по себе может являться причиной или даже первопричиной преступного поведения. Во множестве криминологических работ упоминается преступный тип личности, появляются вопросы к происхождению такого типа личности. Могут ли иметь место различия в функционировании сознания человека, считающегося преступным и человека, ведущего законопослушную жизнь? Может ли сознание отдельного человека каким-то образом изначально делать его преступным? Представляется, что данный вариант малоцелесообразен для рассмотрения, потому

как отсылает к устаревшей и уже упомянутой выше концепции в криминологии о «естественной» природной преступности человека. В последних научных криминологических публикациях также всё чаще можно встретить обращения к сущности личности. Как правило, в данном случае апеллируют такими понятиями, как «душа человека», «глубина личности» и рядом других. Глубинное понимание сущности личности на данный момент может быть одним из самых приоритетных направлений для изучения в криминологии [6]. Третий вариант представляется наиболее удачным, потому что утверждает значение сознания как центрального способа взаимодействия человека с действительностью, в частности, при преступном поведении, и при этом отмечает вероятность влияния сущности человеческого Я на причины конкретных преступлений. В рамках данной статьи исследования в области сознания будут соотноситься именно с третьим вариантом.

Как уже было сказано, однозначного научного ответа на то, что из себя представляет сознание, в нынешний момент не имеется, что и обуславливает основную направленность в этой сфере в первую очередь на объяснения сущности данного феномена. Существует большое количество подходов к этому вопросу с точки зрения разных научных дисциплин. Собственно, на данный момент вопрос о сущности сознания, имеет определенную, уже давно обозначенную проблематику. В первую очередь речь здесь идет о так называемой проблеме духа и тела, сознания и мозга или же о «трудной» проблеме сознания, как она называется в философии. Человеческая жизнь всегда балансирует на стыке физического и ментального. У каждого из нас имеется тело, которое обладает физическими свойствами, но при этом у нас есть и вторая, некая духовная сфера, которую уже невозможно описать с материальной точки зрения, невозможно измерить или как-то рассчитать. Есть мозг, как материальный объект, орган человеческого тела, а есть загадочные сознание и самосознание; есть некая личность со всем, что ее определяет. Ментальную сторону человека в науке обозначают как субъективная реальность, субъективный опыт, феноменальный опыт, феноменальное сознание, употребляют также понятие «квалиа», которое обозначает более узкую область исключительно чувственных восприятий. Главная проблема же заключается в сложности объяснения связи между физическими свойствами тела и существованием субъективной реальности. Помимо провала в объяснении соотношения физического и ментального, существует напрямую связанная с этим проблема субъекта, воспринимающего субъективную реальность, проще говоря проблема понимания Я.

Теперь, когда разобраны основные вопросы и проблематика данной сферы, необходимо перейти к теориям сознания, результаты которых могут иметь ценность в рамках криминологии. Дуалистический подход с определенным уклоном в идеализм представляет концептуальная теория, выдвинутая Д. Чалмерсом [12]. В своей работе Чалмерс отграничивает ментальные и психологические состояния человека, утверждая, что между ними существует мало очевидная разница, которая порождает две проблемы сознания: легкую и трудную. Легкая проблема, связанная с психологическими состояниями и потенциально решаемая, так как данные состояния возможно объяснить через функционирование физических систем организма, чего не скажешь о трудной проблеме. Так, к примеру, у науки есть возможность объяснить то, каким образом человек видит определенный цвет, однако объяснить, почему красный цвет мы видим именно так, каким он представляется, а, например, зеленый - иначе, гораздо сложнее. Чалмерс решает проблему ментального и физического, выдвигая идеи о том, что сознание может быть фундаментально или универсально [13]. Фундаментальное сознание может быть в качестве одного из основополагающих свойств природы, таким же как пространство, время или масса. Универсальность сознания заключается в его наличии, или в наличии некоего примитивного протосознания у всех объектов природы. Разумеется, как отмечает Чалмерс, здесь не идет речи о человеческом уровне сознания у животных или предметов, однако, как у любого объекта есть какая-то масса, у него так же может быть какой-то уровень сознания. С точки зрения криминологии, теория Чалмерса производит определенный поворот. Во-первых, можно отметить, что раз сознание фундаментально и в некоторой степени независимо от физической системы, значит первопричины преступного поведения нельзя так просто свести к физическим, биохимическим процессам, происходящим в организме, как сложно было бы свести их и лишь к внешним обстоятельствам. В этом смысле преступное поведение можно было бы рассматривать как целенаправленный осознанный выбор личности. Значит ли это, что преступление объясняется не только внешними причинами, но и внутренним намерением человека? Если кто-то становится преступником, а кто-то нет, значит ли это, что ключевую роль в вопросе, кто именно будет преступником, играет именно сознание? В каком-то роде подобная позиция даже могла бы стать, например, очень необычным вариантом критики позиций неокриминологии, которая считает, что преступной личности как таковой не существует [14]. Разумеется, этот аргумент с такой позиции, с опорой на теорию

Чалмерса, откровенно слабый, но сама возможность построения такого аргумента указывает нам на полезность и важность синтеза знаний из разных дисциплин. Эта возможность говорит нам о самой вероятности использования таких исследований в криминологии вообще, при должном желании, можно провести огромное количество мысленных спекуляций в связи с теорией Чалмерса, однако же у всех этих предположений всё еще будет достаточно слабая аргументация. Связано это, конечно, с противоречивостью и неоднозначностью работы ученого.

Теория «модели множественных набросков» Дэниела Деннета в рамках данной статьи было бы целесообразно рассмотреть в сопоставлении с теорией «тоннеля Эго» Томаса Метцингера, так как данные подходы к сознанию имеют некоторые схожие выводы. Модель множественных набросков Деннета представляет из себя систему нейрональной деятельности, постоянно воспринимающую информацию [17]. Весь набор ментальных состояний, вся поступающая информация постоянно конкурируют между собой за право выйти на осознанный уровень, превратиться в конкретную появившуюся в сознании мысль или, например, чувство. Когда нас сильно занимает какое-то дело мы перестаем замечать все, что происходит вокруг, так за разговором можно не заметить, что на улице уже стемнело или пошел дождь, информация об этом не становится осознаваемой. Для Деннета также не существует Я - вместо него лишь мозговая активность, неустанно составляющая «рисунок» происходящего. В такой системе воззрений человек представляется скорее биологической машиной, нежели чем личностью. В этом смысле очень остро встает вопрос противоборства свободы воли и детерминизма, о котором будет сказано после рассмотрения теории Томаса Метцингера. На данный же момент необходимо отметить, что, если принимать во внимание теорию Дэниела Деннета, можно заметить значительное возрастание роли фактора сиюминутности мотивов преступления. Сразу же вспоминается состав статьи 107 Уголовного Кодекса Российской Федерации: убийство, совершенное в состоянии аффекта, то есть в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения [18]. С точки зрения данной теории сознания, аффект возникает после того, как информация, например, об оскорблении, выигрывает конкуренцию у другой поступающей в мозг информации и становится осознаваемой. В силу значительного психологического давления возможные причины к отказу от совершения преступного действия, страх за потенциальное уголовное наказание, полноценное понимание своих действий исчезают, не могут стать осознанными и выиграть конкуренцию. Аналогичным, но менее

наглядным образом осознаваемыми становятся и мотивы для совершения других преступлений, уже не связанных с состоянием аффекта. Согласно работе Деннета, в модели множественных набросков информация распознается лишь единожды, без дальнейшей репрезентации. Так, преступник может длительное время готовиться к совершению преступления, анализировать возможные последствия и сомневаться, однако информация о возможности совершения преступления, то есть мотиваторы к преступлению были распознаны его сознанием лишь единожды (человек уже сформировал мнение по поводу данной ситуации), без вероятности дальнейшей репрезентации, а значит без вероятности изменения своего мнения, даже несмотря на возможные сомнения. Конечно, такой подход к пониманию причин преступности может быть опять же подвергнут критике, однако критика здесь, в первую очередь, также будет относиться к самой теории, которая хоть и вызвала значительный отклик в научной среде, но тем не менее подверглась критике. Мысль последнего суждения заключается в том, что сам подход к рассматриванию причин преступности, с точки зрения теории сознания, может давать теоретические результаты, но при наличии достаточно детальной теории сознания.

Относительно Я Томас Метцингер приходит к схожим выводам. По Метцингеру для того, чтобы нормально функционировать в материальном мире, появилось сознание, механизм обработки, который Метцингер называет «тоннелем эго» [19]. «Тоннель эго» - буквально тоннель, через который мы воспринимаем окружающий мир, все, что мы видим, слышим, ощущаем, все наши знания, весь чувственный опыт. Благодаря этому тоннелю формируется иллюзия восприятия себя как индивидуального объекта, отделенного от этого мира, но при этом существующего в нем. Так, мозг создает лишь ощущение восприятия себя как личности. Самовосприятие и ощущение себя собой – это то, что также обрабатывается системой, которую Метцингер именует я-моделью. Метцингер, считает, что я-модель лишь имитирует человеческую личность, создавая иллюзию. В каком-то смысле радикальные выводы Деннета и Метцингера оказываются прямо противоположными не менее радикальным выводам Чалмерса. Данная теория опять же создают значительное поле для различного рода криминологических следствий. Опять человек предстает скорее обрабатывающей и анализирующей машиной, нежели чем личностью. Если мы гипотетически принимаем эту теорию на веру, возникает вопрос о наличии свободы воли у такой я-модели. С точки зрения нынешнего общественного, культурного и правового восприятия, человек наделен свободой воли, то есть возможно-

стью самостоятельно совершать выбор варианта своих действий, и, следовательно, нести ответственность за этот выбор, так вся система правосудия построена на основании признания данной догмы. В криминологии признается наличие детерминант – обстоятельств, которые могут подталкивать человека к совершению преступления, однако же, как общепризнанно, последнее слово в этом вопросе всегда остается за самим человеком, за его осознанным и добровольным решением: идти на преступление или нет. Однако как в научном, так и в культурном контексте, детерминизм может играть гораздо более значительную роль. И Метцингер, и Деннет склоняются к возможности детерминизма как глобального явления, при котором человеческое поведение становится абсолютно предопределенным: любые действия являются следствиями определенных неизменяемых причин. В такой модели мира человек совершенно не имеет волевой возможности влиять на исход любого события, даже если личности кажется, что выбор был сделан им самим, на самом деле он совершен лишь в силу заранее установившихся обстоятельств. Метцингер, например, утверждает о том, что возможное изменение отношения к вопросу свободы воли в ближайшем будущем может значительно подорвать основы общественного и культурного самовосприятия человечества. Следуя этой логике, если человеческое поведение детерминировано, человек не властен над своими поступками, значит и наказывать преступника за преступное поведение не имеет смысла. Данное утверждение остается очень спорным, и вряд ли, по крайней мере на нынешнем этапе развития криминологии и развития права в целом, стоит придавать ему значения.

Вернемся к проблеме сознания. Еще одной теорией материалистического плана является относительно недавняя теория британского ученого Анилы Сета. Сет представляет работу сознания как контролируемую галлюцинацию [20]. Сет объясняет, что контролируемая галлюцинация не означает виденье человеком того, чего в природе не существует, в отличие от галлюцинации, вызванной психическим нарушением, контролируемая галлюцинация имеет тесную связь с реальными объектами окружающей среды. Данный феномен означает, что на основе сенсорных сигналов, поступающих извне, например, от зрения, мозг старается определить смысл данных сигналов, в ходе чего как бы предсказывает, о чем они могут быть. Эти постоянно появляющиеся предсказания анализируются корой головного мозга чтобы по итогу преобразоваться в правдивую интерпретацию картины реальности. Таким образом, согласно теории Сета, окружающий мир в своем объективном виде не открыва-

ется перед сознанием, как принято считать обычно, а наоборот, сознание само конструирует свою интерпретацию окружающей действительности. Сет также отмечает, что поскольку у разных людей мозг может иметь некоторые отличия, то и их восприятие может отличаться. Так, например, в восприятии разных людей один и тот же цвет может приобретать похожие, но все же отличающиеся субъективные оттенки. По схожему принципу контролируемой галлюцинации формируется и человеческое Я. Человеческое Я и его самовосприятие не являются чем-то статичным, это так же постоянно развивающиеся и дополняющиеся конструкции. По теории Сета нельзя сказать наверняка, насколько сильным может быть влияние такой системы восприятия. Можно предположить, что раз сознание каждого человека индивидуально выстраивает модель окружающего мира и модель самовосприятия в этом мире, то тогда эти модели от человека к человеку могут серьезно отличаться, а значит, и взгляд на те или иные явления и события у всех свой, и их оценка может быть разной. Субъективное восприятие одного человека, невозможно помыслить другому, потому, пожалуй, люди могут интерпретировать те или иные жизненные ситуации совершенно по-разному, не говоря уже о более глобальных вещах. Если чуть развить эту мысль, то можно легко помыслить, как каждый человек всю жизнь пребывает в своем «панцире», сконструированном его субъективным восприятием. Такой «панцирь» вполне может убедить в чем угодно, даже оправдать преступления, насилие или жестокость. На основе данной теории можно утверждать, что сознание не может быть причиной совершения преступлений, не может быть преступного сознания изначально. Однако при наличии необходимых внешних обстоятельств сознание может являться условием для совершения преступления, когда восприятие отдельного взятого человека при влиянии внешних причин способно интерпретировать происходящие вокруг события таким образом, что совершение преступления рассматривается допустимым способом действия. То есть сознание выступает инструментом преступного поведения, способом его выстраивания, но никак не причиной. Важно так же отметить, что как было сказано выше, преступного сознания у человека не может быть изначально, опосредованно, то есть от рождения (свойства сознания тут нельзя путать с возможными наследственными условиями, которые в дальнейшем могут влиять на человека). Уже в процессе жизни с приобретением опыта, человек может приобрести преступное мировоззрение, выражающееся в различных формах.

Информационный подход к проблеме сознания разрабатывает Д.И. Дубровский [21]. Осно-

вой его теории являются три исходных неопровергаемых утверждения:

1. Информация воплощена в своем физическом носителе, то есть не существует вне его.
2. Информация по отношению к человеку может быть передана разными способами и в разных формах, например, на разных языках.
3. Явления субъективной реальности (мысли, чувства, образы и тд.) рассматриваются как информация о данном объекте.

На основе этих утверждений Дубровский приходит к выводу о наличии кодовой зависимости между информацией и ее носителем - нейродинамической мозговой системой. То есть, когда один человек говорит другому, например, открыть окно, информация о необходимости совершения этого физического действия оказывается в системе мозга в виде определенного кода, который преобразуется в другой код, уже понятный для данной системы. Когда кто-то говорит открыть окно, мы получаем уже готовую, понятную нам информацию; когда мы видим чей-то зрительный образ или слышим что-либо, случается то же самое. Расшифровкой кодов нейродинамической системы уже сейчас занимается современная наука, например, при использовании различных видов томографии головного мозга удается запечатлеть процессы, происходящие в мозге, уже привычные полиграфы позволяют улавливать, лжет человек или нет. По мнению Дубровского, в будущем наука, возможно, сможет успешно расшифровывать мозговые коды, породит новый тип коммуникации, где никто не сможет лгать или скрывать свои намерения.

Данный принцип работы сознания позволяет выделить информационную причинность. Определенная, поступающая к человеку информация может влиять как на его физические действия, так и на его мысли. Дубровский отмечает, что субъективная реальность представляет человеку значительный диапазон инструментов для влияния на свои мысли и свои действия, таким образом, что детерминизм и свобода воли перестают казаться противоречием. Так, к примеру, личность может управлять своими представлениями, фокусироваться на чем-либо, тем самым уже образуя определенную ментальную или физическую причинность. Идеи и мысли, обладающие серьезным мировоззренчески ценным уровнем, могут значительно влиять на поведение человека, достаточно вспомнить примеры проявления людьми силы героизма в различных обстоятельствах. Вывод о том, что человек может самостоятельно принимать решения снова возвращает нас к пониманию сознания как инстру-

мента совершения преступлений. Кроме того, данная теория, в отличие от тех следствий, которые были рассмотрены ранее, постулирует классическое для юриспруденции понимание сознательности и вины, когда человек представляется распорядителем своей жизни, а потому и ответственность за совершенные деяния возлагается на него самого. Подводя промежуточный итог, можно сказать, что теории сознания не дают однозначных ответов на интересующие криминологию вопросы. Признанные специалисты в этой области, пока не имеют единого мнения на счет сознания, а потому их работа продолжается. В статье было показано, что теории понимания сознания могут быть использованы в интересах криминологии, однако на данный момент всё еще не существует единого признанного трактования сознания, что говорит нам о возможности появления этого в скором будущем. На данный же момент в рамках криминологии могут использоваться проверенные данные, какими в исследованиях сознания являются нейробиологические данные.

Так, в своей работе Дубровский касается проблемы понимания Я, и в этом вопросе он по большей части опирается на современные исследования в сфере нейробиологии. В частности, на работу одного из виднейших экспертов в этой области Антонио Дамасио [22]. Благодаря современным технологиям, у ученых теперь есть возможность сканировать мозг живого человека, дабы видеть работающие нейрональные связи с передаваемыми сигналами. За счет моделирования и визуализации эти процессы можно внимательно изучать. С точки зрения нейробиологии, сознание представляет собой поток постоянных мысленных образов, возникающих в отделах мозга [23]. Для того чтобы у человека имелось самовосприятие образы должны быть упорядочены, должна сохраняться постоянная информация о нас самих, о том, кто видит и воспринимает действительность. Во время сна человеческое сознание прекращает свою обыденную работу, человек никак не осознает себя, однако при каждом пробуждении он снова ощущает себя именно собой, изо дня в день на протяжении всей жизни он проносит вместе с собой это ощущение, остающееся постоянным. За осуществление этого процесса отвечает Я. Дамасио выделяет три уровня Я: протоуровень, базовый и автобиографический уровни. Если протоуровень и базовый уровень могут принадлежать многим видам живых существ, то автобиографическое Я представляет собой упорядоченную конструкцию образов. При жизни человека автобиографическое Я активно развивается, именно им представлены все наши знания о нас самих и о мире вокруг. Дамасио старается доказать, что этот

уровень Я берет свое начало в стволе головного мозга. Пожалуй, именно к данному уровню в системе сознания и в структуре мозга можно было бы отнести такие формулировки, как глубина личности или даже душа. Важным фактором является то, что этот уровень, напрямую влияющий на дальнейшую жизнь человека, на его модель поведения в социуме, образуется путем влияния обстоятельств внешней среды. То есть нейробиологические исследования снова возвращают нас к пониманию сознания как инструмента поведения человека, а также они обращают внимание, как в общем-то и принято в современной криминологии, на огромное значение внешних условий среды, причем условий не только непосредственно предшествующих преступлению, но и всех обстоятельств, происходящих с личностью за его жизнь до преступления, то есть всего комплекса условий. Внешние обстоятельства формируют человека как определенную личность и индивидуальность, и в зависимости от того, какими будут эти обстоятельства, каким будет жизненный опыт человека, будет решаться вопрос, станет он на преступный путь или же нет.

Таким образом, на данный момент, в силу неоднозначности вопроса, мы не можем наверняка сказать, как еще, кроме как инструмент, сознание может влиять на преступное поведение, однако можно отметить, насколько велико влияние внешних факторов. В нынешний период времени значение этих факторов уже никем не оспаривается, однако, несмотря на их признание, несмотря на наличие серьезной базы знаний по другим криминологическим вопросам, не связанным с причинами преступления, как было указано в начале статьи, необходимость в создании новой криминологической методологии продолжает существовать и требует разрешения. Возможно, в ближайшем будущем продвижение в понимании сознания сыграет серьезную роль в развитии такой методологии. Ведь синтез знаний из разных научных дисциплин в нынешний период времени, в эпоху глобализации как человечества, так и его проблем, остается чуть ли не единственным способом развития в направлении благополучного и комфортного существования человека.

Список литературы:

- [1] Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении: новая методология / А. З. Рыбак. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 18-23 с.
- [2] Номоконов В.А. Парадигмы современной криминологии / В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).213-224. — EDN ZUWJDI // Всероссийский криминологический журнал. — 2023 — Т. 17, № 3 — С. 213–224.
- [3] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под редакцией доктора филологических наук, профессора Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и образование, 2024. — 1375, с.
- [4] Варшава Б. Е. Психологический словарь / Б.Е. Варшава и Л.С. Выготский; вступ. ст. А.А. Шевцова, Заповедник нар. быта (г. Иваново). — Санкт-Петербург, Иваново: Тропа Троянова, Роща Академии, 2008. — 255 с.
- [5] Номоконов В.А. Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Номоконов. — Москва, 1991. — 36 с. — EDN ZLFYMH
- [6] Босхолов С.С. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии / С.С. Босхолов, В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136. — EDN WCBSDS // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 128–136.
- [7] Антонян Ю. М. Причины преступности // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 58–64.
- [8] Безлепкин Е.А. Классификация философских и эмпирических теорий сознания / Е.А. Безлепкин - Философия науки. - 2018 - №4. - С. 107-119.
- [9] Ускова Е. В. Квалиа – центральный элемент теории сознания? / Е.В. Ускова - Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018 №10.
- [10] Давид Дубровский Проблема «сознание и мозг» теоретическое решение. - Москва: 2015. 11 с.
- [11] Nagel T. What is it like to be a bat? // The Philosophical Review, Vol. 83, No. 4 (Oct., 1974).
- [12] Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории: пер. с англ. / Д. Чалмерс. — Изд. 2-е. — М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015 — 512 с.
- [13] David Chalmers: How do you explain consciousness? | TED Talk // [Электронный ресурс] TED URL: https://www.ted.com/talks/david_chalmers_how_do_you_explain_consciousness
- [14] Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании / Я.И. Гилинский. — DOI 10.31857/S013216250019611-5. — EDN PGOZGM // Социологические исследования. — 2022. — № 4.
- [15] Джон Серл Открывая сознание заново. -Москва: Идея-Пресс, 2002. -239 с.
- [16] Давид Израилевич Дубровский Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. - 2003. - №7. - С. 92-111.
- [17] Дэннет Д. Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании: пер. с англ. / Д. Дэннет; под ред. М. О. Кедровой; вступ. сл. Д. Б. Волкова. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017 — 304 с.

[18] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г № 63-ФЗ: [в редакции от системы 07 июля 2024 года]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

[19] Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я: Тоннель Эго: пер. с англ. / Т. Метцингер. – М.: АСТ, 2017 – 416 с

[20] Сет, Анил. «Быть собой: Новая теория сознания»: научно-популярная литература / А. Сет. — Москва: ООО «Альпина нон-фикшн», 2023. — 400 с.

[21] Давид Дубровский Проблема «сознание и мозг» теоретическое решение. - Москва: 2015. - 36 с.

[22] Дамасио, Антонио (1944-). Я. Мозг и возникновение сознания [Текст] / Антонио Дамасио; [перевод с английского И. Ющенко]. — Москва: Карьера Пресс, cop. 2018. — 383 с

[23] Antonio Damasio: The quest to understand consciousness | TED Talk // [Электронный ресурс] TED URL: https://www.ted.com/talks/antonio_damasio_the_quest_to_understand_consciousness

References:

[1] Fisherman A.Z. Criminology in the Human Dimension: A New Methodology/A.Z. Fisherman. - M.: Yurлитinform, 2020. - 18-23 s.

[2] Nomokonov V.A. Paradigms of modern criminology/V.A. Nomokonov. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).213-224. - EDN ZUWJDI//All-Russian Criminological Journal. - 2023 - T. 17, NO. 3 - S. 213-224.

[3] Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language of about 100,000 words, terms and phraseological expressions/S.I. Ozhegov; edited by Doctor of Philology, Professor L. I. Skvortsov. - 28th ed., Revised. - Moscow: Peace and Education, 2024. - 1375, p.

[4] Warszawa B.E. Psychological Dictionary/B.E. Warszawa and L.S. Vygotsky; entry. Art. A.A. Shevtsova, Reserve of People's Life (Ivanovo). - St. Petersburg, Ivanovo: Troyanov Trail, Academy Grove, 2008. - 255 s.

[5] Nomokonov V.A. Criminal behavior: mechanism of determination, causes, responsibility: author. dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08/V.A. Nomokonov. - Moscow, 1991. — 36 с. — EDN ZLFYMH

[6] Boskholov S.S. Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the impasse of neocriminology/S.S. Boskholov, V.A. Nomokonov. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136. - EDN WCBSDS//All-Russian Criminological Journal. — 2024. - T. 18, NO. 2. - S. 128-136.

[7] Antonyan Yu. M. Causes of crime//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (53). S. 58-64.

[8] Bezlepkin E.A. Classification of philosophical and empirical theories of consciousness/E.A. Bezlepkin - Philosophy of science. - 2018 - №4. - S. 107-119.

[9] Uskova E.V. Kvalia - the central element of the theory of consciousness ?/E.V. Uskova - Intellect. Innovation. Investments. 2018 №10.

[10] David Dubrovsky The problem of “consciousness and brain” is a theoretical solution. - Moscow: 2015. 11 p.

[11] Nagel T. What is it like to be a bat? // The Philosophical Review, Vol. 83, No. 4 (Oct., 1974).

[12] Chalmers D. Conscious mind: in search of a fundamental theory: trans. From English/D. Chalmers. - Ed. 2nd. - M.: URSS: LIBROKOM book house, 2015 - 512 p.

[13] David Chalmers: How do you explain consciousness? | TED Talk // [Электронный ресурс] TED URL: https://www.ted.com/talks/david_chalmers_how_do_you_explain_consciousness

[14] Gilinsky Y.I. Postmodern Criminology: On Crime and Punishment/Y.I. Gilinsky. — DOI 10.31857/S013216250019611-5. - EDN PGOZGM//Sociological research. — 2022. — № 4.

[15] John Searle Rediscovering consciousness. - Moscow: Idea-Press, 2002. -239 p.

[16] David Izrailevich Dubrovsky New discovery of consciousness? (Regarding John Searle's book “Rediscovering Consciousness”)//Questions of Philosophy. - 2003. - №7. - S. 92-111.

[17] Dannet D. Sweet Dreams: how philosophy interferes with the science of consciousness: trans. From English/D. Dannet; ed. M.O. Kedrova; entry. cl. D. B. Volkova. - M.: URSS: LENAND, 2017 - 304 p.

[18] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13 of June 1996, 63-FZ: [as amended on July 07, 2024]. - Access from ConsultantPlus legal system. - Text: electronic.

[19] Metzinger T. Brain Science and the Myth of Your Self: Ego Tunnel: trans. From English/T. Metzinger. - M.: AST, 2017 - 416 s

[20] Seth, Anil. “Being Yourself: A New Theory of Consciousness”: Non-Fiction/A. Seth. - Moscow: Alpina non-fiction LLC, 2023. - 400 s.

[21] David Dubrovsky The problem of “consciousness and brain” is a theoretical solution. - Moscow: 2015. - 36 s.

[22] Damasio, Antonio (1944-). I. Brain and the emergence of consciousness [Text]/Antonio Damasio; [translation from English I. Yushchenko]. - Moscow: Career Press, cop. 2018. - 383 s

[23] Antonio Damasio: The quest to understand consciousness | TED Talk // [Электронный ресурс] TED URL: https://www.ted.com/talks/antonio_damasio_the_quest_to_understand_consciousness

ПАНФИЛОВ Данил Вячеславович,
аспирант кафедры криминалистики
Института Права УУУНиТ 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ГАРИФУЛЛИН Ильгиз Ринатович,
к.ю.н., доцент кафедры криминалистики
Института Права УУУНиТ 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Аннотация. В настоящей статье проанализированы основные тактические приемы, используемые при допросе потерпевших и свидетелей, предложена классификация тактических приемов, применяемых при исследуемой категории уголовных дел.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, тактические особенности, допрос потерпевшего и свидетеля, классификация следственных ситуаций.

PANFILOV Danil Vyacheslavovich,
Postgraduate student of the Department
of Criminalistics Institute of Law UUUNiT 3rd year

Scientific supervisor:
GARIFULLIN Ilgiz Rinatovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Criminalistics Institute of Law UUUNiT 3rd year

TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION OF VICTIMS AND WITNESSES DURING INVESTIGATION OF CRIMES OF PAST YEARS

Annotation. This article analyzes the main tactics used in interrogating victims and witnesses, and proposes classifications of the tactics used in this category of criminal cases.

Key words: crimes of the past, tactical features, interrogation of victims and witnesses, classification of investigative situations.

Одним из важнейших направлений государственной стратегии противодействия преступности выступает расследование преступлений, совершенных в прошлые годы [1].

При внимательном анализе материалов уголовных дел и оперативного учета нередко можно обнаружить оставленные без внимания эпизоды и факты, указывающие на возможные пути раскрытия преступления, в связи с которыми в корне

изменяются направления деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет [2].

Законодателем в части 2 ст. 74 УПК РФ определены основные виды доказательств, среди прочих, к ним относятся показания потерпевших и свидетелей.

Поскольку течение времени, выступает одним из основных препятствий на пути к истине

[3], оно сглаживает или уничтожает материальные следы и человеческие воспоминания, в этой связи, тактические приемы, применяемые при допросе потерпевших при расследовании уголовных дел указанной категории, предлагается классифицировать в зависимости от сложившейся следственной ситуации по уголовному делу:

- тактические особенности проведения следственных действий о преступлениях прошлых лет, расследование по которым ранее было приостановлено;
- тактические особенности проведения следственных действий о преступлениях прошлых лет, ранее неизвестных органам расследования.

Так, при первой следственной ситуации следователю необходимо установить психологический контакт с потерпевшими, поскольку возобновление производства предварительного следствия происходит по истечении длительного времени с момента совершения преступления, и как следствие, со стороны последних имеется определенная доля недоверия органам следствия.

Более того, для названной следственной ситуации характерно наличие конфликтной ситуации, обусловленной нежеланием родственников потерпевшего участвовать в проведении следственных действий ввиду неустановления лица, совершившего преступление.

При указанных обстоятельствах сотрудникам правоохранительных органов необходимо убедить родственников потерпевшего в значимости их показаний в целях восстановления социальной справедливости.

Непосредственно после установления психологического контакта с потерпевшими, сотрудникам следственных органов, необходимо повторно изучить показания потерпевшего (потерпевших), данных ими по уголовному делу, обратив особое внимание на доводы, которые не были проверены ранее в ходе досудебного производства.

Поскольку с момента первоначального допроса потерпевшего (потерпевших), как правило, проходит длительное время, исчисляемое как годами, так и десятками лет, следователю необходимо принять меры по активизации памяти потерпевшего с использованием методов ассоциативных связей (приемов смежности, сходства, контраста и наглядности).

Для второй следственной ситуации характерно использование, как вышеописанных тактических приемов, так и иных приемов, предложенных наукой криминалистикой (неформальная беседа, обращение к положительным качествам допрашиваемого лица, предъявление для ознакомления вещественных доказательств и прочее).

Вместе с тем тактические приемы, применяемые при допросе потерпевших, при расследовании преступлений прошлых лет предложено классифицировать следующим образом:

- показания потерпевшего, которому неизвестны обстоятельства совершенного преступления.
 - показания потерпевшего, ставшего непосредственным очевидцем совершенного преступления либо осведомленного о его обстоятельствах.
1. Показания потерпевшего, которому неизвестны обстоятельства совершенного преступления.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон относит проведение допроса потерпевшего к числу обязательных следственных действий, к допросу названного участника судопроизводства, неосведомленного об обстоятельствах уголовного дела, не стоит подходить формально.

Так, при допросе такого потерпевшего стоит выяснить сведения, характеризующие личность умершего лица, отдельно сославшись на ведение о поведении последнего в конфликтных ситуациях и возможных недоброжелателях и иные обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела.

2. Показания потерпевшего, ставшего непосредственным очевидцем совершенного преступления либо осведомленного о его обстоятельствах.

К допросу такого потерпевшего необходимо подойти с отдельной значимостью и в ходе его допроса выяснить следующие обстоятельства:

- место преступления;
- время преступления;
- круг участников, присутствовавших при совершенном преступлении;
- поведение потерпевшего, в том числе, послужившее совершенному преступлению;
- сведения о лице, совершившем преступление;
- характеризующие данные преступника;
- взаимоотношения между преступником и потерпевшим;
- способ совершенного преступления;
- противодействие потерпевшего и очевидцев совершенному преступлению;
- орудие и предметы, используемые при совершенном преступлении;
- меры по сокрытию следов преступления со стороны преступника;
- обстоятельства, при которых преступник покинул место преступления.
- иные обстоятельства совершенного преступления, предусмотренные ст. 73 УПК РФ.

Кроме того, при проведении допроса потерпевшего, ставшего непосредственным очевидцем совершенного преступления либо осведомленного о его обстоятельствах, стоит провести его допрос с использованием технических средств, в частности, видеосъемки.

В свою очередь, допрос свидетеля представляет под собой следственное действие, производимое в порядке, установленным уголовно-процессуальным законом, направленное на получение показаний допрашиваемого лица об обстоятельствах, подлежащих доказыванию и иных сведений, имеющих значение для уголовного дела.

При проведении названного следственного действия между его участниками – следователем (оперативным работником) и свидетелем складываются конфликтные и бесконфликтные следственные ситуации [5].

Бесконфликтная ситуация характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников взаимодействия.

Противодействие в конфликтной ситуации в свою очередь делится на нестрогое и строгое соперничество. Сущность этих видов ситуаций одна - противостояние, обусловленное оборонительной доминантой допрашиваемого.

Применительно к расследованию преступлений прошлых лет тактические приемы предложено классифицировать в зависимости от выше-названных следственных ситуаций и осведомленности участников уголовного судпроизводства относительно обстоятельств совершенного преступления.

Отдельного внимания при расследовании преступлений прошлых лет заслуживают особенности проведения допросов сотрудников правоохранительных органов, ранее осуществлявших предварительное расследование и оперативное сопровождение при расследовании преступлений.

В ходе повторного изучения материалов досудебного производства необходимо установить названных лиц, отдельно обратив внимание на проведение последними следственных действий, содержание которых указывало на причастность виновных лиц к совершенному преступлению, после чего принять меры к допросу.

Перед проведением их допросов, следователю стоит представить на обозрение допрашиваемых лиц из числа сотрудников правоохранительных органов материалы уголовного дела и вкратце напомнить обстоятельства совершенного преступления, после чего выяснить причины, повлиявшие на неустановление лица совершившего преступление и основные версии последних об обстоятельствах преступления.

В ходе допросов таковых свидетелей установлению подлежат следующие обстоятельства:

- с какого времени свидетель проходил (проходит) службу в органах прокуратуры, Следственного комитета и органов внутренних Российской Федерации;
- что входило (входит) в должностные обязанности названных лиц;
- кем и когда им поручено производство предварительного следствия, оперативное сопровождение по уголовному делу;
- какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия были проведены по уголовному делу;
- основной перечень доказательств по уголовному делу;
- версии об обстоятельствах совершенного преступления и лицах их совершивших;
- по каким обстоятельствам преступление ранее не было раскрыто;
- какие следственные действия необходимо провести для установления лица, совершившего преступление.

Более того, при проведении допросов названной категории лиц рекомендуется в протоколе допроса сжато отразить обстоятельства совершенного преступления, хода и результатов расследования уголовного дела.

В этой связи, преступления прошлых лет представляют собой более сложный процесс расследования [4], что в свою очередь, обусловлено особенностями тактических приемов, применяемых при допросе потерпевших и свидетелей по указанной категории уголовных дел.

Список литературы:

- [1] Алексей Александрович Бессонов Вопросы расследования преступлений прошлых лет в трудах Владимира Петровича Лаврова и современной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-rassledovaniya-prestupleniy-proshlyh-let-v-trudah-vladimira-petrovicha-lavrova-i-sovremennoy-praktike> (дата обращения: 18.04.2026). С.1-5.
- [2] Волинкин Е. Н. О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы // Вестник УЮИ. 2019. №4 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-merah-po-raskrytiyu-prestupleniy-sovershennyh-v-proshlye-gody> (дата обращения: 18.04.2026). С. 1-6.
- [3] Рыжкова Анна Константиновна о причинности такого явления как нераскрытые преступления прошлых лет против жизни и здоровья // Право и государство: теория и практика. 2020. №9 (189). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prichinnosti-takogo-yavleniya-kak-neraskrytye-prestupleniya-proshlyh-let-protiv-zhizni-i-zdorovya> (дата обращения: 18.04.2026). С.1-4.

[4] Сучков А. И., Сафронова А. В. Особенности раскрытия преступлений прошлых лет // Современная наука. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raskrytiya-prestupleniy-proshlyh-let> (дата обращения: 18.04.2026).С.1-4.

[5] Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ...канд. юрид. наук. Уфа. 2005. 236 с.

References:

[1] Alexey Alexandrovich Bessonov Questions of investigating crimes of past years in the works of Vladimir Petrovich Lavrov and modern practice//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-rassledovaniya-prestupleniy-proshlyh-let-v-trudah-vladimira-petrovicha-lavrova-i-sovremennoy-praktike> (дата обращения: 18.04.2026). С.1-5.

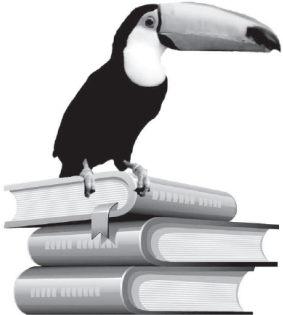
[2] Volynkin E.N. On some measures to solve crimes committed in previous years//Vestnik UYI. 2019. №4 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-merah-po-raskrytiyu-prestupleniy-sovershennyh-v-proshlye-gody> (дата обращения: 18.04.2026).С. 1-6.

[3] Ryzhkova Anna Konstantinovna on the causality of such a phenomenon as unsolved crimes of past years against life and health//Law and state: theory and practice. 2020. №9 (189). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prichinnosti-takogo-yavleniya-kak-neraskrytye-prestupleniya-proshlyh-let-protiv-zhizni-i-zdorovya> (дата обращения: 18.04.2026).С.1-4.

[4] Suchkov A.I., Safronova A.V. Features of solving crimes of past years//Modern science. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raskrytiya-prestupleniy-proshlyh-let> (дата обращения: 18.04.2026).С.1-4.

[5] Khalikov A.N. Peculiarities of the investigation of bribes by law enforcement officials: dis.... cand. jurid. sciences. Ufa. 2005. 236 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

БАЛАК Павел Александрович,
слушатель Нижегородской академии МВД России,
e-mail: pavel.balak6@mail.ru

ФОРМЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. В статье исследуется значение форм конкретизации в системе уголовно-правового регулирования, где она выступает необходимым связующим звеном между абстрактной нормой и реальными обстоятельствами ее действия, выделяется и подробно характеризуется три формы конкретизации – законодательная, интерпретационная и правореализационная, осуществляется из разграничение их по субъекту, целям, средствам и результатам. На примерах из уголовного законодательства демонстрируется, как конкретизация позволяет преодолеть правовую неопределенность и повысить эффективность уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: конкретизация, уголовно-правовое регулирование, формы конкретизации, правотворческая конкретизация, правореализационная конкретизация, интерпретационная конкретизация, юридическая техника, конструирование уголовных запретов.

BALAK Pavel Aleksandrovich,
student of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FORMS OF SPECIFICATION AND THEIR IMPORTANCE IN CRIMINAL LAW REGULATION

Annotation. The article examines the importance of forms of concretization in the system of criminal law regulation, where it acts as a necessary link between an abstract norm and the real circumstances of its action, identifies and characterizes in detail three forms of concretization - legislative, interpretative and legal implementation, and distinguishes them by subject, goals, means and results.

Examples from criminal law demonstrate how concretization makes it possible to overcome legal uncertainty and increase the effectiveness of criminal law regulation.

Key words: specification, criminal-legal regulation, forms of specification, law-making specification, law-implementation specification, interpretative specification, legal technique, construction of criminal prohibitions.

Введение

Постоянное совершенствование действующего законодательства выступает предпосылкой повышения эффективности правового регулирования. Трудно не согласиться с представителями научного сообщества, рассматривающими корреляцию качества закона с правильностью его действия [1, С. 42]. Наряду с этим следует понимать, что работа над формой и содержанием нормативного правового акта выражается не только во внедрении новых, изменении действующих и отмене устаревших норм, но и конкретизации абстрактных предписаний [2, С. 7].

Так, в условиях постоянно развивающихся общественных отношений особое значение приобретает учет их динамики при изложении воли законодателя на «язык права». Осознание этого неизбежно отражается на формулировании пра-

вовых запретов [3, С. 145]. Нередко к правотворческой деятельности предъявляется два взаимосвязанных требования по приведению законодательства в состояние: 1) обеспечивающее стабильность правового регулирования; 2) учитывающее развитие общественных отношений. Одним из способов достижения упомянутых критериев является изменение конкретности предписаний, которое может осуществляться в диаметральных направлениях: снижении (абстрагировании) и повышении (конкретизации). Оба из них при определенных обстоятельствах могут гармонизировать юридическую практику. Изложенное позволяет отождествлять конкретизацию с посредником между общей (абстрактной) нормой и реальными обстоятельствами ее действия [2, С. 7–8].

Основной целью настоящего исследования является формирование комплексного и системного представления о сущности конкретизации в уголовном праве через изучение ее форм. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: 1) изучены подходы к правоконкретизации в уголовном праве; 2) выделена структура конкретизации как вида деятельности; 3) классифицированы формы конкретизации в зависимости от стадий правового регулирования; 4) определена роль каждой из них в уголовно-правовой отрасли.

Использованный методологический инструментарий включает в себя комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, обобщение), системный подход, формально-юридический, ретроспективный, сравнительно-правовой и другие специальные методы научного познания.

Перед тем, как перейти к освещению основной части исследования следует оговориться – в рамках настоящей статьи категории «конкретизация в праве», «правовая конкретизация», «правоконкретизация» и «правоконкретизирующая деятельность» используются как тождественные.

Основная часть

Не претендуя на разрешение дискуссии о соотношении абстрактного и конкретного [4, С. 85–125; 5, С. 57], при характеристике конкретизации в праве, важно указать на вынужденную обобщенность нормативных предписаний. Чем шире круг общественных отношений, регулируемых нормой, тем более отвлеченно она изложена в законе, в связи с чем ее толкование и реализация бывают затруднительны.

Таким образом, правовая неопределенность может выступать: 1) дефектом права (при возникновении пробелов, коллизий в правовом регулировании); 2) условием эффективности правового регулирования [6, С. 6]. Только так право способно охватить огромное множество меняющихся и постоянно развивающихся общественных отношений [2, С. 8–10].

Обстоятельно рассмотрев понятие правоконкретизации в уголовном праве [7], под таковой нами понимается вид юридически значимой деятельности, подразумевающий движение от абстрактного к конкретному, направленный на достижение уголовно-правового регулирования общественных отношений в рамках своей обусловленности предметом и формой.

Придерживаясь вышеизложенного подхода, для правоконкретизирующей деятельности характерны: субъект, объект, предмет, мотив, цель, средство, действие и результат. Перечисленные элементы предопределяют деление кон-

кретизации на формы и виды. В контексте настоящего исследования речь идет только о формах конкретизации, разграничение которых проводится по субъекту, предмету, цели и средству.

В своей монографии Г.Г. Шмелева описывает два наиболее распространенных подхода к классификации конкретизации юридических норм в зависимости от стадий правового регулирования. «Сторонники первого связывают конкретизацию со стадией правотворчества и отрицают ее возможность в процессе правоприменения ... сторонники другого, более широкого подхода к исследованию и пониманию конкретизации правовых норм, рассматривают ее как явление, имеющее место в процессах правотворчества и правоприменения, как свойство правовой системы, как свойство правового регулирования в целом, как объективную необходимость и закономерность правового регулирования» [2, С. 11].

Соглашаясь со сторонниками широкого смысла, считаем наиболее полным и правильным с учетом особенностей российской правовой системы выделить уголовно-правовую конкретизацию в:

- правотворчестве;
- интерпретации права;
- правореализации.

По нашему мнению, лишь посредством системного изучения конкретизации в вышеперечисленных стадиях возможно сформировать комплексное представление о ее сущности в уголовном праве.

Законодательная (правотворческая) конкретизация

Рассматривая данную форму в качестве компонента правотворческой деятельности, необходимо принимать во внимание ее сущность и специфику.

Выработанный еще в советской юридической доктрине подход подразумевает отождествление правотворчества с «государственной деятельностью, в результате которой воля государства возводится в закон, нормы права» [3, С. 5]. Не составляет труда установить, что в уголовном праве субъектом правотворческой конкретизации является законодатель, предметом – уголовно-правовые нормы, а целью – повышение эффективности правовой регламентации уголовных запретов.

В гармоничности закона заинтересованы не только субъекты его реализации, но и законодатель, нормативно закрепивший условия должного регулирования общественных отношений. Традиционно к качественным показателям, достигаемым в процессе правотворчества, принято относить: целостность, полноту, стабиль-

ность, динамичность, доступность, согласованность, точность, определенность [8]. Из перечисленных критериев последние три в значительной мере обеспечиваются законодательной конкретизацией уголовно-правовых норм [2, С. 24–29], что характеризует ее как средство совершенствования законодательства. Однако напрямую законодатель может повлиять только на предписание, причем посредством: 1) внедрения конкретизирующей (относительно новой) нормы; 2) изменения действующего (исходного) запрета [9, С. 152].

В качестве примера внедрения новой уголовно-правовой нормы Т.В. Кленова приводит конкретизацию общего запрета убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Законодатель выделяет специальные составы с усложненным непосредственным объектом, например, убийство в связи с осуществлением служебной деятельности (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) или лица, осуществляющего правосудие (ст. 295 УК РФ) [10, С. 936].

В свою очередь изменение действующей нормы часто требуется для устранения избыточной абстрактности оценочных понятий. Как отмечает Н.А. Лопашенко, в главе об экологических преступлениях используется неоправданно много оценочных категорий («вред здоровью человека», «массовое заболевание», «существенный экологический вред», «иные тяжкие последствия»), размывающих преступность деяния и требующих законодательной конкретизации путем введения в уголовный закон легальных дефиниций [11, С. 886–891].

Примером законодательной конкретизации А.В. Козлов называет отказ от субъективного оценочного признака «крупный ущерб» в ряде статей УК РФ (например, в ст. 146 УК РФ) и установление четких стоимостных критериев в примечаниях к статьям, лишаящее правоприменителя необоснованно широкого усмотрения [12, С. 993, 996–999].

Кроме того, рассматриваемая форма правоконкретирующей деятельности может применяться и в отношении санкции уголовно-правовой нормы. Так, Л.Л. Кругликов и И.А. Хитров отмечают, что формализация влияния смягчающих обстоятельств непосредственно в законе обеспечивает справедливость приговора. Иллюстративным примером служит ст. 62 УК РФ, в которой четко установлено: «при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания» [13, С. 921].

Интерпретационная конкретизация

Как правило, осуществление данной деятельности требуется при необходимости актуализации применения соответствующего акта без внесения изменений в его содержание. В условиях российской правовой системы правоинтерпретационная конкретизация видится возможной лишь в виде издания Конституционным Судом РФ актов официального толкования [20, С. 149]. Однако, более широкий подход к пониманию роли интерпретации в уголовном праве лишает вопрос однозначности.

Являясь одним из составляющих интерпретационной деятельности, правоконкретизация различается при легальном и судебном толковании. Важно понимать, что интерпретационная конкретизация направлена на улучшение закона лишь косвенно, так как ее предметом (в отличие от законодательной) выступает не сама юридическая норма, а уже результат ее разъяснения (при легальном толковании) или применения (при судебном толковании).

Конкретизация в рамках легальной интерпретации заключается в сужении объема и расширении содержания уже выработанных позиций, разъясняющих смысл уголовно-правовых предписаний. Не вступая в дискуссию о юридической природе и силе постановлений, заключений и определений Конституционного Суда РФ, аксиомизируется их вторичное значение по отношению к уголовному закону.

В юридической доктрине присутствует мнение, что назрела необходимость интерпретационной конкретизации диспозиций ст. 299 и 300 УК РФ (незаконное привлечение к уголовной ответственности и незаконное освобождение от нее) [21, С. 954–955]. Конституционный принцип презумпции невиновности и нормы УПК РФ требуют толковать и конкретизировать архаичный термин «привлечение к уголовной ответственности» через современное понятие «уголовное преследование», меняющее объем объективной стороны составов преступлений против правосудия. В данном случае правоинтерпретационная конкретизация позволяет устранить терминологические противоречия между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

Конкретизация в рамках судебной интерпретации представляет собой обобщение правоприменительной практики по конкретным делам и издание на их основе интерпретирующих положений, расширяющих содержание уголовно-правовых норм. Идеализируя систему российского права, можно возразить: «соблюдение разработанных судебными органами правил не является обязательным». Однако в действительности обобщение судебной практики Верховным Судом РФ нередко предопределяет правореализацию.

В рамках судебного толкования Пленум Верховного Суда РФ постоянно осуществляет конкретизацию абстрактных уголовно-правовых конструкций. Например, П.Н. Панченко обращает внимание на то, что Пленум ВС РФ в своих постановлениях (в частности, по делам о бандитизме, убийствах и хищениях) конкретизирует признак «устойчивости» организованной группы. Высшая судебная инстанция указывает, что об устойчивости свидетельствуют стабильность состава, тесная взаимосвязь участников, постоянство форм и методов преступной деятельности, а также техническая оснащенность [19, С. 903–905]. Аналогичным образом Пленум ВС РФ конкретизировал оценочную категорию «вред здоровью человека» по экологическим преступлениям, указав, что она охватывает причинение тяжкого вреда одному или нескольким лицам [11, С. 887].

Таким образом, избранный подход позволяет называть интерпретационную конкретизацию самостоятельным процессом, способствующим достижению целей легального и судебного толкования. Выступая в системе уголовного права, по большей мере, вспомогательным инструментом (как и интерпретация в целом), правоконкретизация позволяет актуализировать официальные разъяснения уголовного закона, а также вырабатывать на основе правоприменительной практики правила реализации уголовно-правовых предписаний.

Правореализационная конкретизация

Правореализационная конкретизация выступает одним из условий претворения веляния законодателя в жизнь, обеспечивая правильность реализации уголовно-правовой нормы.

Ввиду большого количества причин при конструировании уголовных запретов законодателем не достигается должный уровень их конкретности. Подобное встречается, когда в сложившейся ситуации присутствуют все признаки состава преступления, но их идентификация с «формулой», изложенной в нормативном предписании, затруднена или невозможна, в результате чего возникает противоречивая правоприменительная практика.

Особенности романо-германской правовой системы делают необходимым соотношение правотворческой и правореализационной конкретизации, как «основного» и «производного», исходящее из общеправового принципа верховенства закона. Таким образом, правореализационная конкретизация является правильной лишь в границах установленных законодателем. Из этого следует, что четко очерченные границы нормативно-правового предписания предопределяют качество его реализации.

Однако важно учитывать, что природа правоприменительной конкретизации различается, когда: 1) законодатель мог более конкретно изложить норму, но по тем или иным причинам не предусмотрел (или не мог предусмотреть) трудности, возникшие в процессе ее реализации (например, использовал непонятные языковые конструкции); 2) нормотворец намеренно не конкретизировал норму ввиду невозможности регламентации всего многообразия регулируемых ею общественных отношений (например, вынужденное внедрение в текст закона оценочных категорий). Несмотря на различие причин возникновения неопределенности в нормах (первая – случайная, вторая – преднамеренная), лишь в данных случаях правореализационная конкретизация является объективной необходимостью юридической практики, независимо от ее результатов (квалификация преступления, вынесение приговора, толкование нормы и т.д.).

При изучении соотношения правореализационной конкретизации и толкования юридических норм между представителями научного сообщества наблюдается противоречие взглядов. В то время, как одни ученые считают конкретизацию частью толкования [14, С. 82; 15, С. 17], другие – наоборот, включают толкование в процесс конкретизации (как средство ее осуществления) [16, С. 215; 17, С. 19–20; 18, С. 25].

Проанализировав аргументы каждой из сторон, Г.Г. Шмелева приходит к закономерным выводам – конкретизация и официальное толкование правовых норм отличаются друг от друга: 1) непосредственными целями и функциями в правовом регулировании; 2) логическими механизмами их осуществления; 3) регулятивно-юридическими свойствами их результатов [2, С. 61].

С учетом отраслевой обусловленности можем согласиться лишь с первыми двумя положениями. Так, при обосновании третьей позиции автор утверждает – результатом конкретизации юридических норм является относительно новое правило поведения, что недопустимо в уголовно-правовой отрасли.

Так или иначе, реализация права включает осуществление интеллектуальной деятельности ее субъектов (уполномоченных государственных органов и физических лиц, ее осуществляющих). Суть таковой конкретизации (интеллектуальной деятельности) заключается в соотношении абстрактной нормы уголовного права (ее криминообразующих признаков) с конкретным жизненным случаем. Нередко от качества правоконкретизации зависит результат правореализации [23, С. 242], выраженный в правильном и неправильном (правомерном и неправомерном) регулиро-

вании общественных отношений. Наиболее отчетливо это отражается в деятельности органов суда.

Характеризуя влияние последних на юридическую практику, профессор С.С. Алексеев пишет – «Повышение уровня нормативных обобщений вызывает в качестве неизбежного следствия усиление роли ее (юридической (судебной) практики) в процессе правового регулирования. В ходе практики постепенно намечаются направления в решении юридических дел, определяются ориентиры, раскрывающие смысл норм и значение терминов, вырабатываются определенные образцы, типовые решения той или иной категории дел» [3, С. 86]. Иначе говоря, автор рассматривает конкретизацию в качестве способа устранения органами судебной системы пробелов в правоприменении.

Более глубокое понимание данной деятельности позволяет охарактеризовать ее как интеллектуальный этап реализации уголовно-правовой нормы. Ее неправильное осуществление чревато возникновением: 1) негативной практики, нарушением прав и свобод человека и гражданина (в случаях, если субъектом выступает уполномоченный орган государственной власти [22, С. 53]); 2) юридической ошибки при реализации уголовно-правового запрета (в случаях, если субъектом выступает физическое лицо). Это препятствует решению задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ) и достижению целей наказания (ст. 43 УК РФ).

Наиболее наглядно правореализационная конкретизация проявляется при квалификации экономических преступлений, совершаемых в соучастии. По мнению П.Н. Панченко, при вменении квалифицирующего признака «совершение преступления организованной группой» правоприменитель осуществляет интеллектуальную конкретизацию форм совместности деяния [19, С. 898]. В отличие от простой группы лиц, совместность в организованной группе является рассредоточенной, и следовательно или суду необходимо в каждом конкретном случае привязывать абстрактную норму ч. 3 ст. 35 УК РФ к реальным фактам, а именно: выявить предварительное планирование, распределение ролей, наличие организатора и иные признаки соорганизованности [19, С. 901–903]. Без такой конкретизации правильная квалификация деяния невозможна.

Заключение

Подводя итог рассмотрению форм уголовно-правовой конкретизации, стоит отметить, что основанием их различия друг между другом являются отдельные элементы ее внутренней структуры (как вида деятельности), а именно – 1) субъект; 2) предмет; 3) цель; 4) средство. Для более наглядного сопоставления форм конкретизации в

уголовном праве это сделано в таблице (Таблица №1 на следующей странице).

Резюмируя вышеизложенное, видится целесообразным сформулировать ряд умозаключений, характеризующих формы конкретизации и их значение в уголовном праве.

Первое. При конструировании уголовно-правовых предписаний законодатель вынужден использовать обобщенные конструкции, создавая неопределенность, балансирующую между стабильностью правового регулирования и динамичностью общественных отношений.

Второе. Широкий подход к пониманию правоконкретизации позволяет выделить ее законодательную, интерпретационную и правореализационную формы, каждая из которых отличается по структуре деятельности (субъекту, предмету, цели и средствам).

Третье. Законодательная конкретизация, направленная на достижение согласованности, точности и определенности правового регулирования, осуществляется исключительно законодателем и выражается во внедрении конкретизирующей (либо конкретизации части действующей) нормы.

Четвертое. Интерпретационная конкретизация, направленная на актуализацию применения уголовно-правового предписания, осуществляется Конституционным и Верховным Судом РФ в пределах своей компетенции, при этом влияя на уголовное законодательство лишь косвенно.

Пятое. Правореализационная конкретизация, выступая интеллектуальным этапом применения уголовно-правовой нормы, заключается в ее соотнесении с конкретным жизненным случаем, осуществляемым правоприменителем и обывателем.

Список литературы:

- [1] Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург. – 1999. – 393 с.
- [2] Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. – Львов: Выща школа, – 1988. – 104 с.
- [3] Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций в 2-х томах / С.С. Алексеев. Свердловск, – 1973. – Т. 2. – 396 с.
- [4] Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. – М., – 1986. – 332 с.
- [5] Ильенков Э.В. Проблема абстрактного и конкретного // Вопросы философии. – 1967. – № 9.
- [6] Власенко Н.А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 4–12.

Таблица №1

Сравнение форм конкретизации в уголовном праве				
Форма	Субъект	Предмет	Цель	Средство
Законодательная конкретизация	Законодатель	Элементы действующей уголовно-правовой нормы (диспозиция, санкция)	Повышение эффективности правового регулирования	Внесение в элементы исходной статьи конкретизирующих изменений (более конкретные элементы)
		Относительно новая уголовно-правовая норма		Внедрение в уголовный закон конкретизирующей нормы (внедрение более конкретного предписания)
Правореализационная конкретизация	Уполномоченный орган государственной власти	Действующая уголовно-правовая норма		Умственная деятельность, заключающаяся в соотношении уголовно-правовой нормы с конкретным случаем
	Обыватель (физическое лицо)			
Интерпретационная конкретизация	Конституционный Суд РФ (легальное толкование)	Положения акта официального толкования		Издание конкретизирующих Определений КС РФ
	ВС РФ (судебное толкование)	Результаты правоприменения нормы УП		

[7] Балак П.А. Понятие конкретизации в уголовном праве // Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, – 2025. – С. 161–172.

[8] Качество закона и эффективность законодательства / Поленина С.В.; Под ред.: Куник Я.А. – М.: Изд-во ИГиП РАН, – 1993. – 56 с.

[9] Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред.: Братусь С.Н., Самощенко И.С. – М.: Госюриздат, – 1962. – 575 с.

[10] Кленова Т.В. Конкретизация уголовно-правовых предписаний: научное обоснование и практическое применение // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной,

правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 934–954.

[11] Лопашенко Н.А. Конкретизация как прием законодательной техники в уголовном законодательстве: необходимое зло или недостижимое благо? // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 883–898.

[12] Козлов А.В. О проблеме конкретизации крупного ущерба в уголовном законодательстве России // Конкретизация законодательства как

технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 990–999.

[13] Кругликов Л.Л., Хитров И.А. Опыт законодательной конкретизации отдельных обстоятельств в российском уголовном праве // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 917–934.

[14] Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1960. 239 с.

[15] Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., – 1962. – 166 с.

[16] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., – 1967. – 240 с.

[17] Братусь С.Н. Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. – М., – 1975. – С. 8–74.

[18] Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. – М., – 1976. – 118 с.

[19] Панченко П.Н. Конкретизация как технико-юридический прием квалификации преступлений в сфере экономики по признаку совершения их организованной группой // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 898–917.

[20] Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва. – 2011. – 196 с.

[21] Александрова И.А. Конкретизация уголовного законодательства, касающегося преступлений против правосудия // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 954–965.

[22] Миннигулова, Д. Б. Компенсация за нарушение условий содержания в изоляторе временного содержания и под стражей в практике МВД России за 2021-2024 годы: научный и практический аспекты / Д. Б. Миннигулова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 47-53. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.007. – EDN XBUBXW.

[23] Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

References:

[1] V.V. Ignatenko. Legal quality of laws on administrative offenses: theoretical and applied problems: dis.... Dr. Jurid. sciences. - Yekaterinburg. – 1999. - 393 p.

[2] G.G. Shmeleva. Concretization of legal norms in legal regulation. - Lviv: Vyshcha school, - 1988. - 104 s.

[3] Alekseev S.S. Problems of the theory of law: a course of lectures in 2 volumes/S.S. Alekseev. Sverdlovsk, - 1973. - VOL. 2. - 396 p.

[4] Kerimov D.A. Philosophical foundations of political and legal studies. - М., - 1986. - 332 p.

[5] Ilyenkov E.V. The problem of abstract and concrete//Questions of philosophy. – 1967. – № 9.

[6] Vlasenko N.A. Uncertainty in law: the concept and ways of research//Russian justice. – 2006. – № 7. – S. 4-12.

[7] Balak P.A. The concept of concretization in criminal law//Conceptual and categorical apparatus of the sciences of the criminal law cycle. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. - Yekaterinburg, - 2025. - S. 161-172.

[8] Quality of law and effectiveness of legislation/S.V. Polenina; Ed.: Kunik Ya.A. - М.: Publishing House of the IGiP RAS, - 1993. – 56 с.

[9] Theoretical issues of systematization of Soviet legislation/Ed.: Bratus S.N., Samoshchenko I.S. - М.: Gosyurizdat, - 1962. – 575 с.

[10] Klenova T.V. Concretization of criminal legal prescriptions: scientific substantiation and practical application//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranova. N. Novgorod, - 2008. - S. 934-954.

[11] Lopashenko N.A. Concretization as a method of legislative technology in criminal legislation: a necessary evil or an unattainable benefit ?// Concretization of legislation as a technical and legal method of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranova. N. Novgorod, - 2008. - S. 883-898.

[12] Kozlov A.V. On the problem of concretization of major damage in the criminal legislation of Russia//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law

enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/ Ed. Professors V. M. Baranova. N. Novgorod, - 2008. - S. 990-999.

[13] Kruglikov L.L., Khitrov I.A. Experience in legislative concretization of individual circumstances in Russian criminal law//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. N. Novgorod, - 2008. - S. 917-934.

[14] Shlyapochnikov A.S. Interpretation of the criminal law. M., 1960. 239 pp.

[15] Pigolkin A.S. Interpretation of regulatory acts in the USSR. - M., - 1962. - 166 s.

[16] Brainin Y.M. Criminal Law and its application. - M., - 1967. - 240 s.

[17] Brother S.N. Vengerov A.B. Concept, content and forms of judicial practice//Judicial practice in the Soviet legal system. - M., - 1975. - S. 8-74.

[18] Voplenko N.N. Official interpretation of the rule of law. - M., - 1976. - 118 s.

[19] Panchenko P.N. Concretization as a technical and legal technique for qualifying crimes in the field of economics on the basis of their commission by an organized group//Concretization of legislation as a technical and legal technique for normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of

the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. N. Novgorod, - 2008. - S. 898-917.

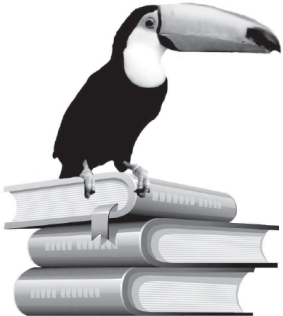
[20] Zaloilo M.V. The concept and forms of concretization of legal norms: dis.... cand. jurid. sciences. - Moscow. - 2011. - 196 s.

[21] Aleksandrova I.A. Concretization of criminal legislation concerning crimes against justice// Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. N. Novgorod, - 2008. - S. 954-965.

[22] Minnigulova, D. B. Compensation for violation of the conditions of detention in a temporary detention center and in custody in the practice of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021-2024: scientific and practical aspects/D. B. Minnigulova// Law and statehood. - 2025. - № 3(8). - S. 47-53. - DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.007. - EDN XBUBXW.

[23] Divaeva, I. R. On some problematic aspects of the interpretation of criminal law and criminal procedure norms/I. R. Divaeva, M. S. Shaikhullin//Law and management. - 2024. - № 11. - S. 238-242. - DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. - EDN NQNTKE.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВОСКАНЯН Тигран Гагикович,
Аспирант ФГАОУ ВО
«Дальневосточный федеральный университет»,
e-mail: tigran_voskanyan_15@mail.ru

МЕТОДИКА ОБОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДЕЛИКТА

Аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые и прикладные проблемы криминализации и декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, а также вопросы разграничения преступления и гражданско-правового деликта в сфере предпринимательской деятельности. Обосновывается, что в отношении предпринимательских конфликтов уголовно-правовая оценка допустима лишь при наличии совокупности материальных, юридико-технических и правоприменительных предпосылок. Предлагается пятиуровневая методика проверки криминализационных и декриминализационных решений, основанная на оценке общественной опасности, субсидиарности уголовно-правового запрета, определенности состава, соразмерности санкций и прогноза правоприменительных рисков. Особое внимание уделено проблеме «уголовизации» хозяйственных споров. Доказывается, что ключевым критерием разграничения преступления и гражданско-правового деликта выступает первичный преступный умысел, который должен устанавливаться не ретроспективно по результату неисполнения обязательства, а на основе доказательств, относящихся к моменту возникновения намерения и способу завладения имуществом. Предлагается трехслойная модель доказывания умысла в предпринимательских конфликтах: преддоговорный, операционный и постфактум блоки. Анализируются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, а также процессуальные гарантии, направленные на недопущение злоупотребления уголовным преследованием в предпринимательской сфере.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, предпринимательская деятельность, предпринимательские преступления, гражданско-правовой деликт, мошенничество, преступный умысел, уголовная политика, экономические преступления, правоприменение.

VOSKANYAN Tigran Gagikovich,
Graduate student of FSAEI HE
“Far Eastern Federal University”

METHODOLOGY FOR SUBSTANTIATION OF CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY AND DELIMITATION OF CRIME AND CIVIL TORT

Annotation. The article examines theoretical and practical issues of criminalization and decriminalization of offences in the sphere of economic activity, as well as the distinction between crime and civil delict in the sphere of business activity. It is argued that in entrepreneurial conflicts criminal law intervention is permissible only where a set of material, legal-technical and law-enforcement prerequisites is present. The author proposes a five-level methodology for testing criminalization and decriminalization decisions based on the assessment of social harmfulness, subsidiarity of criminal prohibition, certainty of the corpus delicti, proportionality of sanctions and projection of enforcement risks. Particular attention is paid to the problem of criminalization of commercial disputes. The paper demonstrates that the key criterion for distinguishing crime from civil delict is the initial criminal intent, which must not be inferred retrospectively from the mere fact of non-performance of

an obligation, but must be established through evidence relating to the moment the intent arose and the method of obtaining the property. A three-layer model of proving intent in entrepreneurial conflicts is proposed: pre-contractual, operational and post-factum blocks. The article also analyzes the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as procedural safeguards designed to prevent abuse of criminal prosecution in the business sphere.

Key words: *criminalization, decriminalization, entrepreneurial activity, business crimes, civil delict, fraud, criminal intent, criminal policy, economic crime, law enforcement.*

Введение

Вопрос о пределах уголовно-правового вмешательства в предпринимательскую деятельность занимает одно из центральных мест в современной уголовно-правовой политике. Это обусловлено тем, что именно в предпринимательской сфере наиболее отчетливо проявляется конфликт между необходимостью охраны экономического оборота и недопустимостью чрезмерной репрессии в отношении хозяйственной инициативы. С одной стороны, государство обязано обеспечивать защиту рынка, добросовестной конкуренции, имущественных интересов кредиторов, инвесторов и иных участников гражданского оборота. С другой стороны, чрезмерное расширение сферы уголовной ответственности способно трансформировать хозяйственный риск в риск уголовного преследования, тем самым подрывая предсказуемость предпринимательской среды.

Специфика предпринимательских деяний заключается в том, что правомерное и неправомерное поведение (с точки зрения уголовного закона) здесь нередко имеют сходные внешние признаки. Неисполнение обязательства, кассовый разрыв, неудачная инвестиционная стратегия, дефолт контрагента, корпоративный конфликт или управленческая ошибка могут внешне напоминать хищение, злоупотребление полномочиями или причинение имущественного вреда. Именно поэтому предпринимательская сфера требует особенно строгих критериев криминализации и особенно точных правил разграничения преступления и гражданско-правового деликта.

Научная и практическая значимость данной проблемы определяется также тем, что в экономической сфере наиболее заметно проявляется риск «уголовизации» частноправовых конфликтов. В подобных случаях уголовное право используется не как *ultima ratio*, а как средство давления в корпоративном или договорном споре. Такая тенденция деформирует назначение уголовного закона, ослабляет авторитет гражданско-правовых механизмов защиты и создает угрозу избирательного правоприменения.

Цель настоящего исследования состоит в разработке комплексного подхода к оценке допустимости криминализации и декриминализации предпринимательских деяний, а также в форму-

лировании критериев, позволяющих разграничивать преступление и гражданско-правовой деликт в предпринимательских отношениях. Для достижения этой цели предлагается объединить методологию уголовно-политической оценки с анализом правовых позиций высших судебных инстанций и процессуальных гарантий, действующих в экономических делах.

1. Методика обоснования криминализации и декриминализации предпринимательских деяний

1.1. Общая рамка оценки: от социальной опасности к юридической определенности

Выводы общей теории криминализации и декриминализации не могут быть механически перенесены на предпринимательскую сферу. Предпринимательская деятельность по самой своей природе связана с риском, вероятностным характером результата, конкуренцией, изменением конъюнктуры и зависимостью от действий множества контрагентов. Поэтому в данной области требуется не формальный, а многоступенчатый подход к оценке того, оправдано ли использование уголовного закона.

Представляется целесообразным использовать пятиуровневую методику, условно обозначаемую как система «пяти фильтров». Ее практическое значение состоит в том, что она применима как к вопросам криминализации, так и к вопросам декриминализации: в первом случае она помогает установить необходимость уголовно-правового запрета, во втором — выявить ситуации, когда сохранение уголовной репрессии уже не отвечает принципам обоснованной уголовной политики.

Первый фильтр — материальный, то есть фильтр общественной опасности. Для предпринимательских деяний общественная опасность не должна сводиться исключительно к факту имущественного ущерба конкретному лицу. В ряде случаев вред причиняется не только отдельному потерпевшему, но и самому механизму хозяйственного оборота: страдает достоверность регистрации, прозрачность отчетности, устойчивость платежной системы, доверие участников рынка, условия добросовестной конкуренции. Именно поэтому, например, незаконная предпринимательская деятельность и незакон-

ная банковская деятельность представляют опасность не только как нарушение формальных правил, но и как дестабилизирующий фактор для рынка в целом[1].

Второй фильтр — субсидиарность уголовно-правового запрета. Применительно к предпринимательским деяниям данный критерий имеет особое значение, поскольку значительная часть нарушений в экономической сфере уже охватывается административно-правовыми и гражданско-правовыми механизмами. Если соответствующее деяние эффективно пресекается административной ответственностью, а его общественная опасность не выходит за пределы деликта, уголовно-правовое вмешательство оказывается избыточным. Иначе говоря, уголовный закон не должен воспроизводить административный запрет без добавления качественно иного уровня опасности.

Третий фильтр — юридико-технический. Предпринимательские составы часто характеризуются высокой степенью бланкетности. Это означает, что содержание уголовно-правового запрета фактически определяется системой иных нормативных актов — налоговых, банковских, регистрационных, лицензионных, корпоративных. Однако чем выше зависимость состава от внешнего регулятивного массива, тем выше риск размытости уголовно-правовой границы. В результате адресат уголовного закона не может с необходимой степенью определенности предвидеть, какое именно поведение является преступным. В предпринимательской сфере такая неопределенность особенно опасна, поскольку она способна трансформировать нормальную деловую активность в зону постоянного репрессивного риска.

Четвертый фильтр — пенологический. Если законодатель приходит к выводу о необходимости уголовно-правового реагирования, то сама модель санкции должна отвечать специфике охраняемых отношений. Для экономических и предпринимательских деяний логичнее использовать меры, ориентированные на восстановление нарушенных имущественных интересов, возврат незаконно извлеченного дохода, ограничение возможности повторения противоправной деятельности и компенсацию причиненного вреда. Напротив, автоматическое усиление репрессии за счет лишения свободы не всегда отвечает целям уголовного закона и нередко препятствует возмещению ущерба.

Пятый фильтр — правоприменительный. Даже теоретически обоснованный уголовно-правовой запрет должен быть проверен с точки зрения его доказуемости и практической реализуемости. Необходимо оценивать, насколько признаки состава поддаются доказыванию, какова

доля прекращенных уголовных дел, не используется ли соответствующий состав как средство корпоративного давления. Иными словами, вопрос ставится не только о том, «правильно ли» криминализировано деяние, но и о том, «работает ли» выбранная модель без системных злоупотреблений.

Именно такое понимание правоприменительной проверки прослеживается и в позициях Верховного Суда Российской Федерации. Так, по делам о незаконном предпринимательстве судам предписано устанавливать, отвечает ли поведение признакам предпринимательской деятельности, закрепленным в гражданском законодательстве, включая самостоятельность, риск, систематичность извлечения прибыли и установленный законом порядок регистрации[2]. Тем самым исключается возможность отождествления разовых гражданско-правовых действий с преступным предпринимательством.

1.2. Индикаторы избыточной криминализации в предпринимательской сфере

Применение названной методики позволяет выявить типовые признаки избыточной криминализации.

Во-первых, о дефекте уголовно-правового запрета может свидетельствовать криминализация формальных регистрационных, лицензионных или отчетных нарушений в тех случаях, когда реальный вред отсутствует либо минимален. Если нарушение не порождает существенных рисков для неопределенного круга лиц, не нарушает устойчивость оборота и не обладает самостоятельной криминальной интенсивностью, уголовный закон оказывается чрезмерным инструментом реагирования.

Во-вторых, тревожным индикатором выступает использование расплывчатых оценочных признаков, прежде всего в части «существенного вреда», «крупного ущерба», «крупного дохода» и иных сходных категорий. Сами по себе оценочные признаки в уголовном праве допустимы, однако в предпринимательских делах они создают повышенную опасность расширительного толкования, поскольку коммерческая деятельность по определению связана с оборотом денежных средств, имущественными потерями и договорными конфликтами.

В-третьих, признаком избыточной криминализации является чрезмерная бланкетность состава, особенно когда уголовно-правовой запрет опирается на быстро меняющийся массив подзаконного регулирования. В такой ситуации границы уголовной ответственности становятся «плавающими», а сама репрессия зависит не столько от закона, сколько от регулятивной динамики в иной отрасли права.

В-четвертых, важным сигналом служит высокая доля прекращения уголовного преследования либо систематические трудности доказывания состава. Если правоприменитель регулярно сталкивается с невозможностью устойчиво установить признаки преступления, это может свидетельствовать не только о недостатках следственной работы, но и о неверной законодательной конструкции либо о неправильно выбранном уровне уголовно-правовой реакции.

1.3. Индикаторы рискованной декриминализации

Вместе с тем недопустимо и механическое движение в сторону декриминализации. В предпринимательском блоке особенно рискованно исключать уголовную ответственность за деяния, которые выполняют инфраструктурную функцию в теневой экономике. Речь идет, в частности, о фиктивной регистрации, использовании номинальных структур, подложных сведений о субъектах хозяйственной деятельности, схемах искусственного сокрытия бенефициаров и иных формах маскировки преступной активности.

Опасность таких деяний заключается не только в разовом нарушении правила, но и в том, что они создают организационную основу для серийных злоупотреблений. Если при этом соответствующее поведение характеризуется высокой доходностью, низкими барьерами повторяемости и затрагивает интересы неопределенного круга лиц, административный штраф не обеспечивает достаточной превенции. Следовательно, декриминализация оправдана лишь в тех случаях, когда реально снижается степень общественной опасности, а не тогда, когда фактически создается «окно возможностей» для системной теневой практики.

2. Разграничение предпринимательского преступления и гражданско-правового деликта

2.1. Проблема «уголовизации» предпринимательских отношений

Одним из наиболее острых вопросов правоприменения в экономической сфере является подмена гражданско-правового или арбитражного механизма уголовно-правовым преследованием. Наиболее часто такая ситуация возникает в рамках договорных и корпоративных отношений: поставки, подряда, займа, кредита, агентирования, лизинга, корпоративного управления. Во всех этих случаях конфликт может быть обусловлен как недобросовестным преступным поведением, так и объективными рисками коммерческой деятельности.

Опасность «уголовизации» предпринимательских отношений состоит, во-первых, в подрыве принципа *ultima ratio*. Уголовное право начи-

нает выполнять несвойственную ему функцию разрешения частноправового спора, хотя для этого существуют развитые институты гражданского и арбитражного судопроизводства, исполнительного производства, банкротства, реструктуризации и взыскания убытков. Во-вторых, подобная практика снижает правовую предсказуемость бизнеса. Хозяйственный риск, который должен оцениваться как нормальный элемент предпринимательства, начинает восприниматься как потенциальный повод для уголовного обвинения. Это не только деформирует экономическое поведение, но и способствует выводу деловой активности в тень, сокращению инвестиционной инициативы и повышению транзакционных издержек.

Поэтому для уголовной политики в сфере предпринимательства принципиально важно исходить из того, что уголовная ответственность должна строиться вокруг доказуемых признаков преступного способа поведения и преступного умысла, а не вокруг самого факта хозяйственного неуспеха. Такой подход соответствует и научной доктрине, в которой неоднократно подчеркивалось, что пределы криминализации в экономической сфере должны определяться не статусом участника оборота и не конечным отрицательным результатом сделки, а качеством самого деяния[3].

2.2. Нормативные ориентиры разграничения

Разграничение гражданско-правового деликта и преступления в предпринимательской сфере должно опираться на базовые положения уголовного закона.

Прежде всего, статья 14 УК РФ связывает понятие преступления с общественной опасностью. Отсюда вытекает, что само по себе нарушение договорной дисциплины, неисполнение обязательства, наличие задолженности либо имущественного спора еще не означает наличия преступления. Для уголовно-правовой оценки необходимо установить не просто нарушение обязательства, а общественно опасный способ поведения и соответствующую форму вины.

Далее, статья 8 УК РФ закрепляет, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Для предпринимательских конфликтов это положение имеет принципиальное значение: пока не доказаны все объективные и субъективные признаки конкретного состава, в том числе момент возникновения умысла и его содержание, уголовно-правовая квалификация недопустима.

Особая роль принадлежит разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

Суд ориентирует правоприменителя на необходимость установления способа хищения, момента возникновения умысла и недопустимость вывода о мошенничестве только из факта последующего неисполнения обязательства[4]. Тем самым нормативный каркас разграничения строится вокруг трех взаимосвязанных элементов: первичный преступный умысел, преступный способ завладения имуществом и имущественный вред как результат.

2.3. Первичный преступный умысел как системообразующий критерий

Для квалификации мошенничества в предпринимательской сфере определяющее значение имеет вопрос о том, когда именно возник умысел на хищение имущества или приобретение права на него. Если умысел изначально был направлен на завладение чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, имеет место уголовно-правовой конфликт. Если же обязательство не исполнено вследствие последующих хозяйственных трудностей, просчетов, неблагоприятной рыночной ситуации или дефолта иных контрагентов, речь, как правило, идет о гражданско-правовом риске.

Именно поэтому первичный, то есть предшествующий получению имущества, умысел следует рассматривать как системообразующий признак предпринимательского преступления. Без его доказанности уголовная оценка фактически превращается в ретроспективное приписывание преступного намерения по результату коммерческой неудачи. Такой подход недопустим, поскольку он разрушает различие между мошенничеством и неисполнением обязательства.

2.4. Трехслойная модель доказывания умысла

Для снижения субъективизма в оценке предпринимательских конфликтов целесообразно использовать трехслойную модель доказательственного анализа.

Первый слой – преддоговорный. На этом уровне исследуются обстоятельства, существовавшие до заключения сделки. Внимание должно быть сосредоточено на вопросе, свидетельствуют ли они о том, что лицо изначально не собиралось исполнять обязательство. К числу типовых индикаторов относятся использование ложных сведений о финансовом положении, правовом статусе, лицензии, полномочиях, наличие фиктивной «витрины» бизнеса без реальной инфраструктуры, сокрытие существенных обстоятельств, объективно исключающих возможность исполнения.

Второй слой – операционный, то есть относящийся к моменту получения имущества или денежных средств. Здесь выясняется, был ли

обман способом передачи имущества. Существенное значение имеют фиктивные документы, поддельные гарантии, мнимые акты исполнения, поставки исключительно «на бумаге», фиктивные услуги и иные действия, создающие ложное представление о реальном исполнении обязательства.

Третий слой – постфактум. Данные обстоятельства не заменяют доказывание первичного умысла, однако способны подтвердить либо опровергнуть версию обвинения. В пользу преступной модели могут свидетельствовать быстрый вывод активов, переводы средств на аффилированных лиц, создание искусственной неплатежеспособности, прекращение коммуникаций, уничтожение документации. Напротив, в пользу гражданско-правовой природы конфликта говорят попытки частичного исполнения, прозрачные переговоры о реструктуризации, предоставление документов о реальных финансовых трудностях, обращение в арбитражный суд либо участие в процедурах банкротства.

Преимущество данной модели состоит в том, что она препятствует подмене анализа умысла анализом результата. Преступное намерение должно подтверждаться совокупностью фактов, распределенных во времени, а не выводиться исключительно из наступившего ущерба.

2.5. Запрет на «ретроспективный умысел»

Для предпринимательской сферы особенно важно не допустить так называемого ретроспективного умысла – ситуации, когда следствие или суд рассуждают по формуле: «обязательство не исполнено, деньги не возвращены, следовательно, имело место хищение». Подобная логика методологически неверна и юридически опасна. Она игнорирует природу предпринимательства как рискованной деятельности и фактически криминализирует коммерческую неудачу.

Позиции Верховного Суда Российской Федерации ориентированы именно на недопустимость такого упрощения[4]. Умысел должен устанавливаться исходя из доказательств, относящихся к моменту его возникновения и к способу получения имущества. Иначе говоря, уголовное право вправе реагировать на договорное поведение лишь в тех случаях, когда доказан первичный преступный замысел и преступный способ, а не тогда, когда обязательство оказалось неисполненным постфактум.

2.6. Типовые предпринимательские фабулы и квалификационные развилки

Наиболее наглядно различие между гражданско-правовым и уголовно-правовым контуром проявляется в типовых практических ситуациях.

Так, при получении аванса по договору поставки или подряда гражданско-правовой

характер спора подтверждается наличием объективных препятствий к исполнению, ведением переговоров, предоставлением документов, предложением возврата, зачета или замены исполнения. Напротив, уголовно-правовой контур вырисовывается в тех случаях, когда еще до получения аванса отсутствовали реальные возможности исполнения, контрагенту сообщались ложные сведения о наличии товара или мощностей, использовались фиктивные документы, а полученные средства немедленно выводились через аффилированные структуры.

В отношениях займа или кредита гражданско-правовой характер конфликта проявляется через дефолт, переговоры о реструктуризации, частичные платежи, обращение к механизмам обеспечения и судебной защиты. Признаки преступления возникают при использовании фиктивных обеспечений, подложных документов, сокрытии фактической неплатежеспособности и изначальном отсутствии намерения возвращать полученные средства.

В делах о присвоении и растрате разграничение строится вокруг режима вверения имущества. Здесь необходимо установить, что имущество было передано лицу во владение или управление с обязанностью действовать в интересах собственника, а затем обращено вопреки этой обязанности. Для предпринимательских споров это особенно важно в ситуациях, связанных с действиями директора, управляющего или иного лица, распоряжающегося активами организации. Неудачное управленческое решение само по себе не тождественно присвоению или растрате; требуется доказать именно противоправное обращение вверенного имущества[4].

2.7. Конституционно-правовые ориентиры и пределы специального регулирования

Важное значение для рассматриваемой темы имеют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанные по вопросу о специальной норме о мошенничестве в предпринимательской сфере. Конституционный Суд указал на недопустимость ситуации, при которой сходные по существу деяния влекут различную уголовно-правовую реакцию лишь в зависимости от статуса участника оборота, а не от объективных признаков самого деяния[5].

Из этого вытекает принципиально важный вывод: предпринимательская специфика должна выражаться не в статусной уголовно-правовой привилегии и не в статусной репрессии, а в материально-правовых и процессуальных критериях. Дифференциация ответственности оправдана тогда, когда она опирается на проверяемые признаки – способ, умысел, характер посягательства, круг потерпевших, размер вреда, системность поведения. Любая попытка выстроить

специальный режим только по признаку участия в предпринимательской деятельности повышает риск законодательной нестабильности и правоприменительных перекосов.

3. Процессуальные гарантии против злоупотреблений в предпринимательских делах

Разграничение преступления и гражданско-правового деликта имеет не только материально-правовое, но и выраженное процессуальное измерение. Даже при наличии спорной квалификации особое значение приобретают гарантии, препятствующие использованию уголовного процесса как инструмента давления на бизнес.

Одним из наиболее значимых механизмов выступают специальные ограничения на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу по делам, связанным с предпринимательской деятельностью. Законодатель прямо ориентирует правоприменителя на необходимость учитывать связь деяния с предпринимательством и на приоритет более мягких мер пресечения[6]. В системной связи с этим положением находится и требование учитывать возможность продолжения предпринимательской деятельности и управления имуществом при выборе меры пресечения[7].

Смысл данной конструкции состоит в том, чтобы не допустить автоматического использования наиболее жесткой меры процессуального принуждения в коммерческих конфликтах, где высок риск смешения уголовно-правовой и гражданско-правовой проблематики. При этом ограничения не устраняют возможность заключения под стражу вообще, но делают ее допустимой лишь при наличии дополнительных и строго проверяемых оснований.

Особое значение имеет также требование к мотивировке ходатайства следствия в случаях, когда оно утверждает, что деяние не связано с предпринимательской деятельностью. Такие доводы должны быть конкретизированы и подтверждены материалами, подлежащими судебной проверке[8]. Тем самым сама процессуальная стадия избрания меры пресечения превращается в дополнительный барьер против произвольной «депредпринимательской» переквалификации конфликта ради обхода гарантий.

С практической точки зрения целесообразно говорить о необходимости раннего процессуального фильтра уже на стадии проверки сообщения о преступлении. Если конфликт возник из договора, корпоративного отношения, кредитной или инвестиционной операции, до возбуждения уголовного дела должны быть проверены как минимум четыре блока обстоятельств: наличие доказательств первичного умысла; наличие доказательств обмана как способа получения

имущества; экономическая логика исполнения или неисполнения обязательства; наличие параллельного арбитражного спора, исполнительного производства или процедуры банкротства. Речь идет не о создании иммунитета от уголовного преследования, а об устранении его автоматизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов.

Во-первых, оценка допустимости криминализации и декриминализации предпринимательских деяний должна строиться на специальной многоуровневой методике, учитывающей не только общественную опасность, но и subsidiarность уголовного закона, юридическую определенность состава, соразмерность санкций и прогноз правоприменительных последствий. Без такой проверки уголовная политика в предпринимательской сфере неизбежно колеблется между избыточной репрессией и опасной либерализацией.

Во-вторых, типовыми признаками избыточной криминализации выступают формализация уголовного запрета, чрезмерная бланкетность, расплывчатые оценочные категории и систематические трудности правоприменения. Напротив, рискованная декриминализация имеет место там, где деяние выполняет инфраструктурную функцию для теневой экономики и создает условия для серийных злоупотреблений.

В-третьих, центральным критерием разграничения предпринимательского преступления и гражданско-правового деликта является первичный преступный умысел. Само по себе неисполнение обязательства, наличие долга, хозяйственная неудача или корпоративный конфликт еще не образуют преступления. Уголовно-правовая оценка допустима только тогда, когда доказаны момент возникновения умысла, преступный способ завладения имуществом и причинение вреда как следствие именно этой преступной модели поведения.

В-четвертых, для практики разграничения продуктивной представляется трехслойная модель доказывания умысла — «до, во время и после» получения имущества. Она позволяет связать анализ субъективной стороны с конкретными фактическими данными и минимизировать опасность ретроспективного вывода о преступном характере хозяйственного конфликта.

В-пятых, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации подтверждают, что предпринимательская специфика должна выражаться не в особом статусном уголовно-правовом режиме, а в точности материально-правовых критериев и в наличии процессуальных гарантий

против злоупотребления уголовным преследованием.

Таким образом, уголовная политика в сфере предпринимательской деятельности должна исходить из презумпции недопустимости криминализации обычного хозяйственного риска и из допустимости уголовно-правовой реакции лишь в отношении доказанной криминальной модели поведения. Только такой подход позволяет одновременно защищать экономический оборот и сохранять принципиальные пределы уголовной репрессии.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/3F6aff> (дата обращения: 22.02.2026)

[2] О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: пост. Пленума ВС РФ от 18.11.2004 N 23 (ред. от 07.07.2015) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/3R4ZCA> (дата обращения: 02.02.2026)

[3] См., напр.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. Нечаев А. Д. Криминализация экономических деяний: пределы и основания // Российский судья. 2021. № 7. С. 32–37; Антонов А. Д. Уголовно-правовые риски предпринимательской деятельности. М.: Юрлитинформ, 2020; Мальцагов И. Д. Экономическая преступность как объект уголовно-правовой и криминологической оценки // Законность. 2022. № 4. С. 18–24; Гельдибаев М. Х. Проблемы уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 25–29.

[4] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: пост. Пленума ВС РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/3R4ZHF> (дата обращения: 02.02.2026)

[5] По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: пост. Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 N 32-П // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/3R4Zfm> (дата обращения: 28.12.2025)

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001

N 174-ФЗ, ст. 108, ч. 1.1. (ред. от 08.03.2026) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/3R4ZjH> (дата обращения: 10.03.2026)

[7] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: пост. Пленума ВС РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 27.05.2025) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/3R4aJ8> (дата обращения: 28.12.2025)

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 13.06.1996 of 63-FZ (as amended by 20.02.2026) //Consultant-Plus Reference and Legal System [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/3F6aff> (access date: 22.02.2026)

[2] On judicial practice in cases of illegal business: post. Plenum of the RF Armed Forces of 18.11.2004 No. 23 (as amended by 07.07.2015) // Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/3R4ZCA> (access date: 02.02.2026)

[3] See, for example: Korobeev A.I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph. M.: Yurлитinform, 2019. Nechaev A.D. Criminalization of economic acts: limits and grounds// Russian judge. 2021. № 7. S. 32-37; Antonov A. D. Criminal law risks of entrepreneurial activity. M.: Yurлитinform, 2020; Maltsagov I. D. Economic crime as an object of criminal law and criminological assess-

ment//Legality. 2022. № 4. S. 18-24; Geldibaev M. Kh. Problems of criminal legal protection of entrepreneurial activity//Russian justice. 2020. № 11. S. 25-29.

[4] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: post. Plenum of the RF Armed Forces of 30.11.2017 No. 48 (as amended by 15.12.2022) //Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/3R4ZHF> (access date: 02.02.2026)

[5] In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: post. of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014 N 32-P//Consultant-Plus Reference and Legal System [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/3R4Zfm> (access date: 28.12.2025)

[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. Law of 18.12.2001 N 174-FZ, Art. 108, part 1.1. (as amended by 08.03.2026) //Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/3R4ZjH> (access date: 10.03.2026)

[7] On the practice of the courts of applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions: post. Plenum of the RF Armed Forces of 19.12.2013 No. 41 (as amended by 27.05.2025) // Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: <https://clck.ru/3R4aJ8> (access date: 28.12.2025)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОЧЕСОКОВА Залина Хазраталиевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказский Институт повышения квалификации филиал
Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНКУРЕНЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье проводится углублённое исследование конкуренции уголовно-правовых норм в контексте квалификации насильственных преступлений как одной из наиболее проблемных сфер уголовного права. Выявляются причины отсутствия единообразия в разграничении смежных составов преступлений, анализируются типичные квалификационные ошибки в правоприменительной практике, а также предлагается алгоритм устранения таких ошибок для повышения качества квалификации. Особое внимание уделяется современным законодательным изменениям и судебным подходам высших инстанций за 2022–2026 гг.

Ключевые слова: конкуренция уголовно-правовых норм; квалификация насильственных преступлений; смежные составы преступлений; судебная практика; правоприменительная ошибка.

KOCHESOKOVA Zalina Khazrataliyeva,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Disciplines
North-Caucasian Institute for Advanced Studies,
a branch of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia, Nalchik, Russia

COMPETITION OF CRIMINAL NORMS IN THE QUALIFICATION OF VIOLENT CRIMES: PROBLEMS OF THEORY AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article provides an in-depth study of the competition of criminal law norms in the context of the qualification of violent crimes, which remains one of the most challenging areas in criminal law. The causes of the lack of uniformity in distinguishing related crime elements are identified; typical qualification errors in law enforcement practice are analyzed, and an algorithm for eliminating such errors is proposed to improve the quality of crime classification. Special attention is given to recent legislative changes and supreme judicial approaches from 2022 to 2026.

Key words: competition of criminal law norms; classification of violent crimes; related crimes; judicial practice; law enforcement error.

Современное состояние уголовного законодательства Российской Федерации характеризуется усложнением структуры Особенной части УК РФ, активным развитием квалифицирующих и привилегированных составов, а также усилением дифференциации уголовной ответственности за насильственные посягательства. В этих условиях особую значимость приобретает проблема конкуренции уголовно-правовых норм, которая наиболее ярко проявляется при квалификации насильственных преступлений

против личности, общественной безопасности и половой неприкосновенности.

Насильственные преступления традиционно занимают значительное место в структуре регистрируемой преступности и отличаются повышенной общественной опасностью. При этом многие составы преступлений содержат сходные элементы объективной стороны — применение физического насилия, угрозу его применения, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, использование оружия или

иных предметов. Такая нормативная «плотность» создаёт объективные предпосылки для конкуренции норм и затрудняет разграничение смежных составов преступлений. Особенно часто проблемы возникают при соотношении убийства и иных насильственных преступлений против личности, при разграничении причинения вреда здоровью различной степени тяжести, а также при квалификации деяний, сопряжённых с половыми преступлениями.

В научной литературе последних лет подчёркивается, что отсутствие единообразия при разграничении смежных составов преступлений обусловлено как несовершенством формулировок отдельных норм, так и различиями в интерпретации оценочных признаков (например, «опасность для жизни», «особая жестокость», «беспомощное состояние») [1; 3; 6]. При этом разъяснения высших судебных инстанций Российской Федерации направлены на устранение подобных противоречий, однако анализ судебной практики свидетельствует о сохранении расхождений в квалификации сходных по фактическим обстоятельствам деяний.

Теоретические основы и виды конкуренции норм

Проблема конкуренции уголовно-правовых норм традиционно рассматривается в доктрине уголовного права как частный случай более общего вопроса о пределах уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния. Конкуренция возникает в тех ситуациях, когда одно и то же фактическое обстоятельство формально подпадает под признаки двух или более норм. Особенной части УК РФ, однако применению подлежит лишь одна из них. Тем самым речь идёт не о множественности преступлений, а о необходимости правильного выбора нормы, наиболее полно и точно отражающей характер и степень общественной опасности содеянного.

В условиях насильственных преступлений это соотношение приобретает особую значимость, поскольку многие составы строятся по модели «базовый состав — квалифицированный состав», а также предусматривают специальные разновидности посягательств, отличающиеся способом совершения или характеристиками потерпевшего. Теоретически приоритет специальной нормы не вызывает сомнений; однако на практике нередко возникают затруднения в определении того, действительно ли норма обладает признаком специальности либо речь идёт о самостоятельном составе с иным непосредственным объектом посягательства.

Отдельного внимания заслуживает конкуренция нескольких специальных норм, каждая из которых в равной степени претендует на приме-

нение. Подобные случаи характерны для насильственных преступлений, сопряжённых с иными противоправными действиями, когда законодатель предусматривает различные квалифицирующие признаки в разных составах [4; 10]. Теоретически разрешение такой конкуренции предполагает сопоставление непосредственного объекта посягательства, направленности умысла и совокупности последствий. Однако единообразие в применении данных критериев в правоприменительной практике отсутствует, что подтверждается анализом современных научных публикаций [2; 6].

Проблемы теории и правоприменения

Проблематика конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации насильственных преступлений проявляется прежде всего в отсутствии единообразной методологии их разграничения. Несмотря на разработанность теоретических положений о соотношении общей и специальной нормы, части и целого, а также нескольких специальных норм, их применение на практике нередко носит фрагментарный характер. В реальной правоприменительной деятельности следователь или судья зачастую исходит не из системного анализа состава преступления, а из формального совпадения отдельных признаков, что и порождает ошибки квалификации.

Особенно заметно это при оценке насильственных деяний, где ключевым элементом является характер и степень общественной опасности применённого насилия. Одни и те же фактические обстоятельства — причинение вреда здоровью, использование предметов в качестве оружия, нанесение множественных ударов — могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от того, какое значение придаётся последствиям и направленности умысла. В результате возникают ситуации, когда деяние квалифицируется либо как самостоятельное преступление против личности, либо как квалифицирующий признак более тяжкого состава. Подобная вариативность подходов подрывает принцип правовой определённости.

Типичные квалификационные ошибки

На основании анализа актуальных материалов уголовно-правовой доктрины и судебной практики 2022–2026 гг. можно с уверенностью утверждать, что ошибки квалификации насильственных преступлений остаются частым явлением. Эти ошибки возникают как в органах предварительного расследования, так и в судах, и отражают недостаточное согласование теоретико-правовых подходов с практикой применения норм Особенной части УК РФ.

Одной из наиболее распространённых ошибок является неправильное разграничение между

нормами, регулирующими побои (ст. 116 УК РФ) и причинение лёгкого или тяжкого вреда здоровью (ст. 115 или ст. 111 УК РФ). На практике следователь или судья зачастую квалифицирует деяние как побои, даже если по фактическим обстоятельствам имели место действия, повлекшие более серьёзные последствия для здоровья потерпевшего или имевшие признаки умышленности на причинение значительных страданий. Анализ практики показывает, что в ряде дел суды оставляли обвинительные приговоры по ст. 116 УК РФ, не учитывая достаточных признаков тяжкого вреда, изложенных в диспозиции другой нормы, что в дальнейшем приводило к отмене решений вышестоящими инстанциями [7, 8]. Это свидетельствует о том, что оценочные признаки объективной стороны часто интерпретируются без учёта совокупности доказательств.

Ещё один типичный пример — смешение понятий побоев и иных насильственных действий, когда отдельные эпизоды нанесения ударов или толчков классифицируются по одной норме, хотя фактически объективная сторона содержит признаки, характерные для более тяжких составов. В практике имеются случаи, когда суды квалифицировали бросание предметов в потерпевшего как побои, тогда как подобные действия могли свидетельствовать о наличии иных насильственных действий, что требует более строгого правового определения [8, 9].

Кроме того, часто отмечается квалификация с «запасом» — когда следователь излишне усматривает признаки более тяжкого преступления в надежде, что суд переqualифицирует деяние на менее тяжкую норму [9]. Такая тактика может казаться оправданной стремлением к максимальной защите интересов потерпевшего, однако она создаёт риски нарушения принципа презумпции невиновности и впоследствии приводит к отмене приговоров в кассационных инстанциях.

Проблемы также возникают в случаях, когда деяние включает элементы, характерные для нескольких составов, но правоохранитель выбирает наиболее тяжкую норму без полной аргументации такого выбора. Например, при наличии признаков угрозы и фактического применения насилия следствие иногда квалифицирует действия по более тяжкой статье, не учитывая альтернативного характера поведения обвиняемого и обстоятельств, исключающих квалификацию как умышленного серьёзного преступления. Такая неопределённость в применении оценочных критериев свидетельствует о необходимости более чётких указаний судебной практики и разъяснений высших судебных инстанций, чтобы устранить субъективные интерпретации при квалификации насильственных преступлений.

Предлагаемый алгоритм устранения ошибок

Выявленные в судебной практике квалификационные расхождения свидетельствуют о том, что формального знания правил разрешения конкуренции норм недостаточно. Необходима последовательная методологическая модель, позволяющая правоприменителю логически выстроить процесс уголовно-правовой оценки насильственного деяния и минимизировать риск ошибочной квалификации. Речь идёт не о механическом наборе этапов, а о структурированном аналитическом подходе, который соединяет положения доктрины с разъяснениями судебной практики.

Первоначальным и принципиально важным этапом выступает формирование полного фактического основания уголовно-правовой оценки. Практика показывает, что значительная часть ошибок обусловлена фрагментарным анализом обстоятельств дела, когда отдельные эпизоды насилия рассматриваются изолированно, без установления их направленности, продолжительности, интенсивности и взаимосвязи. Между тем именно совокупность объективных признаков позволяет определить, является ли насилие самостоятельным преступлением либо элементом более сложного состава.

Далее следует этап юридической реконструкции состава преступления, предполагающий последовательное сопоставление установленных фактов с признаками конкретных норм Особенной части УК РФ. Важно исходить из анализа непосредственного объекта посягательства и характера причинённого вреда. Именно объект посягательства в большинстве случаев позволяет разграничить конкурирующие нормы и избежать подмены конкуренции норм совокупностью преступлений. Игнорирование этого критерия нередко приводит к двойной инкриминации либо, напротив, к неоправданному «поглощению» самостоятельного состава.

Особое значение имеет выявление характера соотношения норм: находятся ли они в отношении общей и специальной, части и целого либо представляют собой несколько специальных норм, претендующих на применение. На этом этапе правоприменителю следует руководствоваться принципом приоритета специальной нормы, а также требованием полноты охвата общественно опасного деяния. Если одна норма полностью отражает фактические обстоятельства и включает в себя признаки другой, дополнительная квалификация недопустима. Такой подход последовательно поддерживается в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, ориентирующих суды на исключение избыточной квалификации.

Следующим аналитическим шагом является оценка субъективной стороны содеянного. Практика показывает, что именно неверное определение направленности умысла нередко приводит к ошибочному выбору нормы [13]. Для насильственных преступлений принципиально важно установить, охватывались ли умыслом последствия в виде причинения тяжкого вреда или смерти, либо насилие выступало средством достижения иной цели. Корректное установление субъективных признаков позволяет избежать как необоснованного ужесточения квалификации, так и её неоправданного смягчения.

Таким образом, предлагаемый алгоритм представляет собой последовательную модель уголовно-правовой оценки насильственных преступлений, основанную на принципах полноты, специальности и недопустимости двойной инкриминации. Его внедрение в деятельность органов предварительного расследования и судов способно повысить качество квалификации, обеспечить единообразие правоприменения и укрепить гарантии законности при разрешении конкуренции уголовно-правовых норм.

Заключение

Особую роль в формировании единообразного подхода играет правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлениях Пленума и обзорах судебной практики 2022–2026 гг. Высшая судебная инстанция последовательно ориентирует суды на необходимость точного установления объекта посягательства, направленности умысла и характера причинённого вреда, а также на исключение двойной квалификации при наличии единого сложного состава преступления. Вместе с тем анализ судебных актов свидетельствует, что данные разъяснения не всегда реализуются в полной мере, что подтверждает актуальность дальнейшей методологической разработки проблемы.

Список литературы:

[1] Акимова Е.В. Конкуренция уголовно-правовых норм: современные проблемы теории и практики // Российский судья. 2023. № 9. С. 18–23.

[2] Боровиков В.Б. Разграничение конкуренции норм и совокупности преступлений в судебной практике 2022–2024 гг. // Уголовное право. 2024. № 2. С. 45–53.

[3] Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений против личности: современные подходы и проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 97–110.

[4] Журавлёв А.А. Оценочные признаки насильственных преступлений и их влияние на квалификацию // Законность. 2025. № 3. С. 34–39.

[5] Кукасов М.В. Конкуренция специальных норм в Особенной части УК РФ // Вестник Востоčno-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (94). С. 112–119.

[6] Лопашенко Н.А. Проблемы квалификации насильственных преступлений в свете изменений уголовного законодательства 2022–2025 гг. // Российский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 4. С. 56–64.

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 10.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 19 «О применении судами законодательства об ответственности за преступления против личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.

[10] Смирнова О.В. Типичные квалификационные ошибки при расследовании насильственных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. С. 73–80.

[11] Тарасова И.А. Принцип специальности при разрешении конкуренции уголовно-правовых норм // Государство и право. 2022. № 12. С. 121–130.

[12] Шаповалова К.С. Конкуренция части и целого при квалификации преступлений против жизни и здоровья // Российский следователь. 2025. № 8. С. 27–33.

[13] Машекуашева М.Х. О некоторых факторах трансформации форм терроризма: влияние глобализационных процессов. Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2024. Т. 1. № 13. С. 212–217.

References:

[1] Akimova E.V. Competition of criminal law: modern problems of theory and practice//Russian judge. 2023. № 9. S. 18-23.

[2] Borovikov V.B. Delimitation of competition of norms and the totality of crimes in judicial practice 2022-2024//Criminal law. 2024. № 2. S. 45-53.

[3] Gaukhman L.D. Qualification of crimes against the person: modern approaches and problems of law enforcement//Journal of Russian Law. 2022. № 11. S. 97-110.

[4] Zhuravlev A.A. Estimated signs of violent crimes and their impact on qualifications//Legality. 2025. № 3. S. 34-39.

[5] Kukasov M.V. Competition of special norms in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1 (94). S. 112-119.

[6] Lopashenko N.A. Problems of qualification of violent crimes in the light of changes in criminal legislation 2022-2025//Russian Criminological Journal. 2025. VOL. 19. № 4. S. 56-64.

[7] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023)//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 7.

[8] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2024)//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2024. № 10.

[9] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2023 No. 19 "On the application by the courts of legislation on responsibility for crimes against the person "//Bulle-

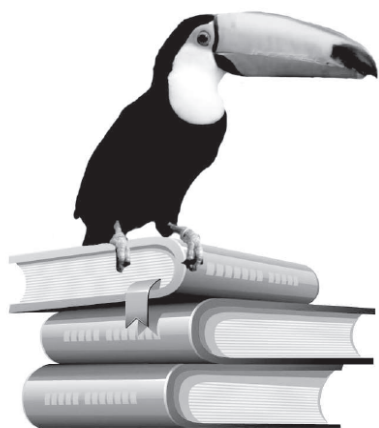
tin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 9.

[10] Smirnova O.V. Typical qualification errors in the investigation of violent crimes//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 6. S. 73-80.

[11] Tarasova I.A. The principle of specialty in resolving the competition of criminal law//State and law. 2022. № 12. S. 121-130.

[12] Shapovalova K.S. Competition of part and whole in the qualification of crimes against life and health//Russian investigator. 2025. № 8. S. 27-33.

[13] Mashekuasheva M.Kh. On some factors of transformation of forms of terrorism: influence of globalization processes. Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space. 2024. VOL. 1. № 13. S. 212-217.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАРДАНОВ Арсен Климович,
заместитель начальника кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
к.пед.н., полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Аннотация. Хулиганство и хулиганские побуждения схожи в части беспричинности (отсутствие повода или использование незначительного повода для совершения преступных действий), но они не равнозначны и соотносятся как общее и частное. Так, любое преступление, совершенное из хулиганских побуждений, предполагает наличие таких побуждений, однако не любые действия, совершенные из хулиганских побуждений, означают наличие признаков состава хулиганства и необходимость дополнительного вменения ст. 213 УК. При квалификации действий виновного нередко возникает вопрос, какая из конкурирующих статей подлежит вменению. Чтобы понять, как именно квалифицировать действия виновного при совершении им из хулиганских побуждений преступных действий против личности или имущества, следует определиться с понятиями хулиганства и хулиганских побуждений.

Ключевые слова: хулиганство, хулиганские действия, побуждения, ответственность, квалификация, причинение вреда.

KARDANOV Arsen Klimovich,
Deputy Head of the Department of State and Civil Law Disciplines
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Pedagogical Sciences, Police Colonel

TOPICAL ISSUES OF BRINGING RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF TRAFFIC RULES

Annotation. Hooliganism and hooligan motives are similar in that they are gratuitous (the absence of a motive or the use of an insignificant pretext for committing criminal acts), but they are not equivalent and are related as a general and specific matter. Thus, any crime committed out of hooligan motives presupposes the presence of such motives, but not all actions committed out of hooligan motives constitute elements of hooliganism and require additional imputation under Article 213 of the Criminal Code. When qualifying the actions of the perpetrator, the question often arises as to which of the competing articles should be imputed. To understand how exactly to qualify the actions of the perpetrator when they commit criminal acts against a person or property out of hooligan motives, it is necessary to define the concepts of hooliganism and hooligan motives.

Key words: hooliganism, hooligan actions, motives, responsibility, qualification, causing harm.

Введение

Уголовный кодекс РФ помимо ст. 213, устанавливающей уголовную ответственность за хулиганство, содержит ряд статей, диспозиция которых предусматривает ответственность за преступления, совершенные из хулиганских побуждений. При квалификации действий виновного нередко возникает вопрос, какая из конкурирующих статей подлежит вменению.^[1] Возможны следующие варианты:

- вменение только хулиганства (ст. 213 УК);
- вменение совокупности преступлений (ст. 213 и иной статьи УК, предусматривающей ответственность за совершение преступления из хулиганских побуждений);
- вменение только статьи, предусматривавшей уголовную ответственность за совершение деяний из хулиганских побуждений (например, п. «и» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 111 УК и пр.).^[1]

Чтобы понять, как именно квалифицировать действия виновного при совершении им из хулиганских побуждений преступных действий против личности или имущества, следует определиться с понятиями хулиганства и хулиганских побуждений.

Согласно ст. 213 УК хулиганством является грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов в качестве оружия или совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды или по мотивам ненависти или вражды к какой-либо социальной группе.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иным преступлениям, совершенным из хулиганских побуждений» (далее – Постановление ВС № 45) указал, что явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.[2]

В том же Постановлении содержится определение хулиганских побуждений как умышленных действий, направленных против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

Хулиганство и хулиганские побуждения схожи в части беспричинности (отсутствие повода или использование незначительного повода для совершения преступных действий), но они не равнозначны и соотносятся как общее и частное. Так, любое преступление, совершенное из хулиганских побуждений, предполагает наличие таких побуждений, однако не любые действия, совершенные из хулиганских побуждений, означают наличие признаков состава хулиганства и необходимость дополнительного вменения ст. 213 УК.[3]

В связи с этим при совершении лицом преступлений из хулиганских побуждений применительно к трем перечисленным вариантам нужно исходить из следующего.

Если деяние содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК, при этом вред жизни и здоровью граждан не причинен, а также не было повреждено или уничтожено имущество и не были совершены действия, направленные на наступление указанных последствий, содеянное квалифицируется по ст. 213 УК.

Если действия содержат признаки состава хулиганства, но при этом был причинен вред здоровью потерпевшего или повреждено имуще-

ство, действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений, так как объективная сторона хулиганства не охватывает причинение насилия.

Применительно к данной ситуации в Постановлении ВС № 45 указано: «Имея в виду, что состав преступления, предусмотренный статьей 213 УК РФ, не содержит такого признака объективной стороны преступления, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того, что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях, когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности» (п.11).

Следует отметить, что при вменении хулиганства и деяния, совершенного из хулиганских побуждений, речь может идти как о реальной совокупности, так и об идеальной.

В качестве примера приведем приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 5 ноября 2019 г., которым подсудимый Ш. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 213 и ст. 116 УК.

Судом было установлено, что вечером 12 апреля 2019 г. Ш., находясь на проезжей части, беспричинно, из хулиганских побуждений, грубо нарушая общественный порядок, пренебрегая общественными нормами поведения, морали и нравственности, выражая явное неуважение к обществу, продиктованное желанием противопоставить себя окружающим, а также имея умысел на причинение вреда здоровью К., достал из кармана газовый пистолет и выстрелил им в лицо К., причинив физическую боль, телесные повреждения и нравственные страдания. Кроме того, он, используя малозначительный повод, произвел еще два выстрела в лицо К. из газового пистолета, причинив потерпевшему телесные повреждения в виде ссадины на передней области шеи и химического ожога конъюнктивы глаз легкой степени, которые согласно заключению экспертизы не были опасны для здоровья, не повлекли его кратковременного расстройства и незначительной стойкой утраты трудоспособности, поэтому были расценены как повреждения, не причинившие вреда здоровью.[4]

Как видим, суд квалифицировал действия виновного по совокупности преступлений, причем в данном случае наблюдается идеальная совокупность.

Другой пример демонстрирует реальную совокупность преступлений – по ст. 213 УК и статье, предусматривающей уголовную ответственность за преступление против личности, совершенное из хулиганских побуждений.

Как следует из приговора Тимирязевского районного суда г. Москвы от 29 августа 2018 г., подсудимый Н. был признан виновным по п. «а» ч. 1 ст. 213, пп. «д» и «з» ч. 2 ст. 111 УК.

Так, ночью 24 мая 2017 г. Н, находясь в состоянии алкогольного опьянения на детской площадке во дворе жилых домов г. Москвы, без какого-либо повода, беспричинно, из хулиганских побуждений, осознавая, что совершает свои действия публично, в общественном месте, грубо нарушая общественный порядок, игнорируя общественные нормы поведения (то есть выражая явное неуважение к обществу), понимая, что его действия создают угрозу для жизни и здоровья лиц, находящихся в то же время в том же месте, произвел не менее трех выстрелов (не менее одного из них – в сторону потерпевших) из имевшегося у него при себе пистолета бесствольного «ПБ-4-1 МЛ» калибра 18 х 45.

Согласно заключению эксперта, пистолет данного вида относится к огнестрельному оружию ограниченного поражения, входит в комплекс «ОСА» и предназначен для сдерживания или отражения группового и одиночного нападения.

Таким образом, Н. совершил хулиганство, то есть грубо нарушил общественный порядок с применением оружия. Кроме того, по заключению эксперта в результате выстрела он причинил одному из потерпевших телесное повреждение в виде ссадины ягодичной области - без вреда для здоровья.

Кроме того, затем он, действуя умышленно, из хулиганских побуждений, то есть на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение обвиняемого является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, осознавая общественную опасность своих действий, используя в качестве оружия неустановленный предмет, обладающий колюще-режущими свойствами, ударил другого потерпевшего в живот, причинив колото-резаное ранение, проникающее в брюшную полость. Данное повреждение было квалифицировано как тяжкий вред здоровью, создающий непосредственную угрозу жизни (в результате ранения потерпевший был госпитализирован).[5]

Цель и задачи

Рассмотрение вопросов разграничения составов противоправных деяний, совершенных из хулиганских побуждений.

Методы

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность изучения заданной тематики. Применение в рамках исследования эмпирических методов сбора, обобщения и анализа информации позволило осуществить качественный сбор актуального и обоснованного с практической точки зрения исследовательского материала.

Результаты

Таким образом, если лицом причинен вред здоровью из хулиганских побуждений или из этих же побуждений повреждено или уничтожено имущество, но при этом не было совершено действий, образующих состав хулиганства, действия подлежат квалификации по соответствующей статье УК, предусматривающей уголовную ответственность за совершение деяния из хулиганских побуждений. При этом разграничение хулиганства и действий из хулиганских побуждений следует производить в зависимости от содержания и направленности умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных деяний.

В качестве примера рассмотрим приговор Тимирязевского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2011 г., согласно которому подсудимый Г. был признан виновным по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК (умышленное причинение из хулиганских побуждений легкого вреда здоровью, вызвавшего его кратковременное расстройство).[6]

Согласно приговору ночью 12 декабря 2010 г. Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения в подъезде жилого дома, подошел к потерпевшему, который находился в сильном алкогольном опьянении, и воспользовавшись тем, что тот в силу физического состояния не мог оказать сопротивление или вступить с кем-либо в конфликт, затащил его в кабину лифта. Когда двери лифта закрылись, Г. с целью унижения человеческого достоинства потерпевшего и его оскорбления снял с него одежду, включая нижнее белье, спустился вместе с потерпевшим на первый этаж и вытолкал его из лифта, беспричинно, из хулиганских побуждений, умышленно стал жестоко избивать ногами и руками по голове и телу, включая паховую область. Тем самым он причинил находившемуся в бессознательном состоянии потерпевшему телесные повреждения, которые по признаку кратковременного расстройства здоровья на срок менее 21 дня были квалифици-

рованы как легкий вред здоровью; а также повреждения, не причинившие вреда здоровью потерпевшего как в отдельности, так и в совокупности.[7]

Заключение

На практике органы предварительного расследования зачастую пытаются вменить хулиганство даже тогда, когда отсутствуют действия, составляющие объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 213 УК, либо грубое нарушение общественного порядка не отхватывается умыслом лица, совершившего деяние. При этом сторона обвинения нередко расценивает совершение преступления из хулиганских побуждений как предполагающее необходимость дополнительного вменения хулиганства. Понимание правового смысла состава преступления «хулиганство» и квалифицирующего признака «из хулиганских побуждений», а также соотношения между ними как общего и частного поможет в разграничении и правильной квалификации деяний в случаях конкуренции норм.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) / Ст.ст. 105, 111, 213.
- [2] Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иным преступлениям, совершенным из хулиганских побуждений».
- [3] Векленко С. В. Уголовно-правовые меры борьбы с хулиганством. М.: ЦИИНМОКП МВД России, 1999. С.46.
- [4] Иванов Н. Хулиганство проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 31.нскп
- [5] Еркубаева, А. Ю. Личность преступника, совершившего хулиганство и преступления из

хулиганских побуждений // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 800-802.

[6] Мишина Ю. В. Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 42-49.

[7] Ходыкин, А. К. Проблемы квалификации по статье «Хулиганство» // Актуальные вопросы юридических наук : материалы XIX Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2022 г.). Казань : Молодой ученый, 2022. С. 7-10.

References:

- [1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 20.02.2026) /Art. 105, 111, 213.
- [2] The Supreme Court of the Russian Federation in the Resolution of the Plenum of November 15, 2007 No. 45 "On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives."
- [3] Veklenko S.V. Criminal legal measures to combat hooliganism. M.: TslinMOKP of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. S.46.
- [4] Ivanov N. Hooliganism qualification problems//Russian justice. 1996. № 8. S. 31.nskp
- [5] Erkubaev, A. Yu. The identity of the criminal who committed hooliganism and crimes out of hooligan motives//Young scientist. 2013. № 6 (53). S. 800-802.
- [6] Mishina Yu. V. Problematic aspects of bringing to administrative responsibility for petty hooliganism//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2021. T. 7 (73). № 3. S. 42-49.
- [7] Khodykin, A.K. Problems of qualification under the article "Hooliganism" //Actual issues of legal sciences: materials of the XIX International. scientific. conf. (Kazan, June 2022). Kazan: Young scientist, 2022. S. 7-10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-282-288

БАГЫЛЛЫ С.Т.,
Доцент кафедры гражданского и
административного судопроизводства
РГУП им. В.М. Лебедева (г. Москва),
к.ю.н., доцент, профессиональный медиатор,
e-mail: mail@law-books.ru

«УНИВЕРСАЛЬНЫЙ» ЮРИСТ: ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА

Юрист – образ мыслей и стиль жизни.

Аннотация. В статье анализируются позитивные и негативные аспекты универсальности юридической профессии. На основе научной и практической литературы раскрываются тенденции юридического образования.

Автором выделяется ряд факторов, влияющих в настоящее время на юриста: те, которые очевидны, и те, которые условно можно отнести к «подводным» камням. Постоянные изменения в сфере образования, динамика внутри самой профессии юриста, бесчисленное количество дополнительного профессионального образования, запросы работодателя, проблемы трудоустройства, влияние искусственного интеллекта – следует относить к очевидным факторам, воздействующим на юриста сегодня. Качество образования, запрос общества, заимствование опыта других государств – всё это неочевидные препятствия, с которыми сталкивается юрист.

По итогам исследования автор приходит к следующим выводам. Сегодня профессия юриста переживает непростой период постоянных реформ. Только системный подход в части изменений от качества образования до формирования взаимодействия в области искусственного интеллекта, в том числе на международном уровне, поможет профессии стать востребованной в будущем.

Ключевые слова: профессия юрист, юриспруденция, образование, общество, искусственный интеллект.

BAGYLLY S.T.,
Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure
at the V.M. Lebedev Russian State University of Justice (Moscow),
PhD in Law, Associate Professor, and professional mediator

THE “UNIVERSAL” LAWYER: SOCIETY’S CHALLENGES

Annotation. The article analyzes the positive and negative aspects of the universality of the legal profession. Based on scientific and practical literature, the article reveals the trends in legal education.

The author highlights a number of factors that currently affect a lawyer: those that are obvious and those that can be considered “hidden” pitfalls. The constant changes in the field of education, the dynamics within the legal profession itself, the numerous opportunities for additional professional education, the demands of employers, the challenges of employment, and the impact of artificial intelligence are all factors that affect a lawyer today. The quality of education, the demands of society, and the adoption of best practices from other countries are all hidden obstacles that lawyers face.

Based on the results of the study, the author comes to the following conclusions. Today, the legal profession is going through a challenging period of constant reforms. Only a systematic approach to changes in the quality of education and the formation of interaction in the field of artificial intelligence, including at the international level, will help the profession become in demand in the future.

Key words: legal profession, law, education, society, artificial intelligence.

Введение

Юридическая профессия длительный период своего существования основывалась на презумпции «универсальности». Традиционно, выпускник вуза, освоивший пять лет обучения, а потом в связи с реформой – шесть лет, считался подготовленным к работе в любой сфере от юриста в юридическом отделе компании до специалиста в области защиты прав в суде по всем категориям дел.

В действительности – это всегда было далеко от истины, а со временем этот огромный пробел между выпускником юридического вуза и юристом-специалистом в каждой сфере жизни, где требуются соответствующие знания и умения, всё больше увеличивался и продолжает увеличиваться.

Современный период развития юридической профессии характеризуется тем, что так называемая «универсальность» имеет как позитивный, так и негативный оттенок.

С одной стороны, юрист – знаток во всём, с другой стороны – никакой конкретики. Общество столкнулось с тем, что на рынке переизбыток юридических кадров. А получение диплома юриста – некая фикция, от которой можно идти по жизни дальше. Отсюда выработалось и неуважительное отношение к профессии.

Вместе с тем, не следует забывать, что профессия юриста (правоведа) пережила не одно столетие. Труды великих ученых разных отраслей юридической науки: Васьковского Е.В., Гамбарова Ю.С., Гурвича М.А., Кони А.Ф., Лазарева Б.М., Строговича М.С. и др. составляют и сегодня ценность и фундаментальную основу современной юриспруденции.

Однако, в настоящее время присутствует общее состояние неопределённости, связанное с необходимостью получения профессии юриста.

Это следует связывать с рядом очевидных факторов и тех, которые условно можно считать «подводными» камнями, создающими препятствия для выбора профессии юриста.

Основная часть

Постоянные изменения в сфере образования, динамика внутри самой профессии юриста, бесчисленное количество дополнительного профессионального образования, запросы работодателя, проблемы трудоустройства, влияние искусственного интеллекта (ИИ) – всё это очевидные факторы, оказывающие некий прессинг на юриста сегодня.

Рассмотрим эти факторы подробнее.

Проблема формирования «универсального» юриста корениться в системе высшего образования. Анализ Федеральных государственных обра-

зовательных стандартов (ФГОС) показывает, что они ориентированы на те самые «универсальные компетенции» (УК) и «общепрофессиональные компетенции» (ОПК) [1], что и подменяет узкопрофессиональную подготовку.

27 ноября 2025 года Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проводил Всероссийское методологическое совещание преподавателей кафедр цивилистической процессуальной направленности «Модель подготовки судебного юриста: уровень специализированного высшего образования» [2]. В рамках этого мероприятия обсуждались доклады участников (представители Южного федерального университета, ФГБОУ ВО «СГЮА», Юго-Западного государственного университета и др.) и среди проблем юридического образования авторами выделялись: неприменение интерактивных методов работы, разрыв между теорией и практикой в обучении, консерватизм обучения, базирование обучения на теории и кодексах.

Вместе с этим, следует заметить, что порой доля фундаментального теоретического образования снижается, поскольку это становится неинтересным и скучным, исходя из запросов обучающихся.

В связи с чем, установки в образовании меняются в сторону узконаправленного юриста-специалиста, не имеющего надлежащей теоретической базы.

Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ в последние годы формирует относительно новую концепцию. Анализ судебной практики показывает, что знание закона сегодня перестало быть гарантией успешного исхода в рассматриваемом деле. Так, например, суд отказал в защите лицу, формально соблюдавшему положения закона, но действовавшего не в соответствии с его смыслом, связанным с понятиями «разумности и добросовестности» [3]. Обозначенное свидетельствует о том, что и судебная практика оказывает отдельное влияние на компетентность юриста.

В науке появился термин «дипломомании» среди желающих получить юридическое образование, и её последствия, как отмечается, неутешительны [4]. В этой связи логичным становится вопрос для активистов позиции введения адвокатской монополии: не обернётся ли такой же проблемой идея, для юристов, желающих представлять интересы в судах, рождением нового направления «адвокатоманий»?

На взгляд автора, если и рассуждать о монополии, то вопрос в этой плоскости значительно глубже и связан он с мыслями о монополии юристов и впуском в круг «избранных» – профессионалов представителей сферы юриспруденции, т.е. тех, кто выбрал путь становления

юристом. Проблема «профессионализации» vs «монополизации»: поиск баланса в регулировании.

Влияние ИИ. Здесь следует рассуждать о двух моментах.

Во-первых, внедрение систем ГАС «Правосудие», «Мой арбитр» внесли корректировки в навыки современных юристов. Они участвуют в процессах дистанционно, пользуются разными тонкостями электронного документооборота, разбираются с возможностями представления доказательств онлайн, отдают право ИИ составлять заявление в суд и т.п. Консерватизму здесь уже не место и поднимается проблема неконкурентоспособности «простого» юриста.

Во-вторых, различные помощники в виде нейронных сетей, умных машин и пр. – в разы быстрее обрабатывают, анализируют и систематизируют информацию. Отсюда можно сделать вывод, что посредственный выпускник также не конкурент ИИ.

Остро встаёт проблема квалификации.

Здесь, казалось бы, на помощь юристу приходит дополнительное профессиональное образование (ДПО).

Безусловно, тут следует упомянуть о разнице, когда субъект уже обладает основным юридическим образованием и пониманием всех процессов юриспруденции и на него наслаивает дополнительные знания — это одна история.

Другая, печальная сторона, связана с тем, что человек вообще не имеет представления о юридической профессии и путём собирания дипломов ДПО становится «экспертом» юриспруденции.

Направление с пропагандой курсов от различных ИП и от вузов с именем – это также отдельное направление для анализа. Сегодня известно множество дел в судебной практике, связанных с возвратом денег за некачественную образовательную услугу и их количество растёт с каждым годом [5].

Запросы работодателя от системы образования в получении юридического кадра.

Вариант А, когда работодатель получает работника юриста по первому образованию.

Работодателю наименее интересны оценки в дипломе. Его волнуют аспекты юридической, процессуальной грамотности, правовое мышление, умение формулировать правовые позиции, в случаях, когда есть такой запрос и ответственность за эту правовую позицию, нивелирующую риски для работодателя, при этом неважно речь идёт о бизнесе или о госслужбе.

Вариант Б, когда работодатель отправляет своего работника (инженера, экономиста, врача и т.д.) для получения юридического образования – юрист по второму образованию.

Здесь включаются ещё и затраты работодателя для обучения и получения интересующего кадра. А это означает специалиста из той области, откуда указанный кадр направляется на обучение. При этом, направляемый на обучение сотрудник для работодателя – инвестиция в будущее.

В обоих вариантах сегодня работодатель получает, в основном, широкопрофильного выпускника.

Отсюда и следующая проблема слабо развита вопрос трудоустройства.

Нет статистики, кто устроился по обучаемому профилю. Насколько этот профиль ответил на запрос обучающегося и работодателя. Вместе с тем, есть обзор по рынкам труда, заработных плат, рейтингов вузов [6].

По итогам сессии XIII Петербургского Международного ЮрФорума-2025 «Будущее юридического образования: адаптация к новым вызовам и возможностям» [7] было подготовлено экспертное заключение с предложением целевого обучения юристов по аналогии с врачами.

Подогревается вопрос со снижением трудоустройства ещё и таким моментом, когда лица, нуждающиеся в юридической услуге, сами проявляют активность, изучая свой вопрос и вроде бы, опираясь на все материалы, которые есть в открытом доступе, находят альтернативные механизмы обеспечения себя юридическими услугами. В таком случае вопрос качества услуги ограничивает максимальную реализацию защиты этих лиц. Ведь лицу могут быть и неизвестны нюансы работы по спорным моментами.

Следует отметить, что внутри юридической профессии тоже происходят изменения, что очевидно также не может остаться незамеченным.

Например, классическое образование выстроено на защите нарушенных или нарушаемых прав, которые должно защищаться в суде непременно и до последних сил. Новый виток в развитии института медиации, который пытается прижиться в России с момента принятия федерального закона от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» меняет такой подход к разрешению конфликта. В профессии постепенно стараются сместить акцент на тактику переговоров, примирения, досудебного урегулирования споров даже там, где об этом в принципе не могло быть и речи (например, в налоговых спорах [8]).

Движение в профессии происходит от позиции борьбы к позиции сотрудничества.

Юрист стратег, коммуникатор и коммуникативный, тренер, внимательный к деталям, со здоровыми амбициями, любознательный, умею-

щий трансформироваться, способный понимать и работать в смежных сферах [9], — всё это новый портрет юриста будущего.

Ввиду вышеизложенного следует резюмировать, что снижение престижа профессии юриста и интереса к ней, с сожалением имеет место быть.

Далее проанализируем неочевидные препятствия, с которыми сталкивается юрист. К таковым следует отнести: качество образования, запрос общества, вопросы заимствования опыта других государств.

Образование - первое неочевидное препятствие. Глубокий вопрос тут кроется в предметах, которые изучаются в течении всего периода обучения в вузе по направлению юриспруденции, судебного и прокурорского надзора и др. на программах бакалавриата и магистратуры, а также специалитета. Часть необходимых предметов не изучается, а часть ненужных, соответственно, изучается. Чего не хватило для базы, к сожалению, выпускникам приходится добирать через курсы, о качестве которых иногда приходится спорить в судах. Конечно, не следует «отнимать хлеб» у ДПО, однако по факту, оно начинает затмевать основное образование. Подобного не должно быть.

Весьма проблемным становится уровень магистратуры. Вопрос о её видах и их количестве, самое важное – качество, висит в воздухе с момента создания магистратур в России. Отдельная проблема в этом контексте, обучение в магистратуре студентов без базового юридического образования. По итогу совершенно правильно возникает вопрос о качестве кадра под названием «юрист». Особняком поднимается тема применения обычных методов обучения в случаях дистанционного формата образования. Подобное должно стать недопустимым.

Вторым подводным камнем становится запрос общества. Какие юридические кадры нужны? Что они должны знать, уметь, делать?

У бизнеса – это один запрос, у госструктур — это другой запрос, у общества в целом это может быть и третий вид запроса, исходя из обстоятельств.

Любой запрос от любого субъекта должен тщательно анализироваться и образование в этом плане не может строиться и прогибаться под всеобщее настроение. Речь идёт об обучении специалиста в области защиты прав, и знания, получаемые им, должны быть фундаментальными, ведь юристы защищают ценности общества.

Например, ранее судебная практика ориентировалась на наличие договора (трудового или иного) или его отсутствие и, исходя из этого, суд

выносил решение о наличии трудовых отношений. Но тенденция перехода от формализма при рассмотрении этой категории дел стала уже преобладающей [10]. При этом, если бы практико-ориентированность была бы более востребована, тогда, например, периодическое повышение квалификации судей [11] потеряло бы смысл. Ведь, на занятиях у судей возникают вопросы как соотносится тот или иной практический вопрос с теорией процесса, с теорией материального права и т.д. Значит обучать исключительно практико-ориентированных юристов не следует считать рациональным подходом при формировании программы обучения юристов.

Заимствование опыта других государств. Этот аспект также следует относить к подводным камням. Ведь, как правило, нельзя констатировать, что весь заимствованный опыт в полной мере отвечает требованиям российского общества, идёт ли речь об образовании, копировании норм или иного опыта. Например, 18 ноября 2025 года был представлен, а позднее с корректировками принят, Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, связанный с адаптацией отечественной судебной системы к изменившимся международным обязательствам. Документ предусматривал внесение корректировок в ряд постановлений Пленума ВС РФ, принятых в период с 1999 по 2019 годы, а также в постановления действовавшего ранее ВАС РФ [12].

С периодичностью затрагивается вопрос об адвокатской монополии и заимствовании моделей адвокатской монополии по опыту стран Европы и СНГ. Возникает вполне логичный вопрос: а стоит ли заимствовать?

Как верно отмечается в науке, «анализ российского законодательства конца XIX и конца XX в. позволяет утверждать если не об идентичности, то о схожести основных проблем в его развитии: общая ориентированность на западноевропейскую правовую систему, а в итоге неэффективность правовых норм на практике. В данном случае уместно вспомнить о повторяемости истории, а российской - в особенности, и о необходимости учитывать ошибки прошлых лет, в том числе в области правотворчества» [13].

Заключение

Настоящее время для юридической профессии является сложным. Огромное количество выпускников юридических вузов не отвечает спросу, что создаёт острый кадровый дефицит в качественных специалистах.

В связи с этим следует рассматривать вопрос о юристе – профессионале в системе (комплексе), начиная с изменения подхода к юридическому образованию.

Далее хотелось бы обозначить ряд направлений, связанных с тем, как видится можно было бы подкорректировать ситуацию с вызовом общества к универсальности профессии юриста.

1. Изменить подход в образовании.

Роль университетов в подготовке кадров для новой конфигурации юридического рынка велика.

Необходим поиск оптимального баланса: с одной стороны, интегрирование новых технологий и методик обучения для подготовки специалистов, способных работать в современном правовом поле, а с другой стороны – сохранение классического подхода и ценностей, которые лежат в основе права. У многих государств уже разработаны планы на преобразование юридического образования [14]. Разработать такой план следует и в России без копирования с учётом особенностей российской государственности.

2. Юрист как приложение к профессии, как язык, который мы изучаем.

В каждом вузе, исходя из его специфики необходимо ввести курс по повышению правовой грамотности. Основываясь на потребностях и профиле обучения, скомпоновать в нём ряд юридических дисциплин: изучение материи и процесса, вопросов защиты собственных прав в случаях их нарушения и т.д. Сегодня существуют вузы, в которых подобные дисциплины есть, однако, создание их не должно преследовать цель фикции, что имеет место быть. Ответственный подход к созданию таких дисциплин в непрофильных юридических вузах может решить, как минимум, две проблемы: повышение правовой грамотности и осознанное желание получить второе высшее юридическое образование.

3. Исключить из компетенции непрофильных вузов юридические факультеты. Вопросами подготовки кадров должны заниматься профильные вузы, ведь специалистов и опыта у них гораздо больше. Так, поступая в соответствующий вуз на факультет по подготовке кадров для судебной системы, для подготовки кадров для прокуратуры и т.д., абитуриент потенциально понимает свой маршрут. В свою очередь у таких профильных вузов также исключить другие факультеты условно, к примеру, иностранных языков, экономики, физической культуры. Этими факультетами также должны заниматься профильные вузы.

4. С учётом влияния и внедрения ИИ во сферы жизнедеятельности следует принять, что дистанционным формам образования необходимо развитие. Сегодня так называемый «дистант» — это зачастую ограниченный в возможностях вариант обучения для юридических профессий.

5. Понимание профессии юриста как «универсального» должно приобрести позитивный оттенок, с точки зрения качества.

Грамотный юрист в постановке речи устной и письменной, умеющий работать в команде, а значит умеющий сотрудничать, область его нравственных ориентиров прозрачна (как в работе с коллегой (юрист-адвокат, юрист-медиатор, юрист-арбитражный управляющий и т.д.), так и с клиентом), гибкий, умеющий владеть технологиями, в то же время вопрос его самосовершенствования и ответственность лежит на нем, а не на ошибках в реальных судебных делах и судьбах клиентов. Разве не это почти идеальный юрист? Вот тут уже меньше шансов придать негативный оттенок понятию «универсальный» юрист.

6. Юрист мыслящий – это тот субъект, который всегда будет на голову выше искусственного интеллекта. Конкурировать с ИИ бесполезно, а вот грамотное управление им, может создать конкуренцию среди юристов.

7. В условиях стремления к глобализации, расширения международных отношений, необходим юрист, коммуницирующий с международным сообществом – это сфера подготовки юридических кадров по окончании вузов объективно развита слабо. На рынке присутствует незначительное количество ВУЗов и студентов, которые учатся на международном профиле. Объективно и качество оставляет желать лучшего. Юристами-специалистами международного профиля выпускники становятся после окончания вуза, если будут активно искать работодателя, который взаимодействует по разным вопросам с другими государствами. Есть институты, которые ввиду этого также слабо развиваются в нашей правовой системе, и как следствие отсутствуют специалисты, например, институт трансграничной медиации.

8. В связи с обозначенными выше проблемами, самостоятельно хотелось бы обратить внимание на аспект эмоционального напряжения у преподавателя, взращивающего юриста, у обучающегося, а также у самих юристов на практике и у их работодателей.

9. Следует задуматься, в 1996 г. в сборнике научных трудов была опубликована статья Воловича Владимира Фёдоровича, советского и российского учёного, доктора юридических наук, профессора «Концепция развития высшего юридического образования Российской Федерации» [15]. Прошло 30 лет, ситуация, по сути, не изменилась.

Таким образом для перспективы исправления сложившейся ситуации вокруг профессии

юриста необходим исключительно комплексный и системный подход, следует помнить, что достижения юристов нельзя недооценивать. Имеющийся точечный подход к изменениям в жизни «юриста» в России – показал свою неэффективность. Необходимость в исключительно практико-ориентированном, узконаправленном юристе и других его видах – вопрос относительный. Сочетание образования, технологий и профессионализма позволит изменить отношение к профессии. Осознанный выбор профессии юриста должно стать основной целью преобразования.

Список литературы:

[1] См., например: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 г. №1011 (с изм. и доп.) Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция // СПС Гарант.

[2] Сателлитное мероприятие «Кутафинских чтений» в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

[3] Определение СКЭС ВС РФ от 31.03.2022 г. № 305-ЭС21-24306, А40 78186/2020 // СПС Консультант Плюс.

[4] Шафиров В.М. В защиту юридического образования // Российская юстиция. 2021. №2. С. 39 - 42.

[5] Определение СКГД ВС РФ от 22.10.2024г. № 4-КГ24-57-К1; Определение СКГД ВС РФ от 22.04.2025 г. № 5-КГ25-18-К2 и др. // СПС Консультант Плюс.

[6] Например, «Юриспруденция и комплаенс. Antal talent: исследование рынка труда и обзор заработных плат 2025-2026» // https://antaltalent.ru/wp-content/uploads/2025/12/Legal_brochure_25_26_Final.pdf (дата обращения 02.04.2026).

[7] Сайт: <https://roscongress.org/sessions/splf-2025-delovaya-programma-budushchee-yuridicheskogo-obrazovaniya-adaptatsiya-k-novym-vyzovam-i-vozmozhnostyam/discussion/> (дата обращения 03.12.2025).

[8] Распоряжение ФНС от 24.10.2025 г. № 407@ О проведении пилотного проекта по привлечению медиаторов при урегулировании разногласий, возникающих в налоговых правоотношениях // <https://www.law.ru/npd/doc/docid/1315705769/modid/99?ysclid=mnma9bp9z9390998974> (дата обращения 03.12.2025).

[9] Мягкие» навыки юриста в 2026 году: что ценится дороже диплома // <https://legalacademy.ru/sphere/post/myagkie-navyki-yurista-v-2026-godu-chto-cenitsya-dorozhe-diploma> (дата обращения 02.04.2026).

[10] Например, решение № 2-5991/2025 2-5991/2025~М-4673/2025 М-4673/2025 от 16.06.2025 г. по делу № 2-5991/2025 // СПС Консультант Плюс.

[11] Сайт: <https://rgup.ru/pages/fakultet-povysheniya-kvalifikacii-i-perepodgotovki-sudej> (дата обращения 02.12.2025).

[12] Сайт: <https://vsrf.ru/documents/own/35196/> (дата обращения 12.02.2026).

[13] Цит. по: Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. 496 с. // СПС Консультант Плюс; Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития. М., 2006; Зубов А.В. Циклы русской истории // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 161 - 166.

[14] Концепция развития юридического образования в республике Казахстан 2025-2030 <https://mnu.kz/ru/umo/?ysclid=minqyrw1s5547444744#subtab-5-7>; https://mnu.kz/storage/2024/12/sravnitelnaya-tablicza_s-poyasneniyami_watermark.pdf?ysclid=minr1ifch994524234 (дата обращения 03.12.2025).

[15] Волович В.Ф. Концепция развития высшего юридического образования Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения в современный период: сборник статей. Томск, 1996. С. 209-211 // <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:0003244455/SOURCE1?view=true> (дата обращения 08.03.2026).

References:

[1] See, for example: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 13.08.2020 No. 1011 (amended and supplemented) Federal State Educational Standard for Higher Education - Bachelor's Degree in Training 40.03.01 Jurisprudence//SPS Guarantor.

[2] Satellite event of the Kutafin Readings as part of the Priority 2030 strategic academic leadership program.

[3] Determination of the RPS of the RF Armed Forces dated 31.03.2022 No. 305-EC21-24306, A40 78186/2020//SPS Consultant Plus.

[4] Shafirov V.M. In defense of legal education// Russian justice. 2021. №2. S. 39-42.

[5] Definition of the Russian Federation Armed Forces AGMS dated 22.10.2024 NO. 4-КГ24-57-К1; Determination of the GIMS of the RF Armed Forces No. 5-KG25-18-K2 dated 22.04.2025, etc. //SPS Consultant Plus.

[6] For example, "Jurisprudence and compliance. Antal talent: labor market research and salary review 2025-2026" // https://antaltalent.ru/wp-content/uploads/2025/12/Legal_brochure_25_26_Final.pdf (circulation date 02.04.2026).

[7] Сайт: <https://roscongress.org/sessions/splf-2025-delovaya-programma-budushchee-yuridicheskogo-obrazovaniya-adaptatsiya-k-novym-vyzovam-i-vozmozhnostyam/discussion/>

cheskogo-obrazovaniya-adaptatsiya-k-novym-vyzovam-i-vozmozhnostyam/discussion/ (дата обращения 03.12.2025).

[8] Order of the Federal Tax Service of 24.10.2025 No. 407@ On conducting a pilot project to attract mediators in resolving disagreements arising in tax relations// <https://www.law.ru/npd/doc/docid/1315705769/modid/99?ysclid=mnma-9bp9z9390998974> (date of appeal 03.12.2025).

[9] Soft" lawyer skills in 2026: what is more valuable than a diploma// <https://legalacademy.ru/sphere/post/myagkie-navyki-yurista-v-2026-godu-chto-cenitsya-dorozhe-diploma> (date of application 02.04.2026).

[10] For example, Decision No. 2-5991/2025 2-5991/2025 ~ M-4673/2025 M-4673/2025 of 16.06.2025 in Case No. 2-5991/2025//ATP Consultant Plus.

[11] Сайт: <https://rgup.ru/pages/fakultet-povysheniya-kvalifikacii-i-perepodgotovki-sudej> (дата обращения 02.12.2025).

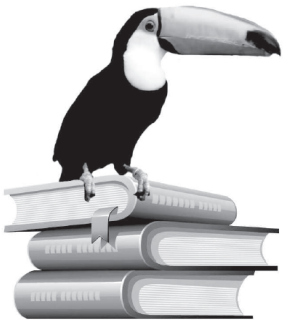
[12] Site: <https://vsrf.ru/documents/own/35196/> (accessed on 12.02.2026).

[13] Cit. by: Maleshin D.Ya. Civil Procedure System of Russia. M.: Statute, 2011. 496 p. //ATP Consultant Plus; Kedrov B.M. On repeatability in the development process. M., 2006; Zubov A.V. Cycles of Russian history//Questions of philosophy. 2005. № 3. S. 161-166.

[14] Concept for the development of legal education in the Republic of Kazakhstan 2025 <https://mnu.kz/ru/umo/?ysclid=minqyrw1s5547444744#subtab-5-7> 2030; https://mnu.kz/storage/2024/12/sravnitelnaya-tablicza_s-poyasneniyami_watermark.pdf?ysclid=minr1ifch994524234 (дата обращения 03.12.2025).

[15] Volovich V.F. The concept of development of higher legal education of the Russian Federation// Actual problems of law in the modern period: a collection of articles. Tomsk, 1996. pp. 209-211/ <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000324455/SOURCE1?view=true> (date of contact 08.03.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник НИЦ-1 федерального казенного
учреждения «Научно-исследовательский институт»
Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России),
Российская Федерация, Москва,
e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем
управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
Россия, г. Москва,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И УРОВНЕМ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ

Аннотация. В рамках исследования авторы обращают внимание на актуальность изучения компетенций, необходимых для подготовки специалистов, способных соответствовать требованиям современного рынка труда, адаптироваться к технологическим изменениям, развивать человеческий капитал и эффективно управлять персоналом. Эти компетенции играют ключевую роль в обеспечении конкурентоспособности и построении успешной карьеры. В контексте пенитенциарной системы рассматриваются факторы, влияющие на экономическую эффективность пенитенциарных учреждений, которые непосредственно зависят от уровня профессионализма и навыков сотрудников. Авторы выделяют следующие компетенции: управление персоналом и планирование, мотивация и стимулирование, создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе, подготовка и переподготовка кадров, профессионализм и навыки сотрудников, а также кадровый потенциал как ключевой фактор эффективности. В связи с этим необходимо разделить сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы на три основные группы: оперативный персонал, который ежедневно непосредственно контактирует с осужденными, неоперационный персонал, который в целом поддерживает административные функции пенитенциарной системы, и специализированный персонал, такой как психолог, медик, педагог, профессиональный персонал. Существуют факторы, которые могут снижать экономическую эффективность пенитенциарных служб: недостаточная мотивация сотрудников, ограниченные ресурсы и др. Несмотря на сложности, Федеральная служба исполнения наказаний России регулярно проводит обучающие программы для повышения профессиональных навыков сотрудников. Для решения этих проблем внедряются учебные программы с учетом современных технологий и налаживаются партнерские отношения с учебными заведениями.

Ключевые слова: фактор, труд, обучение, мотивация, организационный аспект, развитие компетенций, ФСИН России.

RADCHENKO Elena Pavlovna,

Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute»
of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»
(Research Institute of the Federal Penitentiary Service,
Moscow, Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ECONOMIC EFFICIENCY OF PENITENTIARY INSTITUTIONS AND THE LEVEL OF COMPETENCE OF STAFF

Annotation. *Within the framework of the study, the authors draw attention to the relevance of studying the competencies necessary to train specialists who are able to meet the requirements of the modern labor market, adapt to technological changes, develop human capital and effectively manage personnel. These competencies play a key role in ensuring competitiveness and building a successful career. In the context of the penitentiary system, the factors affecting the economic efficiency of penitentiary institutions are considered, which directly depend on the level of professionalism and skills of the staff. The authors identify the following competencies: personnel management and planning, motivation and stimulation, creation of a favorable socio-psychological climate in the team, training and retraining of personnel, professionalism and skills of employees, as well as human resources as a key factor of effectiveness. In this regard, it is necessary to divide the staff and employees of the penitentiary system into three main groups: operational personnel who are in direct contact with convicts on a daily basis, non-operational personnel who generally support the administrative functions of the penitentiary system, and specialized personnel such as psychologists, doctors, educators, and professional staff. Despite the difficulties, the Federal Penitentiary Service of Russia regularly conducts training programs to improve the professional skills of employees. However, there are factors that can reduce the economic efficiency of penitentiary services: insufficient motivation of staff, limited resources, etc. To solve these problems, it is necessary to introduce flexible curricula, use modern technologies, provide incentives and establish partnerships with educational institutions.*

Key words: *factor, labor, training, motivation, organizational aspect, competence development, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Динамичное развитие мировой экономики, внедрение цифровизации и искусственного интеллекта во всей сфере деятельности человека диктуют формирования новых компетенций. Востребованы будут не только узкоспециальные навыки, но и надпрофессиональные компетенции, а также цифровые навыки. Согласно заявлениям главы Всемирного банка Аджай Банга в ближайшие 10-15 лет в развивающихся экономиках к трудоспособному возрасту придут около 1,2 млрд человек, тогда как при сохранении текущих тенденций будет создано примерно 400 млн рабочих мест [1].

В связи с мировыми изменениями изучение компетенций остается актуальным по ряду причин, связанных с изменениями в экономике, технологиях, социальной сфере и системе образования. В условиях высокой неопределенности и быстрой смены задач особенно важны такие компетенции, как адаптивность, гибкость, умение быстро принимать решения и распределять. Таким образом, актуальность изучения компетенций связана с необходимостью подготовки специалистов, соответствующих требованиям совре-

менного рынка труда, адаптации к технологическим изменениям, развития человеческого капитала и эффективного управления персоналом. Данные компетенции необходимы людям, чтобы выиграть конкуренцию и построить успешную карьеру. Отсутствие компетенций может свидетельствовать о неспособности сотрудника качественно выполнять возложенные на него задачи [2, 3].

Первым кто затронул вопросы компетенции и ввел в оборот термин «компетенция» стал Роберт Уайт. В своей статье «Пересмотр понятия мотивации: концепция компетенции» он определял компетенцию как способность организма эффективно взаимодействовать с окружающей средой [4]. Джон Равен на основе анализа трудов ученых в этом направлении и своего опыта выделил 37 компетенций, относящихся к сфере интеллектуальной и социальной деятельности, и определил компетенцию как «готовность к выполнению действия на основе полученных знаний» [5].

Развитие компетентностного подхода в России было связано с изменениями в образователь-

ной парадигме, включая переход от «знаниевой» системы к компетентностной, а также с адаптацией международных тенденций, например, в рамках Болонского процесса. В России в развитие концепции компетенций участвовали многие ученые, чьи работы внесли вклад в формирование компетентностного подхода в образовании, управлении персоналом и других сферах, среди них можно выделить: Гостева А.К., Шишова С. Е. и Кальней В. А., Байденко А.И., Татура Ю.Г. Также к вопросам компетентностного подхода обращались специалисты в области психологии А. К. Маркова и др., экономики труда и управления персоналом А.Я. Кибанов, Е. А. Митрофанова и др. [6; 7; 8].

В отечественной науке компетенция традиционно трактуется как совокупность знаний, умений, опыта, а также личные качества. Можно выделить следующие виды компетенций:

- профессиональные компетенции, которые необходимы для эффективного выполнения рабочих задач;
- личностные навыки, способствующие работать в разных направлениях;
- социальные, которые помогают взаимодействию с другими людьми;
- **цифровые** в которые входит умение работать с различными программами, системами и онлайн-инструментами, а также способность адаптироваться к быстро меняющимся цифровым средам.
- **аналитические**, способствуют умению собирать информацию, вычленять из нее главное и на ее основании проводить качественный анализ ситуации, а также способность обрабатывать большие объемы данных.
- **творческие**, под ними понимается креативность, умение находить неожиданные решения, придумывать новые направления работы.
- **межкультурные**, которые связаны со способностью работать с людьми из разных культур, понимать и уважать культурные различия, а также адаптироваться к новым культурным средам.
- **предпринимательские**, связаны со способностью распознавать возможности, принимать риски, находить инновационные решения и создавать ценность

В связи со сложностью задач, стоящих перед федеральными органами исполнительной власти, однозначно можно констатировать востребованность в инициативных сотрудниках, обладающих высоким уровнем профессионального мастерства, профессионально компетентных в своей деятельности, способных мыслить масштабно и творчески, а также готовых принимать ответственные решения и прогнозировать их возможные последствия [9]. С целью поддер-

жания безопасности и правовой и социальной защиты, а также противодействия коррупции, поддержания порядка в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) компетенции способствуют повышению эффективности функционирования и выполнения важных государственных задач в сфере исполнения наказаний.

Профессиональное развитие сотрудников пенитенциарных учреждений – это непрерывный процесс повышения квалификации, совершенствования знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного выполнения служебных задач. Он включает как фундаментальное обучение, так и практико-ориентированный подход, учитывающий специфику работы в УИС. Данные аспекты закреплены в нормативных документах – Федеральный закон от 19 июля 2018 года №197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», где установлены требования к подготовке кадров, включая профессиональное обучение граждан, впервые принятых на службу.

Каждый территориальный орган ФСИН России имеет свои особенности и потребности, а, следовательно, программы по повышению квалификации сотрудников должны быть разработаны с учетом специфики региона и учреждения. Так, например, повышение квалификации в следственном изоляторе должно быть направлено на технический аспект, а компетенции необходимо развивать, которые имеют отношение к обязанностям и функциям сотрудников: управленческие, социально-эмоциональные и специальные компетенциях [10].

Профессиональная компетенность сотрудников уголовно-исполнительной системы России – это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), необходимых для качественной профессиональной деятельности [11]. Она включает несколько компонентов:

1. Специальная (операционно-технологическая) компетенность. Включает знания нормативной базы, правовых и психологических особенностей спецконтингента, субкультуры осужденных, профессиональной этики и организационной культуры. Также важны умения проводить специфические действия (например, обысковые мероприятия, установление психологического контакта с осужденными).

2. Этико-поведенческая компетенность. Связана с развитием коммуникативных качеств, умения устанавливать доверительные отношения, сохранять дистанцию в общении.

3. Профессиональная психолого-педагогическая компетентность. Включает наблюдательность, чуткость, эмпатию, организаторские способности.

4. Эмоционально-волевая компетентность. Характеризуется высоким самоконтролем, стрессоустойчивостью, уверенностью в себе, адекватностью самооценки.

В современных условиях при активном внедрении новых технических средств необходимо наращивания потенциала. Ожидается, что сотрудники будут совершенствовать свои знания и навыки посредством обучения, переподготовки и технического руководства в следующих направлениях:

- цифровая грамотность (умение работать с данными, автоматизировать рутину, применять digital-инструменты);
- аналитика данных (навык задавать правильные вопросы данным и находить в них конкретные ответы);
- **нетворкинг**, установление профессиональных связей помогает находить новые возможности, расширять кругозор;
- работа с ИИ-инструментами для решения задач;
- кибербезопасность (понимание основ цифровой гигиены и защиты информации).

Можно выделить следующие ключевые компетенции для карьерного роста: **адаптивность и гибкость, критическое мышление и аналитические способности, эмоциональный интеллект и коммуникативные навыки, стратегическое мышление, навыки самоорганизации и тайм-менеджмента, лидерские качества и умение вдохновлять, умение работать в команде и строить межличностные отношения, технологические навыки.**

Развитие компетенций основывается на дисциплине, самоорганизации и готовности к изменениям. В пенитенциарной системе тоже используются компетенции для развития сотрудников. Так, например, применяются следующие методы: **служебная подготовка, психологическая подготовка, физическая подготовка, дополнительное профессиональное образование, индивидуальное обучение по месту службы, коучинг [12; 13].** При повышении квалификации сотрудников УИС можно столкнуться с рядом проблем, среди них можно выделить:

- проблемы с некоторыми формами обучения;
- непрерывный процесс получения знаний;
- необходимость развития духовных ценностей.

Компетентность сотрудников пенитенциарной системы влияет на экономическую эффективность самой системы и зависит от ряда фак-

торов, влияющих на результативность работы системы, качество выполнения задач и рациональное использование ресурсов.

К таким факторам можно отнести:

1. Сотрудников и работников УИС, которые являются основным ресурсом, определяющего социальную и экономическую эффективность функционирования УИС. Компетентность сотрудников и работников УИС влияет на качество управления, воспитательную работу и другие аспекты деятельности.

2. Подготовку кадров. В ряде нормативных документах указывается важность подготовки и переподготовки кадров, что позволяет сотрудникам эффективно выполнять свои обязанности и адаптироваться к современным требованиям.

3. Климат в коллективе, который способствует повышению эффективности служебной деятельности.

4. Мотивация сотрудников и работников УИС.

5. Составление отчетов о проделанной работе и полученных результатов на еженедельной основе [14].

Повышение компетентности сотрудников и работников УИС необходимо проводить на регулярной основе с применением различных методов и с привлечением специалистов из разных областей [15]. Та как каждое учреждение имеет свои особенности и потребности, а, следовательно, программы по повышению квалификации сотрудников должны быть разработаны с учетом специфики региона и учреждения и направления деятельности.

Список литературы:

- [1] Всемирный банк предостерегает от дефицита рабочих мест в развивающихся странах // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2026/69dcdf649a7947df5150fbb0> (дата обращения: 03.04.2026).
- [2] Музаки А., Вулсанари П. Эффект от обучения и Компетентность в области карьерного роста: Концептуальный Рамки. J Soc Работа Наука Образование, 2024:5(1):158-71.
- [3] Халим Э.Н., Вахьюди Ф., Хартини Дж.К., Сесилия Р., Примасари Ю.Д., Парамарта В. Компетентность и приверженность делу Современный кадровый потенциал. Управление. Всесторонняя наука, 2024:3(8):4195-201.
- [4] White R.W. Motivation Reconsidered: the Concept of Competence [Текст]// Psychol. Rev. - 1959. – Vol. 66, N 5. – P. 297–332.
- [5] Равен Джон. Компетентность в современном обществе: Выявление, развитие и реализация: [Пер. с англ.] / Джон Равен. - Москва: Когито-Центр, 2002. – С. 394.

[6] Гастев А. К. Трудовые установки: [Структура. Анализ. Обоснование. Курсы] / А. К. Гастев. — Москва: Центр. ин-т труда, 1924.

[7] Шишов С.Е. Школа: мониторинг качества образования / / Шишов С. Е., Кальней В. А. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Пед. о-во России, 2000. — 316 с.

[8] К формированию концептуальных и методологических основ непротиворечивости государственных образовательных стандартов в системе общего и профессионального образования / А. И. Байденко, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев и др.; под ред. проф. А. И. Байденко. Ю. Г. Татура. — Предисл. - М., 1998. — 56 с.

[9] Русскова Ю. Н., Ульянова И. В. Формирование профессиональных компетенций курсантов образовательных организаций МВД России посредством интерактивных технологий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 65–71.

[10] Щербakov С.О., Сорокоумова С.Н. Формирование организационной культуры будущих офицеров // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN220.pdf>. (дата обращения: 04.04.2026).

[11] Радченко Е.П., Бажанов С.А. Формирование коммуникативной компетентности и совершенствование коммуникативных навыков сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 2025. материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 302-305.

[12] Анимоков И.К. Направленность коуч-технологии на развитие успешности профессиональной деятельности сотрудников полиции // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2020. № 4. С. 69-78.

[13] Токарева С., Авсиевич В., Кефер Н., Белегова А., Габдуллин А. Психолого-педагогическое сопровождение коучинговой деятельности. Ужгородский университет им. С.И. Герцена Физика, 2024:0(56):1339-46.

[14] Пырченкова Г.С., Радченко Е.П. Коммуникативная компетентность как фактор обеспечения эффективной профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов. В сборнике: возможности и перспективы формирования и развития профессиональной лингвокоммуникативной компетенции сотрудников правоохранительных органов. Сборник материалов по результатам работы круглого стола. Москва, 2023. С. 45-48.

[15] Шьямила А, Кахионо Д, Саносра А, Саид Н, Ариансия Н. Влияние карьерного роста,

работы Продвижение по службе и компетентность в отношении результатов работы сотрудников с помощью трудовой мотивации как промежуточной переменной. J Econ Bus UBS, 2024:13(1):269-83.

References:

[1] The World Bank predicted a job shortage in developing countries // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2026/69dcd649a7947d-f5150fbb0> (accessed: 03.04.2026).

[2] Muzakki A., Vulansari P. The Effect of Training and Competence in Career Growth: A Conceptual Framework. J Soc Work Science Education, 2024: 5 (1): 158-71.

[3] Halim E. N., Wahyudi F., Hartini J. K., Cecilia R., Primasari Yu. D., Paramarta V. Competence and Commitment to Work: A Conceptual Framework for Modern Human Resources. Management. Comprehensive Science, 2024: 3 (8): 4195-201.

[4] White R.W. Motivation Reconsidered: the Concept of Competence [Text]// Psychol. Rev. - 1959. – Vol. 66, N 5. – P. 297–332.

[5] Raven John. Competence in Modern Society: Identification, Development, and Implementation: [Translated from English] / John Raven. - Moscow: Cogito-Center, 2002. – P. 394.

[6] Gastev A.K. Work Attitudes: [Structure. Analysis. Justification. Courses] / A.K. Gastev. - Moscow: Central Institute of Labor, 1924.

[7] Shishov S.E. School: Monitoring the Quality of Education / / Shishov S.E., Kalney V.A. - 3rd ed., corrected. and enlarged. - Moscow: Pedagogical University. Russian: Island of Russia, 2000. — 316 p.

[8] On the Formation of Conceptual and Methodological Foundations for the Consistency of State Educational Standards in the System of General and Vocational Education / A. I. Baydenko, I. A. Zimnyaya, A. A. Leontyev, et al.; edited by prof. A. I. Baydenko. Yu. G. Tatura. — Preface. — Moscow, 1998. — 56 p.

[9] Russkova Yu. N., Ulyanova I. V. Formation of Professional Competencies of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia Through Interactive Technologies // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2018. No. 4(75). pp. 65–71.

[10] Shcherbakov S. O., Sorokoumova S. N. Formation of the Organizational Culture of Future Officers // World of Science. Pedagogy and Psychology, 2020, No. 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN220.pdf>. (Accessed: 04.04.2026).

[11] Radchenko E.P., Bazhanov S.A. Formation of communicative competence and improvement of communicative skills of employees of the penal system // The penal system today: interaction of science and practice. Proceedings of the XXV All-Russian

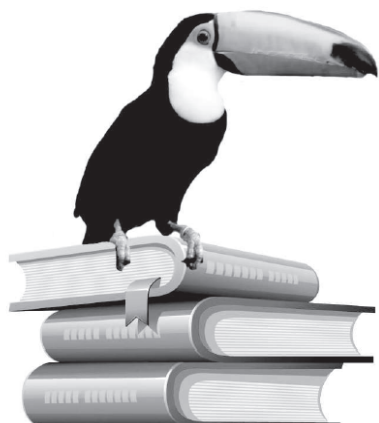
scientific and practical conference, Novokuznetsk, 2025. Proceedings of the XXV All-Russian scientific and practical conference. Novokuznetsk, 2025. pp. 302-305.

[12] Animokov I.K. Focus of coaching technology on developing the success of professional activities of police officers // Scientific support for the system of advanced training of personnel. 2020. No. 4. Pp. 69-78.

[13] Tokareva S., Avsieva V., Kefer N., Belegova A., Gabdullin A. Psychological and pedagogical support of coaching activities. Uzhgorod University named after S.I. Herzen, Physics, 2024:0(56):1339-46.

[14] Pyrchenkova G.S., Radchenko E.P. Communicative competence as a factor in ensuring the effective professional performance of a law enforcement officer. In the collection: Possibilities and prospects for the formation and development of professional linguacommunicative competence of law enforcement officers. Collection of materials based on the results of the round table. Moscow, 2023. Pp. 45-48.

[15] Shyamila A, Kahiono D, Sanosra A, Said N, Ariansyah N. The influence of career development, job promotion, and competence on employee performance with work motivation as a mediating variable. J Econ Bus UBS, 2024:13(1):269-83.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-295-300

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ГЕРМЕНЕВТИКА ТЮРЕМНОГО ТЕКСТА: ЧТО ГОВОРЯТ НАДПИСИ НА СТЕНАХ, ТАТУИРОВКИ И ПИСЬМА?

Аннотация. Статья посвящена разработке герменевтического подхода к анализу артефактов тюремной субкультуры, рассматриваемых в качестве текстов, требующих понимания. На основе философской герменевтики Поля Рикёра (диалектика подозрения и доверия) и Ханса-Георга Гадамера (принцип слияния горизонтов) обосновывается методологическая возможность выхода за пределы клинической симптоматики для постижения глубинных структур личности заключенного. Показано, что надписи на стенах, татуировки и письма являются не периферийными маркерами девиантного поведения, а автономными знаковыми системами, репрезентирующими травматический опыт, актуальную идентичность и перспективы надежды. Анализируется диагностический потенциал «герменевтики подозрения» при выявлении защитных механизмов и шизоидных тенденций, а также «герменевтики доверия» для феноменологической реконструкции субъективного мира. Вводится понятие «травматической фиксации» в настенных надписях и «онтологической брони» в тюремной татуировке. Делается вывод о необходимости интеграции герменевтического метода в практику пенитенциарного психиатра и психолога как инструмента, позволяющего отличать экзистенциальную коммуникацию от ролевого поведения, продиктованного логикой тотального института.

Ключевые слова: пенитенциарная психология, герменевтика, Поль Рикёр, Ханс-Георг Гадамер, тюремная субкультура, татуировки, травма, идентичность, слияние горизонтов, диагностика.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

HERMENEUTICS OF THE PRISON TEXT: WHAT DO WALL INSCRIPTIONS, TATTOOS, AND LETTERS SAY?

Annotation. This paper develops a hermeneutic approach to the analysis of artifacts of prison subculture, viewed as texts requiring understanding. Based on the philosophical hermeneutics of Paul Ricoeur (dialectic of suspicion and trust) and Hans-Georg Gadamer (principle of fusion of horizons), the study substantiates the methodological possibility of going beyond clinical symptomatology to comprehend the deep structures of the inmate's personality. It is demonstrated that wall inscriptions, tattoos, and letters are not peripheral markers of deviant behavior but autonomous sign systems representing traumatic experience, current identity, and prospects of hope. The diagnostic potential of the «hermeneutics of suspicion» in identifying defense mechanisms and schizoid tendencies is analyzed, alongside the «hermeneutics of trust» for the phenomenological reconstruction of the subjective world. The concepts of «traumatic fixation» in wall graffiti and «ontological armor» in prison tattoos are introduced. The conclusion emphasizes the necessity of integrating the hermeneutic method into the practice of the penitentiary psychiatrist and psychologist as a tool that allows distinguishing existential communication from role-playing behavior dictated by the logic of the total institution.

Key words: penitentiary psychology, hermeneutics, Paul Ricoeur, Hans-Georg Gadamer, prison subculture, tattoos, trauma, identity, fusion of horizons, diagnostics.

Введение. В практической деятельности пенитенциарного психиатра или психолога традиционные клинические методы сбора анамнеза и стандартизированного интервью часто оказываются недостаточными. Сознание заключенного, помещенное в условия тотального института, структурировано не только нозологическими закономерностями, но и сложными адаптационными стратегиями, среди которых особое место занимает феномен диссимуляции или, напротив, аггравации симптоматики. В этом контексте «сырой» вербальный материал, получаемый в ходе прямого опроса, может быть глубоко искажен защитными механизмами и установками на социальную желательность [5]. Однако пространство тюрьмы пронизано иными, невербальными или квазивербальными сообщениями, которые, оставаясь за рамками официального медицинского дискурса, тем не менее несут в себе огромный диагностический заряд.

Речь идет об артефактах тюремной субкультуры: граффити на стенах камер, татуировках, покрывающих тело, и письмах, адресованных родным или фигурирующих в личных делах. Традиционно эти феномены рассматривались криминологами либо как маркеры иерархии в преступном мире, либо как объекты этнографического интереса. Мы предлагаем взглянуть на них принципиально иначе, а именно как на тексты, обладающие автономной семантической структурой и требующие особой процедуры понимания, отличной от простого объяснения причинно-следственных связей. Данная работа ставит своей целью обосновать применение философской герменевтики Поля Рикёра и Ханса-Георга Гадамера к анализу этих «тюремных текстов» как инструмента, позволяющего проникнуть в глубинные структуры личности, травматический опыт и, что особенно важно для реабилитационного прогноза, остатки надежды [1; 8]. В отличие от традиционной клинической семиотики, которая ищет симптом как знак болезни, герменевтический подход стремится понять текст как событие смысла, в котором субъект конституирует себя заново в условиях предельного отчуждения.

1. Тюремный текст как феномен: между знаком и смыслом. Всякое письменное или изобразительное высказывание в условиях пенитенциарного учреждения обретает особую модальность. Это не просто коммуникация, но акт экзистенциального самоопределения. Когда заключенный выцарапывает на стене имя или символ, он не просто заполняет время, которое в тюрьме, по меткому выражению исследователей, превращается в субстанцию, требующую «убийства» [6]. Он совершает акт присвоения пространства, превращая враждебную, обе-

зличенную среду в личное, хотя и маргинальное, место обитания. Такие надписи часто представляют собой не столько сообщение для другого, сколько закливание для самого себя, попытку зафиксировать хрупкую идентичность, которая под давлением режима тотального контроля готова раствориться. В этом смысле стена камеры становится зеркалом, в котором субъект пытается увидеть себя, но видит лишь отчужденную надпись, живущую своей жизнью.

Анализ настенных граффити в следственных изоляторах, проведенный рядом авторов, показывает, что повторяющиеся мотивы (дата ареста, номер статьи УК, кличка, схематичное изображение колючей проволоки) могут быть интерпретированы как обсессивные ритуалы, направленные на символическое овладение травмой. Отличие тюремного граффити от уличного заключается в его вынужденности и длительности. Уличный художник выбирает стену; заключенный приговорен к своей стене. Эта приговоренность порождает феномен «текстовой гипертрофии», когда поверхность камеры покрывается слоями сообщений, вступающих в диалог друг с другом, иногда спустя годы и разные поколения сидельцев. Психиатр, входящий в камеру, оказывается перед лицом не просто грязных стен, а перед сложной интертекстуальной реальностью, требующей расшифровки. Например, зачеркнутое имя может указывать на смерть человека или на его «опущение» в иерархии; крест, нарисованный углем, – на мольбу о защите, а не на религиозное благочестие.

Татуировки в этом ряду занимают особое, пограничное положение между добровольным творчеством и принудительной стигматизацией. Современные исследования показывают, что связь между наличием татуировок и психопатологией не является линейной, как это предполагали ранние криминологические теории [7]. В пенитенциарной среде татуировка перестает быть просто украшением или знаком протеста. Она становится онтологической броней. Особенно значимы в этом смысле татуировки, изображающие религиозные сюжеты или портреты политических лидеров, которые, как показывают исторические исследования тюремного быта, наносились не столько из идеологических убеждений, сколько из суеверного желания защитить тело от физического насилия. Для психиатра подобный артефакт является симптомом второго порядка, указывающим не на нозологическую принадлежность, а на специфическую структуру тревоги и способы совладания с ней. Более того, процесс нанесения татуировки в тюрьме – это часто не добровольный акт, а ритуал

инициации или принуждения, что накладывает отпечаток на ее психологическую функцию. Татуировка, сделанная под давлением, будет нести в себе следы унижения, которые владелец вынужден затем инкорпорировать в свой образ Я.

2. Семиотика тюремной татуировки: от иерархии к травме. Традиционная криминология разработала подробные классификаторы тюремных татуировок, связывая их с положением в неформальной иерархии (например, «звезды» на коленях – «не встану на колени», перстни – срок, «коты» – вор-рецидивист). Однако герменевтический подход требует пойти дальше, спросив не «что значит этот знак в системе», а «что этот знак говорит о внутреннем мире конкретного человека». Например, широко известный символ «крест на груди» может иметь совершенно разное значение: для одного это знак «вора в законе», для другого – память об умершей матери, для третьего – магическая защита от ножа. Без герменевтической процедуры слияния горизонтов психиатр рискует приписать заключенному то значение, которое диктует внешняя нормативная система (криминальная или медицинская), но не то, которое вкладывает в знак сам субъект.

В работе I. Gavrilaş (2025) убедительно показано, что у молодых заключенных татуировки часто ассоциированы не с антисоциальными чертами, а с шизотипическими или избегающими паттернами [4]. Тело становится полем битвы, где внутренняя пустота заполняется внешними символами, заимствованными из коллективного бессознательного криминальной среды. Такой субъект не столько выражает свою идентичность, сколько конструирует ее по готовым лекалам, чтобы избежать встречи с собственным «Я», которое в условиях изоляции переживается как чуждое или разрушенное. С этой точки зрения, обильная татуировка может служить диагностическим маркером не столько психопатии, сколько пограничной или шизотипической организации личности. Более того, процесс нанесения татуировки (боль, длительность, риск инфицирования) является для некоторых заключенных формой аутоагрессии, легитимизированной субкультурой, что требует дифференциальной диагностики с парасуицидальным поведением.

3. Герменевтика подозрения и доверия: двойная оптика Рикёра. Поль Рикёр, размышляя о природе интерпретации, предложил различать два полюса, между которыми колеблется любое понимание [8]. С одной стороны, это «герменевтика подозрения», унаследованная от Маркса, Ницше и Фрейда, которая стремится разоблачить иллюзии

сознания, вскрыть скрытые механизмы власти, лжи и самообмана. С другой – «герменевтика доверия» или «восстановления смысла», нацеленная на реконструкцию субъективного мира, на диалог, в котором интерпретатор стремится услышать голос Другого как голос истины, даже если эта истина болезненна. Применительно к тюремному тексту эти две установки должны действовать в неразрывном единстве.

«Герменевтика подозрения» необходима психиатру для деконструкции тех сообщений, которые являются частью институциональной игры. Например, определенные типы татуировок или демонстративные надписи суицидального содержания могут быть не столько криком о помощи, сколько демонстрацией статуса «обиженного» или претензией на перевод в безопасное место (стационар). Задача специалиста здесь – увидеть за текстом то, что умалчивается, обнаружить намерение манипуляции. Однако установка на подозрении ведет к цинизму и профессиональному выгоранию, когда за каждым проявлением страдания начинает видеться только симуляция. Именно здесь вступает в силу «герменевтика доверия» Рикёра. Следовать ей значит признать, что даже самый искаженный, мифологизированный или агрессивный тюремный текст содержит в себе зерно подлинного переживания. Татуировка, изображающая «Веру, Надежду, Любовь», может быть одновременно и криминальным символом, и искренней мольбой о спасении, адресованной трансцендентному. Отказ от редукции этого символа к его криминальной функции и есть акт герменевтического доверия, позволяющий установить терапевтический контакт.

Более того, диалектика подозрения и доверия позволяет работать с феноменом тюремной лжи. Прямая ложь в интервью легко распознается по невербальным признакам. Но ложь, вписанная в тюремный текст (например, пафосная надпись о «честь вора», сделанная человеком, нарушившим воровской закон), является сложным семиотическим образованием. Она говорит не столько о содержании, сколько о желании казаться, о расщеплении между реальным и идеальным Я. Для психиатра такое расщепление может быть более информативным, чем любой достоверный факт биографии.

4. Слияние горизонтов Гадамера: встреча психиатра и текста. Ключевой методологической проблемой при анализе тюремных артефактов является неизбежная герменевтическая асимметрия. Психиатр, представляющий мир порядка, закона и нормы, и заключенный, выброшенный на обочину

этого мира, принадлежат к разным историческим и культурным традициям. Их «горизонты» изначально не совпадают. Ханс-Георг Гадамер в «Истине и методе» утверждал, что понимание возможно только как «слияние горизонтов», процесс, в ходе которого интерпретатор не отменяет свою собственную предвзятость (пред-мнение), а подвергает ее риску, позволяя тексту говорить с ним на своем языке [1].

В контексте пенитенциарной диагностики это означает, что чтение тюремного текста не должно быть монологом эксперта, выносящего вердикт («это татуировка вора в законе, значит, диагноз диссоциальное расстройство»). Это диалог, в котором смысл рождается на пересечении двух субъективностей. Расшифровка письма заключенного к матери требует от психолога не только знания тюремного сленга, но и способности «заражаться» его тревогой, видеть мир его глазами, оставаясь при этом носителем терапевтической позиции. Только такое слияние горизонтов позволяет превратить сырой материал надписи или рисунка в факт биографии, понятный не в нозологическом, а в экзистенциальном ключе. Игнорирование этого принципа ведет к феномену, который можно назвать «диагностической слепотой», когда психиатр видит только паттерны расстройства, но не видит человека, пытающегося этими паттернами выразить невыразимую боль.

Следует подчеркнуть, что слияние горизонтов не означает полного отождествления. Психиатр остается носителем клинического знания и этической ответственности. Однако он должен временно приостановить свои нормативные суждения (эпохе), чтобы текст мог проявить себя. Этот методологический принцип Гадамера перекликается с феноменологической редукцией в психиатрии. В практической работе это означает, что, увидев на стене камеры рисунок виселицы, врач не должен немедленно фиксировать суицидальный риск, а сначала задаться вопросом: что этот образ значит для данного человека в данном контексте? Возможно, это не призыв к самоубийству, а символ несправедливости или элемент криминальной «романизации» смерти.

5. Феноменология письма: интимность на расстоянии. В отличие от демонстративных граффити и телесных татуировок, письмо является наиболее интимным и наименее изученным с диагностической точки зрения артефактом. Письмо заключенного всегда двойственно: оно адресовано конкретному Другому (матери, жене, ребенку), но одновременно оно является документом, который может быть прочитан администрацией,

цензурой и, в конечном счете, психологом. Эта «двойная адресация» порождает особую риторику, полную умолчаний, эзопова языка и самоцензуры. Для герменевтики именно те места, где текст обрывается, где предложение не дописано, где появляется нехарактерная для автора официальная лексика, являются наиболее значимыми. Они указывают на зоны травмы, которые нельзя назвать прямо.

Исследование Tipton (2022), посвященное «текстурированной трансформации» в тюремной переписке, показывает, что даже в условиях жесткого контроля заключенные находят способы передать эмоциональную правду через метафоры, повторы и ритмическую организацию письма [10]. Например, аномально частое использование пассивного залога («меня заставили», «мне сказали») может свидетельствовать о глубоком переживании утраты субъектности, даже если фабула письма нейтральна. И наоборот, сохранение иронии и сложных грамматических конструкций спустя годы заключения является более надежным признаком сохранности личности и реабилитационного потенциала, чем результаты формального тестирования [2].

Письма также являются уникальным источником для понимания того, что можно назвать «временной перспективой надежды». В них заключенный конструирует образ будущего освобождения, часто идеализируя его или, напротив, катастрофизируя. Анализ этих нарративов позволяет психиатру оценить риск дезадаптации после освобождения. Если в письмах отсутствует любое упоминание будущего, если горизонт ограничен режимными событиями (передача, свидание, этап), это тревожный признак «коллапса темпоральности», характерного для глубокой депрессии или деморализации. Разрыв коммуникации, уход в примитивные графемы или полный отказ от письма являются грозным прогностическим признаком углубления экзистенциального вакуума и формирования стойкого дефекта личности.

6. Психопатологическое прочтение: травма, идентичность и надежда. Каковы же конкретные содержательные категории, которые позволяет выявить герменевтический анализ? Прежде всего, это структура травмы. Надписи на стенах, особенно в камерах следственных изоляторов, часто представляют собой редуцированные, повторяющиеся тексты («Здесь был...», даты ареста, клички). С точки зрения «герменевтики подозрения», это акт аутоагрессии или фиксации на травме. Однако с точки зрения феноменологии, это попытка остановить

время, придать смысл точке бифуркации, разрушившей привычную жизнь. Такая фиксация на датах и именах может указывать на посттравматическое стрессовое расстройство, развивающееся не только после насилия, но и после самого факта потери свободы как утраты биографического проекта.

Далее, это динамика идентичности. Татуировки в тюрьме часто являются формой «смены кожи», символическим умерщвлением прежнего гражданского «Я» и рождением «Я» криминального или тюремного. Однако здесь возможны и более тонкие нюансы. Как было показано, татуировки могут служить компенсаторным механизмом для хрупкого Эго [4]. Для психиатра рисунок на теле – это визуальный аналог внутреннего диалога. Перекрывание старой татуировки новой, специфическая символика (кресты, цепи, хищные животные) рассказывают о том, как человек переживает свою вину, стыд и агрессию. Особого внимания заслуживают татуировки, сделанные в психиатрических стационарах, куда заключенные попадают по направлению. Они часто отличаются примитивизмом и содержат медицинскую символику (шприцы, таблетки), что может свидетельствовать о формировании «нозологической идентичности», когда болезнь становится центральным элементом самосознания.

Наконец, это горизонт надежды. Самым сложным для интерпретации, но и самым ценным объектом являются письма. В отличие от демонстративных граффити, письмо – это интимный акт, направленный конкретному Другому. Даже если его текст перенасыщен жалобами, агрессией или описанием ужасов быта, герменевтический анализ позволяет увидеть за этим перформативом запрос на любовь, принятие и возвращение. Сохранение связного, грамматически сложного предложения в письме спустя годы заключения может быть более надежным признаком сохранности личности и потенциала реабилитации, чем результаты формального нейропсихологического тестирования. Разрыв коммуникации, уход в примитивные графемы или полный отказ от письма являются грозным прогностическим признаком углубления экзистенциального вакуума и формирования стойкого дефекта личности [9].

Заключение. Герменевтический подход, предложенный П. Рикёром и Х.Г. Гадамером, открывает перед пенитенциарной психиатрией и психологией новые эпистемологические горизонты. Превращение надписей на стенах, татуировок и писем из маргинальных объектов криминологии в полноценные «тексты», подлежащие пониманию, позволяет преодолеть редукционизм как биологизаторской, так и сугубо поведенческой психиатрии. Для практикующего врача ана-

лиз этих артефактов становится инструментом верификации вербальной информации и методом установления терапевтического альянса.

Применение «герменевтики подозрения» помогает деконструировать симулятивные стратегии и институциональные роли, навязанные заключенному системой. Применение «герменевтики доверия» позволяет услышать в шуме тюремного быта подлинный голос субъекта, его боль и его надежду. «Слияние горизонтов» в процессе интерпретации является тем идеалом, к которому должен стремиться специалист, чтобы избежать профессиональной деформации и сохранить человеческое лицо в бесчеловечном пространстве тотального института. Эволюция пенитенциарной диагностики связана сегодня не столько с изобретением новых опросников, сколько с развитием способности клинициста к глубокому, медленному и мужественному чтению тех знаков, которые оставляет по себе личность на границе бытия и небытия [3]. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку операционализированной методики герменевтического анализа тюремных текстов, пригодной для использования в клинической практике и обучении специалистов.

Список литературы:

- [1] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
- [2] Пелевина Н. А., Куришко К. В. Эмфатизация маргинальных обертонов смысла в психологическом повествовании // Гуманитарные и юридические исследования. — 2020. — № 1. — С. 168–173. — DOI: 10.37493/2409-1030.2020.1.22.
- [3] Bebbington P., Jakobowitz S., McKenzie N., Killaspy H., Iveson R., Duffield G., Kerr M. Assessing needs for psychiatric treatment in prisoners: 1. Prevalence of disorder // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. — 2017. — Vol. 52, № 2. — P. 221–229. — DOI: 10.1007/s00127-016-1311-7.
- [4] Gavrilaş L. G. Tattoos between symbol and action: psychoanalytic significance and predictive value in the analysis of recidivism among young inmates // *Annales Universitatis Apulensis. Series Jurisprudentia*. — 2025. — № 28. — P. 93–105. — URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=1406092> (дата обращения: 29.03.2026).
- [5] Goffman E. *Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates*. — New York: Anchor Books, 1961. — 386 p.
- [6] Harrington C. L. Time to piddle: death row incarceration, craftwork, and the meaning of time // *The Journal of Arts Management, Law, and Society*. — 1997. — Vol. 27, № 1. — P. 51–71. — DOI: 10.1080/10632929709597267.

[7] Klein C. A., Kenedi C. Understanding tattoos in medicolegal assessments // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. — 2018. — Vol. 46, № 1. — P. 93–101.

[8] Ricoeur P. Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation. — New Haven: Yale University Press, 1970. — 573 p.

[9] Skott S. [Review of the book Haunting prison: exploring the prison as an abject and uncanny institution, by T. Fredriksson] // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. — 2024. — Vol. 14. — DOI: 10.5204/ijcjsd.3422.

[10] Tipton L. J. Scribing place: textured transformation across the prison(er) canvas: PhD thesis. — Lancaster: Lancaster University, 2011.

References:

[1] Gadamer H.-G. Truth and method: the basics of philosophical hermeneutics: per. With him. /Gener. ed. And entry. Art. B.N. Bessonova. - M.: Progress, 1988. - 704 s.

[2] Pelevina N.A., Kurishko K.V. Emphatization of marginal overtones of meaning in psychological storytelling//Humanitarian and legal studies. — 2020. — № 1. - S. 168-173. — DOI: 10.37493/2409-1030.2020.1.22.

[3] Bebbington P., Jakobowitz S., McKenzie N., Killaspy H., Iveson R., Duffield G., Kerr M. Assessing needs for psychiatric treatment in prisoners: 1. Prevalence of disorder // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. — 2017. — Vol. 52, № 2. — P. 221–229. — DOI: 10.1007/s00127-016-1311-7.

[4] Gavrilas L. G. Tattoos between symbol and action: psychoanalytic significance and predictive value in the analysis of recidivism among young inmates // Annales Universitatis Apulensis. Series Jurisprudentia. — 2025. — № 28. — P. 93–105. - URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1406092> (access date: 29.03.2026).

[5] Goffman E. Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates. — New York: Anchor Books, 1961. — 386 p.

[6] Harrington C. L. Time to piddle: death row incarceration, craftwork, and the meaning of time // The Journal of Arts Management, Law, and Society. — 1997. — Vol. 27, № 1. — P. 51–71. — DOI: 10.1080/10632929709597267.

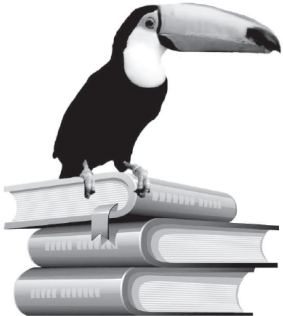
[7] Klein C. A., Kenedi C. Understanding tattoos in medicolegal assessments // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. — 2018. — Vol. 46, № 1. — P. 93–101.

[8] Ricoeur P. Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation. — New Haven: Yale University Press, 1970. — 573 p.

[9] Skott S. [Review of the book Haunting prison: exploring the prison as an abject and uncanny institution, by T. Fredriksson] // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. — 2024. — Vol. 14. — DOI: 10.5204/ijcjsd.3422.

[10] Tipton L. J. Scribing place: textured transformation across the prison(er) canvas: PhD thesis. — Lancaster: Lancaster University, 2011.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АБУБАКИРОВ Дмитрий Дмитриевич,
аспирант ФГБОУ «Красноярский
государственный аграрный университет»,
e-mail: abubakirov_dmitry@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ МОБИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется эволюция правового механизма привлечения к ответственности за уклонение от военной службы в период мобилизации. На основе судебной практики, законодательных инициатив 2022–2023 гг. и новелл 2024–2026 гг. выявлена трансформация правового регулирования: от уголовно-правовой репрессии к административно-цифровому принуждению. Обосновывается вывод о появлении гибридной модели ответственности, где уголовное преследование за уклонение от мобилизации заменено комплексом ограничительных мер. Научная новизна заключается в выявлении доктринального разрыва между традиционным пониманием уклонения и новым цифровым способом фиксации, а также в обосновании феномена «цифровой фикции уведомления».

Ключевые слова: уголовная ответственность, уклонение от мобилизации, ст. 328 УК РФ, цифровой реестр воинского учета, административные ограничения, самовольное оставление части, мобилизация, воинская обязанность, гибридная модель ответственности, цифровая фикция уведомления.

ABUBAKIROV Dmitry Dmitrievich,
Postgraduate Student,
Krasnoyarsk State Agrarian University

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR EVASION OF MOBILIZATION

Annotation. The article examines the evolution of the legal mechanism for liability for evasion of military service during mobilization. Based on judicial practice, legislative initiatives of 2022–2023, and legal novelties of 2024–2026, the author identifies a transformation of legal regulation: from criminal law repression to administrative-digital coercion. The conclusion is substantiated that a hybrid model of liability has emerged, where criminal prosecution for evasion of mobilization is replaced by a set of restrictive measures. The scientific novelty lies in identifying the doctrinal gap between the traditional understanding of evasion and the new digital method of recording offenses, as well as in substantiating the phenomenon of «digital fiction of notification».

Key words: criminal liability, evasion of mobilization, Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation, digital military registration registry, administrative restrictions, unauthorized abandonment of a military unit, mobilization, military duty, hybrid model of liability, digital fiction of notification.

Введение

Актуальность темы обусловлена фундаментальной трансформацией института воинской обязанности в Российской Федерации в 2024–2026 гг. Если до 2022 года правовое регулирование ответственности за уклонение от призыва носило стабильный характер и опиралось на многолетнюю практику по ст. 328 УК РФ, то после объявления частичной мобилизации законодатель столкнулся с необходимостью переосмыслить само понятие «уклонение». Классическая конструкция (неоднократная неявка по лично врученной повестке) вступает в противоречие с

новыми способами оповещения — через Единый реестр воинского учета и автоматическое исчисление срока явки.

Как отмечает Б.С. Булдаков, процесс призыва по мобилизации «оказался осложнен тем обстоятельством, что отдельные граждане стали уклоняться от данной обязанности» [1, с. 115]. М.Г. Жилкин подчеркивает, что «возникает противоречие уголовного и иного законодательства» [2, с. 48].

Цель исследования - проследить эволюцию подходов к установлению ответственности за неявку по мобилизационным повесткам, выявить

доктринальные разрывы, предложить авторскую периодизацию и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу образуют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ судебной практики и доктринальных источников.

1. Генезис уголовной ответственности за уклонение от призыва: от срочной службы к мобилизации

Первоначально ст. 328 УК РФ охватывала только уклонение от призыва на срочную военную службу и альтернативную гражданскую службу [10]. Субъектом являлись лица мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет (с 2024 года - до 30 лет [11]), не пребывающие в запасе. Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении №3 от 03.04.2008, уклонение выражается в неявке без уважительных причин по повесткам на медицинское освидетельствование, заседание призывной комиссии или отправку к месту службы [12]. При этом формально требовалась неоднократность неявок, но на практике суды быстро упростили подход: достаточно одной неявки по одной повестке, если человека нормально оповестили.

Если посмотреть статистику Судебного департамента при Верховном Суде за 2018–2025 годы, картина такая. С 2018 по 2020 год число осужденных постепенно снижалось (с 631 до 562 человек [13]). Но в 2021 году резкий скачок: 934 человека. В 2023 году число осужденных составило уже 958, максимум за весь период. В первой половине 2024 года случился заметный спад (427 человек), а вот в первой половине 2025 года число осужденных выросло до 916. Рост по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил 114% [14].

О.Г. Горев отмечает, что в науке уголовного права до сих пор нет единого мнения об объекте и объективной стороне этого состава [3, с. 89]. Кроме того, следует рассмотреть вопрос разграничения состава уклонения от призыва на военную службу и смежных уголовно-правовых конструкций. В контексте мобилизационных процессов указанное разграничение приобретает особую значимость и требует дополнительного доктринального осмысления.

Однако попытка распространить эту модель на мобилизацию столкнулась с непреодолимым препятствием: субъект мобилизации - гражданин, пребывающий в запасе, часто старше 30 лет, с иным правовым статусом. Как указано в Определении Конституционного Суда РФ № 1644-О от 09.07.2020, лицо должно осознавать, что оно подлежит призыву на военную службу [15].

Ю.П. Оноколов, анализируя историческое развитие военно-уголовного законодательства, приходит к выводу, что уклонения от военной службы всегда были тесно связаны с социально-экономическими условиями в стране и морально-психологическим климатом в воинских коллективах [9, с. 115]. Исследователь также отмечает, что мотивация уклоняющихся варьируется от боязни ответственности до нежелания исполнять воинский долг в принципе, что требует дифференцированного подхода при квалификации и назначении наказания [9, с. 78].

Д.И. Калимуллин подчеркивает, что «эффективность расследования во многом зависит от своевременного установления способа совершения преступления и всестороннего изучения личности преступника», обосновывая значимость комплексного криминалистического подхода, обеспечивающего полноту, объективность и результативность расследования [4, с. 31]. Данный вывод приобретает особую значимость в контексте цифровизации воинского учета, когда традиционные способы фиксации уклонения (неявка по лично врученной повестке) дополняются новыми - автоматической фиксацией факта оповещения через реестр.

2. Законодательные инициативы 2022–2023 гг.: несостоявшийся переход к уголовной репрессии

В ноябре 2022 года, после объявления частичной мобилизации указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 [16], в Государственную Думу вносились поправки, дополняющие ст. 328 УК РФ частью, устанавливающей ответственность за уклонение от призыва по мобилизации с санкцией до 5 лет лишения свободы [17]. Глава думского комитета по обороне А. Картаполов, в свою очередь, заявил, что уклонением будет считаться как неявка в военкомат по повестке, так и самовольное оставление места службы [18].

Однако данные поправки так и не были приняты. М.А. Мялицина констатирует, что «совсем недавно Уголовный кодекс РФ был дополнен новыми статьями, устанавливающим ответственность за воинские преступления [5, с. 70]. Однако ни одна из них не внесла ясности в вопросе квалификации действий лиц, уклоняющихся от призыва на военную службу по мобилизации».

Причина несостоявшегося перехода - не столько «неактуальность» после завершения мобилизации (как утверждалось официально), сколько доктринальная коллизия. Если для срочников ст. 328 УК является «последним барьером» перед отправкой в армию, то для мобилизованного гражданина, который уже состоит в запасе,

неявка по повестке не означает отказа от военной службы как таковой - это административное правонарушение.

Как отмечает Б.С. Булдаков, «в связи с объявленной в Российской Федерации 21 сентября 2022 г. частичной мобилизацией актуализировались вопросы уголовно-правовой оценки поведения лица, уклоняющегося от призыва по мобилизации», при этом «выявлена проблема отсутствия должного уголовно-правового реагирования на случаи уклонения от призыва по мобилизации» [1, с.114].

Ключевой вывод, сделанный на основе анализа законопроекта и доктринальных позиций, заключается в том, что законодатель осознанно отказался от криминализации простой неявки по мобилизационной повестке, оставив уголовную ответственность для двух крайних полюсов: а) для срочников (ст. 328 УК), б) для уже зачисленных в часть военнослужащих (глава 33 УК РФ). Промежуточная же зона - граждане запаса, игнорирующие повестки, - была передана в сферу административного и «цифрового» принуждения.

3. Реальная модель ответственности 2024–2026 гг.: административные штрафы и временные ограничения.

С 2024 года вступили в силу изменения в Федеральный закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [19], которые полностью изменили архитектуру ответственности для мобилизуемых.

3.1. Способы оповещения как юридически значимый факт

Повестка считается врученной не только лично под подпись, но и: заказным письмом с уведомлением; с момента размещения в личном кабинете Единого реестра воинского учета; автоматически - по истечении 7 дней с даты размещения в реестре, даже если гражданин не заходил в кабинет [20]. Как отмечает Т.Е. Кононенко, «проведение частичной мобилизации выявило недостатки в системе воинского учета», включая «неактуальность места регистрации граждан в соответствии с данными военного комиссариата» и «несоответствие учетных данных о семейном статусе» [6, с. 91].

Это кардинально меняет природу «уклонения». Если ранее требовался активный отказ (неявка после личного получения), то теперь достаточно пассивного бездействия - не проверил реестр, не явился в течение 7 дней. С формально-юридической точки зрения, отсутствует элемент осознанности, который Конституционный Суд считал обязательным [21]. Предлагается называть это «цифровой фикцией надлежащего уведомления» - конструкция, аналогичная презумпции получения заказного письма.

С.Ю. Миролубова в своем исследовании отмечает, что «призыв граждан РФ на военную службу по мобилизации выявил некоторую несогласованность правовых актов в военной сфере, которые необходимо гармонизировать» [6, с. 125].

3.2. Виды ответственности: гибридная модель и ее доктринальное обоснование

В современной доктрине уголовного права отсутствует единый подход к оценке деяний, связанных с неисполнением воинской обязанности в период мобилизации. М.Г. Жилкин, анализируя действующее военно-мобилизационное законодательство, доктринальные позиции и правовые позиции высшей судебной инстанции, приходит к выводу, что «действующий в России период мобилизации предопределяет необходимость учета данного обстоятельства в качестве отягчающего уголовную ответственность в силу повышенной общественной опасности таких деяний» [2, с. 50].

Несмотря на остроту проблемы, законодатель отказался от введения специального состава преступления, предусматривающего ответственность за уклонение от мобилизации, избрав гибридную модель правового регулирования. В рамках указанной модели федеральным законодательством от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ в статьи главы 33 УК РФ был введен новый квалифицирующий признак - совершение деяния «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий», одновременно аналогичный признак включен в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание [22].

П.А. Филиппов, анализируя социальную обусловленность уголовной ответственности за уклонение от призыва, отмечает, что в действующем УК РФ уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы предусмотрено в ст. 328, которая расположена в главе 32 «Преступления против порядка управления» [7, с. 47].

Доктринальный анализ позволяет выделить три вида ответственности в зависимости от статуса субъекта.

Первый уровень охватывает граждан, пребывающих в запасе и не явившихся по повестке. С учетом указанных доктринальных позиций для них применяется административная ответственность по ст. 21.5 КоАП РФ, предусматривающая штраф от 10 до 30 тысяч рублей, а также комплекс временных ограничительных мер (запрет на регистрацию в качестве ИП, сделки с недвижимостью, управление транспортными средствами и получение кредитов), действующих до явки в военный комиссариат [23].

Второй уровень уголовной ответственности предусмотрен ст. 328 УК РФ, однако он распространяется исключительно на призывников, проходящих срочную военную службу. Более того, представляется, что с 2022 года наблюдается значительный рост числа преступлений, связанных с уклонением от прохождения военной и альтернативной гражданской службы, что обусловлено комплексом социально-политических факторов, включая изменение геополитической обстановки и повышение значимости воинской обязанности.

Третий уровень - уголовная ответственность по главе 33 УК РФ - наступает только после приобретения лицом статуса военнослужащего, то есть с момента издания приказа о зачислении в списки личного состава воинской части. В условиях мобилизации санкции по этим статьям резко ужесточены: до 10 лет лишения свободы за самовольное оставление и до 15 лет за дезертирство [24]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 разъясняет, что «преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, характеризуются повышенной общественной опасностью» [25].

Важно отметить следующий правовой парадокс: если гражданин, пребывающий в запасе, изначально не явился по мобилизационной повестке, то его ответственность ограничивается штрафом в размере 30 тысяч рублей и временным запретом на управление транспортным средством. В то же время гражданин, который добросовестно явился в военный комиссариат, был зачислен в воинскую часть, но впоследствии самовольно покинул место службы, подлежит уголовной ответственности с реальным лишением свободы на длительный срок. Такая асимметрия правовых последствий, с одной стороны, стимулирует первичное уклонение от явки по повестке, а с другой - наказывает тех, кто проявил изначально лояльность и исполнил свою обязанность.

Таким образом, гибридная модель разграничивает административную и уголовную ответственность по статусному критерию, что, как представляется, является наиболее взвешенным подходом, учитывающим различную степень общественной опасности деяний на разных этапах мобилизационного процесса.

4. Проблема разграничения уклонения и неявки по уважительным причинам

Судебная практика применения ст. 328 УК РФ в отношении призывников на срочную службу выработала устойчивый перечень уважительных

причин неявки, к которым относятся болезнь с утратой трудоспособности, смерть близкого родственника или действие непреодолимой силы [26]. Вместе с тем анализ конкретных приговоров (например, дело № 1-90/2022 Крыловского районного суда [27]) показывает, что суды не признают уважительными такие обстоятельства, как занятость на работе, нахождение в командировке, амбулаторное лечение, отсутствие денежных средств на проезд, а также уход за малолетним ребенком при наличии второго родителя.

В этой связи представляет интерес позиция Ю.П. Оноколова, который, исследуя мотивы уклонений, приходит к выводу, что большинство из них совершается не из-за объективных жизненных обстоятельств, а вследствие субъективного нежелания исполнять воинский долг, что, по его мнению, должно исключать признание подобных причин уважительными [9, с. 80].

Как справедливо отмечает С.Ю. Миролубова, «несмотря на пробелы в законодательстве, защита Отечества является конституционным долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [8, с. 128]. Однако, как представляется, реализация этой конституционной обязанности не должна осуществляться за счет принципов правовой определенности и справедливости.

Таким образом, проблема уважительных причин при уклонении от мобилизации обнажает фундаментальный конфликт между традиционными уголовно-правовыми гарантиями (презумпция невиновности, осознанность деяния) и новыми цифровыми механизмами оповещения. Сокращение срока для подтверждения уважительности причин до семи дней при одновременном внедрении автоматической фикции вручения повестки создает ситуацию, при которой гражданин может быть привлечен к ответственности при отсутствии реальной возможности узнать о вызове. В связи с этим, законодателю необходимо либо вернуться к личному вручению повесток под расписку для мобилизационных отношений, либо дополнить реестровое оповещение обязательным дублирующим уведомлением (СМС, push-уведомление в приложении «Госуслуги»), фиксирующим момент фактического информирования.

5. Уголовная ответственность за дезертирство и оставление части как «вторичная» санкция

После того как мобилизованный гражданин прибыл в воинскую часть и был зачислен в списки личного состава на основании приказа командира, он приобретает статус военнослужащего. С этого момента неявка по повестке уже невозможна, однако возникает риск совершения иных противоправных деяний, а именно самовольного

оставления части (ст. 337 УК РФ) либо дезертирства (ст. 338 УК РФ). В условиях мобилизации санкции по указанным статьям были существенно ужесточены.

Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ был направлен на усиление наказания за совершение преступлений в особые периоды, а именно во время мобилизации или военного положения [28]. В этой связи совершение преступления в указанные периоды, а также в военное время было отнесено законодателем к обстоятельствам, отягчающим наказание (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а за ряд преступлений против военной службы (ст. 337, 338 УК РФ и др.) были установлены повышенные санкции. Так, статья 337 УК РФ была дополнена положениями, устанавливающими ответственность за самовольное оставление части или места службы сроком более 10 суток, а также более одного месяца, совершенные военнослужащим по призыву или по контракту.

Проведенный анализ позволяет выявить следующий правовой парадокс: гражданин, который изначально не явился по мобилизационной повестке, привлекается лишь к административной ответственности в виде штрафа до 30 тыс. рублей и временного запрета на управление транспортным средством. Установлено, что данный вывод имеет не только теоретическую значимость для доктрины уголовного права, но и практическую ценность для совершенствования правоприменительной политики. Представляется необходимым либо смягчить санкции за самовольное оставление части для мобилизованных, совершивших это деяние впервые, либо, напротив, ужесточить ответственность за первичное уклонение от мобилизации (вплоть до криминализации такого деяния), чтобы устранить стимулы для избегания явки по повестке.

6. Авторская периодизация развития института

Проведенное исследование позволяет предложить следующую периодизацию становления и эволюции ответственности за уклонение от мобилизации в Российской Федерации. Выделяются три последовательных периода.

Первый период - классический (1996–2021 гг.): характеризуется тем, что уголовная ответственность за уклонение от призыва устанавливалась исключительно в отношении граждан, подлежащих срочной службе (ст. 328 УК РФ). Субъектами выступали мужчины в возрасте от 18 до 27 лет (с 2024 г. - до 30 лет), не пребывающие в запасе. Представляется, что именно эта доктринальная неопределенность впоследствии затруднила экстраполяцию наработанных подходов на мобилизационные отношения.

Второй период - переходный (2022–2023 гг.): наступил в связи с объявлением частичной мобилизации 21 сентября 2022 г. и характеризуется попытками законодателя распространить действие ст. 328 УК РФ на граждан, уклоняющихся от призыва по мобилизации. В Государственную Думу был внесен законопроект, предусматривавший дополнение ст. 328 новой частью с санкцией до 5 лет лишения свободы. Выявлено, что эти поправки так и не были приняты. Вместе с тем, переходный период стал временем осознания законодателем и правоприменителем того факта, что традиционная уголовно-правовая модель не работает в мобилизационных условиях. Именно в этот период сформировался запрос на поиск альтернативных механизмов воздействия, что в итоге привело к отказу от уголовного преследования за первичную неявку.

Третий период - цифровой (2024–2026 гг.): знаменует собой кардинальные перемены в категории ответственности. Законодатель окончательно отказался от криминализации простой неявки по мобилизационной повестке, передав эту категорию деяний в сферу административного права (ст. 21.5 КоАП РФ) с одновременным внедрением жестких обеспечительных мер (запрет на регистрацию сделок, управление транспортными средствами, получение кредитов). Уголовная ответственность за уклонение была сохранена, но лишь на этапе, когда гражданин уже приобрел статус военнослужащего (глава 33 УК РФ - самовольное оставление части, дезертирство). Установлено, что главное противоречие между уголовным и иным законодательством, регулирующим военную службу и мобилизацию сегодня лежит не в плоскости коллизии норм, а в столкновении традиционных принципов уголовного права (презумпция невиновности, осознанность деяния) с новыми цифровыми механизмами, порождающими риск объективного вменения.

Заключение

В результате исследования установлено, что уголовная ответственность за уклонение от мобилизации в Российской Федерации на сегодняшний день не существует как самостоятельный состав преступления. Вместо этого сформировалась гибридная модель: административные штрафы (ст. 21.5 КоАП РФ) и временные ограничительные меры для граждан запаса, уголовная ответственность по главе 33 УК РФ - только после приобретения статуса военнослужащего. Это принципиально отличает мобилизационные отношения от призыва на срочную службу, где ст. 328 УК РФ продолжает действовать в полном объеме.

В ходе проведенного исследования были получены следующие основные результаты, имеющие научную и практическую значимость:

Выявлена и проинтерпретирована динамика судебной практики по ст. 328 УК РФ. Установлено, что максимальное число осужденных (958 человек) пришлось на 2023 год, тогда как в первом полугодии 2025 года показатель составил 916 человек, вернувшись к сопоставимым значениям.

Обоснована невозможность распространения ст. 328 УК РФ на мобилизованных лиц и выявлен доктринальный разрыв. Так, законодательные инициативы 2022–2023 гг. о введении уголовной ответственности за уклонение от мобилизации не были приняты не по формальным причинам, а вследствие глубинного доктринального противоречия: субъект мобилизации принципиально отличается от субъекта срочного призыва. Данный вывод объясняет, почему законодатель в итоге избрал административно-цифровую модель принуждения, а не уголовно-правовую репрессию для граждан запаса.

Сформулировано авторское понятие «цифровая фикция надлежащего уведомления». Показано, что такая фикция разрывает традиционную связь между осознанностью деяния и наступлением ответственности, порождая риск объективного вменения. Введение этого термина позволяет более точно описывать современные цифровые механизмы оповещения и служит основой для критики их несоответствия принципам презумпции невиновности и справедливости.

Предложена авторская периодизация развития института ответственности за уклонение от мобилизации. Выделены три последовательных периода, различающихся по субъектному составу, способам оповещения и характеру санкций.

Периодизация демонстрирует эволюцию от классической уголовно-правовой модели к гибридной административно-цифровой, где ключевым трендом является декриминализация первичного уклонения при одновременном ужесточении уголовной ответственности за воинские преступления после приобретения статуса военнослужащего.

Разработаны конкретные законодательные предложения, направленные на устранение выявленных правовых пробелов и асимметрии. Так, предлагается дополнить ст. 2.1 КоАП РФ положением, согласно которому при автоматическом оповещении через Единый реестр воинского учета административная ответственность наступает только при условии, что гражданин был дополнительно проинформирован дублирующим способом (СМС-сообщением или push-уведомлением через портал «Госуслуги»). Помимо этого, делается вывод о целесообразности дополнения

ст. 328 УК РФ примечанием, прямо исключающим применение данной статьи к гражданам, призванным на военную службу по мобилизации.

Научная новизна работы состоит в выявлении и обосновании «цифрового разрыва»: новые способы оповещения (реестр, автоматическая фикция вручения) не коррелируют с традиционным требованием осознанности уклонения, что создает риск объективного вменения. В научный оборот введено понятие «цифровая фикция надлежащего уведомления» для характеристики правовой конструкции, при которой повестка считается врученной автоматически по истечении 7 дней с момента размещения в реестре вне зависимости от фактического ознакомления гражданина. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом практики применения временных ограничительных мер (запрет на сделки, кредиты) и их обжалования в судах, а также с изучением вопроса о конституционности автоматического признания повестки врученной.

Список литературы:

- [1] Булдаков Б.С. Уголовная ответственность мобилизованных военнослужащих // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 112–118.
- [2] Жилкин М.Г. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1. С. 45–52.
- [3] Горев О.Г. Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы и его уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2003. 234 с.
- [4] Калимуллин Д.И. Некоторые вопросы криминалистической характеристики расследования уклонения от прохождения военной службы // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1. С. 28–35.
- [5] Мялицына М.А. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет // Юридическая наука и практика. 2023. № 3. С. 67–73.
- [6] Кононенко Т.Е. Анализ проблем частичной мобилизации и их решение посредством применения электронной сферы предоставления государственных услуг // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 90–92.
- [7] Канунникова Н.Г. К вопросу об ужесточении административной ответственности за нарушения, связанные с военными обязанностями и мобилизацией // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 54–58.
- [8] Миролюбова С.Ю. Проблемы реализации свободы передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) на территории Россий-

ской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2. С. 120-128.

[9] Оноколов Ю.П. Уклонения от военной службы (исторические, уголовно-правовые, криминологические аспекты): монография. - М.: Юрлитинформ, 2007. 312 с.

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[11] Федеральный закон от 28.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам воинской обязанности» // Российская газета. 2023. № 95.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» (ред. от 23.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.

[13] Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год. Форма № 10-а. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 08.04.2026).

[14] Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. Форма № 10-а. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 08.04.2026).

[15] Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2020 № 1644-О «По жалобе гражданина Суворова <...>» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358516/ (дата обращения: 08.04.2026).

[16] Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 39. — Ст. 6531. // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48308> (дата обращения: 08.04.2026).

[17] Законопроект № 203312-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об установлении ответственности за уклонение от призыва на военную службу по мобилизации)» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2026).

[18] Картаполов А.В. Андрей Картаполов: Законопроект о тюремном сроке за уклонение от

мобилизации внесут в Госдуму уже этой осенью // Парламентская газета. 04.08.2023. // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/andrey-kartapolov-zakonoproekt-o-tyuremnom-sroke-za-uklonenie-ot-mobilizacii-vnesut-v-gosdumu-uzhe-etoy-osenyu.html> (дата обращения: 06.04.2026).

[19] Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

[20] Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 16. — Ст. 2761.

[21] Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2020 № 1644-О «По жалобе гражданина Суворова <...>» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358516/ (дата обращения: 08.04.2026).

[22] Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 39. — Ст. 6532.

[23] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

[24] Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 39. — Ст. 6532.

[25] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 7.

[26] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447520/ (дата обращения: 08.04.2026).

[27] Приговор Крыловской районного суда Краснодарского края от 08.08.2022 по делу № 1-90/2022 // Архив Крыловского районного суда Краснодарского края. URL: <https://krilovskoy--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 07.04.2026).

[28] Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 39. – Ст. 6532.

References:

[1] Buldakov B.S. Criminal liability of mobilized military personnel // Law and state: theory and practice. 2023. No. 2. pp. 112–118.

[2] Zhilkin M.G. Problems of criminal liability for evasion of military and alternative civilian service during mobilization // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. pp. 45–52.

[3] Gorev O.G. Evasion of military and alternative civilian service and its criminal-legal characteristics: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08. – Moscow, 2003. 234 p.

[4] Kalimullin D.I. Some issues of forensic characteristics of the investigation of evasion of military service // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2025. No. 1. Pp. 28–35.

[5] Myalitsyna M.A. Evasion of Conscription for Military Service During Mobilization: There Is Responsibility, but No Norm // Legal Science and Practice. 2023. No. 3. Pp. 67–73.

[6] Kononenko T.E. Analysis of the Problems of Partial Mobilization and Their Solution Through the Application of the Electronic Sphere of Providing Public Services // Young Scientist. 2024. No. 11 (510). Pp. 90–92.

[7] Kanunnikova N.G. On the Issue of Tightening Administrative Liability for Violations Related to Military Duties and Mobilization // Administrative Law and Process. 2024. No. 4. Pp. 54–58.

[8] Mirolubova S.Yu. Problems of implementing freedom of movement during mobilization (partial mobilization) on the territory of the Russian Federation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 2. pp. 120–128.

[9] Onokolokov Yu.P. Evasion of military service (historical, criminal-law, criminological aspects): monograph. – M.: Yurlitinform, 2007. 312 p.

[10] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[11] Federal Law of April 28, 2023, No. 127-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Military Duty” // Rossiyskaya Gazeta. 2023. No. 95.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 3, 2008, No. 3 “On the Practice of Considering Criminal Cases of Evasion of Conscription and Evasion of Military or Alternative Civilian Service” (as amended on December 23, 2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. No. 6.

[13] Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Data: Consolidated Statistical Information on the Status of Criminal Records in Russia for 2019. Form No. 10-a. —URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (date accessed: 08.04.2026).

[14] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data: Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2023. Form No. 10-a. // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (date accessed: 08.04.2026).

[15] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.07.2020 No. 1644-O “On the complaint of citizen Suvorov <...>” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358516/ (accessed: 08.04.2026).

[16] Decree of the President of the Russian Federation of 21.09.2022 No. 647 “On the Declaration of Partial Mobilization in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 39. – Art. 6531. // Administration of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48308> (accessed: 08.04.2026).

[17] Bill No. 203312-8 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (on establishing liability for evasion of conscription for military service during mobilization)” // Automated system for supporting legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (date accessed: 01.04.2026).

[18] Kartapolov A.V. Andrey Kartapolov: A bill on prison terms for evading mobilization will be introduced to the State Duma this fall // Parliamentary newspaper. 04.08.2023. // Parliamentary newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/social/andrey-kartapolov-zakonoproekt-o-tyuremnom-sroke-za-uklonenie-ot-mobilizacii-vnesut-v-gosdumu-uzhe-etoy-osenyu.html> (date accessed: 06.04.2026).

[19] Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ (as amended on November 4, 2025) “On Military Duty and Military Service” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 13. Article 1475.

[20] Federal Law of April 14, 2023 No. 127-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 16. – Article 2761.

[21] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 9, 2020 No. 1644-O “On the complaint of citizen Suvorov <...>” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358516/ (date accessed: 08.04.2026).

[22] Federal Law of 24.09.2022 No. 365-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure

Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 39. - Art. 6532.

[23] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 01.03.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.

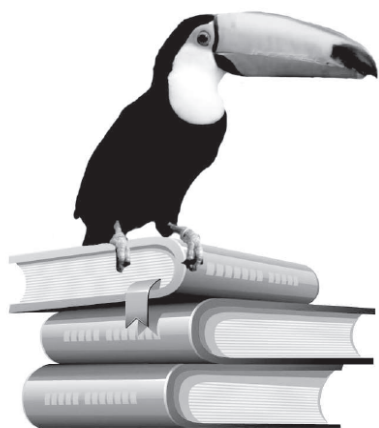
[24] Federal Law of September 24, 2022 No. 365-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 39. - Article 6532.

[25] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2023 No. 11 “On the Practice of Considering Criminal Cases Concerning Crimes Against Military Service by Courts” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2023. - No. 7.

[26] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.04.2008 No. 3 (as amended on 18.05.2023) “On the practice of considering criminal cases by courts regarding evasion of conscription for military service and evasion of military or alternative civilian service” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447520/ (date of access: 08.04.2026).

[27] Verdict of the Krylovskaya District Court of Krasnodar Krai dated 08.08.2022 in case No. 1-90/2022 // Archive of the Krylovskaya District Court of Krasnodar Krai. URL: <https://krilovskoy--krd.sudrf.ru> (accessed: 07.04.2026).

[28] Federal Law of 24.09.2022 No. 365-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 39. - Art. 6532.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗЕЙНАЛОВ Мурад Пашаевич,
e-mail: yurist_murad@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем квалификации преступлений против трудовых прав женщин в российском уголовном праве, с основным акцентом на ст. 145 УК РФ, предусматривающую ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины либо женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. Актуальность темы обусловлена низкой применяемостью нормы, ее конструктивными недостатками и противоречием конституционным принципам равенства. Цель исследования — всесторонне рассмотреть ключевые трудности квалификации таких деяний, выявить препятствия в правоприменении и предложить направления совершенствования законодательства. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы анализа норм УК РФ, ТК РФ, Конституции РФ и научной литературы. Результаты показывают основные проблемы: неудачная грамматическая конструкция диспозиции, гендерная дискриминация, сложности доказывания специального мотива и оценочный характер признака «необоснованный». Выявлена конкуренция с административной ответственностью, приводящая к декларативности уголовной нормы. В обсуждении предлагается расширение круга потерпевших до гендерно-нейтральной формулировки, введение примечания с перечнем лиц или декриминализация с усилением административных мер. Выводы подчеркивают необходимость законодательной корректировки для устранения дискриминации, уточнения признаков состава и разграничения с КоАП РФ, чтобы норма реально обеспечивала конституционную защиту материнства, детства и равенства. Перспективы дальнейших исследований — в изучении практики и международных стандартов.

Ключевые слова: квалификация, преступления, трудовые права, женщины, дискриминация, беременность, материнство.

ZEYNALOV Murad Pashaevich

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST WOMEN'S LABOR RIGHTS

Annotation. The article analyzes the problems of qualifying crimes against women's labor rights in Russian criminal law, with a focus on Article 145 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of a pregnant woman or a woman with children under the age of three. The relevance of the topic is due to the low applicability of the norm, its constructive shortcomings and contradiction to the constitutional principles of equality. The purpose of the study is to comprehensively examine the key difficulties in qualifying such acts, identify obstacles in law enforcement and suggest ways to improve legislation. The paper uses formal legal, comparative legal and systematic methods of analyzing the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Labor Code of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation and scientific literature. The results show the main problems: an unsuccessful grammatical construction of the disposition, gender discrimination, difficulties in proving a special motive, and the evaluative nature of the «unreasonable» attribute. Competition with administrative responsibility has been identified, leading to the declarative nature of the criminal norm. The discussion suggests expanding the range of victims to a gender-neutral formulation, introducing a note with a list of persons, or decriminalization with increased administrative measures. The conclusions emphasize the need for legislative adjustments to eliminate discrimination, clarify the signs of the composition and delineation from the Administrative Code of the Russian Federation, so that the norm actually ensures constitutional protection of motherhood, childhood and equality. The prospects for further research are in the study of practice and international standards.

Key words: qualification, crimes, labor rights, women, discrimination, pregnancy, motherhood.

Введение

Проблемы квалификации преступлений против трудовых прав женщин занимают особое место в современной российской уголовно-правовой доктрине и практике. Эти деяния затрагивают не только индивидуальные интересы работников, но и более широкие общественные ценности — охрану материнства, детства и равенства полов. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации прямо закрепляет равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, а также государственную защиту семьи, материнства и детства, уголовно-правовые механизмы реализации этих принципов в сфере труда сталкиваются с целым рядом серьезных трудностей.

Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, сохраняется значительное количество жалоб на дискриминацию по признаку беременности или наличия малолетних детей при приеме на работу и в процессе трудовых отношений. Во-вторых, норма, специально предназначенная для защиты этой категории лиц — ст. 145 УК РФ, — остается одной из наиболее редко применяемых в уголовном законодательстве, что ставит под сомнение ее реальную эффективность. В-третьих, существующие формулировки уголовного закона порождают противоречия с конституционными принципами равенства и с нормами трудового права, которые уже давно предоставляют гарантии не только матерям, но и отцам, опекунам, усыновителям. Всё это делает необходимым глубокий анализ причин низкой применимости нормы и поиск путей её совершенствования.

Научная значимость исследования заключается в том, что выявление и систематизация дефектов конструкции состава преступления, а также анализ пробелов в доказывании субъективной стороны позволяют не только объяснить существующую правоприменительную пассивность, но и предложить конкретные законодательные решения. Такие предложения особенно важны в условиях, когда уголовная ответственность должна оставаться крайней мерой, но при этом не может быть полностью вытеснена административными санкциями.

Цель статьи — провести всесторонний анализ ключевых проблем квалификации преступлений против трудовых прав женщин с акцентом на ст. 145 УК РФ, выявить основные препятствия на пути правильной юридической оценки соответствующих деяний и обозначить возможные направления законодательной оптимизации нормы на основе имеющихся научных позиций.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использованы действующие редакции Конститу-

ции Российской Федерации [5], Уголовного кодекса Российской Федерации [8] и Трудового кодекса Российской Федерации [7], а также научные публикации, непосредственно посвященные уголовно-правовой охране трудовых прав беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Особое внимание уделено работам, в которых анализируются конструктивные недостатки ст. 145 УК РФ, проблемы квалификации и межотраслевые коллизии, а также исследованиям, рассматривающим гендерные аспекты преступлений против женщин и конституционный запрет дискриминации.

Методологическую основу составили несколько подходов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные точки зрения авторов относительно толкования круга потерпевших и субъективной стороны преступления. Формально-юридический анализ применялся при разборе диспозиции и признаков состава преступления по ст. 145 УК РФ. Системный метод использовался для оценки взаимодействия уголовно-правовых и трудово-правовых норм в обеспечении защиты уязвимых категорий работников. Кроме того, применялись элементы доктринального толкования и критического анализа правоприменительной практики, отраженной в научной литературе.

Литературный обзор

Научная литература по рассматриваемой проблематике относительно немногочисленна, однако существующие работы содержат глубокий анализ наиболее острых вопросов. Ряд авторов прямо указывают на крайне низкую частоту привлечения к уголовной ответственности по ст. 145 УК РФ и объясняют это конструктивными недостатками нормы, сложностями доказывания и конкуренцией с административной ответственностью. В криминологических исследованиях подчеркивается, что преступления против женщин нередко носят латентный характер, а их трудовые аспекты требуют особого внимания ввиду гендерной специфики уязвимости [3]. Особое место занимают работы, посвященные именно проблемным вопросам уголовно-правовой охраны трудовых прав беременных женщин: здесь акцент делается на неудачной законодательной формулировке, которая создает барьеры для квалификации и одновременно порождает дискриминационные эффекты. Отдельные исследования сосредоточены на анализе конституционного запрета дискриминации и его влиянии на содержание уголовно-правовых норм.

Результаты

Анализ показывает, что центральное место среди проблем квалификации занимает несовершенная конструкция состава преступления, пред-

усмотренного ст. 145 УК РФ. Диспозиция статьи охватывает необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины либо женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, если такие действия совершены по мотивам беременности или наличия детей соответствующего возраста [8]. Однако уже на уровне объективной стороны возникают существенные разночтения. Использование множественного числа «детей» в формулировке «женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» вызывает обоснованные сомнения: должен ли для квалификации присутствовать хотя бы один ребенок или требуется наличие нескольких? Подавляющее большинство авторов полагают, что законодатель намеревался защитить всех матерей малолетних детей независимо от их количества, однако неудачная грамматическая конструкция открывает путь к сужающему толкованию и, как следствие, к необоснованному ограничению сферы уголовной охраны [1].

Не менее острой является проблема ограничения круга потерпевших исключительно женщинами. Норма полностью исключает из-под защиты мужчин, которые в одиночку воспитывают ребенка до трех лет, а также опекунов, попечителей и приемных родителей мужского пола, несмотря на то что трудовое законодательство в ряде случаев распространяет аналогичные гарантии на этих лиц [7]. Такой подход прямо противоречит конституционному принципу равенства и принципу недискриминации по признаку пола [5] [6], что делает конструкцию нормы уязвимой для критики с позиций конституционного права.

Следующая группа трудностей связана с субъективной стороной. Для квалификации по ст. 145 УК РФ требуется прямой умысел и специальный мотив — стремление работодателя избавиться от беременной женщины или матери малолетнего ребенка именно в силу этих обстоятельств. На практике доказать такой мотив чрезвычайно сложно. Работодатели, как правило, приводят иные, формально законные причины отказа или увольнения: реорганизацию, сокращение численности, несоответствие занимаемой должности, дисциплинарные нарушения и т.д. Отсутствие прямых доказательств мотива (например, письменных или зафиксированных высказываний) делает привлечение к ответственности почти невозможным.

Сложность так же создает оценочный характер признака «необоснованный». Для установления этого признака правоприменитель вынужден детально сопоставлять действия работодателя с положениями Трудового кодекса, в частности со ст. 64, 261 и др., которые содержат прямые запреты дискриминации и специальные гарантии для беременных. Однако даже явное нарушение трудового законодательства далеко

не всегда перерастает в уголовно наказуемое деяние, поскольку требуется доказать именно дискриминационный мотив.

Обсуждение

Выявленные дефекты приводят к тому, что ст. 145 УК РФ фактически превращается в декларативную норму, редко применяемую на практике. Многие исследователи отмечают межотраслевую коллизию: аналогичные нарушения чаще квалифицируются как административные правонарушения по ст. 5.27 КоАП РФ, что существенно снижает предупредительный и репрессивный эффект уголовного запрета. В этой связи предлагаются разные пути совершенствования.

Один из наиболее часто встречающихся вариантов — расширение круга потерпевших за счет гендерно-нейтральной формулировки: вместо «беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» использовать конструкцию «лица, находящегося в состоянии беременности, или лица, имеющего ребенка (детей) в возрасте до трех лет». Дополнительно предлагается ввести примечание к статье, в котором четко указать, что к потерпевшим относятся также усыновители, опекуны, попечители и приемные родители независимо от пола. Такой подход позволил бы устранить дискриминационный элемент и привести уголовный закон в соответствие с трудовым и конституционным регулированием.

Альтернативная точка зрения состоит в том, что уголовная ответственность в данной сфере избыточна и может быть заменена усилением административных санкций с одновременной декриминализацией ст. 145 УК РФ. Сторонники этой позиции аргументируют свою позицию крайней редкостью возбуждения уголовных дел и отсутствием значимого общественного резонанса от применения именно уголовной репрессии.

Заключение

Проблемы квалификации преступлений против трудовых прав женщин, прежде всего по ст. 145 УК РФ, обусловлены целым комплексом факторов: неудачной законодательной конструкцией, оценочным характером ключевых признаков, объективными трудностями доказывания специального мотива и конкуренцией с административной ответственностью. Всё это делает норму малоэффективной, несмотря на её очевидную социальную ценность и направленность на защиту конституционно значимых благ.

Для повышения реальной охраны трудовых прав беременных женщин и матерей малолетних детей необходима законодательная корректировка, которая должна включать устранение дискриминационных ограничений по полу, уточнение формулировок объективной стороны, а также

четкое разграничение уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений. Только после таких изменений уголовно-правовая норма сможет полноценно выполнять свою охранительную функцию, не нарушая при этом принципы равенства и справедливости.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом реальной правоприменительной практики, изучением международных стандартов защиты от дискриминации в сфере труда и оценкой последствий возможной декриминализации или, напротив, ужесточения ответственности. Только комплексный подход позволит выработать сбалансированные предложения, способные реально усилить защиту уязвимых категорий работников.

Список литературы:

- [1] Алексеева Н. Э. Дискриминация в статье 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» // Место социально-гуманитарных наук в развитии современной цивилизации : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2020г. Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 41-43. URL: <https://apni.ru/article/443-diskriminatsiya-v-state-145-uk-rf-neobosnov>
- [2] Братенков, И. А. Проблемы квалификации преступлений против трудовых прав / И. А. Братенков // Молодой ученый. – 2024. – № 3(502). – С. 321-323. – EDN FYJJHE.
- [3] Вишневецкая Ирина Николаевна Преступления против женщин: понятие и криминологические особенности // Вестник СГЮА. 2020. №1 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-zhenschin-ponyatie-i-kriminologicheskie-osobennosti> (дата обращения: 29.03.2026).
- [4] Детковская, А. В. Правовое регулирование труда женщин / А. В. Детковская // Право и государство: культурологическое измерение : материалы VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. – С. 179-181. – EDN SROQOC.
- [5] Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
- [6] Телегина, Д. О. Конституционный запрет на дискриминацию женщин / Д. О. Телегина // Эволюция права 2019-2020 : Сборник студенческих работ научной конференции юридического факультета МГУ, Москва, 11 октября 2019 года – 09 2020 года. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2022. – С. 99-100. – EDN OGQPRN.
- [7] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
- [8] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

References:

- [1] Alekseeva N.E. Discrimination in article 145 of the Criminal Code of the Russian Federation “Unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of a pregnant woman or a woman with children under the age of three” //Place of social and humanitarian sciences in the development of modern civilization: a collection of scientific works based on the materials of the International Scientific and Practical Conference January 31, 2020 Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI) LLC, 2020. S. 41-43. URL: <https://apni.ru/article/443-diskriminatsiya-v-state-145-uk-rf-neobosnov>
- [2] Bratenkov, I. A. Problems of qualification of crimes against labor rights/I. A. Bratenkov//Young scientist. – 2024. – № 3(502). – S. 321-323. – EDN FYJJHE.
- [3] Vishnevetskaya Irina Nikolaevna Crimes against women: the concept and criminological features//Bulletin of the SSLA. 2020. №1 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-zhenschin-ponyatie-i-kriminologicheskie-osobennosti> (дата обращения: 29.03.2026).
- [4] Detkovskaya, A. V. Legal Regulation of Women’s Labor/A. V. Detkovskaya//Law and the State: Cultural Dimension: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 25, 2022. – St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022. – S. 179-181. – EDN SROQOC.
- [5] Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).
- [6] Telegin, D. O. Constitutional ban on discrimination against women/D. O. Telegin//Evolution of law 2019-2020: Collection of student works of a scientific conference of the Faculty of Law of Moscow State University, Moscow, October 11, 2019 - 09, 2020. - Moscow: MAKSPress LLC, 2022. - S. 99-100. – EDN OGQPRN.
- [7] “Labor Code of the Russian Federation” dated 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 29.12.2025, as amended on 06.02.2026) //” Collection of Legislation of the Russian Federation, “07.01.2002, No. 1 (Part 1), Article 3.
- [8] “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 20.02.2026) //” Collection of Legislation of the Russian Federation, “17.06.1996, No. 25, Art. 2954.

ПАНФИЛОВ Данил Вячеславович,
аспирант кафедры криминалистики
Института Права УУУНиТ 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ГАРИФУЛЛИН Ильгиз Ринатович,
к.ю.н., доцент кафедры криминалистики
Института Права УУУНиТ 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Аннотация. В настоящей статье проанализирована сущность организации и планирования расследования преступлений прошлых лет. Освещены вопросы, связанные с определением названных понятий, рассмотрением следственных версий и следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений указанной категории.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, организация и планирование преступлений, следственные ситуации, следственные версии и их классификация.

PANFILOV Danil Vyacheslavovich,
Postgraduate student of the Department
of Criminalistics Institute of Law UUUNiT 3rd year

Scientific supervisor:
GARIFULLIN Ilgiz Rinatovich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics Institute of Law UUUNiT 3rd year

ORGANIZATION OF INVESTIGATION OF CRIMES FROM THE PAST

Annotation. This article analyzes the essence of the organization and planning of the investigation of crimes committed in the past. It covers issues related to the definition of these concepts, the consideration of investigative versions and investigative situations that arise during the investigation of crimes of this category.

Key words: crimes committed in the past, organization and planning of crimes, investigative situations, investigative versions, and their classification.

Организация и планирование представляют под собой значения, присущие как отдельным отраслям научной деятельности, процессам жизнедеятельности, так и науке криминалистике.

Вместе с тем единого подхода к сущности названных явлений в научной среде не сложилось, поскольку ряд ученых отождествляют их, а остальные, напротив, считают их разноплановыми понятиями.

Так, планирование рассматривают как условие целенаправленной организации расследования [4], тактический прием [2], метод органи-

зации [1]. Аналогичного мнения относительно планирования придерживался Белкин Р.С., считая его методом организации предварительного расследования [1].

Полагаем, что доводы об отождествлении вышеуказанного понятия с тактическим приемом неуместны.

По своей сути и содержанию тактический прием представляет под собой определенное поведение участников досудебного производства, направленное на достижение благоприятного результата, при проведении следственных действий.

Напротив, планирование расследования представляет деятельность следователя, направленную на решение его основных задач.

Например, в ходе расследования убийства, совершенного в условиях неочевидности, следователю предстоит установить обстоятельства его совершения и виновное лицо. Для достижения данных задач используется обширный спектр методов названных тактическими приемами, применяемых при проведении следственных действий, в частности, при производстве допросов потерпевших и очевидцев, виновного лица.

Помимо этого, организация и планирование расследования тождественны между собой, но разноплановы. Организация расследования направлена на принятие обеспечительных мер по разрешению задач расследования, изложенных при его планировании (подбор участников следственной группы, технических средств для фиксации хода и результатов следственного действия).

Таким образом, целью планирования является создание программы действий, исходя из особенностей каждого преступления, для эффективного производства следственных и иных действий с наименьшими затратами сил и времени при обнаружении, исследовании и использовании доказательств для выяснения всех обстоятельств совершенного преступления.

В свою очередь, основными элементами планирования преступлений являются следственные ситуации и следственные версии. Так, совокупность информативных данных по досудебному производству, которой обладают органы предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности, на определенном этапе его расследования, имеют концептуальное значение, поскольку от ее полноты зависит успешное раскрытие преступления. Данная криминалистическая теория названа следственной ситуацией.

Учеными представленными различные понятия данной теории.

Так, Л.Я. Драпкин определял следственную ситуацию как динамическую информационную систему, основными элементами которой являются существенные признаки и свойства обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, связи и отношения между ними, а также между участниками процесса расследования, наступившие или предполагаемые результаты действий сторон» [3].

Вместе с тем А.Н. Халиков указывает, что следственная ситуация на основании информации о фактических данных по уголовному делу, выражает существенные признаки и обстоятельства, а также внешние условия и обста-

новку, влияющую на процесс расследования, принятия решений и тактику следственных действий [5].

Учитывая изложенное, значимость данного явления заключается в том, что при неправильной оценки и выбора следственной ситуации, трудно рассчитывать на благоприятный исход расследования и раскрытия преступлений.

С учетом изложенных понятий к данному явлению, полагаем, что под следственной ситуацией понимается совокупность информативных данных, имеющихся на данный момент расследования уголовного дела, которые обуславливают последовательность и характер производимых следственных и иных процессуальных действий.

Применительно к расследованию преступлений прошлых лет, посягающих на жизнь, наиболее часто встречающимися следственными ситуациями являются конфликтные и неблагоприятные.

Примером конфликтной ситуации при расследовании уголовных дел названной категории может являться не только противодействие, оказываемое стороной защитными органам следствия, но и случаи оказания сопротивления со стороны близких родственников потерпевшего.

Подобные ситуации характерны для совершения преступлений по мотивам аморального и противоправного поведения со стороны потерпевшего.

Вместе с тем конфликтные ситуации при расследовании преступлений названной категории, также возникают между участниками со стороны обвинения. Данные ситуации характерны при расследовании уголовных дел в составе следственной либо следственно-оперативной группы.

Более того, при расследовании преступлений указанной категории характерны неблагоприятные ситуации, поскольку названные преступления обусловлены длительным периодом времени с момента совершения преступления и его раскрытия, отсутствием должных информативных данных на первоначальном этапе расследования.

При этом следственные ситуации, возникающие при расследовании преступлений прошлых лет, посягающих на жизнь, можно классифицировать следующим образом:

- 1) следственные ситуации, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях прошлых лет, которые ранее не были раскрыты;
- 2) следственные ситуации, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях прошлых лет, которые ранее не были известны органам следствия.

Применительно к первой ситуации, характерны случаи приостановления уголовных дел о преступлениях, ставшими нераскрытыми. В данной ситуации органам, осуществляющим предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность, стоит проанализировать сведения о первоначальной следственной ситуации и об ошибках, допущенных в организации и планировании расследования уголовного дела на первоначальном этапе, после чего принять меры к выдвижению и проверке следственных версий с учетом собранных данных.

Для второй ситуации характерно возбуждение уголовных дел о преступлениях прошлых лет, по которым ранее обращений в правоохранительные органы не поступало.

Как правило, в данной ситуации выявление преступления связано с обнаружением гнилостных останков человеческого тела и его основных частей.

В данном случае, органам расследования стоит сконцентрироваться на анализе имеющейся следственной ситуации, с учетом знаний которой принять меры к организации и планированию расследования преступлений.

Определившись с основной классификацией следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений прошлых лет, посягающих на жизнь, стоит определить обстоятельства, подлежащие установлению.

Полагаем, что для расследования преступлений указанной категории характерны следующие типичные следственные ситуации:

- личности жертвы известна, при этом органы расследования обладают ориентирующей информацией о совершении преступления конкретным лицом, но не содержат достаточных данных для его обвинения;
- личность жертвы известна, личность виновного лица неизвестна;
- личность виновного лица известна, личность жертвы предстоит установить;
- личность жертвы и виновного лица неизвестны.

К числу нетипичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений названной категории стоит также выделить следующие:

- личность потерпевшего известна, личность виновного известна, однако его местонахождение не установлено;
- личность потерпевшего и виновного лица известны, однако местонахождение трупа не установлено;
- личность потерпевшего и виновного лица известны, однако их местонахождение не установлено.

Таким образом, следственная ситуация будучи основным элементом планирования преступлений представляет под собой динамическое явление, обуславливающее последовательность проводимых следственных действий, процесс выдвижения и проверки следственных версий.

В свою очередь, под следственной версией понимается предположение о конкретных обстоятельствах уголовного дела, подлежащее проверке.

Полагаем, что при расследовании преступлений прошлых лет выдвижению и проверке подлежат следующие следственные версии:

1. По взаимоотношениям между жертвой и преступником:
 - преступление совершено лицом, известным жертве;
 - преступление совершено лицом, неизвестным жертве.
2. По мотиву совершения преступления:
 - преступление совершено под предлогом малозначительного либо надуманного конфликта между потерпевшим и лицом, его совершившим;
 - преступление совершено в результате известного конфликта, ревности, из корыстных побуждений и т.д.
3. По количеству лиц, участвующих в совершении преступления:
 - преступление совершено одним лицом;
 - преступление совершено двумя или более лицами в соучастии;
 - преступление совершено одним лицом с участием пособников и подстрекателей к его совершению;
4. По неоднократности совершенного преступления:
 - преступление совершено лицом впервые;
 - преступление совершено лицом, ранее судимым за совершение насильственных преступлений;
 - преступление совершено лицом, ранее совершавшим насильственные преступления, однако избежавшим привлечения к уголовной ответственности.
5. По связи с другими преступлениями:
 - вместе с совершением преступлений, предусмотренных ст. 105, 109, ч. 4 ст. 111 УК РФ, не совершено других преступлений;
 - вместе с названными преступления совершены и другие преступления.
6. По причастности к совершенному преступлению:
 - преступление совершено лицом, попавшим в поле зрения правоохранительных органов;

- преступление не совершено лицом, попавшим в поле зрения правоохранительных органов;
 - преступление совершено лицом, которому избрана мера пресечения, либо предъявлено обвинение по уголовному делу;
 - преступление не совершено лицом, которому избрана мера пресечения, либо предъявлено обвинение по уголовному делу;
7. По способу совершения преступления:
- преступление совершено в результате применения физической силы;
 - преступление совершено с применением оружия, либо предметов, используемых в качестве оружия преступления.
8. По обстоятельствам совершенного преступления:
- имело место совершение преступления;
 - имел место несчастный случай.

Названные версии, выдвинутые следователем, должны проверяться полностью и параллельно. Более того, незамедлительно стоит провести следственные действия, которые позволяют проверить несколько следственных версий.

Следственные версии представляют собой некий ориентир, выступающий для установления всех обстоятельств совершенного преступления.

Таким образом, между следственной ситуацией по уголовному делу, выдвигаемыми версиями и планированием расследования существует неразрывная связь, когда качественное установление содержания каждого из названных понятий будет влиять на последующее, а в целом - на эффективность и полноту расследования.

Список литературы:

- [1] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов. / Под ред. Р.С. Белкина. М. 2001. 990 с.
- [2] Васильев А.Н. Следственная тактика. М. 1976. 197 с.
- [3] Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций.
// Следственные ситуации и раскрытие преступлений: Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск. Вып. 41. 1975. 146 с.
- [4] Лузгин И.М. Планирование расследования // Советская криминалистика: Учебник. / Под ред. Р.С. Белкина. М. 1979. 507 с.
- [5] Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ...канд. юрид. наук. Уфа. 2005. 236 с.

References:

- [1] Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Y.G., Rossinskaya E.R. Forensics: A textbook for universities. /Ed. R.S. Belkina. M. 2001. 990 s.
- [2] Vasiliev A.N. Investigative tactics. M. 1976. 197 pp.
- [3] Drapkin L.Ya. The concept and classification of investigative situations.
//Investigative situations and solving crimes: Scientific works of the Sverdlovsk Law Institute. Sverdlovsk. No. 41. 1975. 146 pp.
- [4] Luzgin I.M. Investigation planning//Soviet forensics: Textbook. /Ed. R.S. Belkina. M. 1979. 507 pp.
- [5] Khalikov A.N. Peculiarities of the investigation of bribes by law enforcement officials: dis.... cand. jurid. sciences. Ufa. 2005. 236 pp.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КУПЦОВ Иван Андреевич,

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербурга,
e-mail: kuptsov.ivan@gmail.com

ПОНЯТИЕ НАЛОГОВОЙ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 198-199.2 УК РФ

Аннотация. В статье анализируется феномен налоговой предустановленности по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, а именно: дается его понятие, раскрываются признаки и обосновывается актуальность и необходимость выделения данного института.

Ключевые слова: Налоговые преступления; преюдиция; правовая определенность; уголовная ответственность.

KUPTSOV Ivan Andreevich,

Position – Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law and Process,
HSE Faculty of Law, St. Petersburg

THE CONCEPT OF TAX PRE-ESTABLISHMENT IN CASES OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 198-199.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the phenomenon of tax pre-determination in cases of crimes provided for in Articles 198-199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely: its concept is given, the signs are revealed, and the relevance and necessity of distinguishing this institution are substantiated.

Key words: Tax crimes; prejudice; legal certainty; criminal liability.

Уклонение от уплаты налогов – многоаспектная проблема, затрагивающая ключевые сферы государственного устройства и негативно влияющая на вопросы общественного развития. Она несет в себе не только экономические, но и социально-политические угрозы. Для государства совершение налоговых преступлений в целом влечет долгосрочные системные риски.

В частности, экономические последствия уклонения от уплаты налогов проявляется в дефиците бюджетных доходов (в свою очередь, сокращение поступлений в бюджет приводит к снижению финансирования всех государственных, в том числе социальных программ, и как «снежный ком» вызывает потребность повышения иных сборов для компенсации бюджетных потерь), приводит к неравномерному распределению налогового бремени; социально политические последствия уклонения от уплаты налогов приводят к формированию «двойных стандартов» в общественном восприятии экономической политики государства и правоприменении, снижают ценность принципов равенства и справедливости и в целом доверие бизнеса. Снижается

инвестиционная привлекательность государства. Ограничение возможности регулировать экономические процессы через налоговую политику влияет и на правовую сферу.

В этой связи повышается актуальность комплексного анализа правовых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов [3]. Одной из наиболее эффективных мер воздействия государства на злостных неплательщиков налогов выступает закрепление в уголовном законодательстве соответствующих составов преступлений, предусматривающих привлечение к уголовной ответственности таких лиц. При этом наибольший интерес представляет не фактическое закрепление налоговых нарушений в уголовном законе, а процедура привлечения к уголовной ответственности, особенно если она имеет свою чрезвычайно интересную специфику, обусловленную необходимостью предварительного установления ряда обстоятельств налоговыми органами, без чего не может быть инициировано уголовное судопроизводство. Это так называемая, налоговая предустановленность.

Вместе с тем, прежде чем перейти к обоснованию налоговой предустановленности, тре-

буется краткое описание составов налоговых преступлений с выделением их особенностей, ведь они оказывают существенное влияние на содержание материалов, которые направляются налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Итак, несмотря на то, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует понятие «налоговые преступления», под таковыми в теории и практике понимаются четыре состава – ст. 198, 199, 199.1, 199.2, инициирование уголовного преследования по которым в соответствии с ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ требует наличия дополнительного условия – исключительного повода – материалов, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Налоговые преступления включены в гл. 22 УК РФ – преступления в сфере экономической деятельности. Экономическим преступлениям присуща бланкетность их диспозиций[2; 11; 14], что также справедливо и для налоговых преступлений. Признаки экономических преступлений раскрываются в других нормативных актах, регулирующих соответствующие отношения, которые охраняются нормами УК РФ[13; 7; 12]. Диспозиция норм ст. 198-199.2 УК РФ также носит бланкетный характер[2], и признаки данных преступлений определяются на основании Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). В чем их особенность? Рассмотрим данный вопрос.

Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» при рассмотрении уголовных дел о налоговых преступлениях судам следует руководствоваться понятиями налогов, сборов, страховых взносов, содержащимися в ст. 8 НК РФ, и учитывать, что в Российской Федерации установлены следующие виды налогов и сборов: федеральные налоги и сборы, налоги субъектов Российской Федерации (региональные налоги) и местные налоги и сборы (ст. 12, 13, 14 и 15 НК РФ), а также федеральные налоги, не указанные в ст. 13 НК РФ, которые могут быть предусмотрены специальными налоговыми режимами, установленными в соответствии с п. 7 ст. 12 НК РФ (в частности, налоги, предусмотренные в ст. 18 НК РФ). Ответственность по ст. 198 или по ст. 199 УК РФ наступает в случае уклонения от уплаты федеральных налогов и сборов, страховых взносов, региональных налогов и местных налогов и сборов.

Налоговые преступления совершаются в отношении налогов, сборов, страховых взносов,

уплата которых предусмотрена ст. 13, 14, 15, 18 и 18.1 НК РФ и соответствующими главами части второй НК РФ. При этом преступление, предусмотренное ст. 199.2 УК РФ, состоит в сокрытии денежных средств либо имущества, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки не только по указанным налогам, сборам, страховым взносам, но и по страховым взносам, предусмотренным законодательством об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Составообразующим признаком данных налоговых преступлений, который позволяет отграничить преступное уклонение от неправомерного, является способ совершения преступления, а именно: непредставление в налоговые органы налоговой декларации и иных обязательных документов, либо включение в представленные документы заведомо ложных сведений. В данном случае способ совершения преступления является «обязательным элементом состава преступления и ... выражает функцию уголовно-правового запрета» [5].

Субъективная сторона характеризуется тем, что преступление совершается с прямым умыслом. На данное обстоятельство также обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 своего Постановления от 26.11.2019 № 48.

Общей характеристикой объективной стороной налоговых преступлений всегда является действие или бездействие по нарушению норм НК РФ. Практически все обстоятельства, составляющие объективную сторону таких преступлений, будут устанавливаться на основании применения норм НК РФ.

Налоговые преступления характеризуются также и тем, что они взаимосвязаны с составами налоговых правонарушений, предусмотренными НК РФ. По своим составам налоговые преступления и некоторые налоговые правонарушения совпадают и криминализирующим признаком налоговых преступлений выступает единственно крупный и особо крупный размер совершенного нарушения [8]. Другими словами, общественно опасным и влекущим уголовную ответственность является налоговое правонарушение, совершенное в крупном и особо крупном размере.

Таким образом, взаимосвязь составов налоговых преступлений с составами налоговых правонарушений позволяет сделать вывод о том, что специфика материалов, которые направляются налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела обусловлена в основном именно этим обстоятельством.

Специфика налоговых преступлений детерминирует содержание материалов налоговых органов. Однако по этому вопросу имеет место и обратная взаимосвязь. Предусмотренность как результат деятельности налоговых органов по выявлению признаков налоговых преступлений в соответствии с законодательством о налогах и сборах обуславливает особый порядок инициирования уголовного преследования в отношении неплательщиков налогов.

Уже сейчас возможно, аккумулируя сделанные выше историко-правовые и теоретические выводы, сформулировать главную научную идею предпринятого исследования – предусмотренность по налоговым преступлениям (налоговая предусмотренность) представляет собой наличие определенных обстоятельств, установленных в ходе административной деятельности налоговых органов по производству налоговой проверки (налоговому контролю), составляющих содержание исключительного повода для инициирования уголовно-процессуальной деятельности, направленной на возбуждение уголовного дела и последующее привлечение лица к уголовной ответственности.

Далее, соответственно, необходимо обосновать существование налоговой предусмотренности и раскрыть ее содержание.

Для обоснования необходимости законодательного закрепления предусмотренности определенных обстоятельств применительно к отдельным составам преступлений (в нашем случае – налоговым преступлениям) необходимо обратиться к целому ряду факторов.

Во-первых, к диалектике соотношения публичных и частных начал в современном уголовном судопроизводстве. При этом сразу отметим, что рассмотренные выше негативные последствия налоговых преступлений затрагивают не только государственные, но и общественные интересы. Поэтому именно публичные начала определяют деятельность налоговых органов и органов предварительного следствия по инициированию уголовного преследования за совершение налоговых преступлений.

Вместе с тем, глубоко убеждены, что закрепление в ст. 6 УПК РФ приоритета защиты частных интересов и, как следствие, развитие частных начал уголовного судопроизводства, обусловило необходимость конструирования на законодательном уровне дополнительных механизмов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства, в том числе по налоговым преступлениям. В этом аспекте предусмотренность (предсудимость) вполне возможно рассматривать в качестве одной из уголовно-процессуальных гарантий прав личности. В этом плане заслуживает внима-

ния предложение А.И. Колосай о необходимости дополнительного выделения гарантий прав лиц против злоупотреблений властными полномочиями со стороны государственных органов и должностных лиц [4].

Применительно к налоговым преступлениям наиболее эффективной гарантией от необоснованного уголовного преследования как раз и выступает налоговая предусмотренность (ряда частных условий), необходимых для инициирования уголовного судопроизводства, что, в конечном счете, обеспечивает защиту прав и законных интересов налогоплательщиков (защиту бизнеса) от действий со стороны правоохранительных органов, которые могут нарушить первоначально – права субъектов экономической деятельности, а в последующем – права участников процесса.

Вспоминая о предусмотренности, связанной со ст. 305 УК РФ, отметим, что в обеих процедурах предварительное установление определенных обстоятельств как налоговыми органами (по налоговым преступлениям), так и судом – по ст. 305 УК РФ имеет определенную специфику, определяемую реализацией публичных начал уголовного судопроизводства. Проявляется это в том, что суверенное государство самостоятельно выстраивает определенную иерархию частных и публичных ценностей, которые отражаются в особенностях процедуры инициирования уголовного судопроизводства по некоторым категориям уголовных дел.

В частности, в приведенном примере со ст. 305 УК РФ интересы (гарантии) правосудия (окончательности приговора) преобладают над полномочиями следователя по возбуждению уголовного дела. Что касается обеспечения баланса частных интересов налогоплательщиков и публичных интересов государства по налоговым преступлениям, то правовое регулирование налогообложения в целом и привлечение виновных к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, в частности, должно учитывать, что одним из основных препятствий на пути развития экономики Российской Федерации, по мнению как теоретиков права [6], так и законодателей (см., например, распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р в ред. распоряжения Правительства РФ от 30.03.2018 № 547-р), является излишнее административное давление на бизнес, наличие избыточных контрольных и надзорных органов, административных барьеров в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Важно отметить, что наличие подобного рода сдерживающих факторов экономического роста признается в равной степени одновременно представителями экономической теории и правовой науки [1; 9; 10].

Во-вторых, как следствие, при обнаружении признаков налоговых преступлений, возбуждение уголовного дела ставится в зависимость от неуплаты недоимки, установленной именно налоговым органом. Гарантирующее значение предустановленности по налоговым преступлениям заключается в том, что обращению в орган предварительного следствия предшествует регламентированная налоговым законом процедура обращения к налогоплательщику с целью добиться от него уплаты налога. Лишь в случае невыполнения налогоплательщиком этой обязанности и только после истечения определенных сроков налоговый орган передает информацию в орган предварительного следствия для дальнейшего инициирования уголовного судопроизводства и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Анализ приведенных примеров наглядно показывает, что инициирование уголовного судопроизводства ставится в зависимость от охраняемых суверенным государством ценностей и, как следствие, предварительного установления определенных условий (предустановленности), выступающего в качестве надежной гарантии от необоснованного уголовного преследования со стороны органов предварительного расследования. Более того, ориентируясь на теоретико-правовую позицию Конституционного Суда РФ, отраженную в Постановлении от 18.10.2011 № 23-П, можно заключить о необходимости нового понимания соотношения частных и публичных начал уголовного судопроизводства, предполагающего постепенный отказ от концепции борьбы с преступностью как главной цели и даже высшей ценности государства в сфере уголовного судопроизводства.

Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П демонстрирует, что предустановленные (предсудимые) условия, отсутствие которых препятствует инициированию уголовного судопроизводства, имеют, в первую очередь, конституционно-правовую обусловленность. Пример ч. 8 ст. 448 УПК РФ показывает, что существуют более значимые и высокие цели и ценности, чем, собственно, борьба с преступностью. Одного лишь отрицания этого явления ссылками на недопустимость любых ограничений на пути возбуждения уголовного дела более недостаточно. Задача по борьбе с преступностью не может абсолютизироваться, а должна находиться в балансе с другими конституционно-правовыми ценностями. Как представляется, и законодатель, и Конституционный Суд РФ сегодня недвусмысленно отмечают, что необходимо постоянно взвешивать различные политико-правовые цели и искать баланс между ними.

В-третьих, объективная необходимость закрепления на законодательном уровне налого-

вой предустановленности в качестве гарантии прав и законных интересов налогоплательщиков обусловлена тем, что в отечественном государстве и праве наблюдается новый концептуальный подход к досудебной защите (обеспечению) прав и законных интересов налогоплательщиков. Механизм обеспечения прав и законных интересов налогоплательщиков может быть представлен в качестве самостоятельной правовой формы деятельности ее участников, которая обладает обособленной системой правовых средств, предусмотренных в нормах законодательства о налогах и сборах и иного смежного законодательства, имеющих место до обращения налоговых органов для последующего уголовного преследования.

Одним из основных движущих факторов в развитии досудебной защиты (обеспечения) прав и законных интересов налогоплательщиков стало закрепление дискреционных полномочий налоговых органов, направленных на урегулирование в административном порядке фактов неисполнения налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах.

В этом плане наделение налоговых органов исключительными полномочиями по формированию материалов налоговой проверки, констатирующих налоговую предустановленность, необходимую для последующего обращения налоговых органов в органы предварительного следствия с целью инициирования уголовного преследования в отношении неплательщика налогов, выступает в качестве своего рода дополнительной и эффективной гарантии беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности. Нетрудно заметить, что особый порядок формирования налоговыми органами исключительного повода для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям выступает в качестве одного из направлений по обеспечению государством надежности и устойчивости форм ведения предпринимательства, недопущения произвольного вмешательства в деятельность налогоплательщиков различных органов и должностных лиц, включая органы дознания (прежде всего в лице оперативных подразделений) и предварительного следствия.

В этой связи введение в научный оборот и юридическую практику таких понятий как «налоговая предустановленность» и «исключительный повод» для инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям выступает одним из эффективных способов правового обеспечения предпринимательской деятельности. Данные правовые категории следует рассматривать как появление новых возможностей, защищенных правом, в том числе закрепление ранее отсутствовавших субъективных прав либо

дополнительных легитимных вариантов поведения в определенной ситуации, связанной с налогообложением.

С учетом изложенного приходим к выводу о том, что предложенную в настоящем исследовании теорию (концепцию) налоговой предустановленности вполне возможно рассматривать в качестве структурного элемента (части) общей теории обеспечения предпринимательской деятельности. В этом плане налоговая предустановленность как научная теория (концепция) должна включать в себя базовые (конструктивные) параметры и структуру:

- целевую направленность;
- обеспечиваемый интерес;
- обеспечивательные средства и их виды;
- возникающие правовые эффекты.

Целевая направленность формирования налоговыми органами исключительного повода инициирования уголовного преследования по налоговым преступлениям и отражение в нем налоговой предустановленности обусловлена тем, что для субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, предусмотрены специальные налоговые режимы, позволяющие оптимизировать систему учета и налоговых платежей. В конечном счете целевая направленность теории исключительного повода в целом и налоговой предустановленности, в частности, сводится к созданию эффективных гарантий от произвольного вмешательства в деятельность налогоплательщиков со стороны государства.

Обеспечиваемый интерес вытекает из специфики предпринимательской деятельности и сводится не только к обеспечению личных, но и государственных (публичных) интересов в целом. Не случайно Правительством РФ было издано Распоряжение от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года», которое представляет собой межотраслевой документ стратегического планирования в сфере развития малого и среднего предпринимательства и является основой для разработки и реализации государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, содержащих мероприятия, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства.

Обеспечительные средства. Налоговая предустановленность, как результат формирования исключительного повода для инициирования уголовного преследования за налоговые преступления, предполагает разработку на законодательном уровне системы мер административного и уголовно-процессуального характера, направ-

ленных на защиту налогоплательщиков от произвольного вмешательства в их профессиональную деятельность. К их числу можно отнести те ограничения, которые установлены действующим законом при формировании повода и последующей проверки поступившей информации о налоговых преступлениях:

- специальные субъекты, уполномоченные проводить налоговую проверку и выявлять факты, связанные с неуплатой налогов и составляющие содержание налоговой предустановленности;
- процедура налогового контроля;
- право-временная возможность освободиться от уголовной ответственности посредством уплаты недоимки в установленный законом срок.

Возникающие правовые эффекты. Налоговая предустановленность как результат формирования налоговыми органами исключительного повода для инициирования уголовного преследования за налоговые преступления обуславливает (порождает) создание благополучных условий для ведения бизнеса на территории Российской Федерации, снижения возможного давления на предпринимателей (включая меры государственного принуждения, применяемые правоохранительными органами), что, безусловно, положительно сказывается на экономике государства в целом, на наполнении федерального бюджета и реализации государственных программ, а также, не в последнюю очередь, на уровне правовой культуры российского общества.

При формировании исключительного повода для инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям необходимо исходить из того, что всякое регулятивное воздействие на предпринимательскую деятельность неизбежно должно учитывать специфику ее организации и осуществления, предполагать стабильность, предвидение и последовательность, не допускающие резких колебаний и проявления непредсказуемых (случайных) факторов. В отечественной доктрине и отдельных законодательных актах были попытки выработать представления об этом аспекте регулирования через понятия «стабилизационная оговорка» (Статья 9 Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ).

Под стабилизационной оговоркой в теории финансового и налогового права понимается механизм защиты инвестора, закрепленный в соглашении (например, СЗПК в России), который гарантирует неприменение к инвестиционному проекту изменений в законодательстве (налоговом, таможенном, земельном), ухудшающих его условия, на определенный срок, фиксируя льготные условия на момент заключения договора.

Она предотвращает рост налоговой нагрузки или введение новых ограничений для инвестора, обеспечивая предсказуемость и планируемый финансовый эффект от проекта.

Применительно к вопросу теории обеспечения предпринимательской деятельности и правовому регулированию привлечения к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, под стабилизационной налоговой оговоркой предлагается понимать гарантию того, что в случае неблагоприятного изменения законодательства (в нашем случае – налогового) к налогоплательщику эти изменения применяться не будут. В этом плане стабилизационная налоговая оговорка может быть отнесена к элементам теории формирования исключительного повода для инициирования уголовного преследования по налоговым преступлениям.

В дополнение к отмеченному укажем, что правовая обусловленность налоговой предустановленности как результата формирования налоговыми органами исключительного повода определяется тем, что налоговый орган в ходе своей профессиональной деятельности (на этапе проведения налоговой проверки) может более квалифицированно получить (сформировать) информацию, устанавливающую целый ряд обстоятельств, совокупность которых составляет фактический состав (налоговую предустановленность), включая факт недоимки, то есть один из признаков объективной стороны налогового преступления – непоступление в бюджетную систему денежных средств в крупном (особо крупном) размере, который согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству необходим для инициирования последующей уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного следствия, направленной на проверку наличия признаков налогового преступления и, как следствие, возбуждение уголовного дела.

Все вышеизложенное свидетельствует об объективной необходимости научного осмысления целесообразности официального закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (в отдельной главе УПК РФ) института предустановленности (предсудимости) применительно к отдельным составам преступлений.

В свою очередь, перед наукой уголовного процесса стоит актуальная задача понять, где и когда возникает потребность для установления подобных частных условий (обстоятельств), отсутствие которых является препятствием для инициирования уголовного судопроизводства и, как следствие, надежной гарантией от необоснованного уголовного преследования.

Список литературы:

- [1] Андреев Д.В., Потанин М.М. Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 39-50
- [2] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007.
- [3] Дирксен Т.В. Эффективность правовых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.
- [4] Колосай А.И. Виды и элементы уголовно-процессуальных гарантий // Молодой ученый. 2025. № 16 (567). С. 209-213.
- [5] Новик В.В. Способ совершения преступления. Уголовно-правовой и криминалистический аспекты. СПб. 2002. С. 14-15.
- [6] Переседов А.М. Институт превенции в законодательстве о контроле (надзоре) // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 51-54.
- [7] Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права. Волгоград, 1998. С. 10.
- [8] Соловьев И.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов. М., 2000. С. 19.
- [9] Романовская О.В. Государственное регулирование и дерегулирование: право и экономика в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. № 4. С. 450-459.
- [10] Романовская О.В. Понятие дерегулирования в российской правовой науке // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 24-28.
- [11] Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. СПб., 2001. С. 4.
- [12] Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 80.
- [13] Яни П.С. Бланкетные «экономические» статьи уголовного закона // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 47.
- [14] Яни П.С. Уголовно-правовые средства противодействия криминальному переделу собственности // Закон. 2003. № 8. С. 46.

References:

- [1] Andreev D.V., Potanin M.M. The influence of the administrative burden of the public administration system on the investment climate of the Far East//Power and management in the East of Russia. 2024. № 4 (109). S. 39-50

[2] Volzhenkin B.V. Crimes in the field of economic activity under the criminal law of Russia. St. Petersburg: Publishing House R. Arslanov "Legal Center Press," 2007.

[3] Dirksen T.V. Effectiveness of legal measures to prevent tax evasion: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2024.

[4] Kolosai A.I. Types and elements of criminal procedural guarantees//Young scientist. 2025. № 16 (567). S. 209-213.

[5] Novik V.V. Method of committing a crime. Criminal law and forensic aspects. St. Petersburg. 2002. S. 14-15.

[6] Peresedov A.M. Institute of Prevention in Control (Supervision) Legislation//Administrative Law and Process. 2021. № 12. S. 51-54.

[7] Pikurov N.I. Theoretical problems of intersectoral relations of criminal law. Volgograd, 1998. S. 10.

[8] Soloviev I.N. Criminal liability for tax and fee evasion. M., 2000. S. 19.

[9] Romanovskaya O.V. State regulation and deregulation: law and economics in modern Russia//Izvestia Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Right. 2023. VOL. 23. № 4. S. 450-459.

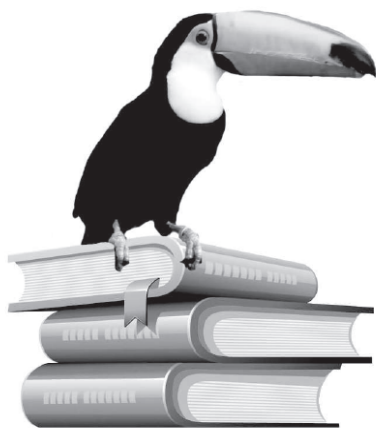
[10] Romanovskaya O.V. The concept of deregulation in Russian legal science//Legal policy and legal life. 2017. № 4. S. 24-28.

[11] Tyunin V.I. Some aspects of the interpretation, application and improvement of criminal legislation protecting relations in the field of economic activity. St. Petersburg, 2001. P. 4.

[12] Cherdantsev A.F. Interpretation of Soviet law. M., 1979. S. 80.

[13] Jani P.S. Blanket "economic" articles of the criminal law//Russian justice. 1995. № 11. S. 47.

[14] Jani P.S. Criminal legal means of counteracting criminal redistribution of property//Law. 2003. № 8. S. 46.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры информационных технологий и специальной техники органов внутренних дел Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

БЖИЕВ Роман Борисович,
кандидат юридических наук, доцент института стоматологии и челюстно-лицевой хирургии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
e-mail: mail@law-books.ru

БОРИСОВА Мария Игоревна,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы применения норм главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Автор анализирует судебную практику, выявляет коллизии и пробелы действующего законодательства в условиях стремительной цифровизации общественных отношений. Особое внимание уделяется проблемам разграничения смежных составов преступлений, определению предмета и объекта преступного посягательства, установлению причинно-следственной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями. Автор обосновывает необходимость системного реформирования уголовно-правовых норм о киберпреступности с учетом международного опыта и современных технологических реалий. В работе формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение эффективности противодействия преступлениям в цифровой среде.

Ключевые слова: киберпреступность, компьютерная информация, цифровизация, уголовно-правовая квалификация, информационная безопасность, вредоносные программы, несанкционированный доступ, уголовная ответственность, объект преступления, совершенствование законодательства.

GAUZHAEVA Victoria Aleksandrovna,
Candidate of Law Associate Professor,
Department of Information Technology and Specialized
Equipment of the Internal Affairs Agencies,
North Caucasus Institute for Advanced Training
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

BZHIEV Roman Borisovich,
Candidate of Law Associate Professor,
Institute of Dentistry and Maxillofacial Surgery,
Kabardino-Balkarian State University
named after Kh.M. Berbekova,

DIGITALIZATION OF CRIME: PROBLEMS OF CRIMINAL-LAW CLASSIFICATION OF COMPUTER-RELATED CRIMES AND PROSPECTS FOR LEGISLATION DEVELOPMENT

Annotation. *This article examines current issues in the application of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates liability for cybercrimes. The author analyzes judicial practice and identifies conflicts and gaps in current legislation in the context of the rapid digitalization of social relations. Particular attention is paid to distinguishing between related offenses, determining the subject and object of criminal offenses, and establishing a causal relationship between illegal actions and the resulting consequences. The author substantiates the need for a systemic reform of criminal law regulations on cybercrime, taking into account international experience and modern technological realities. The paper formulates specific proposals for improving legislation aimed at increasing the effectiveness of combating crimes in the digital environment.*

Key words: *cybercrime, computer information, digitalization, criminal law classification, information security, malware, unauthorized access, criminal liability, object of crime, legislative improvement.*

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным уровнем проникновения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, уровень цифровизации экономики России к 2024 году достиг 28%, что обуславливает необходимость адекватной правовой защиты складывающихся общественных отношений [1]. В этой сфере образуются менее защищенные социальные группы, которые требуют дополнительной защиты и поддержки, в том числе правовыми методами.

Одновременно с расширением цифрового пространства наблюдается трансформация преступности: традиционные криминальные практики переносятся в виртуальную среду, возникают принципиально новые способы совершения общественно опасных деяний, демонстрируя уверенный рост [2].

Действующее уголовное законодательство, несмотря на регулярные изменения и дополнения, не всегда успевает адаптироваться к стремительно меняющимся реалиям. Глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления в сфере компьютерной информации» (статьи 272-274.2) была введена в 1996 году и с тех пор претерпела существенные изменения, однако многие проблемы правоприменения остаются нерешенными.

Ключевой теоретической проблемой остается определение родового и непосредственного объекта преступлений этой группы. По этому вопросу нет единого мнения. Часть исследователей полагает, что объектом выступают общественные отношения в сфере обеспечения безо-

пасности информации и систем ее обработки [3, с.303]. Другие ученые акцентируют внимание на общественных отношениях по безопасному использованию компьютерной информации [4, с.454].

Мы склоняемся к мнению, что это те отношения, которые обеспечивают безопасность информационной среды и информационных систем. Такой подход согласуется с положениями Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и позволяет более точно определить специфику посягательств в цифровой сфере.

Не менее дискуссионным является вопрос о предмете преступного посягательства. Законодатель использует термин «компьютерная информация», определяя ее в примечании к статье 272 УК РФ как информацию на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (далее – ЭВМ), системе ЭВМ или их сети. Однако данное определение не учитывает современные технологические реалии: облачные хранилища, распределенные системы, технологии блокчейн и т.д. [5, с.5-17].

Правоприменительная практика сталкивается с трудностями при квалификации деяний, связанных с воздействием на информацию, размещенную в облачных сервисах, принадлежащих иностранным компаниям, или при посягательствах на децентрализованные системы. Данная проблема требует законодательного решения путем расширения понятия компьютерной информации с учетом современных форм ее существования и хранения.

Статья 272 УК РФ устанавливает ответственность за неправомерный доступ к храняе-

мой законом компьютерной информации. Анализ судебной практики демонстрирует существенные расхождения в толковании признаков состава данного преступления.

Во-первых, проблематичным является установление момента окончания преступления. Судебная практика исходит из того, что преступление окончено с момента получения лицом возможности ознакомиться с охраняемой законом информацией или распорядиться ею [6]. Однако при этом не учитывается, что современные системы защиты информации фиксируют многочисленные попытки несанкционированного доступа, которые автоматически блокируются. Возникает вопрос: следует ли квалифицировать такие действия как покушение на преступление или как оконченное деяние, если технически доступ был осуществлен, но информация не была получена в результате срабатывания защитных механизмов?

Во-вторых, сложности вызывает разграничение неправомерного доступа к компьютерной информации и смежных составов преступлений. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, нередко одни и те же действия могут быть квалифицированы и по статье 272 УК РФ, и по статьям о хищении, нарушении неприкосновенности частной жизни и другим нормам [7, с.603]. Правоприменитель должен руководствоваться правилами квалификации при конкуренции норм, однако отсутствие четких разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел порождает противоречивую практику.

В-третьих, дискуссионным остается вопрос об уголовной ответственности за использование стандартных учетных данных (логин/пароль), установленных производителем оборудования или программного обеспечения и не измененных пользователем. Некоторые суды признают такие действия неправомерным доступом, другие указывают на отсутствие преодоления системы защиты информации. Представляется необходимым законодательное закрепление понятия «преодоление системы защиты информации» для унификации судебной практики.

Статья 273 УК РФ предусматривает ответственность за создание, распространение или использование вредоносных компьютерных программ. Диспозиция данной нормы вызывает множество вопросов у правоприменителя.

Законодатель определяет вредоносные программы как программы, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты. Однако в современных условиях существует значительное количество программного обеспечения двойного назначения: инстру-

менты тестирования на проникновение, программы для аудита информационной безопасности, средства удаленного администрирования и т.д. [8, с.54].

Правоприменительная практика сталкивается с необходимостью разграничения легитимного использования таких программ специалистами в области информационной безопасности и противоправной деятельности. Критерием должна выступать цель использования, однако установление субъективной стороны в таких делах представляет значительную сложность.

Кроме того, современные технологии позволяют создавать программы, которые формально не подпадают под определение вредоносных, но фактически причиняют существенный вред. Например, программы-майнеры, использующие вычислительные ресурсы чужих компьютеров без согласия их владельцев, или программы для DDoS-атак, построенные на принципе распределенных вычислений. Требуется расширение перечня признаков вредоносности программ с учетом новых технологических угроз [9, с.45-55].

Статья 274 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и иного оборудования. Данная норма применяется крайне редко, что обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, законодатель не конкретизирует, какие именно правила имеются в виду. В различных организациях действуют различные внутренние регламенты, стандарты, инструкции, что создает неопределенность бланкетной диспозиции. Как отмечается в юридической литературе, отсылка к неопределенному кругу нормативных актов и локальных документов противоречит принципу правовой определенности [10].

Во-вторых, установление причинно-следственной зависимости нарушением и наступившими последствиями возможно только экспертным путем со сложностями, связанными с методическим обеспечением этой деятельности.

В-третьих, субъектом данного преступления является лицо, имеющее доступ к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации. Однако законодатель не уточняет характер такого доступа (правомерный или неправомерный), что порождает споры в доктрине и правоприменительной практике.

Анализ зарубежного законодательства демонстрирует различные подходы к криминализации деяний в информационной сфере. Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года, к которой Российская Федерация не присоединилась, но положения которой активно

используются в международной практике, содержит более детальную классификацию компьютерных преступлений [11], что позволяет более дифференцированно подходить к установлению уголовной ответственности.

Законодательство Германии содержит специальные составы преступлений, связанных с компьютерным саботажем, шпионажем данных, фишингом. Уголовный кодекс Франции предусматривает ответственность за изготовление, продажу, хранение оборудования, программ или данных, предназначенных для совершения преступлений в информационной сфере. Этот опыт может использоваться в нашей законодательной практике в части, не противоречащей действующему законодательству [12, с.160-165].

На основании проведенного исследования представляется необходимым сформулировать наши предложения по вопросам совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за преступления в сфере компьютерной информации:

1. Расширить понятие «компьютерная информация» в примечании к статье 272 УК РФ, включив в него информацию, содержащуюся в распределенных информационных системах, облачных хранилищах и иных формах цифрового представления данных независимо от места физического расположения носителя.
2. Дополнить главу 28 УК РФ статьей об ответственности за организацию и проведение DDoS-атак, которые в настоящее время квалифицируются по различным нормам в зависимости от наступивших последствий, что не способствует единообразию практики.
3. Ввести в УК РФ норму об ответственности за незаконный оборот средств и программ, предназначенных для осуществления несанкционированного доступа к компьютерной информации.
4. Конкретизировать понятие «преодоление системы защиты информации» путем введения соответствующего примечания к статье 272 УК РФ, что позволит унифицировать судебную практику по делам о неправомерном доступе.
5. Внести изменения в статью 274 УК РФ, уточнив характер нарушаемых правил и установив, что речь идет о правилах, определенных федеральными законами, подзаконными нормативными актами или обязательными к применению стандартами.
6. Рассмотреть возможность введения в УК РФ специальной нормы об уголовной ответственности за компьютерное мошенничество как самостоятельного состава престу-

пления, отличного от мошенничества в общем смысле, учитывая специфику способа совершения и характер причиняемого вреда.

Изучение уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за деяния этой группы, приводит к выводу о необходимости продолжения его модернизации. Темпы цифровизации общества опережают развитие правовой базы и влекут сложности в противодействии киберпреступности. Сказываются и другие факторы, ключевым из которых выступает недостаток специалистов в этой сфере в сочетании с низким уровнем материально-технического обеспечения подразделений и сотрудников правоохранительных органов.

Основные проблемы правоприменения связаны с недостаточной определенностью ключевых понятий (компьютерная информация, вредоносная программа, преодоление системы защиты), сложностью разграничения смежных составов преступлений, отсутствием детальных разъяснений высших судебных инстанций по вопросам квалификации.

Эффективность правового регулирования в значительной степени зависит от преодоления выявленных проблем: устранения пробелов в квалификации киберпреступлений, развития международного сотрудничества, совершенствования механизмов защиты прав потерпевших. Дальнейшее развитие законодательства должно осуществляться с учётом баланса между обеспечением безопасности финансовых операций и сохранением доступности финансовых услуг, а также с соблюдением прав и свобод граждан в цифровой среде.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой концепции уголовно-правовой охраны информационной безопасности в условиях развития искусственного интеллекта, квантовых вычислений и других прорывных технологий, которые неизбежно потребуют переосмысления традиционных подходов к определению объекта, предмета и субъекта преступлений в цифровой среде и повлекут изменения в структуре и динамике преступности в разной степени в различных регионах страны.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2025. - 52 с.
- [3] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Нау-

мов, А. Г. Кибальник. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2025. - 448 с.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рапога. М.: Проспект, 2023.- 912 с.

[5] Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

[7] Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. - 926 с.

[8] Степанов-Егиянц В.Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации по уголовному законодательству России: монография. М.: Статут, 2018. - 238 с.

[9] Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С.45-55.

[10] Ежова Е.В., Зимасова А.А. Соблюдение принципа правовой определенности при применении бланкетной нормы в уголовном праве как важная гарантия обеспечения конституционных прав человека // Вестник СГЮА. 2025. №1 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-printsipa-pravovoy-opredelennosti-pri-primenении-blanketnoy-normy-v-ugolovnom-prave-kak-vazhnaya-garantiya> (дата обращения: 05.11.2025).

[11] Convention on Cybercrime (Budapest, 23.11.2001) // European Treaty Series. No. 185.

[12] Локнов А.И. Уголовно-правовая оценка неправомерного доступа к компьютерной информации // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09-10 июня 2023 года. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 160-165.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] The state of crime in Russia in January-December 2024. М.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - 52 s.

[3] Criminal law. General part: textbook for universities/responsible editors A. V. Naumov, A. G. Kibalnik. - 6th ed., Revised. and add. - М.: Yuright Publishing House, 2025. - 448 s.

[4] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/ed. A.I. Raroga. М.: Prospect, 2023.- 912 p.

[5] E.V. Talapina. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects//Journal of Russian Law. 2018. № 2. S. 5-17.

[6] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2019) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 17.07.2019) //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 3.

[7] A.V. Naumov. Practice of application of the Criminal Code of the Russian Federation: commentary on judicial practice and doctrinal interpretation/ed. G.M. Reznik. М.: Wolters Kluver, 2005. - 926 p.

[8] Stepanov-Egiyants V.G. Responsibility for crimes against computer information under the criminal legislation of Russia: monograph. М.: Statute, 2018. - 238 p.

[9] Nomokonov VA, Tropina TL Cybercrime as a new criminal threat//Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012. № 1 (24). S.45-55.

[10] Yezhova E.V., Zimasova A.A. Observance of the principle of legal certainty when applying the blanket norm in criminal law as an important guarantee of ensuring constitutional human rights//Vestnik SSLA. 2025. №1 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-printsipa-pravovoy-opredelennosti-pri-primenении-blanketnoy-normy-v-ugolovnom-prave-kak-vazhnaya-garantiya> (дата обращения: 05.11.2025).

[11] Convention on Cybercrime (Budapest, 23.11.2001) // European Treaty Series. No. 185.

[12] Loknov A.I. Criminal law assessment of illegal access to computer information//Criminal law: yesterday, today, tomorrow: materials of the annual international scientific and practical conference, St. Petersburg, June 09-10, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. S. 160-165.

ШАГАПОВ Исаак Равильевич,
аспирант кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий»,
г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: isa.shagapow@gmail.com

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – «ИИ») обусловило появление новых способов совершения преступлений, что создает серьезные вызовы для правоохранительной системы. Преступления с использованием ИИ характеризуются высокой степенью латентности, сложностью выявления следов преступной деятельности и необходимостью применения специализированных методов расследования. В статье рассматриваются особенности криминалистической тактики использования специальных знаний при производстве судебных экспертиз по данной категории дел.

Исследование базируется на анализе следственной практики, изучении зарубежного опыта противодействия киберпреступности с применением ИИ-технологий.

Установлено, что традиционные подходы к назначению и производству экспертиз требуют существенной модификации применительно к преступлениям, совершаемым с использованием ИИ. Выявлены специфические проблемы: сложность интерпретации алгоритмов машинного обучения, необходимость междисциплинарного взаимодействия экспертов различных специальностей, потребность в новых методиках исследования цифровых следов.

Разработаны тактические рекомендации по оптимизации взаимодействия следователя с экспертами при расследовании данной категории преступлений, предложена система критериев отбора экспертов, обладающих необходимыми компетенциями в области ИИ-технологий. Обоснована необходимость создания специализированных экспертных подразделений и разработки унифицированных методических подходов к исследованию преступлений, совершенных с использованием ИИ.

Результаты исследования имеют практическое значение для совершенствования криминалистической тактики и методики расследования преступлений в сфере высоких технологий. Предложены конкретные меры по интеграции ИИ-инструментов в процедуры экспертного исследования, включая алгоритмы автоматического анализа цифровых следов, системы распознавания искусственно генерированного контента и методы выявления паттернов машинного обучения в криминальной деятельности. Исследование демонстрирует перспективность создания гибридных экспертных систем, сочетающих возможности ИИ с профессиональным опытом судебных экспертов. Разработанные рекомендации могут быть использованы при подготовке нормативно-правовых актов, регламентирующих применение ИИ-технологий в правоохранительной деятельности, а также при создании образовательных программ повышения квалификации экспертов.

Ключевые слова: Специальные знания; судебная экспертиза; нейронные сети; социальная инженерия; синтетический контент; цифровые следы; цифровые преступления.

SHAGAPOV Isaac Ravilevich,
Postgraduate student at the Criminalistics
Department of the Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC TACTICS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN FORENSIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The rapid development of artificial intelligence (AI) technologies has led to the emergence of new ways of committing crimes, which poses serious challenges to the law enforcement system. Crimes involving AI are characterized by a high degree of latency, the difficulty of detecting traces of criminal activity, and the need to use specialized investigative methods. The article discusses the features of criminalistic tactics of using special knowledge in the production of forensic examinations in this category of cases.*

The research is based on the analysis of investigative practice, the study of foreign experience in countering cybercrime using AI technologies.

It has been established that traditional approaches to the appointment and production of examinations require significant modification in relation to crimes committed using AI. Specific problems have been identified: the complexity of interpreting machine learning algorithms, the need for interdisciplinary interaction between experts from various specialties, and the need for new methods for investigating digital footprints.

Tactical recommendations have been developed to optimize the investigator's interaction with experts in the investigation of this category of crimes, and a system of criteria for selecting experts with the necessary competencies in the field of AI technologies has been proposed. The necessity of creating specialized expert units and developing unified methodological approaches to the investigation of crimes committed using AI is substantiated.

The results of the study are of practical importance for improving forensic tactics and methods of investigating crimes in the field of high technology. Specific measures are proposed to integrate AI tools into expert research procedures, including algorithms for automatic analysis of digital footprints, recognition systems for artificially generated content, and methods for detecting machine learning patterns in criminal activity. The study demonstrates the promise of creating hybrid expert systems that combine AI capabilities with the professional expertise of forensic experts. The developed recommendations can be used in the preparation of regulatory legal acts regulating the use of AI technologies in law enforcement, as well as in the creation of educational programs for advanced training of experts.

Key words: *Specialized knowledge; forensic science; neural networks; social engineering; synthetic content; digital footprints; digital crimes.*

Согласно статистике МВД России о преступности за последние пять лет, значительная часть преступлений в России совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – «ИКТ») – более трети (40%) от общего числа зарегистрированных в России преступлений, что является максимумом удельного веса преступлений в период с 2020 года по настоящее время [23]. Как отмечалось Генеральным прокурором России на координационном совещании по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации от 10 октября 2024 г., в основном, криминальные посяательства совершаются с помощью Интернета (526,8 тыс. в 2023 г. и 417,1 тыс. в 2024 г.) и средств мобильной связи (302,9 тыс. в 2023 г. и 231,9 тыс. в 2024 г.) [24].

Преступления, совершенные с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации представляют серьезную угрозу государственной и общественной безопасности, поскольку выражаются в нарушении целостности

информационных систем, компрометации персональных данных граждан, дестабилизации работы критически важных объектов инфраструктуры, распространении недостоверной информации через цифровые каналы, а также в создании условий для совершения традиционных преступлений с использованием новых технологических возможностей. Особую опасность представляет использование искусственного интеллекта (далее – «ИИ») для автоматизации противоправных действий, создания поддельного контента высокого качества и обхода существующих систем защиты, что требует разработки адекватных правовых механизмов противодействия и соответствующего методического обеспечения правоохранительной деятельности.

Общим трендом в развитии российской преступности в сфере IT-технологий в период 2017 гг. – 2024 гг. стало заметное увеличение числа преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации. Так, в 2024 г. по сравнению с 2017 г. общее количество зарегистрированных преступлений показало рост в 643% (с 90 587 в 2017 г. до 765 365 в 2024 г.) (рис. 1) [25].

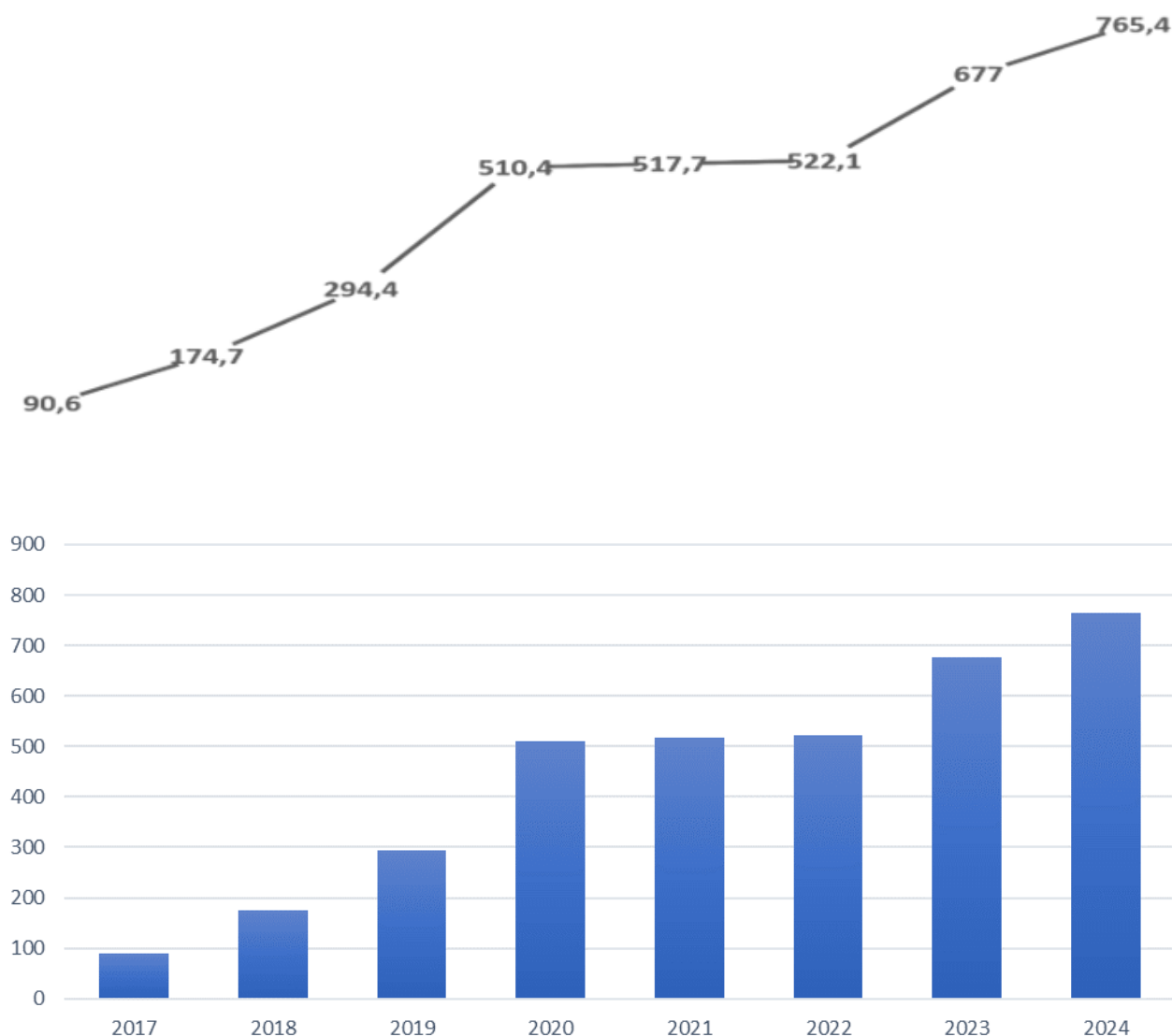

Рис. 1. Динамика преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации

Fig. 1. Dynamics of crimes committed using ICT or in the field of computer information

Резюмируя вышеизложенное, рост преступлений, совершенных с использованием ИКТ, и сложность их предупреждения, выявления, расследования и раскрытия свидетельствуют о необходимости совершенствования системы противодействия киберпреступлениям. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ представляет собой комплексную деятельность, что требует тесного взаимодействия государственных органов с общественностью и юридическими лицами, так или иначе связанными с вопросами обеспечения кибербезопасности [4, с. 58].

В рамках отечественной научной доктрины Л.В. Санина и В.В. Коломинов подмечают, что ИИ

является не только новым инструментом цифровизации для просвещения граждан России и помощи в их деятельности, но и «оружием» злоумышленников для совершения киберпреступлений [16, с. 355]. Преступления с использованием ИИ представляют собой качественно новую подкатегорию в структуре преступлений, совершаемых с использованием ИКТ. ИИ являлся главной темой исследований в 2022–2023 гг., а также в период появления новых терминов, таких как большие языковые модели, дипфейки, виртуальная и дополненная реальность и иных [21, с. 453].

Согласно отчету Исследовательского центра «Аналитика. Бизнес. Право» (ABL) от 17 марта 2025 г. о результатах анализа судебной практики

в России за период 2021 гг. – 2024 гг., в части споров, где фигурирует ИИ, установлено, что количество дел, связанных с ИИ, стабильно растет год к году [26]. В 2021 г. число случаев правонарушений с использованием ИИ составляло 112 случаев, в 2024 г. их количество выросло до 292. Рост на 39% за 4 года связан с ростом киберпреступности, а также ростом нарушений закона в области интеллектуальной собственности и прав потребителей.

Отметим, что законодательное регулирование ИИ только формируется, поэтому многие споры могут просто не называть ИИ как способ совершения преступлений. Таким образом, актуальная статистика, вероятно, показывает лишь часть дел, так как многие случаи использования ИИ в противоправных целях могут оставаться невыявленными или квалифицироваться без упоминания его роли. Анализируя тенденции ИИ-преступлений, возможно выделить следующие (рис. 2) [27].

Рис. 2. Виды ИИ-преступлений: анализ тенденций (категории часто пересекаются)

Fig. 2. Types of AI crimes: trend analysis (categories often overlap)

Рассматривая указанную деятельность как дефиницию, определим, что под преступлением, совершенным с использованием ИИ, следует понимать применение алгоритмов машинного обучения, нейронных сетей и других технологий ИИ для совершения преступных деяний в сфере ИКТ. В современных реалиях обострения криминальной обстановки, характеризующейся активизацией организованных преступных групп и возрастающими угрозами экстремистского и террористического характера, особую важность приобретает не только расследование уже совершенных преступлений, но и их профилактика с применением криминалистического инструмен-

тария. Соглашаясь с М.А. Иващенко, отметим, что сочетание ИИ с глобальной сетью открывает беспрецедентные перспективы для криминальных элементов [11, с. 22].

Как отмечают Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис и С.В. Хомутов, в последние годы значительно усовершенствованы методологические подходы к предупреждению противоправных деяний на основе специальных знаний [1, с. 506]. Параллельно с этим, цифровая трансформация судебной-экспертной сферы диктует необходимость пересмотра стандартов профессиональной подготовки экспертов-криминалистов в РФ, делая акцент на освоении современных ИКТ [2, с. 9].

Вместе с тем, государственные структуры, несмотря на традиционно более консервативный подход к технологическим инновациям, постепенно признают потенциал ИИ в решении застарелых проблем бюрократической эффективности и активно исследуют перспективы его внедрения [5, с. 6].

В данной связи, проанализируем характеристику применения специальных знаний в судебной экспертизе при исследовании некоторых преступлений, совершаемых с использованием ИИ в табличной форме (таблица 1).

Таблица 1. Применение специальных знаний в судебной экспертизе преступлений с использованием ИИ

Tab. 1. The use of specialized knowledge in the forensic examination of crimes using AI

№	Вид преступления с ИИ	Необходимые специальные знания	Методы экспертного исследования	Объекты исследования	Квалификация эксперта
1	Генерация дипфейков для мошенничества	Компьютерно-техническая экспертиза, анализ алгоритмов машинного обучения, цифровая криминалистика	Анализ метаданных, исследование артефактов генерации, сравнительный анализ с оригиналом	Видеофайлы, аудиозаписи, исходный код, модели ИИ	Специалист по компьютерной безопасности, эксперт в области цифровой обработки медиа-файлов, эксперт по ИИ
2	Автоматизированные кибератаки с применением ИИ	Сетевая безопасность, анализ вредоносного ПО, архитектура ИИ-систем	Обратная инженерия кода, анализ сетевого трафика, поведенческий анализ алгоритмов	Логи, вредоносное ПО, сетевой трафик, алгоритмы	Эксперт по информационной безопасности, специалист по компьютерно-технической экспертизе
3	Использование ИИ для обхода систем защиты	Криптография, архитектура защитных систем, методы машинного обучения	Моделирование атак, анализ уязвимостей, исследование алгоритмов	Системы защиты, исходный код, алгоритмы ИИ	Криптоаналитик, специалист по защите информации, эксперт по машинному обучению
4	Фальсификация доказательств с помощью ИИ	Лингвистическая экспертиза, экспертиза документов, анализ генеративных моделей	Стилометрический анализ, проверка подлинности, сравнение с эталонами	Текстовые документы, изображения, синтезированные файлы	Лингвист, документовед, специалист по генеративным моделям ИИ
5	Манипуляция рынком с помощью алгоритмов ИИ	Финансовый анализ, экономическая экспертиза, анализ данных	Исследование торговых алгоритмов, анализ паттернов сделок, статистический анализ	Торговые алгоритмы, финансовые данные, журналы транзакций	Финансовый аналитик, экономист, специалист по алгоритмической торговле
6	Создание вредоносных ботов и ИИ-агентов	Поведенческий анализ, программирование, сетевые технологии	Анализ поведенческих паттернов, реверс-инжиниринг, сетевой анализ	Исходный код ботов, сетевой трафик, алгоритмы	Программист, сетевой аналитик, эксперт по искусственному интеллекту

Анализируя тенденции, нельзя не отметить укрепление феномена дипфейков, которые представляют собой созданные с помощью компьютерных алгоритмов аудиовизуальные материалы, достоверно имитирующие несуществующие в реальности события и процессы на основе подлинных образцов голоса и внешности человека. Современный уровень технологий затрудняет идентификацию подлинности видеоматериалов с изображением человека без экспертной оценки специалистов [13, с. 391].

Распространение нейротехнологий в преступной среде видоизменяет характер социотехногенных манипуляций, придавая им одновременно масштабность и индивидуальную направленность, а уязвимости робототехнических комплексов, особенно при использовании программ с открытым кодом, становятся плодородной почвой для кибернетических вторжений [10 с. 25, 12 с. 246, 14 с. 193]. В связи с этим, следственным органам необходимо привлекать междисциплинарные команды экспертов (специалистов по ИИ, кибербезопасности), разрабатывать методики идентификации цифровых следов в нейросетевых структурах, а также создавать правовые механизмы получения доступа к закрытым алгоритмам коммерческих систем, что существенно расширяет арсенал специальных знаний, необходимых для эффективного расследования высокотехнологичных преступлений.

Вполне обоснованно, что злоупотребление технологиями дипфейка квалифицируется как противозаконное деяние и подлежит уголовно-правовому преследованию. Иллюстрацией правового механизма противодействия служит ст. 272.1 УК РФ [28], устанавливающая наказание за неправомерные манипуляции с персональными данными и создание инфраструктуры для их нелегального распространения [3, с. 27].

Зарубежные исследователи отмечают, что особую тревогу вызывает применение дипфейк-технологий для создания обнаженных изображений, что представляет собой новую, технологически продвинутую форму сексуальной агрессии с использованием цифровых материалов [6, с. 1349, 22 с. 651]. Цифровые и компьютерные достижения сегодня превращаются в инструментарий преступной деятельности, формируя своеобразный симбиоз криминальных намерений человека и технологических возможностей.

Применение компьютерных технологий в данной категории деяний следует рассматривать как неотъемлемый элемент объективной стороны преступления, непосредственно связанного с использованием технологических средств [15, с. 109]. Полагаем, достаточно дискуссионным остаётся вопрос определения субъекта ответственности при совершении противоправных действий с применением ИИ.

В профессиональном сообществе отсутствует консенсус относительно того, должен ли владелец прав на нейросеть нести ответственность за созданный с её помощью контент. Проблема разграничения юридической ответственности между создателями и пользователями подобных технологий находится на стыке правовых и этических аспектов современной юриспруденции [7, с. 373].

В данном свете, заслуживает внимания инициатива А.В. Степановой о дополнении ст. 63 УК РФ положением об использовании ИИ как обстоятельстве, усиливающем наказание за совершённое деяние [17, с. 352].

Рассматривая некоторые вопросы криминалистической тактики использования специальных знаний при расследовании преступлений с использованием ИИ, в том числе, для целей судебной экспертизы, усматриваются следующие недостатки (таблица 2).

Таблица 2. Вопросы криминалистической тактики использования специальных знаний в судебной экспертизе при расследовании преступлений с использованием ИИ

Tab. 2. Issues of criminalistic tactics of using special knowledge in forensic examination in the investigation of crimes using AI

№	Вопрос	Сущность
1	Сложность интерпретации алгоритмов машинного обучения	Проблема оценки надежности и точности алгоритмов ИИ, используемых преступниками или при сборе экспертом цифровых доказательств. Отсутствие четких методологических подходов к оценке достоверности результатов работы моделей машинного обучения осложняет процесс доказывания. Эксперты не всегда обладают инструментарием для определения, был ли контент создан ИИ, модифицирован с его помощью или является подлинным.

2	Потребность в новых методах исследования цифровых следов	Преступления с использованием ИИ формируют принципиально новые виды цифровых следов, которые традиционные криминалистические методики не способны эффективно выявлять и исследовать. Например, генеративные модели ИИ оставляют специфические артефакты, алгоритмические «отпечатки», которые требуют разработки особых инструментов и методов обнаружения. Цифровые следы, связанные с использованием ИИ, часто характеризуются повышенной изменчивостью, многослойностью и распределенностью. Указанные следы могут существовать одновременно на устройствах пользователей, серверах, в облачных сервисах, что требует комплексного подхода к их фиксации и изъятию.
3	Необходимость междисциплинарного взаимодействия экспертов различных специальностей	Эффективное расследование преступлений с использованием ИИ требует интеграции знаний из различных областей: информатики, криминалистики, лингвистики, психологии и других специальностей. Однако, существующая система подготовки судебных экспертов и организация экспертных учреждений часто не позволяют оперативно формировать междисциплинарные группы. Высокотехнологичная природа преступлений, совершаемых с использованием ИИ, требует от всех участников судопроизводства базового понимания принципов работы таких систем. Данное обстоятельство создает необходимость в новых образовательных программах, методических материалах и форматах взаимодействия между экспертами и правоприменителями, которые позволили бы эффективно транслировать сложные технические знания в юридический контекст.

Современные нейросети и алгоритмы глубокого обучения могут включать миллионы параметров, работающих одновременно, что делает практически невозможным восстановление цепочки логических решений, приведших к конкретному результату. Это создает серьезные препятствия для использования таких доказательств в суде, поскольку не соблюдается принцип прозраемости.

Для решения проблемы сложности интерпретации алгоритмов машинного обучения, предлагаем рассмотреть возможность развития направления «объяснимого ИИ», включая специализированные инструменты криминалистического аудита алгоритмов и создание стандартов документирования работы ИИ-систем. Важно обеспечить привлечение экспертов, специализирующихся на интерпретации моделей машинного обучения, способных объяснить суду в доступной форме принципы работы конкретного алгоритма и достоверность полученных с его помощью доказательств.

Вместе с тем, традиционные методы криминалистического исследования оказываются недостаточными при анализе цифровых следов, связанных с использованием ИИ. Изучение технических принципов и механизмов создания дипфейков позволит обнаружить уязвимости в этой технологии, что повысит эффективность выявле-

ния и расследования соответствующих преступлений [19, с. 238]. Модели генерации дипфейков непрерывно совершенствуются при одновременном повышении качества синтезируемого контента. Потребность правоохранительных структур в методах идентификации подобных технологий обуславливает необходимость разработки специальных методик противодействия неправомерному использованию этих достижений ИИ.

Современная эпоха развития ИИ и нейросетевых технологий характеризуется не только появлением принципиально новых методов мошенничества, но и трансформацией традиционных способов неправомерного доступа к информации и материальным ценностям [8, с. 290]. Текущие тенденции в сфере создания «фейковых новостей», ведения информационных войн в онлайн-пространстве, а также расширяющееся применение ботов и ИИ в криминальной среде требуют разработки аналитических инструментов, способных эффективно выявлять пропагандистские методики и идентифицировать связанные с ними идеологические конструкты [9, с. 563].

Преступления с применением ИИ генерируют особый тип цифровых артефактов: уникальные паттерны вычислений, специфические метаданные обработки информации, следы взаимодействия различных алгоритмов. Существующие методики не позволяют эффективно идентифи-

цировать, фиксировать и исследовать такие следы, что снижает эффективность расследования. Решение данной проблемы требует разработки новой методологической базы, включающей алгоритмы обнаружения признаков применения ИИ в цифровых данных, методы анализа информационных потоков в нейросетевых структурах и специализированные программные инструменты для визуализации скрытых взаимосвязей. Особое внимание следует уделить методикам идентификации дипфейков, синтезированных текстов и изображений, а также выявлению следов модификации данных с помощью генеративных алгоритмов.

Рассматривая вопрос обеспечения междисциплинарного взаимодействия экспертов различных специальностей, представляется перспективным внедрение междисциплинарных экспертных групп, работающих по специально разработанным протоколам взаимодействия. Иными словами, формирование новой экспертной специализации – криминалиста-аналитика в сфере ИИ, обладающего компетенциями на стыке различных наук. Важным элементом является также разработка специализированных образовательных программ и курсов повышения квалификации для следователей, экспертов и судей, позволяющих понимать специфику преступлений с использованием ИИ и эффективно применять специальные знания при их расследовании.

Криминалистическая наука изначально формировалась как дисциплина, интегрирующая достижения различных областей знания – математики, физики, химии, биологии, медицины и информатики, в целях противодействия преступности. Следовательно, представляется целесообразным интегрировать технологии ИИ в арсенал средств криминалистики для борьбы с правонарушениями. Системы ИИ способны значительно повысить эффективность работы правоохранительных органов, выступая в качестве вспомогательного инструмента, но не замены человеческого фактора.

Потенциал нейросетевых архитектур в анализе криминалистических ситуаций и формировании обоснованных следственных версий также весьма закономерен, однако, нормативные рамки их применения в расследовании преступлений пока не определены. Критически важным представляется обеспечение качественного обучения нейросетей использованию современного криминалистического инструментария, предшествующего внедрению ИИ в практическую деятельность следственных органов [18, с. 28].

В структуре риск-менеджмента экспертных лабораторий целесообразно сформировать отдельное направление исследования рисков применения технологий ИИ в экспертной работе [20, с. 19]. Указанное потребует выявления специ-

фических угроз, обусловленных несовершенством алгоритмов машинного обучения и недостатками информационных массивов, используемых системами ИИ. Целесообразным представляется первоначальное внедрение исключительно алгоритмов контролируемого обучения (с учителем) как способ минимизации рисков.

Таким образом, настоящее исследование подтверждает, что преступления, совершаемые с использованием ИКТ, представляют значительную угрозу национальной безопасности России. В рамках данной категории преступлений выделяется новая подкатегория – противоправные деяния с использованием ИИ, которые демонстрируют стабильный рост. Представляется, что сложность выявления, фиксации и исследования цифровых следов преступлений с использованием ИИ обусловлена тремя ключевыми факторами: проблемой интерпретации алгоритмов машинного обучения, недостаточностью методик исследования специфических цифровых следов и отсутствием эффективного междисциплинарного взаимодействия экспертов различных специальностей, в связи с чем, автором были предложены соответствующие пути решения.

Список литературы:

- [1] Аминев Ф.Г., Чемерис А.В., Хомутов С.В. «О потенциале всеобщей геномной регистрации в предупреждении преступлений» // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 4. С. 505-511.
- [2] Аминев Ф.Г. О проблемах формирования компетентности судебного эксперта в условиях цифровизации // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 9-12.
- [3] Архипереев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 22-30.
- [4] Астахова Е.А. Перспективы противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 56–64.
- [5] Adams I.T., Barter M., McLean K. et al. No man's hand: artificial intelligence does not improve police report writing speed. J. Exp. Criminol. 2024. pp. 1-18.
- [6] Asher Flynn, Anastasia Powell, Adrian J. Scott, Elena Cama, Deepfakes and Digitally Altered Imagery Abuse: A Cross-Country Exploration of an Emerging form of Image-Based Sexual Abuse, The British Journal of Criminology. 2022. Volume 62. pp. 1341–1358.
- [7] Вашеняк Н.Е. Сложные правовые аспекты, связанные с использованием искусственного интеллекта // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 371-377.

- [8] Гладких И.Н., Фомичев Д.С. К вопросу об особенностях применения искусственного интеллекта при раскрытии мошеннических преступлений // *Право и управление*. 2024. № 4. С. 289-292.
- [9] Deborah H. Drake, Reece Walters, Mark Wood, Greg Koumouris, *Criminology and Propaganda Studies: Charting New Horizons in Criminological Thought*, *The British Journal of Criminology*, Volume 64, Issue 3, May 2024, pp. 558–575.
- [10] Зотина Е.В. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 33 с.
- [11] Иващенко М.А. Новые формы организованной преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 35 с.
- [12] Кийко Д.С. Автономные роботы как угроза и инструмент защиты жертв преступлений // *Виктимология*. 2025. № 2. С. 243-249.
- [13] Морозова И.Г. К вопросу о необходимости правового регулирования дипфейков // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 2. С. 390-392.
- [14] Мочалкина И.С. Криминологическое противодействие экономическим преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2025. № 5 (129). С. 189-196.
- [15] Перина А.С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки // *Юридический вестник Самарского университета*. 2023. № 3. С. 106-115.
- [16] Санина Л.В., Коломинов В.В. Особенности расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 8 (236). С. 355-359.
- [17] Степанова А. В. Взаимосвязь искусственного интеллекта как средства совершения преступления и иных субъективных признаков состава преступления // *Образование и право*. 2021. № 5. С. 349-355.
- [18] Хамидуллин Р.С. Криминалистическое обеспечение использования технологии искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2024. № 2. С. 19-29.
- [19] Шепель Н.В., Янгаева М.О. Использование возможностей искусственного интеллекта при создании дипфейков // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2024. № 4 (57). С. 233-239.
- [20] Шихалиева С.З. Судебные экспертизы объектов в цифровой форме: прогнозирование и профилактика экспертных ошибок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025. 32 с.
- [21] Dunaeva, Y. Digital Evolution of Universities: Neural Networks in Education. In: Bolgov, R., et al. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023)*. TIPG 2022. Springer Geography. Springer, Cham. pp. 453-463.
- [22] Sidsel Kirstine Harder, Re-faced and Pornified— A Visual, Narrative Analysis of Sexual Scripts in Police Cases of Image-based Abuse, *The British Journal of Criminology*, Volume 63, Issue 3, May 2023, pp. 651–667.
- [23] Состояние преступности в России за период 2020-2025 гг.// Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 24.09.2025).
- [24] Координационное совещание по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации от 10 октября 2024 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092> (дата обращения: 24.09.2025).
- [25] Состояние преступности в России за период 2017-2024 гг.// Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 24.09.2025).
- [26] Публикация Исследовательского центра «АБП» (ABL) от 17 марта 2025 г. о количестве судебных дел, связанных с искусственным интеллектом // Информационное агентство «РБК». URL: <https://companies.rbc.ru/news/XpHsgaQhNg/kolichestvo-sudebnyih-del-svyazannyih-s-ii-vyroslo-na-39-za-4-goda/> (дата обращения: 24.09.2025).
- [27] Уголовная ответственность за новые преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Официальный сайт прокуратуры Республики Коми. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092> (дата обращения: 24.09.2025).
- [28] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2025).

References:

- [1] Aminev FG, Chemeris A.V., Khomutov S.V. "On the potential of universal genomic registration in crime prevention" // *All-Russian Criminological Journal*. 2022. № 4. S. 505-511.
- [2] Aminev F.G. On the problems of forming the competence of a forensic expert in the context of digitalization // *Criminological Journal*. 2024. № 1. S. 9-12.

- [3] Bishop N.V. Legal regulation of the creation and use of deepfakes//Legal state: theory and practice. 2025. № 2 (80). S. 22-30.
- [4] Astakhova E.A. Prospects for countering the use of information and communication technologies for criminal purposes//Legal policy and legal life. 2025. № 1. S. 56-64.
- [5] Adams I.T., Barter M., McLean K. et al. No man's hand: artificial intelligence does not improve police report writing speed. J. Exp. Criminol. 2024. pp. 1-18.
- [6] Asher Flynn, Anastasia Powell, Adrian J. Scott, Elena Cama, Deepfakes and Digitally Altered Imagery Abuse: A Cross-Country Exploration of an Emerging form of Image-Based Sexual Abuse, The British Journal of Criminology. 2022. Volume 62. pp. 1341-1358.
- [7] Washeniak N.E. Complex legal aspects related to the use of artificial intelligence//Bulletin of Science. 2023. № 12 (69). PP. 371-377.
- [8] Gladkikh I.N., Fomichev D.S. On the peculiarities of the use of artificial intelligence in solving fraudulent crimes//Law and management. 2024. № 4. S. 289-292.
- [9] Deborah H. Drake, Reece Walters, Mark Wood, Greg Koumouris, Criminology and Propaganda Studies: Charting New Horizons in Criminological Thought, The British Journal of Criminology, Volume 64, Issue 3, May 2024, pp. 558-575.
- [10] Zotina E.V. Fraud using information and telecommunication technologies and social engineering techniques: criminological research: author's abstract. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2024. 33 pp.
- [11] Ivaschenko M.A. New forms of organized crime: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2022. 35 p.
- [12] Kiyko D.S. Autonomous robots as a threat and tool to protect victims of crime//Victimology. 2025. № 2. S. 243-249.
- [13] Morozova I.G. On the need for legal regulation of deepfakes//Law and state: theory and practice. 2025. № 2. S. 390-392.
- [14] Mochalkina I.S. Criminological counteraction to economic crimes committed using information and telecommunication technologies// Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. 2025. № 5 (129). S. 189-196.
- [15] Perina A.S. "Digital crimes": concept, typology, signs//Legal Bulletin of Samara University. 2023. № 3. S. 106-115.
- [16] Sanina L.V., Kolominov V.V. Features of the investigation of fraud committed using artificial intelligence//Law and State: Theory and Practice. 2024. № 8 (236). S. 355-359.
- [17] Stepanova A. V. Relationship of artificial intelligence as a means of committing a crime and other subjective signs of corpus delicti//Education and law. 2021. № 5. S. 349-355.
- [18] Khamidullin R.S. Forensic support for the use of artificial intelligence technology in the disclosure and investigation of crimes//Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. 2024. № 2. S. 19-29.
- [19] Shepel N.V., Yangaeva M.O. Using the capabilities of artificial intelligence when creating deepfakes//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (57). S. 233-239.
- [20] Shikhalieva S.Z. Forensic examinations of objects in digital form: forecasting and prevention of expert errors: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Moscow, 2025. 32 pp.
- [21] Dunaeva, Y. Digital Evolution of Universities: Neural Networks in Education. In: Bolgov, R., et al. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023). TIPG 2022. Springer Geography. Springer, Cham. pp. 453-463.
- [22] Sidsel Kirstine Harder, Re-faced and Pornified— A Visual, Narrative Analysis of Sexual Scripts in Police Cases of Image-based Abuse, The British Journal of Criminology, Volume 63, Issue 3, May 2023, pp. 651-667.
- [23] The state of crime in Russia for the period 2020-2025//Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports> (access date: 24.09.2025).
- [24] Coordination meeting on countering crimes committed using information and telecommunication networks, digital currency and computer information dated October 10, 2024//Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092> (access date: 24.09.2025).
- [25] The state of crime in Russia for the period 2017-2024//Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports> (access date: 24.09.2025).
- [26] Publication of the ABP Research Center (ABL) dated March 17, 2025 on the number of court cases related to artificial intelligence//RBC News Agency. URL: <https://companies.rbc.ru/news/XpHsegaQhNg/kolichestvo-sudebnyih-del-svyazannyih-s-ii-vyirosto-na-39-za-4-goda/> (дата обращения: 24.09.2025).
- [27] Criminal liability for new crimes committed using information and telecommunication technologies//Official website of the Prosecutor's Office of the Komi Republic. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092> (access date: 24.09.2025).
- [28] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63 (from the last rev. and add. dated July 31, 2025 No. 282-FZ)//Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru/> (access date: 16.09.2025).

ПАНФИЛОВ Данил Вячеславович,
аспирант кафедры криминалистики
Института Права УУУНиТ 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ГАРИФУЛЛИН Ильгиз Ринатович,
к.ю.н., доцент кафедры криминалистики
Института Права УУУНиТ 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Аннотация. В настоящей статье проанализированы основные тактические приемы, используемые при допросе подозреваемого и обвиняемого, рассмотрены основные следственные ситуации и процессуальные особенности, связанные с допросом подозреваемого и обвиняемого, предложены пути по пресечению методов противодействия расследованию.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, допрос подозреваемого и обвиняемого, конфликтные и бесконфликтные следственные ситуации, процессуальные особенности.

PANFILOV Danil Vyacheslavovich,
Postgraduate student of the Department of Criminalistics
Institute of Law UUUNiT 3rd year

Scientific supervisor:
GARIFULLIN Ilgiz Rinatovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Criminalistics Institute of Law UUUNiT 3rd year

TACTICAL FEATURES OF INTERROGATING A SUSPECT (ACCUSED) IN THE INVESTIGATION OF CRIMES FROM THE PAST

Annotation. This article analyzes the main tactics used in the interrogation of suspects and accused, examines the main investigative situations and procedural features related to the interrogation of suspects and accused, and suggests ways to prevent methods of countering investigation.

Key words: crimes of the past, interrogation of suspects and accused, conflict and non-conflict investigative situations, procedural features.

Допрос подозреваемого ключевое следственное действие, проводимое при расследовании преступлений прошлых лет, положительный исход которого зависит от подготовительных действий следователя перед его проведением, повторным изучением материалов уголовного дела, исследованием сведений о личности лица совершившего преступление.

Тактика допроса – это теоретические положения и система тактических приемов, сформированных в целях обеспечения оптимальных

условий деятельности следователя по получению криминалистически значимой информации в типичных следственных ситуациях [4].

Перед допросом подозреваемого необходимо оценить сложившуюся следственную ситуацию, установленные факты, а также иные обстоятельства, подлежащие выяснению.

Основной проблемой, возникающей при допросе подозреваемого при расследовании преступлений прошлых лет, является длительное время, произошедшее с момента совершения

преступления. В этой связи, при допросе рекомендуется использовать методы ассоциативных связей и наглядности показаний.

Также при изучении сведений о личности подозреваемого необходимо обратить внимание на род его деятельности, место его жительства, членов его семьи, сведений о привлечении к уголовной и административной ответственности.

Более того, в случаях привлечения подозреваемого ранее к уголовной ответственности необходимо исследовать обстоятельства совершенного преступления, обращая отдельное внимание на способ совершенного преступления и его аналогичности совершенному преступлению.

С данной целью следователю необходимо связаться с должностными лицами, ранее осуществлявшими предварительное следствие и оперативное сопровождение по уголовному делу в отношении указанного лица.

Также отдельное внимание заслушивает роль защитника в ходе досудебного производства, поскольку сущность участия защитника в уголовном деле неоднократно исследовалось учеными в области криминалистики [1].

Так, выяснив сведения о личности защитника, обратившегося к следователю с ордером о представлении интересов подозреваемого, следователю необходимо провести неформальную беседу с защитником, выяснив у последнего версии стороны защиты, отношение подозреваемого к ранее совершенному преступлению.

Более того, перед проведением допроса подозреваемого следователю необходимо провести неформальную беседу также с последним, в ходе которой выяснить отношение преступника к совершенному преступлению.

В ходе неформальной беседы с подозреваемым следователю стоит установить психологический контакт, обратиться к его положительным качествам.

Особая сложность установления психологического контакта между подозреваемым и следователем состоит в отрицательном отношении следователя к преступнику, ввиду совершенного им преступления.

В этой связи, следователю рекомендуется подойти к неформальной беседе с подозреваемым с «холодной головой», отбросив эмоциональную составляющую, сосредоточившись в достижении положительного результата.

Перед допросом следователю рекомендуется предложить подозреваемому выпить воды или горячего чая с целью его расположения к себе и дачи признательных показаний.

В ходе неформальной беседы необходимо оценить сложившуюся следственную ситуацию, установленные факты, а также иные обстоятельства, подлежащие выяснению.

В этой связи, при проведении допроса подозреваемого могут сложиться следующие следственные ситуации:

- бесконфликтная следственная ситуация (подозреваемый признает сущность подозрения и готов давать показания об обстоятельствах совершенного преступления);
- конфликтная ситуация без строго соперничества (подозреваемый частично признает свою вину в совершенном деянии и готов изложить свою версию произошедших событий);
- конфликтная ситуация со строгим соперничеством (подозреваемый не признает виду в совершенном деянии, отказывается от дачи показаний).

Далее, будут рассмотрены основные тактические приемы в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

1. Подозреваемый отказался от дачи показаний.

В указанной следственной ситуации следователю необходимо разъяснить подозреваемому, что показания последнего не играют «ключевой роли» и виновность последнего будет доказана в ходе следствия, несмотря на то, что для этого потребуется дополнительное время.

Также рекомендуется разъяснить подозреваемому, что явка с повинной, активное сотрудничество раскрытию и расследованию преступления, будет расцениваться судом как обстоятельство, смягчающее наказание, а привлечение к уголовной ответственности неотвратимо и признание последнего лишь улучшит его положение.

Данная следственная ситуация характеризуется наиболее строгим соперничеством, поскольку полный отказ подозреваемого от дачи показаний, препятствует к проверке возможных версий стороны защиты и их опровержения.

Помимо прочего, любые устные доводы подозреваемого о предъявленных доказательствах, о совершенном преступлении, о возможном алиби, следователь должен тщательно проверять путем проведения следственных и процессуальных действий. Если они надуманны – опровергать их либо давать им объективную правовую оценку [3].

2. Подозреваемый дает ложные показания.

Второй разновидностью строгого соперничества является дача подозреваемым ложных показаний, основным приемом в данной ситуации является детализация показаний последнего.

При проведении допроса в данной ситуации следователю стоит изложить версию стороны защиты об обстоятельствах совершенного преступления в виде свободного изложения, после

чего принять меры к детализации данных показаний, посредством постановки уточняющих вопросов.

Кроме того, зачастую подозреваемый предлагает ложные версии о событии преступления, в частности, указывает о своей невинности и непричастности к совершенному преступлению.

Для пресечения таких показаний необходимо подготовить значительное количество уточняющих вопросов, которые по своему смыслу будут иметь одинаковое значение, однако по своему содержанию различны. Полагаем, что данные вопросы стоит отнести к числу «ключевых».

В ходе допроса данные вопросы стоит чередовать между собой, задавая их с наряду иными, не несущими доказательственного значения.

3. Подозреваемый дает правдивые показания.

В этом случае следователь должен произвести допрос по всем обстоятельствам совершенного преступления, уделив отдельное внимание тому, что в последующем подозреваемый может изменить линию защиты по уголовному делу и отказаться от данных показаний.

Определившись с основными тактическими приемами, применяемыми при допросе подозреваемого, необходимо перейти к особенностям производства допроса обвиняемого при расследовании преступлений прошлых лет.

Ю.В.Чуфаровский подчеркивает, что отношение обвиняемого к совершенному преступлению, предъявленному обвинению, возможному наказанию зависит от мотивов, которыми он руководствуется в период расследования уголовного дела [5].

Полагаем, что при проведении допроса обвиняемого могут быть применены нижеперечисленные тактические приемы. Между тем допрос обвиняемого по своему значению отличается от допроса подозреваемого тем, что на момент придания данного процессуального статуса, следователь имеет наличие достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершенном преступлении.

Поскольку допрос названного лица возможен лишь после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, показания такого лица можно классифицировать следующим образом:

1) Первоначальные показания обвиняемого.

Как правило, к числу первоначальных показаний относятся такие показания обвиняемого, которые даны им непосредственно после допроса подозреваемого. В случаях, когда допрос обвиняемого происходит через непродолжительное время после допроса подозреваемого, показания подозреваемого и обвиняемого схожи между собой.

К сожалению, в практической деятельности имеют место случаи прямого копирования показаний подозреваемого и их отражения в протоколе допроса обвиняемого, ввиду формального подхода к проведению следствия. Данные действия являются ошибочными и могут повлечь признание доказательств недопустимыми.

Также одним из видов формального подхода к допросу обвиняемого является следующее отражение показаний в протоколе допроса: вину в совершенном преступлении признаю в полном объеме, настаиваю на показаниях, данных мною при допросе в качестве подозреваемого».

В этой связи, допрос обвиняемого является самостоятельным следственным действием, вследствие чего, следователю необходимо отразить в первоначальных показаниях обвиняемого те обстоятельства, которые не нашли своего отражения в протоколе допроса подозреваемого.

2) Показания обвиняемого, данные им после предъявления обвинения в «окончательной редакции».

Предъявление обвинения в «окончательной редакции» представляет под собой процедуру, предусмотренную ст. 171 УПК РФ, при которой следователь установив все обстоятельства совершенного преступления, излагает их в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и предъявляет его обвиняемому.

Допрос обвиняемого на данной стадии проводится по всем обстоятельствам, установленным в ходе следствия, и как следствие, должен быть подробным и содержательным.

Отдельного внимания при расследовании преступлений прошлых лет заслуживает допрос представителя подозреваемого (обвиняемого).

В ходе предварительного следствия возможны случаи, когда личность лица, совершившего преступление установлена, однако последний скончался, при этом близкие родственники возражают на прекращение уголовного дела в отношении данного лица в связи со смертью.

В указанной следственной ситуации следователь привлекает к участию в уголовном деле представителя подозреваемого (обвиняемого), о чем выносится соответствующее постановление.

По смыслу уголовно-процессуального закона представитель подозреваемого (обвиняемого) должен быть допрошен по обстоятельствам уголовного дела.

При допросе такого представителя установлению подлежат вышеуказанные сведения. Вместе с тем позиция о виновности выяснению не подлежит.

Кроме того, законодателем не разрешен вопрос вступления в уголовное дело представи-

теля лица, совершившего преступление, когда последний в статусе подозреваемого и обвиняемого допрошен не был.

Так, следственным отделом по О. району г. Уфы расследовалось уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В ходе следствия установлены достаточные данные, указывающие на совершение Л. указанного преступления, однако последний по уголовному делу допрошен в качестве свидетеля, после чего скончался.

Таким образом, возникает вопрос: как придать процессуальный статус лицу совершившему преступление и при наличии каких оснований его представитель может вступить в уголовное дело?

Полагаем, что в данном случае представитель лица, совершившего преступление, вступает в уголовное дело после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

На основании изложенного, показания подозреваемого и обвиняемого являются непосредственным источником информации о содеянном, что чрезвычайно важно для выдвижения основных версий о событии и рабочих версий по каждому из элементов предмета доказывания.

Список литературы:

[1] Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката.–М., 2003.

[2] Образцов В.А., Богомолова С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии.–М., 2003.

[3] Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ...канд. юрид. наук. Уфа. 2005. 236 с.

[4] Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий (теоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.

[5] Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебник. – М., 2003.

References:

[1] Levi A.A., Ignatieva M.V., Kapitsa E.I. Features of the preliminary investigation of crimes carried out with the participation of a lawyer. - M., 2003.

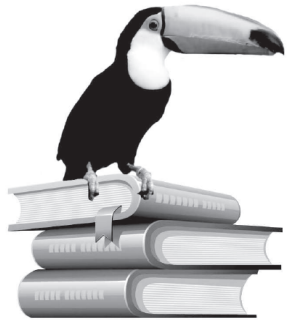
[2] Obratsov V.A., Bogomolova S.N. Interrogation of the victim and witness during preliminary investigation. - M., 2003.

[3] Khalikov A.N. Peculiarities of the investigation of bribes by law enforcement officials: dis.... cand. jurid. sciences. Ufa. 2005. 236 pp.

[4] D.S. Khizhnyak. Procedural and forensic problems of the development of investigative tactics (theoretical aspect): Dis.... cand. jurid. sciences. - Saratov, 2003.

[5] Yu.V. Chufarovsky Legal Psychology: Textbook. - M., 2003.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АТАЕВ Эльдар Мавлетгереевич,
федеральный судья Советского районного суда г. Махачкалы,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института ДГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

МАГОМЕДОВ Темирлан Магомед-Саидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института ДГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье проводится комплексный теоретико-прикладной анализ уголовно-правовых норм об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования (НВФ) и участие в нем. Авторами исследованы законодательная конструкция ст. 208 УК РФ, выявлены системные проблемы дифференциации ответственности, а также оценена эффективность специальных видов освобождения от ответственности. На основе анализа уголовных дел, судебной статистики и доктринальных источников обоснованы выводы о наличии в правовом регулировании существенных недостатков: отсутствие легального дефинитивного понятия НВФ, недостаточная дифференциация ответственности организаторов и рядовых участников, низкая эффективность механизма добровольного отказа. С использованием сравнительно-правового метода проанализирован зарубежный опыт (Казахстан, Узбекистан, Германия, Франция). Разработаны конкретные предложения по внесению изменений в УК РФ, а также сформулированы практические рекомендации по совершенствованию судебной практики и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, ст. 208 УК РФ, уголовно-правовая политика, дифференциация ответственности, освобождение от ответственности, судебная практика, совершенствование законодательства.

ATAYEV Eldar Mavletgerreyevich,
Federal Judge of the Sovetsky District Court of Makhachkala,
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and
Criminology, Law Institute, Dagestan State University

MAGOMEDOV Temirlan Magomed-Saidovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and
Criminology, Law Institute, Dagestan State University

IMPROVING CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTERACT THE ORGANIZATION OF ILLEGAL ARMED GROUPS: LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Annotation. The article provides a comprehensive theoretical and applied analysis of criminal law norms on liability for the organization of an illegal armed group (IAG) and participation in it. The authors examine the legislative structure of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation, identify systemic problems in the differentiation of liability, and evaluate the effectiveness of special types of exemption from liability. Based on the analysis criminal cases, judicial statistics, and doctrinal sources, conclusions are

substantiated regarding significant shortcomings in legal regulation: the absence of a legal definition of IAG, insufficient differentiation of liability between organizers and ordinary participants, and the low effectiveness of the voluntary renunciation mechanism. Using the comparative legal method, foreign experience (Kazakhstan, Uzbekistan, Germany, France) is analyzed. Specific proposals for amending the Criminal Code of the Russian Federation are developed, along with practical recommendations for improving judicial practice and law enforcement activities.

Key words: *illegal armed group, Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal law policy, differentiation of liability, exemption from liability, judicial practice, improvement of legislation.*

Уголовно-правовая норма, закрепленная в статье 208 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), на протяжении почти трех десятилетий остается одним из ключевых инструментов государственной политики в сфере противодействия организации незаконных вооруженных формирований (НВФ) и участию в них. С момента принятия УК РФ в 1996 году данная статья неоднократно подвергалась корректировке в рамках федеральных законов от 08.12.2003 № 162-ФЗ, от 27.12.2009 № 377-ФЗ, от 30.12.2020 № 535-ФЗ и других. Однако, несмотря на эти изменения, правоприменительная практика и доктрина уголовного права свидетельствуют о сохранении ряда системных проблем, которые существенно снижают эффективность реализации данных норм. Как справедливо отмечает Н.Ф. Кузнецова, «правоприменительная практика сталкивается с трудностями из-за оценочных понятий, нечеткой дифференциации ответственности и недостаточной проработанности института освобождения от ответственности» [4, с. 207]. В условиях сохраняющейся угрозы терроризма, экстремизма, а также ввиду вовлеченности российских граждан в вооруженные конфликты за пределами страны (включая Сирию, Украину, ряд стран африканского континента) вопросы совершенствования уголовного закона и практики его применения приобретают особую актуальность и требуют безотлагательного научного осмысления.

Официальные статистические данные подтверждают значительную распространенность рассматриваемого деяния. По информации Следственного комитета Российской Федерации, за период 2022–2024 гг. было возбуждено более 1 300 уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ. При этом около 350 из них связаны с фактами участия российских граждан в деятельности НВФ за пределами Российской Федерации [13]. Столь значительные цифры свидетельствуют не только о высокой общественной опасности данного вида преступлений, но и о наличии объективной потребности в критической оценке качества уголовно-правового инструментария, используемого для борьбы с ними. Судебная практика, в свою очередь, демонстрирует неоднородность подходов к ква-

лификации содеянного, дифференциации ответственности соучастников, а также к применению поощрительных норм, предусмотренных применением к ст. 208 УК РФ.

Целью настоящего исследования является выявление системных недостатков действующей редакции ст. 208 УК РФ и смежных с ней уголовно-правовых норм, разработка научно обоснованных предложений по их изменению, направленных на оптимизацию уголовной политики в сфере противодействия незаконным вооруженным формированиям, а также формулирование конкретных рекомендаций для правоприменителей, которые будут способствовать единообразию судебной практики и повышению эффективности предупреждения указанных преступлений.

Действующая редакция ст. 208 УК РФ конструирует составы преступлений, охватывающие создание незаконного вооруженного формирования, руководство им, участие в нем, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Часть вторая статьи устанавливает квалифицированные составы, предполагающие повышенную ответственность за те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, либо с применением оружия массового поражения. Критический анализ данной нормы позволяет выделить ряд системных недостатков, которые являются предметом дискуссий в научной литературе и вызывают сложности на практике.

Наиболее существенным недостатком, как обоснованно указывается в доктрине, является отсутствие в тексте УК РФ легальной дефиниции понятия «незаконное вооруженное формирование». Законодатель, используя этот термин в качестве ключевого элемента состава преступления, не раскрывает его содержания. В теории уголовного права и в судебной практике выработаны лишь отдельные признаки, к числу которых обычно относят: военизированный характер структуры, наличие оружия, противоправную цель деятельности. Однако отсутствие четких, нормативно закрепленных критериев порождает значительные разногласия при отграничении

НВФ от иных форм преступных объединений, в частности от банды (ст. 209 УК РФ) или иной организованной группы. Как справедливо подчеркивает В.П. Кашепов, «неопределенность понятия НВФ ведет к расширительному толкованию и, как следствие, к необоснованному привлечению к уголовной ответственности» [7, с. 110]. Проведенный анализ судебных решений показал, что в некоторых приговорах суды признавали в качестве НВФ группы лиц, состоящие из трех человек, не обладающие внутренней военной структурой, единоначалием, уставной дисциплиной, что, по сути, противоречит самой сущности военизированного формирования. Отсутствие четкой дефиниции также создает предпосылки для судебных ошибок, когда деятельность организованной преступной группы, специализирующейся на разбойных нападениях, ошибочно квалифицируется как организация НВФ, либо наоборот — реально существующее вооруженное формирование с иерархией и воинской дисциплиной неправомерно квалифицируется как банда.

Вооруженность выступает обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ. В правоприменительной практике возникают сложности с определением момента, с которого формирование следует считать вооруженным. Согласно сложившейся судебной практике, отраженной в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, вооруженность признается установленной с момента фактического обладания оружием хотя бы одним из членов группы, при условии, что остальные члены группы осведомлены об этом и намерены его использовать для достижения общих целей [3]. Однако данный подход не в полной мере учитывает ситуацию, когда формирование на момент его создания не располагало оружием, но имело цель его приобретения в будущем. В таких случаях состав преступления, исходя из буквального толкования, будет являться неоконченным (приготовлением), что зачастую не учитывается следственными органами и судами. В диссертационном исследовании В.В. Устинова высказывается обоснованное мнение о необходимости считать создание НВФ окончанным с момента организационного оформления структуры формирования, а вооруженность рассматривать не как моментный, а как длящийся признак, который может материализоваться позднее. При этом для привлечения лица к уголовной ответственности за создание такого формирования необходимо доказать наличие умысла на его вооружение [6, с. 98].

Диспозиция ст. 208 УК РФ не содержит указания на цель создания НВФ. Данное обстоятельство позволяет правоприменителю толковать

содержание цели расширительно, относя к ней любую преступную направленность. Однако отсутствие четко обозначенной цели влечет за собой риск привлечения к уголовной ответственности за формальное участие в группе, которая, хотя и имеет военизированную структуру, но не обладает реальной преступной направленностью либо преследует цели, не представляющие столь высокой степени общественной опасности. По мнению А.В. Наумова, «отсутствие указания на цель в диспозиции ст. 208 УК РФ является упущением, поскольку влечет необоснованное привлечение к ответственности за формальное участие в группе, не имеющей реальной преступной направленности» [5, с. 211]. В этом контексте показателен зарубежный опыт. Например, Уголовный кодекс Республики Казахстан в ст. 256 прямо указывает на цель создания НВФ как посягательство на конституционный строй, захват власти, что существенно сужает пределы применения нормы и придает ей более четкую направленность против наиболее опасных посягательств.

Санкция части 1 ст. 208 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а санкция части 2 — от десяти до двадцати лет со штрафом. Эти санкции сопоставимы с наказаниями за особо тяжкие преступления против личности и общественной безопасности. Однако конструкция нормы не обеспечивает должной дифференциации ответственности между различными категориями соучастников. В рамках одной части статьи отсутствует разграничение между организатором, руководителем, рядовым участником и пособником. Это приводит к тому, что лицо, выполнявшее второстепенные функции, несет ответственность в тех же пределах, что и инициатор и организатор преступной деятельности. Такое положение дел противоречит принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ, и принципу индивидуализации уголовной ответственности. Как справедливо отмечается в литературе, «следует предусмотреть отдельные составы для организатора и руководителя, с одной стороны, и участника — с другой, либо установить в санкциях дифференцированные пределы наказания» [5, с. 211].

Примечание к ст. 208 УК РФ устанавливает поощрительную норму: лицо, добровольно прекратившее участие в НВФ и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Аналогичные механизмы предусмотрены в примечаниях к ряду статей о преступлениях террористической и экстремистской направленности (ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 210, 282.1, 282.2 и др.). Однако, несмо-

тря на наличие такого стимулирующего инструмента, практика его применения остается крайне незначительной. Согласно отчетным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2022–2023 гг. уголовные дела по ст. 208 УК РФ были прекращены в связи с добровольным отказом и сдачей оружия только в 12 случаях, что составляет менее 1,5% от общего числа осужденных по данной статье [14]. Н.А. Лопашенко, анализируя причины столь низкой эффективности, указывает, что «правоприменитель нередко воспринимает поощрительные нормы как противоречащие принципу неотвратимости наказания, что приводит к их игнорированию даже при наличии формальных оснований» [8, с. 86].

Анализ причин низкой эффективности данного механизма позволяет выделить несколько ключевых факторов. Закон не определяет, каким конкретно органам следует сдавать оружие, как надлежащим образом фиксировать факт добровольности отказа, а также каков порядок действий лица в ситуации, когда сдача оружия объективно невозможна (например, при нахождении лица на территории иностранного государства, в зоне вооруженного конфликта). Отсутствие межведомственных инструкций, регламентирующих данную процедуру, порождает неопределенность как для правоприменителей, так и для лиц, желающих воспользоваться правом на освобождение. В профессиональной среде следователей, прокуроров и судей нередко формируется устоявшееся мнение о том, что применение примечания к ст. 208 УК РФ противоречит принципу неотвратимости наказания и фактически «амнистирует» опасных преступников. Как показало изучение материалов уголовных дел, в ряде регионов (в частности, в Северо-Кавказском федеральном округе) правоприменители крайне неохотно применяют данную норму, ссылаясь на высокую общественную опасность деяния и незначительный характер содействия, даже при наличии формальных оснований для освобождения.

Кроме того, часто лица, вступившие в НВФ, уже успевают совершить в его составе иные преступления, такие как незаконный оборот оружия, убийства, похищения людей. Даже если эти деяния совершены в рамках деятельности формирования, они не охватываются составом ст. 208 УК РФ и требуют самостоятельной квалификации. Наличие этих преступлений автоматически исключает возможность применения примечания, даже если лицо добровольно покинуло формирование и сдало оружие. Это существенно снижает стимулы к добровольному отказу, поскольку потенциальный отказник понимает, что полного освобождения от ответственности он все равно не получит. Действующая редакция приме-

чания требует только двух действий: добровольного прекращения участия и сдачи оружия. Она не поощряет более активные формы сотрудничества со следствием, такие как сообщение информации о деятельности формирования, его лидерах, местах хранения оружия, содействие в раскрытии иных преступлений. В доктрине обоснованно предлагается расширить основания освобождения от ответственности, включив в них активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, а также разработать ведомственные инструкции о порядке сдачи оружия и явки с повинной [8, с. 89].

Сравнительный анализ зарубежного законодательства показывает, что подобные стимулирующие механизмы могут быть более эффективными. Так, Уголовный кодекс Германии (§ 129b) предусматривает возможность отказа от наказания или его существенного смягчения для лиц, способствующих предотвращению преступлений террористической направленности. Уголовный кодекс Франции (ст. 421-1) закрепляет возможность освобождения от ответственности для лиц, которые своевременно информируют власти о подготовке террористического акта. И.В. Ткачев и А.В. Федоров, исследуя зарубежный опыт, приходят к выводу, что «наиболее эффективными являются модели, в которых освобождение от ответственности ставится в зависимость не от формального отказа, а от реального содействия в пресечении деятельности преступных групп» [9, с. 25].

В ходе исследования была проведена аналитическая обработка приговоров, вынесенных судами Северо-Кавказского, Южного, Центрального и Приволжского федеральных округов в период 2020–2024 гг. по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 208 УК РФ. Систематизация выявленных ошибок позволила выделить наиболее типичные недостатки правоприменения, требующие не только корректировки судебной практики, но и разъяснений со стороны высшей судебной инстанции.

Наиболее распространенной ошибкой является неверная квалификация деяний при наличии признаков, свойственных как НВФ, так и банде. Сложности возникают при разграничении данных составов по таким критериям, как вооруженность, устойчивость, цели создания. В ряде приговоров суды ошибочно квалифицировали организованные вооруженные группы, созданные для совершения нападений на граждан, как НВФ, хотя по своей сути они являлись бандами. В других случаях, напротив, формирования с четкой иерархией, военной дисциплиной и задачами, направленными на дестабилизацию обстановки в регионе, квалифицировались как банды. Такие

ошибки влекут за собой либо необоснованное вменение совокупности преступлений, либо переквалификацию, не соответствующую степени общественной опасности содеянного.

В соответствии с устоявшейся судебной практикой, создание НВФ считается окончанным с момента фактического организационного оформления структуры, независимо от того, приступило ли формирование к реализации своих преступных целей. Однако в изученных приговорах встречаются случаи, когда суды требовали доказательств начала непосредственной деятельности формирования, что является юридически неверным и ведет к необоснованному смягчению ответственности или переквалификации на неоконченное преступление.

Часть 2 ст. 208 УК РФ, предусматривающая ответственность за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам РФ, была введена для борьбы с наемничеством и участием российских граждан в зарубежных вооруженных конфликтах. Однако суды зачастую не проводят надлежащей проверки двух обязательных условий: во-первых, не устанавливают, что цели деятельности формирования противоречат интересам Российской Федерации; во-вторых, не анализируют законодательство иностранного государства на предмет того, предусмотрено ли данное формирование его правовой системой. В некоторых приговорах отсутствует ссылка на нормы права Сирии, Украины или иных государств, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и может повлечь отмену приговора.

Санкция части 2 ст. 208 УК РФ предусматривает обязательное дополнительное наказание в виде штрафа. Однако анализ приговоров показал, что суды назначают штраф в значительных размерах, зачастую не учитывая имущественное положение осужденных и их семей. В ряде случаев осужденные не имеют официального источника дохода, находятся в местах лишения свободы, что делает исполнение наказания в виде штрафа объективно невозможным, порождая задолженность и подрывая авторитет судебного решения.

Несмотря на наличие формальных оснований для применения примечания к ст. 208 УК РФ, суды в подавляющем большинстве случаев отказывают в освобождении от ответственности, мотивируя это высокой степенью общественной опасности деяния. Такой подход, однако, противоречит прямому указанию закона, который не ставит применение поощрительной нормы в зави-

симось от степени тяжести преступления. Игнорирование примечания подрывает доверие к правовым стимулам и снижает эффективность уголовно-правового воздействия.

Для устранения перечисленных ошибок и обеспечения единообразия судебной практики представляется необходимым осуществить комплекс мер: во-первых, провести обобщение судебной практики с последующим вынесением Обзора Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ; во-вторых, дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 отдельным разделом, содержащим подробные разъяснения по разграничению составов, определению момента окончания преступления, а также критериям применения примечания; в-третьих, организовать цикл обучающих семинаров для судей и следователей, специализирующихся на рассмотрении данной категории дел; в-четвертых, разработать методические рекомендации по исчислению размера штрафа с обязательным учетом имущественного положения осужденного и его семьи.

Зарубежный опыт противодействия незаконным вооруженным формированиям и возможность его имплементации

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства стран СНГ и дальнего зарубежья позволяет выявить различные подходы к конструированию составов преступлений, связанных с деятельностью незаконных вооруженных формирований, и определить наиболее эффективные модели, которые могут быть имплементированы в российское законодательство.

Уголовный кодекс Республики Казахстан в статье 256 предусматривает ответственность за создание незаконного военного формирования, причем в диспозиции нормы прямо указываются цели такого формирования — посягательство на конституционный строй, захват власти. Важным достоинством казахстанского подхода является наличие в примечании к статье легальной дефиниции: «незаконное военное формирование — не предусмотренное законодательством Республики Казахстан объединение, отряд, дружина или иная военизированная группа, созданные для совершения преступлений». Санкции при этом дифференцированы: создание и руководство наказываются лишением свободы на срок от 7 до 12 лет, а участие — от 5 до 8 лет.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан (ст. 248) идет еще дальше в детализации признаков НВФ. Помимо общих признаков, в законе указываются такие характеристики, как наличие структуры, воинской дисциплины, системы воен-

ной подготовки, вооружения. Также предусмотрена четкая дифференциация ответственности: создание и руководство влекут наказание в виде лишения свободы от 8 до 15 лет, а участие — от 5 до 10 лет.

Уголовный кодекс Германии (§ 129b) фокусируется на ответственности за участие в террористической организации. Особенностью германского подхода является гибкая система стимулирования посткриминального поведения. Суд может отказаться от назначения наказания или существенно его смягчить, если лицо добровольно способствует предотвращению преступлений, о которых ему стало известно в связи с участием в организации. Этот механизм активного раскаяния признан высокоэффективным.

Уголовный кодекс Франции (ст. 421-1) определяет террористическую группу как организованную группу, имеющую целью совершение террористических актов. Французское законодательство предусматривает специальные процедуры освобождения от ответственности для так называемых «информаторов» (*les repentis*), которые активно сотрудничают со следствием.

Проведенный анализ позволяет выделить позитивные элементы, заслуживающие внимания российского законодателя. Во-первых, это законодательное закрепление определения НВФ с указанием на его военную организацию, структуру и цели. Во-вторых, это гибкий подход к освобождению от ответственности, стимулирующий не просто пассивный отказ, а активное сотрудничество с правоохранительными органами. В-третьих, это четкая дифференциация ответственности в зависимости от роли лица в формировании.

На основе проведенного анализа теоретических источников, правоприменительной практики и зарубежного опыта представляется возможным сформулировать комплекс конкретных предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых мер противодействия организации незаконных вооруженных формирований.

Предлагается изложить статью 208 УК РФ в следующей редакции, учитывающей выявленные недостатки:

«Статья 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем

Создание незаконного вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной военизированной группы), не предусмотренного федеральным законом, руководство таким формированием – наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Участие в незаконном вооруженном формировании, предусмотренном частью первой настоящей статьи, – наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, либо с применением оружия массового поражения, либо повлекшие тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Примечание. 1. Под незаконным вооруженным формированием в настоящей статье понимается не предусмотренное федеральным законом объединение, отряд, дружина или иная военизированная группа, обладающая признаками организованности, иерархической структурой, воинской дисциплиной, единоначалием, системой подготовки и вооружения, созданное для совершения преступлений, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, нарушение территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию деятельности органов государственной власти, либо в иных преступных целях.

Лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, а также способствовавшее раскрытию, расследованию преступления, предусмотренного настоящей статьей, и (или) предотвращению совершения иных преступлений, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Добровольное прекращение участия может быть осуществлено путем явки с повинной, активного содействия правоохранительным органам, если сдача оружия объективно невозможна.».

Кроме того, предлагается внести изменения в статью 75 УК РФ, дополнив ее положением о специальном виде освобождения от ответственности для участников НВФ, что позволит унифицировать подход к применению поощрительных норм.

В целях обеспечения единообразного толкования и применения закона необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности» разъяснениями, касающимися:

- определения незаконного вооруженного формирования с указанием на его обязательные признаки (иерархическая структура, воинская дисциплина, система вооружения и подготовки);
- порядка разграничения НВФ и банды, подчеркнув, что совокупность преступлений, предусмотренных ст. 208 и 209 УК РФ, возможна только при наличии у лица самостоятельных целей и совершении самостоятельных деяний, не охватываемых единым преступным умыслом;
- момента окончания создания НВФ, который следует считать с момента организационного оформления структуры, независимо от начала фактической деятельности;
- критериев применения примечания к ст. 208 УК РФ, указав на недопустимость отказа в освобождении от ответственности по мотиву высокой общественной опасности деяния, если имеются все формальные основания.

Для реализации предложенных законодательных изменений и разъяснений Пленума необходимо разработать и утвердить межведомственную инструкцию (например, совместным приказом Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД РФ и Росгвардии), регламентирующую:

- процедуру добровольной сдачи оружия участниками НВФ, включая порядок фиксации данного факта и перечень уполномоченных органов;
- механизм оценки добровольности отказа, а также определения случаев, когда сдача оружия объективно невозможна;
- критерии оценки активного способствования раскрытию и расследованию преступлений, а также предотвращению иных преступлений.

Внедрение предложенного комплекса законодательных и правоприменительных мер позволит достичь ряда положительных результатов.

Во-первых, устранится существующая неопределенность понятия «незаконное вооруженное формирование», что обеспечит единообразное толкование нормы правоприменительными органами и судами, снизит количество судебных ошибок, связанных с разграничением составов преступлений. Как верно отмечает В.П. Кашепов,

«легальное определение НВФ позволит отграничить его от смежных форм преступной деятельности и исключить расширительное толкование» [7, с. 112].

Во-вторых, будет обеспечена справедливая дифференциация ответственности между организаторами (руководителями) и рядовыми участниками НВФ, что соответствует принципу справедливости и гуманизма, а также позволит судам назначать наказание, соразмерное фактической роли лица в совершении преступления.

В-третьих, расширение оснований освобождения от ответственности за счет включения активного способствования раскрытию преступления значительно повысит стимулы для добровольного отказа и посткриминального сотрудничества. Это, в свою очередь, приведет к раскрытию большего числа преступлений, выявлению организаторов и лидеров НВФ, а также к снижению рецидивной преступности. Н.А. Лопашенко обоснованно подчеркивает, что «стимулирование активного сотрудничества со следствием является наиболее действенным способом получения оперативно значимой информации и предотвращения тяжких последствий» [8, с. 90].

В-четвертых, систематизация и разъяснение правоприменительной практики позволят сократить количество судебных ошибок, повысить качество предварительного следствия и судебного рассмотрения дел данной категории, что будет способствовать укреплению принципа законности.

В-пятых, более гибкий и справедливый подход к уголовной ответственности, учитывающий роль лица и его посткриминальное поведение, будет способствовать повышению уровня доверия граждан к правосудию и эффективности уголовно-правовой политики в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовые меры противодействия организации незаконных вооруженных формирований и участию в них нуждаются в существенном совершенствовании как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Несмотря на неоднократные изменения, статья 208 УК РФ содержит ряд системных недостатков, включая отсутствие легального определения НВФ, недостаточную дифференциацию ответственности соучастников, низкую эффективность поощрительных норм. Анализ судебной практики свидетельствует о наличии устойчивых правоприменительных ошибок, связанных с квалификацией деяний, определением момента окончания преступления и применением примечания.

Предлагаемые в настоящей статье изменения, основанные на критическом анализе доктринальных источников, обобщении судебной практики и изучении зарубежного опыта, направлены на устранение выявленных недостатков. Введение легального определения НВФ, дифференциация ответственности организаторов и участников, расширение оснований освобождения от ответственности с акцентом на активное посткриминальное сотрудничество, а также детализация разъяснений Верховного Суда РФ позволят повысить определенность правовых норм, обеспечить единообразие судебной практики и создать эффективные стимулы для отказа от преступной деятельности.

Реализация этих предложений возможна при условии широкого научного обсуждения, учета потребностей правоприменительной практики и дальнейшего мониторинга эффективности принимаемых мер. Представляется, что предложенный комплекс мер будет способствовать оптимизации уголовной политики в сфере противодействия незаконным вооруженным формированиям, что в конечном счете будет способствовать укреплению национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [2] Федеральный закон от 30.12.2020 № 535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 15.
- [3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.12.2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [4] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: монография / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2017. – 336 с.
- [5] Наумов А.В. Российское уголовное право. Особенная часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2020. – 496 с.
- [6] Устинов В.В. Уголовная ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Устинов Владимир Владимирович. – М., 2020. – 198 с.
- [7] Кашепов В.П. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооружен-

ного формирования / В.П. Кашепов // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 108–118.

[8] Лопашенко Н.А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за террористические преступления / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2022. – № 2. – С. 84–92.

[9] Ткачев И.В. Зарубежный опыт противодействия незаконным вооруженным формированиям / И.В. Ткачев, А.В. Федоров // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 1. – С. 22–27.

[10] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с изм. и доп.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2014. – № 13. – Ст. 83.

[11] Strafgesetzbuch (StGB): [Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия] // Bundesgesetzblatt. – 1998. – Teil I. – S. 3322.

[12] Code pénal: [Уголовный кодекс Французской Республики] // Legifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 20.03.2025).

[13] Следственный комитет Российской Федерации. Сводный отчет о работе следственных органов за 2022–2024 гг. – М., 2025. – 142 с.

[14] Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о применении судами особого порядка освобождения от уголовной ответственности за 2023 год. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.03.2025).

References:

- [1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. – Art. 2954.
- [2] Federal Law of 30.12.2020 No. 535-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1 (part I). – Art. 15.
- [3] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2022): approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.12.2022. – Access from the legal system “ConsultantPlus.”
- [4] Kuznetsova N.F. Problems of qualification of crimes: monograph/N.F. Kuznetsova. – M.: Gorodets, 2017. – 336 p.
- [5] A.V. Naumov. Russian criminal law. Special part: lecture course/A.V. Naumov. – M.: Wolters Kluver, 2020. – 496 p.
- [6] V.V. Ustinov. Criminal liability for organizing an illegal armed group: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08/Ustinov Vladimir Vladimirovich. – M., 2020. – 198 s.

[7] Kashepov V.P. Criminal law characteristics of the organization of an illegal armed group/V.P. Kashepov//Journal of Russian Law. – 2021. – № 7. – S. 108-118.

[8] Lopashenko N.A. Problems of exemption from criminal liability for terrorist crimes/N.A. Lopashenko//Criminal law. – 2022. – № 2. – S. 84-92.

[9] Tkachev I.V. Foreign experience in counteracting illegal armed groups/I.V. Tkachev, A.V. Fedorov//International criminal law and international justice. – 2023. – № 1. – S. 22-27.

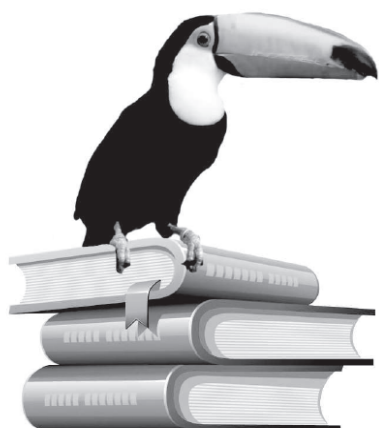
[10] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated 03.07.2014 No. 226-V (as amended and supplemented)//Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. – 2014. – № 13. – Art. 83.

[11] Strafgesetzbuch (StGB): [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]//Bundesgesetzblatt. – 1998. – Teil I. – S. 3322.

[12] Code pénal: [Penal Code of the French Republic]//Legifrance. - URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (access date: 20.03.2025).

[13] Investigative Committee of the Russian Federation. Summary report on the work of the investigating authorities for 2022-2024. - M., 2025. - 142 s.

[14] Report of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the application by the courts of a special procedure for exemption from criminal liability for 2023. - URL: <http://www.cdep.ru> (access date: 20.03.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ДИЛЕММА НОРМАТИВНОСТИ ЗА РЕШЕТКОЙ: ГДЕ ГРАНИЦА МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ НА СРЕДУ И РАССТРОЙСТВОМ?

Аннотация. В статье рассматривается фундаментальная проблема дифференциальной диагностики психических расстройств в условиях пенитенциарных учреждений. Лишение свободы представляет собой экстремальный стрессор, формирующий особый средовой контекст, в котором симптоматика, квалифицируемая в обычных условиях как патологическая, может выступать адаптивной реакцией на ненормативные условия существования. Автор анализирует концептуальные основания разграничения депрессивных состояний, связанных с ситуацией пожизненного заключения, и большой депрессии; параноидного бреда и «тюремной бдительности» как выученной стратегии выживания. Предлагается методологический подход, учитывающий средовой контекст и позволяющий избежать как гипердиагностики, так и игнорирования истинной психопатологии. Обосновывается необходимость пересмотра традиционных диагностических критериев применительно к условиям изоляции.

Ключевые слова: пенитенциарная психиатрия, дифференциальная диагностика, расстройства адаптации, тюремная среда, депрессия, параноидное расстройство, нормативность, экспертиза.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

THE DILEMMA OF NORMATIVITY BEHIND BARS: WHERE IS THE BOUNDARY BETWEEN REACTION TO THE ENVIRONMENT AND FRUSTRATION?

Annotation. The article discusses the fundamental problem of differential diagnosis of mental disorders in penitentiary institutions. Deprivation of liberty is an extreme stressor that forms a special environmental context in which symptoms, classified under normal conditions as pathological, can act as an adaptive response to abnormal living conditions. The author analyzes the conceptual basis for distinguishing between depressive states associated with a situation of life imprisonment and major depression; paranoid delusions and «prison vigilance» as a learned survival strategy. A methodological approach is proposed that takes into account the environmental context and avoids both overdiagnosis and ignoring true psychopathology. The necessity of revising traditional diagnostic criteria in relation to isolation conditions is substantiated.

Key words: penitentiary psychiatry, differential diagnosis, adjustment disorders, prison environment, depression, paranoid disorder, normality, expertise.

Введение: диагностическая ловушка закрытого пространства. Психиатр, входящий в зону режимного учреждения, сталкивается с эпистемологическим вызовом, не имеющим аналогов в амбулаторной или стационарной практике общего профиля. Здесь привычные диагностиче-

ские категории, выверенные в условиях относительной социальной стабильности, начинают демонстрировать свою условность, а симптом, рассматриваемый за пределами тюремных стен как безусловный признак болезни, обретает черты нормативной реакции на ненормативные

обстоятельства. Вопрос о том, где пролегает граница между страданием, порожденным самой ситуацией лишения свободы, и страданием как проявлением эндогенного процесса, становится не просто теоретическим упражнением, но насущной клинической задачей, от решения которой зависят судьбы людей и юридические последствия.

Особую остроту этой дилемме придает тот факт, что, по данным многолетних наблюдений, лица, содержащиеся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, демонстрируют значительно более высокие показатели распространенности психических расстройств по сравнению с населением в целом. Однако, как справедливо отмечают зарубежные исследователи, сама процедура скрининга в условиях тюрьмы осложняется множеством факторов, включая высокую текучесть контингента, состояние интоксикации на момент поступления, а также наличие коморбидной патологии [6]. Более того, среда заключения способна не только обострять уже существующие нарушения, но и порождать симптомокомплексы, имитирующие серьезные психические заболевания. Феномен «тюремного психоза» (prison psychosis), описанный в литературе как острое реактивное состояние, непосредственно индуцированное опытом или ожиданием заключения, служит яркой иллюстрацией того, как экстремальный стрессор способен продуцировать картину, трудноотличимую от эндогенной психотической декомпенсации [3].

Таким образом, перед пенитенциарным психиатром стоит задача не только клинической, но и герменевтической: необходимо интерпретировать симптом в контексте, где само понятие нормы оказывается размытым, а критерии, разработанные для диагностических рубрик международной классификации болезней (МКБ), требуют существенной адаптации.

Депрессия как утрата и депрессия как болезнь: проблема контекстуальной валидности. Клиническая картина депрессивных состояний у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, демонстрирует значительный полиморфизм, однако наиболее сложным для дифференциации остается разграничение между большой депрессией (F32) и реакцией на тяжелый стресс с расстройством адаптации (F43), протекающей по депрессивному или тревожно-депрессивному типу. В исследовании, проведенном на базе психиатрического отделения медико-санитарной части ФСИН России, показано, что частота расстройств адаптации в условиях следственного изолятора составляет 18% от общего числа выявленных психических нарушений, причем в клинической картине преобладает тревожно-депрес-

сивная симптоматика с превалированием тревоги, которая может вуалировать депрессию и существенно затруднять ее диагностику [2].

Авторы указывают на характерную для данной категории пациентов алекситимичность жалоб, что требует от клинициста особой диагностической настороженности. Однако сама по себе констатация тревожно-депрессивного синдрома еще не решает вопроса о его природе. Фундаментальное различие между ситуационной реакцией и эндогенным аффективным расстройством лежит в плоскости качественных характеристик переживаний, а не только их интенсивности.

В случае нормативной реакции на пожизненное заключение уместно говорить о «синдроме тюремной дезадаптации», который, как отмечал Д.А. Малкин (2007), включает в себя сложный комплекс переживаний: депрессию, чувство безнадежности, тоску по дому и близким с выраженным чувством вины перед ними, неверие в собственные силы, пассивность, апатию, снижение жизненного тонуса, нарушения сна и утрату интересов [7]. Важно подчеркнуть, что эти феномены, будучи глубоко мучительными для индивида, сохраняют психологическую понятность, связь с актуальной ситуацией и, что принципиально значимо, редуцируются при изменении внешних обстоятельств или по мере формирования адаптивных механизмов.

Напротив, большая депрессия в пенитенциарных условиях проявляет себя симптомами, выходящими за пределы ситуационной логики. Витальный компонент тоски, суточные ритмы колебаний настроения с классическим ухудшением в утренние часы, идеи самообвинения, не связанные непосредственно с фактом совершенного преступления или разрывом социальных связей, а также выраженная психомоторная заторможенность или ажитация служат маркерами, указывающими на эндогенную природу страдания. Клинически значимым представляется наблюдение, что у пациентов с истинным депрессивным расстройством в отличие от лиц с расстройствами адаптации аффективные нарушения сочетаются с более широким спектром вегетативных и соматоформных проявлений, а продолжительность стационарного лечения при расстройствах адаптации составляет в среднем два месяца, что косвенно свидетельствует о глубине патологического процесса [2].

Сложность дифференциальной диагностики усугубляется тем, что в ряде случаев ситуационная реакция, достигая определенной степени интенсивности и продолжительности, может трансформироваться в развернутое аффективное расстройство, запуская патологические

механизмы, которые обретают относительную автономию от вызвавшего их стрессора. Это особенно характерно для лиц с отягощенной наследственностью или преморбидной аффективной неустойчивостью. В таких случаях проведение четкой границы между адаптационным и болезненным состоянием становится возможным лишь в динамике, при длительном наблюдении и оценке эффективности терапевтических вмешательств.

Паранойя или бдительность: феноменология подозрительности в условиях изоляции. Не менее сложной, а возможно, и более драматичной является дилемма разграничения параноидного расстройства (F22.0) или бредовых вариантов шизофрении (F20.0) с феноменами так называемой «тюремной бдительности» – состояния постоянного, гипертрофированного ожидания угрозы, сформированного как адаптивная стратегия выживания в криминальной среде.

Тюремная субкультура, иерархические отношения между осужденными, постоянный риск физического насилия, необходимость отстаивать свой статус – все эти факторы формируют у содержащегося в учреждении лица особую систему восприятия, в которой подозрительность и гипербдительность перестают быть признаками психического расстройства, превращаясь в необходимый инструмент самосохранения. Как отмечается в современных зарубежных руководствах, высокий уровень тревоги и параноидной настороженности может быть адекватным ответом на реальные угрозы, существующие в тюремной среде, что существенно затрудняет применение стандартных диагностических критериев [5].

Феноменологически «тюремная бдительность» проявляется в постоянном сканировании окружающего пространства, настороженном отношении к соседям по камере и персоналу, тенденции интерпретировать нейтральные стимулы как потенциально угрожающие. Однако при всей внешней схожести с параноидной симптоматикой эта модель поведения сохраняет ряд принципиально важных черт. Прежде всего, она остается контекстуально обусловленной: подозрительность ослабевает в безопасных зонах, при взаимодействии с проверенными лицами или в ситуациях, где иерархическая позиция индивида достаточно высока, чтобы минимизировать риски.

Более того, в отличие от бредообразования, где центральное место занимают систематизированные идеи преследования, часто носящие вычурный или метафизический характер, «тюремная бдительность» оперирует конкретными, ситуационно обоснованными опасениями. Пациент с параноидным расстройством убежден в существовании заговора, в котором участвуют не

только сокамерники, но и администрация, спецслужбы, инопланетные силы или абстрактные организации. Его опасения не поддаются коррекции даже тогда, когда ситуация объективно меняется, и сохраняются вне зависимости от реального уровня угрозы [4].

Особую диагностическую проблему представляют случаи, когда бредовая симптоматика формируется на почве реального конфликта, то есть, когда в основе параноидного бреда лежит ситуация, объективно содержащая угрозу. В таких ситуациях единственным надежным критерием становится качество бредовых построений: их нелепость, несоответствие культурному контексту, склонность к генерализации и распространению на все более широкий круг лиц и явлений. Как показывает практика, у лиц с истинным бредообразованием нередко формируются так называемые «идеи особого значения», когда случайные события, реплики окружающих или новостные сообщения начинают интерпретироваться как имеющие прямое отношение к пациенту и его ситуации.

В контексте судебно-психиатрической экспертизы указанные различия приобретают ключевое значение. Заключение о вменяемости или невменяемости, о способности отбывать наказание и нуждаемости в принудительном лечении базируется именно на ответе на вопрос о том, является ли выявляемая симптоматика проявлением психического расстройства или же представляет собой вариант адаптивного поведения в экстремальных условиях существования. Как отмечается в методических рекомендациях, оценка психического состояния в период экспертизы требует особой тщательности и учета всех факторов, включая длительность пребывания в учреждении, этап адаптации и характер взаимодействия с другими лицами (заключительная часть акта судебно-психиатрической экспертизы) [1].

Методологические подходы к дифференциации: в поисках объективных критериев. Разрешение дилеммы нормативности требует выработки методологического аппарата, учитывающего специфику пенитенциарной среды и позволяющего минимизировать риск диагностических ошибок. Анализ доступных исследований позволяет выделить несколько ключевых направлений, в которых может быть найдено решение этой проблемы.

Первым и наиболее значимым представляется учет фактора времени. Динамическое наблюдение за состоянием пациента в течение периода, достаточного для начальной адаптации к условиям изоляции, позволяет оценить, является ли выявляемая симптоматика транзиторной

реакцией на стресс или же она приобретает устойчивый, прогрессивный характер. Исследования показывают, что у значительной части лиц, поступающих в учреждения, выраженность психопатологической симптоматики снижается в течение первых недель содержания, и лишь у небольшого процента наблюдается ее нарастание [8]. При этом важно учитывать, что однократный скрининг при поступлении может давать искаженные результаты из-за остроты переживаний, состояния интоксикации или преднамеренной диссимуляции.

Вторым важным направлением является анализ преморбидных особенностей личности. Лица с хроническими расстройствами адаптации, как правило, демонстрируют в анамнезе признаки эмоционально-волевой неустойчивости, склонность к дезадаптивным формам реагирования на стресс, злоупотребление психоактивными веществами. В исследовании Кураповой и Петровой (2021) показано, что факторами, ассоциированными с риском развития расстройства адаптации, являются ранний взрослый возраст, сопутствующее злоупотребление психоактивными веществами, а также наличие агрессивных и аутоагрессивных тенденций [2]. Эти данные позволяют выделить группу риска и осуществлять более тщательный мониторинг состояния таких лиц с момента поступления.

Третьим направлением выступает анализ структуры и динамики симптоматики в ответ на терапевтические вмешательства. Реакции на стресс и расстройства адаптации, как правило, демонстрируют более быстрый и полный регресс симптомов на фоне адекватной психофармакотерапии и психологической поддержки, чем эндогенные аффективные и бредовые расстройства. Однако и здесь необходим дифференцированный подход: в ряде случаев тяжелые расстройства адаптации требуют длительного стационарного лечения, и их редукция происходит медленнее, чем можно было бы ожидать [2].

Четвертым, и, возможно, наиболее сложным направлением является учет социокультурального и средового контекста. Как справедливо отмечают В.Я. Семке и А.В. Диденко (2009), диагностика расстройств личности в пенитенциарной среде требует учета средового контекста и социокультуральной компетентности самих диагностов [3]. Традиционные диагностические критерии, разработанные для условий психиатрического стационара или амбулаторной практики, могут оказаться неприменимыми или требующими существенной адаптации при использовании в закрытых учреждениях. Симптом, расцениваемый в обычных условиях как патологический, в контексте тюремной субкультуры может оказаться нормативной стратегией выживания.

В этой связи особую значимость приобретает феноменологический подход, ориентированный не на формальное соответствие симптомов диагностическим рубрикам, а на понимание внутренней логики переживаний пациента, их связи с актуальной ситуацией и историей развития личности. Такой подход требует от психиатра не только клинического опыта, но и глубокого понимания социальной психологии изоляции, криминальной субкультуры и специфики адаптационных процессов в условиях принудительного содержания.

Заключение: между этикой и эпистемологией. Дилемма нормативности за решеткой не сводится к сугубо клинической проблеме, но затрагивает фундаментальные вопросы философии психиатрии, прав человека и этики медицинской практики в закрытых учреждениях. Гипердиагностика, при которой адаптивные реакции квалифицируются как психические расстройства, ведет к необоснованной стигматизации, применению принудительных мер медицинского характера и неоправданному ограничению прав лиц, чье состояние по сути является нормативной реакцией на экстремальные условия существования. Гиподиагностика же, напротив, оставляет без необходимой помощи тех, кто действительно страдает тяжелыми психическими заболеваниями, подвергая их риску усугубления состояния, самоповреждающего поведения и суицида.

Как показывают данные эпидемиологических исследований, расстройства адаптации составляют значительный удельный вес в структуре психических нарушений, развивающихся в пенитенциарных учреждениях, и отличаются значительной тяжестью, ассоциированной с риском самоповреждающего поведения. Игнорирование этого факта, равно как и некритическое приравнивание любой дезадаптации к психическому расстройству, одинаково опасны.

Выход из этой диагностической ловушки лежит не в отказе от категориального подхода, но в его творческом применении, учитывающем уникальность пенитенциарного контекста. Требуется разработка специальных диагностических алгоритмов, адаптированных к условиям изоляции, и внедрение методов динамического наблюдения, позволяющих отличить преходящую реакцию на стресс от устойчивой психопатологии. Не менее значимым представляется повышение квалификации пенитенциарных психиатров в области феноменологической психопатологии и социальной психологии закрытых учреждений, что позволит им более точно интерпретировать наблюдаемые феномены в их контекстуальной обусловленности.

В конечном счете, решение дилеммы нормативности требует от специалиста не только

клинической компетентности, но и особой этической чуткости, способности удерживать напряжение между двумя крайностями: признанием за каждым человеком права на нормативную реакцию на ненормативные обстоятельства и необходимостью оказывать помощь тем, чье страдание перестало быть понятным и вышло за пределы ситуационной логики. Именно в этом пространстве между нормой и патологией, между средой и расстройством, между пониманием и интервенцией и располагается подлинное искусство пенитенциарной психиатрии.

Список литературы:

[1] Заключительная часть акта судебно-психиатрической экспертизы // Инструкция по производству судебно-психиатрической экспертизы: [утв. Минздравом России 12.10.2020]: текст с изм. и доп. от 21.09.2023. – URL: <https://base.garant.ru/70563314/b22e312de8e99833fd98f6f7cc7d3e5e/> (дата обращения: 29.03.2026).

[2] Курапова Е. Ю., Петрова Н. Н. Расстройства адаптации в условиях пенитенциарной психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. – 2022. – № 4. – С. 31–35.

[3] Семке В. Я., Диденко А. В. Специфика диагностики расстройств личности в условиях пенитенциарной среды // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2009. – № 5(56). – С. 88–91. – EDN JULFCF.

[4] Стасюк Н. И. Психологические особенности адаптивности правонарушителей к условиям пенитенциарной системы / Н. И. Стасюк // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 2. – Вып. 8 (13). – С. 275–281.

[5] Baksheev G. N., Ogloff J. R. P., Thomas S. D. M. Identification of mental illness in police cells: a comparison of police processes, the Brief Jail Mental Health Screen and the Jail Screening Assessment Tool // Psychology, Crime & Law. – 2012. – Vol. 18, no. 5. – P. 529–542. – DOI: 10.1080/1068316X.2010.510118.

[6] Chaabani S., Bataille M. Prison psychosis and dissociative disorders // Revue médicale de Liège. – 2002. – Vol. 57, no. 12. – P. 793–798.

[7] Malkin D. A. Factors of adaptation of imprisoned in Russia // European Psychiatry. – 2007. – Vol. 22, suppl. 1. – P. S117. – DOI: 10.1016/j.eurpsy.2007.01.1126.

[8] Taylor P. Improving mental state in early imprisonment // Criminal Behaviour and Mental Health. – 2010. – Vol. 20, no. 3. – P. 215–231. – DOI: 10.1002/cbm.774.

References:

[1] The final part of the act of forensic psychiatric examination//Instructions for the production of forensic psychiatric examination: [approved Ministry of Health of Russia 12.10.2020]: text with rev. and add. dated 21.09.2023. – URL: <https://base.garant.ru/70563314/b22e312de8e99833fd98f6f7cc7d3e5e/> (date of reference: 29.03.2026).

[2] Kurapova E. Yu., Petrova N. N. Adaptation disorders in prison psychiatry//Social and clinical psychiatry. – 2022. – № 4. – S. 31-35.

[3] Semke V. Ya., Didenko A. V. Specifics of the diagnosis of personality disorders in the prison environment//Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology. – 2009. – № 5(56). – S. 88-91. – EDN JULFCF.

[4] Stasyuk N.I. Psychological features of the adaptability of offenders to the conditions of the penitentiary system/N.I. Stasyuk//Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological and pedagogical sciences: Sat. scientific. Art.: at 2 h ./Ed. V.F. Berkova. – Minsk: RIVSH, 2009. – PART 2. – Issue 8 (13). – S. 275-281.

[5] Baksheev G. N., Ogloff J. R. P., Thomas S. D. M. Identification of mental illness in police cells: a comparison of police processes, the Brief Jail Mental Health Screen and the Jail Screening Assessment Tool // Psychology, Crime & Law. – 2012. – Vol. 18, no. 5. – P. 529–542. – DOI: 10.1080/1068316X.2010.510118.

[6] Chaabani S., Bataille M. Prison psychosis and dissociative disorders // Revue médicale de Liège. – 2002. – Vol. 57, no. 12. – P. 793–798.

[7] Malkin D. A. Factors of adaptation of imprisoned in Russia // European Psychiatry. – 2007. – Vol. 22, suppl. 1. – P. S117. – DOI: 10.1016/j.eurpsy.2007.01.1126.

[8] Taylor P. Improving mental state in early imprisonment // Criminal Behaviour and Mental Health. – 2010. – Vol. 20, no. 3. – P. 215–231. – DOI: 10.1002/cbm.774.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
главный научный сотрудник
отдела изучения проблем управления и реформирования
уголовно-исполнительной системы центра изучения
проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор экономических наук,
Российская Федерация, Москва,
e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник
отдела по совершенствованию нормативно-правового
регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы
центра изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 44-ФЗ В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПОК ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ ДЛЯ НУЖД УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье проводится анализ актуальных проблем, возникающих в процессе осуществления государственных закупок, которые могут существенно замедлить процесс закупочной деятельности. На практике возникают сложности удержания компенсации неустоек за счет обеспечительного платежа или независимой гарантии в случае нарушения поставщиком условий контракта. Это приобретает особую актуальность в условиях нестабильной экономической ситуации. Кроме того, предоставление преимуществ учреждениям уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в рамках закупки не может быть совмещено с предоставлением преимуществ другим категориям участников, таким как субъекты малого предпринимательства или социально ориентированные некоммерческие организации. Это ограничивает возможности для диверсификации поставщиков и может привести к снижению уровня конкуренции. Для подтверждения своего статуса в качестве учреждения или предприятия уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в заявке на участие в закупке, необходимо предоставить декларацию о принадлежности к этой системе. Однако на практике возникают сложности с проверкой таких деклараций, что увеличивает вероятность ошибок при выборе поставщиков.

Ключевые слова: бизнес, питание, закон, продовольственное обеспечение, уголовно-исполнительная система.

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher,
Federal State Institution «Research Institute»
of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»
(Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher,
Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems

IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF FEDERAL LAW NO. 44-FZ IN THE CONTEXT OF FOOD PROCUREMENT FOR THE NEEDS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article analyzes the current problems that arise in the process of public procurement, which can significantly slow down the implementation of projects. In practice, it is difficult to justify withholding compensation for penalties due to a security payment or an independent guarantee in the event of a violation by the supplier of the terms of the contract. This is particularly relevant in an unstable economic situation. In addition, the provision of advantages to institutions of the penal correction system (JIS) within the framework of procurement cannot be combined with the provision of advantages to other categories of participants, such as small businesses or socially oriented non-profit organizations. This limits the opportunities for supplier diversification and may lead to lower levels of competition. To confirm your status as an institution or enterprise of the penal correction system in the application for participation in the procurement, you must provide a declaration of membership in this system. However, in practice, it is difficult to verify such declarations, which increases the likelihood of errors when choosing suppliers.*

Key words: *business, nutrition, law, food security, penal enforcement system.*

Введение. События, происходящие во всем мире от военных действий до колебаний на финансовых рынках оказывают влияние на цены на энергоносители и разрыв логистических, что создает угрозу продовольственной безопасности [1]. Согласно данным ООН в ближайшее время мировые цены на удобрения могут вырасти в среднем на 15-20 % [1]. Россия закупает некоторые свои продовольственные товары за рубежом, такие как фрукты, овощи, орехи, кофе, чай, шоколад, рыбу и морепродукты, а также некоторые виды сыра и говядины. Следовательно, рост цен на сырье и продовольствие в мире так или иначе скажется как на себестоимости сельскохозяйственной продукции в стране, так и на ценах на импортируемые товары, что может сказаться на закупочной деятельности по продуктам питания учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС). В рамках реализации задач системы управления планомерно совершенствуется система закупок товаров, работ и услуг для государственных и федеральных нужд, где в Закон № 44-ФЗ уже внесен ряд комплексных изменений, направленных на оптимизацию и сокращение сроков закупок [2]. Актуальность поднятого вопроса заключается в том, что государственные закупки продовольствия могут стать инструментом рационального использования бюджетных средств в системе управления, что может положительно сказаться на стабильности процессов снабжения продовольствием. Противоречивость и негативные последствия различных поправок в Законе № 44-ФЗ, а также избыточность и множествен-

ность нормативных правовых актов в этой сфере. Закон о контрактной системе может быть радикально пересмотрен или отменен [3].

Основная часть. Применение Закона №44-ФЗ при закупках продуктов питания для нужд УИС имеет ряд особенностей, связанных с поддержкой учреждений и органов УИС, а также с особыми процедурами закупок. Основные вопросы касаются предоставления преимуществ, способов закупок, требований к участникам и контроля исполнения контрактов.

Пункт 11 части 1 статьи 93 Закона №44-ФЗ позволяет заказчику осуществлять закупку у единственного поставщика, если производство товара, выполнение работы или оказание услуги осуществляются учреждением УИС. При этом товар (работа, услуга) должен быть включен в перечень, утвержденный постановлением Правительства РФ от 26.12.2013 № 1292. Главным условием является:

– Закупаемые товары (работы, услуги) должны быть произведены и поставлены исключительно учреждениями или органами УИС. Это обстоятельство должно подтверждаться документами: сертификатами соответствия, декларациями о соответствии, документами, оформляемыми в соответствии с санитарными нормами и правилами и т. д;

– Действия заказчика по заключению контракта с единственным поставщиком с последующим приобретением товаров у третьих лиц могут рассматриваться как ограничение конкуренции и нарушение Федерального закона «О защите конкуренции». Поэтому рекомендуется включать в контракты условие о запрете привлечения субподрядчиков (соисполнителей).

Для подтверждения статуса учреждения или органа УИС заявка на участие в закупке должна содержать декларацию о принадлежности участника к УИС. Такая декларация формируется при регистрации в ЕИС и направляется заказчику оператором электронной площадки.

Заказчикам рекомендуется формировать объекты закупок, выделяя в отдельные процедуры закупки товары, работы, услуги, включенные в перечень № 3500-р, и устанавливать в извещениях об осуществлении закупок преимущества для учреждений и предприятий УИС.

При планировании закупок товаров, работ, услуг, включенных в перечень № 1292, заказчикам рекомендуется запрашивать у соответствующих органов информацию о возможностях поставки, ценах и документы, подтверждающие производителя товара (сертификаты соответствия, декларации о соответствии и т. д.).

Согласно статье 96 Закона №44-ФЗ в государственных контрактах должно устанавливаться требование об обеспечении исполнения контракта (денежные средства или независимая гарантия). При этом если участником закупки является казенное учреждение, требование об обеспечении исполнения контракта не применяется (часть 8 статьи 96 Закона №44-ФЗ).

Среди типичного нарушения – заключение контракта с учреждением УИС как с единственным поставщиком с последующим приобретением товаров у третьих лиц, что может рассматриваться как ограничение конкуренции. Также нарушения могут возникать при несоблюдении требований к подтверждению производства товаров учреждениями УИС.

При нарушении условий контракта заказчиком не всегда правомерно удерживается компенсация неустоек в счет обеспечительного платежа или независимой гарантии.

Согласно ст. 28 Закона №44-ФЗ при заключении контракта с участником закупки, являющимся учреждением или предприятием УИС, цена контракта увеличивается на 15 % от предложенной участником суммы. Однако это увеличение не может превышать начальную (максимальную) цену контракта (НМЦК). Это создает сложности при формировании НМЦК, так как необходимо учитывать потенциальное повышение стоимости, что требует точного планирования бюджета.

Кроме того, если закупка проводится с предоставлением преимуществ учреждениям УИС, она не может совмещаться с предоставлением преимуществ другим категориям участников (например, субъектам малого предпринимательства или социально ориентированным некоммерческим организациям). Это ограничи-

вает возможности для диверсификации поставщиков и может привести к снижению конкуренции.

Для подтверждения статуса учреждения или предприятия УИС в заявке на участие в закупке должна содержаться декларация о принадлежности к УИС. Однако на практике могут возникать сложности с верификацией таких деклараций, что повышает риски ошибок при отборе поставщиков.

Пункт 11 ч. 1 ст. 93 Закона №44-ФЗ позволяет закупать товары, работы, услуги у единственного поставщика, если их производство, выполнение или оказание осуществляется учреждением или предприятием УИС в соответствии с перечнем, утвержденным постановлением Правительства РФ от 26.12.2013 № 1292. Однако здесь возникает ряд проблем:

– **Необходимость подтверждения производства.** Закупаемые товары должны быть произведены непосредственно учреждениями УИС. Это требует предоставления документов, подтверждающих производителя (сертификаты соответствия, декларации о соответствии и т. д.). На практике могут возникать сложности с получением таких документов или их достоверностью [3].

– **Риск нарушения законодательства.** Судебная практика показывает, что если учреждение УИС не являлось фактическим производителем товара (например, закупало продукцию у третьих лиц), контракт может быть признан недействительным. Это повышает ответственность заказчиков за тщательную проверку контрагентов.

При планировании закупок необходимо выделять в отдельные процедуры товары, работы, услуги, включенные в перечень, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 08.12.2021 № 3500-р. При этом запрещено включать в один объект закупки позиции из разных перечней, а также составляющие, не объединенные функционально и технологически. Для продуктов питания это может создавать сложности, например, при попытке объединить в одной закупке разные категории продуктов (мясные, молочные и т. д.), что требует дробления закупок на несколько процедур [4].

На практике возникают сложности с правомерным удержанием компенсации неустоек в счет обеспечительного платежа или независимой гарантии при нарушении поставщиком условий контракта. Это особенно актуально в условиях нестабильной экономической ситуации [5]. Среди дополнительных сложностей можно выделить:

– **Сроки процедур.** Для скоропортящихся продуктов (например, овощей, фруктов) дли-

тельные процедуры определения поставщика (например, конкурс с ограниченным участием) могут быть нецелесообразны [6];

– **Требования к поставщикам.** Дополнительные требования к опыту исполнения контрактов и минимальной стоимости ранее исполненных договоров могут сужать круг потенциальных поставщиков, особенно в условиях инфляции.

Для решения возникших вопросов можно предложить:

– **Усиление контроля за подтверждением статуса поставщиков** и происхождения продукции;

– **Разработка четких методических рекомендаций** по формированию объектов закупок и обоснованию НМЦК с учетом возможных повышений цен;

– **Внедрение более эффективных механизмов мониторинга** исполнения контрактов, включая контроль за соблюдением запрета на субподряд;

– **Совершенствование процедур** для ускорения закупок скоропортящихся товаров;

– Введение моратория на действие Закона №44-ФЗ;

– Введение точечных изменений в закон с целью устранения избыточных норм, замедляющих закупки;

– Продление временных норм, которые рекомендовали себя в ковидный период;

– Исключение избыточных норм закона;

– Сокращение этапов и сроков закупочных процедур [7].

Вывод. При закупках продуктов питания для нужд УИС по Закону №44-ФЗ необходимо учитывать как общие требования контрактной системы, так и специальные положения, направленные на поддержку учреждений и органов УИС, а также соблюдать процедуры, предотвращающие нарушения антимонопольного законодательства [8]. Применение Закона №44-ФЗ в контексте закупок продуктов питания для УИС требует тщательного соблюдения процедур, контроля за контрагентами и адаптации под специфику отрасли. Существующие процедуры государственных закупок затягивают сроки реализации проектов, особенно в сфере строительства и закупок продуктов питания (скоропортящиеся продукты) [9].

Список литературы:

[1] Война на Ближнем Востоке может спровоцировать кризис продовольствия и рост цен // Газета Metro. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/vojna-na-blizhnem-vostoke-mozhet-sprovotsirovat-krizis-prodovolstvija-i-rost-tsen->

30-03-2026?ysclid=mooe95vppm1845136 (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 02.05.2026).

[3] Тюменцев Д.С. Совершенствование механизмов осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд в субъекте РФ // Постулат. 2024. № 1. [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/Савин/Downloads/5376-5422-1-PB%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Савин/Downloads/5376-5422-1-PB%20(1).pdf) (дата обращения: 02.05.2026).

[4] Радченко Е. П. Продовольственная независимость учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / Е. П. Радченко, А. Н. Вдовина // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 5. – С. 220-223.

[5] Радченко Е. П. К вопросу о закупках продовольствия для обеспечения нужд уголовно - исполнительной системы Российской Федерации на новых российских территориях / Е. П. Радченко, М. Ю. Крылова // Обеспечение безопасности в учреждениях УИС: Сборник статей круглого стола, Москва, 24 мая 2024 года. – Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2024. – С. 143-147.

[6] Карпов Э.С., Комиссарова С.В., Авдеев В.В. Об отдельных аспектах предупреждения неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств поставщиками по государственным контрактам на поставки продовольствия для нужд уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 11 (234). С. 32-45.

[7] Седых В. А. Проблемы, возникающие при неисполнении или ненадлежащем исполнении государственных контрактов на поставку продовольствия для нужд учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / В. А. Седых Е. П. Радченко, А. Н. Вдовина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13, № 4-1. – С. 331-340.

[8] Комаров И.Г. Убытки как один из видов ответственности по договору поставки в рамках неисполнения поставщиком договорных обязательств // Вестник уральского института экономики, управления и права. 2017. № 2. С.17-19.

[9] Радченко Е. П. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм обеспечения продовольственной безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 10. – С. 471-474.

References:

[1] War in the Middle East could trigger a food crisis and price increases // Metro newspaper. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/vojna-na-blizhnem-vostoke-mozhet-sprovotsirovat-krizis-prodovolstvija-i-rost-tsen-30-03-2026?ysclid=mooe95vppm1845136> (accessed: 02.05.2026).

[2] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for meeting state and municipal needs" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed: 02.05.2026).

[3] Tyumentsev D.S. Improving the mechanisms for the procurement of goods, works, and services for state needs in a constituent entity of the Russian Federation // Postulate. 2024. No. 1. [Electronic resource]. URL: [file:///C:/Users/Savin/Downloads/5376-5422-1-PB%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Savin/Downloads/5376-5422-1-PB%20(1).pdf) (accessed: 02.05.2026).

[4] Radchenko E. P. Food independence of institutions of the penal system of the Russian Federation / E. P. Radchenko, A. N. Vdovina // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. – 2023. – No. 5. – P. 220-223.

[5] Radchenko E. P. On the issue of food procurement to meet the needs of the penal system of the Russian Federation in the new Russian territories

/ E. P. Radchenko, M. Yu. Krylova // Ensuring security in penal institutions: Collection of articles from the round table, Moscow, May 24, 2024. – Moscow: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. – P. 143-147.

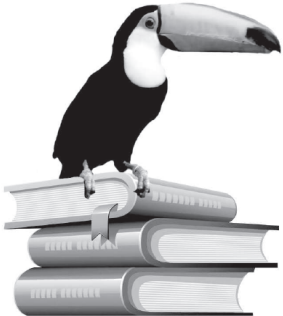
[6] Karpov E. S., Komissarova S. V., Avdeev V. V. On certain aspects of preventing failure to fulfill or improper fulfillment of obligations by suppliers under government contracts for the supply of food for the needs of the penal system of the Russian Federation // Vedomosti of the criminal executive system. 2021. No. 11 (234). P. 32-45.

[7] Sedykh V. A. Problems arising from failure to fulfill or improper fulfillment of government contracts for the supply of food for the needs of institutions of the penal system of the Russian Federation / V. A. Sedykh, E. P. Radchenko, A. N. Vdovina // Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2023. – Vol. 13, No. 4-1. – P. 331-340.

[8] Komarov I. G. Damages as one of the types of liability under a supply contract in the context of the supplier's failure to fulfill contractual obligations // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2017. No. 2. P. 17-19.

[9] Radchenko E. P. Public-private partnership as an effective mechanism for ensuring food security in penal institutions / E. P. Radchenko, S. A. Bazhanov // Agrarian and land law. – 2025. – No. 10. – P. 471-474.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АФАНАСЬЕВА Анна Александровна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уфимский юридический институт МВД России,
e-mail: aphanasyevaaa@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются правовые и практические аспекты участия адвоката-защитника в процессе собирания доказательств в уголовном досудебном производстве. Следственная модель досудебного производства по своей природе предполагает односторонний порядок собирания доказательств, стороной обвинения, что делает равноправие сторон недостижимым. Рассмотрены концепция «адвокатского расследования», проблемы допустимости собранных защитником материалов, особенности адвокатского запроса, опросов граждан и использования заключений специалистов, включая работу с электронными доказательствами. Опираясь на позиции Конституционного Суда РФ и научные взгляды, автор приходит к выводу, что защитник – не самостоятельный субъект процессуальных доказательств, а участник, создающий предпосылки для их последующей проверки следователем или судом. В связи с чем необходимо обратить внимание не на расширение властных полномочий защитников, а на оптимизацию ими процесса собирания доказательств.

Ключевые слова: сбор доказательств, сторона защиты, адвокат-защитник, предварительное расследование, адвокатское расследование, допустимость доказательств, адвокатский запрос, электронные доказательства, состязательность, следственная форма.

AFANASYEVA Anna Aleksandrovna,
Candidate of Law
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

OPTIMIZATION OF THE PROCESS OF COLLECTING EVIDENCE BY THE DEFENSE IN CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Annotation. The article analyzes the legal and practical aspects of the participation of a defense lawyer in the process of collecting evidence in criminal pre-trial proceedings. The investigative model of pre-trial proceedings, by its nature, presupposes a unilateral procedure for collecting evidence by the prosecution, which makes equality of the parties unattainable. The concept of a “lawyer’s investigation”, the problems of the admissibility of the materials collected by the defender, the specifics of the lawyer’s request, citizen surveys and the use of expert opinions, including work with electronic evidence, are considered. Based on the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and scientific views, the author comes to the conclusion that the defender is not an independent subject of procedural evidence, but a participant who creates the prerequisites for their subsequent verification by an investigator or a court. In this regard, it is necessary to pay attention not to the expansion of the powers of defenders, but to the optimization of the process of collecting evidence. Keywords: collection of evidence, defense party, defense attorney, preliminary investigation, attorney’s investigation, admissibility of evidence, attorney’s request, electronic evidence, adversarial, investigative form.

Key words: collection of evidence, defense party, defense attorney, preliminary investigation, attorney’s investigation, admissibility of evidence, attorney’s request, electronic evidence, adversarial, investigative form.

Дискуссия о роли стороны защиты в собирании доказательств ведётся с советского времени: либералы требуют расширения состязательности и увеличения прав стороны защиты, консерваторы отстаивают традиционную следственную модель, сопротивляясь таким

изменениям. Традиционная форма досудебного производства – односторонняя, потому что имеет следственную форму происхождения, в связи с чем говорить о полном равенстве сторон обвинения и защиты невозможно. В данном случае речь может идти лишь о смягчении существующего дисбаланса в сторону расширения прав защиты в их участии в следственных и процессуальных действиях.

В науке популярно мнение, что адвокат – самостоятельный субъект доказывания, проводящий собственное расследование (ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) [1; 2, с. 180]. Однако системный анализ УПК РФ и законодательства об адвокатуре не подтверждает этого [3].

Собранные защитником сведения – не самостоятельные доказательства, а лишь основание для проведения следственных действий. Итоговое решение о приобщении материалов, подготовленных стороной защиты, всегда остается за следователем. Адвокат может собрать лишь «источники доказательств», которые затем должны быть «трансформированы» органом расследования в полноценные доказательства, путем их проверки и оценки органом, ведущим расследование, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Лишь после этого, собранные защитником материалы найдут свое отражение в материалах уголовного дела. По своей природе это сходно с результатами оперативно-разыскной деятельности, которые также проходят путь от их сбора до их последующей передачи органам осуществляющих расследование.

Проанализируем возможность участия стороны защиты в процессе собирания доказательств:

1. Участие в следственных действиях, проводимых следователем. Необходимо отметить, что здесь адвокат не собирает доказательства, а скорее наблюдает за производством следственных действий для обнаружения процессуальных ошибок о которых можно заявить в процессе судебного следствия, с целью признания данных доказательств недопустимыми [4, с. 36]. Оптимизация в этой части видится в усилении правозащитного аспекта за счет производства следственных действий, таких как обыск, выемка, осмотр жилища с обязательным участием адвоката.

2. Заявление ходатайств защитниками о проведении следственных действий или принятии следователем решений о приобщении к делу представленных материалов. Перспектив оптимизации в данной форме мы не усматриваем, потому что следователь не обязан удовлетворять любое заявленное ходатайство.

3. Самостоятельное получение предметов и документов – это наиболее проблемный момент, включающий в себя опрос, заключение специалиста, адвокатский запрос.

Опрос лиц (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Результаты опроса, проведенного защитником не являются полноценными доказательствами [5]. Это будет являться поводом для ходатайства о последующем допросе участника следователем.

Заключение специалиста. Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность привлечения специалиста защитником, но полученное заключение следователь не обязан признавать в качестве доказательства [6]. Реальной гарантией является суд, он не может отказать в допросе специалиста, приглашенного стороной (ч. 4 ст. 271 УПК РФ). На стадии предварительного расследования защитник не способен собрать доказательство, приравненное заключению судебной экспертизы.

Адвокатский запрос (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Самый распространенный, но и самый ограниченный метод. Конституционный суд Российской Федерации пояснил, что по запросу нельзя получить сведения, составляющие любую охраняемую законом тайну (банковскую, врачебную, персональные данные третьих лиц, тайну следствия и т.д.) – только с согласия субъекта или по судебному запросу [7].

4. Электронные доказательства. Адвокат вправе самостоятельно фиксировать информацию из открытых источников, находящихся на цифровых носителях или в интернете. Однако и тут получены данные становятся доказательствами только после решения следователя и проведения соответствующих следственных действий.

В связи с изложенным необходимо заключить следующее: действующий УПК РФ не даёт защитнику равных со следователем полномочий по собиранию доказательств. Решение о приобщении материалов, собранных стороной защиты, принимает следователь. Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон наделил сторону защиты субъектом правом собирания доказательств, защитники не имеют равных прав с лицом, ведущим расследование. Признание собранного защитником материала доказательством на стадии предварительного расследования зависит от усмотрения процессуального лица – следователя.

Оптимизация не должна идти по пути наделения защитника властными полномочиями по формированию доказательств, что противоречит следственной природе досудебного производства. Перспективными направлениями являются усиление судебного контроля за обоснованностью отказов в приобщении доказательств

защиты и нормативное закрепление обязательного участия адвоката при возвращении электронных носителей информации.

В части адвокатского запроса требуется легальное закрепление пределов его удовлетворения с учетом режима охраняемой законом тайны, а также разъяснение права адвоката на обращение в суд за истребованием конфиденциальной информации, необходимой для защиты.

Собирание электронных доказательств защитником возможно, но их процессуальная легитимация происходит только через следственные действия.

Таким образом, оптимизация процесса собирания доказательств стороной защиты на стадии предварительного расследования возможна лишь в пределах, не разрушающих следственную парадигму.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.04.2026).

[2] Гришина Е.П. Современные научные и правовые проблемы достижения назначения уголовного судопроизводства при участии адвоката в доказывании // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 21.

[3] Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 21.04.2026).

[4] Джаншиев Г. Ведение неправых дел (этюд по адвокатской этике). М.: тип А.И. Мамонтова и Ко, 1886. 53 с.

[5] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.12.2004 № 3-О04-42 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/55705642/> (дата обращения: 21.04.2026).

[6] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: ksrf.ru (дата обращения: 21.04.2026).

[7] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багадурова Магомеда Магомедовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона Об адвокатской деятельности и адво-

катуре в Российской Федерации, статьей 10 Федерального закона О персональных данных и частью второй статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1063-О-О // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092011-n_19/ (дата обращения: 21.04.2026).

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 21.04.2026).

[2] Grishina E.P. Modern scientific and legal problems of achieving the purpose of criminal proceedings with the participation of a lawyer in proving // Advocate Practice. 2015. No. 5. P. 21.

[3] Federal Law "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" of 31.05.2002 No. 63-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (accessed: 21.04.2026).

[4] Dzhanshiev G. Conducting Unfair Cases (a Study in Advocacy Ethics). Moscow: A.I. Mamontov and Co. Publishing House, 1886. 53 p.

[5] Cassation Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.12.2004 No. 3-О04-42 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/55705642/> (accessed: 21.04.2026).

[6] On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergei Aleksandrovich Svedentsev regarding the violation of his constitutional rights by part three of Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2021 // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: ksrf.ru (date accessed: April 21, 2026).

[7] On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Magomed Magomedovich Bagadurov regarding the violation of his constitutional rights by subparagraph 1 of paragraph 3 of Article 6 of the Federal Law On Advocacy and the Bar in the Russian Federation, Article 10 of the Federal Law On Personal Data and part two of Article 57 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2011 No. 1063-О-О // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092011-n_19/ (date of access: April 21, 2026).

БЕКТЕВА Виктория Сергеевна,
Адъюнкт адъюнктуры
Омской академии МВД России,
e-mail: viktorijajaja@mail.ru

Научный руководитель:
ДЕЖНЕВ Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: omsk-das@mail.ru

РАСШИРЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ ОСНОВАНИЙ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ДЛИТЕЛЬНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье исследуется проблема расширения перечня оснований приостановления предварительного расследования, закрепленного в ст. 208 УПК РФ. Автором обосновано, что действующий перечень оснований ориентирован на случаи фактической невозможности продолжения расследования и не учитывает современные особенности доказательственной деятельности, связанные с необходимостью ожидания результатов длительных судебных экспертиз. На основе анализа научных подходов, правоприменительной практики, а также сравнительно-правового и исторического материала автор делает вывод о наличии пробела в правовом регулировании. Предлагается рассматривать длительное производство судебной экспертизы как самостоятельное юридически значимое обстоятельство, способное обусловить приостановление предварительного расследования. Формулируется предложение о внесении соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования; основания приостановления предварительного расследования; назначение и проведение судебной экспертизы; доказательства; сроки предварительного расследования.

BEKTEVA Victoria Sergeevna,
Adjunct of the Postgraduate School
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Scientific supervisor:
DEZHNEV Alexander Sergeevich,
Professor, Department of Criminal Procedure,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Doctor of Law, Professor

EXPANSION OF THE LIST OF GROUNDS FOR SUSPENDING A PRELIMINARY INVESTIGATION DUE TO LENGTHY FORENSIC EXAMINATIONS

Annotation. This article examines the issue of expanding the list of grounds for suspending a preliminary investigation, as set out in Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author substantiates that the current list of grounds is focused on cases where it is actually impossible to continue the investigation and does not take into account the modern characteristics of evidentiary work associated with the need to await the results of lengthy forensic examinations. Based on an analysis of scientific

approaches, law enforcement practice, as well as comparative legal and historical material, the author concludes that a gap exists in legal regulation. It is proposed to consider the lengthy conduct of a forensic examination as an independent legally significant circumstance that could lead to the suspension of a preliminary investigation. A proposal is formulated for making corresponding amendments to criminal procedure legislation.

Key words: *suspension of preliminary investigation; grounds for suspension of preliminary investigation; appointment and conduct of a forensic examination; evidence; preliminary investigation timeframes.*

Институт приостановления предварительного расследования приобретает особую значимость в современных условиях, что обусловлено не только большим количеством нераскрытых преступлений (более 50 % уголовных дел остаются нераскрытыми [9]), но и усложнением правоотношений в сфере доказывания, а также актуализацией научных и прикладных вопросов его развития и совершенствования [1; 2].

На протяжении десятилетий перечень оснований приостановления предварительного расследования, закрепленный в ст. 208 УПК РФ оставался исчерпывающим, несмотря на предложения ученых о необходимости его расширения. В частности, А. В. Гриненко обосновывал необходимость уточнения и расширения основания, связанного с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, указывая на необходимость более гибкого подхода к его формулировке [3, с. 45-49]. А. Т. Гаджиалиева, анализируя проблемы правового регулирования приостановленного производства, предлагал предусмотреть возможность осуществления длительных (длящихся) следственных действий, фактически допуская необходимость корректировки положений ст. 208 УПК РФ в целях учёта ситуаций, связанных с продолжительными процессуальными процедурами [4]. В современной научной литературе подчеркивается целесообразность расширения перечня оснований приостановления предварительного расследования с учетом зарубежного опыта и потребностей практики. Так, В. С. Латыпов прямо указывает на необходимость «качественного расширения оснований приостановления предварительного расследования», обусловленного развитием уголовно-процессуальных отношений [5, с. 64-71].

Несмотря на предложения ученых по данной проблеме, законодатель на протяжении длительного времени сохранял исчерпывающий перечень оснований приостановления предварительного расследования. Думается, что это обусловило формирование разрыва между нормативной регламентацией оснований приостановления предварительного расследования и реальными потребностями правоприменительной практики.

Однако последние изменения уголовно-процессуального законодательства, свидетель-

ствуют о тенденции, направленной на адаптацию системы оснований приостановления к современным потребностям правоприменительной практики [10]. Такие изменения показали, что законодатель допускает возможность дальнейшего расширения перечня оснований приостановления предварительного расследования с учетом изменяющихся условий уголовного судопроизводства. Соответственно представляется допустимым и научно обоснованным постановка вопроса о расширении перечня оснований приостановления предварительного расследования путем включения в него новых юридически значимых обстоятельств, отражающих современные потребности доказывания.

Отметим, что действующее нормативное регулирование ориентировано преимущественно на фактические основания приостановления предварительного расследования, связанные с невозможностью участия подозреваемого или обвиняемого в производстве по делу (п. 1-4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Однако в современных условиях актуализируются ситуации, при которых дальнейшее движение уголовного дела объективно зависит от завершения иных процессуально значимых процедур, не зависящих от деятельности следователя. Речь идет о производстве такого следственного действия, как назначение и производство судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ). В ходе изучения уголовных дел, предварительное расследование по которым приостановлено, мы выявили, что отдельные виды экспертиз (строительно-техническая судебная экспертиза, авто-техническая судебная экспертиза, компьютерно-техническая судебная экспертиза и др.), могут проводиться в течение длительного периода, значительно превышающего сроки предварительного расследования. При этом получение заключения эксперта зачастую является необходимым условием принятия итогового решения по уголовному делу.

Кроме того, результаты судебной экспертизы в отдельных случаях имеют определяющее значение для разрешения ключевых правовых вопросов, включая квалификацию преступления, установление размера причиненного вреда, а также иных обстоятельств уголовного дела, подлежащих доказыванию. Помимо этого, заключение эксперта во многом предопределяют выбор

дальнейшей тактики расследования, включая необходимость проведения дополнительных следственных действий, изменение объема и направления доказывания. В такой ситуации следователь вынужден формально продлевать сроки предварительного расследования при фактическом отсутствии оснований для продления, либо прибегать к иным процессуальным механизмам.

Отметим также, что УПК РФ содержит основание приостановления судебного производства по юридическим основаниям, не связанным с фактической невозможностью продолжения расследования по уголовному делу. Так, в соответствии со ст. 238 УПК РФ судебное разбирательство может быть приостановлено, в том числе, в случае направления судом запроса в Конституционный Суд Российской Федерации или принятия Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению жалобы о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном уголовном деле, Конституции Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ).

Ретроспективный анализ показывает, что подобные основания были известны отечественному уголовному процессу еще в дореволюционный период. В частности, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.) предусматривал возможность приостановления уголовного преследования в связи с необходимостью разрешения преюдициальных вопросов, находящихся в ведении другого суда (ст. 271, 272 УУС 1864 г.) [6, с. 44-46]. Данный факт свидетельствует о признании законодателем возможности приостановления уголовного судопроизводства по юридическим основаниям. Отметим, что в отечественном уголовном процессе исторически сложилась модель приостановления уголовного судопроизводства по юридическим основаниям, обусловленным зависимостью разрешения уголовного дела от результатов иных процессуально значимых процедур, сохраняющая значение и для современного этапа его развития.

Вопрос о возможности расширения перечня оснований приостановления предварительного расследования неоднократно становился предметом научного обсуждения, включая предложения о дополнении такого основания, как производство судебной экспертизы. В науке уголовного процесса сформировались различные подходы к оценке допустимости такого расширения.

Значительная часть исследователей исходит из того, что перечень оснований приостановления предварительного расследования, закрепленный в ст. 208 УПК РФ, носит исчерпывающий характер. В частности, В. Ю. Стельмах указывает, что приостановление предварительного расследования возможно только при наличии прямо предусмотренных законом обстоя-

тельств, связанных с фактической невозможностью продолжения расследования, и не допускает подмены данных оснований иными процессуальными ситуациями [7, с. 78-83]. Р. В. Бобринев обосновывал возможность приостановления расследования в связи с необходимостью ожидания результатов экспертного исследования [8, с. 95-99]. Автор предлагал дополнить перечень оснований приостановления предварительного расследования соответствующим положением, позволяющим учитывать необходимость получения заключения эксперта как объективный фактор, препятствующий окончанию расследования. Данный подход был обусловлен практическими трудностями соблюдения сроков предварительного расследования при длительном проведении судебных экспертиз.

Представляется, что указанные выводы сохраняют свою актуальность и в современных условиях, поскольку проблема длительности экспертных исследований не только не утратила значения, но и получила дальнейшее развитие в связи с усложнением доказательственной деятельности и расширением необходимости использования специальных знаний. Однако считаем, что предложение автора носит обобщенный характер, поскольку связывает возможность приостановления предварительного расследования с самим фактом назначения судебной экспертизы, не учитывая различия между ее назначением и фактическим проведением.

Между тем назначение судебной экспертизы не во всех случаях исключает возможность дальнейшего осуществления следственных действий и продолжения расследования. В то же время именно длительное проведение экспертного исследования, обусловленное его сложностью, объемом и спецификой применяемых методов, может объективно препятствовать принятию итогового процессуального решения по делу.

На наш взгляд, представляется обоснованным развитие предложенного подхода путем уточнения основания приостановления предварительного расследования: не сам факт назначения судебной экспертизы, а ее длительное производство, назначенное до принятия решения о приостановлении предварительного расследования, должно рассматриваться как самостоятельное юридически значимое обстоятельство, способное обусловить приостановление предварительного расследования.

Аргументом в пользу развития такого подхода в уголовно-процессуальном законодательстве является и сравнительный анализ данного вопроса в других отраслях права. Так, в гражданском судопроизводстве прямо предусмотрена возможность приостановления производства по делу в связи с назначением судебной экспер-

тизы. В частности, в соответствии со ст. 216 ГПК РФ суд вправе приостановить производство по делу в случае назначения экспертизы, если ее проведение требует значительного времени. Аналогичное регулирование содержится и в арбитражном процессе: согласно ст. 144 АПК РФ производство по делу может быть приостановлено, в том числе, в связи с назначением судебной экспертизы. Так, в иных отраслях процессуального права сформирован подход, согласно которому длительное проведение судебной экспертизы рассматривается в качестве самостоятельного процессуального основания для приостановления производства по делу.

Представляется, что отсутствие аналогичного основания на стадии предварительного расследования в уголовном процессе не в полной мере соответствует современным условиям доказывания и приводит к необоснованным различиям в правовом регулировании сходных по своей природе процессуальных ситуаций. В этой связи использование указанного подхода с учетом специфики уголовного судопроизводства представляется нам обоснованным и необходимым.

Таким образом, перечень оснований приостановления предварительного расследования, закрепленный в ст. 208 УПК РФ, ориентирован преимущественно на случаи фактической невозможности продолжения расследования и не в полной мере учитывает современные особенности доказательственной деятельности. Отсутствие соответствующего основания приостановления предварительного расследования приводит к формальному продлению сроков предварительного расследования и свидетельствует о пробеле в правовом регулировании. На наш взгляд, закрепление данного основания в законе позволит повысить эффективность предварительного расследования, устранить практику необоснованного продления сроков и обеспечить развитие института приостановления с учетом современных условий доказывания.

Список литературы:

[1] Латыпов В.С. Размышления о возможных векторах развития института приостановления предварительного расследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 2. С. 64–71.

[2] Гаджиалиева А.Т. Проблемы и перспективы совершенствования института приостановления предварительного расследования // Вестник УЮИ. 2025. №4 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-instituta-priostanovleniya-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Гриненко А.В. Приостановление предварительного расследования: законодательные и правоприменительные проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 45–49.

[4] Гаджиалиева А.Т. К вопросу о возможности производства следственных действий по приостановленному уголовному делу / А.Т. Гаджиалиева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №12 (138). URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.204> (дата обращения: 21.04.2026).

[5] Латыпов В.С. Размышления о возможных векторах развития института приостановления предварительного расследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 2. С. 64–71.

[6] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. II. С. 44 - 46.

[7] Стельмах В. Ю. Понятие, признаки и основания приостановления производства предварительного расследования // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 78–83.

[8] Бобринев Р. В. Возможно ли производство судебной экспертизы после приостановления предварительного следствия (на примере налоговых преступлений) // Научные исследования: от теории к практике. 2008. № 1. С. 95–99.

[9] Сборники состояния преступности в России за январь-декабрь 2020-2025 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 04.04.2026).

[10] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.03.2024 N 64-ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (дата обращения: 04.04.2026).

References:

[1] Latypov V.S. Reflections on Possible Vectors of Development of the Institution of Suspension of Preliminary Investigation // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2024. No. 2. pp. 64–71.

[2] Gadzhialieva A.T. Problems and Prospects for Improving the Institution of Suspension of Preliminary Investigation // Bulletin of the ULI. 2025. No. 4 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-instituta-priostanovleniya-predvaritelnogo-rassledovaniya> (date of access: 10.04.2026).

[3] Grinenko A.V. Suspension of Preliminary Investigation: Legislative and Law Enforcement

Problems // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 5. pp. 45–49.

[4] Gadzhialieva A.T. On the Possibility of Carrying Out Investigative Actions in a Suspended Criminal Case / A.T. Gadzhialieva // International Research Journal. - 2023. - No. 12 (138). URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.204> (accessed: 21.04.2026).

[5] Latypov V.S. Reflections on Possible Vectors of Development of the Institute of Suspension of Preliminary Investigation // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2024. No. 2. pp. 64–71.

[6] Foinitsky I.Y. Course of Criminal Procedure. St. Petersburg, 1910. Vol. II. P. 44–46.

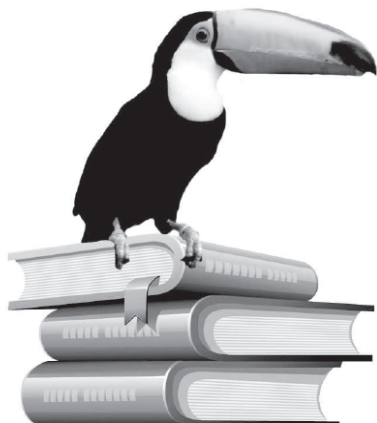
[7] Stelmakh V. Yu. Concept, Features, and Grounds for Suspension of Preliminary Investigation

// Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. No. 3. P. 78–83.

[8] Bobrinev R. V. Is It Possible to Conduct a Forensic Examination After Suspension of Preliminary Investigation (using Tax Crimes as an Example) // Scientific Research: From Theory to Practice. 2008. No. 1. P. 95–99.

[9] Collections of the State of Crime in Russia for January–December 2020–2025 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (accessed: 04.04.2026).

[10] Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated March 23, 2024 N 64-FZ. // SPS “Consultant-Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (date accessed: 04.04.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПИЛЬЩИКОВ Игорь Сергеевич
адъюнкт Академии управления МВД России,
e-mail: pilshchikov80@bk.ru

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа мер уголовно процессуального принуждения как особого вида государственного принуждения, реализуемого в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации. Показано, что данные меры образуют целостную, внутренне согласованную систему, обеспечивающую движение уголовного дела, фактическое исполнение процессуальных решений и достижение целей, закрепленных в ст. 6 УПК РФ. Анализируются основные доктринальные подходы к пониманию сущности уголовно процессуального принуждения (ограничительно правовой, двухкомпонентный, правообеспечительный), а также позиции Б.Б. Булатова, Ф.М. Кудина, П.В. Глаголева, Е.С. Попковой и М.А. Латушкина о месте данных мер в системе государственно правового принуждения. Особое внимание уделяется мерам, связанным с физическим воздействием, и системе гарантий их законности и обоснованности, в том числе с учетом требований ст. 5 ЕКПЧ, осмысленных в работах О.В. Качаловой и С.В. Шевелевой. Обосновывается необходимость усиления судебного и прокурорского контроля, развития альтернативных мер и уточнения критериев обоснованности и соразмерности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, государственное принуждение, меры процессуального принуждения, уголовный процесс.

PILSHCHIKOV Igor Sergeevich
post graduate student
Academy of Management of the MIA of Russia

CRIMINAL PROCEDURE ENFORCEMENT MEASURES IN THE SYSTEM OF STATE ENFORCEMENT

Annotation. The article examines the legal nature of measures of criminal procedural coercion as a special type of state coercion implemented in the framework of criminal proceedings in the Russian Federation. It is shown that these measures form an integral, internally coordinated system that ensures the movement of criminal proceedings, the actual execution of procedural decisions and the achievement of the goals set out in art. 6 of the Criminal Procedure Code. The main doctrinal approaches to understanding the essence of criminal procedural coercion (restrictive, two-component, and law-enforcement) are analyzed, as well as the positions of B.B. Bulatov, F.M. Kudin, P.V. Glagolev, E.S. Popkova, and M.A. Latushkin on the place of these measures in the system of state legal coercion. Special attention is paid to measures related to physical impact and the system of guarantees of their legality and validity, including taking into account the requirements of Article 5 of the ECHR, reflected in the works of O.V. Kachalova and S.V. Sheveleva. The necessity of strengthening judicial and prosecutorial control, developing alternative measures and clarifying criteria of validity and proportionality is substantiated.

Key words: criminal procedural coercion, state coercion, measures of procedural coercion, criminal procedure.

Меры уголовно процессуального принуждения занимают особое место в системе государственного принуждения, поскольку одновременно обеспечивают реализацию публичного интереса в сфере уголовного преследования и затрагивают фундаментальные права и свободы личности. Государственное при-

нуждение в целом понимается как закрепленное в праве и обеспеченное властной силой государства воздействие на поведение субъектов, направленное на охрану правопорядка, пресечение правонарушений и реализацию юридической ответственности; его признаками являются нормативная определенность, публично властный

характер, возможность применения помимо воли лица и наличие процедурных гарантий. В общем учении о государственном принуждении исследователи (П.В. Глаголев, Е.С. Попкова, М.А. Латушкин) подчеркивают, что оно существует в различных правовых формах – от юридической ответственности до множества обеспечительных и пресекательных мер, при этом именно системный анализ их соотношения позволяет увидеть место уголовно процессуального принуждения в общей структуре. Так, П.В. Глаголев, исследуя юридическую ответственность в системе мер государственного принуждения, отмечает, что ответственность занимает лишь часть этого поля, тогда как значительный массив принудительных воздействий носит обеспечительный и охранительный характер и может предшествовать привлечению к ответственности или существовать независимо от него [4]. Е.С. Попкова проводит аналогичную линию, указывая на необходимость четко разграничивать юридическую ответственность и иные правовые формы принудительного воздействия государства, чтобы избежать неоправданного «размывания» понятия ответственности и более точно описывать специфику процессуальных мер [8].

На этом фоне уголовно процессуальное принуждение выступает специфическим видом процессуального принуждения, обслуживающим уголовное судопроизводство и обеспечивающим достижение его целей, сформулированных в ст. 6 УПК РФ. Уголовно процессуальное законодательство не содержит легального определения рассматриваемого института, поэтому в доктрине преобладает подход, согласно которому меры уголовно процессуального принуждения – это предусмотренные УПК РФ решения и действия компетентных органов и суда, ограничивающие права участников процесса помимо их воли и применяемые для обеспечения надлежащего хода и результатов уголовного судопроизводства. Классические работы Ф.М. Кудина и Б.Б. Булатова задают рамки обсуждения: Ф.М. Кудин одним из первых системно показал, что принуждение в уголовном судопроизводстве представляет собой не случайный набор мероприятий, а целостную систему взаимосвязанных средств, обеспечивающих движение дела и фактическое исполнение процессуальных решений [6]. Б.Б. Булатов, развивая эту линию, рассматривает государственное принуждение в уголовном судопроизводстве как неременный атрибут процесса, без которого невозможно достижение его целей, и подчеркивает, что именно своевременность и эффективность использования «потенциала государственного принуждения» во многом определяют результативность правосудия по уголовным делам [1]. Он показывает, что речь идет

не только о собственно мерах уголовно процессуального принуждения (задержание, меры пресечения, иные меры), но и о применении в рамках судопроизводства уголовных и административных санкций, а также физической силы, что требует комплексного подхода к регулированию и оценке последствий принуждения.

Е.Г. Васильева подчеркивает, что все меры принуждения по своему объективному содержанию представляют правовые ограничения, выражающиеся в лишениях личного, имущественного или организационного характера, и что «нельзя, принуждая, оставить человека в состоянии полностью распоряжаться своими действиями и правами». В ее позиции фокус смещен на правоограничительное ядро института, вне зависимости от того, к кому именно обращена мера – к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или свидетелю [2]. С.Н. Воробей предлагает рассматривать сущность уголовно процессуального принуждения через сочетание объективного и субъективного начал: с одной стороны, источником и мерилем допустимого воздействия выступает воля государства, реализуемая через полномочия дознавателя, следователя, прокурора и суда; с другой – восприятие и реакция принуждаемого участника процесса определяют реальные пределы вмешательства, включая психологический компонент [3]. Такой подход позволяет учитывать не только формально правовую, но и фактическую сторону принудительного воздействия. Е.Е. Ширяева и ряд современных авторов акцентируют внимание на правообеспечительном измерении, определяя меры уголовно процессуального принуждения как законные средства ограничения прав и свобод личности, предназначенные для обеспечения справедливого, эффективного и своевременного судопроизводства и поддержания баланса между публичными и частными интересами при обязательном соблюдении принципа соразмерности [10]. В рамках доктринального анализа легитимности государственно-правового принуждения М.А. Латушкин обосновывает необходимость выхода за пределы формально-нормативного понимания законности как простой корреляции с нормативными предписаниями [7]. Исследователь предлагает квалифицировать законность в качестве «качественного состояния» публично-властной деятельности, предполагающего критерии разумности (пропорциональности), нормативной предсказуемости правоприменительных актов, а также императив недопустимости злоупотребления дискреционными полномочиями в процессе лимитирования правового статуса личности. Сформулированные правовоположения обладают прямой доктринальной релевантностью для института уголовно-процессуального принуждения.

К характерным чертам уголовно-процессуального принуждения относятся его строгая нормативная регламентация, применение исключительно в рамках уголовного судопроизводства, направленность на достижение целей уголовного процесса, временный характер ограничительных мер, а также наличие специальных гарантий, включая судебный контроль и возможность их обжалования. В отличие от уголовно-правового принуждения, которое представляет собой реакцию на уже совершенное преступление и реализуется в виде наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, уголовно-процессуальное принуждение имеет преимущественно превентивный и обеспечительный характер. Оно применяется до вынесения окончательного судебного решения, в том числе на стадии предварительного расследования. От административного принуждения оно отличается иным нормативным основанием (УПК РФ, а не КоАП РФ), иным предметом охраны и иным процессуальным режимом, хотя отдельные меры, такие как привод или временное отстранение от должности, функционально схожи. При этом, как показывает Б.Б. Булатов, не процессуальные виды принуждения (уголовные и административные санкции) хотя и не реализуются как элементы уголовно-процессуальных отношений, но влияют на формирование правосознания участников и обеспечивают общий режим законности, в рамках которого функционирует уголовный процесс [1].

Нормативная модель мер уголовно-процессуального принуждения закреплена в УПК РФ и включает задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. К мерам пресечения относятся подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу и другие предусмотренные законом способы обеспечения процессуального поведения; они направлены на предотвращение уклонения от следствия и суда, воспрепятствования установлению истины по делу, продолжения преступной деятельности и неисполнения приговора. Иные меры процессуального принуждения – обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и др. – преимущественно обеспечивают установленный порядок судопроизводства и должное исполнение процессуальных обязанностей различными участниками, в том числе свидетелями, потерпевшими, экспертами. Комментарии к УПК РФ обоснованно указывают и на принудительный характер целого ряда следственных и иных процессуальных действий (обыск, выемка, освидетельствование и пр.), при производстве которых

неизбежно ограничиваются конституционные права и требуется соблюдение условий, схожих с условиями применения мер принуждения. В исследованиях Б.Б. Булатова подчеркивается, что именно в совокупности всех этих средств – от классических мер процессуального принуждения до физического воздействия при исполнении решений – проявляется реальный «потенциал государственного принуждения» в уголовном процессе, требующий единых теоретических подходов и согласованной регламентации.

Особое измерение уголовно-процессуального принуждения связано с применением мер, основанных на физическом воздействии. С.В. Шевелева справедливо отмечает, что задержание, заключение под стражу, привод и другие меры, предполагающие физическое вмешательство в сферу личной свободы, наиболее остро затрагивают конституционное право на неприкосновенность личности и потому требуют особо жесткого режима законности и обоснованности [9]. Она показывает, что гарантии правомерного применения физического принуждения включают не только судебный контроль и специальные основания применения отдельных мер (прежде всего заключения под стражу), но и обязанность предоставления лицам широкого комплекса процессуальных прав, эффективного прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, а также категорический запрет действий, причиняющих вред здоровью или унижающих честь и достоинство личности. Значим вклад О.В. Качаловой, анализирующей российскую практику ограничения права на свободу в контексте ст. 5 ЕКПЧ; она указывает на необходимость более строгой оценки разумности и длительности содержания под стражей, наличия «достаточных и релевантных» оснований и реального, а не формального судебного контроля, чтобы национальные стандарты соответствовали конвенционным [5].

На фоне этих подходов функции мер уголовно-процессуального принуждения описываются как обеспечительная, превентивная, регулятивная и гарантийная. Обеспечительная функция проявляется в создании условий для эффективного расследования и рассмотрения дел, гарантировании явки участников, сохранности доказательств и исполнения судебных решений. Превентивная функция направлена на предупреждение нарушений процессуального порядка и пресечение попыток воспрепятствовать правосудию. Регулятивная функция выражается в упорядочении процессуального поведения участников, тогда как гарантийная направлена на поддержание баланса между интересами личности и государства посредством установления процедурных требований, осуществления судебного контроля

и реализации механизмов обжалования. В данном аспекте совпадают нормативные положения, сформулированные Б.Б. Булатовым, и теоретико-правовые подходы М.А. Латушкина: принуждение рассматривается как необходимый элемент правового механизма, однако его применение должно быть пронизано принципами законности и правовой защищенности личности, поскольку в противном случае оно утрачивает легитимный характер и трансформируется в произвольное воздействие.

Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что, несмотря на детализированную нормативную регламентацию, ряд проблем сохраняет устойчивый характер. Фиксируется склонность к чрезмерному применению наиболее строгих мер пресечения — заключения под стражу и домашнего ареста — при недостаточном использовании альтернативных средств, таких как залог или запрет определенных действий. В научной литературе подобная практика нередко квалифицируется как фактическое превращение меры пресечения в разновидность «предварительного наказания» при отсутствии установленной виновности. Обращается внимание и на формализованный характер судебного контроля: суды, рассматривая ходатайства о применении и продлении мер принуждения, порой ограничиваются воспроизведением доводов стороны обвинения, не проводя самостоятельной оценки достаточности представленных данных. Дополнительную сложность создает неоднозначное понимание категории «иные меры процессуального принуждения» и отсутствие единообразия в отнесении к ней отдельных институтов, что порождает интерпретационную неопределенность. В теоретических работах Б.Б. Булатова и С.В. Шевелевой предлагаются пути совершенствования регулирования: уточнение перечня мер, связанных с физическим воздействием, развитие гарантий их применения, усиление прокурорского и судебного контроля, унификация подходов к оценке законности и обоснованности конкретных решений по делу.

В современной литературе все настойчивее выдвигаются предложения о корректировке концепции уголовно процессуального принуждения в сторону усиления ее правообеспечительного компонента: предлагается укреплять реальный судебный контроль, регламентировать стандарты доказывания необходимости тех или иных мер, развивать спектр альтернативных, не изоляционных мер, а также внедрять риск ориентированные модели выбора мер пресечения и иных форм принуждения. Цифровизация уголовного судопроизводства (электронное делопроизводство, дистанционные следственные действия, электронный мониторинг) объективно ставит вопросы

о новых формах процессуального принуждения, которые могут осуществляться преимущественно информационными средствами и при этом требовать не меньшей, а большей регуляции и судебного контроля.

С учетом вклада Б.Б. Булатова, Ф.М. Кудина, П.В. Глаголева, М.А. Латушкина, Е.С. Попковой, С.В. Шевелевой и О.В. Качаловой меры уголовно процессуального принуждения могут быть охарактеризованы как самостоятельный, теоретически сложный и практически значимый элемент системы государственного принуждения, в котором правоограничительное содержание должно быть строго подчинено задачам справедливого, эффективного и правозащитного уголовного судопроизводства. Системное развитие этого института связано с уточнением понятия и состава мер, совершенствованием критериев их обоснованности и соразмерности, усилением судебного и прокурорского контроля, повышением стандартов защиты права на свободу в соответствии с требованиями ст. 5 ЕКПЧ и адаптацией к новым технологическим условиям, что в совокупности требует дальнейших научных исследований и законодательных реформ.

Список литературы:

- [1] Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.
- [2] Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. - Уфа, 2002. - 193 с.
- [3] Воробей С. Н. Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, критерии обоснованности применения в стадии предварительного расследования : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Воробей Светлана Николаевна; [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ]. — Москва, 2009. — 29 с.
- [4] Глаголев П. В. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 18 с.
- [5] Качалова О. В. Обеспечение обоснованности ограничения права на свободу в российском уголовном судопроизводстве в контексте ст. 5 ЕКПЧ // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: проблемы реализации в российском уголовном судопроизводстве (к 25-летию членства Российской Федерации в Совете Европы): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 15–16 окт. 2021 г. Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2021. С. 59–65.
- [6] Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 135 с.

[7] Латушкин М. А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 237 с.

[8] Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Юрид. ин-т МВД РФ, 2001. 23 с.

[9] Шевелева С. В. Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с физическим воздействием, гарантии его законности и обоснованности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2006. 24 с.

[10] Ширяева Е. Е. Понятие и назначение мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник науки. 2026. №2 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-naznachenie-mer-ugolovno-protsessualnogo-prinuzhdeniya> (дата обращения: 13.04.2026).

References:

[1] Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 320 p.

[2] Vasilyeva E. G. Problems of limitation of personal inviolability in criminal proceedings : dissertation ... Candidate of Law Sciences : 12.00.09. Ufa, 2002. - 193 p.

[3] Vorobey S. N. Measures of criminal procedural coercion: the essence, purpose, criteria of validity of application at the stage of preliminary investigation : abstract of the dissertation of the Candidate of Law sciences : 12.00.09 / Vorobey Svetlana Nikolaevna; [Place of protection: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. — Moscow, 2009. — 29 p.

[4] Glagolev P. V. Legal responsibility in the system of state coercion measures: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Saratov, 2007. 18 p.

[5] Kachalova O. V. Ensuring the validity of restrictions on the right to freedom in Russian criminal proceedings in the context of Article 5 of the ECHR // European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: problems of implementation in Russian criminal proceedings (on the occasion of the 25th anniversary of the Russian Federation's membership in the Council of Europe): proceedings of the International Scientific-practical conference Khabarovsk, October 15-16, 2021 Khabarovsk: Pacific State University, 2021. pp. 59-65.

[6] Kudin F. M. Coercion in criminal proceedings. Krasnoyarsk: Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1985. 135 p.

[7] Latushkin M. A. Ensuring the legality of the use of state-legal coercion measures: theoretical and legal aspect: dis. ... kand. jurid. sciences'. Vladimir, 2011. 237 p.

[8] Popkova E. S. Legal responsibility and its relation to other legal forms of state coercion: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. Moscow: Yurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2001. 23 p.

[9] Sheveleva S. V. Criminal procedural coercion related to physical impact, guarantees of its legality and validity: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2006. 24 p.

[10] Shiryayeva E. E. The concept and purpose of measures of criminal procedural coercion // Bulletin of Science. 2026. No. 2 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-naznachenie-mer-ugolovno-protsessualnogo-prinuzhdeniya> (date of request: 04/13/2026)

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

НИКИТИНА Ирина Эдуардовна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры философии, политологии, социологии
имени Г.С. Арефьевой Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
e-mail: universe@mpei.ac.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО (МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. В статье рассмотрены преимущества и потенциальные риски в связи с внедрением технологий ИИ в уголовное судопроизводство. Приведены научные позиции зарубежных и российских ученых на допустимые границы в использовании ИИ, связанные прежде всего, с правом на справедливое судебное разбирательство и защитой личности. Отмечена противоречивость взглядов по данному вопросу. Объектом исследования является система правоотношений, складывающаяся при использовании цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства, и закономерности правового регулирования. Предмет исследования – российское и зарубежное законодательство, а также доктрина и правоприменительная практика. В работе подчеркивается существующая предвзятость ИИ, которая потенциально может усугубить существующие дисбалансы в уголовном судопроизводстве и повлиять на наиболее уязвимые группы населения. В статье использованы диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции и другие. Для анализа данных статистики был применен метод статистического анализа. Для оценки процессов формирования правового регулирования в области систем ИИ применены методы системного анализа и сравнительно-правового для сопоставления эффективности внедрения ИИ в уголовное судопроизводство зарубежных стран. Научная новизна обосновывается тем, что при сравнительно-правовом анализе опыта зарубежных стран по внедрению ИИ в уголовное судопроизводство выявлен ряд факторов, подлежащих учету при формировании национально-правовых основ регулирования систем ИИ в сфере уголовного судопроизводства. В результате проведенного исследования выявлены общие цели большинства государств по оставлению главенства и контроля человека за результатами применения технологии ИИ в системе уголовного правосудия, чтобы избежать риска вредоносности для правосудия и основных прав человека. Подчеркивается необходимость внедрения этики и управления в системы ИИ. Перспективы по формализации этического надзора за ИИ, будут способствовать прозрачности, объяснимости, подотчетности и доверию со стороны населения. В настоящее время страны пытаются найти баланс между инновациями в области ИИ и соответствующими мерами защиты.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, агентный искусственный интеллект, права человека, конфиденциальные данные, этические нормы, нейросети, алгоритмические системы, обеспечение безопасности, данные.

NIKITINA Irina Eduardovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Philosophy,
Political Science, Sociology named after G.S. Arefieva
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "National Research University "MPEI"

ADVANTAGES AND RISKS OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS (INTERNATIONAL EXPERIENCE)

Annotation. *The paper examines the existing AI bias that drives potential imbalances in criminal justice and impacts vulnerable groups. It argues for the need to ensure transparency and understandability of AI systems. The author confirms the conclusion that AI technology should be effectively applied in the criminal justice system, but under human control to avoid the risk of financial liability and fundamental human rights violations. The need to integrate ethics and governance into AI systems is emphasized. Formalizing ethical oversight of AI will promote transparency, explainability, accountability, and public trust. The aim of this work is to analyze Russian and international experience in implementing AI with strict oversight frameworks for its use in criminal proceedings, and to outline key principles for its use. The object of this study is the system of legal relations emerging from the implementation of digital technologies in criminal proceedings, as well as the patterns of legal regulation. The subject of the study is Russian and international legislation, as well as doctrine and law enforcement practice. The work utilizes the dialectical method, analysis, synthesis, induction and deduction, and other methods. Statistical analysis was employed to analyze the statistical data. The rapid evolution of agent-based AI is currently changing data management, and AI performance directly depends on the quality of the source data. Therefore, it is crucial for the global community to strive to create well-managed, context-aware, and high-quality data. Keywords: Criminal justice, artificial intelligence, agent-based AI, human rights, confidential data, ethical standards, neural networks. There is general concern about the digital population in countries and the potential dehumanization of criminal justice. Automated information systems, in turn, are the first to benefit from information and telecommunications technology skills, which could lead to greater access to justice for certain groups of the population.*

Key words: *Criminal justice, artificial intelligence, agent-based AI, human rights, confidential data, ethical standards, neural networks, algorithmic systems, security, data.*

Введение.

Широкое внедрение технологий ИИ в сферу уголовного правосудия порождает неоднозначные оценки со стороны мирового сообщества. Его использование дает определенные надежды на возможность эффективно противостоять растущему уровню киберпреступлений, которые ранее не наблюдались. Интеграция технологий ИИ в систему уголовного правосудия имеет свои преимущества, но сопряжена с опасениями по поводу открытости, справедливости и прав человека. Многие алгоритмические системы непрозрачны в плане их соответствия гарантиям права на справедливое судебное разбирательство и обеспечению прав и свобод человека, что поднимает вопросы о том, как принимаются такие решения и кто несет ответственность при использовании искусственного интеллекта, когда это приводит к неправомерным арестам или ошибочным приговорам. Проводимые исследования неоднократно демонстрировали, что те же системы распознавания лиц имеют более высокие показатели ошибок при идентификации людей с темным цветом кожи, особенно чернокожих, и женщин, что приводило к ошибочной идентификации.

Общую обеспокоенность вызывает цифровое неравенство населения в странах и потенциальная дегуманизация уголовного правосудия. Автоматизированные информационные системы в первую очередь полезны тем лицам, которые имеют определенные навыки в работе с информационно-телекоммуникационными средствами, что потенциально может привести к техническим

трудностям в доступе к правосудию для отдельных групп населения. ИИ не должен становиться заменой человеку, а быть инструментом, способным забирать «рутинную работу», после чего возвращать человеку контроль над разрешением дел. На практике многие государства уже внедряют ИИ со строгими рамками контроля по его использованию.

Применение технологий ИИ в уголовном судопроизводстве не является исключением в плане противоречий между этическими стандартами, управлением и регулированием. Возникают проблемы, с которыми некоторые страны столкнулись уже сейчас, а другие могут обрести их через некоторое время. Государства пытаются найти баланс между инновациями в области ИИ и соответствующими мерами защиты. В конечном итоге, внедрение этики и управления в системы ИИ - это не просто формальность. Необходимы шаги по формализации этического надзора за ИИ, который будет способствовать прозрачности, объяснимости, подотчетности и доверию со стороны населения.

Зарубежный и российский опыт использования технологий ИИ в уголовном судопроизводстве.

Великобритания. Инициативы по преобразованию судов Великобритании включают в себя создание Академии искусственного интеллекта в сфере правосудия, системы автоматизированного составления списков дел с использованием ИИ и новой цифровой платформы Высокого суда. В планы входит расширение использования ИИ в

судах, например, увеличение количества транскрипций судебных заседаний с помощью ИИ и пилотное внедрение ИИ для юрисконсультов и судей в мировых судах.

Служба судов и трибуналов Ее Величества в Англии и Уэльсе (HM Courts & Tribunals Service (HMCTS)) проводит тестирование системы J-AI (Justice AI), использующей искусственный интеллект для составления расписаний, которая будет обрабатывать информацию и данные, позволяя судьям отмечать дела, требующие дальнейшего рассмотрения в суде, а также помогать с планированием заседаний.

Правительство Великобритании инвестирует более 50 миллионов фунтов стерлингов в продолжение программы цифровизации окружных судов, а еще 20 миллионов фунтов стерлингов будут использованы для внедрения цифровой системы в Высоком суде.

В июле 2025 года в Великобритании запущен план действий в области ИИ для системы правосудия, который включает создание специального подразделения по ИИ в сфере правосудия. Министерство юстиции также создало руководящую группу по ИИ, которая объединяет руководителей отделов, включая отделы политики, больших данных, цифровых технологий, безопасности, кадров, права, Тюремной и пробационной службы Ее Величества, Судебной и трибунальной службы Ее Величества, Управления рисками и коммуникациями, для контроля за инициативами в области ИИ и управления рисками [1].

Ключевые принципы внедрения систем ИИ включают в себя:

- контроль, который во всех случаях остается за человеком: ИИ не используется для принятия решений по делам (например, «робот-судья» исключен);
- обеспечение безопасности данных: используются закрытые, изолированные версии инструментов, а не публичные чат-боты (внедрение защищенных корпоративных чат-ботов на базе технологий Microsoft Copilot/ChatGPT для административного персонала: составление черновиков писем, отчетов и обработка рутинных запросов);
- регулярное обучение: разработаны руководства для судей (Judicial AI Guidance) по использованию ИИ, включающие потенциальные риски.

Китай. В КНР при участии Верховного суда Шанхая и технологического гиганта iFlytek разработана Интеллектуальная информационная система «Система 206», которая оказывает помощь при анализе огромных массивов данных – документов, показаний, материалов следствия т.п., выявляя противоречия. В нее включена функ-

ция «умного допроса», которая структурирует стратегию обвинения и помогает сотрудникам правоохранительных органов не упустить ключевые детали показаний, автоматически сопоставляя показания допрашиваемого лица с иными процессуальными документами. В 2019 году «Система 206» использовалась при рассмотрении уголовного дела в промежуточном народном суде № 2 Шанхая. Перед участниками процесса, присутствующими на судебном заседании, были установлены специальные экраны. В то время, когда судья, государственный обвинитель или сторона защиты обращались к информационной системе, она выводила на экран нужные доказательства. Например, система продемонстрировала психиатрическое заключение и воспроизвела запись с камер видеонаблюдения [2].

На сегодняшний день в Китае создан крупнейший в мире онлайн-портал судебных решений (China Judgments Online), содержащий более 81,5 миллиона документов. Это не просто архив, а основа для обучения ИИ и обеспечения единообразия судебной практики. В 2021 году в КНР внедрена система «Умный прокурор», которая на основе представленных доказательств выносит обвинительное заключение. Нейросеть обучали на массиве 17 тысяч уголовных дел, показатель ее эффективности составил 97% [3].

Сингапур. В судах Сингапура активно идет работа по тестированию генеративного искусственного интеллекта в целях оказания помощи заявителям. Созданы экспериментальные сайты, где люди могут задавать чат-ботам различные вопросы по урегулированию споров [4]. Подача и обслуживание документов в электронном виде по уголовным делам осуществляется через сеть Интернет с помощью цифровой платформы – интеграционная система электронных судебных разбирательств.

Азербайджан. В УПК Республики Азербайджан содержатся нормы, регулирующие ведение дела в электронном виде, а также утверждена Инструкция по осуществлению уголовного судопроизводства в электронном виде [5].

Российская Федерация. В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [23] цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является национальной целью развития нашей страны [1].

Планомерно под современные реалии жизни общества на основе системного подхода и с учетом международного опыта адаптируется уголовное и уголовно-процессуальное законодательство [6]. Основу для комплексной автоматизации уголовного судопроизводства могут соста-

вить ГАС «Правосудие» и ФГИС «Досудебное производство» [7]. Процесс цифровизации российского уголовного законодательства также осуществляется по таким направлениям, как документооборот и делопроизводство, развитие института электронного уголовного дела и цифровых доказательств, систем видеоконференц-связи [8].

В соответствии с федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [24] совершенствуется единая биометрическая система - государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных», в которой содержатся биометрические персональные данные физических лиц, векторы единой биометрической системы и иная информация, используемая в целях осуществления идентификации, аутентификации с использованием биометрических персональных данных физических лиц, а также в иных правоотношениях в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, и оператором которой является определенная Правительством Российской Федерации организация [4].

Применение ИИ и нейросетей в уголовном судопроизводстве имеют несомненное преимущество, как блокчейн технологии для обеспечения неизменности доказательств [15, с. 143], внедрение биометрической идентификации участников уголовного судопроизводства [16], создание интеллектуальных систем [17].

Агентный и физический ИИ: перспективы и вызовы.

В динамично развивающейся области искусственного интеллекта конец 2025 года представляет собой значительный шаг вперед, использующий базовые модели, такие как большие языковые модели, для разработки автономных систем, способных воспринимать окружающую среду, планировать действия, использовать внешние инструменты и выполнять многоэтапные задачи. Эти системы, основанные на моделях из таких серий, как GPT или мультимодальные аналоги, демонстрируют впечатляющие возможности в областях от научных исследований до рутинной автоматизации.

В настоящее время в центре внимания оказывается физический ИИ (Физический ИИ: технологии, лежащие в основе человекоподобной

робототехники, автономных транспортных средств, дронов-доставщиков и тому подобного, стремительно развиваются) [9], в то время как агентный ИИ (Агентный искусственный интеллект (AI) – это система, которая действует как самостоятельный агент, принимая решения и выполняя задачи в окружающей среде для достижения определенных целей (например, AutoGPT, BabyAGI) достигает зрелости. Если 2025 год был годом изучения агентного ИИ, то 2026 год станет годом, когда компании углубятся в нюансы внедрения агентов ИИ, такие как оптимизация затрат и управление.

В отчете McKinsey & Company «Состояние ИИ в 2025 году: агенты, инновации и трансформация» отмечается, что 39% организаций начали экспериментировать с агентами ИИ, а 23% заявили о масштабировании систем агентного ИИ в своих компаниях [10].

Что касается применения агентного ИИ в уголовном судопроизводстве, то нельзя исключить предвзятость, которая влияет на точность его прогнозов; кроме того, это порождает опасения несправедливости правосудия, поскольку человек может пострадать от неверных данных, полученных от алгоритмов. Еще один важный риск заключается в том, что системы ИИ, в том числе агентный ИИ, часто представляют собой «черные ящики» без четкого понимания на сегодня того, как они принимают решения.

Многие исследователи считают, что «искусственный интеллект, в отличие от человеческого мышления, не склонен пропускать или искажать фактические обстоятельства, которые были предоставлены ему» [19].

Тем не менее в данный момент невозможно полностью исключить предвзятость ИИ. «Направление работы ИИ» зачастую трудно понять самим разработчикам. В тех случаях, когда принимаются решения о свободе человека, залоге или осуждении на основе результатов алгоритмов, которые можно назвать «черными ящиками», это становится большой проблемой и вызовом для правосудия. В обоснования данной позиции следует привести программу Compas, применяемую в американской судебной системе для оценки рисков совершения преступлений. ИИ оказался так же подвержен предрассудкам, как и представители человеческой расы. Единственное отличие состоит в том, что ИИ никогда не поставит под сомнение свои выводы.

Быстрая эволюция агентного ИИ меняет управление данными и результаты работы ИИ напрямую зависят от качества исходных данных, в связи с чем важно стремиться к созданию хорошо управляемых, контекстно-ориентированных и высококачественных данных.

Агентный ИИ эффективнее применять в тех областях, где можно чётко посчитать результат его работы: сэкономленные человеко-часы, снижение ошибок, рост конверсии, ускорение процесса и т. п. Когда первый агент приносит заметный эффект (например, время тестирования сократилось на 30% или доля решенных с первого обращения задач выросла с 60% до 85%), это мотивирует развивать направление дальше [11].

Так, в США и Великобритании объявили о развертывании агентного ИИ на местном и национальном уровнях. В городе Кайл (штат Техас, США) в марте 2025 г. внедрили ИИ-агента из Salesforce для обслуживания клиентов номера телефона для неэкстренных случаев в полицию в большинстве городов США 311 [12]. В ноябре 2025 года Налоговая служба США заявила, что будет использовать Agentforce (ИИ-агентов из Salesforce) для Офиса главного юрисконсульта, Службы защиты интересов налогоплательщиков и Апелляционного офиса [13]. В том же месяце полиция Стаффордшира объявила, что начнет тестирование агентов Agentforce для обработки звонков 101, не связанных с чрезвычайными ситуациями, в Соединенном Королевстве, начиная с 2026 г. [14].

Применение агентного ИИ критикуют за высокую стоимость и негативное влияние на интернет-трафики, возможно, на окружающую среду из-за высокого энергопотребления. Агентам ИИ требуется в разы больше вычислительной мощности. Существует также риск злоупотребления полномочиями со стороны политических лидеров, поскольку агенты ИИ не ставят под сомнение инструкции так, как это свойственно людям.

Варианты использования физического ИИ будут продолжать развиваться, поскольку технологии, лежащие в основе человекоподобной робототехники, автономных транспортных средств, дронов-доставщиков и тому подобного, совершенствуются. Широко обсуждается степень контроля за их действиями как со стороны пользователя, так и со стороны производителя. В случае причинения вреда человеку или окружающей среде со стороны физического ИИ должна выстраиваться правдоподобная модель атрибуции ответственности, учитывающая такие факторы как присутствие или отсутствие преступного умысла со стороны человека, небрежность использования, влияние контроля и его степень, предсказуемые риски, связь действия и причиненного ущерба и иные значимые факты.

Некоторые исследователи уже сегодня предлагают задуматься об установлении уголовной ответственности за создание и нарушение эксплуатации программ, использующих техноло-

гии искусственного интеллекта, которые причинили тяжкие последствия. Ответственность должна быть возложена на разработчиков или лиц, нарушивших правила их эксплуатации [21].

Еще одним фактором, следующим из доклада Главы сингапурского агентства безопасности CEBER, который следует принять во внимание, являются угрозы кибербезопасности критической инфраструктуре стран, в том числе и сфере уголовного правосудия. Так, в Сингапуре атаки на цифровые сервисы в первом квартале 2026 года возросли на 47% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года. Экономический ущерб также колоссален: ожидается, что программы-вымогатели (вирус-шифровальщик, которые требуют оплату за ключ дешифрования) нанесут ущерб в размере 74 миллиардов долларов в этом году, а к 2031 - до 276. В 4 раза возросло количество угроз повышенной сложности за период 2021-2024 [22].

Привлечение частных компаний к созданию и внедрению информационных систем на базе искусственного интеллекта открывает широкие возможности для возникновения конфликта интересов, а также возможного ослабления человеческого контроля и сохранности конфиденциальных данных, отсутствия гарантированной объяснимости решений агентов, уязвимости программного обеспечения, повышения конкуренции, проблемы с неполной занятостью (вытеснение рабочих мест), когнитивная перегрузка и потенциалом манипуляций пользователями дезинформацией [18].

Выводы. Обоснованные сомнения вызывают вопросы ответственности за принимаемые ИИ решения, повышенный риск киберпреступлений, дегуманизации уголовного судопроизводства, попрание этических норм, неизбежно вступающих в случае, если ИИ начнет использоваться для «самостоятельного» принятия решений по делам.

Когда в ИИ возникает предвзятость, это влияет на точность его прогнозов; кроме того, это порождает опасения несправедливости правосудия, поскольку человек может пострадать от неверных данных, полученных от алгоритмов. Еще один важный риск заключается в том, что многие системы ИИ часто представляют собой «черные ящики» без четкого понимания на сегодня того, как они принимают решения.

В связи с чем требуется дополнение уголовных законов стран СНГ по вопросам уголовной ответственности за использование технологий искусственного интеллекта при совершении преступлений [21].

Технологии искусственного интеллекта потенциально могут нарушить правовые гарантии против пыток и других видов бесчеловечного

обращения. Например, если человекоподобная робототехника в будущем будет использоваться в целях эффективности допроса и максимизации скорости получения признаний, существует определенная вероятность применения негуманных методов для получения признательных показаний.

Список литературы:

- [1] Вице-премьер обещает реформировать систему правосудия с помощью искусственного интеллекта [Информационный ресурс]. URL: https://www.computerweekly.com/news/366639522/Deputy-prime-minister-vows-to-reform-justice-system-with-AI-utm_campaign=20260227_US+artificial+intelligence+developers+accuse+Chinese+firms+of+stealing+their+data&utm_medium=email&utm_source=MDN&source_ad_id=366639522&asrc=EM_MDN_324181653&bt_ee=wdyHNRzQ1si9XPJ4DSMiNNqw3wLEZH4ePQEGRq%2Bkw%2Bv4NRnsVjAFitEB5vv9IYoi&bt_ts=1772364540557 (дата обращения: 02.03.2026).
- [2] Китайский суд оснастили интеллектуальной информационной системой [Информационный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2560256> (дата обращения: 02.03.2026).
- [3] Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. Информатизация судебной системы Китая. Юридическая наука. 2022. № 8. С. 54-59. EDN: FVJZNI.
- [4] В судах Сингапура тестируется генеративный искусственный интеллект [Информационный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20230927/309253748.html (дата обращения: 02.03.2026).
- [5] В Азербайджане цифровизируют уголовное судопроизводство [Информационный ресурс]. URL: <https://haqqin.az/newsarchive/373441> (дата обращения: 02.03.2026).
- [6] Российские суды «приземлили» персональные данные участников процессов-ВС РФ [Информационный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230721/309080740.html (дата обращения: 02.03.2026).
- [7] Состоялось совещание по вопросам расширения доступа граждан к правосудию с использованием цифровых технологий-ВС. 21 июля 2023 года [Информационный ресурс]. URL: https://www.vsr.ru/press_center/news/32662/ (дата обращения: 02.03.2026).
- [8] Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 270-295. DOI: 10.21202/jdtl.2023.11. EDN: SGAOKS.
- [9] «Яндекс» начал разрабатывать первый в России ИИ для роботов. МОСКВА, 23 октября. / ТАСС/ [Информационный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25426345> (дата обращения: 02.03.2026).
- [10] TechTarget's Outlook on 2026 [Информационный ресурс]. URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/feature/TechTargets-Outlook-on-2026> (дата обращения: 02.03.2026).
- [11] Эволюция и внедрение агентного ИИ: практика, ошибки и риски [Информационный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/companies/mipt_digital/articles/1004590/ (дата обращения: 02.03.2026).
- [12] Alms, N. "As agencies shed staff, industry execs predict AI agents' rise". Government Executive. 2025. URL: <https://www.govexec.com/> (дата обращения: 11.12.2025).
- [13] Корриган, Ф. «Полиция Стаффордшира будет судить «агентов» ИИ на службе 101». BBC. 26 ноября 2025 года. URL: <https://www.bbc.com/> (дата обращения: 28.11.2025).
- [14] Gold, A. "Exclusive: IRS deploys AI agents". Axios. 21 ноября 2025 года. URL: <https://www.axios.com/> (дата обращения: 28.11.2025).
- [15] Международная информационная безопасность. Теория и практика. В трех томах. Том 1: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.В. Крутских. – 2-е изд., доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 384 с.
- [16] Соломатина А.Г. Цифровая идентификация участников уголовного судопроизводства. Проблемы противодействия киберпреступности // Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 28 апреля 2023. Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева».
- [17] Городецкий А.Е., Ерофеев А.А. Адаптивные и робастные системы. Автоматика и телемеханика. 1997. № 9. URL: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.mathnet.ru/links/6e96687eb11d4705152ea8621c789c84/at2669.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).
- [18] Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: Вызовы XXI века. М.: Юстицинформ, 2020. – 224 с. EDN: ENXOAR.
- [19] Хамидуллин Р.С. Криминалистическое обеспечение использования технологии искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 1. С. 55-74. DOI: 10.25136/2409-7810.2024.1.68894 EDN: CBMNNY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68894
- [20] Пащенко И.Ю. Искусственный интеллект в образовании: от рисков к перспективам в контексте международных рекомендаций ЮНЕ-

СКО // Международное право. 2025. № 4. С. 149-162. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.4.77152 EDN: VYJYJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77152

[21] Каримов В.Х. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств в сфере компьютерных технологий. Достоинства, проблемы, пути их решения // Вопросы безопасности. 2026. № 1. С. 106-117. DOI: 10.25136/2409-7543.2026.1.78419 EDN: UVZJFI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78419

[22] Singapore Cyber Security Agency chief: Cyber stability a necessity, not a luxury. URL: https://www.computerweekly.com/news/366641228/Singapore-Cyber-Security-Agency-chief-Cyber-stability-a-necessity-not-a-luxury?utm_campaign=20260410_Operation+by+Navy+and+RAF+tracks+Russian+submarine+operations+close+to+critical+undersea+cables.&utm_medium=email&utm_source=MDN&source_ad_id=366641228&asrc=EM_MDN_325039332&bt_ee=%2FGSoET9D%2B1C%2FRlgTdZzPnzAa2xT%2F%2FIYrwOKnE9DEVFPQVaPA%2FvOkhe8hO4DmKN8S&bt_ts=1775989721280 (дата обращения: 12.04.2026).

[23] Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Информационный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015-index=1> (дата обращения: 2.03.2026).

[24] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных...» // СПС Консультант-Плюс. 20.

References:

[1] The Deputy Prime Minister promises to reform the justice system using artificial intelligence [Information Resource]. URL: https://www.computerweekly.com/news/366639522/Deputy-prime-minister-vows-to-reform-justice-system-with-AI-utm_campaign=20260227_US+artificial+intelligence+developers+accuse+Chinese+firms+of+stealing+their+data&utm_medium=email&utm_source=MDN&source_ad_id=366639522&asrc=EM_MDN_324181653&bt_ee=wdyHNRzQ1si9XPJ4DSMiNN-qw3wLEZH4ePQEgRq%2Bkw%2Bv4NRnsV-jAFitEB5vv9IYoi&bt_ts=1772364540557 (дата обращения: 02.03.2026).

[2] The Chinese court has been equipped with an intelligent information system [Information Resource]. URL: <https://regnum.ru/news/2560256> (access date: 02.03.2026).

[3] Dragilev E.V., Dragileva L.L., Drovaleva LS, Palamarchuk S.A. Informatization of China's judicial

system. Legal science. 2022. № 8. S. 54-59. EDN: FVJZNI.

[4] The courts in Singapore are testing generative artificial intelligence [Information Resource]. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20230927/309253748.html (access date: 02.03.2026).

[5] Criminal proceedings are being digitalized in Azerbaijan [Information resource]. URL: <https://haqqin.az/newsarchive/373441> (access date: 02.03.2026).

[6] The Russian courts "landed" the personal data of the participants in the processes of the Armed Forces of the Russian Federation [Information resource]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230721/309080740.html (access date: 02.03.2026).

[7] A meeting was held on expanding citizens' access to justice using digital technologies. July 21, 2023 [Information resource]. URL: https://www.vsr.ru/press_center/news/32662/ (access date: 02.03.2026).

[8] Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S. The concept of electronic evidence in criminal proceedings. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. VOL. 1. № 1. S. 270-295. DOI: 10.21202/jdtl.2023.11. EDN: SGAOKS.

[9] Yandex began developing Russia's first AI for robots. MOSCOW, October 23. /TASS/ [Information resource]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25426345> (access date: 02.03.2026).

[10] TechTarget's Outlook on 2026. URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/feature/TechTargets-Outlook-on-2026> (дата обращения: 02.03.2026).

[11] Evolution and Adoption of Agent-Based AI: Practices, Errors, and Risks [Information Resource]. URL: https://habr.com/ru/companies/mipt_digital/articles/1004590/ (access date: 02.03.2026).

[12] Alms, N. "As agencies shed staff, industry execs predict AI agents' rise". Government Executive. 2025. URL: <https://www.govexec.com/> (access date: 11.12.2025).

[13] Corrigan, F "Staffordshire Police will try AI "agents" on service 101." BBC. November 26, 2025. URL: <https://www.bbc.com/> (access date: 28.11.2025).

[14] Gold, A. "Exclusive: IRS deploys AI agents". Axios. November 21, 2025. URL: <https://www.axios.com/> (access date: 28.11.2025).

[15] International information security. Theory and practice. In three volumes. Volume 1: Textbook for universities/Under the general. ed. A.V. Krutskikh. - 2nd ed., Add. - M.: Aspect Press Publishing House, 2021. - 384 p.

[16] Solomatina A.G. Digital identification of participants in criminal proceedings. Problems of countering cybercrime//Materials of the international

scientific-practical conference. Moscow, April 28, 2023. Publishing house: Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev."

[17] Gorodetsky A.E., Erofeev A.A. Adaptive and robust systems. Automation and telemechanics. 1997. № 9. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.mathnet.ru/links/6e96687eb11d4705152ea8621c789c84/at2669.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).

[18] Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: Challenges of the XXI century. M.: Justicinform, 2020. – 224 с. EDN: ENXOAR.

[19] Khamidullin R.S. Forensic support for the use of artificial intelligence technology in the disclosure and investigation of crimes//Police and investigative activities. 2024. № 1. S. 55-74. DOI: 10.25136/2409-7810.2024.1.68894 EDN: CBMNNY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68894

[20] Pashchenko I.Yu. Artificial intelligence in education: from risks to prospects in the context of international recommendations of UNESCO//International law. 2025. № 4. S. 149-162. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.4.77152 EDN: VYJYJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77152

[21] Karimov V.Kh. Comparative legal analysis of the criminal legislation of the countries of the Commonwealth of Independent States in the field of

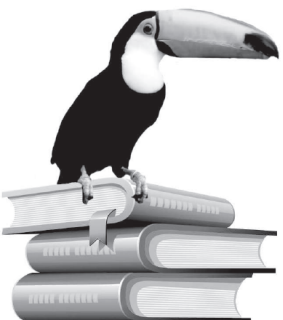
computer technology. Advantages, problems, ways to solve them//Security issues. 2026. № 1. S. 106-117. DOI: 10.25136/2409-7543.2026.1.78419 EDN: UVZJFI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78419

[22] Руководитель Сингапурского агентства кибербезопасности: Кибер-стабильность - это необходимость, а не роскошь. URL: https://www.computerweekly.com/news/366641228/Singapore-Cyber-Security-Agency-chief-Cyber-stability-a-necessity-not-a-luxury?utm_campaign=20260410_Operation+by+Navy+and+RAF+tracks+Russian+submarine+operations+close+to+critical+undersea+cables.&utm_medium=email&utm_source=MDN&source_ad_id=366641228&asrc=EM_MDN_325039332&bt_ee=%2FGSoET9D%2B1C%2FRlgTdZzPnzAa2xT%2F%2FIYrwOKnE9DEVFPQVaPA%2FvOkhe8hO4DmKN8S&bt_ts=1775989721280 (дата обращения: 12.04.2026).

[23] Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Информационный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015-index=1> (дата обращения: 2.03.2026).

[24] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. # 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных...» // СПС Консультант-Плюс. 20.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВДОВЦЕВ Павел Викторович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики Хабаровского филиала
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: 0135790@mail.ru

ЧАРЫКОВ Александр Викторович,

кандидат юридических наук, адвокат,
председатель коллегии адвокатов
«Свердловская областная артель адвокатов»,
e-mail: ekb@advokat66.su

НЕДОСТАТКИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФИГУРЫ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Процессуальная фигура специалиста, несмотря на очевидную востребованность в судопроизводстве этого участника, спорна и неоднозначна, поскольку неоднозначны положения закона, ему посвященные; к помощи специалиста прибегает как сторона обвинения, так и защиты; при этом регламент его привлечения представителями этих сторон не лишен изъянов; рассмотрению некоторых из них и формулированию ряда предложений по их нивелированию и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: специалист, следователь, защитник, специальные знания, допрос, вызов, следственные действия, заключение специалиста.

VDOVTSEV Pavel Viktorovich,

candidate of legal sciences, associate professor of criminology
at the Khabarovsk branch of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
named after A.Y. Sukharev

CHARYKOV Alexander Viktorovich,

candidate of legal sciences,
lawyer, chairman of the bar association
“Sverdlovsk Regional Artel of Lawyers”

SHORTCOMINGS OF THE REGULATORY FRAMEWORK FOR THE PROCEDURAL ROLE OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The procedural figure of a specialist, despite the obvious demand for this participant in legal proceedings, is controversial and ambiguous, as the provisions of the law dedicated to him are ambiguous; both the prosecution and the defense use the assistance of a specialist; however, the regulations for his involvement by representatives of these parties are not without flaws; this article focuses on reviewing some of these flaws and formulating a number of suggestions for their elimination.

Key words: specialist, investigator, defender, special knowledge, interrogation, summons, investigative actions, expert opinion.

Зачастую судопроизводство не может быть должным образом осуществлено без привлечения лиц, сведущих в разнообразных

областях знаний, в основном отличных от юридических. Потребность в их привлечении может возникать у обеих сторон подлежащего разреше-

нию уголовно-правового спора. Соответственно, от них же может исходить и инициирование их привлечения.

К числу сведущих лиц, носителей так называемых специальных знаний, относится, как известно, специалист. Действующий порядок обращения к его услугам ввиду некоторых несовершенств нуждается в комментариях. Для начала необходимо остановиться, прокомментировать те положения процессуального закона, что определяют процедуру привлечения названного участника следственными органами.

Следователь может привлечь специалиста к участию в производстве посредством обращения к тем форматам, что обозначены в ст. 58 УПК РФ [4, 10-13]. Так, согласно этой норме специалист по инициативе следователя вправе участвовать в следственном действии. Кроме того, регламент его участия в последнем установлен ч. 5 ст. 154, ст. 168 УПК РФ.

Данный формат деятельности сведущего лица является одним из самых распространенных, востребованных в практической действительности. Вместе с тем по-прежнему остается без должного внимания законодателя вопрос о том, с какого момента сведущее лицо становится в юридическом смысле специалистом. Ведь именно с этого момента, очевидно, он обретает возможность следовать своему юридическому статусу, т.е. распоряжаться правами, нести соответствующую юридическую ответственность.

Так, закон не предлагает следователю выносить отдельное, самостоятельное постановление, констатирующее факт привлечения сведущего субъекта. Для сравнения: если к участию в деле привлекается переводчик, то об этом должно быть принято самостоятельное решение.

Примечательно в этой связи следующее обстоятельство: образцы некогда действовавших бланков оформления следственных действий содержали строку, позицию, в которую необходимо было внести указание об участии в конкретном действии сведущего лица. Также бланк содержал указание на то, что названному лицу разъяснено его правовое положение, нормы, нашедшие отражение в ст. 57, 58 УПК РФ.

Сказанное предполагает, что законодателю участие сведущего субъекта виделось исключительно в конкретном действии. Иначе говоря, если специалиста, уже принявшего участие, допустим, в осмотре, необходимо было привлечь к проведению другого, нового познавательного действия, то следовало вновь разъяснять этому лицу его правовое положение в рамках нового действия.

Однако реалии правоприменения нередко диктуют необходимость неоднократного обра-

щения к услугам одного и того же компетентного лица при производстве по определенному делу (например, об экономическом преступлении).

В уголовно-процессуальной доктрине на подобное положение обращалось внимание. Среди прочего констатировалась потребность систематического привлечения соответствующего специалиста при ведении дела о преступлении в сфере налогообложения: каждое следственное действие, предполагающее аналитическую работу с документами, отражающими финансовое состояние налогоплательщика (их выемка, обыск, осмотр, ряд иных познавательных действий), дабы обеспечить их должный результат, следует осуществлять со специалистом.

Из чего вытекает, что оптимальным было бы обеспечить его участие в производстве расследования в целом, а не в каждом отдельном познавательном мероприятии следственного характера. Разумным в этой связи видится принятие самостоятельного постановления о привлечении лица, обладающего специальными познаниями. Это избавило бы следователя от многократного повторного наделения того же лица одним и тем же статусом при обращении к нему в рамках каждого действия. На наш взгляд, следует внести подобающие коррективы в нормы, регламентирующие участие в судопроизводстве специалиста.

Фактическое привлечение сведущего лица, очевидно, неизбежно сопряжено с его вызовом.

Вместе с тем законодатель не уделил этому очевидному аспекту необходимого внимания [2]. Общая норма, описывающая юридический статус специалиста (ч. 2 ст. 58 УПК РФ), ориентирует правоприменителя при разрешении вопроса о вызове этого участника обращаться к положениям ст. 168 Кодекса, конкретизирующей отдельные аспекты реализации статуса. Но ни ч. 1, ни ч. 2 приведенной нормы не связаны с определением порядка вызова. Часть первая при этом отсылает к положениям ч. 5 ст. 164 Кодекса, которая содержит одно из общих правил, посвященных проведению следственных действий, а опять же не порядок вызова носителя специальных знаний.

Не определен он и в иных нормах, затрагивающих в той или иной мере вопросы участия названного субъекта в судопроизводстве.

Если бы данный вопрос был должным образом разрешен в законе, это, думается, позитивно сказалось бы на оперативности реализации конкретного познавательного действия.

Письменная форма производства по делу подсказывает как наиболее удачный и письменный формат вызова сведущего лица. Вызов может быть выражен в традиционном жанре повестки. Также возможны не менее традицион-

ные постановление или же требование о вызове. В них необходимо четко указать, какова цель участия специалиста, перечислить конкретные нормы, определяющие его правовой статус, раскрыть их содержание.

Вызов при этом, как видится, может состояться и в устной форме, она тоже уместна. Например, можно выйти на связь со специалистом по телефону. К этой форме стоит прибегнуть, если обстоятельства расследования таковы, что не терпят промедления, а его помощь необходима здесь и сейчас.

Помимо участия специалиста в познавательно-следственных действиях существуют и другие формы его привлечения к производству по делу. Следователь может также обратиться за его помощью посредством получения его показаний. Последние как вид доказательств значатся в п. 3.1 ч. 2 ст. 74, ч. 4 ст. 80 процессуального закона. Получить показания этого сведущего лица возможно, произведя его допрос (ч. 4 ст. 80 Кодекса). Следует отметить, что и данная форма привлечения названного участника снискала статус проблемной.

В процессуальной доктрине неоднократно высказывались упреки в адрес законодателя относительно того, что в законе по-прежнему отсутствует описание регламента проведения допроса специалиста. Поскольку тип правовой организации, регулирования публичных отраслей права, к которым относится и уголовно-процессуальное, сводится к формуле «разрешено только то, что прямо указано в законе», постольку не регламентированный в нем допрос специалиста невозможен [3]. Отступление от этого правового начала и проведение допроса специалиста по аналогии, предположим, с допросом эксперта, означает подмену правоприменителем (например, следователем) законодателя. В таком случае правоприменитель превращается в создателя правовой нормы.

Вопреки сказанному в правоприменительной действительности допрос названного носителя специальных знаний все же проводится. Допрашивают его, руководствуясь положениями о допросе свидетеля. Специалист в таких случаях выступает в процессуальной роли «сведущего свидетеля». Роль эта в законе, как известно, не значится.

Допрос «сведущего свидетеля» регулярно подвергается вполне заслуженной, обоснованной критике на страницах юридической печати. Стоит напомнить и подчеркнуть достаточно очевидную вещь, которая, по-видимому, порой выпадает из поля зрения правоприменителя: юридические статусы специалиста и свидетеля разнятся, не совпадают (несмотря на их отнесение к

числу иных участников, больше общего между ними ничего нет). Это, опять же очевидно, предопределяет разницу в характере сообщенных ими на допросе сведений [5]. В отличие от показаний свидетеля основу сведений, сообщаемых специалистом, составляют суждения, выстраиваемые сквозь призму использования специальных знаний. Данная особенность и делает предложения об отдельном регламенте допроса этого сведущего участника столь насущными и востребованными [1, С.11].

Спорят в юридической доктрине, а равно правоприменительной практике и относительно круга обстоятельств, которые могут быть прояснены посредством допроса специалиста. Ограничен ли названный круг исключительно той информацией, что была зафиксирована специалистом в представленном им по делу заключении? Встречается, к примеру, суждение, что показания специалиста как таковые, то есть будучи полученными вне связи с его заключением, не могут признаваться допустимым доказательством [6]. Или же допрос может касаться каких угодно обстоятельств, требующих обращения к его специальным познаниям?

Как представляется, допрос названного сведущего субъекта необязательно должен быть опосредован представленным заключением, его и вовсе может не быть. В законе нет положений, которые бы указывали на допустимость допроса специалиста исключительно при условии наличия его заключения и только относительно обстоятельств, в нем освещенных.

Можно предположить, что в основе противоположного подхода находится получившая достаточно широкое признание в правоприменении практика обращения к возможностям аналогии закона: в рассматриваемом случае положения, посвященные эксперту, распространяют на специалиста, и, следовательно, содержательные лакуны его статуса заполняют подходящими, похожими положениями, взятыми из регламента деятельности эксперта. Так, именно допрос эксперта обусловлен ранее представленным им заключением. Оправдывают аналогию, по-видимому, тем соображением, что названные участники относятся к числу иных лиц, к тому же оба являются носителями специальных знаний.

Не следует, однако, забывать, что использование аналогии вызывается к жизни наличием пробела, средством устранения которого она собственно и служит.

Вряд ли уместно видеть признаки пробела в том положении, что правовые статусы сведущих лиц не сводимы один к другому. Неидентичность специалиста эксперту, его самостоятельное существование в судопроизводстве не является в

юридическом смысле пробелом. Из этого, в частности, вытекает, что допрос специалиста может затрагивать различные обстоятельства, которые затруднительно прояснить без обращения к той области знаний, которая доступна указанному сведущему субъекту.

При этом, разумеется, не возбраняется допрашивать его и в связи с ранее выполненным им заключением. Принципиально, что последним допрос ограничен быть не должен.

Инициатива привлечь специалиста может принадлежать, как отмечалось, и стороне защиты. Процессуальный закон содержит нормы о праве обращения к специалисту защитника (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), под которым в подавляющем большинстве случаев подразумевается адвокат. В п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее – Закон об адвокатуре) правом на привлечение специалиста обладает любой адвокат вне зависимости от его процессуального статуса: защитник, представитель, адвокат свидетеля. К сожалению, УПК РФ не содержит отсылочных норм, напрямую позволяющих адвокату в любом его процессуальном статусе пользоваться помощью специалиста, руководствуясь при этом Законом об адвокатуре, однако на практике адвокаты активно реализуют подобные полномочия.

Иные участники уголовно-процессуальной деятельности, например, потерпевший или свидетель, правом на обращение к специалисту не наделены. Решение законодателя закрепить подобное право именно за профессионалом, имеющим соответствующее образование, опыт аналогичной деятельности, связанному в своей работе Кодексом профессиональной этики и т.п., выглядит, на наш взгляд, логичным и последовательным.

Можно предположить, что подобные законодательные изменения в постсоветский период были вызваны изменившейся политической обстановкой, усилением частного начала в праве, укреплением позиций адвокатуры как института гражданского общества, становящегося в государстве гарантом прав и свобод гражданина, а также лоббированием адвокатским сообществом своих интересов в высшем законодательном органе страны.

Так или иначе, любой человек может обратиться за помощью к адвокату, а значит, обладает и правом на использование специального знания в лице специалиста.

Однако на сегодняшний день законодательная конструкция реализации подобного права, как представляется, не вполне оптимальна. Главным вопросом, неурегулированность которого

порождает многочисленные споры, является вопрос о формах привлечения специального знания адвокатом и государственными органами, о соотношении этих форм.

Например, заключение специалиста, доступное «сторонам» (ст. 58 УПК РФ), а фактически взятое на вооружение адвокатами, формально находится в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, то есть является доказательством. Из чего, на первый взгляд, можно заключить, что защитник собирает доказательства. Однако системный анализ норм процессуального закона, думается, не дает оснований для подобного заключения.

Процесс доказывания, как известно, включает в себя такие составляющие, как собрание, проверка и оценка доказательств (ст. 85 УПК РФ). В ч. 3 ст. 86 Кодекса даже предусмотрено, что защитник собирает доказательства. Но ни одного вида «доказательств», которые бы «собирал» защитник, нет в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Проверку доказательств осуществляет дознаватель, следователь, прокурор (ст. 87 УПК РФ). Адвокат в этом перечне не указан. Оценка доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ст. 88 УПК РФ) производится следователем и дознавателем как по ходу производства предварительного расследования, так и по его окончании (ст. 215 УПК РФ), прокурором при проверке уголовного дела (ст.ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ), судом при вынесении приговора (ст. 305 УПК РФ).

В такой ситуации природа сведений, получаемых адвокатом от специалиста, остается неопределенной. С одной стороны, в процессуальном законе право адвоката на привлечение специалиста «созвучно» аналогичному праву следователя. Законодатель не использует иного термина для адвоката, когда хочет предоставить невластному субъекту право на привлечение специального знания. При отсутствии в Кодексе норм, характеризующих порядок привлечения адвокатом специалиста, а также доказательственного значения такой деятельности, становятся очевидны недостатки нормативного регулирования права частных лиц на привлечение в процесс специальных знаний [7, 8].

Не решает проблему и нахождение в ч. 2 ст. 74 УПК РФ «заключения специалиста», так как никаких иных норм, определяющих порядок его получения адвокатом, Кодекс не содержит. Более того, уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения специалистом в статье 307 УК РФ отсутствует. Очевидно, что результат привлечения в процесс специального знания адвокатом не может быть доказательством.

В связи с вышеизложенным можно предложить, к примеру, следующие коррективы порядка

нормативного регулирования института специалиста. Во-первых, необходимо исключить из п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ слова «заключение специалиста». Во-вторых, исключить из ч. 3 ст. 86 УПК РФ, п.п. 2, 3 ч. 1 ст. 53, право адвоката-защитника собирать доказательства и ввести в УПК РФ новую статью 86.1, поименованную как «использование в доказывании материалов адвокатской деятельности». В этой новой норме следует среди прочих способов собирания адвокатом сведений в интересах доверителя указать право привлекать специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Также данная норма должна включать в себя положение, согласно которому сведения, собранные адвокатом, могут быть признаны доказательством по уголовному делу следователем, дознавателем или судом путем производства процессуальных действий.

Список литературы:

- [1] Бельский А.И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 32 с.
- [2] Бородкина Т.Н. Реализация процессуального статуса специалиста на этапе предварительного расследования // СПС «КонсультантПлюс», 2014.
- [3] Давлетов А.А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».
- [4] Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М., 2011. – 160 с.
- [5] Лазарева Л.В. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законо-
- дательное регулирование // Российская юстиция. 2009. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
- [6] Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
- [7] Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. 2005. №6. С. 39-40.
- [8] Шейфер С.А. Роль защиты в формировании доказательственной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. №7. С. 59-65.

References:

- [1] Belsky A.I. Conclusion and testimony of a specialist as evidence in the criminal process of Russia: Author. dis.... Candidate of juridical sciences M., 2006. 32 pp.
- [2] Borodkina T.N. Implementation of the procedural status of a specialist at the stage of preliminary investigation//SPS "ConsultantPlus," 2014.
- [3] Davletov A.A. Specialist in criminal proceedings: new opportunities and problems//Russian justice. 2003. No. 9//SPS "ConsultantPlus."
- [4] Zinin A.M. Participation of a specialist in procedural actions. M., 2011. - 160 s.
- [5] Lazareva L.V. Interrogation of a specialist in criminal proceedings: legislative regulation is necessary//Russian Justice. 2009. No. 3//SPS "ConsultantPlus."
- [6] Ovsyannikov I. Conclusion and testimony of a specialist//Legality. 2005. No. 7//SPS "ConsultantPlus."
- [7] Temiraev O. Competence of a specialist// Legality. 2005. №6. S. 39-40.
- [8] Shafer S.A. The role of the defense in the formation of the evidence base in a criminal case// State and law. 2006. №7. S. 59-65.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРНО- ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ И ОБВИНЯЕМЫМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Аннотация. Целью исследования выбраны правовые и психологические особенности организации и проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей. Для ее достижения использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Рассматривались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные и учебно-методические публикации по организации и проведению культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними, содержащимися под стражей. Важным условием достижения целей профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, их повторной преступности выступает воспитательно-профилактическое воздействие, оказываемое представителями служб и подразделений мест содержания под стражей. Оно реализуется в процессе культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми в них содержащимися. Указанной работе посвящен отдельный ведомственный правовой акт Минюста России – Приказ от 25.08.2025 г. № 209, а также статья 31 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Порядок проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, состоящих из двух основных частей: организации культурно-воспитательной работы с указанной категорией лиц и проведении культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними. Администрацией учреждения изучаются материалы личного дела несовершеннолетнего. С ним проводится ознакомительная беседа. Психолог выясняет и диагностирует его доминирующие психологические характеристики (отношение к преступлению, уровень криминальной зараженности, социальные связи, уровень и особенности физического развития, состояния и особенностей его познавательной и когнитивной сферы, мотивации и эмоционального состояния, влияющего, в том числе, на суицидальное поведение). Организация и проведение культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей можно рассматривать как важнейший правовой институт, способствующий развитию уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних и их исполнению на современном этапе.

Ключевые слова: культурно-воспитательная работа, несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые, содержание под стражей, особенности организации и проведения, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, сотрудники служб и подразделений.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific
Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK WITH JUVENILE SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS IN CUSTODY

Annotation. *The purpose of the study is to identify the legal and psychological features of the organization and conduct of cultural and educational work with juvenile suspects and accused persons in custody. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational publications on the organization and conduct of cultural and educational work with minors in custody were considered. An important condition for achieving the goals of preventing illegal behavior of minors and their repeated criminality is the educational and preventive impact exerted by representatives of services and departments of places of detention. It is implemented in the process of cultural and educational work with underage suspects and accused detainees. A separate departmental legal act of the Ministry of Justice of Russia, Order No. 209 dated 08/25/2025, as well as Article 31 of Federal Law No. 103-FZ dated 07/15/1995, is devoted to this work. The procedure for conducting cultural and educational work with underage suspects and accused persons in custody, consisting of two main parts: organizing cultural and educational work with the specified category of persons and conducting cultural and educational work with minors. The administration of the institution is studying the materials of the minor's personal file. An introductory conversation is being held with him. The psychologist finds out and diagnoses his dominant psychological characteristics (attitude to crime, the level of criminal infection, social connections, the level and features of physical development, the state and features of his cognitive and cognitive sphere, motivation and emotional state, affecting, among other things, suicidal behavior). The organization and conduct of cultural and educational work with juvenile suspects and accused persons in custody can be considered as the most important legal institution contributing to the development of criminal penalties against minors and their execution at the present stage.*

Key words: *cultural and educational work, juvenile suspects and accused, detention, organization and conduct features, pre-trial detention centers, penal enforcement system, employees of services and departments.*

Введение. Проблема предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, профилактики их повторной криминальной активности является актуальной для современного уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии и других наук юридического профиля [1, с. 290-295]. На ее решение направлены директивные документы Правительства Российской Федерации, регламентирующие, в том числе уголовно-исполнительные правоотношения в рассматриваемой сфере [2]. Нормы национального уголовного законодательства, детерминирующие состояние и векторы развития современной уголовной политики [3]. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, регулирующий уголовно-правовые отношения, возникающие при отбывании несовершеннолетними различных видов уголовного наказания, предупреждению совершения ими повторных преступлений [4]. Отечественный уголовно-процессуальный закон, определяющий процессуальный порядок содержания под стражей несовершеннолетних, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [5].

Важным условием достижения целей профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, их повторной преступности выступает воспитательно-профилактическое воздействие, оказываемое представителями служб и подразделений мест содержания под стражей (следственных изоляторов уголовно-исполни-

тельной системы – далее СИЗО УИС). Оно реализуется в процессе культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми в них содержащимися [6, с. 22-30].

Указанной работе посвящен отдельный ведомственный правовой акт Минюста России – Приказ от 25.08.2025 г. № 209 «Об утверждении Порядка проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей. Данный правовой акт также упоминается в статье 31 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ [7]. Изучению организации и применения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей посвящено настоящее комплексное теоретико-эмпирическое исследование.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических особенностей организации и проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Рассматривались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, науч-

ные и учебно-методические публикации по организации и проведению культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними, содержащиеся под стражей.

Основные результаты. Приказ Минюста России от 25.08.2025 г. № 209 утвердил порядок проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, состоящих из двух основных частей (элементов):

- организации культурно-воспитательной работы с указанной категорией лиц;
- проведении культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними.

Первая осуществляется со дня их прибытия в учреждение и размещения в карантинном отделении. В течение трех рабочих дней со дня прибытия несовершеннолетнего в учреждение, приказом его начальника СИЗО закрепляются работники отделов (групп) по воспитательной работе, режима, оперативной службы, психологической лаборатории (психолог) и других подразделений учреждения для проведения с несовершеннолетним культурно-воспитательной работы.

Администрацией учреждения изучаются материалы личного дела несовершеннолетнего. С ним проводится ознакомительная беседа. Психолог выясняет и диагностирует его доминирующие психологические характеристики (отношение к преступлению, уровень криминальной зараженности, социальные связи, уровень и особенности физического развития, состояния и особенностей его познавательной и когнитивной сферы, мотивации и эмоционального состояния, влияющего, в том числе, на суицидальное поведение) [8, с. 20-23].

Не позднее пяти рабочих дней с момента прибытия несовершеннолетнего в учреждение, его администрация направляет в органы государственной власти по месту жительства несовершеннолетнего, а также в образовательную организацию, в которой он учился до заключения под стражу, запросы о предоставлении в отношении него информационных материалов [9].

Анализируемый нормативно-правой акт обязывает отдел (группу) по воспитательной работе учреждения разрабатывать ежеквартальные планы проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними в них находящимися с учетом предложений структурных подразделений учреждения. Данные планы утверждаются начальником учреждения или лицом его замещающим и содержат сроки реализации мероприятий, ответственных работников за их выполнение, а также процедуру ознакомления с планом, осуществляемую не позднее пяти рабочих дней до начала плановых мероприятий.

С учетом роли и значения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, вопросы ее организации и проведения рассматриваются по одному разу в полугодие на оперативных совещаниях у начальника учреждения и начальника территориального органа ФСИН России [10].

Работники отдела (группы) по воспитательной работе ведут журнал учета проведения культурно-воспитательных мероприятий с несовершеннолетними. При этом их организация, безусловно учитывает особенности внутреннего распорядка в местах содержания под стражей, особенностей его реализации в отношении рассматриваемой категории подозреваемых и обвиняемых [11, с. 254-260].

Непосредственный контроль за организацией индивидуальной культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними осуществляет заместитель начальника учреждения, отвечающий за координацию деятельности отдела (группы) по воспитательной работе.

Относительно другой части порядка осуществления культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними – проведением с ними указанного вида работы, следует особо выделить две основные формы в которых она реализуется: индивидуальную и групповую. Первая осуществляется с учетом возрастных, физических и психологических особенностей несовершеннолетних. Она является наиболее эффективной и результативной в части предупреждения повторных правонарушений и криминальной активности несовершеннолетних [12, с. 13-16].

Культурно-воспитательная работа, осуществляемая в групповой форме (лекции, беседы, конкурсы, викторины, турниры, диспуты, спортивные мероприятия, занятия в кружках по интересам, организуется в соответствии с требованиями статьи 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ о раздельном содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых [13, с. 94-98].

Несовершеннолетние, содержащиеся в камерах карантинного отделения изучаются методами психодиагностики, используемыми в отечественной пенитенциарной психологии и направленные на выявление их возрастных, физических и психологических особенностей, образовательного уровня [14, с. 103-110]. По результатам изучения особенностей несовершеннолетнего работниками отдела (группы) по воспитательной работе составляется его социально-психологическая характеристика, разрабатывается комплексный план индивидуальной культурно-воспитательной работы с ним на два месяца. Также работниками ведется дневник данной работы, который вместе с информационными

материалами на несовершеннолетнего направляются в исправительное учреждение, где он будет (в случае вступления обвинительного приговора суда в законную силу) отбывать наказание и общается к его личному делу.

Таким образом организация и проведение культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей можно рассматривать как важнейший правовой институт, способствующий развитию уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних и их исполнению на современном этапе [15, с. 322-327].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России.

Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10.2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Важным условием достижения целей профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, их повторной преступности выступает воспитательно-профилактическое воздействие, оказываемое представителями служб и подразделений мест содержания под стражей. Оно реализуется в процессе культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми в них содержащимися.

Указанной работе посвящен отдельный ведомственный правовой акт Минюста России – Приказ от 25.08.2025 г. № 209, а также статья 31 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ.

Порядок проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, состоящих из двух основных частей: организации культурно-воспитательной работы с указанной категорией лиц и проведении культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними.

Организация и проведение культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей можно рассматривать как важнейший правовой институт, способствующий развитию уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних и их исполнению на современном этапе.

Список литературы:

- [1] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.
- [2] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 04.04.2026).
- [3] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.
- [5] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.
- [6] Ковтуненко Л.В., Вилкова А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних в рамках исполнительной пробации // Антропология. 2025. № 1 (17). С. 22-30.
- [7] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 04.04.2026).
- [8] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.
- [9] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации России от 25.08.2025 г. № 209 «Об утверждении Порядка проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей // Garant.ru (дата обращения 29.03.2026).
- [10] Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (под ред. Г.С. Мановой. М. 2011.
- [11] Ковалев О.Г. Внутренний распорядок в местах содержания под стражей и его влияние на соблюдение прав и законных интересов подозре-

ваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 2 С. 254-260.

[12] Ковалев О.Г., Казберов П.Н. Профилактика криминальной субкультуры несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 13-16.

[13] Ковалев О.Г. Особенности реализации прокурорского надзора за соблюдением права подозреваемых и обвиняемых на раздельное размещение в камерах следственного изолятора // Журнал прикладных исследований. 2024. № 3. С. 94-98.

[14] Ковалев О.Г., Кротова Д.Н. Методы исследования в пенитенциарной психологии // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 103-110.

[15] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. История развития института уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в России // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 322-327.

References:

- [1] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of repeated crimes of juvenile convicts: issues of theory and penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290-295.
- [2] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (accessed 04/04/2026).
- [3] Russian criminal Law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.
- [4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.
- [5] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.
- [6] Kovtunen L.V., Vilkova A.V., Kovalev O.G. Psychological and pedagogical support of minors in the framework of executive probation // Anthropogics. 2025. No. 1 (17). pp. 22-30.
- [7] Federal Law "On the detention of suspects and accused of committing crimes" dated 07/15/1995 No. 103-FZ // Consultant.ru (accessed 04/04/2026).
- [8] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopol'tsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrec-

tive programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[9] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of Russia dated 08/25/2025 No. 209 "On Approval of the Procedure for conducting cultural and educational work with juvenile suspects and accused persons in custody // Garant.ru (accessed 03/29/2026).

[10] Kuzmin V.A. Commentary to Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On the detention of suspects and those accused of committing crimes" (edited by G.S. Manova, M. 2011).

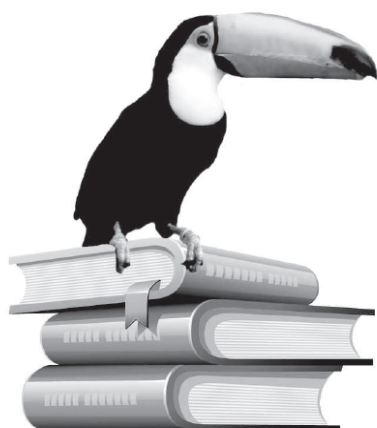
[11] Kovalev O.G. Internal regulations in places of detention and its impact on the observance of the rights and legitimate interests of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 2, pp. 254-260.

[12] Kovalev O.G., Kazberov P.N. Prevention of the criminal subculture of juvenile convicts // Penal enforcement system: law, economics, management. 2022. No. 6. pp. 13-16.

[13] Kovalev O.G. Features of the implementation of prosecutorial supervision over the observance of the right of suspects and accused to separate placement in cells of a pre-trial detention facility // Journal of Applied Research. 2024. No. 3. pp. 94-98.

[14] Kovalev O.G., Krotova D.N. Research methods in penitentiary psychology // In the collection: Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. pp. 103-110.

[15] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The history of the development of the institute of criminal penalties against minors in Russia // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 3. pp. 322-327.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗОТОВА Анна Федоровна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕППЕЕВ Алан Атлыевич,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКРЫТЫХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье представлены проблемные вопросы закрытых судебных заседаний в российском уголовном судопроизводстве. Среди значимых проблем автор выделяет необоснованность их проведения, ограничение прав сторон на ознакомление с материалами, нарушение принципа гласности, а также риск злоупотреблений. При этом в статье акцентируется внимание на том, что законодателя волнуют имеющиеся проблемы, хотя для их решения делается немного. Одного законопроекта (законопроект № 850452-8), который сегодня находится на рассмотрении Государственной думы недостаточно.

Ключевые слова: аудиозапись, гласность, доказательства, закрытое судебное заседание, протокол, уголовное судопроизводство, участники процесса.

ZOTOVA Anna Fedorovna,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
of the Educational and Scientific Complex
for Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

TEPPEEV Alan Atlievich,
candidate of pedagogical sciences,
Senior lecturer of the state, civil and law disciplines chair
of the North-Caucasian Advanced Training Institute
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF CLOSED COURT SESSIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article presents problematic issues of closed court sessions in Russian criminal proceedings. Among the significant problems, the author highlights the unjustifiability of their conduct, the restriction of the parties' rights to familiarize themselves with the materials, the violation of the principle of publicity, and the risk of abuse. At the same time, the article emphasizes that the legislator is concerned about the existing problems, although little is being done to address them. One bill (Bill No. 850452-8), which is currently under consideration by the State Duma, is not sufficient.

Key words: audio recording, publicity, evidence, closed court session, protocol, criminal proceedings, participants in the trial.

Введение. Постановка проблемы.

Многие десятилетия главным постулатом российского уголовного судопроизводства остается гласность судебного разбирательства, позволяющая гражданам реализовывать свое право на присутствие в суде при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу. При этом из любого правила есть исключение. В данном случае им являются основания, конкретизированные в ч. 2 ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Российской Федерации (далее – УПК РФ), ограничивающие открытость уголовного судопроизводства, путем проведения закрытых судебных заседаний.

По смыслу ч. 2 ст. 241 УПК РФ проведение закрытого судебного разбирательства допустимо исключительно на основании определения или постановления суда в строго обозначенных законодателем ситуациях, например для того, чтобы обеспечить безопасность его участникам, их близких лиц или родственников. Решение о том, что судебное заседание будет проводиться в закрытом режиме судья или суд примет, если это необходимо по моральным основаниям, может привести к разглашению тайны, находящейся под охраной федерального закона, но в любом случае в интересах справедливого правосудия.

Данных статистики, касающихся судебных заседаний, проводимых в закрытом режиме, в свободном доступе не находим. Однако некоторая информация встречается. Так, по данным на конец 2023 года из 733 383 уголовных дел в закрытых судебных заседаниях слушалось 25 587 дел, что превышает данные 2018 года [6]. Такую практику некоторые эксперты считают опасной, ссылаясь на возможности «реализации любого произвола за закрытыми дверями» [6]. Мнение, заслуживающее внимания, высказано и А.Ф. Зотовой, которая пишет: «Если открытость воспринимать как принцип, то любые исключения из нее нужно применять в случае исключения. В противном случае это может способствовать произволу, когда основания для заседаний в закрытом режиме будут трактоваться расширенно» [1, с. 59].

Таким образом, исследование, касающееся закрытых судебных заседаний в российском уголовном судопроизводстве, актуализирует наличие проблемных вопросов, что негативным образом отражается на правоприменении.

Основные положения работы.

Принимая решение о проведении всего заседания или его части в закрытом режиме, суд должен обосновать это конкретными фактическими обстоятельствами. На практике это требование, конкретизированное в ч. 2.1 ст. 241 УПК

РФ, является одним из проблемных и по факту может соблюдаться только фактически. Проблема в том, что не всегда суды имеют достаточную совокупность доказательственной базы, позволяющую обосновать необходимость проведения заседания в закрытом режиме. Если имеющиеся доказательства аккумулируют в себя тайну, этого мало для принятия решения о проведении закрытого судебного заседания. Необходимы доказательства подтверждающие, что разглашение тайны в открытом судебном разбирательстве может нарушить конфиденциальность или привести к реальному ущербу. На фоне отмеченного справедливым видится высказывание А.Ф. Зотовой о том, что «если фактическая основа неясна или не подтверждается, то противостоять ходатайству о закрытии заседания проблематично» [1, с. 60].

Закрытые судебные заседания представляют собой одну из мер, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. При этом видится все та же проблема – недостаточность доказательств. Любой информации о том, что участникам судопроизводства (их близким, родственникам), угрожают недостаточно, чтобы ограничивать открытость процесса (его гласность). Выскажем убежденность в том, что закрытые заседания, проводимые с целью обеспечения безопасности, повышают риск их излишних назначений.

Эффективное средство, позволяющее проверить справедливость судебного разбирательства – аудиозапись. Когда аудиозапись не ведется, то стороны лишаются права на оспаривание нарушений, что в условиях отсутствия общественного контроля существенным образом нарушает права участников процесса [4, с. 287]. М.С. Колосович справедливо подметила, что «условия для записи заседания без утечки сведений должен обеспечить суд, особенно если потерпевший или подсудимый лишены этого права» [2, с. 445].

Если заседание проводится в закрытом режиме, то протокол от оспаривания будет «закрыт». Следовательно, права сторон вновь нарушаются. В протоколе суда должны быть конкретизированы доказательства, представленные сторонами, изложены полученные путем допроса показания, обстоятельства, на которые участники ссылаются и просят занести в протокол. Протокол составляется в строгом соответствии со ст. 259 УПК РФ. Именно такие критерии, как четкость, точность и правильность являются составляющими достоверности воспроизведения хода судебного заседания. Если протокол составлен небрежно, то вышестоящие судебные инстанции могут быть лишены возможности реализо-

вать функцию контроля. При этом такая небрежность будет рассматриваться как нарушение процессуального закона, что должно повлечь отмену судебного решения приговора (решения).

О том, что в протоколе судебного заседания, проводимого в закрытом режиме, есть неточности (искажения) можно доказать в том случае, если апелляционная инстанция в полном объеме повторит ранее проведенное судом исследование материалов уголовного дела и вещественных доказательств, а также повторно допросит свидетелей по делу. Но что делать, если апелляционная инстанция, не мотивируя, отказывается повторно вызывать свидетелей, проводить экспертизы, исследовать материалы дела. Это одна из острых проблем практики, ведь в таком случае у стороны защиты нет возможности не только подтвердить обоснованность своих доводов, но и оспорить содержание протокола судебного заседания, проводимого в закрытом режиме. Эта проблема актуализируется, если в материалах уголовного дела есть информация, касающаяся государственной тайны. В таких ситуациях обвиняемый (подсудимый) по факту лишен возможности сослаться на существенные обстоятельства в заявлениях и жалобах, которые он направлял прокурору и в суд, причем как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства. В данном случае только протокол будет существенным инструментом защиты. Поэтому он должен быть безупречным в своей достоверности. Сегодня, учитывая запрет на ведение аудиозаписи в закрытом судебном заседании, в практике складывается ситуация, когда проверка достоверности текста протокола ограничена.

Судопроизводство является той сферой, по деятельности которой граждане судят об устойчивости государства. Не случайно на совещании судей, проходившем 20 февраля 2025 года, Владимир Путин отмечал, что «справедливость важна и для тех, в отношении кого принимаются решения, и для самих судей, и для государства, в целом» [3].

Выводы. Заключение

Проведенное исследование позволяет конкретизировать вывод о наличии проблемных вопросов закрытых судебных заседаний в российском уголовном судопроизводстве, которые сводятся к следующим:

- законодатель в ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ четко конкретизирует основания, позволяющие заседания проводить в закрытом режиме, однако практика иллюстрирует, что в реальной действительности решения о закрытости заседаний принимаются на основе не

четких, расплывчатых оснований, что негативно сказывается на контрольных функциях вышестоящих инстанций и подрывает авторитет судебной власти;

- до настоящего времени нет четко выработанных критериев (не оснований), позволяющих суду принять решение о необходимости проводить заседание в закрытом режиме. Отсутствует единое выработанное понимание категории «достаточность доказательств»;
- невозможность использовать в закрытом судебном заседании аудиозаписи способствует возникновению рисков неточности протоколов. Как результат – нарушается право на справедливое судебное разбирательство, так как стороны лишаются права на его обжалование.

Было бы неправильно утверждать, что имеющиеся проблемные вопросы не волнуют законодателя [4]. 26 февраля 2025 г. в Государственную думу внесен проект поправок в УПК РФ (законопроект № 850452-8), в соответствии с которым законодатель предлагает корректировать ч. 1 ст. 259 УПК РФ изложив ее в следующей редакции «1. ... При рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных статьей 241 настоящего Кодекса, использование средств аудиозаписи осуществляется исключительно секретарем судебного заседания. Аудиоэлектронная часть протокола закрытого судебного заседания хранится при уголовном деле, ознакомление с ней участников уголовного судопроизводства осуществляется непосредственно в здании суда, без возможности копирования».

Такие корректировки своевременны и способны устранить некоторые пробелы в УПК РФ, что способно повысить качество выносимых судебных решений, соответствующих обоснованности, законности и справедливости. Однако это только минимум. Нельзя игнорировать и другие проблемы, с целью решения которых предлагаем детализировать требования к обоснованности судебных решений о необходимости проведения закрытых судебных заседаний.

Список литературы:

- [1] Зотова А.Ф. Закрытое судебное заседание в уголовном судопроизводстве России: анализ законодательства и пути его совершенствования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 57-64.
- [2] Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.

[3] Путин В.В.: справедливость судей порождает устойчивость государства. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250220/310648085.html (дата обращения: 17.11.2025).

[4] Рамазанов Р.М. Закрытое судебное заседание как самостоятельная мера безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31, вып. 2. С. 286-290.

[5] Соколов Я. «Закрытое» право на защиту. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakrytoe-pravo-na-zashchitu> (дата обращения: 17.11.2025).

[6] Тай. Ю. Через тернии закрытого процесса к свету правосудия URL: <https://pravo.ru/opinion/253161> (дата обращения: 17.11.2025).

References:

[1] A.F. Zotova Closed court session in criminal proceedings of Russia: analysis of legislation and ways to improve it//Bulletin of the Volgograd Acad-

emy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (73). S. 57-64.

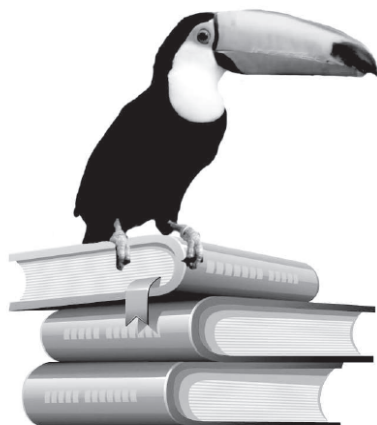
[2] M.S. Kolosovich Procedural means of ensuring publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations: dis.... Dr. Jurid. sciences. Volgograd, 2019. 536 pp.

[3] Putin V.V.: justice of judges breeds the stability of the state. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250220/310648085.html (access date: 17.11.2025).

[4] Ramazanov R.M. Closed court session as an independent measure of security of participants in the criminal process//Bulletin of Udmurt University. "Economics and Law" series. 2021. Vol. 31, no. 2. S. 286-290.

[5] Sokolov Y. "Closed" right to defense. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakrytoe-pravo-na-zashchitu> (дата обращения: 17.11.2025).

[6] Ty. Yu. Through the thorns of a closed process to the light of justice URL: <https://pravo.ru/opinion/253161> (access date: 17.11.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГАСАНОВА Ильхама Закир кызы,
член Президиума Коллегии адвокатов
Азербайджанской Республики,
преподаватель Национальной авиационной академии
Азербайджанской Республики,
e-mail: ilhamahasanova27@gmail.com

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА ЛИЦА НА ЗАЩИТУ НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье проводится теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ момента возникновения права на защиту на начальной стадии уголовного преследования. В центре исследования находится уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики, которое в целом закрепляет развернутую и системно выстроенную модель гарантий прав подозреваемого, обвиняемого и защитника, однако связывает реализацию права на адвокатскую помощь преимущественно с формальным приобретением лицом процессуального статуса подозреваемого либо обвиняемого. Обосновывается, что такой подход, обеспечивая правовую определенность, не во всех случаях гарантирует своевременную и эффективную защиту личности, поскольку фактическая обвинительная деятельность государства может начинаться до официального оформления соответствующего процессуального статуса. Особое внимание уделяется случаям допроса лица в качестве свидетеля при наличии признаков фактического подозрения, а также проблеме последующего использования полученных на данной стадии сведений в доказывании. На основе анализа положений УПК Азербайджанской Республики, международных стандартов, практики Европейского суда по правам человека, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П, а также законодательства и доктрины других государств делается вывод о необходимости нормативного уточнения момента возникновения права на защиту в уголовном процессе Азербайджанской Республики. Научная новизна статьи состоит в обосновании категории процессуального риска как материального критерия фактического начала уголовного преследования и как основания для более раннего допуска защитника в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: право на защиту, защитник, подозреваемый, обвиняемый, фактическое подозрение, процессуальный риск, право на справедливое судебное разбирательство, допустимость доказательств, уголовное преследование, Европейский суд по правам человека.

GASANOVA Ilhama Zakir,
Member of the Presidium of the Bar
Association of the Republic of Azerbaijan,
Lecturer at the National Aviation Academy
of the Republic of Azerbaijan

THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF THE INDIVIDUAL'S RIGHT TO DEFENCE AT THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Annotation. The article provides a theoretical and comparative legal analysis of the moment when the right to defence arises at the initial stage of criminal prosecution. The focus of the study is the criminal procedure legislation of the Republic of Azerbaijan, which, in general, establishes an extensive and systematically structured model of guarantees for the rights of suspects, accused persons and defence counsel; however, it primarily links the exercise of the right to legal assistance to the formal acquisition by a

person of the procedural status of a suspect or an accused. It is substantiated that such an approach, while ensuring legal certainty, does not in all cases guarantee timely and effective protection of the individual, since the actual accusatory activity of the State may commence prior to the formal attribution of the relevant procedural status. Particular attention is paid to situations in which a person is questioned as a witness despite the presence of indicators of factual suspicion, as well as to the problem of the subsequent use, for evidentiary purposes, of information obtained at this stage. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan, international standards, the case-law of the European Court of Human Rights, the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 June 2000 No. 11-P, as well as the legislation and doctrine of other jurisdictions, the article concludes that there is a need for normative clarification of the moment when the right to defence arises within the criminal process of the Republic of Azerbaijan. The scientific novelty of the study lies in substantiating the category of procedural risk as a substantive criterion for determining the factual commencement of criminal prosecution and, accordingly, as a basis for ensuring earlier access to defence counsel in criminal proceedings.

Key words: *right to defence, defence counsel, suspect, accused, factual suspicion, procedural risk, right to a fair trial, admissibility of evidence, criminal prosecution, European Court of Human Rights.*

Азербайджанская Республика со времени восстановления государственной независимости последовательно совершенствует национальную правовую систему, укрепляет судебно-правовые институты, развивает адвокатуру и проводит курс на согласование внутреннего законодательства с общепризнанными принципами и нормами международного права. Такое развитие свидетельствует о зрелости национального правового порядка и о стремлении государства обеспечить не только формальное провозглашение прав и свобод человека, но и создание действенных механизмов их реальной реализации. Именно в этом контексте особое значение приобретает дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, поскольку качество гарантий, предоставляемых личности на ранней стадии уголовного преследования, в значительной степени определяет справедливость всего последующего производства по делу.

Одним из наиболее дискуссионных и в то же время принципиальных вопросов современной уголовно-процессуальной науки остается определение момента возникновения права на защиту. В доктрине уголовного процесса постсоветских государств длительное время преобладал формально-юридический подход, в соответствии с которым право пользоваться помощью защитника связывается прежде всего с приданием лицу процессуального статуса подозреваемого либо обвиняемого. Подобная модель обладает несомненными достоинствами: она обеспечивает нормативную определенность, позволяет четко установить момент возникновения комплекса прав стороны защиты, способствует упорядочению процессуальной формы и придает уголовному судопроизводству структурную завершенность. Вместе с тем сама по себе формальная определенность не всегда тождественна материальной справедливости. Как справедливо отмечается в

научной литературе, формализация уголовно-процессуальной деятельности представляет собой объективную потребность, обусловленную необходимостью защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, однако чрезмерная формализация может приводить к ослаблению подлинного содержания гарантируемых прав [3, с. 46].

Именно это противоречие особенно отчетливо проявляется на начальной стадии уголовного преследования, когда государственная обвинительная деятельность по своему фактическому содержанию уже направлена на конкретное лицо, однако предусмотренные законом гарантии стороны защиты еще не введены в действие в полном объеме. Уголовное преследование в материальном смысле может начаться задолго до вынесения постановления о признании лица подозреваемым либо до принятия постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Такая ситуация возможна при допросе лица в качестве свидетеля, при проведении очной ставки, опознания, обыска, освидетельствования, назначении экспертизы или иных процессуальных действий, объективно затрагивающих его права и свободы и ориентированных на установление его возможной причастности к совершению преступления. В подобных случаях лицо еще формально не относится к стороне защиты, однако фактически уже оказывается перед реальной угрозой ухудшения своего процессуального положения.

Наиболее наглядно рассматриваемая проблема проявляется в ситуации, когда лицо допрашивается в качестве свидетеля при наличии признаков фактического подозрения. Формально свидетель выступает носителем сведений о фактах, имеющих значение для уголовного дела, но не является объектом обвинения. Однако в правоприменительной практике нередки случаи, когда содержание задаваемых вопросов, харак-

тер процессуальных действий и общая направленность деятельности органа расследования свидетельствуют о том, что фактический интерес следствия сосредоточен не на событии преступления как таковом, а на проверке причастности именно данного лица. В такой ситуации государственные органы получают от него объяснения в условиях объективной опасности их последующего использования против него самого. Тем самым лицо оказывается лишенным возможности своевременно воспользоваться профессиональной юридической помощью, определить линию защиты, реализовать право воздержаться от сообщения сведений, способных ухудшить его процессуальное положение, и исключить предоставление информации, которая впоследствии может лечь в основу обвинения. Подобная конструкция порождает процессуальный дисбаланс в реализации права на защиту, поскольку сторона обвинения фактически получает преимущество еще до официального возникновения у лица статуса подозреваемого.

Законодательство Азербайджанской Республики в целом формирует развитую и системную модель гарантий прав личности в уголовном процессе. Так, статья 90 УПК Азербайджанской Республики определяет круг лиц, признаваемых подозреваемыми, устанавливает пределы пребывания в данном статусе и закрепляет широкий комплекс процессуальных прав подозреваемого, включая право знать содержание подозрения, право получать копии процессуальных решений, право иметь защитника, право на конфиденциальные свидания с ним, право давать либо не давать показания, пользоваться помощью переводчика, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства и обжаловать действия органа, осуществляющего уголовный процесс [11]. Статья 91 УПК Азербайджанской Республики закрепляет права обвиняемого, включая право знать сущность предъявленного обвинения, пользоваться помощью защитника, участвовать в следственных и судебных действиях, знакомиться с материалами дела, обжаловать постановления и приговоры суда, а при недоказанности обвинения — добиваться реабилитации. Статья 92 УПК Азербайджанской Республики определяет процессуальный статус защитника, случаи его обязательного участия, момент допуска в процесс, а также права, обязанности и пределы допустимого поведения адвоката [11].

Следует подчеркнуть, что такая законодательная конструкция свидетельствует о серьезном внимании Азербайджанской Республики к защите прав личности в уголовном судопроизводстве. Азербайджанский законодатель не ограничился лишь общим декларированием

права на защиту, а предусмотрел подробную систему конкретных гарантий, охватывающих как подозреваемого и обвиняемого, так и защитника. Это подтверждает последовательный характер правового развития Азербайджана и его стремление к укреплению правовых основ уголовного процесса на уровне современных стандартов. Однако именно в этой развитой и в целом сбалансированной модели обнаруживается один принципиальный пробел: право на защитника поставлено в зависимость главным образом от формального процессуального статуса, тогда как фактическое уголовное преследование способно начаться ранее официального оформления соответствующего положения лица.

Проблема момента возникновения права на защиту не может рассматриваться изолированно от международных стандартов в области прав человека. Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет, что при рассмотрении любого предъявленного лицу уголовного обвинения каждый имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника [7]. Сходная по содержанию гарантия закреплена и в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая устанавливает право на справедливое судебное разбирательство и право обвиняемого защищать себя лично или через посредство выбранного защитника [8]. Вместе с тем подлинное значение этих норм раскрывается прежде всего в практике Европейского суда по правам человека, последовательно развивающего материальное, а не сугубо формальное понимание уголовного обвинения.

В деле *Salduz v. Turkey* Европейский суд по правам человека сформулировал одно из ключевых положений современной теории и практики права на защиту, указав, что, как правило, доступ к адвокату должен предоставляться с момента первого допроса подозреваемого полицией, если только с учетом конкретных обстоятельств не доказано наличие веских оснований для ограничения этого права [5, § 55]. При этом Суд особо подчеркнул, что ранний доступ к адвокату является важнейшей процессуальной гарантией, обеспечивающей справедливость разбирательства и защищающей лицо от недобровольного сообщения сведений, способных быть использованными в целях его собственного изобличения [5, § 54]. Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку смещает акцент с формального национального обозначения статуса лица на реальную уязвимость его положения перед государственным обвинением.

В деле *Brusco v. France* Европейский суд по правам человека развил этот подход и пришел к

выводу, что заявитель, несмотря на формальное отсутствие у него статуса обвиняемого, уже находился в положении лица, в отношении которого существовало уголовное обвинение в конвенционном смысле, поскольку государственные органы получали от него объяснения в условиях объективной опасности их последующего использования против него [1, § 50]. Тем самым Суд еще раз подчеркнул, что формальная квалификация процессуального положения по национальному праву не может служить достаточным основанием для отказа в гарантиях защиты, если по существу деятельность государства уже приобрела обвинительную направленность.

В постановлении Большой палаты по делу *Ibrahim and Others v. the United Kingdom* Европейский суд указал, что при оценке ограничения доступа к адвокату необходимо установить, существовали ли веские основания для такого ограничения, а также оценить, не подорвало ли оно общую справедливость разбирательства [2, § 257]. Суд также отметил, что значение имеет и то, было ли подобное ограничение предусмотрено внутренним правом и насколько четко были определены его пределы [2, § 258]. Следовательно, в международно-правовом измерении ключевым критерием является не только формальная законность соответствующих действий, но и их реальное воздействие на положение лица и на справедливость процесса в целом.

Материальный подход к определению момента возникновения права на защиту получил развитие и в конституционно-правовой практике зарубежных государств. Особое значение в этом отношении имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу В.И. Маслова. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что право пользоваться помощью адвоката возникает не с момента формального объявления лицу протокола задержания или постановления о мере пресечения, а с того момента, когда ограничение его прав становится реальным и когда в отношении него предпринимаются действия, свидетельствующие о фактическом уголовном преследовании [6]. По существу, в данном постановлении была дана конституционно-правовая интерпретация, полностью согласующаяся с подходом Европейского суда по правам человека: приоритет должен принадлежать не формальному наименованию процессуального статуса, а фактическому содержанию действий государства, затрагивающих права, свободы и законные интересы личности.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства других государств также подтверждает общую тенден-

цию к более раннему допуску защитника в уголовный процесс. Так, статья 49 УПК Российской Федерации предусматривает участие защитника не только с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, но и с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, с момента фактического задержания, с момента вручения уведомления о подозрении, с момента объявления постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также с момента начала иных мер процессуального принуждения либо иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица [12]. Особую значимость имеет положение о допуске защитника с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [12]. Именно эта норма представляет особый интерес для азербайджанской правовой доктрины, поскольку она демонстрирует возможность нормативного преодоления разрыва между фактическим началом уголовного преследования и формальным признанием лица подозреваемым.

На необходимость более гибкого подхода к моменту допуска защитника указывает и научная литература Беларуси, России и Украины. В частности, отмечается, что участие защитника должно обеспечиваться не только после формального признания лица подозреваемым или обвиняемым, но и тогда, когда меры государства уже объективно затрагивают его права и свободы в связи с подозрением в совершении преступления [14, с. 452–456]. В современных исследованиях подчеркивается, что момент возникновения права на защиту должен определяться с учетом не только юридической формы, но и фактической направленности действий государства [4, с. 131].

Для доктринального разрешения данного противоречия целесообразно использовать категорию процессуального риска. В научной литературе справедливо указывается, что уголовно-процессуальный риск может носить как объективный, так и субъективный характер в зависимости от факторов, его обуславливающих [9, с. 42]. Применительно к предмету настоящего исследования под процессуальным риском следует понимать объективную вероятность того, что совершаемое в отношении лица следственное либо иное процессуальное действие способно привести к ухудшению его процессуального положения, к формированию доказательственной базы против него и к последующему использованию полученной информации в обвинительных целях. Теоретическое достоинство данной категории состоит в том, что она позволяет установить

момент, когда лицо, еще не обладая формальным статусом подозреваемого, уже нуждается в тех гарантиях, которые присущи стороне защиты.

Процессуальный риск, по нашему мнению, проявляется при наличии по меньшей мере трех взаимосвязанных признаков. Во-первых, действия государства приобретают обвинительную направленность, то есть ориентированы не на получение нейтральной информации о событии преступления, а на проверку причастности конкретного лица. Во-вторых, имеет место индивидуализация подозрения, когда внимание следствия фактически сосредоточено именно на данном субъекте. В-третьих, соответствующее действие объективно способно породить либо усилить доказательственную базу против этого лица. Если указанная совокупность обстоятельств присутствует, право на защиту должно рассматриваться как уже возникшее в материальном смысле. В этой связи заслуживает внимания вывод о том, что процессуальный риск может возникать ранее самого формального процессуального правоотношения, а не одновременно с ним [10, с. 245]. Именно в этом и заключается научная новизна предлагаемого подхода: право на защиту предлагается связывать не только с формальным процессуальным решением, но и с объективным моментом возникновения угрозы ухудшения положения лица в связи с обвинительной деятельностью государства.

Особую значимость рассматриваемая проблема приобретает и в аспекте допустимости доказательств. Законодательство Азербайджанской Республики, равно как и уголовно-процессуальные кодексы других государств, связывает допустимость доказательств с соблюдением требований закона при их получении [11]. Однако формальный критерий законности не всегда позволяет адекватно оценить ситуацию, при которой сведения были получены при фактическом обходе гарантий защиты. Если лицо допрашивалось в качестве свидетеля, тогда как по существу уже находилось в положении фактического подозрения, то формальное соблюдение процессуальной процедуры не устраняет того обстоятельства, что объяснения были получены без надлежащих гарантий правовой помощи и без возможности полноценно реализовать право не сообщать сведения, способные впоследствии использоваться для его собственного изобличения. В таком случае формально допустимое доказательство может оказаться материально несправедливым. Практика Европейского суда по правам человека показывает, что именно влияние подобного ограничения на общую справедливость разбирательства должно становиться предметом судебной оценки [5, § 55; 2, § 257].

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики. При этом речь не идет о пересмотре основ действующей модели, которая в целом является внутренне последовательной и содержит развитую систему правовых гарантий. Напротив, предлагаемые изменения направлены на ее развитие, углубление и приведение в большее соответствие с современными международными стандартами. Представляется целесообразным дополнить статью 92 УПК Азербайджанской Республики новой нормой, предусматривающей более ранний допуск защитника в тех случаях, когда обвинительная деятельность государства уже фактически началась.

С учетом азербайджанской законодательной техники можно предложить следующую редакцию новой части статьи 92 УПК Азербайджанской Республики: «Если до признания лица подозреваемым или обвиняемым в отношении него совершаются действия обвинительной направленности, способные привести к ухудшению его процессуального положения либо к формированию доказательственной базы против него, орган, осуществляющий уголовный процесс, обязан до начала такого действия разъяснить лицу право пользоваться помощью защитника и обеспечить возможность пригласить защитника либо получить назначенного защитника в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

Предлагаемое дополнение представляется обоснованным по нескольким причинам. Во-первых, оно устраняет нормативный разрыв между фактическим началом уголовного преследования и формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым. Во-вторых, оно позволяет предотвратить использование статуса свидетеля как средства обхода гарантий защиты. В-третьих, оно способствует укреплению принципа справедливого судебного разбирательства и повышению качества доказательственной деятельности, поскольку сведения, полученные при наличии защитника и в условиях полноценной реализации права на защиту, обладают большей процессуальной устойчивостью. В-четвертых, такая норма отвечает общему вектору развития правовой системы Азербайджанской Республики, которая последовательно укрепляет государственные и правовые институты, учитывает международные стандарты и стремится к дальнейшему совершенствованию национального законодательства.

Таким образом, момент возникновения права на защиту в современном уголовном процессе не может определяться исключительно формальным актом признания лица подозреваемым

мым либо обвиняемым. Подлинное содержание данного права требует учитывать тот фактический момент, когда государственная обвинительная деятельность начинает реально затрагивать права, свободы и законные интересы конкретного лица. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики создало прочную и в целом развитую основу для обеспечения права на защиту, однако дальнейшее совершенствование этой модели должно быть связано с нормативным закреплением материального критерия фактического подозрения. Категория процессуального риска позволяет теоретически обосновать такой подход и может служить надежным инструментом для определения момента, когда лицо уже должно пользоваться помощью защитника.

Следовательно, развитие уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики на современном этапе требует перехода от исключительно формального понимания момента возникновения права на защиту к более содержательному, материально ориентированному подходу. Такой подход не ослабляет процессуальную форму, а, напротив, усиливает ее подлинное правозащитное значение. Введение в УПК Азербайджанской Республики нормы о допуске защитника с момента начала действий, объективно свидетельствующих о фактическом подозрении, способствовало бы укреплению гарантий личности, предупреждению процессуальных злоупотреблений, усилению судебного контроля, повышению доверия к правосудию и дальнейшему развитию Азербайджана как современного правового государства, сочетающего уважение к национальной правовой традиции с последовательной приверженностью международным стандартам защиты прав человека.

Список литературы:

- [1] Brusco v. France. Application no. 1466/07. Judgment of 14 October 2010.
- [2] Ibrahim and Others v. the United Kingdom [GC]. Applications nos. 50541/08, 50571/08, 50573/08 and 40351/09. Judgment of 13 September 2016.
- [3] Крипиневич С.С. Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы // Юридические исследования. 2024. № 12. С. 45–55.
- [4] Купрейченко С.В. Осуществление защиты как обязательный признак возникновения у адвоката статуса защитника в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 124–132.
- [5] Salduz v. Turkey [GC]. Application no. 36391/02. Judgment of 27 November 2008.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

[7] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

[8] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

[9] Соловьева Н.А., Шинкарук В.М. Уголовно-процессуальный риск: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 1 (22). С. 40–44.

[10] Сулейманов А.А. Возникновение процессуального риска и его соотношение с гражданско-правовым процессуальным правоотношением // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. Т. 2. № 26. С. 233–249.

[11] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан.

[14] Шакун Е.А. Допуск защитника в уголовный процесс. Приглашение, назначение защитника в Республике Беларусь, Российской Федерации и Украине // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Минск, 2013. С. 452–456.

References:

- [1] Brusco v. France. Application no. 1466/07. Judgment of 14 October 2010.
- [2] Ibrahim and Others v. the United Kingdom [GC]. Applications nos. 50541/08, 50571/08, 50573/08 and 40351/09. Judgment of 13 September 2016.
- [3] Kripinevich S.S. Legal certainty and formalization in improving the criminal procedure form// Legal research. 2024. № 12. S. 45-55.
- [4] S. V. Kupreichenko. Defense as a mandatory sign of the lawyer's status as a defender in criminal proceedings//Actual problems of Russian law. 2023. T. 18. № 4. S. 124-132.
- [5] Salduz v. Turkey [GC]. Application no. 36391/02. Judgment of 27 November 2008.
- [6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 No. 11-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of Article 47 and part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov."

[7] International Covenant on Civil and Political Rights, December 16, 1966

[8] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950

[9] Solovyova N.A., Shinkaruk V.M. Criminal procedure risk: concept and content//Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2014. № 1 (22). S. 40-44.

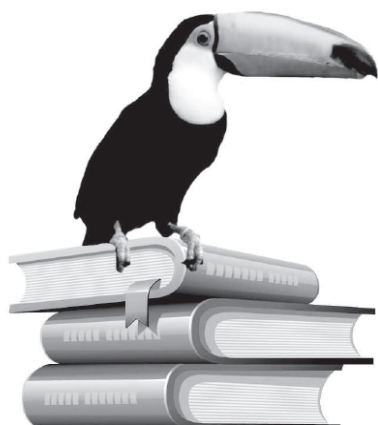
[10] Suleimanov A.A. Emergence of procedural risk and its relationship with civil procedural legal relations//Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2025. VOL. 2. № 26. S. 233-249.

[11] Code of Criminal Procedure of the Republic of Azerbaijan.

[12] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

[13] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan.

[14] Shakun E.A. Admission of defense counsel to criminal proceedings. Invitation, appointment of a defender in the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine//Collection of works of the 70th scientific conference of students and graduate students of the Belarusian State University. Minsk, 2013. PP. 452-456.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЯКУТОВ Иван Александрович,
аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин,
теории и истории государства и права, юридический факультет,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского,
e-mail: ivan.yakutov.99@mail.ru

ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И СТРАН СНГ

Аннотация. Цель исследования — выявить проблемы в законодательстве, которые касаются обязанностей представителя в уголовном процессе России, и предложить пути их улучшения. В работе использованы разные методы: общенаучные и специальные юридические. Основным стал формально-юридический метод, с помощью которого проанализированы нормы Уголовно-процессуального кодекса России. Сравнительно-правовой метод помог сравнить российские законы с нормами уголовного процесса в странах СНГ — Беларуси, Кыргызстане, Армении, Казахстане и Узбекистане. Это дало возможность понять разные подходы к обязанностям представителей. Также применялись методы анализа, синтеза и обобщения теории. В результате исследования обнаружилось, что в российском УПК обязанности представителей не сгруппированы и разбросаны по разным статьям, из-за чего нарушается логика их правового положения. В отличие от России, в законах некоторых стран СНГ есть чёткие перечни обязанностей представителей. Были выделены основные обязанности, связанные с их статусом, — отстаивать интересы доверителя, действовать добросовестно, выполнять распоряжения следственных органов и суда, а также не мешать установлению истины. На основе выявленных пробелов предложили проект новой статьи 53.1 УПК РФ, которая систематизирует обязанности защитника.

Ключевые слова: уголовный процесс, представитель, защитник, правовой статус, обязанности, законодательство России, страны СНГ, УПК РФ, сравнительное правоведение.

YAKUTOV Ivan Aleksandrovich,
Postgraduate Student,
Department of Criminal Law Disciplines,
Theory and History of State and Law, Faculty of Law,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

DUTIES OF A REPRESENTATIVE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE CIS COUNTRIES

Annotation. The aim of the research is to identify problems in the legislation concerning the duties of a representative in the criminal process of Russia and to propose ways to improve it. The study employs various methods, including general scientific and specific legal techniques. The primary method is the formal-legal method, which was used to analyze the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The comparative-legal method helped to juxtapose Russian laws with the norms of criminal procedure in CIS countries, namely Belarus, Kyrgyzstan, Armenia, Kazakhstan, and Uzbekistan. This made it possible to understand different approaches to the duties of representatives. Methods of analysis, synthesis, and generalization of theory were also applied. As a result of the research, it was found that in the Russian Code of Criminal Procedure, the duties of representatives are not grouped and are scattered across different articles, which violates the logic of their legal status. In contrast to Russia, the laws of some CIS countries contain clear lists of representatives' duties. The main duties associated with their status were identified — to protect the

interests of the principal, to act in good faith, to comply with the orders of investigative bodies and the court, as well as not to obstruct the establishment of the truth. Based on the identified gaps, a draft of a new Article 53.1 of the Code of Criminal Procedure is proposed, which systematizes the duties of a defense counsel.

Key words: *Criminal procedure, representative, defense counsel, legal status, duties, legislation of Russia, CIS countries, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, comparative jurisprudence.*

Материалы и методы

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также уголовно-процессуальные кодексы Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан и Республики Узбекистан. В качестве эмпирического материала использовались труды отечественных и зарубежных учёных в области уголовного процесса и сравнительного правоведения.

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и частно-научных методов познания. В качестве основного использован формально-юридический метод, позволивший провести анализ норм уголовно-процессуального законодательства России и стран СНГ, выявить пробелы в регулировании правового статуса представителя и систематизировать его обязанности.

Для сопоставления подходов законодателя различных государств к закреплению обязанностей представителей применялся сравнительно-правовой метод. Это позволило выявить системные подходы, реализованные в законодательстве стран СНГ, и использовать их опыт для совершенствования российского права. Также в работе применялись методы анализа, синтеза и обобщения теоретических положений, что способствовало формированию обоснованных выводов и предложений по совершенствованию законодательства.

Литературный обзор

Вопросам правового статуса участников уголовного судопроизводства посвящено значительное количество научных трудов. В частности, А.Н. Павлов и О.Н. Городнова справедливо отмечают, что посредством права закрепляется соответствующее положение человека (должностного лица), определяются все основные характеристики, в соответствии с которыми данное лицо осуществляет свою деятельность.

В юридической науке подчёркивается, что правовой статус представителя в уголовном процессе не может ограничиваться лишь набором прав и полномочий. Как указывает С.С. Шишкин, представительство содействует реализации права на судебную защиту. Следовательно, неотъемлемым элементом этого статуса явля-

ются обязанности, определяющие должное поведение участника на досудебной и судебной стадиях.

Особое внимание в научной литературе уделяется морально-этической составляющей деятельности представителя. М.Ю. Цандыкова указывает на обязанность представителя действовать независимо, честно и добросовестно, поддерживая доверие к юридической профессии.

Правовой статус любого участника уголовного процесса характеризуется набором прав, полномочий и обязанностей, позволяющим охарактеризовать роль такого участника в системе самого уголовного процесса. А. Н. Павлов и О. Н. Городнова указали, что посредством права закрепляется соответствующее положение человека (должностного лица), определяются все основные характеристики, в соответствии с которыми данный человек (лицо) осуществляет свою жизнедеятельность [5, С. 660].

Правовой статус представителя в уголовном процессе предусматривает установления в отношении участника уголовного процесса не только полномочий и прав, но и обязанностей, которые, в свою очередь, определяют меры должного поведения представителя на досудебной стадии процесса и на стадии судебного производства. За неисполнение обязанностей представитель несет определённую ответственность, в том числе морально-нравственную.

Проанализировав нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [2], можно установить, что представителями в уголовном процессе России являются законные представители, защитники, представители юридических лиц, адвокаты и иные, лица, осуществляющие юридическую помощь по соглашению с доверителем.

В УПК РФ обязанности представителя не выделены в отдельную группу. Они разбросаны по разным частям кодекса. В некоторых странах СНГ законодатель подошел к этому вопросу более системно. Так, например, в ч. 5 ст. 53 УПК Кыргызской Республики и ч. 4 ст. 48 УПК Республики Беларусь определены обязанности адвоката. В ч. 6 ст. 77 УПК Республики Армения указаны обязанности законного представителя.

В Разделе II УПК РФ названы лица, участвующие в деле. Однако, в соответствующих нормах говорится о правовых статусах отдельных пред-

ставителей. Например, согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. В отношении защитников выделена статья 53 под названием «Полномочия защитника». Обязанности представителя, таким образом, вытекают из его основного статуса, а не из конкретных норм УПК РФ, что нарушает логику закрепления в нормативном акте полного статуса участника процесса с характерным ему набором не только прав (правомочий), но и конкретных обязанностей.

Основной обязанностью любого представителя в уголовном процессе является соблюдение законных интересов доверителя. В УПК РФ не дано понятие «представитель». Например, в п. 32 ч. 1 ст. 7 УПК Республики Казахстан дано понятие представителя как лица, уполномоченного представлять законные интересы потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя, гражданского ответчика в силу закона или соглашения. Таким образом, законность интересов доверителя связана с необходимостью быть участником уголовного процесса, где ему необходимо совершать юридически значимые действия. Представитель обязан защищать эти интересы. Представитель является отдельным участником уголовного процесса. Однако, его участие тесно связано с личностью доверителя. Цель представительства – оказание необходимой юридической помощи лицу, которое нуждается в такой помощи в силу психических, физических и умственных способностей. Без данной обязанности нет смысла существования института представительства как такового. С. С. Шишкин отметил, что представительство содействует реализации права на судебную защиту [7, с. 160].

В отношении доверителя представитель обязан действовать добросовестно. М.Ю. Цандыкова в своей работе указывает на то, что представитель обязан действовать независимо, честно, добросовестно, таким образом, чтобы поддерживать доверие и уверенность в профессии и действовать в наилучших интересах каждого клиента [6, с. 343]. Представитель несет морально-этическую ответственность за свои действия. Он выступает как участник юридического сообщества, в котором принято вести себя культурно, соблюдать этические и нравственные нормы. Если в качестве представителя выступает адвокат, то согласно п. 4. ч. 1 ст. 7 Федерального Закона Российской Федерации от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] он дополнительно обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката [4].

Любой представитель обязан соблюдать действующее законодательство. Он не должен нарушать Конституцию РФ, нормы УПК РФ и иных нормативных правовых актов. Иные действия представителя могут быть согласованы с доверителем, но в рамках правового поля. При осуществлении своих полномочий представитель действует не только в интересах доверителя, но и в рамках установленного правового поля. Это означает, что любые действия, согласованные с доверителем, должны быть законными. Представитель не вправе выполнять поручения, направленные на совершение правонарушений, фальсификацию доказательств, склонение свидетелей к даче ложных показаний или иные действия, препятствующие установлению истины по делу. Согласно абз. 2 ст. 63 УПК Республики Узбекистан представитель обязан не препятствовать установлению истины путем уничтожения, фальсификации доказательств, уговора свидетелей и других незаконных действий. Такая обязанность является важной и в российской уголовно-процессуальной практике, так как вмешательство в деятельность органов, осуществляющих следствие или правосудие, влечет уголовную ответственность согласно ст. 294 УК РФ.

Соблюдение законности является не только юридической обязанностью, но и основой профессиональной этики. Нарушение представителем правовых норм влечёт за собой применение мер процессуальной ответственности (вплоть до отстранения от участия в деле), а в случаях, прямо предусмотренных законом, — и уголовную ответственность. Таким образом, законность выступает главным ограничителем и одновременно гарантией правомерного поведения представителя, обеспечивая баланс между защитой интересов клиента и интересами правосудия.

Представитель обязан подчиняться законным распоряжениям органов дознания, органов предварительного расследования и суда. Например, он обязан явиться по первому вызову (повестке) для проведения следственных действий. Если суд признает явку обязательной, представитель обязан явиться под угрозой отложения дела и вынесения частного определения в адрес адвоката. Также данная обязанность проявляется в необходимости по запросу суда или отдельных органов подтверждать свои полномочия. Без подтверждения полномочий представитель не допускается к следственному действию или судебному заседанию. Также, например, согласно ч. 3 ст. 161 УПК РФ Следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства, в том числе представителя, о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предваритель-

ного расследования, о чем у них берется подпись с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

В юридической науке такая обязанность связана с необходимостью органов дознания, предварительного расследования и суда обеспечить оперативную процессуальную деятельность.

Представитель в уголовном процессе также обязан соблюдать регламент проведения следственных действий и судебного заседания, порядок ознакомления с материалами уголовного дела. Так, например, представитель должен встать при входе судей, обращаться к суду со словами «Уважаемый суд», а к судье - «Ваша честь». Согласно ч. 1 ст. 258 УПК РФ при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации лицо, представитель предупреждается о недопустимости такого поведения, либо удаляется из зала судебного заседания, либо отключается от видео-конференц-связи на все время судебного заседания или на его часть, либо на него налагается денежное взыскание.

Анализ показывает, что в России целесообразно более четко закрепить обязанности представителей в уголовном процессе, чтобы повысить эффективность защиты прав участников судопроизводства и устранить пробелы в законодательстве. Системный подход, реализованный в ряде стран СНГ, может служить примером для совершенствования российского УПК. Является целесообразным дополнить УПК РФ статьей 53.1 «Обязанности защитника» следующего содержания:

1. Защитник обязан:
 - 1) Честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы подозреваемого или обвиняемого всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;
 - 2) Соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства;
 - 3) Являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора и суда для участия в производстве по уголовному делу;
 - 4) Не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с оказанием юридической помощи, без согласия лица, производящего дознание, предварительное следствие или суда, за исключением случаев, предусмотренных законом;
 - 5) Не совершать действий, направленных на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу, в том числе не скло-

нять свидетелей и иных лиц к даче ложных показаний, не уничтожать и не фальсифицировать доказательства;

- 6) Подчиняться законным распоряжениям дознавателя, следователя, прокурора и суда, соблюдать порядок в ходе проведения следственных действий и судебного заседания;
- 7) Своевременно представлять документы, подтверждающие его полномочия, по требованию органов дознания, следствия и суда.
- 8) Информировать подзащитного о ходе расследования и судебного разбирательства, разъяснять ему его права и возможные правовые последствия принимаемых решений.

2. Злоупотребление защитником своими правами или неисполнение обязанностей, предусмотренных настоящей статьёй, влечёт за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Заключение

В ходе исследования выяснилось, что обязанности представителей в уголовном процессе России не упорядочены и разбросаны по разным статьям УПК РФ. Это усложняет их применение и нарушает логику правового статуса. В отличие от этого, в законах некоторых стран СНГ, например, Беларуси и Кыргызстане, эти обязанности четко прописаны и сгруппированы, что помогает лучше защищать права участников судебного процесса. Главные обязанности представителя включают защиту законных интересов доверителя, добросовестное выполнение своих функций, соблюдение закона и подчинение законным распоряжениям органов дознания и суда. Учитывая выявленные недостатки, предложено внести в УПК РФ новую статью 53.1, которая систематизирует обязанности защитника. Это поможет закрыть пробелы в законодательстве и улучшить качество юридической помощи в России.

Список литературы:

- [1] Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996 – N 25. – ст. 2954.
- [2] Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.

[3] Российская Федерация. Законы. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. От 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 10.06.2002. — N 23. — ст. 2102.

[4] Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (ред. от 15.04.2021) // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ дата обращения: 25.03.2026).

[5] Павлов, А.Н. Вопросы правового статуса представителя в уголовном процессе / А.Н. Павлов, О.Н. Городнова // сборник статей и тезисов докладов по итогам Всероссийского научно-образовательного фестиваля студенческих научных обществ (СНО) образовательных организаций Российской Федерации (18–20 сентября 2024 г.). — Чебоксары: ЧКИ РУК. - 2024. — с. 660.

[6] Цандыкова, М.Ю. Адвокат в уголовном процессе: его роль, права и обязанности / М.Ю. Цандыкова // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 6. — с. 343.

[7] Шишкин, С.С. Основная задача представителя в уголовном судопроизводстве РФ / С.С. Шишкин // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. — 2012. — № 1. — с. 160.

References:

[1] Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 20.02.2026) //Collection of

Legislation of the Russian Federation. — 17.06.1996 — N 25. — Art. 2954.

[2] Russian Federation. Laws. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 24.12.2001. — N 52 (part I). — Art. 4921.

[3] Russian Federation. Laws. On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ (as amended on 22.04.2024) //Collection of legislation of the Russian Federation. — 10.06.2002. — N 23. — Art. 2102.

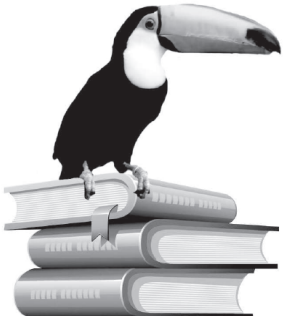
[4] Code of Professional Ethics of a Lawyer: adopted by the I All-Russian Congress of Lawyers of 31.01.2003 (as amended by 15.04.2021) //SPS ConsultantPlus: [website]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ contact date: 25.03.2026).

[5] Pavlov, A.N. Issues of the legal status of a representative in criminal proceedings/A.N. Pavlov, O.N. Gorodnova//collection of articles and abstracts on the results of the All-Russian Scientific and Educational Festival of Student Scientific Societies (SSS) of educational organizations of the Russian Federation (September 18-20, 2024). - Cheboksary: CHKI RUK. - 2024. - p. 660.

[6] Tsandykova, M.Yu. Lawyer in criminal proceedings: his role, rights and obligations/M.Yu. Tsandykova//Law and state: theory and practice. — 2023. — № 6. — p. 343.

[7] Shishkin, S.S. The main task of the representative in the criminal proceedings of the Russian Federation/S.S. Shishkin//Bulletin of Udmurt University. Economics and law. — 2012. — № 1. — с. 160.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ НА ДЛИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исправления несовершеннолетних осужденных на длительные сроки наказания в воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных в процессе их исправления.

Ключевые слова: исправление, несовершеннолетние осужденные, длительные сроки наказания.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute

PECULIARITIES OF CORRECTION OF MINORS SENTENCED TO LONG SENTENCES

Annotation. The article examines the peculiarities of the correction of juvenile convicts for long sentences in an educational colony for juvenile convicts in the process of their correction

Key words: correction, juvenile convicts, long sentences.

Воспитательных колониях свыше 40% осужденных имеют длительные (больше 2-х лет) сроки наказания. Одной из особенностей исправления этой категории осужденных является воспитание умений преодоления трудностей, связанных с длительным лишением свободы.

Анализ литературы и практическая работа позволят зафиксировать наиболее часто встречающиеся трудности в процессе исправления осужденных, связанных с длительным лишением свободы. Основными из них являются: утрата

свободы на длительный срок; отрыв от семьи, родственников, нормальных, здоровых коллективов; жесткий режим отбывания наказания; морально-бытовые ограничения; пребывание в среде преступников.

Эти трудности с одной стороны оказывают влияние на формирование личности, с другой сами изменяются с развитием личности и коллектива. Указанные трудности определяют отношение к себе, другим людям, деятельности и коллективу. Эти трудности, при отсутствии надлежа-

щего контроля, порождают конфликты в коллективе, не способствующие исправлению осужденных. В тоже время, преодоление воспитанником трудности позволяет говорить о его способности в любых по трудности жизненных ситуациях находить справедливый выбор своего поведения, основанных на нравственных требованиях общества.

Для исправления личности очень важно, чтобы осужденные направляли свои усилия на преодоления трудностей не только ради своего удовлетворения, но и для выполнения подчас будничной, однообразной, но нужной коллективу работы. Участие в такой работе требует в начале от осужденного внутреннего напряжения, но по мере включения его в деятельность будет способствовать выработки у него определенной готовности к её выполнению.

Одним из эффективных приемов процесса исправления несовершеннолетнего осужденных, имеющих длительные сроки наказания, является использование ситуаций ожидаемого и неожиданного столкновения с трудностью. Когда воспитанник заранее знает о сложности работы, происходит процесс мобилизация сил, направленная на преодоление трудностей. Прием неожиданного столкновения с трудностями направлен, на то, чтобы ускорить выявление внутренних противоречий личности, помочь ей лучше узнать свои возможности. При этом воспитатель может преднамеренно преувеличить трудности с тем, чтобы мобилизовать воспитанника на усиленное выполнение нагрузок. При этом он опирается на коллектив воспитанников, который помогает воспитаннику справиться с заданием. Следует отметить, что морально психологическая атмосфера создает в коллективе воспитанников тот нравственный фон, который необходим для смягчения напряженности исполнения наказания в колонии. Коллектив создает такую обстановку, когда воспитанники на длительные сроки наказания чувствуют себя защищенными от посягательств со стороны отрицательно настроенных осужденных, играет главенствующую роль в формировании человеческих отношений в колонии.

В данном случае развитие коллектива, переход его с низкого уровня на высокий создает условия смягчения трудностей отбывания наказания.

При этом важную роль играют перспективы. Ценность и значимость перспектив возрастает в том случае, если они, будучи личностными, совпадают с общественными устремлениями, нормами морали. Социальное значение перспективы позволяет человеку найти свое место в системе общественных отношений, спланировать свой путь, преодолеть трудности, целеустремленно трудиться на благо своего развития и развития общества.

Субъективно появление перспективы переживается как радость и тем самым привлекает воспитанника и зовет его к действию. Желанная перспектива, рожденная стремлением добиться поставленной цели, подразделяется на близкую, среднюю и далекую.

В содержании близкой перспективы следует включить улучшение жилищно-бытовых условий несовершеннолетних осужденных, организацию питания, обеспечение одеждой, создание базы для культурно-массовой и физкультурно-спортивной работы, правовая подготовка к жизни в условиях воспитательной колонии.

В содержание средней – нравственная, психологическая и практическая подготовка к отбыванию уголовного наказания, получение специальности, формирование положительной активности в общественно значимой деятельности, освобождению из колонии, формирование планов на будущее.

Содержание далекой перспективы состоит в подготовке воспитанников: к трудоустройству после освобождения; к обучению в образовательных учреждениях; к обзаведению семьей; к налаживанию нравственных и правовых отношений в условиях свободы и т.д.

Формирование перспектив личности несовершеннолетних осужденных не может протекать эффективно вне социальной среды. Именно среда является основой качественных изменений в психологии воспитанников колонии, формирование их активной жизненной позиции, склонности к общественно полезным делам, как в условиях колонии, так и после освобождения из ВК.

Поэтому работа по оздоровлению среды в колонии является необходимым условием исправления осужденных на длительные сроки наказания. Здесь важны все направления воспитательной работы: развенчание уголовной романтики и лидеров отрицательно направленных малых групп; формирование морально психологического климата в колонии; создание условий для положительных взаимоотношений и общения в среде осужденных; укрепление авторитета самодеятельных организаций и т.п.

Особое место в исправлении несовершеннолетних осужденных на длительные сроки занимает вовлечение в эту работу родителей. Высокая степень их влияния обусловлена особенностями подросткового возраста.

В этом возрасте отношения с родителями базируются на основе любви, доверия, уважительного отношения. Регулярная связь осужденных с родителями порождает у них и укрепляет чувство вины перед ними, помогает осознать ошибочность своих действий, вызывает стремление изменить его. Кроме того, такая связь содействует подготовке воспитанников к жизни в спец-

и физическом коллективе колонии, дает сведения о жизни на свободе, о перспективах на будущее, снижает остроту изоляции.

Важной формой привлечения родителей к исправлению таких осужденных является проведение родительских собраний. Проводятся они раз в год, как правило, перед началом учебного года. К родительскому собранию проводится тщательная подготовка всего коллектива осужденных: принимаются повышенные обязательства по труду, обучению и поведению, по содержанию в надлежащем состоянии помещений, готовится военно-спортивный праздник или концерт художественной самодеятельности, рапорт общественности и родителям.

Родительское собрание проводится в торжественной обстановке. На него приглашаются родители осужденных, представители шествующих организаций, сотрудники колонии и осужденные. Перед началом собрания играет духовой оркестр.

На собрании с докладом выступает начальник колонии, который указывает на достижения и недостатки, имеющие место в коллективе осужденных. Затем слово предоставляется родителям, шефам, знатным людям города, региона, в котором находится ВК, сотрудникам колонии, осужденным.

В заключении принимается обращение участников родительского собрания ко всем осужденным колонии с наказом добросовестно трудиться, учиться, не нарушать в коллективе дисциплину.

В результате подготовки и проведения родительского собрания улучшается дисциплина в коллективе осужденных, налаживаются взаимоотношения, нормализуется общение. Рождаются перспективы, заметно улучшается психологическое состояние осужденных, связанных с преодолением трудности лишения свободы.

Список литературы:

- [1] Морозов В.В. Преемственность как условие развития реабилитационной педагогики // Народное образование. 2003. № 2. – С. 208-216.
- [2] Кащенко В.П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков. – М.: Просвещение, 1992, – 218 с.
- [3] Морозов В.В. Предупреждение экстремизма в подростковой среде средствами воспитательной педагогики А.С. Макаренко // Социальная педагогика. 2005. № 4 – С. 84-90
- [4] Реан А.А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПб.ГУ, серия 6, 1995, вып. 3 № 20. – с. 74-79
- [5] Холостова Е.И. Дементьева М.Ф. Социальная реабилитация: Учебное пособие. – М.: Дашков и Ко, 2002. – 340 с.

[6] Черняева Т.И. Социальная реабилитация «нетипичных» детей // Социологические исследования. – 2005. № 6 (254). – с. 85-94

[7] Прысь И.Е. Ресоциализация несовершеннолетних женского пола, осужденных к лишению свободы Автореф. дисс.... к.ю.н., Рязань, 2011.

[8] Пищелко А.В., Сочивко В.Д. Реадаптация и — М.: ПЕР СЭ, 2003. – 208 с.

[9] Сухарева Е.В. Психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя при массовых беспорядках: первоначальная подготовка стажеров / Вилкова А.В., Сухарева Е.В. / В сборнике: Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС (материалы круглого стола), под общей редакцией ведущего научного сотрудника ФКУ НИИ ФСИН России, доктора экономических наук, профессора С.В. Гарника. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. С. 54-59.

[10] Антипов А.Н. Некоторые проблемы применения медиативных процедур (правовой аспект) / Вилкова А.В., Антипов А.Н. Военное право. 2018. № 1 (47). С. 136-141.

[11] Быков А.В., Тимофеева Е.А., Вилкова А.В., Фумм А.М., Яковлева О.Н., Белоносов В.О. Пенитенциарная система Франции на современном этапе. Аналитический обзор / Самара, 2017.

[12] Тимофеева Е.А. Деятельность пенитенциарных учреждений и подготовка кадров в пенитенциарной системе Китайской Народной Республики (на примере Шанхайского региона) / Тимофеева Е.А., Вилкова А.В. Аналитические материалы. Самара, 2017.

[13] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and specificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. Т. 73. № 12. С. 2.

[14] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26

[15] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[16] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С. 45-51.

[17] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

References:

- [1] V.V. Morozov. Continuity as a condition for the development of rehabilitation pedagogy//Public education. 2003. № 2. - S. 208-216.
- [2] Kashchenko V.P. Pedagogical correction: correction of character flaws in children and adolescents. - M.: Enlightenment, 1992, - 218 p.
- [3] V.V. Morozov. Prevention of extremism in adolescents by means of educational pedagogy A.S. Makarenko//Social pedagogy. 2005. NO. 4 - P. 84-90
- [4] Rean A.A. On the problem of social adaptation of personality//Bulletin of St. Petersburg State University, series 6, 1995, issue 3 No. 20. - p. 74-79
- [5] Kholostova E.I. Dementieva M.F. Social rehabilitation: Textbook. - M.: Dashkov and Co., 2002. - 340 s.
- [6] Chernyaeva T.I. Social rehabilitation of "atypical" children//Sociological research. -2005. № 6 (254). - p. 85-94
- [7] Prys I.E. Resocialization of female minors sentenced to imprisonment Autoref. diss... Ph.D., Ryazan, 2011.
- [8] Pischelko A.V., Sochivko V.D. Readaptation and - M.: PER SE, 2003. - 208 c.
- [9] Sukhareva E.V. Psychological and pedagogical characteristics of the educator's personality during mass riots: initial training of trainees/Vilkova A.V., Sukhareva E.V./In the collection: Group disobedience and mass riots in penal institutions (materials of the round table), under the general editorship of a leading researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economics, Professor S.V. Garnica. M.: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. S. 54-59.
- [10] Antipov A.N. Some problems of the application of mediative procedures (legal aspect)/Vilkova A.V., Antipov A.N. Military law. 2018. № 1 (47). S. 136-141.
- [11] Bykov A.V., Timofeeva E.A., Vilkova A.V., Fumm A.M., Yakovleva O.N., Belonosov V.O. The penitentiary system of France at the present stage. Analytical review/Samara, 2017.
- [12] E.A. Timofeeva. Activities of penitentiary institutions and training in the penitentiary system of the People's Republic of China (on the example of the Shanghai region)/E.A. Timofeeva, A.V. Vilkova. Analytical materials. Samara, 2017.
- [13] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe polycycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. T. 73. № 12. P. 2.
- [14] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26
- [15] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.
- [16] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.
- [17] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВА ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СОДЕРЖАНИИ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» 1995 № 103-ФЗ И ПРАВИЛ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. Целью исследования выбраны правовые и организационные вопросы соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей в свете реализации Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ и Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 2022 г. Для ее выполнения применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, с помощью которых рассматривались права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, анализировались законодательный и ведомственный правовые акты. Совокупность прав и обязанностей лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы определяет их правовой статус, обеспечивает соблюдение законности при их содержании в указанных учреждениях. Нормативно-правовую базу, регулирующую права подозреваемых и обвиняемых, находящихся в СИЗО составляют законодательные и ведомственные правовые акты в сфере исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей и уголовного судопроизводства. Федеральный закон 1995 г. № 103-ФЗ указывает на 15 прав лиц, содержащихся в СИЗО УИС, которые должны реализовываться их администрацией и должностными лицами, а также дополнительные права, предусмотренные для подозреваемых и обвиняемых женского пола и несовершеннолетних. Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС содержат 34 права подозреваемых и обвиняемых, что более чем в два раза превышает их количество, закрепленное в анализируемом федеральном законе. Подобный подход законодателя может быть объяснен тем, что в законе содержатся лишь отдельные, основные права подозреваемых и обвиняемых, часто носящие конституционный характер. В ПВР СИЗО УИС предложен исчерпывающий перечень всех прав подозреваемых и обвиняемых, обусловленных, в том числе ситуативными особенностями функционирования данных учреждений УИС на базе уголовно-исполнительного и процессуального законов, а также индивидуальными особенностями лиц, содержащимися под стражей. Цифровой трансформацией, активно внедряемой в деятельность изоляторов. Применением современных информационных технологий, электронных и технических ресурсов. Безусловно, администрация и должностные лица изоляторов должны учитывать все особенности и нюансы реализации прав подозреваемых и обвиняемых с использованием ПВР СИЗО УИС. Правила конкретизируют и детализируют права подозреваемых и обвиняемых, делают акценты на актуальных организационных деталях и особенностях реализации конкретного права. Перспективным и релевантным инструментом соблюдения прав лиц, заключенных под стражу выступает прокурорский надзор.

Ключевые слова: права подозреваемых и обвиняемых, законодательные и ведомственные правовые акты, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, администрация учреждений, сотрудники.

THE RIGHTS OF PERSONS CONTAINED IN CUSTODY IN THE LIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW “ON THE CONTAINMENT OF SUSPECTS AND ACCUSED OF COMMITTING CRIMES” 1995 NO. 103-FZ AND THE INTERNAL REGULATIONS OF INVESTIGATIVE ISOLATORS OF THE CRIMINAL EXECUTION SYSTEM (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Annotation. *The purpose of the study is to examine the legal and organizational issues of respect for the rights of persons in custody in light of the implementation of Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995, “On the Detention of Suspects and Accused of Crimes,” and the Internal Regulations of Detention Centers of the Penitentiary System of the Russian Federation in 2022. To carry it out, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and particular scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, with the help of which the rights of suspects and accused persons detained in pre-trial detention centers of the penal system were examined, and legislative and departmental legal acts were analyzed. The set of rights and obligations of persons detained in pre-trial detention centers of the penal system determines their legal status and ensures compliance with the law during their detention in these institutions. The legal framework governing the rights of suspects and accused persons in pre-trial detention centers includes legislative and departmental legal acts related to the execution of criminal penalties, detention, and criminal proceedings. Federal Law No. 103-FZ of 1995 outlines 15 rights for individuals held in pre-trial detention centers, which must be implemented by their administration and officials, as well as additional rights for female suspects and accused persons and minors. The internal regulations of the UIS detention centers contain 34 rights of suspects and accused, which is more than twice the number of rights specified in the analyzed federal law. This approach by the legislator can be explained by the fact that the law contains only certain basic rights of suspects and accused, which are often of a constitutional nature. The PVR of the SIZO of the UIS provides an exhaustive list of all the rights of suspects and accused, which are determined, among other things, by the situational features of the functioning of these UIS institutions based on the criminal executive and procedural laws, as well as by the individual characteristics of the detainees. The digital transformation that is being actively implemented in the activities of the SIZO. The use of modern information technologies, electronic resources, and technical resources. Of course, the administration and officials of the SIZO must take into account all the features and nuances of the implementation of the rights of suspects and accused using the PVR of the SIZO of the UIS. The rules specify and detail the rights of suspects and accused, and focus on relevant organizational details and specifics of the implementation of a particular right. Prosecutor’s supervision is a promising and relevant tool for observing the rights of persons in custody.*

Key words: *rights of suspects and accused, legislative and departmental legal acts, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, administration of institutions, employees.*

Введение. Совокупность прав и обязанностей лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) определяет их правовой статус, обеспечивает соблюдение законности при их содержании в указанных учреждениях.

Нормативно-правовую базу, регулиющую права подозреваемых и обвиняемых, находящихся в СИЗО составляют:

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, как фундаментальный уголов-

но-исполнительный закон, определяющий правоотношения при исполнении уголовных наказаний [1];

Статьи 46-47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующие права подозреваемых и обвиняемых в уголовном судопроизводстве [2];

Глава 2 (статьи 17-31) Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ, регламентирующая обе-

спечение прав подозреваемых и обвиняемых в контексте применения принципов содержания лиц под стражей [3, с. 198-204];

Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС (далее ПВР), утвержденные Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110, определившие правовые механизмы реализации прав подозреваемых и обвиняемых в контексте осуществления в изоляторах правоохранительной и правозащитной деятельности [4, с. 229-235].

Осуществленный теоретико-правовой анализ показал, что ФЗ 1995 г. № 103 и ПВР СИЗО УИС содержат подробное изложение прав подозреваемых и обвиняемых. Вместе с тем, ведомственный правовой акт – Приказ Минюста России 2022 г. № 110, утвердивший ПВР СИЗО УИС регламентирует более расширенный перечень прав указанных лиц. Сложившаяся правовая ситуация нуждается в специальном комплексном научном изучении и сравнительно-правовом анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных вопросов соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей в свете реализации Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ и Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 2022 г. применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, с помощью которых рассматривались права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, анализировались законодательный и ведомственный правовые акты.

Основные результаты. Материалы исследования показывают, что ФЗ 1995 г. № 103 указывает на 15 прав лиц, содержащихся в СИЗО УИС, которые должны реализовываться их администрацией и должностными лицами, а также дополнительные права, предусмотренные для подозреваемых и обвиняемых женского пола и несовершеннолетних.

К основным закон относит следующие права на:

- получение компенсации подозреваемыми и обвиняемыми за нарушение условий их содержания под стражей [5];
- свидания с родственниками, защитниками и иными лицами с учетом положений национального уголовно-процессуального закона [6, с. 53-59];

- проведение беседы с членами общественной наблюдательной комиссии на основе федерального законодательства об общественном контроле за местами принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [7, с. 389-393];
- обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания подозреваемых и обвиняемых;
- обеспечение личной безопасности подозреваемых и обвиняемых, наряду с другими субъектами пенитенциарной безопасности [8, с. 234-239];
- переписку подозреваемых и обвиняемых;
- направление предложений, заявлений и жалоб;
- питание, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, в том числе с использованием современных цифровых и информационных технологий, терминалов и приложений [9];
- материально-бытовое обеспечение подозреваемых и обвиняемых;
- медико-санитарное обеспечение подозреваемых и обвиняемых;
- получение посылок, передач и денежных переводов;
- получение подозреваемыми и обвиняемыми дополнительных платных услуг;
- привлечение к труду подозреваемых и обвиняемых в условиях СИЗО УИС [10, с. 270-274];
- обеспечение участия подозреваемых и обвиняемых в следственных действиях и судебных заседаниях;
- участие подозреваемых и обвиняемых в гражданско-правовых сделках (подача гражданско-правовых исков, дарении и вступлении в наследство, заключении и расторжении брака и др.) [11, с.158-164].

Таким образом, Федеральный закон 1995 г. № 103-ФЗ закрепил основные права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО УИС. Вместе с тем, Минюстом России на протяжении 30 лет принимались и обновлялись ведомственные правовые акты – ПВР СИЗО, содержащие более детальную фиксацию многочисленных прав указанных лиц. Так, утвержденные в 2022 году Приказом Министерства юстиции РФ, существенно обновленные и дополненные ПВР СИЗО УИС, согласованные с Генпрокуратурой России, содержат 34 права подозреваемых и обвиняемых, что более чем в два раза превышает их количество, закрепленное в анализируемом федеральном законе. Подобный подход законодателя может быть объяснен тем, что в законе

содержатся лишь отдельные, основные права подозреваемых и обвиняемых, часто носящие конституционный характер. В ПВР СИЗО УИС предложен исчерпывающий перечень всех прав подозреваемых и обвиняемых, обусловленных, в том числе ситуативными особенностями функционирования данных учреждений УИС на базе уголовно-исполнительного и процессуального законов, а также индивидуальными особенностями лиц, содержащимися под стражей. Цифровой трансформацией, активно внедряемой в деятельность изоляторов [12, с. 13-17]. Применением современных информационных технологий, электронных и технических ресурсов [13, с. 19-24]. Безусловно, администрация и должностные лица изоляторов должны учитывать все особенности и нюансы реализации прав подозреваемых и обвиняемых с использованием ПВР СИЗО УИС, которые являются так называемой «настойной книгой» для сотрудников служб и подразделений изоляторов.

К правам подозреваемых и обвиняемых, регламентированных в разделе 2, пунктах 5.1-5.33 и 6 ПВР СИЗО УИС, относятся:

- получение от администрации СИЗО информации о своих правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб [14];
- поддержание связи с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Российской Федерации при отсутствии у подозреваемых и обвиняемых гражданства РФ;
- личную безопасность подозреваемых и обвиняемых;
- обращение с просьбой о личном приеме к начальнику СИЗО или лицу, его замещающему;
- на свидания с защитником, нотариусом, родственниками и иными лицами, перечисленными в статье 18 Федерального закона № 103-ФЗ;
- хранение при себе документы и записи, относящиеся к головному делу, либо касающиеся вопросов реализации своих прав и законных интересов [15, с. 271-275];
- обращение с предложениями, заявлениями и жалобами, в том числе с использованием информационных терминалов, предусматривающих систему идентификации пользователя;
- ведение переписки (в том числе в электронном виде при наличии технической возможности) и использования письменных принадлежностей;
- получение бесплатного питания, материально-бытового и медико-санитарного обеспечения, в том числе в период участия в следственных действиях и судебных заседаниях [16, с. 136-138];
- запрашивание и получение выписок и копий медицинского обслуживания подозреваемых и обвиняемых;
- восьмичасовой сон в ночное время, в течение которого запрещается привлечение подозреваемых и обвиняемых к участию в процессуальных и иных действиях;
- ежедневную прогулку продолжительностью не менее одного часа;
- использование собственных постельных принадлежностей, хранение предметов (первой необходимости), вещей (обуви, одежды и других промышленных товаров) и продуктов питания общим весом не более 50 кг., разрешенных к обращению в СИЗО, иметь при себе, хранить и получать в посылках и передачах, приобретать по безналичному расчету и пользоваться ими;
- нахождение на спальном месте в неотведенное для сна время, не расправляя спальное место;
- пользование литературой и изданиями периодической печати из библиотеки СИЗО, либо приобретенными через администрацию изолятора;
- получение посылок, передач;
- получение в посылках и передачах лекарственные препараты и медицинские изделия при наличии подтвержденных лечащим врачом (фельдшером) медицинской организации УИС медицинских показаний по их приему;
- заключение или расторжение брака, участие в иных семейно-бытовых отношениях, а также участие в гражданско-правовых сделках в соответствии со статьей 29 Федерального закона № 103-ФЗ;
- получение психологической помощи, оказываемой психологом СИЗО с согласия подозреваемого или обвиняемого [17, с. 9-12];
- занятие самообразованием и пользование специальной литературой;
- получение начального общего, основного общего и среднего общего образования в форме самообразования (для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых), пользоваться для этого учебной литературой;
- получение доступа к образовательным программам в информационно-коммуникационной сети «Интернет» при наличии технической возможности и с учетом установленных в СИЗО режимных требований, под контролем администрации изолятора;

- подписка на газеты и журналы и их получение;
- приобретение по безналичному расчету продуктов питания и предметов первой необходимости, других промышленных товаров;
- получение от администрации СИЗО при необходимости одежды и обуви по сезону, разрешенную к ношению в местах содержания под стражей;
- получение разрешения на платные телефонные переговоры при наличии технических возможностей и под контролем администрации СИЗО с разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда;
- трудиться и получать за свой труд соответствующее вознаграждение при наличии условий труда на территории СИЗО;
- получение бесплатной юридической помощи в соответствии с Федеральным законом 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;
- пользование информационными терминалами в местах, определяемых администрацией СИЗО;
- наличие при себе технических устройств для чтения электронных книг без функции аудио-, видеозаписи и видео воспроизведения и функции выхода в информационно-телекоммуникационную систему «Интернет»;
- выполнение физических упражнений при проведении ежедневных прогулок, занятие спортом в специально оборудованных местах в порядке оказания подозреваемым и обвиняемым дополнительных платных услуг (при наличии возможности);
- подача через администрацию СИЗО заявления о выдаче (замене) паспорта гражданина Российской Федерации;
- гарантирование подозреваемым и обвиняемым свободы совести и свободы вероисповедания.

Таким образом, ПВР СИЗО УИС конкретизируют и детализируют права подозреваемых и обвиняемых, делают акценты на актуальных организационных деталях и особенностях реализации конкретного права.

Перспективным и релевантным инструментом соблюдения прав лиц, заключенных под стражу выступает прокурорский надзор [18]. Осуществляемый специализированным Управлением по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний и старшими помощниками прокуроров субъектов федерации на системной, плановой основе [19, с. 6-8].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Совокупность прав и обязанностей лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы определяет их правовой статус, обеспечивает соблюдение законности при их содержании в указанных учреждениях. Нормативно-правовую базу, регулиющую права подозреваемых и обвиняемых, находящихся в СИЗО составляют законодательные и ведомственные правовые акты в сфере исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей и уголовного судопроизводства.

Федеральный закон 1995 г. № 103-ФЗ указывает на 15 прав лиц, содержащихся в СИЗО УИС, которые должны реализовываться их администрацией и должностными лицами, а также дополнительные права, предусмотренные для подозреваемых и обвиняемых женского пола и несовершеннолетних.

Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС содержат 34 права подозреваемых и обви-

няемых, что более чем в два раза превышает их количество, закрепленное в анализируемом федеральном законе. Подобный подход законодателя может быть объяснен тем, что в законе содержатся лишь отдельные, основные права подозреваемых и обвиняемых, часто носящие конституционный характер. В ПВР СИЗО УИС предложен исчерпывающий перечень всех прав подозреваемых и обвиняемых, обусловленных, в том числе ситуативными особенностями функционирования данных учреждений УИС на базе уголовно-исполнительного и процессуального законов, а также индивидуальными особенностями лиц, содержащимися под стражей. Цифровой трансформацией, активно внедряемой в деятельность изоляторов. Применением современных информационных технологий, электронных и технических ресурсов. Безусловно, администрация и должностные лица изоляторов должны учитывать все особенности и нюансы реализации прав подозреваемых и обвиняемых с использованием ПВР СИЗО УИС.

ПВР СИЗО УИС конкретизируют и детализируют права подозреваемых и обвиняемых, делают акценты на актуальных организационных деталях и особенностях реализации конкретного права. Перспективным и релевантным инструментом соблюдения прав лиц, заключенных под стражу выступает прокурорский надзор.

Список литературы:

- [1] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.
- [2] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.
- [3] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.
- [4] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.
- [5] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 26.03.2026).

[6] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Организационно-правовые и психологические вопросы реализации права подозреваемых и обвиняемых на свидания с адвокатом, родственниками и иными лицами // *Право и управление*. 2025. № 6. С. 53-59.

[7] Ковалев О.Г. Общественный контроль за обеспечением прав лиц, заключенных под стражу и осужденных: современное состояние и перспективы // *Образование и право*. 2024. № 8. С. 389-393.

[8] Ковалев О.Г. Реализация права подозреваемых и обвиняемых на личную безопасность в местах содержания под стражей // *Российский научный вестник*. 2025. № 2. С. 234-239.

[9] Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (под ред. Г.С. Мановой. М. 2011.

[10] Ковалев О.Г. Правовые и психологические вопросы привлечения подозреваемых и обвиняемых к труду // *Право и управление*. 2026. № 1. С. 270-274.

[11] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Государственная регистрация заключения и расторжения брака с лицами, содержащимися в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовые и социально-психологические аспекты // *Международный научный вестник*. 2025. № 6. С. 158-164.

[12] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2023. № 4. С. 13-17.

[13] Ковалев О.Г. Мельникова О.В. Информационные вызовы современного государства и общества и пути их преодоления уголовно-исполнительной системой России // *Вестник Владимирского юридического института*. 2025. № 3 (76). С. 19-24.

[14] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // *Garant.ru* (дата обращения 26.03.2026).

[15] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. К вопросу обеспечения права подозреваемых и обвиняемых на хранение документов и записей, относящихся к уголовному делу // *Российский научный вестник*. 2025. № 5. С. 271-275.

[16] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы соблюдения закон-

ности при содержании лиц, заключенных под стражу // *Журнал прикладных исследований*. 2024. № 7. С. 136-139.

[17] Ковалев О.Г. Реализация права подозреваемых (обвиняемых) и осужденных на получение психологической помощи: теоретико-правовой анализ // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2025. № 3 С. 9-12.

[18] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бесарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[19] Ковалев О.Г., Карпов А.А., Зайцева С.И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2023. № 3. С. 6-8.

References:

[1] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (by Article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhлина A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[2] Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (by Article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[3] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of Detention and Their Impact on Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Suspects and Defendants (Comparative Legal Analysis) // *International Scientific Bulletin*. 2025. No. 11. Pp. 198-204.

[4] Kovalev O.G. The Role of the Internal Regulations of Detention Centers in Law Enforcement and Human Rights Activities Implemented in Places of Detention // *International Scientific Bulletin*. 2025. No. 11. Pp. 229-235.

[5] Federal Law "On the Detention of Suspects and Accused of Crimes" dated July 15, 1995, No. 103-FZ // *Consultant.ru* (accessed on March 26, 2026).

[6] Kovalev O.G. and Semenova N.V. Organizational, Legal, and Psychological Issues of the Right of Suspects and Accused to Meet with Lawyers, Relatives, and Other Persons // *Law and Management*. 2025. No. 6. Pp. 53-59.

[7] Kovalev O.G. Public control over ensuring the rights of persons detained and convicted: cu

rent state and prospects // Education and Law. 2024. No. 8. Pp. 389-393.

[8] Kovalev O.G. Implementation of the right of suspects and accused to personal safety in places of detention // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. Pp. 234-239.

[9] Kuzmin V.A. Commentary on Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On Detention of Suspects and Accused of Crimes" (ed. by G.S. Manova. Moscow, 2011.

[10] Kovalev O.G. Legal and Psychological Issues of Engaging Suspects and Accused in Labor // Law and Management. 2026. No. 1. Pp. 270-274.

[11] Kovalev O.G., Semyonova N.V. State Registration of Marriage and Divorce with Persons Detained in Investigative Prisons of the Penitentiary System: Organizational, Legal, and Socio-Psychological Aspects // International Scientific Bulletin. 2025. No. 6. Pp. 158-164.

[12] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the Implementation of Digital Transformation in the Penal System at the Present Stage of Its Development // Penal System: Law, Economics, Management. 2023. No. 4. Pp. 13-17.

[13] Kovalev O.G. Melnikova O.V. Information Challenges of the Modern State and Society and Ways to Overcome Them by the Russian Penal System // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2025. No. 3 (76). Pp. 19-24.

[14] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 dated July 4, 2022 "On Approval of the Rules of Internal Regulations for Detention Centers of the Penitentiary System, the Rules of Internal Regulations for Correctional Facili-

ties, and the Rules of Internal Regulations for Correctional Centers of the Penitentiary System" // Garant.ru (accessed on March 26, 2026).

[15] Kovalev O.G., Semenova N.V. On the Issue of Ensuring the Right of Suspects and Defendants to Keep Documents and Records Related to a Criminal Case // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 5. Pp. 271-275.

[16] Kovalev O.G., Semyonova N.V. Legal and psychological issues of compliance with the law when detaining persons in custody // Journal of Applied Research. 2024. No. 7. Pp. 136-139.

[17] Kovalev, O.G. Realization of the Right of Suspects (Defendants) and Convicts to Receive Psychological Assistance: A Theoretical and Legal Analysis. Criminal Executive System: Law, Economics, Management, 2025, No. 3, pp. 9-12.

[18] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical Guide / Ser. 9 Professional Practice, (5th ed., translated and expanded) Moscow 2018. 481 p.

[19] Kovalev O.G., Karpov A.A., Zaitseva S.I. Modern Problems of Implementation and Improvement of Prosecutor's Supervision over the Legality of Execution of Criminal Punishments, Compliance with the Rights and Legitimate Interests of Persons Detained in Custody // Criminal Executive System: Law, Economics, Management. 2023. No. 3. Pp. 6-8.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-423-426

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ТЕУВАЖЕВ Заур Анисович,
преподаватель кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

БОКОВА Ирина Борисовна,
старший преподаватель кафедры административного права и
административной ответственности органов внутренних дел
Омской академии МВД России, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу текущего состояния правового регулирования использования средств индивидуальной мобильности (СИМ) и концепции опасного вождения в Российской Федерации, а также вопросов административной ответственности за связанные с ними правонарушения. Рассматриваются нововведения в Правила дорожного движения РФ, вступившие в силу в 2023 году, регулирующие статус СИМ, а также дискуссии вокруг законодательного закрепления административной ответственности за опасное вождение. Выявляются пробелы и коллизии действующего законодательства, анализируются проблемы правоприменения и предлагаются направления дальнейшего совершенствования административно-деликтного законодательства для обеспечения безопасности дорожного движения в условиях его трансформации. Настоящая статья ставит целью провести комплексный анализ современного состояния законодательства, регулирующего использование СИМ и опасное вождение, выявить ключевые проблемы правоприменения и предложить пути их решения.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, электросамокат, привлечение к административной ответственности, административное правонарушение, безопасность дорожного движения.

TEUVAZEV Zaur Anisovich,
Lecturer, Department of Activities of Internal
Affairs Agencies in Special Conditions,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

BOKOVA Irina Borisovna,
Senior Lecturer, Department of Administrative
Law and Administrative Responsibility of Internal Affairs Agencies,
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

SPECIFICS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY IN THE FIELD OF PERSONAL MOBILITY DEVICE USE

Annotation. This article analyzes the current state of legal regulation of personal mobility devices (PMDs) and the concept of dangerous driving in the Russian Federation, as well as issues of administrative liability for related offenses. It examines the amendments to the Russian Federation Traffic Regulations, which came into force in 2023 and regulate the status of PMDs, as well as the debate surrounding the legislative codification of administrative liability for dangerous driving. Gaps and conflicts in current legislation are identified, enforcement issues are analyzed, and areas for further improvement of administrative-tort legislation are proposed to ensure road safety in the context of its transformation. This article aims to conduct a comprehensive analysis of the current state of legislation regulating the use of personal mobility devices and dangerous driving, identify key enforcement issues, and propose solutions.

Key words: personal mobility devices, electric scooters, administrative liability, administrative offense, road safety.

Безопасность дорожного движения является одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации. Современный этап развития дорожно-транспортной системы характеризуется появлением новых участников движения и усложнением взаимодействия между ними. В частности, широкое распространение получили средства индивидуальной мобильности (СИМ), такие как электросамокаты, моноколеса, гироскутеры, представляющие собой удобный, но в то же время потенциально опасный вид транспорта. Параллельно с этим, острой проблемой остается агрессивное и рискованное поведение участников дорожного движения, получившее наименование «опасное вождение». Необходимость адекватного правового регулирования этих явлений и установления эффективных мер административной ответственности является императивом для минимизации рисков дорожно-транспортных происшествий и обеспечения комфортной и безопасной среды для всех участников движения.

Массовое появление СИМ на улицах российских городов в начале 2020-х годов выявило серьезный пробел в действующем законодательстве. Отсутствие четкого правового статуса таких устройств порождало конфликты между пешеходами, водителями и пользователями СИМ, приводило к росту травматизма и ДТП.

Значимым шагом стало Постановление Правительства РФ от 06.10.2022 № 1769, которое внесло изменения в Правила дорожного движения (ПДД) РФ, вступившие в силу с 1 марта 2023 года. Эти изменения определили: понятие СИМ: «транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов) и предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей)» (ПДД, п. 1.2). Тут важно отметить, что к СИМ не относятся инвалидные коляски и велосипеды. Указанным нормативно-правовым актом установлены права и обязанности пользователей СИМ, а также определены и возрастные ограничения для движения по проезжей части – с 14 лет.

Вместе с тем, несмотря на детальное регламентирование статуса СИМ в ПДД, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) до сих пор не содержит отдельной главы или статей, специально посвященных ответственности за нарушения правил эксплуатации СИМ. Это порождает значительные трудности в правоприменении. В настоящее время правонарушения, совершаемые пользователями СИМ, квалифицируются преимущественно по следующим статьям КоАП РФ: ст. 12.29 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным лицом, участвующим в процессе дорожного движения», ст. 12.30 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения, повлекшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего» [1].

Таким образом, отсутствие прямого указания на СИМ в статьях КоАП РФ создает сложности в квалификации правонарушений и приводит к разрозненной судебной практике.

Основная трудность в судах — это определение, к какой категории участников дорожного движения отнести пользователя СИМ, совершившего нарушение.

Чаще всего суды применяют эту норму, когда пользователь СИМ двигался по тротуару, пешеходной или велопешеходной дорожке, нарушая приоритет пешеходов, или создавая им помехи. Мотивировка суда сводится к тому, что на этих участках СИМ приравнивается к пешеходу в части выполнения ПДД.

В качестве примера можно привести решение одного из районных судов г. Москвы, где пользователь электросамоката, ехавший по тротуару со скоростью, явно превышающей скорость пешеходов, и сбивший пешехода, был привлечен по ст. 12.29 ч. 1 КоАП РФ. Суд посчитал, что он нарушил п. 24.6 ПДД РФ, предписывающий двигаться со скоростью, не превышающей скорость пешеходов, при движении по тротуару.

Согласно ПДД, СИМ массой более 35 кг разрешается движение только по правому краю проезжей части (при определенных условиях). В судебной практике не всегда четко отслеживается этот критерий. Пользователи тяжелых и мощных электросамокатов, которые фактически являются мопедами, но не регистрируются как таковые, нередко привлекаются по тем же статьям, что и легкие устройства. Это создает правовую неопределенность и вопросы соразмерности ответственности.

В случаях, когда в результате нарушения правил пользователем СИМ был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью потерпевшего судами применяется ст. 12.30 ч. 2 КоАП РФ. Однако и здесь возникают сложности с доказыванием причинно-следственной связи между действиями пользователя СИМ и полученными травмами. Требуется медицинское заключение. Нередко возникают вопросы о размере компенсации морального и материального вреда, которые рассматриваются уже в рамках гражданского судопроизводства, но основываются на постановлении по административному делу.

Существующие размеры штрафов для пользователей СИМ, совершающих серьезные нарушения (например, выезд на проезжую часть в состоянии опьянения или создание аварийной ситуации), воспринимаются как недостаточные, что препятствует формированию ответственного поведения. Идентификация нарушителя, особенно при использовании шеринговых сервисов, и фиксация нарушения в движении представляют собой значительные трудности для сотрудников Государственной инспекции по безопасности дорожного движения (ГИБДД). В Государственной Думе РФ неоднократно обсуждались инициативы по дополнению КоАП РФ отдельными нормами, предусматривающими ответственность за конкретные нарушения правил использования СИМ, например, за превышение скорости, движение в запрещенных местах, движение в состоянии опьянения с более высокими штрафами. Ожидается, что с дальнейшим развитием данного вида транспорта и ростом проблем, эти инициативы обретут законодательное закрепление.

Понятие «опасное вождение» было введено в Правила дорожного движения РФ Постановлением Правительства РФ от 24.05.2016 № 477. [2] Согласно этому постановлению, опасное вождение – это неоднократное совершение одного или совершения нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся в: невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения; перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты (кроме случаев поворота налево

или направо, разворота, остановки или объезда препятствия); несоблюдении безопасной дистанции до впереди идущего транспортного средства; несоблюдении бокового интервала; резком торможении, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия; препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание угрозы гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или иного материального ущерба.

Несмотря на наличие четкого определения опасного вождения в ПДД с 2016 года, КоАП РФ до сих пор не содержит специальной статьи, предусматривающей административную ответственность непосредственно за опасное вождение. Правоприменительная практика вынуждена квалифицировать действия водителей, подпадающие под определение опасного вождения, по другим, «составным» статьям КоАП РФ, таким как: ст. 12.15 КоАП РФ «Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона» (например, ч. 1, ч. 4); ст. 12.14 КоАП РФ «Нарушение правил маневрирования» (например, ч. 3); ст. 12.5 КоАП РФ (за управление ТС с неисправностями, которые могли быть следствием агрессивного вождения); ст. 12.7 КоАП РФ (управление ТС, не имеющим права управления). Такой подход затрудняет эффективное противодействие опасному вождению, поскольку он не позволяет в полной мере учесть системность и комплексность агрессивного поведения водителя. Каждая из вышеперечисленных статей предусматривает ответственность за отдельные элементы опасного вождения, но не за сам феномен как совокупность действий.

С момента введения понятия в ПДД, неоднократно поднимался вопрос о введении отдельной статьи в КоАП РФ за опасное вождение [3]. Основные аргументы «за» законодательного закрепления подобной нормы включают: выделение специального состава, который позволил бы более точно квалифицировать правонарушения, а также повысил эффективность борьбы с агрессивным поведением на дорогах. Кроме того, сдерживающее воздействие на правонарушителей могло бы оказать установление более строгой и специфической ответственности.

Опасное вождение является одной из причин тяжких ДТП и создает повышенную угрозу для всех участников движения. При этом необходимо признать факт наличия сложностей, препятствующих принятию такой статьи. Такими факторами могут быть - наличие сложности в объективной фиксации «неоднократности» действий, «резкого торможения, если такое торможение не требуется», или «препятствования

обгону»; колоссальная нагрузка на правоохранительные органы вследствие необходимости проведения экспертной оценки для каждого случая ДТП с участием СИМ.[4] При этом, несмотря на возможные трудности, работа над законопроектами продолжается, и есть основания полагать, что в ближайшие годы вопрос о введении специализированной нормы в КоАП РФ может быть решен.

Подводя итог изучению настоящей темы, можно сделать вывод о том, что появление новых типов СИМ и средств фиксации правонарушений требует постоянного мониторинга и адаптации законодательства. Как для опасного вождения, так и для СИМ, основной проблемой остается надежная фиксация правонарушения.

Помимо законодательных мер, ключевую роль играет формирование ответственной культуры поведения всех участников дорожного движения через профилактику, образование и пропаганду безопасности.

На современном этапе развития законодательства понятие «опасное вождение» относится исключительно к водителям механических транспортных средств. Однако агрессивное и рискованное поведение пользователей СИМ по своему содержанию схоже с опасным вождением и представляет не меньшую угрозу.

Исследование текущего правового статуса средств индивидуальной мобильности (СИМ) и концепции опасного вождения в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд заключений. Во-первых, внедрение понятия СИМ в Правила дорожного движения и установление правил их эксплуатации является своевременным и обоснованным шагом, направленным на устранение хаотичности дорожного движения. Тем не менее, отсутствие специфических норм административной ответственности в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации за нарушения, связанные с СИМ, значительно снижает результативность принятых мер и порождает затруднения для органов правоприменения. Во-вторых, наличие дефиниции «опасного вождения» в ПДД РФ на протяжении многих лет при отсутствии соответствующей статьи в КоАП РФ свидетельствует о неразрешенности одной из ключевых проблем обеспечения дорожной безопасности. Актуальной остается необходимость прямого законодательного закрепления административной ответственности за опасное вождение. При этом критически важно проработать механизм доказывания, объективизации критериев и четкого разграничения с уже существующими составами правонаруше-

ний. В-третьих, оба рассмотренных феномена – распространение использования СИМ и проблема опасного вождения – требуют всестороннего подхода, включающего не только законодательные новации, но и интенсификацию профилактической деятельности, образовательных инициатив и развитие передовых систем фиксации правонарушений. Лишь такой интегрированный подход позволит гарантировать реальное повышение безопасности дорожного движения.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] Постановление Правительства РФ от 24.05.2016 № 477 «О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 22. Ст. 3203.

[3] Постановление Правительства РФ от 06.10.2022 № 1769 «О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 7096.

[4] Майоров В.И. Проблемы квалификации административных правонарушений в сфере дорожного движения, совершаемых водителями и пешеходами // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 98-103.

References:

[1] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (rev. dated 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 24.05.2016 No. 477 “On Amending the Rules of the Road of the Russian Federation” //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 22. Art. 3203.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 06.10.2022 No. 1769 “On Amendments to the Rules of the Road of the Russian Federation” //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 41. Art. 7096.

[4] Mayorov V.I. Problems of qualification of administrative offenses in the field of road traffic committed by drivers and pedestrians//Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. 2023. T. 23, NO. 4. S. 98-103.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-427-433

ПЕЧНИКОВ Геннадий Алексеевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС
в ОВД Волгоградская академия МВД России,
e-mail: shmel82@list.ru

БЛИНКОВ Александр Павлович,

кандидат юридических наук, заместитель директора,
Государственное автономное учреждение
Волгоградской области «МОЙ БИЗНЕС»,
e-mail: a_blinkov@volganet.ru

О ЗАПРЕТЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Аннотация. В статье критикуется позиция, идеализирующая формальную логику как единственный закон правильного мышления с её запретом противоречия, тогда как диалектическая логика рассматривается лишь как раздел формальной. Это стремление лишить диалектику (диалектическую логику и диалектическое противоречие) самостоятельного существования — и как объективной закономерности, и как науки о мышлении. Формально-логическому закону непротиворечия противопоставляется диалектическое противоречие как универсальная закономерность природы и мышления. Именно диалектическое противоречие — источник движения, развития, жизненности; полярные противоположности диалектически взаимосвязаны и переходят друг в друга (тождество противоположностей). Для диалектики «форма существенна, сущность формирована». В относительном есть абсолютное. Формальная логика сохраняет действие в известных пределах — в пределах тавтологического закона тождества «А=А» (форма для формы). Диалектика неразрывно связана с объективной истиной, тогда как для формальной логики правильность зависит только от формы, поэтому понятие истины в ней не фигурирует. В своей основе мир устроен по закону диалектического противоречия, и не учитывать этого нельзя ни в теории, ни в практике.

Ключевые слова: формальная логика, логическое противоречие, объективная истина, диалектическая логика, наука.

PECHNIKOV Gennady Alekseevich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex
for Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BLINKOV Alexander Pavlovich,

Candidate of Law (PhD in Law),
Deputy Director, State Autonomous Institution
of the Volgograd Region "MY BUSINESS"

ON THE PROHIBITION OF CONTRADICTION IN FORMAL LOGIC AND DIALECTICAL CONTRADICTION

Annotation. The article criticizes the position that idealizes formal logic as the only law of correct thinking with its prohibition of contradiction, while dialectical logic is considered merely as a fragment or section of formal logic. This is seen as an attempt to deprive dialectics (dialectical logic and dialectical

contradiction) of independent existence — both as an objective regularity and as an independent science of thinking. The formal-logical law of non-contradiction is contrasted with dialectical contradiction as a universal regularity inherent in the natural world and human thinking. Dialectical contradiction is the source of movement, development, and vitality; polar opposites are dialectically interconnected and can transform into each other (the identity of opposites). For dialectics, “form is essential, essence is formed.” The absolute exists within the relative. Formal logic retains its effect within certain limits — within the limits of the tautological law of identity “A=A” (form for form’s sake). Dialectics is inseparably linked with objective truth, whereas for formal logic, the correctness of thinking depends only on form, therefore the concept of truth does not appear in it. At its core, the world is structured according to the law of dialectical contradiction, and this cannot be ignored either in theory or in practice.

Key words: *formal logic, logical contradiction, objective truth, dialectical logic, science.*

Для нас диалектическая аксиома движения выражается так: «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» [2, с. 231].

Диалектика вообще, как объективная закономерность есть единство и борьба противоположностей — источник движения, развития, жизненности. Однако, далеко не все признают материалистическую диалектику и, тем самым, отрицают ее. Так, известный ученый, строгий приверженец формальной логики А.А. Ивин разбирает формально-логически такой характерный пример о движении: «... Двигаться,— пишет Гегель в своей «Истории философии» — означает быть в данном месте, и в то же время не быть в нем — следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение ...»[3, с. 241].

А.А. Ивин не приемлет диалектику Гегеля и возражает: «Два утверждения: «Тело находится в данном месте» и «Тело не находится в данном месте» — составляют логическое противоречие в стандартном смысле. Стандартный логический закон противоречия говорит, что одно из этих высказываний является ложным. Принять оба эти высказывания, значит принять ложное высказывание и выдавать его за истинное». [7, с.73].

Делая такое вывод, А.А. Ивин безусловно прав, как ученый, исходящий из законов формальной логики, которая оперирует готовыми, неподвижными понятиями и дальше этого не идет. В таком случае здесь действительно формально-логическая ошибка, нарушающая логический закон противоречия, согласно которому два взаимоисключающих суждения не могут быть одновременно истинными — одно из них непременно ложно.

Но то, что ошибочно для формальной логики совсем не ошибочно для диалектики (диалектической логики). Ведь, в мире все подвижно, все

находится в движении. И нельзя движение (а это процесс) пытаться обозначить неподвижными категориями. Состояние покоя (из которого исходит А.А. Ивин) это всего лишь момент (один из моментов) движения. А момент движения не в состоянии охватить все движение, процесс движения. Движение не сводится к покою, поскольку оно есть движение.

А.А. Ивин к реально существующему диалектическому противоречию (а движение и есть диалектическое противоречие) стремится подойти с позиции формально-логического закона противоречия, суть которого состоит в запрете противоречия. Тем самым, он пытается подстроить диалектику, диалектическое противоречие под формальную логику, запрещающую противоречие как таковое. Спрашивается, допустимо ли к диалектике (диалектической логике) подходить с мерками формальной логики, поскольку это совершенно разные логики. Мы останавливаем движение, если изображаем его как сумму состояний покоя. Движение вовсе не есть сумма неподвижных точек. Как говорят математики, континуум, то есть нечто непрерывное. В континууме каждая его точка исчезает в тот самый момент, в который она появляется. В этом процессе состоит, проявляет себя глубочайшая диалектика.

Фактически наше мышление (и в этом его особенность) связанные в действительности моменты предмета рассматривает в их разделении друг от друга. Поэтому и движение мы не можем представить, изобразить, не упростив, не огрубив его, не прервав непрерывного, оперируем при этом готовыми застывшими понятиями.

Но в этом и суть диалектики (единства противоположностей). Двигаться означает быть в данном месте, и в тоже время не быть в нем (диалектическое противоречие).

Как видится, для А.А. Ивина существует лишь одна формальная логика, которая является «мерой всех вещей», и какой-либо иной логики, кардинально отличной от формальной логики, нет и быть не может. В этом плане вовсе не слу-

чайно утверждение А.А. Ивина о том, что «Логика Гегеля», открытая средневековыми философами, является одним из фрагментов формальной логики [7, с.77].

Выходит, диалектическая формула: единство, тождество противоположностей для А.А. Ивина — это формально логическая ошибка.

Всем известно выражение: количество переходит в качество и наоборот, соответственно, то есть, противоположности переходят, превращаются она в другую (в этом их диалектика), что всегда подтверждается практикой. Или возьмем для примера и такую пару противоположностей как случайность и закономерность. Их диалектическая взаимосвязь (взаимопереходы) выражаются так: «Все закономерности случаются, а случайности закономерны». Диалектика говорит, что положительное не может существовать без негативного и *vice versa*. Нельзя мыслить субъекта без объекта. Таких примеров на диалектику множество. Разве это не доказывает действительного существования диалектики, диалектического противоречия как объективной закономерности, как источника самодвижения, развития.

Как представляется формальная логика и диалектика (диалектическая логика) являют между собой диалектические противоположности. «Раздвоение единого и познания противоречивых частей его... есть с у т ь... диалектики» [2, с. 316].

Если, как А.А. Ивин, идеализировать формальную логику, считать ее единственным законом мышления и тем самым, отрицать диалектику (диалектическую логику) как нечто самостоятельное, принципиально отличное от формальной логики, тогда действительно формальная логика абсолютна (абсолютен и ее закон запрет противоречия) и в ней нет ничего диалектического, нет ничего, что выходило бы за пределы формальной логики.

Для объективной же диалектики и в формальной логике содержится элемент, примесь диалектики, а в диалектике — примесь формальной логики, что позволяет этим противоположным логикам оставаться самими собой на своих местах и быть четко отличными друг от друга. Диалектика не допускает стирания различий между противоположностями. В частности, не следует рассматривать диалектику (диалектическую логику) лишь как раздел или фрагмент формальной логики и тем самым, лишать диалектику вообще права на самостоятельное существование. Равным образом, нельзя стирать различия между формально-логическим противоречием (запрещающим противоречие) и диалектическим противоречием, так как это совершенно разные противоречия, четко отличные друг от друга. Отсюда мы не можем согласиться с мнением А.А.

Ивина о том, что «вопрос о соотношении логического и диалектического противоречия остался в марксистско-ленинской диалектике столь же неясным, как и в теории Гегеля. [7, с.200].

С нашей точки зрения, такое утверждение о «неясности» соотношения логического и диалектического противоречия, по сути, направлено на стирание различия между названными противоречиями с тем, чтобы «растворить» диалектическое противоречие в формально-логическом противоречии (основанном на запрете противоречия) и тем самым отказать диалектике (диалектическому противоречию) в самой возможности существования, как объективному закономерному природному феномену и как самостоятельной науке.

С позиции А.А. Ивина: «Диалектическая логика должна быть теорией правильного диалектического мышления. Как всякая теория правильного мышления она должна являться формально-логической системой. Кроме формальной логики, других наук, изучающих логически правильное мышление, нет: двух наук об одном и том же не существует [7, с.73]. Это действительно безупречно правильный вывод, основанный на логике формальной логики. Но есть и другая логика. Мы исходим из того, что диалектика, как логика и теория научного познания в действительности существует и не замечать этого нельзя. Ведь все вещи в самих себе противоречивы. И сама формальная логика свидетельствует о диалектике (диалектическом противоречии) в случаях, когда вынуждена отходить от своего основополагающего закона тождества «А=А», то есть нарушать его. «Так, пресловутый закон тождества, — замечает Э.В.Ильенков, — нарушается уже в любом предложении, которое человек произносит. Неукоснительно соблюдается этот «закон» только в произнесении тавтологии: «А есть А», «роза есть роза», «человек есть человек», «мышление есть мышление». Первый же предикат, который приписывается субъекту в самом простеньком суждении уже не тождественен этому субъекту («Роза есть цветок», «человек есть мыслящее существо» и т. д.) любое предложение... производит различие внутри одного и того же, внутри исходного тождества [11, с.455].

По мнению Э.В. Ильенкова «Формальная логика... есть наука, которая ничего в объективной действительности не отражает, а дает только сумму правил, регламентирующих работу с символикой всякого рода» [10, с. 53]. Диалектика же исходит из утверждения единства законов объективного мира и мышления.

Характеризуя сущность формальной логики, А.А. Ивин пишет: «Нужно подчеркнуть, что в основном принципе логики, согласно которому правильность человеческого мышления

зависит только от его формы, не фигурирует понятие истины. Правильность рассуждения не зависит от того является его посылки истинными или ложными». [7, с.7].

Отсюда, в формальной логике речь идет только о правильности формально-логического мышления и дальше логики внешней формы, оторванной от фактического содержания, не идет, что способно дать нам только формальную правильность в мыслях, формальную истину (т. е. неполную истину), но не объективную истину, которая как верное отражение реальной действительности, есть диалектический сплав формы и содержания, то есть объективная истина диалектична по своей природе.

Форма, лишенная содержания — это пустая форма, не диалектическая. Как отметил К. Марс: «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания [5, с.159]. Вот, где диалектика, в отличие от формальной логики. Подходя диалектически, форма и содержание (а это противоположности) берутся не сами по себе, в отрыве друг от друга, а между ними существует диалектическая взаимосвязь. А противоположности вообще могут переходить друг в друга: форма — в содержание, а содержание — в форму, что выражается формулой: «форма содержательна, содержание оформлено» или «форма существенна, сущность формирована». Формальная же логика способна дать одну лишь тавтологию «форма для формы», поскольку содержание в формальной логике отбрасывается. Ведь для нее правильность мышления зависит только от формы.

Подлинным законом мышления, его логической формой является именно диалектика (диалектическое противоречие). Логическая форма проявляет себя не только в словесной и письменной форме, языке, знаках, но и в человеческой деятельности, поступках, в практике человека вообще. В формальной же логике речь идет не столько о мышлении, сколько о способах связывания «субъекта с предикатом» в составе словесного «определения» вещи, о «конъюнкциях высказываний» взаимно исключающих друг друга, что имеет скорее лингвистический нежели логический характер.

Диалектика объективна, соответственно и логика (логическая форма), тем самым оказывается нацеленной на отыскание и исследование объективных, от воли и сознания мыслящих индивидов не зависящих законов, управляющих их собственной субъективной деятельностью. В этом разница между действительными законами мышления и теми правилами, которая формальная (традиционная) логика возводит в ранг законов.

Закон нарушить нельзя, в отличие от правил формальной логики. Ее правила фактически нарушаются на каждом шагу, если мы отходим от тавтологии принципа тождества. Например: «Иван есть Иван» и произносим нечто диалектическое: «Иван есть человек», т.е. подводим отдельное под общее (единство противоположностей).

С этой точки зрения именно противоречие, а вовсе не его отсутствие, оказывается той реальной логической формой, в рамках которой совершается действительное мышление, реализующее себя в виде развития науки, техники и нравственности».

Поэтому-то Гегель и имел право высказать свое парадоксальное утверждение: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения». [4, с.265]. Поэтому-то он и имел право лишить пресловутый принцип «исключения противоречия» статуса закона мышления, статуса абсолютной и непререкаемой «нормы истины» [9, с.126-127].

О каком противоречии идет речь? О живом противоречии, живой жизни, т.е. о диалектическом, не словесном, не выдуманном противоречии.

Все в мире диалектично, т. е. основано на единстве противоположностей. И человеческое мышление, которое отражает внешний мир также должно носить диалектический характер. В этом гарант его научности. Сама природа свидетельствует о диалектическом противоречии. Например, гром и молния, дым и огонь. Противоположности переходят друг в друга, что выражается в пословице: «Нет дыма без огня», а значит, нет огня без дыма. И такие противоположности как магнитные и электрические поля являются одним и тем же проявлением единой реальности электромагнитного поля.

А. Эйнштейн в своей «теории относительности» доказал, что пространство и время не являются абсолютными величинами, а представляют собой единый континуум, т. е. пространство и время как противоположности диалектически взаимосвязаны и могут преобразовываться друг в друга. Точно так же, как и белое может стать черным, если белое доведено до предела, если оно «чрезмерит». Как и качество, если доходит до крайности, становится количеством. При нарушении меры (а это диалектическая категория) противоположности переходят друг в друга мгновенно - диалектическим скачком.

Диалектика всегда предполагает систему, а настоящую систему дает единство противоположностей. Например, целое и части, отдельное и общее, случайное и необходимое, явление и сущность. Мы отделяем существенное от являюще-

гося и противопоставляем одно другому. Формальная логика, по сути, не может дать нам полноценную систему, так как ее основу составляет одна лишь форма без содержания как своей противоположности. В формальной логике форма самодостаточна, самоценна.

Повторимся, следует четко различать формально логическое противоречие и диалектическое противоречие. Так А.А. Ивин приводит такие примеры логического закона противоречия: «Неверно, что А и не-А» (Неверно, что 72 простое число и 72 не является простым числом, «Неверно, что трава зеленая и трава не является зеленой» и т.п.) [8, с.206].

Закон противоречия — один из наиболее известных законов формальной логики. Закон этот говорит о высказываниях, одно из которых отрицает другое, а вместе они составляют логическое противоречие. Идея, выражаемая законом противоречия проста: высказывание и его отрицание, не могут быть одновременно истинными.

Диалектическое же противоречие — противоречие иного рода и оно формулируется так: «А и не-А» «и выражает ядро диалектики — «закон единства и борьбы противоположностей».

Если формально-логический закон противоречия требует исключить противоречие из высказываний или из какой-либо теории, то диалектическое противоречие, напротив, исходит из необходимости противоречия как источника развития во всех явлениях природы, духа, общества.

Развитие есть «борьба» противоположностей. Природа подчинена диалектическому закону движения. Формально-логический закон противоречия требует четкой фиксации противоположностей, т. е. констатации противоречия как такового и далее исключает его. На этом все заканчивается т. к. противоречие устранено, то есть цель формальной логики достигнута. Для диалектики противоположности также необходимо четко обозначать, доводить до остроты антиномии, но, зафиксированным противоречием как таковым дело не заканчивается, поскольку «противоречие» для диалектики следует понимать вместе с его разрешением. «Противоположности» не просто фиксируются как таковые, сами по себе, вне связи друг с другом, а постигаются в их «единстве», доходящем до тождества, причем как «противоположности» так и их «тождество» выступают как взаимопредполагающие моменты перехода одного в другое. [9, с. 127].

Вот этого перехода одной противоположности в другую, процесса превращения противоположности друг в друга в формальной логике не существует. А для диалектики (диалектического противоречия) объект, обозначенный знаком А, в

себе самом, а не где-либо еще, заключает свое собственное отрицание, свое «другое», свою противоположность — не-А.

Итак, описание реального (единства противоположностей) в составе исследуемого предмета следует доводить до остроты антиномии, формула коего есть «А и не-А», а затем исследовать тот реальный же процесс посредством которого эти противоположности превращаются одна в другую, т. е. выражать в языке науки переход «А» — в «не-А», или «не-А» — в «А».

Скажем, переход неживой материи — в живую, немыслящей материи — в материю, мыслящую; рыночного хозяйства — в хозяйство капиталистическое. Переход этот осуществляется путем скачка из одного состояния в другое — противоположное, то есть скачкообразный переход из одного в другое. [9, с.260]. В этом диалектика как логика разрешение диалектического противоречия.

Одна из работ А.А. Ивина носит название: «Диалектика. От зарождения до триумфа и краха»: монография. Москва: Проспект, 2023[8]. С нашей точки зрения материалистическая диалектика не может потерпеть краха в силу того, что она не есть выдумка, не плод нашего субъективного воображения или фантазии, а она есть объективная закономерность, которая, как и объективная реальность не зависит от сознания и воли субъекта, не зависит от человека и человечества. И эта закономерность, отражаемая нашим мышлением, как и движущаяся материя, существует вечно. Спрашивается, как может объективная реальность, материя, устроенная диалектически, потерпеть крах?

Соответственно, материалистическая диалектика — это подлинная универсальная наука о развитии природы, общества и мышления, истинное научное мировоззрение и методология, хотя диалектику иногда относят просто и к «особому стилю мышления. Стиль мышления не является, конечно, наукой». [8, с.3]. Можно, конечно, не признавать универсальную диалектическую закономерность, но от ее непризнания она не перестанет существовать в силу объективного факта действия самой объективной диалектической закономерности.

А. Эйнштейн вывел следующую точную зависимость: «Во всяком случае если есть реальность, не зависящая от человека, то должна быть истина, отвечающая этой реальности, и отрицание первой влечет за собой отрицание последней». [6, с.24-25]. Это значит, что объективная истина действительно существует.

Объективная реальность и человек — это диалектические противоположности, т. е. они разные субстанции, неразрывно связанные

между собой. Поэтому логика объективного мира, реальной действительности отражается в логике человека — и это диалектическая логика.

Мир есть закономерное движение материи, и наше познание будучи высшим продуктом природы, в состоянии только отражать эту закономерность [1, с.174]. Отсюда, неверно считать, что человеческое мышление создает закономерности, заменяет первичный хаос порядком. Это идеализм, а не материализм. Гармония в самой природе. Понятия науки отражают действительность, и, стало быть, вовсе не являются свободными продуктами разума.

А.А. Ивин утверждает: «Научные истины, носят относительный характер... В науке нет никаких абсолютных, не подвергаемых со временем пересмотру истин». [7, с.110]. И далее. «Абсолютная объективность недостижима ни в одной области, включая научное познание». [7, с.118]. Отсюда вытекает, что все релятивно, относительно и абсолютной истины нет. Но это не диалектический подход. Для диалектики из относительных истин складывается абсолютно истина и «...нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существование объективной истины». [1, с.124]. В объективной диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное». [2, с.317]. Как представляется, подобный недialeктический подход характерен и для формальной логики. В позиции против «всяких абсолютов» вместе «абсолютами» неминуемо отрицается и сама возможность существования объективной истины.

При отрицании объективной истины мы неизбежно будем тогда исходить из плюрализма, множества «истин», мнений об одном и том же, по принципу: «сколько голов, столько и умов». И каждый по-своему прав (из этого исходили древнегреческие софисты) Все относительно, релятивно. Согласно этому, если мы утверждаем нечто о вещах, то из этого факта еще не следует, что наши суждения обладают объективной ценностью и не являются субъективными. Отсюда принцип софиста Протагора: «Мера всех вещей — человек». Знание о мире не выходит за пределы ощущений, переживаний субъекта. Конечный вывод — объективная истина невозможна. Но тем самым мы отрицаем диалектическое положение об общих законах движения мира и мышления.

Тогда утрачивается сама основа подлинной научности, если ничего четко определенного, достоверного нет, если все относительно, условно, релятивно, если объективной истины не

существует, если «кто во что горазд». Если вместо теории отражения объективной реальности, субъективная интерпретация событий и фактов в той версии о преступлении, которая, например, следователю представляется наиболее правдоподобной. Тогда признаются только: гипотеза, версия, правдоподобие, вероятность (достоверность не приемлется), субъективизм, форма без содержания, формально-юридическая (вероятная) истина, сплошной релятивизм, произвол, метафизика вместо диалектики. Однако, один релятивизм без абсолютного, как и одна внешняя форма без действительного содержания, не в состоянии охватить предмет до конца во всей его сложности, конкретности, объективной истинности.

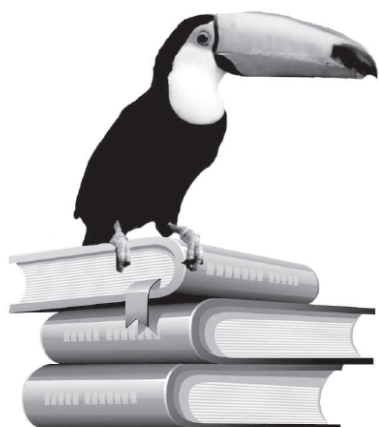
Словом, без объективной истины, которая всегда конкретна, и объективной диалектики, диалектического противоречия, (в отличие от формально-логической тавтологии, устраняющей противоречие) не обойтись, нравится нам это или нет.

Список литературы:

- [1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание пятое. т. 18 Материализм и эмпириокритицизм. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961, 525 с.
- [2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание пятое. т.29 Философский тетради. М., Государственное издательство политической литературы, 1973, 782 с.
- [3] Гегель. Сочинения М., 1949 Т.IX
- [4] Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т.1 М.: «Мысль», 1970, 668 с.
- [5] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1, М., Государственное издательство политической литературы, 1955, 698 с.
- [6] А. Эйнштейн. Эйнштейн о религии/Альберт Эйнштейн. М., Альпина нон-фикшн, 2010, 144 с.
- [7] Ивин А.А. Противоречие смерти подобно... Философский очерк о логическом противоречии. — Москва — Проспект, 2023. 28 с.
- [8] Ивин А.А. Диалектика от зарождения до триумфа и краха: монография — Москва: Проспект, 2013, 240 с.
- [9] Диалектическое противоречие. М: Политиздат, 1979, 343 с. (над чем работают, о чем спорят философы).
- [10] Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). — М.: Политиздат, 1980. 175 с.
- [11] Ильенков Э.В. История диалектики: Собр. соч. т.8/ Э.В. Ильенков. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2024. 544 с.

References:

- [1] Lenin V.I. Full. collection Op. Edition five. vol. 18 Materialism and empirio-criticism. M.: State Publishing House of Political Literature, 1961, 525 p.
- [2] Lenin V.I. Full. collection Op. Edition five. t.29 Philosophical notebooks. M., State Publishing House of Political Literature, 1973, 782 p.
- [3] Hegel. Works M., 1949 T.IX
- [4] Hegel. Works of different years. In two volumes. T.1 M.: "Thought," 1970, 668 p.
- [5] Marx K., Engels F. Writings. Second edition. T.1, M., State Publishing House of Political Literature, 1955, 698 p.
- [6] A. Einstein. Einstein on religion/Albert Einstein. M., Alpina non-fiction, 2010, 144 pp.
- [7] Ivin A.A. The contradiction of death is like... Philosophical essay on logical contradiction. - Moscow - Prospekt, 2023. 28 pp.
- [8] Ivin A.A. Dialectics from inception to triumph and collapse: monograph - Moscow: Prospekt, 2013, 240 p.
- [9] Dialectical contradiction. M: Politizdat, 1979.343 p. (what they are working on, what philosophers are arguing about).
- [10] Ilyenkov E.V. Lenin's dialectics and metaphysics of positivism: (Reflections on V.I. Lenin's book "Materialism and Empirio-criticism"). - M.: Politizdat, 1980. 175 p.
- [11] Ilyenkov E.V. History of dialectics: Sobr. Op. t.8/E.V. Ilyenkov. - M.: Canon +ROOI "Rehabilitation," 2024. 544 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

ХРОНОС И КАЙРОС ЗА РЕШЕТКОЙ: ПЕРЕЖИВАНИЕ ВРЕМЕНИ КАК ЭТИЧЕСКАЯ И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В статье проводится феноменологический и клинический анализ переживания времени в условиях пенитенциарной изоляции. На основе философского различия хроноса (количественного, измеримого времени) и кайроса (качественного, событийного момента) исследуются темпоральные нарушения, лежащие в основе психопатологических феноменов у лиц, находящихся в местах лишения свободы. Показано, что тюремная среда характеризуется гипертрофией хроноса при систематической элиминации кайроса, что приводит к утрате событийности и темпоральной дезинтеграции. Описаны клинические проявления дефицита кайроса: синдромы дереализации, депрессивная симптоматика, нарушения будущей ориентации. Особое внимание уделено феноменологии одиночного заключения как наиболее радикальной форме темпоральной депривации. Выявлены компенсаторные стратегии, вырабатываемые заключенными для искусственного создания событийности. Обсуждаются этические импликации тюремного времени для пенитенциарной психиатрии. Делается вывод о необходимости восстановления способности пациента к событийному переживанию времени как важнейшей задачи клинициста.

Ключевые слова: хронос, кайрос, пенитенциарная психиатрия, переживание времени, темпоральность, одиночное заключение, дереализация, депрессия, феноменология, экзистенциальный анализ.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

CHRONOS AND KAIROS ARE BEHIND BARS: EXPERIENCING TIME AS AN ETHICAL AND PSYCHOPATHOLOGICAL CATEGORY

Annotation. The article presents a phenomenological and clinical analysis of time experience in conditions of penitentiary isolation. Based on the philosophical distinction between chronos (quantitative, measurable time) and kairos (qualitative, eventful moment), temporal disorders underlying psychopathological phenomena in incarcerated individuals are examined. It is shown that the prison environment is characterized by hypertrophy of chronos with systematic elimination of kairos, leading to loss of eventfulness and temporal disintegration. Clinical manifestations of kairos deficit are described: derealization syndromes, depressive symptomatology, and disturbances of future orientation. Special attention is paid to the phenomenology of solitary confinement as the most radical form of temporal deprivation. Compensatory strategies developed by prisoners to artificially create eventfulness are identified. Ethical implications of prison time for penitentiary psychiatry are discussed. The conclusion is drawn about the necessity of restoring the patient's ability to experience time eventfully as an important task for the clinician.

Key words: chronos, kairos, penitentiary psychiatry, time experience, temporality, solitary confinement, derealization, depression, phenomenology, existential analysis.

Введение. В клинической практике пенитенциарного психиатра время предстает не просто формальным параметром отбывания наказания, но фундаментальной экзистенциальной категорией, структурная деформация которой лежит в основе большинства регистрируемых

психопатологических феноменов. Тюремное заключение традиционно понимается как лишение свободы передвижения и социальных контактов, однако за этими очевидными депривациями скрывается нечто более глубинное – лишение субъективно переживаемой событийности, превращающее хронологическую длительность (хронос) в пустую, деструктивную форму. Именно разрыв между физическим временем и моментами подлинного присутствия (кайрос) образует ту незримую ось, вокруг которой кристаллизуются депрессивные расстройства, дереализационные синдромы и более тяжелые формы пенитенциарной психопатологии.

Настоящая статья представляет собой попытку феноменологического и клинического анализа того, как переживание времени в условиях изоляции трансформируется из нейтральной последовательности «теперь-точек» в этически нагруженное измерение страдания. Опираясь на философское различие между хроносом и кайросом, введенное Аристотелем и получившее экзистенциально-феноменологическую разработку в трудах М. Хайдеггера и Э. Минковского, мы рассмотрим тюремную камеру как уникальную лабораторию темпоральных нарушений, где потеря событийности оборачивается потерей самости [3; 5].

Философские основания темпоральности: от Аристотеля к феноменологической психопатологии. Аристотелевское различие хроноса и кайроса задает парадигмальную рамку для понимания того, как время может быть переживаемо принципиально различными способами. Хронос представляет собой количественную, гомогенную, измеримую длительность – время как последовательность моментов, поддающихся счету и календарной фиксации. Это время часов, расписаний, сроков наказания, оно безразлично к содержанию наполняющих его событий. Кайрос же, напротив, означает качественный, ситуативный момент, требующий своевременного действия, время как благоприятную возможность, как точку пересечения внешних обстоятельств и внутренней готовности. Если хронос отвечает на вопрос «сколько времени прошло», то кайрос – «наступил ли подходящий момент» [1].

Эта дистинкция приобретает принципиальное значение для психиатрии, когда мы обращаемся к работам Эжена Минковского, одного из первых исследователей, систематически применивших феноменологический метод к анализу психопатологических нарушений переживания времени. Минковский, ученик Эйгена Блейлера и последователь Анри Бергсона, предложил концепцию «живого времени» (*le temps vécu*) как фундаментальной структуры сознания, нарушение которой составляет ядро шизофренического

и депрессивного опыта [5]. Для Минковского патогномичным признаком психоза является не столько содержание бредовых идей, сколько потеря «витального контакта с реальностью» (*perte de contact vital avec la réalité*), и эта потеря в первую очередь манифестирует себя как деформация темпоральной структуры переживания.

Минковский выделял будущую ориентацию — горизонт ожидания, надежды и желания – как ключевой компонент здорового переживания времени. В его анализе желание, надежда и молитва суть сугубо ориентированные в будущее феномены, и именно их нарушение характеризует меланхолическое состояние, когда время перестает течь вперед и застывает в мучительной неподвижности. Это наблюдение имеет прямое отношение к пенитенциарной психиатрии: заключенный, лишенный возможности проецировать себя в будущее за пределами режимных ограничений, оказывается в ситуации, структурно напоминающей меланхолическую остановку времени.

Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» предложил радикально иную концептуализацию времени, сместив фокус от объективной длительности к темпоральности самого присутствия (*Zeitlichkeit des Daseins*) [3]. Для Хайдеггера подлинное существование (*Eigentlichkeit*) развертывается в единстве трех экстазов времени: будущего (как способности быть впереди себя), настоящего (как способности давать присутствовать сущему) и прошлого (как способности возвращаться к своему уже-бывшему). Неподлинное существование, напротив, характеризуется «падением» в наличный мир и поглощенностью текущим моментом, утратой темпоральной целостности.

В своих Цолликонских семинарах Хайдеггер непосредственно обратился к вопросам психиатрии, рассматривая шизофрению не просто как физиологическую аномалию, но как состояние лишения (*Entzugserscheinung*) – утраты способности *Dasein* к размыканию в мир и к событию (*Ereignis*) [3; 7]. Для Хайдеггера психопатология коренится в нарушении темпоральной структуры, в утрате способности к «присутствованию», то есть к установлению осмысленных отношений с пространством и временем. Эта теоретическая рамка позволяет нам понять тюремное заключение как институционально санкционированную форму темпоральной дезинтеграции – как состояние, в котором *Dasein* систематически лишается возможности подлинного временения.

Хронос как орудие наказания: количественное время в пенитенциарной системе. Тюремная система организована вокруг хроноса как своего организующего принципа. Срок наказания измеряется в годах, месяцах и днях; режим дня расписан по минутам; дата освобождения выступает

единственным значимым ориентиром в темпоральной пустоте. Как отмечают исследователи пенитенциарной темпоральности, тюрьма представляет собой уникальную пространственно-временную среду, характеризующую Фуко как дисциплинарное пространство, где время используется для производства послушных тел и где наказание реализуется через лишение человека сегментированных отрезков его свободной жизни (Westerman et al., 2023) [10].

Парадоксальным образом именно эта гипертрофированная организация хроноса приводит к его обесмысливанию. Заключенный оказывается в ситуации, которую можно назвать «хронос-дисфорией»: время, которое должно быть измеряемо и контролируемо, переживается как мучительно тянущееся или, напротив, как пугающе ускользающее. Исследования показывают, что субъективное переживание времени в тюрьме полностью отлично от того, как время операционализируется через приговоры: возникает некомфортная двойственность времени, которое одновременно и проходит (маркируемое стареющим телом и утратой общих хронологий с близкими), и стоит на месте, поскольку недифференцированный режим сливает один день с другим.

Особенно показательным в этом контексте является феномен ожидания. Ожидание в тюремной среде не ограничивается ожиданием освобождения – оно пронизывает все аспекты жизни: ожидание медицинской помощи, ожидание ответа на жалобу, ожидание визита, ожидание перевода в другую камеру или учреждение. Исследования пенитенциарной системы здравоохранения показывают, что ожидание в тюрьме качественно отличается от ожидания в обычной жизни, поскольку оно лишено темпоральной агентности – способности индивида манипулировать временем через доступ к когнитивным и материальным ресурсам, чтобы наполнить ожидание смыслом и продуктивностью.

Утрата Кайроса: клинические проявления дефицита событийности. Если хронос в тюрьме гипертрофирован до степени навязчивого присутствия, то кайрос – время события, время встречи, время значимого момента – систематически элиминируется. Тюремная камера представляет собой пространство, из которого изгнана неожиданность в ее позитивном смысле: все, что может произойти, уже предусмотрено режимом, а любые отклонения от расписания означают не возможность, но угрозу. Заключенный лишается того, что в феноменологической традиции называется «событием» (Ereignis) – момента, когда временные экстазы собираются воедино и время обретает смысловую плотность.

Клинические последствия этой утраты кайроса многообразны и тяжелы. В своей наиболее

легкой форме они проявляются как синдром дереализации – переживания, при котором окружающий мир утрачивает свою реальность и воспринимается как плоский, неодушевленный, лишенный аффективной окраски. В более тяжелых случаях развивается депрессивная симптоматика, структурно аналогичная той, что Минковский описывал при меланхолии: утрата желания как способности проецировать себя в будущее, исчезновение надежды, застывание времени в мучительной неподвижности настоящего [9].

Исследования психопатологии в пенитенциарной популяции показывают, что заключенные с психопатологическим анамнезом до поступления, более молодые заключенные (18-29 лет) и те, кто провел в заключении относительно короткое время, демонстрируют наибольшую выраженность психопатологических симптомов [6]. Этот, на первый взгляд, противоречивый результат (короткий срок заключения коррелирует с большей симптоматикой) может быть интерпретирован именно в терминах утраты кайроса: для тех, кто еще не выработал компенсаторных стратегий наполнения времени, потеря событийности переживается наиболее остро.

Дрю Ледер в своем феноменологическом анализе опыта хронической боли и тюремного заключения выделяет ряд структурных параллелей между этими, на первый взгляд, различными состояниями. И боль, и заключение вызывают, во-первых, констрикцию жизненного пространства и диапазона возможных действий; во-вторых, нарушение жизненного времени, такое что человек оказывается запертым в аверсивном «сейчас» или постоянно пытается из него бежать; в-третьих, изоляцию, когда значимые социальные контакты сокращаются или вовсе исчезают; и, в-четвертых, депауэризацию и деперсонализацию, особенно когда больной или заключенный чувствует себя захваченным дегуманизирующей системой [4].

Социальная смерть и темпоральная дезинтеграция: феноменология одиночного заключения. Наиболее радикальной формой утраты кайроса является одиночное заключение. Лиза Гюнтер в своем фундаментальном исследовании «Одиночное заключение: социальная смерть и ее последствия» показывает, что изоляция выходит далеко за пределы простого лишения социальных контактов, представляя собой атаку на саму структуру бытия-в-мире [2].

В одиночной камере хронос достигает своего предела: время становится абсолютно однородным, лишенным любых маркеров, любых различий между днем и ночью, будним днем и выходным. Кайрос здесь полностью аннигилирован – не может произойти ничего, что не было бы предвидено и контролируемо. Гюнтер, следуя за Хайдеггером и Левинасом, описывает это состоя-

ние как «мертвое время» – время, которое не течет, но и не останавливается, но скорее истощается в своем темпоральном качестве [2].

Феноменология одиночного заключения демонстрирует, что потеря кайроса ведет не просто к депрессии или дереализации, но к состоянию, которое Гюнтер называет «атакой на само бытие». Заключенный в одиночной камере теряет способность различать прошлое, настоящее и будущее – эти измерения сливаются в единую, недифференцированную массу, которую невозможно ни измерить, ни пережить как осмысленную длительность. В клинической практике это состояние часто манифестирует как психотическая декомпенсация с явлениями спутанности, дезориентации и утратой чувства собственной идентичности.

Искусство создания кайроса: компенсаторные стратегии заключенных. Человеческая психика, однако, обнаруживает удивительную способность к сопротивлению даже в условиях тотальной темпоральной депривации. Заключенные вырабатывают разнообразные стратегии искусственного создания событийности – способы внесения кайроса в гомогенную ткань хроноса. Эти стратегии представляют не просто психологические защиты, но экзистенциальные акты сопротивления дезинтеграции самости.

Ледер описывает несколько таких стратегий на основе своих бесед с заключенными. Первая – адаптивность, способность научиться жить иначе, но хорошо, в пределах, налагаемых болью или заключением. Вторая – аппрециативная присутственность, способность находить радость в и богато использовать «сейчас». Третья – ментальная свобода, включающая способность выбирать эмоциональные реакции и расширять интеллект и дух даже когда тело ограничено. Четвертая – сообщество, преодоление изоляции через эмпатическое отношение к другим [4].

В пенитенциарной практике мы наблюдаем широкий спектр таких компенсаторных феноменов. Это и ритуализация повседневных действий (придание событийного статуса приему пищи, гигиеническим процедурам, физическим упражнениям), и создание внутренних календарей и хронологий (подсчет дней, отмечание «круглых» дат), и использование творческой активности (письмо, рисование, музыка) как способа конструирования значимых моментов. Некоторые заключенные сообщают о «прорывных» состояниях, возникающих в условиях изоляции – моментах интенсивного религиозного или экзистенциального переживания, которые они описывают как подлинный кайрос, как время встречи с чем-то, что трансцендирует тюремные стены.

Бернд Ниссен в своем психоаналитическом исследовании времени показывает, что в клинической ситуации «момент присутствия» может

стать точкой, в которой безвременное состояние распадается и развертывается в подлинное время, где прошлое, будущее и настоящее обретают свою различность и связность [8]. Этот инсайт имеет прямое терапевтическое применение в пенитенциарной психиатрии: задача клинициста заключается не просто в купировании симптомов, но в создании условий для возникновения терапевтического кайроса – момента, в котором время для пациента вновь обретает свою событийную плотность и темпоральную структуру.

Этическое измерение тюремного времени. Различие между хроносом и кайросом имеет не только психопатологическое, но и глубокое этическое измерение. Если наказание измеряется в хронологических единицах (срок заключения), то страдание, которое оно причиняет, связано с потерей кайроса – с невозможностью проживать время как осмысленную событийность. Это ставит перед пенитенциарной системой и клиницистами, в ней работающими, ряд сложных этических вопросов.

Может ли наказание, измеряемое количеством времени, быть адекватным, если субъективное переживание времени столь вариативно? Не усугубляет ли современная пенитенциарная система, с ее акцентом на длительных сроках и режимной регламентации, те самые темпоральные нарушения, которые лежат в основе рецидивной преступности? Какова этическая ответственность тюремного психиатра перед пациентом, чье страдание коренится не в «болезни» в узком смысле, но в экзистенциальной структуре самого заключения?

Эти вопросы не имеют простых ответов. Однако феноменологический анализ тюремного времени позволяет утверждать, что любая этически обоснованная пенитенциарная практика должна включать в себя измерение кайроса – должна создавать возможности для событийности, для значимых моментов, для временения в подлинном смысле этого слова. Это может означать не только реформу режимных условий (доступ к образованию, творчеству, религиозной практике), но и фундаментальный пересмотр того, как мы концептуализируем само наказание.

Заключение. Переживание времени в тюремной камере представляет собой уникальный клинический феномен, в котором философское различие между хроносом и кайросом обнажает свою практическую значимость. Гипертрофия количественного, измеримого времени в сочетании с систематической элиминацией качественных, событийных моментов создает темпоральную среду, которая сама по себе является патогенной. Потеря кайроса ведет к депрессивной симптоматике, дереализации, а в наиболее тяжелых случаях – к темпоральной дезинтеграции, стирающей границы между прошлым, настоящим и будущим.

Однако человеческое Dasein не пассивно перед лицом этой деструкции. Заключение вырабатывают разнообразные стратегии искусственного создания кайроса, превращая пустые моменты хроноса в событийно наполненные. Эти компенсаторные феномены представляют не просто психологические защиты, но акты экзистенциального сопротивления – свидетельство того, что даже в условиях тотальной темпоральной депривации сохраняется способность к времени как фундаментальной структуре человеческого бытия.

Для пенитенциарного психиатра понимание темпоральной динамики заключения открывает новые терапевтические возможности. Задача клинициста заключается не только в фармакологической коррекции симптомов, но в восстановлении способности пациента к событийному переживанию времени, к различению временных модусов, к надежде как будущей ориентации. В конечном счете, это задача возвращения кайроса в мир, из которого он был изгнан, – задача, столь же этическая, сколь и клиническая.

Список литературы:

- [1] Bergmann G. Zeit – die 4. Dimension in der Medizin und der Psychotherapie // Wiener Medizinische Wochenschrift. 2003. Bd. 153. S. 187–192. DOI: 10.1046/j.1563-258X.2003.03013.x.
- [2] Guenther L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 321 c. URL: <https://archive.org/details/solitaryconfinem0000guen> (дата обращения: 29.03.2026).
- [3] Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1927. 437 c.
- [4] Leder D. Coping with chronic pain, illness and incarceration: what patients and prisoners have to teach each other (and all of us) // Medical Humanities. 2018. Vol. 44, № 2. P. 113–119. URL: <https://mh.bmj.com/content/44/2/113> (дата обращения: 29.03.2026).
- [5] Minkowski E. Le Temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris : J.L.L. d'Artrey, 1933. 340 c.
- [6] Molina-Coloma V., Salaberría K., Pérez J.I. Psychological symptomatology in a prison population: an exploratory study of age, psychopathological history and time in prison // Revista Española de Sanidad Penitenciaria. 2021. Vol. 23, № 1. P. 20–27. DOI: 10.18176/resp.00027.
- [7] Moreira N.C. Heidegger and schizophrenia: the state of deprivation of Dasein in the Zollikon Seminars // SciELO Preprints. 2024. DOI: 10.1590/SciELOPreprints.9206.
- [8] Nissen B. Kairos and chronos: clinical-psychoanalytic reflections on time // The International Journal of Psychoanalysis. 2023. Vol. 104, № 3. P. 452–466. DOI: 10.1080/00207578.2023.2182689.
- [9] Oyeboode F. Buttes, Mesas, Pillars and Time // MindReadings [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://femioyeboode.com/2013/05/13/buttes-mesas-pillars-and-time/> (access date: 29.03.2026).
- [10] Westerman A., Farragher T., Bamba C., Barr B., Wickham S. 'Trying to battle a very slow version of the system that exists outside': Experiences of waiting for healthcare in English prisons // Journal of Health Psychology. 2023. Vol. 28, № 5. P. 736–753. DOI: 10.1177/13634593231195785.

References:

- [1] Bergmann G. Zeit – die 4. Dimension in der Medizin und der Psychotherapie // Wiener Medizinische Wochenschrift. 2003. Bd. 153. S. 187–192. DOI: 10.1046/j.1563-258X.2003.03013.x.
- [2] Guenther L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 321 p. URL: <https://archive.org/details/solitaryconfinem0000guen> (Accessed: 29.03.2026).
- [3] Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1927. 437 pp.
- [4] Leder D. Coping with chronic pain, illness and incarceration: what patients and prisoners have to teach each other (and all of us) // Medical Humanities. 2018. Vol. 44, № 2. P. 113–119. URL: <https://mh.bmj.com/content/44/2/113> (access date: 29.03.2026).
- [5] Minkowski E. Le Temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris : J.L.L. d'Artrey, 1933. 340 s.
- [6] Molina-Coloma V., Salaberría K., Pérez J.I. Psychological symptomatology in a prison population: an exploratory study of age, psychopathological history and time in prison // Revista Española de Sanidad Penitenciaria. 2021. Vol. 23, № 1. P. 20–27. DOI: 10.18176/resp.00027.
- [7] Moreira N.C. Heidegger and schizophrenia: the state of deprivation of Dasein in the Zollikon Seminars // SciELO Preprints. 2024. DOI: 10.1590/SciELOPreprints.9206.
- [8] Nissen B. Kairos and chronos: clinical-psychoanalytic reflections on time // The International Journal of Psychoanalysis. 2023. Vol. 104, № 3. P. 452–466. DOI: 10.1080/00207578.2023.2182689.
- [9] Oyeboode F. Buttes, Mesas, Pillars and Time // MindReadings [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://femioyeboode.com/2013/05/13/buttes-mesas-pillars-and-time/> (access date: 29.03.2026).
- [10] Westerman A., Farragher T., Bamba C., Barr B., Wickham S. 'Trying to battle a very slow version of the system that exists outside': Experiences of waiting for healthcare in English prisons // Journal of Health Psychology. 2023. Vol. 28, № 5. P. 736–753. DOI: 10.1177/13634593231195785.

ПРИХОДЬКО Наталья Валентиновна,
аспирант Автономной некоммерческой организации
высшего образования «Московский университет «Синергия»,
e-mail: nvmurm@gmail.com

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК МЕХАНИЗМ СДЕРЖИВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ И АНГЛОСАКСОНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ института субсидиарной ответственности в российском праве и доктрины снятия корпоративной вуали (piercing the corporate veil) в англосаксонском праве как инструментов противодействия корпоративным злоупотреблениям. Особое внимание уделяется исследованию правовых основ, условиям привлечения к ответственности, ключевых precedents и эффективности данного механизма в обеих юрисдикциях. Цель статьи – выявить сходства и различия в подходах к субсидиарной ответственности в России и англосаксонской правовой семье (на примере США), оценить их сдерживающий потенциал и предложить направления совершенствования российского подхода с учётом зарубежного опыта.

Методология исследования включает: сравнительно-правовой метод – сопоставление норм российского законодательства и прецедентного права США; формально юридический метод – анализ нормативных актов, судебных решений и доктринальных источников; системный подход – изучение места субсидиарной ответственности в системе мер противодействия корпоративным злоупотреблениям.

Результаты исследования показывают различия в подходах к основаниям привлечения к ответственности (в англосаксонском праве доктрина «снятия корпоративной вуали», в России конкретизированные законом составы); более широкую судебскую дискрецию в англосаксонских юрисдикциях; тенденции к ужесточению российского регулирования в части доказывания причинно следственной связи и вины контролирующих лиц; общие цели института в виде сдерживания недобросовестного поведения и защита кредиторов при разных процессуальных механизмах их достижения. Полученные выводы могут быть использованы для совершенствования российского законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, корпоративные злоупотребления, снятие корпоративной вуали, контролирующие лица, банкротство.

PRIKHODKO Natalya Valentinovna,
Postgraduate student at the Autonomous Non-Profit Organization
of Higher Education «Moscow University «Synergy»

SUBSIDIARY LIABILITY AS A MECHANISM FOR DETERRING CORPORATE ABUSES IN RUSSIAN AND ANGLO SAXON LAW

Annotation. The article provides a comparative analysis of the institution of subsidiary liability in Russian law and the doctrine of piercing the corporate veil (piercing the corporate veil) in Anglo-Saxon law as tools to counter corporate abuses. Particular attention is paid to the study of the legal foundations, conditions for imposing liability, key precedents, and the effectiveness of this mechanism in both jurisdictions. The aim of the article is to identify similarities and differences in approaches to subsidiary liability in Russia and in the Anglo-Saxon legal family (using the USA as an example), assess their deterrent potential, and propose ways to improve the Russian approach taking into account foreign experience.

Methodology of the study includes: the comparative legal method – comparing the norms of Russian

legislation and the case law of the United States; the formal legal method – analyzing regulatory acts, court decisions and doctrinal sources; a systems approach – studying the place of subsidiary liability within the system of measures to counter corporate abuses.

The research findings show differences in approaches to the grounds for imposing liability (in Anglo Saxon law – the doctrine of «piercing the corporate veil»; in Russia – legally specified liability bases/offence compositions); broader judicial discretion in Anglo Saxon jurisdictions; trends towards stricter regulation in Russia regarding the burden of proof for causation and the fault of controlling persons; common goals of the institution, deterring unfair conduct and protecting creditors, achieved through different procedural mechanisms. The obtained conclusions can be used to improve Russian legislation and its enforcement practice.

Key words: *subsidiary liability, corporate abuses, piercing the corporate veil, controlling persons, bankruptcy.*

Рост числа корпоративных злоупотреблений, включая вывод активов, создание фиктивной задолженности и умышленное доведение до банкротства актуализирует вопрос эффективных механизмов защиты интересов кредиторов. Одним из таких инструментов выступает институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа корпоративных злоупотреблений в РФ и необходимостью эффективного противодействия в условиях развития рыночных отношений. В России и странах англосаксонской правовой семьи субсидиарная ответственность выступает ключевым механизмом защиты прав кредиторов и сдерживания недобросовестных действий контролирующих лиц. Особую значимость вопрос приобретает на фоне увеличения количества дел о банкротстве и попыток уклонения от обязательств через использование корпоративных структур.

По данным сайта Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) в 2025 году в РФ к субсидиарной ответственности было привлечено 5 549 лиц, что на 32 % больше, чем в 2024 году. Доля удовлетворенных заявлений составила 42,4 %. Размер ответственности привлеченных лиц вырос до 535,9 млрд рублей, что на 61,6 % больше, чем в 2024 году (331,6 млрд руб.).

Официальная статистика по применению доктрины «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil) в США за 2025 год в открытых источниках отсутствует. Это связано с особенностями правовой системы США и применения самой доктрины.

В США корпоративное право в основном регулируется на уровне отдельных штатов, а не на федеральном уровне. В США нет единой базы данных, которая бы фиксировала все случаи ее использования. Доктрина снятия корпоративной вуали относится к праву справедливости (equity), и ее применение зависит от конкретных обстоятельств дела. Суды оценивают каждый случай

индивидуально, учитывая совокупность факторов (например, отсутствие самостоятельности юридического лица, использование его в противоправных целях).

В разных штатах используются разные критерии для применения доктрины. Например, в Нью-Йорке суды учитывают такие факторы, как соблюдение корпоративных формальностей, достаточность капитала компании, использование средств юридического лица для личных целей. В других штатах могут применяться иные подходы (например, доктрина «alter ego» в Калифорнии). Кроме того, снятие корпоративной вуали в США считается экстраординарной мерой, которая применяется только в исключительных случаях в отличие от РФ (как показывает правоприменительная практика).

Новизна работы заключается в комплексном сравнительно-правовом анализе института субсидиарной ответственности, применяемой в Российской Федерации, и применению доктрины «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil), применяемой в США.

На основе анализа судебной практики, применяемой судами в РФ за 2025 год и 1-е полугодие 2026 года, и практики применения доктрины в США, в статье будет дана оценка тенденций развития правового регулирования в обеих системах, а также рекомендации по совершенствованию российского законодательства в части привлечения к субсидиарной ответственности в будущем с учетом зарубежного опыта.

В российском праве основным механизмом по сдерживанию корпоративных злоупотреблений является механизм привлечения к субсидиарной ответственности как в рамках дела о банкротстве юридических лиц, так и вне рамок дела о банкротстве.

Основаниями для привлечения к ответственности могут стать такие факторы как:

- неисполнение обязательств должника из-за действий/бездействия контролирующих должника лиц (далее – КДЛ);
- доведение компании до банкротства;

- отсутствие или искажение бухгалтерской документации;
- совершение сделок, причинивших вред кредиторам.

Под ответственности попадают руководители, учредители, бенефициары, фактически определявшие действия компании, и иные лица, извлекавшие выгоду из недобросовестного поведения. Особенности привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с российским законодательством является: презумпция вины КДЛ при доказанности причинно-следственной связи; возможность привлечения номинальных директоров; расширенное толкование понятия «контролирующее должника лицо».

В странах общего права (Common Law) (Великобритания, США, Канада) прямого аналога субсидиарной ответственности нет. Вместо этого применяется доктрина «piercing the corporate veil» – «снятие корпоративной вуали», позволяющая обойти принцип ограниченной ответственности акционеров. Условиями для ее применения могут стать такие факторы как: использование компании как «alter ego» владельца, смешение активов компании и личных активов, мошенничество или обход закона, игнорирование корпоративных процедур. Особенности применения данной доктрины является высокая планка доказывания, редкое применение доктрины судами, акцент на доказательстве умысла.

В США существует достаточно много различных факторов, которые увеличивают вероятность «прокалывания корпоративной вуали». В зависимости от типа используемого приема «проникновения», позиции судов конкретного американского штата и конкретных обстоятельств дела суд может потребовать от истца установления одного или сразу нескольких факторов «проникновения».

Главными отличиями подходов к привлечению к ответственности в России и США являются:

- 1) цели механизма: защита кредиторов при банкротстве (РФ)/пресечение злоупотреблений принципом ограниченной ответственности (США);
- 2) бремя доказывания: частично на заявителе по обособленному спору - кредитор, арбитражный управляющий (РФ)/ на истце в полном объеме (США).

Также стоит отметить разницу в частоте применения мер по привлечению к ответственности. В РФ судам приходится рассматривать тысячи дел ежегодно. Только в 2025 году было подано 5 075 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности (по данным сайта ЕФРСБ). В США подобные обращения составляет единичные случаи, что обусловлено более высокими

судебными расходами по обращению в суд с иском, а также более размытыми критериями доказывания.

С учетом частоты применения и количества рассматриваемых в российских судах дел, можно сделать вывод о более формальном подходе РФ к применению мер по привлечению к ответственности за недобросовестное поведение и доведение компании до банкротства в целом в совокупности с более четкими и понятными для истца критериями доказывания.

Так, например, Быканов Д.Д. в своем исследовании подробно рассматривает концепцию «проникающей ответственности» (piercing the corporate veil), характерную для англосаксонского права. По мнению Быканова Д.Д. «основные факторы, которые влияют на вероятность «проникновения», группируются следующим образом:

- Введение в заблуждение – обман кредиторов посредством использования подконтрольной корпорации;
- Несоблюдение корпоративных процедур – пренебрежение корпоративными формальностями внутри зависимого юридического лица (ненадлежащее хранение протоколов собраний акционеров и совета директоров, проведении собраний совета директоров, и т.д.);
- Смешение имущества - перемешивание активов юридического лица и его доминирующего участника как частный случай проявления нарушения принципа имущественной обособленности корпорации;
- Смешение сфер деятельности может говорить о высоком уровне контроля и доминировании над зависимым юридическим лицом;
- Недокапитализация – недостаточная капитализация зависимой организации представляет собой фактический дефицит имущества, необходимого для начала либо продолжения предпринимательской деятельности подконтрольной корпорации;
- Доминирование – в случае, если контролирующий участник компании выходит за пределы своей компетенции и вторгается в оперативную деятельность руководителя, то такой участник и должен подлежать ответственности сообразно правилам, сходным с правилами об ответственности руководителя;
- Несправедливость - требование справедливости в американском праве играет роль «запасного» варианта на случай, если предыдущие факторы «проникновения» отсутствуют, не установлены, либо слабо себя

проявляют, однако обстоятельства дела не позволяют смириться с очевидно несправедливым результатом». [2, с. 145-146].

При таком подходе отмечает Быканов Д.Д., возникает неясность, как могут применяться судами США на практике такие трактовки как «введение в заблуждение» или «требования справедливости», поскольку они являются размытыми, и могут применяться каждым судьей в зависимости от своего субъективного мнения. Более того, в таких случаях, когда суды руководствуются довольно расплывчатыми критериями, остается неясным: требуется ли присутствие всех таких факторов или достаточно одного или некоторых из них, и все ли критерии равны или одни из них имеют большее значение. Применение механизма привлечения к субсидиарной ответственности в РФ выглядит более структурированным, в том числе в плане доказывания вины КДЛ с учетом критериев, ограниченных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве).

Долгорукий А.И. в своем исследовании проводит параллели между российской субсидиарной ответственностью и зарубежной доктриной, отмечая их функциональное сходство при существенных различиях в механизмах реализации. Тем не менее, в своей статье Долгорукий А.И. делает вывод о том, что «применение рассматриваемой доктрины в отечественном правовом порядке должно быть в исключительных случаях при исчерпании иных инструментов и невозможности дальнейшего рассмотрения спора (по аналогии с зарубежными государствами)» [4, с.68].

Пархоменко А.Д. подчёркивает вариативность подходов к снятию корпоративной вуали в разных юрисдикциях, отмечая более жесткие требования к доказыванию в странах общего права по сравнению с российской системой. В пример Пархоменко приводит дело *Laya v. Erin Homes, Inc.*, в котором судья МакХью привел перечень из 19 пунктов, свидетельствующих о том, что корпоративная вуаль может быть снята. [7, с.38].

В российском праве по мнению Дедковой Е.А. существенными преимуществами привлечения к субсидиарной ответственности являются защита кредиторов, сдерживающий эффект для КДЛ и укрепление правового порядка в целом, что способствует добросовестному управлению, создавая стимулы для контролирующих лиц действовать в интересах компании [3, с. 19].

Емалтынов А.Р. обращает внимание на имеющуюся в РФ возможность уменьшения размера ответственности при раскрытии информации о КДЛ, что может служить стимулом к сотрудничеству с судом [5, с. 44]. Однако, преимущества

порождают и минусы в виде риска злоупотреблений со стороны кредиторов, разнообразия подходов судов по применению судебной практики и сложностей по определению круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности.

Что касается англо-саксонского подхода стабильность корпоративных отношений на примере США является существенным плюсом в случае применения доктрины. К минусам, как отмечает Быканов Д.Д., можно отнести такие факторы как: сложность доказывания, отсутствие превентивных мер, расплывчатость критериев «снятия корпоративной вуали», которые представляют собой обратную сторону гибкости американской правовой системы. [2, с.161].

Теория «корпоративной вуали» имеет давние корни и зародилась еще в 1897 году, когда в деле *Salomon v. Salomon & Co.* [1897] английский суд сформулировал один из постулатов современного корпоративного права: компания является самостоятельным субъектом права, имущество компании не является имуществом его участников, последние не отвечают за долги компании. Этот постулат, известный как принцип ограниченной ответственности, нашел повсеместное закрепление в гражданском законодательстве.

Хрестоматийным примером применения концепции «снятия корпоративной вуали» в американском праве стало дело *Walkovszky v. Carlton* [1966, USA]. В этом деле суд рассматривал условия, при которых корпорация может быть признана *alter ego* («другим я») её владельца, что позволяет привлечь последнего к личной ответственности по обязательствам компании.

В деле *Prest v. Petrodel Resources Ltd.* [2013, UK] произведено разграничение имущественного и корпоративного подходов. Верховный Суд Соединенного Королевства нашел возможным признать активы компаний, контролируемых супругом, его бенефициарной собственностью и восстановить приказ о передаче их бывшей супруге. Судом подтвержден выраженный в решении Палаты Лордов по делу *Salomon v. Salomon & Co* [1897] принцип обособленности юридической личности компании, обладающей юридической и бенефициарной собственностью на свои активы [12, с.170].

Субсидиарная ответственность в российском законодательстве впервые появилась только лишь в 1994 году с принятием части 1 Гражданского кодекса РФ. Фактически на практике данный механизм не нашел своего применения вплоть до 2017 года. Ключевым этапом реформы стало принятие Федерального закона от 29 июля 2017 года № 266-ФЗ, который дополнил Закон о банкротстве новой главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в

деле о банкротстве». Судебная практика по привлечению к субсидиарной ответственности в российском праве продолжает активно формироваться.

В связи с имеющимися в судебной практике вопросами, а также в целях обеспечения правильного и единообразного применения положений законодательства Верховный суд РФ (далее - ВС РФ) в декабре 2025 года выработал новые подходы к привлечению владельцев обанкротившихся компаний и других лиц к субсидиарной ответственности по долгам таких организаций, а также обновил подходы к расчетам размера субсидиарной ответственности и ее персонализации [11].

Ключевые позиции, отраженные в Постановлении Пленума ВС РФ № 42 от 23 декабря 2025 г.:

- возложение на контролирующее лицо компенсации убытков не препятствует в дальнейшем привлечению его к субсидиарной ответственности в части, не покрытой ранее взысканной суммой;
- при привлечении к субсидиарной ответственности членов Совета директоров или Правления несостоятельной компании необходимо применять индивидуальный подход, «оценке подлежат возражения и доказательства каждого отдельного ответчика» [11, с. 2];
- при установлении размера субсидиарной ответственности контролирующие лица теряют право ссылаться на необоснованность включения ранее включенной в реестр задолженности, если они не выразили возражений против этого при формировании реестра [11, с. 6].
- допускается возложение на наследников обязательств умершего гражданина, который ранее был привлечен к субсидиарной ответственности в связи с банкротством его компании.

Серьезным изменением к подходу в привлечении к субсидиарной ответственности стал факт того, что ВС РФ в 2025 году допустил возможность освобождения бенефициаров и топ-менеджеров обанкротившегося бизнеса от субсидиарной ответственности в процессе их личного банкротства. Эта позиция ВС РФ нашла свое отражение в «Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан», утвержденном Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 [10]. «Должник может быть освобожден от обязательств при отсутствии в период причинения вреда умысла или грубой неосторожности в его действиях, а также в случае добросовестного поведения во время процедуры банкротства» – говорится в Обзоре [10, с.

71]. Ранее считалось, что в банкротстве долги по субсидиарной ответственности списанию не подлежат.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что повышение эффективности механизма привлечения к субсидиарной ответственности в России с учетом опыта применения доктрины в англо-саксонской системе возможно за счет: развития превентивных инструментов (таких как, усиление на законодательном уровне контроля за внутренним аудитом крупных сделок); усиление роли судебно бухгалтерской экспертизы в делах о банкротстве; повышение прозрачности бенефициарного владения; заимствование Россией акцента на доказательстве умысла (на примере США).

В связи мировой цифровизацией экономики и сложностью отслеживания бенефициаров, усилением международного сотрудничества в борьбе с отмыванием денег в англосаксонских юрисдикциях возможен рост числа дел о снятии корпоративной вуали. Для США был бы полезен опыт РФ по установлению более четких презумпций выгоды для определения бенефициара и аффилированных с ним лиц, выявления негативных последствий для компании и установления причинно-следственных связей действия/бездействия бенефициаров, а также опыта привлечения номинальных лиц с целью раскрытия информации о конечном бенефициаре и его активах, в том числе скрытых и осужденных.

Субсидиарная ответственность и доктрина снятия корпоративной вуали выполняют схожую функцию – сдерживание корпоративных злоупотреблений. Однако, российский подход более ориентирован на защиту кредиторов, тогда как англосаксонский подход делает ставку на стабильность бизнеса и требует убедительных доказательств умысла. Гармонизация этих моделей могла бы повысить эффективность борьбы с недобросовестными практиками, сохранив баланс интересов бизнеса и кредиторов. Дальнейшее развитие института в России должно идти по пути дальнейшей конкретизации норм и усиления превентивной функции.

Список литературы:

[1] Белясов С.Н., Щербинина И.В. Руководитель и иные контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности в процессе банкротства: понятие и квалифицирующие признаки // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 1. – С. 36 - 41.

[2] Быканов Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве // Диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук. – 2018. 269 с.

[3] Дедкова Е.А. Актуальные проблемы и перспективы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в России // Журнал Universum: экономика и юриспруденция, 2025. 21 с.

[4] Долгорукий А.И. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в российском праве как снятие корпоративной вуали в зарубежном праве. Юридическая наука, 2021. 70 с.

[5] Емалтынов А. Р. Процессуальные аспекты уменьшения размера субсидиарной ответственности в связи с раскрытием информации о контролирующих лицах // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. С. 43 – 47.

[6] Михайлов Д.Ю. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве по законодательству России и США// Образование и право, 2022. с. 146.

[7] Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве// Актуальные проблемы российского права. 2021. С. 35-44.

[8] Толмачева И.А. Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства по законодательству Российской Федерации // Юридическая наука №8, 2021. 30 с.

[9] Шагиев Б. В., Камышов А.А. Возникновение и развитие института субсидиарной ответственности в новейшей истории России. /Образование и право, 2023. № 2. 371 с.

[10] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 года) // КонсультантПлюс.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 42 от 23 декабря 2025 г. «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // КонсультантПлюс.

[12] Решение Верховного Суда Соединенного Королевства от 12.06.2013 Prest v. Petrodel Resources Ltd// Правоведение, 2013, № 5 (310)

References:

[1] Belyasov S.N., Shcherbinina I.V. Head and other persons controlling the debtor as subjects of

subsidiary liability in the bankruptcy process: concept and qualifying features//Arbitration and civil proceedings. – 2021. – № 1. - S. 36 - 41.

[2] Bykanov D.D. “Penetrating responsibility” in foreign and Russian corporate law//Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – 2018. 269 pp.

[3] Dedkova E.A. Actual problems and prospects of subsidiary liability of persons controlling the debtor in Russia//Universum Magazine: Economics and Jurisprudence, 2025. 21 pp.

[4] Dolgoruky A.I. Subsidiary liability of controlling persons of the debtor in Russian law as removal of the corporate veil in foreign law. Legal Science, 2021. 70 s.

[5] A. R. Emaltynov. Procedural Aspects of Reduction of Subsidiary Liability in Connection with Disclosure of Information on Controlling Persons// Arbitration and Civil Procedure. – 2020. – № 5. S. 43-47.

[6] Mikhailov D.Yu. Subsidiary liability in bankruptcy cases under the legislation of Russia and the USA//Education and Law, 2022. from. 146.

[7] Parkhomenko A.D. Similarities and differences in approaches to the legal regulation of subsidiary liability of persons controlling the debtor in Russian and foreign law//Current problems of Russian law. 2021. S. 35-44.

[8] I.A. Tolmacheva. Concept and legal nature of subsidiary liability in bankruptcy proceedings under the legislation of the Russian Federation// Legal Science No. 8, 2021. 30 s.

[9] Shagiev B.V., Kamyshev A.A. The emergence and development of the institution of subsidiary liability in the modern history of Russia. /Education and law, 2023. № 2. 371 pp.

[10] Review of judicial practice in bankruptcy cases of citizens (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025)//ConsultantPlus.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42 dated December 23, 2025 “On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 dated December 21, 2017 “On Certain Issues Related to Bringing the Debtor’s Controlling Persons to Justice in Bankruptcy “//ConsultantPlus.

[12] United Kingdom Supreme Court Decision 12.06.2013 Prest v. Petrodel Resources Ltd//Jurisprudence, 2013, no. 5 (310)

КАЙГОРОДОВ Антон Валерьевич,
Аспирант, Саратовской государственной
юридической академии, г. Саратов,
e-mail: av-kaygorodov@yandex.ru

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Новизна понятия «технологическая компания» для отечественного законодательства порождает вопрос о ее правовой природе. В статье представлен спектр мнений отечественных и зарубежных ученых о генезисе технологической компании как юридического лица. Выявлено отсутствие универсальной концепции происхождения технологической компании. Отмечается наличие специфических признаков, не входящих ни в одну из теорий юридических лиц, характеризующих технологическую компанию как правовой феномен.

Ключевые слова: технологическая компания, малая технологическая компания, юридическое лицо, правосубъектность, теории юридических лиц.

KAYGORODOV Anton Valerievich,
Postgraduate student Saratov State Law Academy,
Saratov

ABOUT THE LEGAL NATURE OF A TECHNOLOGY COMPANY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. The novelty of the concept of a “technology company” in Russian law raises the question of its legal nature. The article presents a range of opinions from Russian and international scholars on the genesis of the technology company as a legal entity. The lack of a universal concept of the origin of a technology company is revealed. Specific characteristics that characterize a technology company as a legal phenomenon, not included in any legal entity theory, are noted.

Key words: technology company, small technology company, legal entity, legal personality, theories of legal entities.

I. Введение

Технологический прогресс последних десятилетий кардинальным образом изменил окружающую действительность, поставив экономическую конкурентоспособность государства в зависимость от уровня ее научно-технологического прогресса. С использованием достижений последнего связан уровень роста валового внутреннего продукта. Можно смело заключить, что общепринятой и не нуждающейся в доказывании является корреляция инноваций, технологий и социально-экономического роста страны. В этой связи, одной из ключевых задач государственной политики является создание условий для устойчивого технологически ориентированного экономического роста, обеспечивающего конкурентоспособность национальной экономики.

Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от

20 мая 2023 г. № 1315-р, определяет достижение технологического суверенитета как результат реализации трех ключевых целей: формирование собственной базы критических и сквозных технологий, развитие производства высокотехнологичной продукции, создание высокоинтенсивной и комфортной инновационной среды. Ключевую роль в достижении указанных целей играют субъекты сферы технологического предпринимательства – отрасли, признанной государством одной из первостепенных для развития.

В целях реализации государственной политики в сфере технологического предпринимательства принят Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» закрепивший дефиниции технологических компаний (далее – ТК) и малых технологических компаний (далее – МТК) – российских коммерческих организаций, осуществляющих деятельность по разработке и

(или) производству продукции (оказанию услуг, выполнению работ) с использованием инновационных технологий.

Анализ положений указанного закона позволяет констатировать отсутствие норм, разграничивающих правовой статус ТК и МТК, а также то обстоятельство, что предмет правового регулирования рассматриваемого закона охватывает, преимущественно, лишь правовые основы деятельности МТК.

Статистические данные последних лет свидетельствуют о росте числа МТК в гражданском обороте. Более того, в рамках реализации мер государственной политики, количество таких компаний к 2030 г. планируется увеличить до 12 тысяч. Поскольку МТК являются разновидностью ТК, развитие таких компаний, равно как и сферы технологического предпринимательства в целом, не представляется возможным без уяснения правовой природы феномена технологической компании. Обращение к данной проблематике обусловлено тем, что именно субъекты права, претворяют, воплощают предписания юридических норм в жизнь путем правомерного поведения [13, с. 453].

Указанные обстоятельства обусловили цель настоящего исследования – раскрыть правовую природу технологической компании.

Для достижения поставленной цели были использованы историко-правовой, формально-юридический, системный методы, а также метод анализа.

II. Обзор литературы

На рубеже веков вопросы правовой природы юридических лиц широко освещались представителями зарубежной правовой мысли и нашли свое отражение в трудах Ф.К. фон Савиньи, А. Бринца, Э. Гельдера, П. Планиоля, Г. Безлера, О. фон Гирке, Р. Сайлеля, Л. Мишу и других. Существенное внимание исследованию обозначенного вопроса уделялось в отечественной цивилистике как дореволюционного времени: Н. Л. Дювернуа, Л. Л. Гервагеном, В. Б. Ельяшевичем, И. А. Покровским, Н. С. Суворовым, Г. Ф. Шершеневичем и другими, так и советской эпохи: С. И. Аскназием, С. Н. Братусем, А. В. Венедиктовым, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстым и другими. Оставаясь дискуссионной и актуальной, проблематика юридических лиц исследуется и в настоящее время В. К. Андреевым, С. И. Архиповым, Е. А. Сухановым, Н. В. Козловой и другими.

Несмотря на наличие в доктрине трудов, посвященных отдельным характеристикам технологической компании [7; 8], ее природа как правового феномена не получила комплексного доктринального осмысления. Принимая во внимание

значимость технологических компаний для отечественного оборота, степень научной разработанности соответствующей проблематики представляется недостаточной.

III. Материалы и методы

Генезис юридического лица, подобно многим правовым явлениям, восходит к римскому праву. Хотя большинство исследователей сходятся во мнении, что римский правопорядок не знал института юридического лица [15, с. 34], именно закономерности социальной и правовой организации римского общества послужили формированию архетипов современных юридических лиц. Иные же древние правовые системы были далеки от придания коллективам характера юридической личности: как замечает И. А. Покровский «идея юридического лица вообще для примитивного юридического мышления недоступна» [14, с. 256].

В юридической доктрине прообраз юридического лица традиционно усматривается в *municipes* – городских общинах, некогда бывшими суверенными, но сохранившими за собой хозяйственную самостоятельность в римском государстве. Именно свойство своеобразной имущественной и внешней организованности породило необходимость регламентации их положения в обороте. Так, римский правопорядок признал за такими общинами характерное некогда только для индивидов право искать и отвечать в суде [14, с. 259].

Вместе с тем, до других признаков, собственных современной юридической личности, муниципиям было еще далеко. Более того, множество других торговых, ремесленных, религиозных и иных имущественных объединений не имели даже этого и не могли, в силу одного лишь обладания общим имуществом, рассматриваться в качестве юридической личности [10, с. 16]. Однако, признание за муниципиями процессуальной правоспособности явило специфический толчок в римском правосознании, приведший к изданию ко времени правления императора Августа *lex Julia de collegiis*, которым закрепился разрешительный порядок создания коллегий: таковыми, *де-юре*, признавались лишь объединения, утвержденные сенатом.

Впрочем, идея юридической личности находит свое дальнейшее развитие лишь в более поздней правовой мысли. Своеобразная «идеальность» и «умозрительность» конструкции юридического лица обусловили формирование и развитие множества теорий, обосновывающих и, напротив, отрицающих существование юридической личности в обороте. В этой связи, усматривается важным для цели настоящего исследова-

ния дать краткую характеристику теориям природы юридического лица, оказавшим влияние на правовую мысль.

Постепенное развитие общества, расширение товарного оборота, усложнение торговых связей и формирование зачатков капиталистических отношений совокупно обусловили поиск новых форм коллективного предпринимательства. Одновременно с этим обострилась идея обособления личного имущества от целевого, предпринимательского, подталкивая право на осмысление возможности существования такой разграничительной конструкции. Наиболее резко возможность переросла в необходимость, столкнувшись с вопросом о том, подлежит ли ответственности юридическая личность. Решение этого вопроса стало отправным началом ветви теорий фиктивных лиц – отвечающий на вопрос папа Иннокентий IV признал ее *persona representata*, *persona ficta* [9, с. 390].

Теория фикции исходит из мысленного допущения существования субъекта, не обладающего собственной волей, а следственно и недееспособного, но правоспособного лишь в силу государственного установления, признания.

Идея фикции была развита в учении Ф.К. фон Савиньи как необходимый государству юридический прием для признания совокупности индивидов самостоятельной личностью. Юридическая личность – искусственное порождение правопорядка постольку, поскольку не обладает волей. Единственным, «истинным» субъектом права является человек чья воля, как уполномоченного представителя организации, и рассматривается гражданским правом волей самого юридического лица. Доказательство своей тезы Савиньи находит в представительстве сумасшедших и детей: их воля рассматривается как воля их представителей [6, с. 32].

Между тем, существование естественного субъекта, обособленного от искусственного, породило вопрос о действительной принадлежности прав последнего, несуществующего. Решение этого теоретического пробела явило дальнейшее развитие теории фиктивных лиц, базирующейся на исходной посылке: суть субъекта права только человек. Конструкция юридического лица здесь играет роль персонификации того имущества, которое принадлежит достижению определенной цели (А. Бринц) [4, с. 78], которым управляют администраторы и пользуются участники (Э. Гельдер) [4, с. 86], которое является формой обладания коллективной собственностью (П. Планиоль) [4, с. 84]. Однако же, указанные концепции фактически «субъективируют» объекты прав – имущество, оставляя иные черты юридической личности без внимания.

Тем не менее, акцент на имуществе как ключевой характеристике в конструкции юридического лица нашел свое место и в отечественной правовой мысли. Так, Г. Ф. Шершеневич усматривал в юридическом лице способ обособления имущества не только для достижения какой-либо общей цели, а, прежде всего, минимизации предпринимательских рисков, вызванных возможным обращением взыскания на капитал [18, с. 118]. Похожую точку зрения разделяет и Е. А. Суханов, рассматривая юридическое лицо как способ исключения или ограничения имущественной ответственности учредителей (участников) путем ее перенесения на нового субъекта права [16, с. 8].

В теории фиктивных лиц наличествует и подход не делающий акцентов на воле или имуществе. В частности, предполагается, что правопорядок может связать юридическую личность с чем угодно. В. Б. Ельяшевич, например, именует конструкцию юридического лица «общими скобками, которые обнимают различные по своей юридической сущности явления» [10, с. 24].

Однако, рассмотрение юридического лица как фикции разделяется в науке не всеми. Так развилось противопоставленное ему учение, основанное на иной посылке: суть лица и человек, и юридическая личность. Первенство в такой тезе связывается с именем Г. Безлера, выступившим против фикции следующим положением: «корпорация» самостоятельный, самоопределяющийся субъект, не зависящий от воли отдельных лиц [10, с. 2]. Дальнейшее развитие этой идеи связано с именем О. фон Гирке, усмотревшем в юридическом лице такого же волепоспособного субъекта как и человек, существование которого не зависит от государственного признания [9, с. 408]. Вместе с тем, аналогия с человеком доводит Гирке до иной, общеизвестной крайности: юридической личности приписывается наличие души, образованной из воли учредителей (участников) и тела в виде «организма союза», в совокупности образующее «общественный организм» [11, с. 92-93]. В результате, фиктивность генезиса юридического лица замещается его излишней биологизацией. Названное, впрочем, не помешало развитию реалистической теории, основанной на исходной посылке, но с реальностью другого рода – социальной. В согласие с ней вступили Р. Сайлель и Л. Мишу, с тем лишь исключением, что юридическая личность это никакой не общественный организм, а реальный человеческий коллектив, обособленный постольку, поскольку имеет собственный, отличный от его участников интерес и организацию, признанную правопорядком [12, с. 143]. Похожую точку зрения разделял и Н. С. Суворов, полагая, что наиболее удачной

дефиницией юридического лица является та, что передает ее значение как «общественной организации», «общественного организма», «органического соединения отдельных людей в одно целое» [15, с. 161].

В отечественной доктрине советского периода реальность юридической личности нашла свое отражение через призму господствующей идеологии: за «скобками» находился советский народ и его «проводник» в виде конкретного руководителя (А. В. Венедиктов) [5, с. 396-407], само советское государство как собственник имущества (С. И. Аскназий) [2, с. 436-445], руководитель с независимой от других участников волей (Ю. К. Толстой) [17, с. 122].

IV. Результаты

Исследование теорий природы юридического лица позволило выявить отсутствие универсальной юридической концепции происхождения технологической компании. Установлено, что существующие теоретико-правовые подходы, ориентированные на выяснение правовой природы юридических лиц, не учитывают стимулирующее начало правового режима технологической компании обусловленное публичными интересами. В связи с этим, представляется, что раскрытие правовой природы технологической компании должно основываться на ее функциях и целях для отечественного правопорядка как способа достижения технологического суверенитета.

V. Обсуждение и заключение

О. С. Иоффе, не находя сомнений в реальности юридической личности в то же время отмечал, что ее сторонники «не столько решали проблему юридического лица, сколько уклонялись от ее разрешения» [11, с. 312]. Представляется, что положения теории реальности, равно как и теории фикции, являют крайности исследования одного феномена – юридического лица. Опираясь на различные посылки, теоретические изыскания обеих теорий сводятся к одному и тому же, по обоснованному утверждению Н. В. Козловой, заключению – «юридическое лицо есть все то, что не будучи физическим лицом, признается субъектом права» [12, с. 147].

Каждая из теорий в зависимости от социально-экономических и исторических особенностей своего времени, концентрирует внимание на различных аспектах юридической личности. Помимо того, само возникновение и существование юридических лиц в конкретном правопорядке зависит, по справедливому замечанию Е. А. Суханова, от «особенностей социально-экономического и национально-исторического развития» [16, с. 15]. Специфика современной эпохи ориен-

тирует государственную экономическую политику на создание комфортной среды для глобального технологического лидерства Российской Федерации. В то же время, достижение этой цели, а равно и развитие отечественной экономики, не представляется возможным без активного государственного содействия развитию предпринимательства [1, с. 57]. Указанное обстоятельство находит свое отражение в правовом режиме регулирования деятельности технологических компаний и малых технологических компаний, предусматривающего комплекс мер государственной поддержки и стимулирования их деятельности.

Вместе с тем, назвав технологическую компанию фикцией, мы не достигнем цели исследования, ведь фикция, по обоснованному замечанию большинства правоведов находит себя лишь в качестве приема юридической техники, оказываясь совершенно непригодным способом научного объяснения явлений, фактически отстраняясь от выяснения их сущности [4, с. 76; 3, с. 317]. Нарекая технологическую компанию реально существующим коллективом, обособленным ввиду наличия особого интереса, воли и известной организации, мы столкнемся с отсутствием в обороте таких организаций в том качестве и количестве, которое бы обусловило их признание правопорядком как сложившегося явления социальной действительности. Напротив, государство выражает готовность признать людские коллективы технологическими компаниями при наличии определенных условий. В акте такого признания выражается не персонификация имущества или цели, не минимизация предпринимательских рисков и не форма выражения воли множества через единство, а способ стимулирования, развития стратегически важного для государства вида предпринимательской деятельности – технологического предпринимательства.

Список литературы:

- [1] Андреев В. К. О структуре правосубъектности юридического лица и формах осуществления совместной деятельности хозяйственных обществ / В. К. Андреев // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 3.
- [2] Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М. – 2008.
- [3] Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. – СПб. – Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – 2004.
- [4] Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. – М. – 1947.
- [5] Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М. – 2004. – Т. – 2.

[6] Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. – СПб. – 1888.

[7] Громова Е. А. Стимулирующий правовой режим предпринимательской деятельности технологических компаний // Проблемы права. – 2025. – №2 (98).

[8] Громова Е. А. Технологическая компания – новелла российского законодательства // Legal Bulletin. – 2025. – №1.

[9] Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. – М. – Зерцало-М. – 2014. – (серия Русское юридическое наследие).

[10] Ельяшевич В. Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. – СПб. – 1910.

[11] Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. – М. – Статут. – 2009.

[12] Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. – М. – Статут. – 2003.

[13] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. – 2002.

[14] Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Москва. – Издательство Юрайт. – 2024.

[15] Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: Статут. – 2000.

[16] Суханов Е. А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал российского права. – 2018. – №1. (253).

[17] Толстой Ю. К. О государственных юридических лицах в СССР // Вестн. Ленинград. ун-та. – 1955. – № 3.

[18] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М. - 1911.

References:

[1] Andreev V. K. On the structure of legal personality of a legal entity and forms of joint activities of business entities/V. K. Andreev//Journal of Russian Law. – 2024. – Т. 28. – № 3.

[2] Asknazy S.I. The main questions of the theory of socialist civil law. – М. - 2008.

[3] Arkhipov S.I. Subject of law: theoretical research. – St. Petersburg.. – R. Aslanov's publishing house "Legal Center Press." – 2004.

[4] Brother S. N. Legal entities in Soviet civil law. – М. - 1947.

[5] Venediktov A.V. Selected works on civil law: in 2 vols. М. - 2004. – Т. - 2.

[6] Gervagen L. L. Development of the doctrine of a legal entity. – St. Petersburg. – 1888.

[7] Gromova E. A. Stimulating legal regime of entrepreneurial activity of technology companies// Problems of law. – 2025. – №2 (98).

[8] Gromova E. A. Technology Company - a novel of Russian legislation//Legal Bulletin. – 2025. – №1.

[9] Duvernois N. L. Readings in civil law. Т. 1: Introduction. The doctrine of the face/Edited and with a preface by V. A. Tomsinov. – М. - Zerkalo-M. – 2014. – (series Russian legal heritage).

[10] Elyashevich V. B. Legal entity, its origin and functions in Roman private law. – St. Petersburg. – 1910.

[11] Ioffe O.S. Selected works on civil law: From the history of civilistic thought. Civil relations. Criticism of the theory of "economic law." 3rd ed., Isp. – М. - Statute. – 2009.

[12] Kozlova N.V. Concept and essence of a legal entity. Outline of History and Theory: A Study Guide. – М. - Statute. – 2003.

[13] Theory of state and law: a course of lectures/ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko. 2nd ed., Revised and add. М. - 2002.

[14] Pokrovsky I.A. History of Roman Law/I.A. Pokrovsky. – Moscow. – Ewright Publishing House. – 2024.

[15] Suvorov N. S. On legal entities under Roman law. – М.: Statute. – 2000.

[16] Sukhanov E. A. On Civil Legal Personality of State Legal Entities//Journal of Russian Law. – 2018. – №1. (253).

[17] Tolstoy Yu. K. On state legal entities in the USSR/Vestn. Leningrad. University. –1955. – № 3.

[18] Shershenovich G.F. Textbook of Russian civil law. – М. - 1911.

ПЬЯНЫХ Елена Павловна,
кандидат философских наук,
Уральский государственный университет путей сообщения,
доцент кафедры «Управление персоналом и социология»,
доцент,
e-mail: lena.cogito@yandex.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПЕРСОНАЛА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования правовой культуры, подчеркивается значение правовых компетенций в трудовой деятельности. К правовым компетенциям можно отнести следующие: знание трудового законодательства, знание корпоративной этики и регламентов, осведомленность об особенностях договорной работы, способность решать правовые проблемы, обеспечение информационной безопасности. В целях повышения правовой культуры персонала необходима разработка и внедрение комплексной системы, включающей разнообразные мероприятия. В условиях цифровизации приоритетное значение получают цифровые инструменты, такие как сайты и порталы организации, чат-боты. Эффективным инструментом, позволяющим персоналу получать правовую информацию, может служить вкладка «Правовая культура» на сайте организации, которая будет и аккумулировать информацию по правовым вопросам, служить площадкой для повышения правовой грамотности.

Ключевые слова: профессиональная культура, право, правовая культура, персонал, правовые компетенции.

RYANYKH Elena,
Cand. in Science (Philosophy),
Ural State University of Railway Transport,
Head of the HR Management and Sociology Department,
Associate Professor

LEGAL CULTURE OF PERSONNEL AS AN ELEMENT OF PROFESSIONAL CULTURE

Annotation. The article examines the problems of legal culture formation, emphasizes the importance of legal competencies in labor activity. Legal competencies include the following: knowledge of labor legislation, knowledge of corporate ethics and regulations, awareness of the specifics of contractual work, the ability to solve legal problems, and ensuring information security. In order to improve the legal culture of the staff, it is necessary to develop and implement an integrated system that includes a variety of activities. In the context of digitalization, digital tools such as organization websites and portals, and chatbots are gaining priority. An effective tool for staff to receive legal information can be the "Legal Culture" tab on the organization's website, which will also accumulate information on legal issues and serve as a platform for improving legal literacy.

Key words: professional culture, law, legal culture, personnel, legal competencies.

Профессиональная деятельность осуществляется на основе социальных норм, среди которых наиболее важными являются нормы права. Эффективность реализации правовых норм зависит от уровня правового сознания и правовой культуры субъектов общественной жизни.

Основные цели права достигаются посредством правомерных действий индивидов и организаций, их умения использовать свои права в

различных отношениях и взаимодействиях, в том числе профессиональных. Таким образом, правовая культура граждан во многом определяет их активность в правовой и профессиональной сферах жизни.

Специфика профессиональной культуры заключается в том, что она пронизывает все формы социальной жизни. В ее основе лежит ядро не только профессиональных, но и общечеловеческих ценностей. Гибко реагируя на изме-

нения социальной практики, культура выступает одним из мощных регуляторов жизнедеятельности человека и общества, воздействуя непосредственно на поведение людей во всех сферах – политике, экономике, праве и т. д.

Профессиональная культура включает в себя необходимые профессиональные знания, умения и навыки и профессиональный опыт, который помогает применению наиболее рациональных приемов для эффективной деятельности и ее результативности.

Для профессиональной культуры характерны также определенные нравственно-волевые качества, специфичные в данной трудовой сфере и составляющие основу профессиональной этики. Человек как субъект профессиональной деятельности имеет определенную совокупность ценностных ориентиров, которые необходимы для общения, поддержания и нормального функционирования в профессиональной сфере. Осознанные общие нормы человеческих отношений становятся предпосылкой свободного выбора наиболее целесообразного с точки зрения общественного мнения поведения в профессиональной среде.

Профессиональная культура невозможна без знания законов, регулирующих социальную и профессиональную деятельность. Общеизвестными этическими нормами профессиональной культуры во всем мире считаются соблюдение права неприкосновенности частной собственности; уважение к закону; соблюдение государственных требований и норм; верность данному слову; честная конкуренция; участие в благотворительных акциях; щепетильность и забота о своей собственной репутации и репутации фирмы и т. п. Соответственно работник должен знать как собственные профессиональные права и обязанности, так и нормы, свободы и права человека и гражданина в предусмотренных Конституцией демократических принципах и институтах.

Профессиональная культура формируется под влиянием внешних факторов: государственная политика; степень усвоения демократических ценностей; поддержание идей равенства и принципы взаимоуважения, дающие возможность взаимодействовать на основе взаимопонимания и согласия. Поэтому работнику любой отрасли необходимо знать особенности функционирования государства, возможности и инструменты реализации и защиты профессиональных и конституционных прав и свобод.

Сегодня правовая грамотность является важным условием национальной безопасности личности, общества, государства. К сожалению, правовая информированность граждан не в полной мере отвечает современным постоянно усложняющимся потребностям, хотя именно

информационное поле остается основной предпосылкой формирования правовой культуры личности.

В формировании правовой и профессиональной культуры заинтересовано значительное количество субъектов: государство и иные политические субъекты, социальные и профессиональные общества и союзы, работодатели, граждане, поскольку правовая грамотность является гарантом безопасности государства, общества и личности.

Правовая культура формируется в процессе социализации, осуществляющемся на протяжении всей жизни индивида. Большую роль в этом играют институты образования, политические и правовые институты, СМИ. Поскольку большинство граждан заняты трудовой деятельностью, значительная часть их жизни проходит на рабочем месте. Работающие граждане находятся в правовых отношениях с работодателем, и те, и другие действуют в рамках правового поля, очерченного большим количеством законов, подзаконных актов, локально-нормативных установлений. Формирование правовой культуры способствует тому, что все стороны трудового процесса четко знают и понимают свои права, обязанности и свободы, осознают необходимость действовать исключительно в рамках закона.

Существует множество определений и подходов к понятию «правовая культура». Правовая культура представляет собой комплексное явление, включающее знание, понимание и уважение права, осознанное использование его предписаний во всех сферах жизнедеятельности, в том числе профессиональной.

Правовая культура персонала организации есть совокупность правовых знаний, установок, ценностей и поведения сотрудников, проявляющихся в соблюдении законов, норм и правил, установленных государством и работодателем. Она включает уровень правовой грамотности работников, понимание ими ответственности перед законом и готовность действовать в рамках правового поля.

Правовая культура персонала подразумевает наличие у сотрудников правовых компетенций. Термин «правовые компетенции» или «правовая компетентность» чаще всего употребляют по отношению к специалистам, профессионально связанным с правовой деятельностью. По отношению к работникам неюридических отраслей этот термин практически не применяется. Либо подразумевается как некая априорная данность. Между тем, далеко не все работающие граждане эффективно ориентируются в отраслях права, регулирующих их профессиональную деятельность (трудового, гражданского, административного). Социологические данные свидетельствуют

о том, что «в обществе есть запрос на повышение правовой грамотности – так, 40% хотели бы посетить специальные курсы по правовой тематике, 78% говорили о том, что правовой грамотности необходимо обучать детей» [1]. Согласно опросам, «большинство россиян оценивают свою правовую грамотность как среднюю (63%), лишь небольшой процент считают её высокой (26%)» [2].

Одной из важных задач работодателей следует полагать формирование правовой культуры и правовых компетенций работников. К правовым компетенциям можно отнести следующие:

- знание трудового законодательства.

Эффективная трудовая деятельность невозможна без знания работниками основных положений Трудового кодекса РФ. Первоочередное знание – знание норм и процедуры трудоустройства и увольнения, оплаты труда, дисциплинарной ответственности, охраны труда и т.п.

- соблюдение корпоративной этики и регламентов.

Сотрудники должны быть своевременно ознакомлены (под роспись) с содержанием внутренних локальных нормативных актов организации, как обязательных, так и факультативных. В первую очередь речь идет о штатном расписании, правилах внутреннего трудового распорядка, защите персональных данных и др. Также работники заинтересованы в реализации своих социальных прав, поэтому одна из обязанностей работодателя – четко информировать персонал об элементах социального пакета и возможностях их получения.

- осведомленность о договорной работе.

Сотрудники, работающие на договорных условиях, должны понимать принципы заключения договора, основанные на нормах гражданского законодательства.

- для руководителей различного уровня большое значение имеет работа с юридическими рисками. Хотя этим занимается обычно юридический отдел, с руководителей не снимается ответственность за анализ и оценку юридических рисков принимаемых решений и возможных негативных последствий (например, неправомерное увольнение работников, невыплата или задержка заработной платы и т.п.).
- способность решать правовые проблемы.

«Каждому пятому опрошенному (22%) в прошлом году приходилось сталкиваться с нарушением своих прав» [3], в том числе со стороны работодателя. Однако «россияне предпочитают сами, «на месте» разрешать ситуацию с теми, кто нарушил их права, не обращаясь в судебные инстанции и к юристам. Так поступали 42% среди тех, кто сталкивался с нарушениями прав» [4]. В

таком случае речь идет не только о правовой некомпетентности, но и неповоротливой судебной практике, когда тяжбы могут длиться годами.

- обеспечение информационной безопасности.

Эта компетенция требует владения правилами защиты коммерческой тайны, конфиденциальной информации, способность обеспечить соблюдение режима секретности и правовой охраны интеллектуальной собственности.

Перечисленные компетенции можно считать основными в профессиональной деятельности. Кроме того, можно добавить умение участвовать в процедурах улучшения правовой среды организации, вносить идеи по совершенствованию внутренних документов, разработке новых положений.

Формирование правовых компетенций персонала и, как следствие правовой культуры организации, позволит избежать ряда проблем, к которым можно отнести нарушение трудовой дисциплины, техники безопасности, игнорирование и нарушение положений локальных нормативных актов организации, конфликтные ситуации, низкая мотивация и вовлеченность персонала, коррупция и др.

В предмет социальной ответственности организации целесообразно также включить правовое просвещение работников и за пределами их рабочего пространства. Выполнение различных социальных ролей – родитель, член домохозяйства, потребитель, обучающийся и др. – требует знания соответствующих прав и обязанностей, механизмов защиты собственных интересов, отношения к другим людям через призму их прав и свобод. Множества конфликтных ситуаций можно избежать, если стороны обладают единым представлением о праве и законе.

В целях повышения правовой культуры персонала через развитие и совершенствование правовых компетенций необходима разработка и внедрение комплексной системы, включающей разнообразные мероприятия.

В условиях цифровизации приоритетное значение получают цифровые инструменты, такие как сайты и порталы организации, чат-боты. Эффективным инструментом, позволяющим персоналу получать правовую информацию, может служить вкладка «Правовая культура» на сайте организации, которая будет содержать и аккумулировать информацию по правовым вопросам, служить площадкой для повышения правовой грамотности. При этом акцент стоит сделать делается на практические краткосрочные курсы, которые сотрудники проходят прямо на рабочем месте. Такие курсы целесообразно оформить в форме, сочетающей теоретический материал и практические задания. Изучив теоретические

аспекты правовой грамотности, сотрудник может соревноваться с другими коллегами в виде тестирований, заданий и кейсов. Результаты соревнования формируют рейтинг сотрудников в целом (между всеми подразделениями), внутри конкретного структурного подразделения или внутри определенной должности. Оценка полученных компетенций происходит с помощью тестирования. Данный раздел позволяет отработать теоретические вопросы. В случае допущения ошибки, сотруднику будет доступен верный ответ, а также пояснение.

Приложение будет доступно постоянно, поэтому работники могут пользоваться им в любое удобное для них время, как по мере необходимости, так и в рамках обучающих мероприятий.

Можно использовать ситуационные игры, дискуссионные онлайн-площадки, целью которых будет обмен личным опытом и мнениями в

формате сторис. Использование сторителлинга для осведомления сотрудников очень актуально в эпоху цифровизации. Например, сообщения отдела нормирования, содержащие информацию о сдельной и повременной оплате труда, о возможных графиках работы, правильной расшифровке своего расчетного листа, помогут избежать лишних вопросов со стороны персонала.

В программе (сайте) обязательно должны быть настроены активные ссылки, чтобы сотрудник мог в любое время получить доступ к правовым документам. Таким образом работники будут учиться работать с правовой информацией самостоятельно, привлекать специалистов юридического отдела только в случае крайней необходимости.

Резюмируем основные предложения по повышению правовой грамотности персонала в *таблице 1*.

Таблица 1. Фрагмент программы (приложения) «Правовая культура» для сотрудников

Блок	Активность	Цель
Справочно-правовая информация	-«Консультант+» -Трудовой кодекс РФ -Гражданский кодекс РФ -Административный кодекс РФ -Библиотека правовой литературы - Ссылки на все основные правовые процедуры, связанные с трудовой деятельностью	Обеспечение доступной правовой информацией
Практикум	- По работе с ИПС ФСО России «Законодательство России» - По использованию СПС «Консультант+».	
Разъяснения юриста	-Правила работы с нормативной документацией организации; -Социальные права и льготы -Правила получения компенсаций - Правила получения налогового вычета	Формирование правовых ориентаций
Онлайн-обучение	-Закон как инструмент обеспечения безопасности -Антикоррупционная политика -Противодействие мошенничеству -Как защитить свои финансовые права - Как оформить доверенность? - Основы семейного права	Распространение правовых знаний

Ситуационные игры (case-study)	- «Права потребителя» - «Права и обязанности работника» - «Как выйти из конфликтной ситуации, не нарушая закон?» - «Что делать, если вымогают взятку?»	Осведомленность о правах и обязанностях
Дискуссионная онлайн-площадка	- Обмен личным правовым опытом (можно в формате сторис)	Повышение правовой активности и вовлеченности

Можно рекомендовать работодателю проводить короткое (6-8 часов) онлайн-обучение правовой грамотности, которое будут осуществлять специалисты правовой службы организации, а также представители правоохранительных органов и прокуратуры. По завершении онлайн-обучения целесообразно провести короткое тестирование.

Сведение необходимой и актуальной информации в единую систему позволит работодателям решить ряд основных задач:

- оперативно информировать персонал об изменениях в Трудовом и Гражданском кодексах, иных правовых документах;
- сформировать и развить навык самостоятельного решения юридических вопросов;
- обеспечить профилактику нарушений трудового и иного законодательства;
- умение поступать в соответствии с законом в любых ситуациях;
- поддерживать корпоративную дисциплину;
- снизить юридические риски;
- воспитывать уважение к праву и закону.

Список литературы:

[1] Россияне охотнее отстаивают свои права в теории, чем на практике // <https://nafi.ru/analytics/>

[2] Гауч О.Н. Роль правовой информированности в становлении гражданина общества: данные социологического исследования // <https://research-journal.org/en/archive/12-102-2020-december/>

[3] Россияне охотнее отстаивают свои права в теории, чем на практике // <https://nafi.ru/analytics/>

[4] Россияне охотнее отстаивают свои права в теории, чем на практике // <https://nafi.ru/analytics/>

References:

[1] Russians are more willing to defend their rights in theory than in practice// <https://nafi.ru/analytics/>

[2] Gauch O.N. The role of legal awareness in the formation of a citizen of society: data from sociological research// <https://research-journal.org/en/archive/12-102-2020-december/>

[3] Russians are more willing to defend their rights in theory than in practice// <https://nafi.ru/analytics/>

[4] Russians are more willing to defend their rights in theory than in practice// <https://nafi.ru/analytics/>

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

АСОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА: СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА, ОТРИЦАТЕЛЬНО ВЛИЯЮЩАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Под воздействием группового мнения правовые и нравственные взгляды подростков претерпевают существенные изменения в сторону негативного их столкновения, в связи с чем сознание подростков все больше искажается, а противоправные формы поведения становятся более приемлемыми.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, несовершеннолетние осужденные, асоциальная группа.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute

ASOCIAL GROUP: SOCIO-PEDAGOGICAL REASON NEGATIVELY AFFECTING THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Annotation. Under the influence of group opinion legal and moral views of teens are undergoing significant changes in the direction of their negative impact, due to the consciousness of the young people are increasingly distorted, and illegal behaviors are becoming more acceptable.

Key words: spiritual and moral values, juvenile offenders, antisocial group.

Анализ преступлений несовершеннолетних осужденных показывает, что они преимущественно совершаются группами. Данные исследований свидетельствуют о том, что это, как правило, случайные, неустойчивые или устойчивые группы с отрицательной направленностью, совершающие преступления на основе, с одной стороны, подражания и взаимоподражания друг другу, с другой стороны, под влиянием

прямого или косвенного подстрекательства взрослых, под влиянием книг и кинофильмов, пропагандирующих похождения преступников.

Группа отрицательной направленности (группировка отрицательной направленности) — это неформальное объединение лиц, которые придерживаются традиций и обычаев криминальной субкультуры, стремятся к совместной противоправной деятельности.

Такие группы могут формироваться, например, в исправительных учреждениях (ИУ). Их цель — укрепить своё влияние среди осуждённых, присвоить властные полномочия, оказывать противодействие законным действиям сотрудников администрации.

Причины формирования

Некоторые факторы, влияющие на формирование групп отрицательной направленности:

- Стремление лидеров криминальной среды к власти. Они хотят увеличить своё влияние на основную часть осуждённых и администрацию учреждения.
- Стрессовая ситуация из-за факта осуждения к лишению свободы. Лишение свободы (особенно для лиц, осуждённых впервые) оказывает влияние на психику осуждённого: изоляция от привычной среды, нарушение сложившихся социально полезных контактов и связей.
- Недостатки в деятельности ИУ — как материального, так и морального плана.
- Наличие криминальной субкультуры в местах лишения свободы. Отдельные элементы субкультуры (музыка, слова и фразы жаргона, стиль одежды) популярны среди определённых слоёв общества, что способствует формированию единой противоправной линии поведения осуждённых.

Виды

В группах отрицательной направленности могут быть:

- Ядро группы — лидер и активные участники, которые принимают реальное участие в решении всех вопросов жизнедеятельности группы.
- Исполнители — лица, которые выполняют решения группы (зачастую связанные с совершением правонарушений), за что пользуются материальной, а при необходимости и физической поддержкой. В группе такие осуждённые занимают самое низкое неформальное положение и в случае потери к ним интереса со стороны группы исключаются из её состава.

Группы отрицательной направленности могут быть как открытыми, так и скрытыми.

Признаки

Некоторые признаки, характеризующие группы отрицательной направленности:

- Противодействие установленному порядку в ИУ.
- Распространение норм тюремной субкультуры.
- Негативное отношение к представителям администрации учреждений и их законным действиям.

- Стремление к доминированию над другими осуждёнными, лишёнными свободы.
- Нарушения режима отбывания наказания, противодействие администрации, отказ работать. Эти цели и действия могут проявляться как в открытой, так и в скрытой форме.

Меры противодействия

Важно быстро выявить, предупредить и пресечь случаи формирования таких групп и их незаконные действия в условиях лишения свободы.

Некоторые меры:

- Профилактическая работа — выявление организаторов и активных участников группировок отрицательной направленности, принятие мер к их разобщению.
- Оперативно-розыскные мероприятия — сотрудники ИУ используют гласные и негласные методы и средства оперативно-розыскной деятельности для выявления групп отрицательной направленности.
- Меры превентивного характера — при установлении фактов влияния лидеров с отрицательной направленностью личности на других осуждённых, попыток создания групп для руководства осуждёнными и противодействия администрации к ним применяются меры по их развенчиванию, изоляции, переводу в другие ИУ, изменению режима.

Для успешного решения проблемы противодействия группам отрицательной направленности важно ведомственное и межведомственное взаимодействие среди сотрудников.

Что касается несовершеннолетних, то попадая в малую группу, они включаются в иную систему взаимодействия и взаимовлияния, которую можно обозначить следующим образом — «неофициальная группа — несовершеннолетний правонарушитель».

Эта система является актуальной для несовершеннолетнего правонарушителя потому, что основные звенья взаимодействия, входящих в нее подсистем (мотивы, цели, средства и способы и результат) оказываются не противоречащими друг другу. Действительно, несовершеннолетний правонарушитель охотно принимает мотивы и цели неформальной группы. От членов группы не требуется каких-то особых знаний, умений и навыков, которые не превышали бы его возможности в данный момент. Основным результатом общения в рамках группы — удовлетворение потребности в общении, самоутверждении, достигаемый без особых усилий, укрепляет мотивацию участия в ней, способствует легкости принятия целей деятельности группы, какими бы объективно отрицательными они не были.

Важно, что они принимаются субъективно и разделяются в деятельности. Впоследствии, по мере углубления связей несовершеннолетнего правонарушителя с группировкой, регулярного участия в негативных действиях, у несовершеннолетнего правонарушителя происходит все большее сближение мотивов самоутверждения, общения и мотивов, связанных с сугубо «деловой», отрицательной сферы деятельности группы. Причем большинство правонарушителей в группе нередко являются лишь пассивными исполнителями. Влияние группы для таких правонарушителей – решающий фактор совершения правонарушения. Изучение мотивов совершения ими преступлений в группе позволило сделать вывод, что они руководствуются, прежде всего, престижными мотивами и стремлением быть вместе с группой во что бы то ни стало.

Асоциально-криминальные группы имеют другую природу образования по сравнению с социально полезными группами. Они представляют собой стихийно сложившееся неформальное объединение, возникшее вопреки деятельности социально полезных групп, в результате накопившихся деформаций в социальных отношениях и общении, на основе психологических отношений между ее членами. Они вторичны по своему происхождению от формальной организации. Их зарождению предшествует ряд условий, способствующих консолидации разрозненных отчужденных личностей в единое целое. Тщательный анализ этих условий позволил И.П. Башкатову выделить следующее:

1. Прежде всего, это наличие различных деформаций в деятельности, отношениях и общении социально полезных групп, которые формируют те или иные негативные качества у подростков. Сюда относятся деформации в семейных отношениях, недостатки в учебно-воспитательной работе школ, ПУ, производственных коллективах, общественных организациях и др.
2. Возникающее на основе этих деформаций нарушение нормального взаимодействия подростков с социальной средой, а также появление первых отклонений в деятельности и поведении подростков, отсутствие у них твердых нравственных взглядов и убеждений.
3. Перенос общественно-организаторской и коммуникативной активности подростков в сферу свободного общения, которое носит поисковый характер, и в связи с этим увеличение у них стихийно возникающей, неорганизованной асоциальной деятельности и отношений.
4. Постепенное отчуждение подростков от первичных социально полезных групп

(семьи, класса, учебной группы, производственного коллектива), что влечет за собой нарушение социализации личности.

5. Появление в рамках социально полезных групп первых признаков асоциальной группы, выражающихся в аморальных взглядах, нормах и ценностях, вступающих в противоречие с установками официальной организации.
6. Наличие за пределами социально полезных групп асоциальных, отчужденных лиц, склонных к антиобщественному поведению, и групп асоциальной направленности. Сюда относятся лица и группы без определенных занятий, ведущих паразитический образ жизни, злоупотребляющих спиртными напитками, склонных к наркомании, нарушающих дисциплину и общественный порядок.

Воздействие группы на подростка будет тем сильнее, чем значимее она для подростка. Для подростков группа становится единственным местом, где они могут компенсировать свои недостатки, получить признание и одобрение сверстников, испытать чувство психологического комфорта. Их взгляды и привычки, навыки поведения и убеждения, нормы и ценности все больше формируются под воздействием асоциальных групп, которые для подростков становятся референтными. Эта референтность асоциальных групп в ориентации индивидуального поведения подростков выполняет две функции: нормативную и социально-сравнительную.

Таким образом, негативные эталоны поведения, взгляды и привычки, сформированные у подростков в семье и ближайшем бытовом окружении, аккумулируются в асоциальных группах. Под воздействием группового мнения правовые и нравственные взгляды подростков претерпевают существенные изменения в сторону негативного их столкновения, в связи с чем сознание подростков все больше искажается, а противоправные формы поведения становятся более приемлемыми.

Список литературы:

- [1] Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М.: Информпечать, 2000
- [2] Кудрявцев В.Н. Мотивы преступного поведения // Юридическая психология №4, 2007
- [3] Литвишков В.М. Формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных. Рязань, 1999
- [4] Петин И.А. Основное условие формирования преступной направленности поведения человека // Юридическая психология №3, 2007

[5] Шамсунов С.Х., Чернышова Д. Личность несовершеннолетних осужденных без изоляции от общества // Закон и право. 2012. № 5.

[6] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[7] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[8] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной probation // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С. 45-51.

[9] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[12] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 374-379.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[15] Гузев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[16] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.

References:

[1] Bashkatov I.P. Psychology of informal teenage and youth groups. M.: Informpechat, 2000

[2] Kudryavtsev V.N. Motives of criminal behavior // Legal psychology No. 4, 2007

[3] Litvishkov V.M. Formation of an educational team of juvenile convicts. Ryazan, 1999

[4] Petin I.A. The main condition for the formation of a criminal orientation of human behavior // Legal Psychology No. 3, 2007

[5] Shamsunov S.Kh., Chernyshova D. Identity of juvenile convicts without isolation from society // Law and law. 2012. № 5.

[6] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities // Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[7] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology / Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[8] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation // Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S. 45-51.

[9] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers / International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist / In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia // Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[12] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing / International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 374-379.

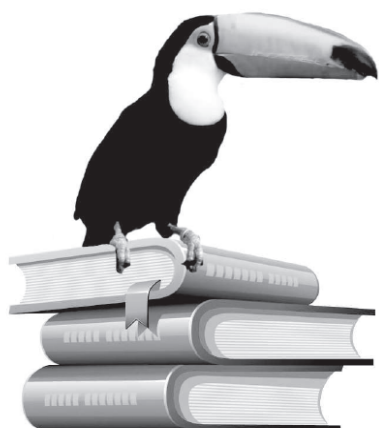
[13] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[15] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and

social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[16] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. «Postgraduate Library» St. Petersburg. 222. S. 32-36.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СТРЕЛЬЦОВ А.В.,

Московский финансово-юридический университет, аспирант,
Московский государственный строительный университет,
студент кафедры технологий и организации строительного производства,
Ассоциация СРО «Центризыскания»,
e-mail: StreltsovAV@sro-ciz.ru

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ, ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ТИПОВЫЕ НАРУШЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются особенности саморегулирования в архитектурно-строительном проектировании с акцентом на правовые риски и наиболее распространенные нарушения, возникающие в процессе подготовки и оценки проектной документации. Цель работы состоит в выявлении проблемных зон действующей модели саморегулирования и определении факторов, которые влияют на качество проектных решений, устойчивость проектных организаций и соблюдение обязательных требований. Методологическую основу составили анализ научных публикаций, изучение нормативных правовых актов, сравнительный и формально-юридический подходы, а также обобщение материалов, связанных с оценкой качества, автоматизацией проектирования и риск-ориентированным отбором проектировщиков. Особое внимание уделено соотношению государственного регулирования и саморегулирования, роли внутренних стандартов, проблеме единообразия технико-экономических показателей и влиянию цифровизации на проектную деятельность. Установлено, что правовые риски в данной сфере обусловлены не только ошибками исполнителей, но и неполной согласованностью нормативной базы, различиями в подходах к оценке качества и недостаточной определенностью критериев отбора и контроля. Показано, что снижение типовых нарушений связано с переходом к более прозрачной системе оценки проектировщиков, унификацией обязательных требований и укреплением превентивной функции саморегулирования в архитектурно-строительном проектировании.

Ключевые слова: саморегулирование в строительстве; архитектурно-строительное проектирование; правовые риски; проектная документация; оценка качества; типовые нарушения.

STRELTSOV A.V.,

Moscow university of finance and law MFUA, postgraduate,
Moscow state construction university, student of technologies
and organization of construction production faculty,
Association SRO «Tsentrizyskaniya»

SELF-REGULATION IN ARCHITECTURAL AND CONSTRUCTION DESIGN: LEGAL RISKS AND TYPICAL VIOLATIONS

Annotation. The article examines the features of self-regulation in architectural and construction design with a focus on legal risks and the most common violations arising in the preparation and assessment of design documentation. The purpose of the study is to identify the problem areas of the current self-regulatory model and to determine the factors affecting the quality of design solutions, the stability of design organizations, and compliance with mandatory requirements. The methodological basis includes the analysis of academic literature, the study of legal and regulatory acts, comparative and formal legal approaches, as well as the generalization of materials related to quality assessment, design automation, and risk-oriented selection of designers. Particular attention is paid to the relationship between state regulation and self-regulation, the role of internal standards, the issue of consistency in technical and economic indicators, and the impact of digitalization on design activity. It is established that legal risks in this field are caused not only by the errors of performers, but also by the incomplete coherence of the regulatory framework, differences in approaches to

quality assessment, and the insufficient clarity of selection and control criteria. It is shown that the reduction of typical violations is associated with a more transparent system for evaluating designers, the unification of mandatory requirements, and the strengthening of the preventive function of self-regulation in architectural and construction design.

Key words: *self-regulation in construction; architectural and construction design; legal risks; design documentation; quality assessment; typical violations.*

Введение

Архитектурно-строительное проектирование сегодня развивается под влиянием цифровых технологий, усложнения нормативных требований и роста требований к качеству проектной документации. Предмет исследования составляют отношения, возникающие в системе саморегулирования проектной деятельности, прежде всего в части качества проектных решений, соблюдения обязательных требований и возникновения правовых рисков. Актуальность темы связана с тем, что проектирование прошло путь от ручной модели к системам автоматизированного проектирования, информационному моделированию зданий и искусственному интеллекту, однако даже на современном этапе сохраняются проблемы точности, корректности и универсальности решений [1].

Степень изученности проблемы остается неравномерной: технологическая эволюция проектирования исследована заметно лучше, чем правовые механизмы оценки качества. При этом именно в нормативной части сохраняются существенные пробелы. На законодательном уровне не закреплены понятия технико-экономического обоснования и технико-экономических показателей применительно к архитектурно-строительному проектированию, а одинаковые по названию показатели в разных документах рассчитываются по-разному [2].

Цель исследования состоит в выявлении правовых рисков и типовых нарушений в системе саморегулирования архитектурно-строительного проектирования. Для этого необходимо установить влияние технологических изменений на проектную деятельность, выявить пробелы нормативного регулирования и определить наиболее уязвимые элементы проектной документации. Рабочая гипотеза состоит в том, что значительная часть рисков возникает не только из-за ошибок проектировщика, но и из-за несогласованности обязательных показателей и порядка их расчета, в том числе в составе проектной документации, формируемой по требованиям постановления Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 № 87.

Материалы и методы

Материальную основу исследования составили научные публикации по вопросам саморегу-

лирования в строительстве, архитектурно-строительного проектирования, оценки качества проектных решений, автоматизации проектной деятельности и правового регулирования профессиональной деятельности в строительной сфере. В качестве исследовательского материала использовались также действующие нормативные правовые акты, регулирующие подготовку проектной документации, деятельность саморегулируемых организаций, требования к технико-экономическим показателям и порядок оформления проектно-сметной документации.

Методическая основа работы построена преимущественно на анализе литературных источников и нормативного массива. Применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Дополнительно использовались элементы системного подхода и правового моделирования, что позволило сопоставить научные позиции, выявить пробелы регулирования, установить наиболее типичные правовые риски и определить нарушения, возникающие в практике архитектурно-строительного проектирования.

Результаты

Архитектурно-строительное проектирование все заметнее смещается от традиционной схемы к цифровой модели работы, где ключевое значение приобретают BIM-технологии и программные комплексы Revit, ArchiCAD, Allplan [3]. На практике это дает более точную координацию инженерных систем, сокращает число проектных ошибок и повышает управляемость жизненным циклом объекта. Одновременно сохраняется разрыв между проектной теорией и реальными условиями строительства: ландшафтные, климатические и эксплуатационные факторы нередко учитываются уже после подготовки основных решений, из-за чего возрастают сроки реализации, перерасход бюджета и риск снижения качества проектной документации.

Для выбора проектировщика существенным оказался не только опыт, но и уровень устойчивости организации. В рабочую модель включены две группы критериев: статические, отражающие текущее состояние предприятия, и динамические, показывающие изменение показателей во времени [4]. Мониторинг предложено

вести минимум по пяти блокам совокупной стоимости рисков: архитектурное проектирование, строительство, организационно-управленческие процессы, финансово-экономические процессы и поставки. Если цена проектных работ завышена, требуется повторное определение началь-

ной цены по трудоемкости; если цена занижена, обязательной становится оценка способности исполнителя вести два и более проекта одновременно. Это переводит риск из абстрактной категории в управляемый показатель отбора и контроля.

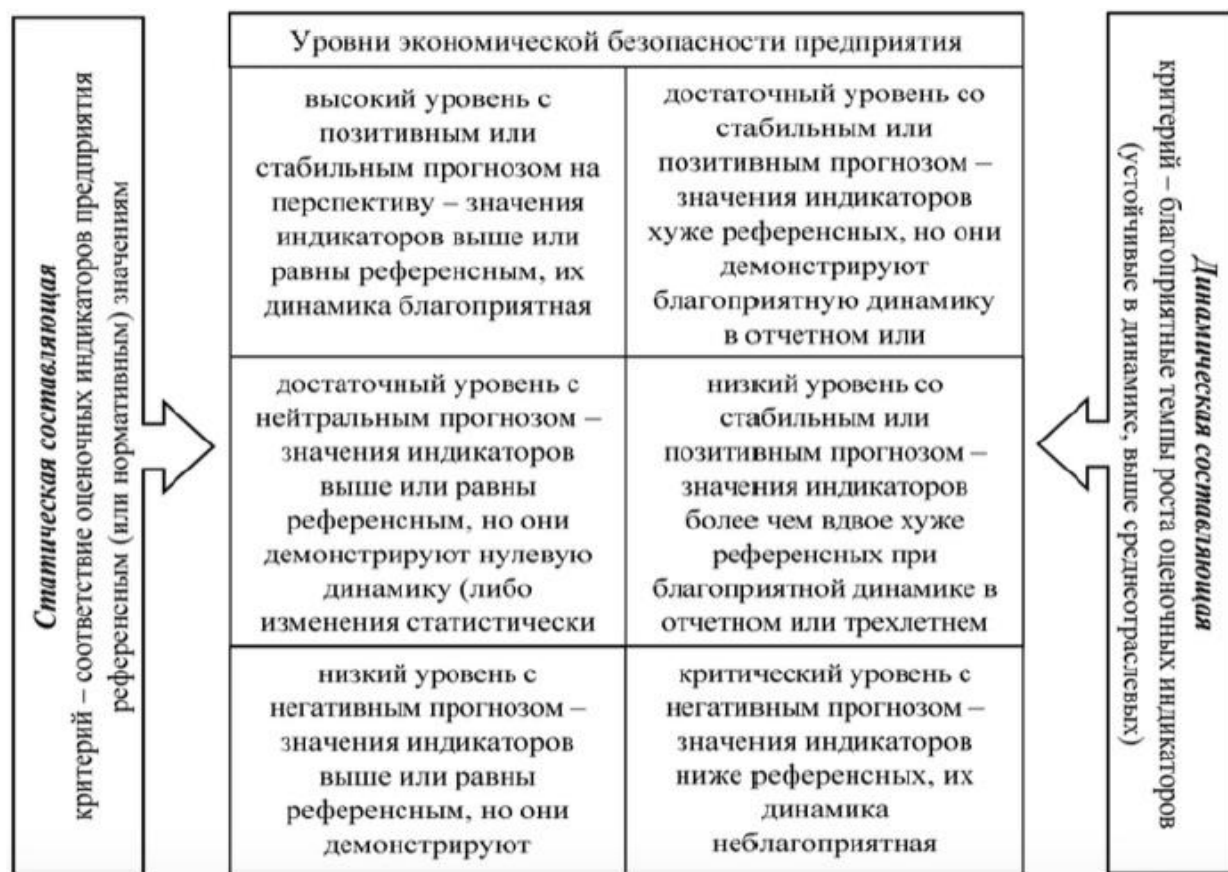

Рис. 1. Статический и динамический компоненты экономической безопасности строительного предприятия [4]

Fig. 1. Static and dynamic components of the economic security of a construction enterprise [4]

Правовая конструкция саморегулирования в капитальном строительстве показала ограниченную пригодность для полного вытеснения государственного контроля. Российская модель была институционально оформлена после принятия Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ, а с 1 января 2009 г. прекратилась выдача лицензий на проектирование, строительство и инженерные изыскания, с 1 января 2010 г. — на иные строительные виды деятельности [5]. Вместе с этим проблема надежности системы не исчезла: надзор за соблюдением требований сохранился за государством, включая ведение государственного реестра саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования и строительства. Практический результат здесь очевиден: саморегулирование работает как

форма косвенного контроля, но не как полноценная замена лицензированию, особенно там, где цена ошибки связана с безопасностью объекта.

Проблема соблюдения требований безопасности подтвердила, что формального знания правил недостаточно для их исполнения. При обследовании 500 работников строительной отрасли и серии из 30 полуструктурированных интервью выявлен устойчивый разрыв между знанием норм и реальным поведением на площадке [6]. Наиболее частыми причинами отклонения от обязательных требований оказались шесть факторов: нормализация риска, недостаточное обучение, давление со стороны коллег, неудобство средств индивидуальной защиты, страх санкций за сообщения о нарушениях и отсутствие признания опасного поведения. Для проектирования этот результат важен напрямую: типовые нарушения

возникают не только из-за дефекта нормы, но и из-за слабой связи между регламентом, профессиональной культурой и системой контроля исполнения.

Сопоставление ожиданий от саморегулирования с реальными производственными показателями выявило системный разрыв между заявленными целями и фактическим эффектом. В международной практике к числу наиболее уязвимых зон строительства отнесены потери времени на ожидание и исправление ошибок — от 60 до 85 % общего времени процесса, средняя производительность строителя оценивается при-

мерно в 40 %, а внедрение превентивной системы менеджмента качества по стандартам семейства ISO 9000 позволяет сократить долю затрат на качество до 2,5 % [7]. При этом саморегулируемые организации в национальной модели часто ограничиваются выдачей допуска и формальным контролем, тогда как технические стандарты, реальная кооперация участников и страховые механизмы качества остаются развитыми недостаточно. Для проектной деятельности это означает рост вероятности типовых нарушений уже на стадии согласования и выпуска документации.

Табл. 1. Решение проблем технического регулирования в российской практике [7]
Tab. 1. The solution of problems of technical regulation in the Russian practice [7]

Область оценки соответствия	Проблема	Предлагаемое решение
1	2	3
Экспертиза результатов инженерных изысканий и проектной документации	Дублирование документов, монополизация государственной экспертизы	Разграничение юридической ответственности между экспертным заключением и декларацией проектировщика
Выдача разрешений на строительство	Недостаточный контроль сроков и условий выдачи	Установление четких процедур, сроков и ответственности должностных лиц
Строительный контроль	Формальный характер обязательной оценки	Введение системы штрафных баллов
Государственный строительный надзор	Устаревшая нормативная база	Обновление нормативных требований и уточнение перечня необходимых документов
Требования к проектной документации и техническим регламентам	Отсутствие четких правил разработки, регистрации и применения документов, неясные пределы ответственности	Разработка стандартов саморегулируемой организации
Ввод объекта в эксплуатацию	Устаревшая нормативная основа	Введение современных стандартов саморегулируемой организации
Декларирование и сертификация соответствия	Отсутствие действенной ответственности за нарушения	Обеспечение прозрачности процедур декларирования и сертификации

Сравнение моделей саморегулирования в развивающейся строительной среде показало, что препятствия носят прежде всего экономический и организационный характер. В условиях Нигерии решающими барьерами названы экономические факторы, затем способность компаний к саморегулированию и недостаточная осведомленность [8]. Различия между малыми, средними и крупными подрядчиками зафиксированы по

семи позициям, включая отношение к обязательности охраны труда и восприятие справедливости стандартов. Дополнительный показатель особенно показателен: среди респондентов из числа малых и средних подрядчиков 22 человека сообщали о случаях смертельного травматизма, тогда как среди представителей крупного международного подрядчика такой случай был отмечен только один раз. Это подтверждает, что в сфере

проектирования и строительства правовые риски резко возрастают там, где саморегулирование не подкреплено ресурсами, внутренней дисциплиной и реальным контролем за соблюдением стандартов.

Обсуждение

Полученные результаты в целом подтверждают рабочую гипотезу: правовые риски в архитектурно-строительном проектировании формируются не только из-за ошибок исполнителя, но и из-за самой конструкции регулирования. Жесткая правовая регламентация саморегулирования вступает в противоречие с его природой, поскольку при обязательном членстве, многоуровневом контроле и постоянной корректировке норм саморегулируемая организация фактически остается встроенной в систему государственного надзора. Ситуацию осложняет и то, что в законодательстве по-прежнему нет устойчивого и непротиворечивого понятийного аппарата: дефиниции саморегулирования и статуса строительных саморегулируемых организаций сформулированы неполно, а взаимодействие публично-правового и корпоративного уровней регулирования сохраняет внутренние коллизии. Введение с 2019 года реестра специалистов на базе Национального объединения строителей дополнительно расширило функции системы от контроля работ к кадровому отбору, но не сняло противоречий между саморегулированием и государственным вмешательством [9]. Практический вывод здесь состоит в том, что типовые нарушения в проектировании воспроизводятся там, где регулятивная модель перегружена обязанностями, но не обеспечивает достаточной ясности правил и предсказуемости правоприменения.

Риск-ориентированный подход к выбору проектировщика позволяет перевести обсуждение нарушений из общей правовой плоскости в систему измеряемых показателей, что также соответствует заявленной гипотезе. Наиболее значимым частным риском признано увеличение стоимости архитектурно-строительного проектирования с весовым коэффициентом 35, далее следуют риск срыва сроков с коэффициентом 20, временная задержка с коэффициентом 15 и снижение качества с коэффициентом 10. В стоимостном выражении совокупная цена отдельных рисков достигает 19 050 тыс. руб. по риску снижения качества, 10 020 тыс. руб. по риску увеличения сроков, 7 480 тыс. руб. по риску удорожания проектных работ и 7 320 тыс. руб. по риску снижения необходимого объема документации [10]. Эти данные показывают, что выбор проектировщика только по формальным признакам допу-

ска или по цене контракта не позволяет надежно предотвратить нарушения; более результативной выглядит модель, где учитываются финансовая устойчивость, способность покрывать стоимость риска, репутация и наличие действующей системы качества. Ограничение такого подхода связано с высокой зависимостью ряда расчетов от экспертных оценок и от полноты стандартных документов, которые должна представить проектная организация, поэтому его применение требует унифицированной доказательной базы и сопоставимых критериев оценки.

Заключение

Анализ показал, что саморегулирование в архитектурно-строительном проектировании нельзя сводить только к механизму допуска на рынок. Его результативность зависит от согласованности требований к качеству проектной документации, порядка расчета технико-экономических показателей и системы контроля за соблюдением обязательных стандартов. Актуальность темы усиливается тем, что проектная деятельность быстро усложняется, тогда как правовая и методическая база сохраняет пробелы и противоречия. В результате значительная часть правовых рисков возникает не только из-за ошибок проектировщика, но и из-за несогласованности самой регулятивной модели. Практически наиболее важным направлением выступает переход к риск-ориентированной оценке проектной деятельности. Для этого необходимы единые подходы к определению качества проектной документации, прозрачные критерии выбора проектировщика и учет его рискоустойчивости, финансовой надежности и способности выполнить работы в срок и с надлежащим качеством. При таком подходе саморегулирование сможет не только фиксировать нарушения, но и предупреждать их на стадии подготовки проектных решений.

Список литературы:

- [1] Яскевич, В. В. Генезис автоматизации архитектурно-строительного проектирования / В. В. Яскевич // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. Серия: Технические науки и технологии. – 2023. – № 3(144). – С. 60-73. – DOI 10.32523/2616-7263-2023-144-3-60-73.
- [2] Дерина, М. А. Архитектурно-строительное проектирование: проблемы оценки качества / М. А. Дерина, Л. Н. Петрянина, О. Л. Викторова // Региональная архитектура и строительство. – 2022. – № 2(51). – С. 196-201. – DOI 10.54734/20722958_2022_2_196.
- [3] Соловьева, А. А. Тема: архитектурно-строительное проектирование: проблемы,

перспективы, Инновации / А. А. Соловьева // Форум молодых ученых. – 2025. – № 6(106). – С. 371-373.

[4] Бычков, А. В. Модель мониторинга рискоустойчивости предприятий архитектурно-строительного проектирования / А. В. Бычков // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 5. – С. 366-374.

[5] Чумакова, О. В. Правовые проблемы саморегулирования в сфере капитального строительства / О. В. Чумакова // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 3. – С. 112-123. – DOI 10.33874/2072-9936-2025-0-3-112-123.

[6] Tieru, Engr. Chris & Mustapha, Zakari & Akomah, Benjamin & Abilgah, Thomas. Factors Influencing Construction Workers' Adherence to Safety Regulations. Built Environment Journal. (2026). 23. 1-21. 10.24191/bej.v23i1.1574.

[7] Romanova, Anna. Improving the Quality of Construction Works in Terms of the Self-regulation. Procedia Engineering. (2016). 150. 2108-2112. 10.1016/j.proeng.2016.07.248.

[8] Umeokafor, Nnedinma. Barriers to Construction Health and Safety Self-regulation: A Scoping Case of Nigeria. Civil Engineering Dimension. (2017). 19. 10.9744/ced.19.1.44-53.

[9] Серая, Н. А. Методология формирования гражданско-правовой конструкции института саморегулирования в сфере строительства / Н. А. Серая, В. М. Марухно // Власть Закона. – 2023. – № 1(53). – С. 171-181.

[10] Инновационный метод обоснования выбора проектировщика на основе оценивания рискоустойчивости при архитектурно-строительном проектировании / А. Н. Асташенко, А. В. Бычков, Д. Е. Давыдянец [и др.] // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2023. – № 1. – С. 66-76. – DOI 10.18137/RNU.V9276.23.01.P.066.

References:

[1] Yaskevich, V. V. Genesis of Architectural and Construction Design Automation/V. V. Yaskevich// Bulletin of the Eurasian National University named after L. N. Gumilyov. Series: Technical Sciences and

Technologies. – 2023. – № 3(144). – S. 60-73. – DOI 10.32523/2616-7263-2023-144-3-60-73.

[2] Derina, M. A. Architectural and construction design: problems of quality assessment/M. A. Derina, L. N. Petryanina, O. L. Viktorova//Regional architecture and construction. – 2022. – № 2(51). – S. 196-201. – DOI 10.54734/20722958_2022_2_196.

[3] Solovyova, A. A. Topic: architectural and construction design: problems, prospects, Innovations/A. A. Solovyov//Forum of young scientists. – 2025. – № 6(106). – S. 371-373.

[4] Bychkov, A. V. Model for monitoring the risk tolerance of enterprises in architectural and construction design/A. V. Bychkov//Current issues of the modern economy. – 2023. – № 5. – S. 366-374.

[5] Chumakova, O. V. Legal problems of self-regulation in the field of capital construction/O. V. Chumakova//Bulletin of the Russian Law Academy. – 2025. – № 3. – S. 112-123. – DOI 10.33874/2072-9936-2025-0-3-112-123.

[6] Tieru, Engr. Chris & Mustapha, Zakari & Akomah, Benjamin & Abilgah, Thomas. Factors Influencing Construction Workers' Adherence to Safety Regulations. Built Environment Journal. (2026). 23. 1-21. 10.24191/bej.v23i1.1574.

[7] Romanova, Anna. Improving the Quality of Construction Works in Terms of the Self-regulation. Procedia Engineering. (2016). 150. 2108-2112. 10.1016/j.proeng.2016.07.248.

[8] Umeokafor, Nnedinma. Barriers to Construction Health and Safety Self-regulation: A Scoping Case of Nigeria. Civil Engineering Dimension. (2017). 19. 10.9744/ced.19.1.44-53.

[9] Seraya, N. A. Methodology for the formation of a civil law structure of the institution of self-regulation in the field of construction/N. A. Seraya, V. M. Marukhno//Power of Law. – 2023. – № 1(53). – S. 171-181.

[10] An innovative method for justifying the choice of a designer based on assessing risk tolerance in architectural and construction design/A. N. Astashenko, A. V. Bychkov, D. E. Davydyants [et al.]//Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. – 2023. – № 1. – S. 66-76. – DOI 10.18137/RNU.V9276.23.01.P.066.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Ольга Юрьевна,
Старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта
Иркутского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАРАСЕНКО Василий Анатольевич,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Иркутского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

СЕРЕБРЕННИКОВ Денис Александрович,
Старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта
Иркутского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНОМАРЕНКО Дарья Владимировна,
Иркутский государственный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕВУШКАМ — ТАНЦЫ, ПАРНЯМ — ШТАНГА: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНТОВ В ВЫБОРЕ ВИДОВ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние гендерных стереотипов на выбор видов физической активности студентами. На основе анализа научных подходов и результатов собственного эмпирического исследования выявлены устойчивые представления о «мужских» и «женских» видах спорта. Показано, что данные установки продолжают оказывать заметное влияние на мотивацию и поведение студентов, несмотря на расширение возможностей выбора. Отмечается необходимость пересмотра традиционных подходов к организации физического воспитания в вузах.

Ключевые слова: Гендер, стереотипы, студенты, физическая активность, спорт, мотивация.

ALEKSANDROVICH Olga Yuryevna,
Senior Lecturer,
Department of Physical Education and Sports,
Irkutsk State University

TARASENKO Vasily Anatolyevich,
Associate Professor of the Department
of Physical Education and Sports
of Irkutsk State University

SEREBRENNIKOV Denis Aleksandrovich,
Senior Lecturer,
Department of Physical Education and Sports,
Irkutsk State University

PONOMARENKO Darya Vladimirovna,
Irkutsk State University

GIRLS ARE DANCING, GUYS ARE WEIGHTLIFTING: STUDENTS' GENDER STEREOTYPES IN THEIR CHOICE OF PHYSICAL ACTIVITIES

Annotation. *This article examines the influence of gender stereotypes on students' choice of physical activity. Based on an analysis of scientific approaches and the results of our own empirical research, persistent notions about "male" and "female" sports are identified. It is shown that these attitudes continue to significantly influence students' motivation and behavior, despite the expansion of their choice. The need to reconsider traditional approaches to the organization of physical education in universities is noted.*

Key words: *Gender, stereotypes, students, physical activity, sport, motivation.*

На текущем этапе развития общества наблюдается пересмотр многих устойчивых представлений о ролях мужчин и женщин. Тем не менее в ряде сфер повседневной жизни, включая физическую культуру, сохраняются достаточно устойчивые стереотипы. В частности, до сих пор можно встретить убеждение, что одни виды физической активности «больше подходят» девушкам, а другие — юношам. На первый взгляд подобные установки постепенно утрачивают своё значение. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что они продолжают влиять на реальные поведенческие практики. Это особенно заметно в студенческой среде, где, с одной стороны, расширяется свобода выбора, а с другой — сохраняется зависимость от социальных ожиданий.

Представляется важным обратить внимание на то, что подобные ограничения не всегда осознаются самими студентами. Нередко выбор объясняется «личными предпочтениями», хотя в действительности он может быть опосредован социальными нормами, усвоенными ранее.

В научной литературе гендерные стереотипы рассматриваются как устойчивые представления о допустимом поведении мужчин и женщин. Они формируются в процессе социализации и закрепляются через различные социальные институты.

Ряд исследований показывает, что уже в подростковом возрасте происходит закрепление «гендерной маркировки» видов спорта. Так, в зарубежных работах отмечается, что танцевальные и эстетические направления чаще воспринимаются как «женские», тогда как силовые нагрузки и командные игры — как «мужские». Отечественные авторы также обращают внимание на эту проблему. При этом подчёркивается, что подобное разделение не всегда связано с реальными физическими возможностями, а во многом определяется культурными установками.

Интересно, что даже в условиях формального равенства доступности различных видов активности сохраняется их неформальная сегрегация. Это позволяет говорить о глубокой укоренённости соответствующих представлений.

Мы провели опрос в Иркутском государственном университете в Институте социальных наук среди студентов. В опросе приняли участие

120 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Для получения данных использовалась анкета, включающая как закрытые, так и открытые вопросы. Респондентам предлагалось:

- указать предпочитаемые виды физической активности;
- оценить, какие виды спорта они считают «более подходящими» для мужчин или женщин;
- обозначить причины своего выбора.

Следует отметить, что часть студентов при ответах испытывала затруднения, особенно при попытке объяснить собственные предпочтения. Это косвенно указывает на не всегда осознанный характер установок.

Полученные данные позволяют зафиксировать ряд устойчивых тенденций. Большинство опрошенных девушек (около 75%) указали, что предпочитают такие виды активности, как фитнес, танцы и йога. В то же время среди юношей преобладали ответы, связанные с посещением тренажёрного зала, силовыми упражнениями и игровыми видами спорта (примерно 70%).

При этом более половины респондентов (около 60) прямо признали, что разделяют виды физической активности на «мужские» и «женские». Однако в открытых ответах нередко встречались формулировки вроде «это просто привычно» или «так сложилось», без чёткого обоснования. (см. рисунок 1).

Отдельного внимания заслуживает следующий момент: часть девушек отметила, что не рассматривает силовые тренировки, поскольку «это не совсем женственно». В свою очередь, некоторые юноши указали, что избегают танцев, опасаясь негативной реакции со стороны окружающих.

Полученные результаты в целом согласуются с данными других исследований, однако позволяют уточнить ряд аспектов.

Во-первых, можно говорить о том, что гендерные стереотипы продолжают действовать на уровне повседневных практик, даже если на уровне деклараций они частично утратили свою значимость.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что влияние стереотипов носит не только внешний, но и внутренний характер. Иначе говоря, речь идёт не столько о прямом давлении, сколько о самоограничении.

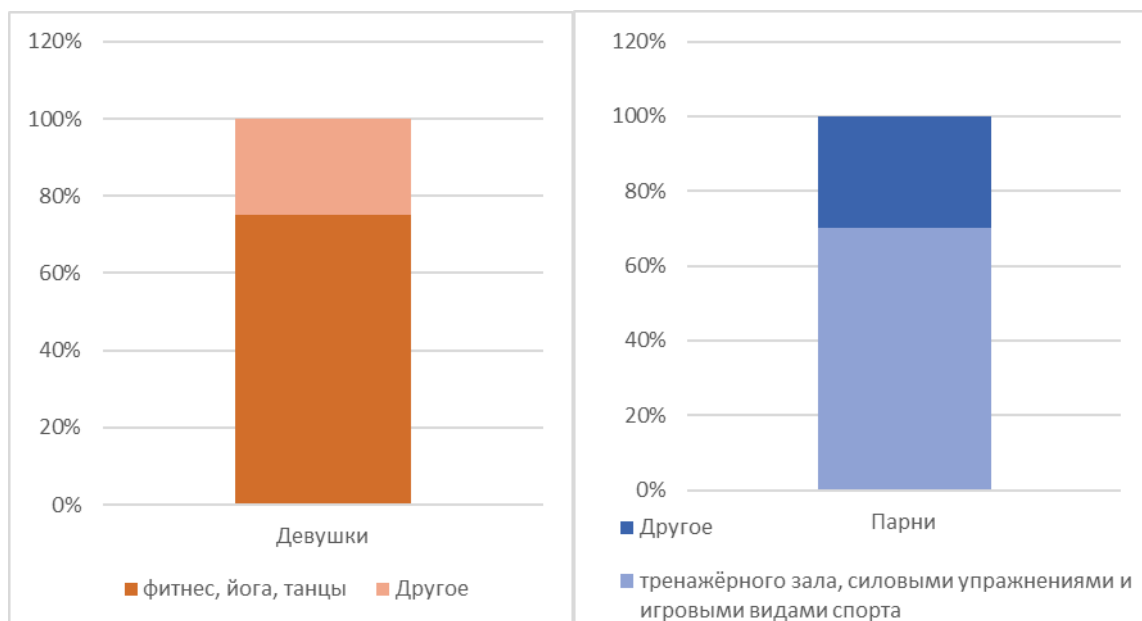

Рисунок 1. Результаты опроса студентов.

В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что студенты не всегда склонны рефлексировать причины своих предпочтений. Это затрудняет преодоление стереотипов, поскольку они воспринимаются как «естественные».

Проведённое исследование позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, гендерные стереотипы сохраняют устойчивость в студенческой среде и продолжают оказывать влияние на выбор физической активности. Несмотря на расширение возможностей, многие студенты ориентируются на традиционные представления.

Кроме того, выявлено, что часть ограничений носит внутренний характер и не всегда осознаётся. Это делает проблему более сложной и требует комплексного подхода. В практическом плане представляется целесообразным:

- развивать гендерно-нейтральные форматы занятий;
- расширять информированность студентов о различных видах физической активности;
- создавать условия, при которых выбор не будет связан с риском социальной оценки.

Список литературы:

- [1] Бем С. Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. — М.: РОССПЭН, 2004. — 336 с.
- [2] Кон И. С. Психология половых различий. — М.: Просвещение, 1981. — 256 с.
- [3] Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб.: Питер, 2006. — 544 с.
- [4] Клецина И. С. Гендерная социализация. — СПб.: Речь, 2004. — 320 с.

- [5] Бурдые П. Мужское господство. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 160 с.

- [6] Messner M. A. Taking the Field: Women, Men, and Sports. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. — 312 p.

- [7] Hardin M., Greer J. The Influence of Gender-Role Socialization, Media Use and Sports Participation on Perceptions of Gender-Appropriate Sports // Journal of Sport Behavior. — 2009. — Vol. 32(2). — P. 207–226.

- [8] Koivula N. Perceived Characteristics of Sports Categorized as Gender-Neutral, Feminine and Masculine // Journal of Sport Behavior. — 2001. — Vol. 24(4). — P. 377–393.

- [9] Chalabaev A., Sarrazin P., Fontayne P., Boiché J., Clément-Guillotin C. The Influence of Sex Stereotypes and Gender Roles on Participation and Performance in Sport and Exercise: Review and Future Directions // Psychology of Sport and Exercise. — 2013. — Vol. 14(2). — P. 136–144.

- [10] Филиппова С. О., Гуревич К. Г. Гендерные особенности мотивации к занятиям физической культурой у студентов // Теория и практика физической культуры. — 2018. — № 5. — С. 34–36.

- [11] Сидорова Н. В. Гендерные различия в выборе видов спорта студентами // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. — 2019. — № 2. — С. 45–48.

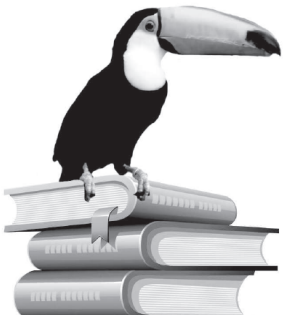
- [12] Кабачков В. А., Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта. — М.: Академия, 2012. — 272 с.

- [13] Виленский М. Я., Горшков А. Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента. — М.: КНОРУС, 2016. — 240 с.

References:

- [1] Bem S. L. Lenses of gender: a transformation of views on the problem of gender inequality. - M.: ROSSPEN, 2004. - 336 p.
- [2] Con I. S. Psychology of sex differences. - M.: Enlightenment, 1981. - 256 s.
- [3] Ilyin E.P. Differential psychophysiology of a man and a woman. - St. Petersburg: Peter, 2006. - 544 p.
- [4] Kletsina I. S. Gender socialization. - St. Petersburg: Speech, 2004. - 320 s.
- [5] Bourdieu P. Male domination. - M.: New literary review, 2005. - 160 s.
- [6] Messner M. A. Taking the Field: Women, Men, and Sports. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. — 312 p.
- [7] Hardin M., Greer J. The Influence of Gender-Role Socialization, Media Use and Sports Participation on Perceptions of Gender-Appropriate Sports // Journal of Sport Behavior. — 2009. — Vol. 32(2). — P. 207–226.
- [8] Koivula N. Perceived Characteristics of Sports Categorized as Gender-Neutral, Feminine and Masculine // Journal of Sport Behavior. — 2001. — Vol. 24(4). — P. 377–393.
- [9] Chalabaev A., Sarrazin P., Fontayne P., Boiché J., Clément-Guillotin C. The Influence of Sex Stereotypes and Gender Roles on Participation and Performance in Sport and Exercise: Review and Future Directions // Psychology of Sport and Exercise. — 2013. — Vol. 14(2). — P. 136–144.
- [10] Filippova S. O., Gurevich K. G. Gender features of motivation to engage in physical education among students//Theory and practice of physical education. — 2018. — № 5. - S. 34-36.
- [11] Sidorova N.V. Gender differences in the choice of sports by students//Physical education: upbringing, education, training. — 2019. — № 2. - S. 45-48.
- [12] Kabachkov V. A., Lubysheva L. I. Sociology of physical culture and sports. - M.: Academy, 2012. - 272 p.
- [13] Vilensky M. Ya., Gorshkov A. G. Physical culture and a healthy lifestyle of a student. - M.: KNORUS, 2016. - 240 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-470-474

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационных технологий и
специальной техники органов внутренних дел
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна

кандидат физико-математических наук,
доцент, доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса экспертно-
криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВУ

Аннотация. В статье рассматриваются этапы эволюции законодательства в части противодействия мошенничеству в киберпространстве в рамках уголовного, административного и гражданского законодательства. Рассматриваются четыре этапа развития: от первых норм уголовного законодательства до качественно нового уровня институционализации противодействия кибермошенничеству, обеспечивающего преодоление информационной разрозненности и создание единого информационного пространства безопасности с принятием нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные правоотношения, возникающие в сфере информационного права.

Ключевые слова: кибермошенничество, киберпреступность, развитие законодательства, мошенничество, информационное пространство, преступления в сфере компьютерной информации.

GAUZHAEVA Victoria Aleksandrovna,

Candidate of Legal Sciences Associate Professor,
Department of Information Technology and Specialized
Equipment of the Internal Affairs Agencies,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PROKOFIEVA Elena Vasilievna

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor Associate Professor,
Department of Document Research, Educational and
Scientific Complex of Forensic Science,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SELECTED ASPECTS OF THE EVOLUTION OF COUNTERING CYBERFRAUD

Annotation. This article examines the stages of legislative evolution in combating cyberfraud within the framework of criminal, administrative, and civil law. Four stages of development are examined: from the first

provisions of criminal law to a qualitatively new level of institutionalization of countering cyberfraud, which ensures the overcoming of information fragmentation and the creation of a unified information security space with the adoption of legal acts governing certain legal relations arising in the field of information law.

Key words: *cyberfraud, cybercrime, legislative development, fraud, information space, computer crimes.*

Стремительная цифровизация социально-экономических процессов, будучи неоспоримым благом цивилизационного развития, одновременно обнажила уязвимость традиционных правовых конструкций перед вызовами высокотехнологичной преступности. Кибермошенничество, трансформировавшееся из точечных девиаций в структурированную индустрию с глобальными трансграничными связями, сегодня представляет собой сложный объект для правовой регламентации. Законодатель оказался перед дилеммой: сохранить инерционность нормотворчества, свойственную континентальной правовой семье, либо перейти к превентивной (проактивной) модели регулирования, способной опережать появление новых криминальных схем. Эволюция подходов в этой сфере демонстрирует постепенный отход от сугубо карательной парадигмы к комплексной экосистеме защиты, где центральное место занимает не только неотвратимость наказания, но и создание условий, исключающих сам факт возможности хищения средств.

Ключевым вектором развития законодательного массива становится переход от фрагментарного реагирования к системному межотраслевому регулированию. Современная правовая архитектура противодействия кибермошенничеству аккумулирует в себе инструменты гражданского, финансового и уголовного права, формируя симбиоз публично-правовых запретов с частноправовыми механизмами защиты. В фокусе внимания законодателя сегодня находятся такие аспекты, как внедрение механизма «периода охлаждения» (anti-fraud cooling-off) для финансовых транзакций, ужесточение требований к идентификации пользователей в сетях связи, а также имплементация института возмещения вреда финансовыми организациями без признания их виновными. Такая конвергенция позволяет сместить акцент с посткриминального воздействия на предупредительное формирование среды, где совершение преступления становится технологически затруднительным.

Вместе с тем, динамика нормотворчества в исследуемой сфере неизбежно сталкивается с экстерриториальностью киберпространства и асинхронностью обновления законодательств разных юрисдикций. Дальнейшее совершенствование правовых механизмов видится не столько в

увеличении санкционного давления, сколько в гармонизации процедур оперативного обмена данными между банковским сектором, правоохранительными органами и операторами связи. Перспективным направлением также является внедрение риск-ориентированного подхода, при котором степень правовой защиты дифференцируется в зависимости от уровня уязвимости конкретных общественных отношений. Формирование устойчивой законодательной модели противодействия кибермошенничеству — это процесс непрерывной адаптации, требующий от юристов не только ретроспективного анализа судебной практики, но и прогностического моделирования возможных угроз.

Быстрое и не всегда поступательное развитие информационных технологий в планетарном масштабе и существенная цифровизация экономики повлекли возникновение новых способов совершения преступлений и правонарушений, в том числе наиболее распространенной его преступной формы - кибермошенничества. Цифровая трансформация, как феномен и один из наиболее вероятных путей развития преступной деятельности создает беспрецедентные вызовы для правоохранительных органов, которые не имеют достаточно возможностей, в том числе, и необходимый кадровый потенциал для широкомасштабного противодействия. Распространение кибермошенничества, сложность его выявления и сбора доказательственной базы требуют совершенствования деятельности по противодействию преступлениям этой группы.

Проблемой выступает не только сложность правовой оценки новых форм мошеннических действий и правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, но и противоречия в нормативно-правовых актах, регламентирующих информационную сферу деятельности.

Противодействие кибермошенничеству требует применения норм уголовного права (установление ответственности за совершение преступлений) [1], административного права (регулирование деятельности кредитных организаций и операторов связи), гражданского права (возмещение ущерба, защита прав потребителей), финансового права (регулирование национальной платёжной системы) [2], информационного права (защита персональных данных и банковской тайны) [3].

Эволюция законодательства о противодействии кибермошенничеству в сфере финансовых технологий [4, с.4-7] прошла несколько качественно различных этапов, каждый из которых характеризовался определёнными приоритетами и особенностями правовой политики.

Первый этап (конец 1990-х — начало 2000-х годов) связан с появлением первых норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Федеральный закон от 25.05.1998 № 89-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ввёл в систему УК РФ главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», предусмотрев ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и распространение вредоносных программ. Данный этап характеризовался преимущественно технократическим подходом, когда правовое регулирование было ориентировано на защиту самой информации как объекта, а не на защиту интересов субъектов, использующих информационные системы для осуществления финансовых операций.

Второй этап (середина 2000-х — начало 2010-х годов) ознаменовался формированием института национальной платёжной системы и правовым регулированием электронных денежных средств. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» [2] установил правовые и организационные основы функционирования национальной платёжной системы, определил статус операторов платёжных систем, эмитентов электронных денежных средств, ввёл требования к обеспечению безопасности платёжных операций. Данный этап характеризовался переходом от технократического подхода к защите информации к комплексному регулированию финансовых отношений в цифровой среде.

Третий этап (середина 2010-х — начало 2020-х годов) связан с массовым распространением дистанционного банковского обслуживания и возникновением новых форм кибермошенничества, прежде всего социальной инженерии. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части регулирования дистанционных технологий, а также многочисленные подзаконные акты Банка России создали правовую основу для развития дистанционных финансовых сервисов. Однако стремительное развитие технологий опередило законодательное регулирование, что привело к формированию значительных правовых пробелов и росту масштабов кибермошенничества.

Четвёртый этап (с 2018 года по настоящее время) характеризуется системным подходом к

противодействию кибермошенничеству и институциональным строительством в сфере информационной безопасности финансового сектора. Федеральный закон от 11.06.2018 № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» [5] стал переломным в развитии законодательства, создав правовую основу для механизма приостановки незаконных платежей, легализовав деятельность по антифрод-мониторингу, сформировав правовую базу для информационного обмена об участниках схем хищений [6]. Расширены полномочия Банка России по регулированию информационной безопасности не только в кредитных организациях, но и во всех некредитных финансовых организациях - микрофинансовых организациях, сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативах, ломбардах, страховых и инвестиционных компаниях [6].

Принятие Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] знаменует собой переход к принципиально новой модели правового регулирования противодействия кибермошенничеству, основанной на синергетическом взаимодействии всех заинтересованных субъектов в режиме реального времени.

Закон, вступивший в силу 1 июня 2025 года, направлен на комплексное решение проблемы киберпреступности и содержит три взаимосвязанных блока мер, формирующих единую систему противодействия.

Первый блок связан с созданием государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Система предназначена для обеспечения информационного взаимодействия в режиме реального времени между органами государственной власти, кредитными организациями, операторами связи и иными субъектами. Из обозначенной системы правоохранители могут получить сведения об абонентских номерах, используемых для совершения противоправных действий, а также информация о лицах, причастных к киберпреступлениям [7]. Создание системы представляет собой качественно новый уровень институционализации противодействия кибермошенничеству, обеспечивающий преодоление информационной разрозненности и создание единого информационного пространства безопасности.

Второй блок регулирует деятельность операторов связи и направлен на противодействия спам-рассылкам и обзвоном, являющимися основными каналами мошеннических действий на основе социальной инженерии. Нормативный акт предусматривает обязанность операторов связи маркировать звонки индивидуальных предпринимателей и юридических лиц информацией о категории вызова и наименовании звонящего (до 32 символов) [7]. Вводится запрет на передачу смс-сообщений во время текущего разговора по сотовой связи, что должно препятствовать передаче различных кодов-подтверждений и пресечения схем мошенничества такого типа, которые основаны на психологическом воздействии на жертву.

Третий из представленных блоков содержит специальные требования к кредитным организациям по обеспечению безопасности операций с наличными денежными средствами. Банки обязаны осуществлять контроль за законностью операций при снятии наличных через банкоматы. При выявлении признаков принуждения клиента к операции банк вправе установить лимит снятия наличных в размере 50 тыс. рублей в сутки на срок до 48 часов с обязательным уведомлением клиента. Вводится ограничение на снятие наличных в размере 100 тыс. рублей в месяц для лиц, включённых в базу данных Банка России о случаях осуществления переводов без добровольного согласия клиента [7].

Закон также устанавливает запрет на использование иностранных мессенджеров для органов государственной власти, Банка России, кредитных организаций, страховых компаний, инвестиционных фондов и других субъектов финансового рынка [7], что обусловлено необходимостью обеспечения информационной безопасности и защиты конфиденциальной информации [8, с. 93-96].

Эволюция законодательства в данной сфере прошла путь от технократического подхода к защите информации к комплексной модели, основанной на синергетическом взаимодействии государственных органов, кредитных организаций, операторов связи и иных субъектов. Принятие Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ [7] знаменует собой переход к системному регулированию, основанному на создании единого информационного пространства безопасности и институциональном взаимодействии в режиме реального времени, предупреждение и пресечения киберугроз [9].

Эффективность правового регулирования в значительной степени зависит от преодоления выявленных проблем: устранения пробелов в квалификации киберпреступлений [10, с.34-36], развития международного сотрудничества,

совершенствования механизмов защиты прав потерпевших. Дальнейшее развитие законодательства должно осуществляться с учётом баланса между обеспечением безопасности финансовых операций и сохранением доступности финансовых услуг, а также с соблюдением прав и свобод граждан в цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] О национальной платёжной системе: федер. закон от 27.06.2011 №161-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
- [3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
- [4] Рябухин С.В. Финансовая безопасность: взгляд законодателя // Финансовая безопасность. 2025. № 1. С. 4-7.
- [5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств: федер. закон от 11.06.2018 № 167-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3409.
- [6] Обеспечение кибербезопасности в кредитно-финансовой сфере / П. Ревенков // Банковское дело. 2019. 6 ноября. - URL: <https://www.secuteck.ru/articles/obespechenie-kiberbezopasnosti-v-kreditno-finansovoj-sfere> (дата обращения: 18.02.2026).
- [7] О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1542.
- [8] Романенко Е.А., Казарцева В.А. Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения в сфере противодействия кибермошенничеству // Синергия. 2025. № 5. С. 93-96.
- [9] Киберугрозы финансовой отрасли: прогноз на 2025–2026 гг. / Positive Technologies. 2025. - URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/kiberugrozy-finansovoi-otrasli-prognoz-na-2025-2026-g/> (дата обращения: 18.02.2026)
- [10] Пикалов П.А. Правовые основы систематизации кибермошенничества по законодательству Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2025. № 7 (206). С. 34-36.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 20.02.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] On the national payment system: feder. Law No. 161-FZ dated 27.06.2011 (as amended on 20.02.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

[3] About Information, Information Technology, and Information Security: Feder. Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended by 29.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448.

[4] Ryabukhin S.V. Financial security: legislator's view//Financial security. 2025. № 1. S. 4-7.

[5] On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of countering theft of funds: feder. Law of 11.06.2018 No. 167-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 24. Art. 3409.

[6] Ensuring cybersecurity in the credit and financial sector/P. Revenkov//Banking. 2019. Novem-

ber 6. - URL: <https://www.secuteck.ru/articles/obespechenie-kiberbezopasnosti-v-kreditno-finansovoj-sfere> (дата обращения: 18.02.2026).

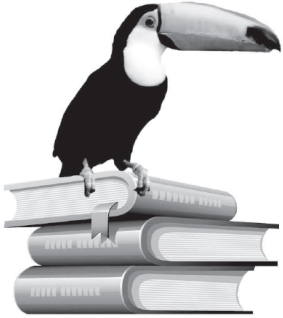
[7] On the creation of a state information system for countering offenses committed using information and communication technologies, and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: feder. Law of 01.04.2025 No. 41-FZ (as amended by 31.07.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 14. Art. 1542.

[8] Romanenko E.A., Kazartseva V.A. Problems of improving criminal legislation and the practice of its application in the field of countering cyber fraud// Synergy. 2025. № 5. S. 93-96.

[9] Financial Industry Cyber Threats: Forecast 2025-2026/Positive Technologies 2025. - URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/kiberug-rozy-finansovoi-otrasli--prognoz-na-2025-2026-g/> (дата обращения: 18.02.2026)

[10] P.A. Pikalov. Legal Basis for Systematization of Cyber Fraud under the Legislation of the Russian Federation//Eurasian Legal Journal. 2025. № 7 (206). S. 34-36.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-475-480

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

КУМЕХОВА Марианна Борисовна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ И ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. В статье проанализированы проблемы уголовно-правовой квалификации кибербуллинга и цифрового насилия, выявлены основные затруднения правоприменительной практики в России в 2021–2025 гг., дана оценка применимости норм Особенной части УК РФ и приведены примеры из следственной и судебной практики. Ключевые источники: постановление Пленума ВС РФ №37 (15.12.2022), тематические обзоры практики, материалы Следственного комитета и решения судов районного и апелляционного уровней (2021–2025.) Используются методы формально-юридического анализа, сравнительно-правовой и системно-структурный подходы; проанализирована доступная публичная судебная практика (опубликованные решения судов районного, апелляционного и кассационного уровней), разъяснения Пленума ВС РФ, материалы Следственного комитета и научные публикации/обзоры за 2021–2025 годы. Особое внимание уделено делам, где кибербуллинг стал объектом уголовного преследования в связи с тяжкими последствиями (включая доведение до самоубийства).

Ключевые слова: кибербуллинг, цифровое насилие, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, клевета, защита чести и достоинства, судебная практика, уголовная квалификация.

KUMEKHOVA Marianna Borisovna,
Lecturer of the Department of Special Disciplines
of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

CYBERBULLYING AND DIGITAL VIOLENCE: ISSUES OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Annotation. This article analyzes the issues of criminal classification of cyberbullying and digital violence, identifies the main challenges of law enforcement practice in Russia from 2021 to 2025, assesses the applicability of the provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and provides examples from investigative and judicial practice. Recommendations are offered for improving legal regulation and criminal law practice to effectively combat digital violence. Key sources: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 (December 15, 2022), thematic reviews of practice, materials of the Investigative Committee, and decisions of district and appellate courts (2021–2025).

Key words: cyberbullying, digital violence, incitement to suicide, incitement to suicide, slander, protection of honor and dignity, judicial practice, criminal classification.

Уголовное законодательство Российской Федерации на сегодняшний день не содержит специальной нормы, прямо предусматривающей ответственность за кибербуллинг или иные формы цифрового насилия. Это обстоятельство порождает необходимость правоприменителям использовать уже существующие статьи

Уголовного кодекса, направленные на защиту чести, достоинства и личной неприкосновенности граждан. На практике действия, связанные с травлей в сети, чаще всего квалифицируются по статьям 128.1 («Клевета»), 137 («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого

вреда здоровью»), а также по статьям 110, 110.1 и 110.2, предусматривающим ответственность за доведение до самоубийства, склонение или организацию деятельности, побуждающей к суициду [1].

Такой подход отражает тенденцию к «адаптации» действующих уголовно-правовых норм к новой цифровой реальности. Однако фрагментарность регулирования приводит к неоднозначности квалификации и к отсутствию единообразия судебной практики. В зависимости от обстоятельств конкретного дела и субъективного восприятия судей одни и те же действия могут быть признаны, например, клеветой, угрозой, доведением до самоубийства или вовсе отнесены к административным правонарушениям. Научные публикации и обзоры практики указывают, что такой разнородный подход создает риски как для полноты защиты потерпевших, так и для соблюдения принципа законности при привлечении к ответственности [2].

Особую роль в формировании правоприменительных ориентиров играет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации». В этом акте Верховный Суд впервые системно обозначил критерии квалификации деяний, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и подчеркнул значение среднего признака — использования сети Интернет — при определении способа совершения преступления [3]. Несмотря на то, что сам Пленум касается преимущественно преступлений в сфере компьютерной информации, его положения применимы и к делам о цифровом насилии, поскольку многие подобные деяния совершаются именно с использованием технических средств и цифровых платформ.

Постановление Пленума также обращает внимание на необходимость тщательной оценки электронных доказательств — переписки, скриншотов, метаданных, а также на допустимость таких доказательств при соблюдении требований УПК РФ. Это особенно важно для дел о кибербуллинге, где доказательная база строится преимущественно на данных цифровых коммуникаций. Проблема достоверности и идентификации источника информации остаётся ключевой: суды неоднократно сталкивались с ситуациями, когда обвинение основывалось на непроверенных скриншотах или сообщениях, не имеющих подтверждения от провайдеров или операторов социальных сетей [4].

Проблема квалификации кибербуллинга заключается в том, что ни один из действующих составов преступлений не охватывает в полной

мере всё многообразие форм цифрового насилия. В практике органов предварительного расследования и судов чаще всего применяются отдельные статьи, направленные на защиту личности, но каждая из них охватывает лишь отдельные элементы поведения, присущего онлайн-травле [1].

Наиболее распространённой правовой реакцией является применение статьи 128.1 УК РФ о клевете. В условиях цифровой среды эта норма используется в случаях, когда кибербуллинг выражается в распространении ложных сведений о потерпевшем, подрывающих его честь и достоинство. Однако применение данной статьи вызывает ряд затруднений. Во-первых, необходимо доказать заведомую ложность сведений, что часто невозможно, поскольку участники цифровых конфликтов маскируют свои действия под субъективные суждения. Во-вторых, возникает проблема определения публичности: суды расходятся в оценке того, считается ли «публикация в закрытом чате» публичным распространением сведений. Кроме того, даже при наличии доказательств обвинение зачастую сталкивается с трудностями установления личности автора сообщений, особенно если используется анонимный или подставной аккаунт [2].

Правоприменительная практика показывает, что при оценке подобных эпизодов суды исходят из контекста и цели распространения: если оно имело унижительный или угрожающий характер, деяние признаётся преступным, даже если изображение ранее находилось в сети [3].

Особый пласт составляют дела, где кибербуллинг сопровождается угрозами. В этих случаях применяются статьи 119 и 163 УК РФ (угроза и вымогательство соответственно). Однако здесь тоже имеются сложности. Российские суды требуют доказать реальность восприятия угрозы потерпевшим, то есть наличие у него обоснованных опасений. В онлайн-пространстве, где угрозы могут исходить от анонимных пользователей, оценить этот фактор крайне трудно. Следователи должны подтвердить, что угрозы имели конкретный, направленный характер, а не были эмоциональной реакцией или элементом виртуального конфликта [4].

Наиболее трагичные последствия кибербуллинга связаны с доведением жертв до суицида. В таких случаях применяются статьи 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, которые предусматривают ответственность за доведение до самоубийства, склонение к нему и организацию деятельности, побуждающей к совершению самоубийства. Следует отметить, что в некоторых случаях кибербуллинг сопровождается взломом страниц, подменой контента или незаконным доступом к личным данным, что позволяет квалифицировать

действия также по статьям 272–274 УК РФ, относящимся к преступлениям в сфере компьютерной информации. Однако подобная квалификация возможна только при наличии достоверных данных о нарушении технических механизмов защиты и вмешательстве в информационные системы. Для этого требуются специальные экспертные исследования, что значительно усложняет процесс доказывания и увеличивает сроки расследования [6].

Таким образом, современная правоприменительная практика демонстрирует попытки «распределённой» квалификации кибербуллинга по совокупности различных составов преступлений, что делает подход фрагментарным и не всегда адекватным по степени общественной опасности деяния. Судебные решения 2022–2025 годов показывают, что аналогичные по фактическим обстоятельствам действия могут быть квалифицированы как административное правонарушение, преступление средней тяжести или тяжкое преступление, в зависимости от субъективной оценки следователя и суда. Отсутствие единой нормы и разъяснений по вопросам систематичности, мотивов и последствий цифрового насилия остаётся серьёзным пробелом, затрудняющим формирование единообразной судебной практики [7].

В период с 2021 по 2025 годы в России наблюдается устойчивый рост числа уголовных дел, связанных с проявлениями цифрового насилия и кибербуллинга. При этом статистическая и аналитическая информация правоохранительных органов указывает на то, что большая часть таких преступлений совершается в социальных сетях, мессенджерах и на платформах для обмена контентом. Основной контингент потерпевших — несовершеннолетние и молодёжь до 25 лет, а значительная часть обвиняемых — лица из ближайшего социального окружения жертв, включая сверстников, бывших партнёров или однокурсников [1].

В 2024 году судом Москвы был вынесен приговор по делу, связанному со склонением несовершеннолетней к самоубийству посредством систематической переписки в социальной сети. Обвиняемый, действуя через анонимный аккаунт, на протяжении нескольких месяцев оказывал психологическое давление на потерпевшую, внушая ей мысли о собственной никчёмности и необходимости «уйти из жизни». В ходе следствия удалось установить технические следы сообщений и подтвердить их авторство. Суд признал подсудимого виновным по статье 110.1 УК РФ, назначив реальное наказание в виде лишения свободы. Это дело стало одним из первых примеров успешной квалификации действий в

цифровой среде как склонения к самоубийству, где доказательная база строилась преимущественно на электронных материалах [2].

Не все уголовные дела подобного рода заканчиваются обвинительными приговорами. Так, в ряде случаев суды апелляционной и кассационной инстанций отменяли или смягчали приговоры по делам, где следствие не смогло доказать причинно-следственную связь между действиями обвиняемого и наступившими тяжкими последствиями. Наиболее известным примером является дело супругов Воропаевых (2022–2024 годы), осуждённых за доведение подростка до самоубийства. Впоследствии приговор был пересмотрен, поскольку суд признал, что следствием не установлено наличие прямого умысла на доведение до суицида, а доказательства носили предположительный характер. Этот случай стал предметом широкой дискуссии среди юристов и психологов, выявив необходимость чёткого разграничения морального давления, конфликта и целенаправленного преступного воздействия в цифровом пространстве [3].

Согласно обзорам Следственного комитета РФ и МВД России, в 2021–2024 годах отмечается тенденция к росту дел, где цифровое насилие выступает фоном для более тяжких преступлений. Например, систематическая травля в сети нередко предшествует фактам физического насилия, вымогательства или вторжения в частную жизнь потерпевшего. На основании анализа уголовных дел выявлено, что в более чем половине случаев действия, составляющие кибербуллинг, квалифицируются по совокупности норм — чаще всего по статьям 119, 128.1 и 137 УК РФ. В то же время остаётся значительное количество материалов проверок, не переходящих в уголовное производство из-за отсутствия прямых доказательств умысла или идентификации виновного лица [4].

Судебная практика 2023–2025 годов также отражает важную тенденцию: всё больше судов начинают учитывать психологический компонент цифрового насилия. В частности, при рассмотрении дел по статьям 110 и 110.1 УК РФ стали активно назначаться комплексные психолого-психиатрические экспертизы, направленные на установление взаимосвязи между действиями обвиняемого и состоянием жертвы.

Однако отсутствие единых методических рекомендаций и стандартов хранения цифровых доказательств создаёт риск признания их недопустимыми. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 37 от 15 декабря 2022 г. подчеркнул необходимость учитывать специфику цифровых источников информации и обеспечивать достоверность их происхождения, что фактически

стало основой для обновления следственной практики по делам о преступлениях, совершаемых с использованием сети Интернет [6].

Обобщая анализ судебной практики за 2021–2025 годы, можно выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, наблюдается постепенное расширение квалификационных подходов: суды всё чаще трактуют систематическое психологическое давление и травлю в сети как самостоятельную форму общественно опасного поведения, способную причинить моральный и психический вред. Во-вторых, растёт количество дел, где обвинение строится на совокупности электронных доказательств, что отражает процесс адаптации уголовного судопроизводства к цифровой среде. В-третьих, сохраняются значительные различия в подходах региональных судов, что свидетельствует о необходимости унификации практики и выработки общих критериев оценки кибербуллинга как уголовно наказуемого деяния [7].

Одной из ключевых проблем уголовного преследования за кибербуллинг и иные формы цифрового насилия является специфика доказательственной базы. В отличие от традиционных преступлений против личности, где факт воздействия можно подтвердить показаниями очевидцев или вещественными доказательствами, в делах, совершаемых в цифровом пространстве, основными источниками информации выступают электронные следы — переписка, скриншоты, аудиовизуальные файлы, метаданные и технические логи. Работа с такими доказательствами требует высокой квалификации следователя и эксперта, а также соблюдения специальных процессуальных стандартов, обеспечивающих их достоверность и допустимость [1].

Следователи вынуждены прибегать к многоступенчатым запросам — к операторам связи, администраторам платформ и провайдерам хостинга, что занимает продолжительное время и осложняет оперативность расследования [2].

Не менее сложным является вопрос достоверности электронных доказательств. Российские суды выработали подход, при котором переписка и скриншоты из социальных сетей признаются допустимыми доказательствами лишь при подтверждении их подлинности экспертизой или официальным ответом от администратора ресурса. В противном случае такие материалы рассматриваются как ориентирующие, но не обладающие доказательной силой. В результате следствие сталкивается с ситуацией, когда значительный массив потенциально уличающей информации не может быть использован в суде из-за отсутствия процессуально оформленного подтверждения источника [3].

Особое внимание уделяется установлению причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и наступившими последствиями, особенно в делах, где речь идёт о доведении до самоубийства. Судебно-психологическая и психиатрическая экспертизы в таких случаях играют решающую роль, поскольку именно они позволяют определить, оказало ли онлайн-воздействие существенное влияние на психическое состояние жертвы. Однако эксперты часто отмечают трудности в ретроспективной оценке эмоционального состояния потерпевшего, особенно если материалы переписки носят фрагментарный характер. Кроме того, в большинстве случаев отсутствуют непосредственные свидетели психологического давления, что заставляет суды строить выводы на косвенных доказательствах и экспертных суждениях [4].

Важным процессуальным вопросом остаётся оценка степени общественной опасности поведения в виртуальной среде. При отсутствии физического контакта суды нередко сомневаются, можно ли считать онлайн-травлю формой насилия в уголовно-правовом смысле. В результате аналогичные по содержанию действия — например, массовое оскорбление и унижение жертвы в соцсетях — могут квалифицироваться по-разному в зависимости от восприятия судом фактических обстоятельств. Одни судебные решения рассматривают кибербуллинг как форму психологического насилия, а другие — как не представляющее общественной опасности поведение, относящееся к сфере административной или моральной ответственности [5].

Дополнительную сложность вызывает вопрос хранения и фиксации цифровых доказательств. Поскольку большая часть онлайн-контента быстро удаляется или редактируется, следственные органы должны действовать оперативно, чтобы зафиксировать доказательства до их утраты. В отсутствие чётких сроков и процедур, регулирующих сбор и сохранение цифровых следов, следователи рискуют утратить важные материалы ещё до возбуждения дела. В этой связи в научной литературе неоднократно подчёркивалась необходимость создания нормативных стандартов по фиксации электронных доказательств и взаимодействию следственных органов с администраторами интернет-площадок [6].

Кроме того, практика показывает, что расследование дел о цифровом насилии требует межведомственного подхода. Для эффективного расследования необходима координация между следственными подразделениями, специалистами по компьютерной экспертизе, психологами, педагогами и представителями социальных служб. При этом законодательство не предусма-

тривает чётких механизмов такого взаимодействия, что приводит к замедлению расследований и разрозненности усилий различных структур [7].

Таким образом, доказательная и процессуальная специфика дел о кибербуллинге обусловлена сочетанием технических, психологических и правовых факторов. Отсутствие единых методических рекомендаций, пробелы в регламентации работы с цифровыми доказательствами и неопределённость критериев оценки общественной опасности создают риски как для объективности следствия, так и для защиты прав участников процесса. Решение данных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование процессуального законодательства, развитие экспертной базы и повышение квалификации специалистов, работающих с цифровыми доказательствами [8].

Прежде всего, представляется целесообразным разработать и закрепить на уровне Верховного Суда Российской Федерации специальные методические разъяснения, регулирующие вопросы квалификации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет и направленных на унижение, травлю или психологическое давление на человека. Такие разъяснения могли бы содержать критерии систематичности и интенсивности действий, определять признаки умысла и общественной опасности поведения, а также раскрывать особенности установления причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и психическими последствиями для потерпевшего [1].

Законодательно закреплённый алгоритм позволит повысить достоверность доказательственной базы и сократить количество дел, прекращаемых по формальным основаниям, связанным с недопустимостью цифровых доказательств [2].

Одновременно с совершенствованием уголовно-процессуальных механизмов актуальной является необходимость развития профилактических мер. Практика показывает, что многие случаи кибербуллинга не достигают стадии уголовного преследования, но наносят значительный моральный ущерб жертвам. В связи с этим возможно введение административной ответственности за повторяющиеся случаи онлайн-оскорблений, угроз или преследования. Такая мера позволила бы формировать промежуточное звено между профилактическим воздействием и уголовным наказанием, создавая условия для раннего реагирования на опасные формы поведения в сети [3].

Особое значение имеет повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, следователей и экспертов, участвующих в

расследовании дел, связанных с цифровым насилием. Успешное расследование подобных преступлений требует знания не только уголовного и процессуального законодательства, но и основ цифровой криминалистики, киберпсихологии, коммуникационных технологий. Развитие системы межведомственной подготовки специалистов — совместное обучение следователей, психологов и IT-экспертов — может существенно повысить качество расследований и достоверность экспертиз [4].

Таким образом, комплексное совершенствование уголовно-правового и процессуального регулирования должно включать разработку методических рекомендаций Верховного Суда РФ, нормативное закрепление порядка обращения с электронными доказательствами, введение административных и профилактических мер, повышение квалификации специалистов и, в перспективе, кодификацию понятия кибербуллинга на уровне Уголовного кодекса. Только сочетание этих направлений позволит создать устойчивую систему реагирования на цифровое насилие и обеспечить реальную защиту личности от посягательств, совершаемых в информационной среде [7].

Кибербуллинг и цифровое насилие представляют собой сложное явление на стыке технологий, психологии и уголовного права. В 2021–2025 гг. практика показывает, что существующая система уголовно-правовых средств частично покрывает проявления цифрового насилия, но страдает от фрагментарности, трудностей доказывания и неоднородности правоприменения. Для повышения эффективности борьбы с кибербуллингом необходимы унифицированные методические разъяснения высших судебных органов, стандарты работы с электронными доказательствами, а также развитие межведомственного и профилактического подхода.

Список литературы:

- [1] Аналитические и научные материалы о правовом регулировании цифрового насилия и отсутствии специального состава «кибербуллинг» в УК РФ. (Обзор и публикации, 2023–2025). www.cyberleninka.ru
- [2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 №37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации». www.consultant.ru
- [3] Научные и диссертационные материалы по квалификации клеветы и деяний в сети (2023–2025). www.dspace.spbu.ru
- [4] Публикации по вопросам нарушения неприкосновенности частной жизни в сети (научные статьи и обзоры). www.cyberleninka.ru

[5] Публикации и статьи о проблемах квалификации угроз и других посягательств в сети (обзоры практики). bim-portal.ru

[6] Материалы и обзоры практики по статьям 110/110.1/110.2 УК РФ в делах, связанных с использованием сети Интернет (статьи, обзоры 2021–2024). www.cyberleninka.ru

[7] Разъяснения и подборки судебной практики по составам в сфере компьютерной информации (ст. 272 и др.). www.consultant.ru

[8] Информационное сообщение о приговоре в Москве (апрель 2024) по делу о склонении несовершеннолетней к самоубийству через соц-сети. (АГН «Москва», 24.04.2024). mskagency.ru

[9] Публикации СМИ и сообщения о деле супругов Воропаевых: осуждение и последующая отмена/пересмотр приговоров (2022–2024). www.rbc.ru

[10] Обзор правоприменительной практики и аналитические сборники по киберпреступлениям 2021–2024 (обзоры МВД/следственных органов/консорциумов). https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_1-Obzor_Pravoprimeritelnoj-praktiki-po-protivodejstvu-kiberprestuplenij.pdf

References:

[1] Analytical and scientific materials on the legal regulation of digital violence and the absence of a special composition of “cyberbullying” in the Criminal Code of the Russian Federation. (Review and publications, 2023-2025). www.cyberleninka.ru

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No.

37 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Crimes in the Field of Computer Information.” www.consultant.ru

[3] Scientific and dissertation materials on the qualification of libel and acts on the network (2023-2025). www.dspace.spbu.ru

[4] Publications on online privacy issues (scientific articles and reviews). www.cyberleninka.ru

[5] Publications and articles on the challenges of qualifying threats and other online encroachments (practice reviews). bim-portal.ru

[6] Materials and reviews of practice under articles 110/110.1/110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases related to the use of the Internet (articles, reviews 2021-2024). www.cyberleninka.ru

[7] Clarifications and compilation of judicial practice on compositions in the field of computer information (Art. 272 et al.). www.consultant.ru

[8] Information message about the verdict in Moscow (April 2024) in the case of persuading a minor to commit suicide through social networks. (AGN “Moscow,” 24.04.2024). mskagency.ru

[9] Media publications and reports on the case of the Voropaev spouses: conviction and subsequent cancellation/revision of sentences (2022-2024). www.rbc.ru

[10] Review of law enforcement practices and analytical collections on cybercrimes 2021-2024 (reviews of the Ministry of Internal Affairs/investigating authorities/consortia). https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_1-Obzor_Pravoprimeritelnoj-praktiki-po-protivodejstvu-kiberprestuplenij.pdf

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАСЬЯНОВ Александр Олегович,
преподаватель кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России, майор полиции,
e-mail: masila179@yandex.ru

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России, капитан полиции
e-mail: v.shanko@mail.ru

ПЕШЕХОНОВА Анна Юрьевна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России,
подполковник полиции
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты цифровой трансформации патрульно-постовой службы полиции в современных условиях. Обосновывается, что внедрение цифровых технологий в деятельность ППС представляет собой не только техническое обновление служебной деятельности, но и комплексное изменение организационных механизмов управления, профилактики правонарушений, документирования полицейских действий и информационного взаимодействия между подразделениями органов внутренних дел. Анализируются нормативные основы цифровизации ППС, включая положения законодательства о полиции, об информации, информационных технологиях и защите информации, о персональных данных, а также ведомственные акты МВД России. Особое внимание уделяется использованию цифровых средств видеофиксации, навигации, электронного документооборота, аналитических платформ и иных информационных решений в процессе несения патрульно-постовой службы. Выявляются основные проблемы цифровой трансформации ППС, связанные с фрагментарностью правового регулирования, необходимостью соблюдения баланса между эффективностью полицейской деятельности и защитой прав граждан, а также недостаточной организационной и кадровой готовностью к полноценному внедрению цифровых инструментов. Формулируется вывод о необходимости комплексного совершенствования нормативной базы, организационных процедур и профессиональной подготовки сотрудников ППС в целях обеспечения законности и повышения эффективности деятельности патрульно-постовой службы в цифровой среде.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба полиции, ППС, цифровая трансформация, цифровизация полиции, административно-правовое регулирование, общественный порядок, общественная безопасность, информационные технологии, персональные данные, цифровая фиксация, МВД России.

KASYANOV Alexander Olegovich,
Lecturer in the Forensic Science Department of the
Preliminary Investigation Training and Research Complex
in Internal Affairs Bodies at the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

KLIMOVSKY Anton Sergeevich,
Lecturer in the Specialized Disciplines Department of the
Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Police Captain

PESHEKHONOVA Anna Yuryevna,
Senior Lecturer in the Criminal Law and
Criminology Department of the Federal State
Educational Institution of Higher Education,
RUI MVD of Russia, Police Lieutenant Colonel

DIGITAL TRANSFORMATION OF PATROL AND POST SERVICE: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. *This article examines the legal and organizational aspects of the digital transformation of the patrol police service in the current context. It argues that the introduction of digital technologies into patrol police operations represents not only a technical upgrade to official activities but also a comprehensive change in the organizational mechanisms for management, offense prevention, documentation of police actions, and information exchange between departments of internal affairs agencies. The article analyzes the regulatory framework for the digitalization of the patrol police, including provisions of legislation on the police, on information, information technology and information protection, on personal data, as well as departmental regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Particular attention is paid to the use of digital video recording, navigation, electronic document management, analytical platforms, and other information solutions in patrol police operations. The article identifies the key challenges of the digital transformation of the patrol police, related to the fragmentation of legal regulation, the need to maintain a balance between the effectiveness of policing and the protection of citizens' rights, and insufficient organizational and personnel readiness for the full implementation of digital tools. A conclusion is drawn on the need for a comprehensive improvement of the regulatory framework, organizational procedures and professional training of patrol and post service personnel in order to ensure the legality and improve the efficiency of the patrol and post service in the digital environment.*

Key words: *Patrol and post police service, PPS, digital transformation, police digitalization, administrative and legal regulation, public order, public safety, information technology, personal data, digital recording, Ministry of Internal Affairs of Russia.*

Патрульно-постовая служба полиции традиционно занимает центральное место в системе обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, поскольку именно ее сотрудники осуществляют непосредственное и постоянное присутствие в общественных местах, реагируют на правонарушения в режиме реального времени, взаимодействуют с населением и реализуют значительный объем административно-юрисдикционных полномочий. В современных условиях развитие цифровых технологий объективно изменяет характер служебной деятельности ППС, содержание управленческих решений, способы фиксации правонарушений и алгоритмы взаимодействия полиции с иными субъектами публичного управления. В этой связи цифровая трансформация ППС представляет собой не просто внедрение отдельных технических средств, а комплексное изменение организационной модели службы, основанное на использовании информационных систем, цифровых каналов связи, аналитических платформ,

средств видеофиксации, геоинформационных решений и электронного документооборота. Правовое значение данного процесса заключается в том, что цифровизация служебной деятельности полиции должна обеспечивать не только рост ее эффективности, но и соблюдение законности, прав и свобод граждан, а также установленных требований к защите информации и персональных данных [6].

Нормативную основу цифровой трансформации ППС образует совокупность актов различной юридической силы. К базовым источникам относятся Федеральный закон «О полиции», закрепляющий задачи, обязанности и полномочия полиции, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, регулирующий производство по делам об административных правонарушениях и применение соответствующих процессуальных мер, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О персональных данных», а также приказ

МВД России от 28 июня 2021 г. № 495, утвердивший Наставление об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России [1; 2; 3]. Именно совокупность данных актов позволяет определить пределы цифровизации ППС: с одной стороны, она должна способствовать более эффективному исполнению полицейских функций, с другой — не может выходить за рамки законных целей обработки информации, нарушать режим охраны персональных данных или подменять правовую оценку действий должностного лица формальными техническими алгоритмами.

С организационной точки зрения цифровая трансформация ППС проявляется в изменении способов управления нарядами, учета оперативной обстановки, планирования маршрутов патрулирования, фиксации служебных действий и обмена информацией между подразделениями. Использование мобильных цифровых устройств, защищенных каналов связи, автоматизированных баз данных, навигационных систем и средств видеофиксации позволяет существенно повысить скорость доведения служебной информации, сократить временные затраты на проверку сведений, улучшить координацию нарядов и повысить доказательственную обеспеченность принимаемых решений. В научной литературе справедливо отмечается, что цифровая трансформация органов внутренних дел предполагает переход от фрагментарного использования отдельных информационных технологий к системному цифровому управлению, при котором данные становятся полноценным ресурсом принятия организационных и правоприменительных решений [6]. Для ППС это имеет особое значение, поскольку служба действует в динамичной среде, где временной фактор во многом определяет результативность пресечения правонарушения, оказания помощи гражданам и предупреждения более опасных противоправных последствий [7].

Цифровизация ППС способна существенно усилить профилактический потенциал патрульной службы. Анализ массивов данных о правонарушениях, территориальных рисках, повторяемости конфликтных ситуаций, времени наибольшей криминальной активности и местах концентрации противоправного поведения позволяет более обоснованно определять маршруты патрулирования, перераспределять силы и средства, концентрировать наряды на проблемных участках и повышать адресность профилактического воздействия. Следовательно, цифровая трансформация меняет саму организационную логику несения службы: от преимущественно реактивного присутствия в общественных местах ППС

постепенно переходит к модели информационно-обоснованного патрулирования, основанного на анализе данных и ситуационном управлении [6; 8]. Вместе с тем такая модель допустима лишь при сохранении за сотрудником полиции решающей роли в оценке конкретной обстановки, поскольку алгоритмические рекомендации не могут подменять живую правовую квалификацию ситуации и профессиональное усмотрение должностного лица. Как отмечают исследователи, современные подходы к правопониманию требуют сочетания нормативного анализа и методологического осмысления, что позволяет более точно определять пределы допустимого вмешательства, критерии законности и оценку цифровых решений в полицейской практике [11].

Особое место в структуре цифровой трансформации ППС занимает вопрос о цифровой фиксации служебной деятельности. Использование носимых видеорегистраторов, стационарных и мобильных средств видеофиксации, интеграция с городскими системами наблюдения, а также электронная регистрация отдельных процессуальных действий способны повысить прозрачность деятельности полиции, снизить конфликтность взаимодействия с гражданами и обеспечить более надежное подтверждение законности действий сотрудников. Для ППС это особенно важно в случаях применения мер административного принуждения, доставления, административного задержания, пресечения групповых нарушений общественного порядка и иных ситуаций, где впоследствии может возникнуть спор о фактических обстоятельствах произошедшего [10]. В этом аспекте цифровые технологии выступают не только средством повышения управляемости службы, но и дополнительной гарантией законности, защищающей как права граждан, так и самих сотрудников полиции от необоснованных обвинений.

Вместе с тем цифровая трансформация ППС порождает ряд серьезных правовых проблем. Первая из них связана с фрагментарностью нормативного регулирования. Действующее законодательство определяет общие основы обработки информации, защиты персональных данных и полномочий полиции, однако не всегда содержит достаточную конкретизацию применительно к повседневной цифровой деятельности строевых подразделений ППС. В частности, нуждаются в более детальном нормативном закреплении вопросы порядка использования и хранения цифровых записей, пределов доступа к ним, сроков их сохранности, правил включения цифровых материалов в доказательственную базу по делам об административных правонарушениях, а также оснований использования аналитических и прогнозных инструментов при орга-

низации патрулирования [5]. Отсутствие единообразных и детально проработанных ведомственных алгоритмов может повлечь не только организационные сбои, но и риски нарушения прав граждан, связанные с избыточным сбором сведений, неясностью целей обработки данных или недостаточной защищенностью информации.

Вторая значимая проблема состоит в необходимости соблюдения баланса между цифровой эффективностью и конституционно-правовыми гарантиями личности. Любое расширение цифрового инструментария полиции должно сопровождаться строгим соблюдением принципов законности, целевого характера обработки данных, соразмерности вмешательства и информационной безопасности. Использование средств фото-, аудио- и видеofиксации, доступ к электронным массивам сведений, межведомственный информационный обмен, аналитическая обработка данных о перемещениях, событиях и участниках правонарушений объективно затрагивают сферу частной жизни и информационного самоопределения личности. Поэтому цифровая трансформация ППС не может оцениваться исключительно как технологический прогресс; она является одновременно правовым процессом, требующим постоянной проверки на соответствие законодательству об информации и персональных данных [4]. Именно здесь проявляется ключевое условие правомерной цифровизации: расширение технологических возможностей полиции допустимо лишь постольку, поскольку оно не разрушает гарантии прав и свобод граждан и не превращает техническое средство в инструмент неоправданного контроля.

Третья группа проблем связана с организационным обеспечением цифровой трансформации. Эффективность цифровых решений зависит не только от наличия техники, но и от уровня цифровых компетенций сотрудников, устойчивости каналов связи, совместимости используемых информационных систем, защищенности ведомственной инфраструктуры и единообразия организационных процедур. Если цифровые средства внедряются без должной адаптации служебных регламентов, без специальной подготовки личного состава и без учета реальных условий несения службы, они способны не снизить, а, напротив, увеличить нагрузку на сотрудников ППС за счет дублирования бумажных и электронных операций, роста отчетности и технических сбоев. В этой связи обоснован вывод о том, что цифровая трансформация ППС должна сопровождаться не только техническим оснащением, но и институциональной перестройкой управленческих процессов, включая пересмотр подходов к документообороту, служебному контролю, обмену информацией и профессиональной подготовке [8].

Дальнейшее развитие цифровой трансформации патрульно-постовой службы целесообразно связывать с рядом взаимодополняющих направлений. Прежде всего, сохраняется потребность в совершенствовании нормативного регулирования, включая более детальную регламентацию использования цифровых средств в процессе несения службы, фиксации действий сотрудников, хранения электронных материалов и применения автоматизированных инструментов анализа информации. Наряду с этим актуальным остается формирование единых платформенных решений, способных обеспечить согласованное взаимодействие дежурных частей, нарядов ППС, систем видеонаблюдения, навигационных комплексов и средств ведомственного электронного документооборота. Не менее важным представляется закрепление на нормативном и организационном уровнях положения о том, что цифровые алгоритмы должны выполнять вспомогательную функцию, повышая эффективность деятельности сотрудника полиции, но не подменяя его правовую оценку обстоятельств, персональную ответственность и процессуальную самостоятельность [6]. Существенное значение имеет и развитие кадрового потенциала ППС, что предполагает формирование устойчивых практических навыков работы с цифровыми ресурсами, знание требований законодательства в сфере защиты информации и персональных данных, а также умение использовать электронные материалы в административно-юрисдикционной деятельности [10].

Следовательно, цифровая трансформация патрульно-постовой службы выступает объективным этапом модернизации современной полицейской деятельности, способным положительно повлиять на результативность охраны общественного порядка, оперативность реагирования, качество фиксации правонарушений и управляемость силами и средствами. Вместе с тем ее эффективность зависит не только от уровня технического оснащения, но и от последовательного совершенствования организационных механизмов и правовых гарантий законного обращения с информацией. Правовые и организационные элементы цифровизации ППС образуют единую систему: недостаточная нормативная определенность способна породить новые риски, тогда как отсутствие надлежащей организационной адаптации снижает практическую отдачу даже от современных технологических решений. По этой причине дальнейшая модернизация ППС в цифровой среде должна строиться на сочетании эффективности, законности, информационной безопасности и уважения прав личности, что и определяет основные ориентиры развития патрульно-постовой службы на современном этапе.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

[3] Приказ МВД России от 28.06.2021 N 495 (с изм. от 14.08.2024) «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[5] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

[6] Лукашов Н. В. Теоретические и организационные основы цифровой трансформации территориальных органов внутренних дел системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 128-137.

[7] Агакишиев С. А. О., Комахин Б. Н. Вопросы обеспечения общественной безопасности: от устава к новому наставлению // Юрист-Правовед. 2022. № 1 (100). С. 17-20.

[8] Кодзоков Б. В. Организационно-правовые особенности деятельности патрульно-постовой службы полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 315-320.

[9] Дежурный А. А., Бондаренко Д. М. Роль патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 133-135.

[10] Власов К. А. Проблемы применения мер непосредственного принуждения сотрудниками полиции и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 213-216.

[11] Шанько В. В., Светличный Е. Г. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64–67.

References:

[1] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 23.03.2026) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (accessed: 03.04.2026).

[2] Federal Law “On Police” of 07.02.2011 No. 3-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7, Article 900.

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 28.06.2021 No. 495 (as amended on 14.08.2024) “On approval of the Instructions on the organization of official activities of combat units of the patrol and post police service of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: publication.pravo.gov.ru (accessed: 03.04.2026).

[4] Federal Law “On Information, Information Technologies, and Information Protection” of July 27, 2006 N 149-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (accessed: 03.04.2026).

[5] Federal Law “On Personal Data” of July 27, 2006 N 152-FZ. URL: pravo.gov.ru (accessed: 03.04.2026).

[6] Lukashov N.V. Theoretical and Organizational Foundations of the Digital Transformation of Territorial Internal Affairs Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (67). pp. 128-137.

[7] Agakishiev S. A. O., Komakhin B. N. Issues of Ensuring Public Safety: From the Charter to the New Instructions // Jurist-Pravoved. 2022. No. 1 (100). Pp. 17-20.

[8] Kodzokov B. V. Organizational and legal features of the activities of the patrol and post police service // Gaps in Russian legislation. 2023. No. 4. Pp. 315-320.

[9] Dezhurny A. A., Bondarenko D. M. The role of the patrol and post police service in ensuring public safety and law and order in the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. Pp. 133-135.

[10] Vlasov K. A. Problems of the application of direct coercion measures by police officers and ways to solve them // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 10 (226). P. 213-216.

[11] Shanko V. V., Svetlichny E. G. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding // Philosophy of Law. - 2021. - No. 3 (98). - P. 64-67.

ПЕТУХОВА Елизавета Ильинична,
магистрант, кафедра правовых дисциплин,
Московский государственный университет
им. Ломоносова,
e-mail: liza.petukhova228@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АУДИТЕ

Аннотация. В статье исследуется фундаментальное противоречие между классическим принципом презумпции добросовестности участников правоотношений и логикой прогнозных моделей, внедряемых в сферу государственного аудита. Автор обращает внимание на то, что предиктивная аналитика, основанная на обработке больших массивов данных и методах машинного обучения, по своей природе оперирует вероятностями и корреляциями, тогда как презумпция добросовестности (ст. 10 ГК РФ) требует индивидуального доказывания вины и запрещает относиться к лицу как к потенциальному нарушителю без достаточных оснований.

Цель статьи – определить правовые границы применения предиктивной аналитики в государственном аудите. Для её достижения автор анализирует юридическую природу алгоритмического риск-профилирования, которое рассматривается как технико-аналитическая процедура со значимыми правовыми последствиями. Детально исследуется практика использования индикаторов риска Счётной палатой РФ при контроле за реализацией национальных проектов, включая описание применяемых методов («случайный лес», «ближайшие соседи», балльные оценки) и созданной системы дашбордов. Кроме того, анализируется судебная практика обжалования актов контрольно-счётных органов, на основе которой выделяются требования к обоснованности и доказанности решений. На основе проведённого анализа автором предлагается комплекс мер по совершенствованию правового регулирования: установление запрета на полностью автоматические решения ИИ без участия человека-аудитора; закрепление права объекта контроля на получение объяснения о факторах отнесения к группе риска; законодательное определение статуса результатов предиктивной аналитики; обязательный антидискриминационный аудит прогнозных моделей; а также возможность судебного обжалования самого факта включения в зону риска, если это повлекло неблагоприятные последствия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, презумпция добросовестности, предиктивная аналитика, алгоритмическое риск-профилирование, государственный аудит, Счётная палата РФ, национальные проекты, индикаторы риска.

PETUKHOVA Elizaveta Ilyinichna,
graduate student, Department of Legal Disciplines,
Lomonosov Moscow State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PRESUMPTION OF GOOD FAITH: LEGAL LIMITS OF PREDICTIVE ANALYTICS IN STATE AUDIT

Annotation. The article examines a fundamental contradiction between the classical principle of the presumption of good faith of participants in legal relations and the logic of predictive models being introduced into state audit. Predictive analytics, based on big data and machine learning, operates with probabilities and correlations, whereas the presumption of good faith (Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) requires individual proof of guilt and prohibits treating a person as a potential violator without sufficient grounds.

The aim is to determine the legal boundaries for using predictive analytics in state audit. The author analyzes algorithmic risk profiling as a technical-analytical procedure with significant legal consequences. The study

details the practice of risk indicators by the Accounts Chamber of the Russian Federation when monitoring national projects, including methods such as random forest, nearest neighbors, score-based assessments, and the dashboard system. Judicial practice on appeals against control and accounting bodies is analyzed, identifying requirements for validity and evidentiary support of decisions. Based on the analysis, the author proposes measures to improve legal regulation: a ban on fully automatic AI decisions without human auditor involvement; the right of audited entities to receive explanations on risk classification factors; legal definition of predictive analytics results' status; mandatory anti-discrimination audits of predictive models; and judicial appeal of being placed in a risk zone if that leads to adverse consequences.

Key words: artificial intelligence; presumption of good faith; predictive analytics; algorithmic risk profiling; state audit; Accounts Chamber of the Russian Federation; national projects; risk indicators.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления неизбежно затрагивает и сферу государственного аудита [2]. Одним из наиболее перспективных, но одновременно и наиболее дискуссионных направлений внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность контрольных органов становится предиктивная аналитика – прогнозирование вероятности нарушений на основе обработки больших массивов данных. В частности, Счетная палата РФ в рамках риск-ориентированного подхода к планированию проверочных мероприятий все чаще использует алгоритмические модели для выявления зон риска среди подконтрольных субъектов.

Кроме того, использование искусственного интеллекта открывает очевидные возможности: повышение эффективности аудита, концентрация ограниченных контрольных ресурсов на наиболее проблемных направлениях, переход от реактивного (по факту нарушения) к превентивному контролю [4]. Однако одновременно оно порождает глубокий правовой конфликт, который в настоящее время не имеет четкого законодательного регулирования.

Речь идет о столкновении двух начал. С одной стороны – презумпция добросовестности, закрепленная в статье 10 Гражданского кодекса РФ и развитая в правовой позиции Конституционного Суда [8]. Согласно этому принципу, пока не доказано иное, участник правоотношений предполагается действующим разумно и добросовестно. Контролирующий орган не может относиться к подконтрольному субъекту как к потенциальному нарушителю без достаточных к тому оснований.

С другой стороны – логика самой предиктивной аналитики, которая всегда оперирует вероятностями и корреляциями. Алгоритм, обученный на прошлых нарушениях, присваивает организации высокий уровень риска не потому, что она уже нарушила закон, а потому, что ее устройство и сфера деятельности статистически схожи с паттернами тех, которые нарушали ранее. Иными словами, искусственный интеллект подозревает, но не доказывает нарушения.

Ключевая правовая проблема заключается в том, что если такая алгоритмическая «метка риска» становится основанием для проведения внеплановой проверки в отношении государственного органа или юридического лица, то фактически презумпция добросовестности уступает место негласной презумпции виновности, выведенной из статистических моделей. Добросовестный объект вынужден оправдываться и доказывать свою чистоту, хотя юридически бремя доказывания лежит на контрольном органе. При этом само решение алгоритма может оставаться «черным ящиком» – непрозрачным и необъяснимым и, следовательно, его сложно обжаловать [6].

Поэтому необходимо определить правовые границы применения предиктивной аналитики в государственном аудите. Для этого необходимо решить следующие задачи: определить юридическую природу алгоритмического риск-профилирования, проанализировать практику его применения, выявить конфликт между презумпцией добросовестности и логикой прогнозных моделей, проанализировать риски дискриминации добросовестных объектов контроля и предложить правовые механизмы, позволяющие сохранить фундаментальные гарантии при внедрении искусственного интеллекта в контрольную деятельность, с учетом опыта Счетной палаты РФ и других контрольных органов.

Определение алгоритмического риск-профилирования законодательно не закреплено, но на основе анализа нормативных актов Счетной палаты можно сделать вывод, что оно представляет собой процесс выявления, оценки и ранжирования рисков нарушений бюджетного законодательства, неэффективного использования средств или недостижения запланированных результатов, осуществляемый с использованием математических моделей и методов машинного обучения на основе анализа больших массивов данных.

Нормативной основой внедрения данного инструментария является Концепция риск-ориентированного подхода в Счетной палате РФ [1]. В соответствии с этим документом, под риск-ори-

ентированным подходом понимается комплекс взаимосвязанных принципов, методов и инструментов осуществления деятельности Счетной палаты, предусматривающий планирование и проведение контрольных и экспертно-аналитических мероприятий с использованием результатов оценки рисков.

Алгоритмическое риск-профилирование обладает сложной, двойственной юридической природой, сочетая в себе черты организационно-распорядительного (внутреннего) акта и фактического (технического) действия, порождающего юридические последствия [3].

При этом результаты алгоритмического профилирования (присвоение объекту проверки определенного уровня риска) служат основанием для принятия юридически значимых решений о включении объекта в план контрольных мероприятий, проведении внепланового мероприятия и выборе конкретных методов контроля.

Таким образом, хотя сам процесс профилирования не является юридическим актом в формальном смысле, его результаты опосредованно влияют на правовое положение объектов контроля, создавая для них определенные правовые последствия (повышенное внимание со стороны Счетной палаты, внеплановые проверки).

Это порождает фундаментальную проблему: объект, попавший в зону риска, сталкивается с необходимостью опровергать не юридически значимый факт (например, конкретное нарушение), а статистическую гипотезу, сформированную алгоритмом. При этом сама эта гипотеза может оставаться непрозрачной для проверяемого лица.

Одним из фундаментальных принципов правового государства является формальная определенность – требование, чтобы правовые нормы и основанные на них решения были ясными, предсказуемыми и допускали судебный контроль.

Алгоритмическое риск-профилирование вступает в определенное противоречие с этим принципом по двум причинам. Во-первых, ИИ часто не позволяет дать простое и понятное объяснение тому, почему конкретному объекту присвоен тот или иной риск-профиль. Это затрудняет проверку обоснованности решения и его судебное обжалование. Во-вторых, алгоритм может переобучаться или менять свои параметры по мере поступления новых данных. Это создает ситуацию, когда правила игры (критерии) меняются без формального уведомления и без возможности для объекта контроля адаптировать свою деятельность.

Таким образом, алгоритмическое риск-профилирование – это технико-аналитическая процедура, осуществляемая в рамках контрольной деятельности Счетной палаты со значимыми пра-

вовыми последствиями, которая должна подлежать контролю как со стороны должностных лиц Счетной палаты, так и со стороны суда в части проверки обоснованности его применения и отсутствия дискриминационного эффекта.

Рассмотрим практику применения алгоритмического риск-профилирования на примере индикаторов рисков национальных проектов [7]. Один из важнейших этапов анализа реализации национальных проектов – это оценка того, насколько вероятно, что входящие в них мероприятия будут завершены в установленные сроки. Именно от этого во многом зависит успех всего проекта в целом.

Для решения этой задачи Счетной палатой был разработан набор индикаторов (показателей), которые рассчитываются на основе достоверных данных из регулярных отчетов о ходе реализации проектов [5]. Примерами таких показателей могут служить доля достигнутых на федеральном и региональном уровне контрольных точек, тенденции их выполнения, наличие проблем при осуществлении мероприятий в предшествующие годы и т.д.

В связи с этим возникает две ключевых задачи. Во-первых, необходимо определить значимость (вес) каждого из таких показателей. Во-вторых, нужно спрогнозировать вероятность своевременного выполнения мероприятия (или, иными словами, риск его срыва).

Для решения первой задачи можно проанализировать данные о том, насколько успешно мероприятия реализовывались в прошлом, и сопоставить их с соответствующими показателями. Для этого применяются различные методы, например, регрессионный анализ.

Для решения второй задачи используется один из методов машинного обучения – так называемый «случайный лес». Суть этого подхода заключается в построении множества решающих правил (деревьев), на основе которых вычисляются различные метрики. Одна из них позволяет оценить, насколько добавление того или иного фактора улучшает качество прогноза.

После того как перечень индикаторов риска определен и по ним получены актуальные данные в рамках регулярного мониторинга, возникает необходимость спрогнозировать риск невыполнения мероприятий. Для примерной, качественной оценки можно использовать балльный метод: чем больше индикаторов «сработало» (указывает на риск), тем выше опасения. Однако для точного, количественного прогноза требуются более сложные алгоритмы. Один из них – метод «ближайших соседей». Его идея проста: если среди схожих объектов большинство оказалось проблемными, то и новый объект, скорее всего, также будет проблемным.

На основе описанных подходов и в рамках риск-ориентированной модели, принятой Счётной палатой, была создана система ключевых индикаторов рисков. Она позволяет заблаговременно выявлять проблемные мероприятия национальных проектов и определять, какие меры реагирования необходимо принять. Для наглядности вся информация о таких индикаторах представлена на дашборде. Это специальная панель управления, на которой с помощью графиков, диаграмм, шкал и цветowych индикаторов отображаются «сработавшие» индикаторы риска, вероятность невыполнения в срок каждого из проектов и список проектов, где требуется проведение внеплановых проверок.

Дашборд помогает сотрудникам Счётной палаты оперативно, без изучения больших таблиц и отчётов, увидеть проблемные зоны и принять решение о проведении контрольного мероприятия.

Первые результаты работы этой системы, полученные по итогам 2024 года с применением методов статистического анализа, показывают, что модель обладает хорошей предсказательной способностью. Вместе с тем по ряду параметров она нуждается в улучшении – прежде всего, в повышении точности отбора проблемных мероприятий. Это может быть достигнуто за счёт уточнения самого перечня используемых индикаторов риска.

Дальнейшее развитие системы направлено на расширение сферы её применения – например, использование в качестве одного из критериев существенности при аудите. Основные задачи на этом этапе: повышение точности и оперативности выявления мероприятий, находящихся под риском неисполнения, разработка новых, научно обоснованных индикаторов (в том числе учитывающих особенности отдельных типов мероприятий – строительства, закупок и т.д.), увеличение частоты оценок и создание механизмов последующего контроля за сделанными прогнозами.

На данный момент отсутствует судебная практика по оспариванию решений, принятых на основе алгоритмического риск-профилирования. Это объясняется несколькими причинами, так как внедрение системы ключевых индикаторов рисков Счётной палаты РФ пока что находится на ранней стадии. Вместе с тем, существующая судебная практика обжалования актов контрольно-счётных органов содержит важные правовые позиции, которые могут быть экстраполированы на случаи использования алгоритмического риск-профилирования. Анализ дел позволяет выделить несколько обязательных требований, предъявляемых судами к актам контрольно-счётных органов.

Например, в одном из дел [9] Верховный Суд РФ поддержал позицию нижестоящей инстанции, признавшей недействительным предписание контрольно-счётной палаты. Основанием послужило то, что «предписание содержит ссылку на отчёт о результатах контрольного мероприятия, в котором подтверждение выводов о наличии конкретных сумм ссылками на конкретные фактические данные, материалы и документы проверки не содержится». Суд указал, что отчёт не соответствует акту проверки, а выводы предписания не подкреплены надлежащими доказательствами.

Это требование напрямую связано с проблемой непрозрачности алгоритма. Если решение основано на выводе прогнозной модели, но объект не может получить объяснение того, какие именно факторы и почему привели к отнесению его к группе риска, такое решение может быть признано необоснованным по аналогии с данным делом.

В другом деле [10] по иску государственного предприятия суд, хотя и не удовлетворил требования заявителя, рассмотрел доводы о неисполнимости предписания с учётом финансового положения организации. Это показывает, что суды готовы оценивать не только законность, но и практическую реализуемость требований контрольных органов.

Применительно к риск-профилированию это означает, что даже при наличии «красной метки» от алгоритма, решение о проведении проверки и вынесении предписания должно учитывать индивидуальные обстоятельства объекта контроля. Следовательно, недопустимо автоматическое принятие решений ИИ-системой. Оптимальной представляется ситуация, когда программа анализирует все материалы по объекту и составляет итоговую рекомендацию о принятии определенного решения, а должностное лицо Счётной палаты на основе этого с учетом всех обстоятельств принимает акт с реальными правовыми последствиями.

Заключение

На основе анализа правового конфликта между презумпцией добросовестности и логикой прогнозных моделей, можно предложить следующие правовые механизмы разрешения конфликта.

1) Алгоритмический риск-профиль не должен быть единственным основанием для назначения проверки. Необходима верификация человеком – аудитор должен самостоятельно оценить обоснованность отнесения учреждения к группе риска и принять мотивированное решение.

2) Объект, отнесённый к группе риска на основании работы прогнозной модели, должен

иметь право на получение информации о том, какие именно индикаторы сработали и почему это повлекло определённые правовые последствия. Без такого объяснения судебное обжалование невозможно.

3) Необходимо законодательно определить, что является результатом предиктивной аналитики с точки зрения права – служебная информация, основание для оперативного реагирования или юридически значимый факт.

4) Прогнозные модели, используемые для риск-профилирования, должны проходить регулярную проверку на предмет систематических ошибок, которые могут приводить к дискриминации добросовестных объектов по признакам, не имеющим отношения к реальным рискам нарушений.

5) Необходимо предусмотреть возможность судебного обжалования самого факта включения в зону риска, если это повлекло неблагоприятные правовые последствия. В настоящее время такая возможность отсутствует, поскольку риск-профиль не признаётся правовым актом, подлежащим самостоятельному обжалованию.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что конфликт между презумпцией добросовестности и предикативной аналитикой с использованием ИИ имеет объективный характер. Презумпция добросовестности требует индивидуального доказывания вины, тогда как прогнозные модели предлагают лишь вероятностную оценку, основанную на групповых статистических закономерностях.

Правовая граница использования предиктивной аналитики в государственном аудите проходит там, где статистическая аномалия начинает подменять собой установленный законом порядок доказывания, а вероятностный прогноз – презумпцию добросовестности. Для сохранения баланса необходимо законодательное закрепление статуса результатов алгоритмического профилирования и внедрение механизмов, обеспечивающих прозрачность и возможность судебного обжалования решений, принимаемых на их основе.

Список литературы:

[1] Концепция риск-ориентированного подхода в Счётной палате Российской Федерации (утв. Коллегией Счётной палаты РФ 22.06.2021, Протокол № 44К (1487)). // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-risk-orientirovannogo-podkhoda-v-schetnoi-palate-rossiiskoi-federatsii-utv/> (дата обращения: 07.04.2026).

[2] Брычев А. С. Применение искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № 6. С.1-10.

[3] Выжитович А. М., Боровских Д. В., Краева В. Ю. Методические и практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта в системе государственного финансового контроля // Финансы. 2024. № 1. С. 73–80.

[4] Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. и др. Цифровая трансформация государственного управления: оценка зрелости и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 183-188.

[5] Колеров С. Б., Шишлин А. В. Искусственный интеллект и машинное обучение в аудите национальных проектов // Счетная палата РФ. 2025.

[6] Натарева Е. В. Цифровая трансформация в системе государственного аудита // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2024. № 4 (69). С. 76-88.

[7] Филатова Е. В., Выжевская И. А. Применение технологий искусственного интеллекта в практике государственного аудита // Электронный научный журнал «Парадигма». 2025. № 10.1. С. 286-289.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 10. Ст. 1012.

[9] Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2019 № 309-ЭС19-13457 по делу № А60-44742/2018 // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082019-n-309-es19-12525-po-delu-n-a60-342642018/> (дата обращения: 07.04.2026).

[10] Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2019 по делу № А83-509/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HR8KvEB2kGH4/> (дата обращения: 07.04.2026).

References:

[1] The concept of a risk-based approach in the Accounts Chamber of the Russian Federation (approved by the Collegium of the Accounts Chamber of the Russian Federation on June 22, 2021, Protocol No. 44K (1487)). // UIS Legalact. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-risk-orientirovannogo-podkhoda-v-schetnoi-palate-rossiiskoi-federatsii-utv/> (date of access: April 7, 2026).

[2] Brycheev A. S. Application of Artificial Intelligence in Government Bodies: Challenges and Prospects // Bulletin of Eurasian Science. 2024. Vol. 16. No. 6. pp. 1-10.

[3] Vyzhitovich A. M., Borovskikh D. V., Kraeva V. Yu. Methodological and Practical Aspects of Applying Artificial Intelligence Technologies in the State Financial Control System // Finance. 2024. No. 1. pp. 73–80.

[4] Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., et al. Digital Transformation of Public Administration: Maturity Assessment and Prospects // Issues of Public and Municipal Administration. 2019. No. 4. pp. 183–188.

[5] Kolerov S. B., Shishlin A. V. Artificial Intelligence and Machine Learning in the Audit of National Projects // Accounts Chamber of the Russian Federation. 2025.

[6] Natarova E. V. Digital Transformation in the State Audit System // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2024. No. 4 (69). P. 76–88.

[7] Filatova E. V., Vyzhevskaya I. A. Application of Artificial Intelligence Technologies in the Practice of State Audit // Electronic Scientific Journal "Paradigm". 2025. No. 10.1. P. 286–289.

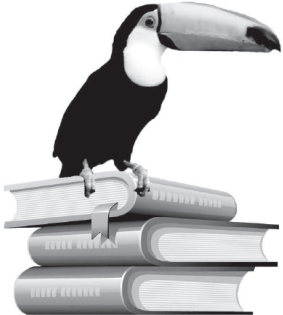
[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 24, 2004 No. 3-P

"On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 74 and 77 of the Federal Law "On Joint-Stock Companies" regulating the procedure for consolidating the outstanding shares of a joint-stock company and the buyout of fractional shares, in connection with complaints from citizens, the Cadet Establishment company and the request of the Oktyabrsky District Court of the city of Penza" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 10. Art. 1012.

[9] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.08.2019 No. 309-ES19-13457 in case No. A60-44742/2018 // UIS Legalact. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082019-n-309-es19-12525-po-delu-n-a60-342642018/> (date of access: 07.04.2026).

[10] Resolution of the Twenty-first Arbitration Court of Appeal dated 29.07.2019 in case No. A83-509/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HR8KvEB2kGH4/> (accessed: 07.04.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

МУСАТОВ Максим Александрович,
Студент 4-го курса юридической школы
Дальневосточного Федерального Университета (ДВФУ)
Владивосток, Россия,
e-mail: musatov-maksim04@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема правового регулирования наследования цифровых активов (ЦА) в Российской Федерации. Анализируются ключевые препятствия для включения ЦА в наследственную массу: неопределенность правового статуса (на основе ст. 141.1 ГК РФ, ФЗ № 34-ФЗ, ФЗ № 259-ФЗ), отсутствие централизованного реестра, сложности оценки стоимости и доступа к активам, пробелы в нотариальных процедурах, неоднозначность судебной практики. Рассмотрен зарубежный опыт регулирования (регламент MiCA в ЕС, закон UAGA в США, подходы ОАЭ и Сингапура) как основа для совершенствования российского законодательства. Предложены конкретные меры: закрепление статуса ЦА в ГК РФ, создание цифрового наследственного реестра, разработка методик оценки криптовалют и NFT, регламентация работы нотариусов с цифровыми активами, введение ответственности операторов информационных систем, популяризация электронных завещаний. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к решению проблемы - сочетания законодательных изменений, внедрения цифровых инструментов и повышения правовой грамотности граждан. Реализация предложенных мер обеспечит защиту прав наследников и минимизирует риски утраты цифровых активов.

Ключевые слова: наследование цифровых активов, криптовалюты, NFT, DAO, смарт-контракты, цифровое завещание, правовой статус цифровых активов, наследственная масса, оценка цифровых активов, приватные ключи, цифровой реестр, трансграничное наследование, ГК РФ, ФЗ № 259-ФЗ.

MUSATOV Maxim Aleksandrovich,
4th year student of the Law School
Far Eastern Federal University (FEFU)
Vladivostok, Russia

INHERITANCE OF DIGITAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Annotation. The article examines the problem of legal regulation of digital asset (DA) inheritance in the Russian Federation. The key obstacles to including digital assets in the estate are analysed, including the uncertainty of their legal status (based on Art. 141.1 of the Civil Code of the RF, Federal Law No. 34-FZ, and Federal Law No. 259-FZ), the lack of a centralised registry, difficulties in valuing assets and gaining access to them, gaps in notarial procedures, and inconsistencies in judicial practice. Foreign regulatory experience is reviewed as a basis for improving Russian legislation. Relevant examples include the MiCA regulation in the EU, the Uniform Access to Digital Assets Act (UAGA) in the US, and approaches adopted in the UAE and Singapore. Concrete measures are proposed: establishing the legal status of digital assets in the Civil Code of the RF; creating a digital inheritance registry; developing valuation methodologies for cryptocurrencies and NFTs; regulating notaries' work with digital assets; introducing liability for information system operators; and promoting electronic wills.

The study concludes that a comprehensive approach is needed to address the issue - combining legislative changes, the introduction of digital tools, and improving legal literacy among citizens. Implementing the proposed measures will protect heirs' rights and minimise the risks of losing digital assets.

Key words: *inheritance of digital assets, digital rights, cryptocurrencies, NFTs (non-fungible tokens), DAOs (decentralised autonomous organisations), smart contracts, digital will, legal status of digital assets, estate (inheritance mass), valuation of digital assets, private keys, notarial procedures, digital registry, cross-border inheritance, Civil Code of the RF, Federal Law No. 259-FZ.*

В условиях стремительного развития цифровой экономики к 2026 году цифровые активы (ЦА) - криптовалюты (Bitcoin, Ethereum, стейблкоины), невзаимозаменяемые токены (NFT), аккаунты в социальных сетях и игровых платформах, доменные имена, токены децентрализованных автономных организаций (DAO) прочно вошли в гражданский оборот. Однако правовое регулирование их наследования остается фрагментарным, что порождает серьезные правовые риски для граждан, увеличивает нагрузку на судебную систему и создает предпосылки для утраты имущественных прав.

Основная проблема заключается в неопределенности правового статуса цифровых активов в рамках действующего законодательства. Согласно ст. 141.1 ГК РФ (введенной ФЗ от 18.03.2019 № 34-ФЗ) [2], цифровые права определяются как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых закреплены правилами информационной системы. При этом Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] разграничивает цифровые финансовые активы (ЦФА), например токены, удостоверяющие право на денежные выплаты, и цифровую валюту (криптовалюты), но не закрепляет четких правил их наследования. Это создает правовой вакуум, который затрудняет защиту прав наследников. Д.А. Бакаев [5] и М.В. Кротов [6] отмечают, что формально цифровые активы могут рассматриваться как «иное имущество» (ст. 128 ГК РФ), однако отсутствие единой доктринальной позиции и четких законодательных критериев делает включение таких активов в наследственную массу (ст. 1112 ГК РФ) крайне проблематичным.

Например, аккаунты в социальных сетях и на игровых платформах сочетают имущественный компонент (монетизируемый контент, виртуальные предметы, подписки) и личностный компонент (частная переписка, фотографии, пользовательские данные). Это порождает коллизии между нормами наследственного права (ГК РФ) [1], законом о персональных данных (ФЗ № 152-ФЗ) [2] и пользовательскими соглашениями платформ, которые зачастую прямо запрещают передачу аккаунтов третьим лицам, квалифицируя это как нарушение условий использования. Отсутствие централизованного реестра цифровых активов вынуждает наследников соби-

рать разрозненные доказательства владения: выписки с криптобирж и кошельков, договоры с провайдерами облачных сервисов, логи транзакций в блокчейне, скриншоты интерфейсов платформ. Однако операторы информационных систем (криптобиржи, социальные сети) часто отказываются раскрывать данные третьим лицам, ссылаясь на внутренние правила конфиденциальности. Это противоречит базовым принципам наследственного права, согласно которым имущество умершего должно быть доступно для включения в наследственную массу. Например, криптобиржи нередко блокируют счета умерших пользователей без возможности восстановления доступа, даже если наследники предоставляют нотариальные запросы или свидетельства о праве на наследство. Такая практика создает парадоксальную ситуацию: активы существуют, но юридически недоступны для правопреемников. Оценка стоимости цифровых активов также представляет серьезную проблему. Криптовалюты характеризуются высокой волатильностью. Курс может измениться на 20–30 % за сутки, что делает фиксацию рыночной стоимости на дату открытия наследства крайне сложной. Как отмечает П.А. Макаров, традиционные методики оценки имущества неприменимы к цифровым активам, поскольку отсутствует единый рынок для сравнения цен, нет аккредитованных оценщиков, компетентных в сфере блокчейна и NFT, невозможно учесть все факторы, влияющие на стоимость (например, ликвидность конкретной криптовалюты) [10, с. 141].

Ситуация усугубляется с NFT, которые представляют собой уникальные цифровые объекты (произведения искусства, игровые предметы). Их стоимость зависит от художественной ценности, редкости, спроса на конкретном аукционе, репутации создателя. Законодательство не утвердило специальных методик оценки, что ведет к спорам между наследниками, занижению или завышению стоимости и, как следствие, нарушению прав совладельцев имущества.

Доступ к цифровым активам осложняется несколькими факторами:

- потеря приватных ключей лишает наследников возможности распоряжаться криптокошельками, даже при наличии доказательств владения. Приватные ключи - уникальные комбинации символов, без которых невозможно получить доступ к средствам. Если наследодатель не оставил копий ключей, наследники оказываются в ситуации право-

вой неопределенности: активы формально существуют, но фактически недоступны;

- условия пользовательских соглашений большинства платформ включают положения, запрещающие передачу аккаунтов по наследству. Например, политика конфиденциальности популярных соцсетей прямо указывает, что учетная запись неразрывно связана с личностью пользователя и не может быть передана. Это ставит под сомнение возможность включения таких активов в наследственную массу;
- шифрование и двухфакторная аутентификация делают восстановление доступа без знания паролей, кодов двухфакторной аутентификации или биометрических данных умершего практически невозможным. Нотариусы, не имея четких алгоритмов восстановления доступа, часто оказываются бессильны;
- отсутствие механизмов взаимодействия с иностранными платформами усугубляет ситуацию: многие цифровые активы размещены на зарубежных сервисах, которые игнорируют запросы российских нотариусов или судов, что связано с различиями в правовом регулировании разных стран.

Законодательство не регламентирует ряд аспектов нотариальных процедур: порядок запроса данных у операторов информационных систем (например, как нотариус должен обращаться к криптобирже за информацией о счетах наследодателя), правила хранения цифровых ключей (возможно ли депонирование ключей у нотариуса с соблюдением требований информационной безопасности), форму завещаний, включающих ЦФА (допускается ли указание цифровых кошельков, токенов, аккаунтов, и как это соотносится с электронной подписью). Федеральная нотариальная палата пока не выпустила единых методических рекомендаций, что вынуждает нотариусов действовать в каждом случае индивидуально, зачастую с противоречивыми результатами. Это порождает разночтения, затягивание процедур и риск утраты активов.

Отдельно стоит вопрос налогообложения. Хотя само по себе получение наследства в России не облагается налогом, операции с цифровыми активами могут вызвать налоговые споры. Например, вывод средств с криптокошельков может быть расценен банком как доход, подлежащий обложению НДФЛ (13–15 %) в рамках ФЗ № 115-ФЗ (о противодействии легализации доходов), если нет свидетельства о праве на наследство. Отсутствие такого свидетельства усложняет доказательство законности владения активами, что привлекает внимание налоговых органов. Конвертация криптовалюты в фиатные

деньги может интерпретироваться как предпринимательская деятельность, требующая регистрации ИП или юридического лица. На практике наследники нередко сталкиваются с требованиями банков предоставить документы, подтверждающие происхождение средств, что практически невозможно без полноценного правового регулирования. Суды признают цифровые активы имуществом, подлежащим наследованию, как подчеркивает В.А. Мальцев, но подходы разнятся. В делах о наследовании криптоактивов суды обычно требуют документальные доказательства владения (выписки с бирж, договоры с провайдерами), подтверждение отсутствия долгов, связанных с активами, согласие операторов информационных систем на раскрытие данных [11, с. 37].

При этом суды нередко опираются на аналогии с традиционными активами, игнорируя специфику цифровых активов (нематериальность, децентрализованность, зависимость от работы информационной системы), подчеркивает М.А. Ляпин [9, с. 471]. Это приводит к затягиванию процессов, отмене решений в апелляции и общему снижению доверия граждан к правовой системе. Важным шагом в преодолении правовой неопределённости стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона „О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Тимченко Д.И.» [6]. В данном постановлении КС РФ признал часть 6 ст. 14 ФЗ № 259-ФЗ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она препятствует судебной защите имущественных требований лиц, получивших цифровую валюту способами, не связанными с майнингом; обязал федерального законодателя внести необходимые изменения в правовое регулирование; установил временный механизм защиты прав наследников — через представление в суд сведений, подтверждающих законность получения цифровой валюты. Это решение имеет принципиальное значение для наследственных споров с цифровыми активами и подтверждает возможность судебной защиты прав наследников цифровых активов; задаёт ориентир судам при рассмотрении аналогичных дел - учитывать специфику цифровых активов, а не ограничиваться аналогией с традиционным имуществом; создаёт правовую основу для разработки чётких правил наследования, устраняя ранее существовавший правовой вакуум. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить эффективные механизмы, которые могут быть адаптированы в России. В ЕС регламент

MiCA вводит требования к провайдерам криптоуслуг, обязывая их содействовать передаче активов наследникам, и закрепляет стандарты раскрытия информации, что упрощает идентификацию и оценку цифровых активов. В США закон UAGA (Uniform Access to Digital Assets Act) унифицирует доступ к цифровым активам через завещания и доверенных лиц.

Штат Вайоминг пошел дальше, признав DAO юридическими лицами, что позволяет наследовать права управления децентрализованными проектами. В ОАЭ (DIFC - Dubai International Financial Centre) введена обязательная регистрация цифровых кошельков, а лицензированные биржи обязаны сотрудничать с наследниками, что минимизирует риски утраты активов и упрощает налогообложение. В Сингапуре Payment Services Act лицензирует криптобиржи и закрепляет обязанность раскрывать информацию о счетах по запросу уполномоченных органов, подчеркивается Д.Н. Степановой и соавторами [12]. Эти модели демонстрируют, что для эффективного регулирования необходимо создать национальный реестр цифровых активов, интегрированный с государственными системами, закрепить обязанности операторов систем по раскрытию данных и содействию наследникам, унифицировать правила трансграничного наследования с учетом глобализации цифрового пространства. Для преодоления правового вакуума требуется комплексный подход, сочетающий обновление законодательства, разработку методических рекомендаций и внедрение цифровых инструментов.

Необходимо обновить Гражданский кодекс РФ, а именно закрепить цифровые активы как самостоятельную категорию объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, четко определив их признаки (нематериальность, зависимость от информационной системы, возможность цифровой передачи), уточнить критерии включения цифровых активов в наследственную массу (ст. 1112 ГК РФ), например учет в информационной системе, доступной для проверки, документальное подтверждение владения (выписки, договоры), отсутствие ограничений, установленных пользовательскими соглашениями.

Целесообразно ввести отдельную главу о наследовании цифровых прав, учитывающую специфику идентификации активов, оценки и доступа к ним. ФЗ № 259-ФЗ следует дополнить положениями, обязывающими операторов информационных систем раскрывать данные наследникам по запросу нотариуса, оформленному в установленном порядке, устанавливая четкий порядок восстановления доступа к активам при утрате приватных ключей.

Необходимо расширять перечень цифровых активов, подлежащих наследованию, включив аккаунты, доменные имена, цифровой контент (видео, музыку, программное обеспечение), закреплять обязанность граждан регистрировать цифровые кошельки в уполномоченном органе (по аналогии с банковскими счетами), что упростит учет и налогообложение. Федеральная нотариальная палата должна утвердить порядок фиксации цифровых активов в наследственном деле: нотариус должен иметь право запрашивать данные у бирж, фиксировать состояние кошелька на дату смерти, оформлять акты описи с учетом специфики цифровых активов и разработать правила хранения приватных ключей, например, с использованием криптографических модулей, гарантирующих конфиденциальность и невозможность несанкционированного доступа; разрешить электронные завещания с усиленной квалифицированной электронной подписью, где наследодатель может указать перечень цифровых активов, инструкции по доступу (без раскрытия секретных данных) и порядок распределения между наследниками. Необходимо разработать шаблоны запросов к иностранным платформам - унифицированные формы на русском и английском языках, учитывающие требования законодательства разных стран. Важным шагом станет создание цифрового наследственного реестра, интегрированного в Единую информационную систему нотариата и ФНС. Такой реестр позволит вести учет цифровых активов наследодателя (кошельки, аккаунты, токены), фиксировать завещательные распоряжения (перечень активов, порядок распределения) и автоматизировать обмен данными с биржами, платформами и налоговыми органами. Его ключевые функции должны включать: регистрацию цифровых активов при жизни гражданина (на добровольной или принудительной основе), синхронизацию с базами данных операторов информационных систем, предоставление нотариусам и судам доступа к информации по запросу. Это существенно упростит процедуры идентификации, оценки и передачи активов наследникам. Для регламентации оценки цифровых активов необходимо утвердить специальные методики.

Для криптовалют целесообразно использовать усреднение курса за определенный период (например, 30 дней) с учетом волатильности. Для NFT потребуется экспертная оценка с опорой на аукционные продажи аналогичных объектов, анализ репутации создателя и спроса в нише. Для токенов DAO - анализ стоимости доли в проекте, прав управления и ожидаемой доходности. Параллельно важно аккредитовать специализированных оценщиков, обладающих компетенци-

ями в сфере блокчейна, смарт-контрактов и международного цифрового права. Это позволит избежать споров между наследниками и обеспечит справедливое распределение имущества. Защита прав наследников требует введения административной или гражданско-правовой ответственности операторов систем за отказ в раскрытии данных без законных оснований. Целесообразно разрешить использование «цифровых доверенных лиц» (digital fiduciaries) - уполномоченных лиц, которые временно управляют цифровыми активами до вступления наследников в права (например, при длительных судебных разбирательствах) и создать институт независимых посредников, помогающих наследникам взаимодействовать с иностранными платформами, что особенно актуально в условиях трансграничного характера многих цифровых активов.

Как рекомендуют В.А. Мальцев и другие исследователи, гражданам следует заблаговременно формировать «дорожную карту цифровых активов» - внутренний документ, который может храниться в банковской ячейке, у доверенного юриста или в рамках наследственного фонда. Он должен содержать перечень кошельков и платформ с указанием типов активов, инструкции по восстановлению доступа (без раскрытия приватных ключей), список контактов, к которым наследники могут обратиться в случае затруднений. Такой подход частично компенсирует правовой вакуум до принятия новых законов, позволяя минимизировать риски утраты имущества. Особого внимания требуют особые категории активов. Бизнес-активы, оформленные через DAO, требуют включения в наследственное планирование именно токенов управления, а не только экономической стоимости.

Смарт-контракты, лежащие в основе таких проектов, могут автоматически распределять активы по заранее прописанным условиям, игнорируя волеизъявление наследодателя или нормы наследственного права. Важно обеспечить приоритет воли наследодателя над автоматизированным исполнением договора. Метавселенные активы (виртуальная недвижимость, аватары, предметы в играх) также нуждаются в правовом регулировании: их стоимость растет, а правовой статус пока не определен. Необходимо проработать вопросы наследования цифрового контента, содержащего персональные данные третьих лиц (например, переписка в мессенджерах), чтобы соблюсти баланс между имущественными правами наследников и конфиденциальностью информации.

Дальнейшее изучение проблемы должно охватывать несколько перспективных направлений: правовое регулирование метавселенных активов с учетом их специфики и сочетания иму-

щественных и личных неимущественных прав; взаимодействие смарт-контрактов и наследственного права: как обеспечить исполнение воли наследодателя при наличии автоматизированных условий распределения активов; трансграничное наследование в условиях глобализации: согласование российских норм с международными стандартами (например, документами UNCITRAL); этические вопросы, связанные с наследованием цифрового контента, затрагивающего интересы третьих лиц.

Необходимо:

- на законодательном уровне требуется закрепить правовой статус цифровых активов, уточнить порядок их включения в наследственную массу, обязать операторов систем содействовать наследникам, ввести четкие правила оценки и налогообложения;
- на методическом уровне важно разработать единые рекомендации для нотариусов, создать цифровой реестр, утвердить методики оценки и обучить специалистов;
- на практическом уровне следует популяризировать «цифровое завещание», обучать граждан основам управления цифровыми активами в рамках наследственного планирования, внедрить механизмы взаимодействия с иностранными платформами;
- на международном уровне необходимо учитывать опыт зарубежных стран (MiCA в ЕС, UAGA в США), развивать сотрудничество в сфере трансграничного наследования и гармонизировать российские нормы с глобальными тенденциями.

Только сочетание модернизации законодательства, развития цифровых технологий и повышения правовой грамотности граждан позволит минимизировать риски утраты цифровых активов и обеспечить соблюдение прав наследников в эпоху цифровой экономики. Это станет важным шагом к формированию устойчивой и предсказуемой правовой среды, отвечающей потребностям современного общества и учитывающей специфику новых форм имущества.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года № 51 - ФЗ (в ред. от 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 330.1.
- [2] Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
- [3] Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - №31. - Ст. 3448.

[4] Федеральный закон от 18 марта 2019 года №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 01.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2019. - №12. - Ст. 1395.

[5] Федеральный закон от 31 июля 2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 26.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - №31. - Ст. 4737.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича». – URL: <https://base.garant.ru/413465176/> (дата обращения 20.04.2026).

[7] Бакаев Д.А. Проблемы правопреемства цифровых активов: Российская и зарубежная практика/ Д.А. Бакаев//Образование и право. – 2026. - № 2. – С. 857-861.

[8] Кротов М.В. Гражданско-правовое регулирование цифровых активов/ М.В. Кротов. - М.: Статут, 2023. - 256 с.

[9] Ляпин М.А. Проблемы защиты прав собственников цифровых активов. В сборнике: Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Сост. Е.В. Воскресенская, М.В. Минаева. Санкт-Петербург, 2023. - С. 469-476.

[10] Макаров П.А. Особенности наследования цифровых активов/ П.А. Макаров// Всероссийский научный журнал «Вопросы права». - 2025. - № 3. - С. 140-144.

[11] Мальцев В.А. Цифровое наследство: правовые пробелы и предложения по их устранению/ В.А. Мальцев// Правовая позиция. - 2025. - № 2 (63). - С. 35-42.

[12] Степанова Д.Н., Сутягин П.К., Авдеев Н.В. Наследование цифровых активов: особенности и проблемы правового регулирования/ Д.Н. Степанова, П.К. Сутягин, Н.В. Авдеев // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 12(228). - С. 384-388.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated 30.11.1994 (as amended on 01.08.2025)

//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - № 32. - Art. 330.1.

[2] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ “On Personal Data” (as amended by 01.09.2025) //Collection of Legislation RF.2006. No. 31 (Part I). Art. 3451.

[3] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (as amended by 01.03.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - №31. - Art. 3448.

[4] Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ “On Amendments to Parts One, Two and Three of the Civil Code of the Russian Federation” (as amended by 01.03.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2019. - №12. - Art. 1395.

[5] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended by 26.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2020. - №31. - Art. 4737.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorovich.” - URL: <https://base.garant.ru/413465176/> (date of contact 20.04.2026).

[7] D.A. Bakaev. Problems of succession of digital assets: Russian and foreign practice/D.A. Bakaev//Education and law. – 2026. - № 2. - S. 857-861.

[8] Krotov M.V. Civil regulation of digital assets/ M.V. Krotov. - M.: Statute, 2023. - 256 s.

[9] Lyapin M.A. Problems of protecting the rights of owners of digital assets. In the collection: Human rights activities in modern Russia: problems and their solution. Collection of scientific works of the IX International Scientific and Practical Conference. Comp. E.V. Voskresenskaya, M.V. Minaeva. St. Petersburg, 2023. - S. 469-476.

[10] Makarov P.A. Features of inheritance of digital assets/P.A. Makarov//All-Russian scientific journal “Questions of Law.” - 2025. - № 3. - S. 140-144.

[11] Maltsev V.A. Digital inheritance: legal gaps and proposals for their elimination/V.A. Maltsev// Legal position. - 2025. - № 2 (63). - S. 35-42.

[12] Stepanova D.N., Sutyagin P.K., Avdeev N.V. Inheritance of digital assets: features and problems of legal regulation/D.N. Stepanova, P.K. Sutyagin, N.V. Avdeev//Law and State: Theory and Practice. - 2023. - № 12(228). - S. 384-388.

СТРЕНИН Данил Алексеевич,
Аспирант 2 года обучения,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ,
e-mail: ivanov@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРОВ, ПРЕДМЕТОМ КОТОРЫХ ВЫСТУПАЕТ ЦИФРОВОЕ ИМУЩЕСТВО

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования оборота цифрового имущества в системе гражданского права. Установлено, что на современном этапе развитие соответствующего регулирования осуществляется преимущественно путем адаптации существующих гражданско-правовых конструкций, изначально сформированных применительно к традиционным объектам имущественного оборота, что не позволяет в полной мере учесть специфические признаки цифрового имущества как предмета договорных отношений. При этом законодательное обособление с целью формирования специального правового режима реализовано лишь в отношении отдельных видов цифровых объектов – цифровых прав, включая цифровые финансовые активы, а также цифровой валюты. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости комплексной трансформации гражданского законодательства, направленной на его приведение в соответствие с современными экономическими реалиями и особенностями цифровой среды.

Ключевые слова: цифровое имущество; цифровые права; иное имущество; гражданский оборот; договор купли-продажи; договор займа; смешанный договор; цифровая экономика.

STRENIN Danil Alekseevich,
Graduate student of 2 years of study,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF CONTRACTS INVOLVING DIGITAL ASSETS AS THEIR SUBJECT MATTER

Annotation. This article is devoted to the analysis of the legal regulation of the circulation of digital assets within the system of civil law. It is established that, at the present stage, the development of the relevant regulatory framework is primarily carried out through the adaptation of existing civil law constructs originally designed for traditional objects of property turnover, which does not fully account for the specific features of digital assets as the subject matter of contractual relations. At the same time, legislative differentiation aimed at establishing a special legal regime has been implemented only with respect to certain categories of digital assets – namely, digital rights (including digital financial assets) and digital currency. Based on the results of the study, the author concludes that a comprehensive transformation of civil legislation is required in order to align it with contemporary economic realities and the specific characteristics of the digital environment.

Key words: digital assets; digital rights; other property; civil turnover; contract of sale; loan agreement; mixed contract; digital economy.

Введение

В условиях стремительного развития цифровой экономики и широкого внедрения информационных технологий в сферу имущественных отношений формируется качественно новая группа объектов гражданского оборота – цифровое имущество. Его появление обусловлено трансформацией способов создания, фиксации и передачи экономических благ, что, в свою оче-

редь, предопределяет необходимость переосмысления традиционных подходов к их правовому регулированию. Цифровые активы, обладая нематериальной природой, технологической обусловленностью и зависимостью от функционирования информационных систем, активно вовлекаются в гражданский оборот, становясь предметом разнообразных соглашений между участниками частноправовых отношений.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема надлежащего юридического оформления договоров, предметом которых выступает цифровое имущество. Однако на современном этапе развитие правового регулирования осуществляется преимущественно по пути адаптации уже существующих гражданско-правовых конструкций к новым экономическим реалиям. Договоры купли-продажи, займа, оказания услуг и иные традиционные модели используются применительно к цифровым объектам без учета их специфических характеристик.

При этом отечественное законодательство лишь частично отреагировало на данные изменения: на сегодняшний день обособление с целью установления специального правового режима осуществлено только в отношении отдельных видов цифровых объектов – цифровых прав, включая цифровые финансовые активы, а также цифровой валюты. В отношении же иных разновидностей цифрового имущества сохраняется неопределенность правового статуса, что препятствует формированию единообразной практики их оборота.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость теоретического осмысления природы цифрового имущества как предмета гражданско-правовых соглашений, а также анализа применимости существующих договорных конструкций к отношениям, складывающимся по поводу его оборота.

Сущность цифрового имущества как предмета гражданско-правовых соглашений

Для того, чтобы в дальнейшем вести речь про цифровое имущество как про объект гражданско-правовых соглашений, вначале резонно определиться с тем, что понимается под терминном «цифровое имущество» в цивилистической доктрине.

В работах О. В. Лосевой цифровое имущество рассматривается как разновидность экономических активов, обладающих нематериальной природой и существующих в цифровой форме [1, с. 45]. При этом подчеркивается их технологическая обусловленность: такие объекты создаются с использованием цифровых технологий, функционируют в рамках информационных систем и проявляют свою ценность именно в этих системах, что обеспечивает их включенность в имущественный оборот.

Более детализированный подход представлен в трудах В. В. Кресса, который характеризует цифровое имущество как особый нематериальный объект гражданских прав, обладающий экономической либо потенциальной стоимостью [2, с. 170]. Его концепция базируется на неразрывной связи такого объекта с конкретной информа-

ционной системой: вне ее пределов цифровое имущество утрачивает свои ключевые свойства, определяющие его ценность. Кроме того, Крессом акцентируется зависимость правового режима цифровых объектов от правил, устанавливаемых администратором или владельцем соответствующей системы, что влияет на порядок их создания, функционирования и обращения.

Иной аспект проблемы раскрывается в исследованиях Л.Ю. Василевской, в которых цифровое имущество определяется через способ его выражения. По мнению Василевской, такие объекты создаются посредством цифрового языка и криптографического кода и существуют в форме структурированной совокупности буквенно-цифровых символов, отражающих их идеальное содержание [3, с. 12]. Подобная характеристика позволяет провести параллель с объектами права интеллектуальной собственности, поскольку в обоих случаях имеет место сочетание нематериального содержания и его технической фиксации.

В свою очередь, в позиции Н.А. Петракова акцент переносится на правовую значимость соответствующего явления. Петраков рассматривает цифровое имущество как объективированное посредством виртуальных единиц благо, в отношении которого формируются и подлежат защите интересы субъектов гражданского права [4, с. 13]. В данном подходе ключевым является не столько технологический способ существования объекта, сколько его способность выступать предметом правовой охраны и гражданского оборота.

Сопоставление изложенных позиций позволяет выявить их общую концептуальную основу. Независимо от различий в акцентах, все исследователи сходятся в признании нематериального характера цифрового имущества, его существования в цифровой форме, обусловленности информационной системой и наличия экономической ценности, обеспечивающей возможность его оборота. Различия же проявляются преимущественно в степени внимания к технологическим, экономическим или юридическим характеристикам соответствующих объектов.

Учитывая приведенные подходы, представляется обоснованным предложить обобщающее определение, отражающее комплексную природу цифрового имущества. Под ним целесообразно понимать объективированное в цифровой форме благо, выраженное посредством системы программно-кодовых символов и способное выступать самостоятельным объектом гражданских прав, в отношении которого возникают и реализуются субъективные гражданские права. Такое понимание позволяет, с одной стороны, учесть

специфику цифровой среды, а с другой – интегрировать данный феномен в систему гражданско-правового регулирования без утраты его сущностных характеристик.

В научной литературе предпринимаются попытки конкретизировать содержание категории цифрового имущества через определение круга входящих в нее объектов. Так, А.В. Поплаухиной был предложен ориентировочный перечень цифровых активов, включающий как экономически значимые, так и повседневные элементы цифровой среды. В частности, к числу таких объектов ею отнесены криптовалюта, аккаунты в социальных сетях, виртуальные игровые объекты, доменные имена, цифровые изображения (в том числе стикеры), адреса электронной почты, токены, электронная корреспонденция, базы данных, видеоконтент, а также средства доступа к соответствующим активам, включая пароли [5, с. 27].

В настоящее время преобладает подход, согласно которому цифровое имущество квалифицируется в системе объектов гражданских прав как разновидность «иного имущества» [9]. Вместе с тем развитие законодательства свидетельствует о стремлении к дальнейшей дифференциации цифровых объектов. Существенным этапом в этом направлении стало введение в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи 141.1, закрепившей понятие цифровых прав [10]. Одновременно соответствующие изменения привели к уточнению статьи 128 ГК РФ, в рамках которой цифровые права были прямо отнесены к имущественным правам. Указанное законодательное решение порождает дискуссионный вопрос: по каким критериям одни цифровые объекты получили специальное нормативное закрепление, тогда как другие продолжают существовать в составе «иного имущества» без детализированного правового режима?

Вместе с тем для корректного теоретического осмысления цифрового имущества принципиальное значение имеет позиция Е. А. Суханова, согласно которой само понятие «имущество» в гражданском праве носит обобщающий характер и используется для обозначения совокупности объектов гражданского оборота. Вследствие этого данная категория не формирует самостоятельного правового режима [6, с. 18], а потому и само цифровое имущество не может рассматриваться как единый объект с унифицированным правовым режимом. Напротив, в зависимости от своей природы оно может подпадать под различные уже существующие конструкции гражданского права.

Данное обстоятельство обуславливает наличие двух основных доктринальных направлений. С одной стороны, значительная часть

исследователей исходит из возможности включения цифрового имущества в рамки действующих гражданско-правовых режимов, рассматривая складывающиеся по поводу него отношения как частноправовые. С другой стороны, высказывается позиция о необходимости формирования для цифровых объектов особого, качественно нового правового регулирования, учитывающего их технологическую специфику и отличия от традиционных объектов.

Оборот цифрового имущества, поименованного в качестве отдельных объектов гражданских прав (на примере отдельных гражданско-правовых соглашений)

В российском гражданском праве вопрос о применимости традиционных договорных конструкций к цифровому имуществу не может решаться единообразно для всех цифровых объектов, поскольку само выражение «цифровое имущество» пока носит преимущественно доктринальный, а не легально исчерпывающий характер. Нормативно закреплены отдельные виды таких объектов: цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта. При этом статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав иное имущество, включая имущественные права, в том числе цифровые права, а статья 141.1 ГК РФ прямо закрепляет, что цифровыми правами являются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и порядок осуществления которых определяются правилами соответствующей информационной системы; распоряжение ими, включая передачу и обременение, допускается только внутри такой системы [11].

Следовательно, в современном праве допустима не абстрактная постановка вопроса о «цифровом имуществе вообще», а анализ применимости каждой договорной модели к конкретному цифровому объекту с учетом его юридической природы – вещи, имущественного права, цифрового права, цифрового финансового актива либо цифровой валюты. Именно поэтому было бы методологической ошибкой механически переносить на цифровые активы любой привычный договор только потому, что объект обладает экономической ценностью. Для гражданского права решающим является не наличие стоимости как таковой, а юридическая квалификация объекта. Если цифровой актив представляет собой имущественное право, к его обороту могут применяться нормы о продаже прав, уступке требований, залоге прав и иных обязательственных механизмах.

Договор купли-продажи

Наиболее применимой к цифровому имуществу является договорная модель купли-про-

дажи. Это прямо вытекает из пункта 4 статьи 454 ГК РФ, согласно которому положения о купле-продаже применяются к продаже имущественных, в том числе цифровых, прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав [12]. Следовательно, когда цифровой объект юридически оформлен именно как имущественное право или как цифровое право, его отчуждение за плату в принципе может быть сконструировано как купля-продажа.

Применительно к цифровым финансовым активам отметим, что закон прямо определяет их как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества либо право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг (ч. 2 ст. 1 ФЗ «О ЦФА»). Иначе говоря, закон уже сам связывает ЦФА с имущественно-правовой природой, а потому их возмездное отчуждение логично укладывается в модель продажи имущественных прав с учетом специальных требований закона о выпуске, учете и обращении таких активов. Однако и здесь общегражданская конструкция действует не в чистом виде, а в сочетании со специальным режимом соответствующей информационной системы, внутри которой должна быть совершена передача права.

В отношении цифровой валюты договор купли-продажи также в целом возможен, но с существенными оговорками. Конституционный Суд в недавнем Постановлении специально отметил, что обладатель цифровой валюты может автономно совершать с ней покупку, обмен и иные приходно-расходные операции, а сама цифровая валюта обладает экономической ценностью и оборотоспособностью [13]. Вместе с тем статья 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» устанавливает важное ограничение: юридическим и физическим лицам в предусмотренных законом случаях запрещено принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги (если они не в рамках ВЭД [14]). Поэтому необходимо различать две ситуации. Первая – продажа самой цифровой валюты как объекта гражданских прав за рубли или иное допустимое встречное предоставление. Такая конструкция возможна. Вторая – использование цифровой валюты в качестве средства оплаты по обычному договору купли-продажи товаров, работ или услуг. Здесь действует специальный запрет. Иными словами, цифровая валюта может выступать предметом сделки, но не универсальным законным средством исполнения денежного обязательства в частном обороте.

Договор поставки

Что касается договора поставки, то его применимость к цифровому имуществу заметно уже, чем у купли-продажи. Согласно статье 506 ГК РФ, поставщик обязуется передать товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных непотребительских целях. Отсюда вытекает, что категория поставки ориентирована именно на товар как на вещь, а не на имущественное право [7, с. 32-33].

Поэтому к цифровым объектам, которые существуют как права требования передачи соответствующей вещи (товара), модель поставки применима лишь ограниченно и скорее по аналогии, чем напрямую. Иначе говоря, если стороны в предпринимательской сфере регулярно отчуждают стандартизированные цифровые объекты сериями, экономически их отношения могут напоминать поставку, но юридически более корректной квалификацией обычно будет либо купля-продажа имущественных прав, либо смешанный договор. Прямое применение норм о поставке к цифровым правам осложняется тем, что многие ее институты рассчитаны на вещно-товарный оборот: количество товара, комплектность, тара, доставка, ответственное хранение непринятого товара и тому подобное. Эти элементы далеко не всегда совместимы с нематериальной природой цифрового актива

Договор хранения

Еще более проблематично прямое применение к цифровому имуществу договора хранения. Статья 886 ГК РФ определяет хранение как обязательство хранителя хранить вещь, переданную поклажедателем, и возвратить эту вещь в сохранности. Следовательно, классическое хранение по своей природе возможно лишь в отношении вещи. Цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта вещами не являются: они существуют либо как права, либо как совокупность электронных данных в информационной системе. Поэтому договор хранения в его легальном смысле к ним прямо не подходит.

Именно по этой причине отношения, возникающие при размещении цифровых активов на бирже, у оператора кошелька, у кастодиального провайдера либо на иной цифровой платформе, обычно точнее описываются не как хранение, а как договор возмездного оказания услуг [8], договор об осуществлении учета, агентский договор, договор доверительного либо технического администрирования, либо смешанный договор с элементами обеспечения сохранности доступа, учета операций и исполнения распоряжений клиента. Использование термина «хранение» в деловой практике здесь возможно лишь условно, в экономическом, а не строгом юридическом смысле.

Договор займа

Спорной, но особенно интересной является применимость договора займа. Согласно статье 807 ГК РФ предметом займа могут быть деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, причем заемщик обязан возвратить такую же сумму денег, равное количество вещей того же рода и качества либо такие же ценные бумаги. Из этого следует, что классический заем структурно приспособлен либо к денежным средствам, либо к заменимым вещам, либо к ценным бумагам.

Для цифровых прав и ЦФА это означает, что сам по себе «токен» как цифровая оболочка не всегда может выступать предметом займа; решающее значение имеет то, является ли передаваемый объект деньгами, вещью родовых признаков или ценной бумагой в юридическом смысле. Поскольку цифровые права по статье 141.1 ГК РФ представляют собой обязательственные и иные права, а не вещи, их передача чаще тяготеет не к займу, а к уступке, продаже или иному способу распоряжения правом. В отношении цифровой валюты Конституционный Суд указал, что она не относится ни к безналичным денежным средствам, ни к ценным бумагам, ни к цифровым правам, хотя и обладает имущественной ценностью [15]. Поэтому строгая квалификация передачи цифровой валюты как классического займа вызывает серьезные сомнения. Не случайно в судебной практике встречались споры о «инвестиционном займе» цифровой валюты, когда стороны при фактической передаче USDT определяли в соглашении, что предметом инвестирования являются «денежные средства». А поскольку криптовалюта не является денежными средствами, суды признают такие соглашения недействительными [16]. Следовательно, временная передача цифровой валюты с обязанностью возврата эквивалента экономически может напоминать заем, но юридически будет квалифицироваться как непоименованный либо смешанный договор.

Иные договорные конструкции

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что некоторые цифровые объекты вообще требуют не купли-продажи и не поставки, а иных договорных моделей. Так, если цифровой актив по своей сущности представляет собой право требования к эмитенту, на первый план выходит не вещный оборот, а оборот обязательственных прав. Если речь идет о результатах интеллектуальной деятельности в цифровой форме, надлежащими конструкциями чаще будут лицензионный договор или договор об отчуждении исключительного права [17], а не купля-про-

дажа в обычном понимании. Если цифровой объект существует только внутри определенной платформы, содержание прав на него может полностью зависеть от правил этой платформы, что прямо следует из статьи 141.1 ГК РФ. Поэтому применимость традиционных договоров определяется не цифровой формой объекта, а его правовой функцией в обороте [18]. Иначе говоря, одно и то же экономическое явление может требовать разных юридических оболочек: продажу, уступку, лицензию, оказание услуг, агентирование, доверительное управление или смешанный договор.

Оборот цифрового имущества, непоименованного в качестве отдельных объектов гражданских прав

Оборот же непоименованного цифрового имущества осуществляется через адаптацию уже существующих гражданско-правовых конструкций. Если же цифровой объект связан прежде всего с доступом к сервису, учетной записью, возможностью использования функционала платформы либо с участием в цифровой экосистеме, отношения сторон нередко приобретают смешанный характер и включают элементы лицензионного, обязательственного, корпоративного либо иного соглашения [19].

Из сказанного следует, что центральной проблемой оборота непоименованного цифрового имущества является не столько признание его имущественной ценности, сколько определение применимого правового режима. Поскольку категория «имущество» в гражданском праве выступает родовой и не образует единого специального режима для всех входящих в нее объектов, непоименованные цифровые активы не могут автоматически подчиняться одному набору правил. В каждом конкретном случае требуется установить, какие свойства объекта являются определяющими: наличие имущественного интереса, связь с обязательственным требованием, зависимость от платформенных правил, сходство с результатами интеллектуальной деятельности, возможность индивидуализации, делимость от личности пользователя, оборотоспособность и допустимость правопреемства. Иначе говоря, оборот непоименованного цифрового имущества строится по модели функциональной квалификации, при которой правовая форма подбирается не по названию объекта, а по его содержанию и по характеру складывающихся отношений.

Отсюда мы можем утверждать, что современное российское право уже допускает оборот цифрового имущества, не поименованного законодателем в качестве самостоятельных объектов

гражданских прав, но делает это преимущественно через рамочные конструкции – категорию «иного имущества», принцип свободы договора, применение аналогии закона и использование смешанных договорных моделей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что существующая система гражданско-правового регулирования, сформированная применительно к традиционным объектам имущественного оборота, в настоящее время не в полной мере отвечает специфике цифровых активов и возникающих по поводу них общественных отношений. Использование классических правовых конструкций обеспечивает лишь частичную интеграцию цифрового имущества в правовую систему, поскольку такие конструкции изначально ориентированы на иные по своей природе объекты и не учитывают технологическую обусловленность, зависимость от информационных систем и гибридный характер современных цифровых благ. В этих условиях дальнейшее развитие правового регулирования требует системной модернизации гражданского законодательства, направленной на его согласование с цифровой экономикой, в том числе путем разработки специальных норм, учитывающих особенности возникновения, осуществления и защиты прав на цифровые объекты.

Список литературы:

- [1] Лосева, О. В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки / О. В. Лосева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 2(245). – С. 45-57. – DOI 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57. – EDN UJSORO.
- [2] Кресс, В. В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав / В. В. Кресс // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 164-175. – DOI 10.24412/2073-3305-2024-1-164-175. – EDN LZFTQT.
- [3] Василевская Л.Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам / Л.Ю. Василевская // Lex Russica. – 2025. – №9. – С. 9-23. – DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023
- [4] Петраков, Н.А. Цифровое имущество как объект гражданских прав : дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.3. / Петраков Никита Андреевич; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»]; Диссовет Д 203.019.XX (03.2.006.04)]. – Москва, 2024. – 156 с.
- [5] Поплаухина, А.В. Особенности наследования цифрового имущества / А.В. Поплаухина// Законодательство. – 2026. – №3. – С. 27-31. – DOI 10.58741/16818695-2026-3-27
- [6] Суханов, Е. А. О вещном праве собственности и «цифровых правах» / Е. А. Суханов // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : Монография. В 3-х томах / Отв. редакторы С.Д. Могилевский, О.В. Шмалый [и др.]. Том 3. – Москва : РГ-Пресс, 2022. – С. 11-12. – EDN ECQTFM.
- [7] Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 1. Введение. Торговые деятели / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 397 с. – ISBN 978-5-534-07829-9.
- [8] Князева, Е. Ю. Цифровые финансовые активы: правовые аспекты регулирования на современном этапе / Е. Ю. Князева // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 2. – С. 22-26. – DOI 10.18572/2072-3644-2022-2-22-26. – EDN ETKXGK.
- [9] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. ст. 372.
- [10] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
- [11] См. подробнее: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. ст. 4418.
- [12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). ст. 5018.
- [13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
- [14] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федера-

ции» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. ст. 372.

[15] Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). ст. 4919.

[16] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 4. ст. 372.

[17] Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 февраля 2026 г. по делу № 33-3604/2026

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). ст. 5496.

[19] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2. 2019.

[20] Например: Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2015 N 305-КГ15-12154 по делу № А40-91072/14

References:

[1] Loseva, O. V. Types and classification of digital assets for valuation purposes/O. V. Loseva// Property relations in the Russian Federation. – 2022. – № 2(245). – S. 45-57. – DOI 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57. – EDN UJSORO.

[2] Kress, V.V. On the question of the concept of virtual (digital) property as an object of civil rights/V.V. Kress//Education. Science. Scientific cadres. – 2024. – № 1. – S. 164-175. – DOI 10.24412/2073-3305-2024-1-164-175. – EDN LZFTQT.

[3] Vasilevskaya L.Yu. Digitalization of objects of civil circulation: from transformation to new legal regimes/L.Yu. Vasilevskaya//Lex Russica. – 2025. – №9. – S. 9-23. – DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023

[4] Petrakov, N.A. Digital property as an object of civil rights: dis.... Candidate of Legal Sciences: 5.1.3 ./Petrakov Nikita Andreevich; [Place of protection: FGKOU HE “Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya”; Dissertation Council D 203.019. XX (03.2.006.04)]. – Moscow, 2024. – 156 s.

[5] Poplaukhina, A.V. Features of inheritance of digital property/A.V. Poplaukhina//Legislation. – 2026. – №3. – S. 27-31. – DOI 10.58741/16818695–2026–3–27

[6] Sukhanov, E. A. On property rights and “digital rights”/E. A. Sukhanov//Integration of science and education in the context of digital transformation: Monograph. In 3 volumes/Rev. editors S.D. Mogilevsky, O.V. Shmaliy [et al.]. Volume 3. – Moscow: RG-Press, 2022. – S. 11-12. – EDN ECQTFM.

[7] Shershenevich, G.F. Trade Law Course in 4 vols. Volume 1. Introduction. Trade figures/G.F. Shershenevich. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 397 p. – ISBN 978-5-534-07829-9.

[8] Knyazeva, E. Yu. Digital financial assets: legal aspects of regulation at the present stage/E. Yu. Knyazeva//Business security. – 2022. – № 2. – S. 22-26. – DOI 10.18572/2072-3644-2022-2-22-26. – EDN ETKXGK.

[9] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Article 372.

[10] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[11] See more details: Federal Law No. 259-FZ of 02.08.2019 (as amended on 08.08.2024) “ On attracting investments using investment platforms and on amending certain legislative acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 31. Art. 4418.

[12] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended on 20.01.2026) “ On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Article 5018.

[13] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[14] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with

the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Article 372.

[15] Federal Law of 08.08.2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (Part I). Art. 4919.

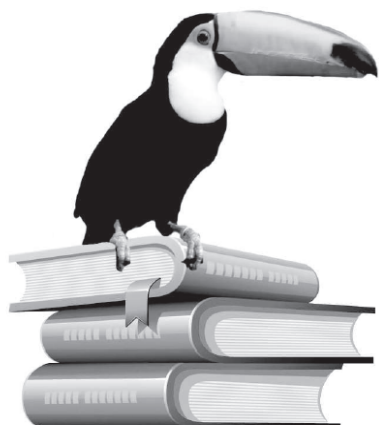
[16] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Article 372.

[17] Appeal ruling of the Investigative Committee in civil cases of the Moscow City Court of February 16, 2026 in case No. 33-3604/2026

[18] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 hour). Art. 5496.

[19] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 “On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2. 2019.

[20] For example: Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.09.2015 No. 305-KG15-12154 in case No. A40-91072/14

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

НИКУЛИН Святослав Вячеславович,
аспирант 1 курса Новосибирского национального
исследовательского государственного университета (НГУ),
e-mail: s.nikulinSv@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Аннотация. Цель. Постановка проблемы определения конституционно-правовых пределов использования искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности органов публичной власти и выявление тех границ, за которыми алгоритмизация вступает в противоречие с природой публичной власти и базовыми гарантиями прав человека. В связи с тем, что внедрение цифровых технологий сопровождается перераспределением функций принятия решений и снижением роли человеческой дискреции, возникает необходимость теоретического осмысления допустимости передачи алгоритмам властных полномочий, а также оценки их статуса в системе публичного управления. Методология: формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, доктринальное толкование, элементы концепций алгоритмического общества и цифрового конституционализма. Выводы. Алгоритмизация правоприменительной деятельности приводит к трансформации механизмов принятия решений, однако не изменяет природы субъекта публичной власти. Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и не способен нести юридическую ответственность, что исключает возможность его признания самостоятельным носителем властных полномочий. Использование алгоритмических систем сопряжено с рисками непрозрачности, дискриминации, размывания ответственности и ослабления конституционного контроля. Полная автоматизация решений, затрагивающих права и свободы человека, несовместима с принципами правового государства и требует установления нормативных ограничений. Научная и практическая значимость. Статья направлена на формирование теоретических основ определения пределов использования искусственного интеллекта в правоприменении, что предполагает анализ взаимодействия технологий и права с позиции конституционных принципов и позволяет выработать подходы к нормативному регулированию цифровой трансформации публичной власти.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правоприменение, алгоритмическое общество, алгоритмизация, публичная власть, конституционализм, дискреция, правовая ответственность, цифровизация.

NIKULIN Svyatoslav Vyacheslavovich,
1st year graduate student
of Novosibirsk National Research State University (NSU)

LIMITS TO THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN GOVERNMENT ENFORCEMENT

Annotation. Formulation of the problem of determining the constitutional and legal limits of the use of artificial intelligence in the law enforcement activities of public authorities and identifying the boundaries beyond which algorithmization contradicts the nature of public power and fundamental human rights guarantees. Due to the fact that the introduction of digital technologies is accompanied by a redistribution of decision-making functions and a reduction in human discretion, there is a need for theoretical understanding of the admissibility of delegating authoritative powers to algorithms and assessing their status within the system of public administration. Methods: formal legal analysis, comparative legal method, doctrinal interpretation, elements of the concepts of the algorithmic society and digital constitutionalism. Results: Algorithmization of law enforcement leads to a transformation of decision-making mechanisms but does not alter the nature of the subject of public authority. Artificial intelligence does not possess legal personality and

cannot bear legal responsibility, which excludes the possibility of recognizing it as an independent bearer of public power. The use of algorithmic systems is associated with risks of opacity, discrimination, diffusion of responsibility, and weakening of constitutional control. Full automation of decisions affecting human rights and freedoms is incompatible with the principles of the rule of law and requires the establishment of regulatory limits. Discussion: The article is aimed at developing theoretical foundations for defining the limits of the use of artificial intelligence in law enforcement, which involves analyzing the interaction between technology and law from the perspective of constitutional principles and contributes to the development of approaches to regulating the digital transformation of public authority.

Key words: *artificial intelligence, law enforcement, algorithmic society, algocracy, public authority, constitutionalism, discretion, legal responsibility, digitalization.*

Введение. Постепенное внедрение цифровых технологий в сферу публичного управления привело к качественному изменению способов осуществления правоприменительной деятельности. Указанный процесс сопряжен с изменением природы публичной власти. В рамках концепции алгоритмического общества, разработанной, в частности, Д. Сартором и Х-В. Миклитцем, акцентируется внимание на том, что решения, ранее принимаемые должностными лицами, все чаще формируются на основе автоматизированной обработки массивов данных [16]. Тем самым происходит смещение центра принятия решений от субъекта, обладающего юридической ответственностью и дискрецией, к системе, функционирующей на основе заданных алгоритмов.

Взаимодействие между государством и гражданином все в большей степени осуществляется посредством цифровых платформ, что усиливает зависимость реализации прав от алгоритмических решений. В этих условиях ключевым становится вопрос о пределах использования искусственного интеллекта (ИИ) в правоприменении и допустимости передачи ему функций, связанных с принятием властных решений.

Таким образом, использование ИИ в правоприменении следует рассматривать как неизбежный этап цифровизации государственного управления, который, однако, требует установления четких правовых пределов. Эти пределы обусловлены необходимостью соблюдения принципов конституционализма, включая верховенство права, защиту прав и свобод человека, а также обеспечение подотчетности публичной власти.

1. Трансформация правоприменения в условиях алгоритмического общества.

Цифровизация государственного управления сопровождается постепенным переходом от модели, основанной на индивидуальном усмотрении должностного лица, к модели, в которой ключевую роль играет обработка и анализ данных. В данном контексте правоприменение начинает опираться не столько на интерпретацию норм, сколько на алгоритмические процедуры, формирующие решения на основе заранее заданных параметров.

Указанная тенденция находит теоретическое выражение в концепции алгократии (algocracy), разработанной, в частности, Дж. Данахером [12]. В рамках данного подхода подчеркивается, что власть приобретает алгоритмическое измерение, при котором значительная часть управленческих решений формируется автоматизированными системами. Похожую позицию занимает Д. Сартор, который считает, что ряд задач, выполнимых представителями власти, сейчас постепенно переходят на алгоритмы [16]. К таким задачам можно отнести анализ правовой ситуации, изучение больших объемов документов и пр. Однако такая тенденция провоцирует появление рисков, связанных с эффективностью работы алгоритмов и увеличением вероятности того, что система не заметит тот или иной юридический нюанс. Кроме того, невозможно в полной степени проконтролировать, как именно алгоритм пришел к выводу. Такую проблему выделяет Ф. Паскуале: логика машины, если речь идет об ИИ, не всегда улавливается оператором этой машины. Из-за этого под угрозу ставится принцип обоснованности решения.

Изменения законодательной базы связаны с трансформацией административных процедур. Так, М. Бовенс и С. Зуридис показывают, что бюрократия претерпевает изменения от «уличного» уровня к «системному» [10]. Под этим подразумевается то, что ранее решения принимались конкретными государственными служащими, а сейчас их заменили информационные системы. Такую тенденцию можно проследить при анализе автоматизации законодательного процесса. Как правило, работа алгоритма состоит из трех этапов:

1. Сбор информации.
2. Анализ данных.
3. Предварительные выводы.

Риски увеличиваются в том случае, если алгоритму предписывается сформулировать не только предварительный вывод, но и окончательное решение. И.Л. Бачило также обращает внимание на всеобъемлющий характер автоматизации [1]. Причем, по мнению автора, речь идет не просто об обновлении технического обеспечения, а о принципиальных изменениях механизмов

реализации публичной власти. Е.В. Талапина в этой связи считает, что сложные юридические конструкции меняются на четкие алгоритмические правила [7].

Таким образом, снижение роли человеческого фактора в процессе принятия решений имеет двойственный характер. С одной стороны, алгоритмы могут способствовать исключению возможности принятия произвольных решений. С другой, ИИ не способен отдельно рассматривать обстоятельства дела. В вопросах, связанных с соблюдением прав человека, это может иметь решающее значение, когда речь идет о принципах соразмерности, справедливости и индивидуализации наказания.

2. Ограничения использования ИИ в законодательной деятельности.

Обратной стороной риска, связанного с отсутствием индивидуализации решения ИИ является недостаточный нейтралитет системы. Д. Коэн [1] и Е.В. Бродовская [2] указывают на угрозу закрепления алгоритмами ИИ существующего неравенства, поскольку входные данные будут отражать действующие социальные и экономические структуры. Например, это может выражаться в дифференциации доступа к публичным благам в процессе правоприменения.

Кроме того, при использовании ИИ происходит масштабный сбор и анализ данных, что создает угрозу для защиты персональных данных и право на приватность. В этой связи М. Хильдебрандт [14] и М.А. Федотов [8] выделяют сразу несколько рисков:

- упрощение отслеживания поведения людей;
- нарушение презумпции невиновности;
- нарушение свободы выражения.

Дополнительно возникает проблема ограничения свободы выражения, связанная с автоматизированной модерацией и фильтрацией информации. В данном случае алгоритм принимает решения, влияющие на доступ к публичной коммуникации, что требует правовой оценки с точки зрения допустимости такого вмешательства.

Одним из наиболее сложных вопросов является определение субъекта ответственности за решения, принятые с использованием алгоритмических систем. В традиционной модели правоприменения ответственность несет конкретное должностное лицо или орган, принявший решение. В условиях автоматизации данная связь размывается. Как отмечает А. Симоничини, алгоритмическое управление приводит к фрагментации ответственности, поскольку в процессе принятия решения участвуют разработчики, операторы и государственные органы [20]. Это создает

ситуацию, при которой ни один из участников не обладает полной ответственностью за результат.

А.В. Минбалева указывает на необходимость разработки специальных механизмов правового регулирования, направленных на распределение ответственности в цифровой среде [6]. В отсутствие таких механизмов возникает правовая неопределенность, препятствующая эффективной защите прав и интересов граждан.

Алгоритмизация правоприменения сопровождается изменением структуры публичной власти, в рамках которой значительная часть управленческих функций реализуется с участием частных технологических субъектов. Это приводит к смещению центра принятия решений за пределы традиционной системы государственных органов. О. Полличино указывает на трансформацию конституционного пространства, в котором частные цифровые платформы начинают выполнять функции, сопоставимые с государственными [18]. В результате классические механизмы контроля, ориентированные на публичную власть, оказываются неэффективными. Сходную позицию занимает А.Н. Медушевский, отмечая, что развитие цифровых технологий требует пересмотра традиционных подходов к конституционализму [5]. Возникает необходимость адаптации институтов контроля к новым формам власти, в том числе алгоритмической.

Ослабление конституционного контроля проявляется в невозможности эффективного надзора за алгоритмическими системами, используемыми в правоприменении. Это создает риск формирования автономных механизмов принятия решений, функционирующих вне рамок установленных правовых процедур.

3. Пределы использования ИИ в правоприменении: «красные линии».

Как отмечают Г. Сартор [19] и В.А. Кряжков [4], алгоритмические системы могут только воспроизводить правовые рассуждения человека, следовать схемам, которые заложены в код. То есть, ИИ лишен правосознания, у него нет воли, а значит, алгоритм не способен нести юридическую ответственность и быть носителем публичной власти.

Ф. Паскуале предостерегает от модели «автоматического правосудия», в которой решения принимаются без участия человека [17]. И.А. Кравец указывает на необходимость процедурных гарантий, которые бы служили предохранителем против полной автоматизации правоприменения [3].

Кроме того, алгоритмизация ограничивает пространство дискреции правоприменителя. Это

может иметь положительное влияние, однако полное ограничение противоречит самой природе правоприменения.

Исходя из всего сказанного выше, можно выделить основные критерии для оценки допустимости использования алгоритмов:

1. Соответствие конституционным принципам.
2. Баланс между правами личности и публичными интересами.
3. Отсутствие неопределенности в правовом положении субъекта.
4. Обеспечение механизмов контроля и обжалования решений ИИ.

Конкретизация пределов использования ИИ требует определения областей, в которых его применение должно быть ограничено или исключено. Недопустимыми являются:

- полностью автоматическое принятие судебных решений;
- применение санкций на основе предиктивных моделей без установления факта правонарушения;
- вынесение решений без обеспечения возможности их обжалования.

В то же время допустимым представляется использование алгоритмических систем в качестве вспомогательного инструмента, обеспечивающего обработку информации, выявление закономерностей и подготовку аналитических материалов. В данном случае алгоритм не подменяет правоприменение, а лишь содействует его осуществлению.

Пределы использования искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности определяются невозможностью делегирования алгоритму властной дискреции и юридической ответственности. Алгоритм может участвовать в подготовке решения, но не способен заменить субъект публичной власти, обладающий необходимыми правовыми характеристиками.

Заключение. Проведенный анализ позволяет рассматривать алгоритмизацию правоприменительной деятельности как закономерный этап развития государственного управления. Использование ИИ способствует изменению процедур принятия решений и расширяет возможности обработки информации, однако не изменяет базовых требований, предъявляемых к публичной властью.

Использование ИИ ограничено принципами конституционализма, включая верховенство права, защиту прав и свобод человека, а также требованиями прозрачности и подотчетности. Нарушение указанных принципов приводит к утрате правовой природы принимаемых решений.

Таким образом, «красная линия» в использовании ИИ проходит там, где алгоритм начинает

подменять человеческое усмотрение в решениях, затрагивающих права и свободы человека. За пределами этой границы алгоритмизация утрачивает вспомогательный характер и вступает в противоречие с основами правового государства.

Список литературы:

- [1] Бачило И.Л. Цифровизация управления и экономики — задача общегосударственная // Государство и право. 2018. № 2. С. 59–69.
- [2] Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С. 65–69.
- [3] Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – №2. – С. 93–123.
- [4] Кряжков В.А. Поправки к Конституции Российской Федерации: правовые основы, пределы и их обеспечение // Государство и право. 2016. № 1. С. 5–12.
- [5] Медушевский А.Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.
- [6] Минбалеев А.В. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий. М.: Проспект, 2021.
- [7] Талапина Е.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
- [8] Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. 2016. № 3. С. 164–182.
- [9] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
- [10] Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies // Public Administration Review. 2002. Vol. 62. № 2. С. 174–184.
- [11] Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. New York: Oxford University Press, 2020.
- [12] Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation // Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. № 3. С. 245–268.
- [13] De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
- [14] Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015.
- [15] Micklitz H.-W. Constitutional Challenges in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[16] Micklitz H.-W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., De Gregorio G. Constitutional Challenges in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[17] Pasquale F. The Black Box Society. Cambridge: Harvard University Press, 2015.

[18] Pollicino O. Constitutional Challenges in the Algorithmic Society // Micklitz H.-W. et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[19] Sartor G. Legal Reasoning: A Cognitive Approach to the Law. Dordrecht: Springer, 2005.

[20] Simoncini A. Algorithmic Government and Constitutional Principles // Micklitz H.-W. et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

References:

[1] Bachilo I.L. Digitalization of management and economy is a national task//State and law. 2018. № 2. S. 59-69.

[2] Brodovskaya E.V. Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship//Power. 2019. № 4. S. 65-69.

[3] Kravets I.A. Digital Citizenship and Constitutional Challenges in an Information and Algorithmic Society//Comparative Constitutional Review. – 2023. – №2. – S. 93-123.

[4] Kryazhkov V.A. Amendments to the Constitution of the Russian Federation: legal foundations, limits and their provision//State and law. 2016. № 1. S. 5-12.

[5] Medushevsky A.N. Constitution of the Internet: idea, projects and prospects//Social sciences and modernity. 2019. № 1. S. 71-86.

[6] A.V. Minbaleev. Mechanisms and models of digital technologies regulation. M.: Prospect, 2021.

[7] E.V. Talapina. Law and digitalization: new challenges and prospects//Journal of Russian Law. 2018. № 2. S. 5-17.

[8] Fedotov M.A. Constitutional answers to the challenges of cyberspace//Lex Russica. 2016. № 3. S. 164-182.

[9] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in Digital Reality//Journal of Russian Law. 2018. № 1. S. 85-102.

[10] Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies // Public Administration Review. 2002. Vol. 62. № 2. S. 174-184.

[11] Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. New York: Oxford University Press, 2020.

[12] Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation // Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. № 3. S. 245-268.

[13] De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[14] Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015.

[15] Micklitz H.-W. Constitutional Challenges in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[16] Micklitz H.-W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., De Gregorio G. Constitutional Challenges in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[17] Pasquale F. The Black Box Society. Cambridge: Harvard University Press, 2015.

[18] Pollicino O. Constitutional Challenges in the Algorithmic Society // Micklitz H.-W. et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[19] Sartor G. Legal Reasoning: A Cognitive Approach to the Law. Dordrecht: Springer, 2005.

[20] Simoncini A. Algorithmic Government and Constitutional Principles // Micklitz H.-W. et al. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

НЕСТЕРЕНКО Андрей Владимирович,
заместитель начальника кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современных вызовов в сфере противодействия киберпреступности в условиях ускоряющейся цифровизации общественных отношений. Рассматриваются детерминанты и специфика киберпреступности, актуальные тенденции, включая использование технологий искусственного интеллекта, а также проблемы уголовно-правового и криминологического характера. На основе изучения отечественного и зарубежного опыта, в частности законодательства Китайской Народной Республики, формулируются предложения по совершенствованию механизма противодействия данным видам преступлений. Особое внимание уделяется вопросам международного сотрудничества, необходимости усиления профилактической работы и развития цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая эпоха, уголовно-правовое противодействие, искусственный интеллект, международное сотрудничество, кибербезопасность, законодательство.

NESTERENKO Andrey Vladimirovich,
Deputy Head of the Department of Law Enforcement Organization
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

ACTUAL ISSUES OF COUNTERING CYBERCRIME IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of current challenges in the field of countering cybercrime in the context of accelerating digitalization of social relations. It examines the determinants and specifics of cybercrime, current trends, including the use of artificial intelligence technologies, as well as criminal and criminological issues. Based on the study of domestic and foreign experience, particularly the legislation of the People's Republic of China, the article formulates proposals for improving the mechanism of countering these types of crimes. Special attention is given to international cooperation, the need to strengthen preventive measures, and the development of digital literacy among the population.

Key words: cybercrime, digital era, criminal law counteraction, artificial intelligence, international cooperation, cybersecurity, legislation.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, пронизывающих все сферы современного общества, породило принципиально новую криминальную угрозу — киберпреступность. Динамичный и трансграничный характер этого явления создает серьезные вызовы для национальных правоохранительных систем и международной

безопасности в целом. Как верно отмечается в научной литературе, высокие технологии, проникая во все сферы жизнедеятельности человека, в корне меняют ее, что, бесспорно, касается и преступности [1, с. 105]. Реалии современного мира требуют постоянного совершенствования мер противодействия, основанного на глубоком научном осмыслении природы и механизмов кибер-

преступности. Актуальность темы обусловлена значительным ростом количества преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, их возрастающей разрушительной силой для экономики и критической инфраструктуры, а также появлением новых видов киберугроз, таких как атаки с применением генеративного искусственного интеллекта. Ущерб от таких преступлений исчисляется миллиардами рублей, что подтверждается, например, данными по Краснодарскому краю, где только в 2024 году ущерб превысил 7 млрд рублей [3].

Единое понимание киберпреступления в отечественной и международной правовой доктрине до сих пор не сформировано, что создает значительные трудности как для законодателя, так и для правоприменителя. В научном сообществе используются различные термины: «компьютерная преступность», «киберпреступность», «цифровая преступность» и др., которые характеризуются широтой подхода и сложностями в определении конкретных признаков [6, с. 22]. В российском уголовном законодательстве отсутствует легальное определение киберпреступления. Уголовная ответственность за преступления, непосредственно связанные с вмешательством в работу компьютерной информации, установлена в главе 28 УК РФ. Однако, по сути, к киберпреступлениям следует относить и те традиционные составы, которые все чаще совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (мошенничество, вымогательство и др.), где соответствующий признак включается в качестве квалифицирующего. Интересен опыт китайских коллег, где в правовой доктрине под киберпреступлением предлагается понимать «любые преступления, совершаемые с помощью компьютерной системы или сети, в ее рамках или против нее». Верховный народный суд КНР, Верховная народная прокуратура КНР и Министерство промышленности и информатизации КНР закрепили в своих мнениях трехуровневую классификацию дел о киберпреступлениях, относя к ним преступления против безопасности компьютерных информационных систем, преступления, связанные с невыполнением обязательств по управлению кибербезопасностью, а также иные преступления, совершаемые в основном через информационные сети [4]. Представляется, что данный комплексный подход к классификации является более прогрессивным и отвечает реалиям цифровой эпохи, так как охватывает не только прямые атаки на компьютерные системы, но и всю палитру противоправной деятельности в киберпространстве.

Ландшафт киберпреступности непрерывно эволюционирует, адаптируясь к технологическим новшествам и меняющимся условиям. Среди

наиболее актуальных тенденций можно выделить использование технологий искусственного интеллекта (AI) и генеративных моделей. ИИ предоставил злоумышленникам принципиально новые возможности. Так, с помощью генеративных моделей стало возможным создание глубоких подделок (дипфейк) — видео- и аудиоконтента, который практически невозможно отличить от реального для неподготовленного пользователя [7, с. 52; 8, с. 3]. Это позволяет мошенникам имперсонировать руководителей, родственников, представителей власти, существенно повышая эффективность социальной инженерии. Подделать можно все: аккаунты, письма, QR-коды, голоса и лица знакомых. Наблюдается также рост масштабов и изощренности социальной инженерии. Если ранее фишинговые рассылки были достаточно примитивными, то сегодня атакующий, незаконно завладев персональной информацией, может знать имена начальника, коллег, родственников, последние события в компании и многое другое, что делает его атаки высокотаргетированными и персонализированными. Криминализация криптовалют и децентрализованных финансов (DeFi) также остается серьезной проблемой: несмотря на запретительные меры в ряде стран, включая Китай, злоумышленники находят обходные пути с использованием иностранных платформ для отмывания преступных доходов. Анонимность и быстрота транзакций в блокчейне делают его идеальным инструментом для киберпреступников. Утечки данных как системная угроза — утечка конфиденциальных данных, включая персональные данные и медицинскую тайну, стала одной из самых распространенных и разрушительных угроз для бизнеса и общества, последствия таких утечек варьируются от репутационных потерь до шантажа и прямого финансового ущерба. Наконец, трансграничный характер киберпреступности по своей природе не знает национальных границ: преступники могут действовать из одной юрисдикции, а их жертвы находиться в другой, что создает непреодолимые препятствия для правоохранительных органов и требует тесного международного сотрудничества [5].

Система противодействия киберпреступности в России сталкивается с рядом системных проблем, которые снижают ее эффективность. Прежде всего, это пробелы и архаичность законодательства. Уголовный кодекс РФ не успевает за скоростью технологических изменений. Составы преступлений, сформулированные в главе 28 УК РФ, зачастую не покрывают новые способы совершения преступлений с использованием AI, больших данных и интернета вещей (IoT). В отличие от Китая, где киберзаконодательство представляет собой систему законов, адми-

нистративных правил и ведомственных инструкций, создающую надежные институциональные гарантии [4], в России наблюдается фрагментарность правового регулирования. Острейшей проблемой остаются сложности квалификации и доказывания: сложность сбора и фиксации цифровых доказательств, их процессуального закрепления является одной из ключевых проблем. Электронные доказательства легко могут быть уничтожены, изменены или перенесены в другую юрисдикцию. Отсутствие единых методик расследования и недостаточная оснащенность экспертных учреждений специальным программно-аппаратным комплексом также тормозят раскрываемость. Несмотря на признание важности сотрудничества на высшем уровне [5], на практике межведомственное и международное взаимодействие затруднено из-за различий в национальных законодательствах, бюрократических барьеров и политических разногласий. Кроме того, наблюдается острый кадровый дефицит — острейшая нехватка высококвалифицированных кадров в правоохранительных органах, способных эффективно расследовать сложные киберинциденты, остается системной проблемой. В этой связи положительным представляется опыт создания киберполигонов для эффективной подготовки специалистов по кибербезопасности для банковской сферы, о котором сообщалось на круглом столе в НИУ ВШЭ [2].

Следует рассмотреть возможность стимулирования добровольного сообщения об инцидентах, например, путем введения уголовно-правового иммунитета для компаний, своевременно сообщающих о хакерских атаках и утечках данных, что будет способствовать сбору более полной информации о киберугрозах. Важнейшим направлением является усиление профилактической и просветительской работы. Как верно отмечает А.В. Серебренникова, вектор внимания должен быть направлен не на ограничение использования онлайн-пространств, а на эффективную цифровую социализацию молодого поколения, формирование у него качеств ответственных и компетентных пользователей [1, с. 110]. Необходима серьезная просветительская работа, подобная той, что обсуждалась на круглом столе «Цифровая гигиена», направленная на все слои населения [3]. Государство должно инициировать и финансировать масштабные кампании по повышению цифровой грамотности. Учитывая трансграничный характер угрозы, необходимо активизировать работу по развитию международного сотрудничества в направлении гармонизации законодательства — сближения национальных законодательств в сфере кибербезопасности на основе таких международных документов, как Конвенция Совета Европы о киберпреступности

(Будапештская конвенция), и выработке новых универсальных договоров, а также создания оперативных каналов связи для упрощения процедур взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Не менее важно укрепление публично-частного партнерства: бизнес, обладающий передовыми технологиями и экспертизой, должен стать полноправным партнером государства в этой борьбе. Создание на базе ведущих российских IT-компаний центров мониторинга и реагирования на кибератаки позволит объединить ресурсы для более эффективного противодействия. Наконец, необходима адаптация положительного зарубежного опыта. Опыт Китая демонстрирует эффективность комплексного подхода, включающего не только уголовно-правовые запреты, но и мощную профилактическую составляющую. В КНР снимаются и постоянно демонстрируются фильмы, видеоролики, транслируются передачи, издаются журналы о борьбе с мошенничеством, в подготовке которых участвуют работники органов прокуратуры [4]. Создание в Верховной народной прокуратуре КНР специальной руководящей группы по борьбе с киберпреступностью также является позитивной практикой, которую можно изучить и адаптировать.

В качестве первоочередных шагов предлагается закрепить в УК РФ комплексное определение киберпреступления и криминализировать новые способы их совершения с использованием AI; активно развивать систему подготовки и переподготовки профильных кадров для правоохранительных органов, в том числе на базе киберполигонов; инициировать масштабную государственную программу по повышению цифровой грамотности населения, делая акцент на «цифровой гигиене»; интенсифицировать международное сотрудничество, в первую очередь с стратегическими партнерами, такими как Китай, в области гармонизации законодательства и создания оперативных каналов взаимодействия. Только комплексный и проактивный подход, объединяющий усилия государства, бизнеса и общества, позволит эффективно противостоять вызовам киберпреступности и обеспечить безопасное развитие цифрового общества.

Список литературы:

- [1] Серебренникова А.В. Противодействие киберпреступности: актуальные вопросы // Вестник ВНИИ МВД России. 2023. Т. 16. № 1. С. 104-112.
- [2] Круглый стол по кибербезопасности // Факультет компьютерных наук НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://cs.hse.ru/table_cybersecurity (дата обращения: 03.03.2026).

[3] Круглый стол «Цифровая гигиена: Как защититься от кибермошенников» // Коммерсантъ. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://events.kommersant.ru/krd/events/czifrovaya-gigiena-k...> (дата обращения: 03.03.2026).

[4] Уголовно-правовое противодействие киберпреступности в России и Китае: сравнительно-правовой аспект // Legascom. [Электронный ресурс]. URL: <https://legascom.ru/notes/8056-ugolovno-pravovoe-protivodejs...> (дата обращения: 03.03.2026).

[5] Круглый стол по киберправу, киберпреступности и кибербезопасности // Международный союз электросвязи (МСЭ). 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/net4/wsis/forum/2023/ru/Agenda/Session/5...> (дата обращения: 03.03.2026).

[6] Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М., 2018. 158 с.

[7] Ларан А. А. Теоретико-правовые подходы к пониманию искусственного интеллекта: понятие, виды и существенные признаки искусственного интеллекта // Студенческий. – 2021. – № 36-3(164). – С. 50-55.

[8] Никольская К., Наумов В. Искусственный интеллект в праве // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020. – Владивосток, 2020.

References:

[1] Serebrennikova A.V. Countering cybercrime: topical issues//Bulletin of the All-Russian Research

Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 16. № 1. S. 104-112.

[2] Round table on cybersecurity//Faculty of Computer Science, National Research University Higher School of Economics. [Electronic resource]. URL: https://cs.hse.ru/table_cybersecurity (access date: 03.03.2026).

[3] Round table “Digital hygiene: How to protect yourself from cyber fraudsters” //Kommersant. 2025. [Electronic resource]. URL: <https://events.kommersant.ru/krd/events/czifrovaya-gigiena-k...> (accessed on: 03.03.2026).

[4] Criminal law counteraction to cybercrime in Russia and China: comparative legal aspect//Legascom. [Electronic resource]. URL: <https://legascom.ru/notes/8056-ugolovno-pravovoe-protivodejs...> (accessed on: 03.03.2026).

[5] Round table on cyber law, cybercrime and cybersecurity//International Telecommunication Union (ITU). 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.itu.int/net4/wsis/forum/2023/ru/Agenda/Session/5...> (accessed on: 03.03.2026).

[6] Efremova M.A. Criminal law protection of information security: monograph. M., 2018. 158 pp.

[7] Laran A. A. Legal approaches to the understanding of artificial intelligence: the concept, types and essential features of artificial intelligence//Student. – 2021. – № 36-3(164). – S. 50-55.

[8] Nikolskaya K., Naumov V. Artificial Intelligence in Law//2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020. – Vladivostok, 2020.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОЛМЫКОВ Арсений Андреевич,
студент Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: kolmykov.aa@dvfu.ru

СОЛОВЬЕВ Александр Николаевич,
студент Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: solovev.ani@dvfu.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ «О ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. Цель данного исследования состоит в раскрытии влияния цифровизации на содержание Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации». — ключевого в вопросе регулирования отношений занятости, трудоустройства и противодействия безработице нормативного правового акта. Для реализации цели и задач исследования авторы применили специальный формально-юридический метод, общенаучные методы формальной логики и диалектического материализма. В статье акцентируется внимание на том, как использование цифровых технологий находит отражение в основных понятиях, приведенных в рассматриваемом нормативном правовом акте, принципах правового регулирования отношений в сфере занятости, основах государственной политики в сфере занятости, деятельности органов публичной власти, в число коих входят органы государственной службы занятости. Отмечаются особенности функционирования Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Авторы в ходе изучения нормативных положений пришли к следующим промежуточным выводам: цифровизация не находит выражения в категориальном аппарате рассматриваемого закона; применение цифровых технологий прослеживается в принципах регулирования правоотношений и основах государственной политики в сфере занятости лишь косвенно; цифровизация оказывает существенное влияние на деятельность органов службы занятости, граждан и работодателей в сфере занятости. В результате исследования была обоснована позиция, в соответствии с которой цифровизация оказала влияние на форму, но не на содержание отношений в сфере занятости, поскольку изменился способ реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей, но не их сущность.

Ключевые слова: занятость; цифровизация; цифровые технологии; Закон о занятости; государственная служба занятости; Единая цифровая платформа.

KOLMYKOV Arseniy Andreyevich,
Student of the Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok

SOLOVYOV Aleksandr Nikolayevich,
Student of the Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok

REFLECTION OF THE DIGITALISATION PROCESS IN THE FEDERAL LAW ON POPULATION EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The purpose of current research is to describe the influence of digitalisation on the purview of the Federal Law No. 565-FZ of December 12, 2023 on Population Employment in the Russian Federation,

which is crucial in regulating the legal relations of employment, job placement and preventing unemployment. In order to achieve the purpose and objectives of the study, the authors applied a special formal legal method and general methods of formal logic and dialectical materialism. Special attention is paid to how the use of digital technologies is reflected in the general definitions given in the considered statute, the regulation principles of legal relations in the field of employment, the fundamentals of state policy in the field of employment, the activities of public authority, including state employment services. The features of functioning of the Unified Digital Platform in the field of employment and labour relations Work in Russia are mentioned. The authors came to the interim conclusions in the process of the study: the digitalisation is not explicitly reflected in the categorical apparatus of the described statute; the use of digital technologies can be observed in the regulation principles of legal relations and the fundamentals of state policy in the field of employment indirectly; the digitalisation has a significant effect on the activity of state employment services, employees and employers in the field of employment. As a result of this research, an inference was stated, according to which the digitalisation affects the form but does not alter the nature of the legal relations in the field of employment, forasmuch the conditions of exercising the rights and fulfilling the obligations changed, whereas their essence is unaltered.

Key words: *employment; digitalisation; digital technologies; Employment Law; state employment service; Unified Digital Platform.*

Введение

С 1 января 2025 года окончательно вступил в законную силу новый Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (далее — Закон о занятости, ЗоЗН), заменив Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», принятый Верховным Советом РСФСР.

В связи с изданием нового нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере занятости и трудоустройства, следует определить, соответствует ли оный запросам цифровизации, развития цифровой экономики, выраженным, в частности, в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 апреля 2021 года: «Уже через три года абсолютное большинство государственных и муниципальных услуг должно предоставляться гражданам России дистанционно ... на постоянной основе». Исходя из текста послания, по состоянию на 2024 год все услуги в сфере занятости и трудоустройства также должны предоставляться в дистанционном формате, регулярно.

Дополнительно укажем на Приказ Министерства финансов Российской Федерации «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения» от 24 мая 2022 г. № 82н, содержащий национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», подлежащий реализации с 2025 по 2030 гг. и предусматривающий имплементацию цифровых технологий в систему государственного и муниципального управления.

Именно вышеприведенные обстоятельства (принятие нового закона, регулирующего отношения в сфере занятости и трудоустройства,

выступление Президента Российской Федерации с посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, наличие действующего национального проекта) подтверждают актуальность настоящего исследования.

Больше того, поскольку ЗоЗН был принят лишь 12 декабря 2023 года и вступал в законную силу постепенно, в настоящий момент существует исключительно мало научных работ, в которых бы последовательно и полно освещалось отражение процессов цифровизации в данном нормативном правовом акте: о цифровизации института занятости и трудоустройства пишут либо исключительно в контексте частично утратившего юридическую силу советского акта [1, с. 264-283], либо в контексте сравнительного правового анализа, при котором акцентируется внимание на изменениях, не связанных с цифровизацией [2, с. 158-167]. В иных статьях, опубликованных в 2023 г., в которых исследуется цифровизация занятости, рассматривается не сам ЗоЗН, а его законопроект [3, с. 139-164].

Цель текущего исследования, таким образом, состоит в отражении процесса цифровизации трудового института занятости и трудоустройства в новом ЗоЗН.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо выполнить ряд задач, а именно:

- 1) изучить влияние цифровизации на основные категории, принципы правового регулирования и основные направления государственной политики в сфере занятости населения;
- 2) рассмотреть отражение процессов цифровизации в деятельности органов публичной власти и государственных служб занятости (далее — ГСЗ) по содействию занятости населения;

3) описать особенности функционирования Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» (далее — Единая цифровая платформа, ЕЦП);

Для верной реализации задач исследования следует выделить объект исследования, под которым в настоящей работе подразумеваются правоотношения в сфере занятости — трудовой деятельности и иной не противоречащей законодательству Российской Федерации деятельности граждан, осуществляемой ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленной на получение дохода (п. 1 ч. 1 ст. 2 ЗоЗН), — а также в сферах, связанных с обеспечением занятости населения, к коим относятся, например, деятельность публичных органов власти и ГСЗ. В связи с этим мы будем рассматривать не только ЗоЗН, но и подзаконные акты, действующие на основании и во исполнение его — в первую очередь, приказы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее — Минтруд).

Предмет данного исследования — цифровизация в сфере занятости, под которой понимается появление «еще одной, сопутствующей традиционной, формы реализации правоотношений» [4, с. 86], предполагающей использование новейших технологий, а именно «информационно-коммуникационных ресурсов, робототехнических устройств, цифровых площадок», для обеспечения осуществления субъективных прав и исполнения юридических обязанностей субъектов отношений занятости. В число таковых новейших технологий, предполагающих использование (сбор, хранение, обработку, поиск, передачу) цифровых данных, включаются технологии обработки больших объемов данных, нейротехнологии, технологии на основе искусственного интеллекта и робототехника, системы распределенного реестра (блокчейн), индустриальный промышленный интернет и интернет вещей, иные технологии [5, с. 39-40].

Научная новизна исследования обусловлена тем, что на данный момент отсутствуют работы, посвященные отражению процессов цифровизации в сфере занятости в новом ЗоЗН. Исследование направлено на закрытие существующего «пробела» в изучении процессов цифровизации применительно к институту занятости в частности и российскому трудовому праву в целом.

Методы текущего исследования можно подразделить на общенаучные и специально-юридические. Были использованы общенаучные методы диалектического материализма и формальной логики. Поскольку мы не сравниваем различные

источники права (в т. ч. ретроспективно), но исследуем лишь текущее отражение цифровизации в институте занятости, то мы используем специальный формально-юридический метод, избегая применения сравнительно- и историко-правового методов.

Основная часть

Перейдем к изучению влияния цифровизации на основные понятия, используемые в ЗоЗН, принципы правового регулирования и основные направления государственной политики в сфере занятости населения.

В статье 2 законодательного акта, содержащей изложение категориального аппарата, нет прямого указания на использование информационно-коммуникационных ресурсов и иных цифровых технологий. Определение занятости, данное в ЗоЗН, не содержит ссылки на то, что трудовая деятельность граждан, направленная на получение дохода, может осуществляться посредством использования цифровых технологий: электронно-вычислительных машин, сайтов и цифровых платформ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», средств обработки «больших данных», искусственного интеллекта, «умных контрактов», блокчейн-технологий и пр.

При этом во многих актуальных экономических научных работах, посвященных рынку труда, исследователями применяются такие термины, как «цифровая занятость» [6, с. 96], «платформенная занятость» [7, с. 106]. Содержание вышеприведенных понятий связывают с применением работниками цифровых технологий.

Говорить о наличии правового пробела в п. 1 ч. 1 ст. 2 ЗоЗН нельзя, так как дефиниция намеренно сформулирована законодателем таким образом, чтобы включать в себя любую непротивоправную деятельность, выраженную совокупностью волевых актов, существующих в рамках стадий экономического процесса и направленных на получение дохода, вне зависимости от формы такой деятельности — цифровой или «традиционной» [8, с. 295].

Используем язык формальной логики: $(A\_DVA\_T) \wedge Q^1 \wedge Q^2 \wedge \dots \wedge Q^n \rightarrow E$, где AD — «деятельность (англ. activity) осуществляется в цифровой (англ. digital) форме»; AT — «деятельность осуществляется в традиционной (англ. traditional) форме»; Q — «есть формальное качество (англ. quality) занятости (например, направленность на получение дохода)», E — «деятельность признается занятостью (англ. employment)». Логические символы: нестрогая дизъюнкция («или»), конъюнкция («и»), импликация («если ... то»).

Рассмотрим п. 2, 3 ч. 1 ст. 2 ЗоЗН — о гражданах, ищущих работу и безработных гражданах. Они сформулированы с применением отсылочных норм (ст. 22, 23), в свою очередь указывающих на ч. 2 ст. 20.

Граждане в отличие от работодателей (организаций и индивидуальных предпринимателей) могут обращаться в органы ГСЗ как лично, так и посредством использования цифровых технологий. Отметим, что в утратившем силу советском акте в редакции, действовавшей до 1 января 2025 г., правило об обращении для работодателей не отличалось от таковой для граждан.

Вышеизложенная норма может быть представлена как логическая формула: $(A \rightarrow D) \wedge (A \rightarrow I \rightarrow P \rightarrow D)$, где $A \rightarrow$ — обращение (англ. appeal) работодателя (англ. employer) допустимо; D — «обращение осуществляется в электронной (англ. digital) форме»; $A \rightarrow I$ — «обращение гражданина (англ. individual) допустимо»; P — «обращение осуществляется лично (англ. personally)». Логический символ: эквиваленция («тогда и только тогда, когда»).

Оставление законодателем возможности личного обращения граждан в органы ГСЗ соответствует норме ст. 33 Конституции Российской Федерации.

Дефиниции, представленные в п. 4-8 ч. 1 ст. 2 ЗоЗН, могут считаться отражающими процессы цифровизации в сфере занятости лишь в случае, если рассматривать их в структурной взаимосвязи с положениями подзаконных актов, а именно Постановления Правительства Российской Федерации от 16 октября 2024 г. № 1379, утверждающего Правила регистрации различных категорий граждан и Приказа Минтруда от 10 декабря 2024 г. № 684н, устанавливающего стандарты профилирования граждан и работодателей.

Деятельность органов ГСЗ в рамках регистрационного учета и профилирования граждан и работодателей осуществляется единственно с помощью ЕЦП, федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — ЕПГМУ) и единой системы межведомственного электронного взаимодействия (далее — СМЭВ).

Вместе с тем, содержательное наполнение категорий граждан, испытывающих трудности в поиске работы, граждан, впервые ищущих работу, граждан, находящихся под риском увольнения, определяется спецификой правового статуса таких лиц либо спецификой их трудовой деятельности и не зависит от осуществляемых с помощью цифровых технологий регистрационных действий, как, например, в случае с категорией безработных граждан.

Принципы правового регулирования отношений в сфере занятости населения (принцип добровольности труда и выбора гражданами формы занятости, принцип недопущения привлечения граждан к ответственности по причине незанятости, принцип недопущения дискриминации), *prima facie*, не указывают на применение цифровых технологий в сфере занятости. Тем не менее, принцип, предусмотренный п. 1 ст. 4 ЗоЗН, является одной из гарантий использования цифровых технологий в трудовой деятельности граждан, которая может осуществляться и в дистанционной форме, что подтверждено ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

Цифровизация отразилась на основных направлениях государственной политики в сфере занятости населения лишь косвенно — ни в одном из пунктов ст. 6 ЗоЗН не говорится об имплементации новейших цифровых технологий в регулирование сферы занятости. В то же время в самом ЗоЗН указывается, что одно из направлений государственной политики, а именно осуществление мероприятий, способствующих занятости, производится с использованием ЕЦП.

Далее рассмотрим, как отражены процессы цифровизации в деятельности органов публичной власти и ГСЗ.

Нормы главы второй ЗоЗН непосредственно не отражают процессов цифровизации в сфере занятости. Тем не менее, в указанной главе есть бланкетные нормы, отсылающие на подзаконные (ведомственные) акты, принятые на основании и во исполнение ЗоЗН федеральным органом исполнительной власти. Таким образом, в упомянутом в п. 6 ст. 8 ЗоЗН Приказе Минтруда «Об утверждении форм документов, связанных с предоставлением государственных услуг в области содействия занятости населения» от 30 января 2024 г. № 32 есть указание на возможность отказа в признании лица безработным в связи с ненаправлением оным в электронной форме с использованием ЕЦП информации о выборе двух вариантов подходящей работы или профессионального обучения. Можно сделать вывод о том, что для гражданина, желающего получить статус безработного, наличие доступа к указанной ЕЦП — *condicio sine qua non*.

Не менее показательной в вопросе отражения процесса цифровизации в сфере занятости является норма о полномочиях органов ГСЗ (ст. 15 ЗоЗН). Одним из полномочий данных органов является межведомственное информационное взаимодействие посредством использования СМЭВ с органами, предоставляющими государственные и (или) муниципальные услуги, государственными внебюджетными фондами (главным

образом, с Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации), иными органами публичной власти либо подведомственными им организациями. Следовательно, органы ГСЗ включены в СМЭВ, являющуюся составной частью электронного правительства.

Не только Федеральная служба по труду и занятости (далее — Роструд), но и другой федеральный орган исполнительной власти — Федеральная служба государственной статистики — осуществляет деятельность в сфере занятости. Данный орган осуществляет формирование официальной статистической информации о положении на рынке труда и организует мониторинг и прогнозирование рынка труда в соответствии с ЗоЗН и Постановлением Правительства Российской Федерации «О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов» от 3 июня 2011 г. № 440. Примечательно, что публикация вышеуказанных статистических данных и прогнозов осуществляется на ЕЦП, речь о которой пойдет ниже.

Несомненным свидетельством возрастания важности цифровых технологий в сфере занятости, с точки зрения аксио-телеологического толкования, служит то, что законодатель включил в ЗоЗН отдельную главу, посвященную ЕЦП. Наиболее важным в рамках нашего исследования является следующее: использование ЕЦП для реализации прав и обязанностей является императивным как для граждан, ищущих работу или намеревающихся быть признанными безработными, работодателей, так и для публичных субъектов — ГСЗ.

ЕЦП представляет собою федеральную государственную информационную систему (в значении ст. 14 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ), существующую, исходя из положений ст. 17 ЗоЗН, в трудоустроительной, организационно-кадровой, организационно-государственной, образовательно-ориентационной, аналитико-статистической, прогнозистической и координационной целях.

Вышепоименованные цели достигаются путем обработки, предоставления, мониторинга и анализа соответствующих цифровых данных на ЕЦП, идентификации и аутентификации участников ЕЦП, обработки электронных документов в сфере занятости населения, осуществления электронного документооборота. Все вышеперечисленное обеспечивается Рострудом — оператором ЕЦП.

В соответствии с ЗоЗН и Постановлением Правительства Российской Федерации «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений „Работа в России“» от 13 мая 2022 г. № 867, предоставление информации, содержащейся на ЕЦП, осуществляется посредством

информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», с использованием ЕПГМУ и СМЭВ на безвозмездной основе.

Личные дела граждан и учетные дела работодателей ведутся исключительно в электронной форме (ст. 21 ЗоЗН). Уже упомянутое в настоящем исследовании профилирование работников также может осуществляться лишь посредством ЕЦП. Индивидуальный план содействия занятости формируется после прохождения работником профилирования и также хранится в электронной форме.

Отдельно ст. 53, 54 ЗоЗН регламентируются обязанности работодателей как социальных партнеров в сфере занятости. О сущности этих обязанностей мы в рамках данного исследования говорить не будем, так как они выходят за рамки предмета исследования, однако укажем, что взаимодействие ГСЗ и работодателей осуществляется посредством ЕЦП.

Весьма интересным является факт того, что ч. 6 ст. 67 ЗоЗН устанавливает специфическую меру ответственности, реализуемую Рострудом в цифровой форме: орган ведет общедоступный реестр работодателей, у которых выявлены факты нелегальной занятости. Данный информационный ресурс ведется с 1 января 2025 г. и включает в себя на момент написания настоящей работы 382 позиции.

Вместе с тем, нельзя не отметить ограниченного характера применения вышеуказанного реестра: «недобросовестный» работодатель может быть включен в него по результатам производства по делу об административном правонарушении лишь в случае выявления должностным лицом Роструда: факта уклонения работодателя от заключения трудового договора; факта ненадлежащего оформления трудового договора; факта подмены трудовых отношений гражданско-правовыми. Однако же нелегальная занятость может являться как «негативной», так и «позитивной» (в зависимости от наличия трудового договора) — продемонстрируем это с помощью логической формулы.

$$E_I \rightarrow (C_{L \wedge A_L}) \vee (\neg C_{L \wedge A_L}) \equiv E_I \rightarrow (C_{L \oplus A_L})$$
где E_I — наличествует факт нелегальной занятости (англ. illegal employment); C_L — наличествует надлежащим образом оформленный трудовой договор (англ. labour contract); A_L — работник осуществляет реальную трудовую деятельность (англ. labour activity). Применены логические символы импликации («если ... то»), конъюнкции («и»), инверсии («не»), нестрогой дизъюнкции («или»), логической эквивалентности выражений (аналогично знаку эквивалентности), строгой дизъюнкции (исключающее «или»).

Следовательно, если наличествует факт нелегальной занятости, то или наличествует над-

лежащим образом оформленный трудовой договор, или работник осуществляет реальную трудовую деятельность. В остальных случаях либо занятость легальная, либо занятости вовсе нет.

Из вышеприведенной логической формулы следует, что занятость может быть нелегальной, когда трудовой договор заключен, но трудовая деятельность отсутствует (обычно подобное именуют фиктивной занятостью). Однако по определенной причине законодатель ограничил сведения в описываемом реестре лишь одним видом нелегальной занятости.

Заключение

Последовательно описав влияние цифровизации на сущностные и формальные признаки трудового института занятости, перейдем к заключительной части настоящего исследования.

Влияние цифровизации недостаточно отражено в положениях, посвященных основным категориям ЗоЗН, принципам правового регулирования отношений в сфере занятости и основам государственной политики в сферах занятости. Можно обнаружить лишь отсылочные и бланкетные нормы, которые косвенно свидетельствуют о том, что цифровизация трансформировала сферу занятости. В этом нельзя винить законодателя, поскольку категориальный аппарат и принципы относятся скорее к сущности правового регулирования, нежели к форме. Лицо, зарегистрированное в качестве ищущего работу при помощи новейших цифровых технологий, по своему юридическому статусу не отличается от лица, явившегося в орган ГСЗ лично; электронная трудовая книжка сущностно не отличается от таковой на бумажном (аналоговом) носителе. Отсутствие указания в ст. 6 ЗоЗН на имплементацию цифровых технологий законодатель предположительно счел допустимым, так как их применение становится явным при анализе положений нормативного правового акта.

Признаки цифровизации деятельности органов публичной власти и ГСЗ в сфере занятости явственно обнаруживаются при детальном анализе ведомственных актов, изданных на основании и во исполнение ЗоЗН. В первую очередь, изменения в деятельности данных органов и служб состоят в превращении традиционного (аналогового) делопроизводства в цифровое, в преобразовании межведомственного сообщения, рассмотрения обращений граждан и работодателей в электронный формат, подразумевающий наличие постоянно действующих информационно-коммуникационных систем.

Нельзя не отметить, что определенные цифровые инструменты, применение которых имплементировано в ЗоЗН (см. ч. 6 ст. 67), действуют недостаточно эффективно — в частности, это

было продемонстрировано на примере реестра работодателей, у которых выявлены факты нелегальной занятости.

Наиболее явно отображает фактически существующие процессы цифровизации в сфере занятости факт того, что законодатель посчитал необходимым включить в ЗоЗН главу, посвященную ЕЦП. С точки зрения нормативистского подхода это может говорить о том, что деятельность субъектов на ЕЦП может быть признана самостоятельным субинститутом в рамках трудового института занятости. Тем не менее, таковой вывод будет излишним: сложно говорить о том, что меняется содержание правоотношений, опосредованных применением ЕЦП. Как было указано ранее, многие юридически значимые действия в настоящий совершаются с помощью данной федеральной государственной информационной системы: если до вступления в законную силу ЗоЗН работодатель мог лично обращаться в органы ГСЗ, то сейчас он обязан воспользоваться ЕЦП. Представляется верным следующее суждение: способ использования субъективного права изменился, но сущность субъективного права остается неизменной.

Процессы цифровизации института занятости и трудоустройства находят значительное выражение в ЗоЗН, однако они относятся к изменению формы (акцидентных признаков), а не содержания (субстанциональных признаков) сферы занятости. Дополнительно укажем, что оформление «цифровой занятости» в самостоятельную содержательную категорию доктрины трудового права является, на наш взгляд, преждевременным, так как в настоящий момент еще не произошла трансмиссия количественных изменений в качественные.

Список литературы:

- [1] Попова, С. С., Бойко, С. А., Гохшанд, Е. В., Недров, А. А., Шевчук, А. Р. Цифровизация службы занятости населения / С. С. Попова [и др.] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 86. – С. 264-283.
- [2] Джигоев, С. Х. Проблемы развития законодательства о трудовой занятости / С. Х. Джигоев // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 6. – С. 158-167.
- [3] Закалюжная, Н. В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху / Н. В. Закалюжная // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 139-164.
- [4] Михайлова, Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения / Е. В. Михайлова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 7. – С. 83-86.

[5] Цифровое право: учебник / М. А. Егорова, В. В. Блажеев [и др.]; под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2020. – 409 с.

[6] Короленко, Ю. Н., Романюк, Е. В. Цифровая занятость: состояние и регулирование на российском рынке труда / Ю. Н. Короленко, Е. В. Романюк // Научный результат. Экономические исследования. – 2025. – № 2. – С. 93-105.

[7] Зайцева, О. В. Платформенная занятость: сущность, тенденции развития и особенности оценки / О. В. Зайцева // Вестник Витебского государственного технического университета. – 2024. – № 1. – С. 105-120.

[8] Колмыков, А. А., Соловьев, А. Н. Правовая категория занятости в советском и российском праве / А. А. Колмыков, А. Н. Соловьев // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11. – С. 294-296.

References:

[1] Popova, S. S., Boiko, S. A., Gokhshtand, E. V., Nedrov, A. A., Shevchuk, A. R. Digitalization of Public Employment Service / S. S. Popova [et al.] // Public Administration. E-journal. – 2021. – № 86. – P. 264-283.

[2] Dzhioev, S. Kh. Problems of Development of Employment Legislation / S. Kh. Dzhioev // Courier of

Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2023. – № 6. – P. 158-167.

[3] Zakalyuzhnaya N. V. A New Concept of Employment and the Development of Labor Relations in the Digital Age / N. V. Zakalyuzhnaya // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2023. – Vol. 16. – № 2. – P. 139-164.

[4] Mikhailova, E. V. Digitalization of the Legal Sphere in the Context of its Essence and Application / E. V. Mikhailova // Theory and Practice of Social Development. – 2021. – № 7. – P. 83-86.

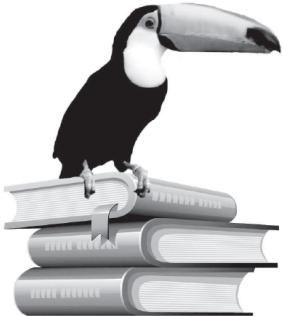
[5] Digital Law: textbook / M. A. Egorova, V. V. Blazheev [et al.]; under the general direction of V. V. Blazheev, M. A. Egorova. – Moscow : Prospect, 2020. – 409 p.

[6] Korolenko, Yu. N., Romanyuk, E. V. Digital Employment: State and Regulation in the Russian Labor Market / Yu. N. Korolenko, E. V. Romanyuk // Research Result. Economic Research. – 2025. – № 2. – P. 93-105.

[7] Zaitseva, O. V. Platform Work: Essence, Trend, Evaluation / O. V. Zaitseva // Bulletin of Vitebsk State Technological University. – 2024. – № 1. – P. 105-120.

[8] Kolmykov, A. A., Solovyov A. N. Legal Category of Employment in Soviet and Russian Law / A. A. Kolmykov, A. N. Solovyov // Eurasian Law Journal. – 2025. – № 11. – P. 294-296.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: palamit@rambler.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется тем, что сегодня искусственный интеллект повсеместно внедряется в процессы управления организациями, как в нашей стране, так и за рубежом. ИИ при этом перестал быть вспомогательным инструментом, он постепенно превращается в стратегического партнера менеджмента. Ключевым трендом нашего времени является переход к гибридным моделям управления, в которых человек определяет цели и моральные принципы управления, а алгоритмы ИИ оптимизируют пути их достижения [1, с. 67].

Предметом исследования в статье является выделение и анализ основных направлений внедрения искусственного интеллекта в управление современными организациями. Авторы используют такие методы исследования, как анализ литературы и управленческой практики, элементы статистического и экономического анализа, а также опрос экспертов в области управления.

Авторы выделяют такие направления использования ИИ-систем в управлении современными организациями, как планирование и постановка задач; анализ данных в реальном времени; использование ИИ-систем для поддержки управленческих решений; персонализация и контроль показателей эффективности (KPI). Особое внимание обращается на анализ барьеров и проблем, связанных с внедрением ИИ-технологий в современное управление.

В заключение делается вывод о том, что ключ к решению проблем управления современными организациями, по нашему убеждению, находится не в поиске «идеального алгоритма» управления, а в создании устойчивых систем управления с контролируемым участием ИИ-технологий.

Ключевые слова: Управление, организация, ИИ-технологии, ИИ-система, планирование, анализ данных, управленческие решения, показатели эффективности (KPI).

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
PhD, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
management and economic theory
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Michailovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Accounting and Auditing Department
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics,
Professor of Philosophy
of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MANAGING MODERN ORGANIZATIONS

Annotation. *The relevance of the authors' research is determined by the fact that today artificial intelligence is being widely introduced into the management processes of organizations, both in our country and abroad. AI at the same time has ceased to be an auxiliary tool, it is gradually turning into a strategic partner of management. The key trend of our time is the transition to hybrid management models, in which a person defines the goals and moral principles of management, and AI algorithms optimize the ways to achieve them [1, p. 67].*

The subject of research in the article is the allocation and analysis of the main directions of the introduction of artificial intelligence in the management of modern organizations. The authors use research methods such as literature and management practice analysis, elements of statistical and economic analysis, and expert interviews in the field of management.

The authors highlight the following areas of use for AI systems in the management of modern organizations: planning and task setting; real-time data analysis; using AI systems to support management decisions; and personalization and monitoring of key performance indicators (KPIs). Special attention is given to analyzing the barriers and challenges associated with the adoption of AI technologies in modern management.

In conclusion, it is argued that the key to solving the challenges of managing modern organizations lies not in finding the "perfect management algorithm" but in creating sustainable management systems with controlled involvement of AI technologies.

Key words: *Management, organization, AI technologies, AI system, planning, data analysis, management decisions, performance indicators (KPI).*

В последние годы наблюдается качественный и системный сдвиг в управлении современными организациями. Сегодня акцент смещается на устойчивость системы управления и взаимодействие человека с искусственным интеллектом [1, с. 19]. Менеджмент становится наукой о данных, что создает запрос на новые

цифровые компетенции менеджеров, а также на этические стандарты в корпоративном управлении. При этом следует учитывать, что скорость изменений опережает нормативное регулирование. Внедрение ИИ требует не только технологической инфраструктуры, но и культурной трансформации организаций. Риск заключается в

чрезмерном доверии алгоритмам. Поэтому роль человека эволюционирует от исполнителя к архитектору процессов.

Подчеркнем, что ИИ не заменяет менеджера, но радикально меняет среду его деятельности, требуя непрерывного обучения и адаптации методологических подходов к реальности цифровых систем.

Выделим и кратко проанализируем ключевые направления внедрения ИИ-технологий в управление отечественными и зарубежными организациями. Методы нашего исследования – анализ литературы и управленческой практики, элементы статистического и экономического анализа, а также опрос экспертов в области управления.

1. Планирование и постановка задач, которые в процессах управления претерпевают наиболее значительную трансформацию под воздействием ИИ. Сегодня традиционное линейное планирование уступает место адаптивным системам, основанным на предиктивной аналитике [6, с. 135]. Алгоритмы машинного обучения анализируют исторические данные, внешние рыночные сигналы и внутренние метрики, прогнозируя спрос, риски и ресурсы с высокой точностью. Сценарное моделирование выходит на новый уровень благодаря технологии цифровых двойников. Руководители могут запускать симуляции «что-если», оценивая последствия решений без риска для реального бизнеса. Например, «Газпром нефть» использует цифровые двойники месторождений для планирования добычи, оптимизируя логистику и затраты. В международной практике компания Siemens применяет ИИ для планирования производственных цепочек, моделируя сбои в поставках и заранее предлагая альтернативы [9].

Важно отметить роль генеративного ИИ в формулировке задач. Модели могут переводить стратегические цели в конкретные тактические шаги, проверяя их на согласованность. Так, банк ВТБ внедряет подобные системы для координации филиальной сети. Amazon использует ИИ для планирования логистики в режиме реального времени, адаптируя маршруты доставки при изменении погодных условий. Сбербанк в России внедрил ИИ-ассистентов для стратегического планирования, что повысило точность прогнозов на 20%. Крупные компании, такие как McKinsey используют ИИ для анализа рыночных сигналов [9].

Отметим, что постановка задач при использовании ИИ-технологий также становится динамической. Вместо статических должностных инструкций ИИ распределяет задачи в реальном

времени, учитывая текущую загрузку, компетенции сотрудников и приоритеты проекта. Так, Яндекс в своих командах разработки использует алгоритмы для балансировки нагрузки, снижая выгорание. Прогнозная аналитика позволяет выявлять узкие места до их возникновения. Например, ритейлер X5 Group прогнозирует товарооборот на уровне магазинов, автоматически формируя задачи для закупщиков [2, с. 127].

Отметим, что научная значимость использования ИИ-технологий в планировании и постановке задач в процессах управления заключается в переходе от детерминированных моделей к вероятностным. Менеджер работает не с одним планом, а с деревом вероятностей, что требует пересмотра методологии контроля исполнения.

Подчеркнем, что особенно важно сегодня исследовать влияние такой динамики на организационную культуру. Эффективность планирования растет на 30–40%, но цена ошибки алгоритма может быть высока. Поэтому ключевым элементом планирования и постановки задач в современном управлении остается контроль человека над действиями ИИ. ИИ предлагает варианты, человек выбирает стратегический вектор. По заключению исследователей, именно симбиоз интуиции менеджера и вычислительной мощности ИИ-систем сегодня определяет успех управления организациями [7, с. 68]. Это открывает поле для эмпирических исследований в области организационного поведения и теории принятия решений. Такие кейсы демонстрируют переход от реактивного к проактивному управлению. Для исследователей это означает необходимость разработки новых метрик эффективности планирования, поскольку традиционные KPI могут не отражать гибкость системы.

2. Анализ данных в реальном времени — это возможность видеть и реагировать на события бизнеса в режиме «здесь и сейчас». Раньше руководители принимали решения по вчерашним или прошлым отчетам. Сегодня ИИ обрабатывает потоки данных мгновенно: транзакции, перемещения товаров, поведение клиентов, показатели оборудования. Это меняет саму логику управления: от реакции на проблемы — к их предупреждению.

Как это работает? ИИ-системы подключаются к источникам данных (камеры, датчики, онлайн-платежи, логи приложений) и непрерывно ищут закономерности. При отклонении от нормы ИИ-система сигнализирует или сама корректирует процесс. Например, если в магазине резко растёт спрос на товар, система автоматически увеличивает заказ у поставщика.

Например, крупнейший российский ритейлер X5 Group (Россия) использует ИИ-платформу

для анализа покупок более чем в двадцати тысячах магазинов. Данные с касс, складов и мобильного приложения обрабатываются с помощью ИИ постоянно и в реальном времени. Так, если в конкретном районе или населенном пункте растёт спрос на гречку, система сразу видит тренд, прогнозирует дефицит и формирует задачу на допоставку. Результат впечатляет: потери от нехватки товара снижаются примерно на 18%; реакция на спрос ускоряется с 2–3 дней до нескольких часов [11, с. 59].

Приведем еще примеры анализа данных в реальном времени с помощью ИИ-технологий в крупных российских и зарубежных компаниях. Так, алгоритмы Яндекс.Такси анализируют спрос, пробки, погоду и доступность водителей каждую секунду. На основе этого система динамически меняет цены, перераспределяет автомобили и предлагает водителям оптимальные маршруты [10, с. 1123]. Для менеджмента это значит: не «планировать» пиковые нагрузки, а управлять ими в моменте.

На складах Amazon (США) тысячи датчиков отслеживают перемещение товаров. ИИ анализирует эти данные в реальном времени и предсказывает, когда закончится упаковка, сломается конвейер или возникнет задержка поставки. Система автоматически создаёт задачи для сотрудников или меняет логистическую цепочку, что снижает простои на 30%.

На промышленных предприятиях Siemens (Германия) ИИ обрабатывает данные с оборудования: температуру, вибрацию, нагрузку. Если параметры выходят за рамки нормы, система предупреждает о возможной поломке за часы или даже дни до аварии [9]. Менеджеры при этом получают не просто сигнал, а готовый план действий: какой узел проверить, какую деталь заказать.

Подчеркнем, что такой реальный и непрерывный поток данных создаёт новую эмпирическую базу для исследований. Учёные могут изучать, как быстро организации адаптируются к изменениям, как влияет скорость реакции на эффективность производства товаров или услуг, где проходит граница между автоматикой и человеческим решением. Возникают и новые вопросы: как измерить «качество» мгновенного решения? Как избежать перегрузки менеджеров сигналами? Как обеспечить прозрачность алгоритмов ИИ?

Таким образом, анализ данных в реальном времени превращает управление из «искусства» в науку, основанную на фактах. Но важно помнить, что ИИ-технология во всех случаях остается лишь инструментом. Ключевая задача менеджера и исследователя — научиться задавать правильные вопросы по данным и интерпретировать

ответы в контексте человеческих ценностей и организационных целей. Отметим, что для научного сообщества это открывает поле для междисциплинарных работ на стыке менеджмента, информатики и поведенческой экономики.

3. Использование ИИ-систем для поддержки управленческих решений – один из ключевых трендов применения ИИ в современном управлении.

Отметим, что ИИ не заменяет руководителя, но становится его «вторым пилотом» в принятии решений. Современные ИИ-системы анализируют огромные массивы данных, выявляют скрытые связи и предлагают варианты действий с оценкой рисков. Ключевой принцип использования ИИ-технологий для принятия решений: ИИ предлагает варианты решений, а человек выбирает [4, с. 67]. Такой принцип сохраняет моральную и юридическую ответственность за руководителем, но повышает качество принимаемых решений за счёт наличия нескольких вариантов и использования огромных баз данных.

Сегодня для принятия решений с помощью ИИ-систем все шире используется сценарное моделирование, при котором ИИ обрабатывает структурированные (финансы, метрики) и неструктурированные данные (отчёты, новости, соцсети), составляет сценарии на основе разных прогнозов и моделирования последствий того или иного управленческого решения [9]. Менеджер, таким образом, учится работать не только с цифрами, но со сценариями. Например: «Если сделать А, вероятность успеха — 78%, если Б — 52%, но ниже риски».

Приведем примеры сценарного моделирования при принятии решений с помощью ИИ-систем из российской и зарубежной управленческой практики. Так, ПАО Сбербанк внедрил ИИ-платформу для кредитных решений, которая анализирует свыше 2000 параметров каждого потенциального заемщика: транзакции, поведение в приложении, макроэкономические тренды. Раньше решение по корпоративному кредиту занимало 5–7 дней, сейчас оно укладывается в несколько часов. При этом точность оценки рисков выросла на 25%, количество ошибочных отказов снизилось [2, с. 93].

РЖД сегодня используют ИИ для управления грузопотоками. ИИ-система анализирует погоду, спрос, тарифы и предлагает оптимальные маршруты и графики. Диспетчер видит три варианта решения с расчётом затрат и времени. Внедрение ИИ сократило простои вагонов на 15% и повысило пропускную способность узлов [2, с. 111].

McKinsey & Company внедрила платформу Lilli на базе генеративного ИИ, которая помогает консультантам принимать стратегические реше-

ния. Система за секунды анализирует тысячи отраслевых отчётов, кейсов и рыночных данных, выдавая структурированные инсайты. Это не заменяет эксперта, но ускоряет подготовку им гипотез в 3–4 раза [9]. Подчеркнем, что роль аналитика, при использовании ИИ-технологий в принятии управленческих решений меняется: от сбора информации он переходит к интерпретации сценариев и этической валидации выводов ИИ.

В компании Unilever ИИ помогает в управлении цепочками поставок. При сбое у одного поставщика система мгновенно оценивает альтернативы: цена, сроки, углеродный след, репутационные риски. Менеджер получает рейтинг вариантов с обоснованием. В результате потери от сбоев поставок сократились на 40% [9].

Отметим, что использование технологий ИИ создаёт новую эмпирическую базу для теории принятия решений. Возникает ряд вопросов в современной теории принятия решений: как меняется когнитивная нагрузка менеджера, какие типы решений лучше делегировать алгоритму, как измерить степень «доверия» к ИИ? Формируются и методологические вызовы, например, как валидировать алгоритмические рекомендации или как избежать алгоритмической предвзятости любой ИИ-системы?

Таким образом, ИИ-системы трансформируют управленческое решение из интуитивного акта в итеративный процесс проверки гипотез. Для научного сообщества это открывает направление исследований на стыке менеджмента, психологии и data science. Главным вопросом при этом является не вопрос: «Может ли ИИ принять решение?», но вопрос: «Как человеку и алгоритму ИИ совместно принять лучшее решение?». Ответ на него, по нашему мнению, определит будущее управленческой науки и практики.

4. Персонализация и контроль показателей эффективности (KPI) — два взаимосвязанных направления, где ИИ сегодня раскрывает свой максимальный потенциал. Если раньше управление строилось на усреднённых стандартах, то сегодня алгоритмы позволяют учитывать индивидуальные особенности клиентов и сотрудников, одновременно отслеживая результативность в динамике.

ИИ анализирует поведение, предпочтения клиентов, а также контекст взаимодействия с ними, и благодаря этому формирует уникальные предложения. Например, Тинькофф Банк использует ИИ для персонализации финансовых продуктов. Система анализирует траты, жизненные события (например, покупка квартиры или автомобиля) и цифровые следы клиента. На основе

этого алгоритм предлагает релевантные услуги: ипотеку, страховку или инвестиционный портфель. Менеджеры получают подсказки: когда и как связаться с клиентом. Результат использования ИИ-систем налицо: рост удовлетворённости клиентов на 22%, увеличение кросс-продаж [5, с. 313].

В компании Netflix (США) ИИ подбирает контент под вкусы каждого пользователя, анализируя просмотры, паузы, оценки. Но система также персонализирует интерфейс: обложки фильмов, порядок категорий, что увеличивает время просмотра на 30% [8, с. 5].

Кроме этого, ИИ помогает выстраивать индивидуальные траектории развития персонала организации, распределять задачи и предотвращать морально-психологическое выгорание сотрудников.

В этом направлении ПАО Сбербанк внедрил ИИ-платформу для управления талантами. Система анализирует навыки, результаты обучения и карьерные цели сотрудников, предлагая персональные курсы и проекты. Руководитель видит «карту компетенций» команды и получает рекомендации по ротации. В результате внедрения платформы время подбора внутренних кандидатов сократилось на 40%.

Компания Google использует алгоритмы ИИ для балансировки нагрузки в командах. ИИ учитывает дедлайны, стиль работы и даже календари сотрудников и предлагает оптимальное распределение задач между ними. При этом каждый сотрудник получает сигналы о риске перегрузки [8, с. 4].

Отметим, что в настоящее время ИИ-технологии все шире используются и для контроля KPI. Традиционные ежеквартальные отчёты уступают место дашбордам реального времени. ИИ агрегирует данные из разных систем, выявляет отклонения и прогнозирует достижение целей.

Например, компания МТС применяет ИИ для мониторинга эффективности розничных точек. Система в реальном времени отслеживает выручку, трафик, конверсию и сравнивает с планом. Если магазин отстаёт, алгоритм предлагает причины (например, нехватка персонала) и корректирующие действия [5, с. 211]. Руководители при этом получают не просто сигнал, а готовый план, что переводит контроль KPI из режима констатации в режим управления.

Подчеркнем, что использование ИИ-технологий для персонализации управления и KPI порождает совершенно новые вопросы, прежде всего нравственные: Кто несет ответственность за неверные рекомендации для сотрудников и клиентов? Как избежать несправедливой и необъективной оценки сотрудников? Как изме-

ритель гибкость, адаптивность, качество взаимодействия сотрудника с клиентами и коллегами [3, с. 195]?

Таким образом, ИИ превращает персонализацию и контроль из административных функций в стратегические инструменты развития. Для научного сообщества это поле для исследований на стыке менеджмента, психологии и data science. Ключевой вопрос: как сохранить человеческое измерение в управлении, используя мощь алгоритмов? Ответ, по нашему мнению, определит баланс эффективности и этики в организациях будущего.

Проведенный анализ ключевых направлений использования ИИ-технологий в современном управлении организациями позволяет выделить основные проблемы широкого внедрения ИИ

Первой проблемой является высокая стоимость и инфраструктурные барьеры. Внедрение ИИ — это не только покупка лицензии. Это затраты на сбор и очистку данных, интеграцию с устаревшими системами, обучение сотрудников и поддержку инфраструктуры. Для крупного бизнеса это инвестиция, для среднего — часто неподъемное бремя. Сегодня многие российские промышленные предприятия сталкиваются с проблемой: ИИ-модель готова, но цеховое оборудование не оцифровано. Требуется параллельная модернизация «железа», что удваивает бюджет и сроки.

Вторая проблема – моральная и юридическая ответственность за управленческие ошибки. Если алгоритм ошибся (например, необоснованно отказал в кредите или допустил сбой в логистике), то кто несет ответственность: разработчик, менеджер, подписавший внедрение, или владелец данных? Мы уже отмечали, что в российском правовом поле статус ИИ как субъекта права не определен, что создает изрядные риски.

Третьей проблемой является недостаточность цифровой компетентности менеджеров. Проблема не в том, что менеджеры не умеют программировать, а в том, что они не всегда понимают принципы работы ИИ, его ограничения, риски смещения данных, интерпретацию вероятностей. Так, руководитель, не понимая логики прогнозной модели, может либо слепо доверять ей, что ведет к потере самостоятельного и критического мышления, либо отвергать полезные инсайты из-за одного неточного прогноза.

Таким образом, внедрение ИИ-технологий меняет качество современного управления. Проблемы внедрения ИИ носят не столько технологический, сколько социо-технический характер. Успех зависит от способности организации одновременно развивать инфраструктуру, пересматривать управленческие процессы и формиро-

вать культуру доверия к данным. Для научных исследований это открывает широкое поле для междисциплинарных работ: от разработки стандартов аудита алгоритмов до изучения психологии принятия решений в гибридных командах. Ключ к решению, по нашему убеждению, находится не в поиске «идеального алгоритма» управления, а в создании устойчивых систем управления с контролируемым участием ИИ-технологий.

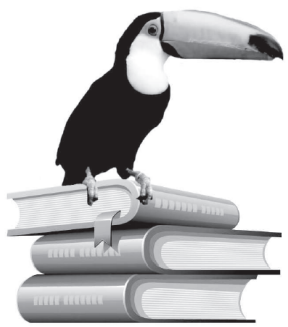
Список литературы:

- [1] Барский А. Б. Искусственный интеллект и интеллектуальные системы управления: монография. - Москва: КноРус, 2026. - 185 с.
- [2] Дейвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику: преимущества и сложности: учебник. - Москва : Сбербанк, 2019. - 250 с.
- [3] Дубровский Д. И. Может ли интеллектуальный робот обладать этическими свойствами? // Вопросы философии. - 2022. - № 9. - С. 193-197.
- [4] Информационные технологии в экономике и управлении. [В 2 ч.] Ч. 2: учебник / под ред. В. В. Трофимова. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2022. - 245 с.
- [5] Оценка бизнеса в цифровой экономике: учебник / под ред. М. А. Федотовой [и др.]. - Москва: КноРус, 2022. - 389 с.
- [6] Макарова Е. И., Черков В. А. Социально-экономические системы: цифровая трансформация: монография. - Луганск : Ноулидж, 2023. - 156 с.
- [7] Макарова О. Н., Миртыненко О. В., Полещук С. М., Шалыгина Е. В. Использование технологий ИИ в управлении организацией // Научный журнал НИУ ИТМО. – Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2025. - № 3. – С. 66 – 75.
- [8] Mr. Inamur Rahman, Dr. Md. Aamer, Ms. Renuka Hippalgaonkar. AI-Powered Business Management: The Next Generation // International Journal on Science and Technology (IJSAT). - Volume 16. - Issue 1, January-March 2025.- Pp. 1- 5.
- [9] The Role of AI in Transforming Strategic Planning Processes. -[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thestrategyinstitute.org/insights/the-role-of-ai-in-transforming-strategic-planning-processes>
- [10] Тимофеев А. Г. Статистический и интеллектуальный анализ при построении прогноза цен и финансовых показателей в моделях с использованием машинного обучения и ИИ // Экономика и предпринимательство. - 2022. - № 4. - С. 1118-1126.
- [11] Шальнева М. С., Шпильман Н. В. Внедрение технологии искусственного интеллекта в бизнес-процессы торговых корпораций // Стратегическое дело. - 2022. - № 4. - С. 54-62.

References:

- [1] Barsky A. B. Artificial Intelligence and Intelligent Control Systems: A Monograph. - Moscow: KnoRus, 2026. - 185 p.
- [2] Davenport T. Implementing Artificial Intelligence in Business Practice: Advantages and Challenges: A Textbook. - Moscow: Sberbank, 2019. - 250 p.
- [3] Dubrovsky D. I. Can an Intelligent Robot Have Ethical Properties? // Voprosy Filosofii. - 2022. - № 9. - Pp. 193-197.
- [4] Information Technologies in Economics and Management. [In 2 parts.] Part 2: Textbook / edited by V. V. Trofimov. - 3rd edition, revised and expanded. - Moscow: Yurayt, 2022. - 245 p.
- [5] Business Valuation in the Digital Economy: Textbook / edited by M. A. Fedotova [et al.]. - Moscow: KnoRus, 2022. - 389 p.
- [6] Makarova E. I., Cherkov V. A. Socio-Economic Systems: Digital Transformation: Monograph. - Lugansk: Noulidzh, 2023. - 156 p.
- [7] Makarova O. N., Myrtynenko O. V., Poleshchuk S. M., Shalygina E. V. The Use of AI Technologies in Organization Management // Scientific Journal of ITMO University. - Series «Economics and Environmental Management». - 2025. - № 3. - Pp. 66 - 75.
- [8] Mr. Inamur Rahman, Dr. Md. Aamer, Ms. Renuka Hippalgaonkar. AI-Powered Business Management: The Next Generation // International Journal on Science and Technology (IJSAT). - Volume 16. - Issue 1, January-March 2025.- Pp. 1- 5.
- [9] The Role of AI in Transforming Strategic Planning Processes. -[Electronic resource]. - Access mode:
<https://www.thestrategyinstitute.org/insights/the-role-of-ai-in-transforming-strategic-planning-processes>
- [10] Timofeev A. G. Statistical and intellectual analysis when building a forecast of prices and financial indicators in models using machine learning and AI // Economics and Entrepreneurship. - 2022. - № 4. - Pp. 1118-1126.
- [11] Shalneva M. S., Shpilman N. V. Implementation of Artificial Intelligence Technology in Business Processes of Trade Corporations // Insurance Business. - 2022. - № 4. - Pp. 54-62.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-529-533

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

СВЕТЛОВ Александр Игоревич,
старший преподаватель
кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург,
SPIN-код: 5475-3710, AuthorID: 784242
e-mail: svetlov.jur@mail.ru

СОВЕТСКОЕ ПРАВО И ОТРАСЛЕВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЭСТОНСКОЙ ССР: К АСПЕКТАМ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния советского права на законодательство Эстонской ССР. Автором рассмотрено развитие уголовного и гражданского законодательства союзной республики, а также процесс его систематизации. Показано, что частноправовые отношения ввиду их специфики, в основном, регулировались нормами республиканского законодателя. При этом, административное и уголовное законодательство базировалось на правовых традициях советского государства. Автором отмечается высокий уровень правотворческой и правоприменительной деятельности эстонских республиканских органов. Сделан вывод о том, что сохраняется неоспоримая ценность местных правовых обычаев и традиций Эстонии. В контексте вступления Эстонской Республики в Европейский Союз на эстонское право влияют нормы европейского права, особенно в вопросах гражданского торгового и корпоративного права.

Ключевые слова: Эстонская ССР, советское право, советское законодательство, систематизация законодательства, эффективность правоприменения, правовые традиции Эстонии.

SVETLOV Aleksandr Igorevich,
Senior Lecturer
of the Department of General Theoretical Legal Disciplines
of the North-Western Branch of the Russian State
University of Justice after V.M. Lebedev, Saint Petersburg

SOVIET LAW AND SECTORAL LEGISLATION OF THE ESTONIAN SSR: ON ASPECTS OF THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION

Annotation. This article examines the influence of Soviet law on the legislation of the Estonian SSR. The author examines the development of criminal and civil legislation in the Union Republic, as well as the process of its systematization. It demonstrates that, due to their specific nature, private law relations were primarily regulated by the norms of the republic's legislature. Meanwhile, administrative and criminal legislation was based on the legal traditions of the Soviet state. The author notes the high level of lawmaking and law enforcement activities of the Estonian republican bodies. It is concluded that the undeniable value of local legal customs and traditions in Estonia remains. In the context of the Republic of Estonia's accession to the European Union, Estonian law is influenced by European law, particularly in matters of civil, commercial, and corporate law.

Key words: Estonian SSR, Soviet law, Soviet legislation, systematization of legislation, effectiveness of law enforcement, legal traditions of Estonia.

На эстонское право в период 1940-1991 гг., несомненно, ввиду исторического прошлого оказала влияние советское законодательство.

В образованной Эстонской ССР до принятия собственных было разрешено применение следующих кодексов РСФСР: уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального, кодекса законов о труде и кодекса законов о браке, семье и опеке. Применение кодексов одной республики в другой было возможным в связи с тем, что все кодексы строились на принципиально единой основе.

Все законодательные акты Союза ССР и Эстонской ССР публиковались на русском и эстонском языках. Официальным источником опубликования республиканских законодательных актов в Эстонской ССР был «Государственный Вестник» (Riigi Teataja – эст.), который сохраняет свое основополагающее значение и по сегодняшний день.

В послевоенные годы в СССР систематизация законодательства была существенно затруднена. К 1955 г. количество союзных актов (как законодательных, так и правительственных) превысило 400 тысяч, что вызывало значительные сложности в правоприменении. На территории республик и всего Союза ССР получило распространение так называемое «указное» право. Правотворческая деятельность осуществлялась по преимуществу в форме указов Президиума Верховного Совета и нормативных правовых актов Совета министров. В Эстонской ССР соответственно издавалось большое количество республиканских законодательных и правительственных актов, регулирующих различные правоотношения. Например, Постановления Совета министров Эстонской ССР о типовых уставах организаций, типовых договорах, Постановление Совета министров Эстонской ССР от 5 июня 1962 г. «О товарных знаках». Для преодоления трудностей правоприменения в Советском Союзе и союзных республиках началась работа по упорядочению законодательных актов.

Так, в Эстонской ССР в 1960 году было упразднено Министерство юстиции [21] и создана юридическая комиссия при Совете Министров, основной задачей которой была работа по систематизации действующего законодательства [20]. На Верховный суд Эстонской ССР было возложено руководство народными судами и осуществление контроля за всей их деятельностью, а также руководство государственными нотариальными конторами.

Важным этапом работы по систематизации законодательства было создание отраслевых Основ законодательства Союза ССР и союзных

республик. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик выступали как «общесоюзный закон, содержащий основополагающие положения конкретной отрасли (подотрасли) законодательства в сфере совместного союзно-республиканского ведения, на базе и в соответствии с которым издаются все иные отраслевые общесоюзные и республиканские законодательные и подзаконные акты» [17, с. 149]. Они рассматривались как особая форма систематизации права и содержали «принципиальные положения, являющиеся директивами по составлению республиканских кодексов» [1, с. 11].

Определяя компетенцию союзных республик в области гражданского законодательства, Основы установили, что в Гражданском Кодексе Эстонской ССР регулируются «отношения, как предусмотренные Основами, так и не предусмотренные ими» (ч. 1 ст. 3). После инкорпорации в СССР на территории балтийских государств последовало всеобщее распространение советского права, в результате чего был отменен основанный на принципе признания частной собственности *Balti eraseadus* (Балтийский частный закон, действовавший в Эстонии до 1940 г.).

При этом, стоит обратить историко-правовое внимание на одно очень важное достижение эстонской цивилистики. В 1936 году была закончена работа по созданию Гражданского кодекса, который планировали принять в 1940 году. Проект национального Гражданского кодекса готовился под руководством эстонского профессора Ю. Улуотса. Новая кодификация, построенная на пандектной системе, позволила заменить частноправовой партикуляризм единой системой. К слову, ввиду правопреимства в современной Эстонской Республике такая система сохраняется. Принятию кодекса помешало установление советской власти на территории республики. В связи с этим, роль местных правовых традиций стала преломляться сквозь призму советского права.

Гражданский Кодекс Эстонской ССР и Гражданский Процессуальный Кодекс Эстонской ССР были введены в действие 1 января 1965 г. [16]. Гражданский Кодекс Эстонской ССР содержит целый ряд отношений, не урегулированных Основами, например, право общей совместной собственности единоличного крестьянского двора, договоры мены, дарения, займа и т.д. Кроме того, к компетенции республики относились некоторые виды договоров [5].

Гражданский кодекс Эстонской ССР предусматривает в рамках компетенции республики регуляцию ряда отношений, которые предусматривались Основами. В первую очередь, это относится к праву личной собственности, догово-

рам купли-продажи и другим частноправовым институтам. Гражданский Кодекс Эстонской ССР учитывал национальные, культурные, бытовые и прочие особенности республики.

Практически одновременно с Основами гражданского законодательства Союза ССР и Гражданским процессуальным кодексом республик принимаются Основы уголовного законодательства и судопроизводства и соответствующие кодексы республик. Так, Основы уголовного законодательства и судопроизводства Союза ССР и союзных республик утверждены в декабре 1958 года, а с 1 апреля 1961 г. вводятся в действие Уголовный Кодекс Эстонской ССР и Уголовно-процессуальный Кодекс Эстонской ССР [15].

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик впервые закрепили возможность участия представителей общественности в уголовном процессе, определили права обвиняемого, а также значительно расширили процессуальное положение защитника (адвоката). Кроме того, советское уголовное законодательство предусматривало смягчение уголовной ответственности за малозначительные преступления. Отныне были декриминализованы некоторые правонарушения, которые ранее считались преступлениями (нарушения правил торговли, прогул, порубка леса в некрупных размерах и др.). В целом, в эстонском республиканском законодательстве отмечались тенденции к гуманизации юридической ответственности.

Основы уголовного судопроизводства определили разграничение общесоюзной и республиканской компетенции в области уголовного законодательства («уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик состоит из настоящих Основ, определяющих принципы и устанавливающих общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, общесоюзных законов, предусматривающих ответственность за отдельные преступления, и уголовных кодексов союзных республик»). Верховный Совет СССР на второй сессии 25 декабря 1958 г. принял законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления [2]. Этими и другими актами устанавливались конкретные взаимоотношения в области уголовного законодательства между Союзом ССР и каждой союзной республикой в отдельности с учетом специфических условий развития законодательной деятельности в данной союзной республике.

В ст.1 Закона «Об утверждении Уголовного кодекса Эстонской ССР», указывалось: «освободить от всех видов наказания (основных и дополнительных) лиц, осужденных до 1 апреля 1961 г. по уголовным законам, действовавшим на терри-

тории Эстонской ССР, за деяния, которые, согласно УК Эстонской ССР от 06.01.1961 г., не признаются преступлениями, привести в соответствие с УК Эстонской ССР меры наказания лицам, осужденным по уголовным законам, действовавшим на территории Эстонской ССР до 1 апреля 1961 г. и не отбывшим наказание, в тех случаях, когда назначенное этим лицам наказание является более строгим, чем предусмотренное соответствующей статьей УК Эстонской ССР» [22].

Последовательность законодательных мер, предпринимаемых Союзом ССР в целях практического осуществления решения о расширении прав союзных республик в области уголовного законодательства, заключалась в том, что первоначально принимаемыми общесоюзными законодательными актами, общими и едиными для всех союзных республик, решались все вопросы, в постановке которых союзным республикам нет необходимости проявлять специальную инициативу. Решение Союзом ССР всех других вопросов, возникающих при данном перераспределении законодательной компетенции между Союзом и республиками, требовать проявления инициативы в постановке их со стороны союзных республик в связи с принятием и введением в действие нового уголовного кодекса союзной республики.

В 60-х-70-х годах принимаются и другие Основы законодательств Союза ССР и союзных республик по отдельным отраслям законодательства. Основы земельного законодательства [12], Основы водного законодательства [11], Основы законодательства о недрах [10], Основы законодательства о труде [13], Основы законодательства о браке и семье [14] и др.

Важную роль в систематизации законодательства в сфере административного права сыграл принятый в 1961 г. Указ Президиума ВС СССР «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» и соответствующий Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 07 февраля 1962 г. [3]. Только 23 октября 1980 г. Верховный Совет СССР принял первый советский кодифицированный акт в области административной ответственности - Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях [18]. Основы явились первым в истории советского государства общесоюзным кодифицированным актом, регулирующим все основные вопросы борьбы с административными правонарушениями. К концу 1970-х годов была завершена работа по кодификации основных отраслей права.

В 1978 году Постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 5 апреля 1978 г. № 143

образуется межведомственная комиссия Эстонской ССР по терминологии законодательных актов [4], основными задачами которой являются: 1) взятие на учет и разработка юридических и общественно-политических терминов, используемых в законодательстве Эстонской ССР.

Стоит отметить, что после восстановления независимости Эстонской Республики в 1991 г. часть правовых актов советского периода продолжала действовать ввиду постепенного становления национальной правовой системы и неспособности законодателя быстро создать новую нормативную базу. Например, Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики был принят 6 июня 2001 г. До этого момента действовали нормы Уголовного кодекса Эстонской ССР 1961 г., в который были внесены значительные изменения в 1992 году. Вместе с тем, частное право получило толчок к развитию в первые годы республики ввиду активной национализации собственности советского периода. На первом этапе был принят закон о вещном праве (эст. *Asjaõigusseadus*), затем законы о семье [6], об общей части Гражданского кодекса [7], о наследовании [8]. Обязательства по-прежнему регулировались III разделом Гражданского Кодекса Эстонской ССР, существенно дополненным и переработанным в 1994 году. Таким образом, Эстония стала первой республикой в СССР, начавшей радикальные государственно-правовые реформы. В течение более чем 20 лет эстонская правовая система быстро трансформируется от советской к классическому романо-германскому праву. При этом стоит отметить, что дальнейшее влияние на эстонское законодательство оказывает влияние права Европейского Союза, что, несомненно, положительно сказывается на эффективности правового регулирования и правоприменения.

Список литературы:

- [1] Братусь С.Н. О соотношении Основ гражданского законодательства Союза ССР и гражданских кодексов союзных республик // Советская юстиция. 1957. № 3. С. 9-12.
- [2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. N 1. Ст. 8, Ст.10.
- [3] Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР 1962. №6. Ст.13.
- [4] Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР 1978, №15, ст.184
- [5] Гражданский Кодекс Эстонской ССР. Хронологическое собрание законодательных актов Эстонской ССР. 1964. Том.2. Таллин, 1966.
- [6] Закон Эстонской Республики о семье // RT I 1994, 75, 1326.
- [7] Закон Эстонской Республики об общей части Гражданского Кодекса // RT I 1994, 53, 889.

[8] Закон Эстонской Республики о наследовании // RT I 1996, 38, 752.

[9] Закон СССР от 09.07.1975. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. №29. Ст.435.

[10] Закон СССР от 10.12.1970. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. №50. Ст.566.

[11] Закон СССР от 13.12.1968. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. №51. Ст.485.

[12] Закон СССР от 15.07.1970. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. N 29. Ст. 265.

[13] Закон СССР от 27.06.1968. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. N 27. Ст. 241.

[14] Закон Эстонской ССР от 06 января 1961 года «Об утверждении Уголовного кодекса Эстонской ССР», Закон Эстонской ССР от 06 января 1961 года «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР» // Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР. 1961. №1. Ст.3, Ст.4.

[15] Закон Эстонской ССР от 12 июня 1964 года «Об утверждении Гражданского Кодекса Эстонской ССР», Закон Эстонской ССР от 12 июня 1964 года «Об утверждении Гражданско-процессуального кодекса Эстонской ССР» // Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР 1964 г. №25. Ст.115, Ст.116.

[16] Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. 152 с.

[17] Постановление Верховного Совета СССР от 23.10.1980. // Ведомости Верховного Совета СССР.1980. N 44. Ст. 909.

[18] Сборник Законов СССР. 1936. № 40 с.338.

References:

- [1] Bratus, S.N. On the Relationship between the Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and the Civil Codes of the Union Republics // Soviet Justice. 1957. No. 3. pp. 9-12.
- [2] Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1958. No. 1. Art. 8, Art. 10.
- [3] Gazette of the Supreme Soviet of the Estonian SSR, 1962. No. 6. Art. 13.
- [4] Gazette of the Supreme Soviet of the Estonian SSR, 1978, No. 15, Art. 184
- [5] Civil Code of the Estonian SSR. Chronological Collection of Legislative Acts of the Estonian SSR. 1964. Vol. 2. Tallinn, 1966.
- [6] Family Law of the Republic of Estonia // RT I 1994, 75, 1326.
- [7] Law of the Republic of Estonia on the General Part of the Civil Code // RT I 1994, 53, 889.
- [8] Law of the Republic of Estonia on Inheritance // RT I 1996, 38, 752.
- [9] Law of the USSR of 09.07.1975. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1975. No. 29. Art. 435.

[10] Law of the USSR of 10.12.1970. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1970. No. 50. Art. 566.

[11] Law of the USSR of 13.12.1968. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1968. No. 51. Art. 485.

[12] Law of the USSR of July 15, 1970. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1970. No. 29. Art. 265.

[13] Law of the USSR of June 27, 1968. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1968. No. 27. Art. 241.

[14] Law of the Estonian SSR of January 6, 1961 "On Approval of the Criminal Code of the Estonian SSR", Law of the Estonian SSR of January 6, 1961 "On Approval of the Criminal Procedure Code

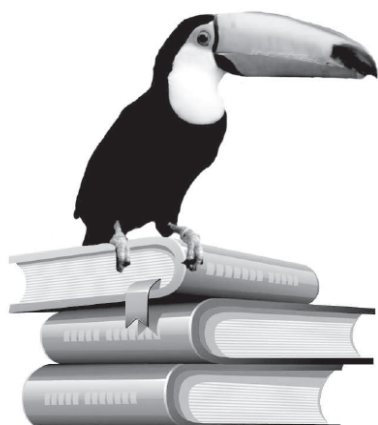
of the Estonian SSR" // Bulletin of the Supreme Soviet of the Estonian SSR. 1961. No. 1. Art. 3, Art. 4.

[15] Law of the Estonian SSR of June 12, 1964 "On Approval of the Civil Code of the Estonian SSR", Law of the Estonian SSR of June 12, 1964 "On Approval of the Civil Procedure Code of the Estonian SSR" // Bulletin of the Supreme Soviet of the Estonian SSR, 1964, No. 25. Art. 115, Art. 116.

[16] Polenina S. V., Silchenko N. V. Scientific Foundations of the Typology of Normative Legal Acts in the USSR. 152 p.

[17] Resolution of the Supreme Soviet of the USSR of October 23, 1980. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1980. No. 44. Art. 909.

[18] Collection of Laws of the USSR. 1936. No. 40, p. 338

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МЕТШИН Ильсур Раисович,
глава администрации города Казани,
кандидат юридических наук,
e-mail: gorduma@kazan.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ ГОСУДАРСТВА И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье на примере Российской империи раскрыта взаимосвязь между развитием системы управления на всех уровнях и обеспечением устойчивости государства. Показано, что способность государства успешно противостоять внутренним и внешним угрозам в немалой степени зависит от эффективности осуществления управления. Дана характеристика политике Российской империи по совершенствованию системы управления в XIX веке. Выявлены факторы, повлиявшие на недостаточную эффективность управления в дореволюционный период. Сделан вывод, что недостаточная устойчивость государства, связанная с несовершенством системы управления, привела к его гибели в 1917 году.

Ключевые слова: устойчивость государства; система управления; эффективность управления; губернское управление; Российская империя.

METSHIN Ilсур Raisovich,
Head of the Kazan City Administration,
PhD in Law

THE SUSTAINABILITY OF THE STATE AND THE MANAGEMENT SYSTEM: THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. Using the example of the Russian Empire, the article reveals the relationship between the development of the management system at all levels and ensuring the sustainability of the state. It is shown that the ability of the state to successfully counter internal and external threats depend to a large extent on the effectiveness of management. The article describes the policy of the Russian Empire to improve the management system in the nineteenth century. The factors that influenced the lack of management efficiency in the pre-revolutionary period have been identified. It is concluded that the insufficient stability of the state, due to the imperfection of the management system, led to its demise in 1917.

Key words: stability of the state; management system; management efficiency; provincial administration; Russian Empire.

В условиях глобальных трансформаций современного мироустройства меняется конфигурация политической карты, создаются новые государства и прекращают свое существование старые; ряду государств, не обладающих необходимым запасом внутренней прочности, грозит распад. В такой ситуации важное значение приобретает укрепление устойчивости государств с опорой на имеющийся исторический опыт и современные научные оценки. Российское государство, как показали события последнего времени, обладает достаточно высокими характеристиками устойчивости, при этом количество внешних вызовов заставляет задуматься о дальнейшем качественном повышении соответствующих параметров. Исторический опыт Российской империи, которая пережила множество войн,

эпидемий, голода, нуждается в доктринальном осмыслении и творческой адаптации к современной государственной политике по укреплению единства страны.

Отечественные ученые уже обращали внимание на понятие устойчивости государства, трактуя его преимущественно с теоретико-правовых позиций. По мнению А. И. Николаева, понимание устойчивости возможно только в рамках сравнения с парной категорией неустойчивости. Исследователь пишет, что «неустойчивое государство не способно эффективно противостоять возможным внутренним деструктивным тенденциям или внешним воздействиям» [3, с. 16]. Продолжая эту мысль, отметим, что устойчивым можно считать такое государство, которое способно противостоять внутренним и внешним

вызовам, не теряя своего суверенитета и иных жизненно важных параметров. Н. Ю. Чаплин справедливо отмечает, что вопросы устойчивости государства рассматривались еще классиками древнегреческой политико-правовой мысли Платоном и Аристотелем, но единого подхода к пониманию данного термина выработано не было [5, с. 74]. По его мнению, при исследовании устойчивости необходимо «отталкиваться» от ее субъекта и опираться на аксиологические аспекты его восприятия реальности [6, с. 111-112]. Исследователь отмечает, что «в приложении к теме устойчивости государства можно выделить четыре уровня: 1) устойчивость руководителя государства или правящей элиты; 2) устойчивость политического режима (типа политической системы, способа принятия решений); 3) устойчивость страны-государства; 4) устойчивость макросоциальной общности» [6, с. 115].

Признавая возможность такого подхода, предлагаем синтезировать указанные уровни, так как устойчивость государства – это комплексное понятие, которое требует соответствующего комплексного подхода при изучении. С юридических позиций предлагается выделить микроуровень и макроуровень устойчивости, что позволит обозначить взаимозависимость центральной и региональной властей при поиске ответа на внешние и внутренние вызовы, способные нарушить устойчивость государства. При таком подходе одним из ключевых понятий, которые можно рассматривать и как фактор обеспечения устойчивости государства, будет государственное управление. Оно осуществляется как на центральном, так и на местном уровне, соединяя их в единую парадигму государственной деятельности. От него в конечном итоге зависит действие иных факторов, влияющих на устойчивость государства. В связи с этим, исследование вопросов государственной устойчивости Российской империи логично осуществлять именно через призму государственного управления.

Становление и развитие эффективной системы управления в Российской империи предлагается рассматривать в качестве одного из важных факторов устойчивости государства еще и потому, что оно было направлено на преодоление возможных выступлений против власти, как сепаратистского характера (на национальных окраинах), так и характера революционного (ориентация на свержение законной власти). По поводу национального сепаратизма отметим, что в XIX веке он был силен, прежде всего, в Польше (достаточно вспомнить, например, восстание 1830 г., после подавления которого Царство Польское лишилось собственной конституции), а также на Кавказе, где десятилетиями велись военные действия горцев против новых властей.

Что касается действий по свержению власти, то они пережили несколько этапов: сначала это были крестьянские восстания и даже войны, сочетавшиеся с появлением самозванцев и приобретавшие немалый размах, затем – дворцовые перевороты, часть из которых увенчалась успехом, а потом – революционное движение (народовольцы, эсэры, социал-демократы и др.). В итоге государственное управление, помимо собственно управленческих задач, связанных с освоением территорий и поддержанием порядка, выполнением важных государственных функций, было вынуждено решать еще и эту задачу – оказывать противодействие всем деструктивным по отношению к государству и его устойчивости движениям. В конечном итоге эта задача оказалась в полной мере не решенной, о чем свидетельствуют революции начала XX века, в конечном итоге завершившиеся разрушением государства и сменой формы правления [7, с. 7].

Специфика организации государственного управления в Российской империи связана с имперским характером государственности, в силу которого территория страны постоянно расширялась, в нее включались отдаленные малонаселенные районы, а так и районы с достаточно высокой плотностью населения. Решение задачи обеспечения устойчивости в этих условиях требовало постоянного совершенствования управленческой системы, а также ее расширения на новые территории. Идеалом могла бы стать полная унификация системы управления по всей стране, предполагавшая выстраивание такой властной вертикали, при которой решения центра быстро и неукоснительно претворялись бы в жизнь чиновниками на местах. Для решения данной задачи требовалось, прежде всего, выполнить несколько обязательных условий, подразумевавших повышение эффективности управленческой деятельности на всех уровнях. Во-первых, необходима была такая организация центральной власти, которая за счет выдвижения эффективных сановников помогала бы быстро принимать оптимальные решения. Во-вторых, необходимо было выстраивание местного аппарата, свободного, насколько это возможно, от коррупции, способного в самых разных регионах быстро и полноценно претворять в жизнь решения высших властей. В-третьих, требовалась система коммуникации между центральным и местным уровнями, чтобы своевременно доносить решения центральной власти до отдаленных регионов и получать адекватную обратную связь от объектов управленческого воздействия. При выполнении всех трех условий такая система управления могла бы обеспечить устойчивость государства и его единство. Но ее построение сталкивалось с постоянными и непреодолимыми сложностями.

На верхнем уровне существовавшая сословная система в условиях абсолютной монархии не способствовала появлению социальных лифтов и рекрутированию талантливых управленцев из нижних слоев общества. Отдельные исключения, в числе которых можно назвать М. М. Сперанского, не могли повлиять на общую картину. Большая часть высших сановников по своим качествам была не способна осуществлять эффективное управление страной, что осложнялось еще и присущим абсолютной монархии фаворитизмом. На местном уровне ощущалась катастрофическая нехватка квалифицированных чиновничьих кадров, которые могли бы служить не из корыстных побуждений, а ради великих целей качественно выполнять повседневную, рутинную работу. Задачу укрепления местного управленческого аппарата пытался решить император Николай I. Крупнейший исследователь преобразований местной власти в этот период О. В. Морякова отмечает характерное для этого периода усиление единоличной губернаторской власти, превращение губернских правлений в личные канцелярии губернатора [2, с. 88]. Изучение личностных качеств губернаторов этого периода показало, что большинство из них не соответствовало идеалам эффективных управленцев, губернаторы в основном массе не обладали необходимыми компетенциями. Что касается самих чиновников – представителей местного управления, то значительная часть из них была малограмотной, служба для них представлялась рутинным средством обеспечить свое существование, взяточничество и нарушение законов были скорее типичным явлением, нежели явным преступлением в их глазах. Главной фигурой провинциальной жизни в это время становится чиновник, но он не сделал систему управления более эффективной, повысился только уровень его бюрократизации.

В то же время, представляется неверным рисовать николаевское правление только черными красками, делая акцент на бюрократии и засилье цензуры, палочной дисциплине. В это время имели и немалые достижения, в том числе, в сфере культуры, что косвенно также могло повлиять на устойчивость государства. Николаем I были проведены важные мероприятия, непосредственно направленные на повышение устойчивости государства и его единство. К числу стоит отнести, прежде всего, финансовую реформу Е.Ф. Канкрин, когда введение серебряного монометаллизма объективно способствовало развитию экономики как важного фактора устойчивости государства. Кроме того, именно в это правление была реализована систематизация законодательства, составлены и опубликованы Полное собрание законов Российской империи и

Свод законов Российской империи, что позволило упорядочить законодательные нормы, отделить действующие акты от утративших силу. Систематизация объективно способствовала формированию единого правового пространства как важного для государственной устойчивости фактора. Именно в этот период осуществлялось завоевание Кавказа, что способствовало увеличению государственной территории, сокращению набегов горцев на русские селения. Николаевское правление – взлет в развитии архитектуры и русской классической литературы, в связи с чем стоит согласиться, что «развитие культуры выступает важной характеристикой государственного развития, показывает успехи внутренней и внешней политики, так как в провальное, неудачное для страны время на культурные взлеты у общества не остается сил» [4, с. 83].

Вторая половина XIX века связана с масштабными преобразованиями почти всех сторон государственной и общественной жизни, которые получили название «великих реформ». Если брать основную цель данных реформ, направленных на то, чтобы привести страну в качественно новое состояние, то этой целью являлось повышение устойчивости государства за счет совершенствования управления и самоуправления. Главное преобразование – отмена крепостного права – определило весь ход модернизации системы управления. Прежде всего, было введено земское и городское самоуправление, что позволило приобщить более широкие слои населения к решению местных вопросов, в основном, хозяйственного значения. Эти преобразования и современники, и более поздние исследователи оценивали неоднозначно, но их влияние на управленческую систему государства представляется несомненным. В то же время есть основания полагать, что российское общество не было в тот момент готово к столь радикальным изменениям, что и привело к росту революционного террора, убийству реформатора Александра II и последующим «контрреформам» Александра III. Можно предположить, что важным обстоятельством, повлиявшим на успех реформ в системе местного управления и самоуправления, могло бы стать формирование гражданского общества [1]. Именно институты гражданского общества могли бы стать опорой государства при передаче некоторых функций на местный уровень, но в Российской империи они оказались не сформированы.

Также нельзя не отметить важное значение судебной реформы 1864 г., самой радикальной из всех реформ Александра II. Она была направлена на создание суда, основанного на совершенно новых для сословного общества принципах, а также на постепенное, по мере территориального распространения действия судебных уставов,

формирование единого правового пространства, которое выше уже было названо в качестве фактора повышения устойчивости государства. Если бы судебная реформа в полной мере удалась, это позитивно сказалось бы на всей системе управления, на укреплении законности и правопорядка, на искоренении коррупции среди чиновников. Но задуманные реформаторами планы не были в полной мере реализованы, как по объективным, так и по субъективным причинам. Одной из таких причин стало отсутствие квалифицированных юридических кадров для судебной системы, недостаток широкой подготовки юристов в высших учебных заведениях страны.

Таким образом, период Российской империи связан с проведением целенаправленной политики по совершенствованию системы управления на всех уровнях. Ее недостатки осознавались представителями правящих кругов, высокий уровень бюрократизации и коррупции не был секретом и в то время. Но создание новой, более эффективной системы управления, необходимой для укрепления устойчивости государства, его способности противостоять внешним угрозам и внутренним вызовам, сталкивалось со сложностями объективного характера. Быстро унифицировать систему управления, распространив ее на всю огромную территорию империи, не представлялось возможным, этому, в числе прочего, мешали расстояния, сложно преодолимые в условиях отсутствия путей сообщения (хотя было начато строительство железных дорог), а также разнообразие привычных населению обычаев и традиций. Основная масса населения Центральной России – крестьянство – управлялась посредством общины, которую правительство старалось сохранять вплоть до Столыпинских реформ начала XX века. В итоге недостаточная устойчивость государства, связанная с несовершенством системы управления, привела к его гибели в 1917 году.

Список литературы:

- [1] Грудцына Л.Ю. Демократия и гражданское общество в России: как это было // Российский научный вестник. 2021. № 3. С. 1-20.
[2] Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 268 с.

[3] Николаев А. И. Устойчивость современного государства: теоретико-правовые аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2022. № 4. С. 16-18.

[4] Пашенцев Д.А. Восстание декабристов: к вопросу о современных историко-правовых оценках // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2025. № 4. С. 78-84.

[5] Чаплин Н.Ю. Обоснование устойчивости государства в политико-правовых концепциях античных философов // Право и глобальный социум. 2016. № 4. С. 74-79.

[6] Чаплин Н.Ю. О соотношении понятий «устойчивость», «стабильность», «безопасность» в контексте исследования устойчивости государства // Вестник Международного юридического института. 2017. № 1. С. 108-116.

[7] Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 5-13.

References:

[1] Grudtsyna L.Y. Democracy and civil society in Russia: how it was // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 3. pp. 1-20.

[2] Moryakova O. V. The system of local government of Russia under Nicholas I. – Moscow: Publishing House of Moscow. University, 1998. – 268 p.

[3] Nikolaev A. I. Stability of the modern state: theoretical and legal aspects // “Black holes” in Russian legislation. 2022. No. 4. pp. 16-18.

[4] Pashentsev D.A. The Decembrist Uprising: on the issue of modern historical and legal assessments // Historical and legal problems: a new perspective. 2025. No. 4. pp. 78-84.

[5] Chaplin N.Yu. Substantiation of the stability of the state in the political and legal concepts of ancient philosophers // Law and Global Society. 2016. No. 4. pp. 74-79.

[6] Chaplin N.Yu. On the relationship between the concepts of “sustainability”, “stability”, “security” in the context of the study of the sustainability of the state // Bulletin of the International Law Institute. 2017. No. 1. pp. 108-116.

[7] Chernogor N.N., Pashentsev D.A. The October Revolution and the evolution of Russian law // Journal of Russian Law. 2017. No. 10. pp. 5-13.

ИМИЕВА Лейла Мурадовна,
Магистрант юридического института
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лулумбы»,
e-mail: leyla.imieva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ АРАБСКОГО МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и функционирования института конституционного контроля в странах арабского мира. Анализируются ключевые проблемы, связанные с политической зависимостью судебных органов, ограниченной эффективностью механизмов защиты конституционных прав и слабостью правовых институтов. Особое внимание уделяется влиянию исторических, культурных и религиозных факторов на развитие конституционного правосудия. В работе также выделяются перспективы совершенствования института конституционного контроля, включая укрепление независимости судебной власти, развитие конституционной культуры и расширение доступа граждан к механизмам защиты прав. Делается вывод о необходимости комплексных реформ для повышения эффективности конституционного контроля в регионе.

Ключевые слова: конституционный контроль, арабские страны, конституционное правосудие, судебная власть, права человека, правовое государство, независимость судов, реформы.

IMIEVA Leyla Muradovna,
Master's Student of the Law Institute
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL REVIEW IN ARAB COUNTRIES

Annotation. This article examines the formation and functioning of the institution of constitutional review in Arab countries. It analyzes key challenges, including political dependence of judicial bodies, limited effectiveness of constitutional rights protection mechanisms, and the weakness of legal institutions. Particular attention is paid to the influence of historical, cultural, and religious factors on the development of constitutional justice. The paper also outlines prospects for improving constitutional review, such as strengthening judicial independence, developing constitutional culture, and expanding citizens' access to rights protection mechanisms. It concludes that comprehensive reforms are necessary to enhance the effectiveness of constitutional review in the region.

Key words: constitutional review, Arab countries, constitutional justice, judiciary, human rights, rule of law, judicial independence, reforms.

Институт конституционного контроля занимает ключевое место в системе обеспечения верховенства конституции и защиты прав и свобод человека и гражданина. Его значение особенно возрастает в условиях трансформации политико-правовых систем, характерных для многих государств современного мира. В странах арабского региона становление и развитие конституционного контроля происходит в специфических условиях, обусловленных исто-

рическими, культурными, религиозными и политическими особенностями.

Арабский мир представляет собой неоднородное пространство, включающее государства с различными формами правления, уровнями правового развития и степенью демократизации. В одних странах функционируют специализированные органы конституционного контроля (например, конституционные суды или советы), в других — соответствующие полномочия возло-

жены на высшие судебные инстанции. При этом эффективность их деятельности нередко ограничивается рядом факторов, включая зависимость от исполнительной власти, политическую нестабильность, а также недостаточный уровень развития правовой культуры.

Особое влияние на формирование института конституционного контроля в странах арабского мира оказывает сочетание светских и религиозных начал в праве. В ряде государств нормы исламского права (шариата) закреплены в качестве одного из основных источников законодательства, что создает дополнительные сложности при толковании и применении конституционных норм. Это обуславливает необходимость поиска баланса между традиционными ценностями и современными принципами конституционализма.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия в арабских странах наблюдаются процессы политических реформ и модернизации правовых систем, сопровождающиеся попытками укрепления механизмов конституционного контроля. Однако данные процессы носят противоречивый характер и сталкиваются с рядом серьезных проблем, требующих научного осмысления и практического решения.

Целью данной статьи является анализ основных проблем функционирования института конституционного контроля в странах арабского мира, а также определение перспектив его дальнейшего развития. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть существующие модели конституционного контроля в регионе, выявить ключевые препятствия их эффективного функционирования и определить возможные направления реформирования.

Институт конституционного контроля в странах арабского мира формировался под влиянием как западных правовых моделей, так и национальных правовых традиций[4]. Во многих государствах региона были заимствованы элементы европейской (преимущественно французской) модели конституционного правосудия, что выразилось в создании специализированных органов — конституционных судов или конституционных советов. Однако специфика политических режимов и правовых систем обусловила особый характер их функционирования.

На современном этапе в арабских странах можно выделить несколько моделей конституционного контроля. В одних государствах, таких как Египет, Марокко и Алжир, действуют специализированные органы конституционного контроля, обладающие полномочиями по проверке законов на соответствие конституции.[6] В других странах, например в Иордании и Кувейте, данные функции могут осуществляться как специализи-

рованными органами, так и высшими судебными инстанциями. При этом в ряде государств Персидского залива конституционный контроль либо носит ограниченный характер, либо фактически отсутствует.

Одной из ключевых проблем развития института конституционного контроля в арабском мире является недостаточная независимость судебной власти. Во многих странах судьи назначаются исполнительной властью или главой государства, что снижает уровень их институциональной автономии. В результате органы конституционного контроля нередко оказываются подвержены политическому влиянию, что ограничивает их способность эффективно выполнять функцию защиты конституции.

Серьезным препятствием также выступает ограниченный доступ граждан к механизмам конституционного контроля[3]. В ряде стран право обращения в конституционные органы предоставлено лишь узкому кругу субъектов, таким как глава государства, правительство или парламент. Это существенно снижает уровень защиты прав и свобод человека, поскольку граждане лишены возможности напрямую оспаривать неконституционные нормы.

Дополнительную сложность представляет взаимодействие конституционного права с нормами исламского права. Во многих арабских странах шариат закреплён в качестве одного из источников законодательства или даже провозглашен его основой. Это порождает правовые коллизии и усложняет деятельность органов конституционного контроля, которым приходится учитывать религиозные нормы при оценке конституционности законов. В некоторых случаях это приводит к ограничению применения универсальных стандартов прав человека.

Политическая нестабильность, характерная для ряда государств региона, также негативно влияет на развитие конституционного контроля. Смена режимов, конфликты и кризисы зачастую сопровождаются приостановлением действия конституций или ограничением полномочий судебных органов. Это препятствует формированию устойчивой и эффективной системы конституционного правосудия.

Вместе с тем в последние годы в странах арабского мира наблюдаются определенные позитивные тенденции. В ряде государств принимаются шаги по реформированию судебной системы, расширению полномочий органов конституционного контроля и повышению их независимости[1]. Например, усиливается роль конституционных судов в защите прав и свобод граждан, развивается практика судебного толкования конституционных норм.

Перспективы развития института конституционного контроля в арабском мире во многом связаны с проведением комплексных правовых и институциональных реформ. Важнейшими направлениями являются укрепление принципа независимости судебной власти, расширение круга субъектов, имеющих право обращения в органы конституционного контроля, а также повышение уровня правовой культуры общества.

Кроме того, значительную роль может сыграть развитие международного сотрудничества и заимствование положительного опыта других стран. Адаптация успешных моделей конституционного правосудия с учетом национальных особенностей позволит повысить эффективность функционирования данного института.

Следует отметить, что важным фактором, влияющим на развитие института конституционного контроля в странах арабского мира, является уровень институционального доверия к судебной системе. В условиях, когда население не воспринимает суд как независимый и эффективный механизм защиты своих прав, даже формально существующие процедуры конституционного контроля оказываются мало востребованными. Это подчеркивает необходимость не только правовых реформ, но и формирования доверия общества к судебным органам.

Особое значение приобретает и проблема исполнения решений органов конституционного контроля. В ряде арабских государств даже принятые судебные акты могут игнорироваться или исполняться частично, что существенно снижает их практическую значимость. Отсутствие действенных механизмов принуждения к исполнению решений подрывает авторитет судебной власти и ставит под сомнение эффективность всего института конституционного правосудия.

Кроме того, следует учитывать влияние внешнеполитических факторов и международных стандартов[2]. В условиях глобализации арабские государства все чаще сталкиваются с необходимостью учитывать международные обязательства в сфере прав человека. Это способствует постепенной гармонизации национальных правовых систем с общепризнанными принципами и нормами международного права, в том числе в сфере конституционного контроля.

Нельзя не отметить и роль правового образования и профессиональной подготовки судей. Повышение квалификации специалистов в области конституционного права, развитие научных исследований и обмен опытом с зарубежными правовыми системами способны существенно повысить качество принимаемых решений и укрепить институциональную основу конституционного контроля.

Дальнейшее развитие института конституционного контроля в странах арабского мира

требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, укрепление независимости судебной власти, повышение уровня правосознания общества и обеспечение реального исполнения судебных решений. Только при сочетании этих условий возможно формирование эффективного механизма защиты конституции и прав человека в регионе.

Проведённый анализ показал, что институт конституционного контроля в странах арабского мира находится на стадии формирования и развития, характеризуясь значительной неоднородностью и противоречивостью. Несмотря на наличие формально закреплённых механизмов проверки конституционности нормативных актов, их практическая реализация зачастую сталкивается с серьёзными препятствиями.

К числу ключевых проблем следует отнести недостаточную независимость судебной власти, ограниченный доступ граждан к механизмам конституционного контроля, влияние политических факторов, а также сложное взаимодействие светских и религиозных правовых норм. Дополнительными сдерживающими факторами выступают низкий уровень правовой культуры, недостаточная эффективность исполнения судебных решений и периодическая политическая нестабильность в ряде государств региона.

В то же время в арабском мире наблюдаются позитивные тенденции, свидетельствующие о постепенном укреплении института конституционного контроля. Реформирование судебных систем, расширение полномочий конституционных органов, а также ориентация на международные стандарты в области прав человека создают предпосылки для повышения эффективности конституционного правосудия.

Перспективы дальнейшего развития данного института напрямую связаны с необходимостью проведения комплексных реформ, направленных на обеспечение реальной независимости судебной власти, расширение доступа к конституционному правосудию и повышение уровня доверия общества к правовым институтам. Важную роль также играет развитие правового образования и формирование устойчивой конституционной культуры.

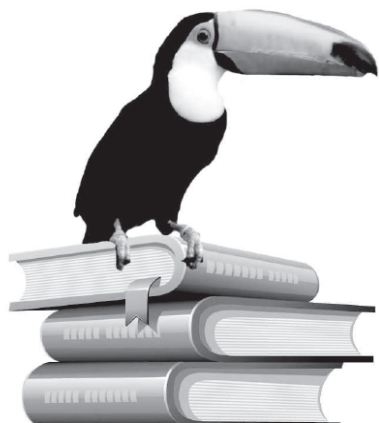
Совершенствование института конституционного контроля в странах арабского мира является важным условием укрепления принципа верховенства права, обеспечения стабильности государственных институтов и эффективной защиты прав и свобод человека. Реализация указанных направлений позволит повысить роль конституционного контроля как одного из ключевых элементов современного правового государства.

Список литературы:

- [1] Конституция ОАЭ. URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 29.03.2026).
- [2] Сафонов В. Е., Миряшева Е. В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. – М.: Юрайт, 2024.
- [3] Сергеев В.Ю. Цели и пределы допустимости ограничений прав и свобод человека в конституционном праве зарубежных стран // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10.
- [4] Шашкова А. В. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юрайт, 2024.
- [5] Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2015
- [6] Мусульманское право в современном мире. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 29.03.2026).

References:

- [1] UAE Constitution. URL: <https://continent-online.com> (access date: 29.03.2026).
- [2] Safonov V.E., Miryasheva E.V. Constitutional law of foreign countries. General part. - M.: Yurayt, 2024.
- [3] Sergeev V.Yu. Goals and limits of the admissibility of restrictions on human rights and freedoms in the constitutional law of foreign countries//Constitutional and municipal law. – 2021. – № 10.
- [4] Shashkova A. V. Constitutional law of foreign countries. - M.: Yurayt, 2024.
- [5] Klishas A.A. Constitutional control and constitutional justice of foreign countries: comparative legal research. - 2nd ed., Add. - M.: International Relations, 2015
- [6] Muslim law in the modern world. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 29.03.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ДАНИЛЬЧЕНКО Вячеслав Викторович,
аспирант кафедры истории и теории государства и права,
Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В статье рассмотрены исторические предпосылки и модели внедрения института омбудсмена в регионе, проведен обзорный сравнительный анализ правовых основ деятельности уполномоченных по правам человека. На основе анализа сформулированы основные модели формирования института омбудсмена в Восточной Европе, определено влияние европейских интеграционных процессов на развитие института.

Ключевые слова: омбудсмен, права человека, Восточная Европа, трансформация.

DANILCHENKO Vyacheslav Viktorovich,
graduate student of the Department of History and
Theory of State and Law, Institute "Tauride Academy"
FSAEI HE "Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky," Simferopol

ESTABLISHMENT AND TRANSFORMATION OF THE OMBUDSMAN INSTITUTION IN EASTERN EUROPE

Annotation. The article examines the historical background and models for the introduction of the ombudsman institution in the region, and provides an overview and comparative analysis of the legal framework for the activities of human rights commissioners. Based on the analysis, the main models of the formation of the ombudsman institution in Eastern Europe are formulated, and the influence of European integration processes on the development of the institution is determined.

Key words: ombudsman, human rights, Eastern Europe, transformation.

На современном этапе особую актуальность приобретает необходимость осмысления роли института омбудсмена (уполномоченного по правам человека) в условиях демократических транзитов и правовых реформ в Восточной Европе. В последние десятилетия данный институт претерпел значительные изменения, отражающие как глобальные тенденции защиты прав человека, так и специфику постсоциалистического развития. Исследуя вопрос становления и развития института омбудсмена в странах Восточной Европы нельзя без внимания оставить этапы конституционно-правового процесса утверждения института омбудсмена в мире, которые связаны с фундаментальными изменениями, произошедшими на мировой арене в конце 80-х годов XX века: крах тоталитарного социализма и развал Советского Союза и Югос-

лавии, в результате чего на карте мира появились 20 новых государств; около двух десятков стран в этот период кардинально, в русле демократизации изменили свой государственный и общественный строй. Молодые демократические государства начали детально исследовать институты других стран, которые способствуют формированию гражданского общества и становлению правового государства. Наряду с такими институтами государственной власти, как парламент, глава государства, Конституционный суд, Счетная палата, органы местного самоуправления и т. др., в поле зрения попал и институт омбудсмена.

Во второй половине 20 века в Восточной Европе первой страной бывшего социалистического лагеря, что ввела этот правозащитный институт в классическом понимании стала Польша. Научные и юридические круги этой

страны проявили интерес к институту омбудсмена в 60-70-х годах прошлого века. В 1964 году появились первые научные публикации, а чуть позже целый ряд научных статей и монографических работ сравнительно-правового характера, посвященных исследованию правозащитной и контрольно-надзорной деятельности этого института. В 1981 году Комитет юридических наук Польской академии наук официально заявил о поддержке идеи введения в стране Уполномоченного по правам граждан. Необходимость введения этого института была изложена и в программной декларации Первого Конгресса патриотического движения за национальное возрождение – одной из самых влиятельных общественных организаций Польши, который состоялся в мае 1983 года. Эта инициатива обсуждалась и на X съезде Польской объединенной рабочей партии, которая на то время находилась у власти. В 1986 году Центр изучения общественного мнения в Польше провел исследования о необходимости введения в стране этого контролирующего органа. Их результаты свидетельствовали о недоверии населения относительно уже имеющихся, традиционных институтов системы гарантий прав человека, и о широкой поддержке гражданами идеи введения института омбудсмена [1, с. 156]. В тот же год Государственный Совет Польши подготовил правовую концепцию института Уполномоченного по правам человека. 15 июля 1987 года польским сеймом принят закон об Уполномоченном по гражданским правам. Хотя дискуссии по поводу его введения в Польше продолжались. Но это не помешало сейму назначить 19 ноября 1987 года первого омбудсмена Польши, которым стала профессор Ева Лентовска, которая уже 1 января 1988 г. начала выполнять свои служебные обязанности [2, с. 13]. Однако, на конституционном уровне этот институт получил соответствующее признание только в 1989 году, когда был принят закон о внесении изменений в Конституцию ПНР. В 1990 году в стране введен также Уполномоченный правительства по правам женщин. В марте 1998 года в Польше введена также должность омбудсмена по вопросам неправительственных организаций в лице Комиссара по связям между неправительственными организациями и государственными структурами.

Второй страной среди бывших социалистических государств, которая планировала ввести институт омбудсмена, был Советский Союз. На V внеочередном съезде народных депутатов СССР в 1989 году была принята Декларация прав и свобод гражданина, согласно которой предлагалось создать систему Уполномоченных по правам человека, которые бы функционировали при парламентах союзных республик, а также Уполномоченных по правам человека при Советах народ-

ных депутатов всех уровней. Однако, дальнейшие события, происходившие в Союзе, не позволили реализовать эту идею.

Вносятся изменения в Конституцию Венгрии, согласно которым страна провозглашается независимым, демократическим, правовым и в ней вводится институт Уполномоченного государственного собрания по правам граждан. В июне 1990 года государственное собрание Венгрии осуществляют новую важную конституционную реформу и наряду с Уполномоченным государственного собрания по правам граждан основывают еще одну специализированную правозащитную организацию – Уполномоченного государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств. И Конституция Венгерской Республики в редакции от 31 декабря 1991 года главой пятой закрепила конституционный статус Уполномоченного Государственных сборов по гражданским правам и Уполномоченного государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств. 17 ноября 1992 года парламент Венгрии принимает закон о защите личных данных и выявления данных, важных, с точки зрения национального интереса, в котором разделом четвертым закрепляется статус Уполномоченного государственного собрания по защите личных данных и защиты реестра личных данных. 1 июля 1993 года во исполнение Конституции Венгрии парламент Венгрии принял закон об Уполномоченном Государственного собрания по гражданским правам, которым закрепил статус венгерского омбудсмена, а 7 июля 1993 года законом о правах национальных и этнических меньшинств был урегулирован статус Уполномоченного государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств. 30 июня 1995 года парламент Венгрии назначил четырех омбудсменов: парламентского Уполномоченного по гражданским правам, его главного помощника, Уполномоченного государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств и Уполномоченного Государственного собрания по защите личных данных и права на информацию.

После краха социалистической системы идея омбудсмена вызвала большой интерес в других странах бывшего социалистического лагеря: Хорватии, Словении, Румынии, Литве, Федерации Босния и Герцеговина. В Хорватии введение омбудсмена было предусмотрено Конституцией Республики от 22 декабря 1990 года, а закон об омбудсмене принят 25 сентября 1992 года. В Словении в Конституции от 23 декабря 1991 года и законе от 28 декабря 1993 года введена должность Уполномоченного по правам человека. В Румынии, в Конституции от 8 декабря 1991 года и Законе “Об организации и функцио-

нировании Управления Защитника народа (Омбудсмана) от 13 марта 1997 году введен институт Адвоката народа Румынии. В Литве, законом о контролерах Сейма от 11 января 1994 года, предусмотрена коллегиальная омбудсменовская служба, согласно которой образовано ведомство из пяти омбудсменов, руководителем которого назначен Альгирдас Таминскас. В Федерации Боснии и Герцеговины Конституцией от 30 марта 1994 года предусмотрены три омбудсмана, по одному боснийской, хорватской и другой национальности, которые назначаются парламентом Федерации и осуществляют свои полномочия независимо друг от друга (в том числе отдельно готовят свои ежегодные доклады). Также в этой стране после событий 1991-1994 годов мировое сообщество с целью урегулирования конфликта предусмотрело Дейтоновское соглашение (Приложение № 6 к общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине) создание Комиссии по правам человека, которая, в свою очередь, состоит из двух органов: Управления омбудсмана и Палаты по правам человека [3, с. 15-35].

С принятием 21 октября 1998 года новой Конституции учрежден институт парламентского уполномоченного по правам человека – Народного Адвоката – в Албании. Ведется работа по утверждению института омбудсмана в других странах Восточной Европы и СНГ, и число таких государств постоянно возрастает. Это свидетельствует о значительной роли этого института в обеспечении прав человека, с одной стороны, и о его эффективности в демократизации механизма государственной власти, с другой. Что является весьма актуальным для государств, которые только стали на путь построения демократических принципов развития и формирования гражданского общества, то есть для стран Восточной Европы и СНГ.

Характеризуя третий этап конституционно-правового процесса утверждение института омбудсмана в мире, следует отметить, что введение этого правозащитного института в странах Восточной Европы и СНГ – внутренняя потребность посткоммунистического общества. Его становление происходит в период развала тоталитарной системы, когда общество деформировано многолетним господством этой системы, не сформировано как гражданское и ожидает патерналистских действий со стороны государства, а граждане еще в основном остаются социально, духовно и политически парализованными и не осознают, что они выступают полноправными субъектами права. Не зная должным образом своих прав, они не могут их реализовать, не хотят самостоятельно их защищать, надеясь, что кто-то другой решит за них существующие проблемы и будет заниматься их судьбой. Более того, они не

так заинтересованы в получении помощи для реализации своих прав, как ожидают помощь в удовлетворении своих потребностей, независимо от того, опираются эти желания на закон, или нет.

Становление омбудсмана идет в условиях глубокого социально-экономического, политического и духовного кризиса, когда происходит борьба за радикальные экономические изменения (переход к рыночной экономике), политические изменения (организация функционирования государства и общества на демократических началах), существенно меняется материальный статус граждан, что связано прежде всего со спадом производства, появлением безработицы, резким повышением цен на коммунальные услуги, обнищанием определенной части населения. Дестабилизирующими факторами статуса человека и гражданина стали социальное напряжение, шоковые методы проведения экономических реформ, сложная криминогенная обстановка, рост преступности, усиление правового нигилизма, негативные морально-психологические факторы и т. др. Все это объективно требует укрепления механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в молодых демократических странах, и институт омбудсмана, который по праву считается важным фактором обеспечения законности и правовой основы в деятельности органов государственной власти в сфере прав человека, занял достойное место в нем. Ответственностью он рассматривается как один из существенных рычагов обеспечения прав человека, спутником и гарантом дальнейших демократических изменений в обществе.

Другая особенность внедрения института омбудсмана в странах Восточной Европы заключается в том, что выработка национальной модели этого института связана прежде всего с изучением мирового опыта функционирования различных схем института омбудсмана, поиском и заимствованием наиболее оптимальной модели, и ее воплощением в отечественную практику.

Можно выделить следующие схемы введения института омбудсмана в странах Восточной Европы: 1) копирование; 2) адаптация; 3) трансформация; 4) имитация; 5) отторжение. Копирование как вариант введения в механизм государства института омбудсмана заключается в том, что отдельные государства, желая как можно скорее войти в число развитых европейских стран, в сочетании с серьезной финансовой помощью им от международных организаций и отдельных государств, прямо перенимают модель института омбудсмана определенной страны; например, омбудсменовская служба Литвы соответствует шведской схеме этого института. Адаптация – это наиболее эффективный вариант внедрения института омбудсмана, поскольку его ста-

новление происходит постепенно, когда благодаря учету правовой системы страны, менталитета народа, механизма государственной власти, своей плодотворной работе он завоевывает признание у различных слоев населения и органов государственной власти. Омбудсмен, исходя из действующего законодательства, экономической, социальной и политической ситуации в стране, эффективности функционирования структур гражданского общества самостоятельно определяет основные направления своей деятельности и осуществляет поиск своего лица. Эта схема введения института омбудсмана характерна для большинства стран Восточной Европы. И даже сегодня, когда статус этого правозащитного института в этих странах конституционно и законодательно урегулирован, он все еще находится в стадии своего становления. Трансформация института омбудсмана означает, что его статус законодательно меняется в зависимости от изменения внутренней политики государства. Поэтому значительные усилия омбудсменов стран Восточной Европы направлены на изменение «климата» в обществе, на информирование общественности и ее воспитания в духе общепризнанных демократических традиций и международных стандартов в области прав человека.

Задача омбудсменов этих стран – не столько бороться с порочной практикой в работе органов государственного управления, сколько способствовать утверждению и признанию закрепленных в конституциях прав и свобод человека и гражданина.

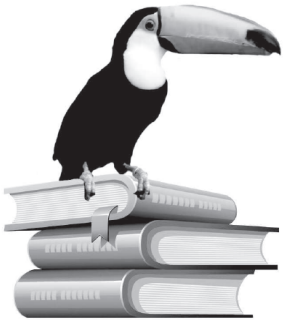
Список литературы:

- [1] Хаманева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. – М.: ИГиП РАН, 1997. – 216 с.
- [2] Власов И.С. Защита гражданских прав личности в Польше: (институт омбудсмана). – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 33 с.
- [3] Национальные омбудсмены. Свод правовых положений. – Варшава: MASTER, 1999. – 411 с.

References:

- [1] N.Yu. Khamaneva. Protection of citizens' rights in the executive branch. - M.: IGiP RAS, 1997. - 216 s.
- [2] Vlasov I.S. Protection of civil rights of the individual in Poland: (Institute of Ombudsman). - M.: INION AN USSR, 1990. - 33 s.
- [3] National ombudsmen. Code of Legal Regulations. - Warsaw: MASTER, 1999. - 411 s.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-546-551

МАРКАРОВ Михаил Давидович,
аспирант ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЛЕПЁШИН Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: mail@law-books.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы цифровых прав и особенностей их наследования в российском гражданском праве. Анализируется нормативная база, включая положения Гражданского кодекса РФ и специального законодательства о цифровых финансовых активах, а также раскрывается место цифровых прав в системе объектов гражданских прав. Обосновывается вывод о возможности включения цифровых прав в состав наследственной массы при условии их имущественного характера и отсутствия неразрывной связи с личностью наследодателя. Особое внимание уделяется разграничению цифровых прав в узком и широком смысле, а также проблемам наследования иных цифровых объектов (аккаунтов, токенов, доменных имен), не имеющих прямого законодательного закрепления. Выявляются ключевые препятствия реализации наследственных прав, связанные с зависимостью цифровых объектов от правил информационных систем и ограничениями доступа. Проводится сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов к регулированию цифрового наследования. Делается вывод о необходимости формирования комплексного механизма правового регулирования, включающего как признание цифровых объектов наследуемым имуществом, так и установление процедур доступа к ним для наследников.

Ключевые слова: цифровые права, наследование, цифровые активы, информационные системы, цифровые финансовые активы, наследственная масса, доступ к аккаунтам.

MARKAROV Mikhail Davidovich,
Postgraduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Academic Supervisor:
LEPESHIN Dmitry Aleksandrovich,
Candidate of Laws,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure
and Private International Law, Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba

INHERITANCE OF DIGITAL RIGHTS

Annotation: This article examines the legal nature of digital rights and the specifics of their inheritance in Russian civil law. It analyzes the regulatory framework, including provisions of the Civil Code of the Russian Federation and special legislation on digital financial assets, and explores the place of digital rights in the

system of civil rights. The article substantiates the conclusion that digital rights can be included in an estate, provided they are property rights and are not inextricably linked to the person of the testator. Particular attention is paid to the distinction between digital rights in the narrow and broad sense, as well as to the issues of inheritance of other digital objects (accounts, tokens, domain names) that are not directly enshrined in law. Key obstacles to the exercise of inheritance rights are identified, related to the dependence of digital objects on information system rules and access restrictions. A comparative legal analysis of foreign approaches to regulating digital inheritance is conducted. It is concluded that a comprehensive legal regulation mechanism is needed, including both the recognition of digital objects as inherited property and the establishment of procedures for heirs to access them.

Key words: *digital rights, inheritance, digital assets, information systems, digital financial assets, estate, access to accounts.*

Относительно недавно в гражданском законодательстве получил нормативное закрепление новый объект гражданских прав, обозначенный законодателем как цифровые права. Его включение в перечень объектов гражданских прав, предусмотренный ст. 128 ГК РФ [1], стало одним из этапов адаптации частного правового регулирования к развитию цифрового оборота. Правовую основу регулирования цифровых прав составляют положения ст. 141.1 ГК РФ, Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – Закон о цифровых финансовых активах), а также федеральных законов о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [3]. Совокупность указанных норм сформировала первоначальную модель регулирования цифровых прав и одновременно обусловила необходимость определения их правовой природы, места в системе объектов гражданских прав и соотношения с традиционными имущественными правами.

Законодательная дефиниция цифровых прав исходит из их понимания как обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, соответствующей установленным законом признакам. Формированию данной дефиниции предшествовала активная законотворческая работа, в рамках которой предлагались различные подходы к данной правовой категории. На ранних этапах обсуждения цифровые права рассматривались преимущественно не как самостоятельный объект гражданских прав, а как особый способ удостоверения уже существующих прав посредством цифровых технологий. Законопроект связывал их с совокупностью электронных данных, цифрового кода или обозначения, посредством которых удостоверяются права на объекты гражданского оборота, за исключением нематериальных благ [4]. Однако в действующей модели цифровые права приобрели самостоятельное значение

в гражданском обороте, выступая самостоятельным объектом гражданских прав и предметом различных гражданско-правовых сделок.

Введение в гражданское законодательство данной конструкции, имеющей имущественную основу, предопределило возникновение вопроса о наследовании цифровых прав и их включении в состав наследственной массы. Для разрешения данного вопроса необходимо обратиться к правовой природе цифровых прав, определить их место в системе объектов гражданских прав и соотнести их с общими положениями наследственного права.

Начнем с того, что в наследственную массу входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, имущественные права и обязанности, за исключением прав и обязанностей, неразрывно связанных с личностью наследодателя, а также личных неимущественных прав и иных нематериальных благ (ст. 1112 ГК РФ [5]).

Системное толкование ст. 128 и 141.1 позволяет установить имущественную природу цифровых прав. Поэтому по общему правилу такие права могут переходить к наследникам, если их содержание, порядок осуществления или специальное правовое регулирование не препятствуют преемству.

Одним из таких препятствий может выступать сама сущность соответствующего цифрового объекта. В связи с этим необходимо разграничивать цифровые права в узком и широком смысле. В узком смысле цифровые права представляют собой объект гражданских прав, прямо предусмотренный ст. 141.1 ГК РФ. В широком смысле к цифровым правам можно отнести цифровые активы, к числу которых относятся цифровая валюта, NFT, аккаунты, игровые предметы, доменные имена, токены и иные объекты цифровой среды [6]. Хотя названные объекты прямо не закреплены в законодательстве в качестве цифровых прав, в научной литературе указывается на наличие у них признаков, характерных для цифровых прав, позволяя относить их к данной категории [7; 8; 9]. Не все цифровые объекты

могут включаться в состав наследственной массы, поскольку часть из них имеет личный характер, связана с конкретной учетной записью пользователя либо существует только в пределах правил соответствующей цифровой платформы, не предусматривающей правил переход к иным лицам.

Наиболее определенный правовой режим установлен для цифровых финансовых активов. Часть 2 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах относит цифровые финансовые активы к цифровым правам, содержание которых может охватывать денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в непубличном акционерном обществе, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг при условии выпуска, учета и обращения таких прав в информационной системе. В ст. 6 указанного закона прямо предусмотрена обязанность оператора информационной системы внести изменения в записи о цифровых финансовых активах на основании судебного акта, исполнительного документа или свидетельства о праве на наследство, если из соответствующего документа следует переход цифрового финансового актива в порядке универсального правопреемства.

Иная ситуация складывается с утилитарными цифровыми правами, предусмотренными законодательством об инвестиционных платформах [10]. В соответствии со ст. 8 данного закона к ним относятся право требовать передачи вещей, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или прав использования таких результатов, а также право требовать выполнения работ или оказания услуг. Указанные права приобретаются, отчуждаются и осуществляются в инвестиционной платформе, однако специальный наследственный механизм, сопоставимый с регулированием цифровых финансовых активов, в данном законе прямо не закреплен. Поэтому возможность их наследования следует выводить из имущественной природы таких прав, а порядок перехода к наследникам остается менее определенным, поскольку требует учета правил конкретной инвестиционной платформы и содержания обязательства, лежащего в основе соответствующего утилитарного цифрового права.

Из законодательной дефиниции цифровых прав и положений специальных федеральных законов следует, что условия их оборотоспособности определяются правилами соответствующей информационной системы. Осуществление, распоряжение, передача, залог, обременение и иные правомочия в отношении таких прав возможны только в пределах соответствующей системы и в порядке, предусмотренном ее прави-

лами. Из этого следует, что цифровое право выступает не просто имущественным правом, а правом, существование и реализация которого функционально связаны с технологической инфраструктурой. Именно такая технологическая зависимость отличает цифровые права от традиционных имущественных прав.

Поэтому переход цифровых прав к наследникам возможен при наличии нескольких условий. Во-первых, соответствующий цифровой объект должен иметь имущественный характер и соответствовать требованиям ст. ст. 128 и 1112 ГК РФ. Во-вторых, правила информационной системы должны предусматривать порядок фиксации перехода права в порядке универсального правопреемства либо допускать внесение изменений на основании свидетельства о праве на наследство, судебного акта или иного правоустанавливающего документа. В-третьих, последующее владение, пользование и распоряжение таким объектом сохраняют зависимость от информационной системы, если иной порядок не предусмотрен ее правилами. В-четвертых, наследник должен иметь возможность получить доступ к информационной системе в объеме, необходимом для осуществления перешедшего к нему права.

В связи с этим возникает две группы проблем. Первая связана с тем, что многие цифровые объекты имеют значительную имущественную ценность, однако прямо не названы законом в качестве цифровых прав (например, игровое имущество, аккаунты в социальных сетях и т.д.), затрудняя применение к ним специальных правил о цифровых правах. Вместе с тем отсутствие прямого законодательного отнесения объекта к цифровым правам само по себе не исключает его включение в наследственную массу. Для целей наследования такой объект может рассматриваться как иное имущество либо имущественное право, если он обладает имущественной ценностью, принадлежал наследодателю и не был неразрывно связан с его личностью.

Вторая группа проблем обусловлена отсутствием у большинства информационных систем специальных правил перехода цифровых объектов в порядке наследования. Данный пробел имеет значение как для объектов, признаваемых цифровыми правами, так и для иных цифровых объектов, обладающих имущественной ценностью. При отсутствии соответствующих правил наследник, получив свидетельство о праве на наследство, может быть ограничен в фактическом осуществлении перешедшего к нему права.

Особую сложность представляет вопрос доступа к учетной записи наследодателя. Не имея технической возможности войти в информационную систему, наследник фактически лишается

возможности реализовать права на соответствующий цифровой объект. Вместе с тем сама информационная система может быть построена по такой модели, при которой оператор или администратор не располагает технической возможностью предоставить либо восстановить доступ к учетной записи наследодателя. Такая ситуация характерна для систем, основанных на персональных ключах, паролях, многофакторной идентификации или иных способах подтверждения личности пользователя, при утрате которых доступ к объекту не может быть восстановлен.

Данный вывод подтверждается и в научной литературе. При исследовании цифрового наследования проблема, как правило, усматривается не в принципиальной допустимости перехода цифровых объектов к наследникам, а в юридико-технической реализации такого перехода. Так, Ю.С. Харитонов указывает, что цифровые права и иные цифровые активы могут входить в состав наследственной массы как объекты гражданских прав, предусмотренные ст. 128 ГК РФ, однако особенности правового режима каждой группы таких объектов способны устанавливать дополнительные требования к наследственному переходу, а в отдельных случаях затруднять применение норм нотариального законодательства о переходе наследства к наследникам [11]. Сходная проблема обсуждается и в зарубежной литературе. Натали Банта также обращает внимание на общее свойство цифровых активов, связанное с зависимостью их наследуемости от условий пользовательского соглашения или договора об оказании цифрового сервиса [12].

При отсутствии специального порядка действий нотариуса вопрос определения правовой судьбы таких объектов фактически переходит на разрешение суда. В условиях недостаточного правового регулирования суды могут обращаться к действующему гражданскому законодательству, применяя аналогию закона или аналогию права. Однако отсутствие прямого нормативного механизма влияет на предсказуемость судебной защиты. Суд может признать имущественную природу цифрового объекта, но столкнуться с невозможностью самостоятельно определить порядок доступа, учета и передачи такого объекта наследнику или в целом не установить имущественный характер прав.

Зарубежный опыт показывает, что вопрос наследования цифровых объектов может решаться разными правовыми средствами. В США получила распространение модель регулирования, основанная на Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, предусматривающая возможность предоставления наследникам доступа к цифровым активам наследодателя [13]. Ее особенность состоит в смещении акцента с

общей квалификации цифрового объекта как наследственного имущества на порядок доступа к нему после смерти пользователя. Пользователь вправе заранее определить судьбу цифровых активов через специальный онлайн-инструмент платформы (цифровое завещание, цифровая доверенность или иное юридически значимое действие, а оператор (администратор) информационной системы обязан раскрывать соответствующую информацию при соблюдении установленных законом условий. При этом такое регулирование не отменяет правила пользовательских соглашений, поэтому наследование цифровых активов во многом зависит от условий конкретной платформы.

Схожая модель представлена в праве Англии и Уэльса. В Property (Digital Assets etc) Act 2025 закреплено, что объект цифровой или электронной природы, обладающий имущественной ценностью, не может быть исключен из числа объектов имущественных прав только вследствие того, что он не относится к традиционным объектам гражданского оборота [14]. Для наследственных отношений такой подход имеет существенное значение, поскольку он позволяет решить вопрос с переходом прав к наследникам, а также в случае необходимости защиты нарушенных прав. Вместе с тем признание имущественной природы цифрового объекта указанным актом само по себе не устраняет проблему доступа к нему, поскольку фактический контроль над таким объектом может сохраняться за информационной платформой.

Сопоставление указанных моделей позволяет сделать вывод о наличии трех возможных направлений правового регулирования наследования цифровых прав. Первое связано с установлением специального порядка доступа наследников к цифровым объектам. Второе основано на признании цифровых объектов самостоятельными объектами имущественных прав, сопоставимыми с традиционными объектами гражданского оборота. Третье исходит из применения общих правил универсального правопреемства к данной группе отношений. Для российского права уже характерно частичное воспроизведение отдельных элементов указанных моделей применительно к цифровым правам. Однако наиболее целесообразной представляется выработка единого подхода, который будет не только допускать переход таких прав к наследникам при условии, что это не противоречит их сущности, но и закреплять обязательные для операторов информационных систем специальные правила о внесении необходимых записей о переходе прав и предоставлении наследникам доступа к соответствующим цифровым объектам при подтверждении правопреемства.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.10.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018.
- [3] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224 и другие.
- [4] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 26.03.2018)» // Официальный сайт Государственной Думы. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/>, 26.03.2018 (дата обращения: 20.02.2026).
- [5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.10.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.
- [6] Буняева М. В. К вопросу о видах предпринимательства в цифровом обществе / М. В. Буняева // Правовой альманах. – 2023. – № 2(24). – С. 20-24.
- [7] Торлов Л.О. К вопросу сущности цифровых прав как объектов гражданских прав // Обращение и право. 2023. № 7. С. 456-459.
- [8] Непомнящий П.А. Цифровое завещание как форма осуществления права наследования цифровых прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 333-339.
- [9] Бурханова Ю.И., Новокшенова Н.А. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7. № 3. С. 35-40.
- [10] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.
- [11] Харитонов Ю.С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 2. С. 74-95.
- [12] Banta N.M. Inherit the cloud: the role of private contracts in distributing or deleting digital

assets at death. Fordham Law Review, vol. 83, pp. 799-854.

[13] Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (2015) // Uniform Law Commission. URL: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=a2fa66e2-9910-6879-481c-a5f85314af0e&forceDialog=0> (дата обращения: 25.03.2026).

[14] Property (Digital Assets etc) Act 2025. 2025 Chapter 29 // legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29> (дата обращения: 25.03.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of October 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[2] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31, Part I. Art. 5018.

[3] Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ “On Amendments to Parts One, Two, and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 12. Art. 1224 and others.

[4] Explanatory Note “To the Draft Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation” (as of March 26, 2018)” // Official Website of the State Duma. Legislative Support System. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/>, March 26, 2018 (accessed on February 20, 2026).

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of October 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Article 4552.

[6] Bunyaeva, M.V. On the Issue of Types of Entrepreneurship in a Digital Society / M.V. Bunyaeva // Legal Almanac. – 2023. – No. 2(24). – P. 20-24.

[7] Torlov L.O. On the Essence of Digital Rights as Objects of Civil Rights // Education and Law. 2023. No. 7. P. 456-459.

[8] Nepomnyashchy P.A. Digital Will as a Form of Exercising the Right of Inheritance of Digital Rights // Legal Policy and Legal Life. 2024. No. 4. P. 333-339.

[9] Burkhanova Yu.I., Novokshonova N.A. Digital Rights as Objects of Civil Rights // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 35-40.

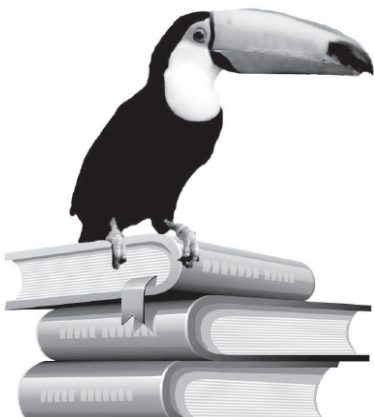
[10] Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Article 4418.

[11] Kharitonova, Yu.S. Inheritance of Legalized Digital Assets: Conflicts and Possible Areas for Improving Russian Legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 2. Pp. 74-95.

[12] Banta, N.M. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing or Deleting Digital Assets at Death. Fordham Law Review, Vol. 83, pp. 799-854.

[13] Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (2015) // Uniform Law Commission. URL: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=a2fa66e2-9910-6879-481c-a5f85314af0e&forceDialog=0> (accessed: 25.03.2026).

[14] Property (Digital Assets etc.) Act 2025. 2025 Chapter 29 // legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29> (accessed: 25.03.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ГАЛИШНИКОВ Олег Александрович,
аспирант кафедры Частно-правовые
(цивилистические) науки
МФПУ «СИНЕРГИЯ»,
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
ЛЕВУШКИН А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: info@law-books.ru

КОМПЕНСАЦИЯ РЕПУТАЦИОННОГО ВРЕДА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА И КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы компенсации репутационного вреда в российском гражданском праве, обусловленные отсутствием единых критериев определения его размера и недостаточной определенностью правового регулирования. Особое внимание уделяется анализу соотношения репутационного вреда и морального вреда, а также вопросам их правовой квалификации в судебной практике. На основе действующего законодательства, включая положения статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации выявляются основные противоречия и пробелы в правоприменении. В статье анализируются факторы, подлежащие учёту при определении размера компенсации, такие как характер распространённых сведений, масштаб их распространения, степень вины нарушителя, последствия для деловой активности субъекта и иные обстоятельства, имеющие юридическое значение.

Особое внимание уделяется проблеме отсутствия единообразия судебной практики, что приводит к существенной вариативности присуждаемых сумм компенсации и снижает предсказуемость правоприменения. На основании проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию гражданского законодательства, направленные на закрепление критериев определения размера компенсации репутационного вреда, а также на повышение эффективности защиты чести, достоинства и деловой репутации в условиях цифровизации общественных отношений.

Ключевые слова: деловая репутация, репутационный вред, компенсация вреда, моральный вред, гражданско-правовая защита, нематериальные блага, статья 152 ГК РФ, судебная практика, критерии оценки вреда, цифровая среда.

GALISHNIKOV Oleg Aleksandrovich,
Postgraduate Student,
Department of Private Law (Civil Law) Sciences,
SYNERGY Moscow State University of Economics and Law

Scientific supervisor:
LEVUSHKIN A.N.,
Doctor of Law, Professor

COMPENSATION FOR REPUTATIONAL DAMAGE: PROBLEMS OF DETERMINING THE AMOUNT AND ASSESSMENT CRITERIA

Annotation. The article discusses the current problems of compensation for reputational harm in Russian civil law, due to the lack of uniform criteria for determining its size and insufficient certainty of legal regulation. Special attention is paid to the analysis of the ratio of reputational harm and moral harm, as well as issues of their legal qualification in judicial practice. Based on the current legislation, including the provisions of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, the main contradictions and gaps in law enforcement are identified. The article analyzes the factors to be taken into account when determining the amount of compensation, such as the nature of the

information disseminated, the scale of its dissemination, the degree of guilt of the violator, the consequences for the business activity of the subject and other circumstances of legal importance. Particular attention is paid to the problem of the lack of uniformity of judicial practice, which leads to significant variability in the amounts of compensation awarded and reduces the predictability of law enforcement. Based on the conducted research, proposals are formulated to improve civil legislation aimed at consolidating criteria for determining the amount of compensation for reputational harm, as well as improving the effectiveness of protecting honor, dignity and business reputation in the context of digitalization of public relations.

Key words: *business reputation, reputational harm, compensation for harm, moral harm, civil protection, intangible assets, Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, judicial practice, harm assessment criteria, digital environment.*

В современных условиях развития информационного общества вопросы защиты деловой репутации приобретают особую значимость, что обусловлено возрастающей ролью нематериальных активов в экономической и социальной деятельности субъектов гражданского права. Распространение цифровых технологий и активное использование сети «Интернет» существенно расширили возможности воздействия на деловую репутацию как физических, так и юридических лиц, что, в свою очередь, обусловило рост числа судебных споров, связанных с её защитой.

Нормативной основой регулирования отношений в рассматриваемой сфере выступают положения статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющие право на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Вместе с тем анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать наличие существенных пробелов, связанных прежде всего с отсутствием четких критериев определения размера компенсации репутационного вреда. Указанное обстоятельство приводит к значительной вариативности судебных решений и снижает уровень предсказуемости правоприменения.

Особую сложность представляет вопрос соотношения репутационного вреда и морального вреда, поскольку действующее законодательство не содержит четкого разграничения указанных категорий. В судебной практике нередко наблюдается их смешение, что затрудняет формирование единообразного подхода к определению размера компенсации. При этом репутационный вред обладает самостоятельной правовой природой, обусловленной его связью с экономической деятельностью субъекта и влиянием на его деловую активность.

В настоящее время очевидна необходимость выработки научно обоснованных подходов к определению размера компенсации репутационного вреда, а также формированию системы критериев его оценки, обеспечивающих справедливость и соразмерность принимаемых судебных решений. В условиях цифровизации обществен-

ных отношений данная проблема приобретает особую значимость, поскольку масштаб и скорость распространения информации существенно увеличивают потенциальный объем причиняемого вреда.

Вопрос о правовой природе репутационного вреда в современной цивилистике остается дискуссионным и требует комплексного теоретического осмысления. Деловая репутация, являясь нематериальным благом, охраняется гражданским законодательством наряду с честью и достоинством, что прямо закреплено в статье 150 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. В то же время специфика деловой репутации обусловлена ее тесной связью с предпринимательской и иной экономической деятельностью субъекта, что придает ей двойственную природу – личную и имущественную.

Согласно положениям статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо вправе требовать опровержения порочащих сведений, а также компенсации причиненного вреда [2]. Однако законодатель не раскрывает содержание категории «репутационный вред», что создает определенные сложности при его квалификации и разграничении с моральным вредом. В научной литературе высказывается позиция о том, что репутационный вред следует рассматривать как самостоятельный вид вреда, отличающийся от морального вреда по своему содержанию и последствиям [3].

В отличие от морального вреда, который связан с физическими и нравственными страданиями, репутационный вред выражается в негативном влиянии на деловую активность субъекта, снижении уровня доверия со стороны контрагентов и потребителей, а также возможных имущественных потерях. Таким образом, репутационный вред обладает комплексным характером, сочетая в себе как нематериальные, так и экономические последствия.

Особое значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в Постановлении Пленума от 15 ноября 2022 г. № 33, согласно которой при определении размера ком-

пенсации вреда суд должен учитывать характер и степень причиненных страданий, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства [4]. Однако данные разъяснения в большей степени ориентированы на компенсацию морального вреда, что не в полной мере учитывает специфику репутационного вреда.

Одной из важных проблем правоприменения является отсутствие единых критериев определения размера компенсации репутационного вреда. Действующее законодательство не содержит методики его оценки, что приводит к значительной вариативности судебной практики и, как следствие, к снижению уровня правовой определенности.

В судебной практике нередко встречаются случаи, когда при сходных обстоятельствах дела суды присуждают существенно различающиеся суммы компенсации. Это обусловлено тем, что оценка вреда осуществляется на основе внутреннего убеждения суда, без опоры на четко закрепленные критерии [5]. В результате возникает ситуация, при которой принцип справедливости реализуется неоднозначно.

К числу факторов, которые, по мнению судов, подлежат учету при определении размера компенсации, относятся характер распространенных сведений, их достоверность, форма и способ распространения, круг лиц, которым они стали известны, а также последствия для потерпевшего [6]. Вместе с тем указанные критерии носят общий характер и не позволяют обеспечить единообразие правоприменения.

Дополнительные сложности возникают в условиях цифровой среды, где распространение информации носит мгновенный и массовый характер. Размещение порочащих сведений в сети «Интернет» может привести к значительно более серьезным последствиям по сравнению с традиционными способами распространения информации. Однако действующее законодательство не учитывает в достаточной мере данные особенности, что требует его дальнейшего совершенствования. Следует также отметить, что в ряде случаев суды не учитывают экономические последствия причиненного вреда, ограничиваясь оценкой морального аспекта. Такой подход не соответствует природе деловой репутации как нематериального блага, имеющего экономическое значение, и снижает эффективность правовой защиты.

В целях повышения эффективности защиты деловой репутации представляется необходимым формирование системы критериев оценки репутационного вреда, закрепленных на нормативном уровне. Такие критерии должны учитывать как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на степень причиненного вреда. К числу

объективных критериев следует отнести масштаб распространения порочащих сведений, их содержание и характер, а также длительность их нахождения в публичном доступе. Особое значение имеет также форма распространения информации, включая использование средств массовой информации и интернет-ресурсов.

Субъективные критерии должны включать степень вины нарушителя, его поведение после распространения сведений, наличие попыток добровольного опровержения или урегулирования спора. Кроме того, необходимо учитывать последствия для деловой активности потерпевшего, включая снижение объема продаж, утрату контрагентов и иные экономические показатели.

Представляется целесообразным закрепление в гражданском законодательстве примерного перечня критериев оценки репутационного вреда, а также разработка методических рекомендаций для судов. Это позволит обеспечить более высокий уровень единообразия судебной практики и повысить предсказуемость принимаемых решений.

В качестве одного из направлений совершенствования законодательства следует рассматривать возможность внесения изменений в статью 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленных на уточнение порядка определения размера компенсации репутационного вреда. В частности, целесообразно предусмотреть обязанность суда мотивированно учитывать все значимые обстоятельства дела, а также обосновывать размер присуждаемой компенсации с учетом установленных критериев.

Таким образом, формирование научно обоснованного подхода к оценке репутационного вреда является необходимым условием повышения эффективности гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. ; СЗ РФ. – 2020. – № 31, ст. 4398.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32, ст. 3301 ; 2023. – № 30, ст. 4443.
- [3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532 ; 2023. – № 26, ст. 4660.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005

г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 2022. – 23 нояб.

[6] Богданов Д. Е. Нематериальные блага и их защита в гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 67–78.

[7] Козлова Е. В. Компенсация вреда, причинённого нематериальным благам // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 112–121.

[8] Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан : монография. – М. : Норма, 2007. – 256 с.

[9] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 6.

[10] Потапенко С. В. Проблемы защиты деловой репутации в условиях цифровизации // Законодательство. – 2022. – № 10. – С. 45–52.

[11] Рожкова М. А. Защита деловой репутации в гражданском праве Российской Федерации : монография. – М. : Статут, 2015. – 304 с.

[12] Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1. – М. : Статут, 2021. – 848 с.

[13] Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда : монография. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 352 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – December 25; Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31, Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): federal law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collected Legisla-

tion of the Russian Federation. – 1994. – No. 32, Art. 3301; 2023. – No. 30, Art. 4443.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation: federal. Law of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on June 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46, Art. 4532; 2023. – No. 26, Art. 4660.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 “On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2005. – No. 4.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2022 No. 33 “On the practice of applying the rules on compensation for moral damage by the courts” // Rossiyskaya Gazeta. – 2022. – November 23.

[6] Bogdanov D. E. Intangible Assets and Their Protection in Civil Law // Bulletin of Civil Law. – 2020. – No. 3. – Pp. 67–78.

[7] Kozlova E. V. Compensation for Damage Caused to Intangible Assets // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 7. – Pp. 112–121.

[8] Maleina M. N. Personal Non-Property Rights of Citizens: Monograph. – Moscow: Norma, 2007. – 256 p.

[9] Review of the Practice of Courts Considering Cases on Disputes over the Protection of Honor, Dignity, and Business Reputation: Approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – No. 6.

[10] Potapenko S. V. Problems of Protecting Business Reputation in the Context of Digitalization // Legislation. – 2022. – No. 10. – Pp. 45–52.

[11] Rozhkova M. A. Protection of Business Reputation in the Civil Law of the Russian Federation: monograph. – Moscow: Statut, 2015. – 304 p.

[12] Sukhanov E. A. Civil Law: textbook: in 2 vols. Vol. 1. – Moscow: Statut, 2021. – 848 p.

[13] Erdelevsky A. M. Compensation for Moral Damage: monograph. – Moscow: Wolters Kluwer, 2011. – 352 p.

ГАГИЕВА Наталья Русланбековна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых дисциплин,
Филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам лицензирования аудиторской деятельности, рассматривая актуальные аспекты и требования, предъявляемые к аудиторам. В ней анализируются существующие нормы законодательства, регулирующие процесс получения лицензий на осуществление аудиторской практики, а также обсуждаются проблемы и недостатки действующей системы. Автор подчеркивает важность строгого контроля за квалификацией аудиторов и необходимости повышения стандартов в данной сфере для обеспечения качества аудита и защиты интересов клиентов.

Ключевые слова: лицензирование, аудиторская деятельность, процессуальные споры.

GAGIEVA Natalia Ruslanbekovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines,
Pyatigorsk Branch of the Plekhanov Russian University of Economics

ON THE ISSUE OF LICENSING AUDITING ACTIVITIES

Annotation. The article is devoted to the issues of licensing auditing activities, considering the relevant aspects and requirements for auditors. It analyzes the existing legal norms governing the process of obtaining licenses to practice auditing, and discusses the problems and shortcomings of the current system. The author emphasizes the importance of strict control over the qualifications of auditors and the need to raise standards in this area to ensure audit quality and protect the interests of clients.

Key words: licensing, auditing activities, procedural disputes.

Лицензирование предполагает комплекс процедур по выдаче лицензий, изменению ранее выданных лицензий, временному прекращению или возобновлению их действия, аннулированию лицензий, а также мониторингу соблюдения лицензиатами установленных нормативными актами требований при осуществлении регулируемой деятельности соответствующими государственными органами [1, с. 11-18].

Лицензированию на территории РФ подлежат виды деятельности, которые могут привести к нанесению ущерба законным интересам граждан и организаций: потенциальной угрозе здоровью населения, государственной обороне и безопасности страны или культурному наследию народов России – контроль за такими сферами невозможен без внедрения разрешительной системы регулирования. Таким образом, лицензирование выступает механизмом государственного контроля отдельных отраслей предпринимательства посредством допуска к осуществлению

этих видов деятельности только тех хозяйствующих субъектов, которые строго соблюдают установленные требования; при выявлении нарушений органы власти вправе вводить ограничения вплоть до аннулирования разрешительных документов [2, с. 34].

Юридические лица для ведения отдельных категорий хозяйственной деятельности обязаны получить лицензию – это требование ограничивает их правоспособность по отдельным направлениям бизнеса. Правила выдачи лицензий регламентированы Федеральным законом РФ №128-ФЗ от 8.08.2001г. «О лицензировании отдельных видов деятельности».

В широком смысле термин «лицензирование» означает получение уполномоченным государственным органом специального разрешения на ведение определённого вида профессиональной деятельности.

Ключевые понятия института лицензирования включают следующее определение [3, с. 118]:

Лицензия – оформленное государственным органом официальное разрешение на осуществление конкретного вида экономической активности с обязательным условием выполнения всех предъявляемых правил и нормативов данной сферы лицензиатом: юридическим лицом либо индивидуальным предпринимателем.

Осуществление деятельности, подлежащей лицензированию, разрешено на территории Российской Федерации исключительно при наличии соответствующего разрешительного документа – лицензии.

Лицензионные требования и условия представляют собой совокупность законодательно закреплённых предписаний, регулирующих особенности получения и исполнения лицензии в конкретных сферах деятельности. Соблюдение этих требований обязательно для всех лицензиатов с целью легального осуществления лицензируемой деятельности [4, с. 45].

К органам, уполномоченным на проведение лицензирования, относятся как федеральные органы исполнительной власти, так и региональные органы исполнительной власти Российской Федерации, которые обладают правом выдачи и контроля исполнения лицензий в пределах своей компетенции.

Лицензиатом признаётся юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, получившие лицензию на выполнение определённых работ либо оказание указанных услуг. Соискателем лицензии выступает субъект хозяйственной деятельности – организация или индивидуальный предприниматель – который инициирует процедуру получения соответствующего разрешения путём подачи заявления в предусмотренный законом орган.

Реестр выданных лицензий представляет собой информационную систему учёта сведений о выданных разрешительных документах: факте предоставления и переоформления оснований; приостановлении действия; восстановлении; а также аннулировании данных документов [5, с. 54].

Вопросы порядка оформления и прекращения действия аудиторских лицензий урегулированы статьёй 17 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»; эти отношения подробно регулируются положениями законодательства о порядке проведения процедур выдачи разрешений для отдельных видов экономической активности. Основным нормативным актом здесь является Федеральный закон от 8.08.2001г. №128-ФЗ с учётом всех актуальных изменений.

В соответствии со статьёй 17 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» аудиторская деятельность включена в перечень экономических сфер с обязательным лицензионным

регулированием. Вместе с тем продолжаются дискуссии по вопросу возможной отмены обязательности специальной аудиторской лицензии.

Выдача разрешительных документов аудиторам – организациям или частнопрактикующим специалистам – осуществляется по дате принятия решения компетентными государственными органами. В то же время действующее законодательство Российской Федерации предусматривает отдельное требование наличия специальной лицензии для оказания определённых сопутствующих услуг: без данного документа ни физические лица-аудиторы, ни юридические лица не вправе осуществлять такие виды профессиональной деятельности [6, с. 21].

На основании профильного федерального закона о регулировании процессов выдачи разрешений для предпринимателей постановлением Правительства от 29 марта 2002 года № 190 утверждено Положение о порядке предоставления аудиторских лицензий. Функции по рассмотрению заявлений и оформлению соответствующих документов возложены на Минфин РФ.

Срок действия лицензии на проведение аудита устанавливается на 5 лет. По инициативе лицензиата этот срок может неоднократно продлеваться также по пятилетним периодам. Для получения и поддержания лицензии необходимо соответствовать ряду требований [7, с. 54]:

- индивидуальные аудиторы и аудиторы в составе аудиторских организаций должны обладать квалификационными аттестатами, соответствующими видам проверок, проводимых ими;
- штат аудиторской фирмы должен включать не менее пяти специалистов с действующими квалификационными аттестатами аудитора;
- разрешено осуществлять исключительно профессиональную деятельность по проведению аудита и предоставлению сопутствующих услуг согласно нормативным правовым актам РФ и федеральным стандартам аудита;
- необходимо внедрять внутренние процедуры контроля качества проводимых проверок, а также обеспечивать возможность внешнего контроля со стороны уполномоченных органов путем своевременного предоставления всей требуемой документации и информации в соответствии с действующим законодательством;
- требуется сохранять конфиденциальность сведений, составляющих профессиональную тайну аудитора – за исключением случаев раскрытия информации в порядке, предусмотренном законом;
- лицензиаты обязаны информировать клиентов о любых обстоятельствах, препятствующих объективному проведению проверки.

С целью эффективного контроля за лицензионной деятельностью субъектов ведётся специализированный реестр лицензий. В данном реестре фиксируются следующие сведения [8, с. 27]:

а) наименование ведомства, выдавшего лицензию;

б) категория деятельности, на которую распространяется лицензия;

в) расширенные данные о лицензиате с обязательным указанием его идентификационного номера налогоплательщика. Для аудиторских компаний указываются официальное полное наименование, форма собственности, организационно-правовая форма, реквизиты свидетельства о государственной регистрации юридического лица (номер и серия), адрес местонахождения, а также перечень квалификационных аттестатов сотрудников-аудиторов с обозначением их профессиональных специализаций. Если лицензия выдана индивидуальному аудитору, вносятся его ФИО; адрес постоянной регистрации; сведения документа, удостоверяющего личность; регистрационный номер индивидуального предпринимателя и список его квалификационных аттестатов.

г) Указывается срок действия разрешительного документа.

д) Присваивается уникальный регистрационный номер выданной лицензии.

е) Фиксируется календарная дата принятия решения о предоставлении полномочий для осуществления данного вида деятельности.

ж) Отражается информация о включении данной лицензии в официальный государственный реестр разрешительных документов.

В России процедура лицензирования распространяется исключительно на те виды профессиональной деятельности, которые потенциально могут нанести ущерб интересам гражданина – его здоровью, правам или законным интересам – а также затрагивают вопросы национальной безопасности страны, её обороноспособности либо сохранности культурного наследия народов России [9, с. 34].

В сферах, где регулирование альтернативными методами неприемлемо и необходим особый государственный контроль, применяется лицензирование как основной инструмент управления. Такой подход основан на разрешительном принципе: хозяйствующий субъект вправе легально осуществлять деятельность при строгом соблюдении лицензионных требований; при выявлении нарушений возможны санкции вплоть до полной приостановки работы через аннулирование лицензии.

В современной Российской Федерации наблюдается формирование кризисно-ориенти-

рованного этапа развития аудита. Такое выделение обусловлено актуальными экономическими условиями и необходимостью оперативного выявления ранних признаков возможных финансово-экономических потрясений. Изучение процесса эволюции аудиторской деятельности позволяет определить стратегические направления её совершенствования, что приобретает особую значимость в условиях структурного кризиса экономики [10, с. 25]. Традиционные основы аудита, заимствованные из международной практики и применяемые согласно глобальным стандартам, требуют глубокого переосмысления, особенно в части формирования и улучшения методологических подходов к независимому финансовому контролю, остающемуся ключевым инструментом обеспечения достоверности финансовой отчётности для всех заинтересованных лиц.

Список литературы

[1] Банникова Ю.С. Государственный аудит в системе финансовой безопасности // Актуальные проблемы налоговой политики. – М.: Перо, 2020 С. 11-18.

[2] Будунова Н.И. Задачи аудита отчетности и пути его развития в России // Учет и контроль. – 2020. – № 4. С. 34.

[3] Булгакова Л.И. Аудит в России: механизм правового регулирования. – М.: Волтерс Клувер, 2022. 574 с.

[4] Булгакова Л.И. О понятиях «аудит» и «аудиторская деятельность». – Право и экономика. – 2021. – № 4. С. 45.

[5] Булгакова Л.И. Специфика саморегулирования аудиторской деятельности // Право и экономика. – 2020. – № 5. С. 21.

[6] Буткова О.В. Основы аудита и аудиторской деятельности: учебное пособие / О.В. Буткова. – зерноград: ФГОУ ВПО АЧГАА, 2021. 320 с.

[7] Бычкова С.М. Понятие существенности в аудите // Бухгалтерский учет. – 2022. – № 5. С. 54.

[8] Веренков А.И., Гапоник А.И. Права и обязанности аудиторов и лиц, подлежащих аудиту // Аудиторские ведомости. – 2020. – № 10. С. 27.

[9] Востриков Г.Г. Ответственность за нарушение законодательства, регулирующего аудиторскую деятельность // Право и экономика. – 2025. – № 9. С. 34.

[10] Горная А.К. Участие аудиторской фирмы в конкурсе на проведение аудита // Бухгалтерский учёт. – 2021. – № 6. С. 25.

References:

[1] Bannikova Yu.S. State audit in the financial security system // Current issues of tax policy. – Moscow: Pero, 2020, pp. 11-18.

[2] Budunova N.I. Objectives of financial statement audit and ways of its development in Russia // Accounting and control. - 2020. - No. 4. P. 34.

[3] Bulgakova L.I. Audit in Russia: the mechanism of legal regulation. - Moscow: Wolters Kluwer, 2022. 574 p.

[4] Bulgakova L.I. On the concepts of "audit" and "auditing activity". - Law and Economics. - 2021. - No. 4. P. 45.

[5] Bulgakova L.I. Specifics of self-regulation of auditing activity // Law and Economics. - 2020. - No. 5. P. 21.

[6] Butkova O.V. Fundamentals of Auditing and Auditing Activities: A Study Guide / O.V. Butkova. -

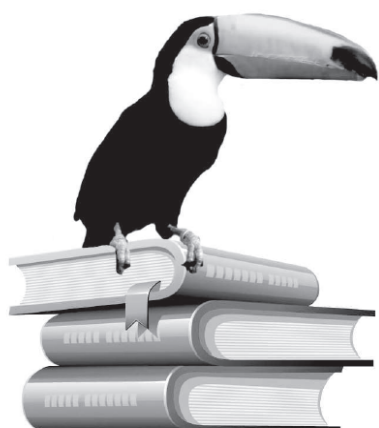
Zernograd: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education AChGAA, 2021. 320 p.

[7] Bychkova S.M. The Concept of Materiality in Auditing // Accounting. - 2022. - No. 5. P. 54.

[8] Verenkov A.I., Gaponik A.I. Rights and Obligations of Auditors and Persons Subject to Audit // Audit Statements. - 2020. - No. 10. P. 27.

[9] Vostrikov G.G. Liability for Violation of Legislation Governing Auditing Activities // Law and Economics. - 2025. - No. 9. P. 34.

[10] Gornaya A.K. Participation of an audit firm in a tender to conduct an audit // Accounting. - 2021. - No. 6. P. 25.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КУЛЕШОВА Инна Алексеевна,
Старший преподаватель кафедры ПРЭД
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: iakuleshova@fa.ru

ПРИЗНАКИ СМАРТ-КОНТРАКТА И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу признаков смарт-контрактов на современном этапе практики их применения как особой конструкции, сочетающей в себе как правовую составляющую, так и технические средства и способы исполнения обязательств. Анализируются такие признаки, как цифровая форма и ее взаимосвязь с электронной формой договора, наличие алгоритма, самоисполнение, неизменяемость, конфиденциальность и автоматизированный характер исполнения обязательств, отдельно приведены примеры реализации смарт-контрактов в современных условиях, в частности, в банковской сфере.

Ключевые слова: Смарт-контракт, самоисполняющийся код, признаки смарт-контракта, цифровая форма договора, неизменяемость смарт-контракта.

KULESHOVA Inna Alekseevna,
Senior Lecturer,
Department of Economic Development Faculty of Law
Financial University under the Government
of the Russian Federation

CHARACTERISTICS OF A SMART CONTRACT AND ITS PRACTICAL APPLICATION IN MODERN CIVIL LAW

Annotation. This article analyzes the characteristics of smart contracts in their current application as a special construct that combines both a legal component and technical means and methods for fulfilling obligations. The article analyzes such characteristics as digital form and its relationship with the electronic form of the contract, the presence of an algorithm, self-execution, immutability, confidentiality, and the automated nature of fulfillment of obligations. Examples of smart contract implementation in modern conditions, particularly in the banking sector, are provided.

Key words: Smart contract, self-executing code, characteristics of a smart contract, digital form of the contract, immutability of a smart contract.

Цифровизация гражданского оборота обуславливает появление новых способов реализации обязательственных правоотношений. Наряду с «классическими» формами сделок в современной практике появляются новые формы реализации обязательственных правоотношений, которые в настоящее время определяются термином «смарт-контракты». Указанный способ исполнения обязательств получил широкое распространение в связи с развитием технологии распределенного реестра, позволяющей обеспечить автоматическое исполнение заранее определенных условий без непосредственного участия сторон после запуска соответствующего алгоритма.

Значительный интерес к смарт-контрактам обусловлен не только их технологической отличительной особенностью и практической новизной, но и значительным потенциалом, позволяющим как оптимизировать издержки, так и минимизировать риски операций, исключая возможность внешнего вмешательства в исполнение обязательств.

Однако, повсеместное внедрение технологии смарт-контрактов и таит в себе определенные риски, в частности, связанные с отсутствием полноценного легального регулирования рассматриваемых правоотношений.

На современном этапе субъекты, использующие смарт-контракты в своей деятельности

самостоятельно разрабатывают правила, в которых, в числе прочего, отображают определение смарт-контракта и порядок его заключения, исполнения и другие значимые элементы. Стоит отметить также, что внедрение данной конструкции в правовую действительность порождает целый ряд теоретических и прикладных вопросов, связанных с определением ее правовой природы, выявлением существенных признаков, а также оценкой допустимости и пределов использования в рамках действующего гражданского законодательства.

В связи с этим подходов к самому определению смарт-контрактов в настоящее время в доктрине выработалось несколько, равно как и позиций об их правовой природе, что не исключает существование и применение смарт-контрактов на современном этапе развития права и экономики, все эти определения и подходы в равной доле могут существовать.

Однако, все авторы, исследующие смарт-контракты, сходятся к примерно одному набору признаков, отличающих данный вид договорной конструкции.

Первым ключевым признаком смарт-контракта является цифровая форма. В отличие от традиционного договора, который, заключается в устной или письменной (в том числе электронной) форме и фиксируется в виде текстового документа, смарт-контракт существует в цифровой среде и выражается посредством программного кода. Именно данная особенность позволяет говорить о нем как о специфическом инструменте, возникающем в условиях цифровизации гражданского оборота и развития современных информационных технологий. Стоит отметить, что электронный документооборот как способ выражения воли участников гражданского правоотношения, приравненный к письменной форме сделки не отождествляется с кодом, используемым при реализации смарт-контракта.

Письменная форма может существовать параллельно с реализацией исполнения посредством смарт-контракта, не может в полной мере являться аналогом и заменять ее. Выражение воли во всяком случае должно быть обусловлено и выражено в той форме, в какой этого требует законодательство или в какой стороны пришли к соглашению данную волю выражать.

В 2019 году впервые цифровая форма сделки нашла легальное определение посредством принятия Федерального закона №259-ФЗ [1], согласно которому «письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в

неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю». Однако, в данном случае речь идет все же о письменной форме, выраженной посредством электронных средств, а не о новой форме для сделок. Так же стоит обратить внимание, что не все положения о сделках применимы к смарт-контрактам, поскольку сама сущность контракта не позволяет применять к ним все положения, к примеру, об односторонних сделках, отдельные положения об оспаривании сделок и ряд других.

Особенность цифрового выражения заключается также в том, что смарт-контракт создается, хранится и исполняется в электронной информационной системе, часто с использованием технологии распределенного реестра. Следовательно, само его существование неразрывно связано с цифровой инфраструктурой, которая обеспечивает устойчивость, доступность и проверяемость заложенных условий.

По мнению Е.В. Олейника, сущность смарт-контракта заключается в том, что это соглашение «написанное на языке программирования» [2]. Автор отмечает, что смарт-контракт – это лишь форма договора, при этом не являющееся самостоятельным видом гражданско-правового обязательства.

Отличительной чертой смарт-контракта от электронной формы сделки заключается в самом легальном определении последней, которое уже было указано выше. В отличие от электронной формы, смарт-контракт не может быть перемещен на письменный носитель, воспроизведен или озвучен иным способом. Таким образом, при «аналоговизации» электронного договора его сущность и содержание останутся в неизменном виде, осуществить такое со смарт-контрактом технологически невозможно.

Следующим отличительным признаком смарт-контракта является его неизменяемость. Данный признак выражается в отсутствии либо значительную ограниченность возможности одностороннего изменения условий и порядка исполнения после запуска соответствующего программного алгоритма. В отличие от традиционных форм выражения воли участников правоотношения, при которой практически на любом из этапов возможно внесение изменения в соглашение, технология «самоисполнения» смарт-контрактов не допускает внешнего вмешательства послед определения сторонами всех условий соглашения и выражения воли в форму программного кода. Программный код способен исполнить исключительно только то, что было

заранее в нем определено и внесение изменений влечет прекращение возможности реализации воли посредством смарт-контракта в целом.

В отдельных видах обязательств допускается как односторонний отказ от обязательства, так и изменение его условий по воле одного из участников правоотношения. Поскольку в смарт-контракте одностороннее вмешательство с целью изменить содержание соглашения невозможно, следовательно выражать исполнение данных видов обязательств в форме смарт-контрактов видится невозможным.

Отдельные авторы, к примеру, М.О. Кузнецов, отмечают и недостатки цифровой формы, выраженной в виде кода. По мнению автора, ... если рассматривать смарт-контракт как эквивалент традиционного договора, то вместе с получением некоторых преимуществ, связанных с безопасностью его реализации, контрагенты испытывают и сложности с согласительными процедурами. Внешние условия, случайные издержки, форс-мажоры и прочие юридические факты, не учтенные в первоначальных версиях смарт-контрактов, влекут необходимость их аннулирования, что постоянно требует обслуживания программистами (контакт с программным кодом через оракулов), и написания новых кодов». [3]

Еще одним отличительным признаком смарт-контрактов является обязательное наличие алгоритма. Четкий заранее прописанный и известный участникам обязательства алгоритм, который будет исполнен исключительно в такой последовательности является отличительной чертой для данной договорной конструкции. Это один из признаков, благодаря которому смарт-контракты получили распространение в качестве надежного инструмента, посредством которого исполняется обязательство. Вся форма взаимодействия, как правило, строится по принципу «если – то». Это означает, что к следующему этапу исполнения договора можно перейти исключительно после того, как будет надлежащим образом исполнен предыдущий этап. К примеру, после проведения оплаты будут переданы объекты и аналогичный набор действий. Именно благодаря наличию алгоритма смарт-контракты определяются как «самоисполняемые» обязательства. Однако, формулировать алгоритм необходимо достаточно четко, для того, чтобы избежать «срабатывания» механизма «самоисполнения» и запуска алгоритма при ненадлежащем исполнении обязательств с одной из сторон.

Конфиденциальность как признак смарт-контракта заключается в том, что доступ к смарт-контракту может предоставляться только заранее определенным участникам правоотно-

шения либо иным субъектам, обладающим соответствующими полномочиями. Указанный признак приобретает особую актуальность, когда речь идет о работе с инсайдерской информацией или коммерческой тайной. Благодаря данному признаку и технической невозможности вмешательства третьих лиц в содержание смарт-контракта рассматриваемый способ исполнения обязательства получает в настоящее время все более широкое распространение. К примеру, практика применения смарт-контрактов получает распространение в закрытых или корпоративных информационных системах, где доступ к программному коду, условиям исполнения и данным о сторонах ограничен рамками конкретной платформы. В таких условиях возможность ознакомления со смарт-контрактом предоставляется только заранее определенному кругу лиц.

При этом, стоит отметить, что конфиденциальность не является определяющим признаком смарт-контракта и не для всякого обязательства, исполняемого данным способом она характерна. Поскольку размещение смарт-контракта доступно и на сервисах, доступ которым предоставляется неограниченному кругу лиц (публичный доступ). Данный признак характерен только для тех для смарт-контрактов, которые реализуются в закрытых цифровых системах.

Заключительным признаком, характерным исключительно для смарт-контрактов является его самоисполняемость. Данный признак тесно связан с наличием исполняемого алгоритма, о котором ранее уже излагалось в рамках данного исследования. В самоисполнении в результате наступления определенных соглашением обстоятельств и прописанных в программный код, проявляется отличие смарт-контракта от электронной формы договора. Электронный договор, несмотря на цифровую форму, сам по себе не исполняет обязательства, а лишь закрепляет соглашение сторон в электронном виде. Смарт-контракт же не только фиксирует условия, но и содержит механизм их практической реализации. Следовательно, самоисполняемость выступает не дополнительной, а основополагающей отличительной характеристикой данной конструкции, поскольку без нее смарт-контракт утратил бы свое основное функциональное назначение, а именно, автоматизацию исполнения.

Одними из первых использовать смарт-контракты в отечественном банковском секторе начали такие организации как ПАО Сбербанк и АО «Альфа-Банк».

К примеру, согласно данным портала ПАО Сбербанк, в данной организации активно продвигается использование смарт-контрактов для рас-

четов с контрагентами [4]. Запущен специальный сервис в рамках программы ПАО Сбербанк для бизнеса и предлагается использование технологии API.

АО «Альфа-Банк» использует технологию смарт-контрактов, в основном, для корпоративных клиентов через платформу ЦФА «А-Токен» (на блокчейне HyperLedger). Данная организация посредством смарт-контрактов автоматизируют выпуск, оборот и погашение цифровых финансовых активов, а также обеспечивают выполнение залоговых обязательств по контрактам [5].

Таким образом, учитывая определяющие и отличительные признаки смарт-контрактов, можно видеть, что данный способ исполнения обязательств получает все более широкое распространение на территории РФ, а равно и за рубежом. Банки используют такие технологии прежде всего для автоматизации расчетов, выпуска цифровых финансовых активов, сопровождения сделок, обмена данными между участниками финансового рынка и снижения издержек при исполнении обязательств. При этом в большинстве случаев речь идет не о полном замещении традиционного договора смарт-контрактом, а о применении программного алгоритма как инструмента исполнения или обеспечения отдельных условий существующих в иных форме договоров. При этом, самоисполняемость не должна служить преградой для реализации воли участников правоотношения, а связь программного обеспечения и его функционирования с нормативно правовым регулированием обязательственных правоотношений порождает как для законодателя, так и для правоприменительной практики определенные трудности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

[2] Олейник Е.В. Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России // Материалы VI Международного научного конгресса. Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / под научной редакцией

А.В. Шарковой, О.Н. Васильевой, Б. Оторовой. 2018. С. 310

[3] Кузнецов М.О. Правовой режим смарт-контрактов в России, Германии и США: сравнительный анализ // Теория и практика общественного развития. 2024. № 2. С. 132–140. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.2.18>

[4] Сбер открыл свою платформу цифровых активов для всех юридических лиц [Электронный ресурс] // Сбер. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=868d6a4d-c5cc-4f00-aef1-7c83fa9897a1&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS> (дата обращения: 20.12.2025)

[5] Правила информационной системы АО «Альфа-Банк» [Электронный ресурс]. URL: https://alfabank.servicecdn.ru/site-upload/7f/d6/7579/pravila_informacionnoi_sistemy_v4_15042026.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

References:

[1] Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated July 31, 2020 No. 259-FZ2 // SPS ConsultantPlus

[2] Oleynik E.V. Smart Contract: Concept and Development Prospects in Russia // Proceedings of the VI International Scientific Congress. Theory and Practice of Entrepreneurship Development: Modern Concepts, Digital Technologies, and an Effective System / edited by A.V. Sharkova, O.N. Vasilyeva, B. Otorova. 2018. P. 310

[3] Kuznetsov M.O. Legal Regime of Smart Contracts in Russia, Germany, and the USA: A Comparative Analysis // Theory and Practice of Social Development. 2024. No. 2. P. 132–140. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.2.18>

[4] Sberbank Opens Its Digital Asset Platform to All Legal Entities [Electronic Resource] // Sber. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=868d6a4d-c5cc-4f00-aef1-7c83fa9897a1&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS> (accessed: 20.12.2025)

[5] Rules of the Information System of Alfa-Bank JSC [Electronic Resource]. URL: https://alfabank.servicecdn.ru/site-upload/7f/d6/7579/pravila_informacionnoi_sistemy_v4_15042026.pdf (accessed: 10.02.2026).

БУДАКОВ Темур Авдубакиевич,
Аспирант 1 курса направления подготовки 5.1 Право,
Южно-Российский институт управления- филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: y.temur@ya.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН: СООТНОШЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ И КРЕДИТОРСКОЙ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. В статье исследуется вопрос о конституционно-правовом целеполагании института несостоятельности (банкротства) граждан.

Обосновывается, что действующая российская модель сочетает элементы реабилитации добросовестного должника и коллективной защиты имущественных интересов кредиторов, однако не содержит достаточно ясного нормативного выражения соотношения указанных целей. Такая неопределенность усиливает риск смещения процедуры в сторону формального пополнения конкурсной массы даже в тех делах, где экономический эффект минимален, а затрагиваемые права должника и членов его семьи имеют повышенную конституционную значимость. На основе анализа Конституции Российской Федерации, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, практики Верховного Суда Российской Федерации, а также авторской эмпирической выборки дел о банкротстве граждан формулируется вывод о необходимости рассматривать банкротство граждан как институт на стыке частного и публичного права. В работе разграничиваются санкционная, реабилитационная и смешанная модели цели института, доказываемая конституционная предпочтительность смешанной модели, при которой реабилитация добросовестного должника и защита имущественных прав кредиторов рассматриваются не как взаимоисключающие, а как взаимосвязанные элементы единой правовой конструкции. Предлагается авторская редакция специальной нормы для статьи 213.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», закрепляющей социально-экономическую реабилитацию добросовестного гражданина и справедливое, соразмерное удовлетворение требований кредиторов в качестве взаимосвязанных целей процедуры. Делается вывод о том, что нормативная фиксация цели института способна повысить предсказуемость правоприменения, дисциплинировать судебную мотивировку и снизить риск несоразмерного вмешательства в жилищные, семейные и иные социально значимые права.

Ключевые слова: банкротство граждан, конституционное право, целеполагание, добросовестный должник, реабилитация, права кредиторов, соразмерность, правовая определенность, жилищные права, защита семьи.

BUDAKOV Temur Avdubakievich,
1st year postgraduate student in the field of Law 5.1
South Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GOAL-SETTING OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY OF CITIZENS: THE RATIO OF REHABILITATION AND CREDITOR GOALS

Annotation. The article examines the issue of the constitutional and legal goal-setting of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens. It is proved that the current Russian model combines elements of

rehabilitation of a bona fide debtor and collective protection of creditors' property interests, but does not contain a sufficiently clear normative expression of the correlation of these goals. Such uncertainty increases the risk of shifting the procedure towards formal replenishment of the bankruptcy estate, even in cases where the economic effect is minimal and the affected rights of the debtor and his family members are of increased constitutional importance. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the author's empirical sample of bankruptcy cases, the author concludes that it is necessary to consider bankruptcy of citizens as an institution at the junction of private and public law. The paper distinguishes between the sanctioning, rehabilitation and mixed models of the institution's purpose, proves the constitutional preference of the mixed model, in which the rehabilitation of a bona fide debtor and the protection of creditors' property rights are considered not as mutually exclusive, but as interrelated elements of a single legal structure. The author's version of the special norm for Article 213.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" is proposed, which establishes the socio-economic rehabilitation of a bona fide citizen and fair, proportionate satisfaction of creditors' claims as interrelated objectives of the procedure. It is concluded that the normative fixation of the institute's purpose can increase the predictability of law enforcement, discipline judicial motivation and reduce the risk of disproportionate interference in housing, family and other socially significant rights.

Key words: *bankruptcy of citizens, constitutional law, goal setting, bona fide debtor, rehabilitation, creditors' rights, proportionality, legal certainty, housing rights, family protection.*

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) гражданина за последнее десятилетие превратился в один из наиболее востребованных механизмов разрешения долговых кризисов. Одновременно он оказался в зоне повышенного конституционно-правового напряжения. В рамках одной процедуры пересекаются право собственности кредиторов, интересы гражданского оборота, достоинство личности должника, принцип социального государства, право на судебную защиту, а в ряде случаев - право на жилище и гарантии семьи, материнства и детства. По этой причине банкротство граждан нельзя рассматривать только как специальную разновидность конкурсного распределения имущества. Оно представляет собой правовой механизм, в котором всякий значимый шаг - от введения процедуры до завершения дела - должен соотноситься с вопросом о том, ради какой цели допускается ограничение конституционных прав гражданина - должника и где проходят пределы такого ограничения.

Для современной российской модели характерна важная особенность: цель банкротства гражданина не названа в законе с той степенью ясности, которая позволяла бы рассматривать ее как рабочий ориентир для суда, финансового управляющего и участников дела. С одной стороны, наличие института освобождения от обязательств очевидно указывает на реабилитационную направленность. С другой стороны, структура процедуры, набор ограничений и интенсивность споров по поводу конкурсной массы создают устойчивое впечатление, что в практическом измерении институт нередко функционирует преимущественно как механизм мобили-

зации имущественного ресурса. Именно в этой точке возникает проблема целеполагания: пока закон и практика не дают ясного ответа, что в процедурах банкротства граждан является основным смыслом вмешательства, возрастает риск формализма, автоматизма и несоразмерных решений.

В юридической литературе вопрос о целях банкротства обычно рассматривается либо в плоскости частноправового баланса интересов должника и кредиторов, либо через экономическую функцию института. Между тем для дел о банкротстве граждан такой подход недостаточен. Он не позволяет в полной мере объяснить, почему в социально чувствительных узлах - прежде всего в вопросах, связанных с единственным жильем, средствами к существованию, интересами несовершеннолетних, - обычная логика конкурсной массы сталкивается с конституционно значимыми пределами. Не менее важно и то, что без четкого представления о цели института невозможно выстроить внятную модель соразмерности ограничений, а значит, и добиться единообразия судебной практики.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить конституционно-правовой смысл целеполагания банкротства граждан, разграничить основные модели его нормативного понимания и обосновать необходимость законодательного закрепления сбалансированной цели процедуры. В качестве исходного тезиса принимается следующее положение: конституционно корректное целеполагание института банкротства граждан должно соединять реабилитацию добросовестного должника и справедливую защиту имущественных прав кредиторов, не превращая ни одну из этих задач в абсолют.

1. Банкротство граждан как институт на стыке частного и публичного права

Конституционно-правовой анализ института банкротства граждан следует начинать с его двойственной природы. По своему ближайшему юридическому материалу банкротство связано с обязательствами, имуществом, риском неплатежеспособности, конкуренцией частных требований, то есть принадлежит сфере частного права. Однако по способу организации, по интенсивности вмешательства в правовое положение гражданина и по последствиям для его статуса этот институт давно вышел за рамки сугубо частно-правовой конструкции. Судебная форма процедуры, обязательность коллективного режима удовлетворения требований, публично значимые ограничения поведения должника, участие финансового управляющего как процессуально самостоятельной фигуры, а также последствия завершения процедуры свидетельствуют о выраженном публичном компоненте банкротства граждан.

Указанная двойственность не является лишь академической характеристикой. От нее напрямую зависит ответ на вопрос о целях института. Если рассматривать банкротство исключительно как частноправовой механизм перераспределения имущественных потерь, естественным центром всей конструкции станет максимизация удовлетворения требований кредиторов. Если же признать, что процедура затрагивает базовые конституционные блага - достоинство, минимально допустимые условия существования, устойчивость семейной среды, жилищную обеспеченность, - то модель целеполагания неизбежно становится более сложной. Тогда интерес кредитора остается значимым, но он уже не может служить единственным критерием оценки правомерности ограничений.

Именно поэтому для банкротства гражданина неприменима редукция к «усиленному взысканию». Взыскание как обычная частноправовая реакция на нарушение обязательства не предполагает того объема вмешательства, который характерен для банкротства. Несостоятельность гражданина затрагивает не только имущественную сферу, но и общий правовой статус лица, возможности его участия в экономической жизни после завершения дела, а в социально чувствительных ситуациях - интересы членов семьи, которые не являются стороной долгового обязательства. Следовательно, банкротство граждан должно оцениваться как институт на стыке частного и публичного права, что, в свою очередь, требует специального режима правовой определенности, повышенного стандарта мотивировки и более строгой проверки целей вмешательства.

Такой подход находит опору и в конституционно-судебной интерпретации природы банкротства. Конституционный Суд Российской Федерации еще в более ранних позициях указывал на публично-правовой характер законодательства о несостоятельности, подчеркивая, что его задача не исчерпывается урегулированием частного конфликта, а связана с организацией справедливого баланса интересов разных участников оборота. В применении к потребительскому банкротству этот тезис приобретает еще более выраженное значение, поскольку имущественный конфликт здесь тесно сопрягается с защитой личности и семьи. Следовательно, вопрос о цели института должен решаться не в узком экономическом, а в конституционно-правовом ключе.

2. Конституционная коллизия между защитой кредитора и защитой должника

Проблема целеполагания в банкротстве гражданина является, по существу, проблемой конституционной коллизии. В процедуре сталкиваются, как минимум, два крупных массива ценностей. С одной стороны, это право собственности кредитора и связанный с ним интерес в получении исполнения, а также принцип устойчивости и предсказуемости гражданского оборота. С другой стороны, это достоинство личности должника, право на судебную защиту, принцип социального государства, а в ряде ситуаций - право на жилище и защита семьи и детства.

С методологической точки зрения ошибкой было бы признать любую из названных ценностей абсолютной. Абсолютный приоритет кредитора фактически превращал бы институт банкротства граждан в механизм легализованного разрушения минимальных условий жизни ради максимизации конкурсной массы. Абсолютный приоритет должника, напротив, вел бы к размыванию обязательственной дисциплины и к недопустимому обесценению права собственности кредиторов. Конституционно корректное решение заключается не в выборе победителя, а в выработке справедливого баланса, в рамках которого каждая из конфликтующих ценностей получает защиту в пределах, совместимых с сохранением другой.

Именно здесь целеполагание становится не отвлеченной теорией, а рабочим инструментом правоприменения. Пока не определено, в чем состоит нормативный смысл процедуры, невозможно ответить, какие ограничения действительно служат цели, а какие возникают по инерции института или по логике формального пополнения конкурсной массы. Так, ограничение распоряжения имуществом, обязанность полного раскрытия сведений, возможность оспаривания сделок, продажа активов, постпроцедурные запреты - все эти меры могут быть признаны

оправданными лишь постольку, поскольку они функционально связаны с конституционно допустимой целью и не выходят за пределы необходимого.

Характерно, что именно в делах о банкротстве граждан выявляется наибольшая чувствительность к ошибкам целеполагания. Если в корпоративной несостоятельности в центре обычно находится вопрос об экономической эффективности распределения и о судьбе бизнеса, то в потребительском банкротстве формально одинаковое решение может иметь принципиально разное конституционное качество в зависимости от того, насколько оно учитывает жизненную ситуацию конкретного должника. Продажа имущества, сохранение или утрата жилья, исключение либо невключение средств, необходимых для содержания детей, - все это показывает, что цель процедуры должна быть способна объяснить не только итог, но и допустимые средства его достижения.

3. Основные модели цели института банкротства граждан

В доктрине и судебном дискурсе можно выделить по меньшей мере три модели целеполагания банкротства граждан: санкционную, реабилитационную и смешанную.

Санкционная модель исходит из того, что несостоятельность гражданина должна прежде всего обеспечивать максимально возможную защиту кредиторов, а освобождение от обязательств представляет собой исключение, допустимое лишь после полного исчерпания имущественного ресурса должника и прохождения им жесткой процедуры проверки. В логике этой модели банкротство тяготеет к квазикарательному механизму: должник должен не столько восстановить экономическую самостоятельность, сколько понести допустимые правом последствия своей неплатежеспособности. При внешней привлекательности для кредиторского дискурса такая модель конституционно уязвима, поскольку легко трансформирует ограничения в самоценный инструмент давления и плохо согласуется с принципами достоинства личности и социального государства.

Реабилитационная модель, напротив, воспринимает институт банкротства как юридически организованный «второй шанс». Центральным в ней становится не извлечение максимальной имущественной выгоды, а создание возможности для добросовестного должника выйти из долговой безысходности и возвратиться к нормальному участию в гражданском обороте. Защита кредиторов в этой модели не устраняется, но ограничивается пределами реально доступной конкурсной массы и фильтром добросовестно-

сти. Достоинство такой конструкции состоит в ее более тесной связи с идеей социальной государственности, однако при недостаточно четких критериях добросовестности и соразмерности она может восприниматься как чрезмерно благоприятная для должника и снижающая уровень доверия к обязательствам.

Смешанная модель исходит из необходимости соединить оба подхода. В ее рамках банкротство гражданина рассматривается как процедура, одновременно направленная на реабилитацию добросовестного должника и на справедливое удовлетворение требований кредиторов в пределах, совместимых с сохранением конституционно значимого минимума прав должника и его семьи. Именно эта модель позволяет избежать крайностей. Она не превращает банкротство в санкцию за сам факт неплатежеспособности, но и не освобождает должника от необходимости добросовестного поведения и допустимых ограничений.

Для конституционно-правового анализа особенно важно, что смешанная модель не сводится к простой сумме двух целей. Ее нормативный смысл состоит в функциональной связи между ними. Реабилитация добросовестного гражданина невозможна без определенного уровня защиты интересов кредиторов, поскольку в противном случае подрывается легитимность самого института. В то же время защита кредиторов не может реализовываться средствами, разрушающими конституционное ядро статуса должника. Следовательно, соотношение реабилитационной и кредиторской целей следует строить не по модели абстрактного компромисса, а как внутренне взаимосвязанную конструкцию, проверяемую через требования необходимости, соразмерности и правовой определенности.

4. Российская модель и проблема нормативной неопределенности

Российское законодательство о банкротстве граждан формально содержит элементы обеих основных целей, но не формулирует их прямо и не раскрывает их соотношение. Освобождение гражданина от обязательств после завершения процедуры свидетельствует о наличии реабилитационной логики. В то же время архитектура главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», ориентированная на выявление, инвентаризацию и реализацию имущества, а также на оспаривание подозрительных действий, демонстрирует устойчивую кредиторскую составляющую. Нормативная проблема заключается не в самом сочетании этих элементов, а в том, что закон не переводит их в категорию общего ориентира для правоприменителя.

Отсутствие ясно выраженной нормы о цели процедуры имеет несколько практических последствий. Во-первых, суду и управляющему фактически приходится реконструировать цель института из отдельных норм и судебных позиций, что само по себе снижает предсказуемость практики. Во-вторых, возникает риск подмены конституционно значимой цели частными целями отдельных процессуальных участников - например, стремлением к формальному наращиванию конкурсной массы без соотнесения с реальным экономическим эффектом и социальными последствиями. В-третьих, при отсутствии специальной законодательной нормы ослабевает требование связывать ограничения прав должника с проверкой их необходимости и допустимости.

Показательно, что именно в делах с минимальным имущественным потенциалом нередко проявляется разрыв между реабилитационной идеей и внутренней логикой процедуры. Авторская выборка завершенных дел о банкротстве граждан показывает, что значительная часть процедур проходит без спорного имущества, а вопрос о добросовестности должника в ряде случаев вообще не становится предметом самостоятельного судебного анализа, хотя именно он должен определять допустимость дальнейшего освобождения от долгов и интенсивность вмешательства. Такая конфигурация означает, что процедура порой движется по инерции установленной законом архитектуры, а не под воздействием четко артикулированной цели.

Нормативная неопределенность особенно заметна там, где требуется разрешать социально чувствительные коллизии. Вопросы о пределах обращения взыскания на единственное жилье, о судьбе остатка денежных средств после реализации ипотечного жилья, о сохранении средств на содержание детей, о допустимости специальных реабилитационных решений при споре с залоговым кредитором - все эти узлы разрешаются сегодня преимущественно за счет судебных правовых позиций, а не за счет прямо сформулированной законодателем конструкции цели и ее пределов. Это делает систему гибкой, но одновременно менее предсказуемой и более зависимой от качества мотивировки конкретного судебного акта.

5. Конституционные основания приоритета смешанной модели

Смешанная модель цели института банкротства граждан получает наибольшее обоснование именно в конституционно-правовой плоскости. Ее реабилитационный элемент опирается прежде всего на статьи 7 и 21 Конституции Российской Федерации. Принцип социального государства

требует, чтобы правовая система не оставляла гражданина в положении пожизненной долговой зависимости, если его неплатежеспособность носит объективный характер и не сопряжена с доказанным злоупотреблением. Требование уважения достоинства личности исключает такую организацию процедуры, при которой имущественные интересы кредиторов достигаются ценой разрушения базовых условий человеческого существования.

Вместе с тем конституционный статус права собственности кредиторов, закрепленный в статье 35 Конституции Российской Федерации, не позволяет выстроить институт несостоятельности как односторонне благоприятный для должника. Кредитор вправе рассчитывать на коллективную и справедливую защиту своих требований в пределах конкурсной массы, а также на то, что правовая система не будет поощрять стратегическое уклонение от исполнения обязательств. Именно поэтому добросовестность должника и защита кредиторских интересов образуют не внешний предел реабилитации, а ее внутреннее условие.

Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации играет в рассматриваемой конструкции системообразующую роль. Она требует, чтобы ограничение прав допускалось лишь в той мере, в какой оно необходимо для защиты иных конституционно значимых ценностей. Применительно к банкротству граждан это означает, что не только отдельные меры, но и само понимание цели процедуры должно отвечать конституционному тесту. Если цель формулируется слишком узко и кредиторцентрично, появляется риск оправдания практически любого вмешательства ссылкой на интересы конкурсной массы. Если же цель понимается только как освобождение добросовестного гражданина от долгов, возникает противоположный риск - обесценивание имущественных прав кредиторов и подрыв доверия к обороту. Смешанная модель позволяет избежать обеих крайностей, поскольку задает рамку для дальнейшей проверки средств через требования пригодности, необходимости и справедливого баланса.

Конституционно предпочтительный характер смешанной модели подтверждается и развитием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. В жилищных, семейных и иных социально чувствительных узлах Суд последовательно исходит из того, что защита кредитора не может быть реализована ценой полного игнорирования минимального стандарта прав должника и его семьи. Вместе с тем позиции КС РФ не создают абсолютных иммунитетов, а, напротив, строятся на логике баланса и сораз-

мерности. Это означает, что для конституционного правосудия сама идея сочетания защиты кредитора и реабилитации должника является внутренне оправданной; спорным остается лишь вопрос о качестве нормативного и практического воплощения такого сочетания.

6. Эмпирическое измерение проблемы целеполагания

Теоретическая постановка вопроса о цели института получает дополнительную убедительность, когда сопоставляется с эмпирическим материалом. В авторской аналитической выборке завершенных дел о банкротстве граждан количественно обработанная часть массива показывает, что 43,5% процедур укладывались в срок от четырех до восьми месяцев, 25,9% дел длились от девяти до двенадцати месяцев, а 30,6% процедур выходили за этот предел. При этом в 71,8% дел спорное имущество отсутствовало, тогда как торги вводились в 14,1% случаев, а вопрос об оспаривании сделок специально поднимался лишь в 4,7% дел.

Сам по себе этот материал не свидетельствует о «неправильности» существующей процедуры. Однако он выявляет важный структурный момент: даже в ситуации, когда имущественный потенциал дела невелик, внутренняя логика процедуры продолжает тяготеть к поиску актива и к использованию стандартного набора ограничений, тогда как вопрос о добросовестности должника и о реабилитационном смысле процедуры нередко остается на втором плане. Иными словами, отсутствие четко артикулированной цели института сказывается не только в теоретической плоскости, но и в повседневной судебной работе.

Особенно показателен этот вывод в тех делах, где впоследствии возникают жилищные или семейные узлы. Если на начальной стадии процедуры ее нормативная цель не понимается как сбалансированная, то и дальнейшие решения нередко строятся в логике формального примата имущественного результата. Между тем именно в делах о банкротстве граждан такая логика конституционно уязвима: здесь цена ошибки измеряется не только неравномерным распределением имущественных потерь, но и вмешательством в социально значимые права.

Следовательно, эмпирический материал подтверждает главный тезис статьи: вопрос о цели института банкротства граждан не сводится к понятийной аккуратности. Он имеет прямое значение для организации всей процедуры, для выбора между реабилитацией и ликвидацией, для оценки допустимости ограничений и, в конечном счете, для качества судебной мотивировки.

7. Необходимость законодательного закрепления цели института

С учетом изложенного представляется оправданным вывод о необходимости прямого нормативного закрепления цели процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина. Размещение такой нормы в статье 213.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» представляется наиболее логичным, поскольку именно эта статья задает вводный контур всей главы X и способна выполнять функцию общего ориентира для правоприменения.

Предлагаемое решение состоит не в декларативном повторении общих доктринальных формул, а в закреплении такой нормы, которая бы связывала целеполагание с пределами допустимых средств. В содержательном плане соответствующее положение может быть выражено следующим образом: процедуры, применяемые в деле о банкротстве гражданина, направлены на социально-экономическую реабилитацию добросовестного гражданина и на справедливое, соразмерное удовлетворение требований кредиторов в пределах конкурсной массы; ограничения прав гражданина и иные последствия процедуры допустимы лишь постольку, поскольку они необходимы для достижения указанных целей и не затрагивают конституционно гарантированный минимум жилищных, семейных и иных социально значимых прав.

Достоинство такой формулы заключается в ее операциональности. Она не исключает ни одну из действующих целей института, но переводит их в режим взаимосвязи и одновременно указывает на конституционные пределы вмешательства. Для суда это означало бы необходимость прямо соотносить конкретную меру не только с текстом закона, но и с целью института. Для финансового управляющего - обязанность оценивать разумность спорных действий не через формальный критерий потенциального пополнения конкурсной массы, а через их связь с общей логикой процедуры. Для кредиторов - более предсказуемую рамку того, какие ограничения и какие меры могут считаться допустимыми. Для должника и его семьи - укрепление гарантий против несоразмерного и немотивированного вмешательства.

Разумеется, сама по себе такая норма не устранил всех проблем правоприменения. Она не заменит ни судебных разъяснений, ни качественной работы с доказательствами, ни дальнейшей кодификации наиболее конфликтных узлов. Однако отсутствие специальной нормы о цели института сегодня создает базовый дефицит правовой определенности. Поэтому ее законодательное закрепление следует рассматривать как необходимый первый шаг к более целостной конституционно ориентированной модели банкротства граждан.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов.

Во-первых, банкротство гражданина представляет собой институт на стыке частного и публичного права, поэтому вопрос о его цели не может решаться только в логике конкурсного распределения имущества. Процедура затрагивает конституционно значимые права и блага, а потому нуждается в специальном режиме целеполагания и проверки допустимости ограничений.

Во-вторых, в сфере банкротства граждан сталкиваются по меньшей мере две равнозначно значимые группы ценностей - имущественные права кредиторов и права должника, включая его право на достойные условия существования, судебную защиту, а в ряде случаев также жилищные и семейные гарантии. Ни одна из этих групп не обладает абсолютным приоритетом, что требует построения модели справедливого баланса.

В-третьих, из возможных моделей цели института - санкционной, реабилитационной и смешанной - наибольшей конституционной убедительностью обладает смешанная модель. Она позволяет соединить реабилитацию добросовестного должника и справедливую защиту прав кредиторов, не превращая ни одну из этих задач в подавляющий центр всей процедуры.

В-четвертых, российская модель банкротства граждан уже фактически строится на сочетании реабилитационной и кредиторской логики, однако закон не закрепляет это сочетание как ясный нормативный ориентир. Такая неопределенность ослабляет правовую определенность, затрудняет выработку единообразных критериев и увеличивает риск смещения процедуры в сторону формального пополнения конкурсной массы.

В-пятых, прямое закрепление цели процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, в статье 213.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» представляется обоснованным и практически значимым. Такая норма способна усилить предсказуемость правоприменения, дисциплинировать судебную мотивировку и сделать более очевидной конституционную связь между целями процедуры и допустимыми средствами их достижения.

Тем самым целеполагание института банкротства граждан должно рассматриваться не как факультативная доктринальная тема, а как центральный элемент конституционно-правовой архитектуры процедуры. Именно через правильное определение цели становятся возможными дальнейшие ответы на вопросы о соразмерности ограничений, о стандарте добросовестности и о пределах защиты семьи и жилья в делах о банкротстве граждан.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом последующих поправок).
- [2] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.
- [3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П.
- [4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П.
- [5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 15-П.
- [6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П.
- [7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 28-П.
- [8] О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45.
- [9] О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48.
- [10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40.
- [11] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.
- [12] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М., 2020.
- [13] Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики: развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда РФ. М., 2004.
- [14] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.
- [15] Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to subsequent amendments).
- [2] Insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002.
- [3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 No. 12-P.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P.

[5] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 15-P.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2024 No. 11-P.

[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2024 No. 28-P.

[8] On certain issues related to the implementation of procedures applied in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 45.

[9] On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in cases of bankruptcy of citizens: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2024 No. 40.

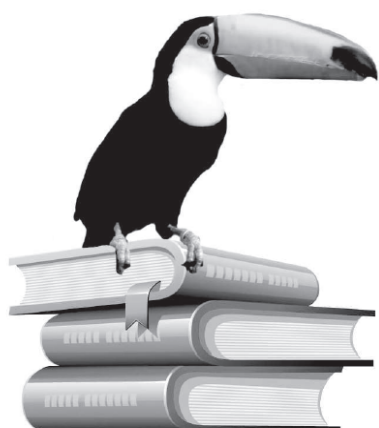
[11] Review of judicial practice in bankruptcy cases of citizens: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation June 18, 2025

[12] Avakyan S. A. Constitutional law of Russia: training course: in the 2 of Comrade T. 1. M., 2020.

[13] Hajiyeve G. A. Constitutional principles of a market economy: development of civil law foundations in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. M., 2004.

[14] V. Zorkin. Constitutional and legal development of Russia. M., 2011.

[15] Lazarev L. V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. M., 2008.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ДЫМСКИЙ Даниил Андреевич,
Аспирант 2-ого года обучения юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МАТВЕЕВА Наталья Алексеевна,
кюн, доцент кафедры ПРЭД
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: dimskydaniil@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ДОГОВОРА ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ

Аннотация. В Российской Федерации действующим законодательством предусмотрена возможность страховщика оспорить действие договора страхования в случае, если страхователем сообщены заведомо ложные сведения при заключении договора страхования. При этом, достаточно противоречивым является толкование заведомой лжности называемых сведений, судебная практика подходит по-разному к этому вопросу. Нормы действующего законодательства не позволяют требовать признания договора недействительным в случае, если речь идет об умалчивании сведений, при этом общие положения об обмане при заключении сделок говорят об обратном.

Ключевые слова: Договор личного страхования, недействительная сделка, судебная практика, Совет при президенте по правовым вопросам, недействительность договора страхования, последствия недействительности договора страхования, сравнительно-правовой анализ, зарубежное законодательство.

DYMSKY Daniil Andreevich,
2nd year postgraduate student of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
MATVEEVA Natalia Alekseevna,
PhD, Associate Professor of the Department of LREA
Financial University under the Government
of the Russian Federation

CURRENT ISSUES OF INVALIDATING A PERSONAL INSURANCE CONTRACT

Annotation. In the Russian Federation, current legislation provides for the possibility for an insurer to challenge the validity of an insurance contract if the policyholder has knowingly provided false information when concluding an insurance contract. At the same time, the interpretation of the deliberate falsity of the so-called information is quite contradictory, judicial practice approaches this issue in different ways. The norms of the current legislation do not allow to require the recognition of the contract as invalid if it is a question of omission of information, while the general provisions on deception at the conclusion of transactions indicate the opposite.

Key words: Personal insurance contract, invalid transaction, judicial practice, Presidential Council on Legal Issues, invalidity of insurance contract, consequences of invalidity of insurance contract, comparative legal analysis, foreign legislation.

В настоящее время, все более и более актуальным становится вопрос предоставления страхователем достоверных сведений о состоянии здоровья, видах спортивной, профессиональной или иной экстремальной деятельности, а также иной информации, влияющих на степень определения страхового риска при принятии застрахованного лица страховщиком на страхование. Все чаще суды сталкиваются с сложностями в вопросах квалификации сделки как недействительной на основании комплексного применения положений ст. 179 ГК РФ [1] и ст. 944 ГК РФ [2]. Судебная практика по-разному отвечает на вопрос о наличии или отсутствии оснований для признания договора страхования недействительным, поскольку действующее законодательство не устанавливает четких критериев определения наличия умысла на сообщение заведомо ложных сведений в действиях страхователя при заключении договора личного страхования.

Так, п.1 ст. 944 ГК РФ установлена обязанность страхователя сообщить все известные ему сведения и обстоятельства, влияющие на степень определения страхового риска в отношении страхуемого риска. Это означает, что страхователь обязан сообщить о наличии всех имеющихся заболеваний застрахованного лица, о виде его профессиональной, трудовой и иной деятельности, о его увлечениях, то есть обо все факторах, увеличивающих степень страхового риска. Поскольку данная обязанность должна корреспондироваться с определенной мерой ответственности, то законодатель установил последствия сообщения заведомо ложных сведений в части предоставления указанной информации, что предусмотрено п.3 ст. 944 ГК РФ. Таким образом, формируется четко выстроенная правовая конструкция: обязанность страхователя сообщить всю известную информацию о существующих рисках, влияющих на страхование и ответственность за сообщение заведомо ложной информации, выражающаяся в виде возможности обращения страховщика с иском о признании недействительным договора страхования, в рамках которого страхователем сообщены заведомо ложные сведения.

Важным аспектом квалификации подобных договоров в качестве недействительных является определение дефиниций, установленных законодателем. Судам необходимо определить, что является заведомым предоставлением сведений, какие сведения являются ложными. Действующее законодательство не определяет критерии заведомой ложности, не определяет, какие сведения влияют на степень определения страхового риска. Ввиду этого, на данный вопрос призвана

ответить судебная практика. Так, в абз.2 п.18 Постановления Пленума ВС РФ №19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» указано, что обстоятельства, умолчание о которых может привести к возможности страховщика обратиться с иском о признании договора страхования недействительным, должны быть четко определены сторонами либо в самом тексте договора, либо в письменном запросе страховщика. Из этого можно сделать вывод, что в случае, если страхователь не сообщил о наличии у застрахованного лица, к примеру, онкологического заболевания, но при этом страховщик не ставил вопрос о наличии/отсутствии подобного заболевания у застрахованного лица, то это свидетельствует об отсутствии факта установления необходимости предоставления данных сведений и как следствие влияние этих обстоятельств на определение степени страхового риска. Это означает, что страховщик не вправе требовать признания подобного договора страхования недействительным, так как страхователь в принципе не мог знать о необходимости раскрытия определенной информации, то есть не мог предоставить заведомо ложные сведения. При этом, важно заметить, что само по себе включение каких-либо условий в качестве необходимых для определения степени страхового риска, не свидетельствует о том, что они должны восприниматься судами таковыми. Так, абз.3 п.18 Постановления Пленума ВС РФ №19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» устанавливает, что судам необходимо оценивать реальное влияние запрашиваемых сведений на определение страхового риска. Фактически, судам необходимо устанавливать причинно-следственную связь сразу между несколькими элементами и установить взаимосвязь между:

- Принятыми на страхование рисками;
- Запрашиваемыми сведениями при осуществлении страхования, являющимися необходимыми для определения степени страхового риска;
- Предоставленными ложными сведениями со стороны страхователя.

Получается, что суд должен определить, насколько действительно повлияла представленная заведомо ложная информация, установленная текстом договора страхования или запроса страховщика, на возможность заключения договора страхования. Указанная правоприменительная норма призвана помогать судам определить, стал бы страховщик заключать договор страхования, если бы ему было известно о наличии тех или иных сложностей на стороне застрахованного лица. К примеру, вопрос «передвигается ли

вы на общественном транспорте?» не способен определить степень страхового риска, поскольку данная формулировка вопроса неактуальна в условиях современного мира, где подавляющее большинство людей пользуются общественным транспортом. Формулировки должны носить четкий и определенный характер и быть связаны с риском, в отношении которого формируется страховое покрытие. Подобное толкование действующего законодательства подтверждается в том числе содержанием п.31 Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020) [3], где Совет при Президенте РФ по кодификации указывает на ограничительное толкование п.1 ст. 944 ГК РФ. По мнению авторов концепции, законодатель накладывает на страховщика обязанность по изучению представленных сведений, а сами сведения должны быть конкретизированы в типовой форме, что и является ограничительным толкованием указанной нормы права.

Особо актуальным является вопрос признания недействительным договора страхования в случае умалчивания страхователем определенных сведений. Так, абз.2 п.2 ст. 179 ГК РФ установлено, что намеренное умалчивание об обстоятельствах также является основанием для установления факта обмана в целях ст. 179 ГК РФ. Поскольку п.3 ст.179 ГК РФ прямо отсылает на возможность признания сделки недействительной на основании ст. 179 ГК РФ, то получается, что страховщик вправе требовать признания недействительным и того договора, по которому представленные заведомо ложные сведения не были запрошены в рамках типовой формы. При этом, как было отмечено ранее, судебная практика исходит из того, что заведомо ложные сведения должны быть представлены, а умолчание о них фактически противоречит содержанию п.3 ст. 944 ГК РФ. Указанный вывод следует в том числе из буквального толкования п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 №75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» [4]. Из этого следует, что страховщик не обладает правом требовать признать договор страхования недействительным в силу положений абз.2 п.2 ст. 179 ГК РФ, что фактически является определенным лишением права и является следствием указанного ранее ограничительного толкования п.1 ст. 944 ГК РФ.

Обратимся к зарубежному опыту в части исполнения обязанности страхователя по рас-

крытию известной ему информации о степени страхового риска. Так, в Великобритании в данной части действуют положениями секции 3 Закона о страховании 2015 [5], до заключения договора страхования страхователь должен осуществить «справедливую презентацию» своих рисков (the duty of fair presentation). Указанная секция названного законодательного акта английского права устанавливает, что «справедливая презентация» состоит из трех составляющих:

- Раскрытие информации, требуемой страховщиком;
- Раскрытие информации наиболее понятным, а также доступным для благоразумного страховщика. Под благоразумным понимается российский аналог принципа добросовестности;
- Каждый представленный страхователем факт является верным, а вся представленная информация представлена добросовестно.

Британское законодательство также устанавливает в чем конкретно заключается раскрытие информации в рамках «справедливой презентации», а именно:

- Раскрытие всех обстоятельств, о которых страхователь знает или должен знать;
- Указать страховщику на отсутствие в распоряжении страхователя определенной информации, чтобы тот самостоятельно оценил степень необходимости исследования и поиска данной информации, что позволит корректно сформировать степень страхового риска.

При этом, в основе предоставления информации все также лежит именно запрос информации. В отсутствии данного запроса, страхователь вправе не раскрывать определенную информацию в случаях:

- Если эта информация не увеличивает, а напротив, уменьшает степень страхового риска;
- Если страховщику известно об этой информации и без раскрытия данной информации. В данном случае, речь идет об отсутствии необходимости раскрытия каких-либо общеизвестных фактов. Иными словами, страхователю не нужно сообщать о наличии у него инвалидности в случае, если из его физического состояния на момент заключения договора страхования можно сделать явный вывод о наличии у него инвалидности;

В иных случаях, обязанность страхователя по раскрытию информации определяется общей нормой.

В британском законодательстве установлены иные меры воздействия на страхователя, недобросовестно исполняющего свои обязанности по раскрытию той или иной запрашиваемой информации. Так, в случае умышленного нарушения своей обязанности по раскрытию требуемой страховщиком информации (*deliberate or reckless*), на стороне страховщика возникает право не только отказаться от договора страхования, не выплачивать страховое возмещение, но и удерживать страховую премию в качестве компенсации. В случае, если произошло не преднамеренное, то есть неумышленное сообщение ложной информации, то страховщик вправе отказаться от договора и не выплачивать страховое возмещение, однако при этом правом на сохранение страховой премии он не обладает, возникает обязанность по возврату премии страхователю. При этом, невиновное сообщение страхователем ложных сведений вовсе исключает возможность защиты страховщика.

Подобный подход коренным образом отличается от российского. Так, страхователь, предполагающий наличие у него каких-либо заболеваний до заключения договора, должен проверить состояние своего здоровья. Это следует из презумпции того, что он должен знать о степени риска. Подобная формулировка закона кратно снижает возможность злоупотреблений правом со стороны страхователей при раскрытии требуемой информации.

В качестве эксперимента, российский законодатель мог бы попробовать частично перенять опыт британского правового регулирования и ввести некоторые положения англо-саксонской правовой системы. Более четкое определение критериев умысла со стороны страхователя, формирование правовых последствий для самого страхователя, в том числе квалификация подобных действий как страховое мошенничество в более широком ключе, могли бы поспособствовать кратно уменьшению злоупотреблений правом со стороны страхователей при заключении договоров страхования. На текущий момент, большинство проблем по сообщению заведомо ложных сведений основаны на фактическом отсутствии ответственности на страхователе. Так называемая более слабая сторона страхового правоотношения может попросту не читать содержание декларации о состоянии здоровья и заключить договор страхования проставив подпись в конце текста условий. В то же время, законодатель и правоприменительная практика определили, что именно страховщик как профессиональный участник рынка должен приложить все усилия для избежания ситуаций сообщения заве-

домо ложных сведений страхователем. Это является подменой обязанностей, в рамках которой обязанность страхователя по раскрытию информацию переформируется и трансформируется в обязанность страховщика исследовать все возможные риски перед заключением договора. Даже в тех условиях, когда страхователю известно о наличии у него заболеваний, а он отвечает отрицательно на вопросы о наличии этих заболеваний в специальной анкете или иной форме запроса информации. Страхователь не несет никаких рисков при умалчивании информации, т.к. положения абз.2 п.2 ст. 179 ГК РФ не применимы к правоотношениям по признанию недействительным договора страхования. Все это приводит к безнаказанности отдельных лиц, что влечет переложения расходов на другие. Это особенно заметно на примере некоторых субъектов Российской Федерации, таких как, например, Новосибирская область, где страховщики из-за высоких рисков страхового мошенничества, в том числе и не сообщения определенной информации о степени риска, начали повышать страховые тарифы по ОСАГО, что приводит к удорожанию страхования в целом. Подобная ситуация вполне реалистична и на рынке страхования, где страховщики вовсе не обязаны раскрывать информацию о тарифах, так как ценообразование страховой премии основано на иных принципах.

Список литературы:

- [1] Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301. – ISSN 1560-0580.
- [2] Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410. – ISSN 1560-0580.
- [3] «Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020) – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
- [4] Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 №75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[5] Закона о страховании Великобритании (принят палатой Лордов в 2015 году) - Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

References:

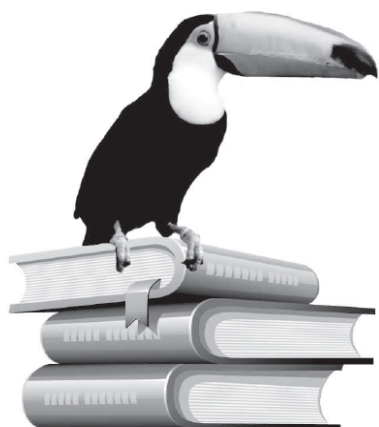
[1] Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (part one): federal law [adopted by the State Duma on November 30, 1994]//Collection of legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994. – № 32. – Art. 3301. – ISSN 1560-0580.

[2] Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (part two): federal law [adopted by the State Duma on December 22, 1995]//Collection of legislation of the Russian Federation. – 29.01.1996. – № 5. – Art. 410. – ISSN 1560-0580.

[3] “Concept for the development of the provisions of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation on the insurance contract” (approved by the decision of the Presidential Council on the Codification and Improvement of Civil Legislation of 25.09.2020 No. 202/op-1/2020) - ConsultantPlus Reference and Legal System.

[4] Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 28.11.2003 No. 75 “Review of the Practice of Consideration of Disputes Related to the Execution of Insurance Contracts” - ConsultantPlus Reference and Legal System.

[5] UK Insurance Act (passed by the House of Lords in 2015) - ConsultantPlus Reference Legal System.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЧЕРДАКОВА Лариса Анатольевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: l.docent@mail.ru

ТОРГАЕВА Дарья Сергеевна,
студент,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: daryatorgaeva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НЕУСТОЙКИ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию трансформации правовой категории неустойки в контексте современной реформы гражданского законодательства и актуальной судебной практики. В работе анализируется двойственная природа неустойки как средства обеспечения обязательств и меры ответственности, а также выявляются ключевые коллизии, возникающие при её применении. Особое внимание уделяется проблеме судебного усмотрения при реализации ст. 333 Гражданского кодекса РФ, вопросу допустимости начисления неустойки на авансовые платежи, а также новым подходам Верховного Суда РФ к толкованию условий договора о неустойке. Автором рассматриваются законодательные инициативы по ограничению полномочий суда в части снижения законной неустойки и причины их отклонения. На основе анализа правоприменительной практики формулируются выводы о необходимости достижения баланса между принципом свободы договора и компенсационной функцией гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: неустойка, реформа гражданского законодательства, снижение неустойки, свобода договора, судебное усмотрение, законная неустойка, злоупотребление правом.

CHERDAKOVA Larisa Anatolyevna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Russian State University of Justice V.M. Lebedev

TORGAEVA Daria Sergeevna,
student,
Russian State University
of Justice V.M. Lebedev

PROBLEMS OF THE LEGAL NATURE AND USE OF PENALTY IN CONTRACTUAL RELATIONS, IN LIGHT OF THE REFORM OF CIVIL LEGISLATION

Annotation. This article examines the transformation of the legal category of penalties in the context of modern civil law reform and current judicial practice. The paper analyzes the dual nature of penalties as a means of securing obligations and as a measure of liability, and identifies key conflicts arising in their application. Particular attention is given to the issue of judicial discretion in the implementation of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, the admissibility of charging penalties on advance payments, and the

Supreme Court of the Russian Federation's new approaches to interpreting the terms of contractual penalties. The author examines legislative initiatives to limit the court's authority to reduce statutory penalties and the reasons for their rejection. Based on an analysis of law enforcement practice, conclusions are drawn regarding the need to achieve a balance between the principle of freedom of contract and the compensatory function of civil liability.

Key words: *penalty, civil law reform, penalty reduction, freedom of contract, judicial discretion, statutory penalty, abuse of rights.*

Введение

Реформирование гражданского законодательства, продолжающееся в Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия, затронуло фундаментальные основы обязательственного права. В центре научной дискуссии и правоприменительной практики неизменно остается неустойка — один из наиболее востребованных, но и наиболее противоречивых институтов гражданского права. Правовая природа неустойки традиционно характеризуется дуализмом: с одной стороны, это способ обеспечения исполнения обязательств, с другой — форма гражданско-правовой ответственности. Этот дуализм порождает комплекс проблем, которые не были окончательно разрешены в ходе реформы и продолжают вызывать споры в доктрине и на практике.

Основная часть

Современное состояние института неустойки характеризуется нарастающим конфликтом между классическим принципом свободы договора и компенсационной функцией ответственности. Ст. 421 Гражданского кодекса РФ провозглашает свободу сторон в определении условий договора, включая размер, порядок исчисления и основания взыскания неустойки [9]. Участники гражданского оборота, реализуя этот принцип, устанавливают в договорах значительные размеры санкций, исходя из собственного усмотрения и оценки возможных рисков. Однако механизм ст. 333 Гражданского кодекса РФ, наделяющий суд правом уменьшать неустойку при её явной несоразмерности последствиям нарушения, выступает в роли ограничителя договорной свободы [9]. Анализ судебной практики 2024–2025 годов свидетельствует о том, что применение ст. 333 Гражданского кодекса РФ превратилось из исключительной меры в рутинный инструмент корректировки договорных условий [12]. Суды зачастую снижают неустойку не только при наличии очевидных признаков несоразмерности, но и в ситуациях, где размер санкций соответствует обычаям делового оборота [5]. Такой подход фактически устраняет достигнутые сторонами договоренности и подрывает стабильность гражданского оборота [8].

Особую актуальность данная проблема приобретает в сфере предпринимательских отношений. В соответствии с ч. 2 ст. 333 Гражданского кодекса РФ, снижение неустойки, установленной договором для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, допускается лишь в исключительных случаях и по заявлению должника [9]. Однако анализ правоприменения показывает, что суды не всегда строго следуют этому предписанию. Квалифицируя те или иные обстоятельства как «исключительные», суды проявляют широкое усмотрение, что приводит к не единообразию практики. Как отмечается в современных исследованиях, для обоснования снижения неустойки должники всё чаще прибегают не только к специальной норме ст. 333 Гражданского кодекса РФ, но и к общим положениям о запрете злоупотребления правом и правилам о несправедливых условиях договора присоединения [1]. Данная ситуация приводит к возникновению коллизий.

Важной проблемой остается соотношение законной и договорной неустойки. Законная неустойка считается менее подверженной судебному корректированию, однако на практике нередко имеет место быть судебское усмотрение по отношению к законной неустойке. В феврале 2025 года в Государственной Думе РФ рассматривался законопроект № 574640-8, направленный на ограничение полномочий суда по уменьшению законной неустойки [7]. Несмотря на убедительную аргументацию, законопроект был отклонен. Правовой комитет и представители Правительства указали, что предлагаемые изменения противоречат устоявшимся позициям Конституционного и Верховного Судов, а также основополагающему принципу равенства сторон. Данное решение законодателя демонстрирует приверженность сложившейся правовой доктрине, рассматривающей неустойку (в том числе законную) прежде всего как инструмент компенсации, а не кары, что допускает её снижение при явной несоразмерности [10].

Отдельного внимания заслуживает проблема толкования условий договора о неустойке и определения момента возникновения обязанности по её уплате. Судебная практика последних лет демонстрирует повышенное внимание высших судебных инстанций к действительной воле

сторон при заключении договора. В Определении Верховного Суда РФ от 27 сентября 2018 года по делу № А40-49067/2017 был сформулирован важный подход: если из переписки сторон и обстоятельств заключения договора не следует, что стороны достигли соглашения о начислении неустойки на авансовые платежи, соответствующее условие должно толковаться в пользу лица, привлекаемого к ответственности [2]. Верховный Суд подчеркнул, что хотя обеспечение неустойкой авансовых платежей само по себе не противоречит закону, такое условие должно быть выражено предельно ясно и не допускать двоякого толкования.

Также на практике встречаются случаи, когда кредиторы не выполняют свои обязательства по договору, вследствие чего невозможно четко определить период начисления неустойки, потому что исполнение обязательства должником невозможно. Арбитражный суд Поволжского округа отменил судебные акты нижестоящих судов, так как не были надлежащим образом исследованы условия исполнения сторонами договора [6]. Это дело иллюстрирует еще одну грань проблемы: неустойка, будучи мерой ответственности, не может начисляться за период, когда должник объективно не имел возможности исполнить обязательство по вине кредитора или при наличии обстоятельств, исключающих его вину [12].

В контексте реформы гражданского законодательства нельзя обойти вниманием и вопрос о соотношении неустойки с иными институтами обязательственного права, в частности, с зачетом встречных требований. Верховный Суд РФ в Определении от 30 октября 2025 года № 306-ЭС22-21279 напомнил о фундаментальном принципе: при зачете требований погашение сумм неустойки не может производиться в приоритетном порядке перед погашением суммы основного долга [4]. Суд указал на недопустимость простого арифметического сложения требований по первоначальному и встречному искам, подчеркнув необходимость соблюдения очередности, установленной ст. 319 Гражданского кодекса РФ. Данный подход направлен на защиту интересов кредитора и предотвращение ситуаций, когда должник, формально проводя зачет, минимизирует свою ответственность, оставляя без погашения основное обязательство и одновременно освобождаясь от санкций [11].

Специфические проблемы применения неустойки возникают в сфере государственных и муниципальных закупок. Федеральный закон № 44-ФЗ устанавливает особые правила начисления и списания неустоек. Судебная практика последовательно исходит из того, что списание неустойки при соблюдении условий, предусмо-

тренных Постановлением Правительства РФ № 783, является обязанностью, а не правом заказчика. В Определении Верховного Суда РФ от 6 мая 2025 года № 308-ЭС25-2615 по делу № А32-48921/2023 подтверждено, что даже если стороны расторгли контракт по соглашению сторон, указав на отсутствие взаимных претензий, это не позволяет заказчику удерживать ранее начисленную неустойку, сумма которой не превышала 5% от цены контракта и подлежала обязательному списанию [5]. Данный подход указывает на компенсационную природу неустойки.

Заключение

Пределы судебного усмотрения при определении соразмерности неустойки остаются одной из самых дискуссионных тем. Действующее законодательство не содержит четких критериев несоразмерности, предоставляя судам значительную свободу. В результате, как отмечают практики, один и тот же размер неустойки может быть признан соразмерным в одном деле и снижен в другом. Такая вариативность создает правовую неопределенность и не способствует стабильности договорных отношений. В Определении от 7 октября 2025 года № 5-КГ25-135-К2 Верховный Суд РФ вновь обратил внимание на необходимость мотивированного обоснования снижения неустойки, указав, что немотивированное уменьшение санкций нарушает принцип справедливости и баланс интересов сторон [3].

Анализ современной доктрины и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что реформа гражданского законодательства, при всей её глубине, не устранила фундаментального противоречия в правовой природе неустойки. Оставаясь одновременно и способом обеспечения, и мерой ответственности, неустойка испытывает на себе давление двух конкурирующих начал: автономии воли сторон и необходимости защиты слабой стороны от несправедливых договорных условий. Представляется, что дальнейшее развитие института должно идти не по пути ограничения судебного усмотрения, а по пути выработки более четких и предсказуемых критериев оценки соразмерности [10]. Важным направлением совершенствования практики является последовательное применение принципа добросовестности при заключении и исполнении соглашений о неустойке.

Список литературы:

- [1] Жестовская Д.А. Снижение неустойки по ст. 333 ГК РФ и концепция несправедливых условий // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2.
- [2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Россий-

ской Федерации от 27 сентября 2018 года № 305-ЭС25-12345 по делу № А40-49067/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2025 года № 5-КГ25-135-К2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 12.

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2025 года № 306-ЭС22-21279 по делу № А65-24051/2019 // СПС «Гарант».

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2025 года № 308-ЭС25-2615 по делу № А32-48921/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 августа 2024 года по делу № А49-6524/2023 // Архив Арбитражного суда Поволжского округа.

[7] Стенограмма заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 февраля 2025 года (законопроект № 574640-8) // Официальный сайт Государственной Думы РФ.

[8] Шпачева Т.В. Выбор способа защиты права в арбитражном суде // Арбитражные споры. 2024. № 4.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.

[10] Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: монография. М.: Проспект, 2013.

[11] Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

References:

[1] Zhestovskaya D.A. Reduction of the penalty under Article 333 of the Civil Code of the Russian

Federation and the concept of unfair conditions // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 2.

[2] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2018 No. 305-ES25-12345 in case No. A40-49067/2017 // SPS "ConsultantPlus".

[3] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 7, 2025 No. 5-KG25-135-K2 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. No. 12.

[4] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 30, 2025 No. 306-ES22-21279 in case No. A65-24051/2019 // SPS "Garant".

[5] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 6, 2025 No. 308-ES25-2615 in case No. A32-48921/2023 // SPS "ConsultantPlus".

[6] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated August 28, 2024 in case No. A49-6524/2023 // Archive of the Arbitration Court of the Volga District.

[7] Transcript of the meeting of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of February 19, 2025 (bill No. 574640-8) // Official website of the State Duma of the Russian Federation.

[8] Shpacheva T.V. Selecting a Method of Protecting Rights in Arbitration Court // Arbitration Disputes. 2024. No. 4.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended and supplemented on August 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32.

[10] Bogdanov D.E. Justice as the Fundamental Principle of Civil Liability in Russian and Foreign Law: Monograph. Moscow: Prospect, 2013.

[11] Karapetyan A.G. Penalty as a means of protecting creditor rights in Russian and foreign law. Moscow: Statut.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016, No. 7, "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 5.

ЛАКЕЕВА Екатерина Витальевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: ms.volnyagina@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ К ПОЛУЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

Аннотация. В статье исследуются процессуальные и организационные аспекты подготовки к получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – следственному действию, предусмотренному ст. 186.1 УПК РФ. Актуальность темы обусловлена широким распространением мобильной связи и ростом числа судебных санкций на получение биллинговой информации. Автором выделены и последовательно раскрыты семь этапов подготовительной стадии: принятие решения о производстве следственного действия, формулирование задач и определение искомой информации, собирание и систематизация исходных данных, подготовка ходатайства в суд, его согласование, обращение в суд и получение судебного решения, а также направление решения оператору связи. Выявлены типичные правоприменительные проблемы: исчерпывающий характер перечня получаемых сведений, отсутствие законодательно установленных сроков исполнения запросов следователя, неразработанность механизма электронного документооборота между следственными органами, судом и операторами связи. На основе анализа теоретических источников и правовых позиций Верховного Суда РФ сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, в том числе редакция п. 24.1 ст. 5 УПК РФ и дополнение ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Сделан вывод о необходимости методичного планирования подготовительных мероприятий, привлечения специалистов на этапе формулирования ходатайства и дальнейшей законодательной регламентации процедуры получения информации о соединениях.

Ключевые слова: Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, ст. 186.1 УПК РФ, биллинговая информация, подготовка к следственному действию, ходатайство, процессуальные аспекты, правоприменительные проблемы, оператор связи.

LAKEEVA Ekaterina Vitalievna,
Lecturer in the Criminal Procedure Department
of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROCEDURAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF PREPARATION FOR RECEIVING INFORMATION ABOUT CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES

Annotation. The article examines the procedural and organizational aspects of preparation for obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, an investigative action provided for in Article 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the widespread use of mobile communications and the growing number of court sanctions for obtaining billing information. The author identifies and consistently reveals seven stages of the preparatory stage: making a decision on the conduct of an investigative action, formulating tasks and determining the required information, collecting and systematizing the initial data, preparing a petition to the court, approving

it, applying to the court and receiving a court decision, as well as sending the decision to the telecom operator. Typical law enforcement problems have been identified: the exhaustive nature of the list of information received, the lack of legally established deadlines for the execution of investigator's requests, the lack of development of the electronic document management mechanism between investigative authorities, the court and telecom operators. Based on the analysis of theoretical sources and the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, specific proposals have been formulated to improve criminal procedure legislation, including the revision of clause 24.1 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure and the addition of Part 4 of Article 21 of the Code of Criminal Procedure. It is concluded that there is a need for methodical planning of preparatory measures, involvement of specialists at the stage of formulation of the application and further legislative regulation of the procedure for obtaining information about compounds.

Key words: *Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, Article 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, billing information, preparation for investigative action, petition, procedural aspects, law enforcement issues, telecom operator.*

Активное использование мобильных средств связи практически во всех сферах жизни привело к тому, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами стало одним из важнейших способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. Соответствующее следственное действие превратилось в легальный инструмент контролируемого получения сведений о телефонных соединениях, интернет-сессиях и иных коммуникациях, которые ранее добывались в рамках оперативно-розыскных мероприятий либо следственных действий, используемых для получения необходимой следствию биллинговой информации. Согласно данным судебной статистики, число судебных санкций на получение таких сведений с 2016 по 2024 год выросло в два раза. Так, если в 2016 г. суды рассмотрели около 126 тыс. ходатайств, то в 2018 г. – уже свыше 250 тыс., в 2020 г. – более 312 тыс., в 2022 г. – 237 тыс., а в 2024 г. – 252 тыс. [1].

Вместе с тем теория и практика уголовного судопроизводства сталкиваются с нерешёнными процессуальными вопросами производства данного следственного действия. Исследование процессуальных аспектов позволит повысить эффективность и законность использования данного инструмента, а также соблюсти баланс между потребностями следствия и конституционными правами граждан (право на тайну переписки и переговоров, гарантированное ст. 23 Конституции Российской Федерации).

Подготовка к проведению получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами представляет собой комплекс организационных и процессуальных мероприятий, от тщательного выполнения которых зависит успех всего следственного действия. В ходе осуществления подготовительных мероприятий, направленных на получение соответствующей информации, может быть выделено несколько последовательных этапов, раскрытие содержания которых представлено далее.

Принятие решения о получении информации о соединениях. Вопросу о значимости принятия решения о производстве данного следственного действия уделяли внимание в своих работах многие процессуалисты, в частности Антонов О.Ю. [2, с. 241], Дерюгин Р.А. [3, с. 94], Старичков М.В. [4, с. 200] и др.

Следователь (дознатель) оценивает и обосновывает необходимость обращения к данным о соединениях между абонентами. Решение о производстве данного следственного действия должно приниматься при наличии достаточных оснований полагать, что сведения о телефонных контактах, сообщениях или интернет-сессиях имеют значение для уголовного дела.

Основаниями для принятия такого решения могут выступать различные процессуальные обстоятельства – от необходимости подтвердить контакты между соучастниками преступления до установления местонахождения разыскиваемого лица. Во всех случаях применение ст. 186.1 УПК РФ должно быть продиктовано реальной потребностью следствия, а не носить характер поиска сведений, не имеющего конкретной цели и не обусловленного непосредственной задачей доказывания по уголовному делу. С процессуальной точки зрения на первоначальном этапе важно убедиться, что искомые сведения невозможно получить иными, менее ограничительными средствами. Иными словами, обращение к детализации соединений оправдано субсидиарно, когда другие способы исчерпаны или неэффективны.

Формулирование задач и определение искомой информации. Определив необходимость получения данных о соединениях, следователь (дознатель) чётко формулирует круг требуемой информации и задачи, которые предстоит решить с её помощью. Необходимо определить, какие именно сведения запрашивать у оператора связи, например, детализацию входящих и исходящих соединений определённого номера за указанный период; данные об отправленных и полученных SMS-сообщениях; информацию о подключении

абонентского устройства к базовым станциям в интересующем месте и времени; геолокационные данные устройства и т.д. При этом необходимо учитывать требования уголовно-процессуального законодательства о допустимости доказательств.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 19 от 01.06.2017 дал разъяснения по вопросам рассмотрения судами таких ходатайств [5], указав, что в рамках разрешения ходатайства по ст. 186.1 УПК РФ судья вправе санкционировать получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами, номерах абонентов, других данных, позволяющих их идентифицировать, а также о номерах и местоположении приемопередающих базовых станций. При этом, к «другим идентифицирующим данным» относятся, в частности, IMEI-код устройства и данные о географическом положении телефонного аппарата относительно базовой станции. Это толкование Верховного Суда Российской Федерации заполнило отдельные пробелы закона и подтвердило возможность запрашивать у операторов связи информацию не только о конкретных телефонных номерах, но и о технических идентификаторах устройств, что особенно важно, если требуется установить круг неизвестных устройств, находившихся в определенном месте.

Однако данный перечень носит исчерпывающий характер, и при определении органами предварительного расследования искомой информации она не всегда вписывается в рамки необходимых следствию сведений. Данную проблематику неоднократно затрагивали процессуалисты [6, с.51; 7, с. 59; 8, с.224]. Для решения указанной проблемы целесообразно предусмотреть общую формулировку запрашиваемых сведений, включающую всю информацию, хранящуюся у оператора связи, а также учитывающую быстро развивающуюся информационную сферу общества и расширение возможностей операторов связи.

Для определения границ запрашиваемой (охраняемой законом) тайны важно развивать институт привлечения специалистов на этапе принятия решения и подготовке ходатайства в суд о получении необходимой информации (например, специалиста по телекоммуникациям или сотрудника подразделения по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий). В настоящее время привлечение специалиста предусмотрено лишь при осмотре биллинговой информации. Для повышения полноты и ценности запрашиваемых сведений специалисты должны привлекаться не только к осмотру, но и к планированию. Специалист, знакомый с форматами биллинговых данных, может оказать содей-

ствие в определении технических идентификаторов, которые необходимо указать в ходатайстве о производстве рассматриваемого следственного действия (номер телефона, IMEI устройства, ID базовых станций, параметры интернет-сессий и пр.), чтобы оператор связи в последующем предоставил максимально полные и релевантные сведения.

Формулируя задачи, следователь также прогнозирует, каким образом результаты получения информации о соединениях будут использованы в доказательственной базе дела – например, для проверки алиби, установления связей между подозреваемыми, раскрытия схем преступной коммуникации и т.п. Такая продуманность облегчит дальнейшую интерпретацию полученных данных и их приобщение к материалам дела.

Собирание и систематизация исходных данных по делу. На данной стадии следователь анализирует имеющиеся материалы уголовного дела, касающиеся будущего ходатайства. Необходимо уточнить следующие данные:

- какие абонентские номера фигурируют в деле и кем они используются;
- за какой период интересуют соединения;
- имеются ли документы, подтверждающие принадлежность номера конкретному лицу и т.д.

Если исходных сведений недостаточно, целесообразно провести дополнительные оперативно-розыскные мероприятия или направить запросы для уточнения необходимых данных до обращения в суд. Например, следователь вправе запросить у оператора связи информацию о владельце определенного телефонного номера (Ф.И.О. абонента, паспортные данные регистрации) без судебного решения – такие сведения не составляют тайны связи и могут быть получены в порядке ст. 53 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», согласно которой оператор связи обязан хранить в тайне сведения о соединениях (т.е. фактах и содержании коммуникаций), однако сведения о самом абоненте (его персональные данные) не отнесены к тайне связи.

Таким образом, идентифицировать, на кого зарегистрирован интересующий номер, возможно на основании официального запроса правоохранительного органа в пределах его компетенции, не нарушая конституционных гарантий.

Получив и проверив исходные данные (к примеру, установив, что разыскиваемый номер зарегистрирован на конкретное лицо, либо выяснив IMEI телефона или другие технические идентификаторы), следователь систематизирует эту информацию и переходит к подготовке ходатайства в суд.

Вместе с тем данный запрос не должен усложнять процедуру получения сведений и увеличивать сроки производства следственного действия, в связи с чем необходимо конкретизировать на законодательном уровне срок исполнения запроса органов предварительного расследования, в том числе при получении информации об абоненте.

Подготовка и оформление ходатайства в суд. Как вытекает из положений ст. 165 УПК РФ, ходатайство следователя о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами должно содержать:

- данные об уголовном деле (номер, статья УК РФ и пр.);
- обоснование необходимости указанного следственного действия;
- конкретные основания, побудившие к обращению в суд;
- период, за который следует получить сведения или срок, на который устанавливается получение информации, если речь о перспективном контроле;
- наименование организации связи, у которой будут запрашиваться данные;
- иные сведения, позволяющие судье оценить законность и обоснованность вмешательства в право на тайну связи.

Ещё один аспект, который должен максимально полно учитываться на практике, – корректное определение временного периода, за который запрашиваются данные. Он должен быть достаточно широким, чтобы охватить все значимые контакты (например, за разумный промежуток времени до и после события преступления), но не избыточным. Недопустимо запрашивать чрезмерно длительный период времени без обоснования целесообразности его исследования – суд может расценить это как неоправданный поиск и отказать в удовлетворении ходатайства. С другой стороны, слишком узкий временной диапазон чреват упущением важных сведений. Оптимальный подход – обосновать выбранный период конкретными обстоятельствами дела (например, время подготовки и реализации преступления, период укрывательства и т.д.).

Согласование ходатайства. После составления ходатайства следователь представляет его на согласование руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору. Такое предварительное одобрение предусмотрено ч. 2 ст. 165 УПК РФ для всех случаев, когда следствие ходатайствует о действии, затрагивающем конституционные права граждан. Формально этот этап носит разрешительный характер – без письменного согласия руководителя следственного органа (или прокурора) обращение в суд невоз-

можно. Согласование часто становится и дополнительной проверкой обоснованности ходатайства. Руководитель изучает аргументацию и при наличии недочётов может вернуть ходатайство на доработку вместо согласования.

Таким образом, первоначальная проверка служит дополнительной гарантией от необоснованного вмешательства в тайну связи и дисциплинирует следователя. Несмотря на то, что следователь – процессуально самостоятельное лицо, законодатель рассматривает институт согласования как элемент контроля за законностью ограничения прав граждан. И хотя в литературе высказывается мнение, что подобное дублирование контроля избыточно и лишь затягивает процесс [9, с. 87], исходя из положений актуального законодательства следователю необходимо учитывать этот этап и заблаговременно согласовать ходатайство, представив максимально убедительные материалы. Практика показывает, что при качественно подготовленном и аргументированном ходатайстве руководство следственных органов или прокурор, как правило, дают согласие на его проведение. Представляется, что в настоящее время упразднить институт согласования нецелесообразно, однако следует признать, что он нуждается в доработке.

Обращение в суд и получение судебного решения. Следователь направляет согласованное ходатайство в районный суд по месту производства предварительного расследования либо по месту производства следственного действия. Рассмотрение ходатайства судьёй происходит в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ: единолично, в закрытом судебном заседании, без участия сторон (но с возможным присутствием прокурора). Судья проверяет представленные материалы и выносит постановление об удовлетворении ходатайства либо об отказе.

Для следователя важным представляется оперативно получить на руки вынесенное судом постановление об удовлетворении ходатайства. Промедление на этой стадии может привести к потере времени и, как результат, ценности запрашиваемой информации (например, если подозреваемый сменит SIM-карту необходимо будет запрашивать сведения по новому абонентскому номеру и т.п.).

Значительно упростит направление ходатайства в суд и получение судебного решения посредством системы электронного документооборота. Однако в настоящее время законодательной регламентации электронного документооборота между органами предварительного расследования и судом не предусмотрено.

Направление судебного решения оператору связи и запрос информации. Завершив получе-

ние судебного решения, следователь обязан незамедлительно направить заверенную копию постановления суда с сопроводительным письмом в адрес соответствующей осуществляющей услуги связи организации.

На этом этапе особо значимым представляется обеспечение оперативности доставки судебного решения. Как отмечает Е.В. Памшева, передача копии судебного решения нарочным способом непосредственно руководителю либо ответственному сотруднику компании связи повышает секретность следственного действия – чем меньше посторонних лиц знает о готовящемся запросе, тем меньше шанс утечки информации к подозреваемым [10, с.116]. На практике, однако, реализовать такой подход удаётся не всегда, в связи с нехваткой времени у органов предварительного расследования для направления каждого судебного решения, а также если оператор связи территориально находится в другом регионе. В связи с вышесказанным, 31 июля 2025 года были внесены изменения в ст.186.1 УПК РФ касательно электронного документооборота между органами предварительного расследования и соответствующими операторами связи [11].

Несмотря на внесенные изменения, за достаточно большой промежуток времени (8 месяцев с момента внесения изменений), в практической деятельности данная норма не находит своего должного применения, что требует существенной доработки со стороны законодательной регламентации и технической подготовленности.

Таким образом, подготовка к получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами представляет собой многоэтапный процесс, успех которого зависит от тщательности выполнения каждого этапа. Рассмотренные семь этапов образуют единый алгоритм: от обоснования необходимости и постановки задач до передачи судебного решения соответствующему оператору связи. Пропуск либо недооценка любого из звеньев этой цепочки способна свести на нет результаты всего следственного действия. Поэтому следователю (дознавателю) необходимо действовать планомерно, привлекая при необходимости узких специалистов, и строго соблюдать как процессуальные нормы, так и совершенствовать организационные моменты. Практика показывает, что грамотно проведенная подготовительная работа существенно повышает эффективность самого следственного действия и последующего использования полученных сведений в процессе доказывания.

Анализ содержания некоторых вопросов первоначального этапа получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами позволяет выявить ряд акту-

альных проблем правоприменения и наметить пути их решения.

Во-первых, необходимо совершенствование нормативной базы данного следственного действия. Так, ст. 186.1 УПК РФ содержит закрытый перечень видов информации, получаемой от операторов связи, что, по мнению исследователей, неоправданно сужает познавательные возможности следствия. Следует согласиться с подходом авторов, предлагающих предусмотреть возможность получения любых сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которые способны пролить свет на обстоятельства дела (включая, к примеру, данные об интернет-сессиях, IP-адресах, идентификаторах устройств, фактах попыток соединения и пр.).

Для решения этой проблематики целесообразно внести изменения в п.24.1 ст. 5 УПК РФ изложив ее в следующей редакции: «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами - получение любой информации об абоненте и (или) абонентском устройстве, хранящейся у оператора связи».

Во-вторых, отсутствие установленных сроков исполнения запросов следователя, в том числе к операторам связи до обращения в суд. На этапе подготовки следователь нередко направляет запрос оператору (без судебной санкции) для получения вспомогательных сведений, например об идентификационных номерах устройств или о персональных данных абонента. В настоящее время УПК РФ не предусматривает конкретного срока для ответа на такие запросы, что может затягивать назначение следственного действия.

Учитывая значимость получения вспомогательной информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, представляется обоснованным дополнить ч.4 ст 21 УПК РФ нормой «Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. ... Запросы подлежат рассмотрению и разрешению непосредственно после их получения. В случаях, когда немедленный ответ на запрос, направленный в ходе предварительного расследования, невозможен, ответ должен быть направлен не позднее 3 суток со дня его получения. Указанный запрос и его исполнение осуществляется в том числе при наличии технической возможности посредством систем электронного документооборота в форме электронного документа, подписанного усиленной

квалифицированной электронной подписью в установленном федеральным законом порядке».

В-третьих, необходимо разработать методические рекомендации для органов предварительного расследования касаясь подготавливаемого судебного ходатайства. Как показано выше, качество судебного ходатайства во многом предопределяет успех получения информации. Поэтому целесообразно разработать и внедрить ведомственные методические рекомендации, содержащие соответствующие разъяснения и образец мотивированного ходатайства по ст. 186.1 УПК РФ, в том числе с указанием перечня типичных ошибок, которых следует избегать. Такие рекомендации могли бы опираться на лучшие практики и разъяснения Верховного Суда, обеспечивая более единообразный и высококачественный подход правоприменителей по всей стране.

Наконец, существенное внимание следует уделять обеспечению прав граждан и сохранности информации при получении данных о соединениях. Технические и организационные меры конфиденциальности (такие как непосредственная передача решений, шифрование электронных документов, использование защищённых каналов связи при обмене данными с операторами) должны постоянно совершенствоваться с учетом современной информатизации общества.

Необходимо разработать стандарт и усовершенствовать нормативную базу, по которым правоохранители смогут взаимодействовать, как с судом, так и с соответствующими осуществляющими услуги связи организациями – это упростило бы получение необходимой информации органами предварительного расследования и ускорило срок исполнения производства рассматриваемого следственного действия.

Подводя итог, следует отметить, что правовая регламентация и практика применения ст. 186.1 УПК РФ за последние годы продемонстрировали как несомненную эффективность получения информации о соединениях для раскрытия и расследования преступлений, так и наличие ряда проблем, требующих решения. Проведённое исследование процессуальных вопросов реализации получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами подтверждает, что успех во многом зависит от методичного планирования и соблюдения процессуальных гарантий. Предложенные изменения законодательства и организационные меры направлены на повышение результативности правоохранительной деятельности при строгом соблюдении прав граждан. Реализация этих предложений будет способствовать достижению оптимального баланса между эффективностью расследования и конституционными ценностями в сфере персональной конфиденциальности.

Список литературы:

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016, 2018, 2020, 2022, 2024 гг. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 1.04.2026).

[2] Антонов О.Ю. Принципы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 239-246.

[3] Старичков М.В. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия // ЮП. 2018. №4 (87). С. 199-204.

[4] Дерюгин Р. А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия и использование его результатов при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 226 с.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». – Бюллетень Верховного Суда РФ, 2017, № 7

[6] Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Lex Russica. 2017. № 3. С. 141-153. [7] Курченко, В. Н. Особенности рассмотрения судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами / В. Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2015. – № 8(128). С. 58-67

[8] Антонов О.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в России: сущность, этапы и пути совершенствования тактического обеспечения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. №459. С.221-228.

[9] Багавиева Э. А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в системе уголовно-процессуальных действий: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2023. – 213 с.

[10] Памшева Е. В. Тактические особенности получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / Е. В. Памшева // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: сб. науч. трудов межвуз. конф. – М.: Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2019. – С. 114-118.

[11] Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс2026.

References:

[1] Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2016, 2018, 2020, 2022, 2024. [Electronic resource] .//Access mode: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (date of appeal: 1.04.2026).

[2] Antonov O.Yu. Principles of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices//Vestnik VSU. Series: Right. 2021. № 1 (44). S. 239-246.

[3] Starichkov M.V. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: investigative tactics//UP. 2018. №4 (87). PP. 199-204.

[4] Deryugin R. A. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: investigative tactics and the use of its results in the investigation of crimes: dis.... cand. jurid. sciences. - Yekaterinburg, 2018. - 226 s.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2017 No. 19 "On the practice of consideration by the courts of applications for investigative actions related to the restriction of the constitutional rights of citizens (Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)." - Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2017, No. 7

[6] V.Yu. Stelmakh. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices//Lex Russica. 2017. № 3. S. 141-153. [7] Kurchenko, V. N. Peculiarities of consideration by the courts of applications for obtaining information about connections between subscribers/V. N. Kurchenko//Criminal process. – 2015. – № 8(128). S. 58-67

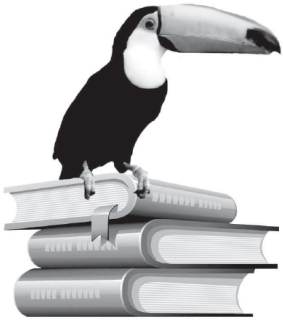
[8] Antonov O.Yu. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices in Russia: essence, stages and ways to improve tactical support//Vestn. Volume. state university. 2020. №459. P.221-228.

[9] E.A. Bagavieva. Obtaining information on connections between subscribers and (or) subscriber devices in the criminal procedure system: dis.... cand. jurid. sciences. - Kazan, 2023. - 213 s.

[10] Pamsheva E.V. Tactical features of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices/E.V. Pamsheva//Forensics: past, present, look into the future: Sat. scientific. works between universities. conf. - M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, 2019. - S. 114-118.

[11] Federal Law of 31.07.2025 No. 278-FZ "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" //SPS ConsultantPlyus2026.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГУРЧИАНИ Илья Зурабович,
аспирант 3 курса Юридического института
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики, г. Санкт-Петербург
e-mail: gurcianiila@gmail.com

ЭСТОППЕЛЬ В СИСТЕМАХ ОБЩЕГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ применения эстоппеля в системах общего и российского права с акцентом на правоприменительную логику судебного рассуждения. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, посредством которых последовательное поведение стороны трансформируется судом в юридически значимый предел последующего изменения ее позиции. Обосновывается, что в праве общего типа эстоппель функционирует как институционализируемая доктрина прецедентного происхождения, обладающая типологически оформленными разновидностями и структурированной моделью доказывания, в рамках которой квалификация ситуации предшествует анализу фактических обстоятельств дела. В российском правовом порядке, напротив, применение эстоппеля не опирается на самостоятельную нормативную конструкцию и осуществляется через судебную конкретизацию принципов добросовестности, запрета злоупотребления правом и правовой определенности, что предопределяет контекстуальный характер оценки поведения сторон и производный характер квалификации. Делается вывод о формировании автохтонной российской модели эстоппеля, встроенной в систему гражданско-правовых принципов и не сводимой к заимствованию англо-американских доктрин. Особое внимание уделяется пределам применения эстоппеля, которые в общем праве вытекают из структуры соответствующих доктрин, а в российском праве определяются действием императивных норм и публичного порядка. Обоснована функциональная универсальность эстоппеля как механизма защиты доверия при существенных различиях в юридической технике его реализации.

Ключевые слова: эстоппель; общее право; российское гражданское право; сравнительно-правовой анализ; правоприменительная логика; добросовестность; правовая определенность; защита доверия; противоречивое поведение; судебная квалификация; публичный порядок; автохтонная модель эстоппеля.

GURCHIANI Ilya Zurabovich,
3rd-year postgraduate student,
Law Institute, Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia

ESTOPPEL IN THE SYSTEMS OF COMMON AND RUSSIAN LAW: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT LOGIC

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the use of estoppel in the systems of common and Russian law with an emphasis on the law-applying logic of judicial reasoning. The purpose of the study is to identify the mechanisms by which the consistent behavior of a party is transformed by the court into a legally significant limit for the subsequent change in its position. It is proved that in general type law estoppel functions as an institutionalized doctrine of precedent origin, having typologically formulated varieties and a structured model of proof, in which the qualification of the situation precedes the analysis of the factual circumstances of the case. In the Russian legal order, on the contrary, the application of estoppel is not based on an independent normative structure and is carried out through judicial concretization of the principles of good faith, prohibition of abuse of law and legal certainty, which determines the contextual nature of the assessment of the behavior of the parties and the derivative nature of qualifications. The conclusion is made about the formation of an autochthonous Russian estoppel model, embedded in the system of civil law

principles and not reducible to borrowing Anglo-American doctrines. Particular attention is paid to the limits of the application of estoppel, which in common law follow from the structure of the relevant doctrines, and in Russian law are determined by the effect of imperial norms and public order. The functional universality of estoppel as a mechanism for protecting trust with significant differences in the legal technique of its implementation is substantiated.

Key words: *estoppel; common law; Russian civil law; comparative legal analysis; law enforcement logic; good faith; legal certainty; protection of trust; contradictory behavior; judicial qualification; public order; autochthonous estoppel model.*

Введение

Современное развитие гражданского права характеризуется возрастанием роли поведенческих факторов в судебной оценке частноправовых споров. В условиях усложнения гражданского оборота и снижения регулятивной достаточности формально-договорных конструкций суды все чаще обращаются к анализу фактического поведения сторон как самостоятельному источнику юридически значимых последствий. В этой связи особую актуальность приобретает принцип эстоппеля, выступающий механизмом ограничения противоречивого поведения и одновременно средством защиты доверия, сформированного действиями участника оборота. Эстоппель позволяет преодолеть формальное понимание субъективного права, смещая акцент с абстрактной юридической возможности на оценку того, каким образом данное право реализовывалось во взаимодействии с другими субъектами и какие ожидания при этом были порождены.

Вместе с тем сравнительно-правовое исследование эстоппеля требует выхода за рамки традиционного сопоставления нормативных форм и доктринальных определений. Несмотря на внешнюю универсальность функционального ядра эстоппеля, правоприменительные механизмы его реализации в системах общего и российского права демонстрируют принципиально различную логику судебного рассуждения. Если в странах общего права эстоппель выступает институционализированной доктриной прецедентного происхождения, обладающей устойчивой типологией и структурированной моделью доказывания, то в российском правовом порядке он формируется как результат судебной конкретизации принципов добросовестности и правовой определенности. Данное различие предопределяет необходимость анализа не столько самой доктрины, сколько тех способов, посредством которых суды в различных правовых системах трансформируют последовательное поведение стороны в юридически значимый предел изменения ее позиции.

Материалы и методы

Материалами настоящего исследования выступили положения российского гражданского

законодательства, судебная практика российских судов, а также доктринальные и учебные источники по праву общего типа и российскому гражданскому праву, посвященные принципу эстоппеля, добросовестности, защите доверия и правовой определенности. Особое внимание уделено научным работам, в которых раскрываются исторические формы эстоппеля в системах общего права, а также исследованиям, посвященным его восприятию и функциональной адаптации в российской цивилистике. Эмпирическую основу исследования составили модели судебного рассуждения, используемые при разрешении споров, связанных с противоречивым поведением стороны и последующим изменением ее правовой позиции.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и функциональный методы. Формально-юридический метод использовался для анализа содержания правовых норм и принципов, посредством которых в российском правовом порядке обеспечивается запрет противоречивого поведения. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить механизмы применения эстоппеля в системах общего и российского права не только на уровне нормативных конструкций, но и на уровне судебной логики. Системный метод применялся для определения места эстоппеля в структуре частноправового регулирования и выявления его связи с принципами добросовестности, запрета злоупотребления правом и правовой определенности. Функциональный метод дал возможность установить, каким образом в различных правовых системах последовательное поведение стороны трансформируется в юридически значимый предел последующего изменения ее позиции.

Предметом анализа являлись не только формальные различия между правовыми конструкциями, но и практические способы судебной квалификации поведения сторон. В связи с этим исследование ориентировано прежде всего на выявление правоприменительной логики, лежащей в основе общего для сопоставляемых правовых порядков механизма защиты доверия. Такой подход позволил показать, что при различии источников права и юридической техники

эстоппель в обеих системах выполняет сходную стабилизирующую функцию, однако реализуется через различные модели судебного рассуждения.

Литературный обзор

Проблематика эстоппеля получила значительное развитие как в зарубежной, так и в отечественной юридической науке, однако акценты исследований существенно различаются. В рамках англо-американской доктрины эстоппель традиционно рассматривается как самостоятельная правовая конструкция, сформированная судебной практикой и укорененная в системе equity (права справедливости). Основы систематического анализа эстоппеля как совокупности устойчивых юридических техник заложили классические труды Г. Бауэра [11] и К. Хэндли [13], тогда как в работах Э. Кука [12] и Г. Вирго [15] доктрина раскрывается через призму справедливости, защиты доверия и минимальных требований equity. Философско-правовое осмысление роли судебного усмотрения и поведения сторон в праве общего типа содержится в работах О. Холмса [14] и Р. Дворкина [3], которые заложили теоретические предпосылки восприятия последовательности поведения как нормативно значимого фактора.

В российской цивилистике интерес к эстоппелю активизировался сравнительно недавно и развивается преимущественно в контексте принципа добросовестности. Существенный вклад в формирование отечественного понимания эстоппеля внесли исследования М.З. Шварца [9] и К.А. Роор [6], в которых была обозначена проблема соотношения эстоппеля с традиционными конструкциями гражданского права и поставлен вопрос о допустимости его рецепции. Работы Ж.И. Седовой [7] и Н.В. Зайцевой [4] позволили раскрыть эстоппель как форму отрицания недобросовестного поведения и как инструмент защиты доверия в коммерческом обороте. В более прикладном аспекте эстоппель анализируется в трудах Е.Е. Якушевой [10] и А.А. Коваленко [5], акцентирующих внимание на судебной практике и связи эстоппеля с запретом злоупотребления правом. Вместе с тем, несмотря на наличие значительного массива исследований, в научной литературе до настоящего времени недостаточно разработан сравнительно-правовой анализ эстоппеля именно на уровне правоприменительной логики, что обуславливает актуальность настоящего исследования, ориентированного на выявление механизмов судебного рассуждения и формирование целостного представления об автохтонной российской модели эстоппеля.

Сравнительно-правовой анализ применения эстоппеля в системах общего и российского

права требует выхода за пределы традиционного догматического сопоставления институтов и их исторической эволюции. Принципиально важно выявить не абстрактные элементы доктрины, а реальные механизмы судебного рассуждения, которые позволяют превращать эстоппель в функциональный инструмент разрешения споров. Именно правоприменительный срез, а не теоретико-концептуальные конструкции, обнаруживает подлинную природу рассматриваемого явления, поскольку эстоппель существует только там, где суды способны трансформировать последовательное поведение стороны в юридически значимую категорию, ограничивающую ее последующие утверждения. При этом в различных правовых семьях данная трансформация происходит по разным моделям: в странах общего права, опирающихся на прецедент и технически выверенные разновидности эстоппеля, она институционализирована [1], тогда как в российской системе – возникает как результат судебной конкретизации принципов добросовестности и правовой определенности.

Такой подход позволяет уйти от ошибочного представления о российском эстоппеле как о кальке или имитации зарубежных образцов. На уровне правоприменения обнаруживается не перенесенная механически доктрина, а сложный процесс внутренней адаптации: суды, не имея самостоятельной нормы и не опираясь на формализованные категории «estoppel by representation», «promissory estoppel» или «proprietary estoppel», тем не менее создают сходный по функции механизм, однако выводимый не из прецедента, а из закона, что формирует иной тип юридической логики: если система общего права стремится к типологической определенности, классифицируя случаи применения эстоппеля по их историческим видам, то российская система ориентирована на функциональную согласованность, позволяющую применять единый тест к различным контекстам и институтам [2].

Результаты

Применение эстоппеля в странах общего права представляет собой продукт длительной судебной кристаллизации. Суд, столкнувшись с противоречивым поведением стороны, оперирует устойчивыми юридическими конструкциями, каждая из которых обладает строгой структурой:

- 1) обещание или представление о фактах;
- 2) разумное полагание другой стороны на такие действия;
- 3) причиненный ущерб;
- 4) невозможность признания новой позиции стороны без подрыва справедливости в конкретной ситуации.

Такой алгоритм вызывает впечатление универсальности, однако он лежит на основании конкретной процессуальной среды, где доказательственные стандарты, статус прецедента и исторически закрепленные категории создают заранее заданную рамку для квалификации. Суд, рассматривающий спор, как правило, стремится определить, к какому типу эстоппеля относится ситуация, и применяет правила, выработанные в десятках или даже сотнях предыдущих решений, что формирует не только предсказуемость, но и определенную структуру судебного мышления: квалификация предшествует анализу фактов, и в рамках данной квалификации суд структурирует материалы дела.

Российская практика строится иначе – поскольку в отечественной правовой системе отсутствуют нормативно закрепленные виды эстоппеля и нет обязательства подведения фактической ситуации под определенную разновидность доктрины, судебное рассуждение ориентируется на поиск баланса между конкретной нормой и общими принципами добросовестности. В результате суд развивает иной, контекстуальный подход: прежде чем определить последствия поведения стороны, он исследует степень сформированности доверия, характер правовой определенности и влияние противоречия на стабильность отношений. Российский судья не спрашивает, какой вид эстоппеля применить, а спрашивает, допустимо ли изменение позиции, учитывая, что поведение стороны создало определенные ожидания у ее контрагента или у иных участников оборота [8].

Таким образом, квалификация возникает не как предустановленный этап, а как результат анализа фактической ситуации, и юридическое последствие формируется не в силу классификационной принадлежности, а в силу содержания поведения.

В данном различии проявляется фундаментальный контраст правоприменительных логик: если в общем праве доктрина структурирует факты, то в российском правовом порядке – факты структурируют доктрину, и именно эта особенность позволяет говорить о формировании автономной (то есть сформировавшейся органично в рамках национальной правовой традиции, а не являющейся результатом правовой трансплантации) российской модели эстоппеля, поскольку итоговое решение является продуктом внутреннего развития континентального правового порядка, а не механической интеграции иностранного института.

При этом первый уровень сопоставления неизбежно выявляет сходства:

- 1) оба правового порядка исходят из убеждения, что недопустимо позволять стороне отри-

цать то, что она ранее подтвердила своим поведением, если другая сторона обоснованно полагалась на это;

- 2) оба правового порядка рассматривают последовательность поведения как источник юридической ответственности;
- 3) оба правового порядка считают, что правовая система должна защищать доверие, поскольку без доверия между участниками оборота невозможна стабильность имущественных отношений.

Тем не менее именно правоприменение показывает, что совпадение на уровне общего логического ядра не ведет к совпадению форм. Российская система защищает доверие не через признание самостоятельной доктрины, а через укрепление статуса добросовестности как универсального стандарта гражданского оборота, и эта разница постепенно кристаллизует особую архитектуру российского эстоппеля.

В методологическом плане сравнительно-правовой анализ показывает: исследовать эстоппель только на уровне догматики означает видеть лишь верхний слой, тогда как правоприменение раскрывает глубинный механизм – связь между формированием доверия, его юридической охраной и пределами, за которыми защита становится невозможной, причем именно пределы являются одним из ключевых элементов сравнительной перспективы:

- если в странах общего права пределы эстоппеля закреплены в самой структуре видов данного принципа и предопределяются условием невозможности противоречить действующим императивным нормам или создавать обязательства там, где стороны их не предполагали;
- то в российской правовой системе пределов два – невозможность коррекции императивов публичного порядка и запрет использования эстоппеля для легализации ничтожных сделок, то есть правоприменение в данной части вырабатывает нормы без прямой опоры на иностранные аналоги, и именно оно позволяет наблюдать становление специфически российской модели, где эстоппель не автономен, а встроен в нормативную систему.

Так формируется исходная рамка настоящего параграфа, в котором предмет исследования – не доктрина в отвлеченном виде, а практические механизмы судебного применения принципа эстоппеля в двух различных правовых системах, выявление их точек соприкосновения и расхождений, а также реконструкция той российской модели, которая уже сложилась в решениях судов и приобретает черты нормативного стандарта. Дальнейшее исследование направлено на

то, чтобы из этой рамки вывести внутреннюю структуру отечественного правоприменения, показав, как российский эстоппель формируется через судебное толкование, какие черты он наследует от континентальной традиции и в чем принципиально отличается от моделей общего права.

Сопоставление российской и англо-американской практики демонстрирует, что, несмотря на системные различия в источниках и структуре права, оба правовые порядка выстраивают эстоппель как механизм защиты доверия, возникшего из поведения стороны, и как предел на изменение ею своей юридической позиции, причем это родство обнаруживается не на уровне формальных категорий, а именно на уровне судебного рассуждения. Независимо от правовой семьи суд сталкивается с одинаковой проблемой: допустимо ли изменение позиции, если ранее поведение стороны создало у контрагента обоснованные ожидания? Именно этот практический вопрос определяет логику эстоппеля гораздо точнее, чем любые теоретические определения.

В системах общего права суды исходят из того, что последовательное поведение стороны (будь то заявление, умолчание, допускающее определенное толкование, или действия, выражающие намерение), создает нормативно значимые ожидания, которые становятся обязательными не в силу договора, а в силу недопустимости несправедливости. В данном контексте «representation» или «promise» (то есть внешне выраженное представление о фактах или обещание, независимо от его договорной силы) не просто описывают события, но становятся основанием для юридической защиты. Правоприменение подчеркивает, что решающее значение имеет добросовестное полагание (reliance): суд исследует не то, какие внутренние мотивы имела сторона, а то, какое доверие ее действия создали и какие шаги контрагент предпринял в ответ. Наконец, ущерб (detriment) не обязательно выражается в прямых потерях – достаточно ухудшения правовой позиции, если оно связано причинной связью с первоначальным поведением стороны. Данная триада позволяет суду установить, что последующее отрицание собственной позиции было бы несправедливым и потому недопустимым.

Российская правоприменительная практика развивается по сходной логике, хотя и опирается на иные нормативные основания. Российский суд не использует категорий «promise» или «reliance», но фактически воспроизводит их содержание, определяя:

- совершила ли сторона действия, которые могли сформировать у контрагента добросовестное ожидание?

- оценивал ли контрагент эти действия как выражение определенной воли?
- привели ли эти ожидания к действиям, ухудшающим его положение при последующем изменении позиции другой стороны?

Таким образом, отечественные суды, равно как и суды общего права исходят из того, что доверие, сформированное последовательным поведением стороны, требует защиты, поскольку правовая система, допускающая произвольное изменение позиции, теряет предсказуемость. Данная параллель особенно очевидна в ситуациях длительного исполнения обязательств: если англо-американская судебная практика трактует исполнение обязательств как поведенческое выражение согласия с условиями сделки, что препятствует последующему отрицанию их действительности; то российская правоприменительная практика, несмотря на иной нормативный язык, приходит к тому же выводу: если сторона принимает исполнение, пользуется результатами или совершает платежи по измененным условиям, она формирует у контрагента устойчивое уверение в признании сделки, и последующее оспаривание рассматривается как недобросовестная перемена позиции. Судебные акты, в которых суды указывают, что сторона своими действиями создала «правомерное ожидание» или что поведение «исключает возможность последующего отрицания», воспроизводят ту же функциональную логику, что и «reliance» в системах общего права.

Аналогия прослеживается в корпоративных отношениях, в частности: в странах общего права эстоппель традиционно служит инструментом ограничения возможностей участников и директоров ссылаться на факты, которые они ранее отрицали или утверждали, если их поведение сформировало ожидания у третьих лиц или акционеров; в России данная логика проявляется в ситуациях, когда контролирующее лицо долгое время исполняет решения, которые впоследствии стремится оспорить; когда участник общества принимает компенсацию, а затем оспаривает условия устава; когда органы управления инициируют сделки, но в последующем пытаются отрицать их последствия. Такие ситуации демонстрируют общий для двух правовых семей принцип: нельзя отделить поведение от ответственности, которую оно порождает.

Сходство наблюдается и в вещных отношениях: если в англо-американском правоприменении при реализации имущественного эстоппеля (proprietary estoppel) суды защищают доверие лица, осуществляющего фактическое владение имуществом, если собственник своим поведением создал устойчивое уверение в наличии у него прав; то российская практика, не используя

термин «proprietary», фактически воспроизводит эту модель, когда суд защищает добросовестное полагание лица, вложившего средства в объект недвижимости или получившего согласования органов власти, если последующее отрицание этих действий нарушает принцип правовой определенности. Хотя российские суды формулируют мотивировочное решение через нормы гражданского и земельного законодательства, решающим остается тот же элемент – защита ожиданий, сформированных поведением другой стороны.

Даже в наследственных и публично-правовых отношениях, где российская модель проявляет наибольшую специфику, обнаруживается сходство функционального ядра: если англо-американские суды применяют эстоппель против лиц, пытающихся занять позицию, прямо противоположную ранее заявленной, если это причиняет ущерб доверившейся стороне; то российские суды таким же образом ограничивают наследника, выбравшего один сценарий поведения, и публичный орган, создавший видимость определенных правомочий. Несмотря на различие контекстов, логика остается единой: поведение, способное вызвать доверие, связывает лицо и не может быть произвольно изменено.

Таким образом, независимо от различий в догматике, оба правового порядка создают один и тот же механизм стабилизации гражданского оборота – суд признает юридически значимым не только содержание сделок, но и поведение сторон как источник правовой определенности. В совокупности это позволяет утверждать, что функциональное ядро эстоппеля универсально и состоит в превращении последовательного поведения в юридический предел последующего отрицания. В данном смысле различие между системами общего и российского права заключается не в цели эстоппеля и не в его основании, а в юридической технике, через которую достигается тот же результат.

Обсуждение

Так, несмотря на универсальность функционального ядра, правоприменительные механизмы эстоппеля в российском и англо-американском праве демонстрируют глубокие различия, определяемые структурой правовых систем и характером источников права. Важно подчеркнуть, что данные различия не являются чисто теоретическими, напротив, они проявляются в каждом судебном решении, где суд сталкивается с вопросом о допустимости изменения позиции. Именно практическая логика правоприменения, а не доктринальные конструкции, показывает, что российский эстоппель не заимствованная доктрина, а самостоятельный механизм, созданный судами внутри континентальной правовой системы.

Принципиальное различие между системами общего и российского права проявляется прежде всего в логике судебного вывода о наличии либо отсутствии эстоппеля. В правового порядках общего права судебное рассуждение выстраивается в рамках заранее сформированной доктринальной архитектуры, где исторически кристаллизовавшиеся разновидности эстоппеля выполняют функцию исходных квалификационных матриц. Суд, сталкиваясь с противоречивым поведением стороны, первоначально соотносит фактическую ситуацию с определённым типом эстоппеля, выработанным прецедентной практикой, и лишь затем анализирует конкретные обстоятельства дела сквозь призму соответствующей доктринальной конструкции. Тем самым классификация выступает не результатом, а предпосылкой правовой оценки, задавая рамку допустимых аргументов, стандарты доказывания и пределы судебного усмотрения, что органично соответствует прецедентной природе источников общего права.

В российском правовом порядке, напротив, судебное рассуждение развивается по инвертированной модели, в которой отсутствует необходимость предварительного отнесения спора к какой-либо формализованной разновидности эстоппеля. Суд исходит из первичного анализа фактического поведения сторон, последовательно исследуя характер совершённых действий, степень сформированности доверия, юридическую значимость возникших ожиданий и последствия их разрушения для устойчивости правоотношений. Лишь по завершении данного фактического анализа формируется вывод о допустимости либо недопустимости изменения позиции стороны, который и наполняется содержанием принципа эстоппеля через категории добросовестности и правовой определённости. Такая логика означает, что квалификация здесь не предшествует оценке фактов, а выводится из неё, что придаёт российской модели контекстуальный характер и трансформирует эстоппель из автономной доктрины общего права в метод толкования и оценки поведения участников гражданского оборота, независимый от формальной типологии и ориентированный на материальное содержание конкретной ситуации.

Второе фундаментальное различие между системами общего и российского права связано с источником юридической обязанности стороны сохранять последовательность своего поведения. В правового порядках общего права данная обязанность формируется непосредственно в результате прецедентной деятельности судов и представляет собой продукт длительной судебной эволюции. Эстоппель здесь выступает не как

производная от абстрактного принципа, а как самостоятельное нормативное образование, содержание которого закреплено в совокупности судебных решений и воспроизводится в правоприменении без необходимости законодательного оформления. Суд воспринимает прецедент как полноценный источник правовой нормы, тогда как доктрина выполняет вспомогательную функцию систематизации и объяснения уже сложившихся правил. В этом контексте эстоппель обладает собственным нормативным статусом и применяется как автономное правовое основание, способное непосредственно ограничивать изменение позиции стороны.

Российский правовой порядок демонстрирует иную модель формирования обязанности быть последовательным, основанную не на прецеденте, а на законодательных принципах. Обязанность непротиворечивого поведения выводится судами прежде всего из общих положений гражданского законодательства о добросовестности и запрете злоупотребления правом, закреплённых в ст.1 и 10 ГК РФ, при этом эстоппель не оформляется в виде самостоятельной нормы или института, а функционирует как результат нормативной интерпретации, посредством которой суд конкретизирует содержание общих принципов применительно к фактическому поведению стороны. В такой конструкции эстоппель не подменяет собой правовую норму и не существует автономно, а служит инструментом раскрытия и практического наполнения требований добросовестности, что принципиально отличает российскую модель от систем общего права, где доктрина эстоппеля обладает самостоятельной регулятивной силой и применяется независимо от законодательных принципов.

Третье принципиальное различие между системами общего и российского права связано с пределами применения эстоппеля и характером их формирования в судебной практике. В правовых порядках общего права данные пределы являются результатом длительной прецедентной кристаллизации и органично встроены в структуру соответствующих доктрин. Эстоппель функционирует здесь как технически выверенный механизм, который изначально ограничен рамками справедливости и не может выходить за пределы, установленные самой логикой прецедента. Судебная практика последовательно исходит из того, что эстоппель не способен порождать обязательство при отсутствии намерения стороны его создавать, подменять собой договорную конструкцию либо устранять требования закона, в том числе императивные предписания о форме сделок. Данные ограничения не формулируются как внешние запреты, а встроены в содержание

конкретных разновидностей эстоппеля, что обеспечивает их внутреннюю согласованность и предсказуемость правоприменения.

В российском правовом порядке пределы применения эстоппеля имеют иную нормативную природу и выводятся не из типологии доктрины, а непосредственно из закона. Судебное усмотрение здесь ограничено действием императивных норм гражданского и публичного права, а также требованиями публичного порядка, что предопределяет более жесткий характер ограничений. Эстоппель не может использоваться для легализации ничтожных сделок, замещения обязательных процедур, прежде всего в сфере распоряжения публичным имуществом, либо для нейтрализации действия императивных предписаний Гражданского кодекса Российской Федерации. Даже в тех случаях, когда поведение стороны, включая публичный орган, объективно сформировало доверие у контрагента, суд отказывает в применении эстоппеля, если такое доверие возникло в результате грубого нарушения закона. В результате российская модель демонстрирует повышенную чувствительность к публичному порядку и исходно исключает возможность трансформации принципа последовательности поведения в средство оправдания правонарушения, что принципиально отличает ее от моделей общего права, где пределы эстоппеля определяются прежде всего внутренней логикой соответствующих доктрин.

Четвертое различие связано с масштабом применения: если в странах общего права эстоппель преимущественно применяется в частных вертикалях – договоры, имущественные отношения, корпоративные конфигурации (публичный эстоппель существует, однако применяется крайне осторожно и обычно требует доказать злоупотребление властью, которое само по себе является исключительным основанием ответственности); то российская практика показывает противоположную тенденцию – именно публичный эстоппель развивается наиболее активно, поскольку российские суды рассматривают последовательность поведения публичного органа не просто как элемент справедливости, а как необходимое условие функционирования правовой определенности, причем органы власти в российской практике несут более высокую ответственность за нарушение доверия, чем частные лица, – тенденция, которая отсутствует в общем праве.

Пятое различие лежит в процессуальной природе эстоппеля: если в странах общего права существуют крупные процессуальные доктрины «judicial estoppel», «issue estoppel» и «estoppel by record», обладающие автономной силой и предот-

вращающие повторное рассмотрение вопросов, изменение позиции или отход от признанных фактов; то в российских судах процессуальный эстоппель существует, но лишь как производная от принципа добросовестности, ограничивая изменение позиции стороны, препятствуя двойственным заявлениям и запоздалым возражениям, но не имея статуса самостоятельной процессуальной доктрины. Российское правоприменение остается гибким (суды отказывают в применении эстоппеля там, где это может ограничить защиту прав стороны или нарушить права третьих лиц) и в отличие от общего права, где процессуальный эстоппель имеет свои собственные критерии, в России он продолжает развиваться как подвид материальной добросовестности.

Наконец, различие присутствует и в том, как суды трактуют связь между эстоппелем и доказыванием:

- в системах общего права бремя доказывания «reliance» и «detriment» несет сторона, ссылающаяся на эстоппель, и эти элементы рассматриваются как самостоятельные юридические факты, подтверждающие наличие доктрины;
- в российском праве суд исследует фактическое поведение сторон в совокупности: судья выстраивает причинную связь между действиями стороны и ожиданиями контрагента, не требуя формальной квалификации каждого элемента, что по сути создает практическое различие (в системах общего права доктрина состоит из этапов, каждый из которых должен быть доказан, тогда как в российской правовой системе – действует интегральная оценка поведения).

Таким образом, различия проявляются не в той логике, которую следуют суды (обе системы защищают доверие), а в юридических механизмах, через которые данная логика реализуется: если в странах общего права эстоппель – технически сложная, структурированная доктрина, то в России – инструмент конкретизации принципов. Именно это фундаментальное различие определяет развитие российской модели эстоппеля и позволяет говорить о ее автохтонности: российская модель не копирует, а воспроизводит функциональный смысл доктрины в рамках собственной правовой системы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эстоппель в системах общего и российского права при всей общности своей функциональной направленности реализуется через существенно различные правовые механизмы. В обоих правовых порядках эстоппель

служит средством защиты доверия, сформированного поведением стороны, и выступает пределом последующего изменения ее позиции. Однако если в системах общего права он существует как институционализированная доктрина прецедентного происхождения с устойчивыми видами, структурированной моделью доказывания и заранее заданной квалификационной логикой, то в российском правовом порядке его применение осуществляется через судебную конкретизацию принципов добросовестности, запрета злоупотребления правом и правовой определенности.

Сравнительно-правовой анализ показал, что различие между сопоставляемыми правовыми системами состоит не в цели эстоппеля, а в юридической технике его реализации. В праве общего типа квалификация ситуации, как правило, предшествует анализу фактических обстоятельств и направляет судебное рассуждение в русло определенной разновидности эстоппеля. В российской правовой системе, напротив, квалификация выступает результатом оценки фактического поведения стороны, степени сформированности доверия и допустимости изменения позиции в конкретном контексте. Это позволяет говорить о формировании автохтонной российской модели эстоппеля, встроенной в систему гражданско-правовых принципов и не сводимой к рецепции англо-американских доктрин.

Важным результатом исследования является вывод о функциональной универсальности эстоппеля как механизма стабилизации гражданского оборота. Независимо от различий в источниках права, судебной технике и степени институционализации доктрины, эстоппель в обоих правовых порядках выполняет общую задачу — препятствует недобросовестному и непоследовательному поведению, способному разрушить оправданные ожидания участников оборота. Одновременно установлено, что пределы применения эстоппеля в российском праве имеют более выраженную зависимость от императивных норм и публичного порядка, что подчеркивает его встроенность в континентальную модель правового регулирования.

Таким образом, эстоппель следует рассматривать не только как частный инструмент разрешения споров, но и как показатель трансформации современного частного права, в котором поведение, доверие и правовая определенность приобретают самостоятельное нормативное значение. Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным анализом отдельных направлений развития российского эстоппеля, включая его применение в корпоративных, вещных, наследственных и публично-правовых отношениях, а также с уточнением его места в системе принципов гражданского права.

Список литературы:

- [1] Винокуров С.Н. Требование добросовестности в договорном праве Англии и США: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Н. Винокуров. – Москва, 2021. – 223с.
- [2] Гаврилов В.Н. Эстоппель и отказ от права в российском и зарубежных правовых системах / В.Н. Гаврилов, Н.В. Терещенко, А.А. Корюкина // Юридические исследования. – 2020. – №12. – С.78-83.
- [3] Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 587с.
- [4] Зайцева Н.В. Формирование концепции субъективного фактора в частноправовых отношениях в законодательстве России и зарубежных государств: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Н.В. Зайцева. – Москва, 2023. – 466с.
- [5] Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике РФ / А.А. Коваленко // Юрист. – 2023. – №3. – С.55-60.
- [6] Роор К.А. Виды эстоппелей в российском праве и праве стран англосаксонской правовой семьи / К.А. Роор // Законодательство. – 2018. – №1. – С.59-66.
- [7] Седова Ж.И. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации / Ж.И. Седова, Н.В. Зайцева. – М.: Статут, 2014. – 158с.
- [8] Старицын А.Ю. Упрощенное производство в гражданском процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / А.Ю. Старицын. – Иркутск, 2023. – 235с.
- [9] Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель / М.З. Шварц // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2016. – №1. – С.95-99.
- [10] Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е.Е. Якушева // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т.76. – №8(201). – С.52-66.
- [11] Bower G.S. The Law Relating to Estoppel by Representation / G.S. Bower, A.K. Turner. – London: Butterworths, 1977. – 426p.
- [12] Cooke E. The Modern Law of Estoppel / E. Cooke. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 204p.
- [13] Handley K.R. Estoppel by Conduct and Election: 2nd ed. / K.R. Handley. – London: Sweet&Maxwell, 2016. – 458p.
- [14] Holmes O.W. The Common Law / O.W. Holmes. – Chicago: ABA, 2009. – 348p.
- [15] Virgo G. The Principles of Equity & Trusts / G. Virgo. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 826p.

References:

- [1] Vinokurov S.N. Requirement of good faith in English and U.S. contract law: diss.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03/S.N. Vinokurov. – Moscow, 2021. – 223s.
- [2] Gavrilov V.N. Estoppel and waiver of law in Russian and foreign law and order/V.N. Gavrilov, N.V. Tereshchenko, A.A. Koryukina//Legal research. – 2020. – №12. – S.78-83.
- [3] Dworkin R. Empire right/R. Dworkin; per. From English - 2nd ed. - M.: Publishing House of Gaidar, 2021. - 587s.
- [4] Zaitseva N.V. Formation of the concept of subjective factor in private law relations in the legislation of Russia and foreign countries: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3 ./N.V. Zaitseva. - Moscow, 2023. - 466s.
- [5] Kovalenko A.A. The doctrine of “estoppel” in the context of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation/A.A. Kovalenko//Lawyer. – 2023. – №3. - S.55-60.
- [6] Roor K.A. Types of estoppel in Russian law and the law of the countries of the Anglo-Saxon legal family/K.A. Roor//Legislation. – 2018. – №1. - S.59-66.
- [7] Sedova Zh.I. Principle of estoppel and waiver in commercial circulation of the Russian Federation/Zh.I. Sedova, N.V. Zaitseva. - M.: Statute, 2014. - 158s.
- [8] Staritsyn A.Yu. Simplified production in civil proceedings: diss.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3 ./A. Yu. Staritsyn. - Irkutsk, 2023. - 235s.
- [9] Schwartz M.Z. Some reflections on the estoppel institute/M.Z. Schwartz//Information and analytical journal “Arbitration disputes.” – 2016. – №1. - S.95-99.
- [10] Yakusheva E.E. The principle of estoppel in civil law as a mechanism for preventing contradictory behavior/E.E. Yakusheva//Lex Russica (Russian law). – 2023. - T.76. – №8(201). - S.52-66.
- [11] Bower G.S. The Law Relating to Estoppel by Representation / G.S. Bower, A.K. Turner. – London: Butterworths, 1977. – 426p.
- [12] Cooke E. The Modern Law of Estoppel / E. Cooke. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 204p.
- [13] Handley K.R. Estoppel by Conduct and Election: 2nd ed. / K.R. Handley. – London: Sweet&Maxwell, 2016. – 458p.
- [14] Holmes O.W. The Common Law / O.W. Holmes. – Chicago: ABA, 2009. – 348p.
- [15] Virgo G. The Principles of Equity & Trusts / G. Virgo. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 826p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-597-601

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

КАРИМУЛЛИНА Алсу Эриковна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Казанского филиала «Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева»,
Доцент кафедры экологического, трудового права и
гражданского процесса Казанского (Приволжского)
федерального университета,
e-mail: aekarimullina@mail.ru

ХАБИБУЛЛИНА Эмилия Рафисовна,
студентка Казанского филиала
«Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева»,
e-mail: habemi2014@gmail.com

МАРКЕТПЛЕЙСЫ И СЕРВИСЫ ПО ДОСТАВКЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование правового регулирования деятельности маркетплейсов и сервисов доставки продуктов питания в условиях цифровизации экономики. В рамках исследования раскрывается правовая природа цифровых платформ, анализируются особенности их участия в гражданском обороте и выявляются риски, возникающие при взаимодействии потребителей, продавцов и посредников. Особое внимание уделяется практической ситуации, связанным с возвратом товаров, сроками доставки, удержанием денежных средств и качеством оказываемых услуг.

Ключевые слова: маркетплейсы, сервисы доставки, правовое регулирование, защита прав потребителей, предприниматели, цифровые платформы, возврат товаров.

KARIMULLINA Alsu Erikovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Civil Law Department,
Kazan Branch of the V.M. Lebedev Russian State University
of Justice Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law at the Kazan Branch
of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Associate Professor of the Department of Environmental, Labor Law,
and Civil Procedure at Kazan (Volga Region) Federal University

KHABIBULLINA Emilia Rafisovna,
Student at the Kazan Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev

MARKETPLACES AND FOOD DELIVERY SERVICES IN THE DIGITAL ECOSYSTEM: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Annotation. This article provides a comprehensive study of the legal regulation of marketplaces and food delivery services in the context of economic digitalization. The study explores the legal nature of digital

platforms, analyzes their role in civil transactions, and identifies risks arising from interactions between consumers, sellers, and intermediaries. Particular attention is paid to practical situations related to product returns, delivery times, retention of funds, and service quality.

Key words: *marketplaces, delivery services, legal regulation, consumer protection, entrepreneurs, digital platforms, product returns.*

В условиях стремительной цифровизации экономики и расширения электронной коммерции особую значимость приобретает правовое регулирование деятельности маркетплейсов и сервисов доставки продуктов питания. Указанные платформы становятся ключевыми посредниками между продавцами и потребителями, формируя модели товарооборота и влияя на конкурентную среду. Вместе с тем отсутствие системного нормативного регулирования, неоднозначность распределения ответственности между участниками цифровой экосистемы, а также рост числа конфликтных ситуаций на практике обуславливают необходимость комплексного научного осмысления данных процессов.

Исследованием вопросов, связанных с маркетплейсами и сервисами доставки в России, занялись только в последние годы, первые упоминания относятся к 2021г.[1], а большая часть работ вышла в последние 2 года, при этом значительная часть работ является выступлениями на конференциях и опубликованы в сборниках работ [7]. Исследования носят фрагментарный характер, раскрываются в основном отдельно взятые вопросы такие как исследование цифровой экосистемы [2]; защита прав потребителей финансовых услуг [3]; маркетплейсы как платформа для развития магазинов продуктов питания [4]; ценообразование доставки продуктов питания [5]; и др. следует отметить, что маркетплейсы и сервисы доставки продуктов питания в цифровой экосистеме в России является малоизученным явлением как с экономической, так и юридической точки зрения.

Цифровая экосистема, включающая и сервисы по доставке продуктов питания, представляет собой интегрированную среду. Где платформы, например, Wildberries, Ozon, Yandex и т.п. обеспечивают взаимодействие между продавцами, потребителями и логистическими операторами. Эти элементы способствуют росту предпринимательской деятельности в сфере розничной торговли, общественного питания, которая стимулирует экономику за счет повышения доступности товаров и услуг. Однако их развитие связано с рядом проблем правового регулирования, обусловленных различным характером цифровых технологий и отсутствием регулирования в законодательстве. Как отмечают Филиппова С.Ю., Харитонов Ю.С. и Щербак Н.В. в учебнике «Правовое регулирование электронной коммер-

ции», современные платформы перестали выполнять только информационную функцию и превратились в самостоятельных участников товарооборота, влияющих на организацию и безопасность [6].

Одной из ключевых проблем является отсутствие единого нормативного акта, который регулировал бы деятельность маркетплейсов и сервисов доставки. В России их работа формируется на основании общих норм: Федерального закона «О защите прав потребителей» [8], «О защите конкуренции», «О рекламе», нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, правилами купли-продажи при дистанционном способе продажи товара и иными нормативными правовыми актами. Это приводит к тому, что операторы платформ могут самостоятельно устанавливать правила, что приводит к ущербу продавцам и потребителям. Например, согласно новым правилам приемки и возврата Wildberries, если покупатель обнаружил дефект товара в примерочной кабине, то такой товар не будет принят для возврата, так как дефект товара не был зафиксирован камерой, находящейся в пункте выдачи [9]. Однако покупатель вправе предъявить продавцу требование о расторжении договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар денежной суммы при обнаружении в нем недостатков, которые не были оговорены продавцом [10]. С точки зрения пункта выдачи заказов (далее – ПВЗ), отказ в принятии товара обоснован, так как действительно было непонятно: дефект появился после примерки товара, или он прибыл таким в ПВЗ. Чтобы предотвратить такие ситуации необходимо провести осмотр товара на наличие дефекта под камерами в пунктах выдачи, а затем осуществить примерку товара для оценки соответствия потребностям потребителя. Данные правила на практике порождают серьезные противоречия: с одной стороны, согласно законодательству о защите прав потребителей покупатель вправе вернуть некачественный товар, а, с другой стороны, маркетплейс должен обеспечить защиту интересов продавцов от необоснованных возвратов и порчи товаров, так как доказать, что дефект товара возник до момента примерки крайне сложно.

Еще одной важной проблемой в сфере деятельности маркетплейсов является неустойка за несвоевременно выданный товар. В случае неисполнения продавцом обязательства по передаче

товара, предварительно оплаченного покупателем, в срок, предусмотренный договором купли-продажи, продавец обязан оплатить неустойку (пени) в размере 0,5% от суммы предварительной оплаты за каждый день просрочки [11]. При этом, товар может задерживаться как по вине продавца, так и по вине маркетплейса (в том числе перевозчика, работника складов или ПВЗ). Так, для того, чтобы товар, доставленный в ПВЗ, приобрел статус «ждет получения», работник ПВЗ обязан отсканировать штрих-код товара с помощью сканера и загрузки в специальное приложение [12]. Однако по причине повышенной нагрузки на ПВЗ работник может своевременно принять товар. Вследствие чего товар может быть получен не вовремя не по вине продавца. Поэтому возникает вопрос о том, кто именно несет ответственность за выплату неустойки в случае задержки товара: продавец или маркетплейс? Учитывая, что задержка могла произойти на этапе доставки товара в ПВЗ, особенно актуальной становится проблема распределения ответственности между участниками логистической цепочки. Несмотря на все эти противоречия, покупатель в любом случае вправе требовать неустойку со дня, предусмотренного договором купли-продажи, и до дня фактической доставки.

Проблема убытков для предпринимателей остается главной проблемой. Например, в Wildberries, при отказе от крупногабаритного, хрупкого или большого количества товаров с привязанной карты потребителя снимают сумму в размере 1000 рублей. Появились случаи, когда взимается плата в размере 50-100 рублей за малогабаритные товары [13]. Так, на участвовавшие случаи нарушения прав потребителей и взимание средств за возврат обратил внимание Роспотребнадзор, по мнению которого согласно ст. 18 и ч. 4 ст. 26.1 Закона РФ «О защите потребителей» требование об оплате вышеуказанных расходов напрямую связано с вопросом о качестве товара [14]. Однако понятие качества товара вызывает споры. Роспотребнадзор считает, что «качество товара» подразумевает совокупность свойств, признаков продукции, товаров, услуг, работ, обуславливающих их способность удовлетворять потребность и запросы потребителя, соответствовать своему назначению и предъявляемым требованиям. Качество определяется мерой соответствия товаров, работ, услуг условиям и требованиям действующего законодательства, договоров, целями для которых товар используется потребителем [15].

Они отмечают случаи доставки пустой упаковки, отсутствия некоторых позиций в заказе или полной невыдачи заказа [16]. Многие компании сталкиваются с трудностями в обеспечении

контроля качества курьерской доставки, особенно в условиях оптимизации расходов. Недостаток времени и ресурсов для детального анализа и решения данной проблемы приводит к накоплению недовольства со стороны клиентов, снижению эффективности работы курьеров, и как следствие, к финансовым потерям бизнеса. Однако с точки зрения заказчиков готовых блюд и продуктов питания, крайне сложно оценить, когда заказ пришел в целостности, а когда он был съеден курьером. Точки питания постепенно стараются бороться с такой проблемой, они начинают использовать защитные стикеры на пакетах и коробках. С другой стороны, это не обеспечивает надежность доставки, так как стикеры с пакета можно снять и снова вернуть на место. Данная проблема остается актуальной и требует детального подхода к решению.

Общей проблемой для маркетплейсов и сервисов доставки питания является демпинг цен, который усиливает конкурентное давление и искажает рыночные механизмы. Союз торговых центров России обратился в Федеральную антимонопольную службу для проверки маркетплейсов на демпинг цен. Так как цены на маркетплейсе по сравнению с офлайн розницей может составлять 20-70%, что невыгодно для бизнеса.

На основе вышеизложенного можно сказать, что сложность правового регулирования заключается не только в новизне данного вопроса, но и в проявлении новых центров влияния. По мере укрепления платформ, они начинают брать на себя новые роли: создают правила возврата, устанавливают требования к продавцам, вводят внутренние санкции и ограничения. При этом закон формально рассматривает маркетплейс как посредника, хотя его роль значительно шире. Такой дисбаланс может приводить к системным конфликтам, когда его потребитель не взаимодействует с продавцом напрямую, а пользуется целой платформой, которая определяет границы его возможностей. В перспективе необходимо разработать принципы, предотвращающие злоупотребление доминирующим положением, а именно установление ясности в условиях договоров и возможности отслеживания цепочки сделок.

Список литературы:

- [1] Спиридонова Г.В., Мрочко Л.В. Антикризисные тренды рынка FMCG в период пандемии: e-grocery, маркетплейсы, цифровые технологии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. №1(29), 2021. С.26-33.
- [2] Казова З.М., Иванов З.А., Татаров Т.К., Шабатуков И.А., Шугушов С.З. Цифровые экосистемы // Инновационная экономика: информа-

ция, аналитика, прогнозы. №2, 2024. С. 123-129; Шаронова К.С. «риски развития цифровых экосистем в современных реалиях» Вестник науки. №1(94), 2026. С.318-324; Перфильев И.В., Балашова Е.С. «Сущность и основные характеристики цифровой экосистемы» Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. №1, 2025, С. 57-63.

[3] Денисов И.С. Защита прав потребителей финансовых услуг: актуальные вопросы противодействия мисселингу // Экономика. Право. Общество. №2(26), 2021. С. 27-31; Беспалова А.А. Мисселинг: защита прав потребителей в сфере финансовых услуг. Мисселинг в банковской деятельности // Научные записки академии. №1 (45), 2023. С. 32-38 и др.

[4] Чкалова О.В., Копасовская Н.Г., Большакова И.В. «электронные маркетплейсы как драйвер развития рынка продуктового ретейла» Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, №2(66), 2022. С. 38-47.

[5] Мартынов К.В. «Принципы ценообразования в сфере доставки готовых блюд: анализ факторов влияния» // Путеводитель предпринимателя. №2, 2025. С. 74-82.

[6] Филиппова С.Ю., Харитонов Ю.С., Щербак Н.В. Правовое регулирование электронной коммерции: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2024. С. 67.

[7] Согласно данным Электронной научной библиотеки. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 01.04.2026).

[8] Закон от 07.02.1992г. №2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. №15. СТ. 766.

[8] Подслушано Wildberries/ Вайлдберриз // Вконтакте. URL: https://vk.com/wall-217996644_60235 (дата обращения: 20.11.2025г.).

[10] Ст. 18 Закона РФ от 07.02.1992г. №2300-1 «О защите прав потребителей».

[11] Ст. 28 Закона РФ «О защите прав потребителей»

[12] За какие нарушения Ozon и Wildberries штрафует ПВЗ // Журнал Небо: сайт. URL: <https://blog.nebopro.ru/blog/shtraf-pvz/> (дата обращения: 21.11.2025г.).

[13] Роспотребнадзор: пояснения о платном возврате на Wildberries // Роспотребнадзор. Государственный информационный ресурс в сфере защиты прав потребителей: официальный сайт. Москва. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/435699> (дата обращения: 21.11.2025г.).

[14] Роспотребнадзор информирует потребителей об условиях возврата товара с недостат-

ками // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: официальный сайт. Москва. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/handbook/actual/390166> (дата обращения: 23.11.2025г.).

[15] Каждый потребитель имеет право на приобретение качественного товара // Роспотребнадзор. Государственный информационный ресурс в сфере защиты прав потребителей: официальный сайт. Москва. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/federal/523100> (дата обращения: 23.11.2025г.).

[16] Магазины против сделок // Коммерсантъ: официальный сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8137381> (дата обращения: 26.11.2025г.).

References:

[1] Spiridonova G.V., Mrochko L.V. Anti-crisis trends of the FMCG market during a pandemic: e-grocery, marketplaces, digital technologies//Economic and socio-humanitarian research. №1(29), 2021. S.26-33.

[2] Kazova ZM, Ivanov ZA, Tatarov TK, Shabatukov IA, Shugushkhov SZ. Digital ecosystems//Innovative economy: information, analytics, forecasts. №2, 2024. S. 123-129; Sharonova K.S. "risks of the development of digital ecosystems in modern realities" Bulletin of Science. №1(94), 2026. P.318-324; Perfiliev I.V., Balashova E.S. "Essence and main characteristics of the digital ecosystem" Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. NO. 1, 2025, P. 57-63.

[3] Denisov I.S. Protection of the rights of consumers of financial services: topical issues of countering misseling//Economics. Right. Society. №2(26), 2021. S. 27-31; Bepalova A.A. Misseling: consumer protection in the financial services sector. Misseling in banking//Scientific notes of the Academy. №1 (45), 2023. S. 32-38, etc.

[4] Chkalova O.V., Kopasovskaya N.G., Bolshakova I.V. "electronic marketplaces as a driver of the development of the grocery retail market" Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, No. 2 (66), 2022. S. 38-47.

[5] Martynov K.V. "Pricing principles in the field of delivery of ready meals: analysis of influence factors" //Entrepreneur's guide. №2, 2025. S. 74-82.

[6] Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S., Shcherbak N.V. Legal regulation of e-commerce: a textbook. M.: Justicinform, 2024. S. 67.

[7] According to the Electronic Scientific Library. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (access date: 01.04.2026).

[8] Law of 07.02.1992 No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" //Vedomosti of the Con-

gress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. №15. ST. 766.

[8] Overheard Wildberries/Wildberry//Vkontakte. URL: https://vk.com/wall-217996644_60235 (accessed 20.11.2025).

[10] Art. 18 Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On Consumer Protection."

[11] Art. 28 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights"

[12] For what violations Ozon and Wildberries fines PVZ//Magazine Sky: website. URL: <https://blog.nebopro.ru/blog/shtraf-pvz/> (accessed 21.11.2025).

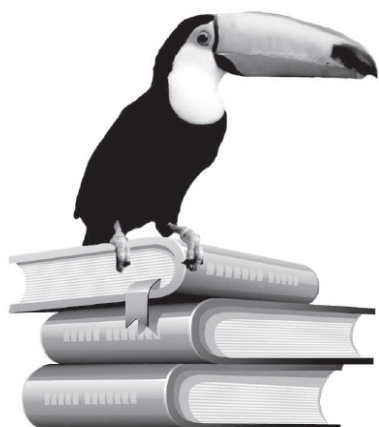
[13] Rospotrebnadzor: explanations about paid returns to Wildberries//Rospotrebnadzor. State information resource in the field of consumer protection:

official website. Moscow. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/435699> (accessed 21.11.2025).

[14] Rospotrebnadzor informs consumers about the conditions for returning goods with shortcomings//Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare: official website. Moscow. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/handbook/actual/390166> (accessed 23.11.2025).

[15] Every consumer has the right to purchase quality goods//Rospotrebnadzor. State information resource in the field of consumer protection: official website. Moscow. URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/federal/523100> (accessed 23.11.2025).

[16] Shops against deals//Kommersant: official website. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8137381> (accessed 26.11.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: staheeva53@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ САМООБЕСПЕЧЕНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК

Аннотация. Продовольственное обеспечение страны основными сельскохозяйственными продуктами всегда являлось одной из основных задач национальной безопасности. Самообеспеченность регионов продукцией сельского хозяйства зависит от климатических условий каждого региона, финансовых возможностей для применения новых инноваций и модернизации производства, а также от инфраструктуры сельской местности и доли сельского населения в каждом регионе. Данная тема актуальна особенно в настоящее время в связи с открытой враждебной позицией недружественных стран [7]. Целью данной статьи является анализ показателей продовольственной самообеспеченности Свердловской области основными сельскохозяйственными продуктами. В таблице 1 приведен уровень самообеспечения РФ и Свердловской области основными сельскохозяйственными продуктами на начало 2026 года. В таблице 2 приведены лучшие производители молочной продукции в регионе. В таблице 3 проанализированы показатели производства сельскохозяйственной продукции в Свердловской области в хозяйствах всех категорий. В таблице 4 приведены примеры поддержки малого бизнеса и личных подсобных хозяйств в регионе. В заключении приведены примеры перспективных направлений для технической модернизации АПК Свердловской области.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, техническая модернизация, сельское хозяйство, сельскохозяйственные производители, поддержка малого бизнеса, государственная политика.

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Ural State Agrarian University

FOOD SELF-SUFFICIENCY IN THE SVERDLOVSK REGION AS A FACTOR IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Annotation. Ensuring the country's food supply with essential agricultural products has always been a key national security objective. Regional self-sufficiency in agricultural production depends on each region's climate, the financial capacity to implement new innovations and modernize production, as well as the rural infrastructure and the proportion of the rural population in each region. This issue is particularly relevant today due to the openly hostile stance of unfriendly countries [7]. The purpose of this article is to analyze the Sverdlovsk Region's self-sufficiency in basic agricultural products. Table 1 shows the level of self-sufficiency in basic agricultural products for the Russian Federation and the Sverdlovsk Region at the beginning of 2026. Table 2 lists the top dairy producers in the region. Table 3 analyzes agricultural production indicators in the Sverdlovsk Region across all farm categories. Table 4 provides examples of support for small businesses and private farms in the region. The conclusion provides examples of promising areas for technical modernization of the Sverdlovsk Region's agro-industrial complex.

Key words: food supply, technical modernization, agriculture, agricultural producers, small business support, public policy.

Продовольственное самообеспечение Свердловской области - сложная задача, которая зависит от климатических условий, структуры сельского хозяйства, инфраструктуры и государственной политики [8]. Регион не может полностью обеспечить себя всеми видами сельскохозяйственной продукции

из-за сурового климата и географических особенностей. В таблице 1 анализируем самообеспеченность страны и Свердловской области основными видами сельхозпродукции на основании Доктрины продовольственной безопасности [1], [2], [3].

Таблица 1. Уровень самообеспечения РФ и Свердловской области основными сельскохозяйственными продуктами на начало 2026 г. (в %)

№ п/п	Вид сельскохозяйственной продукции	Норма обеспечения в соответствии с Доктриной	Самообеспеченность РФ на 2026 год	Самообеспеченность Свердловской области на 2026 год
1	Зерно	95	149	74
2	Мясо и мясопродукты	85	102	79
3	Молоко и молокопродукты	90	85	70
4	Яйцо	90	98	102
5	Рыба и рыбопродукты	85	138	101

6	Картофель	95	91	89
7	Овощи и бахчевые	90	89	34
8	Фрукты и ягоды	60	42	24

По данным на 2025 год, Свердловская область не достигает полного самообеспечения по ключевым позициям:

- Картофель. Уровень самообеспечения составил 89%. До 2018 года регион производил картофель с избытком (самообеспечение достигало до 110%), но после пандемии объёмы производства начали снижаться из-за проблем с хранением урожая [5].
- Овощи открытого грунта («борщевой набор»: капуста, морковь, свёкла и др.). Самообеспечение – 34%.
- Фрукты и ягоды. Полностью обеспечить регион этими культурами в настоящее время невозможно, несмотря на работу Свердловской опытной станции по садоводству. Самообеспеченность составляет 24 %. В Свердловской области более 60 тысяч садоводов, которые выращивают ягодные культуры на своих садовых участках. Валовое производство плодово – ягодной продукции по данным Министерства АПК

Свердловской области во всех категориях хозяйств составляет 60 тысяч тонн в год, что составляет не более 19 % от потребности региона в данной продукции

- Зерно. Также не удаётся достичь полной самообеспеченности – 74 % [10].
При этом Свердловская область добивается успехов по некоторым направлениям:
- Яйцо. Регион входит в число лидеров по самообеспеченности этим продуктом – 102 %
- Рыба и рыбопродукты. По этим позициям регион достигает полной самообеспеченности.
- Молоко и молокопродукты. Свердловская область лидирует по производству молока среди регионов Уральского федерального округа. В 2019 году самообеспечение молоком и молокопродуктами составляло 70 %. [12].
Лучших производителей молочной продукции рассмотрим в таблице 2.

Таблица 2. Лучшие производители молочной продукции в Свердловской области

Название организации	Краткая характеристика
«Молочная благодать» Свердловская область, г. Кушва, ул. 40 лет Октября, д. 2.	Компания из Кушвы работает более 50 лет и реализует продукцию более чем в 2 тысячах торговых точек. В ассортименте - молоко, сливки, масло, сметана, творог, творожные сырки, десерты, йогурты, желе.
«Ирбитский молочный завод» Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, д. 3.	Предприятие выпускает молоко, йогурты, мороженое, сметану, творог, сырки и другие продукты
«Новопышминское» городской округ Сухой Лог, село Новопышминское, ул. Ильича, д. 8.	Предприятие расположено в селе Новопышминское Сухоложского района. В 2023 году на конкурсе в рамках Ирбитской ярмарки его признали производителем лучшего творога в Свердловской области
«Полевский молочный комбинат» г. Полевской, территория Восточный Промышленный Район, д. 4/2.	На конкурсе в рамках Ирбитской ярмарки в 2023 году предприятие признали производителем самой качественной сметаны в регионе. В ассортименте молоко, кисломолочные и творожные изделия, питьевые йогурты, сыры, масло
Серовский городской молочный комбинат город Серов, Водопроводная улица, 14	Выпускает сметану, кефир, творог, йогурт, коктейли, масло, молоко, сливки, десерты и мороженое

Богдановичский городской молочный завод город Богданович, улица Чапаева, 2А	Специализируется на молочном питании для детей до 3 лет
«Талицкое молоко» Талицкий район пос. Троицкий, ул. Мира 87	Известен молочной продукцией, включая молоко и мороженое

Значительный вклад в производство сельскохозяйственной продукции вносят личные подсобные хозяйства и фермерские хозяйства, особенно в случае с картофелем и молоком. Рассмотрим некоторые позиции по данным направлениям в *таблице 3*.

Таблица 3. Производство сельскохозяйственной продукции в Свердловской области в хозяйствах всех категорий (в %)

№ п/п	Категории хозяйств	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1.	Распределение поголовья овец и коз по категориям хозяйств			
	Сельскохозяйственные организации	15	15	16
	Хозяйства населения	45	44	46
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	40	41	38
2.	Производство молока, млн. тонн			
	Сельскохозяйственные организации	60	60	60
	Хозяйства населения	13	14	15
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	27	26	25
3.	Производство картофеля			
	Сельскохозяйственные организации	28	27	26
	Хозяйства населения	59	61	60
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	13	12	14
4.	Производство овощей открытого и закрытого грунта, млн. тонн			
	Сельскохозяйственные организации	37	34	36
	Хозяйства населения	44	40	45
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	19	26	29
5.	Производство яиц			
	Сельскохозяйственные организации	81	80	80
	Хозяйства населения	2	2	2
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	17	18	18

К факторам, влияющим на самообеспечение основными сельскохозяйственными продуктами в Свердловской области, относятся:

- Климатические условия. Суровый уральский климат ограничивает выращивание теплолюбивых культур.
- Инфраструктура хранения. Несмотря на наличие картофелехранилищ и овощехранилищ (общая вместимость - 233 тыс. тонн), объемов производства недостаточно для полной самообеспеченности.
- Качество семенного материала, средства защиты растений и удобрений. Эти факторы напрямую влияют на урожайность.
- Техническая модернизация. Многие производственные мощности требуют обновления, включая животноводческие фермы и оборудование.
- Кадровый дефицит. Отток специалистов из сельской местности и нехватка квалифицированных кадров в агропромышленном комплексе [6].

В Свердловской области реализуются различные меры для улучшения ситуации:

- Государственная поддержка. Предоставляются гранты («Агростартап», «Агромотиватор»), субсидии на покупку техники и оборудо-

вания, компенсация части затрат для сельскохозяйственных потребительских кооперативов [9].

- Развитие инфраструктуры. Строятся новые хранилища, оптово-распределительные центры.
- Модернизация производства. Внедряются роботизированные системы (например, в молочном животноводстве), реализуется нацпроект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности».
- Поддержка малого бизнеса и личных подсобных хозяйств. Включает льготную аренду имущества, целевые кредиты, организацию закупок продукции у населения. В Свердловской области действует многоуровневая система поддержки малого бизнеса и личных подсобных хозяйств (ЛПХ), включающая финансовые, имущественные, информационные и консультационные меры. Основные операторы поддержки - Свердловский областной фонд поддержки предпринимательства и Министерство агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области. Данные по поддержке малого бизнеса и личных подсобных хозяйств проанализируем в таблице 4.

Таблица 4. Поддержка малого бизнеса и личных подсобных хозяйств

Вид поддержки	Краткая характеристика
Займы	Сумма до 5 млн. рублей, срок от 3 до 36 месяцев
Гранты и субсидии	Доступны гранты для молодых предпринимателей от 100 до 500 тыс. рублей на реализацию проектов
Обучение и консультации	Проводятся семинары, тренинги, бизнес - форумы, вебинары
Поддержка экспортной деятельности	Включает продвижение продукции на внешние рынки, сертификацию, патентование, участие в выставках и юридическую поддержку
Социальный контракт	Одна из форм поддержки ЛПХ. По нему предоставляется единовременная выплата до 100 тыс. рублей на приобретение товаров и продукции, необходимых для ведения хозяйства
Грант «Семейная ферма»	Сумма до 30 млн. рублей при условии вложения собственных средств в проект не менее 40%. Направлен на развитие фермерских хозяйств
Субсидии	На производство и реализацию зерновых культур; на поддержку собственного производства молока; на стимулирование увеличения производства картофеля и овощей

Развитие аграрной науки также является одной из мер по улучшению самообеспечения региона сельскохозяйственной продукцией на основании Доктрины продовольственной безопасности. Проводятся исследования по выведению сортов культур, адаптированных к местному климату. Например, специалистами уральской селекционной станции выведено более 100 сортов плодово – ягодных культур. Еще 37 новых выведенных культур в настоящее время проходят испытания. Свердловские селекционеры работают над уральским видом абрикоса. Все выведенные сорта отличаются морозоустойчивостью и стойкостью к болезням и вредителям, поэтому их можно выращивать без применения химикатов.

Первый промышленный фруктовый сад в Свердловской области был заложен в 2018 году студентами агротехнологий и землеустройства Уральского государственного аграрного университета. Было высажено 480 саженцев яблонь и груш уральской селекции.

Закон Свердловской области «Об обеспечении продовольственной безопасности Свердловской области» определяет цели и задачи в этой сфере, включая обеспечение населения безопасной и доступной продукцией, устойчивое развитие производства, формирование стратегических запасов и другие меры [4].

Таким образом, продовольственное самообеспечение Свердловской области остаётся сложной задачей, требующей комплексного подхода, включая техническую модернизацию, развитие инфраструктуры, поддержку производителей и решение кадровых вопросов.

В рамках государственной программы «Реализация основных направлений государственной политики в сферах агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2025 года» предусмотрена техническая и технологическая модернизация производства. Также действует комплексная программа «Уральская деревня», которая была продлена до 2027 года с увеличенным финансированием. Программа включает поддержку агропромышленного комплекса, развитие инфраструктуры сельских территорий и создание условий для привлечения инвестиций.

Одним из приоритетных направлений является модернизация молочно-товарных комплексов. В 2025 году были запущены семь животноводческих комплексов для молочного производства. К 2027 году в регионе появятся 14 инвестиционных проектов по строительству и модернизации животноводческих комплексов молочного направления.

В сельском хозяйстве Свердловской области наблюдается дефицит кадров, который по

данным на 2025 год составил 12%. Не хватает специалистов как рабочих специальностей, так и высококвалифицированных кадров [11].

В регионе действуют программы подготовки специалистов в сфере сельского хозяйства. В рамках федерального проекта «Кадры в АПК» сельхозтоваропроизводители могут компенсировать затраты на обучение сотрудников, оплату труда и проживание студентов, проходящих практику на предприятиях.

Среди перспективных направлений для технической модернизации выделяют:

- развитие семеноводства и грибоводства в растениеводстве;
- расширение мощностей в аквакультуре (индустриальное рыбоводство);
- создание объектов для хранения и доработки сельхозпродукции (например, овощехранилищ) [13].

Таким образом, техническая модернизация АПК Свердловской области осуществляется через комбинацию государственной поддержки, привлечения инвестиций, внедрения современных технологий и решения кадровых вопросов. Это позволяет региону сохранять лидирующие позиции в производстве отдельных видов сельхозпродукции и наращивать экспортный потенциал.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения 20.03.2026).

[2] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения 18.03.2026).

[3] Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения 25.03.2026).

[4] Закон Свердловской области от 31 января 2012 года № 6 - ОЗ «Об обеспечении продовольственной безопасности Свердловской области» (с изменениями и дополнениями) - [Электронный ресурс]: <https://docs.cntd.ru/document/453114222> (дата обращения 28.03.2026).

[5] Зюзина В. И., Перунова А. С., Растягаева Н. В., Стафеева Л. П. «Свердловская область в 2015–2019 годах: Статистический сборник» /

Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Екатеринбург, 2020. 234с.

[6] Карпович Р. В. «Исследование экономического инструментария развития сельскохозяйственного рынка для обеспечения продовольственной безопасности региона на примере Свердловской области» // Журнал экономических исследований. 2024. № 3. С. 28 – 34.

[7] Лясников Н.В., Анищенко А.Н., Романова Ю.А. Угрозы продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях нового витка санкционной напряженности // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т.10, № 3. С. 393 – 408.

[8] Прудюс Е.В. Продовольственная безопасность - фундамент экономической безопасности страны // Проблемы рыночной экономики. 2023. № 2. С. 112 – 124.

[9] Соколов П. В. «Анализ продовольственной безопасности региона с рекомендациями, направленными на укрепление (на примере Свердловской области)» // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». 2022. № 1.

[10] Тебекин А. В., Тебекин П. А., Егорова А. А., Егоров Р. В. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в части производства зерна // Журнал экономических исследований. 2023. № 5. С. 24 – 36.

[11] Цокова С. В. «Оценка уровня продовольственной безопасности Свердловской области» // Вестник науки. 2019. № 3. С. 33 – 39.

[12] Чупина И. П., Набоков В. И., Зырянова Т. В. «Оценка уровня продовольственного самообеспечения индустриального региона (на примере Свердловской области)» // Аграрный вестник Урала. 2026. Т. 26, № 2. С. 394 – 404.

[13] Широкова О.В., Макеева О.А. Продовольственная безопасность РФ: проблемы и возможные меры улучшения // Продовольственная политика и безопасность. 2020. Т. 7, № 2. С. 149 – 154.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 “On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030” [Electronic resource]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (accessed March 20, 2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 “On the National

Security Strategy of the Russian Federation” [Electronic resource]: <https://base.garant.ru/401425792/> (accessed March 18, 2026).

[3] Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” [Electronic resource]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (date of access 03/25/2026).

[4] Law of the Sverdlovsk Region of January 31, 2012 No. 6 - OZ “On Ensuring Food Security of the Sverdlovsk Region” (with amendments and additions) - [Electronic resource]: <https://docs.cntd.ru/document/453114222> (date of access 03/28/2026).

[5] Zyuzina V. I., Perunova A. S., Rastyagaeva N. V., Stafeeva L. P. “Sverdlovsk Oblast in 2015–2019: Statistical Digest” / Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk and Kurgan Oblasts. Yekaterinburg, 2020. 234 p.

[6] Karpovich R. V. “Study of Economic Instruments for the Development of the Agricultural Market to Ensure Food Security in the Region Using the Example of the Sverdlovsk Oblast” // Journal of Economic Research. 2024. No. 3. pp. 28–34.

[7] Lyasnikov N.V., Anishchenko A.N., Romanova Yu.A. Threats to food security of the Russian Federation in the context of a new round of sanctions tension // Food policy and security. 2023. Vol. 10, No. 3. pp. 393–408.

[8] Prudius E.V. Food security - the foundation of the country's economic security // Problems of the market economy. 2023. No. 2. pp. 112–124.

[9] Sokolov P. V. “Analysis of regional food security with recommendations aimed at strengthening it (using the Sverdlovsk region as an example)” // Electronic scientific and practical journal “Modern scientific research and innovation”. 2022. No. 1.

[10] Tebekin A. V., Tebekin P. A., Egorova A. A., Egorov R. V. Problems of ensuring food security of the Russian Federation in terms of grain production // Journal of economic research. 2023. No. 5. pp. 24–36.

[11] Tsokova S. V. “Assessment of the Level of Food Security in the Sverdlovsk Region” // Science Bulletin. 2019. No. 3. pp. 33–39.

[12] Chupina I. P., Nabokov V. I., Zyryanova T. V. “Assessment of the Level of Food Self-Sufficiency in an Industrial Region (using the Sverdlovsk Region as an Example)” // Agrarian Bulletin of the Urals. 2026. Vol. 26, No. 2. pp. 394–404.

[13] Shirokova O. V., Makeeva O. A. Food Security of the Russian Federation: Problems and Possible Measures for Improvement // Food Policy and Security. 2020. Vol. 7, No. 2. pp. 149–154.

[illegible]

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 4 апрель)

2026 год

Подписано в печать 14.05.2026.
Формат 60х90/8. Печ. л. 76,25. Тираж 100 экз. Заказ № 39.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.